
M12 116
Т 1+карт
штемпель

П. В. ВЕРХОВСКОЙ,
Профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго Университета.

УЧРЕЖДЕНІЕ ДУХОВНОЙ КОЛЛЕГІИ И ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ.

Къ вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи.

Изслѣдованіе въ области исторіи русскаго церковнаго права.

Томъ I.

Изслѣдованіе.

Ростовъ на Дону.
1916.

Того-же автора:

1. Къ вопросу о задачахъ православныхъ монастырей. Прав.-Рус. Слово 1903 г. № 14.
2. Значеніе богословскихъ трудовъ А. С. Хомякова для церковной жизни и права. Прав.-Рус. Слово. 1905 г. № 7 и отдѣльно. СПБ. 1905 г.
3. Условія и способы участія мірянъ въ церковной жизни. Прав.-Рус. Слово 1905 г. № [illegible]
4. Церковь и Государство. Церк. Голосъ 1906 г. № 5.
5. Небезопасная справка. Церк. Гол. 1906 г. № 39 (по поводу замѣтки „Церк. Вѣд." въ № 37 за 1906 г. о причащеніи мнимо-умершихъ).
6. Б. М. Меліоранскій. Некрологъ. Виз. Врем. т. XIII. 1906 г.
7. Экзегетическій методъ Э. Ренана. Церк. Гол. 1907 г. № 5.
8. О возвращеніи старообрядцамъ нѣкогда отобранныхъ отъ нихъ иконъ, книгъ и проч. богослужебныхъ предметовъ. Церк. Гол. 1907 г. № 18.
9. Чего требуютъ отъ мірянъ современныя условія церковной жизни. Церк. Гол. 1907 № 20.
10. Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ двадцатыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. Христ. Чт. за 1907 г. и отдѣльно СПБ. 1907 г. (вошло въ магистерскую диссертацію).
11. Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ въ царствованіе Анны Іоанновны (1730—1740). Христ. Чт. за 1908 г. и отдѣльно СПБ. 1908 (вошло въ магистерскую диссертацію).
12. Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Коллегія Экономіи и Канцелярія Синодальнаго Экономическаго Правленія (15 іюля 1726 г. — 12 мая 1763 г.). Изслѣдованіе въ области исторіи русскаго церковнаго права. С.-Петербургъ 1909 г. стр. XII + 3[illegible] + прилож. 185. Удостоено 25 сентября 1910 г. большой Уваровской преміи въ полов. размѣрѣ; Св. Синодомъ допущено въ фундам. библіотеки духовныхъ семинарій (диссертація на степень магистра церковнаго права).
13. Памяти проф. Н. С. Суворова. Варшавскій Дневникъ. 1909 г. № 227.
14. О недостаткѣ молодыхъ ученыхъ. Нов. Время 1909 г. № 1200[illegible].
15. Непримиримыя противорѣчія. Варш. Днев. 1909 г. № 248 и 249 (о старообрядчествѣ).
16. Намѣренно, или нѣтъ (къ вопросу о недостаткѣ молодыхъ ученыхъ). Нов. Вр. 1909 г. № 12032.
17. Къ вопросу объ обезпеченіи приготовляющихся къ профессурѣ. Нов. Время 1909 г. № 12043.
18. Къ 200-лѣтію со дня кончины Св. Димитрія Митр. Ростовскаго. Варш. Дн. 1909 г. № 298.
19. А. С. Хомяковъ. По поводу 50-лѣтія со дня кончины. Варш. Дн. 1910 г. № 2[illegible], 2[illegible].
20. О значеніи женскаго юридическаго образованія. Варш. Дн. 1910 г. № 270, 27[illegible].
21. 1861—19 февраля—1911 г. (Юбилейная рѣчь). Варш. Дн. 1911 г. № [illegible], 49, 50.
22. Къ вопросу о классическомъ образованіи. Варш. Дн. 1912 г. № 10, 14, 19.
23. Новый законъ о правахъ высшаго женскаго образованія. Варш. Дн. 1912 г. № 31, 33.
24. Очерки по Исторіи Русской Церкви въ XVIII и XIX столѣтіи. Вып. I. Варшава 1912 г. (въ переработанномъ видѣ вошли въ настоящее сочиненіе).
25. „Загвѣйка" верховниковъ въ чинѣ молебна. „Церковная Правда", журналъ, издав. А. П. Мальцевымъ въ Берлинѣ. № 16—17, 1913 г. и отдѣльно, Берлинъ 1913. (вошла въ наст. сочиненіе).
26. Краткій очеркъ судоустройства и судопроизводства католическихъ духовныхъ судовъ преимущественно по дѣламъ брачнымъ. Варш. Унив. Изв. за 1913 г. и отдѣльно. В. 1913.
[illegible] Начала политики и права въ дѣлахъ церковныхъ. Цер. Правда № 1[illegible], 1913 и отд.
[illegible] церковное законодательство" и законопроекты эпохи [illegible]. Цер. Правда № 2[illegible], 1913
[illegible] Осн. Законовъ. Цер. Правда, № 23, 1913 и отд.
[illegible] занятія въ нынѣшнее время. Къ вопросу о необходимости упорядочить [illegible] условія научныхъ занятій въ данное время въ нашихъ архивахъ. [illegible] В. Ун. Изв. за 1913 г. и отд.
[illegible] городской Духовной Семинаріи и ея сокровища. О [illegible] библіотеку Θеофана Прокоповича. В. Ун. Изв. за [illegible] и отд. [illegible] наст. сочиненіе).

БИБЛИОТЕКА
ПРОФЕССОРА
Всеволода Александровича
КУДРЯВЦЕВА

П. В. ВЕРХОВСКОЙ,
Профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго Университета.

Н12 116

УЧРЕЖДЕНІЕ ДУХОВНОЙ КОЛЛЕГІИ И ДУХОВНЫЙ РЕГЛАМЕНТЪ.

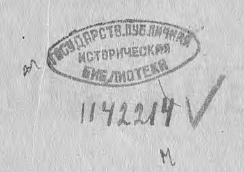
Къ вопросу объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи.

Изслѣдованіе въ области исторіи русскаго церковнаго права.

Томъ I.

Изслѣдованіе.

Ростовъ на Дону.
1916.

1142214

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ, заслуженный профессоръ С. Вѣховъ.

Изданіе печаталось въ Ростовѣ на Дону въ слѣдующихъ типографіяхъ:

Первый томъ: обложка, предисловія и оглавленіе въ типографіи М. И. Гузмана; „Обзоръ литературныхъ извѣстій" стр. I—XLVIII—А. И. Теръ-Абраміана; стр. XLXIX—CLXXVIII—М. И. Гузмана; самое изслѣдованіе цѣликомъ, стр. 1—688—А. И. Теръ-Абраміана.

Второй томъ: обложка, предисловіе, оглавленіе, указатели и отдѣлы I—IV въ типографіи М. И. Гузмана; отд. V, стр. 1—56—С. С. Сивожелѣзова; стр. 57 до конца—М. И. Гузмана.

Выпускаемый особымъ приложеніемъ къ настоящей работѣ „Духовный Регламентъ въ греческомъ переводѣ" напечатанъ въ Петроградѣ въ типографіи В. Ѳ. Киршбаума.

Женѣ моей,

Иринѣ Петровнѣ

Верховской.

Нѣсколько словъ объ изданіи книги.

Какъ это ни странно, настоящая книга выходитъ сразу вторымъ изданіемъ.

Самая мысль о составленіи настоящей работы появилась у меня въ маѣ 1912 г., послѣ того, какъ мои „Очерки по исторіи Русской Церкви въ XVIII и XIX ст." в. I, Варшава 1912 г., сложившіеся въ результатѣ моихъ чтеній по исторіи синодальнаго періода студентамъ филологамъ Императорскаго Варшавскаго Университета, встрѣтили сочувственное и внимательное къ себѣ отношеніе со стороны моихъ коллегъ по спеціальности. Расширяя и углубляя свое изслѣдованіе въ теченіе 1912—1914 г., я пришелъ къ тому, что въ маѣ 1914 г. уже оказалось возможнымъ приступить къ изданію, въ видѣ II-го тома, собранныхъ мною приложеній къ работѣ, главнымъ образомъ, Духовнаго Регламента и относящихся къ нему матеріаловъ. Желая передать эти памятники въ печати возможно точнѣе, я сохранилъ въ наборѣ почти всѣ его рукописныя особенности, какъ-то титла, сокращенія, надстрочныя буквы, удѧренія, паерки, Петровскіе крестики, дѣленіе на строки, окончанія листовъ и т. д., пользуясь тѣмъ, что типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, въ которой печатались всѣ университетскія работы, была для этого вполнѣ приспособлена.

Къ 20-му числу іюля корректура первыхъ 150 стр., т. е. Манифеста, Присяги, Духовнаго Регламента и Прибавленія къ нему, была уже закончена, и въ этой стадіи изданія мою работу застигло объявленіе войны. Послѣдовала первая эвакуація Варшавы, въ моментъ которой я находился на дачѣ, въ Оллилѣ подъ Петроградомъ, и, естественно, положился на судьбу. Печатаніе книги пріостановилось, и болѣе мѣсяца я не имѣлъ отъ типографіи никакихъ извѣстій. Едва, однако, возобновилось печатаніе, послѣдовала вторая эвакуація Варшавы въ концѣ Сентября 1914 г. Въ это время я находился еще въ Петроградѣ, гдѣ продолжалъ свои научныя работы на томъ основаніи, во-первыхъ, что еще весною 1914 г. получилъ разрѣшеніе на научную командировку до 15 января 1915 г., а вовторыхъ, что занятія въ Университетѣ были отсрочены до 1-го ноября 1914 г. Понятно, что и на этотъ разъ я положился на судьбу, тѣмъ болѣе, что о сентябрьской эвакуаціи Варшавы узналъ слишкомъ поздно, да и напечатано было сравнительно немного.

Когда стихла тревога, типографія опять возобновила печатаніе моей книги. Съ возвращеніемъ моимъ въ Варшаву въ январѣ 1915 г. дѣло пошло скорѣе. Параллельно съ окончаніемъ II-го тома, начали набирать I-й томъ, т. е. „Обзоръ литературы" и самое изслѣдованіе объ учрежденіи Духовной Коллегіи и о Духовномъ Регламентѣ, и въ іюнѣ 1915 г. было уже напечатано 336 стр. I-го тома и весь II-й томъ (500 стр.), кромѣ

обложки, оглавленія, предисловія и указателя къ нему[1]). Оставалось напечатать еще около ⅓ всего набраннаго, когда въ концѣ іюня 1915 г. послѣдовала третья и окончательная эвакуація Варшавскаго Университета, Варшавскаго Учебнаго Округа и другихъ учрежденій г. Варшавы.

Въ это каникулярное время я опять былъ около Петрограда. Въ газетахъ сообщались лишь смутные слухи, опредѣленныхъ свѣдѣній о будущей судьбѣ Варшавы я имѣть не могъ. Обратный въѣздъ въ Варшаву былъ до крайности затрудненъ новыми формальностями, выполненіе которыхъ, особенно для пріѣзжихъ дачниковъ Петроградской губерніи, требовало значительныхъ хлопотъ и потери времени. Кромѣ этого зимою 1914—1915 гг. въ Варшавѣ до такой степени привыкли чувствовать себя въ безопасности отъ нѣмцевъ, стоявшихъ, между тѣмъ, въ 40 верстахъ на Бзурѣ и Равкѣ, что наше отступленіе изъ Галиціи казалось лишь тактическимъ пріемомъ. Всѣ вокругъ и мы сами другъ друга увѣряли въ томъ, что Варшава никогда не будетъ отдана. Поэтому тревожныя извѣстія въ газетахъ побудили меня лишь запросить 19-го іюня типографію о томъ, будетъ ли она продолжать работу несмотря на частичную, какъ казалось, эвакуацію города. Въ ожиданіи отвѣта я продолжалъ получать корректуры и послѣднюю изъ нихъ подписалъ къ печати и отослалъ назадъ въ Варшаву 8-го іюля. До типографіи она уже не дошла и вернулась ко мнѣ въ августѣ мѣсяцѣ. Тѣмъ временемъ 11-го іюля я получилъ отъ экспедитора Типографіи В. У. Округа письмо, въ которомъ онъ, удивляясь моему невѣдѣнію, писалъ, что еще 24-го іюня Учебный Округъ эвакуированъ, и всѣ работы въ типографіи прекращены, что рукопись моего сочиненія увезена въ Москву, а относительно уже отпечатанныхъ листовъ моей книги (въ количествѣ 1200 экз. каждаго листа) ему не дано никакихъ распоряженій.

Создалось тяжелое положеніе. Слѣдовало спасать уже напечатанное, почти ⅔ всей книги. 13-го іюля я началъ хлопоты. Были посланы: моя частная телеграмма и телеграфное распоряженіе Департамента Народнаго Просвѣщенія упомянутому экспедитору типографіи о немедленной высылкѣ напечатанныхъ листовъ моей книги въ Петроградъ. Для отправки мною были переведены и деньги. Одновременно съ этимъ были посланы двѣ телеграммы въ Москву начальству типографіи съ просьбой о содѣйствіи, въ Варшаву коменданту станціи Варшава-Петроградская, представителю Министерства Путей Сообщенія въ Порайонномъ Комитетѣ и другимъ лицамъ съ просьбой о содѣйствіи принятію и отправкѣ груза. Но изъ отвѣтныхъ телеграммъ выяснилось, что сначала экспедиторъ типографіи считалъ эвакуацію невозможной, потому что за изданіе типографіи еще не было заплочено, и кромѣ того напечатанное составляло грузъ до 85 пудовъ вѣсомъ. Затѣмъ онъ, видимо, принялся за укладку моихъ книгъ и, какъ разсказали потомъ наборщики въ Москвѣ, 20-го они видѣли мое со-

[1]) Духовный Регламентъ на греческомъ яз. былъ напечатанъ отдѣльно въ Петроградѣ, въ Типографіи В. Ѳ. Киршбаума и потому избѣгъ несчастной участи напечатаннаго въ Варшавѣ.

чиненіе уложеннымъ. Но 21-е іюля было пропущено, 22-го взорваны мосты черезъ Вислу, а 23-го въ Варшаву вступилъ непріятель.

По фатальному совпаденію именно въ этотъ день я дописалъ послѣднюю главу своего сочиненія.

Изъ всей моей работы у меня на рукахъ оказался только одинъ экземпляръ напечатаннаго и конецъ рукописи. Средину я получилъ только 15-го августа въ Москвѣ, когда, между прочимъ, я удостовѣрился и въ томъ, что 6 страницъ рукописи совсѣмъ пропали, и мнѣ пришлось ихъ вновь написать.

Послѣ понесенной утраты приходилось подумать о переизданіи вновь всего напечатаннаго, потому что, во-первыхъ, ожидать освобожденія оставленнаго въ Варшавѣ было бы слишкомъ долго; и во-вторыхъ, нельзя было быть увѣреннымъ, что оставленное тамъ сохранится въ цѣлости. Но при переизданіи работы встрѣчались новыя затрудненія. Неизвѣстно было гдѣ печатать. Эвакуація Варшавскаго Университета въ Ростовъ на Дону еще рѣшена не была. Типографіи Петрограда и Москвы, къ которымъ я обращался, не брались перепечатать скоро, или назначали слишкомъ высокія цѣны. Только въ сентябрѣ—октябрѣ, когда, вмѣстѣ съ Университетомъ я оказался въ Ростовѣ на Дону, можно было приняться за реальныя хлопоты. Типографіи А. И. Теръ-Абраміана, М. И. Гузмана и С. С. Сивожелѣзова пошли ко мнѣ навстрѣчу, и между ними мнѣ пришлось раздѣлить изданіе, пожертвовавъ одной общей нумераціей страницъ и многими другими особенностями изданія въ Типографіи В. У. Округа. Въ виду крайней дороговизны бумаги, которую въ Ростовѣ едва удалось купить, да и то различнаго вѣса и цвѣта, а также дороговизны набора и печати, пришлось очень сильно упростить изданіе, хотя и безъ ущерба для его научной цѣнности. Правда типографіи готовы были выписать и даже выписали новыя шрифта, какъ, напр., славянскій для набора Духовнаго Регламента и относящихся къ нему документовъ, латинскій и др. но воспользоваться ими въ полной мѣрѣ по техническимъ условіямъ не удалось.

Первая корректура новаго изданія моей книги поступила въ мои руки 9-го декабря 1915 г. Въ настоящее время, 6-го августа 1916 г., изданіе оканчивается. Правда, взамѣнъ упрощенія набора, главнымъ образомъ, Духовнаго Регламента[1]), мнѣ удалось внести въ мою книгу кое-какія существенныя поправки. Но въ главномъ все осталось безъ перемѣны, потому что, лишившись всей своей личной спеціальной библіотеки, я уже не могъ въ Ростовѣ на Дону навести никакихъ нужныхъ справокъ.

Конечно, завершая почти полностью второе изданіе своей книги, я долженъ сказать словами Св. Іоанна Златоуста: Слава Богу за все. Но пережитая катастрофа съ неожиданной эвакуаціей Варшавы, относи-

---

[1]) На этотъ разъ набирать его пришлось въ самомъ концѣ изданія, потому что все время была надежда набрать его по прежнему образцу.

тельно которой насъ никто не предупредилъ, необходимость въ самыхъ трудныхъ военныхъ условіяхъ дописывать научное сочиненіе и переиздавать его вновь, дались все таки не легко. Тѣмъ живѣе чувствую я потребность выразить свою глубокую признательность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя оказали мнѣ свое содѣйствіе, въ частности Императорской Академіи Наукъ и академику А. С. Лаппо-Данилевскому; Императорской Публичной Библіотекѣ и въ ней И. А. Бычкову, В. И. Саитову, А. В. Карташеву, В. В. Успенскому, и др. завѣдующимъ отдѣленіями; Канцеляріи Св. Синода и въ ней особенно С. Г. Рункевичу; Архивамъ Государственному, Сенатскому, Св. Синода, въ которомъ особенно К. Я. Здравомыслову, Н. В. Туберозову и покойному А. И. Никольскому; архивамъ Морскому въ Петроградѣ и Министерства Юстиціи въ Москвѣ; Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи и въ ней А. А. Покровскому, Библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ, Петроградской Духовной Академіи, Петроградской Духовной Семинаріи, Главнаго Штаба и др.

Особую благодарность приношу профессорамъ С. А. Жебелеву, Е. В. Спекторскому, И. И. Соколову, Д. К. Петрову, А. И. Покровскому, Д. И. Абрамовичу, Д. І. Ивановскому и академику Е. Ѳ. Карскому, а также В. Г. Дружинину за ихъ реальную помощь въ работѣ и изданіи, а профессорамъ И. А. Ивановскому, С. Ѳ. Платонову, Н. Н. Глубоковскому, Н. Н. Любовичу, Е. Н. Темниковскому и К. В. Харламповичу—за ихъ совѣты и нравственную поддержку. Съ глубокимъ чувствомъ благодарности вспоминаю и безвременно скончавшагося профессора В. А. Савальскаго.

Въ переживаемыхъ нами условіяхъ очень важное значеніе получилъ вопросъ о средствахъ на изданіе книги. Въ этомъ дѣлѣ я считаю себя обязаннымъ благодарностью Юридическому Факультету и Совѣту Императорскаго Варшавскаго Университета, принявшимъ на казенный счетъ печатаніе моего сочиненія еще въ Апрѣлѣ 1914 года. Но когда осенью 1915 года выяснилось, что переизданіе моей работы въ новыхъ условіяхъ труда по обстоятельствамъ военнаго времени будетъ стоить гораздо дороже и превыситъ ассигнованную Факультету сумму, по моей просьбѣ, мнѣ оказало матеріальную поддержку само Министерство Народнаго Просвѣщенія, отпустивъ добавочно еще 2000 руб. Этой помощью я всецѣло обязанъ просвѣщенному вниманію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія гр. П. Н. Игнатьева и Г. Товарища Министра В. Т. Шевякова.

Въ заключеніе, въ моментъ выпуска въ свѣтъ моей книги, стоившей мнѣ не мало труда и тревоги, а семьѣ моей—даже лишеній, я позволяю себѣ высказать слѣдующее пожеланіе. Если вѣрно старое изреченіе habent sua fata libelli, то пусть предстоящая судьба этой книги будетъ болѣе счастливой, чѣмъ была она въ прошломъ.

Кисловодскъ.
Суббота 6 Августа 1916 года.

Предисловіе къ I-му тому.

> Безвозвратно прошло время, когда возможны были опасенія за авторитетъ Св. Синода отъ критическихъ воззрѣній на его происхожденіе, исторію и современное значеніе... Наука должна быть свободна.
>
> Проф. прот. М. И. Горчаковъ въ „Отчетѣ о XLIII присужденіи наградъ гр. Уварова". Спб. 1902.

Учрежденіе Духовной Коллегіи и изданіе Духовнаго Регламента въ 1721 г. составляютъ центральную тему исторіи и догмы Русскаго Церковнаго Права. Это событіе завершило собою всю церковную реформу Петра и отодвинуло въ область преданія древній порядокъ церковнаго устройства и управленія Русской Церкви властью Митрополита, а затѣмъ Патріарха всея Руси съ соборомъ русскихъ епископовъ. Наступившій новый порядокъ, при всемъ стремленіи высшаго духовенства приблизить его къ древнему соборному началу, внесъ въ русскую церковную жизнь коренной переломъ, который всѣми чувствуется, но недостаточно еще сознается. Между тѣмъ, только ясное сознаніе сущности церковной реформы Петра Великаго и юридической природы учрежденной имъ Духовной Коллегіи можетъ помочь и наукѣ и власти правильно понять и оцѣнить установившійся въ теченіе послѣднихъ двухсотъ лѣтъ церковный строй и положеніе Православной Церкви въ Русскомъ государствѣ.

Вытекающая изъ этихъ соображеній первостепенная важность взятой темы освобождаетъ автора отъ обязанности оправдывать появленіе настоящаго изслѣдованія.

Правда, не оно первое касается исторіи учрежденія Духовной Коллегіи и Духовнаго Регламента. Приводимый ниже обзоръ литературы наглядно показываетъ, какъ много сообщалось свѣдѣній объ исторіи и мнѣній о сущности церковной реформы Петра за эти двѣсти лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, можно думать, что это новое изслѣдованіе не будетъ совершенно лишнимъ. Дѣло въ томъ, что изъ обзора литературы и мнѣній о церковной реформѣ Петра можно видѣть, что внѣшняя сторона исторіи учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента изслѣдована болѣе или менѣе обстоятельно, особенно въ сочиненіи С. Г. Рункевича. Однако чрезвычайно любопытная *бытовая* обстановка церковной реформы Петра Великаго, какъ бы подробно она не была намъ разсказана, сама по себѣ еще недостаточна, потому что она не даетъ еще идейнаго освѣщенія этой реформы, не раскрываетъ ея сущности. Разумѣется, и эта сущность и значеніе церковной реформы Петра занимали, и до сихъ поръ занимаютъ историковъ,

юристовъ и публицистовъ. Но, пользуясь, большею частью, лишь добытыми уже въ литературѣ свѣдѣніями, они оцѣнивали дѣло Петра и съ положительной и съ отрицательной стороны и раскололись на два лагеря.

Одни не видятъ въ реформѣ Петра ничего особеннаго. По ихъ мнѣнію, она не внесла никакой перемѣны въ положеніе Церкви въ Русскомъ государствѣ, нисколько не измѣнила отношеній между церковной и государственной властью;—Св. Синодъ вполнѣ замѣнилъ собою патріарха, даже къ лучшему, потому что онъ—„соборъ";—Св. Синодъ не есть государственное учрежденіе, и разница между нимъ и патріархомъ только въ томъ, что патріархъ есть органъ единоличный, а Св. Синодъ—коллегіальный, что, съ точки зрѣнія каноновъ, даже правильнѣе и приближаетъ насъ къ церковному устройству чуть ли не первыхъ вѣковъ христіанства.

Другіе, напротивъ, находятъ, что церковная реформа Петра совершенно измѣнила положеніе Церкви, поставила ее въ юридическую зависимость отъ государства, обезглавила Церковь, сдѣлала не только Синодъ, но и самую Церковь государственнымъ учрежденіемъ.

Такая противоположность во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ свидѣтельствуетъ о безвыходномъ положеніи науки и настоятельно требуетъ скорѣйшаго разрѣшенія проблемы.

Однако, изъ того же самаго обзора литературы можно видѣть, гдѣ нужно искать ключъ къ разрѣшенію указанной проблемы. Какъ это ни странно, но до сихъ поръ ни одинъ изслѣдователь не потрудился изучить, по возможности, всесторонне тотъ самый „учредительный актъ", который завершилъ церковную реформу Петра и далъ ей наиболѣе полное выраженіе. Уже a priori можно было бы сказать, что только изучивъ Духовный Регламентъ со стороны его содержанія и, особенно, источниковъ, можно понять и вѣрно оцѣнить юридическую природу учрежденной Петромъ Духовной Коллегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ существо тѣхъ отношеній, къ государственной власти, въ которыя Церковь имъ ставилась.

Въ виду этихъ соображеній задача настоящей работы опредѣлилась прежде всего необходимостью изслѣдовать содержаніе и источники Духовнаго Регламента. Но чтобы сдѣлать это, казалось недостаточнымъ изучить лишь печатный текстъ. Надо было найти и сопоставить между собою всѣ рукописи Регламента. Оригинальныхъ рукописей оказалось всего четыре. Наблюденія надъ черновою рукописью Духовнаго Регламента и сличеніе съ нею остальныхъ трехъ и первопечатнаго текста привели къ новымъ выводамъ относительно исторіи его составленія и окончательнаго редактированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ дали возможность отмѣтить любопытныя подробности и въ учрежденіи Духовной Коллегіи.

Затѣмъ слѣдовало глубже вникнуть въ содержаніе Духовнаго Регламента и отыскать его источники. Анализъ содержанія привелъ прежде всего къ признанію того, что „Прибавленіе къ Духовному Регламенту" есть не что иное, какъ интегральная часть его; по-

этому правильнѣе было бы говорить просто о Духовномъ Регламентѣ, не отдѣляя отъ него „Прибавленія".

Далѣе, изслѣдованіе первой части Духовнаго Регламента со стороны ея содержанія и источниковъ заставило увидѣть широкій идейный горизонтъ Ѳеофана. Выяснилось, что проектируя Духовную Коллегію и оправдывая ея учрежденіе, онъ находился всецѣло подъ вліяніемъ идей протестантизма и школы естественнаго права, а также политическаго міровоззрѣнія Европы XVII и начала XVIII вв., что его Духовная Коллегія есть не что иное, какъ Генеральная Церковная Консисторія, какъ онъ самъ назвалъ ее въ письмѣ къ Маркевичу [1]), и что его Духовный Регламентъ—близкій родственникъ тѣхъ протестантскихъ Kirchenordnungen, которыя издавали германскіе князья, шведскіе короли и даже самъ Петръ Великій, въ качествѣ территоріальныхъ Landesherrn.

Послѣ изслѣдованія содержанія и источниковъ Духовнаго Регламента не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Духовная Коллегія есть государственное учрежденіе, совершенно измѣняющее положеніе Церкви въ Русскомъ государствѣ. Но для того, чтобы узнать, какъ случилась такая перемѣна, пришлось вернуться къ старинѣ. Нельзя было упустить изъ виду того, что и въ московское время цари имѣли первенствующее значеніе въ церковныхъ дѣлахъ, иногда совсѣмъ заслоняя собою патріарха и іерархію. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи выяснилось, что въ отношеніяхъ къ Церкви московскихъ царей нельзя усматривать ихъ юридическаго господства надъ нею. Общность цѣлей Церкви и государства, всецѣло проникнутаго идеологіей „третьяго Рима", дѣйствительно приводила ихъ къ широкому взаимодѣйствію, но безъ подчиненія Церкви государству, тѣмъ болѣе, что строй церковнаго управленія опирался на вѣковую традицію и былъ самобытнымъ. Патріаршую власть даже Ѳеофанъ призналъ „аки-бы собственною" [1]). Напротивъ того, полная секуляризація русскаго государства и его цѣлей при Петрѣ Великомъ, превращеніе его въ такъ называемое „полицейское государство" съ его заботами объ „общемъ благѣ" (bonum commune), въ духѣ нѣкоторыхъ философовъ школы естественнаго права, неизбѣжно приводила его къ конфликту съ Церковью, въ которомъ кто-нибудь долженъ былъ уступить другому. Господство Церкви надъ государствомъ, особенно послѣ „замаховъ" Никона, было немыслимо. Отдѣленіе Церкви отъ государства никому не могло придти тогда въ голову. Оставалась третья возможность—подчиненіе Церкви государству, что и случилось.

---

[1]) „Absolvi denique pro Collegio seu Consistorio Ecclesiastico generali, constitutiones, vulgo Regulamentum" (см. стр. 161). Подробности ниже въ гл. V и VII.

[1]) Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исп. т. I, № 112, стр. 157, 2-го изданія. Подробно объ этомъ ниже въ гл. X.

Но чтобы лучше понять произшедшее въ первой четверти XVIII в., оказалось необходимымъ выяснить характеръ религіозныхъ и политическихъ взглядовъ Петра и Ѳеофана, а также обратить вниманіе на то, какъ повліяло на положеніе духовенства, какъ учительнаго сословія въ русскомъ народѣ, начало культурнаго перелома послѣдняго въ сторону сближенія, главнымъ образомъ, съ протестантскимъ Западомъ.

Когда юридическая сущность церковной реформы выяснилась, и опредѣлилась исторія учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента, задача работы стала заключаться въ томъ, чтобы прослѣдить дальнѣйшее осуществленіе реформы въ дѣйствительности. Здѣсь оказалось, что Духовная Коллегія, какъ она изображена въ Духовномъ Регламентѣ, еще до ея открытія, несомнѣнно вызвала противъ себя движеніе духовенства, которое, не имѣя возможности предотвратить неизбѣжнаго, приложило всѣ свои усилія къ тому, чтобы придать новому учрежденію болѣе церковный видъ и возвратить ему хотя бы часть полномочій патріарха, отнятыхъ отъ церковной власти въ эпоху мѣстоблюстительства и Монастырскаго Приказа. И, видимо, усилія эти увѣнчались успѣхомъ. Самъ Петръ склонился на искусно построенныя представленія членовъ Духовной Коллегіи, и уже въ день своего открытія она преобразилась въ „Св. Синодъ". Въ дальнѣйшіе годы компетенція послѣдняго расширилась, возвысилось, сверхъ ожиданія, его положеніе среди другихъ государственныхъ учрежденій и т. д. Однако, какъ самое учрежденіе Духовной Коллегіи, такъ и всѣ перемѣны съ нею всецѣло зависѣли отъ воли Государя. Поэтому и „Св. Синодъ" не пріобрѣлъ отъ него независимости, оставшись по прежнему государственнымъ учрежденіемъ и коллегіей въ своемъ существѣ.

Послѣ этого трудно было не поставить вопроса о принципіальной важности учрежденія Духовной Коллегіи и о послѣдствіяхъ его для Русской Церкви, главнымъ образомъ, потому, что сущность и природа явленія вполнѣ выясняются только по его послѣдствіямъ.

Здѣсь пришлось удостовѣриться въ утратѣ Русской Церкви ея юридической самостоятельности и обращеніи ея въ „Вѣдомство Православнаго Исповѣданія"; въ прикрѣпленіи духовенства къ государственной службѣ и приспособленіи церковнаго вѣро- и нравоученія и жизни къ требованіямъ государственныхъ задачъ, а также въ образованіи новыхъ отношеній къ Православному Востоку.

Таковы задачи, методы и главные результаты настоящаго изслѣдованія. Къ сказанному необходимо прибавать, что исходной и послѣдовательно проводимой чрезъ все сочиненіе является историко-юридическая точка зрѣнія. Бытовая сторона церковной реформы Петра почти совершенно оставлена безъ вниманія. Съ другой стороны для полной ясности доказательствъ въ из-

слѣдованіи не выдержаны механически-точно опредѣленные хронологическіе предѣлы. Когда казалось это нужнымъ и полезнымъ, привлекался матеріалъ не только изъ эпохи Петра, но и слѣдовавшихъ за нимъ царствованій (особенно въ главахъ XI, XII и XIII). Изъ этого, впрочемъ, нисколько не слѣдуетъ, что изъ настоящаго сочиненія можно было бы дѣлать какія-либо точныя заключенія относительно взглядовъ автора на различные вопросы текущей дѣйствительности, какъ напримѣръ: въ какое юридическое положеніе слѣдуетъ поставить Православную Церковь въ Русскомъ государствѣ, чтобы, не умаляя государственнаго суверенитета Верховной Власти и компетенціи Государственной Думы и Государственнаго Совѣта въ дѣлахъ церковныхъ, а также не создавая новыхъ препятствій культурному развитію Русскаго народа, возстановить юридическую независимость Церкви въ опредѣленіи ея внутренней жизни?—въ какомъ видѣ должно быть устроено управленіе Православной Церкви въ Россіи, чтобы оно не страдало бюрократизмомъ и, въ частности, нуженъ ли намъ патріархъ?;—что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы очистить нашу церковную жизнь, богослуженіе, догматическое и нравственное богословіе и церковное право отъ совершенно чуждыхъ имъ наносныхъ элементовъ, не впадая въ крайности пуританизма и не возлагая на вѣрующихъ новаго неудобоносимаго бремени? Всѣ эти вопросы требуютъ глубокаго самостоятельнаго изслѣдованія и рѣшенія въ связи съ духовными потребностями и культурными воззрѣніями настоящаго времени и авторъ надѣется коснуться ихъ въ своихъ дальнѣйшихъ сочиненіяхъ. Настоящая же работа изслѣдуетъ тему совершенно академически, исключительно съ точки зрѣнія и с т о р і и и отчасти догмы русскаго церковнаго и государственнаго права.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

Обзоръ литературныхъ извѣстій

объ учрежденіи Духовной Коллегіи и составленіи Духовнаго Регламента, а также сужденій и мнѣній о сущности и значеніи церковной реформы Петра Великаго.

Со времени учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента въ 1721 году прошло почти двѣсти лѣтъ. Въ теченіе столь долгаго періода времени объ этомъ событіи, имѣвшемъ такое важное, принципіальное значеніе въ судьбахъ Русской Церкви, а также объ этомъ юридическомъ памятникѣ, послужившемъ основою для новаго церковнаго строя, сложилась обширная русская и иностранная литературы. Церковная реформа Петра обратила на себя общее вниманіе еще тогда, когда стали обнаруживаться лишь первые ея признаки. Появились литературныя извѣстія, главнымъ образомъ, въ сочиненіяхъ иностранцевъ о Россіи, которыя хотя слабо, но все же освѣщали настроенія и факты предшествовавшіе и сопровождавшіе учрежденіе Духовной Коллегіи и выражали сужденія преимущественно протестантовъ о внутренней сущности этой реформы. Параллельно имъ шли сообщенія и замѣчанія консервативной русской партіи, особенно интересныя въ устахъ старообрядцевъ, а также позднѣйшія записки современниковъ Петра и собранія свѣдѣній о Петровскомъ царствованіи его первыхъ историковъ. Наконецъ, отъ 1721 г. сохранились и двѣ оффиціальнныя замѣтки. Всѣ эти литературные матеріалы впослѣдствіи получили, большею частью, значеніе источниковъ, къ которымъ въ XIX в. стали присоединяться и новыя цѣнныя архивныя данныя. На ихъ почвѣ возникли первыя изслѣдованія объ учрежденіи Духовной Коллегіи и изданіи Духовнаго регламента въ видѣ отдѣльныхъ статей и монографій, а чаще въ видѣ попутно сдѣланныхъ замѣчаній въ различныхъ историческихъ и юридическихъ сочиненіяхъ и курсахъ. Въ связи съ этимъ о церковной реформѣ Петра Великаго постепенно складывались самыя разнообразныя сужденія, въ которыхъ нерѣдко имѣлось въ виду не столько дать оцѣнку историческаго прошлаго, сколько критически отнестись къ настоящему положенію церковныхъ дѣлъ въ Россіи и указать въ чемъ коренятся его недостатки, а вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтить и пути дальнѣйшаго прогресса русской церковной жизни. Въ результатѣ о

церковной реформѣ Петра накопилось много источниковъ и еще больше литературныхъ мнѣній и сужденій и тѣмъ не менѣе по своей сложности эта тема до сихъ поръ не можетъ считаться достаточно изученной. Однако сознательное изслѣдованіе ея возможно все-таки только при томъ условіи, если упомянутая литература будетъ приведена въ ясность и систематическій порядокъ, и будетъ изложена исторія постепеннаго знакомства съ фактомъ учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента, а также и исторія оцѣнки многосторонняго значенія этого факта. Научная и практическая польза подобнаго рода обзора литературныхъ извѣстій и мнѣній о церковной реформѣ Петра заключается прежде всего въ томъ, что онъ помогаетъ разобраться въ достигнутыхъ уже успѣхахъ науки и видѣть на что еще не обращено вниманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ помогаетъ установить и правильную исходную точку зрѣнія на задачи и методы новаго изслѣдованія на ту же тему. Въ частности, обзоръ литературы показываетъ, насколько настоящее изслѣдованіе одиноко въ своихъ выводахъ, или, напротивъ, оно имѣетъ на своей сторонѣ многочисленныхъ сильныхъ и авторитетныхъ союзниковъ, а слѣдовательно, обзоръ содѣйствуетъ выработкѣ *общаго* мнѣнія, а съ нимъ и *безспорнаго положенія науки* относительно церковной реформы Петра, въ которомъ мы очень нуждаемся.

Въ силу изложенныхъ соображеній, на слѣдующихъ страницахъ предлагается опытъ обзора литературныхъ извѣстій объ учрежденіи Духовной Коллегіи и составленіи Духовнаго Регламента, а также сужденій и мнѣній о сущности и значеніи церковной реформы Петра Великаго. При этомъ нѣкоторыя произведенія приводятся въ выдержкахъ, другія же въ конспективномъ изложеніи, между прочимъ, съ тою цѣлью, чтобы до извѣстной степени устранить необходимость разысканія самыхъ книгъ и статей, порою очень рѣдкихъ, старыхъ и вообще съ трудомъ доступныхъ.

---

1. Первыя извѣстія и впечатлѣнія.

СПб. Вѣдомости. Первое оффиціальное сообщеніе объ учрежденіи и торжественномъ открытіи Духовной Коллегіи было сдѣлано въ *„Санктъ пітербурхскихъ Вѣдомостяхъ“* отъ 15 февраля 1721 г.: „Сего февраля въ 14 день, здѣсь въ церкви живоначальныя Троицы на литоргіи было народное собраніе великое, какъ духовнаго, такъ и мирскаго чина. При которомъ и самъ его царское величество высокою своею особою присутствовать изволилъ и предика была о объявленіи начинающіяся духовныя коллегіи, которую чинилъ архіепископъ псковскій. А по окончаніи оной, служили молебенъ опредѣленныя быть въ той коллегіи особы, а именно президентъ, преосвященный митрополитъ рязанскій и два вице-президента, четыре совѣтника, четыре ассессора. По окончаніи сея церемоніи, его величество съ вышереченными особы и съ министры изволилъ быть во оной коллегіи, гдѣ оныя духовныя особы посажены были указомъ его величества по мѣстамъ, какъ имъ сидѣть при судѣ. И тако, поздравя, разъѣхались“.

Журналъ Петра Великаго. Вторая документальная запись, увидѣвшая свѣтъ лишь въ концѣ XVIII в., была сдѣлана въ *„Журналъ или поденной запискѣ... Петра Великаго съ 1698 г., даже до заключенія Нейштатскаго мира“* [1]) (ч. II, стр. 151). Въ ней было сказано: „Въ семъ же февралѣ мѣсяцѣ (т. е. 1721 г.) его величество слушалъ сочиненнаго духовнаго регламента и апробовалъ оный, по которому учиненъ духовный синодъ, который того же мѣсяца въ 14 день начало свое воспріялъ слѣдующимъ образомъ: по утру его величество и министры, такожъ архіереи и прочія духовныя особы слушали литургію въ троицкой соборной церкви, а по окончаніи литургіи учинена была предика чрезъ архіепископа псковскаго Ѳеофана Прокоповича о началѣ той духовной коллегіи. И по окончаніи того, вышедъ изъ церкви, были всѣ въ той духовной коллегіи, гдѣ его величество учинилъ, дабы той духовной коллегіи быти въ равномъ достоинствѣ съ сенатомъ, и въ восклицаніяхъ церковныхъ упоминать святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ [2]), о чемъ особливая книга напечатана“ [3]).

Различныя отношенія къ учрежденію Духовной Коллегіи. Совершившееся событіе вызвало къ себѣ различныя отношенія. Совершенно понятно, что самъ авторъ Духовнаго Регламента торжествовалъ въ своей „предикѣ“ и не находилъ словъ, чтобы достаточно прославить и оцѣнить учрежденіе Духовной Коллегіи [4]). Но далеко не всѣ были склонны раздѣлить съ нимъ восторгъ. Въ самой іерархіи лишь очень немногіе были съ нимъ солидарны, вѣрнѣе безразлично молчаливы, другіе же видѣли въ совершившемся рѣзкое уклоненіе отъ сложившейся традиціи. Извѣстно, напримѣръ, что самъ первый и послѣдній президентъ Духовной Коллегіи свое отрицательное отношеніе къ ней выразилъ тѣмъ, что почти не посѣщалъ ея собранія, не хотѣлъ подписывать протоколы, заявлялъ протесты [5]) и т. д. Впослѣдствіи нашлись люди, которые болѣе громко заявили о своемъ отрицательномъ отношеніи къ церковной реформѣ Петра вообще и, въ частности, къ учрежденію Духовной Коллегіи вмѣсто патріарха. То были, главнымъ образомъ, М. Аврамовъ, Маркеллъ Родышевскій, Арсеній Мацѣевичъ и др., а также старообрядцы. Но въ первые годы, при жизни царя, слышатся отзывы болѣе положительные и именно съ той стороны, мнѣнія которой до послѣднихъ дней цѣнили въ Россіи больше, чѣмъ собственныя.

2. Мнѣнія о церковной реформѣ иностранцевъ.

Общія замѣчанія. Иностранцы, особенно посѣщавшіе Россію, издавна интересовались религіозной жизнью Русскаго народа и подмѣчали въ немъ, какъ отрицательныя, такъ и положительныя черты [6]). Какъ протестанты, главнымъ образомъ, они многое считали плодомъ невѣжества. Тѣмъ болѣе благопріятно они должны были встрѣтить реформы Петра Великаго, проводимыя имъ именно въ цѣляхъ просвѣщенія и цивилизаціи своего народа. Поскольку эти реформы касались религіознаго быта и церковнаго устройства, протестанты въ особенности съ торжествомъ замѣтили въ нихъ родственныя

---

[1]) Журналъ изданъ кн. М. М. Щербатовымъ въ 1770—1772 гг. въ С.-Петербургѣ.

[2]) Ср. П. С. П. т. I, № 2 и 3, 14 февраля 1721 г.

[3]) Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича „О возношеніи имени патріаршаго“... 4⁰, 12 листовъ, изданная въ С.-Петербургѣ 22 мая 1721 г.

[4]) См. его „Слово при начатіи Св. Прав. Синода“. Слова и рѣчи, т. II, стр. 63—70, С.-Петербургѣ 1761 г.

[5]) *О. Г. Рункевичъ*, стр. 167, 147—149.

[6]) *Л. П. Рущинскій*, Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1871, кн. III, стр. 1—338.

имъ черты и стали громко хвалить Петра и Өеофана за то, что они ведутъ Россію на путь протестантизма. Поэтому и отзывы ихъ пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе значенія, что въ нихъ мы можемъ почерпнуть извѣстія о томъ, *какъ* поняли иностранцы самую сущность церковной реформы Петра, какую *юридическую квалификацію* они дали учрежденію Духовной Коллегіи.

Седербергъ. Еще бывшій полковой священникъ, магистръ *Генрихъ Седербергъ* [1]), въ *„Замѣткѣ о религіи и нравахъ русскаго народа* во время пребыванія его въ Россіи съ 1709 по 1718 г.“ [2]) подчеркивалъ особенное уваженіе русскихъ къ высшему правительству и духовному сословію (гл. V). „Къ духовному званію, говоритъ онъ, они чувствуютъ также большое уваженіе, преимущественно къ Патріарху... Патріархъ слѣдуетъ за Царемъ, по своей власти и значенію, и управляетъ духовными дѣлами неограниченно, по своей волѣ, такъ что самъ Царь часто въ дѣлахъ религіи прибѣгаетъ къ его совѣту“ (стр. 9, 10).

Дж. Перри. То же уваженіе къ патріарху, какъ причину уничтоженія этого сана Петромъ, отмѣчаетъ и капитанъ *Джонъ Перри* въ своихъ запискахъ [3]), вышедшихъ въ англійскомъ подлинникѣ въ 1716 г. Онъ разсказываетъ, что „Патріархъ пользовался величайшимъ уваженіемъ народа и принималъ нѣкоторымъ образомъ участіе въ управленіи Имперіи: онъ не только былъ верховнымъ судьею въ дѣлахъ Церкви, но также имѣлъ власть измѣнить своимъ собственнымъ значеніемъ все то, что считалъ вреднымъ для благочинія, и произносить приговоръ надъ тѣми, кого присуждалъ къ смерти, не докладывая объ этомъ Двору, все это, по указамъ прежнихъ царей московскихъ, приказано было приводить въ исполненіе, безъ прекословія и сомнѣнія. Но послѣ смерти послѣдняго патріарха, весьма престарѣлаго человѣка, умершаго вскорѣ послѣ возвращенія царя изъ путешествій, царь воспротивился избранію новаго патріарха, *и сдѣлался самъ главою церкви, присвоивъ себѣ исключительно управленіе ею.* По смерти же выше упомянутаго патріарха, онъ тогдашняго митрополита Рязанскаго, который изъ всего духовенства оказался самымъ ученымъ и способнымъ, воспитывался въ Польшѣ и былъ родомъ Полякъ [4]), назначилъ управляющимъ всѣми церковными дѣлами, съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ текущихъ дѣлахъ онъ, отъ времени до времени, дѣлалъ представленія Его Ц. Величеству, и получалъ бы отъ него приказанія и руководство. Этотъ странный и изумительный оборотъ церковныхъ дѣлъ возбудилъ сильное волненіе въ средѣ высшаго духовенства“ (кн. II, стр. 133).

Бассевичъ. Отрицательное отношеніе Петра къ патріарху впослѣдствіи обратило на себя вниманіе и графа *Геннинга-Фридриха Бассевича* († 1749 г.), бывшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ посломъ голштинскаго двора при Петрѣ Великомъ и оставившаго свои записки за время съ 1713 по 1725 г. [5]). Здѣсь, между прочимъ, замѣченныя имъ насмѣшки Петра надъ патріархомъ въ формѣ: „Всешутѣйшаго собора“ и „Князь—Папы“ Бассевичъ

[1]) Ниже приводятся выписки изъ сочиненій тѣхъ иностранцевъ, которые были въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, или писали о немъ позднѣе, но въ XVIII в.

[2]) По рукописи до сихъ поръ нигдѣ не изданной. Христіянштадтъ 1836. Переводъ съ шведскаго А. А. Чумакова. Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1873 г., кн. 2.

[3]) *Капитанъ Джонъ Перри. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ Царѣ.* (Перев. съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой.) Англ. подлинникъ вышелъ въ Лондонѣ въ 1716 г. Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1871, кн. I стр. VIII+1–38, кн. II, стр. 39–193.

[4]) Это не вѣрно.

[5]) Напечатаны у *A. F. Büsching'a*, въ IX т. его Magazin für die neue Historie und Geographie (25 т. Гамбургъ. 1767—1793), подъ заглавіемъ Eclaircissement sur plusieurs faits relatifs au regne de Pierre le Grand, extraits en l'an 1761, a la requisition d'un savant, des papiers du feu comte *Henningue Frederic de Bassewitz*. Русскій переводъ этихъ извлеченій напечатанъ въ *„Русскомъ Архивѣ“* за 1865 г. № 1, 2, 5 и 6.

объясняетъ тѣмъ, что „русскіе, еще грубые, способны были поддаваться внѣшнимъ впечатлѣніямъ гораздо болѣе, чѣмъ вліянію разсудка. Зная это, царь старался дѣлать смѣшнымъ то, къ чему хотѣлъ ослабить привязанность и уваженіе". Поэтому онъ и создалъ потѣшнаго патріарха. Однако, говорилъ Бассевичъ, „чтобы не пострадали достоинство и священныя права религіи, царь не ограничился тѣмъ, что *провозгласилъ себя верховнымъ главою Церкви* и въ нѣкоторыхъ случаяхъ исполнялъ обязанности, сопряженныя съ этимъ саномъ. Онъ уважалъ и обряды своего вѣроисповѣданія. Такъ, напр., онъ обыкновенно становился передъ олтаремъ, съ непокрытою головою, въ ряды пѣвчихъ; даже часто, обладая сильнымъ голосомъ и вѣрнымъ слухомъ, самъ принималъ на себя управленіе хоромъ. Распоряженіе сдѣланное имъ въ то же время о переводѣ Библіи на русскій языкъ, окончательно убѣдило, что онъ никогда не думалъ касаться самой религіи, а имѣлъ въ виду только чрезмѣрность богатства и власти духовенства, которое злоупо требляло какъ тѣмъ, такъ и другимъ"[1]).

Уже по этимъ замѣткамъ можно видѣть, какъ понимали иностранцы тѣ перемѣны, которыя они наблюдали въ Россіи. Разумѣется, тѣ отношенія Петра къ патріарху и духовенству, которыя они понимаютъ, какъ объявленіе Петромъ себя „главою Церкви", нисколько не могли оскорблять ихъ религіознаго чувства, такъ какъ это вполнѣ соотвѣтствовало ихъ протестантскому міровоззрѣнію. Они не могли не привѣтствовать протестантскаго характера наблюдаемыхъ ими перемѣнъ, которыя они приписывали, главнымъ образомъ, личности и характеру самого Государя.

Веберъ. Такъ, напр., *Фридрихъ Христіанъ Веберъ* въ своихъ запискахъ за время 1714—1719 гг., изданныхъ подъ заглавіемъ: *Das Veränderte Russland*, in welchem die jetzige Verfassung des Geist — und Weltlichen Regiments... nebs verschiedenen an dern bisher unbecandten Nachrichten, in einem bis 1720 gehenden Journal vorgestellt werden, mit einer accuraten Land-Karte und Kupfferstichen versehen. Francfurt. 1720. An. in 4⁰. (Русскій переводъ см. въ *„Русскомъ Архивѣ"* за 1872 г. кн. 1—2), даетъ слѣдующую характеристику Петра Великаго. „Онъ имѣетъ обширныя богословскія познанія (о Богѣ и существѣ Его), и потому, конечно, преобразуетъ и улучшитъ многіе недостатки и шарлатанство, которыхъ не чужда Греческая вѣра; такъ, онъ уже и теперь многое отмѣнилъ въ ней, и между прочимъ, въ обрядѣ крещенія повелѣлъ, чтобы вступающаго въ Русскую вѣру не окунали болѣе въ дѣйствительности троекратно въ водѣ. Относительно строгости постовъ онъ также ввелъ порядочныя измѣненія, въ особенности въ войскахъ, каковому доброму примѣру слѣдуютъ все болѣе и чаще тѣ, которые видѣли не одно только свое отечество Россію. Равнымъ образомъ онъ приказываетъ священникамъ и вообще, духовенству, чтобы они, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ, читали бы въ Русскихъ церквахъ и проповѣди, чего до сихъ поръ въ Россіи не слыхивали; ибо все богослуженіе тамъ ограничивалось только чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ и обѣднею. А какъ и то и другое совершается тамъ на древнеславянскомъ языкѣ, то изъ всей службы мало понимаютъ какъ тѣ, которые читаютъ и вообще совершаютъ богослуженіе, такъ и тѣ, которые оное слушаютъ. Имѣя это въ виду, царь повелѣлъ перевести на обыкновенный русскій языкъ Библію, которая также употребляется тамъ на славянскомъ языкѣ, и потому очень непонятна, и этотъ новый переводъ напечатать въ новой типографіи и издать въ свѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ указъ, чтобы на будущее время попы, и вообще всѣ принадлежащіе къ духовенству, обучались наукамъ и пріобрѣтали бы въ нихъ какія нибудь

[1]) Русскій Архивъ, 1865, № 1, столбцы 169—170.

познанія: ибо изъ русскаго духовенства рѣдко найдешь человѣка, который бы зналъ что нибудь болѣе простого чтенія по словянски". (Русскій Архивъ, 1872 г. кн 2, 1695—1696.)

Между прочимъ, отсутствіе въ русскихъ храмахъ проповѣди, которая у протестантовъ составляетъ едва ли не самую главную часть ихъ богослуженія, особенно удивляла иностранцевъ. Такъ *Генрихъ Седербергъ* писалъ:

„У русскихъ въ церквахъ не говорятъ проповѣдей, а лишь читаютъ нѣсколько главъ Св. Писанія, какъ онѣ есть, безъ всякихъ объясненій. Они находятъ, что храмъ Божій оскверняется проповѣдниками, которые, когда они, увлекаясь страстью, говорятъ все, что имъ приходитъ на умъ, подымаютъ вопросы и споры, вводятъ новости, и такимъ образомъ причиняютъ своимъ слушателямъ болѣе горя и вреда, чѣмъ приносятъ плода и пользы. Что для указанія пути къ хорошимъ нравамъ и христіанскимъ добродѣтелямъ, то достаточно чтенія Новаго Завѣта, что и первоначальные христіане положили въ основаніе своей церкви, и была оная исполнена Св. Духа. Если и необходимо какое истолкованіе Св. Писанія, то они считаютъ лучше, какъ у нихъ принято, читать въ церкви поученія Св. Отцовъ, чѣмъ допускать неразумнаго любителя преній распространять всенародно свою фантазію, единственно только для того, чтобы выказаться и заслужить одобреніе отъ своихъ слушателей; такимъ образомъ отвергаютъ они всѣ препиранія и всю философію, какъ источникъ всѣхъ распрей и несогласій, мѣшающихъ благочестію и напыщающихъ умъ надменностію и суетностію, и, слѣдовательно, имѣющихъ послѣдствіемъ разрушеніе христіанскаго единства (стр. 20)[1].

Корбъ. То же самое пишетъ и *Іоаннъ Георгъ Корбъ* въ своемъ *„Дневникъ путешествія въ Московію"* (1698 и 1699 гг.)[2]. „До сихъ поръ Русскіе постоянно осуждали обязанность проповѣдниковъ, объясняя, будто тѣ, кому надлежитъ говорить съ каѳедры, стремятся скорѣе къ безполезному изяществу рѣчи, чѣмъ имѣютъ въ виду проповѣдать слово Божіе. Однако, наше время, повидимому, заставляетъ и Русскихъ принять этотъ способъ изъясненія Евангелія. Именно и среди нихъ самихъ находятся такія лица, которыя, опираясь на свое званіе, не читаютъ всенародно въ церкви Евангелія или Священнаго Писанія (что было въ обычаѣ нѣкогда), но обнаруживаютъ въ своихъ рѣчахъ краснорѣчіе, уснащенное и собственными талантами". Отмѣчая такое предубѣжденіе русскихъ къ церковной проповѣди, обострившееся несомнѣнно потому, что они увидѣли въ ней отличительный признакъ протестантскаго богослуженія, иностранцы вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе Петромъ проповѣдыванія приписывали вліянію на него Запада. Такъ, перечисливъ (съ большими несообразностями) составъ русской іерархіи и духовенства, *Веберъ* пишетъ: „Всѣ исчисленные здѣсь духовные чины проповѣдываніемъ вовсе не занимаются, вслѣдствіе чего народъ не слышитъ никакихъ поученій и пребываетъ въ грубомъ невѣжествѣ. Но въ послѣднее время Его Ц. В., усмотрѣвъ пользу проповѣдыванія *и слышавъ самыя назиданія проповѣдниковъ во время своего путешествія,* приказалъ обучить нѣсколько поповъ въ Кіевѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, приспособивъ ихъ къ проповѣдническому дѣлу". (Рус. Арх. 1872, II, 1673.)

Apollinaris. Симпатіи Петра къ претестантизму были ясны для всѣхъ. О нихъ доносилъ папѣ и *Fr. Appollinaris, Svitensis Capucinus ac Mis-*

---

[1]) Бывшаго полкового священника, магистра Генриха *Седерберга,* замѣтка о религіи и нравахъ русскаго народа во время пребыванія его въ Россіи съ 1709 по 1718 г. По рукописи до сихъ поръ нигдѣ не изданной, Христіянстадтъ 1836. Переводъ съ шведскаго А. А. Чумакова. Чтенія въ О. И. и Др. Рос. 1873 г. кн. 2, стр. 20.

[2]) Переводъ и примѣчанія А. І. Малеина, Изд. А. С. Суворина, С.-Петербургъ. 1906, стр. 228.

sionarius Apostolicus въ слѣдующихъ словахъ: ,,Io sò di certo, che ancora S. M. Cz. che è un monarca di gran spirito e di somma prudenza, et ama assai la nostra religione, inclina molto a questa opera, ma la prepotenza de' seguaci di Lutero e di Calvino, che hanno i maggiori impieghi e nella corte e nell' impero, con diverse dicerie e fabole inventate da loro contro la vera chiesa e contra il santissimo suo capo, hanno fatto abbortite il disegno già preso"... San Petroburgo li 20 di Febraro 1722[1]). Эти симпатіи Петра къ протестантству получили должную оцѣнку со стороны иностранцевъ тогда, когда Сорбонна, во время пребыванія Петра въ 1717 г. въ Парижѣ, возбудила вопросъ о соединеніи церквей. Протестанты провозгласили это соединеніе совершенно не достижимымъ въ виду характера и направленія дѣятельности Петра.

Буддей. Извѣстно, что на посланіе докторовъ Сорбонны къ русскимъ епископамъ отозвался *Ioan. Franciscus Buddeus* сочиненіемъ: *Ecclesia romana cum ruthenica irreconciliabilis*, Ienae 1719. Въ немъ онъ сначала сообщаетъ, что копію посланія прислалъ ему нѣкій vir summus (разумѣется Өеофанъ), скрытно (obscure) вызывая Буддея на отвѣтъ. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ выписки по частямъ изъ посланія и дѣлаетъ на нихъ свои возраженія, и здѣсь уже въ первыхъ параграфахъ высказывается въ смыслѣ безнадежности попытки Сорбонны, въ виду тѣхъ церковныхъ реформъ, которыя предпринялъ уже Петръ Великій. Neque, — говоритъ, между прочимъ, Буддей, — a superstitione saltem abhorret sapientissimus princeps, sed clericorum etiam ferre nequit dominatum; qui et sine superstitione sibi raro admonum constat. И такъ какъ слишкомъ высокая власть патріарха и клира представляла опасность для государства, nimiam istaque itam in patriarchis Russorum potestatem non sine ratione metuens augustissimus imperator, eam abrogandam censuit, quod et ea ratione fecit, *ut se ipsum caput, supremumque ecclesiae in Russia gubernatorem declararet* (§ V, p. 8—9), и. т. д.

О невозможности соединенія церквей и введенія въ Россіи католичества, какъ хотѣли сорбоннскіе доктора, высказался въ своихъ запискахъ и Веберъ[2]).

Curieuse Nachricht. Но наиболѣе полную оцѣнку съ протестантской точки зрѣнія церковныя реформы Петра получили въ анонимномъ сочиненіи, изданномъ въ 1725 г. и составляющемъ, при всей своей важности, большую библіографическую рѣдкость, почему здѣсь и издается цѣликомъ по экземпляру И. Публичной Библіотеки (13. IX. 1. 604)[3]).

Curieuse Nachricht von der itzigen Religion Ihro Käyserlichen Majestät in Russland Petri Alexiewiz, und seines grossen Reiches, dass dieselbe itzo fast nach Evangelisch = Lutherischen Grund-Sätzen eingerichtet sey. Im Iahr 1725.

Russ-Land, ein gar grosses und weites Land, nach Norden zu gelegen, welches uns Deutschen wegen der wenigen Gemeinschafft, so wir mit dessen Einwohnern gehabt, biszher nich viel bekannt gewesen, bisz dessen itziger Käyser, Petrus Alexiewiz, es in Auffnahm und grossen Ruff gebracht, hat von langen Zeiten her zu der Griechischen Religion sich bekennet. Diese Griechische Religion ist allerdings eine Christliche Religion, aber von der Römisch-Catholischen in vielen Stücken unterschieden, und haben sich die Griechen mit ihrer Kirche vor vielen hundert Iahren her von denen Päbstlern getrennet,

---

[1]) *Augustin Theiner,* Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitsch, Féodor III et Pierre le Grand Czars de Russie extraits des Archives du Vatican et de Naples. Rome 1859, p. 541 (b.).

[2]) См. *Русскій Архивъ,* 1872, II, стлб. 1673—1674.

[3]) Сокращенный пересказъ этого сочиненія сдѣланъ въ книгѣ *П. Морозова,* Өеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 272—274.

daher denn der Unterscheid aufgekommen, dasz man die Kirche in die Morgenländische und Abendländische eingetheilet, und ist die Morgenländische die Griechische, die Abendländische aber die Römisch-Catholische Kirche. Es erkennen aber die Griechen in ihrer Religion den Pabst nicht vor das Ober= Haupt der Kirchen, sondern streiten dawider auf das allerhefftigste. Daher, als im Iahr 1328. Pabst Iohannes der XXIII. an die Griechen weitläufftig geschrieben, und mit vielen Worten zeigen wollen, dasz nur eine Kirche wäre, darüber er das Haupt wäre, welchem alle Christen nothwendig unterworffen seyn müsten, so haben sie ihm diesen kurtzen Bescheid gegeben: „Wir gläuben wohl, dasz deine Macht sehr grosz über deine Unterthanen seye; Aber deinen unleidlichen Stoltz und unmäszige Hoffarth können wir nicht erdulden, noch deinen Geitz ersättigen", u. Ferner haben die Griechen in alten Zeiten beständig dawider gestritten, dasz man nicht denen Geistlichen verbieten solle zu heyrathen, sondern ihnen solches vielmehr frey lassen solle, weil doch die heilige Schrifft ausdrücklich sagte: „Ein Bischoff soll seyn eines Weibes Mann". Und hierinne nun sind sie mit unserer Evangelisch = Lutherischen Religion gar wohl überein gekommen, indem sie eben so gut, wie wir Lutheraner, die Hoheit und Unfehlbarkeit des Pabstes widerstreiten, und ihre Geistliche sich verheyrathen lassen. Bei dem allen aber haben sie dennoch viele Brocken aus dem Pabstthum behalten, und nicht abgeschaffet. Denn so haben die Moscoviter oder Russen an statt des Pabsts ihren Patriarchen gehabt, dessen Hoheit und Ansehen bei ihrer Kirche und ihrem Lande fast so grosz gewesen, als des Römischen Pabsts in Italien und in der Römisch-Catholischen Kirche. Dieser Patriarch hat unter andern am grünen Donnerstag einen Einzug in die Stadt Moscau, nach dem Exempel unsers Heylandes, auf einem Esel zu halten pflegen, da ihm denn der Czaar und Regent von Russland den Esel am Zaum führen, und dabey zu Fusze gehen müssen, um dadurch das grosse Ansehen und die Autorität des Patriarchen anzudeuten. Weiter haben sie, die Griechen, auch die Verehrung der Heiligen noch aus der Römischen Kirche behalten, wie denn Russen insonderheit den heiligen Nicolaum zum Patron ihres Landes erkläret den sie in ihren Anliegen angeruffen, und von ihm Hülffe erwartet, auch bey ihrem Tode sich gar von dem Bischoff einen Pasz an den heiligen Nicolaum geben lassen, dass sie nehmlich in rechtem Glauben gestorden, und also der heilige Nicolaus sie in den Himmel passiren lassen solte; und dieser Pasz ist den Verstorbenen bey ihrer Beerdigung geschrieben in den Mund geleget worden, wie ihre Geschichte bezeigen. Insonderheit aber haben sie die Gewohnheit, den heiligen Nicolaum im Gemählde in allen ihren Häusern und Zimmern über den Thür auffzusetzen; und wenn also jemand fremdes in ein Haus kömmt, so machet er erst dem heiligen Nicolao seine Reverenz, und denn hernach an den Wirth und Herrn des Hauses. Von der Verehrung der Reliqvien und geglaubten Wunderwercken nichts zu gedencken, als da sie meynen, dasz der heilige Nicolaus aus Italien über Meer und Flüsse einen gantz wunderbahren und unbegreiflichen Weg bisz in Russland an ein gewisses Closter, und zwar auf einem Mühlstein, der geschwommen, und ihm gleichsam zu einem Schiff gedienet, gekommen sey, und darinne sie noch viel leicht-gläubiger, als die Papisten seyn; Ingleichen von Wallfahrten, guten Wercken, u. Ja sie haben auh viel Clöster, die eben auch fast auf Römisch-Catholischen Fusz eingerichtet sind, und darinn doch die Mönche so wenig studiren, dasz, wenn sie nur Ruszisch lessen können, mann sie schon vor gar gelehrte Leute hält. *Es hat sich aber diese Griechische Religion unter der Regierung der itzigen Ruszischen Käyserl. Majestät, Petri Alexiewiz, nicht wenig geändert.* Denn wie er ein Herr von grosser Einsicht und ungemeinem Verstande ist, so hat er wohl erkannt, dasz sowohl an denen Barbarischen Sitten, als auch an der Religion seiner Unterthanen

vieles auszusetzen und zu verbessern sey. Und da Er nun, um gute Sitten und Wissenschafften zu erlernen, verschiedene Reisen in fremde Länder gethan, so hat er auch dabey nicht der Religion vergessen, um sich in derselben unter denen klugen Völkern, und dem Umgange mit denselben, fest zu setzen, weil Er wohl gewust, dasz „die Furcht des Herrn der Weiszheit Anfang sey", und dasz ohne wahre Religion keine andere Wissenschafften nutzen. So wie Ihm nun Gott eine grosse Erkäntnisz gegeben, und ein sonderbares Licht in seine Seele geleget, *so hat Er auch in Holland, Engelland und Deutschland, durch des guten Geistes Krafft und Gnade, wohl erkannt, welches der beste, wahre und allein seligmachende Glaube sey, und in seinem Gemüthe sich denselben fest eingepräget und eingepflantzet.* Der Umgang mit denen Protestirenden hat Ihn darinne noch fester gesetzet; und wie zu Lutheri Zeiten die Aufnahme und das Wachsthum der Wissenschafften, da die Leute nach der vorigen Finsternisz der Unwissenheit wiederum die Augen auffthaten, und etwas rechtes lernete, die seelige Reformation nicht wenig befördert, so haben auch Ihre Czaarische Käyserl. Majest. da Ihnen die Augen in weltlichen Wissenschafften und der Staats=Klugheit aufgegangen, auch zugleich die wahre Religion gar wohl erkandt. *Und hie werden wir nun nicht irren, wenn wir sagen, dasz Ihre Käyserl. Maj. vor Ihre Person ihre Religion der Ewangelisch=Lutherischen Religion gleichförmig gemacht.* Denn ob sie zwar biszhero noch nicht alles und jedes nach denen Lehr-Sätzen unseres wahren Evangelischen Glaubens in Dero Landen eingeführet, *so ist doch schon bereits davon ein gesegneter und gewisz gar sonderbahrer Anfang gemacht worden,* und zweifeln wir an einem erwünschten Fortgange um so viel weniger, weil wir wissen, dasz blosz die harten Gemüther, so bey ihrer Griechischen und in obbemeldten Stücken abergläubischen Religion erzogen sind, nicht auf einmal bestillet, sondern nach und nach erweichet, und zum Genusz der Warheit, wie Kinder, gebracht werden müssen. *Uebrigens aber wissen wir, das Ihro Czaarische Käyserl. Majest. von der Wahrheit der Evangelisch-Lutherischen Kirche und Religion in dem Grunde Ihres Hertzens vollkommen überzeuget seyn.* Denn dasz Sie von dem Pabstthum gar nichts halten, und vielmehr einen Abscheu davor bezeugen, geben gar viele Thaten Derselben. Denn als Sie Ihro Majest. zu Parisz in Franckreich sich auffhielten, und die Iesuiten Ihr einen Vorschlag thaten, wie die Griechische Kirche mit der Römisch-Catholischen zu vereinigen, die Trennung aufzuheben, und also beyde Kirchen unter ein Haupt, nemlich den Römischen Pabst, zu bringen wären, hat Er doch darauf gar nicht reflectiret, sondern die Mühe der Iesuiten nur verlacht, indem Er dergleichen wohl nimmermehr zuzugeben Willens gewesen, *Er hat vielmehr die Patriarchen=Stelle in Ruszland, die noch eine Aenlichkeit mit dem Römischen Stuhl hatte, aufgehoben.* Denn, nachdem der letzte Patriarch verstorben, hat Ihro Majest. auch die am Grünen-Donnerstage gewöhnliche Ceremonien nicht mehr gelten lassen, keinen Patriarchen an seine Stelle aufs neue eingesetzet, *sondern nach der Art Protestirender Fürsten, sich selbsten vor den obersten Bischoff seines Landes erkläret.* Er hat nach seiner Zurückkunfft von denen ersteren Reisen, so er in fremde Länder gethan, sofort mit denen Ruszischen Priestern, so man Popen heisset, über die Articul ihrer Religion, darinnen sie mit denen Päbstlern überein kommen, zu disputiren angefangen, und wie er gesehen, dasz sie gar keine Rechenschafft von ihrem Glauben geben, noch ihre wunderliche Sätze vertheidigen können, so hat er die unvergleichliche Anstalt gemachet, dasz sie fleisziger studiren müssen, da sie vorher kaum lesen können, und fast keine andere Bücher, als den heiligen Chrysostomum und einige andere Griechische Kirchen-Väter gehabt, aus welchen sie dem Volcke an jedem Sonntage eine Predigt vorgelesen.

Ein Haupt-Grund, daraus man seine Evangelische Erkäntnisz beweisen kan, ist dieser, dasz Er, als ein weiser Herr, so gleich davor gesorget, eine Druckerey in Petersburg anzulegen, und zuerst daselbst Catechismos und Bibeln in Ruszischer Sprache drucken lassen, die er unter seine Unterthanen ausgebreitet, und ihnen, als ein Licht in der Finsterniss, aufgestecket. Denn hat jemahls das Wort Gottes in dem dunckeln Pabstthum unter der Banck gelegen, so ist es gewisz auch in Ruszland geschehen, da man, aus Mangel der Druckereyen, nicht einmahl genugsame Exemplare von Bibeln haben können, wenn man sie gleich mit Licht gesuchet hätte. Und dieses eben wird verursachen, dasz das Licht des Evangelii, welches sich noch nur in einer Morgenröthe in Ruszland biszher gezeiget, je mehr und mehr künfftig hin durchbrechen werde, *indem Ihro Czaar. Majestät in Dero Kirchen-Reglement, welches sie heraus gegeben, ausdrücklich anbefohlen, dasz ein jeder mit Fleisz in der H. Schrifft forchen und lesen solle, um daraus zu erkennen, ob man sie auch recht erklärete.* Denn es gäbe viele falsche Erklärungen der H. Schrifft, alls z. E. wenn man den Spruch Christi: „Ich habe vor dich gebeten, dasz dein Glaube nicht aufhöre", auf die vermeynte Nachfolger Petri, die Römische Päbste, ziehen wolte, denn dieses gienge gar nicht an, und wäre nicht unsers Heylandes Meynung. Was weiter die Anruffung der Heiligen betrifft, so hat Ihro Majestät darinn die Verordnung gemacht, dasz die Bilder des heiligen Nicolai nirgend mehr über die Stuben oder die Hausz-Thüren stehen müssen, noch man die wunderliche Art habe, dem Heiligen zu erst, und denn dem Hauszherren seine Ehrenbezeugung zu machen; Zu geschweigen der Abschaffung des Passes, den man den Todten an Nicolaum mit gegeben. Denn, da itzo die Russen in Schulen vernünfftig unterrichtet und erzogen werden, so müssen die alberen Meynungenr in dergleichen Sachen von selbsten dahin fallen, indem doch niemand, als de einfältigste und verfinsterte Mensch dergleichen Dingen einen Glauben beylegen kan. Und nun in denen Schulen führet Ihro Majest. auch die Lehr-Art der Evangelisch-Lutherischen und zugleich auch ihre Lehre allmählich ein. Denn da das Wäysen-Hausz in Halle, wegen der bequemen Art, die Wissenschafften so wohl, als die Glaubens-Gründe gründlich und wohl zu fassen, und der guten Anstalten, die sonst wilde Jugend aufzuerziehen, in der gantzen Welt bekannt ist, so haben Ihro Czaar. Majest. ein dergleichen Hausz in Dero Land auf eben dieselbe Art auferbauen lassen, auch mit vielen Kosten verschiedene Studiosus Theologiae, so in Halle bey den Anstallten des Wäysen-Hauses gestanden, hinkommen lassen, welche in diesem Hause alles auf gleiche Art anordnen müssen, und die Jugend in den Grund-Sätzen der wahren Evangelischen Religion auferziehen. Die vermeynte Wunderwercke und Reliquien der Heiligen stehen auch nicht mehr in dem Ansehen, da sie ehemahls gewesen. Man glaubet in Ruszland, wie unter denen Evangelischen in Deutschland, dasz damit grosser Betrug vorgehe, und dasz einerley Reliquien an verschiedenen Orten gezeiget werden, und dasz man mit denen Zähen mancher heiligen Person, die man an vielen Orten aufzeiget, gantze grosse Wässer vollmachen könne. Und da nun die Anbetung der Heiligen bey denen Russen aufhöret, so fället auch ihre Hülffe und Verdienst dahin, folglich auch die gute Wercke, da man den Himmel durch Wahlfahrten und Verehrung der Heiligkeit oder Freygebigkeit gegen die Geistlichen und Klöster erwerben will, und bleibet bey ihnen nichts mehr die Seeligkeit zu erlangen übrig, als allein der Glaube an Iesum, welches denn der Eckstein dei wahren Evangelischen Religion ist. Es sind Ihro Ruszische Käys. Majest. ein Muster ihrer Unterthanen, auf welches diese beständig sehen, und ihm nachfolgen, und da Sie Ihro Majestät der Evangelischen Wahrheit bey sich in den vornehmsten Stücken Platz vergönnen, so breitet sich auch dieselbe, Gott und dessen Allmacht zum ewigen Lobe, nicht wenig bey denen Unterthanen aus;

und wie auch Ihro Majestät die Klöster nicht wenig einschräncket, so, dasz darin nicht leicht, wie sonst, eine Menge müsziger Leute erzogen werden kan, die dem Staat eine Last seyn, und sich wieder ihn empören können, sondern sie vielmehr etwas rechtes lernen lassen, und alles wohl und löblich einrichten; So erhalte nur Gott in Gnaden diesen theuren Herrn, das Oberhaupt der Russen, damit auch in dessen Land sein Wort mehr und mehr ausbreitet, und das Land, wie der Herr, die Wahrheit unserer Evangelischen Religion je mehr und mehr erkennen möge.

Это любопытное сочиненіе, полное нелѣпыхъ сообщеній о религіозныхъ взглядахъ русскаго народа, и отличающееся самодовольнымъ тономъ нѣмецкаго протестанта, очень важно въ томъ отношеніи, что его авторъ имѣлъ-таки возможность видѣть въ церковныхъ преобразованіяхъ Петра вліяніе протестантства, а въ частности отмѣна патріаршества и учрежденіе вмѣсто него Духовной Коллегіи съ провозглашеніемъ государя высшимъ епископомъ своей страны представлялось ему исполненнымъ nach der Art Protestirender Fürsten. Значитъ для этого у современныхъ Петру иностранцевъ были серьезныя основанія. Аналогичныя сужденія о сущности и значеніи учрежденія Петромъ Духовной Коллегіи мы встрѣчаемъ и у другихъ авторовъ. Такъ упомянутый выше *Бассевичъ* считалъ первымъ президентомъ Синода самого Императора [1]).

Кампредонъ. Въ донесеніи королю отъ 13 марта 1723 г. изъ С. Петербурга, полномочный министръ Франціи при русскомъ дворѣ *Кампредонъ* писалъ о Петрѣ: Il a tenu la même conduite à l'égard de son clergé, qui vivait avant son règne dans une ignorance et une superstition effroyables. Il a formé un synode composé des évêques et autres prélats les plus capables. Il ne doit pouvoir à aucun bénéfice, que le prétendant n'ait été examiné et trouvé capable de le remplir avant d'être présenté au Czar, qui ordonne l'expédition de sa commission. Ce synode connaît de toutes les causes ecclésiastiques. *Son instruction ou les règlements, qu'il doit suivre, sont compilés partie des décrétales des papes modernes et partie des observations, qu'il a faites en France ou dans les autres pays, sans distinction de religion.* Il a ordonné la réforme et la règle des monastères d'hommes et de filles, qui vivaint, il y a quelques temps, dans un grand désordre et dissipaient inutilement la plus considérable partie des revenus de l'état, dont ils étaient en possession [2]). А 10 сентября того же 1723 г. въ письмѣ къ кардиналу Дюбуа онъ писалъ: Vous saver que le Czar, dont les prédécesseurs et lui-même s'etaient très mal trouvés de la grande autorité des patriarches, asupprimé cette dignité *et s'en est approprié les fonctions* [3]).

Consett. Нѣсколько словъ о сущности церковной реформы Петра мы находимъ и у его современника, капеллана англійской факторіи въ Россіи *Thomas Consett* въ его книгѣ *The present State and regulations of the Church of Russia*, London, 1729, pp. XV—XVII. ...But inOrder to carry on his present Scheme of Regulations, he remov'd one great Obstacle, or rather prevented the Succession of Patriarchs on the Death of *Adrian;* their Power being unlimited, he aprehended would always obstruct and interfere with his Designs, and would by no means suffer itself to be controul'd by the Regal

---

[1]) *Русскій Архивъ*, 1865, I, стлб. 213—214. *Бассевичъ* пишетъ: „Пастырскими попеченіями Синода, въ которомъ *самъ Императоръ былъ первымъ президентомъ*. народъ начиналъ освобождаться отъ суевѣрій своихъ предковъ, или по крайней мѣрѣ привыкалъ спокойно смотрѣть на ихъ охужденіе". Усвоеніе себѣ Петромъ должности президента Св. Синода находило фактическое подтвержденіе въ томъ, что послѣ смерти Стефана Яворскаго, 27 ноября 1722 г., вмѣсто него никто и никогда не былъ болѣе назначенъ президентомъ.

[2]) Сборникъ И. Р. И. О. т. 49, стр. 312. [3]) Ibidem стр. 379.

Power in Ecclesiastical Matters, the Jurisdiction of which, the Patriarschs hitherto usurp'd entirely to themselves That this was the Tsar's Thougt, is evident from the Reasoning ot the 7 th Section in the first Part of *The Spiritual Regulation*, which is particularly level'd against Patriarchal Power. And as it was necessary to remove Impediments, especially such a powerful one as this would have been in this Undertaking, so it was farther necessary to take in such Assistance as might enabfe him to promote and effect it; and for the Purpose he call'd in Divines from *Kiof*, and other Places, who had a learned Education abroad, and were qualified to confer with him on all the Points of Religion; and to assist him by their Advice and Counsel to regulate the Disorders of his Church, and to restore the Discipline of it, by the best Rules of Religion and the Decrees of Counsils; for the Priests, and even Bishops, who were Natives of his Country, having had no regular or learned Education, were very unfit Persons to be consulted and advis'd with alone, in this extraordinary Occasion. And to make their Consultations and Decrees powerful and authoritative, he formed them into a Synod, *and set himself as President at the Head of it;* the Reasons of which Establishement are declar'd in the Book itself: but probably one Reason is conceal'd which may be apprehended, that he design'd to exempt himself and his Country from a Dependance on the Patriarchs of Constantinople, and to dignity his own Church with the Character of a *(Glavnoj Tserkove or)* Capital Church. It is certain the Patriarchs of the *Greek* Church seem'd to have no other Notion of his Intention, by the slightness of their Answer to him in 1724; for he had wrote to them, to acquaint them with these Proceedings, but instead of expressing their Approbation of them, they seem'd slily to insinuate his Desertion of his old Friends and that he had open'd the Way to what Innovations he pleas'd at any Time to make in Religion, without any Regard to their Advice and Authority. And we have no Reason to apprehend that the Synod of *Russia*, under the Direction of such an enterprizing Prince, would have confin'd their Iudgments to the See and Synod of *Constantinople*, no more than an *Englisch* Synod is bound by the Decrees of a *Roman* Consistory.

Такимъ образомъ *Consett*, какъ и другіе иностранцы, сообщаетъ, что для проведенія своей церковной реформы Петръ воспользовался смертью Адріана, понимая, что неограниченная власть патріарховъ постоянно затрудняла бы контроль монарха въ дѣлахъ церковныхъ, юрисдикцію въ которыхъ они всецѣло присвоивали себѣ. Что такова была мысль царя, очевидно изъ разсужденій п. 7-го I-ой части Духовнаго Регламента, спеціально направленнаго противъ патріаршей власти. И такъ какъ его намѣренія встрѣчали большія затрудненія, то Петръ привлекъ къ себѣ на помощь изъ Кіева и др. мѣстъ духовныхъ лицъ, которыя имѣли ученое иноземное образованіе и были способны быть его совѣтниками и помочь ему своей поддержкой устранить безпорядки въ его Церкви и возстановить въ ней дисциплину посредствомъ хорошихъ правилъ и постановленій, между тѣмъ какъ великорусское духовенство и даже епископы, не имѣя правильнаго или ученаго образованія были къ этому не способны. Чтобы сдѣлать совѣщанія и постановленія духовенства полномочными и авторитетными, Петръ образовалъ изъ нихъ Синодъ и *объявилъ самого себя его президентомъ*. Причины учрежденія Синода были объяснены въ самомъ Регламентѣ. Но по мнѣнію Consett, одна причина, о которой можно догадываться, скрыта, а именно, что Петръ рѣшилъ изъять себя и свою страну изъ подъ зависимости отъ Константинопольскихъ патріарховъ и возвеличить свою Церковь до положенія первенствующей. Вслѣдствіе легкости полученія патріаршихъ отвѣтовъ въ 1724 г. Consett полагаетъ, что патріархи не имѣли другого представленія о силѣ Петра, сообщившаго имъ о своихъ дѣйствіяхъ, но вмѣсто выраженія

своего согласія, они, казалось, только намекнули о своемъ неодобреніи его старыхъ друзей и о томъ, что онъ открылъ путь нововведеніямъ, которыя онъ могъ бы пожелать во всякое время сдѣлать въ религіи, не обращая вниманія на ихъ желаніе и совѣтъ. И мы,—прибавляетъ Consett,—не имѣемъ основаній предполагать, что Русскій Синодъ, подъ руководствомъ такого предпріимчиваго государя, будетъ ограниченъ мнѣніями Константинопольскаго патріаршаго престола и синода, какъ и Англійскій синодъ не связанъ декретами Римской Консисторіи.

Stralenberg. Любопытно обратить вниманіе также на то, какъ понимаетъ и изображаетъ управленіе Русской Церкви *Philipp Johann von Stralenberg „Das Nord und Ostliche Teil von Europa und Asia“*. Stockholm 1730, SS. 290—291. Сказавъ о смерти Адріана и о сложившемся у Петра въ 1719 г. рѣшеніи замѣнить патріарха Духовнымъ Коллегіумомъ, welches er *mit guten Reglementen* und Instructionen versehen würde, авторъ такъ его характеризуетъ. Es bestehet aber dieser Synodus, oder geistliches Collegium, 1) aus einem Praesidenten, *welche Stelle der Zaar vor sich selbst behalten.* 2) Einem Vice-Praesidenten, so ein Ertz-Bischoff, zu welcher Dignität von denen sämtlichen geistlichen Gliedern *und dem Senat* zwei Personen erwehlet worden, davon der Zaar hernach einen confirmieret. 3) Sind 6. Bischöffliche Räthe, ferner 6. Archimandriten als Assessores. Und erwehlt bey denen Vacanzen der Räthe und Assessoren der Synodus alleine zwey Personen, welche dem Zaaren, einen zu ernennen, vorgeschlagen werden. So sind auch hierbey einige weltliche Personen, als ein Ober-Procurator, Ober-Secretair und einige andere Secretarien, deren ihr Amt umständlich in dem geistlichen Reglement beschrieben ist. *Wenn aber haupt- und wichtige Sachen vorhanden sind, müssen solche Sr. Maj. im Senat vorgetragen werden,* wesfalls der gantze Synodus offtmals mit in Senat kömmt, und sitzet solcher unter denen Senatoren.

Morgenstern. Далѣе, *M. Morgenstern*, въ *Ius publicum imperii russorum*, Halis Solicis 1737, говоритъ, между прочимъ, и о правахъ русскаго государя надъ Церковью. Religionem graecam propriam imperii, et consequenter praedominantem esse *et autoritas circa sacra iure pleno abinde dependeat* (§ 145). Что же касается управленія Церковью, то оно, послѣ Константинопольскихъ патріарховъ, принадлежало русскимъ, пока русское патріаршество не было отмѣнено и *demum maiestati prorsus adunata fuit, a quo per Synodum vicario nunc nomine administratur* (§ 147).

Achenwalls. Затѣмъ и *Gottfried Achenwalls*, въ своей книгѣ *Staatsverfassung der Europäischen Reiche im Grundrisse* (2 Aufl. Göttingen, 1752), между прочимъ, сообшаетъ и о Россіи слѣдующее: § 22. Der Senat oder dirigierende Rath, der Synodus oder geistliche Rath und der Kriegsrath sind die *vornehmste Collegia* des regierenden Monarchen, in dessen blossem Willkühr ihre Ernennung beruhet. § 23. Die Griechische Religion ist die herrschende. Petrus I suchte solche von verschiedenen Schlacken zu reinigen, und *näherte sich den Occidentalischen Kirchen, doch mehr den Protestanten, als den Catholicken.* § 25. *Petrus erhob sich zum Beherrscher der Geistlichkeit, da er Gesetze in geistlichen Sachen publicirte* a), *ihre Güter einige Jahre einzog* b), *das stolze Patriarchat* c) *unterdrückte, und an dessen Statt einen ihm unterthänigen geistlichen Rath (Synodum)* von 12. Personen unter einem weltlichen Präsidenten und Vice-Präsidenten 1719, in Petersburg *anordnete.* (S. 248, 249, 251).

King. Къ этой же категоріи иностранцевъ, интересовавшихся государственнымъ и церковнымъ строемъ Россіи, слѣдуетъ отнести еще одно сочиненіе послѣдней четверти XVIII ст. Въ 1772 г. въ Лондонѣ появилась книга *The Rites and Ceremonies of the Greek Church, in Russia,* containing an

account of its doctrine, worship, and discipline. By *John Glen King*, D. D., fellow of the Royal and Antiquarian Societées, and Chaplain to the Britisch Factory at St. Petersbourg (съ рисунками) pp. XIX + 477 in 4⁰. Въ этой книгѣ, уже въ 1773 г. переведенной на нѣмецкій языкъ[1]), послѣ краткаго введенія объ учрежденіи греческой Церкви въ Россіи и ея ученіи, сообщались довольно обстоятельныя свѣдѣнія церковно-археологическаго и литургическаго содержанія (о священныхъ одеждахъ, о дневномъ богослуженіи—вечернѣ, повечеріи и проч., о литургіи, о порядкѣ совершенія таинствъ, о погребеніи, о постриженіи въ монашество, объ освященіи воды и т. д.), а въ концѣ ея былъ помѣщенъ особый отдѣлъ „о дисциплинѣ Русской Церкви“ (p. 425—431)[2]) дополненный особымъ историческимъ трактатомъ: History of the Russian church and its reformation by Peter the Great (p. 433—468), къ которому, въ свою очередь былъ приложенъ сокращенный переводъ указа Петра о монастыряхъ и монахахъ 31 января 1724 г. (p. 469—477). Этотъ отдѣлъ о дисциплинѣ Русской Церкви и приложенный къ ней историческій очеркъ исторіи Русской Церкви и *реформы* ея Петромъ и представлялъ собою особый интересъ. Никакихъ особенно новыхъ свѣдѣній авторъ въ нихъ не сообщалъ и описывалъ строй Русской Церкви очень кратко. Тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ подчеркнуть для него главное. Такъ, передавъ объ учрежденіи патріаршества въ 1589 г., о смерти Адріана въ 1700 г., King говоритъ, что въ 1721 г. Петръ учредилъ Коллегію для завѣдыванія церковными дѣлами подъ именемъ Св. Пр. Синода, *а себя самого провозгласилъ Главою Церкви* (and declared himself head of the church)[3]). Далѣе слѣдуетъ въ нѣсколькихъ словахъ описаніе состава и предметовъ вѣдомства Синода по Духовному Регламенту и по личнымъ впечатлѣніямъ автора, старающагося показать заслуги Петра въ преобразованіи русскаго духовенства и русской церковной жизни. Какъ видно изъ предыдущаго, спеціально этому посвященъ слѣдующій историческій трактатъ, состоящій изъ семи главъ съ небольшимъ введеніемъ. Въ *первой* главѣ авторъ сравниваетъ русское духовенство съ инославнымъ и указываетъ на то, что оно никогда не было въ Россіи замкнутымъ сословіемъ; разсказываетъ о его зависимости отъ Константинопольскаго патріарха, о пріобрѣтеніи автокефаліи и проч. (p. 433—435). Во *второй*—говоритъ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи (p. 436—439). Въ *третьей*—о концѣ патріархата и учрежденіи экзархата (p. 439—441). Здѣсь, между прочимъ, авторъ устраняетъ сложившееся у иностранныхъ писателей представленіе, будто Петръ, оставивъ патріаршую каѳедру вакантной, взялъ въ свои руки все завѣдываніе церковными дѣлами. Авторъ подчеркиваетъ, что Петръ любилъ церковность, какъ и его предшественники, и только постепенно готовилъ Церкви новый строй управленія. Въ *четвертой* главѣ King говоритъ объ учрежденіи Св. Пр. Синода (p. 441—446). Здѣсь авторъ представляетъ дѣло такъ, будто въ одномъ изъ большихъ собраній высшаго духовенства Петръ, наконецъ, прямо высказался, что онъ не видитъ нужды въ патріархѣ ни для Церкви, ни для государства, а потому, не смотря на протесты, приступилъ къ выработкѣ учрежденія средняго между единоличнымъ правленіемъ патріарха и вселенскимъ соборомъ. Таковымъ оказался постоянный соборъ или синодъ. Тѣ возраженія, что патріаршество въ Россіи было введено съ утвержденія восточныхъ патріарховъ, въ глазахъ Петра не имѣли вѣса, а потому, при содѣйствіи „знаменитаго“ Ѳеофана Прокоповича, написавшаго Духовный Регламентъ, Синодъ былъ учрежденъ. Фактическая

[1]) Die Gebräuche und Ceremonien der Griechischen Kirche in Russland, oder Beschreibung ihrer Lehre, Gottesdienstes und Kirchendisciplin, von *Johann Glen King*, Riga 1773, SS. XVI + 444 in 4⁰.

[2]) Of the discipline of the church of Russia. [3]) P. 428.

сторона разсказывается правильно по тѣмъ даннымъ, которыя King могъ найти въ печатномъ экземплярѣ Регламента, содержаніе котораго имъ также вкратцѣ передается. Главы *пятая, шестая* и *седьмая* даютъ систематическій обзоръ положенія до и послѣ Петра епископовъ (р. 446—452), монастырей и монаховъ (р. 452—460) и бѣлаго духовенства (р. 460—468). Въ пятую главу объ епископахъ, между прочимъ, цѣликомъ попалъ переводъ добавочныхъ пунктовъ Петра къ архіерейской присягѣ (р. 449—450)[1], а шестая и седьмая пересказываютъ нормы, извлеченныя авторомъ изъ Духовнаго Регламента, Прибавленія къ нему и послѣдующихъ указовъ. Въ связи съ этимъ и переводъ указа 31 января 1724 г. являлся хорошей иллюстраціей.

Die Europäische Fama. Для полноты картины необходимо упомянуть еще о томъ, что писала въ 1721 г. *„Die Europäische Fama,* welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdecket" — этотъ оффиціозный органъ, между прочимъ, русскаго правительства, издававшійся *Рабенеромъ.* Подробнаго отчета объ учрежденіи Духовной Коллегіи въ ней дано не было. Но за то по поводу частнаго вопроса о распространеніи христіанъ среди язычниковъ въ Россіи, Europäische Fama прямо называетъ Св. Синодъ *Консисторіей въ Петербургѣ*[2]).

Выводы. Таковы были тѣ первыя несистематическія свѣдѣнія и сужденія о церковной реформѣ Петра вообще, объ учрежденіи Духовной Коллегіи и содержаніи и даже источникахъ Духовнаго Регламента, которыя мы находимъ у иностранцевъ, *современниковъ* его великаго царствованія[3]). Изъ этихъ сужденій получается тотъ выводъ, что за церковной реформой Петра Великаго, въ особенности въ учрежденіи имъ Духовной Коллегіи вмѣсто патріаршества, иностранцы признали глубокое принципіальное значеніе. Они ясно поняли, что въ Русской Церкви не только единоличное правленіе смѣнилось коллегіальнымъ, а гораздо болѣе: іерархія лишена была своей юридической самостоятельности и поступила въ *юридическую* зависимость отъ свѣтскаго государя, который объявилъ себя „президентомъ" Духовной Коллегіи, даже „верховнымъ главою своей Церкви, присвоивъ себѣ ис-

---

[1]) См. у насъ т. II, приложеніе № 5, А и Б.

[2]) Der 249 Theil, 1721. S 731: Se. Czaar. Maj. haben allenthalben Ihre Augen hingewendet, ohngeachtet Russland so gross und weitläuftig ist, Sie suchen alle Schätze der Natur hervor: und endlich bezeugen Sie auch, welches bey den Höfen grosser Printzen etwas seltsames ist, dass Sie eine höhere Majest. über sich erkennen, welcher auch die grösten Monarchen zu gefallen sich sollen angelegen seyn lassen. Dero Eyfer vor die Fortpflantzung der Christlichen Religion ist nicht genug zu rühmen. In dem Russischen Reiche sind noch viele heydnishe Unterthanen. Vor Kurtzem hat der gelehrte Metropolit Theodorus, über 40.000 heydnische Tartarn zu dem Christlichen Glauben bekehret, auch diese Neubekehrte dahin gebracht, dass sie selbst ihre Götzen-Tempel zerstöhret, die Götzen verbrannt und mehr als 20 neue Kirchen erbauet haben. So bald als das Consistorium zu Petersburg Nachricht hiervon erhalten, hat es nicht allein dem Metropoliten einen Bischof, sondern auch unterschiedne andre Priester zu Hülffe gesendet, dieses angefangene Bekehrungs-Werck noch mit grösserm Nachdruck fortzutreiben.

[3]) Слѣдуетъ упомянуть о распространенномъ на Западѣ сочиненіи *Ѳеофана* „Lacrymae roxolanae seu de obitu Petri Magni, totius Russiae Imperatoris, brevis narratio", Hamburgi, 1726, въ которомъ, сообщались подробности о смерти Петра и вмѣстѣ съ тѣмъ въ напечатанныхъ въ приложеніи двухъ проповѣдяхъ Ѳеофана — о его реформаторской дѣятельности. Кромѣ того въ обращеніи у западной публики были слѣдующія сочиненія, не имѣющія для нашей темы прямаго значенія:

1) *Dn. Joh. Quistorpius,* Dissertatio de christianismo graecae seu Orientalis Ecclesiae, habita Rostochii A. 1665.

2) *M. Nicolaus Bergius,* De statu ecclesiae et religionis moscoviticae. Lubecae 1709.

3) *Alexander Helladius,* Status praesens ecclesiae graecea 1714.

4) *J. P. Kohlio,* Ecclesia graeca lutheranizans. Lubecae 1723. Тѣ или иныя свѣдѣнія и сужденія о церковной реформѣ Петра и юридическомъ значеніи учрежденія Духовной Коллегіи имѣются, конечно, и въ позднѣйшей западной литературѣ. Но они сознательно оставлены въ сторонѣ, какъ не имѣющія характера источниковъ.

ключительно управленіе ею“, „провозгласилъ себя высшимъ епископомъ (der obersten Bischoff)“ и т. д. Власть Духовной Коллегіи (Св. Синода) была только номинальной, будучи вполнѣ зависимой отъ государя. Въ добавокъ ко всему этому всѣ эти принципіальныя перемѣны были произведены nach der Art Protestirender Fütsten.

3. Голосъ народа. Старообрядцы[1]).

Народъ. Совсѣмъ иными глазами смотрѣлъ на вещи православный Русскій народъ. Народной массѣ, къ которой должны быть причислены большинство средняго класса, весь нисшій, а также духовенство, были непонятны конечныя цѣли преобразованій Петра, въ которыхъ русскіе люди замѣчали прежде всего надруганіе надъ родной священной стариной, во имя еретическихъ иноземныхъ обычаевъ и порядковъ. Въ самомъ Петрѣ очень многое оскорбляло и поражало народъ: его пренебреженіе къ прежнему укладу жизни „благочестивыхъ“ царей, его нервная подвижность и энергичная дѣятельность, его сближеніе съ иностранцами, его собственныя поѣздки за границу, его вѣротерпимость къ „еретикамъ“ и дозволеніе смѣшанныхъ браковъ, его глумленіе надъ церковными обрядами, порядкамм и духовенствомъ, его „всешутѣйшій соборъ“ и „свадьба князя-папы“ и т. д. Преобразованія Петра и продолжительная Великая Сѣверная война требовала отъ народа чрезвычайнаго напряженія силъ и однѣ эти тяготы рекрутскаго набора, принудительнаго труда, подушной подати и т. д. могли служить основаніемъ народнаго протеста. Но этого мало. Законодательство Петра коснулось ближайшимъ образомъ и Церкви. Перемѣна лѣтосчисленія, запрещеніе лить большіе колокола, разореніе часовенъ, запрещеніе крестныхъ ходовъ и т. д., вызывали въ народѣ страшный соблазнъ; стали прямо говорить, что Петръ иконоборецъ. Съ самаго начала XVIII в. Петръ ополчился на монашество и его бытъ, подвергъ его всевозможнымъ ограниченіямъ и лишилъ прежняго матеріальнаго довольства. Неуваженіе Петра къ Церкви дошло до того, что онъ отмѣнилъ патріаршество, учрежденное Богомъ, по мнѣнію народа, на вѣчныя времена, а самъ подвергнувъ насильному постриженію свою первую жену, женился на лютеранкѣ, воспріемникомъ которой при принятіи православія былъ его же сынъ Алексѣй Петровичъ и, такимъ образомъ, вышло, что Петръ женился на своей внучкѣ по духовному родству, которое русскіе цѣнили гораздо больше, чѣмъ плотское. Словомъ, вся окружающая дѣйствительность подавала полное основаніе къ недовольству, которое и выразилось въ открытыхъ бунтахъ стрѣльцовъ, въ тайномъ ропотѣ, въ открытыхъ упрекахъ въ лицо царю, въ заговорѣ на его жизнь, въ лубочныхъ картинахъ, какъ, напр., „Какъ мыши кота погребаютъ“, наконецъ, и въ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ какъ весь государственный, общественный и семейный бытъ старинной Руси носилъ религіозный отпечатокъ, то и всѣ петровскія новшества народъ разсматривалъ и оцѣнивалъ, главнымъ образомъ, съ религіозной точки зрѣнія. Понятно поэтому, что свое отрицательное отношеніе народъ резюмировалъ, наконецъ, во взглядѣ на Петра, какъ воплощеннаго *Антихриста*. Первыми проповѣдниками этого взгляда были

---

[1]) См. *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, III, 1368—1396. — *И. А. Чистовичъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. СПб. 1868, стр. 59 и 98 прим. 1 — *Сахаровъ*, Старорусская партія и расколъ при Петрѣ I (*Странникъ*, 1882 г., т. I, стр. 32—55, 213—232, 355—371). — *Проф. П. С. Смирновъ*, Споры и раздѣленія въ русскомъ расколѣ въ первой четверти XVIII в. СПб. 1909, стр 145—185. — *Его же*, Исторія русскаго раскола старообрядства. Изд. 2 СПб. 1895, стр. 195—196. — *Е. Шмурло*, Петръ В. въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. Вып. I (XVIII в.) СПб. 1912, стр. 13—30 (оттискъ изъ Журнала Мин. Нар. Просв. за 1911 г. №№ 10, 11, 12, 1912 г. №№ 5, 6).

православный человѣкъ — Григорій Талицкій и раскольникъ Варлаамъ Левинъ [1]), къ которымъ были благосклонны и епископъ Игнатій Тамбовскій и даже самъ мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій [2]). Не мудрено поэтому, что мысль, будто Петръ — Антихристъ, „развивали, на разные лады, и священникъ [3]), у котораго отобрали пчельникъ и требовали небывалыхъ прежде сборовъ, и бродячій старецъ, котораго ловила полиція, и крестьянинъ, которому приходилось не въ мочь отъ тягостей новаго тягла, и сынъ боярскій, изнуренный службой, и вдова-стрѣльчиха послѣ колесованнаго мужа, и нищій, которому не велѣно было просить милостыню, — всѣ, кого только коснулись новые порядки. Одни распространяли свои мысли чрезъ подметныя письма, другіе прямо лѣзли на казни, чтобы побороться съ антихристовою прелестью, поносили царя на площадяхъ, улицахъ, въ церквахъ [4]).

Старообрядцы. Народное недовольство вообще, какъ и проповѣдь о Петрѣ-Антихристѣ нашло себѣ живой откликъ, поддержку и дальнѣйшее развитіе въ старообрядчествѣ, этомъ наиболѣе консервативномъ и наиболѣе сознательномъ въ религіозномъ отношеніи элементѣ того времени. Старообрядцы не только осмыслили народный протестъ, но и выразили его въ своихъ сочиненіяхъ, пользуясь которыми мы можемъ возстановить болѣе реально, какъ приняли русскіе люди отмѣну патріаршества и какъ поняли они внутреннюю сущность той перемѣны, которая произошла въ строѣ Русской Церкви вслѣдствіе учрежденія Петромъ Духовной Коллегіи и что, наконецъ, имъ не понравилось въ Духовномъ Регламентѣ.

Поморскіе отвѣты. По повелѣнію Петра, опредѣленіемъ отъ 23 апрѣля 1722 года Св. Синодъ постановилъ: „во раскольническіе станы, ради разглагольствія и увѣщанія, послать отъ Синода опредѣленнаго къ раскольнымъ дѣламъ іеромонаха Неофита неотложно и дать ему инструкцію по надлежащему.“ [5]). Неофитъ былъ посланъ въ Олонецкую провинцію на Петровскіе заводы, гдѣ и долженъ былъ имѣть свое пребываніе [6]). Согласно этому постановленію Неофитъ, бывшій однимъ изъ учениковъ извѣстнаго нижегородскаго епископа Питирима [7]), въ послѣднихъ числахъ сентября 1722 г. прибылъ въ Петрозаводскъ и вызвалъ къ себѣ для собесѣдованія старообряцевъ знаменитой Выговской пустыни. Но представители ихъ просили Неофита изложить письменно, о чемъ будутъ вестись собесѣдованія, что онъ и сдѣлалъ, написавъ имъ 106 вопросовъ, на которые 28 іюня 1723 г. они и представили ему свои отвѣты въ двухъ экземплярахъ. То были т. наз. „*Поморскіе отвѣты*“, ставшіе какъ бы первой символической книгой раскола [8]). Здѣсь, среди другихъ разнорѣчій старообрядцевъ съ господствующею Церковью, Неофитомъ былъ прямо поставленъ поморцамъ слѣдующій вопросъ 52 [9]): „Благочестивый государь нашъ Императоръ Петръ Великій, самодер-

---

1) См. *Г. Есиповъ,* Раскольничьи дѣла XVIII ст. СПб. 1861, т. I, стр. 3—84.

2) Ibidem, стр. 5, 32.

3) О послѣдователяхъ Талицкаго изъ среды духовенства см., между прочимъ, у *Г. Есипова,* Ibidem, стр. 13, 49.

4) *Проф. П. С. Смирновъ,* Споры и раздѣленія въ русскомъ расколѣ въ первой четверти XVIII в. СПб. 1909, стр. 149.

5) П. С. П. т. II, № 560. 6) Ibidem.

7) О немъ см. ниже т. II, приложеніе 6.

8) О посылкѣ Неофита и происхожденіи „Поморскихъ отвѣтовъ“ см. *Макарія М. М.* Исторія русскаго раскола. Изд. 3. СПб. 1889, стр. 377—381.

9) См. „Отвѣты пустынножителей на вопросы іеромонаха Неофита“ въ изданіи Старообрядческой типографіи Симакова въ Уральскѣ 1911 г. въ 4⁰, стр. 462—463. Объ этомъ изданіи см. *В. Г. Дружинина* „Подлинная рукопись Поморскихъ Отвѣтовъ и ея изданіе“. Извѣстія Отдѣленія рус. яз. и словесности И. А. Н. т. XVII, 1912 г., кн. 1, и отдѣльно СПб. 1912.

жецъ всероссійскій, и Святѣйшій Правительствующій Синодъ, и вси православніи христіане, вѣрно со упованіемъ надежду имѣютъ спасеніе получити, вы же вмѣняете ли за православныхъ, или причитаете къ нѣкакимъ еретикамъ, ко отпадшимъ отъ восточныя Церкви? (Стр. 462—463). Отвѣчая на этотъ вопросъ, поморцы должны были такъ же прямо и по существу опредѣлить и выяснить свое отношеніе къ царской власти и Св. Синоду. И они не задумались это сдѣлать, чѣмъ и любопытенъ для насъ ихъ Отвѣтъ 52: „Христосъ Богъ во священномъ Евангеліи, научаетъ, глаголя: воздадите убо яже кесарева кесареви: и яже Божія, Богови: Лука, глава 2. Симъ спасительнымъ его наказаніемъ и мы, грубіи научаемся, яже въ богослуженіе и въ богоугожденіе надлежатъ, благочестія таинства, церковная уставохраненія, спасителная дѣла, воздавати всемѣрно Богови: тако и отъ его вседержащія Божія десницы поставленному, и славою и честію вѣнчанному, всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему Императору, всемилостивѣйшему нашему государю, должныя чести и покоренія, благодаренія и всевѣрная служенія, всеусердно воздавати. Сице мы и отъ апостольскаго священнаго наказанія научаемся, глаголющаго: Бога бойтеся, царя чтите: 1 Петрово, глава 2. Сице мы и отъ святоотеческихъ гласовъ, и отъ прародителей и родителей нашихъ навыкохомъ, древлецерковное святоотеческое благочестіе, богоугожденіе, и во спасеніе душъ своихъ, всевѣрно содержати; и его богоизбранное всепресвѣтлѣйшее Императорское Величество, честнѣйшими гласы всеговѣйно почитати. Мы аще о внесенныхъ отъ Нікона новопреданіихъ сомнѣваемся, но не сомнѣваемся о богопоставленнѣмъ самодержавствіи. богохранимаго и богопомазаннаго самодержца: но его боговѣнчанное и богопочтенное, премудрое и всемилостивѣйшее Величество, всепресвѣтлѣйшаго Императора Петра Великаго. Отца отечествія, богохранимаго самодержца, всемилостивѣйшаго нашего государя, всеговѣйно почитаемъ, и всеусердно прославляемъ, и всежеланно благодарствуемъ, и благодарствовати и почитати когда не престанемъ. Мы его государскаго благочестія не истязуемъ, но Господа Бога за его милосердое Величество молимъ, по реченному у пласмопѣвца (псал 19): Господи, спаси царя, и услыши ны, въ онъ же день аще призовемъ тя. Мы его императорскаго православія не испытуемъ, но всякого блага его боголюбивому величеству доброхотно желаемъ, и отъ Господа Бога просимъ. Тѣмъ, еже и въ вопросѣ семъ вопрошаеши, о нелѣпомъ причитаніи къ нѣкакимъ, и прочая: но о его богопомазаннѣмъ всепресвѣтлѣйшемъ Величествѣ, таковаго нѣлѣпаго причитанія, или инаго нечестнословія, не точію глаголати, но и слышати не хощемъ, и воспрошаемыхъ таковыхъ словесъ произносити ужасаемся. *Мы и Святѣйшаго Правителствующаго Синода не уничижаемъ, но честно почитаемъ:* и архіерейскаго достоинства безчестными словесы не оглаголуемъ. Аще же о новостѣхъ какихъ, отъ ніконовыхъ временъ въ церковь внесенныхъ, сомнѣваемся и опасаемся, и древлеправославныя церкве, святоотеческое содержаніе, безсомнительно во спасеніе своихъ душъ содержимъ: но на ихъ архіерейскія высокія чины, мы премалѣйшіи и послѣднѣйшіи, суда наносити не дерзаемъ. Мы и прочыя отъ Бога почтенныя всероссійскія градоправителей и военачальниковъ персоны, должни не судити, но честно почитати, и Бога за нихъ молити: яко за почтенныя отъ Бога, яко за радѣтели и правители государства, яко за вѣрныя и доброхотливыя служители великому государю. Мы и прочыя вся россійскія христіаны осуждати опасаемся, по священному апостольскому заповѣданію, сице глаголющу: ты кто еси, судяй чюждему рабу? своему Господеви стоитъ или падаетъ. Къ Римлян., глава 14. Тѣмъ же долженствуемъ мы не прочія судити, но свое спасеніе разсуждати и соблюдати, и отъ Господа Бога просити: міръ вселеннѣй даровати, и душамъ нашымъ велію милость“ [1]).

[1]) „Отвѣты“ въ томъ же изданіи, стр. 463—465.

Отвѣтъ поморцевъ несомнѣнно нѣсколько уклончивъ. Пользуясь благоволеніемъ Государя, они не хотѣли его потерять, и потому отвѣтили въ почтительномъ тонѣ. Выговцы вообще держали себя осторожно и избѣгали конфликтовъ съ предержащей властью, что можно видѣть также изъ того, какую позицію они заняли въ вопросѣ о молитвѣ за царя [1]. Однако несомнѣнно, что въ своемъ почтительномъ отношеніи къ свѣтской и духовной власти поморцы были неискренни.

Ереси никоновской Церкви. Настоящую точку зрѣнія раскола на церковную реформу Петра и Духовную Коллегію можно подмѣтить въ другихъ сочиненіяхъ раскольнической литературы. Сюда относятся прежде всего сочиненія перечисляющія *ереси никоновской Церкви.* Такъ, напр., въ рукописи И. П. Библіотеки Ѳ. І. 352 на л. 11-мъ упомянуты слѣдующія *ереси:*

„12. *Настаніе синода,* и в немъ четырехъ ексарховъ обливаніем крещенных; от них же во въсю Россію хиротонія истекаше, (на поляхъ: 1700 году Стефанъ Рязанской, Смоленской шляхтичъ, Дмитрей Ростовс., Феодосій Новоговод.).

13. Составленіе книги, оправъданія поливателнаго крещенія, (на поляхъ: 1724 году, сочинител ей Феофан Прокопович)“.

Въ другой рукописи И. П. Б. Q. I. 347, подъ заглавіемъ: *„Книга явственное показаніе о имѣющихся нынѣ въ великороссійстѣй никоніянской церкви ересѣхъ“* находимъ и болѣе пространныя разсужденія на нашу тему, а также и критику нѣкоторыхъ положеній Духовнаго Регламента.

„Ересь 28. И еже отложи никоніанская церковь въ тайнѣ священства патріаршее въ Росіи преимущество, до конца Російскаго святителя лицѣ и нареченіе уничтожи и присемъ всякаго священнаго чина истиннаго достоинства искушати отложи и въ тайнѣ Евхаристіи седмопросфирное служеніе и прочая, и въ тайнѣ покаянія епитиміи за грѣхи и прочая отложи.

Засвидѣтелствованіе. О семъ же самое дѣло свидѣтелствуетъ, еже никоніанская церковь отъ временъ Петра Перваго не имѣетъ въ Росіи патріаршескаго преимущества и всеросійскаго святителя лица и нареченія, якоже и въ предисловіи книги Камня пишетъ, яко по отставленіи патріарша престола, Императоръ Петръ повелѣ исперва блюстителемъ быти Стефану Митрополиту Резанскому, потомъ же Синодъ (вмѣсто патріаршества и единаго всеросійскаго святителя лица) изъ многихъ лицъ учинися. и до нынѣ тако имѣется, патріаршества же всеросійскаго, святителя единственнаго лица отнюдь въ Росіи не имѣется. Такоже и всякаго во всякой священной чинъ въ никоніанской церкви нынѣ по школнымъ токмо наукамъ производятъ, по правиламъ же достоинства (сирѣчь по житію чистоты душевныя и тѣлесныя не искушаютъ и лѣтъ правилныхъ) не взыскуютъ. Тако и въ тайнѣ Ехваристіи седмопросфирное служеніе отложи никоніанская церковь, и съ клятвеннымъ запрещеніемъ, якоже въ Пращицѣ во отвѣтѣ 212, пишетъ, еже служити на седми просфиряхъ, таковыхъ соборнѣ восточніи патріарсіи Паисій Александрійскій, Іоасафъ Московскій, и вси россійстіи Архіереи проклятію предаша, и аще которіи нынѣ дерзнутъ тако служити, проти-

---

[1]) См. *П. С. Смирнова,* Споры и раздѣленія въ русскомъ расколѣ въ первой четверти XVIII в СПб. 1909, стр. 345—352. Въ рукописи собранія В. Г. Дружинина № 539 содержится трактатъ о царемоленіи, въ которомъ проводится мысль, что должно чтить всякую, въ томъ числѣ и государственную власть и за нее молиться. Между прочимъ на л. 168 читается слѣдующее заключеніе предшествующихъ разсужденій: „убо зѣло все крѣпко быти достовѣрствуется еже и внѣшнѣй власти всякую покорность (кромѣ повреждения догматовъ вѣры) творити благоключимо есть, яко оныхъ самъ Богъ поставляетъ и своею областію всесильно ими владѣетъ: по реченному (отъ лица самого Бога) отъ премудраго Соломона“. Въ свою очередь на лл. 265—268 повторенъ 52-ой Поморскій отвѣтъ. Ср. еще рукописи И. П. Библіотеки Q. I. № 1071 и 1072 тоже въ пользу моленія за царя.

вящеся восточнѣй и великороссійстѣй церкви и выше помяненной соборнѣй клятвѣ, таковіи суть прокляти, и отъ таковыхъ не можетъ быти и сущее тѣло и кровь Христова весма, и проч. Сицѣ и въ тайнѣ покаянія епитиміи, отмени книга Регламентъ Духовный 1723 года, о епитиміяхъ листъ 16, по неудобству ни каковой не налагати епитиміи, за грѣхи прощенія сподобити и безъ епитиміи удостоити причастія. Именно же въ древнемъ обычаи бывшую епитимію, еже на долгое время лишати причастія, отселѣ отставити и оной ктому не быти. Указъ синодской 1722 году маія 5-го. Древнія правила были на долгое время запрещать отъ причастія. Церковь святая, власть имущая, прощаетъ древніи канонъ, и къ причастію припускаетъ безотложно, и прочая.

Извѣщеніе и обличеніе. Святіи же и Божественніи ученицы христовы Апостоли въ 34-мъ своемъ Богодухновенномъ правилѣ уставиша и повелѣша. Епископомъ коегождо языка вѣдати иже въ тѣхъ перваго, и имѣти его яко главу, яко же именно тако лежитъ сіе правило въ книгѣ Матѳіа правилника въ составѣ 5-мъ во главѣ 11 и въ посланіи Мелетія патріарха Александрійскаго въ Кириловѣ книгѣ и въ Скрижалѣ листъ 31. Того ради здѣ въ Россіи до патріаршества митрополитская единоличная духовная область бяше. Таже Духомъ Святымъ патріаршеское преимущество устроися (якоже въ Кормчей въ грамотахъ явствуетъ) царства ради, по правилу перваго собора шестому вселенского и прочимъ, якоже и въ Скрижали въ дѣяніи соборнемъ бывшемъ въ Царѣ градѣ о патріаршествѣ россійскомъ являетъ. Никоніанская же нынѣ церковь въ тайнѣ священства таковое свыше отъ самого Бога чрезъ божественныхъ его Апостолъ преданное уставленіе (о единоличномъ коегождо языка верховномъ Святители) отложи. Отъ самого же Бога Духомъ святымъ устроенное здѣ въ Росіи древлегреческою святою церковію патріаршеское преимущество отложи и отмени. Убо явѣ и чрезъ сіе самому Богу воспротивися и Духу его Пресвятому и святымъ апостоломъ и древлегречестѣй и древлеросійстѣй святѣй церкви. И противу онаго явѣ возратова и не нѣкое что малое отложи, но главнѣйшій тако чинъ и образъ Христова священства чрезъ сіе явѣ отмѣни и уничтожи и прочая. Также всякаго и священнаго чина о достоинствѣ искушати (си есть по житію о чистотѣ душевной и тѣлесной и о лѣтахъ взыскивати) во святыхъ же всѣхъ правилехъ апостольскихъ и святыхъ отецъ соборныхъ и особныхъ повелѣвается. И яснѣйше зри о семъ въ номоканонѣ Афонскихъ отецъ собраніе, и кія вещи препятствуютъ Священному чину ясное показаніе. Никоніанская же церковь и сему сопротивъ по школьнымъ точію наукамъ въ священной чинъ производитъ, правилнаго же достоинства не испытуетъ и не взыскуетъ, убо и симъ Святымъ правиломъ зѣло супротивляется. Тако и въ тайнѣ Евхаристіи седмопросфирное служеніе святыя же древле православныя церкви благолѣпное и таинственное преданіе и содержаніе, о чесомъ чти во Отвѣтахъ Поморскихъ во отвѣте... и прочихъ пространное о преданіи семъ казаніе. Никоніанская же церковь и сицевое благолѣпное и таинственное святыя церкве содержаніе не токмо дерзну отложити, но и проклятію предати въ соборномъ своемъ свитцѣ и въ Пращицѣ. Откуду якоже самого Бога и Святыхъ его, и святую церковь, тако и содержаніи и преданіи церковныхъ не токмо отмѣтница, но и великая хулница отвсюду показуется Никоніанская церковь. Сице и въ тайнѣ покаянія епитиміи за грѣхи и отлученія отъ святаго причащенія. Во всѣхъ же правилѣхъ Апостольскихъ и Святыхъ отецъ соборныхъ и особныхъ, яснѣйше въ правилѣхъ святаго Василія Великаго показуется. Никоніанская же церковь откровенно вся таковыя правилы Регламентомъ и указами своими и властію своею отрину, и отреваетъ, яко же сама явно не обвинуяся глаголетъ, откуду и превзятая

смѣлость и ужасная дерзоть Никоніанскія церкви показуется. Еже дерзну тако не на нѣкія, но на вся купно правила Святыхъ вознестися, и вся оны смѣло отринуты сею ересію. Еще же и о знаменіи той таковой вещи правилы, си есть о епитиміяхъ, то есть о исправленіихъ о очищеніихъ грѣховъ человѣческихъ, откуду, отринувши таковыя правилы и епитиміи, отрину явѣ человѣческое исправленіе и грѣховъ очищеніе, еже и еретикомъ месаліаномъ и латіномъ за сіе (епитимѣй оставленіе) Никоніанская церковь уподобися, по преподобному Никону Черногорскому и Святѣйшему Филарету патріарху и прочимъ".

Далѣе ересь 29 говоритъ о запрещеніи Никоніанскою церковью иночества (разумѣются Прибавленіе къ Духовному Регламенту и указъ 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ, а затѣмъ ересь 35 возстаетъ противъ запрещенія въ Духовномъ Регламентѣ подаянія милостыни и нищенства.

Такимъ образомъ уже самый фактъ „настатія", т. е. „учрежденія Св. Синода" раскольники считали ересью, т. е. худшимъ, что можетъ быть для вѣрующаго человѣка. Собора по образцу древнихъ вселенскихъ или помѣстныхъ они никакъ не хотѣли въ немъ признать. Съ другой стороны отмѣну патріаршества, какъ единоличной духовной власти, установленной самимъ Богомъ, раскольники считали ничѣмъ не поправимою ересью и нарушеніемъ каноновъ.

„Собраніе о Антихристѣ". Въ сочиненіяхъ о томъ, что Петръ есть Антихристъ, раскольники пошли еще дальше и точнѣе квалифицировали сущность тѣхъ отношеній, въ какія встали между собою государь и духовная іерархія со времени замѣны независимаго патріаршества Св. Синодомъ. Самое раннее *раскольническое* сочиненіе о Петрѣ, какъ воплощенномъ Антихристѣ, неизвѣстнаго автора, можетъ быть Косьмы Андреева, относится къ 1710 г., и появилось на Керженцѣ, среди послѣдователей этого расколоучителя. Но выраженное имъ ученіе находило себѣ распространеніе и въ другихъ мѣстахъ [1]). Однако особенное развитіе оно получило въ сектѣ странниковъ, основанной бѣглымъ солдатомъ Евѳиміемъ (1743—1792) [2]). Изъ среды этой секты и вышло, правда уже въ концѣ XVIII в. [3]), *„Собраніе отъ святаго писанія о Антихристѣ"* [4]). Здѣсь, на ряду съ общими разсужденіями о пришествіи Антихриста въ лицѣ Петра, говорилось, что „той Лжехристосъ нача превозношатися паче всѣхъ глаголемыхъ Богомъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣмъ, гоня и муча Православныхъ Христіянъ, истребляя отъ земли память ихъ, распространяя свою новую

---

[1]) *П. С. Смирновъ.* Споры и раздѣленія въ русскомъ расколѣ въ первой четверти XVIII в. СПб. 1909, стр. 150—162.

[2]) *Е. Шмурло.* Петръ В. въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. В. I. СПб. 1912, стр. 19—26.

[3]) О чемъ можно судить по тому, что въ этомъ сочиненіи цитируются „Дополненія къ Дѣяніямъ П. В." Голикова и др. книги второй половины XVIII в.

[4]) Напечатана въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. за 1863 г. Генварь—Мартъ кн. I, „Смѣсь" стр. 52—71, подъ заглавіемъ *„Выписана исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ св. писанія о Антихристѣ"*, при чемъ редакція прибавляетъ, что „никакой подобной печатной Исторіи нѣтъ. Это выдумка, чтобы скрыть свое. Получена отъ раскольниковъ Пермской губерніи. Повидимому то же сочиненіе, хотя можетъ быть съ другого списка, напечатано *В. Кельсіевымъ* въ его „Сборникѣ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ". 4 выпуска, Лондонъ 1860—1862 (см. в. II, стр. 245—267) а также въ отрывкахъ въ анонимной статьѣ *„Православнаго Собесѣдника"* за 1868 г. № 9, стр. 82—91. „Замѣчанія на рѣзкіе отзывы раскольниковъ о Петрѣ В.", въ которой цитаты приведены изъ статьи: „Сказаніе о антихристѣ, еже есть Петръ первый", находящейся въ рукописи Библіотеки И. Казанской Духовной Академіи безъ номера, подъ названіемъ „Цвѣтникъ". Выписки изъ этого „Собранія" приведены были уже въ сочиненіи *И. А. Чистовича,* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, СПб. 1868, стр. 59, прим. I, откуда ими пользовались отчасти и въ послѣдующей литературѣ, напр. В. В. Бѣлоґостицій,

Жидовскую Вѣру, и Церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови, по совершенномъ своея злобы совершеніи, новолѣтіе Янусовое, и узаконивъ отъ онаго вести лѣтосчисленіе, *а въ 1721 году пріялъ на себя титлу Патріаршескую,* именовася Отецъ Отечества, яко же свидѣтельствуетъ книжка „Царство мертвыхъ" (листъ 115), и *Глава Церкви Россійскія*, и бысть самовластенъ, не имѣя никого въ равенствѣ себѣ, восхитивъ на себя не точію Царскую власть, *но и Святительскую* и Божію, бысть самовластный *пастырь, едина безглавная глава* надо всѣми, противникъ Христовъ, Антихристъ" [1]).

Въ другомъ мѣстѣ того же „Собранія" читаемъ: „И той лжехристъ и помазанникъ Жидовскій, Царь пріиде на престолъ Всероссійскій въ 1721 году *принялъ на себя титлу Патріаршескую,* назвася Отцомъ Отечества и Императорства Августѣйшаго и обладателя многихъ странъ и народовъ, и такъ нача паче мѣры возвышатися той лжепомазанникъ, и *восхити* на ся, не точію Царскую власть, *но и Святительскую* и Божію; яко же папа въ Римѣ, такъ и сей лжехристосъ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Россіи Православныя Вѣры, и свои новыя умыслы уставляя и нова законоположенія полагая, по духовному и гражданскому расположенію, састави многія регламенты и разосла многіе указы во всю Россію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и *устави* Сенатъ и *Синодъ, и самъ бысть надъ ними главою и судіею главнѣйтимъ*, и тако нача той глаголемый Богъ, паче мѣры возвышатися" [2]).

Тамъ же, наконецъ, въ подтвержденіе того, что Петръ дѣйствительно похитилъ себѣ святительскую власть, авторъ ссылается прямо на Духовный Регламенъ. Онъ пишетъ: „И тако той лжехристосъ, *восхитивъ* на себя Царскую и *Святительскую власть, и вступи на высочайшую степень Патріаршескую,* яко свидѣтельствуетъ о томъ изданная имъ книга „Регламентъ Духовный", листъ 3, въ 9-ти пунктахъ: како и для чего уничтожи Патріаршество, *дабы ему единому властвовати,* не имѣя ровна себѣ, но, вмѣсто того, *устави Синодъ* или Синедрію, содержащую въ себѣ правленія духовныхъ дѣлъ, имѣя въ себѣ 12 членовъ, 4 Ассессора, 2 Президента, 2 Вице-Президента, и *утверди ихъ* седьмоклятвенною [3]) *присягою,* дабы кромѣ его единаго, ни какихъ дѣлъ не творити, *но имѣли бы его единаго превысочайшею главою и судіею всея Церкве...* И паки той же лжехристосъ, восхищая на себя Святительскую власть, именовася Отцомъ Отечества, ибо Патріаршее имя именуется, по слову Правыя Вѣры (гл. 19) Отецъ Отцовъ всего свѣта; тако и той именовася Отецъ Отечества" [4]).

Наконецъ, еще одно изъ сочиненій секты Странниковъ, приписывая Петру цѣлый рядъ дѣяній, доказывающихъ, съ ихъ точки зрѣнія, что онъ Антихристъ, говоритъ, между прочимъ, что онъ *„похитилъ духовную власть и предсѣдательство въ ней...* четырехъ экзарховъ: Стефана Рязанскаго, Митрея Ростовскаго, Θеодосія Новгородскаго и шляхтича Смоленскаго (Θеоѳана Прокоповича), попежскаго отродія сущихъ обливанцевъ, табачниковъ и усонадсѣкателей въ присутствіе (Синодъ) избра, *самъ же въ нихъ пятый сѣде разсуждати духовная, на мѣстѣ отставленнаго*

---

[1]) *Чтенія*, стр. 53. — *Кельсіевъ*, в. II, стр. 248. — *Прав. Собес.* стр. 85.
[2]) *Чтенія*, стр. 58. — *Кельсіевъ*, в. II, стр. 253—254. Ср. 259 и 263.
[3]) Дѣйствительно слово „клянусь", „клятва" употреблено въ „Присягѣ членовъ Духовной Коллегіи" семь разъ. См. т. II, приложеніе 2.
[4]) *Чтенія*, стр. 60.

имъ патріарха, да не претитъ ему вводити языческія обычаи и *назвася главою*" [1]).

Выводы. Какъ видно изъ приведенныхъ отрывковъ изъ раскольническихъ сочиненій, они поняли сущность церковной реформы Петра, а въ частности учрежденіе Духовной Коллегіи и содержаніе Духовнаго Регламента, совершенно такъ же, какъ поняли ихъ и иновѣрные намъ иностранцы, усмотрѣвъ въ происшедшей на ихъ глазахъ перемѣнѣ церковнаго строя и быта, а также и отношеній русскаго государя къ церковной іерархіи, явленіе глубокаго принципіальнаго значенія. Замѣна патріаршества Духовной Коллегіей далеко не показалась русскому народу лишь замѣной единоличнаго правленія, болѣе совершеннымъ коллегіальнымъ. Они отлично разобрались въ томъ, что 9 „винъ" первой части Духовнаго Регламента бьютъ гораздо дальше, а именно устанавливаютъ *юридическую* зависимость Духовной Коллегіи, а съ нею и всей іерархій, отъ монарха [2]). Отъ народа не ускользнулъ и совершенно особый характеръ „седьмоклятвенной присяги", въ которой іерархи, вопреки заповѣди Евангелія, должны были клясться именемъ Божіимъ [3]), и между прочимъ, въ томъ, что „съ клятвою исповѣдуютъ Крайняго Судію Духовной сей Коллегіи быти самого всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго" [4]). Вся совокупность этихъ данныхъ позволяла народу прямо утверждать, что Петръ объявилъ себя „единаго превысочайшею *главою* и *судіею* всея Церкве", сталъ „самовластнымъ *пастыремъ*", и сдѣлалъ это не по праву, а путемъ нарушенія Божьяго установленія, *похитивъ* титлу и власть патріаршую. Очень важно отмѣтить, что старообрядцы, болѣе другихъ близкіе по духу Московской Руси, совсѣмъ не видѣли естественнаго преемства въ характерѣ власти и отношеній Петра къ Церкви и іерархіи съ его предками царями Московскими. Напротивъ, въ образѣ дѣйствій Петра они усматривали коренную перемѣну, не умѣя опредѣлить ее точнѣе въ юридическихъ понятіяхъ.

Выше было отмѣчено сходство взглядовъ русскихъ людей, въ томъ числѣ и раскольниковъ, со взглядами иновѣрныхъ намъ иностранцевъ. Разница заключалась не въ опредѣленіи сущности дѣла, а въ его *оцѣнкѣ*. Иностранцы не могли найти словъ чтобы, достаточно превознести Петра за его сближеніе съ Западомъ и чуть ли не обращеніе народа въ лютеранство, за насажденіе имъ тѣхъ отношеній государства къ Церкви, которыя усвоили себѣ нѣмецкіе территоріальные князья (Landesherrn), особенно со времени Реформаціи (Landeskirchenthum). Напротивъ, коренные русскіе люди, какъ православные, такъ и старообрядцы, не могли найти словъ, чтобы достаточно заклеймить это самое, и высшее напряженіе своего оскорбленнаго религіознаго чувства выразили въ томъ, что объявили Петра воплощеннымъ Антихристомъ.

---

[1]) *И. К. Пятницкій*, Секта Странниковъ и ея значеніе въ старообрядчествѣ. Изд. 2, СПб. 1912, стр. 110. По поводу выписанныхъ словъ авторъ въ примѣчаніи говоритъ: „Не говоря уже о томъ, что и здѣсь масса историческихъ несообразностей, нельзя не замѣтить, что Странники въ лицѣ „Тюменскаго Странника" позволяютъ себѣ утверждать, что послѣ того, какъ Петръ I, обривши бороду, пріѣхалъ въ Москву и за это получилъ отъ патріарха названіе „Заморскаго кота", то „избравъ время, убилъ его (патріарха) патріаршимъ жезломъ", самъ же „вшедъ въ грановитую палату, вынувъ свой булатный мечъ и ударивъ по столу онымъ булатнымъ мечемъ: азъ вамъ царь, патріархъ, Богъ вамъ—трижды возглашалъ". Рукопись Мельникова, библ. Титова, 2216, стр. 21.

[2]) См. напр., 3-ю „вину": Се наипаче силно есть, когда Коллегіумъ правительское *под* державнымъ Монархомъ есть, и от Монарха уставленно". См. т. II, текстъ Д. Р. часть I, п. 3.

[3]) Ср. Критику Маркелла Родышевскаго во II, томѣ, приложеніе 14.

[4]) См. т. II, приложеніе 2.

4. Попытки церковной реакціи.

Смерть Петра. Смерть Петра Великаго произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. Она вызвала не только оффиціальныя выраженія скорби, но и безыскусственное горе его ближайшихъ сотрудниковъ[1]. Но были, несомнѣнно, и другіе люди, для которыхъ смерть Петра была избавленіемъ, если они, вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, желали ея и раньше. Она подавала имъ надежду на возвращеніе къ старинѣ. Положеніе новаго правительства было поэтому труднымъ и оно стремилось на первыхъ порахъ укрѣпиться путемъ цѣлаго ряда льготъ и милостей[2]. Вслѣдъ затѣмъ было найдено, что „программа Преобразователя слишкомъ обширна“[3]) и стали, гдѣ можно ее сокращать. „Къ счастію, говоритъ С. М. Соловьевъ, не отступили отъ программы относительно нравственныхъ средствъ народа, которыя были въ зародышѣ, но, развиваясь, обѣщали вѣрный, хотя и медленный успѣхъ во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни“[4]. Иными словами не отступили отъ дальнѣйшаго насажденія образованія, но отъ нѣкоторыхъ мѣропріятій въ церковной области по финансовымъ соображеніямъ стали уже отступать[5]. Во всякомъ случаѣ самая возможность передѣлки по своему того, что было сдѣлано великимъ императоромъ, до извѣстной степени развязывала руки тѣмъ, кто плохо умѣлъ скрыть свое недовольство еще при его жизни. Съ этой точки зрѣнія очень характерно, что даже ближайшіе сотрудники Петра — Меншиковъ, Макаровъ, Остерманъ, Апраксинъ, Головкинъ, П. Толстой, какъ доказываетъ Н. П. Павловъ-Сильванскій[6], не дорожили основаніями его реформы, мало ей сочувствовали, и не вполнѣ ее понимали, поэтому и на предложеніе Екатерины I представить ей свои мнѣнія о томъ, что предпринять для отвращенія внутреннихъ и внѣшнихъ опасностей, обнаруженныхъ послѣ Петра, въ своихъ запискахъ они предложили очень многое перестроить и передѣлать, хотя безъ всякаго плана[7]. Чего же было ждать отъ тѣхъ, кто видѣлъ въ Петрѣ Антихриста?

Ѳеодосій Яновскій. Но церковные реакціонеры были гораздо ближе и первымъ изъ нихъ оказался Новгородскій архіепископъ Ѳеофосій Яновскій, первый вицепрезидентъ Св. Синода. Нѣтъ возможности рѣшить, былъ ли Ѳеодосій глубоко неискреннимъ сотрудникомъ Петра столь долгое время, или онъ измѣнилъ свое отношеніе къ церковной реформѣ подъ вліяніемъ оскорбленнаго самолюбія и чувствительнаго ущерба, наносимаго ею матеріальному обезпеченію духовенства, къ чему по личнымъ мотивамъ Ѳеодосій былъ очень не равнодушенъ. Во всякомъ случаѣ еще при жизни Петра Ѳеодосій сталъ рѣзко выражать недовольство нѣкоторыми церковно-государственными мѣропріятіями, видя въ нихъ умаленіе церковной власти и матеріальную обиду Церкви. Со смертью Петра Ѳеодосій уже никого не боялся. „Главнымъ предметомъ, возбуждавшимъ въ немъ горячность и вызывавшимъ запальчивыя слова, — говоритъ И. А. Чистовичъ, — было вмѣшательство свѣтской власти въ церковныя дѣла и устраненіе духовенства

[1]) *Е. Шмирло*, назв. соч. стр. 31 и слѣд.

[2]) *Мардефельдъ* — Королю СПб. 10 февр. 1725 г. № 9 (Сб. И. Р. И. О. XV стр. 255) пишетъ послѣ смерти Петра: „Между тѣмъ предпринимаются во всемъ государствѣ всевозможныя мѣры для укрѣпленія настоящаго правленія. *Духовенство задабривается*, („Man contentiret die Geistlichkeit), объявлено о значительныхъ льготахъ въ недоимкахъ“...

[3]) *С. М. Соловьевъ*, Ист. Россіи кн. IV, 904. [4]) Ibidem.

[5]) См. *Мое* сочиненіе, Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. СПб. 1909, стр. 9—13.

[6]) Въ статьѣ „Мнѣнія Верховниковъ о реформахъ Петра В.“ Сочиненія, т. II, 373—401.

[7]) Впрочемъ новый порядокъ вещей въ общемъ сохранился и развивался. — Ср. *В. Веретенниковъ*, Проектъ уничтоженія Сената XVIII в. Харьковъ, 1913.

отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ и совѣщаніяхъ" [1]). Такъ онъ возмущался тѣмъ, что послѣ коронаціи Екатерины I Синодъ указами предписалъ по какой формѣ должно возносить имя государыни. Ѳеодосій говорилъ: „какая то будетъ молитва, что по указу молиться?" [2]). Смерть Петра была въ его глазахъ карой Божіей за присвоеніе власти надъ духовенствомъ: „вотъ-де,—говорилъ онъ въ Синодѣ, — только коснулся духовныхъ дѣлъ и имѣній, Богъ его взялъ". — „Государь-де блаженныя памяти *весьма тщился ниспровергнуть сіе духовное правительство* и для того насъ утѣснялъ штатами и недачею жалованья; а теперь-де смотрите, отцы святые, мы живы, а онъ умре, его нѣтъ" [3]). По показанію нѣкоторыхъ членовъ Синода Ѳеодосій говорилъ также: *„доколѣ будетъ тиранство надъ Церковію*, дотолѣ добра надѣятися невозможно. А въ Церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало" [4]).

Судьба Ѳеодосія извѣстна. По доносу Ѳеофана, поддержанному другими членами Св. Синода, Высочайшимъ указомъ 11-го мая 1725 г. Ѳеодосій былъ сосланъ въ дальній корельскій монастырь въ устьѣ Сѣверной Двины, въ заточеніе. Но потомъ оказалось, что еще въ 1724 г. Ѳеодосій привелъ подчиненныхъ ему лицъ въ епархіи къ присягѣ на *вѣрность* себѣ, составивъ ея текстъ [5]) по образцу приложенной къ Духовному Регламенту присяги членовъ Духовной Коллегіи на вѣрность государю. Въ этомъ поступкѣ Ѳеодосія справедливо усмотрѣли большіе замыслы, своеобразные „замахи" [6]) и потому 8-го сентября 1725 г. было приказано Синоду лишить его сана. 5 февраля 1726 г. Ѳеодосій умеръ, не вызвавъ своею участью и смертью ни въ комъ сожалѣнія [7]).

Георгій Дашковъ и Игнатій Смола. Хотя лично Ѳеодосій Яновскій никому не внушалъ симпатіи, однако это не значитъ, что у него не было единомышленниковъ въ самомъ главномъ, а именно въ желаніи возстановить патріаршество. Къ ихъ числу нужно отнести прежде всего *Георгія Дашкова*, архіепископа Ростовскаго, происходившаго изъ дворянскаго рода и имѣвшаго на своей сторонѣ почти всю знать того времени [8]). Именно Георгій Дашковъ,

---

[1]) *И. А. Чистовичъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. СПб. 1868, стр. 151.

[2]) Ibidem.

[3]) *И. А. Чистовичъ*, ibidem. [4]) Ibidem, 162.

[5]) См. О. Д. и Д. Арх. Св. Синода, т. V, № 199. Здѣсь Ѳеодосій требовалъ повиновенія „собственной моей правильной власти, великому господину Св. Пр. Синода вицепрезиденту пресвященному Ѳеодосію" и т. д.

[6]) Любопытно сопоставить съ этимъ донесеніе прусскаго посланника при русскомъ дворѣ Густава Ф. *Мардефельда* королю изъ С.-Петербурга отъ 15 мая 1725 г. № 36 (Сборникъ И. Р. И. О., XV, стр. 284), о намѣреніи Ѳеодосія произвести переворотъ. „Архіепископъ Новгородскій, — пишетъ Мардефельдъ, — первое духовное лицо въ государствѣ, человѣкъ высокомѣрный и весьма богатый, но недалекаго ума, подвергнутъ опасному слѣдствію и, по слухамъ, совершилъ гос. измѣну. Его намѣреніе было сдѣлаться незамѣтнымъ образомъ патріархомъ. Для этой цѣли онъ сдѣлалъ въ Синодѣ, и притомъ со внесеніемъ въ протоколъ, слѣдующее предложеніе: предсѣдатель теперь умеръ, Императоръ былъ тиранъ, кот. не уважалъ религіи, а напротивъ лишилъ духовенство его собственности; Императрица не можетъ предстоять Церкви, а слѣдовательно дошла теперь очередь до него сдѣлаться предсѣдателемъ Синода. Притомъ онъ еще будто произнесъ много возмутительныхъ рѣчей. Весь Синодъ объявилъ ему, что они и знать ничего не хотятъ о его предсѣдательствѣ. Чѣмъ былъ Императоръ, тѣмъ же теперь Императрица, безъ приказаній которой они ничего не предпримутъ. Меня увѣряютъ, будто онъ уже привезенъ въ крѣпость и за свое безразсудство посаженъ подъ стражу и будто онъ выказываетъ возможную покорность, чтобы только получить помилованіе, что наврядъ ли будетъ имѣть успѣхъ. Солдатъ, кот. на дняхъ также зарился на подобныя возмутительныя рѣчи, лишился безъ долгаго суда своей головы".

[7]) *И. А. Чистовичъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 147—179. — *Б. В. Титлиновъ*, Ѳеодосій Яновскій (въ Русскомъ біографическомъ словарѣ, СПб. 1913, стр. 346—357).

[8]) *И. А. Чистовичъ*, стр. 185—186.

ставшій послѣ Ѳеофана и Ѳеофилакта Лопатинскаго третьимъ лицомъ въ Св. Синодѣ, стремился взять въ свои руки первую роль, и, если возможно, сдѣлаться патріархомъ. Къ нему примыкалъ и попавшій при Петрѣ въ опалу Коломенскій Митрополитъ *Игнатій Смола.* Будучи по должности Митрополита Крутицкаго вторымъ лицомъ послѣ патріарха, или въ то время — его мѣстоблюстителя, Игнатій до учрежденія Духовной Коллегіи могъ справедливо считать себя однимъ изъ главныхъ кандидатовъ на патріаршество, и смерть Петра могла лишь возродить въ немъ надежды [1]). Были и другія лица, которыя даже въ царствованіе Екатерины I съумѣли рядомъ протестовъ вызвать реакцію въ пользу старины [2]).

Время Екатерины I. Но царствованіе Екатерины для этого не было вполнѣ благопріятно: Она сама, какъ и неродовитые помощники Петра, въ родѣ Меншикова, могли держаться у власти, лишь продолжая по мѣрѣ силъ прежній курсъ. Поэтому именно при Екатеринѣ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта высшее духовенство было еще болѣе унижено, а Св. Синодъ не только не былъ уничтоженъ, но въ 1726 г. преобразованъ согласно мыслямъ Петра, съ раздѣленіемъ его на два аппартамента и т. д. [3]).

Петръ II. Но вступленіе на престолъ еще при жизни бабушки — постриженной Петромъ въ монахини, нелюбимой жены его царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной, сына трагически погибшаго царевича Алексѣя Петровича, Петра II-го сопровождалось политической реакціей еще болѣе полной. Не говоря о томъ, что царица-бабушка и вся ея родня по возможности были возстановлены въ своей чести и получили лучшее содержаніе [4]), самая государственная жизнь едва не повернулась на старое.

Реакція коснулась, конечно, и Церкви. Такъ, напр., уже 12 іюня 1727 г. [5]) въ В. Т. Совѣтѣ рѣшено было „всѣхъ епархій архіереямъ деревни отдать по прежнему въ ихъ вѣдомство, а что съ которой епархіи положено брать въ казну, то имъ платить въ Камеръ-Коллегію по прежнему“. Далѣе повелѣно было „опредѣлить членовъ Коллегіи Экономіи А. Баскакова въ Камеръ-Коллегію вице-президентомъ, К. Чичерина въ Вотчинную Коллегію вице-президентомъ, Л. Щербачева въ ту же Коллегію совѣтникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ — А. Бибикова патріаршимъ дворецкимъ и всѣ приказы и судей опредѣлить ровно такъ, какъ было при патріархахъ, и для того о томъ написать роспись, какъ прежде правилось“ [6]). Затѣмъ 23 іюня въ Совѣтѣ разсуждали уже о томъ 1), чтобъ Моск. Синодальной Конторѣ и Дикастеріи

---

1) Ibidem, 190. 2) Ibidem, 188.

3) См. *Мое* сочиненіе, „Населенныя недвижимыя имѣнія“. СПб. 1909.

4) См., напр., въ Журналахъ и протоколахъ В. Т. Совѣта постановленіе 6 ноября 1727 г. № 403 объ отправленіи къ Государынѣ Царицѣ Евдокіи Ѳеодоровнѣ съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, лошадей, каретъ и конскихъ уборовъ (Сб. И. Р. И. Ѳ. т. 69, стр. 708). — Протоколъ В. Т. С. 9 февраля 1728 № 55: „Его В. на мѣсто свое садиться не изволилъ, а изволилъ стоять и объявилъ, что Е. В. по имѣющейся своей любви и почтенію къ Е. В. Государынѣ Бабушкѣ своей желаетъ, чтобъ Ея Величество по своему высокому достоинству во всякомъ удовольствѣ содержана была; того-бъ ради учинили о томъ опредѣленіе и Его Величеству донесли“. (Это сейчасъ же было исполнено. Петръ утвердилъ прибавивъ), „что ежели еще и сверхъ того изволитъ чего потребовать, то Е. В. со особливой своей любви и почтенія учинить изволитъ“. (Сб. И. Р. И. О. т. 79, стр. 114—115.) Далѣе, 16 февраля 1728 г. Петръ указалъ отпускать на содержаніе бабки своей по 60 тысячъ рублей въ годъ (ibidem, т. 79, стр. 128). 11 марта къ ней назначенъ особый дворъ (ibidem, т. 79, стр. 212), къ которому приписаны деревни (ibidem, т. 79, стр. 274) и т. д. Дѣтямъ Аврама Лопухина и Степану Лопухину были возвращены ихъ собственныя и даны новыя деревни изъ Меншиковскихъ (ibidem, т. 69, стр. 709, 725). Возвращена даже серебряная посуда, отобранная у Аврама Лопухина (ibidem, т. 101, стр. 337), и т. д.

5) Петръ II вступилъ на престолъ 7 мая 1727 г.

6) Прот. В. Т. С. 12 и 13 Іюня 1727 г. № 326 и 328. Сборникъ И. Р. И. О. т. 63 стр. 696 и 700. Назначеніе, однако, не состоялось.

не быть, а быть Духовному Приказу подъ вѣдѣніемъ еп. Крутицкаго, а между тѣмъ взять вѣдомость, какія въ Дикастеріи дѣла. 2) О патріаршемъ Казенномъ Приказѣ справиться, какія тутъ дѣла бывали прежде, и кто судьею, и нынѣ какъ тотъ Приказъ состоитъ. 3) Коллегіи Экономіи не быть, Камеръ Конторѣ не быть, а приказныхъ людей отдать въ патріаршъ Разрядъ, который учиненъ будетъ по прежнему[1]. Мало того, самый Синодъ подвергся ревизіи[2]. Ѳеофанъ Прокоповичъ, этотъ главный дѣятель Петровской церковной реформы, явно отодвинутъ былъ на второй планъ. Вмѣсто него выступили Георгій Дашковъ, Ѳеофилактъ и Игнатій Смола[3]. Затѣмъ начались приготовленія къ коронаціи юнаго императора и „въ духовномъ кругу, — говоритъ И. А. Чистовичъ, — по поводу этихъ церемоній, разыгрывались въ эту пору самыя смѣлыя мечты. Любимой темой этихъ воздушныхъ построеній было патріаршество. Это было pium desiderium всѣхъ приверженцевъ старины, потерянный рай, утраченный золотой вѣкъ для монашества. И чѣмъ грустнѣе, печальнѣе была потеря, уничтоженіе этого званія, тѣмъ пріятнѣе и живительнѣе была надежда на его возстановленіе“[4]. Кандидатомъ въ патріархи называли Ѳеофилакта или Георгія Дашкова, который и сталъ добиваться этого сана[5]. Однако „мечты Георгія не сбылись. Коронація обошлась безъ патріарха. Священный обрядъ этотъ совершенъ Ѳеофаномъ, а Георгій и милостивцы его утѣшались тѣмъ, что время терпитъ, и что такого большого дѣла нельзя сдѣлать вдругъ“[6].

Несмотря на политическую и церковную реакцію, приверженцамъ старины было трудно чего либо добиться потому, что оставался непоколебленнымъ главный дѣятель Петровской церковной реформы, высокообразованный, умный и очень тактичный Ѳеофанъ Прокоповичъ, для борьбы съ которымъ требовались по крайней мѣрѣ равныя силы, а ихъ у отдѣльныхъ представителей реакціонной партіи не было. Понятно поэтому, что они постарались найти и поводы и сообщниковъ, чтобы какъ нибудь одолѣть Ѳеофана.

Маркеллъ Родышевскій. Интриги противъ Ѳеофана и доносы на его приближенныхъ, косвенно направленные противъ него самого, бывали и раньше. Но тогда Ѳеофанъ имѣлъ покровителя въ лицѣ самого Петра. Послѣ смерти послѣдняго, первый же доносъ подговореннаго къ этому псковскаго провинціалъ-инквизитора іеромонаха Савватія въ началѣ 1725 г. противъ судьи псковскаго архіерейскаго дома архимандрита *Маркелла Родышевскаго* послужилъ завязкой къ очень длинному и сложному дѣлу, которое, правда, не привело къ своей цѣли, не сломило Ѳеофана Прокоповича, однако нерѣдко ставило его въ очень тяжелое положеніе, а попутно подало поводъ его противникамъ высказать, хотя бы отчасти, то, что они имѣли противъ него и его главнаго дѣла — составленія Духовнаго Регламента и содѣйствія учрежденію Духовной Коллегіи[7]. Со своей стороны архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, бывшій сначала подставнымъ лицомъ,

---

1) Прот. В. Т. С. № 388, 23 іюня 1727 г. Сборникъ И. Р. И. О. т. 63, стр. 793—797. *Соловьевъ*, IV, 1037—1038. *Мое* сочиненіе, Насел. недв. имѣнія.., стр. 29—30. Ср. *И. А. Чистовича*. стр. 223.

2) *И. А. Чистовичъ*. 224. 3) Ibidem, 225—226.

4) Ibidem, 229. 5) Ibidem, 229. 6) Ibidem, 242—243.

7) Это дѣло подробно передано *И. А. Чистовичемъ* въ его книгѣ: Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. СПб. 1868, стр. 154—159; 195 и слѣд. Подлинное, подъ названіемъ: „Дѣло объ архимандритѣ Маркеллѣ Родышевскомъ, обвинявшемъ Ѳеофана Прокоповича въ неправославіи, о переводѣ книги патера Рибейра противъ Буддея, о противникахъ Прокоповича Михаилѣ Аврамовѣ, Ѳеофилактѣ Лопатинскомъ, Евфиміи Колетти, Платонѣ Малиновскомъ, также о лицахъ прикосновенныхъ къ этимъ дѣламъ, Алексѣѣ Барсовѣ, Алексѣѣ Макаровѣ и др.“, находится въ Государственномъ Архивѣ, VII разрядъ № 221, 7 частей въ 8 картонахъ (1726—1745 г.). Дѣло это во многихъ своихъ частяхъ почти совсѣмъ истлѣло и чатается съ большимъ трудомъ.

на которое, яко бы, направленъ былъ доносъ Савватія, вскорѣ оказался *орудіемъ* Георгія Дашкова противъ Өеофана, и потому въ послѣдовавшемъ затѣмъ розыскѣ, главнымъ образомъ, Маркеллъ явился обличителемъ Өеофана.

Не имѣя надобности подробно слѣдить за развитіемъ всего дѣла, мы тѣмъ не менѣе заинтересованы въ выясненіи того, что именно служило предметомъ обличенія со стороны Маркелла и его единомышленниковъ, точнѣе какъ отнеслись они къ учрежденію Духовной Коллегіи и содержанію Духовнаго Регламента? Первоначально Өеофану удалось изъять доносъ на Маркелла изъ Синода и взять въ свои руки [1]). Но затѣмъ, въ 1726 г. дѣло по доносу Савватія возобновилось въ Синодѣ [2]). Маркеллъ былъ допрошенъ и тогда впервые заявилъ о томъ, что знаетъ о противностяхъ къ Церкви нѣкоторыхъ синодальныхъ членовъ [3]). По требованію Ромодановскаго объяснить, кого и что онъ при этомъ разумѣетъ, Маркеллъ 5 іюля 1726 г. представилъ Преображенской Канцеляріи обличеніе на Өеофана, съ подробнымъ перечнемъ его противностей православной Церкви и съ указаніемъ его сообщниковъ Гавріила Бужинскаго, Өеофана Кролика и Давида Скалубы, въ 47 пунктахъ [4]). Исходнымъ пунктомъ обличеній Маркелла является обвиненіе Өеофана въ склонности къ лютеранству, проявленной имъ въ цѣломъ рядѣ его сочиненій (п. 1). Затѣмъ Өеофанъ обвиняется въ отрицательномъ отношеніи къ почитанію иконъ и мощей (п. п. 2, 4, 5, 6, 7) и въ томъ, что „Вселенскихъ Патріарховъ Жидами и еретиками и Церкви самыми противниками зоветъ, и буде-де не покаются, то станетъ къ нимъ писать, акибы о обличеніи ихъ суевѣрія, а потомъ отъ Церкви отлучить и анаѳемѣ предать хотѣлъ“ (п. 21); въ томъ, что „Архіереевъ и Іереевъ православныхъ жерцами и Фарисеями называлъ“ (п. 22), „иноческій чинъ крайне ругаетъ и весьма Богу противнымъ нарицаетъ“ (п. 23). Защищаясь отъ этихъ обвиненій, Өеофанъ говоритъ лишь о двухъ своихъ книжкахъ, въ которыхъ изложено его ученіе объ оправданіи — „о отроческомъ наставленіи“ и „о блаженствахъ евангельскихъ“. Какъ та, такъ и другая были одобрены, — говоритъ онъ, — Петромъ Великимъ, и отсюда выводитъ, что Маркеллъ направляетъ свое обличеніе собственно на „славу толикаго монарха“. При этомъ Өеофанъ вновь излагаетъ свое ученіе объ оправданіи. Въ п. 20 Маркеллъ писалъ: Өеофанъ „Священниковъ Россійскихъ называетъ жириволами, лицемѣрами, идолскими жерцами [1]), а чернцовъ мужиками и чертями, и монашество и черницъ желаетъ искоренить“. Өеофанъ отвѣчалъ на это такъ: „Вѣдаю, что великая часть нашего священства непотребныи суть и таковыхъ именъ или подобій достойни, не по званію своему, но по нраву и негодности, и кто сего не вѣдаетъ? Вѣдаю, что и добріи и совѣстныи обрѣтаются. А то ложь безсовѣстная, будто сплошъ всѣхъ Священниковъ такъ я охужаю. И чернцы бездѣлныи, не за чернечество, но за злодѣйство, ругація достойни: о многихъ извѣстна Преображенская Канцелларіа, кромѣ прочіихъ. И жалостно намъ, что честный чинъ монашескій отъ многихъ, именемъ токмо и по платью монаховъ, монашески не живущихъ, хулится такъ, какъ Павлу Святому жалостно было на многихъ своего времени Христіанъ, когда глаголетъ: „Вами имя Божіе хулится“. Лжетъ же клеветникъ (Маркеллъ Родышевскій), будто я желаю монашество искоренить. Какъ мнѣ

1) *И. А. Чистовичъ*, 158—159. 2) *И. А. Чистовичъ*, 195. 3) Ibidem, 199.
4) Ibidem, 202. Эти пункты, собственноручно подписанные Маркелломъ, находятся въ Гос. Архивѣ, VII, № 221, картонъ 7. Они напечатаны въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. 1862 г., кн. 1, стр. 45—49 въ статьѣ, подъ заглавіемъ „Дѣло о Өеофанѣ Прокоповичѣ“. Пункты и возраженія на нихъ частью пересказаны *Чистовичемъ*, стр. 205—220. У насъ обращено вниманіе въ нихъ на то, что подходитъ къ нашей темѣ.

дѣлать, чего не могу? Смѣшно же весьма говоритъ: „Монашество и черницъ“, будто черницы не монашество. Мое желаніе о исправленіи, а не о раззореніи чина монашескаго явствуетъ изъ Регламента Духовнаго, гдѣ старинныя чина сего правила предложилъ я. Но не трудно знать, чего Маркеллъ въ пунктѣ семъ касается. Указомъ блаженныя памяти Государя Императора не велѣно постригать до указу монаховъ: а клеветникъ, на то смотря, на мене пунктъ сей написалъ, дабы другіе помыслили, что отъ мене то произошло [2]. Далѣе слѣдовала такая полемика. *Маркеллъ* говоритъ (п. 33): „Чинъ Архіерейскій (Θеофанъ) всячески поноситъ и ругаетъ, и величавымъ и гордымъ называетъ, и говоритъ, что де Архіерей отъ Священника ничѣмъ не разнствуетъ“ [3]. *Θеофанъ* отвѣчалъ: „Чудо, я, хотя грѣшный, Архіерей, чинъ мой ругаю: безстудная клевета! Вѣдаю же и исповѣдую, что разность есть не малая чина Архіерейскаго отъ Іерейскаго. Но откуду разность: изъ самого ли Писанія, или отъ установленія Церковнаго? Есть школное богословцевъ преніе, къ народу не надлежащее: толко же извѣстно, что великая разность [4]. *Маркеллъ* (п. 28): „Пустынное житіе весма порочитъ, лицемѣрствомъ и Богу противнымъ нарицаетъ“ [5]. *Θеофанъ:* „Лжетъ. А каковое мое о томъ разсужденіе, извѣстно есть изъ Духовнаго Регламента“ [6]. *Маркеллъ* (п. 36): „Греческихъ Патріарховъ называлъ Цыганами и говорилъ, что, де, на нихъ въ вѣрѣ полагаться не для чего. Хто, де у нихъ больше денегъ далъ, тотъ и Патріархъ“ [7]. *Θеофанъ:* „Клевещетъ развращеніемъ слова. Всему свѣту явно, какъ не многіи ониxъ престоловъ куплею доставали, о чемъ не одинъ я, но и многіи говорятъ и въ исторіяхъ попечатано. А дабы на вѣрѣ патріарховъ не полагаться, я не говорю“. И далѣе прибавляетъ, что надо смотрѣть на сущность ученія, а не на то, кто говоритъ. Многіе патріархи были еретиками [8]. Послѣдствіемъ этихъ обличительныхъ пунктовъ и отвѣтовъ на нихъ было то, что государыня приказала показаніямъ Маркелла не вѣрить, а между тѣмъ Θеофану объявить, чтобы „впредь ему, архіерею, противностей Св. Церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое безсоблазненное житіе, какъ всѣ великороссійскіе православные архіереи живутъ“ и т. д. [9].

Въ началѣ царствованія Петра II, окрыленный новыми надеждами, Георгій Дашковъ вновь выдвинулъ Маркелла, который 11 декабря 1727 г. и подалъ въ Верховный Тайный Совѣтъ новое доношеніе, въ которомъ онъ опять обличалъ Θеофана въ неправославіи, ссылаясь на его сочиненія [10]. Θеофанъ предупредилъ слѣдствіе по этому дѣлу и въ свое оправданіе вновь сослался на авторитетъ и власть Петра и Св. Синода, съ одобренія коихъ его сочиненія были изданы [11]. Этимъ способомъ онъ очень искусно снималъ съ себя отвѣтственность, заставляя Синодъ въ одно и тоже время защищать свою политическую благонадежность и собственное православіе, какъ высшаго церковнаго учрежденія въ Россіи. Выступая противъ Маркелла, Θеофанъ, собственно, имѣлъ въ виду главнаго виновника Георгія Дашкова, про кото-

1) Здѣсь несомнѣнно содержится намекъ на жрецовъ Жеривола, Куроядя и Піара — дѣйствующихъ лицъ извѣстной „трагекомедіи“ Θеофана Прокоповича „Владиміръ“, сочиненной имъ въ 1705 г. съ явнымъ намѣреніемъ выставить въ ней отрицательныя стороны современнаго ему духовенства. См. *П. Морозова*, Θеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. СПб. 1880, стр. 100—105 съ выписками изъ рукописнаго сборника, въ которомъ находится эта „трагекомедія“, — И. П. Б. О. XIV. 2.

2) Чтенія въ О. и Др. Р. 1862 г., кн. I, стр. 26.

3) Чтенія, ib. стр. 48. Это намекъ на Д. Р. Дѣла епископовъ п. 14 и 15.

4) Чтенія, ib. стр. 29. 5) Ibidem, стр. 47. 6) Ibidem, стр. 28.

7) Ibidem, стр. 48. 8) Ibidem, стр. 32. 9) *И. А. Чистовичъ*, 220.

10) Ibidem, 230—232. *П. П. Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. СПб. 1862, т. I, стр. 496—498.

11) Ibidem, 232–239.

раго Маркеллъ прямо сказалъ, что онъ „вскорѣ будетъ патріархомъ“ [1]). Повидимому въ этомъ не сомнѣвался и самъ Ѳеофанъ [2]). Однако мечты Георгія не сбылись [3]).

Послѣ кончины Петра II 19 января 1730 года и неудачи верховниковъ ограничить въ свою пользу самодержавіе Анны Іоанновны, которая нашла поддержку, между прочимъ, и въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, положеніе послѣдняго очень упрочилось [4]). Новое правительство не только не думало о реакціи, но даже стремилось по своему развить реформы Петра. Поэтому для обличенія Ѳеофана и мечтаній о возстановленіи патріаршества, казалось бы, не было благопріятной почвы. Тѣмъ не менѣе и въ это царствованіе не только Маркеллъ, но и еще новыя лица продолжаютъ выражать свое недовольство церковной реформой Петра и обличать ея главнаго дѣятеля.

М. П. Аврамовъ. Такимъ новымъ лицомъ былъ прежде всего первый директоръ С.-Петербургской типографіи, стат. сов. *Михаилъ Петровичъ Аврамовъ* (1681—24 августа 1752 г.) [5]). Аврамовъ былъ фанатичнымъ ревнителемъ русской религіозной старины, на возстановленіе которой онъ направлялъ всѣ свои силы. Какъ самъ онъ пишетъ въ своей челобитной, поданной Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ [6]), еще при Петрѣ онъ возгорѣлся ревностію противъ одной атеистической книжки, которую ему велѣли напечатать въ количествѣ 1200 экз., а онъ издалъ только 30 и упросилъ Петра ихъ не публиковать. Затѣмъ „тогда же скоро благоизволилъ (Богъ) чрезъ меня, — пищетъ Аврамовъ, — послѣдняго изверга, о заблужденіи и о лукавыхъ вымыслахъ еретиковъ Ѳеодосія, Ѳеофана, Гавріила и прочіихъ ихъ единомышленниковъ объявить сицевымъ образомъ“, а именно Аврамовъ подалъ царю челобитную на названныхъ лицъ, обвиняя ихъ въ еретичествѣ и раззореніи св. Церкви. Петръ благосклонно челобитную принялъ, но ничего не сдѣлалъ. „И послѣ того времени, — продолжаетъ онъ, — оные отчаянные смѣльчаки, яко земляные кроты забився въ норы, съ излишними своими вымыслы на долгое время было утихли, а потомъ паки мало по малу возникли и, паче прежняго укрѣпяся, *привели* его величество и въ сочиненномъ ими и отъ нихъ названномъ Духовномъ Регламентѣ *подписаться* и, подъ тѣмъ монаршескія руки *страхомъ* духовныхъ и мірскихъ особъ, *безъ размотрѣнія* о крыющихся въономъ Регламентѣ *ересяхъ*, всѣхъ *принудили* подписаться. Тогда явно открылся съ небесе гнѣвъ Божій: во

[1]) Ibidem, 239. [2]) Ibidem, 249. [3]) Ibidem, 242.

[4]) *И. А. Чистовичъ*, 256—260. Характерный образчикъ отношеній Ѳеофана къ Аннѣ Іоанновнѣ см. въ *моей* статьѣ „Затѣйка верховниковъ въ чинѣ молебна“. „Церковная Правда“ № 16—17, 1913 г. и отдѣльно Берлинъ 1913.

[5]) О немъ см. статью *Пекарскаго* въ Энцикл. Словарѣ изд. въ 1862 г. рус. учен. и литер. т. I. стр. 272—276. — *Пекарскаго*, Наука и лит. т. I, 498—514 и др. passim. — *I. Шишкинъ*, Михаилъ Аврамовъ, одинъ изъ противниковъ петровской реформы. Невскій Сборникъ 1867 г. I, стр. 375—429. — *И. А. Чистовичъ*, Ѳ. Пр. и его время, СПб. 1868. стр. 260 и слѣд. — *С. А. Венгеровъ*, Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. I, 84—90. — *А. Н. Пыпинъ*, Первое время послѣ Петра В. „Вѣстникъ Европы“, 1895. № 1. — *Н. Павловъ-Сильванскій*, Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В. СПб. 1897, стр. 141. Главнѣйшими *источниками* для упомянутыхъ авторовъ въ изложеніи ими исторіи судьбы Аврамова послужили и служатъ: 1) вышеупомянутое дѣло Госуд. Архива, VII р. (1726—1745) № 221, 7 частей въ 8 картонахъ; 2) дѣло того же Гос. Архива „о Ст. сов. М. Аврамовѣ, возвращенномъ изъ ссылки и потомъ вновь осужденномъ за представленіе И. Елизаветѣ Петровнѣ проектовъ о гражданскомъ и духовномъ управленіи“, VII р. № 770 (1741—1750); и 3) дѣло того же Гос. Архива XVI р. № 332 (1723 г.) съ проектами Аврамова о производствѣ судныхъ дѣлъ, о переписныхъ книгахъ и о вывозѣ мѣдныхъ денегъ. Въ послѣднихъ двухъ дѣлахъ и содержатся тѣ его проекты, которые напечатаны или изложены въ вышеуказанной литературѣ, особенно у *Пекарскаго*, *Шишкина* и *Чистовича*.

[6]) *И. А. Чистовичъ*, 261—267.

время оно, въ самое совершеніе благодарственныя о томъ службы Божіей, явно сталъ быть измѣненъ Государь въ своемъ здравіи, опустились бо тогда лица его скраніи [1]) и самый видъ лица его въ сущую скорбь измѣнился. Ей-ей не лгу, но самую истину пишу. Явно бо и моимъ сердечнымъ очамъ Богъ тогда открылъ его и. величеству происшедшую во здравіи въ наказаніе перемѣну" [2]). Озабоченный этимъ Аврамовъ „паче и паче многократно потомъ съ самымъ жалостнымъ сердечнымъ сокрушеніемъ, во удобное уединительное время, въ типографіи или гдѣ токмо могъ случай улучить, между разговорами другихъ дѣлъ, возъимѣвъ смѣлость о *цѣлости церковной*, о правосудіи, о введеніи всякой правды и о *лукавомъ воровствѣ оныхъ* вышереченныхъ... подъ овчими кожами покровенныхъ *еретиковъ*, во осторожность его величеству неоднократно о всемъ вышереченномъ предлагалъ" [3]). Какую то свою „цѣлую письменную книгу о благихъ во общество дѣлахъ" Аврамовъ „своеручно вручилъ" и Петру II, пользуясь очевидно наступившей реакціей, но эта книга „досталась въ руки лукаваго Остермана и у него до времени погасла" [4]).

Дѣятельность Аврамова въ защиту старины и въ видахъ возстановленія патріаршества оживилась въ царствованіе Анны Іоанновны, когда въ 1730 г. онъ подалъ ей свою третью записку подъ заглавіемъ: *„Должность истинная и прямая Вашего Императорскаго Величества, какъ управлять христіански боговрученную Вамъ имперію"*. Въ этой замѣчательной запискѣ, состоящей изъ 27 пунктовъ [5]), Аврамовъ, между прочимъ, требовалъ отмѣны *клятвы именемъ Божіимъ* [6]), а затѣмъ писалъ: „3. Наипаче же, для самосущаго и глубочайшаго Вашего Величества предъ Спасателемъ Богомъ *смиренія, потребно быти въ Россіи паки святѣйшему патріарху*, самому благоговѣйну мужу, *не отъ польскихъ и малоссійскихъ людей*, съ которымъ, *за оное* крайннее Вашего Величества христіанское *смиреніе*, безъ сумлѣнья, всѣ дѣла, во имя Христово, исправите въ наилучшее [7]). 12. Вѣдать иждивеніе перваго духовнаго правителя и всего духовенства. 13. *Во всемъ съ нимъ, патріархомъ*, о полезномъ правленіи духовенства россійскаго *сноситься* и о лучшей пользѣ промышлять, чтобы оное духо-

---

[1]) Древнее слово: скрания — високъ; въ двойств. числѣ — голова, чело; щека. *И. И. Срезневскій*, Матеріалы для словаря др.-р. языка. СПб. 1903, т. III, вып. 1, стлб. 390.

[2]) *И. А. Чистовичъ*, 265—266.

[3]) *И. А. Чистовичъ*, 266—267. Въ послѣднихъ словахъ Аврамовъ намекаетъ на то, что въ 1723 г. онъ обратился къ Петру съ прошеніемъ по поводу своего желанія устроить въ Казанской губерніи мѣдный заводъ. При этомъ онъ подалъ Петру проектъ „О вывозѣ мѣдныхъ денегъ изъ-за рубежей" (Гос. Арх. XVI, № 332; напечатанъ у *Шишкина*, Нев. Сборникъ, 1867, I, стр. 379—381; пересказанъ у *Пекарскаго*, Н. и Л. I, 498—499). Одновременно онъ подалъ и другой проектъ: „О судѣ и милости Вашего Величества", въ которомъ рекомендовалъ учредить государственныхъ адвокатовъ для пріема челобитныхъ, осмотра колодниковъ и пр. (Гос. Арх. ibidem; напечатанъ у *Шишкина*, стр. 381—384; изложенъ у *Пекарскаго*, 499—500 и у *Чистовича*, 267—268). Здѣсь, между прочимъ, Аврамовъ совѣтуетъ „напечатать въ малыхъ тетраточкахъ славословіе Божіе, Царю Небесный, псаломъ 50-й, символъ, заповѣди Господни и церковные кратко и тѣ тетраточки разослать ко архіереомъ по епархіямъ, а имъ раздать и разослать всѣхъ церквей къ священникамъ". Этою мѣрою онъ хотѣлъ сохранить ученіе по старинѣ и дѣдинѣ, предупредивъ распространеніе составленнаго Ѳеофаномъ по *новому* методу „Перваго ученія отрокомъ" (1720), такъ какъ послѣднее повелѣно было читать даже въ церквахъ вмѣсто книгъ преп. Ефрема Сирина и др. (П. С. З. VII, 4172). См. *Пекарскаго*, I, 500—501. — *Шишкина*, 382.

[4]) *И. А. Чистовичъ*, 267.

[5]) Подлинникъ въ Гос. Арх. (см. выше, стр. XXX, прим. 5). Напечатана у *Шишкин* полностью, стр. 405—407; выписки у *Пекарскаго*, I, 502; и у *Чистовича*, 268—269.

[6]) О значеніи этого требованія см. у насъ т. II, въ примѣчаніи къ Критикѣ Маркелла Родышевскаго.

[7]) „Невскій Сборникъ", 1867, т. I, стр. 405.

венство въ древніе ввесть благочиніе и доброе благосостояніе. 14. И всѣ гражданскіе уставы и указы обрѣтающіеся *съ нимъ разсмотрѣть* прилежно, — *согласны ли* они съ закономъ Божіимъ и церковными св. отецъ уставами, такожде и съ преданіями церковными, и буде которые не согласны, ихъ бы отставить, а впредь узаконять въ согласіи Божьяго закона и церковнаго разума. 15. *Увѣдавъ* о развратившихся въ каковую *ересь*, и прежде, по повелѣнію Христову, *обличить* ихъ и аще не покаются, то, *обще съ патріархомъ*, не косно чинить, какъ церковь и законы государственные повелѣваютъ [1])".

Варлаамъ. Другимъ лицомъ, которое выступило въ аннинское время противъ еретическихъ новшествъ и за церковную старину, былъ бывшій духовникъ императрицы Екатерины I архимандритъ *Варлаамъ*, который, по выраженію *И. А. Чистовича*, въ царствованіе Анны Іоанновны былъ „тайною пружиною всѣхъ послѣдующихъ дѣйствій Маркелла", тогда какъ „дѣятельнымъ посредникомъ между ними былъ Аврамовъ [2])". Варлаамъ не только стоялъ за старые церковные порядки и отрицательно относился къ Св. Синоду, но и самъ считался кандидатомъ на патріаршество. Эти-то три лица начали свои совмѣстныя дѣйствія, во-первыхъ, къ освобожденію Маркелла Родышевскаго изъ заключенія, а затѣмъ — противъ Ѳеофана и Синода [3]). Подъ вліяніемъ Аврамова, Варлаамъ поручилъ Маркеллу написать на имя императрицы прошеніе о своемъ освобожденіи а также *„на книги, что зтиетъ, изъясненіе"*. Аврамовъ передалъ объ этомъ Маркеллу, а также далъ ему „Прокоповичевы тетради" *о монашествѣ* [4]) и 5 рублей денегъ, сказавъ, что все это посылаетъ ему Варлаамъ, — тетради для написанія на нихъ возраженій, а деньги на покупку бумаги и уплату за переписку. Переписанное набѣло возраженіе Варлаамъ хотѣлъ представить государынѣ. *Аврамовъ же отъ имени Варлаама принесъ Маркеллу и Духовный Регламентъ* и книгу Ѳеофана „О блаженствахъ" [5]). Маркеллъ написалъ прошеніе о новомъ разборѣ его дѣла съ Ѳеофаномъ, а также другое — объ устраненіи Ѳеофана отъ коронованія государыни, однако напрасно.

Процессъ Родышевскаго скоро возобновился. Въ это время Маркеллъ написалъ *„Житіе новгородскаго архіепископа Ѳеофана Прокоповича* [6])", въ которомъ говорилъ о еретичествѣ литературной, проповѣднической и церковно-правительственной дѣятельности „Ѳеофана и товарищей его, Ѳеофила Крулика, Гавріила Бужинскаго, Горки и прочихъ [7])". Это „Житіе" получило широкое распространеніе и въ партію Варлаама, Аврамова и Маркелла вошли еще многіе другіе [8]). Началось слѣдствіе, во время котораго Маркеллъ, Аврамовъ и іеромонахъ Іона показали, что они не имѣютъ личной обиды на Ѳеофана, но борются противъ его ересей и раззоренія имъ Церкви [9]). А по вопросу о *возраженіяхъ Маркелла противъ Духовнаго Регламента,* указа о монашествѣ и книги Ѳеофана „О блаженствахъ", которыя уже были Маркелломъ написаны, переданы чрезъ Аврамова Варлааму, а по-

---

[1]) Ibidem стр. 406.
[2]) *И. А. Чистовичъ*, 273, 297.
[3]) Ibidem, 270—279 и далѣе.
[4]) Копію съ указа 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ. Она до сихъ поръ имѣется въ дѣлѣ Гос. Арх. VII, № 221 ч. 7.
[5]) „Невскій Сборникъ", 1867, I, стр. 413.
[6]) Подлинникъ „Житія" находится въ Гос. Арх. VII, № 221, ч. 7. Оно напечатано въ „Дѣлѣ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ" (Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1862, I, стр. 1—4), а въ выдержкахъ приведено у *Чистовича*, 301—304.
[7]) Чтенія, стр. 4. — *И. А. Чистовичъ*, 304.
[8]) *И. А. Чистовичъ*, 297, 299—311.
[9]) Эти показанія см. у *Чистовича*, 306—309.

слѣднимъ — представлены императрицѣ [1]), Маркеллъ показалъ, что онъ написалъ эти возраженія, думая, что Варлаамъ „чинитъ оное по указу Е. И. В.“, „а если бы де о вышепоказанномъ приказу отъ архимандрита Варлаама не было, то-бъ де онъ, Родышевскій, о вышеписанномъ писать никогда не сталъ [2])“. Въ послѣднихъ словахъ несомнѣнно слышится желаніе обвиняемаго смягчить свою вину и избѣжать ея послѣдствій, тогда какъ возраженія Маркелла въ дѣйствительности написаны такъ горячо и живо, что ихъ никакъ нельзя признать писанными только по заказу. Эти-то именно возраженія и представляютъ для насъ особенный интересъ, какъ наиболѣе полная и систематическая критика Духовнаго Регламента и реформы русскаго церковнаго управленія [3]).

Критика Маркелла. Въ критикѣ Маркелла на Духовной Регламентъ, помимо частностей, обращаетъ на себя вниманіе, *во-первыхъ,* основное положеніе его старорусскаго міровоззрѣнія, а именно, что *священство выше царства.* Объ этомъ онъ подробно говоритъ въ двухъ мѣстахъ (§§ 15 и 39). *Во-вторыхъ,* Маркеллъ настаиваетъ на богоучрежденности единоличной церковной власти митрополитовъ и патріарховъ (§§ 18, 19). *Въ-третьихъ,* онъ считаетъ совершенно невозможнымъ, чтобы младшіе, подчиненные епископы посягали на честь и власть патріарха и ее упраздняли своею волею. По его мнѣнію, которое нельзя не признать справедливымъ, такое посягательство въ корнѣ разрушаетъ принципъ іерархической власти и подрываетъ церковную дисциплину (§ 20). Послѣдствія этого сразу же оказались печальными (§ 21). Такимъ образомъ церковная реформа Петра представляется Маркеллу выраженіемъ *глубокаго разрыва со стариною, она лишила Церковь ея самобытности и юридической независимости, а іерархію поработила свѣтской власти.* Какъ могъ сдѣлать такое вопіющее дѣло Петръ? Чтобы оправдать его, а также свѣтскихъ сановниковъ и духовныя власти, которые подписали, все-таки, Духовный Регламентъ, Маркеллъ утверждаетъ, что Ѳеофанъ *обманулъ* Государя и Сенатъ, а духовенство подписалось *не читая* и *подъ угрозой.* Вся отвѣтственность лежитъ на Ѳеофанѣ. И Маркеллъ не щадитъ его съ его единомышленниками, обвиняя ихъ съ большой горячностью въ ереси и раззореніи Церкви. При этомъ многія изъ возраженій и замѣчаній Маркелла, если оставить въ сторонѣ ихъ рѣзкую форму, заслуживаютъ вниманія.

Въ дополненіе къ сказанному можно привести слѣдующій отрывокъ изъ его сочиненія противъ указа 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ (см. подлинникъ въ Гос. Архивѣ, VII, № 221, ч. 7). Въ этомъ отрывкѣ онъ пишетъ о необходимости единоличной духовной власти митрополитовъ или патріарховъ (стр. 109 рукописи). „Сицевіи въ Россіи по преданію апостолскому, что предали быть во всѣхъ градахъ епископамъ, были и въ царствующемъ граде единовластники или первопрестолники, первѣе (стр. 110) митрополиты Московскіе и всея Россіи, а послѣжде настали патриархи зелнымъ прилѣжаниемъ, умолениемъ восточныя церкве, правимыя святѣйшими четверо престолными патриархи, отъ благочестивѣйшихъ великихъ государей нашихъ,

---

1) *И. А. Чистовичъ,* 300.

2) „Невскій Сборникъ“, 1867 г. I, стр. 413.

3) Подлинное „Изъясненіе доказательное М. Родышевскаго противу сочиненія Ѳеофана о монашествѣ“ см. въ Гос. Арх. VII, № 221 ч. 7. Копію съ него и подлинныя собственноручныя возраженія Ѳеофана см. тамъ же, часть 6-я дѣла. Подробный пересказъ того и другого см. у *Чистовича,* 316—326. Напротивъ, возраженія Маркелла на Духовный Регламентъ (Начало: „Вѣчная буди память Петру Великому“... Конецъ: „старецъ узникъ Маркелъ 1731 года марта 3 дня“), подлинникъ которыхъ находится тамъ же въ ч. 7 дѣла, *Чистовичемъ* почти умолчаны (см. у него только 3 страницы 314—316. Поэтому это сочиненіе Маркелла издается нами во II томѣ настоящей работы.

и тако многими вѣками всегда царствующиі градъ, такъ прежде Москвы — Киевъ, еще посемъ Владимеръ, яко и сей Москва имѣли единовластниковъ митрополитовъ, посемъ патриарховъ, ими же и управлялися святе и безсоблазненно и благочестно, і было тогда якоже единъ Богъ и едина вѣра и едино крещение, тако и единъ первенствующиі пастырь первѣйшаго и главнѣйшаго града всероссійского и никогда даже доселѣ не бывало, ниже гдѣ либо во историяхъ писано или слышано, дабы меншихъ градовъ епископы оставивше свои грады безъ собственного надлежащаго въ своемъ конче епархиі приличного по определению святыхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и отцевъ святыхъ уставовъ правления, управляли градъ главного епископа, еже есть патриарха [1]), и мѣсто его, яже никому не приличествуетъ, і новый сей образъ таковаго властелинства изобретенъ и выдуманъ; были всегда соборы, но временны, а не вѣчныи и не нѣкиі токмо [2]) не многихъ епископовъ, и всегда меншиі отъ болшаго благословляетца по Павлу святому апостолу, а не болшиі отъ меншаго; і въ благочестивѣйшихъ во всѣхъ государствахъ по всей вселенной два главнѣйшия бывали властители высочайшиі — (стр. 111) во гражданскихъ дѣлахъ всѣхъ царь, или князь, въ духовныхъ же высочайшиі епископъ, еже есть митрополитъ или патриархъ; и весма непристойно всѣмъ градомъ имѣти своихъ пастырей и церквамъ жениховъ, матери же градовомъ лишенной быти сего; и собрание въ правление епископы и тутъ не удовлетворятъ такъ, какъ надлежитъ, и о своихъ градахъ и епархияхъ никакого попечения должного не імѣютъ и управления принадлѣжащаго"...

Слѣдствіе, поднятое по дѣлу о „Житіи", возраженіяхъ и другихъ сочиненіяхъ Маркелла, было кончено [3]). Виновные осуждены, при чемъ то, на что Маркеллъ нападалъ всего болѣе — Духовный Регламентъ и новый церковный строй, лишь окрѣпли въ своемъ положеніи и получили новое авторитетное признаніе со стороны власти [4]). Но извѣстная часть духовенства и народа все еще не могла примириться съ безвозвратностью прошлаго и съ законностью тѣхъ новшествъ, которыя имъ представлялись еретическими. Объектомъ нападеній продолжалъ быть тотъ же Ѳеофанъ, но не столько лично, а именно какъ главный виновникъ церковной реформы Петра [5]).

Послѣдній проектъ Аврамова. Чтобы закончить изложеніе тѣхъ взглядовъ, представителемъ которыхъ былъ Аврамовъ, необходимо замѣтить, что за соучастіе въ дѣлахъ противъ Ѳеофана онъ былъ осужденъ и 26 ноября 1738 года посланъ въ Охотскій острогъ на житье [6]). Это нисколько не лишило его энергіи, а потому, прощенный при Елизаветѣ Петровнѣ, Аврамовъ подалъ ей опять обширный проектъ, въ которомъ, главнымъ образомъ, говорилъ о церковныхъ преобразованіяхъ Петра, и находилъ ихъ богомерзскими [7]). Въ началѣ онъ доказывалъ, что родители Елизаветы Петровны исправили воинскій и гражданскій чины, исправленіе же духовнаго чина и духовныхъ дѣлъ самъ Господь Богъ благоизволилъ оставить до царствованія Елизаветы Петровны. Далѣе у него идетъ рядъ предложеній, въ которыхъ онъ стремился дать духовенству преобладающее мѣсто предъ всѣми сословіями, учредить нѣчто въ родѣ теократическаго правленія. Такъ, напр.,

---

[1]) Противъ этой строки Ѳеофанъ собственноручно написалъ: NB, Настоитъ о Патріаршествѣ.

[2]) Противъ этой и слѣд. строкъ собственноручно приписано Ѳеофаномъ: NB. Подобная рѣчь въ болшемъ пасквилѣ, отъ чего знать, что Рѣшиловъ или тетрать сію челъ, или въ союжничествѣ съ симъ премудрымъ Авторомъ былъ.

[3]) *И. Чистовичъ*, 326—332.

[4]) Ibidem, 332 подъ конецъ, п. 3.

[5]) Ibidem, главы XVIII—XXVI.

[6]) Пекарскій, I, 506—507.

[7]) Пересказанъ *Шишкинымъ* въ „Невскомъ Сборникѣ", 1867 г. I, 419—426.

не устраняя лицъ духовнаго званія въ случаѣ совершенія ими чего либо беззаконнаго, отъ законнаго возмездія, онъ, однако же, и здѣсь дѣлалъ для нихъ видное исключеніе. „Ежели сами духовныя или державствующія особы въ богопротивныхъ дѣлѣхъ явятся, и о таковыхъ тайно духовнымъ разсмотрѣніемъ изслѣдовавъ, явно учинить и съ ними по закону Божію и по древнимъ правиломъ церковнымъ. Аще же на самихъ духовныхъ и на прочихъ св. Церкви учрежденныхъ служителей о погрѣшностяхъ ихъ отъ кого явная доказательства явятся, и о таковыхъ, окромѣ соборнаго духовнаго суда, нигдѣ не слѣдовать, а по судѣ духовномъ чинить съ ними по древнимъ же св. Церкви правиломъ“ [1]). Далѣе въ проектѣ шла рѣчь о паспортахъ, монашествѣ, странничествѣ, раздачѣ милостыни и т. д., прямо противъ законовъ Петра и Регламента, при чемъ монашество, странничество и нищенство выставлялось самыми прямыми и вѣрными путями ко спасенію. Далѣе Аврамовъ вооружается опять противъ Духовнаго Регламента и новоизданныхъ *богопротивныхъ, атеистическихъ книжищъ* и бранитъ Ѳеофана. Потомъ говоритъ о финансовыхъ соображеніяхъ для увеличенія народнаго богатства, и въ заключеніе пишетъ: „Все усердно тайно доношу, аще благоизволите разсудить: видѣтся *весьма прилично* и *зѣло нужно* надобно *изобрать единаго духовника*, мужа въ православной вѣрѣ, надеждѣ и любви по всему разуму святыя, соборныя каѳолическія церкви живуща.... *учинить его во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ полномочнаго патріарха,* который, по данной ему отъ Христа власти и силѣ, одолженъ смѣло, право и истинно содержать и управлять святую Церковь и собирать къ себѣ повсегодно помѣстный соборъ“ [2]).

21 ноября 1749 г. Аврамовъ былъ вновь взятъ въ Тайную Канцелярію и его рѣшено было сослать въ какой нибудь монастырь [3]).

Арсеній Мацѣевичъ. Среди полемики противъ Ѳеофана и его дѣла особое мѣсто занимаетъ исторія изданія „Камня Вѣры“. Она изложена *И. А. Чистовичемъ* [4]) и другими, и интересна для насъ не сама по себѣ, а тѣмъ, что не ранѣе 1731 г. появилось анонимное „Разсужденіе о Камнѣ Вѣры“ или, по другимъ спискамъ, „Молотокъ на Каменъ Вѣры“ [5]), а въ царствованіе Елизаветы Петровны появилось „Возраженіе на Молотокъ“, написанное Митрополитомъ *Арсеніемъ Мацѣевичемъ* [6]), не ранѣе однако 1748 г. [7]). Это „Возраженіе“, носящее въ рукописи болѣе обстоятельное заглавіе: *„Возраженіе на пашквиль лютеранскій, нареченный Молотокъ на книгу Камень Вѣры, который Молотокъ показался быть восковый, яко воскъ отъ лица огня сирѣчь отъ Слова Божія и самыя истинны изчезнувши“* [8]), интересно, какъ голосъ эпигона первоначальныхъ борцовъ за старый церковный строй. Изъ него мы заимствуемъ лишь одно мѣсто, говорящее объ отмѣнѣ патріаршества и учрежденіи Духовной Коллегіи (см. рукопись И. П. Б. F. I. 190 лл. 12 об. — 15) [9]).

„7. Пашквиль лютеранской. (л. 12 об.). Аще отрицашеся (Стефанъ

---

[1]) „Невскій Сборникъ“ 1867, т. I, стр. 421.

[2]) Ibidem, 426. Какъ это похоже на настойчивыя повторенія Катона: Ceterum censeo Carthaginem esse delendam..

[3]) Ibidem, 427—429. — *Пекарскій*, I, 512—514. — *Чистовичъ*, 680—694.

[4]) Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. СПб. 1868, стр. 366—407.

[5]) *И. А. Чистовичъ*, 386.

[6]) *Свящ. М. С. Поповъ*, Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло. СПб. 1912, стр. 242. Содержаніе „Возраженій“ подробно изложено *И. А. Чистовичъ*, стр. 387—407.

[7]) *Свящ. М. С. Поповъ*, стр. 6, прим. 6.

[8]) Таковъ заголовокъ въ рукописи И. П. Б. F. I. 190, которой мы пользовались. О другихъ рукописяхъ см. Свящ. М. С. Попова, стр. 242, прим. 2.

[9]) Это мѣсто напечатано *Чистовичемъ* не полностью (см. стр. 391—392).

Яворскій) отъ чина епископства, можетъ сіе быть, что ему совѣсть еще возбраняла клятвою противъ закона учителей его и прежде даннаго имъ обѣщанія обязатися, паче же имѣлъ притчину боятися, дабы не вскрылась его нечаянно овчая кожа и не обнажилась бы волчая хитрость. Но какъ очныя эзуиты никаковъ грѣхъ противу угожденія отцу ихъ не вмѣняютъ, и всѣ страсти для его презираютъ, тако и сей, разсудя, воспріялъ и не токмо доволенъ явился, но паче потомъ крайнимъ прилѣжаніемъ трудился, како бы возмогъ чинъ и власть патріарха получить, для котораго дары многимъ роздалъ великія, а иннымъ обѣщалъ. Но его величество, видя, что во ономъ мѣшкѣ не заецъ, но лисица имѣлась, поминая же, какой великой (л. 13) отъ Никона отецъ царь Алексѣй Михайловичъ, а отъ Іоакима онъ самъ трудъ, государство же вредъ понесли, разсудилъ чинъ патріарха отставить и учредить Синодъ, котораго учрежденіе притчины въ Уставѣ Духовномъ описаны, токмо имяна патріарховъ и поступки для предпочтенія церкви не внесены, которому оный Яворскій весма противился, и чрезъ долгое время подписать отрицался, отговариваяся немощми, иногда же, якобы, не яснымъ нѣкоторыхъ пунктовъ истолкованіемъ, а паче не смѣя безъ повелѣнія отъ папы. Но, наконецъ, побежденъ отъ его величества доводами изъ Писма Святаго, и отъ прикладовъ прежде бывшихъ соборовъ, еже оныя собранныя надъ папами власть имѣли, и оныхъ за преступленія судили, и за правилныя притчины извергали, которому противится не смѣя, съ великою горестію подписался, жалѣя, что такъ долго ожидаемаго патріаршества лишился.

Возраженіе на пашквиль. Зоилъ кто былъ, самъ ты знаешь, и не надобно тебѣ объ немъ толковать и сказывать, развѣ для протчихъ кратко воспомянуть, что былъ древній языческій мудрецъ, который по злобѣ и зависти Омира мудреца и писанія его стихотворныи достохвалны порицалъ и охуждалъ, и свои клеветотворныи писанія въ противность составилъ, и Птоломѣю царю египетскому презентовалъ. Однако иного награжденія, кромѣ виселицы не получилъ, и всѣмъ клеветникамъ проименованіе и образецъ быть остался, (л. 13 об.) котораго наслѣдникъ и ты сущій имѣешися, для того тебѣ нелзя сообразить, какъ Омиръ Зоилъ не сообразилъ. Аще бо бы преосвященный Стефанъ не отрицался епископства, то бы ты за то на него то клеветалъ, что клевещеши о патріаршествѣ. А понеже отрицался, то другое клевещеши, сирѣчь папское или езуитское лицемѣріе. И чимъ-же тебѣ сообразить и какъ бы съ тобою поступать, дабы было тебѣ угодно, ежели не такимъ образомъ, какъ Птоломей поступалъ съ Зоилемъ. Кажется нашъ тогдашній Монархъ всему свѣту мудростію удивителенъ, папскихъ и никакихъ лицемѣровъ блюстителствомъ престола патріаршаго и президенціею въ Синодѣ не жаловалъ.

О патріаршествѣ же клевеща Зоилевымъ языкомъ, сказываеши, будто бы преосвященный Стефанъ прилѣжно того сана желалъ и не токмо у протчіихъ, но у самого государя накупался, а государь будто усмотрилъ, что въ мѣшку не заецъ, но лисица, и потому не токмо ты преосвященнаго Стефана, но и самого государя языкомъ своимъ зоилевымъ коснулся. Таковаго же мнѣнія не откуда тебѣ взять и научится, ежели не отъ своего первоначалного учителя Лютера Мартына. Лютеръ бо вашъ усмотривши у папы индулгенціи, зѣло корысный и денежный, желалъ ихъ себѣ получить и прилѣжно объ нихъ всѣми силами старался. Но когда ему въ томъ не повелося, то онъ потому и сталъ быть вѣчный врагъ и соперникъ папѣ. Аще же бы папа индулгенціями Лютера пожаловалъ, то бы у него всегда было съ папою ладно и согласно, и ни какого бы до сихъ поръ разврату не было. Но у насъ какъ патріаршество, такъ и государь (л. 14) не папскаго состоянія, и преосвященный Стефанъ не былъ лютерскаго нрава. Что

же ты, зоилствуя на преосвященнаго Стефана, коснулся и прежнихъ, ничего не виноватыхъ двоихъ патріарховъ, Никона и Іоакима, то уже потому явственно ты себе обличилъ, чей ты другъ прискренній имѣешися, сирѣчь бѣсовскихъ крамолниковъ нашихъ расколщиковъ, которыхъ какова была крамола на церковь и на всецѣлое государство. А какова невинность и терпѣніе Іоакима патріарха съ протчими архіереями, книга Увѣтъ Духовный свидѣтелствуетъ Никонову же такожъ невинность свидѣтелствуютъ диптихи патріаршіи, въ которыи Никонъ, на ряду съ протчими патріархами, ради поминовенія вписанъ, и отъ правовѣрныхъ никто тому не споритъ и не сумнится, едины токмо врази Божіи и церкве святыя расколщики о томъ негодуютъ и завистію терзаются, а ты къ той же компаніи въ прибавку и въ помощь сообщился. Разсудити же бы въ тонкость надлежало, что хотя бы показанныи тобою персоны и подлинно въ какой были погрѣшности, то однако потому не слѣдуетъ санъ патріаршии хулить и порицать, какъ не слѣдуетъ сана апостолскаго ради Іуды Христопредателя отвергать и уничтожать и какъ на вселенскихъ соборахъ ради многихъ патріарховъ ересиарховъ сана патріаршаго не отвергали. Надлежало бы тебѣ такожъ справится, откуду имя и власть патріаршая церкви нашей произошла, а откуду у васъ имя протестантское взялося. Іосифъ Вингамъ пасторъ и учитель аглицкій, надѣюся тебѣ лучше, неже намъ, извѣстѣнъ, о древностяхъ церкве пишущъ, доволно свидѣтелствуетъ, яко власть патріаршая (л. 14 об.) до Никейскаго собору была при архіепископахъ, а именемъ патріаршимъ, какъ архіепископы, такъ и епископы звалися. Но послѣ на вселенскихъ соборѣхъ, а наипаче на Халкидонскомъ четвертомъ соборѣ, имя патріаршѣе и власть при единыхъ пятеро-престолныхъ или четверо-престолныхъ архіереяхъ осталася. А вашу вѣру съ протестанскимъ именемъ всѣмъ извѣстно кто родилъ, сирѣчь Мартинъ Лютеръ, папскій монахъ, съ такоюжъ монахинею Катериною Деворою свалявшійся. А хотя благочестивѣйшій нашъ Монархъ и здѣлалъ по благоволенію своему и усмотренію высокомонаршему вмѣсто патріарха Синодъ, *однако патріаршества совсѣмъ не отвергалъ и не уничтожалъ*, понеже по апробаціи, о томъ къ четверопрестолнымъ патріархомъ посылалъ, *и есть слѣдъ достовѣрный, яко воспріялъ было намѣреніе, чтобы вмѣсто синоду паки устроить патріарха*, понеже когда Феодосъ, бывшей тогда первоначалной синодалной членъ Новгородской архіерей въ соборѣ Успенскомъ представлялъ Его Императорскому Величеству, дабы мѣсто патріаршѣе изъ собору выбросить, таковое представленіе благочестивѣйшій монархъ съ великимъ негодованіемъ вмѣнилъ, и за то жестокій напускъ Феодосу далъ, что ажъ принужденъ ис собору бѣжать, а мѣсто патріаршѣе по особенному высокомонаршему разсмотренію осталося въ цѣлости, какъ прежде было, *и нынѣча настоятеля своего ожидаетъ* по чиноположенію власти апостолскія, вoплощеніемъ Христовымъ здѣланныя. А хотя и Синодъ вмѣсто патріарха у насъ имѣется, однако тебѣ, врагу и сопернику церкве нашея (л. 15), лютеранину, выторжка не обрѣтается, *понеже по твоему хотѣнію не здѣлалося, дабы какъ вашъ регентъ, такъ и пасторы ваши въ Синодѣ присутствовали*, но какъ прежде патріархъ россійскій, такъ и нынѣча Синодъ въ тойже церкви благодатію Божіею состоитъ, въ которой четверопрестолни патріархи православновосточныи начальствуютъ, и какъ папу, такъ и Лютера съ товарыщи проклятію предаютъ и отвергаютъ".

Выводы. Заключая изложенное въ этомъ параграфѣ, мы въ правѣ сказать, что церковная реформа Петра, а особенно отмѣна патріаршества, учрежденіе Духовной Коллегіи и изданіе для этого Духовнаго Регламента, наиболѣе сознательными и смѣлыми представителями духовенства и мірянъ

того времени, были приняты не спокойно. Въ происходившей на ихъ глазахъ перемѣнѣ въ церковномъ строѣ и бытѣ они видѣли явленіе исключительной принципіальной важности ко вреду Церкви, іерархіи и вѣры. И хотя ихъ попытки и настойчивыя домогательства у власти возстановить патріаршество не увѣнчались успѣхомъ, тѣмъ не менѣе молчаніе, къ которому они въ концѣ концовъ пришли, было скорѣе слѣдствіемъ ихъ выяснившагося безсилія вернуть родную православную старину, чѣмъ выраженіемъ ихъ согласія и одобренія реформѣ. „Они забыли, — говоритъ Пекарскій о реакціонерахъ того времени, — одно обстоятельство, бывшее гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя возбудили въ нихъ надежды: *къ прежнимъ порядкамъ нельзя было возвратиться правительству, не потерявъ значительныхъ правъ, которыми оно, начиная съ Петра, стало пользоваться*“ [1]). Предъ этимъ аргументомъ дѣйствительно терялъ свою силу какъ тогда, такъ и послѣ, весь арсеналъ старой московской церковной идеологіи, съ которымъ такъ горячо выступали особенно Аврамовъ и Маркеллъ Родышевскій.

5. Оцѣнка Петра Великаго при его ближайшихъ преемникахъ (1725—1726 г. г.) [2]).

Хвалебные голоса. Въ то время, какъ простой народъ, раскольники и большинство духовенства продолжали дорожить стариною и рѣзко отрицательно относиться къ Петру и его церковной реформѣ, какъ и вообще къ его преобразованіямъ, другая часть русскаго общества, состоявшая изъ тѣхъ, которые и сами, помимо Петра, еще со средины XVII в., получили склонность къ западной цивилизаціи и просвѣщенію и понемногу измѣняли традиціонному религіозному міровоззрѣнію, все болѣе и болѣе поддаваясь омірщенію, гуманитаризаціи, „свѣтскости“, — эта другая часть не могла, конечно, достаточно оплакать смерть Петра и отзывалась о его дѣлѣ не иначе, какъ съ восторженной, иногда даже преувеличенной похвалой. Нартовъ, Неплюевъ, Тредьяковскій, Кантемиръ, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гавріилъ Бужинскій, Сумароковъ, инвалидъ Кириловъ, Ѳ. И. Ушаковъ, іеромонахъ Гедеонъ, Ломоносовъ и др. прославляли Петра, какъ могли, въ своихъ воспоминаніяхъ, стихахъ, проповѣдяхъ и т. д. Они высоко цѣнили выступленіе Россіи на путь обще-европейской цивилизаціи, цѣнили и самую необыкновенную личность царя-труженика [3]).

Съ теченіемъ времени явилось желаніе сохранить великія дѣянія Петра для потомства, и потому вскорѣ принялись за собираніе матеріаловъ и

---

1) *Пекарскій*, Наука и лит. I, 500—501.

2) Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы пользуемся схемой *Е. Шмурло* въ его книгѣ: Петръ Великій въ оцѣнкѣ современниковъ и потомства. В. I. СПб. 1912.

3) *Е Шмурло*, стр. 31—45. „Еще ярче и еще наивнѣе, говоритъ *Е. Шмурло*, проявляетъ свое благоговѣніе къ памяти Петра инвалидъ *Кириловъ*, имѣвшій случай дѣлить съ государемъ труды и опасности жизни и теперь, переживъ царя на много лѣтъ, доживавшій на покоѣ остатокъ своихъ дней. У него былъ небольшой финифтяный портретъ Петра, который онъ держалъ посреди образовъ, въ переднемъ углу и поклонялся ему, какъ иконѣ: ежедневно лобызалъ, теплилъ передъ нимъ свѣчу, точно это было изображеніе какого-нибудъ угодника. На замѣчаніе мѣстнаго архіерея о несоотвѣтствіи его поступковъ съ предписаніями православной церкви, Кириловъ съ негодованіемъ возразилъ: Петръ былъ нашъ ангелъ хранитель, защищалъ отъ враговъ, наравнѣ дѣлилъ всѣ трудности походовъ, ѣдалъ съ нами общую кашу, обращался какъ равный и отецъ; „самъ Богъ прославилъ его побѣдами, не допустя коснуться до его смерти и раны, а ты говоришь: не должно образу его молиться“! Единственное, на что согласился старикъ, это не ставить свѣчи; но самый портретъ продолжалъ стоять на ряду съ образами“ (стр. 36).

составленіе исторіи Петра Великаго[1]). Какъ бы ни были несовершенны первыя попытки въ этомъ направленіи, тѣмъ не менѣе онѣ давали въ руки читателю кое-какія собранныя воедино свѣдѣнія о царствованіи Петра. Среди этихъ свѣдѣній большинство авторовъ сообщали также и о его церковной реформѣ, что и любопытно знать для нашей цѣли.

Кн. Куракинъ. Первымъ по времени историкомъ Петра долженъ быть названъ близкій его современникъ *Кн. Б. И. Куракинъ*, который еще въ 1723—1737 годахъ, находясь въ Гагѣ и Парижѣ, написалъ свою *„Исторію о Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и ближнихъ къ нему людяхъ 1682—1694 гг.*[2]). Церковныхъ реформъ Петра онъ, конечно, не успѣлъ коснуться. Но въ его „Вѣдѣніи о главахъ въ Гисторіи", составляющемъ какъ бы планъ дальнѣйшихъ его работъ по составленію Исторіи Петра, находимъ упоминаніе и церковныхъ событій, а именно: 58. О Никонѣ патріархѣ (ср. еще 59, 60, 68, 88, 89); 139. О смерти патріарха Іоакима; 140. О постановленіи Адріана и его смерти; 321. О установленіи Синоду; 341. О Ѳеодосіѣ архіерѣ; 343. О установленіи Синоду.

„Описаніе преславныхъ дѣлъ Петра". Еще въ царствованіе Анны Іоанновны неизвѣстный сочинитель изложилъ въ законченомъ очеркѣ жизнь и дѣятельность императора. Его сочиненіе сохранилось въ двухъ рукописныхъ экземплярахъ Императорской Публичной Библіотеки F. IV. № 8 л. л. 37—346 и Q. IV. № 266. Въ послѣднемъ экземплярѣ этотъ очеркъ озаглавленъ: *„Описаніе преславныхъ и великихъ дѣлъ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти всепресвѣтлѣйшаго и самодержавнѣйшаго Петра, императора и самодержца всероссійскаго"*[3]). Въ этомъ „Описаніи" на л. 293 перваго изъ упомянутыхъ экземпляровъ F. IV. № 8, подъ заголовкомъ: О начатіи Святѣйшаго Сѵнода" дословно выписано приведенное выше (§ 1) мѣсто изъ „Журнала Петра Великаго".

„Краткое описаніе Петра Змиова". Сохранилась и другая рукописная исторія Петра, составленная коллежскимъ ассессоромъ *Змiевымъ* (?) подъ заглавіемъ: *„Краткое описаніе премудрыхъ, храбрыхъ, преславныхъ, великодушныхъ и свѣтлыхъ дѣлъ Петра Великаго, всероссійскаго перваго имянемъ и перваго въ славныхъ дѣлехъ въ Росіи императора, монарха и отца отечества"* (И. П. Б. F. IV. № 549 in f⁰, 226 стр.).[4]). Но въ этомъ „Описаніи" о церковной реформѣ Петра и учрежденіи Духовной Коллегіи ничего нѣтъ.

Катифоро, Крекшинъ, Лоэнштейнъ, Руссэ, Скіада, Мовильонъ, Гордонъ. Слѣдующіе затѣмъ историки грекъ-аббатъ *Антоній Катифоро* въ своей *Vita di Pietro il Grande, Imperator della Russia*, 1736 г.[5]) „дворянинъ Великаго Новгорода", бывшій комиссаръ *Крекшинъ* въ своемъ сочиненіи *„Краткое описаніе славныхъ и достопамятныхъ дѣлъ императора Петра Великаго,.... представленное разговорами въ царствѣ мертвыхъ"*[6]) (Москва 1808, изд. 4); иностранцы: *Loenstein*, въ *Der grossen Herrn Czaars und Gross-Fürstens Moscau, Petri Alexiewicz Leben und Thaten* 1710; *Jean Rousset*, подъ псевдонимомъ *le Baron Iwan Nestesu-*

---

[1]) *Е. Шмурло*, 45—46.

[2]) Напечатана въ I-ой книгѣ Архива кн. Ѳ. А. Куракина, СПб. 1890.

[3]) *Е. Шмурло*, 46—47; 48—50.

[4]) Ibidem, 47; 50—51.

[5]) Сочиненіе это переведено было съ греческаго языка *Писаревымъ* подъ заглавіемъ *„Житіе Петра Великаго императора и самодержца всероссійскаго, Отца Отечества"*, и представлено имъ въ 1743 г. Елизаветѣ Петровнѣ. Но изданъ былъ переводъ только въ царствованіе Екатерины II (*Шмурло*, 47—48). Мы пользовались вторымъ изданіемъ перевода М. 1788.

[6]) *Е. Шмурло*, 48—49.

ranoi, въ своихъ *Mémoires du règne de Pierre le Grand, empereur de Russie* (1725—1726); *'Αθανάσιος Σκίαδας* въ Γένος, ηθος, κίνδυνοι, καὶ κατορθώματα Πέτρου τοῦ Πρώτου, πατρος πατρίδος, αὐτοκράτορος πάσης τῆς Ῥωσσίας, καὶ τὰ ἑξῆς. 'Ενετίῃσιν 1737; *Eléazar Mauvillon*, въ *Histoire de Pierre I surnommé le Grand, empereur de toutes les Russies* 1742 и *Alexandre Gordon, The History of Peter the Great,* 1755 — ничего не сообщаютъ о церковной реформѣ Петра[1]).

Рабенеръ. Издатель лейпцигскаго журнала Die Europäische Fama *Rabener* въ 1725 г. выпустилъ также свою *Leben Petri des Ersten und Grossen, Czaars von Russland.* Онъ тоже ничего не говоритъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи, но отмѣчаетъ подъ 1701 г., что Петръ послѣ смерти Адріана не назначилъ ему преемника, а только мѣстоблюстителя Стефана Яворскаго. Эту перемѣну онъ считаетъ очень существенной, потому что съ этихъ поръ царь постепенно взялъ въ свои руки всѣ церковныя дѣла, которыми и распоряжался частью лично, частью чрезъ своихъ митрополитовъ, архіепископовъ и проч. При этомъ Рабенеръ сообщаетъ, какъ у Перри, случай съ протестомъ одного епископа (см. Рабенеръ стр, 86—88).

Гассе. *Martin Hassen*, der Sitten= und Staats=Wissenschafft auf der Universität zu Wittenberg öffentliche Lehrer, въ своей книгѣ: *Die Wahre Staats=Klugheit* in gewissen Staats=Grund=Sätzen nach einer vorangesetzten Eintheilung und Ordnung vollständig vorgetragen, und insonderheit mit dem ruhmwürdigsten Exempel des Russischen Kaysers *Peter des Grossen.* Leipzig 1739, много говоритъ о реформахъ Петра и, конечно, хвалитъ ихъ, приводя поступки Петра, какъ образцы государственной мудрости. Между прочимъ, Hassen касается и церковныхъ реформъ Петра, о которыхъ, въ частности же объ отмѣнѣ патріаршества и учрежденіи Духовной Коллегіи авторъ отзывается съ особенной похвалою (см. стр. 94, 159--193). „Allein unter allen Kirchen=Ordnungen, ja unter allen, von diesem grossen Monarchen eingeführten, Satzungen, — говоритъ M. Hassen, — ist wohl diejenige für die weiseste, heilsamste und vornehmste zu halten, welche er im Iahr 1721 zu Petersburg, wegen Errichtung eines beständigen Kirchen=Raths, oder eines so genannten geistlichen Collegii, oder auch einer geistlichen Regierung, ans Licht gestellet. Dem, da er dieser hohen Versammlung die Ober-Aufsicht über alle geistliche Geschäffte in der Kirche von gantz Russland anvertrauet, und, auf was Art und Weise sie solche verwalten solten, in einer gewissen, vollständigen und wohl abgefassten, auch von ihm mit eigener Hand unterzeichneten, Ordnung vorgeschrieben, so kan dieses geistliche Reglement, wie es, bereits oberwehnter massen, in der Teutschen Uebersetzung genennet wird, allerdings für ein Muster kluger und erspriesslicher Verfassungen geachtet werden." Послѣ этого, авторъ вкратцѣ передаетъ содержаніе манифеста 25 января 1721 г., присяги и Духовнаго Регламента (стр. 173—178) и хвалитъ Петра за отмѣну патріаршества[2]).

Мортлей. *The History of the Life of Peter I. Emperor of Russia* (vol. III. p. 242—243) By *John Morttley*, Esq. (The Second Edition. London. MDCCXL) содержитъ о церковной реформѣ Петра слѣдующее. *The Emperor Peter having thus caused himself to be acknowledged Sovereign Pontiff, or Chieff of the Russian Church,* and of Consequence first President of the

---

[1]) О нихъ см. *Е. Шмурло*, 50—51. *Р. Минцлофъ*, Петръ Великій въ иностранной литературѣ. СПб. 1872, стр. 36 и сл. Его же, Библіографическіе отрывки. *Отеч. Записки*, 1856, т. 104 (№ 2), стр. 364 слѣд., 390 слѣд.

[2]) Одобрительно замѣчаніе объ указѣ 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ, см. на стр. 172.

Synod, he opened it, after he had published a Declaration, the Preamble of which was as follows: We *Peter* the First... (слѣдуетъ выписка начальныхъ словъ манифеста 25 января 1721 г.) Having declared in general Terms, the Motives that induced him to establish the Synod, he proceeded to enumerate many Abuses and Superstitions, and to shew the Necessity of having them enquired into and remedied; and to remove the Cause, by degrading and lopping off from the Service of the Church, such Priests and Monks as had introduced or encouraged them, through Interest or Ignorance, forbidding any Person to be admitted to the Priesthood for the Time to come, who had not Qualities requisite for it, who was not well read in the Holy Scriptures, the Fathers, Canons, and Ecclesiastical History, whose Life was not exemplary, and who was not as capable as desirous to undeceive the People. To this End, he ordered the Establishement of Colleges and Seminaries ia the capital Cities of *Russia*, as there were in other Christian Countries. He caused an Enquiry to be made into the Revenues of the Church, which were found to be very rich; but the common People seemed to be much displeased, that in Pursuance of the Regulations concerning Divine Service, which were chiefly composed by the Czar himself, the little Chapels were all abolished, and the Images that stood in Niches therein exposed in the Streets.

Банксъ. *A new history of the Life and Reign of the Czar Peter the Great, Emperor of All Russia, and Father of the His Country.* By the Author of the Critical Review of the Political Life of Oliver Cromwell. (London, MDCCXL) p. 347—348, также говоритъ о церковной реформѣ Петра. Among the rest of his Reformations, we have before mentioned that Religion was included, which till then hardly merited the Name of Christian, Their many Lents and Fafts, their superstitions Worship of Saints, Miracles which depended only on the Pleasure of ignorant Priests; this was before the Religion of the *Russians*. The Clergy, who knew nothing themselves, could give no Instruction to the Laity. *Peter* had the Courage to the Reform these Abuses, and not to suffer the Soldiers and Populace to be made indolent by the Holidays of their Church. In 1721 he published a Spiritual Regulation, which was drawn up by a Synod assembled for that Purpose, and every Article of it considered and approved by himself, containing Directions for all Ranks and Orders of Men; and, what was more, he saw them effectually put in Execution. *By making himself Head of the Church, upon abolishing the Patriarchate, he became the more absolute Master of his Empire.* (Preaching is now frequent in the *Moscovite* Language, and consigned, az it ought, to spiritual Subjects [1]).

Фоккеродтъ. Въ царствованіе Елизаветы Петровны исторіографомъ Петра Великаго, какъ извѣстно, выступилъ Крекшинъ [2]). Однако трудъ его былъ неудаченъ, почему правительство, отыскивая историка, наконецъ, обратилось къ Вольтеру [3]). Но Вольтеръ желалъ имѣть матеріалы, хотѣлъ знать, въ чемъ, собственно, заключалась реформа Петра въ области Церкви, управленія, промышленности и т. д., и запрашивалъ обо всемъ этомъ русское правительство. Въ результатѣ этихъ запросовъ получилась,—говоритъ Е. Шмурло, извѣстная записка Фоккеродта [4]), секретаря королевско-прусскаго посольства. *Іоаннъ Готтгильфъ Фоккеродтъ*, свою записку: *„Россія при Петрѣ Великомъ“* писалъ въ 1737 г. Переводъ ея съ нѣмецкаго А. Н. Шемякина изданъ въ Чтеніяхъ И. О. И. и Др. Р. при И. М. У. за 1874 г., кн. II. Въ этомъ сочиненіи Фоккеродта есть спеціальная 2-я глава подъ заглавіемъ: „Какія полезныя главныя перемѣны предпринималъ

---

1) Объ этихъ двухъ послѣднихъ историкахъ см. *Е. Шмурло*, 51.
2) *Е. Шмурло*, 48. 3) Ibidem, 49. 4) Ibidem, 53.

Петръ относительно вѣроисповѣданія". Фоккеродтъ пишетъ, что въ основѣ вѣры Петръ не измѣнилъ ничего, „но за то въ Іерархіи и благочиніи Русской Церкви задумалъ разныя существенныя перемѣны и большею частью привелъ ихъ къ счастливому концу. *Самою важною исходною точкою всѣхъ другихъ было уничтоженіе Патріаршества въ Москвѣ и объявленіе Петромъ I-мъ себя верховнымъ Епископомъ или главою своей церкви"* (стр. 5 п. 4). Далѣе Фоккеродтъ разсказываетъ исторію русской іерархіи при митрополитахъ и патріархахъ до Петра Великаго, и затѣмъ (стр. 9, п. 13) продолжаетъ: „Не смотря на то, что Русскіе цари, благодаря долгому упражненію, уже изучили искусство такъ сдерживать Патріаршескую власть, что она не могла причинить никакого ущерба Государевой, Петръ I, во избѣжаніе разныхъ случаевъ, считалъ гораздо вѣрнѣе и выгоднѣе для своихъ намѣреній уничтожить совсѣмъ этотъ санъ и такъ направить духовенство, *чтобы оно никого не признавало своимъ верховнымъ епископомъ, кромѣ своего Государя.* Выгоды, которыя вышли бы тогда для него, были такъ явны, что ему нечего было колебаться долго. И такъ это рѣшено скоро. Затрудненіе состояло лишь въ томъ, какъ начать дѣло. Духовные приступали къ нему всѣми силами, все просили занять патріаршій престолъ и дѣлали ему страшное описаніе несчастія, могущаго произойти въ странѣ отъ мѣшкотности въ этомъ дѣлѣ. Петръ, хоть и замѣчалъ, что опасность не такъ еще велика, и что духовенство придаетъ излишнюю важность этому дѣлу, однакожъ не зналъ, какъ отвязаться, и жадно искалъ человѣка, который вывелъ бы его изъ затрудненія и принялъ на себя управленіе духовными дѣлами". Сказавъ объ этомъ, Фоккеродтъ уже неправильно сообщаетъ, что незадолго передъ этимъ появилась ересь Талицкаго, ее опровергъ „одинъ монахъ, львовскій уроженецъ, по имени Стефанъ Яворскій", котораго за это царь и назначилъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. „Однакожъ, — замѣчаетъ авторъ, — Петръ скоро замѣтилъ, какъ обманулся онъ въ этомъ человѣкѣ", но „оставилъ его на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ въ совершенную зрѣлость новый порядокъ церковнаго управленія, надъ которымъ онъ, между тѣмъ, трудился съ Прокоповичемъ". Послѣ этого слѣдуетъ преувеличенно лестная характеристика Ѳеофана, при чемъ подчеркнуты его особыя симпатіи къ протестантству и ненависть къ латинству. Цѣня характеръ Ѳеофана, „Петръ тѣмъ еще больше привязался къ этому монаху, что встрѣтилъ у него совершенно тѣ же мнѣнія о порядкѣ церковнаго управленія, какія самъ онъ старался распространить въ своемъ царствѣ, и нашелъ въ немъ волю и готовность честно помогать ему въ томъ" (стр. 12). Поэтому Петръ вызвалъ Ѳеофана изъ Кіева „и условился съ нимъ о новомъ образѣ управленія, который хотѣлось ему ввести для своего духовенства" (стр. 12). *„Для приготовленія къ этому умовъ* народа издано въ свѣтъ сочиненное Прокоповичемъ небольшое разсужденіе подъ названіемъ: „Первосвященникъ"[1]), въ которомъ съ такою же большою ученостью, какъ и основательностью, доказывалось что первые христіанскіе императоры постоянно удерживали за собою первосвященническій санъ, носимый ихъ языческими предшественниками, пока, наконецъ, Римскіе папы нашли способъ выманить его у нихъ вмѣстѣ съ соединенными съ нимъ преимуществами и присвоить себѣ; *при этомъ въ то же время внушалось, что въ христіанскомъ государствѣ главный надзоръ за духовными дѣлами не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ Государя"*

---

[1]) „Розыскъ историческій, коихъ ради винъ, въ какомъ разумѣ были и нарицались Императоры Римстіи Понтифексами, а въ законѣ христіянстѣмъ Государи могутъ ли нарещись епископы и архіереи, и въ какомъ разумѣ?" Это сочиненіе издано было въ С.-Петербургѣ въ 1721 г. и переиздано нами во II томъ настоящей работы.

(стр. 11, п. 17)[1]. „Вскорѣ потомъ, — продолжаетъ Фоккеродтъ, — Петръ I объявилъ, что на будущее время санъ и титулъ патріарха, какъ слишкомъ заносчивое и никакому подданному неприличное достоинство въ Россіи, совершенно отмѣняется, а духовныя дѣла впередъ будутъ подъ вѣдѣніемъ и наблюденіемъ Правительствующаго Синода, состоящаго изъ одного Президента, двоихъ Вице-Президентовъ и нѣсколькихъ Совѣтниковъ и Засѣдателей, подъ верховнымъ надзоромъ Государя". Какъ скоро составился этотъ Синодъ[2], ему былъ присланъ на разсмотрѣніе Духовный Регламентъ и по имянному повелѣнію одобренъ и отданъ въ печать, не смотря на Яворскаго (который объявленъ былъ Президентомъ, но въ первомъ же году и умеръ), дѣлавшаго много возраженій противъ него (стр. 12, 13 и 17, 18). „*Въ этомъ Регламентѣ вполнѣ утверждено ученіе о зависимости духовенства отъ Правительства страны*, уничтожены всѣ церковныя льготы и преимущества, сдѣланы разныя полезныя постановленія для монастырской жизни, запрещено много суевѣрныхъ вѣроисповѣдныхъ обрядовъ, разобраны нѣкоторыя сомнѣнія относительно проклятія и церковнаго повиновенія[3]), *тайна частной исповѣди ограничена*[4]) такъ, что духовникъ не можетъ молчать о заговорахъ противъ Государя, мятежахъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ, если такія будутъ открыты ему на исповѣди, а долженъ доносить о нихъ, подъ страхомъ наказанія за государственную измѣну" (стр. 13, п. 19). „Это сочиненіе, — заключаетъ Фоккеродтъ, — конечно, мастерское произведеніе въ своемъ родѣ, заслуживаетъ прочтенія съ начала до конца и заключаетъ въ себѣ всѣ перемѣны, сдѣланныя Петромъ относительно церковнаго благочинія" (стр. 13, п. 19). Далѣе „для образца" Фоккеродтъ приводитъ постановленія „Духовнаго Регламента" о монастыряхъ. На самомъ дѣлѣ онъ, не всегда вѣрно, передаетъ вообще нѣкоторыя мѣры Петра относительно монастырей и монаховъ, принятыя имъ въ свое царствованіе. Продолжая затѣмъ свой разсказъ о реформѣ Петра, авторъ говоритъ о борьбѣ Петра съ невѣжествомъ духовенства (п. 21); о мнимой учености малороссійскаго духовенства (п. 22); о заведеніи училищъ (п. 23, 24, 25). При этомъ Фоккеродтъ попутно бросаетъ одно любопытное замѣчаніе: „*разсудительные люди то сомнѣнія, что Петръ едва ли бы довелъ такъ далеко свои преобразованія, если бы долженъ былъ бороться съ болѣе способнымъ духовенствомъ, которое умѣло бы снискать любовь и уваженіе къ себѣ народа и какъ слѣдуетъ пользоваться имъ для своихъ выгодъ*" (стр. 17, п. 26)[5]). Въ заключеніе Фоккеродтъ отмѣчаетъ дозволеніе Петромъ смѣшанныхъ браковъ и подробно разсказываетъ о всепьянѣйшемъ соборѣ и выясняетъ по своему смыслъ этой ироніи (стр. 17—20).

Voltaire. Въ 1759 г. вышелъ первый, а въ 1763 г. второй томъ исторіи *Вольтера*[6]) подъ заглавіемъ: *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre*

---

[1]) Эти замѣчанія Фоккеродта относительно повода и скрытой цѣли „Розыска" о понтификсѣ Ѳеофана очень цѣнны для пониманія этого сочиненія.

[2]) Хронологія здѣсь не вѣрна. Сначала былъ разсмотрѣнъ Регламентъ, а потомъ, черезъ годъ, открыта Духовная Коллегія, получившая имя Св. Синода.

[3]) Епитиміи.

[4]) Это понялъ даже протестантъ. Между тѣмъ русская духовная власть доказывала, что тайна исповѣди ничѣмъ не нарушена. Ср. *А. Павлова*, Номоканонъ при Большомъ Требникѣ. М. 1897², стр. 253 и слѣд.

[5]) Ср. дѣятельность шведскаго духовенства противъ попытки Густава II Адольфа учредить Consistorium ecclesiasticum generale (см. у насъ ниже, въ Комментаріяхъ на I-ую часть Духовнаго Регламента).

[6]) Матеріалы по Исторіи Петра Великаго Вольтера хранятся въ И. П. Библіотекѣ подъ заглавіемъ „Mémoire russes Mss pour l'histoire de Russie par Voltaire". Рукописи Вольтера № 242. 5 переплетенныхъ томовъ, т. 1—2 in f⁰; т. 3—5 in 4⁰. См. *Минцловъ*, Pierre le Grand, 65—77.

le Grand, par l'Auteur de l'histoire de Charles XII. Здѣсь, на стр. 212—224, содержится Chapitre XIV, *„De la religion“.* Dans ce temps-là même, — пишетъ *Вольтеръ,* — Pierre travaillait plus que jamais à la reforme du Clergé. Il avait aboli le Patriarchat, et cet acte d'autorité ne lui avait pas gagné le coeur des Ecclésiastiques. *Il voulait que l'administration Impériale fût toute puissante, et que l'administration Ecclésiastique fût respectée et obéissante.* Son dessein était d'établir un Conseil de Religion toujours subsistant, *qui dépendit du Souverain,* et qui ne donnât de loix à l'Eglise, que celles qui seraient approuvées par le maître de tout l'Etat, *dont l'Eglise fait partie.* Il fut aidé dans cette entreprise par un Archevêque de Novogorod, nommé Théopane Procop, ou Procopvitz, c'est à dire fils de Procop. Ce prelat était savant et sage; ses voyages en diverses parties de l'Europe l'avaient instruit des abus qui y règnent: le Czar qui en avait été témoin lui-même, avait dans tous ses établissemens ce grand avantage, de pouvoir, sans contradiction, choisir l'utile, et éviter de dangereux. Il travailla lui-même en 1718 et 1719 avec cet Archevêque. Un Synode perpéteul fut établi, composé de douze membres, soit Evêques, soit Archimandrites, tous choisis par le Souverain. Ce collège fut augmenté depuis jusqu'à quatorze. Les motifs de cet établissement furent expliqués par le Czar dans un discours préliminaire: le plus remarquable, et le plus grand de ces motifs, est „qu'on a point à craindre, sous l'administration d'un Collège de Prêtres, les troubles, et les soulévements qui pouvraient arriver sous le gouvernement d'un seul Chef Ecclésiastique; que le peuple, toujours enclin à la superstition, pourrait, en voyant d'un côté un Chef de l'Etat, et de l'autre un Chef de l'Eglise, imaginer qu'il y a en effet deux puissances. Il cite sur ce point important l'exemple des longues divisions entre l'Empire et le Sacerdoce qui ont ensanglanté tant de Royaumes“. Il pensait et il disait publiquement que l'idée des deux puissances fondées sur l'allégorie de deux épées qui se trouvèrent chez les Apôtres, était une idée absurde. Le Czar attribua à ce tribunal le droit ecclésiastique de régler toute la discipline, l'examen des moeurs et de la capacité de ceux qui sont nommés aux Evêchés par le Souverain, le jugement définitif des causes religieuses dans lesquelles on appellait autrefois au Patriarche, la connaissance des revenus des Monastères et des distributions des aumônes. Cette assemblée eut le titre de très saint Synode, titre qu'avaient pris les Patriarches. Ainsi le Czar rétablit en effet la dignité Patriarchale, partagée en quatorze membres, *mais tous dépendans du Souverain et tous faisans serment de lui obéir, serment que les Patriarches ne faisaient pas.* Les membres de ce sacré Synode assemblés avaient le même rang que les Sénateurs; mais aussi ils dépendaient du Prince, ainsi que le Sénat. Cette nouvelle administration, le nouveau Code Ecclésiastique, ne furent en vigueur, et ne recurent une forme constante, que quatre ans après, en l'année 1722 [1]).

---

[1]) Любопытна еще слѣдующая оцѣнка, данная Вольтеромъ указу 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ, который, какъ показано нами во II-мъ томѣ, прилож. № 8 находился въ тѣсной связи съ Духовнымъ Регламентомъ.

Il n'y a peut-être rien au monde de plus sage que toutes ces institutions — пишетъ Вольтеръ; mais ce qui mérite l'attention de tous les siécles, c'est le réglement que Pierre porta lui-même, et qu'il adressa au Synode en 1724. Il fut aidé en cela par Théophane Procopvitz. L'ancienne institution Ecclésiastique est très savamment expliquée dans cet écrit; l'oisiveté monachale y est combatue avec force; le travail non-seulement recommandé, mais ordonné; et la principale occupation doit être de servir les pauvres: il ordonne, que les soldats invalides soient repartis dans les couvens; qu'il y ait des Religieux préposés pour avoir soin d'eux; que les plus robustes cultives les terres appartenantes aux couvens; il ordonne la même chose dans les monastères des filles; les plus fortes doivent avoir soin des jardins; les autres doivent servir les femmes et les filles malades, qu'on amène du voisinage dans

6. Литература о Петрѣ Великомъ въ царствованіе Екатерины II.

Различные отзывы о Петрѣ. Въ виду отсутствія и даже невозможности прагматической исторіи царствованія Петра въ срединѣ XVIII в., восторженные голоса и слѣпое поклоненіе ему продолжалось по прежнему. Но съ теченіемъ времени русское общество начало освобождаться отъ шаблонной оцѣнки Петра и подъ вліяніемъ наступившей въ Европѣ эпохи *просвѣщенія* не могло, конечно, не отнестись къ Петру съ сознательнымъ одобреніемъ. Однако въ то же время возникаетъ и критика темныхъ сторонъ петровской реформы и должное отношеніе къ русской старинѣ, въ которой далеко не все было тьмою, и которая сама подготовила царствованіе Преобразователя[1]). Особенные успѣхи въ пониманіи прошлаго русское общество сдѣлало тогда, когда стали болѣе внимательно и болѣе критически собирать и обрабатывать историческіе матеріалы. Наибольшая заслуга въ отношеніи собиранія матеріала здѣсь признается за Голиковымъ[2]).

Голиковъ Въ теченіе 12 лѣтъ Голиковъ собиралъ и издалъ: *„Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ“* въ 12 томахъ 1788—1790 гг., и *„Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго“* въ 18 томахъ 1790—1797 гг.[3]). Въ этой работѣ издателемъ руководила „не потребность *анализа* фактовъ, не *критическое* чувство, а потребность *преклоненія и воспѣть* дѣла великаго „героя“, т. е. именно то самое настроеніе, какое, не смотря на всѣ иныя привходящія ноты, остается доминирующимъ въ многогласномѣ хорѣ того времени“[4]). Однако, не смотря на свои недостатки, книга Голикова оказала большую услугу современникамъ и даже до сихъ поръ не лишена извѣстнаго значенія[5]). Среди своего богатаго матеріала, Голиковъ сообщаетъ и о церковной реформѣ Петра. „Когда послѣдній Россійскій Патріархъ Адріанъ, октября 9 дня въ Москвѣ скончался[6]), то Великій Государь, опредѣля упразднить сію великую духовную особу, далъ сначала указъ вѣдать Патріаршія должности Рязанскому Митрополиту Стефану Яворскому, наименовавъ его блюстителемъ Патріаршаго престола; а 23 декабря отмѣнилъ Патріаршій приказъ, дѣла онаго повелѣлъ раздать въ разные приказы, къ которымъ оныя по существу своему принадлежали; одни только раскольническія и другихъ суемудрецевъ поручилъ въ вѣдѣніе помянутаго Митрополита“[7]). Нѣсколько ниже (стр. 100—101) Голиковъ сообщаетъ объ учрежденіи Монастырскаго Приказа и его дѣятельности.

Въ XVIII томѣ „Дополненій къ Дѣяніямъ“ Голиковъ разказываетъ и объ учрежденіи Св. Синода. „Св. Пр. Синодъ, — говоритъ онъ, — учрежденъ

---

le couvent. Il entre dans les plus petits détails de ces différens services. Il destine quelques monastères de l'un et de l'autre sexe, à recevoir les orphelins, et à les elever

Il semble en lisant cette ordonnance de Pierre le Grand du 31 Janvier 1724 qu'elle soit composée à la fois par un Ministre d'Etat, et par un Père de l'Eglise.

1) *Е. Шмурло*, 61—90.

2) Ibidem, 91.

3) Второе изданіе „Дѣяній“ и „Дополненій“ подъ общимъ заглавіемъ „Дѣянія Петра Великаго“ вышло въ 15 томахъ М. 1837—1843. Оно имѣетъ нѣкоторыя преимущества предъ первымъ изданіемъ. См. *Е. Ммурло, 96, е.*

4) *Е. Шмурло*, 91—92.

5) *Е. Шмурло*, 94.

6) Голиковъ зло упрекаетъ въ хронологической ошибкѣ Штраленберга. Но и самъ онъ датируетъ смерть Адріана не вѣрно. Послѣдній умеръ 16 октября 1700 г.

7) Дополненія къ Дѣяніямъ, VI, стр. 93—94.

генваря 25, 1721 году, на мѣсто бывшихъ до того Патріарховъ [1]). Сіе вышшее духовное правительство управляло (какъ и нынѣ есть) всею Россійскою церковію, и всѣмъ духовенствомъ; оно имѣло долгъ неутомимо пещись о просвѣщеніи народа, о искорененіи противнаго оному суевѣрія, а паче между сословіемъ духовныхъ; о воспитаніи дѣтей, назначаемыхъ къ священнослуженію; о недопущеніи всякихъ развратовъ, вольнодумства, и проч. и проч. При учрежденіи Синода Великій Государь опредѣлилъ въ оный изъ лучшаго духовенства 1 Президента, 2 Вице Президентовъ, 4 Совѣтниковъ и 4 же Ассесоровъ, *а предсѣдательство оставилъ себѣ*" [2]).

Голиковъ не оставилъ безъ вниманія и мѣры Петра относительно монашества, принятыя имъ въ 1724 г. Онъ перепечаталъ цѣликомъ „Объявленіе" 31 января 1724 г. [3]), а въ примѣчаніяхъ къ нему изложилъ по *И. Н. Болтину* (примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшія Россіи Г. ле-Клерка, т. II, 139—153, 258—289) исторію папства, а затѣмъ по *Татищеву* — о происхожденіи патріаршества на Востокѣ. Въ заключеніе Голиковъ говоритъ: „Толикое честолюбіе духовныхъ пресѣкъ совершенно уже Петръ Великій, которой отрѣшилъ на вѣки и самое Патріаршество, установя на мѣсто онаго Св. Синодъ, *и подвергнувъ оный совершенно высочайшей власти Россійскихъ Государей. Надобно, чтобъ мы всѣмъ обязаны были сему Великому Государю!*" Приписывая, вмѣстѣ съ Татищевымъ, древнему духовенству то, что оно, будто бы, „угася науки, и утопя народъ въ суевѣріи, великую власть получило, такъ что народъ почиталъ ихъ болѣе своихъ Государей", Голиковъ хвалитъ учрежденіе Св. Синода въ такихъ словахъ: „Но нынѣ отъ Св. Синода разливается по всюду свѣтъ спасительнаго ученія и народъ наслаждается проповѣдьми чистаго слова Божія, *прославляя своихъ Самодержцевъ, выведшихъ учрежденіемъ таковымъ ихъ изъ мрака суевѣрія*" [4]).

Ѳ. Туманскій. Вторымъ послѣ Голикова долженъ быть названъ *Ѳ. Туманскій* [5]), который въ своемъ *„Собраніи разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Государя Петра Великаго"* ч. 1—10, во градѣ Св. Петра 1787—1788 гг. только въ пятой части, въ запискѣ (Крекшина?): „Хронологической порядокъ достопамятнѣйшихъ дѣлъ къ Исторіи И. Петра Великаго принадлежащихъ", сообщаетъ подъ 1721 г. — „Начало Св. Синода по указу отъ 25 генваря, и по регламенту, который тогда въ печать былъ отданъ, 14 февраля" (стр. 17). Больше ничего нѣтъ.

Точно также и въ другомъ своемъ изданіи *„Полное описаніе дѣяній Его Величества Государя Императора Петра Великаго, сочиненное Ѳеодоромъ Туманскимъ"* ч. I, во градѣ св. Петра 1788 года, авторъ,

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Голиковъ пишетъ: „До чрезвычайнаго степени возвышеніе подданнаго, каковы были Патріархи, и умоначертаніе о нихъ народное, не могли не быть *вредными* благосостоянію государственному, подъ Монархическимъ правленіемъ состоящему. Разстроеніе государственное и крайнія огорченія Государя, произшедшія отъ ссоры Патріарха Никона съ Царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, были сего печальнымъ доказательствомъ". Далѣе выписаны „вины" 7 и 9 и сдѣлано такое заключеніе: „Колико же надѣяніе Монарха оправдало нынѣшнее духовенство, сіе всякой ясно видитъ".

[2]) Дополненіе къ Дѣяніямъ, XVIII, стр. 4—7.

[3]) Дѣянія, т. IX, стр. 8—38.

[4]) Ibidem, 27—28 въ примѣчаніи. *„Древняя россійская Вивліоѳика"* *Н. Новикова*, изд. 2 ч. 1—20, Москва 1788—1791, содержащая въ себѣ вообще очень много цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, между прочимъ по древней исторіи Русской Церкви до Петра Великаго, ничего не даетъ на нашу тему.

[5]) *Е. Шмурло*, 95—96.

излагая всю русскую исторію отъ ея начала, доводитъ разказъ только до правленія Софьи [1]).

Штелинъ. *Яковъ Штелинъ* въ своемъ изданіи *„Любопытныя и достопамятныя сказанія о Императорѣ Петрѣ Великомъ“* (Изд. 2-е С.-Петербургъ, 1787 г. [2]) помѣщаетъ, между прочимъ, и разказъ LXXX: „Петръ Великій учреждаетъ Св. Синодъ“ (стр. 277—279). Штелинъ разсказываетъ влѣдующее: „По смерти послѣдняго Московскаго Патріарха Адріана, Патріаршество чрезъ многіе годы по причинѣ военныхъ тогда обстоятельствъ, оставалось не занято. Петру Великому многократно предлагали объ избраніи и опредѣленіи на оное достойнаго Пастыря церкви. Монархъ, которому противность бывшаго Патріарха Никона, оказанная родителю его, была не безъизвѣстна, такъ же и то, что великаго, наконецъ, труда стоило Ему утвердить свою власть надъ сею неспокойною головою, давно уже вознамѣрился не поставлять впредь никого въ Патріархи и на таковыя предложенія отвѣтствовалъ всегда нерѣшительнымъ образомъ, откладывая то со дня на день подъ разными видами, въ разсужденіи продолжавшейся войны и многихъ дѣлъ. Новгородскій Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, который точно понималъ волю своего Монарха и былъ ему совершенно преданъ, а по сему и названъ императоромъ правою Его рукою, подкрѣпилъ, чаятельно, Государя въ сихъ мысляхъ, и Ему предложилъ учредить вмѣсто Патріарха духовную Коллегію подъ названіемъ Св. Пр. Синода. По томъ какъ сіе въ 1721 г. и дѣйствительно воспослѣдовало, и Архіепископомъ Ѳеофаномъ, по желанію Императора, издано было духовное Уложеніе, и въ осьмую долю листа напечатанный катехизисъ, или исповѣданіе вѣры, то Монархъ надѣялся, что болѣе не будутъ требовать Патріарха; однакожъ большая часть знатнаго духовенства, выключая помянутаго Новгородскаго Архіепископа, остались въ томъ же мнѣніи, что поставленъ будетъ Патріархъ, и въ Синодѣ, гдѣ Императоръ часто предсѣдательствовалъ, подано Ему просительное письмо о постановленіи Патріарха. Тогда Государь вдругъ столь разгнѣвался, что ударя самъ себя въ грудь, сказалъ съ огорченіемъ: „Вотъ вамъ Патріархъ“, всталъ и ушелъ. Послѣ сего никогда болѣе не было слышно, чтобы упоминали о Патріархѣ, или чтобъ оказывали малѣйшее желаніе онаго имѣть. Такъ о семъ слышалъ я, — пишетъ Штелинъ, — отъ графа Бестужева; а Императорскій Кабинетъ Министръ Черкасовъ говорилъ: что Императоръ одною рукою ударилъ себя въ грудь, а другою обнаживъ свой кортикъ и ударя плашмя по столу, сказалъ съ великимъ гнѣвомъ: вотъ вамъ Патріархъ“ [3]).

Кашинъ. Разсказы о Петрѣ Великомъ его современника гвардейскаго унтеръ-офицера гвардіи *Никиты Ивановича Кашина*, напечатанные полностью лишь въ 1895 г. [4]), о церковной реформѣ Петра ничего въ себѣ не заключали. Но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ важное значеніе для характеристики отношеній Петра къ религіи и духовенству.

Нартовъ. Подъ именемъ *„Разсказовъ Нартова о Петрѣ Великомъ“* до насъ дошли какъ личныя воспоминанія о государѣ его главнаго токаря

---

[1]) У *Новикова*, въ его „Древней Россійской Вивліоѳикѣ“, первое изданіе СПб. 1773—1775 въ 10 частяхъ; второе — М. 1778—1791, въ 20 частяхъ, о церковной реформѣ Петра ничего нѣтъ.

[2]) I-е изданіе вышло въ 1786 г. и по содержанію совпадаетъ со вторымъ.

[3]) *„Духъ Петра Великаго, Императора Всероссійскаго, и соперника его Карла XII, Короля Шведскаго“*, — сочиненіе изданное трудами и иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ Унтеръ-Библіотекаря *Осипа Бѣляева* (С.-Петербургъ 1798 г.). см. *Е. Шмурло*, 98, ничего не содержитъ на нашу тему.

[4]) *В. В. Майковъ*. Поступки и забавы И. Петра В. (запись современника). Памятники древней письменности, вып. CX, СПб. 1895. Ср. *Е. Шмурло*, 100, литера *г*.

и механика Андрея Константиновича Нартова, такъ и преданія и извѣстія, обработанныя для читателя не ранѣе семидесятыхъ годовъ XVIII ст. вѣроятно его сыномъ Андреемъ Андреевичемъ Нартовымъ. Въ этихъ разсказахъ, пользующихся довѣріемъ историковъ [1]) есть нѣсколько заслуживающихъ нашего вниманія. Они рисуютъ намъ отношеніе Петра къ духовенству и въ частности къ патріарху, а также проливаютъ свѣтъ на исторію учрежденія Духовной Коллегіи.

Извѣстно, что культурныя реформы Петра начались съ бритья бороды и предписанія носить нѣмецкое платье. По поводу указовъ объ этомъ Нартовъ приводитъ слѣдующія слова Петра: „Я желаю преобразить свѣтскихъ козловъ, т. е. гражданъ, и духовенство, т. е. монаховъ и поповъ, первыхъ — чтобъ они безъ бородъ походили въ добрѣ на европейцевъ, а другихъ — чтобъ они, хотя съ бородами, въ церквахъ учили бы прихожанъ христіанскимъ добродѣтелямъ такъ, *какъ видалъ и слыхалъ я учащихъ въ Германіи пасторовъ*“ [2]). Но духовенство очень мѣшало Петру. Наиболѣе рѣзко глухое противодѣйствіе его культурнымъ реформамъ, какъ извѣстно, выразилось въ участіи духовныхъ лицъ въ дѣлѣ царевича Алексѣя. По этому поводу,—читаемъ въ разсказахъ Нартова,—Петръ однажды сказалъ: „Ой, бородачи, многому злу корень — старцы и попы! Отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ бородачемъ, а я съ тысячами. Богъ сердцевидецъ и судія вѣроломцамъ!“ [3])

О своемъ пониманіи роли патріарха въ государственной и общественной жизни Петръ имѣлъ случай высказаться, разрѣшая маркизу Картмартену табачную монополію въ Россіи. „Не опасайтесь, — сказалъ онъ; возвратясь въ Москву, дамъ я о семъ указъ и постараюсь, чтобы патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался. *Онъ при мнѣ блюститель только вѣры*, а не таможенный надзиратель“ [4]). Въ другомъ мѣстѣ Нартовъ, приведя слова Петра въ отвѣтъ на заступничество патріарха за стрѣльцовъ, поясняетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Такимъ изреченіемъ показалъ Царь Петръ Алексѣевичъ самодержавную власть правосудія *и предѣлъ сана духовнаго*, дабы впредь въ гражданскія и государственныя дѣла его святѣйшество не мѣшался, — не тако, яко бывало сіе при прежнихъ царяхъ, когда патріархи участвовали во всемъ, и безъ совѣта ихъ ничто не исполнялось, *подобно Римскимъ папамъ почти, которые императорами и коронами нѣкогда повелѣвали*. Царь Алексѣй Михайловичъ, мудрый государь и законодатель, первый явилъ примѣръ надъ патріархомъ Никономъ, лишивъ его чина вселенскихъ патріарховъ, за разныя безпокойствія, которыя чинилъ сей архипастырь сему монарху, *а Петръ Великій, прозрѣвъ такожде великія въ томъ санѣ неудобствы, послѣ достоинство патріаршеское въ Россіи совсѣмъ отставилъ*“ [5]). Это объясненіе Нартова любопытно тѣмъ, что оно рисуетъ намъ одобрительное отношеніе единомышленниковъ Петра изъ народа къ умаленію прежней политической роли духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ ясно, какъ понимали они и самый смыслъ цер-

---

[1]) См. *Е. Шмурло*, 101, литера *д*. — Изданы разсказы *Л. Н. Майковымъ* подъ заглавіемъ „Разсказы Нартова о Петрѣ В.“ въ Приложеніи къ LXVII тому Записокъ И. А. Наукъ № 6, СПб. 1891. Тамъ же и критическое изслѣдованіе достовѣрности разсказовъ. Ниже разсказы приводятся по этому изданію Л. Н. Майкова.

[2]) *Л. Н. Майковъ*, стр. 22, разск. 18-й. Ср. послѣднюю фразу съ сообщеніемъ Вебера, приведеннымъ выше, на стр. VI.

[3]) *Л. Н. Майковъ*, стр. 101, разск. 154-й (1718 г.).

[4]) Ibidem, стр. 17, разск. 12-й. Договоръ о торговлѣ табакомъ см. въ П.С.З. № 1628.

[5]) Ibidem, стр. 15, разск. 10-й.

ковной реформы Петра. О томъ же говоритъ и слѣдующій разсказъ [1]). „Его Императорское Величество, присутствуя въ собраніи съ архіереями, примѣтивъ нѣкоторыхъ усильное желаніе къ избранію патріарха, о чемъ неоднократно отъ духовенства предлагаемо было, вынувъ одною рукою изъ кармана къ такому случаю приготовленный Духовный Регламентъ и отдавъ, сказалъ имъ грозно: „Вы просите патріарха; вотъ вамъ духовный патріархъ, а противомыслящимъ сему (выдернувъ другою рукою изъ ноженъ кортикъ и ударя онымъ по столу) вотъ вамъ булатный патріархъ!“ Потомъ вставъ пошелъ вонъ. Послѣ сего оставлено прошеніе о избраніи патріарха и учрежденъ Св. Синодъ. Съ намѣреніемъ Петра Великаго объ установленіи Духовной Коллегіи согласны были Стефанъ Яворскій (?) и Ѳеофанъ Новгородскій, которые въ сочиненіи Регламента Его Величеству помогали, изъ коихъ перваго опредѣлилъ въ Синодѣ предсѣдателемъ, а другого—вице-президентомъ, самъ же сталъ главою церкви государства своего и нѣкогда, разсказывая о распряхъ патріарха Никона съ царемъ родителемъ его Алексѣемъ Михайловичемъ, говорилъ: „Пора обуздать не принадлежащую власть старцу; Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обое—государь и патріархъ; они забыли, въ самой древности сіе было совокупно“ [2]).

Относительно исторіи составленія Духовнаго Регламента Нартовъ передаетъ, будто однажды государь спросилъ Ѳеофана: «„Скажи-ка, отче, скоро-ль нашъ патріархъ поспѣетъ?“ Подъ симъ разумѣлъ, скоро-ль Ѳеофанъ кончитъ сочиненіе Духовнаго Регламента. И когда Ѳеофанъ отвѣчалъ: „Скоро, государь, я дошиваю ему рясу“, то Его Величество, улыбнувшись, сказалъ: „А у меня шапка для него готова“» [3]).

Манкіевъ, Рубанъ, Нехачинъ. Изъ другихъ историческихъ сочиненій Екатерининскаго времени слѣдуетъ отмѣтить 1) „Ядро россійской исторіи, сочиненное ближнимъ бояриномъ и бывшимъ въ Швеціи резидентомъ, князь Андреемъ Яковлевичемъ Хилковымъ“, Москва 1770 (въ дѣйствительности трудъ Манкіева [4]). Это сочиненіе доведено лишь до Прутскаго похода и мира съ турками 1712 г. и для насъ безполезно. 2) Василій Рубанъ, въ своей книжечкѣ „Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, въ Санктпетербургѣ 1778 г.“ говоритъ (стр. 17—18) только слѣдующее: „Въ 1719 году Генваря 1 дня онъ учредилъ разные Коллегіи, то есть... (слѣдуетъ списокъ ихъ). Мудрость сего Государя побудила его уничтожить чинъ и верховную власть Партріарховъ и на мѣсто ихъ Онъ учредилъ въ 1721 г. Генваря 21 дня Синодъ, въ который въ Президенты и Члены Онъ выбралъ ученѣйшихъ Епископовъ и Архимандритовъ, снабдивъ сіе священное Правительство мудрымъ наказомъ, или регламентомъ духовнымъ“ [5]). 3) Иванъ

---

1) „Нѣчто подобное, говоритъ Майковъ, разсказано въ „Анекдотахъ“ Штелина, стр. 352—354 (см. выше), при чемъ происшествіе отнесено къ 1721 г. Ср. также преданіе, записанное священникомъ П. Алексѣевымъ (Р. Архивъ 1863, ст. 697 и Р. Вѣстникъ 1864 № 1, стр. 320—333). Вѣроятнѣе однако отнести разсказъ Нартова къ 1720 г., когда въ февралѣ мѣсяцѣ, Д. Р. былъ разсматриваемъ сперва государемъ, а потомъ духовными властями и сенатомъ“. См. Л. Н. Майковъ, стр. 127 примѣч. къ разск. 105-му.

2) Л. Н. Майковъ, стр. 71—72 разсказъ 105-й. Въ послѣднихъ словахъ Петра не содержится ли намека на Великаго Понтифекса (Pontifex Maximus). Если такъ, то „Розыскъ“ о понтификсѣ Ѳеофана (см. ниже т. II, прил. № 10) получаетъ значеніе оффиціозной апологіи взглядовъ самаго Петра.

3) Л. Н. Майкова, стр. 73 разск 107-й.

4) Е. Шмурло, 99, 107.

5) О Рубанѣ см. Е. Шмурло, 100.

Нехачинъ въ сочиненіи „Ядро Исторіи государя Петра Великаго, перваго Императора Всероссійскаго" 1795 г. пишетъ на стр. 295 только слѣдующее: „18 Генваря (Петръ учредилъ) Духовную Коллегію, наименовавъ оную Святѣйшимъ Правительствующимъ Сѵнодомъ, и достоинсства сего важнаго присутствія соравнилъ Правительствующимъ Синодомъ, снабдивъ для управленія духовнымъ регламентомъ" [1]).

Ѳеодози. „Бѣдность отечественныхъ произведеній,—говоритъ Е. Шмурло [2]), — неизбѣжно расчищала дорогу литературѣ переводной". Въ это время былъ напечатанъ приготовленный еще въ 40-хъ годахъ переводъ книги Катифоро [3]). Въ томъ же 1772 году вышло „Житіе и славныя дѣла Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго", печатанное въ Венеціи, въ типографіи Димитрія Ѳеодозія въ 1772 г. 2 части [4]). (Второе изданіе въ Санктпетербургѣ 1774 г. 2 тома). Это сочиненіе излагаетъ исторію церковной реформы Петра слѣдующимъ образомъ: „Въ такихъ то полезныхъ дѣлахъ упражнялся Государь, когда Духовенство Россійское представило Ему потребу, по коей должно было избрати и поставити новаго Патріарха въ Россіи, на мѣсто Патріарха Адріана, который еще въ прошломъ году, 16 дня мѣсяца Ноевмвра [5]) скончался. Царь, кои желалъ како мірскихъ равно и Духовныхъ привести въ лучшей порядокъ, умыслилъ достоинство Патріаршеское въ Россіи конечно истебити, а власти, которую протчее вышнее Духовенство паче мѣры имѣло, поставити предѣлъ подчиненіемъ ихъ своей Монаршеской власти; зная извѣстно, что такіе высокаго достоинства Духовные, почитая себя выше помазанниковъ Божіихъ, не токмо тѣлу Хрістову разчленѣніе учинили, но и многимъ Государствамъ бывали на вредъ; да и въ самой Россіи часто изъ духовныхъ домовъ раждалися безпокойства. Его Царскаго Величества намѣреніе заключалося въ томъ, что бы по уничтоженіи Патріаршества учредити въ Россіи Духовное Правленіе, состоящее изъ многихъ особъ на подобіе Синода: обаче при тогдашнихъ обстоятельствахъ такого преполезнаго намѣренія въ дѣло произвести было неможно; надлежало прежде усмировати Епископовъ, да и то нечувствительно, понеже простый народъ не вѣдая закона Божія, почиталъ ихъ самихъ за законъ. Того ради, дабы отвратити всякое подозрѣніе, объявилъ Государь, что Онъ настоящею войною одержимъ будучи, отлагаетъ такое Патріарха избраніе до способнѣйшаго времени, которое и продолжалося до 1721 году, когда уже исполнилъ Онъ все то, о чемъ нынѣ помышлялъ. Между тѣмъ поставилъ Онъ Митрополита Рязанскаго Стефана Намѣстникомъ Патріаршескимъ, кои съ другими еще нѣсколикими духовными особами имѣлъ отправляти дѣла Патріаршескія, но съ такимъ изъясненіемъ, чтобы какъ они такъ и всѣ Архіепископы и Епископы никакихъ важныхъ дѣлъ безъ Царскаго вѣдома и именнаго позволенія не производили, многоменьше дерзали бы мѣшатися въ мірскія и Государственныя, имъ нимало не принадлежащія дѣла. Сіе довольно было къ начатію умаленія великой власти Духовныхъ. И понеже власть оная еще и тѣмъ подкрѣпляема была, что Монастыры и Епископы имѣли превеликія доходки и богатства; то сей высокихъ дарованій

---

[1]) О Нехачинѣ см. Е. Шмрло, 100, 109 литера е.
[2]) Стр. 103.
[3]) О немъ см. выше.
[4]) О немъ см. Е. Шмурло, 103 104.
[5]) Ошибка автора. Надо Октября.

Государь именнымъ своимъ указомъ повелѣлъ Графу Мусину-Пушкину взяти оныя великія доходки подъ свое вѣдѣніе, и распорядити на благолѣпіе Церковное и на достодолжное и не зазорное содержаніе Олтарю служащимъ, а останки посвятити на учрежденіе училищъ духовныхъ, на пропитаніе отечеству послужившимъ и оставшимся въ старости, ранахъ и болѣзняхъ, бѣднымъ и не имущимъ, а въ томъ и состоитъ истинная и душеспасительная польза, ради которыя благочестивые податели награждаютъ Церковь Божію.

Царское намѣреніе о уничтоженіи Патріаршества было токмо въ сердцѣ Его; однакожъ нашлися такіе, кои оное избранія отложеніе почли тотчасъ за конечное того, по ихъ мнѣнію крайне-нужнаго достоинства опроверженіе, и слѣдовательно за великое беззаконіе. Въ самоето время найдены были на публичныхъ улицахъ многія печатаныя подметныя письма, въ которыхъ изъ пророчества доказывали, что Царь есть истотный Антихрістъ, и ради того подвизали народъ на бунтовство противъ Его Царскаго Величества; токмо не вышло имъ по намѣренію. Типографщикъ Григорій Талицкой, кои оныя письма тайно печаталъ, и всѣ оныхъ писемъ сочинители, были скоро пойманы и смерти преданы" [1]).

Во 2-ой части авторъ вновь возвращается къ исторіи церковной реформы Петра, помѣщая ее подъ 1721 годомъ (стр. 226). Но не излагая дѣла подробно, онъ „читателей (своихъ) со всякою честію" отсылаетъ къ Духовному Регламенту, а у себя помѣщаетъ лишь тексты манифеста 25 января 1721 г. и присяги членовъ Духовной Коллегіи (ч. II, стр. 226—229) [2]).

Алецъ. Изъ той же переводной литературы появилась и книга Алеца [3]) „Сокращенное описаніе жизни Петра Великаго Императора всея Россіи". Переведено съ французскаго. Въ Санктпетербургѣ 1771 года (2-е изд. 1788 года). Въ этомъ „Описаніи" о церковной реформѣ Петра читаемъ только слѣдующее. „Что же касается до исповѣданія вѣры, то Петръ трудился въ исправленіи духовенства; Архіепископъ Новгородскій, мужъ ученый и остроумный, въ ономъ предпріятіи Ему помогалъ. Установилъ онъ Синодъ, состоящій изъ четырнадцати членовъ, какъ Архіереевъ, такъ и Архимандритовъ. Назначилъ сему Судилищу Церковному, право разсматривать всякое ученіе, испытывать нравы и познанія тѣхъ, которые Государемъ наимянованы въ Архіереи: учредилъ съ онымъ Синодомъ, что дозволяется постригаться въ чернцы человѣку за тридцать лѣтъ. Всякій монахъ долженъ умѣть какому нибудь ремеслу, и монахини тѣмъ же были обязаны. Надлежитъ знать, что въ Россіи Діаконъ и Попъ имѣютъ женъ; но для поступленія въ Архіереи должно быть неженатому. Сверхъ того въ сей странѣ употребленіе такое, что бы первѣйшія духовныя особы происходили изъ монашескаго чина. На конецъ повелѣлъ Онъ отставныхъ солдатъ предѣлять по монастырямъ" [4]).

Галемъ. Къ числу писавшихъ о Петрѣ въ XVIII в. нужно отнести и авторовъ Галема и Бергмана, потому что сочиненія того и другого „не болѣе, какъ переработка Голикова" [5]).

Г. Галемъ, написавшій „Жизнь Петра Великаго" (переводъ съ нѣмецкаго Е. Ушакова изданъ въ С.-Петербургѣ въ 1812—1813 г.г. по

---

[1]) Ѳеодози, ч. I, стр. 282—283.
[2]) Во второмъ изданіи см. т. I, стр. 260—261; т. II, стр. 206—209.
[3]) Е. Шмурло, 104.
[4]) Стр. 46—47.
[5]) Е. Шмурло, 95.

Высочайшему повелѣнію въ 3-хъ частяхъ), останавливается на церковной реформѣ Петра дважды. Въ 1-ой части (стр. 147—151) онъ говоритъ о томъ, что „Петръ оставляетъ незамѣщеннымъ упразднившееся мѣсто Патріарха" послѣ того, какъ онъ увидѣлъ успѣхъ своихъ преобразованій, какъ-то отмѣну обряда входа на осляти (которое Галемъ называетъ „оскорблявшимъ самое достоинство вѣры" стр. 146), и перемѣну лѣтосчисленія. Разсказавъ вкратцѣ исторію митрополитовъ и патріарховъ въ Россіи и конфликтъ Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ, Галемъ говоритъ, что „Петру, во время пребыванія Его въ иностранныхъ земляхъ, свобода и независимость Протестантской Церкви весьма понравилась, и Патріархъ, препятствовавшій купно съ прочимъ Духовенствомъ Его намѣреніямъ, казался Ему Папою, могущимъ и впредь вредить успѣху Его предпріятій. Такимъ образомъ по воспослѣдовавшей въ 1700 г. смерти Патріарха Адріана, Государь, предположивъ вовсе уничтожить сіе достоинство, удерживался токмо отъ явнаго исполненія своей воли опасеніемъ слѣдствій, которыя могла бы произвести сія мѣра въ народѣ, роптавшемъ уже на множество перемѣнъ". Поэтому,—продолжаетъ Галемъ,—Петръ назначилъ мѣстоблюстителя, далъ ему въ помощь Освященный Соборъ, и учредилъ Монастырскій Приказъ. „Такимъ образомъ Петръ приступилъ къ раздѣленію врученной одному лицу духовной власти, приготовилъ народъ свой видѣть въ Государѣ своемъ и главу духовенства" (стр. 151). Во II-й части Галемъ заканчиваетъ свой разсказъ параграфомъ объ учрежденіи Св. Синода и о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ (стр. 342—351). Похваливъ успѣхъ вышеизложенныхъ мѣръ Петра, Галемъ сообщаетъ, что Петръ рѣшился, наконецъ, положительно изъявить свою волю объ уничтоженіи патріаршества (здѣсь Галемъ пересказываетъ слова Штелина и И. А. Черкасова о томъ, какъ Петръ объявилъ свою волю въ присутствіи свѣтской и духовной знати и, между прочимъ, ударивъ себя въ грудь и обнаживъ кортикъ вскричалъ—„вотъ вамъ патріархъ!"). Исполненіе своей воли онъ поручилъ Ѳеофану Прокоповичу (приводится краткая его біографія и характеристика), который и написалъ Духовный Регламентъ. Это произведеніе Галемъ очень хвалитъ и вкратцѣ пересказываетъ его содержаніе. Въ заключеніе авторъ передаетъ извѣстіе о разсмотрѣніи Духовнаго Регламента государемъ, сенаторами и духовенствомъ, а также о торжествѣ открытія Св. Синода 14-го Февраля 1721 г.

Бергманъ. Въ сочиненіи Веніамина Бергмана „Исторія Петра Великаго", СПБ. 1833 г. 6 томовъ (переводъ съ нѣмецкаго Е. Аладьина); о церковной реформѣ Петра сказано лишь нѣсколько словъ, а именно, что „учрежденіе Св. Синода имѣло весьма важное вліяніе на Россійское Духовенство. Мысль сія съ давняго уже времени занимала Монарха, совокупно съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, явившимъ и здѣсь опыты своей учености и любви къ отечеству" (стр. 82). Далѣе сказано о манифестѣ 25 января 1721 г., о присягѣ членовъ Синода, о его составѣ и обязанностяхъ и объ изданіи „Прибавленія къ Духовному Регламенту". „Не распространяясь подробно о достоинствѣ Духовнаго Регламента,—говоритъ въ заключеніе Бергманъ,—довольно сказать, что въ немъ виденъ, совершенно свѣтлый образъ мыслей Монарха" [1]). Въ VI томѣ (гл. II, стр. 49—51) дана общая оцѣнка церковной реформы Петра. Приведя причины уничтоженія патріаршества по 7-му пункту I части Духовнаго Регламента,

[1]) I-е изданіе т. V, стр. 82—84. II-е изданіе 1840—1841 г. ч. (т. 4, 5 и 6-й), стр. 42—43.

Бергманъ говоритъ, что со смертью Адріана кончилось патріаршее достоинство въ Россіи и знатнѣйшіе архіереи, хотя и сближались съ этимъ саномъ, но ни одинъ изъ нихъ ничѣмъ не превышалъ другого. Въ предупрежденіе случайныхъ притязаній на верховно-святительскую власть, 25 января 1721 г. и учрежденъ былъ Св. Пр. Синодъ (стр. 49). Далѣе сообщается составъ Синода предъ кончиною Петра и статистика состоянія Церкви и ея имуществъ.

7. Русскіе историки XVIII в.

Приведенные выше авторы излагали спеціально исторію жизни и дѣятельности Петра Великаго. Отличную отъ нихъ категорію составляютъ тѣ, кто въ XVIII в. стремился дать общій обзоръ Русской исторіи. Относительно взглядовъ ихъ на церковную реформу Петра можно привести слѣдующія указанія.

Татищевъ. Въ первой книгѣ „Исторіи россійской В. Н. Татищева (Москва 1768) находимъ 48-ую главу „О іерархіи" (стр. 564—576), въ которой авторъ даетъ и теоретическое толкованіе тому, что такое іерархія, и краткую исторію ея на Востокѣ, Западѣ и въ Россіи. Между прочимъ, Татищевъ упоминаетъ объ учрежденіи на Руси патріаршества и объ отмѣнѣ его при Петрѣ. Послѣднее передается этимъ сподвижникомъ великаго царя въ такихъ выраженіяхъ. „Петръ Великій, яко премудрый Государь, видя какой вредъ великій отецъ Его Величества отъ властолюбиваго Никона, и самъ отъ коварнаго Іоакима Патріарха, и государство раззореніе претерпѣли, разсудилъ оную великую власть уменьшить, и впредь такія опасности пресѣчь, какъ Адріанъ Патріархъ 1700 г. умеръ, не соизволилъ болѣе Патріарха избирать, но все правленіе его поручилъ одному Архіепископу, надъ доходами Патріаршими опредѣлилъ другого, и повелѣлъ оные на устроеніе и содержаніе училищъ употреблять; но видя, что многихъ на оное патріаршество льстило, и Его Величество обезпокоивало, 1719 году учредилъ по примѣру Апостолъ соборное правленіе, именовавъ оное Святѣйшій Синодъ. Въ оное опредѣлилъ Вицъ-Президентовъ, Совѣтниковъ и Ассессоровъ изъ достойнѣйшихъ духовныхъ 12 человѣкъ, а председаніе во ономъ себѣ оставилъ, которое достаточнымъ указомъ снабдилъ" (стр. 574).

Кн. М. М. Щербатовъ. Косвенное указаніе на то, какъ смотрѣлъ кн. М. М. Щербатовъ на церковную реформу Петра, находимъ въ его извѣстной записке „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" [1]). Не говоря ни слова объ учрежденіи Петромъ Духовной Коллегіи, Щербатовъ очень одобряетъ религіозно-просвѣтительную дѣятельность Петра, преслѣдованіе суевѣрій, ложныхъ чудесъ и проч., хотя и находитъ, что рѣзкость Петра въ этомъ дѣлѣ „и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра. Исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его Закону; и нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали происходить" [2]).

Къ Ѳеофану Щербатовъ относится рѣзко отрицательно [3]).

Le Clerc. Нѣсколько словъ о церковной реформѣ Петра помѣстилъ и

[1]) „Сочиненія кн. М. М. Щербатова", т. II; столбцы 133—246. СПб. 1898 г.
[2]) Слб. 166.
[3]) Слб. 163.

Le Clerc, въ своей Histoire de la Russie ancienne et moderne, Paris 1783—1794 гг. Здѣсь въ I томѣ древней исторіи Россіи, въ 3-ей книгѣ онъ разсказываетъ довольно фантастическія вещи о религіи русскихъ, о церковномъ устройствѣ въ Россіи до Петра включительно, сообщаетъ о переговорахъ по поводу соединенія церквей въ 1717 г., при чемъ приводитъ во французскомъ переводѣ текстъ отвѣта русскихъ епископовъ, а далѣе—переводъ указа 31 января 1724 г. о монастыряхъ. Здѣсь же на стр. 273 мы находимъ и извѣстіе объ учрежденіи Духовной Коллегіи. Adrien, Métropolite de Kazan, fut élu d'une voix unanime. C'étoit un esprit foible, incapable d'aucune prétention, plus incapable encore de remplir ses devoirs: il buvoit sans cesse, et on ne le voyoit jamais qu'ivre. Il mourut près de Narva. Le Clergé songea à lui chercher un successeur; mais Pierre I étoit occupé par les guerres qu'il avoit à soutenir contre le Roi de Suède: il ne put donner à cette affaire toute l'attention qu'ell méritoit; il differa l'élection jusqu'en 1719. Alors il fit connoître ses intentions par un Manifeste, qui portoit qu'à la place d'un Patriarche, on établiroit, pour gouverner l'Eglise de Russie, un Synode perpétuel, fondé sur des réglemens solides, muni d'instructions suffisantes pour tous les cas qui pourroient arriver. Cet établissement eut lieu quelque temps aprés; et les réglemens publiés à cet effet ont été traduits en Allemend, et imprimés à Dantzick. Le Synode ou Collége Ecclésiastique de Russie est composé d'un Président: le Souverain s'est réservé cette dignité pour lui même и т. д. Въ III томѣ на стр. 373. Le Clerc бросаетъ и слѣдующее замѣчаніе, характеризующее его пониманіе сущности церковной реформы Петра. Il abolit le titre de Patriarche que le fanatisme avoit trop élevé, et que la crédulité des peuples avoit rendu redoutable sous des Pontifes intrigans ou fanatiques ou fanatiques: il rendit au Trône le droit de présider souverainement sur le temporel et sur la discipline du Clergé Russe.

И. Н. Болтинъ. На исторію Леклерка, какъ извѣстно, написалъ свои возраженія И. Н. Болтинъ подъ заглавіемъ: „Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ", т. I—II, 1788. Въ этихъ примѣчаніяхъ авторъ указываетъ на большія и многочисленныя ошибки Леклерка, въ частности, относительно религіи русскихъ, ихъ церковнаго управленія, духовенства, монашества и т. д. Полемизируя съ нимъ, Болтинъ подробно излагаетъ злоупотребленія папства и приводитъ текстъ отвѣта Сорбоннѣ, составленный Стефаномъ Яворскимъ, но, какъ извѣстно, не посланный по назначенію (т. I, стр. 216—224). Однако на выписанное мѣсто изъ Леклерка Болтинъ никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ, и своего отношенія къ церковной реформѣ Петра, который въ его глазахъ былъ „и побѣдоносецъ и ирой, и насадитель наукъ и покровитель ученыхъ" (т. II, § XLIV),—никакъ не выразилъ (см. I, 209—225).

Шлецеръ. Взгляды Шлецера становятся понятными изъ слѣдующаго. Въ числѣ матеріаловъ, посланныхъ Вольтеру[1]): находилась и записка „О состояніи русскаго духовенства до Петра Великаго и о совершенной этимъ монархомъ реформѣ". По словамъ Шлецера, Вольтеръ не воспользовался этой запиской и она оказалась въ Публичной Библіотекѣ въ Женевѣ, гдѣ съ нея сдѣлалъ копію для Шлецера одинъ изъ его друзей. Повидимому въ нѣсколько передѣланномъ видѣ Шлецеръ напечаталъ ее въ своихъ Beylagen zum Neuveränderten Russland, I Theil, Riga und Mietau 1769 S. S. 2—70, откуда мы и узнаемъ ея содержаніе. Въ запискѣ сообщалось о состояніи рус-

[1]) См. выше стр. XLI и XLIII, прим. 6.

скаго духовенства до XVI ст., объ учрежденіи патріаршества, объ уничтоженіи его въ 1700 г. и о началѣ экзархата Стефана Яворскаго, объ учрежденіи Св. Пр. Синода и о реформѣ Петра относительно епископовъ, монастырей и приходскаго духовенства. Въ частности, по интересующему насъ вопросу, излагаются свѣдѣнія довольно вѣрныя съ явнымъ оттѣнкомъ симпатіи автора къ церковной реформѣ Петра, который представляется во всеоружіи своей власти (Peter kannte die Rechte seiner Majestät, S. 21) противъ консервативныхъ настроеній клира. Петръ самъ избралъ себѣ среди него помощника,—то былъ Ѳеофанъ, ein Mann von grossem Verstande, der lange studiert und in Europa grosse Reisen gethan hatte, der dabei eine ungemeine Lectüre besass, und durch alles dieses ein eben so grosser Gottesgelehrter als Staatsmann worden war (S. 21). Изложивъ затѣмъ исторію составленія Духовнаго Регламента и открытія Духовной Коллегіи, не прибавляя ничего новаго къ уже извѣстному, авторъ записки хвалитъ разнородность состава ея, denn so konnte jeder den Bedürfnissen seines Standes am besten abhelfen, und ihn in Schutz nemen (S. 23). Къ 11 членамъ Духовной Коллегіи Петръ прибавилъ послѣ noch andre, sowohl geistlichen als weltlichen Standes, die keine Aemter hatten, aber gelerte und zur Regierung der Kirche geschickte Leute waren, разумѣется іерей Анастасій Кондоиди, іеромонахъ Ѳеофилъ Кроликъ и der Grieche Anastasius Nausij (S. 24). Далѣе слѣдуетъ переводъ 9 „винъ", и очень краткій пересказъ 2 и 3-й части Д. Р., а также статьи „о дѣйствахъ и силѣ" Духовной Коллегіи и пунктовъ 14 февраля 1721 и слѣд. Появленіе послѣднихъ объясняется тѣмъ, что doch damit man nicht glauben möchte, als wäre dieses Collegium von andern ganz und gar nicht verschieden: so erklärte Peter.. seine Meinung noch genauer von dessen Macht, und beehrte es mit den Titel... heilige dirigirende Synode... (S. 29), уравнявъ его затѣмъ съ Сенатомъ. Заключается эта часть записки краткимъ изложеніемъ компетенціи новаго учрежденія (S. 30—32). Въ общемъ, во всемъ документѣ чувствуется, какъ главное положіе, переводъ 3-й „вины": Die Versammlung ist vom Monarchen eingesetzt, und stehet unter ihm (S. 25). Всякія надежды и попытки духовенства къ сохраненію патріаршества waren fruchtlos (S. 20), такъ какъ Peter kannte die Rechte seiner Majestät (S. 21).

Впечатлѣніе этой записки усиливалось тѣмъ, что въ томъ же изданіи, среди другихъ документовъ, Шлецеръ далъ и свой переводъ Духовнаго Регламента (S. 147—260) [1].

Мало того, печатая въ нѣмецкомъ переводѣ указъ Петра о монастыряхъ 31 января 1724 г., Шлецеръ отзывается о немъ такъ: Man lernet daraus, dass Peter I vor 44 Iahren (считая со времени изданія книги Шлецера въ 1769 г.) in seinem Reiche gethan, woran im südlichen Europa die Häuser Bourbon erst in unsern Tagen denken: welche Ehre für den russischen Beherrscher! W i e w e i s l i c h s c h u f e r s e i n e n P a p s t i n e i n e S y n o d e u m; w i e k ü n s t l i c h f l o c h t e r d a s B a n d d e s S t a a t s, d e r K i r c h e, u n d d e r K l ö s t e r w i e d e r, d a s d e r A b e r g l a u b e z e r r i s s e n h a t t e! I n W a h r h e i t, d e r R e f o r m a t o r s e i n e r K i r c h e i s t m i r g r ö s s e r, a l s d e r S i e g e r b e i P o l t a w a. I. I. Haygold's, Beylagen zum Neuveränderten Russland. I Theil, Riga und Mietau, Vorrede [2].

---

[1]) О немъ см. у насъ ниже въ гл. VI, въ перечисленіи переводовъ Духовнаго Регламента.

[2]) Переводъ указа 31 января 1724 г. см. на стр. 73—96. Шлецеръ напечаталъ также въ своихъ Beylagen Th. I. S 99—126 новый чинъ избранія и посвященія во епископа (съ новой присягой) въ латинскомъ переводѣ Киріака Кондратовича, переводчика Академіи Наукъ. Кромѣ того онъ напечаталъ и самую присягу съ письмомъ Петра къ Стефану Яворскому отдѣльно въ первой статьѣ стр. 36—40 (изъ Собранія указовъ Петра В. за 1716 г. стр. 47—49).

Выводы. Обзоръ біографовъ Петра, а также русскихъ историковъ XVIII в. приводитъ къ тому выводу, что они такъ же, какъ и приведенные выше иностранцы, простой народъ, старообрядцы, Аврамовъ, Маркеллъ Родышевскій и др. въ церковной реформѣ Петра Великаго видѣли не одну только смѣну единоличнаго управленія Русской Церкви коллегіальнымъ органомъ. Сущность реформы понималась ими, особенно иностранцами, гораздо глубже, а именно они видѣли въ ней уничтоженіе юридической самостоятельности іерархіи и принципіальное подчиненіе ея главенству свѣтскаго государя. Почти всѣ названные авторы отмѣчаютъ либо то, что Петръ объявилъ себя предсѣдателемъ Св. Синода, либо прямо—главою Церкви. Въ XVIII в. этотъ взглядъ, повидимому, настолько сталъ всеобщимъ, что не только льстецы, какъ императоръ австрійскій Іосифъ II, но и сама Екатерина II въ перепискѣ съ нимъ называла себя главою греческой Церкви, называя Іосифа—главою Церкви западно-европейской [1]). А въ 1797 г. 5-го апрѣля императоръ Павелъ I внесъ даже въ Актъ о наслѣдіи престола, что „государи россійскіе суть главою Церкви", откуда М. М. Сперанскій и взялъ свое примѣчаніе къ ст. 42 Основныхъ Законовъ изданія 1832 г. (въ изданіи 1906 г. это статья 64-я безъ измѣненій) [2]). Все это, какъ видно не ново, и ведетъ свое начало со времени самого Петра. Лишь впослѣдствіи усмотрѣли въ этомъ нѣчто компрометирующее Церковь и старались кое-какъ сгладить, но безуспѣшно.

8. Первые русскіе историки XIX в.

Карамзинъ и Полевой. Научно-критическое изученіе Русской исторіи, начатое еще Шлецеромъ (1735—1809) въ XVIII в., стало приносить свои плоды только въ XIX столѣтіи. Обращая наибольшее вниманіе на древнюю Русь, первые историки вовсе или почти не касались Руси Петровской. Такъ, напр., ни Н. М. Карамзинъ въ своей „Исторіи Государства Россійскаго", доведенной имъ лишь до 1612 г., ни Н. А. Полевой въ его „Исторіи русскаго народа" т. I—VI, Москва 1829—1833, оконченной 1598 годомъ, не имѣли даже повода высказаться о реформѣ Петра. Тѣмъ не менѣе, однако, случайныя обстоятельства побудили Н. М. Карамзина въ его извѣстной запискѣ „О Древней и Новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніи", Москва 1811 г., сопоставить между собою ту и другую и изложить нѣсколько мыслей на нашу тему [3]). Здѣсь (на стр. 491) онъ пишетъ: „Въ необыкновенныхъ усиліяхъ Петровыхъ видимъ всю твердость его характера и власти самодержавной. Ничто не казалось ему страшнымъ. Церковь Россійская искони имѣла главу сперва въ Митрополитѣ, наконецъ, въ Патріархѣ. Петръ объявилъ себя Главою церкви, уничтоживъ Патріаршество, какъ опасное для самодержавія неограниченнаго. Но замѣтимъ, что наше духо-

---

[1]) Брикнеръ, Исторія Екатерины II, рус. пер. III, 392. Ср. еще II, 161—162; III 394 и 496.

[2]) На основаніи манифеста 31 января 1833 г., повелѣвавшаго съ 1-го января 1835 года ввести въ дѣйствіе новый Сводъ Законовъ, эти слова съ тѣхъ поръ „воспріяли законную силу и дѣйствіе", т. е. стали позитивною нормою дѣйствующаго русскаго государственнаго и церковнаго права.

[3]) Записка эта издана А. Н. Пыпинымъ въ его книгѣ „Историческіе очерки. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". Изд. 4, СПб. 1908.

венство никогда не противоборствовало мірской власти, ни Княжеской, ни Царской; служило ей полезнымъ орудіемъ въ дѣлахъ Государственныхъ и совѣстію въ ея случайныхъ уклоненіяхъ отъ добродѣтели. Первосвятители имѣли у насъ одно право,—вѣщать истину Государямъ, не дѣйствовать, не мятежничать; право благословенное не только для народа, но и для Монарха, коего счастіе состоитъ въ справедливости. Со времёнъ Петровыхъ упало духовенство въ Россіи. Первосвятители наши были уже только угодниками Царей и на каѳедрѣ языкомъ библейскимъ произносили имъ слова похвальныя. Для похвалъ мы имѣемъ стихотворцевъ и придворныхъ; главная обязанность духовенства есть учить народъ добродѣтели, а чтобы сіи наставленія были тѣмъ дѣйствительнѣе, надобно уважать оное. Если Государь предсѣдательствуетъ тамъ, гдѣ засѣдаютъ главные сановники церкви; если онъ судитъ ихъ или награждаетъ мірскими почестями и выгодами, то церковь подчиняется мірской власти и теряетъ свой характеръ священный, усердіе къ ней слабѣетъ, а съ нимъ и вѣра, а съ ослабленіемъ вѣры Государь лишается способа владѣть сердцами народа въ случаяхъ чрезвычайныхъ, гдѣ нужно все забыть, все оставить для отечества и гдѣ пастырь душъ можетъ обѣщать въ награду одинъ вѣнецъ мученическій. Власть духовная должна имѣть особенный кругъ дѣйствія внѣ гражданской власти, но дѣйствовать въ тѣсномъ союзѣ съ нею. Говорю о законѣ и правѣ. Умный Монархъ въ дѣлахъ государственной пользы всегда найдетъ способъ согласить волю Митрополита или Патріарха съ волею верховною; но лучше, если сіе согласіе имѣетъ видъ свободы и внутренняго убѣжденія, а не всеподданнической покорности. Явная, совершенная зависимость духовной власти отъ гражданской предполагаетъ мнѣніе, что первая безполезна, или, по крайней мѣрѣ, не есть необходимая для государственной твердости. Примѣръ древней Россіи и нынѣшней Испаніи доказываетъ совсѣмъ иное".

Другой разъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ Н. М. Карамзинъ писалъ: „Мнѣ хотѣлось бы, между прочимъ, написать два похвальныя слова: Петру Великому и Ломоносову... Надлежало бы доказать, что Петръ самымъ лучшимъ способомъ просвѣтилъ Россію; что измѣненіе народнаго характера, о которомъ твердятъ намъ его критики, есть ничто въ сравненіи съ источникомъ новыхъ благъ, открытыхъ для насъ Петровою рукою. Надлежало бы приподнять уголокъ той завѣсы, которою вѣчная судьба покрываетъ свои дѣйствія въ разсужденіи земныхъ народовъ" [1])...

Такимъ образомъ Карамзинъ въ одно и то же время оцѣнилъ положительныя стороны эпохи Петра Великаго, положившей начало просвѣщенія въ Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ осудилъ самую сущность его церковной реформы, увидѣвъ въ ней причину слабости духовной власти, приниженности духовенства, равнодушіе къ вѣрѣ и т. д., что замѣчалось уже въ началѣ XIX ст. Въ этомъ мнѣніи европейски образованный русскій человѣкъ новаго вѣка, оказывался совершенно солидарнымъ въ главныхъ чертахъ съ мнѣніемъ первыхъ критиковъ отмѣны патріаршества и учрежденія Духовной Коллегіи. Такъ же, какъ и тѣ, Карамзинъ понялъ смыслъ реформы въ томъ, что Петръ „объявилъ себя главою Церкви".

9. Историки русской Церкви первой половины XIX в.

Если Карамзинъ, историкъ свѣтскій, занимавшій совершенно независимое положеніе въ обществѣ и имѣвшій право, особенно въ запискѣ, пред-

[1]) М. Погодинъ „Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Матеріалы для біографіи". Ч. I, М. 1866, стр. 277.

назначенной для подачи самому государю Александру I, говоритъ о Петрѣ и его церковной реформѣ такъ открыто и смѣло; то, напротивъ, первые историки Русской Церкви, выступившіе изъ среды церковной іерархіи, ничего не могли сказать о ней цѣльнаго и правдиваго. Для всесторонняго освѣщенія ея не было источниковъ, не было и монографической литературы. Для откровеннаго сужденія о ней не было смѣлости, ибо недовольство созданнымъ реформой положеніемъ Церкви и духовенства могло показаться вольнодумствомъ, направленнымъ противъ государственнаго status quo, достигшаго такого величія въ эпоху Екатерины и Александра.

Платонъ. Преосвященный Платонъ, Митрополитъ Московскій, первый авторъ систематической и научной „Краткой россійской церковной исторіи" (въ 2-хъ томахъ М. 1805), ничего не говоритъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи и о Духовномъ Регламентѣ. Но самый благочестиво-скорбный тонъ его заключительныхъ словъ даетъ понятіе о томъ, какъ лично онъ относился къ церковной реформѣ Петра. „Его блаженною кончиною (т. е. патріарха Адріана)—пишетъ М. Платонъ,—окончалось и Патріаршество, украшавшее почти цѣлый вѣкъ церковь всероссійскую, съ великимъ ея назиданіемъ. А съ кончиною сего Патріарха и Патріаршества всероссійскаго и я оканчиваю сію мою церковную исторію. Какія были причины упраздненія Патріаршества, оныя объяснены въ духовномъ Регламентѣ, въ изпытаніе коихъ входить не должно. Осмнатцатый вѣкъ начало свое въ Россіи воспріялъ тѣмъ, что отмѣнено числить новый годъ съ 1-го Сентября, и особое празднество бывшее въ тотъ день оставлено, а повелѣно числить съ 1-го Генваря, что по Божіимъ сокровеннымъ судьбамъ было какъ бы нѣкоторымъ предзнаменованіемъ, что въ осмнатцатомъ вѣкѣ, теченіе всякихъ въ Россіи дѣлъ и вещей воспріиметъ видъ новый. Почему съ начала сего новаго вѣка теченіе и церковныхъ дѣлъ (оставясь, яко старикъ, при старыхъ дѣлахъ) предъоставляю описывать другому изъ новыхъ, коему то продолжить тѣмъ будетъ удобнѣе, что все почти въ свѣжей еще памяти содержится, и писмянныхъ о томъ извѣстій можетъ отыскаться неоскудное число" (Краткая Церковная россійская исторія. Т. II, стр. 274—276, Москва 1805).

Амвросій. Въ „Исторіи россійской іерархіи" Москва 1807—1815, 6 томовъ въ 7 книгахъ, архимандрита Амвросія (Орнатскаго) на нашу тему тоже нѣтъ ничего. Однако нѣсколько замѣчаній очень характерны. При изложеніи „хронологическаго обозрѣнія начала, продолженія и настоящаго состоянія Іерархіи Россійской", между прочимъ, говорится: „По упраздненіи Патріаршества на мѣсто онаго въ 1721 году по указу Государя Петра I учрежденъ Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сѵнодъ, изъ Архіереевъ и другихъ духовныхъ персонъ (т. I, стр. 19).

Въ концѣ перечисленія всероссійскихъ патріарховъ сказано: „10. Адріанъ... Стефанъ Яворскій былъ Администраторомъ, Блюстителемъ, и т. д."... затѣмъ—„Св. Пр. Вс. Сѵнодъ отъ 1721 года" (ib. стр. 273).

Иннокентій. „Начертаніе церковной исторіи, отъ библейскихъ временъ до XVIII в." преосвященнаго Иннокентія (Смирнова), Епископа Пензенскаго (Спб. 1817, отд. 1—2), тоже ничего не содержитъ въ себѣ на нашу тему. Но обозрѣвая дѣянія достопамятныхъ лицъ, авторъ, помянувъ патріарховъ, говоритъ слѣдующее: „10-й и послѣдній (патріархъ) Адріанъ, Казанскій Митрополитъ, кроткій и миролюбивый. Скончался въ 1700 году"... „Власть Патріаршеская вмѣсто одного лица вручена шести іерархамъ, или Синоду. Причины уничтоженія

Патріаршества см. въ духовномъ регламентѣ" (Отд. II, стр. 575—576.

Эта краткость, даже торопливость въ сообщеніяхъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній о такомъ важномъ событіи, какъ учрежденіе Духовной Коллегіи, эти ссылки на Духовный Регламентъ въ объясненіе его причинъ, наконецъ, оттѣнокъ глубокой симпатіи къ церковной старинѣ, ясно показываютъ ту позицію, на которой эти историки стояли, смотря на прошлое столѣтней давности.

Среди сообщаемыхъ этими историками свѣдѣній заслуживаетъ вниманія сообщеніе (у Амвросія), будто объ учрежденіи Св. Синода состоялся соборъ. На самомъ дѣлѣ никакого собора въ собственномъ смыслѣ не было, и упоминаніе о немъ, которое встрѣтится намъ и послѣ, есть не что иное, какъ иллюзія, которой хотѣлось такъ или иначе объяснить и оправдать реформу, выполненную исключительно волею государя Петра Великаго.

Муравьевъ. А. Н. Муравьевъ, въ своей „Исторіи россійской Церкви" уже удѣляетъ нѣсколько страницъ и учрежденію Св. Синода, при чемъ во всѣхъ трехъ изданіяхъ его книги, эти страницы остались безъ перемѣнъ (см. Спб. 1838, стр. 361—370= Спб. 1840 стр. 371—380= Спб. 1845, стр. 357—366).

Исторію учрежденія Духовной Коллегіи и изданіе Духовнаго Регламента авторъ излагаетъ, разумѣется, въ очень мягкихъ краскахъ и благожелательномъ тонѣ. Пользуясь манифестомъ 25 января 1721 г., А. Н. Муравьевъ говоритъ, что „когда наступило, наконецъ, время устроить дѣла церковныя, долго бывшія въ нерѣшительномъ состояніи" (Спб. 1838 стр. 361), Петръ „возымѣлъ страхъ" отвѣтственности за нерадѣніе о исправленіи чина духовнаго. Къ тому же и „добродѣтельный... Стефанъ... вполнѣ достойный довѣренности царской и своего высокаго званія... чувствовалъ уже приближеніе старости и не въ силахъ былъ слѣдовать повсюду за дѣятельнымъ Петромъ". Въ 1718 г. онъ подалъ Государю свой извѣстный докладъ, а „Государь отвѣтствовалъ: что одно соборное правительство могло быть достаточно для нуждъ церковныхъ, и еще болѣе утвердился въ сей коренной своей мысли, которую, въ теченіе долгаго царствованія, постепенно приводилъ въ исполненіе, учрежденіемъ Сената и двѣнадцати коллегій" (ib 361—363). Далѣе слѣдуетъ нѣсколько словъ о содержаніи Духовнаго Регламента, написаннаго Ѳеофаномъ (363—364). „Дѣло столь важное внимательно было разсуждено на соборѣ[1]), созванномъ въ новую столицу, въ началѣ 1721 г., и весь регламентъ читанъ, въ присутствіи" Стефана... и др... „и семи важнѣйшихъ сановниковъ государства, и засвидѣтельствованъ руками всѣхъ, за скрѣпою царской руки; потомъ же подписанъ всѣми архіереями и первостепенными архимандритами и игуменами Россійской Церкви". „Тогда торжественно открытъ былъ... сей постоянный Соборъ духовный, долженствовавшій навсегда управлять Церковью Россійскою, подъ именемъ Св. Пр. Синода"... (ib. 364—365). Заканчивается рѣчь о Синодѣ грамотою патріарха Іереміи отъ 23 Сентября 1723 г. о признаніи Синода (ib. 369—370).

Филаретъ Гумилевскій. „Исторія Русской Церкви" Филарета, Архіепископа Черниговскаго, содержитъ въ себѣ также и „пятый періодъ" —„синодальное управленіе" (1721—1826). Въ началѣ изложенія этого періода есть два параграфа, имѣющіе ближайшее отношеніе къ нашей темѣ: „§ 1. Учрежденіе Синода" и „§ 2. Составъ и права Св. Синода". Основ-

---

[1]) Какъ сказано выше, никакого собора въ собственномъ смыслѣ не было.

ной текстъ этихъ параграфовъ остается дословно тѣмъ же во всѣхъ шести изданіяхъ труда Филарета, начиная съ перваго 1848, до послѣдняго шестого—1894. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ можно замѣтить лишь два-три незначительныхъ сокращенія текста и 3—4 дополненія въ примѣчаніяхъ. Самыя сужденія Филарета остались безъ перемѣнъ. Онъ пишетъ: „Съ 1721 г. Русская Церковь вступила въ новый періодъ существованія перемѣною высшаго управленія своего. Въ Январѣ 1721 г. собранъ былъ Соборъ Пастырей Церкви Русской. Подъ предсѣдательствомъ самого Царя Соборъ разсуждалъ о высшемъ духовномъ правительствѣ. Признано было полезнымъ поручить высшее управленіе Церковію вмѣсто Патріарха Собору Пастырей" (стр. 1) [1]). Далѣе изложены основанія такого постановленія „Собора", которому и приписаны всѣ „вины" Духовнаго Регламента (Филаретъ говоритъ: „такъ разсуждалъ Соборъ", и всюду, гдѣ въ Регламентѣ стоитъ „Коллегія", онъ ставитъ—„Соборъ" (стр. 1—2), „Вслѣдствіе сего,—заканчиваетъ авторъ,—положено было, не измѣняя ничего въ основаніяхъ церковнаго правленія, открыть постоянный духовный Соборъ" (стр. 2). Сказавъ затѣмъ объ утвержденіи реформы восточными патріархами (стр. 2—3), Филаретъ начинаетъ свой § 2 словами: „Св. Синодъ по составу своему то же, что законный Церковный Соборъ, въ которомъ избранныя духовныя лица занимаются дѣлами Церкви" (стр. 3)... „Въ сущности, постоянный Соборъ, или Синодъ, остался тѣмъ же для Русской Церкви, чѣмъ было патріаршее правленіе. какъ и писали Патріархи" (стр. 4). Далѣе слѣдуетъ краткое изложеніе „предметовъ вѣдомства Синода" (стр. 5—7). „Духовный Регламентъ, написанный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ [2]) и разсмотрѣнный Соборомъ, какъ примѣненіе древнихъ церковныхъ правилъ къ состоянію Русской Церкви, сталъ церковнымъ правиломъ. Впрочемъ самимъ Регламентомъ какъ оставлены въ неприкосновенности и древней силѣ древнія правила Соборовъ и Отцевъ, такъ оставлена за Синодомъ власть въ послѣдствіи вводить новыя постановленія по нуждамъ Св. Церкви [3]) (стр. 7). Ср. 6-е изданіе СПб. 1894, стр. 675—679.

10 Образованіе оффиціальной точки зрѣнія на церковную реформу Петра Великаго въ эпоху Императора Николая I-го.

Какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, Муравьевъ и Филаретъ уже отступили отъ критическаго отношенія къ церковной реформѣ Петра. Время, когда они писали свои исторіи, было временемъ Николая Павловича и дѣятельности Синодальнаго Оберъ-Прокурора гр. Н. А. Протасова (1836—1855), когда свободному сужденію не могло быть мѣста. Именно въ эту эпоху полицейскій характеръ Русской государственности получилъ свое полное и всестороннее развитіе. Церковь всецѣло вошла въ строй политической жизни, образовавъ въ немъ особое „вѣдомство"—В ѣ д о м с т в о П р а в о с л а в н а г о И с п о в ѣ д а н і я, во главѣ котораго сталъ Синодальный Оберъ-Прокурорь съ м и н и с т е р с к о й властью, унаслѣдованной имъ

---

[1]) Все это совершенно невѣрно.

[2]) Критико-біографическія замѣчанія самого Филарета о жизни и дѣятельности Ѳеофана см. въ его „Обзорѣ русской духовной литературы" изд. 3, СПб. 1884, стр. 276 299.

[3]) Въ позднѣйшихъ изданіяхъ къ этому было прибавлено: „по руководству св. писанія и правилъ церкви вселенской, по утвержденію ихъ самодержавною властію".

отъ Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (1817—1824г.)[1]. Подвергать критической оцѣнкѣ церковную реформу Петра и отмѣчать происшедшее въ ней рѣзкое отступленіе отъ православной традиціи значило бы сѣять смуту въ умахъ и навлекать на одно изъ высшихъ государственныхъ учрежденій, оффиціально признанное въ своемъ достоинствѣ, упрекъ въ неправославіи и неканоничности. Поэтому какъ эти два историка, такъ и другіе авторы, прилагали всѣ свои силы къ тому, чтобы доказать непрерывность православной традиціи въ устройствѣ Русской Церкви отъ древнихъ митрополитовъ до современнаго Св. Синода, а самый Синодъ—представить какъ вполнѣ канонически составленный постоянный соборъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было ослабить пониманіе и самой юридической сущности церковной реформы Петра, т. е. устранить мысль о томъ, что Петръ лишилъ Церковь ея юридической самобытности, самостоятельности и всецѣло подчинилъ государству (т. е. ввелъ въ Россіи систему государственной церковности въ ея существенныхъ чертахъ), и вмѣсто того внушить другую мысль, будто вся сущность церковной реформы Петра заключалась только въ томъ, что онъ единоличнаго патріарха замѣнилъ коллегіальнымъ Синодомъ, ничуть не умаливъ автономныхъ правъ церковной власти. Сдѣлать все это, повидимому, не составляло особаго труда, ибо Св. Синодъ николаевскаго времени, по крайней мѣрѣ внѣшне, уже не былъ похожъ на Духовную Коллегію Петра, и открыть отрицательные признаки послѣдней въ первомъ, при слабости юридическаго анализа у современниковъ гр. Н. А. Протасова, было, разумѣется, не легко.

Тогда именно и образовалась окончательно та далекая отъ исторической критики „оффиціальная" точка зрѣнія на Св. Синодъ, которая въ главныхъ своихъ положеніяхъ отстаивается и до сихъ поръ въ оффиціальной литературѣ. Точно также тогда именно сложилось понятіе о такъ называемомъ „оффиціальномъ", „синодскомъ" православіи, въ отличіе отъ древняго, историческаго, свободнаго, и первое православіе получило дѣйствительно господствующее положеніе въ Русскомъ государствѣ, поддерживаемое мѣрами полицейскаго принужденія по отношенію къ нетвердымъ въ вѣрѣ раскольникамъ и сектантамъ.

Филаретъ М. М. Главнымъ и наиболѣе авторитетнымъ, хотя не первымъ выразителемъ оффиціальной точки зрѣнія на церковную реформу Петра и учрежденіе имъ Духовной Коллегіи былъ, конечно, Митрополитъ Московскій Филаретъ.

Какъ мы видѣли, названный выше А. Н. Муравьевъ въ своей Исторіи, предназначенной для широкой публики, высказался очень осторожно. На самомъ же дѣлѣ наличная церковная дѣйствительность, находившаяся въ непосредственной зависимости отъ тѣхъ условій, которыя созданы были церковной реформой Петра, не вполнѣ его удовлетворяли. Поэтому около 1856 г. А. Н. Муравьевъ составилъ особую записку „О состояніи православной Церкви въ Россіи"[2], которая, по его словамъ, была вызвана желаніемъ его обратить вниманіе правительства на тѣ недочеты нашего церковнаго быта, которые особенно служатъ предметомъ нападокъ со стороны иностранцевъ[3]). Въ виду этого Муравьевъ пишетъ

---

[1]) См. мои „Очерки по Исторіи Русской Церкви въ XVIII и XIX ст." Варшава 1912, стр. 124—145.

[2]) Напечатана, съ сокращеніями, въ журналѣ „Русскій Архивъ" за 1883 г., кн. II, стр. 175—203. Объ этой запискѣ упоминаетъ А. А. Бѣляевъ въ статьѣ: „Къ исторіи недавняго прошлаго. Вопросъ о соборахъ въ Русской Церкви". Богословскій Вѣстникъ 1892, Май, стр. 287—303.

[3]) Муравьевъ упоминаетъ сочиненіе Тейнера, Russische Staats-Kirche.

въ ней о нашихъ священникахъ, о семинаріяхъ, о платѣ за требы, о сокращеніи приходовъ, о малолюдствѣ архіереевъ, о ихъ перемѣщеніи, о необходимости архіерейскихъ съѣздовъ, о бѣдности архіеревъ, о монастыряхъ и расколѣ. Въ запискѣ его, вѣроятно, были затронуты и другіе, болѣе важные вопросы, но они въ печати опущены. Вышеизложенную записку А. Н. Муравьева протопресвитеръ В. Б. Бажановъ († 31 Іюля 1883 г.) при письмѣ отъ 12 Октября 1856 г., съ дозволенія Императрицы, и согласно желанію Митрополита Филарета, препроводилъ къ послѣднему для отзыва, въ которомъ, главнымъ образомъ, мы находимъ нѣсколько штриховъ, уясняющихъ точку зрѣнія Филарета на церковную реформу Петра [1]).

Полемизируя съ запиской Муравьева, М. Филаретъ пишетъ:

„VII. Записка говоритъ, что патріархи Іоакимъ и Адріанъ противились Петровымъ преобразованіямъ, и поэтому были неудобны для правительства. Едва-ли такъ. Петръ могъ ужиться съ ними, если бы не прельстился проектомъ Лейбница о коллегіяхъ, въ томъ числѣ и о духовной коллегіи, которую у протестанта перенялъ Петръ, но которую провидѣніе Божіе и церковный духъ обратили въ Святѣйшій Синодъ.

VIII. Записка жалуется, что Синодъ остался. Напрасно. Хорошо было бы не уничтожать патріарха, и не колебать іерархіи[2]), но возстановлять патріарха было-бы не очень удобно; едва ли былъ бы онъ полезнѣе Синода. Если свѣтская власть начала тяготѣть надъ духовною: почему одинъ патріархъ твердо вынесъ бы сію тягость, нежели Синодъ? И при вселенскомъ патріархѣ нужнымъ оказался Синодъ; и въ Россіи есть Синодъ. Очень ли велика разность въ томъ, что въ Россіи первенствующій членъ Св. Синода не называется патріархомъ? Это, по крайней мѣрѣ, требуетъ изслѣдованія, а не ведетъ къ рѣшительному осужденію того, что Синодъ остался. Было время, когда въ Россіи не было патріарха, ни Синода, а только митрополитъ. Но власть свѣтская искренно чтила духовную власть и ея правила; а сія имѣла болѣе удобства дѣйствовать съ ревностью и одушевленіемъ. Вотъ въ чемъ дѣло!“ [3]).

Въ другомъ мѣстѣ, въ письмѣ къ Оберъ-Прокурору Св. Синода гр. Д. А. Толстому, съ препровожденіемъ записки, озаглавленной: „О доводахъ въ отвѣтномъ письмѣ молдаво-влахійскаго князя къ Св. Патріарху“ [4]), Филаретъ пишетъ слѣдующее.

„VII. Письмо князя говоритъ, что на основаніи 34 апостольскаго правила, Петръ Великій, въ 1721 г., замѣнилъ патріаршество Синодомъ подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ. Ни въ какомъ актѣ не сказано, и не можетъ быть сказано, что Всероссійскій Синодъ учрежденъ былъ на основаніи указаннаго правила. Правило сіе говоритъ объ областномъ митрополитѣ, а не о синодѣ. Всероссійскій Синодъ учрежденъ съ благословенія восточныхъ патріарховъ... Что касается до предсѣдательства или первенства (primauté), наименованіе предсѣдателя или первенствующаго принадлежитъ въ Россійскомъ Синодѣ старѣйшему изъ его членовъ. Въ указѣ 1721 г., которымъ опубликовано въ государствѣ учрежденіе Синода, сказано, что у Синода должно „крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить“; а о дополненіи Синодомъ своего устава новыми пра-

---

[1]) См. Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, М. М. т. IV, М. 1886, стр. 141 149. Курсивъ самого Филарета, разрядка наша.

[2]) Ср. ниже во II томѣ Критику Маркелла Родышевскаго, § 20.

[3]) Собраніе мн. и отз. IV, стр. 145.

[4]) Тамъ же, т. V, ч. 2, стр. 831 841.

вилами скромно выразился Петръ Первый: „дѣлать сіе не безъ Нашего соизволенія“ [1]).

Приведемъ на выдержку еще два мѣста изъ „мнѣній и отзывовъ“ М. Филарета. Въ одномъ онъ говоритъ, что Петръ Великій, „конечно не для возвышенія духовенства пожелалъ отмѣнить патріаршее достоинство и, въ пародію надъ духовенствомъ и надъ церковными обрядами, учредилъ такъ называемый всешутѣйшій соборъ“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ, въ мнѣніи о надлежащемъ составѣ Св. Синода, М. Филаретъ говоритъ, что „Св. Синодъ имѣетъ характеръ собора“ [3]).

Изъ изложеннаго видно, что даже М. Филаретъ относился къ церковной реформѣ Петра отрицательно, считая ее заимствованіемъ отъ протестанства, духовенство послѣ нея—приниженнымъ и стѣсненнымъ въ своей дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Филаретъ находилъ уже возможнымъ провести различіе между первоначальной „Духовной Коллегіей“ и „Св. Синодомъ“, который казался ему безупречнымъ, какъ учрежденный, будто бы, съ благословенія восточныхъ патріарховъ и внутренне свободный. Въ его глазахъ Синодъ былъ церковнымъ учрежденіемъ подъ предсѣдательствомъ не государя, а старѣйшаго іерарха. Во всякомъ случаѣ глубоко проникнутый консервативнымъ міровоззрѣніемъ, Филаретъ предпочиталъ мириться съ наличной дѣйствительностью и, отстаивая status quo ante, энергично поддерживалъ церковное достоинство Св. Синода, который имѣлъ, по его мнѣнію, характеръ собора.

Столь откоровенно выраженные взгляды предназначались для узкаго кружка немногихъ правящихъ лицъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ имѣлся въ виду кругъ читателей возможно болѣе широкій, Филаретъ чисто догматически перецалъ оффиціальную точку зрѣнія. Именно, перу Филарета принадлежатъ Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи Восточной Каѳолической Церкви съ присовокупленіемъ выписки изъ Окружнаго посланія Фотія, Патріарха Цареградскаго къ Восточнымъ Патріаршимъ Престоламъ. Изд. 4, Москва 1843 [4]). Здѣсь на стр. 149—152 читаемъ слѣдующій „Разговоръ седьмый [5]). И. Еще вопросъ о священноначаліи Церкви Россійской. У. Что такое? И. Она прежде зависѣла отъ Патріарха Цареградскаго: потомъ, по согласію Восточныхъ Патріарховъ, получила собственнаго Патріарха, что конечно все равно. Послѣ мѣсто Патріарха занялъ Святѣйшій Сѵнодъ: не сдѣлалось ли чрезъ то перемѣны въ священноначаліи Россійской Церкви? У. Ни мало. Во всѣ времена, и во всѣхъ Церквахъ были Синоды, занимавшіе мѣста Патріарховъ. И. Что ты говоришь? У. Каждый разъ, когда въ какой Церкви умиралъ Патріархъ, собирался въ ней Соборъ, а по гречески Сѵнодъ, который и занималъ мѣсто Патріарха. И. Всю ли Патріаршую власть имѣлъ таковой Соборъ, или Сѵнодъ? У. Безъ сомнѣнія. И. Могъ ли онъ избрать и рукоположить Епископа? У. Онъ избиралъ и рукополагалъ Патріарха; какъ же не могъ избрать и рукоположить Епископа? И. Есть ли на сіе церковныя правила?

---

[1]) Стр. 834.
[2]) Т. V, ч. I, стр. 316.
[3]) IV, стр. 223.
[4]) Этотъ „Разговоръ“ былъ написанъ м. Филаретомъ по поводу катехизиса Collert'а, епископа Монпелье. Со 2-го изданія М. 1833 г. и безъ приведеннаго у насъ „Разговора седьмого“, это сочиненіе м. Филарета перепечатано недавно Издательскимъ Совѣтомъ при св. Синодѣ, въ брошюрѣ „Правда Православія“ вып. 1. Петроградъ 1915 г. стр. 1—55.
[5]) Курсивъ самого Филарета.

У. Первое Апостольское правило говоритъ: Епископъ да рукополагается отъ двухъ или тріехъ Епископовъ. Соборныя правила повелѣваютъ въ поставленіи Епископа принимать участіе Епископамъ цѣлой области, а по нуждѣ, также тремъ Епископамъ, съ согласія прочихъ. (1 Ник. Соб. пр. 4 Кар. пр. 13. Ант. пр. 19). Подобнымъ сему образомъ производились издревле и другія важнѣйшія дѣла церковныя: и на сей конецъ тридцать седьмое правило Апостольское повелѣваетъ: дважды въ лѣтѣ да бываетъ Сѵнодъ Епископовъ. Тоже подтвердилъ первый Вселенскій Соборъ, (пр. 5): но шестый Вселенскій Соборъ примѣтивъ, что столь частыя собранія Епископовъ неудобны и обременительны для нихъ, предписалъ (пр. 8) держать Синодъ единожды въ годъ. Между тѣмъ большая часть дѣлъ, издревле подлежавшихъ Сѵнодамъ, перешли къ Патріархамъ и Митрополитамъ. И. Такъ посему Россійская Церковь установленіемъ Сѵнода, еще ближе подошла къ древнему образу священноначалія, а не удалилась отъ онаго? У. Точно такъ. Только, по пространству Россійской Церкви, а также и по нынѣшнему образу производства дѣлъ, не возможно было въ Россіи быть Сѵноду одинъ или два раза въ годъ, а нужно было быть всегда. Почему и установленъ непремѣнный Сѵнодъ. И. Кого должно считать высшимъ въ священноначаліи, Патріарха или Сѵнодъ? У. Общій Синодъ всей Россійской Церкви могъ бы судить самаго Патріарха: частный Сѵнодъ избранныхъ Епископовъ, въ своемъ единствѣ, пользуется правами равными правамъ Патріарха; почему также, какъ Патріархъ, именуется Святѣйшимъ. Патріархъ есть Сѵнодъ въ одномъ лицѣ: Сѵнодъ есть Патріархъ въ нѣсколькихъ избранныхъ освященныхъ лицахъ. Такъ разсудили Восточные православные Патріархи, когда изъявили свое согласіе на учрежденіе Святѣйшаго Сѵнода въ Россійской Церкви, и предоставили ему ту самую власть, какую до него имѣлъ Всероссійскій Патріархъ".

Какъ видно, весь разговоръ седьмой разсчитанъ на то, чтобы внушить убѣжденіе, что церковная реформа Петра не только не вызвала никакой перемѣны въ священноначаліи, но напротивъ, даже приблизила русское церковное устройство къ апостольскому, авторитета церковной власти ничуть не умалила, юридической независимости Церковь не лишила и т. д. О томъ, что Петръ учредилъ собственно Духовную Коллегію, заимствовавъ ее у протестантовъ, о чемъ самъ Филаретъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что современный Синодъ не только имѣетъ характеръ собора, но и въ самомъ дѣлѣ есть соборъ вполнѣ правомѣрный, только постоянный (а постоянныхъ соборовъ, кромѣ домашняго синода при Константинопольскомъ патріархѣ Восточная Церковь не знала). Словомъ, использована вся аргументація, полезная для пропаганды оффиціальной точки зрѣнія, хотя бы и вопреки исторической и канонической правдѣ. Лишь одно осталось не объясненнымъ—именно, почему для поддержанія авторитета Св. Синода автору нужно было написать разговоръ седьмой? Почему безъ него испытуемый былъ и оставался бы не увѣреннымъ? Откуда пошло и въ чемъ коренилось недовѣріе къ церковной реформѣ Петра и порожденнаго ею Св. Синода?

Какъ-бы то ни было, но въ теченіе первой половины XIX в. оффиціальная точка зрѣнія пріобрѣла необходимую устойчивость, и съ того времени разойтись съ нею значило обнаружить предосудительное вольнодумство. Понятно поэтому, что тѣ, кто не хотѣлъ подпасть подъ подозрѣніе, должны были ея придерживаться. Примѣрами такихъ авторовъ являются напр. Скворцовъ и Подгурскій.

Прот. И. М. Скворцовъ. Въ 1848 г. вышло первое изданіе „Записокъ по церковному законовѣдѣнію“ [1]) профессора университета св. Владимира и Кіевской Духовной Академіи протоіерея И. М. Скворцова. Въ этихъ „Запискахъ“ авторъ говорилъ, между прочимъ, о церковномъ правительствѣ, т. е. „о власти епископской“, „о соборахъ повременныхъ“, „о лицахъ съ властію соборною“ и, наконецъ, „о правленіи синодальномъ“, въ томъ числѣ объ учрежденіи Св. Синода и проч. (стр. 74—80). Объ учрежденіи Св. Синода прот. Скворцовъ говорилъ слѣдующее: „Правленіе соборное, столь свойственное Церкви, являвшееся издревле на Соборахъ повременныхъ, потомъ образовавшее при главнѣйшихъ пастыряхъ синоды постоянные, которые могутъ управлять церковною областію и сами собою (по смерти, напр. Патріарха), явилось, наконецъ, въ одномъ Синодѣ безъ Патріарха, но имѣющемъ силу и власть патріаршую. По смерти послѣдняго П. Адріана, Государь Петръ I поручилъ управленіе Церкви М. Стефану Яворскому съ титломъ мѣстоблюстителя п. престола, а 1721 г. учредилъ на мѣсто Патріарха Духовное Коллегіумъ, которое переименовано вскорѣ Св. Пр. Синодомъ. Причины этого учрежденія изложены въ Д. Регламентѣ и проч.“ [2]).

Какъ видно, въ своихъ сужденіяхъ прот. И. М. Скворцовъ чуть не буквально совпадаетъ съ „Разговорами“ М. Филарета.

Подгурскій. Въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи за 1869 г. (Октябрь, стр. 113—142) помѣщено, какъ видно изъ примѣчаній на стр. 113, писанное за 40 лѣтъ передъ тѣмъ, курсовое сочиненіе на степень магистра студента Кіевской Духовной Академіи Д. Подгурскаго, подъ названіемъ: De auctoritate sacro-Sanctae Synodi Rossicae, tanqnam Concilii Ecclesiae Repraesentativae, summam rerum ecclesiasticarum administrationem procurantis. Это любопытное сочиненіе такъ же, какъ и сочиненія Филарета, прекрасно характеризующее оффиціальные взгляды 30-хъ годовъ XIX ст. на происхожденіе и сущность Св. Синода, распадается на введеніе (стр. 113—116) и три главы.

Во введеніи, сказавъ нѣсколько общихъ фразъ о соборахъ вообще и русскихъ въ частности, авторъ подходитъ къ учрежденію Петромъ Св. Синода, какъ собора и ставитъ себѣ цѣлью въ дальнѣйшемъ разсмотрѣть три вопроса: 1) Utrum sacro-Sancta Synodus Rossica legitima potestate sit convocata et instituta? 2) Utrum adsint sacro-Sanctae Synodo Rossicae legitima membra sub legitimo praeside? и 3) Utrum sacro-Sancta Synodus Rossica in obeundis muniis suis legitima vi et efficacia gaudeat, nec ne? Отвѣты на эти вопросы составляютъ три главы и исчерпываютъ собою все сочиненіе.

Отвѣчая въ I главѣ (стр. 116—122) на первый вопросъ, авторъ начинаетъ издалека, со временъ библейскихъ, и постепенно развиваетъ ту мысль, что религіозныя дѣла всегда управлялись соборами, созванными какъ свѣтской, такъ и духовной властью вмѣстѣ. Такъ, по его мнѣнію, было и при учрежденіи Св. Синода: „Utut certum ratumque est, s. Sanctam Synodum Rossicam auctoritare Regis, ut Monarchae Rossorum, convocatam seu institutam esse; non invito tamen publico consilio hanc Magistratus Ecclesiastici formam introductam esse, res ipsa omne dubium removet. Quippe priusquam haec synodus institueretur, conventum sacrum, qui ex ordine Primatum tum Ecclesiastico tum Politico, sub auspicio Ipsius Regis, conflatus erat, hac de re toto fere anno prius disseruisse, e penultimis Regulamenti paginis quam luculentissime apparet. Sufficit, ut documenti causa, quae du-

---

[1]) 3-е изд. 1861; 4-е—1871 г. Кіевъ.

[2]) Стр. 74—75 1-го изданія.

rante conventu illo peracra sint, in medium proferemus". При этомъ авторъ цитируетъ приписку Ѳеофана въ концѣ Духовнаго Регламента о разсмотрѣніи его 11 и 23-го февраля 1720 г. Петромъ, духовенствомъ и сенаторами и ссылается на утвержденіе Синода патріархами, послѣ чего и заключаетъ: Quapropter minime abhorremus a veritate, dum rem hanc totius Ecclesiae consensu esse affirmamus. Sacro-sanctam ergo Synodum Rossicam ex toto ad instar Conciliorum Ecclesiae, tam veteris iudaicae, quam christianae primaevae, adeoque omnino legitime convocatam et institutam esse, iure meritoque asseri potest (стр. 120, 121—122).

Отвѣчая во II главѣ (стр. 122—132) на второй вопросъ, авторъ прежде всего утверждаетъ: Quum in Ecclesia dentur docentes et discentes, administrantes et qui horum administrationi subsunt; hinc Ecclesia recte distribui solet in Syntheticam et Repraesentativam. Illam constituunt omnes cujuscunque status et ordinis fideles. Haec autem est coetus Rectorum et Doctorum Ecclesiae, ad illius res procurandas convocatus. Atque huc referri solent Consilia s. Synodi (стр. 122). Поэтому: legitima membra Ecclesiae Repraesentativae, vices Collectivae Ecclesiae gerentis, sunt ejusmodi personae, quae ad res ecclesiasticas dijudicandas ex ordine ecclesiastico eliguntur quaeque iure suffragii decisivi gaudent, т. е. епископы и пресвитеры (стр. 123—124).

Переходя же затѣмъ къ вопросу, quid nobis de Praeside legitimo Repraesentativae Ecclesiae sentiendum est, авторъ говоритъ, что невидимый глава Церкви есть самъ Богъ. Quod vero attinet ad Praesidem visibilem, eum ex ipsis Ecclesiae Repraesentativae membris, quibus ius suffragii definitivi competit, esse debere, jam res ipsa docet (стр. 125), т. е. предсѣдательствованіе принадлежитъ старшему по посвященію, болѣе ученому, почтенному и опытному, какъ первому среди равныхъ (ejusmodi primatum non potestatis... sed ordinis esse oportere, ut iure suffragium ferendi non nisi pari et aequali cum caeteris membris gaudeat, quod solitum est dici: primus inter pares). Что же касается положенія Верховной власти, то о ней Подгурскій говоритъ: Christiani Imperatores aliique Civitatum Domini Ecclesiae Repraesentativae non tam Praesides, quam Patroni seu Tutores et Defensores possunt (uti ac solitum est) iure meritoque salutari.

Errant ergo aperte,—говоритъ авторъ,—qui aut adsistentium in Repraesentativa Ecclesia solis Praelatis, vel cujuscunque status hominibus adscribant, aut Praesidi illius Summo Pontifici potestatem supremam, ita ut absque ejus suffragio consilium totius Ecclesiae nil valere possit, deferant, vel Regibus omnem rerum ecclesiasticarum administrationem tribuant (стр. 128).

Переходя затѣмъ, послѣ этихъ теоретическихъ разсужденій, къ положенію Русской Церкви, авторъ заключаетъ: Graeco-Rossica Ecclesia nostra omnibus retro aetatibus retinuit, nuncque retinet, quidquid ab Ecclesia Primitiva receperat. Immo ad praxin Ecclesiae hujus Sancta et Orthodoxa Ecclesia nostra hac in re, de qua nobis sermo est, paucis abhinc annis, videlicet ab institutione apud se sacro-sanctae Synodi perpetuae, etiam atque etiam sese appulit, quippe cujus Synodi tum membra, tum Praeses quam apprime supra expositis principiis respondent (стр. 128—129). Въ доказательство своихъ словъ Д. Подгурскій приводитъ слова манифеста 25 января 1721 г. и Духовнаго Регламента (ч. III) о составѣ Духовной Коллегіи и замѣчаетъ, что хотя въ его время члены Коллегіи именуются другими титулами, напр. Praeses=Primarius Sanctissimae Synodi Socius seu Membrum, т. е. первенствующій членъ Св. Синода, но это не мѣняетъ сущности дѣла (Ast tenendum, ejusmodi mutatione nullam factam esse in ipsa natura rei mutationem).

De Praeside illius Collegii Ecclesiastici Д. Подгурскій разсуждаетъ такъ. Глава Св. Прав. Церкви есть самъ Христосъ, поэтому и президен-

томъ Ecclesiae Repraesentativae надо считать Его же или даже Св. Троицу. Quodcirca,—добавляетъ Д. Подгурскій,—errant quidam[1]), dum inquiunt, s. Sanctae Sydoni Rossicae caput esse Imperatorem. Quippe ne vestigium quidem ullibi in Regulamento huius opinionis inveniri potest, neque unquam Christianissimi Imperatores Rossorum ejusmodi titulum ecclesiasticum, qui in solum Iesum Christum quadrat, arripiebant, sed saepe saepius Primogeniti Fillii Ecclesiae audiunt (стр. 130).

Видимымъ президентомъ, поэтому, является Urbis Regiae metropolita, qui in Ecclesiae Rossicae hierarchia dignitate et auctoritate omnes superat. Однако онъ имѣетъ лишь одинъ голосъ съ прочими, согласно манифесту объ учрежденіи Духовной Коллегіи, и титулъ „святѣйшества" принадлежитъ всему Синоду въ цѣломъ (стр. 131). Что же касается положенія Монарха, то оно опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Quod Ipse non sit illius Praeses, et res ipsa et quae supra dicta sunt aperte docent. Hoc autem non obstat, quominus curam religionis, quae Ipsi, ut Monarchae, a Deo commissa est, gerat; sed tantummodo innuit certos supremae potestatis limites in administranda Ecclesia. Atque Imperatores Russorum hac in re a praxi Primitivae Ecclesiae nunquam discedunt. Здѣсь Д. Подгурскій приводитъ исторію обращенія къ Петру Великому докторовъ Сорбонны по вопросу о соединеніи Церквей и отвѣтъ его имъ.

Въ концѣ этой главы Д. Подгурскій говоритъ о томъ, что если въ Св. Синодѣ все дѣлается именемъ Монарха, то потому, что этого требуетъ смыслъ самой монархіи (id requirit ipsa ratio Monarchiae). Atque, — добавляетъ онъ,— hoc sensu intelligenda sunt verba, quae interim in juramento Collegarum citantur: „исповѣдую же съ клятвою" и проч.[2]).

Inde certe jam liquet, Monarchas nostros potestatem suam in rebus ecclesiasticis neque nimis restringere, neque nimis extendere, sed certis, prout jns et fas est, limitibus continere, ut ita Patroni seu Tutores ac Defensores Ecclesiae iure meritoque salutari soleant (стр. 132).

Отвѣчая въ III главѣ (стр. 132—139) на третій вопросъ, Д. Подгурскій сначала устанавливаетъ, какія законныя права вообще имѣетъ Ecclesia Repraesentativa, а именно надзоръ за правильнымъ толкованіемъ Св. Писанія, преслѣдованіе ересей и расколовъ, поддержаніе церковной дисциплины, церковный судъ и проч. Всѣ эти права, — говоритъ авторъ, — принадлежатъ Св. Синоду согласно 2-й и 3-й части Духовнаго Регламента. Что же касается основанія этихъ правилъ, то таковымъ, согласно Регламенту же, являются Св. Писаніе, церковные каноны и свѣтскіе законы, Слову Божію согласные[3]) (стр. 136). Это указаніе Регламента Д. Подгурскій принимаетъ безъ всякой критики.

Обращаясь далѣе къ вопросу о силѣ и власти Св. Синода, Д. Подгурскій приводитъ соотвѣтствующее мѣсто изъ печатнаго текста Духовнаго Регламента, помѣщенное въ концѣ его, и затѣмъ поясняетъ выпискою извѣстныхъ словъ изъ манифеста 25 января 1721 г. Далѣе, авторъ ссылается на пункты 14 февраля 1721 г. и заключаетъ: Quapropter potestas Synodi nostrae potestatem cujusvis patriarchae superat, ita ut hic ab illa judicari possit (стр. 137)[4]). Онъ идетъ, затѣмъ, и далѣе, признавая, что

---

[1]) Здѣсь онъ ссылается на Mariani Dobmayer Systema Theologiae Catholicae. Tom. IV, pag. 167 et 168. En inclyti Theologi hujus verba: „Ruthenica (Ecclesia) olim Patriarcho Constantinopolitano subiecta, ab anno 1589 proprio Patriarcha regi coepit; ast juxta institutionem Petri I a Synodo Sancta Sanctissima et dirigente, cujus quidem caput est Imperator, inde ab anno 1721 gubernatur...

[2]) См. ниже, т. II, приложеніе № 2.

[3]) См. во II томѣ текстъ Д. Р. въ началѣ.

[4]) Авторъ ссылается при этомъ на сочиненіе М. Филарета: „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной грекороссійской церкви", стр. 156.

на практикѣ власть Синода еще расширилась правомъ изданія новыхъ правилъ (согласно словамъ манифеста) и проч. Ecclesia Repraesentativa получила даже политическое значеніе, что видно изъ ея участія въ процессѣ царевича Алексѣя Петровича и др.

Сочиненіе Д. Подгурскаго кончается заключеніемъ. Въ немъ, довольный результатами своего изслѣдованія, онъ говоритъ ut auctoritas sacro-Sanctae Synodi Rossicae ab auctoritate Antiquae Repraesentativae Ecclesiae recedat, ut potius ad illam proprius propriusque accedat (стр. 139). Quapropter non est dolendum nobis, quod in Ecclesia nostra Patriarchatui successerit sanctissima Synodus, потому что по канонамъ-де лучшая форма церковнаго управленія есть соборная (стр. 139—140). Neque ipsa ratio Monarchiae commodiorem Magistratus Ecclesiastici rationem, nisi in perpetua Synodo, invenit (стр. 140). Наконецъ, сама практика показала прекрасные результаты учрежденія Св. Синода: Hodiernis autem temporibus... Ecclesia Russorum modo altius altiusque crescit et descrescere nescit, ut adeo faustum Instiiutoris huius Collegii Ecclesiastici omen jam cito ociusve impletum sit (стр. 141). Поэтому послѣдними словами автора являются слова восторженной похвалы. Sit itaque gloria in aeternum praeprimis Summo Deo Trjno, Qui Christianissimo Monarchae hanc mentem indidit; sit gloria Imperatori Petro Magno, Qui inditam sibi desuper mentem ad effectum perduxit; sit gloria Ecclesiae, Quae coelitus insitam hanc mentem submisse recepit, — sit omnibus et singulis sacro-Sanctae Synodi Rossicae Sociis gloria in aeternum! Teneat illa totius Rossicae Ecclesiae gubernacula eousque, quousque haec militans in terris maneat! Quod faxit Deus Opt. Max. etiam atque etiam oramus (стр. 142).

Архим. Никодимъ. Однако, далеко не всѣхъ удовлетворяла натянутая и догматизированная оффиціальная точка зрѣнія на Св. Синодъ и сущность церковной реформы Петра. Примѣромъ тому служитъ записка „О Св. Синодѣ", написанная 12 Іюля 1873 г.[1]) епископомъ Енисейскимъ Никодимомъ Казанцевымъ (род. 5 Сентября 1803 г.; умеръ 11 Іюня 1874 г.). Въ этой запискѣ, изданной въ „Богословскомъ Вѣстникѣ" за 1905 г., Октябрь, стр. 191—211, находимъ слѣдующія разсужденія (стр. 193—195):

„2. Россійскій Сѵнодъ изобрѣтенъ и изображенъ въ правахъ и обязанностяхъ Властію Мірскою, и потому не имѣетъ достоинства правильнаго Церковнаго Собора. Государь Петръ Великій создалъ Русскій Синодъ, по своимъ мыслямъ, хотѣнію, безъ совѣта со Властію Духовною, что было необходимо даже и потому, что Синодъ долженъ былъ увѣдомить самого Государя о свойствѣ и предѣлахъ его власти надъ собою, такъ же и объ обязанностяхъ его предъ нимъ: въ Церкви не повелѣваютъ, безъ предварительнаго совѣщанія и соглашеній. По одиночному усмотрѣнію своему, Петръ избралъ для сочиненія Устава Синоду Архіерея Ѳеофана Прокоповича, которому не слѣдовало быть и Архіереемъ. Онъ отрекался отъ Православія, былъ Католикомъ, потомъ Лютераниномъ, и снова возвратился въ Православіе. Такому ли шатающемуся Вѣрою, быть сочинителемъ Устава Православному Правительствующему Синоду? Хотя же проэктъ Устава, одобренный Петромъ, подписанъ Русскими Архіереями: но а) не въ публичномъ ихъ собраніи, а по домамъ, что лишало ихъ возмож-

1) По объясненію редакціи Богословскаго Вѣстника эта записка навѣяна автору петербургскими впечатлѣніями 30-хъ годовъ, когда онъ вызванъ былъ гр. Протасовымъ для составленія проекта новаго устава духовныхъ семинарій и находился въ Петербургѣ около трехъ лѣтъ, будучи въ непостредственныхъ отношеніяхъ къ Канцеляріи Св. Синода и имѣя возможность заглянуть за кулисы тогдашняго центральнаго церковнаго управленія.

ности совѣщаться другъ съ другомъ и предлагать свои мнѣнія; б) вѣроятно (какъ и есть слухъ), подъ застращиваніемъ, въ случаѣ несогласія, возраженій. Но это есть уже прямое порабощеніе умовъ, совѣстей и Вѣры, а не свобода: уставъ чрезъ это теряетъ и смыслъ и цѣну, и обязательность. Хотя проэктъ устава былъ представленъ на усмотрѣніе Восточныхъ Патріарховъ: но а) его представили не Архіереи наши, а самъ Государь, чрезъ свѣтскихъ, безъ вѣдома и еще менѣе согласія нашихъ архіереевъ. По сему остается темнымъ, въ самомъ ли дѣлѣ Патріархи разсматривали проэктъ, и подлинно ли согласились утвердить его, не смотря на то, что добыта Утвердительная граммата отъ Патріарховъ: Петръ могъ ее купить золотомъ, обѣщаніями и можетъ быть тоже—застращиваніемъ. Во всякомъ случаѣ, утвержденіе Устава Русскаго Синода Восточными Патріархами носитъ само въ себѣ знаки разрушенія: а) Патріархи не видѣли лично ни одного изъ Русскихъ Архіереевъ, не слышали ихъ живой и свободной рѣчи о Уставѣ, не давали имъ своихъ отвѣтовъ на возраженія противъ Устава; б) Патріархи не имѣли права, заочно, по единому представленію мірскаго человѣка,—хотя Государя, утверждать рѣшенія о преобразованіи Суда и Управленія Церкви цѣлаго Государства, имъ чуждаго, лично не вѣдомаго,—Церкви, составляющей двѣ трети всего православнаго населенія на землѣ,—Церкви существовавшей уже семьсотъ лѣтъ подъ инымъ управленіемъ и порядками, и блистательно доказавшей свою чистоту, достоинство и твердость; в) Уставъ имѣетъ недостатки, столь многіе и такъ важные, что и при легкомъ воззрѣніи на нихъ оказываются лжами; между тѣмъ изъ такихъ лжей нѣкоторыя составляютъ основаніе Устава, и слѣд. коренно разрушаютъ его.

3. Петръ Великій не имѣлъ основательнаго Религіознаго образованія не только православнаго, но и никакого. Выросъ въ полномъ своеволіи, подъ однимъ животнымъ надзоромъ Матери—женщины тоже малѣйшаго образованія. (Наталья Кирилловна—мать Петра, дочь Рейтарскаго полковника Нарышкина. Сиротою воспитывалась въ чужомъ домѣ, у Вельможи Артемова Матвѣева). Петръ въ отрочествѣ и юности занимался чѣмъ хотѣлъ, дружился съ кѣмъ хотѣлъ. Извѣстенъ пріятель и товарищъ его Лефортъ, Швейцарскій мѣщанинъ, кое-какаго образованія, Реформатъ, изступленный ненавистникъ католичества и Папы, по всей вѣроятности вооружившій Петра противъ Русскихъ Архіереевъ, пугая его сравненіями ихъ съ папою (въ Духовномъ регламентѣ Петръ издѣвается надъ Мантіею, Митрою и Саккосомъ Русскаго Архіерея). Много и другихъ иноземцевъ, похожихъ на Лефорта, окружали Петра. Идея Преобразованія въ Россіи церковнаго управленія безъ сомнѣнія внушена Петру сими бродячими иноземцами.

4. Составъ Синода, по идеѣ Петра, есть учрежденіе политико-церковное, параллельное всякому другому Государственному учрежденію, а потому состоящее подъ полнымъ Верховнымъ повелительнымъ надзоромъ Государя. Идея Реформатская, неприложимая къ Православію, ложная. Церковь сама себѣ царица. Глава ея—Христосъ Богъ нашъ; законъ—Евангеліе. То, что есть духъ Церкви, подлежитъ оберегательству священства; то же, чѣмъ облачается сей духъ, чѣмъ обнаруживаетъ свое земное бытіе, земную жизнь, должно быть наблюдаемо и охраняемо совмѣстно и духовною Властію и Свѣтскою. Въ дѣлахъ духовныхъ Государь есть сынъ Церкви; въ дѣлахъ мірскихъ онъ есть Верховная Власть. Члены мірской Государственной Власти могутъ быть допущены въ засѣданія духовнаго собора, но яко сыны, а не соправители, не для повелѣній, а для поученія; въ дѣлахъ же мірско-церковныхъ и Духовное Собраніе, наровнѣ съ мір-

скими, состоитъ подъ повелѣніями Государя. Великая однакоже мудрость, и безъ личнаго благочестія не достижимая—отдѣлить дѣла Чисто-Церковныя отъ Церковно-Мірскихъ: у Папы Римскаго нѣтъ ничего Церковно-Мірскаго; у Русскихъ Царей, со временъ Петра и особенно въ наше время, нѣтъ ничего Чисто-Церковнаго".

11. Славянофилы.

Общія замѣчанія. Въ то время, какъ въ правящихъ кругахъ Россіи, въ связи съ задачей упрочить въ общественномъ сознаніи авторитетъ Св. Синода, устанавливалась и внѣдрялась изложенная выше оффиціальная точка зрѣнія на церковную реформу Петра, русское общество тридцатыхъ годовъ XIX ст. уже успѣло выработать себѣ цѣльное историческое міровоззрѣніе. Правда, оно развилось, главнымъ образомъ, не на научной, а на метафизической почвѣ, подъ вліяніемъ болѣе близкаго знакомства съ западной жизнью и философіей, однако интересъ къ своей русской и западно-европейской исторіи мало-по-малу вырабатывалъ и настоящее критическое отношеніе къ прошлому. Появилось два обособленныхъ между собою кружка западниковъ и славянофиловъ, которые, каждый со своей философской точки зрѣнія, оцѣнивали Петра и его реформу. Какъ извѣстно, западники, шедшіе по слѣдамъ Чаадаева, написавшаго свое „Философское письмо" въ „Телескопѣ" Н. Надеждина[1]). и смотрѣвшіе на русскую исторію глазами германской философіи, цѣнившіе только германо-протестантскую цивилизацію, отвергали древнюю Русь, которая не знала этой цивилизаціи, и напротивъ, только эпохѣ Петра придавали историческое значеніе, такъ какъ онъ, именно, пріобщилъ Россію къ германской цивилизаціи, создалъ ей возможность прогресса и исторіи[2]). Понятно, что западники, порвавшіе съ древней Русью, которая была проникнута религіознымъ міросозерцаніемъ, и сами лично далекіе отъ исповѣданія глубокой религіозной вѣры и жизни въ Церкви, къ церковной реформѣ Петра въ лучшемъ случаѣ могли отнестись безразлично, если не съ прямымъ одобреніемъ. Какъ бы то ни было, они ея не изучали и въ литературѣ вопроса ихъ нечѣмъ помянуть. Совсѣмъ другое представляли собою славянофилы. Они не соглашались признать германскую цивилизацію высшей ступенью культурнаго прогресса, и будто славянское племя есть племя неисторическое. „Изъ русской исторіи,—говоритъ С. Ѳ. Платоновъ,—вынесли они убѣжденіе, что славянство было далеко отъ застоя, что оно могло гордиться многими драматическими моментами въ своемъ прошломъ и что оно, наконецъ, имѣло свою культуру". „Они были убѣждены, что самостоятельная русская жизнь достигла наибольшаго развитія своихъ началъ въ эпоху Московскаго государства. Петръ Великій грубо разрѣшилъ это развитіе, насильственною реформою внесъ къ намъ чуждыя, даже противоположныя начала германской цивилизаціи. Онъ повернулъ правильное теченіе народной жизни на ложный путь заимствованія, потому что онъ не понималъ завѣтовъ прошлаго, не понималъ нашего національнаго духа. Цѣль славянофиловъ—вернуться на путь естественнаго развитія, сгладивъ слѣды насильственной Петровской реформы"[3]). Такъ думали славянофилы. Изъ этого, уже a priori можно было бы выве-

---

[1]) „Телескопъ" за 1836 г. ч. 34, стр. 275—310.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по Русской Исторіи. Изд. 8, СПб. 1913, стр 12—14.

[3]) Ibidem, 14—15.

сти, что заимствованія съ запада, проявленныя Петромъ въ его церковной реформѣ, менѣе всего могли удовлетворять славянофиловъ. Однако, какъ это ни странно, но прямого осужденія ей у главы славянофильской школы А. С. Хомякова мы еще не находимъ. За то мы должны особенно подчеркнуть, что именно въ средѣ славянофиловъ ранѣе всего пробудился серьезный научный интересъ къ объективному критическому изученію петровской реформы, хотя блестящая и навсегда цѣнная работа Ю. Ѳ. Самарина въ своемъ полномъ видѣ, и именно со второй частью, ближайшимъ образомъ относящеюся къ нашей темѣ, благодаря цензурнымъ условіямъ, увидѣла свѣтъ только въ 1880 году вмѣсто 1844-го. Такъ сильна была въ этотъ періодъ времени наша полицейская государственность, и такъ боялись безпристрастнымъ прикосновеніемъ къ старинѣ поколебать каноническій авторитетъ Св. Синода. Оффиціальный взглядъ на церковную реформу Петра признавался чѣмъ то въ родѣ догмата вѣры. И только открытіе архивовъ и опубликованіе архивныхъ матеріаловъ къ восьмидесятымъ годамъ сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшее сковываніе русской исторической мысли. Тѣмъ не менѣе, уже цѣлыя поколѣнія воспитались на „Катихизисѣ“ и „Разговорахъ“ Филарета, и потому въ литературѣ восьмидесятыхъ—девяностыхъ годовъ замѣтно гораздо менѣе критическаго чутья, а также свѣжести и рѣшительности сужденія, чѣмъ въ сочиненіи Ю. Ѳ. Самарина „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ“[1]).

А. С. Хомяковъ. Выше было замѣчено, что у А. С. Хомякова нѣтъ прямого порицанія церковной реформы Петра. Объясняется это тѣмъ, что не смотря на свою изумительную разносторонность, онъ былъ гораздо болѣе богословомъ и мыслителемъ, чѣмъ историкомъ и юристомъ. Нормативная сторона явленій его мало интересовала. Онъ смотрѣлъ на Церковь съ высшей метафизической точки зрѣнія, говоря не только объ отдѣльныхъ помѣстныхъ церквахъ, но и о церкви земной лишь мимоходомъ[2]). Но кромѣ того, свои богословскіе взгляды Хомяковъ развивалъ въ

---

[1]) Въ спорѣ западниковъ и славянофиловъ принялъ участіе и М. П. Погодинъ которому принадлежитъ статья „Петръ I и національное органическое развитіе“. Рус. Вѣстн. 1863, 4. (т. 46), стр. 373—400, а также вообще работы по эпохѣ Петра. Но спеціально о церковной реформѣ, насколько намъ извѣстно, М. П. Погодинъ не писалъ и не высказывался.

[2]) А. С. Хомякову принадлежитъ его опредѣленіе Церкви, и въ немъ—точное и ясное раскрытіе соборности Церкви, какъ ея самаго существеннаго свойства.

Церковь едина и соборна, „потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ, признающихъ ее“. (Сочин. т. II, 6. Цитируемъ Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова, т. II изд. 3-е. М. 1886 г.). Самое слово „соборъ“, говоритъ Хомяковъ, „выражаетъ идею собранія не только въ смыслѣ проявленнаго, видимаго соединенія многихъ въ какомъ либо мѣстѣ, но и въ болѣе общемъ смыслѣ всегдашней возможности такого соединенія, иными словами: выражаетъ идею единства во множествѣ“ (II, 326). Это единство Церкви—свободно, точнѣе, оно есть сама свобода, въ стройномъ выраженіи ея внутренняго согласія (II, 73). потому что ею правитъ смиреніе взаимной любви. Это единство властно и крѣпко, ибо оно основано на силѣ взаимной любви (II, 391). Только этому „единству во множествѣ“, Церкви соборной, „только Церкви святой и безсмертной, живому ковчегу Духа Божьяго, носящему въ себѣ Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной съ Нимъ внутреннимъ и тѣснымъ единеніемъ, котораго ни мысль человѣческая не въ силахъ постигнуть, ни слово человѣческое не въ силахъ выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величіе и проникать въ его тайны. Я говорю, прибавляетъ Хомяковъ, о Церкви въ ея цѣлости, по отношенію къ которой Церковь земная составляетъ нераздѣльную отъ нея часть (II 58) См. мою статью „Значеніе богословскихъ трудовъ А. С. Хомякова для церковной жизни и права“ „Православно-Русское Слово“, № 7 за 1905 г., а также В. З. Завитневича, А. С. Хомяковъ Т. I, книга II (труды Хомякова въ области богословія) Кіевъ 1920 Оттискъ изъ „Трудовъ Кіев. Дух. Академіи за 1898—1902 гг.).

полемикѣ съ католиками и протестантами, которые отъ недостатковъ церковнаго строя на русскомъ и греческомъ Востокѣ, пытались заключить о томъ, что православіе есть ложное христіанское исповѣданіе, а Православная Церковь не истинная. Такъ эти западные писатели, особенно католики, настаивали на цезаропапизмѣ въ Русской Церкви со времени Петра Великаго. Понятно, что Хомякову, который отстаивалъ православное ученіе, категорически утверждая, что „потокъ Протестантства замеръ у предѣловъ Православнаго міра“[1]), приходилось такъ истолковать церковную реформу Петра, чтобы въ ней не было ничего предосудительнаго. Въ такихъ обстоятельствахъ Хомяковъ бывалъ вынужденъ, напр., отрицать принадлежность Петру указа 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ, въ которомъ его литературные противники видѣли доказательство проникновенія протестантскихъ началъ въ Русскую Церковь между тѣмъ какъ этотъ указъ былъ давно напечатанъ въ Полномъ Собраніи Законовъ (т. VII, № 4450), а степень личнаго участія въ составленіи указа самого государя видна изъ изданія его во II-мъ томѣ нашей работы.

Впрочемъ и Хомяковъ не могъ совершенно отрицать по крайней мѣрѣ личныхъ симпатій къ протестантству Петра и Ѳеофана. „Религіозныя мнѣнія Петра I-го (какъ кажется, весьма не твердыя) очевидно имѣли нѣкоторую наклонность къ протестантству; протестантская окраска высказывается въ писаніяхъ Ѳеофана Прокоповича (точно также какъ римскою окраскою отличаются произведенія его современника Стефана Яворскаго) но изъ этого нельзя еще выводить ничего существенно важнаго“[2]). По мнѣнію Хомякова, все это только личныя заблужденія, не вредящія Церкви.

Останавливаясь и въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій на вопросѣ о цезаропапизмѣ въ Русской Церкви, Хомяковъ различаетъ въ немъ два вопроса:

1. Существуетъ ли и даже можетъ ли существовать свѣтскій глава Церкви—всей, или только помѣстной?

А. С. Хомяковъ отвѣчаетъ прямо, что „никакого главы Церкви, ни духовнаго, ни свѣтскаго, мы не знаемъ, кромѣ Христа“ (II, 34). Русскій Императоръ не можетъ быть главою всей Церкви, потому что она состоитъ изъ нѣсколькихъ помѣстныхъ церквей, существующихъ въ разныхъ странахъ и государствахъ, на которыя не можетъ простираться юрисдикція Государя, хотя бы и только по дѣламъ церковнымъ. Какъ свѣтскій человѣкъ, Государь не можетъ быть и главою одной Русской Церкви, потому что не имѣетъ правъ священства, не притязаетъ на непогрѣшимость или хотя бы какой нибудь авторитетъ въ вопросахъ вѣроученія, даже вопросы общецерковнаго благочинія, онъ рѣшать не можетъ, не имѣя епископскаго сана (II, 35). „Правда, говоритъ Хомяковъ, выраженіе: глава мѣстной Церкви употреблялось въ законахъ Имперіи“, но только въ смыслѣ народоначальника въ дѣлахъ церковныхъ. По воззрѣніямъ Хомякова, русскій народъ, избирая Михаила Ѳеодоровича своимъ наслѣдственнымъ государемъ, „вручилъ ему всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, Государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія“, и только въ этомъ смыслѣ главою мѣстной Церкви. Народъ не могъ передать своему Государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, а русскій народъ никогда не почиталъ себя призваннымъ править

---

[1]) А. С. Хомяковъ, Сочиненія т. II, стр. 176.
[2]) Т. II, 178—179.

Церковью. „Онъ имѣлъ изначала, какъ и всѣ народы, образующіе Православную Церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, обязанность блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ соборовъ приводились въ исполненіе, отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязненнаго или насильственнаго нападенія, и эти права онъ могъ передать своему Государю. „Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, общецерковнаго благочинія, догматическаго ученія, церковнаго управленія, а потому не могъ и передать такой власти своему Царю". Патріаршество, а затѣмъ Синодъ, были установлены не властью Государя, а восточными епископами (II, 35—37).

2. Но если въ Россіи нѣтъ цезаропапизма въ собственномъ смыслѣ слова, свободна ли все-таки и насколько свободна церковная власть отъ свѣтской власти, духовенство отъ Государя—ибо Церковь не есть духовенство и по самому существу своему ни у кого въ порабощеніи быть не можетъ?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, Хомяковъ говоритъ: „будемъ вѣрны, и мы будемъ независимы въ дѣлахъ Церкви, что бы ни случилось. Какъ христіане, мы живемъ въ государствѣ, но мы не отъ государства. Нравственное рабство можетъ быть только послѣдствіемъ порока, противъ котораго единственное обезпеченіе въ благодати Божіей, дарующей христіанамъ взаимную любовь. Клиръ, въ дѣйствительности (не по названію только) христіанскій, есть несомнѣнно клиръ свободный" (II, 187). Если же „Церковь Русская не настолько независима отъ государства, насколько бы слѣдовало", то это зависитъ единственно отъ малодушія ея высшихъ представителей и ихъ собственнаго стремленія снискать покровительство правительства не столько для самихъ себя, сколько для Церкви. „Есть, конечно, нравственное заблужденіе въ такомъ недостаткѣ упованія на Бога; но это случайная ошибка лицъ, а не Церкви, не имѣющая ничего общаго съ убѣжденіями вѣры". „Странно было бы судить и осуждать Церковь за такую слабость ея членовъ, какъ бы они высоко ни стояли на ступеняхъ іерархіи, когда сама Церковь не имѣетъ даже законнаго пути къ дознанію этого" (II, 399—400).

Такимъ образомъ путемъ абстрактной аргументанціи, хотя талантливой и сильной, Хомяковъ скорѣе парировалъ удары, чѣмъ критически изслѣдовалъ существо и смыслъ церковной реформы Петра. Его сужденія выводились имъ дедуктивно изъ основныхъ положеній его міровоззрѣнія, а не слагались индуктивно на основаніи добросовѣстнаго изученія даже тогда извѣстныхъ источниковъ. Въ этомъ смыслѣ гораздо объективнѣе А. С. Хомякова былъ его младшій другъ, многимъ ему обязанный, Ю. Ѳ. Самаринъ [1].

Ю. Ѳ. Самаринъ. Въ 1844 г. вышло разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія, кандидата Московскаго Университета Ю. Ѳ. Самарина, подъ заглавіемъ Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ пропопѣдники". Это разсужденіе представляетъ собою, въ сущности, только третью часть его работы „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ", которая въ своемъ цѣломъ видѣ, по цензурнымъ условіямъ не могла появиться въ то время. Полностью вся работа Ю. Ѳ. Самарина была напе-

---

[1]) Ср. М. Лебедева, Къ вопросу объ отношеніи Церкви къ государству. (Къ характеристикѣ славянофильскихъ теченій). „Православный Собесѣдникъ", за 1906 г. іюнь 289—298; іюль—августъ, 502—566; сентябрь, 106—150; октябрь, 252—267; ноябрь 407—438; декабрь, 687—742. Объ учрежденіи Духовной Коллегіи см. стр. 722—742—К. Щебатинскій, Ученіе славянофиловъ объ отношеніи Церкви къ государству, „Странникъ", 1912, апрѣль-май, 525—549; іюнь, 616—629 и августъ, 147—160.

чатана впервые въ 1880 г. въ V томѣ его „Сочиненій“. Здѣсь, кромѣ предисловія, содержатся три части [1]). Въ первой изъ нихъ, разъясняя характеръ богословскихъ направленій Стефана и Ѳеофана, авторъ касается вопроса о сущности ученій католическаго и протестантскаго и отношеній ихъ къ православію. „Во второй части, имѣя непосредственною задачею охарактеризовать административную дѣятельность Стефана и Ѳеофана, авторъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ Церкви и государства съ общей религіозной, философской и исторической точки зрѣнія, сравниваетъ постановку этого вопроса въ католичествѣ и протестанствѣ съ тою, какая представляется нормальною по идеѣ православія, и слѣдитъ далѣе развитіе отношеній между Церковью и государствомъ по всей русской исторіи, со времени принятія христіанства въ Россіи до церковной реформы Петра Перваго“. „И здѣсь мы должны сказать,—замѣчаетъ отъ себя прот. Иванцовъ-Платоновъ,—что едва ли гдѣ нибудь можно найти такой сжатый и вмѣстѣ съ тѣмъ такой опредѣленный и умный взглядъ на отношенія между Церковью и государствомъ, какой представляется въ началѣ второй части у Ю. Ѳ. Самарина, и едва ли гдѣ нибудь изслѣдованіе отношеній Церкви къ государству въ древней Россіи проведено съ такою ясностью и послѣдовательностью, какъ во всей этой части“... Наконецъ, главный предметъ этой части—характеръ и смыслъ Петровской церковной реформы—выясняется у Ю. Ѳ. Самарина такими умными и опредѣленными чертами, какъ едва ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ“ [2]). Третья часть диссертаціи Самарина говоритъ о проповѣдяхъ Стефана и Ѳеофана и проповѣдничествѣ вообще.

Обращаясь къ детальному изложенію содержанія второй части, мы сосредоточимъ свое вниманіе только на томъ, что говоритъ Самаринъ о церковной реформѣ Петра.

Прежде всего Самаринъ полагаетъ, что наша православная старина предстала Петру Великому въ искаженномъ видѣ [3]). Изслѣдуя богословскія теченія, господствовавшія въ Московской Руси XVII в. и, въ частности, исторію Никона, Самаринъ показываетъ, что въ то время къ намъ проникло сильное католическое вліяніе, которое „въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. получило характеръ политическій, воздвигнувъ въ духовенствѣ партію враждебную государству; противодѣйствіе было необходимо. Вліяніе было политическое, направленное противъ государства, поэтому и противодѣйствіе должно было совершиться отъ оскорбленнаго начала, отъ государства. Далѣе, вліяніе происходило отъ односторонняго начала—отъ католицизма, поэтому противодѣйствіе могло уклониться въ противоположную односторонность. Эта возможность перешла въ дѣйствительность, вслѣдствіе личности Петра Великаго“ [4]). Высказавъ нѣсколько общихъ соображеній о послѣднемъ, Самаринъ приходитъ къ выводу, что Петръ, „понявъ религію, какъ условіе общественнаго благоустройства, съ ея нравственной стороны, долженъ былъ признать въ Церкви представительной, въ духовномъ чинѣ, орудіе нравственнаго вліянія религіи на народъ. Воспитать въ народѣ нравственное чувство казалось ему главнымъ его призваніемъ. Онъ требовалъ отъ него добраго примѣра и наставительнаго поученія. Къ этому онъ постоянно призывалъ его. Въ этомъ отношеніи, стремленіе Петра Великаго вполнѣ оправдыва-

---

[1]) См. обзоръ содержанія ихъ въ предисловіи прот. Иванцова-Платонова, стр. XII—XV.
[2]) Предисловіе XIII—XIV.
[3]) Стр. 244.
[4]) Стр. 245.

лось потребностью тогдашней Россіи и было для нея благотворно. Но, къ несчастію, Петръ Великій понялъ религію только съ ея нравственной стороны, во сколько она нужна для государства, и въ этомъ выразилась его исключительность, его протестантская односторонность. Съ своей точки зрѣнія онъ не понималъ, что такое Церковь, онъ просто ея не видѣлъ; ибо сфера ея выше сферы практической, и потому онъ поступалъ, какъ будто бы ея не было, отрицалъ ее не злоумышленно, а скорѣе по невѣдѣнію.

Поэтому, онъ не понималъ и того, что только въ Церкви возможно прочное, истинное, а не временное, не случайное проникновеніе народной жизни христіанскою нравственностью; что человѣкъ преданный самому себѣ, оторванный отъ Церкви, необходимо разлучался съ Богомъ и съ ближнимъ, что отсутствіе положительной вѣры и авторитета вело къ произволу къ мнѣніяхъ и оттуда къ произволу въ дѣлахъ, и что если въ протестантизмѣ, и вообще въ обществахъ, не признающихъ объективной Церкви, иногда процвѣтаетъ нравственность, то это только угасающій блескъ, бросаемый на нихъ удаляющеюся Церковью, или плодъ скоропреходящихъ усилій, искусственной напряженности, происходящей отъ сознанія утраченнаго и отъ желанія замѣнить его. Необходимая живая связь и сочетаніе въ полномъ организмѣ Церкви отвлеченной ея стороны, догматовъ, съ обрядами и нравственнымъ развитіемъ частныхъ лицъ совершенно для него пропадало. Въ фактѣ Церкви, Петръ Великій видѣлъ нѣсколько различныхъ явленій, никакъ не неразрывныхъ между собою: доктрину, къ которой онъ былъ довольно равнодушенъ; обряды, надъ которыми онъ смѣялся, какъ надъ пищею для безплоднаго суевѣрія, и духовенство, которое онъ понималъ, какъ особый классъ государственныхъ чиновниковъ, которымъ государство поручало нравственное воспитаніе народа. Но такъ какъ духовное соловіе имѣло назначеніемъ трудиться для государства и болѣе никакого, то слѣдовательно его устройство, управленіе, дѣятельность должны были условливаться государтвомъ, какъ частный органъ цѣлымъ. Понятно, что при этомъ воззрѣніи, Петръ Великій не могъ понять монашества. Прямой пользы отъ него не было, и долго онъ недоумѣвалъ, какое мѣсто дать ему въ государствѣ и не лучше ли отмѣнить его совершенно. Но этого онъ не могъ, и потому онъ терпѣлъ его нехотя, ограничивъ и стѣснивъ его во всѣхъ отношеніяхъ. Вопреки основному характеру монашества, онъ всячески старался дать ему практическое направленіе, извлечь изъ него какую нибудь пользу. Онъ охотно обратилъ бы всѣ монастыри въ фабрики, въ училища или лазареты [1]).

Мы опредѣлили мысль Петра, заканчиваетъ Самаринъ, выдающуюся изъ всей совокупности его дѣлъ и особенно его словъ, непосредственно проявляющихъ его личность, опредѣлили ее въ той строгой послѣдовательности, въ той рѣзкой, безпощадной исключительности, въ какой можетъ быть никогда не сознавалъ ее самъ Петръ. Эта мысль, встрѣчая преграды и противодѣйствіе въ православной Россіи, во многомъ должна была уступать и покоряться необходимости. Поэтому, осуществляясь въ дѣлахъ, учрежденіяхъ и указахъ Петровыхъ, она является не въ той рѣзкости, въ какой мы ее представили, но смягченною, хотя постоянно выказывается" [2]).

---

[1]) Точно такое-же направленіе господствовало въ западной Европѣ, нѣсколько ранѣе. См. Исторію Папъ въ XVI и XVII ст. Ранке, часть 4, книга 7 и 8 (примѣчаніе Самарина). [2]) Стр. 252—256.

Послѣ этой характеристики, замѣчательной своей психологической чуткостью, Самаринъ обращается къ разсмотрѣнію самаго дѣла преобразованія, и начинаетъ свою рѣчь съ біографіи Стефана Яворскаго, говоритъ о смерти п. Адріана, о первыхъ распоряженіяхъ Петра по реформѣ Церкви и монашества. Затѣмъ онъ обращается къ Ѳеофану, къ дѣлу царевича Алексѣя, къ отвѣтамъ Стефана и Ѳеофана сорбонскимъ докторамъ и т. д., и всюду подчеркиваетъ наличность въ то время двухъ борющихся партій, изъ коихъ партія Стефана все еще надѣялась на поставленіе новаго патріарха[3]. Но въ 1718 г. Стефанъ представилъ Петру свои извѣстные пункты, на которые государь отвѣтилъ мыслью объ учрежденіи Духовной Коллегіи. „Здѣсь,—говоритъ Самаринъ,—вѣроятно, въ первый разъ[4]) Петръ Великій обнаружилъ мысль, надъ которой онъ долго трудился наединѣ съ Ѳеофаномъ. Какъ должно было поразить Стефана Яворскаго и все вообще духовенство, привязанное къ патріаршеству сочувствіемъ, воспоминаніемъ лучшаго времени и выгодами, слово Коллегія, слово новое, нѣмецкое, котораго чуждался величавый языкъ нашей Церкви! Не выражалось ли въ самомъ внѣшнемъ характерѣ этого слова вторженіе свѣтскаго начала и преданій иностранныхъ въ сферу Церкви, до тѣхъ поръ для нихъ недоступную?“

Приступая затѣмъ къ самому важному дѣлу Петра въ отношеніи къ Церкви, къ тому, въ которомъ особенно выразилась его односторонность, Самаринъ предлагаетъ оглянуться назадъ.

„Мы показали, какъ патріаршество, въ свое время необходимое для Россіи, въ эпоху католическаго вліянія получило рефлексъ папизма. Духовенство привыкло видѣть въ немъ единственно-возможную форму правленія для Церкви, учрежденіе необходимое, и мало-по-малу переносило на него понятіе католиковъ о церковномъ единодержавіи. Этотъ переходъ отъ патріаршества къ папизму почти неуловимо совершался въ общемъ мнѣніи, и только изрѣдка слѣды его обнаруживались въ разсѣянныхъ по разнымъ сочиненіямъ выраженіяхъ и уподобленіяхъ, напоминающихъ отзывы католиковъ о Папѣ. Съ другой стороны, пышные обряды и торжественность, которою окружали себя патріархи, нравились народу и въ его глазахъ придавали патріархамъ значеніе самодержцевъ, равныхъ, если не превосходящихъ властью самихъ Царей. Еще недавно Царь, въ Вербное воскресенье, водилъ за узду коня, на которомъ возсѣдалъ патріархъ (обычай, занесенный къ намъ съ Запада), и епископы повторяли этотъ обрядъ въ своихъ епархіяхъ[1]). Недавно Царь судился съ патріархомъ передъ Восточными святителями, какъ равный съ равнымъ. Всѣ эти явленія сильно дѣйствовали на народъ. То самое понятіе, которое духовные писатели формулировали, какъ теорію, онъ воспринималъ непосредственно“.

„Итакъ,—говоритъ Самаринъ,—ложный характеръ, котораго, конечно, патріаршество само въ себѣ не имѣло, а только получило вслѣдствіе ка-

---

[1]) Стр. 256—279.

[2]) Голиковъ утверждаетъ, что въ концѣ 1714 г. Петръ Великій, созвавъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, торжественно объявилъ имъ „что онъ хочетъ быть одинъ начальникомъ Россійской Церкви, и предоставляетъ учредить духовное собраніе подъ именемъ Св Синода“. (Доп. къ дѣян. П. В. т. X, стр. 234). Но другихъ извѣстій объ этомъ объясненіи не сохранилось, и оно невѣроятно (примѣчаніе Самарина).

[3]) Соборное опредѣленіе о томъ, чтобъ этотъ обрядъ шествія на осляти совершаемъ былъ только патріархомъ, въ Москвѣ, въ присутствіи царя, 1678 года, Марта, при патріархѣ Іоакимѣ. См. Акты Арх. Эксп. т. IV, 223 (примѣчаніе Самарина).

толическаго вліянія, въ общемъ сознаніи всей Россіи оправдывалъ и дѣлалъ необходимымъ его отмѣненіе.

Вѣроятно, еще при жизни послѣдняго патріарха, Петръ Великій, видѣвшій ясно, какъ противны были Іоакимъ и Адріанъ всякому преобразованію, и помня борьбу Алексѣя Михайловича съ Никономъ, задумалъ изъ видовъ политическихъ уничтожить патріаршество. Но, боясь сильнаго противленія, онъ не вдругъ приступилъ къ этому дѣлу, а постепенно подрывалъ тѣ опоры, на которыхъ держалось патріаршество въ общемъ мнѣніи.

Во-первыхъ, по смерти Адріана, онъ отложилъ до другого времени назначеніе ему преемника, желая пріучить духовенство обходится безъ патріарха, и показать ему, что Церковь можетъ и безъ него жить и управляться. Въ то же время, воспользовавшись случаемъ, онъ ограничивалъ власть и кругъ дѣйствія патріарховъ.

Кромѣ того, зная, что народъ любилъ въ патріаршествѣ его внѣшнюю, великолѣпную сторону, онъ рѣшился воспользоваться этою любовью, какъ орудіемъ противъ самого патріаршества, и убить его въ народномъ воображеніи, выставивъ его съ смѣшной стороны. Съ этою цѣлью, Петръ Великій, еще въ 1702 г., въ потѣшной свадьбѣ шута своего Шанскаго, представлявшей каррикатуру стараго быта, нарядилъ Зотова въ костюмъ патріарха и вывелъ его въ свадебномъ поѣздѣ [1]).

Выставляя такимъ образомъ на смѣхъ и поруганіе созданный имъ призракъ, Петръ и въ этомъ случаѣ наблюдалъ постепенность. Сначала онъ назвалъ Зотова вселенскихъ князь-папою, наряжалъ его въ одежду, напоминавшую папское облаченіе, и повторялъ надъ нимъ католическіе обряды. Мало-по-малу покрой наряда измѣнялся и приближался къ подобію ризъ патріаршихъ. Этимъ самымъ Петръ въ формѣ драматической давалъ урокъ. Онъ разилъ въ патріаршествѣ призракъ папизма. Наконецъ въ 1715 г., Декабря 13, устроена потѣшная свадьба мнимаго патріарха. Тутъ были арцыбискупы, пасторы, попы, были одѣтые въ Никонское (?) платье, былъ высокопреосвященнѣйшій князь-папа (но уже не Зотовъ, представлявшій жениха-патріарха), была невѣста князь-игуменья. Весь этотъ поѣздъ двинулся по данному знаку, и направилъ путь—куда же? Въ церковь. Священникъ Архангельскаго Собора, девяностолѣтній старецъ, слѣдовательно видѣвшій времена Филарета и Никона, совершилъ чинъ вѣнчанія и процессія, съ новообвѣнчаннымъ патріархомъ тѣмъ же порядкомъ пустилась въ обратный путь. Цѣль была достигнута: народъ пьянствовалъ и кричалъ: „патріархъ женился, да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!“ [2]).

Въ этихъ святотатственныхъ оргіяхъ выражается недальновидная односторонность Петра. Онъ думалъ, что можно безнаказанно отрывать отъ Церкви ея внѣшнюю сторону и выставлять ее на позоръ и поруганіе, не подрывая нисколько религіознаго начала, которое онъ самъ признавалъ за основу всякаго благоденствія. Опытъ показалъ противное. Народное чувство не мирилось съ реформою, оскорблявшею православіе; и мысль отомстить за поруганную святыню облекала цареубійство въ соблазнительный блескъ мученическаго подвига.

Убѣдившись въ томъ, что всеобщаго сопротивленія въ пользу патріаршества не будетъ, Петръ Великій могъ смѣло отмѣнить его; но ему предстояло другое важное дѣло—замѣнить патріаршество.

---

[1]) Голик. т. II, стр. 76.
[2]) Голик. Дополн. т. X (примѣчанія Самарина).

Нѣсколько разъ,—продолжаетъ Самаринъ,—въ православномъ мірѣ измѣнялась форма управленія Церкви, согласно съ потребностями мѣста и времени. Такъ въ Россіи Церковь сперва управлялась митрополитами, подъ непосредственною зависимостью константинопольскихъ патріарховъ; позднѣе когда сношенія съ Константинополемъ перервались, власть митрополитовъ возрасла; наконецъ, митрополиты возведены были на высшую ступень священноначалія, получили титулъ патріарховъ. Мы показали, какъ эти измѣненія условились историческимъ развитіемъ русскаго народа вообще и отношеніемъ Церкви къ государству. Итакъ,—по мнѣнію Самарина,—есть въ организаціи Церкви въ формѣ ея управленія, такая сторона, которая можетъ измѣняться сообразно съ потребностями народа; и такъ какъ удовлетворять этимъ потребностямъ есть дѣло государства, мірской власти, то слѣдовательно, эта сторона Церкви пребываетъ въ ея зависимости и ей подлежитъ.

Но Церковь, проходя сквозь столѣтія, осуществляясь въ различныхъ племенахъ, не подлежитъ законамъ историческаго развитія; она остается постоянно вѣчною и единою Христовою Церковью. Это вѣчное, безусловное существо Церкви дожно проявляться; оно не можетъ пребывать отвлеченнымъ (иначе мы впали бы въ протестантизмъ и признали бы невидимую Церковь). Слѣдовательно, въ организаціи Церкви, въ ея управленіи, есть такая сторона, которая условливается извнутри самой Церкви и пребываетъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ неизмѣнною. Проходя исторіи Церкви, мы видимъ это общее, никогда не измѣняющееся. Епископы управляютъ своими епархіями и пользуются въ нихъ равными правами, принадлежащими имъ, какъ епископамъ. Каждый изъ нихъ получаетъ свою власть и свои права отъ всей Церкви; областью ему ввѣренною онъ управляетъ, какъ частью Церкви. Итакъ, отдѣльный епископъ и отдѣльная епархія заключаютъ въ себѣ опредѣленіе неполноты, частности, подчиненія высшему, и необходимо полагаютъ надъ собою понятіе цѣлаго, общаго,—Церкви. Каждая епархія есть часть Вселенской Церкви; каждый епископъ, представляющій въ своемъ лицѣ епархію, есть членъ Собора, совокупленныхъ представителей всѣхъ епархій. Итакъ, Церковь, представляя собою живое совокупленіе всѣхъ вѣрующихъ, соборъ распущенный, не случайно, а вслѣдствіе самаго существа своего, управляется Соборомъ, иными словами, управляетъ сама собою. Соборъ есть органическое, свободное, извнутри самой Церкви условленное и потому единственно-возможное ея проявленіе.

При этомъ общемъ началѣ, возможны многія видоизмѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ епископовъ между собою. Эти видоизмѣненія выражаются степенями церковнаго священноначалія и особенными титулами—епископа, архіепископа, митрополита, патріарха. Управленіе цѣлою областью можетъ быть ввѣрено многими епископами одному епископу, избранному ими изъ ихъ среды, и въ такомъ случаѣ власть его нисколько не нарушаетъ основного начала; избранный Соборомъ, онъ управляетъ, какъ его представитель, а потому полагаетъ его надъ собою и постоянно подлежитъ Собору. Онъ созываетъ его въ важныхъ случаяхъ, и можетъ быть имъ судимъ. Соборъ, является ли онъ въ лицѣ одного, или въ лицѣ нѣсколькихъ, или, наконецъ, въ лицѣ всѣхъ епископовъ одной области или всей церкви, значитъ вообще—свободное, извнутри самой Церкви условленное ея управленіе.

Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что Церковь въ Россіи до временъ Петра, свободно и сама избирая своихъ представителей, управлялась Соборомъ. Соборно совершались избранія епископовъ, митрополитовъ, патріарховъ, и суды надъ ними; соборными опредѣленіями рѣшались всѣ важные случаи. Все, что дѣлалось вопреки этому началу, имѣло характеръ злоупотребленій. Это правило не было нарушено даже тогда, когда первосвятитель русскій возведенъ былъ на высшую степень іерархіи. Наши патріархи признавали себя зависимыми отъ поставлявшаго ихъ помѣстнаго Собора.

Итакъ, Петръ Великій могъ съ согласія Вселенской Церкви отмѣнить патріаршество и учредить другую форму управленія; но при этомъ свобода управленія, условленная свободою избранія, должна была оставаться неприкосновенною" [1]).

Такова та глубокая церковная и вмѣстѣ съ тѣмъ историческая точка зрѣнія, съ которой Самаринъ оцѣниваетъ сущность учрежденія Духовной Коллегіи взамѣнъ патріаршества. Чтобы выяснить, соблюдено ли было въ этомъ дѣлѣ вышеуказанное Самаринымъ начало, онъ обращается къ изложенію исторіи составленія Духовнаго Регламента и его содержанія [2]).

„Первая часть,—говоритъ Самаринъ,—заключая въ себѣ оправданіе Духовной Коллегіи, особенно замѣчательная. Она начинается съ опредѣленія коллегіи: „Коллегіумъ правительское не что ино есть, токмо правительское собраніе, когда дѣла нѣкія собственныя, не единому лицу, но многимъ къ тому угоднымъ и отъ Высочайшей Власти учрежденнымъ [3]) подлежатъ ко управленію".

„Итакъ, Духовная Коллегія есть государственное учрежденіе... Это понятіе еще яснѣе выдается изъ слѣдующихъ словъ: „ино же есть коллегіумъ единовременное, ино же всегдашнее". Въ примѣръ коллегіума единовременнаго приводятся „церковныя синоды (соборы) и гражданскія, чрезъобычайныя розыски, трибуналы и совѣты. Всегдашнее же коллегіумъ есть, когда имяннымъ нѣкимъ дѣламъ, часто или всегда въ отечествѣ бываемымъ, опредѣляются ко оныхъ управленію число нѣкое мужей. Таковое было церковное синедріонъ въ ветхозавѣтной церкви во Іерусалимѣ, и гражданскій судъ ареопагитовъ въ Аѳинѣхъ, и иныя въ томъ же городѣ правительствующыя собранія, нарицаемыя дикастерія... Таковые различные коллегіи, по различію дѣлъ и нуждъ государственныхъ, Державнѣйшій Царь Всероссійскій Петръ Первый, премудрѣ на пользу отечества державы своея уставилъ, въ лѣто 1718. А яко христіанскій Государь, правовѣрія же и всякаго въ Церкви святѣй благочинія блюститель, посмотрѣвъ и на духовныя нужды, и всякаго лучшаго управленія оныхъ возжелавъ, благоволилъ уставити и Духовное Коллегіумъ". Въ другомъ мѣстѣ, Духовная Коллегія названа „всегдашнимъ соборнымъ правленіемъ и аки всегдашнимъ синодомъ".

Изъ всего нами выписаннаго видно,—говоритъ авторъ,—что разница между соборомъ и предполагаемою коллегію полагается только въ томъ, что соборъ созывается на время, а духовная коллегія учреждается навсегда. Слѣдовательно, Духовная Коллегія, будучи постояннымъ соборомъ, замѣняетъ соборы временные, дѣлаетъ ихъ ненужными, упраздняетъ ихъ совершенно. Но, такъ какъ соборъ необходимъ, такъ какъ Цер-

[1]) Стр. 280—285.
[2]) Стр. 285—298.
[3]) Курсивъ Самарина.

ковь должна управляться соборно, а не иначе, то Духовная Коллегія, имѣя притязаніе замѣнять соборъ, сама должна быть соборомъ, имѣть въ себѣ всѣ его свойства, т. е. свободно возникать изъ самой Церкви, въ ней корениться. Спрашивается, такой ли характеръ Духовной Коллегіи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ выписанное нами ея опредѣленіе... Отъ гражданскихъ, свѣтскихъ судовъ она разнится только свойствомъ дѣлъ, отданныхъ подъ ея вѣдомство и слѣдовательно, стоитъ на одной степени съ прочими коллегіями.

Итакъ, замѣняя Соборъ, Духовная Коллегія есть государственное учрежденіе и удерживаетъ приличное ей названіе коллегіи"...[1]).

Изложивъ затѣмъ содержаніе девяти „винъ", т. е. причинъ, вслѣдствіе которыхъ учреждена Духовная Коллегія, Самаринъ заключаетъ:

„Изъ этихъ девяти причинъ нѣкоторыя заимствованы изъ тогдашняго состоянія Россіи и оправдываютъ отмѣненіе патріаршества; остальныя приведенныя въ пользу коллегіальнаго управленія имѣютъ характеръ политическій. Ни слова не говорится о томъ, всякая ли форма управленія свойственна Церкви и можетъ быть къ ней приложена и нѣтъ ли такой, которая условливается самою Церковью и принадлежитъ ей необходимо. Это отсутствіе доказательства, заимствованнаго изъ существа самой Церкви, опредѣляетъ односторонній характеръ мысли Петровой. Впрочемъ, понятно, почему въ Духовномъ Регламентѣ не говорится о Церкви вообще. Изъ ея существенныхъ свойствъ, ясно сознанныхъ, можно было вывести много сильныхъ доводовъ въ пользу постояннаго Собора; но эти доводы не имѣли бы силы въ данномъ случаѣ. Разницы между соборомъ и коллегіею Петръ Великій не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть. Такимъ образомъ, со времени учрежденія Духовныхъ дѣлъ Коллегіи, Церковь стала управляться, какъ отрасль государственнаго управленія" [2]).

Дальнѣйше изложеніе Самаринымъ Духовнаго Регламента, Прибавленія къ нему и указа 31 Января 1724 года о монашествѣ [3]), уже не содержитъ въ себѣ важныхъ для насъ сужденій принципіальнаго характера. Необходимо привести лишь окончательный выводъ автора.

„Повторимъ результатъ, до котораго мы дошли:

Нормальное отношеніе Церкви къ Государству въ православномъ мірѣ опредѣляется, какъ взаимное признаніе. Вліяніе католицизма нарушило ту гармонію, въ которой пребывали Церковь и Государство въ Россіи. Оно набросило на патріаршество отблескъ папизма и воздвигло въ духовенствѣ политическую партію враждебную государству. Католическое вліяніе вызвало со стороны государства противодѣйствіе, само по себѣ необходимое, но уклонившееся въ протестантскую односторонность. Это противодѣйствіе было дѣломъ Петра Великаго и Ѳеофана Прокоповича. Мы назвали его неоходимымъ, и осудили направленіе ему предшествовавшее; мы назвали его одностороннимъ, слѣдовательно, не останавливаемся на немъ. Воздавъ ему должное, мы освобождаемся отъ его односторонности и сознаемъ его только, какъ моментъ,—и это сознаніе есть уже начало выхода" [4]).

---

[1]) Стр. 285 - 287.

[2]) Для большей ясности мы должны замѣтить, что Духовная Коллегія, замѣняя собою Соборъ, собственно въ тѣхъ своихъ дѣйствіяхъ не вполнѣ согласуется съ основнымъ закономъ церковнаго управленія, въ которыхъ долженъ быть созываемъ Соборъ. (Прим. Самарина).

[3]) Конецъ второй части, стр. 290 -331.

[4]) Стр. 331.

По прочтеніи приведенныхъ словъ Ю. Ѳ. Самарина становится совершенно яснымъ почему его книга не могла быть напечатана въ 1844 году полностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ, почему именно она, главнымъ образомъ, дала такой сильный толчокъ развитію спеціальной литературѣ по исторіи Петровской реформы въ восьмидесятыхъ годахъ, послѣ ея напечатанія въ 1880 г., какъ видно изъ ссылокъ на нее въ этой литературѣ.

Чтобы еще иллюстрировать точку зрѣнія словянофиловъ необходимо упомянуть И. С. Аксакова и прот. А. М. Иванцова-Платонова.

И. С. Аксаковъ. Среди сочиненій и статей Ивана Сергѣевича Аксакова нельзя найти спеціальнаго этюда о церковной реформѣ Петра Великаго и, въ частности, объ учрежденіи Духовной Коллегіи. Однако собранныя въ IV-мъ томѣ Полнаго Собранія его Сочиненій (Москва, 1886) статьи по церковно-общественнымъ дѣламъ изъ газетъ „День“, „Москвичъ“, „Москва“ и „Русь“ за 1860—1886 гг., достаточно ясно рисуютъ его славянофильскую точку зрѣнія на петровскую церковную реформу и установленныя ею отношенія Русской Церкви къ государству. Такъ, напр., въ статьѣ отъ 13 августа 1868 г. въ газетѣ „Москва“ по вопросу о томъ, къ чему ведетъ взглядъ на Церковь какъ на государственное учрежденіе, обсуждая случай пожалованія генералъ-адъютантскаго аксельбанта „для ношенія на рясѣ“ въ концѣ XVIII в. архіепископу псковскому и члену Св. Синода Иринею (см. портретъ Иринея, приложенный къ «Пантеону россійскихъ писателей» и «Русскій Вѣстникъ» апрѣля 1868 г., стр. 463), И. С. Аксаковъ не усматриваетъ въ этомъ ничего удивительнаго, такъ какъ, по его словамъ, „благоустрояя русскую державу по современному ему нѣмецкому государственному фасону, великій благоустроитель подвелъ и русскую православную церковь къ одному знаменателю со всѣми своими преобразованіями,—благоустроилъ ее по образу и подобію своихъ новыхъ государственныхъ учрежденій. Главное управленіе Церкви было поручено Петромъ особому духовному учрежденію, подъ именемъ Св. Пр. Синода, основанному не на соборномъ, а на коллегіальномъ началѣ, даже названному въ Духовномъ Регламентѣ „Духовною Коллегіей“, — съ членами, назначаемыми отъ правительства, съ канцеляріей и начальникомъ канцеляріи, оберъ-прокуроромъ. Канцелярія была устроена по всѣмъ правиламъ нѣмецкаго канцеляризма; порядокъ и формы дѣлопроизводства для управленія церковью указаны тѣ же, что и для прочихъ 12 коллегій и вообще россійскихъ присутственныхъ мѣстъ, съ нѣкоторыми отличіями, присвоенными Сенату... Очевидно, — говоритъ И. С., — іерархи, содѣйствовавшіе созданію Синода, не отдавали себѣ сами яснаго отчета въ свойствахъ и неминуемыхъ послѣдствіяхъ того элемента, который они съ такою горячностью вводили въ новое учрежденіе. Съ одной стороны, Синодъ въ своихъ указахъ и вѣдѣніяхъ, въ первые годы своего существованія, называлъ себя имѣющимъ „силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже есть соборъ“, съ другой стороны, въ то же время и въ тѣхъ же указахъ и вѣдѣніяхъ, самъ уподоблялъ себя Сенату, и источникомъ своей власти признавалъ государственную власть... Вся первоначальная его переписка наполнена пререканіями съ Сенатомъ о мѣстѣ и почетѣ, подобающемъ Синоду въ ряду правительственныхъ установленій. Само собой разумѣется, что та стихія, въ которой думалъ почерпать Синодъ свою силу, взяла перевѣсъ надъ прочими его элементами. Считая себя патріархомъ и даже соборомъ, и въ то же время главнымъ государственнымъ учрежденіемъ, устроеннымъ по общему образцу, — Синодъ долженъ былъ испытать и общую судьбу государственныхъ учрежденій“ (т. IV,

стр. 121—122). „Однажды внесенное въ область центральнаго церковнаго управленія, государственное начало не могло остановиться, перешло и въ низшіе органы и охватило такимъ образомъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими канцелярскими формами, все управленіе церкви сверху до низу" (стр. 124). „Такимъ образомъ Церковь, со стороны своего управленія, представляется теперь у насъ какою-то колоссальною канцеляріей, прилагающей, — съ неизбѣжною, увы, канцелярскою оффиціальною ложью, — порядки нѣмецкаго канцеляризма къ спасенію стада Христова" (стр. 124). Въ общемъ И. С. Аксаковъ находитъ, что преобразована Петромъ не только внѣшняя сторона Церкви, ея управленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ „убыла душа; подмѣненъ идеалъ, т. е. на мѣстѣ идеала Церкви очутился идеалъ государственный и правда внутренняя замѣщена правдою формальною, внѣшнею" (стр. 125).

Таковы въ общихъ чертахъ взгляды И. С. Аксакова. Изъ нихъ, а также, между прочимъ, изъ статьи 1-го мая 1882 г. въ его газетѣ „Русь" [1]) по поводу помѣщенныхъ въ послѣдней Аксаковымъ 12-ти статей прот. А. Иванцова-Платонова „О русскомъ церковномъ управленіи", съ которыми И. С. вполнѣ солидаренъ, видно, что онъ признавалъ потерю Русскою Церковью со времени церковной реформы Петра ея самостоятельности, какъ особаго организма въ Русскомъ государствѣ, и ясно видѣлъ глубокое проникновеніе въ ея жизнь мірского, государственнаго элемента, что было для него нестерпимо. И. С. Аксаковъ не рѣшается сознаться въ томъ, что Св. Синодъ есть государственное учрежденіе. Ему хочется вѣрить, что онъ есть все же церковное учрежденіе, лишь организованное „по образу и подобію" государственнаго. Но это его нисколько не утѣшаетъ, и въ статьяхъ своихъ, написанныхъ образно и живо, онъ искренно желаетъ возстановленія свободы Церкви отъ всякаго посторонняго ей гнета и службы государству.

Прот. А. М. Иванцовъ-Платоновъ. Къ числу мыслителей славянофильскаго направленія долженъ быть отнесенъ и профессоръ протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, перу котораго принадлежатъ 12 статей „О русскомъ церковномъ управленіи", помѣщенныхъ въ №№ 1—16 газеты „Русь" И. С. Аксакова за 1882 г. Въ этихъ статьяхъ, писанныхъ Иванцовымъ-Платоновымъ по спеціальному приглашенію И. С. Аксакова въ качествѣ церковной программы „Руси", авторъ высказываетъ свои критическіе взгляды на современное ему устройство русскаго церковнаго управленія и намѣчаетъ планъ возстановленія свободы Церкви и построенія ея управленія на подлинно соборныхъ началахъ. О происхожденіи Духовной Коллегіи и Духовнаго Регламента авторъ не говоритъ спеціально, но вскользъ выражаетъ свой взглядъ на Св. Синодъ, какъ на бюрократическое учрежденіе, находящееся подъ рѣшительнымъ гнетомъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Ничего общаго съ соборомъ, по его мнѣнію, Св. Синодъ не имѣетъ.

Статьи прот. А. М. Иванцова-Платонова, напечатанныя въ „Руси" въ — №№ 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16 за 1882 г., были собраны вмѣстѣ и изданы отдѣльной брошюрой въ 1887 г. съ предисловіемъ С. Ѳ. Шарапова въ видѣ особаго приложенія къ № 27 его журнала „Русскій Трудъ" за 1897 г.

---

[1]) Полн. Собр. Соч. т. IV, стр. 199—212.

12. Первыя работы, основанныя на архивныхъ документахъ.

Н. Г. Устряловъ. Изложенное выше сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина, написанное имъ въ началѣ сороковыхъ годовъ XIX ст., представляло собою исключительное явленіе. Но и оно было написано лишь по печатнымъ источникамъ, которыми авторъ очень удачно воспользовался скорѣе для подтвержденія своего общаго философскаго построенія, чѣмъ для документальнаго изслѣдованія. Да это и не входило въ его задачу. Однако, если бы Ю. Ѳ. Самаринъ захотѣлъ сосредоточиться на историческомъ изслѣдованіи церковной реформы Петра, онъ едва ли бы могъ дать цѣльную картину, потому что источники Русской исторіи, какъ гражданской, такъ и церковной въ то время только что начали приводить въ порядокъ. Первая половина XIX в. для науки Русской исторіи характеризуется именно собираніемъ и изданіемъ историческаго матеріала. Какъ только онъ сталъ доступенъ, стали появляться и первые капитальные изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи для нашей темы особенное значеніе имѣли: открытіе доступа ученымъ въ Государственный Архивъ, въ которомъ были сосредоточены, и до сихъ поръ находятся, Кабинетъ И. Петра Великаго и др. документы первостепенной важности, а также въ Архивъ Св. Синода, въ которомъ хранится все его дѣлопроизводство съ самого основанія, и кромѣ того — изданіе Перваго Полнаго Собранія Законовъ [1]).

Первое сочиненіе, касавшееся эпохи Петра, и написанное по архивнымъ документамъ, которое намъ слѣдуетъ упомянуть, было сочиненіе Академика Н. Г. Устрялова (1805—1870) „Исторія царствованія Петра Великаго", С.-Петербургъ, т. 1, 2 и 3—1858 г.; т. 4—1863; т. 6—1859 г. (5-й не выходилъ совсѣмъ). Въ своей „Исторіи" Устряловъ излагаетъ сначала правленіе царевны Софьи (т. 1), затѣмъ потѣшные и азовскіе походы Петра т. 2); путешествіе Петра за границу, и разрывъ со Швеціею (т. 3); битву подъ Нарвою и начало побѣдъ (т. 4 ч. 1—2), а т. 6-й всецѣло посвященъ имъ царевичу Алексѣю Петровичу. Такимъ образомъ до учрежденія Духовной Коллегіи „Исторія" Устрялова не доходитъ. Лишь въ концѣ 4-го тома ч. 1-й находимъ главу 20-ю: „Преобразованіе духовнаго вѣдомства", въ которой разсказывается о кончинѣ патріарха Адріана и о распоряженіяхъ Петра относительно церковныхъ дѣлъ въ самые первые годы XVIII в., главнымъ образомъ о монастыряхъ и монахахъ. Но эти, какъ и другія свѣдѣнія, были полезны только для деталей въ послѣдующей разработкѣ нашей темы.

П. П. Пекарскій. Вторымъ сочиненіемъ, которое и до сихъ поръ является классическимъ, было сочиненіе Академика П. П. Пекарскаго (1828—1872) „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", т. 1—2, С.-Петербургъ, 1862. П. П. Пекарскій, занятый, главымъ образомъ, изслѣдованіемъ вопросовъ историко-литературнаго характера, спеціально исторіей учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента не интересовался. Однако, во II т. своего сочиненія, посвященномъ библіографіи вышедшихъ при Петрѣ В. книгъ, Пекарскій упоминаетъ о трехъ первыхъ изданіяхъ Духовнаго Регламента на иностранные языки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Пекарскій, выписками изъ „Журнала или поденныхъ записокъ Петра В." (II, 151) и изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (15 февраля 1721 г.), сообщаетъ объ учрежденіи

---

[1]) Ср. проф. А. Н. Филиппова, Къ вопросу о составѣ Перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи. Москва, 1916, стр. 3.

и открытіи Духовной Коллегіи (см. т. II, стр. 519—526; 536; 543—545; 591—592). Никакой оцѣнки церковной реформы Петра онъ не даетъ.

Свѣдѣнія Пекарскаго, почерпнутыя изъ первоисточниковъ, были крайне важны и необходимы, почему ими пользовались всѣ, кто занимался изслѣдованіемъ учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента. Но для нашего времени они очень кратки и кромѣ того заключаютъ въ себѣ двѣ библіографическихъ неточности, которыя здѣсь же необходимо отмѣтить. Во-первыхъ, изданіе Духовнаго Регламента, помѣщенное имъ подъ № 494 безъ заглавнаго листа есть 9-е изданіе мѣсяца октобріа индикта 10, 1776 года, единственное, которое содержитъ въ себѣ 139 листовъ общей нумераціи. Во-вторыхъ, Александро-Невское изданіе 18 января 1723 г. есть дѣйствительно третье изданіе, а не четвертое, какъ думаетъ Пекарскій (II, стр. 595), потому что онъ неправильно считаетъ особымъ изданіемъ Духовнаго Регламента, вышедшее, будто бы, 14 іюля 1722 г. На самомъ дѣлѣ это дата выхода въ свѣтъ только Прибавленія къ Духовному Регламенту въ тѣсномъ смыслѣ, который съ особымъ выходнымъ листомъ былъ напечатанъ 23 февраля 1722 г. 2-мъ изданіемъ, но въ продажу не былъ пущенъ отдѣльно, а въ сброшюрованномъ видѣ съ Прибавленіемъ и только осенью 1722 г., о чемъ у самого Пекарскаго есть замѣтка (II, стр. 545). Въ заблужденіе вводитъ особая пагинація Духовнаго Регламента и Прибавленія къ нему, и отдѣльный выходной листъ къ Регламенту, не согласующійся съ датою выхода Прибавленія, которая помѣщалась въ концѣ послѣдняго еще долго во многихъ изданіяхъ. Общая пагинація для Регламента и Прибавленія начинается только съ изданій 1776 г. [1]).

И. А. Чистовичъ. Третьимъ авторомъ, внесшимъ въ изученіе эпохи Петра и особенно его церковной реформы очень много новаго и цѣннаго по сырымъ источникамъ, былъ профессоръ С.-Петербургской Духовной Академіи И. А. Чистовичъ (1828—1893), написавшій, между прочимъ, тоже классическое сочиненіе „Θеофанъ Прокоповичъ и его время, СПб. 1868. Какъ видно изъ заглавія, Чистовичъ занятъ въ немъ, главнымъ образомъ, личной судьбой Θеофана и лишь попутно касается постороннихъ лицъ и событій, среди которыхъ Θеофану пришлось дѣйствовать, не рѣдко будучи ихъ участникомъ и даже виновникомъ. Поэтому въ книгѣ Чистовича была изложена также исторія отмѣны патріаршества, составленія Духовнаго Регламента, учрежденія Духовной Коллегіи и т. д. Но эти свѣдѣнія были тоже очень кратки и лишь въ одномъ мѣстѣ Чистовичъ обнаруживалъ свое пониманіе сущности церковной реформы Петра. „Главное побужденіе къ учрежденію Духовной Коллегіи,—говоритъ онъ,—заключалось въ томъ, что Церковь, при патріаршемъ управленіи, была независимою отъ государства, и лицо патріарха какъ бы равнялось лицу государеву. Петру казалось это отношеніе неправильнымъ и не безопаснымъ. А потому онъ рѣшился ввести Церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго правленія, какъ одну изъ ея вѣтвей, и духовное правительство сдѣлать коллегіей наряду съ прочими. Званіе патріаршее уничтожалось само собою. Члены Духовной Коллегіи, исключая особенный родъ ихъ дѣлъ, становились такими же начальниками въ своемъ вѣдомствѣ, какъ другіе—въ своихъ управленіяхъ, даже съ тѣми же названіями президента, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ, какъ и въ прочихъ коллегіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[1]) См. въ гл. VI наше описаніе печатныхъ изданій.

Церковь и духовенство становились въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ и инересамъ, исключая церковныхъ догматовъ и каноновъ. Члены Духовной Коллегіи должны были, вступая въ эту должность, кромѣ общей присяги по церковному званію, приносить особую присягу на вѣрность Государю по званію членовъ Коллегіи" [1]).

Эта исторически и юридически совершенно вѣрная характеристика сущности церковной реформы Петра въ связи съ длиннымъ рядомъ бытовыхъ, біографическихъ и историко-литературныхъ свѣдѣній, относящихся къ той эпохѣ, составляли очень крупное явленіе. Чисто догматически построенной оффиціальной точкѣ зрѣнія Филарета М. М. и церковной власти вообще, возникшей изъ необходимости какъ нибудь оградить авторитетъ Св. Синода, противополагались данныя, добытыя добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ архивныхъ документовъ. Однако этихъ данныхъ пока было еще слишкомъ мало, чтобы устранить колебанія во взглядахъ и сдѣлать ненужными новыя изслѣдованія.

Уже тогда на книгу Чистовича появились слѣдующія рецензіи: 1) Академика П. П. Пекарскаго въ отчетѣ о XXXIV присужденіи наградъ П. Н. Демидова, 25 іюня 1865 г. СПб. 1866, стр. 117—143. (Эта рецензія написана на сочиненіе Чистовича, представленное И. Академіи Наукъ еще въ рукописи). 2) Академика П. П. Пекарскаго въ отчетѣ о X присужденіи наградъ гр. Уварова 25 сентября 1867 г. СПб. 1868 г., стр. 13—35. (Эта рецензія написана на сочиненіе Чистовича, исправленное и дополненное имъ по указаніямъ первой рецензіи акад. Пекарскаго, и представленное также въ рукописи). 3) Академика А. Н. Пыпина, въ „Вѣстникѣ Европы" за 1869 г., т. III, стр. 791—818. 4) Академика М. И. Сухомлинова и свящ. I. Образцова въ Журналѣ М. Н. Пр. 1869 г., ч. 142, стр. 257—305. 5) г. Р. въ журналѣ, „Русскій Вѣстникъ", 1869 г., апрѣль, стр. 806—823. 6) Е. Дылевскаго, въ журналѣ „Странникъ" за 1872, т. I, ч. 2, стр. 69. Впрочемъ всѣ эти рецензіи, имѣющія свое значеніе для оцѣнки труда Чистовича, для характеристики Ѳеофана и его времени, особенно, съ историко-литературной стороны, вмѣстѣ съ тѣмъ не заключали въ себѣ никакихъ добавочныхъ свѣдѣній и новыхъ сужденій о церковной реформѣ Петра, объ учрежденіи Духовной Коллегіи и Духовномъ Регламентѣ.

И. А. Андреевскій. Къ литературѣ шестидесятыхъ годовъ относится и очень бѣглый очеркъ Св. Синода, который мы находимъ у профессора И. А. Андреевскаго, въ его книгѣ „Русское государственное право" т. I, С.-Петербургъ, 1866 г., стр. 213—219. Сообщая извѣстныя факты по Полному Собранію Законовъ, авторъ не высказывается о сущности церковной реформы Петра и юридической природѣ новаго учрежденія, говоря лишь кратко: „Сдѣлавъ Сенатъ высшимъ государственнымъ установленіемъ по управленію общими государственными дѣлами, Петръ I учредилъ подобное же установленіе для высшаго управленія вопросами церковной администраціи" (стр. 213).

13. Обнародованіе матеріаловъ Архива Св. Синода [2]).

Начало архивныхъ изданій. Упомянутыя выше работы были составлены по сырымъ матеріаламъ, которыми не всѣ могутъ пользоваться, да и сами изслѣдователи могутъ пользоваться только отчасти. Тѣмъ болѣе существен-

---

[1]) Стр. 70—71.

[2]) Ср. „Пятидесятилѣтіе Высочайше утвержденной комиссіи по разбору и описанію Архива Св. Синода, 1865—1915. Историческая записка. Петроградъ, 1915.

ное значеніе получало предпринятое въ шестидесятыхъ годахъ описаніе Архива Св. Синода и изданіе его документовъ. Первый томъ, заключавшій въ себѣ матеріалы за 1542—1721 годы, подъ заглавіемъ „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Пр. Синода" вышелъ въ С.-Петербургѣ въ 1868 г. Годомъ позднѣе, въ 1869 г. вышло и первое изданіе перваго тома „Полнаго Собранія Постановленій и Распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія", повторенное въ 1879 г. Этотъ первый томъ заключалъ въ себѣ текстъ Духовнаго Регламента, правда уже много разъ изданный передъ тѣмъ, а также протоколы Св. Синода за 1721 г. Вполнѣ понятно, что этими архивными изданіями въ научный оборотъ вносилось обильное количество новыхъ цѣнныхъ свѣдѣній. Количество этихъ свѣдѣній, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ, замѣтно возрастало, а вмѣстѣ съ тѣмъ наука получала стимулъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

Анонимъ. Появленіе въ печати 1-го тома „Описанія" обратило на себя вниманіе повременной печати въ томъ же году. Такъ въ №№ 9 и 10-мъ журнала „Православное Обозрѣніе" за 1868 г. появилась статья неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ „Первые годы синодальнаго управленія" (т. 27, стр. 26—54 и 204—222), въ которой авторъ въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ пересказываетъ содержаніе только-что опубликованныхъ документовъ, раздѣляя свое изложеніе на шесть частей. Въ I-ой онъ говоритъ объ открытіи Св. Синода и его устройствѣ, во II-ой части—о дѣятельности Синода по организаціи своей канцеляріи; въ III-ей—о мѣрахъ его по установкѣ караула и устройству тіунскаго управленія; въ IV-ой—о заботахъ Синода относительно установленія своей власти и достоинства; въ V-ой—о столкновеніяхъ Синода съ Сенатомъ и др. учрежденіями и лицами; въ VI-ой—о завѣдываніи Синода иностранными исповѣданіями. Въ частяхъ IV—VI попутно излагаются и предметы вѣдомства Св. Синода.

Характеризуя свою работу, авторъ говоритъ въ началѣ своей статьи: „мы не беремъ на себя разбирать „Описаніе", а болѣе или менѣе познакомить читателя съ его содержаніемъ, излагая только факты и ограничиваясь одними выписками. Мы не будемъ заимствовать ничего со стороны, строго держась въ предѣлахъ Описанія" (стр. 27). Поэтому въ его работѣ напрасно было бы искать изслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ, или какое либо сужденіе по исторіи учрежденія Духовной Коллегіи.

А. В—въ. Эта статья, по мнѣнію сотрудниковъ „Православнаго Обозрѣнія", далеко не исчерпала всѣхъ матеріаловъ I-го тома „Описанія" Синодальнаго Архива, а потому одинъ изъ сотрудниковъ этого журнала А. В—въ взялся вести въ Православномъ Обозрѣніи рядъ историческихъ очерковъ, посвященныхъ отдѣльнымъ предметамъ, вопросамъ и эпизодамъ изъ исторіи Синодальнаго управленія въ Россіи. „Мы,—говоритъ авторъ, въ которомъ можно видѣть, пожалуй, автора предыдущей статьи,—будемъ строго держаться предѣловъ „Описанія", и отъ этого необходимо будетъ зависѣть какъ самый выборъ предметовъ, такъ большая или меньшая полнота или отрывочность нашихъ очерковъ" (стр. 424). Согласно этому обѣщанію въ „Православномъ Обозрѣніи" за 1869 г. появился рядъ статей, а именно: I. Прекращеніе патріаршества. II. Новыя мѣры новаго управленія. III. Развитіе правительственной централизаціи. IV. Дѣла по расколу. Въ частности, первая статья содержитъ въ себѣ лишь перепечатку трактата Ѳеофана Прокоповича „о возношеніи патріаршаго имени" и изложеніе дѣлъ о поклоненіи патріаршему мѣсту и о раздачѣ вещей патріарховъ. Никакихъ заключеній или сужденій въ этой статьѣ, какъ и въ прочихъ,

нѣтъ, и потому для изслѣдованія исторіи учрежденія Духовной Коллегіи онѣ ровно ничего не вносили [1]).

Свящ. И. Я. Образцовъ. Въ этомъ же 1868 г. въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" появилась (ч. 140, стр. 144—180) также и статья священника И. Я. Образцова подъ заглавіемъ „Первый годъ синодальнаго управленія". Эта работа представляетъ собою систематическое изложеніе также тѣхъ свѣдѣній, которыя содержатся въ вышедшемъ въ 1868 г. первомъ томѣ „Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода" (на что указываетъ и подзаголовокъ статьи свящ. И. Я. Образцова). Вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно, авторъ дѣлаетъ свои замѣчанія. За отсутствіемъ матеріала, свящ. Образцовъ не высказываетъ критическаго взгляда на происхожденіе Св. Синода, которое онъ представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ. „Намъ кажется, говоритъ онъ, что мысль объ учрежденіи Св. Синода или Духовнаго Коллегіума, какъ онъ нерѣдко назывался въ ту пору своего существованія, созрѣла и выяснилась у царя Петра только тогда, когда онъ учредилъ уже другія свѣтскія государственныя коллегіи (въ 1718 г.). Какъ бы то ни было, только уже въ концѣ 1719 г. началась дѣятельная работа для приготовленія Св. Синода; въ это время былъ составленъ соборъ, или точнѣе говоря, просто коммиссія для разсужденія объ управленіи церковью. Члены коммиссіи, согласно съ мыслью царя, признали за болѣе полезное вмѣсто единоличнаго, патріаршаго управленія учредить управленіе синодальное, принялись за составленіе правилъ, которымъ бы руководилось это управленіе, и составили Духовный Регламентъ" (стр. 148). Согласно съ этимъ, свящ. Образцовъ держится того мнѣнія, что „въ общей системѣ русскихъ государственныхъ учрежденій Св. Синодъ занялъ то же мѣсто, которое имѣлъ всероссійскій патріархъ; ему также, какъ и патріарху, ввѣрены были всѣ собственныя церковныя дѣла государства" (163).

Какъ видно изъ приведенныхъ мѣстъ, свящ. И. Я. Образцовъ призналъ Св. Синодъ вошедшимъ въ общую систему русскихъ государственныхъ учрежденій, однако не по волѣ всесильнаго царя, а какъ бы по свободному постановленію собора, „или, точнѣе говоря, просто коммиссіи" (а это далеко не одно и то же), которая сама, будто бы, признала полезнымъ отмѣнить патріаршество, учредить управленіе синодальное, и для этого принялась за составленіе правилъ, т. е. Духовнаго Регламента, и т. д. Всѣ эти сужденія, за исключеніемъ перваго, совершенно расходились съ исторической истиной. Тѣмъ не менѣе они нашли себѣ мѣсто и еще въ одномъ органѣ.

Домашняя Бесѣда. I-й томъ „Описанія" Синодальнаго Архива не прошелъ безслѣдно и для журнала „Домашняя Бесѣда", издававшагося подъ редакціей извѣстнаго В. Аскоченскаго. Въ этомъ журналѣ за 1869 г. стр. 844—846 также имѣется статья подъ заглавіемъ „Учрежденіе Св. Синода" со ссылкою: „Извлеченно изъ Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода, т. I". Она должна быть упомянута, какъ курьезное доказательство предѣловъ пониманія такого крупнаго историческаго событія, какъ учрежденіе Св. Синода, въ шестидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Статья начинается слѣдующими словами: „Въ 1719 г., по мысли и предложенію Петра Великаго, началась дѣятельная работа къ учрежденію Св. Синода; была составлена ком-

---

[1]) См. „Православное Обозрѣніе" за 1869 г., т. I, стр. 424—440; 607—618; 696—11; т. II, стр. 149—171, статьи А. В — въ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи синодальнаго управленія въ Россіи".

миссія для разсужденія объ управленіи Церковью. Члены коммиссіи согласно съ мыслію царя, признали за болѣе полезное, вмѣсто единоличнаго патріаршаго управленія, учредить синодальное, принялись за составленіе правилъ въ руководство этому управленію и составили Духовный Регламентъ [1]). Указъ объ учрежденіи Синода состоялся 9 Февраля 1721 г., а черезъ четыре дня послѣдовало и самое открытіе его, послѣ молебна въ Троицкомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ и самъ государь". Далѣе сообщается о помѣщеніи Синода, его составѣ и переименованіи изъ Духовной Коллегіи. Затѣмъ почему-то излагается чинъ нареченія и рукоположенія во епископовъ при патріархахъ; два слова упоминается о препирательствахъ Синода съ Сенатомъ за свою власть и свое достоинство, а также объ учрежденіи тіунскаго управленія.

14. Литература семидесятыхъ годовъ.

С. М. Соловьевъ. Съ того времени, какъ русскіе архивы открыли свои гостепріимныя двери изслѣдователямъ, самымъ усерднымъ ихъ посѣтителемъ сталъ С. М. Соловьевъ (1820—1879), знаменитый профессоръ Московскаго Университета. Въ своей „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ" 29 т. 1851—1879 г. онъ сообщалъ, конечно, и объ учрежденіи Св. Синода, о Духовномъ Регламентѣ и вообще о церковной реформѣ Петра. Однако въ данномъ случаѣ С. М. Соловьевъ ограничился лишь простымъ пересказомъ документовъ, ставшихъ уже извѣстными всѣмъ изъ Полнаго Собранія Законовъ, а также сообщеніемъ свѣдѣній второстепеннаго характера. Между тѣмъ въ оцѣнку церковной реформы Петра, онъ совершенно не входитъ и генезиса ея не выясняетъ. Однако, если не изслѣдованіе и изложеніе фактовъ, то хотя бы характеристику событій и вызвавшихъ ихъ причинъ, мы находимъ у С. М. Соловьева въ другомъ мѣстѣ, а именно въ его „Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ" Москва, 1872. Здѣсь въ X-мъ чтеніи историкъ касается и церковныхъ преобразованій Петра, при чемъ логика ихъ преставляется ему въ слѣдующемъ видѣ. Состояніе духовенства и Церкви было печально. Петръ хотѣлъ поднять духовенство, „снабдивши его средствами возстановить свое учительское значеніе, свое нравственное вліяніе согласно съ новыми потребностями... (стр. 83). Для этого у Петра была широкая программа, а исполнить ее было некому. „Духовная власть отстранялась отъ преобразованій, слишкомъ для нея тяжкихъ, и передавала ихъ власти свѣтской; единичное управленіе церковное упразднялось естественно за неимѣніемъ человѣка, способнаго стать въ уровень съ своимъ положеніемъ, поднять бремя слишкомъ тяжелое для плечъ одного человѣка, естественно пролагался путь къ раздѣленію этой тяжести между многими, къ коллегіальному управленію" (стр. 84). Такъ, изъ внутреннихъ причинъ объясняетъ С. М. Соловьевъ просхожденіе Духовной Коллегіи.

Engelman. Въ томъ же 1872 г., по поводу двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго, вышла и маленькая брошюра профессора русскаго права въ Дерптскомъ Университетѣ Dr. I. Engelman'a Peter de Grosse. Seine jugend und das Wesen seiner Reformen. Dorpat 1872. Въ этой брошюркѣ относитильно церковной реформы Петра на стр. 39 Энгельманъ писалъ: Peter suchte die Geistlichkeit selbst zum Reformen zu veran-

[1]) Ср. изложеніе статьи свящ. Образцова, гдѣ встрѣчаются тѣ же слова.

lassen; er schärfte ihr ein, es sei ihre Pflicht, Schulen zu errichten und Bildung zu verbreiten. Allein auch hier traf er auf passiven Widerstand. Nun nahm der Zaar die Sache selbst in die Hand. Er schuf eine klare Situation: die Willkür beseitigte er, auch hier sollte das Gesetz herrschen. Zunächts stellt er den Staat selbstständig hin, unabhängig von der Kirche. Im Staat kann nur der Zaar herrschen, einen zweiten Herrscher mit ähnlicher unbeschränkter Gewalt kann es eben dem Zaaren nicht geben. Die Kirche soll nach den kanonischen Gesetzen und zaarischen Statuten verwaltet werden; die Verwaltung übergiebt er einer Syuode von Geistlichen, die als Behörde unzweifelhaft unter ihm steht, in geistlichen Angelegenheiten sich nach den ein für allemal festctehenden kanonischen Regeln zu richten hat.

Н. И. Костомаровъ. „Историческія монографіи и изслѣдованія" Н. И. Костомарова [1]) не содержатъ въ себѣ ничего объ учрежденіи Духовной Коллегіи или о вопросахъ и лицахъ близко къ ней относящихся [2]). За то въ его „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей" находимъ очень живо написанныя характеристики царя Алексѣя Михайловича [3]), патріарха Никона [4]), Петра Великаго [5]), царевича Алексѣя Петровича [6]) и Ѳеофана Прокоповича [7]). Наиболѣе важными являются для насъ характеристика Петра и Ѳеофана. Въ изложеніи царствованія Петра Н. И. Костомаровъ упоминаетъ также и объ учрежденіи Духовной Коллегіи и передаетъ содержаніе Духовнаго Регламента, но дѣлаетъ это бѣгло и безъ критической оцѣнки событій. (Вып. IV, Спб. 1874, стр. 697—705). Характеристика Ѳеофана Прокоповича не сообщаетъ ничего особеннаго.

П. В. Знаменскій. Въ 1870 г. въ г. Казани вышло „Руководство по Русской Церковной Исторіи" профессора П. В. Знаменскаго. Въ этомъ „Руководствѣ", между прочимъ, была VIII глава „Состояніе Русской Церкви во время реформы", первые два отдѣла которой, стр. 326 — 355 имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ. Позднѣе это „Руководство" не разъ переиздавалось. Но уже во второмъ изданіи (Казань 1876) эта глава стала VII-ю (стр. 296 — 322) и такъ и осталась ею въ изданіяхъ 1880, 1886 и 1888 г. г. Впрочемъ всѣ эти изданія почти дословно повторяютъ VIII-ю гл. перваго изданія, съ очень незначительными добавленіями или сокращеніями, нисколько не измѣняющими сущности историческаго изложенія и пониманія профессоромъ П. В. Знаменскимъ церковной реформы Петра. Поэтому и содержаніе этой части его „Руководства" можетъ быть изложено по первому изданію 1870 г.

Изображеніе состоянія Русской Церкви во время реформы П. В. Знаменскій начинаетъ съ характеристики отношенія Петра къ древнему религіозному быту. Обративъ вниманіе на отсутствіе религіознаго воспитанія Петра въ дѣтствѣ и на его близость къ протестантамъ, авторъ указываетъ, что Петръ долженъ былъ весьма неблагосклонно отнестись къ противодѣйствію его реформамъ со стороны духовенства и во имя религіи. Особенно непріятно было для него поведеніе патріарховъ, которыхъ Петръ и высмѣивалъ въ своемъ „всешутѣйшемъ соборѣ". Грозная тѣнь Никона постоянно была въ глазахъ государя, поэтому онъ и воспользо-

---

1) Изданіе „Литературнаго фонда" СПб. 1903—1906 т. I—XXI.

2) Только о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ см. также „Истор. моногр. и изслѣдованія" Собр. Соч. книга 5 (т. XIV) СПб. 1905, стр. 635—685.

3) Вып. IV, СПб. 1874, стр. 97—155. 2-е изд. СПб. 1881, т. II, стр. 97—156.

4) Вып. IV, СПб. 1874, стр. 157—220. 2-е изд. СПб. 1881, т. II, стр. 157—220,

5) Вып. VI, СПб. 1876, стр. 537—785. 2-е изд. СПб. 1886, т. II стр. 1—249,

6) Вып. VI, СПб. 1876, стр. 823—841. 2-е изд. СПб. 1886, т. II, стр. 287—305.

7) Вып. VI, СПб. 1876, стр. 867—885. 2-е изд. СПб. 1886, т. II, стр. 331—349,

вался смертью Адріана, чтобы вмѣсто новаго патріарха назначить мѣстоблюстителя. Далѣе проф. П. В. Знаменскій характеризуетъ отрицательное отношеніе Петра къ великорусскому духовенству, изъ котораго только немногіе ему отчасти сочувствовали. Стефанъ Яворскій и архіереи малороссы тоже не всѣ были надежны. Сильно повліяли на Петра дѣла царевича Алексѣя и царицы Евдокіи Ѳеодоровны, въ которыхъ многіе духовные были замѣшаны. Совокупностью всѣхъ этихъ обстоятельствъ авторъ и объясняетъ уничтоженіе патріаршества. При этомъ онъ говоритъ, будто уже „въ 1714 г. Петръ уже ясно высказалъ свою мысль о замѣнѣ единоличнаго церковнаго управленія соборнымъ. Въ 1715 году онъ праздновалъ извѣстную свадьбу яузскаго патріарха Зотова,—шумный антипатріаршій праздникъ съ маскарадомъ, публичными процессіями и колокольнымъ звономъ на всѣхъ московскихъ колокольняхъ. Вопросъ объ уничтоженіи патріаршества былъ рѣшенъ. Въ 1718 году, когда были учреждены вмѣсто старинныхъ приказовъ коллегіи, вышелъ указъ учредить и Духовную Коллегію" (стр. 336). Сказавъ затѣмъ немного о Ѳеодосіи Яновскомъ и Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, какъ сотрудникахъ Петра, ему болѣе угодныхъ, Знаменскій въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ объ „открытіи Св. Синода" и причинахъ новой формы церковнаго управленія по Духовному Регламенту. Въ заключеніе онъ замѣчаетъ: „Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое внѣшнее управленіе Церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; члены его давали присягу считать государя своимъ „крайнимъ судіею" и наблюдать всѣ государственные интересы" (стр. 340). За этимъ слѣдуютъ параграфы о составѣ Св. Синода и о положеніи его въ администраціи. По мнѣнію П. В. Знаменскаго, „по своимъ правамъ Св. Синодъ былъ во всемъ сравненъ съ Сенатомъ и на ряду съ послѣднимъ непосредственно подчиненъ государю" и т. д. (стр. 341). Ниже излагается объ Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода, прокурорахъ фискалахъ и инквизиторахъ, о предметахъ вѣдомства Св. Синода и проч.

Надо замѣтить, что въ 1896 г. „Руководство къ русской церковной исторіи" было передѣлано П. В. Знаменскимъ въ „Учебное руководство по исторіи русской Церкви" (Спб. 1896, 2-е изданіе 1904 г.) примѣнительно къ изданной Св. Синодомъ программѣ духовныхъ семинарій. Въ „Учебномъ руководствѣ" содержится тотъ-же матеріалъ, но изложенъ въ нѣсколько иномъ порядкѣ. Онъ занимаетъ собою 1-ую главу V-го, Синодальнаго періода, и разсказанъ въ такой послѣдовательности: „Переходное время; мѣстоблюстительство патріаршаго престола. Отношенія Петра къ великорусскому духовенству; святитель Митрофанъ и другіе іерархи Великоруссы. — Отношенія Петра къ Стефану. — Борьба Стефана противъ увлеченій протестантствомъ; дѣло Тверитинова и Камень Вѣры.— Новые приближенные Царя—Ѳеодосій и Ѳеофанъ.—Составленіе Духовнаго Регламента.—Открытіе Св. Синода и его составъ.—Положеніе Синода въ общемъ составѣ государственной администраціи.—Права Св. Синода въ области церковнаго управленія и его органы", и т. д. Въ этомъ „Учебномъ руководствѣ" П. В. Знаменскій говоритъ, что „положеніе Синода въ общемъ составѣ государственной администраціи какъ главы обширнаго государственнаго вѣдомства, было сравнено съ положеніемъ Сената. Они сравнены были во всѣхъ правахъ и оба непосредствено подчинены самому государю, который въ государственной присягѣ членовъ Синода такъ и называется „крайнимъ судіею духовной коллегіи" (изд. 1904 г. стр. 324). „Въ области церков-

наго управленія, — говоритъ авторъ, — Св. Синодъ получилъ „Силу и власть патріаршескую или, по выраженію Регламента, едва ли не большую, понеже соборъ“ (стр. 325) и т. д.

Оцѣнивая взгляды П. В. Знаменскаго, нужно замѣтить, что его свѣдѣнія о причинахъ уничтоженія патріаршества, насколько ихъ можно выводить изъ личныхъ симпатій и антипатій Петра, были въ общемъ вѣрны, хотя и не довольно полны. Вѣрно также и пониманіе Св. Синода, какъ государственнаго учрежденія. Однако въ остальномъ воззрѣнія П. В. Знаменскаго не подтверждаются, напр., мнѣнія его о равенствѣ Синода съ Сенатомъ, о томъ, что онъ получилъ патріаршескую власть, или едва-ли не большую, понеже соборъ. То и другое было лишь „pia desideria“ первыхъ членовъ Св. Синода, а вовсе не юридической дѣйствительностью. Кромѣ того, П. В. Знаменскій не интересовался существомъ церковной реформы Петра съ точки зрѣнія отношеній Церкви и государства въ Россіи, не вглядывался пристальнѣе въ происхожденіе и источники Духовнаго Регламента, отожествлялъ „Духовную Коллегію“ и „Св. Синодъ“ и т. д. Взгляды П. В. Знаменскаго, выраженные въ его „Руководствахъ“, несомнѣнно страдали внутренними противорѣчіями, ибо Духовная Коллегія или Св. Синодъ изображалась имъ, съ одной стороны, какъ учрежденіе государственное, подчиненное свѣтской власти, съ другой же стороны, какъ учрежденіе церковное, обладающее даже большей властью, чѣмъ патріархъ. Между тѣмъ это фактически невѣрно, такъ какъ Св. Синодъ никогда не былъ въ силахъ вернуть себѣ ту же компетенцію, какою обладалъ московскій патріархъ, и во всяхомъ случаѣ былъ лишенъ его самобытности, и основаннаго на ней его высокаго нравственнаго авторитета. Эта двойственность взглядовъ нашего маститаго церковнаго историка несомнѣнно отражала на себѣ борьбу объективныхъ научныхъ данныхъ съ оффиціальной точкой зрѣнія, которую слѣдовало выдержать въ „Руководствѣ“, предназначавшемся для учебныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе, „Руководство“ П. В. Знаменскаго было очень цѣнно уже однимъ тѣмъ, что наши свѣдѣнія о церковной реформѣ Петра приводило въ довольно стройную систему и тѣмъ облегчило какъ ея пониманіе, такъ и дальнѣйшее изученіе [1]).

Анонимъ. Для полноты нашего обзора необходимо упомянуть, между прочимъ, и о чтеніяхъ по русской церковной исторіи, повидимому, одного изъ преподавателей Тамбовской Духовной Семинаріи. Въ Тамбовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1874 г. въ неоффиціальной части помѣщенъ „Періодъ пятый. Сунодальное управленіе, 1721—1874“. Здѣсь авторъ кратко излагаетъ слѣдующее: „Отношеніе Императора Петра I къ духовенству вообще и въ частности къ Патріарху (стр. 259—266)“, „Содержаніе духовенства“ (стр. 266—271) и др. матеріи. Въ первомъ отдѣлѣ и трактуется учрежденіе Духовной Коллегіи въ тѣхъ предѣлахъ, на которые авторъ уполномоченъ своими источниками и пособіями, а таковыми, судя по примѣчанію на стр. 259, для него были сочиненія Филарета, Архіепископа Черниговскаго, Знаменскаго, прот. К. Добронравова (Преосв. Гермогена), Очеркъ исторіи Русской Церкви, „Опи-

---

1) Надо замѣтить, что „Исторія Русской Церкви“ М. Макарія (т. 1—XII, СПб. 1857—1882; новое изданіе СПб. 1881—1900 гг.) въ XII томѣ, изданномъ уже послѣ смерти автора въ 1883 г., прерывается на исторіи Большого Московскаго собора 1667 г. А „Исторія Русской Церкви“ Е. Е. Голубинскаго (т. I, 1—2 М. 1880—1881; т. I, 1 М. 1901 изд. 2; т. I, 2 М. 1904 изд. 2; т. II, 1 М. 1900) доведена авторомъ только до Митрополита Макарія включительно († 1563 г.). Только „Руководство по Исторіи Русской Церкви“ А. П. Доброклонскаго (вып. I—IV, М. 1884—1893 гг.) содержитъ въ себѣ и синодальный періодъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

заніе“ Синодальнаго Архива и немногія другія. Научнаго значенія это изложеніе интересующихъ насъ событій, конечно, не имѣетъ.

Проф. прот. М. И. Горчаковъ. 12 января 1874 г. проф. Гейдельбергскаго университета Трейтшке высказалъ положеніе, что „въ Россіи господствуетъ въ отношеніяхъ государства и Церкви система цезаропапизма; русскій императоръ—глава русской Церкви“. Въ отвѣтъ на это положеніе въ Лейпцигѣ въ 1874 г. появилась „Lettre à M. le professeur H. de Treitschke à propos de quelques jugements sur l'église de Russie. Par N. N., въ которомъ анонимный авторъ, слушавшій лекціи Трейтшке въ Гейдельбергскомъ университетѣ въ 1873—1874 гг., выступилъ съ опроверженіемъ этого положенія. Тогда въ „Сборникѣ государственныхъ знаній подъ редакціей В. П. Безобразова“, т. II, стр. 203—216 (С.-Петербургъ, 1875), появилась критическая замѣтка проф. прот. М. И. Горчакова. Съ обычнымъ для него знаніемъ дѣла и юридическимъ чутьемъ, М. И. Горчаковъ раскритиковалъ „письмо“, заявивъ, между прочимъ, что система цезаропапизма, развившаяся на Западѣ съ XVI в. благодаря реформаціи, которая признала протестантскихъ государей, какъ summi pontifices, summi episcopi, несомнѣнно оказала свою долю вліянія на развитіе церковнаго права въ Россіи (стр. 208) [1]). При этомъ М. И. Горчаковъ писалъ: „Петръ I ознакомился съ нею въ Швеціи, гдѣ до настоящаго времени король—первый епископъ, глава протестантской церкви, и приложилъ ее въ Россіи при посредствѣ іерарховъ изъ кіевскихъ ученыхъ. Но система эта въ Россіи получила своеобразное развитіе, подъ вліяніемъ господствовавшихъ во всей Европѣ въ теченіе всего XVIII в. понятій о „полицейскомъ государствѣ“ и о „просвѣтительномъ назначеніи“ государства: XVIII в. былъ, какъ извѣстно, Aufklärungszeit (стр. 208—209). Останавливаясь затѣмъ болѣе подробно на положеніи Синодальнаго Оберъ-Прокурора, М. И. Горчаковъ очень живо нарисовалъ все значеніе принадлежащей ему власти, особенно въ дѣлопроизводствѣ Св. Синода, и заключалъ: „Изъ сказаннаго нами о дѣлопроизводствѣ въ Св. Синодѣ ясно видно, что всѣ синодскія дѣла находятся въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ, служащихъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, которые состоятъ въ полной зависимости отъ Оберъ-Прокурора Синода. Какъ назвать такую систему отношеній государства къ Церкви? Названіе цезаропапизма къ ней, конечно, не идетъ. Оффиціально принятое и усвоенное въ Россіи названіе, выражающее отношенія государства къ православной Церкви—„вѣдомство православнаго исповѣданія“, и это названіе выражаетъ эти отношенія какъ нельзя лучше“ (стр. 213).

Эта маленькая замѣтка М. И. Горчакова впервые такъ ясно намѣчала, гдѣ слѣдуетъ искать исходную точку церковной реформы Петра. Указанія М. И. Горчакова, конечно, не были новостью. Еще современники Петра, иностранцы и русскіе, какъ показано было выше, понимали подражательный характеръ учрежденія Духовной Коллегіи. Но эти указанія къ семидесятымъ годамъ XIX ст. были основательно забыты. Сохранились лишь довольно смутныя представленія. А потому опредѣленныя

---

[1]) Развивая эту мысль проф. М. И. Горчакова Ѳ. Г. Тернеръ, въ статьѣ Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви (Сборн. Гос. Знаній, т. III, стр. 1-57), комментируя ст. 42 Осн. Зак. изд. 1832 г. и слѣд. гг. пишетъ: „Какъ уже весьма справедливо замѣтилъ о. Горчаковъ, въ своей критической статьѣ на „письмо къ проф. Трейтшке (во II т. Сб. Г. З.), въ формѣ редакціи 42 статьи нельзя не видѣть отблеска протестантскихъ воззрѣній, выраженныхъ въ ученіи о сум-епископатѣ. Въ словахъ: блюститель правовѣрія такъ и слышится отраженіе понятія „Schirmherr der Reinheit der Lehre“, выработаннаго отношеніями протестантской церкви къ государству“ (стр. 33).

замѣчанія Горчакова должны были пробудить дремлющую мысль. Однако, повидимому, время для этого тогда еще не настало.

Н. Востоковъ. Если Соловьевъ и Знаменскій касались церковной реформы Петра въ общихъ чертахъ, то въ 1875 г. появилась первая спеціальная работа о Св. Синодѣ Н. Востокова, подъ заглавіемъ: „Св. Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при Императорѣ Петрѣ I". (Журналъ Мин. Нар. Просв. за 1875 г. іюль стр. 52—85; августъ стр. 153—198, и декабрь стр. 358—378). Эта небольшая статья, какъ видно изъ ея заглавія, была посвящена авторомъ, главнымъ образомъ, выясненію вопроса о томъ, какое учрежденіе представлялъ Св. Синодъ (который онъ не отличаетъ отъ Духовной Коллегіи) въ первые годы своего существованія, и былъ ли онъ равенъ Сенату и выше коллегій? Отвѣчая на этотъ вопросъ, Н. Востоковъ дѣлитъ свое изложеніе на шесть отдѣловъ. Онъ говоритъ I. объ учрежденіи Петромъ свѣтскихъ коллегій; II. объ отношеніи ихъ къ Сенату; III. о возникновеніи идеи Духовной Коллегіи, о ея учрежденіи, о предметахъ вѣдомства ея по Духовному Регламенту, о степени власти и составѣ Св. Синода; IV. о томъ какъ Св. Синодъ стремился занять равное положеніе съ Сенатомъ и поставить себя по отношенію къ коллегіямъ, что сказалось въ выясненіи порядка сношеній его съ Сенатомъ, въ перепискѣ о канцелярскихъ и др. служителяхъ, въ перепискѣ о жалованьи синодальнымъ членамъ; V.—о сборахъ и рекрутахъ; VI.—въ вопросѣ о подсудности.

Въ работѣ Н. Востокова можно указать слѣдующіе выводы и взгляды имѣющіе существенное значеніе для дѣла. Авторъ находилъ, что „реформы Петра по духовному вѣдомству начались вскорѣ послѣ смерти п. Адріана". Былъ назначенъ мѣстоблюститель и при немъ „освященный соборъ". „Этотъ освященный соборъ,—говоритъ Н. Востоковъ,—былъ такъ сказать, прообразомъ того собора, который получилъ названіе Св. Синода; разница между тѣмъ и другимъ заключалась, на самомъ дѣлѣ, не въ сущности, а въ томъ отношеніи къ нимъ законодателя, вслѣдствіе котораго „освященный соборъ" является учрежденіемъ временнымъ, синодъ же учрежденіемъ постояннымъ" (стр. 66). Съ мнѣніемъ этимъ согласиться нельзя [1]). Затѣмъ Н. Востоковъ совершенно правильно утверждалъ, что мысль объ учрежденіи Св. Синода явилась у Петра не сразу и можетъ быть пріурочена лишь къ 1718 г. (стр. 68—70). Однако авторъ попутно бросалъ неправильную мысль, что „права и объемъ власти принадлежавшія патріархамъ, были цѣликомъ присвоены Св. Синоду" (стр. 68). Ниже, изложивъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію учрежденія Духовной Коллегіи и содержаніе Духовнаго Регламента, самъ авторъ находилъ опредѣленіе вѣдомства и власти „Св. Синода" неудовлетворительнымъ и неяснымъ (ст. 79). Поэтому онъ самъ пытался установить характеръ и степень власти Св. Синода, и сначала находилъ, „что власть Св. Синода по сравненію съ коллегіями была ограниченнѣе. Но,—возражаетъ сейчасъ же авторъ,—такое заключеніе будетъ положительно не вѣрно. Такимъ образомъ можно сказать, что власть Св. Синода является какою то неопредѣленной" (стр. 81). Далѣе авторъ утверждалъ, что по Регламенту „совершенно не видно, въ какое отношеніе становился Св. Синодъ къ Сенату,—въ подчиненное или равное ему?" Словомъ, Н. Востоковъ находилъ, что „при малоопредѣленности предметовъ вѣдомства Св. Синода, почти совершенно не выяснена законодателемъ и степень

---

[1]) См. ниже гл. V и VII.

его власти, а вслѣдствіе того и положеніе его въ ряду другихъ учрежденій" (ст. 81). Разсматривая далѣе составъ Духовной Коллегіи, присягу членовъ, жалованье, канцелярію и проч., Н. Востоковъ видѣлъ въ немъ учрежденіе государственное, аналогичное другимъ петровскимъ коллегіямъ[1]. Выше Н. Востоковъ призналъ, что неполнота и неясность Духовнаго Регламента открывала Св. Синоду „широкое поле дѣятельности какъ относительно предѣловъ компетенціи въ извѣстныхъ дѣлахъ, такъ и въ рѣшеніи послѣднихъ" (стр. 79). Пользуясь этимъ, Св. Синодъ „долженъ былъ самъ уяснить себѣ степерь своей власти" (стр. 153). Оказалось, что „Св. Синодъ de iure скоро занялъ положеніе, равное съ Сенатомъ, высшее по отношенію къ коллегіямъ, и потому могъ писать послѣднимъ указы. Слѣдовательно, власть Св. Синода въ предѣлахъ своего вѣдомства, была точно такою же, какъ власть Сената въ области свѣтскаго управленія" (стр. 154). Иными словами: „Св. Синодъ является высшимъ духовнымъ учрежденіемъ, съ характеромъ и значеніемъ общественно—государственнымъ; онъ имѣетъ власть патріаршескую, или еще и большую, „понеже есть соборъ"; его нельзя раздѣлять „въ персонахъ", и нужно не иначе представлять, какъ равнымъ съ Сенатомъ; онъ имѣетъ „крайняго своего судію" государя и никому, кромѣ послѣдняго не намѣренъ давать отчетъ въ своей дѣятельности,—словомъ сказать, Св. Синодъ есть „сильное и важное правительство" (стр. 158). Въ VI гл. Востоковъ говоритъ о томъ, что, „стремясь выяснить, опредѣлить и упрочить устройство управленія по духовному вѣдомству, Св. Синодъ не могъ не обратить вниманія на пространство суда, на вопросъ о подсудности лицъ своего вѣдомства и вообще на разграниченіе этого послѣдняго отъ свѣтскаго управленія по предметамъ юридическихъ отношеній въ обширномъ смыслѣ" (стр. 358). На дальнѣйшихъ страницахъ даны были примѣры этой дѣятельности Св. Синода при Петрѣ Великомъ и сдѣланъ тотъ выводъ, что Св. Синоду было трудно въ борьбѣ и сношеніяхъ съ Сенатомъ и коллегіями за свою судебную компетенцію, въ которую они постоянно вмѣшивались.

Такимъ образомъ эта первая спеціальная историко-юридическая работа, посвященная учрежденію Духовной Коллегіи, въ предѣлахъ доступнаго автору печатнаго матеріала[2], отчасти намѣчала тѣ вопросы, которые наукѣ надлежало рѣшить, чтобы выяснить сущность церковной реформы Петра съ юридической точки зрѣнія. Однако Н. Востоковъ не могъ еще или не хотѣлъ отрѣшиться отъ оффиціальной точки зрѣнія на Св. Синодъ, какъ на постоянный соборъ, смѣнившій Патріарха и получившій въ наслѣдство всю его компетенцію. Поэтому его взгляды страдаютъ невыясненностью и противорѣчіями. Въ значительной мѣрѣ это зависѣло отъ того, что Востоковъ, какъ и всѣ почти (кромѣ Голубева) дальнѣйшіе авторы, не подмѣтилъ еще историческаго и юридическаго различія между положеніями патріарха, Духовной Коллегіи и Св. Синода, и въ скрытой формѣ защищая авторитетъ послѣдняго, силился, вопреки исторической правдѣ и съ оговорками, доказать его исконный характеръ. О самомъ учрежденіи Духовной Коллегіи Востоковъ говорилъ, впрочемъ, очень кратко, а источниками Духовнаго Регламента даже вовсе не интересовался.

А. Д. Градовскій. Къ семидесятымъ годамъ относится первое изданіе

---

[1] Съ этимъ нисколько не согласуется сдѣланное авторомъ выше отожествленіе Св. Синода съ Освященнымъ Соборомъ.

[2] Авторъ цитируетъ П. С. З., П. С. П., О. А. С. С. и до 17 пособій. Вышеупомянутую замѣтку М. И. Горчакова онъ не имѣлъ въ виду.

курса русскаго государственнаго права профессора А. Д. Градовскаго. Профессоръ А. Д. Градовскій посвящаетъ Св. Синоду довольно обстоятельный очеркъ („Начала русскаго государственнаго права. Часть II.—Органы управленія". Изданія 1876, 1881, 1887. Въ Собраніи Сочиненій, т. VIII, стр. 366—392, СПб. 1903). Во II-ой книгѣ этой II-й части А. Д. Градовскій даетъ „классификацію русскихъ государственныхъ установленій" (Соб. Соч. т. VIII, стр. 186—194). Придерживаясь этой классификаціи, онъ говоритъ прежде всего объ органахъ „законодательства и верховнаго управленія", т. е. о Государственномъ Совѣтѣ, Комитетѣ и Совѣтѣ Министровъ (стр. 194—256), а затѣмъ о „высшихъ мѣстахъ подчиненнаго управленія", къ которымъ относитъ Сенатъ (стр. 257—366); Св. Синодъ (стр. 366—392); и министерства (стр. 392—510). Глава о Св. Синодѣ предваряется авторомъ небольшимъ замѣчаніемъ о немъ (§ 167) и распадается затѣмъ на двѣ части: „А. Историческій очеркъ Синода", и „Б. Современное устройство Синода". Насъ интересуетъ содержаніе первой части. Въ § 167 Градовскій говоритъ; „Въ дѣлахъ управленія духовнаго Синодъ облеченъ правами, равными правамъ Сената въ области управленія гражданскаго. Установленіе это создано реформою Петра Великаго, который не имѣлъ готоваго образца въ учрежденіяхъ православной Церкви. Учрежденіе Синода явилось какъ реакція противъ прежняго порядка церковнаго управленія, какъ отрицаніе нѣкоторыхъ прежнихъ. Поэтому при разсмотрѣніи исторіи Синода должно уяснить себѣ: 1) что именно отвергнуто Петромъ Великимъ и 2) въ чемъ заключалась цѣль синодскаго управленія" (стр. 366—367). Отвѣчая на свои вопросы, Градовскій развиваетъ такія мысли. На почвѣ православнаго ученія возникнуть спора двухъ авторитетовъ—свѣтскаго и духовнаго—за внѣшнее преобладаніе не могло (§ 169). Онъ могъ возникнуть лишь на почвѣ объема привилегій и границъ автономіи Церкви, и дѣйствительно возникъ при Іоаннѣ III (§ 169—170). Въ 1589 г. учреждено было патріаршество. Церковь пріобрѣла новый блескъ и тогда выдвинулся „вопросъ о двоевластіи, о взаимномъ отношеніи двухъ силъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно на поприщѣ какъ церковномъ, такъ и политическомъ" (§ 171). Этотъ вопросъ принялъ острый характеръ при Алексѣѣ Михайловичѣ и Никонѣ именно на почвѣ привилегій (§ 172). Столкновеніе ихъ кончилось противъ послѣдняго (§ 173). Культурныя реформы Петра привели и его къ столкновенію съ Церковью. Духовенство было противъ него и „ему казалось необходимымъ существенно измѣнить самыя отношенія Церкви къ Государству" (§ 174, стр. 375). „Весьма естественно,—говоритъ А. Д. Градовскій,—что онъ взглянулъ на эти отношенія съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Старое начало двоевластія, существованіе двухъ „чиновъ", свѣтскаго и духовнаго, казалось ему помѣхой для государства, интересы котораго онъ отстаивалъ съ безпощадною энергіею. Всѣ вопросы, оставленные ему предшественниками, были разрѣшены однимъ ударомъ. Именно, церковное управленіе сдѣлалось частью государственныхъ учрежденій. Приступая къ такой перемѣнѣ Петръ Великій, конечно, руководствовался примѣромъ протестантскихъ Государствъ, особенно образцомъ шведской духовной коллегіи" (стр. 375). Далѣе Градовскій говоритъ спеціально объ исторіи Синода и его компетенціи, повторяя, безъ критики, общеизвѣстные факты (§ 175—180). Особое вниманіе онъ останавливаетъ на исторіи секуляризаціи церковныхъ имуществъ (стр. 381—385). Эта часть его работы не даетъ никакихъ новыхъ матеріаловъ.

15. Первыя работы по изученію Духовнаго Регламента.

Вл. Алѣевъ. Двухсотлѣтній юбилей Петра Великаго, отпразднованный Россіей въ 1872 г., вызвалъ, между прочимъ, и юбилейную литературу, среди которой нашлось мѣсто и сочиненіямъ, посвященнымъ изученію Духовнаго Регламента. Именно въ 1871 г. въ № 9 „Московскихъ Университетскихъ извѣстій“ появилась статья Вл. Алѣева „О Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго“ (стр. 463—539). Эта статья не имѣетъ никакихъ подраздѣленій на главы. Сначала авторъ констатируетъ производство церковной реформы Петра и опредѣляетъ ея значеніе. „Съ самаго начала XVIII ст.,—говоритъ онъ,—въ судьбахъ Русской Церкви совершается величайшій переворотъ. Представляя до сего времени самостоятельный организмъ, мало зависимый отъ государства, въ своемъ внутреннемъ управленіи, она разомъ теряетъ свое независимое положеніе и изъ Церкви, этого status in statu, превращается въ государственное учрежденіе“ (стр. 463). „Какія же побудительныя причины,—спрашиваетъ себя Вл. Алѣевъ, заставили Петра такъ настойчиво, такое продолжительное время и съ такимъ большимъ трудомъ стремиться къ уничтоженію патріаршества?“ (ib. 464). Отвѣчая на этотъ вопросъ, авторъ сначала излагаетъ „вины“ по первой части Духовнаго Регламента (ib. 464—466), а затѣмъ критикуетъ ихъ (466—470), приходя къ выводу, что причины учрежденія Духовной Коллегіи, выставленныя въ Духовномъ Регламентѣ проникнуты одностороннимъ взглядомъ на патріаршество и имѣютъ своею цѣлью прикрыть другія истинныя причины реформы, а именно—стремленіе Петра къ абсолютизму не только въ дѣлахъ государства, но и въ Церкви, въ которой особа патріарха была для него главнымъ препятствіемъ. Все зависѣло отъ честолюбія Петра, а „благодаря согласію восточныхъ патріарховъ, которое не трудно было получить по возраставшему вліянію Россіи на восточныя дѣла, Петръ Великій придалъ характеръ провомѣрности совершенному имъ въ Русской Церкви перевороту“ (470—472). „Признавая недостаточными выставленные въ Регламентѣ мотивы къ уничтоженію патріаршества и замѣнѣ его коллегіальнымъ управленіемъ“, авторъ находитъ, что „нельзя однако называть патріаршество учрежденіемъ вполнѣ соотвѣтствовавшимъ потребностямъ тогдашней Церкви“ (стр. 472), въ виду очень печальнаго состоянія ея при патріархахъ. Впрочемъ, по мнѣнію Вл. Алѣева, „причину распущенности церковнаго управленія при патріархахъ нельзя приписывать ненормальности самаго института. Корень зла заключался въ обычаѣ избирать на патріаршій престолъ, не болѣе способныхъ по управленію Церковью, а наиболѣе престарѣлыхъ“ (стр. 473). Однимъ словомъ, по мнѣнію автора, можно было съ большой пользой для дѣла, не уничтожая патріаршества, его усовершенствовать Далѣе слѣдуетъ изложеніе „тѣхъ постановленій, которыми преобразователь Россіи думалъ привести въ порядокъ церковный чинъ“ (стр. 474), т. е. изложеніе Духовнаго Регламента въ систематическомъ порядкѣ. Во-первыхъ, излагаются нормы Духовнаго Регламента о составѣ, правахъ и обязанностяхъ „Св. Синода“ [1]) (стр. 474—486). Во-вторыхъ, авторъ кратко опредѣляетъ предѣлы силы и власти Св. Синода и его отношенія къ Сенату. По его мнѣнію Духовная Коллегія не была подчинена Сенату, а уравнена съ нимъ. Здѣсь авторъ приписываетъ Духовной Коллегіи то, что позднѣе относи-

---

[1]) Для автора „Духовная Коллегія“ и „Св. Синодъ“ одно и то же.

лось къ Синоду (стр. 487—488). Въ-третьихъ, излагаются постановленія Духовнаго Регламента относительно правъ и обязанностей епископовъ (488—494), церковнаго причта (494—507), монашества мужского и женскаго (507—517). Въ четвертыхъ, излагаются постановленія Духовнаго Регламента объ училищахъ для ставленниковъ, объ Академіи и Семинаріи (517—532), о духовномъ проповѣдничествѣ (532—535), и о мірянахъ (535—538). Послѣ этого слѣдуетъ „итогъ". „Церковь Русская 16, 17 и 18 ст. находилась въ ненормальномъ состояніи. Чтобы возвеличить, поднять это религіозно-нравственное учрежденіе, преобразователь Россіи предпринялъ рядъ реформъ, начерталъ массу проектовъ, соединилъ ихъ въ одинъ Духовный Регламентъ и пересоздалъ, такимъ образомъ, весь строй церковнаго управленія сверху и до низу. Ломка началась съ учрежденія, которое стояло выше всего въ Церкви, равнялось почти царской власти, именно съ патріаршества: прежде всего Петръ уничтожилъ его и замѣнилъ Св. Синодомъ. Нѣтъ спора, что уничтоженія такой высокой должности требовала централизующая государственная власть, но кажется, что Великій Реформаторъ слишкомъ поторопился уничтоженіемъ ея. Въ лицѣ патріаршества онъ лишилъ свои реформы нравственнаго авторитета и санкціи патріарха. Въ глазахъ народа Синодъ уже не пользовался тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какое масса питала къ патріарху. На Св. Синодъ Петръ Великій перенесъ и всѣ (?) патріаршескія права, за исключеніемъ немногихъ (?), которыя отчислены въ вѣдомство свѣтскихъ властей... Словомъ, кончаетъ Вл. Алѣевъ,—въ Духовномъ Регламентѣ Петръ Великій коснулся всѣхъ членовъ, составляющихъ Церковь Русскую. Всѣ постановленія его имѣютъ большею частью историческую основу и вызваны условіями эпохи; это одинъ изъ обдуманныхъ законовъ. Постановленіямъ Регламента, за немногими исключеніями, подчиняется и настоящее управленіе Церкви, что доказываетъ разумность его. Для своей же эпохи это былъ лучшій и наиболѣе соотвѣтственный потребностямъ времени законъ" (стр. 538—539).

Таково содержаніе этой статьи. Какъ видно изъ изложеннаго, г. Алѣевъ, главнымъ образомъ, пересказываетъ содержаніе постановленій Духовнаго Регламента. Правда, попутно, онъ сопоставляетъ ихъ съ прошлымъ и послѣдующимъ въ узаконеніяхъ и судьбѣ Русской Церкви, но это не было изслѣдованіе источниковъ Духовнаго Регламента въ собственномъ смыслѣ. О томъ, что Духовный Регламентъ можно сблизить съ нормами католическаго и протестантскаго церковнаго права, Вл. Алѣевъ не думалъ. Онъ оцѣнивалъ его съ положительной стороны исключительно съ точки зрѣнія его культурныхъ и просвѣтительныхъ идей и предписаній. Рукописей Духовнаго Регламента авторъ не вспомнилъ. У него нѣтъ также никакихъ изысканій и свѣдѣній объ учрежденіи Духовной Коллегіи.

Работа его, повидимому, осталась почти безъ всякаго вліянія на послѣдующую литературу. Однако подчеркнутыя выше сужденія его о сущности церковной реформы Петра, несомнѣнно, составляли шагъ впередъ. Видно, что въ литературѣ вопроса мало-по-малу проясняется сознаніе того, что съ отмѣной патріаршества, а еще болѣе съ учрежденія Духовной Коллегіи, Русская Церковь утратила свое независимое отъ государства положеніе и превратилась въ государственное учрежденіе со всѣми тяжелыми послѣдствіями этого превращенія. Но и Вл. Алѣева, какъ и другихъ, сильно подкупаетъ успѣхъ церковной реформы въ направленіи цивилизаціи русскаго народа. Онъ видитъ, что Духовный Регламентъ былъ искренно проникнутъ стремленіемъ уничтожить суевѣрія и нравственную отсталость русскихъ и поднять, очистить ихъ вѣру и церковный бытъ. И эту несо-

мнѣнную культурную цѣнность Петровской церковной реформы онъ склоненъ, хотя и не безъ колебанія, приписывать учрежденію Духовной Коллегіи. Отъ этого и получается нѣкоторая двойственность выводовъ нашего автора. Онъ оплакиваетъ патріаршество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и хвалитъ реформу, съ которой неразрывно связана отмѣна патріаршества.

Tondini. Интересъ иностранцевъ къ церковной реформѣ Петра, такъ оживленно проявленный ими въ XVIII в., конечно, не исчезъ и въ XIX-мъ. Этотъ интересъ поддерживался еще и тѣмъ, что, съ одной стороны, англичане, какъ Пальмеръ, и другіе, искали сближенія съ православной Церковью; съ другой стороны, и Римская курія продолжала подымать вопросъ о соединеніи церквей; и, наконецъ, возникновеніе старокатоличества послѣ Ватиканскаго собора 1869—1870 г. также обращало взоры Запада на Востокъ. Церковные вопросы, особенности и преимущества того или другого христіанскаго вѣроисповѣданія, горячо цебатировались въ заграничной и русской литературѣ, примѣромъ чего могутъ служить богословскія сочиненія и письма А. С. Хомякова. По отношенію къ церковной реформѣ Петра полемика сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на вопросѣ о цезаропапизмѣ въ Русской Церкви со времени отмѣны патріаршества. Однако авторы, выступавшіе съ той и съ другой стороны, оперировали большею частью богословскими и вообще отвлеченными аргументами, привлекая тексты и историческія данныя лишь случайно мимоходомъ. Отъ этого полемика не давала реальныхъ плодовъ. Тѣмъ любопытнѣе отмѣтить желаніе одного католика, въ тѣхъ же полемическихъ цѣляхъ, воскресить въ памяти европейскаго общества содержаніе и характеръ главнаго памятника церковной реформы Петра,—Духовнаго Регламента. Именно въ 1874 г., въ Парижѣ вышла книга „Règlement ecclésiastique de Perre le Grand“, заключавшая въ себѣ переводъ Духовнаго Регламента и др. относящихся къ нему документовъ на французскій языкъ съ параллельнымъ латинскимъ текстомъ, и введеніе, объемомъ въ 40 страницъ, имѣвшее своею цѣлью объяснить выходъ въ свѣтъ этого перевода, характеръ русскаго языка при Петрѣ и т. д. Авторомъ этой книги былъ R. P. S. Tondini, Barnabite. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой книгѣ будутъ даны ниже, въ описаніи иностранныхъ переводовъ Духовнаго Регламента. Здѣсь же необходимо отмѣтить, что изданіе Регламента съ критическими замѣчаніями и поясненіями было значительнымъ вкладомъ въ литературу церковной реформы Петра и могло бы замѣтно содѣйствовать критическому изслѣдованію этого памятника, если бы на Tondini было обращено вниманіе русскими историками, которые, само собою разумѣется, были ближе къ архивнымъ источникамъ и лучше могли понимать русскую старину. Между тѣмъ этого не случилось, и слѣдующія работы о Духовномъ Регламентѣ о Tondini не упоминаютъ.

16. Литература восьмидесятыхъ годовъ.

Brückner. Открытіе архивовъ, опубликованіе множества новыхъ историческихъ источниковъ, выходъ въ свѣтъ уже цѣлаго ряда работъ по исторіи Россіи вообще, по исторіи русской литературы и просвѣщенія; наконецъ, изданіе изслѣдованій, посвященныхъ ближайшимъ образомъ церковной реформѣ Петра, какъ-то И. А. Чистовича, Ю. Ѳ. Самарина и др., создали для дальнѣйшихъ трудовъ достаточно благопріятныя условія, чѣмъ и объясняется обиліе книгъ о церковной реформѣ Петра въ восьмидесятыхъ годахъ XIX в. Но прежде, чѣмъ говорить о нихъ, необходимо кратко

упомянуть о вышедшей въ Берлинѣ въ 1880 году книгѣ Дерптскаго профессора Брюкнера—Dr. Alexander Brückner, Peter der Grosse. Въ этомъ сочиненіи, какъ и во всѣхъ почти біографіяхъ Петра, мы встрѣчаемъ и главу „О Церкви“ [1]), находимъ нѣсколько замѣчаній объ учрежденіи Духовной Коллегіи и о Духовномъ Регламентѣ, содержаніе коего вкратцѣ пересказывается. Однако, эти замѣчанія Брюкнера, скомпилированныя почти исключительно изъ сочиненій Соловьева, Чистовича и Пекарскаго, ничего не прибавляли къ сообщаемому послѣдними. Встрѣчаются у Брюкнера и необоснованныя положенія. Такъ онъ говоритъ, что „въ новѣйшее время выяснилось, что Петръ принималъ очень большое участіе въ составленіи Духовнаго Регламента, и, быть можетъ, онъ больше дѣло рукъ царя, чѣмъ произведеніе Ѳеофана Прокоповича“ [2]). Изслѣдованіемъ рукописей сдѣланное въ такой формѣ утвержденіе не подтверждается.

П. Морозовъ. Но первымъ (по времени выхода) изъ спеціальныхъ сочиненій на нашу тему надо назвать сочиненіе П. Морозова, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880. Это сочиненіе литературнаго характера. Оно имѣло своею цѣлью показать мѣсто Ѳеофана Прокоповича и его сочиненій въ ряду русскихъ литературныхъ направленій и памятниковъ до-петровской и петровской эпохи. Поэтому сравнительно оно было довольно богато общими свѣдѣніями объ эпохѣ, которая насъ интересуетъ, о личности, міровоззрѣніи и вкусахъ Ѳеофана, объ обстоятельствахъ и поводахъ составленія имъ своихъ проповѣдей и сочиненій, а также объ отношеніи къ нему его принципіальныхъ и литературныхъ противниковъ. Это сочиненіе служило, да и до сихъ поръ служитъ очень цѣннымъ дополненіемъ къ книгѣ Чистовича и къ сожалѣнію, какъ и послѣдняя, являетси библіографическою рѣдкостью и потому почти не цитируется. Слѣдуетъ особо отмѣтить, что сочиненіе П. Морозова не мало давало для изученія источниковъ и бытовой подкладки Духовнаго Регламента, которому авторъ спеціально посвятилъ VI-ю главу. Однако, авторъ изучалъ Регламентъ исключительно съ историко-литературной точки зрѣнія. „Мы,—говоритъ онъ,—не имѣемъ надобности подробно разсматривать каждый пунктъ Духовнаго Регламента, потому что это уже раньше насъ сдѣлано другими (?), и притомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія; мы обратимъ вниманіе только на тѣ стороны этого произведенія, въ которыхъ отразился характеръ Ѳеофана, какъ писателя и какъ представителя опредѣленнаго направленія, другими словами—мы разсмотримъ Регламентъ, какъ памятникъ литературный“ (стр. 229). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что П. Морозовъ совершенно не видалъ рукописей Духовнаго Регламента и не интересовался ими, вслѣдствіе чего и данные его о немъ, какъ литературномъ произведеніи, были не точны и не достаточны. Исторіи учрежденія Духовной Коллегіи, по понятнымъ причинамъ, П. Морозовъ почти не касался [3]).

Вл. Поповъ. Въ слѣдующемъ году появилась статья Вл. Попова, подъ заглавіемъ: „О Св. Синодѣ и установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I (1721—1725)“. См. Журналъ Мин. Нар. Просв. 1881 г. т. 213, стр. 222—263; т. 114, стр. 1—51, и отдѣльно Спб. 1881. Эта небольшая статья была написана прямо на нашу тему. „Имѣя

---

1) Стр. 527—534.

2) Изданіе П. П. Сойкина, т. II, стр. 225.

3) Упоминаніе о Духовномъ Регламентѣ, изложеніе его содержанія и оцѣнка съ литературной точки зрѣнія встрѣчается еще въ курсахъ и обзорахъ исторіи русской литературы А. Н. Пыпина, И. Я. Порфирьева, Е. В. Пѣтухова, А. Д. Галахова и др. Но для нашей цѣли это не имѣетъ значенія.

въ виду изслѣдовать во всѣхъ подробностяхъ устройство новаго церковнаго правительства въ Россіи въ первые годы его существованія, ограничиваясь концомъ царствованія Петра I, мы изложимъ,—говоритъ авторъ,—этотъ предметъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) изложимъ, въ видѣ вступленія, состояніе церковнаго правительства въ Россіи отъ смерти послѣдняго русскаго патріарха Адріана до учрежденія Синода; 2) изложимъ со всею подробностью обстоятельства, предшествовавшія открытію Св. Синода и покажемъ его составъ, права и обязанности, отношенія и дѣятельность въ царствованіе Петра I, и 3) раскроемъ тѣ учрежденія, оставшіяся отъ патріарха и вновь сформировавшіяся при Синодѣ, при посредствѣ которыхъ онъ, т. е. Св. Синодъ, управлялъ Церковію" (Ж. М. Н. Пр., ч. 213 стр. 222). Дѣйствительно авторъ даетъ намъ три главы. Первая (всего 3 страницы 223—225) вѣрно говоритъ объ упадкѣ престижа церковной власти въ эпоху мѣстоблюстительства, изъ чего В. Поповъ нѣсколько поспѣшно выводитъ: „ясно, что царь имѣлъ въ виду устроить взамѣнъ патріаршества другую форму церковнаго управленія" (стр. 225). Нельзя также согласиться съ утвержденіемъ, что Петръ потому не назначилъ новаго патріарха, что „имѣлъ намѣреніе замѣнить патріаршество въ Россіи другою формою церковнаго управленія" (стр. 223). Вторая глава, о Св. Синодѣ, самая обширная (ч. 213 стр. 226—263; ч. 214 стр. 1—22). Въ началѣ главы авторъ очень кратко говоритъ о происхожденіи Духовнаго Регламента: „Прежде всего Петръ поручилъ Ѳеофану составить уставъ для Коллегіи. Въ 1719 г. Ѳеофанъ составилъ этотъ уставъ и назвалъ его Духовный Регламентъ" (слѣдуетъ ссылка на Чистовича, 70)—стр. 126. Затѣмъ авторъ также кратко говоритъ объ открытіи Духовной Коллегіи. Это объясняется желаніемъ В. Попова разсматривать Св. Синодъ „со стороны юридической", т. е. главное вниманіе обратить на его обязанности, составъ и дѣятельность (стр. 228) Слѣдуя своему намѣренію, авторъ излагаетъ вѣдомство Св. Синода по Регламенту. Св. Синодъ отъ Духовной Коллегіи отъ также не отличаетъ, но совершенно вѣрно замѣчаетъ: „прежде мы покажемъ его обязанности, какъ онѣ начертаны были въ Регламентѣ ранѣе, чѣмъ Св. Синодъ приступилъ къ своей дѣятельности; ибо впослѣдствіи совершились тутъ значительныя перемѣны сравнительно съ тѣмъ, что было начертано въ Регламентѣ (стр. 229). Далѣе, авторъ останавливается на перемѣнѣ титула „Духовная Коллегія" на „Св. Синодъ", и объясняетъ это тѣмъ, „что Синодъ по правамъ своимъ признанъ равнымъ патріаршему достоинству". Юридической сущности этой перемѣны авторъ, однако, не отмѣчаетъ. Далѣе идетъ рѣчь о составѣ, присягѣ, жалованіи членовъ Св. Синода, объ Оберъ-Прокурорѣ, канцеляріи, дѣлопроизводствѣ и власти Св. Синода. Именно авторъ признаетъ у него власти законодательную, административную и судебную. Послѣ этого немного говорится о конференціяхъ Св. Синода съ Сенатомъ, о разъясненіяхъ имъ своей власти и значенія тѣмъ, которые „превратно понимали свои къ нему отношенія" (стр. 261) и о формѣ сношеній. Изъ дѣятельности Синода въ 1721—1725 гг. разсказано о распоряженіяхъ его касательно браковъ, иностранныхъ исповѣданій и патріаршей области (епархіи). Третья глава (ч. 214 стр. 22—51) говоритъ объ установленіяхъ подвѣдомственныхъ Св. Синоду и къ нашей темѣ ближайшаго отношенія не имѣетъ.

Изъ сказаннаго видно, что В. Поповъ, оставивъ почти безъ вниманія фактическую исторію происхожденія Духовнаго Регламента и Духовной Коллегіи, далъ только описаніе Св. Синода, какъ учрежденія, нисколько не вдаваясь въ критику церковной реформы Петра

и не стараясь понять ея существа съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніяхъ церковной и государственной власти въ московскую эпоху и въ новое время. В. Поповъ лишь систематически пересказываетъ документы, почерпаемые имъ исключительно изъ П. С. З.; П. С. П. и О. А. С. С. Изъ пособій онъ цитируетъ лишь 13 сочиненій—Образцова, Востокова, М. Евгенія, М. Филарета, Барсова, Розанова, Горчакова, Чистовича и др.

Ѳ. Жорданія. Въ 1882 г. въ Тифлисѣ вышла работа Ѳ. Жорданіи, „Св. Синодъ при Петрѣ Великомъ въ его отношеніи къ Пр. Сенату" 8°, 191 стр. Какъ видно изъ этого заглавія, сочиненіе Ѳ. Жорданіи должно было близко походить на статью Н. Востокова. Однако оно очень выгодно отличается отъ послѣдней зрѣлостью научной мысли и цѣнностью выводовъ. Къ сожалѣнію и эта книга является библіографической рѣдкостью и ссылки на нее встрѣчаются не часто.

Сочиненіе Ѳ. Жорданіи раздѣляется на введеніе и пять главъ. Во введеніи (стр. 3—6) говорится о томъ, что общій смыслъ Петровскихъ реформъ относительно Церкви заключается въ подчиненіи ея государству. „Церковь, говоритъ авторъ, которая при патріаршескомъ управленіи жила собственною, независимою отъ государства жизнію, эта Церковь съ ея правами и привилегіями, ставившими ее внѣ подчиненности государственной власти, никакъ не поддавалась стремленію Петра создать такую правильную администрацію, которая напоминала бы механизмъ часовъ, она оказывалась непослушнымъ колесомъ, останавливающимъ правильный ходъ всего организма. Поэтому Петръ рѣшился ввести Церковь въ общій порядокъ государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго управленія, какъ одну изъ ея вѣтвей, сдѣлать ее такимъ же послушнымъ колесомъ, каковыми представлялись всѣ государственныя учрежденія, безусловно подчинявшіяся мановенію самодержавной руки. Церковь становилась на ряду съ государственными учрежденіями, а вмѣстѣ съ этимъ она становилась въ общую подсудность государству по всѣмъ своимъ дѣламъ и интересамъ, исключая церковныхъ догматовъ и канионовъ" (стр. 5—6).

Этотъ ясный юридическій взглядъ на сущность церковной реформы Петра, хотя и замѣтна въ немъ нѣкоторая недоговоренность, былъ совершеннно вѣренъ. Беря его въ основу своей работы, Ѳ. Жорданія излагаетъ дальше въ I гл. состояніе Церкви и отношенія ея къ Сенату до 1721 г. (стр. 7—32). Здѣсь подробно излагается упадокъ церковной власти въ эпоху мѣстоблюстительства. Во II гл. (стр. 32—38) кратко говорится объ учрежденіи „Св. Синода" (авторъ тоже не отличаетъ его отъ Духовной Коллегіи), и предметахъ его вѣдомства по Духовному Регламенту, причемъ отмѣчается недостаточность его регламентаціи 1) въ отношеніи вопроса о власти Св. Синода (38—40); 2) въ отношеніи предметовъ его вѣдомства (стр. 40—45) и 3) по вопросу объ отношеніяхъ его къ Сенату (стр. 45—51). Въ III гл. (стр. 51—69) говорится о томъ, какъ опредѣлилось положеніе Св. Синода послѣ Духовнаго Регламента въ законодательствѣ и практикѣ. Авторъ замѣчаетъ при этомъ постепенное уравненіе Св. Синода Сенату, что ранѣе не предусматривалосъ. Чтобы показать, какъ расширилась компетенція Св. Синода и усилилась его власть сравнительно съ компетенціей и властью „Св. Синода" по Регламенту, Ѳ. Жорданія въ IV главѣ (стр. 69—102), разсматриваетъ новые предметы вѣдомства его—вотчины, расколъ и иностранныя исповѣданія. Въ результатѣ авторъ приходитъ къ очень цѣнному выводу, что Св. Синодъ со дня своего открытія сталъ упорно стремиться къ „самоуправленію", но встрѣ-

тилъ препятствія къ тому со стороны государя и Сената (стр. 102—135). Въ V гл. (стр. 135—191), которою и кончается книга, Ѳ. Жорданія констатируетъ очень важное послѣдствіе, явившееся результатомъ неопредѣленности нормъ Духовнаго Регламента и стремленія Св. Синода въ свои первые годы къ усиленію своей власти, а именно—константируетъ возвращеніе къ старому московскому церковно-гражданскому дуализму, сопровождавшемуся взаимнымъ вмѣшательствомъ Церкви и государства въ дѣла другъ-друга (стр. 135—138). Правда, эти мысли требуютъ поправокъ, но то несомнѣнно вѣрно, что успѣхъ домогательствъ Св. Синода и возвращеніе къ этому дуализму знаменовали собою не полный успѣхъ церковной реформы Петра и неожиданное для него возвращеніе къ старинѣ.

Въ дополненіе къ выводамъ Жорданіи можно было бы прибавить, что именно они показывали необходимость юридически строго различать „Духовную Коллегію" и „Св. Синодъ", а также объясняли доселѣ наблюдающееся разногласіе во взглядахъ на сущность и значеніе церковной реформы Петра. Не замѣчая того, что „Духовная Коллегія" очень скоро преобразилась въ „Св. Синодъ", который „оберегая себя отъ всякихъ нападеній санкціею древности и древняго законодательства, стремился по возможности отстаивать древніе порядки, стараясь при этомъ близко держаться этого готоваго идеала, и если въ чемъ уступалъ, то уступалъ только по волѣ Государя" (стр. 137), не замѣчая этого возвращенія Синода къ старинѣ, ученые и публицисты не видѣли, какъ и теперь еще не видятъ, разницы между положеніемъ Церкви до Петра и послѣ Петра и затруднялись, какъ и до сихъ поръ затрудняются, въ оцѣнкѣ его церковной реформы. Если же принять во вниманіе, что Петръ учреждалъ не „Св. Синодъ", а „Духовную Коллегію", юридическая сущность которыхъ вовсе не одинакова, и что „Духовная Коллегія", преобразуясь въ „Св. Синодъ", съ уклономъ къ старинѣ, передала ему и свои свойства государственнаго не самобытнаго учрежденія, то многое неясное стало бы понятнымъ. Однако Жорданія, пошедшій по вѣрному пути, не договорилъ до конца.

Свящ. М. Альбовъ. Въ томъ же 1882 г. вышелъ въ свѣтъ „Краткій курсъ лекцій по церковному праву" священника М. Альбова (СПб. 1882). Въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ онъ говоритъ въ немъ объ учрежденіи Св. Синода. Не сообщая, конечно, ничего фактически новаго, и излагая причины его по Духовному Регламенту, авторъ тѣмъ не менѣе даетъ свою юридическую квалификацію этому событію. „Такъ,—говоритъ онъ,—Петръ Великій руководился, какъ видно, болѣе политическими, чѣмъ церковными соображеніями, при устроеніи сѵнодальнаго управленія въ Россіи. Стараясь ослабить церковную независимость, онъ рѣшился ввести церковь въ общій строй государственной жизни, подчинить ее общей системѣ государственнаго управленія, какъ одну изъ ея вѣтвей, и духовное правительство сдѣлалось коллегіей наряду съ прочими коллегіями. Члены духовной коллегіи становились такими же чиновниками въ своемъ вѣдомствѣ и съ тѣми-же названіями, какъ президенты, вице-президенты и т. д. другихъ коллегій. Вступая въ эту должность, они должны были, кромѣ общей присяги по церковному званію, приносить особую присягу на вѣрность государю по званію членовъ коллегіи. Сама по себѣ сѵнодальная форма церковнаго управленія есть, такъ сказать, логически-обычная форма управленія греко-восточной Церкви; она не ведетъ къ

порабощенію ея. При благопріятныхъ условіяхъ, наприм., при свободномъ избраніи синодальныхъ членовъ самою Церковію на окружныхъ соборахъ [1]), синодальное устройство могло-бы вполнѣ охранить внутреннюю свободу Церкви и ея членовъ. Составленный свободно изъ представителей Церкви, синодъ былъ-бы живымъ и свободнымъ выразителемъ церковныхъ интересовъ. Въ настоящемъ своемъ положеніи, по основнымъ законамъ имперіи, святѣйшій синодъ имѣетъ то же значеніе по отношенію къ государственной власти, что и по духовному регламенту [2]). Какъ при Петрѣ, такъ и теперь Св. Синодъ есть органъ верховной власти по церковнымъ дѣламъ, какъ сенатъ по дѣламъ гражданскимъ. Впрочемъ, несправедливо мнѣніе, будто русскій государь есть глава Церкви во всемъ, національный папа. Въ православной христіанской Церкви, частію которой является русская Церковь, одна только глава — Іисусъ Христосъ; представители же верховной власти Его на землѣ—вселенскіе соборы во имя Его. Императоръ — есть глава Церкви только по внѣшнему управленію, а не по дѣламъ вѣры, и всѣ права его по отношенію къ Церкви выражаютъ собою не больше того, что на западѣ принято называть Jura Majestatica circa sacra[3]).

В. И. Сергѣевичъ. Профессоръ В. И. Сергѣевичъ, въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права, СПб. 1883", не останавливался на исторіи Синода. Однако онъ о немъ упоминалъ, и, что очень характерно, именно при перечисленіи учрежденныхъ Петромъ коллегій. „Вновь учреждены: 1) Адмиралтейская коллегія... 5) Духовная Коллегія, нынѣ Св. Пр. Синодъ (стр. 849). Такъ какъ о Сенатѣ В. И. Сергѣевичъ говоритъ особо (стр. 833—840), а стр. 847—850 посвящаетъ именно коллегіямъ, то очевидно, что Духовную Коллегію онъ относилъ къ числу послѣднихъ и притомъ не только по названію, но по существу и по отношенію къ Сенату.

А. В. Романовичъ-Славатинскій. А. В. Романовичъ-Славатинскій, въ своей „Системѣ государственнаго права въ его историко-догматическомъ развитіи" ч. I, Кіевъ, 1886, вносилъ въ науку слѣдующій матеріалъ. Говоря о правахъ государства по дѣламъ вѣры и Церкви (стр. 161 и сл.), онъ прежде всего излагалъ различныя системы отношеній государства и Церкви и предѣлы вѣротерпимости въ Россіи. Затѣмъ онъ говорилъ: „Отношеніе государства къ Церкви въ Россіи, конечно, не опредѣляется не только системой цезаропапизма, но и системой протестантскаго сумъ-епископата, но тѣмъ не менѣе, начиная съ Петра В., или лучше сказать съ Духовнаго Регламента, старорусская система гармоническаго сочетанія государства и Церкви нарушилась, въ смыслѣ утраты Церковью ея внутренней самодѣятельности и крайняго подчиненія ея бюрократическому элементу"... (стр. 173). Однако, изъ этого „вовсе не слѣдуетъ, чтобы у насъ существовала система цеза-

---

[1]) Соборное управленіе есть самая древняя, каноническая форма церковнаго управленія (37 ап. прав. Ник. 5. Ант. 19. 20. Халк. 19. Трульск. Соб. 8. II. Ник. 6). Московскій соборъ 1667 г. очень настаиваетъ «начастѣ собиратися архіереемъ всего россійскаго государства въ царствующій градъ Москву ради всякихъ добрыхъ совѣтовъ и церковныхъ вещей исправленія». Прекращенію соборной жизни соборъ приписываетъ развитіе раскола и мятежа, „отъ чего многія души погибоша и вмалѣ было не весь народъ прельстили и отъ православія вѣры возвратили ко безмѣстнымъ дѣламъ и еретическимъ мудрованіямъ" (Братск. слов. кн. 2. 1876, стр. 250. 41. Сравн. I полное собр. т. I. № 412, гл. II, ст. 41).

[2]) „Въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Синода, ею учрежденнаго", Ст. 43, осн. зак. Примѣчанія Альбова.

[3]) Стр. 116—118.

ропапизма, подчиняющая церковь государству даже въ догматическомъ и обрядовомъ отношеніи“ (стр. 175). Наименованіе государя въ актѣ о наслѣдіи престола 5 апрѣля 1797 г. „Главою Церкви“, перешедшее и въ Основные законы, Романовичъ-Славатинскій считалъ неудачнымъ и относительнымъ въ своемъ смыслѣ (стр. 175—176) и потому, въ согласіи съ мнѣніемъ М. И. Горчакова, выражалъ даже желаніе объ измѣненіи текста Осн. Законовъ (стр. 176—178).

Н. И. Кедровъ. Книга Н. И. Кедрова, „Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго“, Москва 1886, 8º, 244 стр., очень заманчивая своимъ заглавіемъ, была анахронизмомъ даже для своего времени, и давала гораздо меньше того, что читатель былъ въ правѣ отъ нея ожидать. По словамъ автора, „ближайшая задача, разрѣшеніе которой имѣетъ въ виду настоящее изслѣдованіе, состоитъ именно въ томъ, чтобы разсмотрѣть начертанный въ Духовномъ Регламентѣ планъ устройства Русской Церкви въ связи съ устройствомъ государства, созданнымъ реформами Петра; показать какія начала и формы Регламентъ вносилъ въ церковное устройство подъ вліяніемъ создавшагося тогда государственнаго порядка и въ чемъ онъ отступалъ отъ начала и формъ послѣдняго, сохранялъ ли самобытность строя и жизни Церкви. Но при этомъ мы не входимъ въ подробный анализъ содержанія Духовнаго Регламента, не разсматриваемъ его спеціально, какъ историко-юридическій актъ; мы пользуемся только готовымъ матеріаломъ, заключающимся въ Регламентѣ, и при помощи его въ связи съ другими актами, дополняющими и объясняющими этотъ матеріалъ, пытаемся поставить церковныя преобразованія Петра въ связь съ гражданскими его реформами“ (стр. VI). Такимъ образомъ у Н. И. Кедрова Духовный Регламентъ выполнялъ, въ сущности, служебную роль отправной точки зрѣнія. Главный интересъ автора сосредоточенъ на самыхъ преобразованіяхъ Петра. Поэтому въ его изслѣдованіи содержится пять главъ. I. Очеркъ преобразовательной дѣятельности Петра въ области церковной въ связи съ государственными его реформами до времени учрежденія Синода (стр. 1—42); II. Церковно-административныя реформы Петра центральныя и областныя со времени учрежденія Синода (стр. 43—113); III. Заботы Петра относительно устройства и положенія бѣлаго духовенства (стр. 114—174); IV. Мѣры преобразователя относительно образованія духовенства (стр. 170—213) и V. Заботы правительства преобразовательной эпохи относительно организаціи монашествующаго духовенства (стр. 214—235). Заключеніе (стр. 236—244). Поскольку въ этихъ пяти главахъ содержалась сводка печатнаго матеріала по исторіи Русской Церкви ранняго синодальнаго періода, постольку книга Н. И. Кедрова имѣла, конечно, свою цѣну. Но для нашей темы она была почти безполезна. Правда, въ концѣ I-ой главы авторъ разсказывалъ о томъ, когда и какъ возникла у Петра мысль объ учрежденіи Духовной Коллегіи (стр. 32—33); кому онъ поручилъ писать Духовный Регламентъ (стр. 33—35); какъ фактически возникла Духовная Коллегія (стр. 35—40); давалъ характеристику Духовнаго Регламента и обзоръ его источниковъ (стр. 40—42). Но все это либо было уже извѣстно, либо не могло быть принято наукою, вслѣдствіе совершенно не критическаго наивнаго оптимизма взглядовъ автора. Такъ онъ утверждалъ, что „коллегіальная форма церковнаго управленія признана была Петромъ „лучшимъ способомъ“ въ дѣлѣ „исправленія нестроеній духовнаго чина“, тѣмъ болѣе, что эта форма удовлетворяла и прямымъ каноническимъ требованіямъ относительно устройства церковнаго управленія. Соборная или коллегіальная (?) форма церковнаго управленія и есть,

какъ известно, единственно истинная и законная форма церковнаго управленія, имѣющая свое основаніе въ самомъ Св. Писаніи" (стр. 32). Подчеркнутыя слова показываютъ, что авторъ не имѣлъ никакого понятія о различіи между „соборомъ" и „коллегіей". Для него все, что имѣетъ собирательный видъ, есть уже соборъ. Между тѣмъ дѣло вовсе не такъ просто [1]).

Относительно Духовнаго Регламента у Н. И. Кедрова взгляды были очень поверхностны. Литературный характеръ памятника, котораго въ рукописи онъ, разумѣется, не видѣлъ, Н. И. Кедровъ объяснялъ „живымъ и подвижнымъ умомъ" Ѳеофана, который „не могъ помириться съ тѣсными рамками сухого офиціальнаго законодательнаго предписанія" (стр. 40) [2]). „Сличая Духовный Регламентъ съ другими актами древне-русскаго-церковно-государственнаго законодательства", авторъ находилъ, что въ основаніи его прежде всего лежатъ тѣ общія начала церковнаго управленія, которыя уже опредѣлены уже въ Св. Писаніи, но раскрыты, главнымъ образомъ, въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ Православной вселенской Церкви, и которыя были приняты во всей силѣ и нашею Русковью Церковью и всегда считались у насъ необходимымъ условіемъ истинно-православной церковной жизни" (стр. 41). Въ виду такого взгляда авторъ считалъ источниками Духовнаго Регламента Стоглавъ и дѣянія др. соборовъ, „Номоканонъ и Кормчую книгу" (стр. 41—42). Видя, что Ѳеофанъ часто приводитъ „рядъ цитатъ изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, какъ равно и изъ правилъ отцовъ и учителей Церкви вселенской и даже изъ самаго Св. Писанія" (стр. 41), Н. И. Кедровъ за этими „деревьями" не видѣлъ „лѣса", т. е. тѣхъ идейныхъ источниковъ всего Духовнаго Регламента и особенно первой его части (ея Кедровъ совершенно не касается), которые сообщили произведенію Ѳеофана отпечатокъ философскаго характера въ духѣ школы естественнаго права, совершенно чуждый древней восточной и русской церковности.

Поверхностное отношеніе Н. И. Кедрова къ Духовному Регламенту, имя котораго онъ совершенно напрасно поставилъ въ заголовкѣ своей книги, приводило его, конечно, къ весьма оптимистическому взгляду на всю церковную реформу Петра. Полемизируя въ заключеніи (стр. 236—244) съ тѣми, кто уже видѣлъ въ этой реформѣ подчиненіе Церкви государству, обращеніе ея съ Синодомъ въ государственное учрежденіе, и находилъ, что „церковная реформа Петра Великаго была коренным ъ измѣненіемъ стараго строя церковной жизни" (стр. 239). Н. И. Кедровъ заявлялъ: „Разсматривая церковно-преобразовательную дѣятельность Петра Великаго, мы совсѣмъ не находимъ оправданія указанному взгляду. Глубоко ошибаются тѣ изслѣдователи церковныхъ реформъ Петра, которые видятъ въ этомъ преобразованіи намѣреніе царя подчинить своей власти Церковь въ смыслѣ цезаропапизма и такимъ образомъ утвердить строй церковной жизни на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ на какихъ онъ держался въ до-петровскую эпоху. Ни Духовный Регламентъ, ни какой другой актъ, относящійся до церковно-преобразовательной дѣятельности Петра, не даютъ права къ такому заключенію. Да и вообще въ памятникахъ того времени мы совершенно не находимъ мысли о суприматѣ и верховенствѣ государя въ дѣлахъ Церкви, какъ равно не находимъ мысли о полнотѣ подчиненія самобытности Церкви государству, сдѣлавшему будто-бы, изъ нея государственное учрежденіе „государственную коллегію по

---

1) Ср. ниже гл. VII, комментаріи къ 1 ч. Духовнаго Регламента.
2) Ср. ниже гл. V.

церковнымъ дѣламъ" наряду съ прочими коллегіями. Правда, къ внѣшнему (?) устройству Церкви примѣнены были Петромъ во многомъ формы гражданскаго порядка, тѣмъ не менѣе эти формы не нарушали самобытнаго начала Церкви и въ то же время въ основномъ (устройствѣ центральной и областной или епархіальной церковной администраціи) согласовались съ каноническими формами церковнаго устройства" (стр. 240). Въ словахъ этихъ не замѣтно сколько нибудь серьезнаго проникновенія въ содержаніе и смыслъ Духовнаго Регламента, ни настоящаго знакомства „съ каноническими формами церковнаго устройства", ни просто юридической логики. Отсюда понятенъ смыслъ ироническаго замѣчанія проф. прот. М. И. Горчакова по поводу того, что С. Г. Рункевичъ на стр. 281-й своей книги, о которой будетъ сказано ниже, писалъ: „Въ наукѣ высказана мысль"... и цитировалъ „Н. Кедровъ, Дух. Регл. 61" — „Почему, замѣчаетъ М. И. Горчаковъ, г. Рункевичъ цитируемое сочиненіе г. Кедрова возвелъ въ значеніе „науки" — не объясняется"[1]).

А. А. Голубевъ. Въ отличіе отъ предыдущей, работа А. А. Голубева „Св. Синодъ"[2]) заслуживала полнаго вниманія, потому что она впервые вводила въ научный оборотъ архивный матеріалъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, въ которомъ хранятся, между прочимъ, дѣла Сената по Св. Синоду, содержащія въ себѣ документальныя свѣдѣнія объ учрежденіи Духовной Коллегіи, о разсмотрѣніи и подписаніи Духовнаго Регламента. Однако работа А. А. Голубева, предназначавшаяся къ помѣщенію въ сборникѣ „Внутренній бытъ", посвященномъ, въ сущности, событіямъ 1740—1741 гг., только вкратцѣ касалась вопросовъ нашей темы. Именно на стр. 227—274 были изложены: причины уничтоженія патріаршества и учрежденія соборнаго духовнаго правительства; внѣшняя исторія Духовнаго Регламента; первое засѣданіе Св. Синода; мѣсто его между другими органами управленія; организація синодскаго управленія: конторы, оберъ-прокуроръ; и перемѣны въ Синодѣ до 1740 г.

Для выясненія причинъ уничтоженія патріаршества А. А. Голубевъ не входилъ въ большія изысканія. Онъ пользовался лишь манифестомъ 25 января 1721 г. и I-ой частью Духовнаго Регламента, и видѣлъ эти причины въ исторіи съ Никономъ, а также въ сознаніи Петромъ преимуществъ коллегіальной власти. То и другое „заставили Петра В. установить соборное духовное правительство, или Духовную Коллегію" (стр. 229). При этомъ авторъ совершенно основательно говоритъ: „Какъ созданіе монаршей власти, Духовная Коллегія стала учрежденіемъ государственнымъ, обязаннымъ признавать надъ собой верховную государственную власть, и всецѣло и неукоснительно подчиняться ея волѣ. Вслѣдствіе этого члены Духовной Коллегіи повинны были присягать монарху: „исповѣдую же съ клятвою крайняго судію Духовныя сея Коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго". Слѣдовательно, у Духовной Коллегіи, какъ было у патріарха, произвольныхъ распоряженій по управленію духовными дѣлами быть не могло. Всѣ ея дѣйствія долженствовали быть только выраженіемъ одной монаршей воли и должны были сообразоваться съ ея указаніями и намѣренія" (стр. 229).

---

[1]) Отдѣльный оттискъ изъ „Отчета о XLIII присужденіи наградъ гр. Уварова", СПб 1902, стр. 43—44.

[2]) А. А. Голубевъ, Св. Синодъ. Историческій очеркъ въ изданіи „Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г., по документамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Книга вторая. М. 1886, 8⁰ стр. 227—398.

Исторія составленія, разсмотрѣнія и подписанія Духовнаго Регламента была изложена у А. А. Голубева очень бѣгло, при чемъ онъ напрасно отмѣчалъ будто бы бывшее у Петра желаніе воспользоваться „судомъ и разсмотрѣніемъ опытныхъ въ правленіи лицъ" (стр. 229), а также будто цѣль посылки Регламента въ провинцію могла заключаться въ томъ что „монархъ хотѣлъ, чтобы епархіальныя власти, близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и пополненія къ проекту, какихъ требовали нужды ея" (стр. 230). Ничего подобнаго Петръ, конечно, не желалъ. Коснувшись далѣе состава Духовной Коллегіи, А. А. Голубевъ подробно выяснилъ степень его власти и рядомъ наблюденій и соображеній приходитъ къ тому, что „монархъ проектировалъ учредить для управленія духовными дѣлами не Св. Пр. Синодъ, а просто Духовную Коллегію" (стр. 253), что „въ первое же засѣданіе „духовнаго соборнаго правительства" съ Синодомъ (правильнѣе было бы, именно, сказать—съ Духовной Коллегіей) произошло превращеніе" (стр. 233). Степень власти „Св. Синода" по Регламенту была едва ли высшая чѣмъ власть другихъ коллегій (стр. 252), но „члены Синода хорошо еще помнили значеніе въ государствѣ патріаршей власти, которая ни отъ кого указовъ не получала,—поэтому и въ новомъ государствѣ они стремились сохранить и поддержать старыя традиціи патріаршества, его „честь, и силу, и власть" (стр. 253—254). „И государь, въ силу разныхъ обстоятельствъ, уступилъ докучливымъ просьбамъ Синода—далъ ему равенство съ Сенатомъ и велѣлъ отдавать ему равный „респектъ". Такимъ образомъ—заключалъ авторъ,—равенство Синода съ Сенатомъ было выпрошено у государя и, слѣдовательно, было явленіемъ безпринципнымъ, не такимъ, которое требовалось-бы самой идеей государственности и необходимостью духовнаго дѣла. Оно явилось послѣдствіемъ простой уступки со стороны государя" (стр. 254). Послѣднія страницы I-ой главы его работы говорили о жалованьи членамъ Синода, о сочиненіи его штата, о внутренней организаціи, объ учрежденіяхъ и органахъ при немъ, а также о реформѣ Синода 1726 г. Эти страницы содержали пересказъ документовъ, безъ принципіальнаго ихъ освѣщенія.

Такимъ образомъ работа Голубева вносила въ литературу новыя цѣнныя данныя, примыкая къ книгѣ Жорданіи. Однако, для своего времени, его сужденія были слишкомъ рѣзки, при томъ изложены въ сборникѣ мало обращавшемъ на себя вниманіе. Поэтому они не могли такъ скоро войти въ научный оборотъ.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, въ своемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права", изд. 6, Кіевъ, 1909, посвятилъ Св. Синоду менѣе одной страницы. Онъ писалъ о ней слѣдующее: „Въ 1700 г. умеръ послѣдній патріархъ Адріанъ; высшее управленіе церкви поручено „мѣстоблюстителю патріаршаго престола". Съ установленіемъ Сената въ 1711 г., многія дѣла церковнаго управленія вѣдались Сенатомъ. Въ 1718 г., съ учрежденіемъ коллегій, явилась мысль объ установленіи Духовной Коллегіи, которая и учреждена въ 1721 г., учредительный актъ ея — Духовный Регламентъ. Первоначально эту коллегію, наравнѣ съ другими, Сенатъ хотѣлъ подчинить себѣ. Но Духовная Коллегія, переименованная въ Св. Синодъ, старалась достигнуть (въ своей сферѣ) равнаго положенія съ Сенатомъ, хотя не всегда съ успѣхомъ. Хотя Синодъ сдѣлался постояннымъ помѣстнымъ соборомъ (?) съ значеніемъ прежней патріаршей власти (въ духовномъ отношеніи, но, съ другой стороны, Св. Синодъ при Петрѣ былъ органомъ государственнаго управленія вообще духовными

дѣлами, поэтому ему подчинены были и иновѣрческія церкви (лютеранская — во всѣхъ отношеніяхъ и католическая) и отчасти нехристіанскія исповѣданія" и т. д. (Изд. 2, 1888 г. стр. 235; изд. 6 1909 г. стр. 250—251).

И. С. Бердниковъ. Въ 1888 г. въ Казани выпустилъ первое изданіе своего „Краткаго Курса Церковнаго Права" профессоръ И. С. Бердниковъ. Въ § 20 было сказано нѣсколько словъ о Духовномъ Регламентѣ (стр. 28 съ половины); въ § 100 также нѣсколько словъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи (стр. 157—158); наконецъ, въ § 139 — объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи. Изъ этихъ немногихъ словъ можно было все-таки заключить, что сущность церковной реформы Петра профессоръ Бердниковъ полагалъ лишь въ замѣнѣ единоличнаго управленія Русской Церковью коллегіальнымъ (стр. 157), между тѣмъ „отношеніе между Церковью и государствомъ (въ Россіи) сохраняетъ, говоря вообще, основныя черты древне-русскаго и древне-византійскаго склада" (стр. 231), не смотря на то, что со времени Петра I русское правительство стало знакомиться съ западно-европейскими правительственными порядками и отчасти заводить ихъ у себя дома. Этотъ процессъ заимствованій иностранныхъ законоположеній продолжается у насъ и доселѣ и еще съ большею силою, чѣмъ прежде" (стр. 231).

Во второмъ изданіи перваго выпуска „Курса" проф. Бердникова (Казань 1903), содержащаго въ себѣ исторію источниковъ церковнаго права, мы находимъ уже болѣе пространное изложеніе и характеристику Духовнаго Регламента (стр. 295—308). Но полное свое выраженіе взгляды проф. Бердникова получили лишь во второмъ изданіи второго выпуска его „Курса" (Казань, 1913), въ которомъ онъ касается учрежденія Св. Синода въ двухъ мѣстахъ: въ изложеніи „церковнаго управленія Русской Церкви" (стр. 45) и въ главѣ объ „отношеніяхъ между Церковію и государствомъ въ Россіи" (стр. 867—880). Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ кратко, что „при Петрѣ I патріаршее управленіе Русской Церковью было замѣнено коллегіальнымъ. Поводомъ къ тому было введеніе коллегіальнаго порядка управленія и въ свѣтскихъ установленіяхъ. Но при этомъ у Петра I были особыя политическія соображенія, которыя откровенно были высказаны имъ въ самомъ Духовномъ Регламентѣ"... „Св. Синоду предоставлена та же власть, какая принадлежала патріарху всероссійскому и принадлежитъ другимъ патріархамъ восточнымъ, т. е. высшая законодательная, правительственная и судебная власть въ Русской Церкви" и т. д. (стр. 46; въ I изданіи дословно то же стр. 157—158). Въ другомъ мѣстѣ профессоръ И. С. Бердниковъ подробнѣе останавливался на учрежденіи Духовной Коллегіи и содержаніи Духовнаго Регламента. Здѣсь онъ объяснялъ церковную реформу Петра его увлеченіемъ философской теоріей полновластія государства въ дѣлахъ религіи, господствовавшей въ Западной Европѣ въ началѣ XVIII вѣка. Изложивъ ее вкратцѣ, авторъ въ нѣсколькихъ словахъ разбиралъ содержаніе и характерныя особенности происхожденія Духовнаго Регламента, и отмѣчалъ вынужденность признанія его русскимъ духовенствомъ. Въ заключеніи онъ опредѣлялъ и сущность реформы. Профессоръ И. С. Бердниковъ находилъ, что оправданіе введенія коллегіальнаго управленія вмѣсто единоличнаго, будто бы, управленія патріаршаго, не состоятельно, ибо патріаршее правленіе „представляло собою (тоже) одну изъ формъ правленія синодальнаго" (стр. 872). „Съ другой стороны та форма управленія церковнаго, которую ввелъ Петръ I подъ именемъ управленія соборнаго, совсѣмъ не походитъ на управленіе соборное въ собственномъ, каноническомъ смыслѣ, какъ оно изображается въ правилахъ. Соборное упра-

вленіе предполагаетъ необходимо участіе въ немъ всѣхъ епископовъ помѣстной Церкви на собраніяхъ повременныхъ, участіе тѣхъ же епископовъ поочередное въ Синодахъ и предстоятельство на этихъ общихъ и частныхъ собраніяхъ и синодахъ главы помѣстной Церкви—митрополита или патріарха, управляющаго дѣлами помѣстной Церкви автономно. Коллегіальное же управленіе, введенное Духовнымъ Регламентомъ, по своему характеру, есть управленіе сродное государственному". Ссылаясь на опредѣленіе понятія „коллегіи" въ самомъ Духовномъ Регламентѣ, профессоръ И. С. Бердниковъ заключаетъ: „Ясное дѣло, что никакими натяжками нельзя достигнуть того, чтобы Коллегія выглядѣла каноническимъ церковнымъ соборомъ или Синодомъ. Нужно сказать, что Петръ I въ церковной реформѣ не находилъ нужнымъ считаться со взглядами, желаніями и интересами Церкви, а имѣлъ въ виду исключительно интересы политическіе. Съ этой стороны церковная реформа его была цѣлесообразна, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ временной мѣры. Введеніе коллегіальной формы управленія Русскою Церковью уничтожило двойственность власти и отдало управленіе Русскою Церковью въ полное распоряженіе свѣтской власти, за исключеніемъ только дѣлъ, касающихся вѣры и богослуженія" (стр. 872 — 873).

Такимъ образомъ въ послѣднемъ изданіи 1913 года своего „Курса" проф. Бердниковъ ясно, хотя все еще недостаточно рѣшительно, высказалъ свое отрицательное отношеніе къ церковной реформѣ Петра. Напр., онъ не рѣшился прямо сказать, что Св. Синодъ есть государственное учрежденіе, что Русской Церкви, какъ автономнаго, самостоятельнаго юридическаго института со времени реформы Петра не существуетъ, и что всѣ дѣла, не исключая и дѣлъ вѣры и богослуженія, находятся въ распоряженіи свѣтской власти [1]).

Engelman. Точка зрѣнія профессора Юрьевскаго Университета I. Engelmann'a въ его „Das Staatsrecht des Russischen Reiches" (Freiburg i. B. 1889 aus Marquardsen's Handbuch des Oeffentlichen Rechts), § 46, S. 62—64, ясна съ первыхъ же словъ. Онъ говоритъ: Die Gründe, aus denen Peter der Grosse das Patriarchat abschaffte, sind bekannt: es sollte in Russland nur eine oberste Gewalt geben und auch der blosse Schein einer zweiten vermieden werden; die Verwaltung der Kirche sollte ebenso wie die des Staates im Namen und Auftrage des Kaisers geführt werden. Daher errichtete Peter im Jahre 1721 die Synode als staatliche Behörde welche die geistlichen Angelegenheiten in derselben Weise zu verwalten hatte, wie der Senat die weltlichen... Die Synode gehört zu den höchsten Reichsbehörden und bildet ein einfaches Kollegium, dessen Glieder vom Kaiser ernannt werden und beim Antritt ihres Amtes eidlich zu erklären haben, dass sie den Kaiser als obersten Richter dieses Kollegiums anerkennen [2])...

В. С. Соловьевъ. Къ литературѣ восьмидесятыхъ годовъ относятся и сужденія Владимира Сергѣевича Соловьева (16 января 1853—31 іюля 1900), который на всѣ общественные, государственные и церковные вопросы смотрѣлъ съ точки зрѣнія своего религіозно-философскаго міровоззрѣнія, центральное мѣсто въ которомъ занимала его система свободной теократіи. Съ этой же точки зрѣнія, конечно, онъ смотрѣлъ и на церковную реформу Петра Великаго.

---

[1]) Необходимо помнить, что ни одно опредѣленіе Св. Синода, чего бы оно не касалось, не имѣетъ силы безъ т. наз. „пропуска" Синодальнаго Оберъ-Прокурора (надпись на протоколѣ: „читалъ"; „исполнить". Объ этомъ подробнѣе см. ниже гл. XII)

[2]) Присяга эта отмѣнена Синодомъ въ 1901 г. см. ниже т. II, приложеніе № 5, В.

Хотя среди сочиненій нашего философа, разумѣется, нельзя найти какихъ либо изслѣдованій объ учрежденіи Духовной Коллегіи, тѣмъ не менѣе его отношеніе къ этому событію и его послѣдствіямъ замѣтно уже изъ нѣсколькихъ мимолетныхъ замѣчаній. Такъ, въ статьѣ „О духовной власти въ Россіи" 1881 г. Вл. С. Соловьевъ, между прочимъ, пишетъ: „Если Россія не по имени только, но воистину есть страна христіанская, то въ основѣ ея общественной организаціи и жизни должно лежать нравственное свободное единеніе людей во Христѣ, образующее духовное общество, или Церковь" [1]. Таково принципіальное положеніе. „Было время, — продолжаетъ нѣсколько ниже философъ, — когда духовная власть въ Россіи, хотя и скудная дѣятельными силами, представляла, однако, христіанское начало въ обществѣ и, вѣрная своему призванію, обладала общепризнаннымъ нравственнымъ авторитетомъ. Не соперничая со властью государственной, но и не унижаясь передъ нею, не потворствуя дурнымъ инстинктамъ народа, но и не чуждаясь отъ него, она и въ глазахъ государства, и въ глазахъ народа дѣйствительно занимала должное ей высокое положеніе. Благодаря этому древняя Россія, не смотря на отсутствіе просвѣщенія и дикость нравовъ, обладала зачатками правильныхъ общественныхъ отношеній и здоровой всенародной жизни. Какова бы ни была печальная и мрачная дѣйствительность старой Россіи, народъ не могъ въ ней погрязнуть, пока крѣпка была у него вѣра въ нравственное начало иной жизни и пока были среди него властные люди, служившіе этому нравственному началу и представлявшіе въ глазахъ народа вѣрный, хотя бы и не полный образъ этой истинной жизни. И мірская государственная власть, добровольно признавая высшій, чисто нравственный авторитетъ власти духовной и опираясь на него, сама получала нравственное значеніе и внутреннюю силу" [2]. Разсказавъ затѣмъ о стремленіи русской іерархіи къ господству, особенно выразившемуся въ дѣятельности Никона, Вл. С. Соловьевъ возвращается къ прежней темѣ: „Правильное отношеніе Церкви и государства существовало у насъ нѣкогда въ зачаткѣ. И если это отношеніе нарушено, то вина въ этомъ падаетъ не на государство. Ибо прежде, чѣмъ Петръ Великій подвергъ церковную власть внѣшнему подчиненію государственному, сама эта власть церковная уже допустила въ себѣ противохристіанскій духъ гордости, деспотизма и насилія, и тѣмъ подвергла сомнѣнію свое право на независимое существованіе. И пока іерархія Русской Церкви не отрѣшится отъ этого чуждаго духа и не вернется къ силѣ и разуму истиннаго православнаго христіанства, до тѣхъ поръ не возвратитъ она и своей свободы, и своего значенія" [3].

Такимъ образомъ Вл. С. Соловьевъ правильными считалъ отношенія московскаго времени. Отношенія, наступившія послѣ Петра, съ его точки зрѣнія, заслуживаютъ осужденія [4]. Но, обвиняя въ наступленія этихъ отношеній само духовенство, которое Вл. С. Соловьевъ напрасно отождествлялъ съ Церковью, онъ готовъ былъ оправдать униженіе Церкви, начавшееся съ эпохи Петра. Въ этомъ духѣ онъ опредѣленно высказался въ своей другой статьѣ „Нѣсколько словъ въ защиту Петра Великаго" (1888 г.) [5]. „Безпристрастный и внимательный взглядъ на

---

[1]) Собраніе Сочиненій Вл. С. Соловьева Т. III, стр. 206.

[2]) Ibidem, 208—209. [3]) Ibidem, 219.

[4]) „Сначала, при Никонѣ, она (русская іерархія) тянулась за государственною короною, потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и, наконецъ, принуждена была надѣть государственный мундиръ" (стр. 214).

[5]) Собраніе Сочиненій, т. V, стр. 144–162.

историческія обстоятельства,—говоритъ Вл. С. Соловьевъ,—предшествовавшія учрежденію Синода и сопровождавшія его, не только удержитъ насъ отъ несправедливыхъ укоровъ великой тѣни Преобразователя, но и заставитъ насъ признать въ сказанномъ учрежденіи одно изъ доказательствъ той провиденціальной мудрости, которая никогда не измѣняла Петру Великому въ важныхъ случаяхъ. Упраздненіе патріаршества и установленіе Синода было дѣломъ не только необходимымъ въ данную минуту, но и положительно полезнымъ для будущаго России. Оно было необходимо, потому что нашъ іерархическій абсолютизмъ, искусственно возбужденный юго-западными вліяніями, обнаружилъ вполнѣ ясно свою несостоятельность и въ борьбѣ съ раскольниками и въ жалкомъ противодѣйствіи преобразовательному движенію; патріаршество, послѣ раскола лишенное внутреннихъ основъ крѣпости и оставшееся при однихъ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ, неизбѣжно должно было уступить мѣсто другому учрежденію, болѣе сообразному съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Но эта замѣна, необходимо обусловленная нашею прошедшею исторіей, была прямо полезна для будущей: „добрые и смѣлые офицеры", которымъ было ввѣрено управленіе нашими церковными дѣлами, позволили новой Россіи спокойно пройти школу европейскаго образованія, они удержали въ должныхъ предѣлахъ два односторонніе и крайнія теченія нашей незрѣлой религіозной мысли и охранили наши—„ученическіе годы" отъ подавляющаго вліянія воззрѣній, ярко представленныхъ Стефаномъ Яворскимъ съ одной стороны и Никитою Пустосвятомъ—съ другой. И нельзя не удивляться той строгой правдѣ, съ какою исторія или, лучше сказать, Провидѣніе рѣшило это дѣло. Когда наша церковная власть при послѣднихъ патріархахъ фактически проявила всю крайность іерархическаго абсолютизма (противъ раскола),—она фактически пала и утратила свою самостоятельность; а когда она устами Стефана Яворскаго рѣшилась принципіально оправдать и узаконить этотъ безмѣрный абсолютизмъ,—тогда самостоятельность церковной власти подверглась правомѣрному и законному упраздненію—не только de facto, но и de iure,—ибо сами наши іерархи одни дѣятельнымъ участіемъ (Ѳеофанъ Прокоповичъ), другіе—молчаливымъ согласіемъ оправдали и узаконили дѣло Преобразователя" (стр. 156—157).

Еще рѣзче высказался Вл. Сл. Соловьевъ въ своей статьѣ „Византизмъ и Россія" 1896 года. Заканчивая ее онъ пишетъ: „Черезъ три года послѣ того, какъ русская іерархія на царское требованіе авторитетнаго руководства съумѣла только отвѣтить: „сердце царево въ рукѣ Божіей", рука Божія вложила въ сердце царево мудрое рѣшеніе окончательно отмѣнить патріаршество и учредить Духовную Коллегію или Синодъ для завѣдыванія церковными дѣлами подъ наблюденіемъ и руководствомъ „изъ офицеровъ добраго человѣка, который бы синодское дѣло зналъ и смѣлость имѣлъ". Эта Коллегія получила отъ царя Регламентъ, и ея члены, помимо общей вѣрноподданнической присяги, должны были въ качествѣ церковнаго правительства присягать государю, какъ верховному, или „крайнему" судіи сей Коллегіи.

Включеніе русской Церкви, какъ одного изъ вѣдомствъ, съ центральною Коллегіей во главѣ, въ общій составъ государственнаго управленія на одинаковыхъ началахъ съ другими вѣдомствами, вполнѣ отвѣчало истинному положенію дѣла, и осуждать Петра Великаго за то, что онъ не поддерживалъ искусственно явную фикцію самостоятельной духовной власти, значитъ—осуждать его за то, что онъ не хотѣлъ лгать передъ самимъ собою и передъ исторіей. Воображаютъ, что церковная іерархія

лишилась независимости и авторитета вслѣдствіе учрежденія Синода, тогда какъ совершенно ясно, что Синодъ могъ и долженъ былъ быть учрежденъ вслѣдствіе того, что іерархія уже прежде лишилась самостоятельности и авторитета. Церковное управленіе уже на дѣлѣ превратилось въ отрасль государственнаго прежде, чѣмъ было объявлено въ этомъ качествѣ оффиціально. Это была одна изъ наиболѣе естественныхъ, правдивыхъ, а потому и прочныхъ реформъ Петра Великаго. Почти всѣ основанныя имъ коллегіи исчезли или подверглись кореннымъ перемѣнамъ, одна „Духовная Коллегія", руководимая „знающимъ и смѣлымъ" оберъ-прокуроромъ, вотъ уже почти два вѣка остается во всей своей неприкосновенности,—явное доказательство, что это учрежденіе не было создано личнымъ произволомъ, а вызвано дѣйствительными условіями нашей исторической жизни, сохраняющими до сихъ поръ свою силу. А слѣдуетъ ли признать эти условія нормальными съ высшей точки зрѣнія,—это другой вопросъ. Почувствовать ихъ ненормальность и пострадать отъ нихъ нравственно пришлось самому великому преобразователю въ самую трагическую минуту его жизни,—но измѣнить ихъ было не въ его власти" [1]).

Такимъ образомъ, осуждая въ своемъ праведномъ гнѣвѣ стремленіе русской іерархіи къ господству и власти въ концѣ XVII в. и вмѣстѣ съ тѣмъ утрату ею самою, по собственной винѣ, своего авторитета и руководящаго значенія въ Русскомъ народѣ, нашъ философъ рѣшительно оправдываетъ церковную реформу Петра, находитъ ее цѣлесообразной и полезной по обстоятельствамъ времени. Тѣмъ не менѣе, отказываясь отъ рѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли признать условія нашей исторической жизни нормальными съ высшей точки зрѣнія, Вл. С. Соловьевъ несомнѣнно въ глубинѣ души не сочувствовалъ тому униженію Церкви, которое онъ взялся оправдать. Не будучи юристомъ, онъ не могъ, конечно, подмѣтить, что фактическая зависимость московскихъ патріарховъ отъ государей не имѣетъ ничего общаго съ юридической зависимостью отъ нихъ Духовной Коллегіи, хотя бы и превращенной въ Св. Синодъ, и что поэтому реформа Петра не „только оффиціально объявила то, что было прежде", а внесла въ русскую церковную жизнь начала существенно новыя. И если прежде іерархія утратила свой авторитетъ фактически вслѣдствіе необразованности, косности, приверженности къ обряду и буквѣ и т. д., то послѣ Петра она не въ правѣ имѣть этого авторитета помимо позволенія государственной власти, которая даетъ ей и указанія относительно того направленія, въ которомъ церковная власть обязана пользоваться своимъ духовнымъ авторитетомъ на благо государства [2]).

Не смотря, однако, на изложенное оправданіе церковной реформы Петра, вызванное скорѣе недовольствомъ со стороны Вл. С. Соловьева дѣятельностью нашей іерархіи XVII—XIX вв., чѣмъ критическимъ изученіемъ реформы, въ своей книгѣ „Россія и Вселенская Церковь" (переводъ Г. А. Рачинскаго, Москва 1911 г.), обращенной къ западнымъ, инославнымъ читателямъ, нашъ философъ говоритъ уже совсѣмъ иначе. Здѣсь онъ всецѣло присоединяется къ сужденіямъ и мыслямъ И. С. Аксакова [4]), отмѣченнымъ нами выше, и самъ высказывается такъ: „Въ греко-россійской Церкви нѣтъ истинно духовнаго управленія"

---

[1]) Собр. соч. т. V, стр. 549.

[2]) Стоитъ припомнить оффиціальное запрещеніе духовенству проповѣдывать противъ пьянства, отданное въ срединѣ XIX в. при господствѣ у насъ системы откуповъ.

[4]) Вл. Соловьевъ, Р. и Вс. Ц., стр. 127—141 со ссылкою на Полн. Собр. соч. И. С. Аксакова, т. IV, стр. 119, Ср. Собр. соч. Вл. Соловьева, т. IV, 227.

(стр. 106)... „Оффиціальная Церковь, управляемая гражданскимъ чиновникомъ, есть только государственное учрежденіе, второстепенная отрасль бюрократической администраціи“ (стр. 109), и т. д.

17. Литература девяностыхъ и девятисотыхъ годовъ до 1905 г.

Н. С. Суворовъ. На рубежѣ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ XIX в. появился большой „Курсъ церковнаго права“ профессора Н. С. Суворова (Ярославль, т. I—1889; т. II—1890 г.). Большой знатокъ своей науки, Н. С. Суворовъ выступилъ въ своемъ Курсѣ не только съ тѣми свѣдѣніями о церковной реформѣ Петра, которыя были уже извѣстны (см. т. I, § 44, стр. 147—152, но также съ совершенно новой точкой зрѣнія на ученіе о церковной власти. Именно онъ высказалъ мысль, что высшая церковно-правительственная власть въ православной Церкви, какъ въ Византіи, такъ и въ Россіи искони принадлежитъ Императору въ силу ученія о томъ православной вѣры и церковнаго права (см. т. II, стр. 20—37). Поэтому, хотя существовавшая въ Россіи до XVIII в. византійская система отношеній Церкви и государста и „получила съ этого времени рѣзкій отпечатокъ государственной церковности, т. е. той системы, которая практиковалась въ то время въ государствахъ западной Европы“ (т. II, стр. 492), однако въ этомъ нельзя было бы видѣть какого либо принципіальнаго новшества, противорѣчащаго православной традиціи, „такъ что дѣйствующую нынѣ систему церковно-государственныхъ отношеній можно разсматривать, какъ смѣшанную изъ византійской системы и изъ западной системы государственной церковности“ (т. II, стр. 492).

Въ своихъ основныхъ чертахъ взгляды проф. Н. С. Суворова остались неизмѣнными и въ его „Учебникѣ церковнаго права“ (1-е изд. 1898; 2-е изд. 1902; 3-е—1908; 4-е—1912; 5-е—1913 [1]). Только въ немъ его взгляды получили свою полную законченность, а потому и для насъ удобнѣе изложить ихъ по „Учебнику“ изд. 1912 г., принимая, конечно, во вниманіе, что на детальную обработку этихъ взглядовъ, въ той формѣ какъ они выражены были Н. С. Суворовымъ въ 1912 г., должны были повліять данныя позднѣйшей литературы и полемики, особенно въ Предсоборномъ Присутствіи 1906 г.

Въ „Учебникѣ“ 4-го изд. 1912 г. рѣчь о церковной реформѣ Петра находимъ въ трехъ мѣстахъ: § 37 говоритъ о высшей церковной власти со времени Петра Великаго. Здѣсь разсказаны общеизвѣстныя свѣдѣнія объ учрежденіи Духовной Коллегіи и мотивы его по Духовному Регламенту. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Н. С. Суворовъ указываетъ и болѣе глубокія основы реформы. „Во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ,—говоритъ авторъ,—Петръ исходилъ изъ идеи служенія государству, самое государство понимая въ духѣ естественнаго права и территоріальной теоріи. Не столько, впрочемъ, теоретическія идеи естественнаго права, не оставшіяся совершенно неизвѣстными въ Россіи и находившія даже ревностныхъ послѣдователей, какъ Татищевъ, сколько практическое знакомство съ коллегіальными учрежденіями Швеціи, Даніи, Голландіи и проч., вмѣстѣ съ геніальнымъ прозрѣніемъ въ нужды Россіи и сознаніемъ необходимости удовлетворенія этихъ нуждъ, подвинули Петра на реформированіе и государственной и церковной жизни, въ видахъ служенія государству, ко-

[1]) Ср. во 2-мъ изданіи § 37, 77, 134; стр. 108—112, 228—229, 504.

котораго самъ онъ былъ первымъ слугой. Но,—продолжаетъ Н. С. Суворовъ, —ни Петръ В., ни его преемники не забываютъ и древне русской идеи служенія Церкви и защиты ея, блюстительства вѣры, благочестія и церковнаго порядка, только эта идея въ западно-европейскомъ естественномъ правѣ почерпнула для себя ту энергію, которой ей не доставало въ Московскомъ государствѣ, гдѣ государь дѣйствовалъ болѣе по обязанности, чѣмъ по праву. ...Какъ высшая церковная власть, озабоченная правильнымъ удовлетвореніемъ церковныхъ потребностей и правильнымъ разрѣшеніемъ церковныхъ дѣлъ, императоры настаивали на исполненіи христіанскихъ обязанностей, на соблюденіи благоговѣнія въ церквахъ и т. д., обращались къ Синоду съ повелѣніями, наравнѣ съ другими государственными учрежденіями. Самъ Петръ В. не могъ предвидѣть всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые были сдѣланы послѣ него изъ включенія Синода въ рядъ государственныхъ учрежденій. Онъ смотрѣлъ на Сенатъ и Синодъ, какъ на два параллельныя учрежденія, изъ которыхъ каждое стоитъ на одинаковой высотѣ, одно въ духовныхъ дѣлахъ, другое въ свѣтскихъ, и каждое состоитъ подъ верховною властію монарха и сносится одно съ другимъ вѣдѣніемъ. Эту точку зрѣнія усвоилъ себѣ и Синодъ"... „Съ другой стороны, вліяніе территоріализма выразилось и въ томъ, что Синоду поручены были въ завѣдываніе духовныя дѣла другихъ вѣроисповѣданій" (стр. 102—104) [1]).

Такимъ образомъ проф. Н. С. Суворовъ признавалъ западное вліяніе въ церковной реформѣ Петра, но не хотѣлъ категорически допустить, чтобы Духовная Коллегія была учреждена Петромъ, какъ именно государственное учрежденіе, какъ одна изъ коллегій. Дѣйствительно установившееся въ 1721 г. и позднѣе двоевластіе Сената и Синода, но не равныхъ другъ другу, авторъ считаетъ изначальной идеей Петра, а господство государя въ дѣлахъ церковныхъ выводитъ изъ традиціонной русской идеи служенія Церкви, не проводя принципіальнаго различія между дѣятельностью государя по обязанности (до XVIII в.) и по праву (съ церковной реформы Петра).

Въ такомъ толкованіи Н. С. Суворова несомнѣнно заключался рядъ историческихъ ошибокъ и юридическихъ неточностей, которыя объясняются тѣмъ, что ему принадлежитъ оригинальная теорія о субъектѣ церковной власти въ Россіи (§ 76).

„Верховная самодержавная власть русскаго Императора,—говоритъ авторъ,—содержитъ въ себѣ и государственную и церковную власть. Послѣдняя, осуществляющаяся чрезъ Св. Синодъ, обосновывается не на томъ, что Императоръ, какъ глава государства, имѣетъ власть надъ Церковью, находящеюся въ предѣлахъ государственной территоріи, а на томъ, что онъ лично принадлежитъ и не можетъ не принадлежать къ православной Церкви, и что, въ качествѣ христіанскаго государя, онъ есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія. Блюстительство логически немыслимо безъ принятія мѣръ на пользу правовѣрія и благочинія, т.-е. безъ правительственной власти. Титулъ „блюстителя" не въ Россіи сочиненъ, а перешелъ изъ Византіи. Идея блюстительства выражалась тамъ въ названіи царя „епистимонархомъ" (epistemonarches), т. е. наблюдателемъ за исполненіемъ всѣми церковно-должностными лицами ихъ церковныхъ обязанностей, или „попечителемъ, радѣтелемъ во всемъ и промыслителемъ". Царская церковная власть простирается на то, что въ католическомъ церковномъ правѣ называется protestas jurisdictionis. Въ этой

[1]) Курсъ церковнаго права. Т. I, стр. 147—152. Ярославль 1889. Учебникъ, изд. 2 М. 1902, стр. 108 -112.

области всякія должностныя правомочія духовныхъ лицъ имѣютъ своимъ источникомъ верховную власть" [1]).

Такимъ образомъ идею блюстительства Н. С. Суворовъ считалъ традиціонной византійско-русской. Если это дѣйствительно такъ, то, казалось бы, что и система отношеній Церкви и государства въ Россіи послѣ Петра должна была бы остаться также традиціонной, т. е. основанной на началахъ византинизма. Между тѣмъ авторъ отчетливо различаетъ эти отношенія до Петра (§ 136) и послѣ Петра (§ 137). Сущность перемѣны можно прочесть въ слѣдующихъ его словахъ: „Съ XVIII в. византійская система отношеній между государствомъ и Церковію, несвободная отъ вліянія западныхъ іерократическихъ идей, получила рѣзкій отпечатокъ государственной церковности, т. е. той системы, которая процвѣтала въ то время въ государствахъ западной Европы"... „Петръ, упраздняя государство въ государствѣ и устраняя патріарха, какъ другого самодержца и даже большаго, чѣмъ самъ монархъ, разрѣшилъ эту неясность въ смыслѣ государственной церковности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ XVIII в. идеалъ сліянія русскаго государства съ русскою православною Церковью сталъ менѣе и менѣе достижимымъ".

Если же, такимъ образомъ, измѣнилась система отношеній Церкви и государства до полнаго расхожденія ихъ между собою, то ясно, что положеніе русскаго государя не могло остаться традиціоннымъ, а потому уже a priori для отожествленія „епистимонархіи" московскаго времени и „блюстительства" (Wächteramt) Петровскаго и слѣд. царствованій нѣтъ никакихъ основаній. Кромѣ того и самая теорія „епистимонарха" представляется очень неопредѣленной въ своемъ существѣ [2]), на ней нельзя построить юридическаго господства государя надъ Церковію, а слѣдовательно невозможно выводить изъ нея и ученіе о традиціонности содержанія и государственной и церковной власти въ самодержавной власти русскаго императора. Если и можно обосновать послѣднее положеніе, то лишь на почвѣ системы государственной церковности и питающей ее философіи естественнаго права съ логическими выводами изъ нихъ—теоріей власти Landesherr'a и Wächteramt'a. Ничего подобнаго Россія до Петра не знала.

Н. С. Суворовъ впалъ въ несомнѣнныя логическія противорѣчія самъ съ собой, что объясняется, конечно, тѣмъ, что онъ съ одной стороны не могъ отрицать вліянія на церковную реформу западныхъ протестантскихъ идей, а съ другой—не хотѣлъ самому себѣ и другимъ сознаться въ коренномъ принципіальномъ переломѣ, внесенномъ Петромъ въ русскую церковную жизнь и въ положеніе Церкви въ современномъ русскомъ государствѣ. Такъ онъ говоритъ, далѣе, что „мысль о государѣ, какъ верховномъ правителѣ въ государствѣ и въ Церкви, не вытѣснила идеи государя христіанскаго и православнаго" (стр. 504). Аргументируя эту мысль, Н. С. Суворовъ приводитъ рядъ заботъ русскихъ государей о церковной жизни. Но онъ забываетъ, что эти заботы находятъ себѣ болѣе стройное логическое объясненіе въ томъ, что русское государство съ Петра Великаго прониклось сперва началами полицейскаго государства, а затѣмъ просвѣщеннаго абсолютизма, слѣды которыхъ чувствуются и до сихъ поръ.

П. Громовъ. Появившаяся вскорѣ затѣмъ статья П. Громова,

---

1) Учебникъ, изд. 4, М. 1912, стр. 210-211.

2) Проф. Е. Н. Темниковскій, Положеніе Императора всероссійскаго въ русской православной Церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Ярославль, 1909 (Отд. оттискъ изъ № 1 (3) „Юридическихъ Записокъ", издаваемыхъ Демид. Юрид. Лицеемъ) стр. 1—6, 23—26.

„Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго по церковному управленію въ Россіи", помѣщенная въ журналѣ „Вѣра и Разумъ" за 1890—1891 гг., распадается на три главы: I. Краткій очеркъ отношеній между Церковію и государствомъ въ Россіи до Петра I; II. Отношеніе государства и Церкви въ Россіи при Петрѣ Великомъ; III. Возможность, необходимость и дѣйствительность знакомства главныхъ русскихъ дѣятелей эпохи преобразованій съ воззрѣніями на отношенія между Церковью и государствомъ, выработанными и узаконенными въ западной Европѣ[1]).

Въ I-й гл. авторъ прежде всего опредѣляетъ сущность отношеній Церкви и государства въ мірѣ православномъ съ принципіальной точки зрѣнія и понимаетъ ее такъ: „Какъ Церковь въ своей области, такъ и государство въ своей, другъ отъ друга независимы, хотя и не остаются безъ вліянія другъ на друга" („В. и Р." 1890, № 22, стр. 600). Но такое „равновѣсіе" не всегда было на Руси. Въ началѣ Церковь преобладала. Затѣмъ, когда съ Іоанна III-го Русское государство окрѣпло, оно подчинило себѣ Церковь въ ея внѣшней жизни (ib. 603), но сохранила большія права и привилегіи (ib. 603—614). „Со времени Петра В. начинается новый періодъ отношеній между Церковью и государствомъ въ Россіи, періодъ—говоря принятымъ языкомъ—господства государства надъ Церковію, или точнѣе, преобладанія въ жизни интересовъ перваго надъ интересами послѣдней" (ib. 614). Эта мысль подробно развивается во II главѣ, въ которой, попутно, сообщаются извѣстныя историческія свѣдѣнія объ учрежденіи „Св. Синода", о составленіи Духовнаго Регламента и проч. Оканчивая свою характеристику отношеній церковной и государственной власти, П. Громовъ говоритъ, что „если Петръ иногда, преслѣдуя преимущественно или исключительно интересы государства, дѣйствовалъ въ ущербъ интересовъ Церкви и стѣснялъ ея свободу; то это было лишь временнымъ явленіемъ и зависѣло частію отъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, отъ тѣхъ условій, въ которыя былъ поставленъ онъ въ своей преобразовательной дѣятельности, частію отъ его личныхъ понятій и характера" (ib. 636). Къ этимъ обстоятельствамъ и условіямъ г. Громовъ относитъ: 1) необходимость для Петра сплотить во едино свое государство, не допуская независимости ни для какой изъ его частей, а также стремленіе Петра къ абсолютизму не только въ дѣлахъ государства, но и въ Церкви, и 2) то, что „Петръ В. былъ дѣятель по преимуществу практическій, сферою котораго, притомъ, было государство". „Религія нужна была ему, какъ условіе могущества и благоустройства государства"; „въ представителяхъ религіи онъ видѣлъ только орудіе нравственнаго вліянія на народъ" и т. д. (ib. 637). „Откуда,—спрашиваетъ себя авторъ—происходилъ такой характеръ взглядовъ и дѣятельности великаго преобразователя Россіи?" (ib. 638). Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ третья и послѣдняя глава. Она разъясняетъ, что всему виною было вліяніе западной науки и жизни. („В. и Р." 1891, № 1, стр. 1—5). Здѣсь авторъ прежде всего даетъ характеристику жизни и взглядовъ Ѳеофана Прокоповича, пользуясь его проповѣдями и „Правдой воли монаршей", а также, въ видѣ пособія, сочиненіями Чистовича и Ю. Ѳ. Самарина (ib. стр. 5—18), а затѣмъ—такую же характеристику самого Петра (ib. стр. 18—22). Авторъ приходитъ къ выводу, что „отъ окружающихъ людей русскихъ, бывшихъ за границей и иностранцевъ, во время двукратнаго пушествія по Европѣ, въ бесѣдахъ съ иностранными государями, историками, богословами и политиками, изъ ихъ

[1]) Въ № 2 за 1891 г. журнала „Вѣра и Разумъ" подъ цифрою „IV" несомнѣнно помѣщено продолженіе III-й гл. статьи г. Громова.

ученыхъ трудовъ и, наконецъ, по своему личному характеру, Петръ Великій могъ, долженъ былъ познакомиться и дѣйствительно былъ, очевидно, знакомъ съ жизнію и порядками Запада. Какъ же,—спрашиваетъ П. Громовъ,—повліяло на него это „знакомство?“ (ib. 21—22). На Западѣ въ эпоху Петра существовало уже два исповѣданія—католичество и протестантство. Петръ болѣе симпатизировалъ протестантству, а потому, преобразуя русское церковное управленіе, заимствовалъ его идеи объ отношеніи Церкви и государства. Вслѣдствіе этого Духовная Коллегія явилась „довольно точной копіей съ лютеранскихъ консисторій и синодовъ“ („В. и Р.“, 1891, № 2, стр. 106), а права монарха относительно Церкви опредѣлились частью по епископальной, частью по территоріальной системѣ (ib. 107—109). Въ заключеніе П. Громовъ говоритъ, „что, такъ какъ вся реформа Петра Великаго была произведена имъ въ видахъ только политическихъ; поэтому, если и было что-либо усвоено имъ изъ церковной стороны теоретическихъ воззрѣній, существующихъ на Западѣ въ протестантствѣ, что не мирится съ православіемъ, то какъ неизбѣжная для него ошибка, какъ случайное, временное: многое, что со времени его внесено было въ наши государственные законы, относительно вѣроисповѣданія и Церкви, можетъ быть давно уже, по вѣрному замѣчанію Самарина, совершенно справедливо изъ нихъ вычеркнуто“ (ib. 109—110).

Изъ изложеннаго видно, что авторъ, слѣдуя за Самаринымъ и Горчаковымъ, стоялъ на вѣрномъ пути, отыскивая источникъ многихъ характерныхъ чертъ церковныхъ реформъ Петра на Западѣ, и представляется страннымъ, что его работа, напечатанная въ 1890—1891 гг. осталась безъ вліянія на послѣдующія сочиненія на ту же тему. Однако, П. Громовъ изложилъ свои мысли лишь въ бѣгломъ очеркѣ, безъ необходимой отчетливости. Анализа Духовнаго Регламента со стороны его происхожденія и содержанія нѣтъ и у него; юридическая квалификація отношеній Церкви и государства до Петра и при немъ страдаетъ неточностью, при чемъ замѣтно стремленіе автора по возможности смягчить свои собственные взгляды. Такъ, напр., онъ говоритъ, что „не слѣдуетъ представлять дѣло церковной реформы Петра В. такъ, что государь по ней становился главою Русской Церкви во всемъ, являлся національнымъ папою; всѣ права его въ отношеніи Церкви были лишь правами, по формѣ касающимися собственно внѣшней стороны ея — „iura maiestatica circa sacra“; явленіе вызванное необходимостью времени. Хотя государь и могъ простирать свое вліяніе на внутреннюю жизнь Церкви, однако это было бы уже нѣкоторымъ видомъ злоупотребленія силою съ его стороны: Петръ Великій рѣшительно заявилъ, что онъ „не богословъ и въ дѣла Церкви не вмѣшивается“ (ib. стр. 107—108)[1]. Не смотря, однако, на нѣкоторые недочеты, работа П. Громова заслуживала вниманія, какъ попытка проникнуть во внутреннюю сущность и указать источники церковной реформы Петра Великаго.

В. Г. Пѣвцовъ. Въ 1892 г. вышли лекціи по церковному праву профессора Императорскаго Училища правовѣдѣнія протоіерея В. Г. Пѣвцова („Церковное право“ СПб. 1892). Въ нихъ, на стр. 35—43, подъ общимъ заголовкомъ: „Управленіе Русской Церкви по дѣйствующему праву“ излагался „историческій обзоръ управленія въ Русской Церкви“, „синодальное управленіе“, „права и обязанности членовъ Св. Синода“, „значеніе Св. Синода въ Церкви и въ государствѣ“, „власть Св. Синода“ и т. д. Въ этихъ параграфахъ авторъ не сообщалъ ничего новаго, въ

---

[1]) Ср. ниже послѣднія главы, особенно гл. XIII.

сужденіи же о сущности и значеніи церковной реформы Петра твердо и безъ колебаній стоялъ на оффиціальной точкѣ зрѣнія, отожествляя Синодъ съ помѣстнымъ соборомъ, называя Св. Синодъ правительственнымъ (но не государственнымъ) учрежденіемъ и т. д.

В. М—нъ. Статья „Духовный Регламентъ" г. В. М-нъ въ І-мъ изданіи Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона, дословно перепечатанная во II-мъ изданіи (см. Новый Энциклопедическій словарь т. XVI, стлб. 945—946) съ пропускомъ лишь имени автора и единственной ссылки 1-го изданія на книгу Кедрова, представляла собою лишь очень блѣдный и безсодержательный очеркъ.

Н. М. Коркуновъ. Въ „Русскомъ Государственномъ правѣ" профессора Н. М. Коркунова (1-е изд. Спб. 1893, послѣднія — т. I изд. 8, СПб. 1914; т. II, изд. 7, СПб. 1913), о Св. Синодѣ не было рѣчи.

А. П. Доброклонскій. За то проф. А. П. Доброклонскій въ IV выпускѣ своего „Руководства по Исторіи Русской Церкви" (Синодальный періодъ 1700—1890. Москва, 1893 г.) посвятилъ нѣсколько страницъ (68—80) и учрежденію Св. Синода. Кратко и сухо излагая документы, авторъ не даетъ никакого принципіальнаго освѣщенія церковной реформы Петра. Онъ ничего не усматриваетъ въ томъ, что имя „Духовной Коллегіи" замѣнено было „Св. Синодомъ" (стр. 71). „Такимъ образомъ, — говоритъ онъ, — патріаршее управленіе въ Русской Церкви было замѣнено синодальнымъ"... (стр. 71—72). „Замѣнивъ собою патріарха, Св. Синодъ въ области церковнаго управленія получилъ „честь, силу и власть патріаршую или едва и не большую, понеже соборъ" (стр. 73). Между тѣмъ совершенно обратное было уже доказано Востоковымъ, Жорданіей и Голубевымъ. Какъ и другіе авторы, А. И. Доброклонскій приписываетъ Св. Синоду власть законодательную и административную (стр. 75), между тѣмъ первой онъ никогда не обладалъ и не могъ обладать. Словомъ, эти страницы „Руководства" проф. А. П. Доброклонскаго ничего не вносили для принципіальнаго выясненія сущности и значенія церковной реформы Петра [1])

Н. Ольшевскій. Въ 1894 г. вышла работа студента Императорскаго Университета Св. Владимира Н. Ольшевскаго „Св. Пр. Синодъ при Петрѣ Великомъ", написанная авторомъ на медальную тему, предложенную еще въ 1892 г. (Кіевскія „Университетскія Извѣстія" за 1894 г. и отдѣльно, Кіевъ, 1894, 4⁰ мал. формата 115 стр.). Работа Н. Ольшевскаго представляла собою первый опытъ подробнаго систематическаго изложенія свѣдѣній о Св. Синодѣ при Петрѣ Великомъ, его организаціи и дѣятельности, почерпаемыхъ въ печатныхъ источникахъ — П. С. З. и П. С. П. Какъ таковая, эта работа заслуживала вниманія: она помогала оріентироваться въ матеріалѣ. Но какъ работа начинающаго автора, она не заключала въ себѣ никакого идейнаго освѣщенія церковной реформы Петра и повторяла, порою, только старыя заблужденія.

Н. А. Заозерскій. Въ томъ же 1894 г. вышла книга профессора Н. А. Заозерскаго „О церковной власти" (Сергіевъ-Посадъ, 1894 г.), въ которой онъ говорилъ прежде всего объ „основоположеніяхъ церковной власти", а затѣмъ о „способахъ ея примѣненія". Здѣсь, между прочимъ, содержится описаніе „организаціи окружнаго церковнаго управленія", куда отнесены и „формы церковнаго устройства, образовавшіяся подъ вліяніемъ союза Церкви и государства", а именно „синодально-государ-

[1]) Это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ общей цѣнности „Руководства" А. П. Доброклонскаго, который, къ сожалѣнію, давно уже сталъ библіографической рѣдкостью.

ственная форма въ Византіи и въ Русской Церкви". Въ послѣднемъ, именно, § 9-мъ и находимъ разсужденія автора о Св. Синодѣ въ связи съ исторіей его происхожденія (стр. 315—374).

Свои разсужденія Н. А. Заозерскій начинаетъ съ характеристики религіозныхъ и политическихъ взглядовъ Петра Великаго и особенное вниманіе обращаетъ на его крайнюю вѣротерпимость (стр. 315—328). Авторъ совершенно правильно отмѣчаетъ преобладаніе государственной идеи въ міровоззрѣніи Петра въ противоположность церковно-политическому воззрѣнію Юстиніана. Затѣмъ. проф. Н. А. Заозерскій высказываетъ „какую, — по его мнѣнію, — крайнюю задачу имѣлъ въ виду разрѣшить Петръ, замышляя преобразованіе церковнаго управленія", а именно: „Онъ имѣлъ въ виду достиженіе слѣдующихъ цѣлей: 1) установить ясно и принципіально отношеніе русской іерархіи къ верховной государственной власти: ввести русскихъ іерарховъ въ рядъ своихъ подданныхъ наравнѣ съ государственными служилыми людьми: съ этою цѣлью и послѣдовала прежде всего отмѣна патріаршества, ибо „патріарха народъ мнилъ быть самодержцу равна"; 2) Усилить пастырски-просвѣтительное вліяніе духовенства на простой народъ, и т. д. (стр. 328). „Оставляя пока въ сторонѣ сужденіе о достоинствѣ этихъ цѣлей", авторъ признаетъ, однако, что реформа была нужна, потому что измѣненія въ государственномъ управленіи неизбѣжно требовали соотвѣтствующихъ измѣненій и въ управленіи церковномъ, въ которомъ, кромѣ того, было много нестроенія (328—330). Сущность же церковной реформы Н. А. Заозерскій видитъ „1) въ установленіи постояннаго коллегіальнаго учрежденія — Св. Синода, замѣнявшаго единоличное — патріарха; и 2) — въ сообщеніи этому коллегіальному учрежденію государственнаго характера" (стр. 330).

„1) Замѣна единоличнаго учрежденія коллегіальнымъ, такъ согласовавшимся съ воззрѣніями Петра, — говоритъ Н. А. Заозерскій, находила себѣ опору и въ церковныхъ канонахъ, и въ исторіи церковнаго устройства. Ибо по канонической нормѣ только собору епископовъ принадлежитъ высшая власть церковнаго управленія надъ цѣлою помѣстною церковію"... „И исторически каждый изъ патріарховъ греческой, славянскихъ Церквей и Церкви русской управлялъ... не единолично, а соборомъ, или синодомъ епископовъ, или постояннымъ, засѣдавшимъ въ патріархіи или же нарочитымъ, созывавшимся по особенно важнымъ церковнымъ дѣламъ". „Поэтому, — заключаетъ авторъ, — на замѣну патріаршей формы церковнаго устройства — синодальною, какъ этого желалъ Петръ — слѣдовало бы смотрѣть положительно, какъ на шагъ впередъ въ дѣлахъ улучшенія дотолѣ дѣйствовавшаго порядка управленія, улучшенія, предпринятаго именно въ духѣ церковныхъ каноновъ" (стр. 330—331).

Таковъ тотъ неожиданный выводъ, который дѣлаетъ авторъ, признавъ выше цѣлью Петра лишеніе Церкви ея свободы, а сущность реформы въ созданіи коллегіальнаго учрежденія государственнаго характера.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію „природы" Духовной Коллегіи, Н. А. Заозерскій приводитъ изъ Духовнаго Регламента два его признака: 1) „Сіе наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правительское подъ державнымъ монархомъ есть и отъ монарха уставлено". 2) „Соборное сіе правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставлено есть". „Если бы, — продолжаетъ авторъ, — не было извѣстно, что авторомъ Регламента былъ епископъ Псковскій, и что учрежденіе, въ такихъ чертахъ изображаемое, имѣло замѣнить собою патріарха и освященный соборъ и въ составѣ своемъ долженствовало

имѣть исключительно духовныхъ [1]) лицъ: то никакого сомнѣнія не могло бы возникнуть въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о чисто государственномъ установленіи, но отнюдь не о церковномъ. Установленіе и по названію, и по устройству отнесено въ рядъ коллегій государственныхъ и основано монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ" (стр. 332—333).

Высказывая такое вѣрное пониманіе существа дѣла, Н. А. Заозерскій прибѣгаетъ затѣмъ къ цѣлому ряду оговорокъ, чтобы доказать совсѣмъ обратное своимъ словамъ, а именно, что Духовная Коллегія, переименованная въ Св. Синодъ, была церковнымъ учрежденіемъ, получившимъ лишь привилегіи государственнаго учрежденія. Всѣ отрицательныя данныя Н. А. Заозерскій приписываетъ злому генію Ѳеофана, а Петру—инціативу и честь наименованія Духовной Коллегіи Св. Синодомъ и дарованія (будто бы) послѣднему значенія собора помѣстной Церкви (стр. 333—334).

Далѣе Н. А. Заозерскій сообщаетъ объ „утвержденіи", будто-бы, Духовнаго Регламента всѣми епископами Русской Церкви [2]), о признаніи Св. Синода восточными патріархами и нападаетъ на „западныхъ писателей и русскихъ отщепенцевъ", утверждающихъ, что „установленіемъ Св. Синода русская Церковь совершенно утратила свою самостоятельность и превратилась въ государственное учрежденіе; стала „однимъ изъ вѣдомствъ государственнаго управленія" (стр. 335). Авторъ считаетъ это неправдой, основанной на недоразумѣніи: „Что у Петра В. и Ѳеофана Прокоповича была мысль поставить на мѣсто патріарха и освященнаго собора дѣйствительно государственную коллегію—этого отрицать нельзя и они уже едва (?) не учредили ее: но, выражаясь словами м. Филарета—„Провидѣніе Божіе и церковный духъ превратили ее въ Св. Синодъ". Такова присущая Церкви внутренняя жизненная сила" (стр. 335). Это превращеніе онъ видитъ въ названіи „Св. Синодъ" и въ томъ, что членами Духовной Коллегіи оказались „епископы и пресвитеры церковные". При этомъ Н. А. Заозерскій и не думаетъ вовсе анализировать правовое положеніе Св. Синода и его отношенія къ Верховной власти, такъ какъ такой анализъ съ юридической точки зрѣнія привелъ бы его къ совершенно обратнымъ результатамъ.

Въ заключеніе Н. А. Заозерскій говоритъ: „Итакъ, если Духовный Регламентъ и выражается о Св. Синодѣ [3]), что онъ есть „правительское коллегіумъ", отъ монарха уставленъ, и такимъ образомъ даетъ поводъ называть его государственнымъ учрежденіемъ, то это должно быть признано только неточностью этого учредительнаго акта, но отнюдь не опредѣленіемъ истинной природы и сущности самого Св. Синода, какъ церковно-правительственнаго учрежденія. По своей природѣ и существу онъ былъ и есть освященный и непрерывно дѣйствующій соборъ русскихъ епископовъ, аналогичный синоду Константинопольскаго и прочихъ восточныхъ патріарховъ" (стр. 336).

П. Н. Милюковъ. Единственный пока систематикъ данныхъ по исторіи русской культуры П. Н. Милюковъ, во второй части своихъ „Очерковъ по исторіи русской культуры" (1-е изд. СПб. 1895—1896

[1]) Проф. Н. А. Заозерскій не зналъ о томъ, что Ѳеофанъ проектировалъ участіе въ Духовной Коллегіи и мірянъ.

[2]) Выше стр. 332 онъ же самъ признаетъ разсмотрѣніе Духовнаго Регламента духовенствомъ, бывшимъ въ С.-Петербургѣ, вынужденнымъ, лишеннымъ свободы выраженія мнѣній.

[3]) Какъ извѣстно, въ Регламентѣ „о Св. Синодѣ" нѣтъ ни слова.

въ журналѣ „Міръ Божій“ и отдѣльно, 3-е изд. СПб. 1912) не прошелъ мимо церковной реформы Петра и ея сущности. Исходнымъ моментомъ ея П. Н. Милюковъ считаетъ образованіе русскаго раскола старообрядчества, когда эти, повидимому, ревнители старины, а на самомъ дѣлѣ новые искатели живой религіозной вѣры, вышли изъ состава Церкви. Оставшіеся были слишкомъ индифферентны, чтобы въ чемъ либо проявлять самодѣятельность, а потому прежде всего упали приходскіе выборы, стала развиваться наслѣдственность приходскихъ мѣстъ, и обращеніе духовенства въ замкнутое сословіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформа Никона открыла, что національно-религіозная самобытность Русской Церкви, сложившаяся въ XVI в., была уклоненіемъ ея съ прямого пути. Происшедшій расколъ ослабилъ іерархію въ то время, какъ свѣтская власть достигла высшаго развитія своей силы и стала подчинять себѣ іерархію. Государственныя начала и ихъ первенствующая роль сказывались еще въ XVII в., не смотря на дѣятельность патріарховъ Филарета Никитича и Никона, изъ коихъ послѣдній прямо проводилъ теорію папизма. Но при Петрѣ, который былъ яркимъ выразителемъ государственной идеи, борьба скоро привела къ развязкѣ. Духовенство было въ оппозиціи петровскимъ реформамъ, поэтому Петръ сначала замѣнилъ неугодныхъ ему людей новыми, а затѣмъ „началъ штурмъ главной позиціи“. „Съ перемѣной настроенія паствы и состава пастырей было уже легко провести въ область церковнаго устройства государственную идею. Устами своего союзника Ѳеофана, преобразователь настойчиво старался втолковать Россіи, что духовный чинъ не есть иное государство“, что онъ долженъ наравнѣ съ другими подчиниться общимъ государственнымъ учрежденіямъ“ (стр. 157—158). Такимъ правительственнымъ учрежденіемъ—говоритъ П. Н. Милюковъ, ссылаясь на „Руководство“ П. В. Знаменскаго,—и былъ Св. Синодъ. „Главное побужденіе, руководившее Петромъ въ этой крупной реформѣ“ (стр. 158), авторъ „Очерковъ“ видитъ въ словахъ Духовнаго Регламента объ опасности мятежей и смущенія отъ единоличной власти патріарха. „Итакъ,—заключаетъ П. Н. Милюковъ,—для того, чтобы высшая духовная власть не могла сдѣлаться органомъ противоправительственныхъ тенденцій, Петръ счелъ необходимымъ превратить ее въ государственное учрежденіе, установленное монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ“ (стр. 158). Оцѣнивая происшедшее, авторъ не видитъ въ немъ ничего чрезвычайнаго, ибо по свойству своему православная Церковь, будто-бы, легко подчиняется всякой системѣ національнаго устройства ея управленія, въ противоположность Церкви западной. „Всемірно въ Церкви для православнаго всегда было только ея общеобязательное духовное содержаніе, только ученіе семи соборовъ. Власть же, временные хранители этого содержанія, могла принять какую угодно національную, мѣстную и временную организацію“ (стр. 161). Говоря это, хотя и ссылаясь на Ю. Ѳ. Самарина и др., П. Н. Милюковъ, конечно, упускаетъ изъ виду вліяніе власти на церковное ученіе и бытъ. Такъ объясняетъ себѣ авторъ превращеніе „Духовной власти“ въ „синодальную команду“ со всѣми послѣдствіями этого превращенія.

Н. Травчатовъ. Статья Н. Травчатова подъ заглавіемъ „Прекращеніе патріаршества въ Россіи“ (по поводу 175-лѣтія существованія Св. Синода 1721—1896)“ напечатана въ журналѣ „Странникъ“ за 1897 г. т. I, стр. 423—437; 587—601; т. II, 44—56; 461—485; т. III, 48—62. Послѣдовательность разсужденій автора можетъ быть изображена такимъ образомъ. Сперва Н. Травчатовъ выясняетъ мотивы уничтоженія патріаршества, пользуясь данными Духовнаго Регламента и

манифеста 25 января 1721 г. (т. I, стр. 423—431), и критикуетъ „вины" Регламента. Затѣмъ авторъ дѣлаетъ характеристику Петра, который, по его мнѣнію, болѣе всего стремился къ абсолютизму (ib., стр. 431—433), который не могъ быть послѣдовательно проведенъ при наличности высокой власти патріарха тѣмъ болѣе, что на соборѣ 1667 г. Церковь была признана независимой отъ государства [1]) (ib. стр. 433—437). Изложивъ, далѣе, насколько независимыми чертами отличалась дѣятельность патріарха Іоакима и какъ раздражала она Петра (ib. стр. 587—601), Н. Травчатовъ заключаетъ, что „замѣна (патріаршаго управленія въ русской Церкви коллегіальнымъ [2]) произошла не столько по требованіямъ лучшаго и совершеннѣйшаго порядка въ церковной администраціи, выходящимъ изъ сознанія недостатковъ церковной жизни, сколько по соображеніямъ государственнаго характера, именно по желанію преобразователя удовлетворить своимъ цѣлямъ неограниченной власти въ государствѣ" (т. I, 601) [3]). Послѣ этого авторъ излагаетъ событія смерти патріарха Адріана и назначенія мѣстоблюстителя и, анализируя ихъ, приходитъ къ той мысли, что мысль объ уничтоженіи патріаршества была у Петра съ самаго начала XVIII ст. (II, стр. 44—56). Далѣе онъ характеризуетъ современное Петру духовенство и отношеніе къ нему царя, нарочито останавливаясь на жизни и дѣятельности Стефана Яворскаго (т. II, 461—480). Авторъ думаетъ, что проявленное уже духовенствомъ недовольство реформами первыхъ лѣтъ XVIII ст., а въ частности, извѣстная энергія въ допущенной Стефаномъ критикѣ личности и мѣропріятій царя, заставила, наконецъ, послѣдняго подумать не только о фактическомъ устраненіи патріаршей власти, но и о юридической формальной ея отмѣнѣ (стр. 479). Тогда надлежало подумать о томъ, чѣмъ замѣнить патріарха. Слѣдуя за другими, главнымъ образомъ за статьею Громова, авторъ полагаетъ, что свой образецъ Петръ взялъ на западѣ и, въ частности, остановился на коллегіальной формѣ правленія (стр. 479—480). Мысль объ учрежденіи Духовной Коллегіи, по мнѣнію Н. Травчатова, явилась у Петра въ 1714 г., когда по словамъ Голикова [4]), „государь, видя что народъ, дворянство и самыя знатныя особы все еще съ нѣкоторою нетерпѣливостію ожидали посвященія новаго патріарха, рѣшился открыто объявить, что желаніе ихъ напрасно, и что онъ намѣренъ, оставляя за собой верховное управленіе церковными дѣлами, учредить духовное собраніе, чтобы принимать ихъ совѣтъ въ дѣлахъ, касающихся Церкви (т. II, стр. 485). Дѣло царевича Алексѣя Петровича и царицы Евдокіи Ѳеодоровны Лопухиной заставило Петра поспѣшить съ учрежденіемъ Духовной Коллегіи, въ чемъ помощникомъ его явился Ѳеофанъ Прокоповичъ (т. III, стр. 48—50). Далѣе излагаются уже извѣстныя свѣдѣнія о составленіи Духовнаго Регламента и учрежденіи Духовной Коллегіи, а также о собираніи подписей русскаго духовенства и перепискѣ съ патріархами относительно признанія Св. Синода (т. III, стр. 51—61). Послѣ этого слѣдуетъ заключеніе автора, которое значительно обезцѣниваетъ его недурно составленную статью. „Такъ,—говоритъ онъ,—умалявшаяся постепенно съ 1700 г. въ своихъ правахъ и преимуществахъ, нажитыхъ предшествующею исторіею,

---

[1]) Въ изложеніи этого дѣянія собора 1667 г. авторъ слѣдуетъ за статьею Н. Ѳ. Каптерева „Сужденіе большого Московскаго собора 1667 г. о власти царской и патріаршей". Богосл. Вѣстн., іюль, августъ и октябрь 1892 года.

[2]) Слѣдовало бы просто сказать: отмѣна патріаршества, ибо оно могло быть замѣнено и не коллегіей.

[3]) Какъ видно, вопреки принятому въ наукѣ Русской Исторіи убѣжденію, что реформы Петра не принадлежатъ всецѣло его личности, Н. Травчатовъ церковную реформу ставитъ вполнѣ въ зависимость отъ царя.

[4]) „Дѣянія". М. 1838 г. т. I, стр. 277—289.—Ю. Ѳ. Самаринъ, т. V, стр. 282.

патріаршая власть въ русской Церкви 14 февраля 1721 г. окончательно уступила, по волѣ Преобразователя Россіи, свое главенствующее мѣсто Св. Пр. Синоду, установленному также отъ собора русскихъ епископовъ, равно какъ и епископовъ восточной греческой Церкви, который по своей внутренней, истинной природѣ явился продолженіемъ священнаго, непрерывно дѣйствующаго собора русскихъ епископовъ, а съ внѣшней стороны—подчиненнымъ монарху государственнымъ учрежденіемъ равнымъ Прав. Сенату. Несмотря, однако, на всѣ усилія Петра придать отмѣнѣ патріаршества вполнѣ законную форму и поставить созданное имъ новое учрежденіе на подобающую высоту, приличествующую ему, какъ высшему органу, простирающему свою власть на всю русскую Церковь, и носителю въ между—церковныхъ отношеніяхъ равнопатріаршескихъ правъ, преданіе о патріаршествѣ, послѣ учрежденія Синода, долгое еще время жило полною жизнію, и патріаршая форма правленія не переставала быть предметомъ пожеланій многихъ русскихъ людей какъ изъ среды духовенства, такъ и православнаго народа, и не только въ прошломъ, но и въ настоящемъ столѣтіи" (стр. 61—62).

Такимъ образомъ оцѣнка учрежденія Св. Синода страдаетъ у автора противорѣчіями, которыя были вызваны, конечно, тѣмъ, что Н. Травчатовъ, довольно удачно, хотя и далеко не всесторонне, изложившій причины прекращенія патріаршества въ Россіи, совершенно не изслѣдовалъ вопроса объ учрежденіи Духовной Коллегіи, удовлетворившись лишь пересказомъ чужихъ свѣдѣній и ошибокъ.

В. В. Ивановскій. Профессоръ В. В. Ивановскій, въ сочиненіи „Русское государственное право" (т. I, ч. 1. Казань 1896 г.) говорилъ о Св. Синодѣ непосредственно послѣ гл. IV-ой о Сенатѣ. Въ §§ 51—53 онъ излагалъ исторію высшаго церковнаго управленія въ Россіи до учрежденія Синода, самое учрежденіе и организацію его при Петрѣ и современное устройство. Не внося ничего новаго въ изслѣдованіе вопроса, авторъ воздерживался также и отъ сужденій по поводу церковной реформы Петра, отмѣчая лишь неопредѣленность юридическаго положенія Св. Синода въ то время и теперь (см. 259—276). Пособіями проф. В. В. Ивановскому служили работы Образцова, Востокова, Попова и Полное Собраніе Законовъ.

Въ „Учебникѣ государственнаго права" того же профессора В. В. Ивановскаго (изд. 3, Казань 1910 г.) на нашу тему не находимъ ничего.

А. С. Алексѣевъ. Внимательно составленный, хотя и краткій очеркъ исторіи учрежденія Св. Синода, его компетенціи и организаціи,[1] находимъ въ „Русскомъ государственномъ правѣ" профессора А. С. Алексѣева (изд. 4, Москва 1897 г. стр. 412—416). Взглядъ автора виденъ изъ слѣдующихъ словъ: „Петръ упразднилъ самое патріаршество и учрежденіемъ Св. Синода, органа совершенно зависимаго отъ свѣтской власти, ввелъ церковное управленіе въ област государственнаго управленія, а Церковь, какъ внѣшнее учрежденіе, низвелъ на степень силы, находящейся въ служебномъ отношеніи къ государству" (стр. 413).

В. Н. Латкинъ. Въ своемъ „Учебникѣ исторіи русскаго пра-

[1] Очеркъ составленъ по работамъ Востокова, Чистовича, Знаменскаго, Бердникова и Градовскаго.

ва періода имперіи (XVIII—XIX ст.)[1] профессоръ В. Н. Латкинъ излагаетъ мотивы учрежденія Петромъ Св. Синода по Духовному Регламенту, видя ихъ въ томъ, что Петръ преобразуя государство и ставя очень высоко абсолютную власть государя, не хотѣлъ терпѣть противодѣйствія себѣ со стороны патріарха и замѣнилъ его Духовной Коллегіей, считая коллегіальную форму управленія лучшей во всѣхъ отношеніяхъ. Поводомъ къ учрежденію Синода послужила смерть патріарха Адріана. Петръ назначилъ мѣстоблюстителя, который и „долженъ былъ управлять церковными дѣлами совмѣстно съ освященнымъ соборомъ". Но „этотъ соборъ,—говоритъ В. Н. Латкинъ,—отличался отъ московскаго церковнаго собора: 1) тѣмъ, что засѣдалъ постоянно, и 2) тѣмъ, что состоялъ изъ очередныхъ высшихъ чиновъ духовенства, а не изъ всѣхъ, какъ въ Москвѣ. Иначе говоря, названный соборъ являлся ничѣмъ инымъ, какъ прообразомъ Синода, составляя промежуточное звено между послѣднимъ и древне-русскимъ церковнымъ соборомъ. Такъ продолжалось до 1721 г., когда былъ изданъ Духовный Регламентъ, учредившій Духовную Коллегію" (341—342). Остановившись затѣмъ на изложеніи организаціи Синода, его дѣлопроизводствѣ и компетенціи, В. Н. Латкинъ подчеркиваетъ крайнюю неопредѣленность юридическаго положенія Св. Синода среди другихъ центральныхъ учрежденій эпохи Петра, особенно по отношенію къ Синоду и коллегіямъ и въ этой неопредѣленности видитъ причину позднѣйшихъ его униженій (стр. 342—350).

Въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго права, читанныхъ проф. В. Н. Латкинымъ въ И. Училищѣ Правовѣдѣнія" и изданныхъ въ С.-Петербургѣ „на правахъ рукописи" въ 1912 г. находимъ дословно тѣ же сужденія автора.

С. Ѳ. Платоновъ. Въ „Лекціяхъ по русской исторіи"[2] профессоръ С. Ѳ. Платоновъ касается также и мѣръ Петра Великаго относительно церковнаго управленія (стр. (524—531) съ точки зрѣнія отношеній Церкви и государства. Между прочимъ С. Ѳ. Платоновъ вноситъ различіе въ сужденіе о положеніи вновь учрежденнаго Св. Синода въ сферѣ Церкви и сферѣ государства. Онъ находитъ, что „всѣ сферы вѣдѣнія и вся полнота церковной власти патріарха присущи Синоду"... „въ церковныхъ дѣлахъ Синодъ вполнѣ замѣнилъ патріарха" (стр. 528). „Но въ сферѣ государственнаго управленія Синодъ не вполнѣ наслѣдовалъ патріаршій авторитетъ", при чемъ самъ С. Ѳ. Платоновъ не рѣшается опредѣленно высказаться за то, былъ ли Синодъ равенъ Сенату или ниже его.

Оцѣнивая церковную реформу Петра въ цѣломъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ говоритъ: „Такъ учрежденіемъ Синода Петръ вышелъ изъ того затрудненія, въ какомъ стоялъ много лѣтъ. Его церковно-административная реформа сохранила въ русской Церкви авторитетную власть, но лишила эту власть того политическаго вліянія, съ какимъ могли дѣйствовать патріархи. Вопросъ объ отношеніи Церкви и государства былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго и восточные іерархи признали вполнѣ законною смѣну патріарха Синодомъ. Но эти же восточные греческіе іерархи при царѣ Алексѣѣ уже рѣшили въ принципѣ тотъ же вопросъ и въ томъ же направленіи. Поэтому церковныя преобразованія Петра, являясь рѣзкою новинкой по своей формѣ, были построены на старомъ принципѣ, зав-

---

[1]) I-е изд. СПб. 1899, стр. 289—298. Дословно то же во 2-мъ изд. СПб. 1909 стр. 339—350.

[2]) I-е изд. СПб. 1899 вып. III, стр. 82—88. 8 изданіе СПб. 1913, стр. 524—531 Цитируемъ по 8-му изданію.

щанномъ Петру Московской Русью. И здѣсь, какъ въ другихъ реформахъ Петра, мы встрѣчаемся съ непрерывностью историческихъ традицій" (стр. 529).

Нѣсколько словъ посвящаетъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ церковной реформѣ Петра и въ своемъ „Учебникѣ Русской Исторіи для средней школы". Изд. 5, Спб. 1914, стр. 298—300, въ оцѣнкѣ ея не уклоняясь отъ своихъ „Лекцій"[1]).

Ѳ. В. Благовидовъ. Близкое отношеніе къ литературѣ по исторіи Св. Синода имѣетъ сочиненіе Ѳ. В. Благовидова, „Оберъ-Прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой четверти XIX ст. (Отношеніе оберъ-прокуроровъ къ Св. Синоду). 1-е изд. Казань 1899 г.[2]); изд. 2-е Казань 1900[3]). Однако, это сочиненіе не содержитъ въ себѣ никакого изслѣдованія по интересующему насъ вопросу объ учрежденіи Духовной Коллегіи и о Духовномъ Регламентѣ. Слѣдуетъ отмѣтить только, что въ своемъ „введеніи", касаясь церковной реформы Петра Великаго, авторъ высказываетъ взгляды, позволяющіе причислить его къ тѣмъ, кто сущность этой реформы понимаетъ въ подчиненіи Церкви государству, а Св. Синодъ считаетъ организованнымъ „по типу различныхъ государственныхъ учрежденій" (стр. 15, 2-го изд.).

Отзывы о сочиненіи Ѳ. В. Благовидова профессоровъ И. С. Бердникова и С. А. Предтеченскаго были напечатаны въ „Православномъ Собесѣдникѣ" за 1904 г. февраль, Приложенія, стр. 1—42. Здѣсь, между прочимъ, И. С. Бердниковъ оспариваетъ взглядъ Ѳ. В. Благовидова, что отмѣна патріаршества и замѣна его коллегіей вытекала естественно изъ историческаго хода вещей въ русской исторіи" (Отзывъ, стр. 5).

И. К. Зинченко. Совершенно особую серію сочиненій вызвала появившаяся въ 1891 г. анонимная статья „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи", принадлежавшая перу бывшаго управляющаго контролемъ Св. Синода Игнатія Климентьевича Зинченко Объ обстоятельствахъ происхожденія этой статьи мы узнаемъ изъ приводимыхъ ниже словъ проф. прот. М. И. Горчакова.

Эта статья, помѣщенная въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за 1891 г. апрѣль, стр. 4—42, распадается на шесть отдѣловъ, не имѣющихъ особыхъ заглавій. Первый изъ нихъ открывается слѣдующимъ основнымъ положеніемъ: „Перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей: Петръ I только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то,

---

1) Слѣдуетъ отмѣтить, что „Исторія Россіи" Д. И. Иловайскаго, т. I—V Москва 1876—1905 доведена авторомъ лишь до конца XVII в., поэтому о церковной реформѣ Петра въ ней ничего нѣтъ. Что же касается В. О. Ключевскаго, то ни въ „Краткомъ пособіи по Русской Исторіи", (М. 1900, изд. 2), доведенномъ до 1874 г., ни въ его „Курсѣ Русской Исторіи" ч. 1—4, М. 1904—1910, доведенномъ до 1762 г., онъ намѣренно „не коснулся ни мѣръ по общественному благоустройству и народному образованію, ни перемѣнъ въ понятіяхъ и нравахъ, вообще въ духовной жизни народа" (ч. IV, стр. 264, М. 1910) въ эпоху Петра В., въ томъ числѣ и церковной реформы Петра.

2) Первоначально было напечатано въ „Православномъ Собесѣдникѣ" за 1897 г. октябрь и слѣд. мѣсяцы.

3) См. еще Ѳ. В. Благовидова, Личность Петра I въ исторической литературѣ. Истор. Вѣстникъ, 1894, ноябрь; его-же, Характеръ преобразовательной дѣятельности Петра I, Ист. Вѣстн. 1895, т. 61, іюль; и его-же, Къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ. Прав. Собес. 1895 май — октябрь.

что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній; геніальный государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи" (стр. 4). Доказывая это положеніе, авторъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что патріархи, возвеличенные честію, по силѣ и обширности власти своей спустились ниже митрополитовъ. „Для того, чтобы Всероссійскому патріарху сравняться съ патріархомъ Константинопольскимъ, не по чести только, потребовалось бы учредить и подъ нашимъ патріархомъ іерархическое устройство по греческому образцу" (стр. 4), что было неудобно по мѣстнымъ условіямъ, почему три попытки „водворить въ Россіи византійскую законченность высшаго церковнаго управленія" — оказались неуспѣшными (стр. 5). Первая попытка современна самому учрежденію патіаршества въ 1589 г.; вторая — принадлежитъ греческимъ патріархамъ на соборѣ 1667 г.; третья царю Θеодору Алексѣевичу на соборѣ 1681 г. И всѣ три раза сами іерархи противились возвеличенію власти патріарха, съ подчиненіемъ ему митрополитовъ, а этимъ послѣднимъ епископовъ. Поэтому „справедливѣе будетъ видѣть въ такомъ противленіи доблесть этихъ іерарховъ, дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ Церкви, по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно восприяты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ, царями" (стр. 7). „Такимъ образомъ, — говоритъ авторъ, — митрополиты и архіепископы еще до воцаренія Петра Великаго сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ Регламентѣ только далъ определенную, законную и вслѣдствіи этого обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно-спокойно, что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ „разгласію, распрямъ и высости", среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго Регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I-мъ, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло" (стр. 8).

Во II отдѣлѣ своей статьи, авторъ ставитъ вопросъ: „какой же образецъ имѣлъ предъ собою Петръ Великій, когда предпринялъ создать новое „положеніе" не только для высшаго въ Россіи церковнаго управленія, но и для каждой россійской епархіи?" (стр. 8—9) [1]. Авторъ отвѣчаетъ: „Хотя авторъ Духовнаго Регламента и не договариваетъ, — что, можетъ быть, не требовалось порядкомъ и цѣлью изложенія — до конца своей мысли; однако, его идеалъ церковнаго устройства видѣнъ. Это идеалъ первенствующей Церкви Христовой, пока она еще не находилась въ союзѣ и подъ покровительствомъ государства, которое, какъ языческое, было ея врагомъ" (стр. 9). Далѣе авторъ доказываетъ, что съ начача христіанства всѣ епископы были равны. Между тѣмъ русскій митрополитъ пріобрѣлъ столь большую власть, что даже не признавалъ себя подданнымъ великаго князя. Затѣмъ, духовныя власти древней Руси были представителями цѣлой группы лицъ, интересы которыхъ какъ духовные, такъ и матеріальные, неразрывно были связаны съ положеніемъ въ государ-

---

[1]) Это новое положеніе авторъ усматриваетъ въ отсутствіи различныхъ степеней власти въ іерархіи.

ствѣ всѣхъ видовъ церковной власти. Поэтому то духовенство было консервативно и поддерживало удѣльный сепаратизмъ князей. Напротивъ, самодержавіе Петра нанесло рѣшительный ударъ союзу всѣхъ началъ, угрожавшихъ опасностію самому государству. „Такимъ ударомъ и было уничтоженіе патріаршества" (стр. 12). Приведя затѣмъ извѣстныя слова Духовнаго Регламента о патріаршествѣ, авторъ замѣчаетъ, что „въ виду такого положенія вещей, Петру Великому не оставалось другого исхода, какъ только, не касаясь основнаго церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда Церковь жила не въ союзѣ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить, оказавшееся опаснымъ для государства, патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ, обязавъ каждаго члена учреждаемаго собора вѣрноподданническою присягою, т. е. уничтожить только тѣ плевелы, которые ко времени Петра Великаго не только разрослись, но и начали препятствовать росту пшеницы. Это было не нападеніе на Церковь со стороны государства, а самозащита послѣдняго, предпринятая не противъ Церкви, а противъ внутреннихъ своихъ враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ Церкви" (стр. 13). Иными словами, „самъ вѣруя въ Церковь, любя церковность и даже имѣя привычку читать и пѣть въ церкви, Петръ Великій, по долгу истиннаго сына православной Церкви и по долгу самодержца объявивъ, что онъ есть крайній судія Духовной Коллегіи, состоящей изъ его подданныхъ, обязанныхъ къ нему присягою, потребовалъ отъ нихъ присяги и въ томъ, что „во всѣхъ дѣлахъ сего Духовнаго Правительственнаго Собранія" они будутъ искать всегда самыя сущія истины и самыя сущія правды, „полагая всѣмъ мыслямъ и словамъ и дѣйствіямъ своимъ, яко вину конечную, славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ и всей Церкви созиданіе, а не власть мірскую" (стр. 14).

Отдѣлъ III посвящается авторомъ развитію той мысли, что Петръ, уничтожая патріаршество, не вводилъ цезаропапизма и „разрѣшилъ поднимавшійся до него вопросъ о главѣ Церкви не въ смыслѣ римско-реформатскомъ, а въ смыслѣ чисто православнаго народнаго понятія о Церкви, избѣжавъ крайностей, допущенныхъ, не говоря уже о папистахъ, реформаторами и даже византійцами" (стр. 14). Оказывается, что при Петрѣ даже не поднимался вопросъ о главенствѣ въ Русской Церкви, уже рѣшенный на соборѣ 1667 г. Кромѣ того о главенствѣ и принципіально не могло быть рѣчи, потому что древняя Русь понимала Церковь не какъ „общество вѣрующихъ", въ которомъ кто то можетъ главенствовать [1]), а какъ „домъ Божій", „земное небо", такъ что „земная русская Церковь удѣльнаго времени, съ ея іерархическою организаціею и ктиторами земныхъ церквей... понимала себя колоніею Церкви небесной, а не частью Церкви греческой или какой-нибудь другой, тоже земной" (стр. 18—19).

„Къ концу XVII вѣка, по воззрѣніямъ автора, развиваемымъ имъ въ IV отдѣлѣ, Русская Церковь, понимавшая себя, какъ выше изображено, имѣла такой видъ". 1) „Князья, а потомъ цари, и не помышляя о главенствѣ въ Русской Церкви, митрополитовъ же, а потомъ патріарховъ всея Россіи именуя своими отцами, а главою Церкви исповѣдуя одного Христа, несли обязанности и пользовались правами церковныхъ ктиторовъ" (стр. 19), „и съ Петра Великаго окончательно опредѣлилось положеніе русскаго царя въ Русской Церкви, но не какъ главы Церкви, въ

---

[1]) По мнѣнію автора, такое понятіе ведетъ свое начало лишь съ Катехизиса М. Филарета.

реформатскомъ или папскомъ смыслѣ, а какъ Верховнаго ктитора всероссійской Церкви" (стр. 21). 2) Ктиторскія права сохранили Новгородская, Псковская и Вятская земли, 3) Помѣщики и вотчинники, свѣтскіе и духовные и 4) даже „волостные и другихъ названій крестьяне" (стр. 21—23). „Оказывается, на нашъ взглядъ, — говоритъ авторъ, — что ни въ строѣ религіознаго міросозерцанія русскаго человѣка, ни въ исторіи имущественной жизни Русской Церкви, обусловленной ктиторскимъ правомъ, не было никакихъ задатковъ цезаропапизма, въ смыслѣ западно-европейскомъ, и что положеніе царя въ Русской Церкви совершенно иное, чѣмъ было въ Византіи и въ нынѣшнихъ реформатскихъ государствахъ: оно у насъ обусловлено своеобразнымъ ходомъ исторіи русскаго народа, всецѣло возлюбившаго самодержавную форму государственной жизни, какъ такую, которая одна можетъ дать истинную свободу русскому народу во всѣхъ сферахъ его жизни, не исключая и церковной, — въ томъ смыслѣ и въ тѣхъ границахъ, которые легко видѣть изъ нижеслѣдующихъ главъ" (стр. 24—25).

Опредѣляя эти границы въ V и VI отдѣлахъ, авторъ съ той же „ктиторской" точки зрѣнія разсматриваетъ, что было намѣчено Петромъ и выполнено послѣ него относительно устроенія церковно-приходской жизни и образованія народа (стр. 25—42).

Таково содержаніе этой оригинальной статьи [1]). Не вступая въ полемику съ нею, что заняло бы слишкомъ много мѣста и времени, необходимо, однако, замѣтить 1) ея неправильность съ методологической точки зрѣнія и 2) ея скудость въ отношеніи историческихъ источниковъ и вообще историческихъ данныхъ. Статья написана очевидно съ предвзятой полемической цѣлью, подъ впечатлѣніемъ того обстоятельства, что незадолго предъ ея написаніемъ, именно 12-го іюня 1890 г. появилась Высочайше утвержденная инструкція церковнымъ старостамъ. Увлекшись ею, авторъ перенесъ свою мысль на государя, представилъ себѣ его верховнымъ ктиторомъ всей Русской Церкви, и сталъ подбирать въ документахъ такія данныя, которыя оправдывали бы его точку зрѣнія. Попутно, авторъ остановился на полемикѣ относительно „цезаропапизма", углубляясь дальше, дошелъ до учрежденія Св. Синода, которое и представилось ему дѣломъ не только лично Петра, но и всего русскаго народа. Прямолинейный въ своемъ политическомъ міровоззрѣніи, онъ привнесъ его въ изученіе исторической обстановки и у него все оказалось наоборотъ, чѣмъ думали раньше. Во-вторыхъ, не смотря на множество ссылокъ на разные источники, статья совершенно игнорируетъ документы, спеціально касающіеся учрежденія Петромъ Духовной Коллегіи и изданія Духовнаго Регламента. Объ источникахъ послѣдняго авторъ и не помышляетъ. Поэтому вполнѣ понятна та парадоксальность сужденій автора, которая съ перваго взгляда поражаетъ читателя своею „оригинальностью". Она возможна только потому, что авторъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ отъ исторіи и все говоритъ отъ себя, лишь подтасовывая нужныя ему данныя изъ тѣхъ или иныхъ случайно взятыхъ документовъ.

Изложенная анонимная статья вызвала противъ себя очень дѣльныя возраженія 1) анонимнаго автора въ томъ же „Русскомъ Вѣстникѣ"

---

[1]) Появленіе ея въ печати Редакція „Русскаго Вѣстника" предварила такимъ примѣчаніемъ: „Эта статья представляетъ такія любопытныя данныя по разсматриваемому предмету, что мы печатаемъ ее съ особеннымъ интересомъ, ибо самыя возраженія, могущія появиться по этому поводу, помогутъ только яснѣе освѣтить вопросъ такой государственной и народной важности" (стр. 4, примѣчаніе).

1891 г. ноябрь, стр. 166—196 [1]); 2) В. В. Бѣлогостицкаго и 3) проф. Т. В. Барсова, а также его рецензентовъ П. В. Знаменскаго и М. И. Горчакова. Первое возраженіе, разбивая положенія И. К. Зинченко не сообщаетъ никакихъ новыхъ цѣнныхъ данныхъ для нашей темы. Объ остальныхъ же работахъ ниже говорится особо. Подъ вліяніемъ статей И. К. Зинченки и А. В. Васильева, написалъ статью и профессоръ Н. Ѳ. Каптеревъ „Сужденіе большого Московскаго Собора 1667 г. о власти и чести царской и патріаршей" („Богословскій Вѣстникъ", 1892 г., іюнь, августъ, октябрь). Въ ней Н. Ѳ. Каптеревъ хотѣлъ сообщить факты, на которые авторы этихъ статей не обратили вниманія, а между тѣмъ они имѣютъ „прямую и даже очень тѣсную связь съ церковной реформой Петра Великаго" (іюнь, стр. 489). Но такъ какъ содержаніе этой статьи почти дословно вошло въ его книгу „Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ", 2 тома, Сергіевъ Посадъ, 1910—1912 [2]), то взгляды проф. Н. Ѳ. Каптерева мы изложимъ ниже.

В. В. Бѣлогостицкій. Въ числѣ полемическихъ статей, вызванныхъ анонимной статьею въ „Русскомъ Вѣстникѣ" за апрѣль 1891 г., какъ первую по времени своего появленія, необходимо упомянуть работу В. В. Бѣлогостицкаго „Реформа Петра Великаго по высшему церковному управленію" (Журналъ М. Н. Пр. 1892, кн. 6 стр. 257—281; кн. 7 стр. 1—23), отличающуюся тѣмъ, что она содержитъ въ себѣ не прямыя возраженія тому автору, а какъ-бы самостоятельное изслѣдованіе вопроса. Работа В. В. Бѣлогостицкаго состоитъ изъ введенія и пяти главъ. Во введеніи кратко разсказывается о времени мѣстоблюстительства Стефана Яворскаго, объ учрежденіи Св. Синода и причинахъ его, по Духовному Регламенту, и въ заключеніе ставится вопросъ, что за учрежденіе Св. Синодъ? „Если оно было открыто съ цѣлью замѣны патріаршества, то имѣло ли оно его силу и власть какъ de iure, такъ и de facto? (кн. 6, стр. 266). Разсмотрѣнію этихъ вопросовъ и посвящена вся статья. Въ гл. I В. В. Бѣлогостицкій разсматриваетъ „положеніе Св. Синода de iure", т. е. составъ, права и обязанности Синода по Духовному Регламенту и инструкціи Оберъ-Прокурору и заключаетъ словами докладныхъ пунктовъ Синода 14-го февраля 1721 г., что Св. Синодъ „имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва ли не большую, понеже соборъ" (стр. 268). „Но, — спрашиваетъ авторъ, — опредѣляемое какъ высшее духовное правительство, было ли оно такимъ и на самомъ дѣлѣ?" (стр. 268). На это отвѣчаетъ II-я глава: „Положеніе Св. Синода de facto", разсматриваемое по рубрикамъ: а) отношеніе къ Синоду государя, которое характеризуется какъ господство его надъ Синодомъ и зависимость послѣдняго отъ Петра; б) Отношеніе Сената къ Синоду, которыя характеризуются какъ преобладаніе перваго надъ послѣднимъ, не смотря на принципіальное ихъ равенство (см. кн. 7, стр. 14). Гл. III рисуетъ „Отношеніе къ Св. Синоду духовенства и народа"—разумѣется, отрицательное. Гл. IV говоритъ о томъ, что двое изъ восточныхъ патріарховъ признали Св. Синодъ, но ихъ грамоты „не произвели почти никакого впечатлѣнія" и ропотъ народа продолжался (стр. 18). За то хвалили реформу протестанты. Объ этомъ—гл. V-я. Въ заключеніе авторъ выска-

---

[1]) Авторомъ этой статьи былъ А. Ѳ. Васильевъ, какъ видно изъ отдѣльнаго изданія ея подъ заглавіемъ: „Русское міросозерцаніе". 4. О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I", изд. 2, Петроградъ 1904, стр. 34, примѣчаніе. Она же напечатана была въ „Благовѣстѣ" вып. 31, январь 1892 года.

[2]) Сравни „Бог. В." 1892 іюнь, стр. 493—516=книгѣ, т. II, 181—208; августъ, 171—189=книгѣ, т. II, 209—227; октябрь, 46—74=книгѣ, т. II, 227—255. О поводѣ написанія статьи см. іюнь, 483—489.

зываетъ свое „разногласіе съ выше названною статьею „Русскаго Вѣстника“ (апрѣль 1891) и отмѣчаетъ, что Св. Синодъ съ самаго начала носилъ на себѣ явный отпечатокъ государственности, что вызвало сильный ропотъ духовенства и народа, почему сразу же, по смерти Петра, начались и измѣненія въ положеніи Синода, когда еще живы были его сподвижники Θеодосій Яновскій и Θеофанъ Прокоповичъ (стр. 21).

Таково содержаніе статьи В. В. Бѣлогостицкаго. Она заслуживала вниманія нѣкоторыми своими взглядами, но была слишкомъ бѣдна источниками и пособіями. Поэтому, какъ изслѣдованіе, ничего не давала новаго, комбинируя по своему лишь старый матеріалъ.

Т. В. Барсовъ. Очень серьезную критику статьи И. К. Зинченко находимъ въ книгѣ покойнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи Т. В. Барсова. Правда, эта книга представляетъ собою довольно странное явленіе въ научной литературѣ. Озаглавленная: „Св. Синодъ въ его прошломъ“, она заключаетъ въ себѣ самое разнообразное содержаніе. Это произошло потому, что она чисто механически составлена изъ ряда статей автора, помѣщенныхъ въ журналѣ „Христіанское Чтеніе“[1]). „Статьи эти, — говоритъ Т. В. Барсовъ, — по начальному плану, предполагалось ограничить изложеніемъ результатовъ предпринимавшихся улучшеній въ административной сферѣ духовнаго вѣдомства; но подведеніе подобныхъ итоговъ, переводя мысль отъ одного момента къ другому, увлекло вниманіе къ изслѣдованію вопроса о Св. Синодѣ, его учрежденіи, составѣ и положеніи“. Такимъ образомъ въ общей массѣ матеріала оказались и статьи: 1) „Учрежденіе Св. Синода при Петрѣ I“ (стр. 193—209); 2) „Руководственныя начала реформы Петра В. относительно нашего высшаго церковнаго управленія“ (стр. 209—243); 3) „Уничтоженіе Петромъ Великимъ Московскаго Патріаршества и послѣдствія его“ (стр. 243—259); 4) „Первоначальный составъ Св. Синода при Петрѣ I и послѣдующія въ немъ измѣненія при ближайшихъ преемникахъ Петра I“ (стр. 259—283) и др. статьи по исторіи Синода до нашихъ дней.

Нестройность общаго содержанія книги точно также замѣчается и въ каждой изъ этихъ статей, написанныхъ въ журнальномъ духѣ, а не строго научнымъ методомъ изложенія. Поэтому крайне затруднительно передать ихъ содержаніе. Можно замѣтить однако, что Т. В. Барсовъ относится отрицательно къ церковной реформѣ Петра, видитъ въ ней порабощеніе Церкви, а потому горячо полемизируетъ со взглядами анонимнаго автора статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи“ (Русскій Вѣстникъ, 1891 г. апрѣль) и этой полемикой заняты стр. 209—259. Не смотря на отрывочность и непослѣдовательность въ изложеніи, самыя наблюденія и взгляды Т. В. Барсова заслуживаютъ полнаго вниманія. Однако онъ очень кратко говоритъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи и совершенно не интересуется источниками и содержаніемъ Духовнаго Регламента. Поэтому его сочиненіе, озаглавленное „Св. Синодъ въ его прошломъ“ далеко не исчерпало своей темы.

П. В. Знаменскій. Весьма цѣннымъ дополненіемъ къ тому, что мы находимъ у П. В. Знаменскаго въ его „Руководствѣ“ и „Учебномъ руководствѣ“; является его отзывъ о сочиненіи проф. Т. В. Барсова, „Св. Синодъ въ его прошломъ“, СПб. 1896 г., помѣщенный въ „Христіанскомъ Чтеніи“ за 1900 г. в. I, стр. 142—156; в. II, стр. 306—318. Въ этомъ отзывѣ проф. П. В. Знаменскій высказывается полнѣе и опредѣленнѣе.

---

[1]) Хр. Чтеніе за 1894 г. I, 441; 1895, I, 249, 505; II; 267, 442; 1896, I, 53, 418, 605; II, 105, 238, 557; 1897, I, 210.

Изложивъ содержаніе книги Барсова, П. В. Знаменскій останавливается на вопросѣ объ учрежденіи Св. Синода. „Учрежденіе Св. Синода, — говоритъ онъ, — г. Барсовъ справедливо поставляетъ въ связь съ общей реформой русскаго государственнаго управленія при Петрѣ Великомъ и объясняетъ его государственными мотивами, высокой идеей монархическаго самодержавія, которую преобразователь послѣдовательно и неуклонно старался провести во всемъ строѣ и во всей жизни государства безъ изъятія и церковной жизни“ (В. I, стр. 144). „Со своей государственной точки зрѣнія Петръ смотрѣлъ на церковную жизнь какъ на особенную отрасль общей государственной жизни, требующую поэтому учрежденія для себя и особаго г о с у д а р с т в е н н а г о вѣдомства“ (стр. 145). П. В. Знаменскій признаетъ, что этотъ взглядъ образовался у Петра подъ вліяніемъ протестантскаго Запада, однако не входитъ въ разсмотрѣніе самаго процесса его выработки подъ тѣмъ предлогомъ, что этого не дѣлаетъ и самъ Т. В. Барсовъ. „Коллегіальная форма управленія казалась царю наилучшей; поэтому и надъ церковнымъ вѣдомствомъ онъ порѣшилъ поставить Духовную Коллегію. Совершенно такъ же, какъ и всѣ другія коллегіи, получившія всю свою компетенцію отъ самодержавной власти, и коллегіальное правительство духовное представлялось Петру имѣвшимъ свои полномочія не отъ скрытаго въ немъ самомъ и присущаго ему внутренняго авторитета, а отъ учредившаго его самодержца“ (слѣдуетъ ссылка на Духовный Регламентъ). Признаніе этого со стороны П. В. Знаменскаго (стр. 145) имѣетъ существенное значеніе, ибо указываетъ юридическое отличіе въ положеніи Церкви до и послѣ Петра. Но авторъ отзыва не развиваетъ этой мысли и не сознаетъ ея значенія. Ниже онъ признаетъ образъ мыслей Петра вполнѣ понятнымъ, ибо „государство, какъ таковое, не могло ничего иного и создать для управленія находящимся внутри его духовнымъ вѣдомствомъ, какъ г о с у д а р с т в е н н о е же учрежденіе, которое и должно было управлять этимъ вѣдомствомъ равно на столько, на сколько оно есть вѣдомство государственное“ (стр. 145). Но по мнѣнію П. В. Знаменскаго, „реформа Петра не ограничилась только такой государственной задачей, а рѣшилась придать своей вновь учрежденной Духовной Коллегіи значеніе не только высшаго государственнаго, но и церковнаго правительства, значеніе церковнаго собора, замѣнившаго прежнее патріаршее правительство Русской Церкви“ (стр. 145). Доказательство этому П. В. видитъ въ названіяхъ Духовной Коллегіи въ Регламентѣ и проч. „духовнымъ соборнымъ правительствомъ“, „постояннымъ соборомъ“ и т. д. Слѣдуя дальше за Т. В. Барсовымъ въ его полемикѣ съ И. К. Зинченко по поводу анонимной статьи послѣдняго въ Русскомъ Вѣстникѣ (апрѣль 1891 г.), П. В. Знаменскій въ общемъ становится на сторону Т. В. Барсова (стр. 146—151), а отчасти полемизируетъ съ нимъ по поводу пониманія отношеній Церкви и государства въ древней Руси. Онъ полагаетъ, что „и государственная, и духовная власть — обѣ носили двойственный характеръ, обѣ облечены были и духовными и свѣтскими полномочіями вмѣстѣ, оттого практика ихъ неизбѣжно сталкивалась на однихъ и тѣхъ же дѣлахъ“ (стр. 154). Отъ этого возникали взаимныя неудовольствія въ XVI—XVII в. Послѣ столкновенія царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, особенно на соборѣ 1667 г., начинаетъ развиваться мысль о раздѣленіи между Божіимъ и Кесаревымъ, но только въ общихъ очертаніяхъ, почему и Петръ „наслѣдовалъ отъ своихъ благочестивыхъ предковъ, можно сказать, тотъ же самый двойственный авторитетъ царственнаго достоинства, какой давалъ имъ такое широкое и властное участіе во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, и не имѣлъ никакихъ причинъ отступаться отъ него, даже помимо извѣстныхъ личныхъ

своихъ убѣжденій въ универсальномъ, всеобъемлющемъ значеніи самодержавія для русской жизни. Онъ дѣйствительно могъ имѣть „несуетный, по его выраженію, страхъ", если бы между другими исправленіями не попекся и „объ исправленіи чина духовнаго". Идея всеобъемлющаго самодержавія съ особенностями личнаго характера царя сообщили его попеченіямъ о духовномъ чинѣ только извѣстную степень энергіи и извѣстные крайніе размѣры, до какихъ подобныя попеченія не простирались ни у кого изъ его предшественниковъ" (стр. 155).

Итакъ, П. В. Знаменскій сближаетъ положеніе Петра съ его предшественниками, не видя между тѣмъ и другими принципіальной разницы. Въ этомъ отношеніи онъ примыкаетъ къ профессору Н. С. Суворову съ его теоріей объ епистимонархѣ [1]). Однако онъ противорѣчитъ самъ себѣ, такъ какъ выше призналъ политическіе взгляды Петра заимствованными имъ съ протестантскаго Запада, который не даетъ ничего похожаго съ идеологіей „третьяго Рима", служившей основой для церковной политики Московскихъ государей. Не согласуются съ этими мыслями и непосредственно слѣдующія въ отзывѣ слова П. В. Знаменскаго, гдѣ онъ категорически признаетъ, ссылаясь на Чистовича (стр. 70—71), государственный характеръ Духовной Коллегіи (стр. 155—156). Учрежденіе послѣдней несомнѣнно вноситъ коренное преобразованіе въ положеніе Русской Церкви и не служитъ проявленіемъ лишь повышенной энергіи Петра въ его попеченіи о Церкви.

Рецензируя далѣе книгу Т. В. Барсова, П. В. Знаменскій приводитъ его полемику съ И. К. Зинченко по вопросу о томъ съ какого образа взялъ Петръ свою Духовную Коллегію, и имѣлъ ли онъ здѣсь въ виду примѣръ древней христіанской Церкви. Какъ извѣстно, Барсовъ высказывается отрицательно. Въ свою очередь П. В. Знаменскій находитъ аргументацію Барсова полной и основательной, но тѣмъ не менѣе не соглашается, „будто бы создатели Духовной Коллегіи вовсе и не думали о сообщеніи ей характера соборности и о приближеніи новаго церковнаго управленія къ идеалу первенствующей Церкви" (вып. II, стр. 306). Въ подтвержденіе своихъ словъ П. В. Знаменскій ссылается на вышеприведенное сообщеніе Татищева, на отрицательное отношеніе Петра и Ѳеофана къ различію въ титулахъ митрополита, архіепископа и епископа, на наименованіе Духовной Коллегіи, правда, послѣ нѣкотораго колебанія, Св. Пр. Синодомъ и проч. Однако аргументація критика не очень сильна и убѣдительна.

Послѣдующія 307—318 страницы отзыва П. В. Знаменскаго касаются дальнѣйшихъ частей книги Т. В. Барсова и ближайшаго отношенія къ нашей темѣ не имѣютъ.

М. И. Горчаковъ. О статьѣ И. К. Зинченко находимъ слѣдующее замѣчаніе проф. прот. М. И. Горчакова въ его рецензіи на книгу проф. Т. В. Барсова, „Св. Синодъ въ его прошломъ, СПб. 1896" (см. Отчетъ о XL присужденіи наградъ гр. Уварова, СПб. 1899, стр. 80): „Въ помѣщенныхъ въ книгѣ статьяхъ объ учрежденіи Св. Синода и объ уничтоженіи патріаршества въ Россіи, г. Барсовъ весьма удачно полемизируетъ, между прочимъ, съ авторомъ появившейся въ 1891 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи подъ заглавіемъ „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи". Опровергаемая статьи, по распространеннымъ послѣ ея появленія слухамъ, имѣла оффиціозное происхожденіе, напечатана была въ смыслѣ подготовительнаго оправданія предлагавшейся новой политики со стороны представителей государственнаго надзора въ Церкви въ отношеніи къ управленію имуще-

[1]) См. также Е. Е. Голубинскаго „О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви", сборникъ статей, М. 1913, стр. 66.

ствомъ и хозяйствомъ церквей и монастырей и проводила совершенно новый, ни до того, ни послѣ того времени нигдѣ не высказывавшійся, взглядъ на ходъ всей исторіи Русской Церкви. Авторомъ опровергаемой статьи, между прочимъ, утверждается и развивается теорія, что во всей древней исторіи шла борьба между церковною и государственною властью и что церковная реформа Петра I была „совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей", произведена, будто бы, „по указанію идеала древней вселенской Церкви до IV в.", и прекратила означенную борьбу основаніемъ Св. Синода, учрежденнаго по волѣ Монарха. Статья эта вызвала въ журналахъ нѣсколько полемическихъ возраженій и опроверженій. Проф. Барсовъ довольно подробно, основательно и успѣшно опровергаетъ (стр. 209—259) многія положенія означенной теоріи и статьи".

С. Г. Рункевичъ. Въ литературѣ вопроса книга С. Г. Рункевича „Исторія Русской Церкви подъ управленіемъ Св. Синода Т. I. Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Пр. Синода (1721—1725 гг.). СПб. 1900, 8° [1]), 429 страницъ, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Это обусловливается тѣмъ, что авторъ ввелъ въ свое изложеніе богатые матеріалы, почерпнутые имъ изъ шести архивовъ, трехъ архивныхъ изданій и Полнаго Собранія Законовъ, не считая пособій въ видѣ книгъ и журналовъ. Естественно поэтому, что его книга изобилуетъ подробными свѣдѣніями, которыя раздѣлены имъ на слѣдующія девять главъ. I. Преобразованія Петра В. въ сферѣ государственной и состояніе церковной жизни въ Россіи наканунѣ учрежденія Св. Синода (стр. 1—21); II. Преобразованія въ строѣ церковной жизни въ царствованіе Петра Великаго за время до учрежденія Св. Синода (22—91); III. Учрежденіе Св. Пр. Синода (91—163); IV. Составъ Св. Синода (164—230); V. Исполнительные органы Св. Синода и Оберъ-Прокуроръ (231—290); VI. Дѣла и власть Св. Синода (291—333); VII. Дѣлопроизводство (333—391); VIII. Переѣзды Синода въ Москву. Петербургское и Московское синодальныя Правленія (391—407); IX. Хозяйственная часть (407—429).

Въ силу такого богатства содержанія, книга С. Г. Рункевича почти вполнѣ замѣняетъ собою предшествующія работы, и ею неизбѣжно приходится пользоваться всякому, кто изучаетъ церковную реформу Петра. Однако при всемъ этомъ, книга С. Г. Рункевича страдаетъ неполнотою, ошибками и недостатками, которыя сильно подрываютъ ея значеніе. Неполнота выражается въ томъ, что С. Г. Рункевичъ главное свое вниманіе отдалъ описанію чисто бытовой исторической обстановки, которой сопровождалось учрежденіе и первые годы Св. Синода. Между тѣмъ онъ совершенно не коснулся источниковъ Духовнаго Регламента, поверхностно использовалъ черновую рукопись его, хранящуюся въ Архивѣ Св. Синода, и совершенно не видѣлъ рукописей Сенатской и Типографской. Поэтому наиболѣе интересующій насъ отдѣлъ остался почти не разработаннымъ. Неполнота матеріала въ самомъ существенномъ пунктѣ обусловила собою и нѣкоторыя ошибки фактическаго характера, которыя и отмѣчаются нами ниже. Но наиболѣе важное отрицательное значеніе книги г. Рункевича состоитъ въ отсутствіи критическаго отношенія его къ описываемымъ событіямъ и вполнѣ правильнаго идейнаго освѣщенія церковной реформы Петра. С. Г. Рункевичъ, по характеру своего пера,—бытописатель. Пересказъ документовъ, описаніе событій, характеристика дѣйствующихъ лицъ ему хорошо

---

1) Эта книга печаталась статьями въ Христ. Чтеніи за 1900 г. I, 43, 232, 551, 746, 893; II, 64, 219, 350, 532, 691, 940. См. его же „Pro domo sua" (отвѣтъ на одну изъ рецензій) Хр. Чтеніе 1900, I, 868.

удаются. Но оцѣнивать событія, особенно съ ихъ юридической стороны, съ точки зрѣнія отношеній церковной и государственной власти въ московскую эпоху и при Петрѣ,—автору, повидимому, не дано. Поэтому и пониманіе имъ сущности церковной реформы Петра не удовлетворяетъ читателя.

По прежнему, не отличая Духовной Коллегіи отъ Св. Синода, хотя признаки этого отличія уже и были отмѣчены въ литературѣ, какъ, напр., у Голубева [1]), С. Г. Рункевичъ горячо оспариваетъ уже сложившееся въ наукѣ сужденіе о томъ, что Св. Синодъ есть государственное учрежденіе, что степень его власти первоначально равна была власти другихъ коллегіей и лишь впослѣдствіи, стремясь къ уравненію съ Сенатомъ, Св. Синодъ добился нѣкотораго превосходства надъ ними [2]). Со своей стороны С. Г. Рункевичъ, путемъ своеобразнаго толкованія памятниковъ, смягчая и сглаживая ихъ смыслъ и значеніе, приходитъ къ выводу, что „Синодъ при своемъ учрежденіи не входилъ въ рядъ государственныхъ учрежденій" (стр. 319) и что даже „не возможно ставить Синодъ въ ряду государственныхъ учрежденій, какъ учрежденіе сравнимое съ другими" (стр. 317). Неправильность взглядовъ С. Г. Рункевича выяснится изъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Но и теперь можно замѣтить, что недоразумѣніе, въ которое онъ впадаетъ, всецѣло зависитъ отъ того, что авторъ совершенно не коснулся источниковъ Духовнаго Регламента и не занялся анализомъ его идейнаго содержанія.

Отзывы на сочиненіе С. Г. Рункевича. На сочиненіе С. Г. Рункевича, представленное въ Петроградскую Духовную Академію, были даны отзывы слѣдующими лицами: Преосвященнымъ Сергіемъ (Старогородскимъ), нынѣ Архіепископомъ Финляндскимъ [3]), Т. В. Барсовымъ [4]), Н. К. Никольскимъ [5]) и А. В. Карташевымъ [6]). Всѣ эти отзывы интересны и важны не только, какъ коррективы къ работѣ С. Г. Рункевича, безъ которыхъ, какъ и безъ отзыва М. И. Горчакова въ „Отчетѣ о XLIII-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова" за 1901 г., нельзя пользоваться книгою С. Г. Рункевича, но и сами по себѣ, какъ косвенное выраженіе взглядовъ самихъ авторовъ отзывовъ, въ подкрѣпленіе которыхъ они приводятъ и нѣкоторыя новыя данныя и соображенія. Не касаясь полемической стороны отзывовъ, обратимъ наше вниманіе на нихъ съ послѣдней точки зрѣнія.

Всѣ отзывы названныхъ лицъ на церковную реформу Петра Великаго смотрятъ отрицательно, полагая, что ею внесена коренная перемѣна въ положеніе Русской Церкви въ государствѣ [7]).

Преосвященный Сергій, Архіепископъ Финляндскій. „До сихъ поръ,—говоритъ Преосвященный Сергій, Архіепископъ Финляндскій,—русская іерархія фактически сознава себя лишь частью іерархіи вселенской и правила Церковію, такъ сказать, во имя вселенской іерархіи и подъ нравственнымъ контролемъ вселенской Церкви. ..Съ учрежденіемъ

---

[1]) Ѳ. Жорданіи С. Г. Рункевичъ не цитируетъ.

[2]) С. Г. Рункевичъ цитируетъ Востокова и Голубева, прибавляя: „Вслѣдъ за Голубевымъ и рабски (?!) слѣдующій за нимъ Ѳ. Благовидовъ, Оберъ-прокуроры" 13—27. См. стр. 317, прим. 2.

[3]) Журналы Совѣта П. Д. Академіи за 1901—1902 г. (см. Христіанское Чтеніе за 1902 г., вып 7—10), стр. 199—225.

[4]) Ibidem, 225—230.

[5]) Ibidem, 230—253.

[6]) Ibidem, 253—277.

[7]) Благопріятный для г. Рункевича отзывъ Т. В. Барсова не доказываетъ его противнаго мнѣнія, ибо послѣднее намъ извѣстно изъ сочиненія „Св. Синодъ въ его прошломъ" самого Барсова.

Св. Синода, прежде всего, рухнула эта фактическая связь съ Церковію вселенскою, осталась только догматическая и таинственная. ...Уже не въ качествѣ представителя вселенской іерархіи Синодъ правитъ Русскою Церковію, а потому, что онъ въ своемъ имени заключаетъ „судію—самого монарха нашего“ и потому правитъ „по указу Его Императорскаго Величества“... Измѣнилось, далѣе, и отношеніе епархіальныхъ архіереевъ къ центральной власти. Прежде, при соборномъ правленіи, какъ бы рѣдко ни бывалъ какой-нибудь архіерей на соборахъ, онъ все-таки считался непремѣннымъ членомъ собора, имѣлъ право голоса, могъ прислать своего замѣстителя, могъ представить свое мнѣніе и пр. Центральная власть, оставаясь, конечно, властью, не была для него внѣшнимъ авторитетомъ, потому что и онъ считалъ себя причастнымъ этому авторитету. Синодъ же поставилъ себя прямо въ качествѣ безусловной, почти безапелляціонной власти надъ каждымъ представителемъ русской іерархіи. Епархіальный архіерей можетъ быть въ Синодѣ только тогда, когда его позовутъ. Могутъ отъ него иногда спросить и его мнѣнія, могутъ прислать для отзыва какое-нибудь запутанное дѣло. Но это—только приглашеніе помочь центральному управленію, это—лишь порученіе высшаго низшему, подобное, напр., приглашенію министромъ какого-либо опытнаго губернатора на совѣщаніе. Объ участіи во власти, о правѣ на это участіе тутъ не можетъ быть и рѣчи. Центральная власть, такимъ образомъ, выдѣлилась отъ епархіальной въ совершенно особый органъ, дѣйствующій безапелляціонно, по государеву указу. Какъ видимъ, перемѣна произошла радикальная, измѣнился, можно сказать, самый духъ церковнаго правительства“ (стр. 201—202).

Такова точка зрѣнія Преосвященнаго Сергія. Ниже, среди разсмотрѣнія имъ деталей сочиненія С. Г. Рункевича, находимъ еще два очень важныхъ замѣчанія. 1) Преосв. Сергій совершенно не соглашается съ тѣмъ, будто подпись Духовнаго Регламента духовенствомъ можно разсматривать, какъ актъ свободнаго одобренія учрежденія Духовной Коллегіи „всею Церковію“. „Всею Церковію“ можно сказать только въ случаѣ, когда Церковь имѣетъ возможность свободно высказаться по данному вопросу на открытомъ соборѣ или чрезъ подачу хотя бы письменныхъ мнѣній. Въ данномъ же случаѣ этихъ мнѣній и не спрашивали: Регламентъ посланъ былъ не для обсужденія, а „для подписанія“ а это имѣло скорѣе смыслъ обязательства подчиниться новому режиму, а не согласія съ его основами“ (стр. 215). 2) Преосв. Сергій останавливается на вопросѣ о томъ, есть ли Св. Синодъ постоянный помѣстный соборъ, и, отвѣчая отрицательно, доказываетъ свою мысль такъ. „Напр.,—говоритъ онъ,—за Синодомъ оставлена, какъ извѣстно, патріаршая епархія, право ставропигіи монастырей и церквей; Синоду, наконецъ, непосредственно подчинено духовенство придворное и военное, не имѣющее епископа. Если Синодъ есть соборъ, тогда все это было кореннымъ нарушеніемъ самыхъ основъ церковнаго права. Соборъ епископовъ не можетъ имѣть епархіи, потому что даже двоимъ епископамъ въ одномъ городѣ быть не можно, не говоря уже о томъ, что соборъ состоитъ изъ епископовъ, уже имѣющихъ свои епархіи. Непосредственно собору можетъ быть подчиненъ только епископъ, который отъ собора и хиротонисуется, а пресвитеръ долженъ знать своего епископа, безъ котораго его никто не можетъ рукоположить; подчиненіе пресвитера прямо собору, помимо епархіальнаго епископа, было бы, поэтому, съ канонической точки зрѣнія, анархіей. Выводъ отсюда получился бы такой, что Петръ знать не хотѣлъ церковныхъ канововъ и дѣйствовалъ по своей волѣ и по образцамъ иностраннымъ. Между тѣмъ, если мы уста-

новимъ, что Синодъ есть коллегія, замѣняющая „персону патріарха", тогда понятно намъ будетъ и предоставленіе Синоду всего того, чѣмъ располагалъ патріархъ. Тогда не будетъ страннымъ видѣть въ Синодѣ въ качествѣ полноправныхъ членовъ съ рѣшающимъ голосомъ не только лицъ пресвитерскаго сана, но и просто „мірского чина честныхъ и благоразумныхъ особъ", которыя, повидимому, предполагались въ проектѣ. Даже и возраженіе о пресловутомъ цезаропапизмѣ въ русской Церкви потеряетъ главную свою остроту, потому что будетъ касаться не собора русской Церкви, а только одной персоны патріарха. Какъ центральная административная власть, Синодъ можетъ и долженъ находиться подъ контролемъ, въ вопросахъ-же, выходящихъ за предѣлы компетенціи патріарха, онъ долженъ все равно дѣйствовать съ совѣта и согласія всей іерархіи" (стр. 217—218).

Н. К. Никольскій. Отзывъ Н. К. Никольскаго развиваетъ, главнымъ образомъ, два положенія: 1) необоснованность темы, задачъ изслѣдованія и плана его въ трудѣ С. Г. Рункевича, и 2) ненаучность пріемовъ изысканій вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ къ преувеличеніямъ и къ эффектамъ изложенія (стр. 231). Необоснованность темы Н. К. Никольскій формулируетъ очень рѣзко: „Никакихъ основаній для новой работы, объ учрежденіи Св. Синода,—говоритъ авторъ отзыва,—при разработанности этой темы въ исторіографіи г. Рункевичъ не указалъ потому, что указать не могъ (если не говорить о несущественныхъ деталяхъ)" стр. 232. Развитіе второго положенія заключается въ томъ, что Н. К. Никольскій отстаиваетъ древне-русскую церковную жизнь отъ дѣйствительно тяжкихъ и часто необоснованныхъ обвиненій ея С. Г. Рункевичемъ въ тьмѣ и невѣжествѣ. Самостоятельно новаго матеріала отзывъ Н. К. Никольскаго не даетъ, предполагая все уже извѣстнымъ въ предшествующей литературѣ.

А. В. Карташевъ. Несравненно содержательнѣе положительнымъ матеріаломъ отзывъ А. В. Карташева. Отмѣтивъ, что тема сочиненія С. Г. Рункевича не новая, онъ старается указать какую же, именно, проблему предстояло рѣшить автору. А. В. Карташевъ говоритъ: „это—проблема объ историческомъ генезисѣ и смыслѣ петровской церковной реформы. Всѣ понимаютъ, что учрежденіе Св. Синода—фактъ огромнаго значенія, что это фактъ основоположительный для новаго, своеобразнаго періода исторіи Русской Церкви, сообщившій этой послѣдней специфическій духъ и колоритъ, безъ уясненія всѣхъ корней его происхожденія и его внутренняго характера не будетъ имѣть надлежащаго освѣщенія вся послѣдующая, существенно опредѣляемая имъ, исторія церковной жизни" (стр. 255). Исходя изъ такого положенія, А. В. Карташевъ набрасываетъ цѣлый планъ работы о Синодѣ, которому совершенно неудовлетворяетъ книга С. Г. Рункевича. Пересматривая этотъ планъ, можно убѣдиться въ томъ, что А. В. Карташевъ считаетъ учрежденіе Св. Синода заимствованіемъ съ протестантскаго запада, къ церковной реформѣ Петра относится отрицательно и ближайшій поводъ къ ней склоненъ видѣть въ тѣхъ экономическихъ и финансовыхъ затрудненіяхъ Петра во время Великой Сѣверной войны, которыя вообще опредѣлили собою почти всѣ его реформы, какъ это показалъ П. Н. Милюковъ въ своей книгѣ „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст.".

Отвѣтъ С. Г. Рункевича. Овѣтъ на эти отзывы С. Г. Рункевича появился въ „Странникѣ" за 1903 г., апрѣль, стр. 619—631. Устраняя рядъ недоразумѣній, возникшихъ у его рецензентовъ по поводу чтенія его книги, С. Г. Рункевичъ не вноситъ въ изученіе вопроса ничего суще-

ственно новаго, сравнительно съ изложеннымъ въ его книгѣ. Слѣдуетъ отмѣтить лишь то, что онъ вновь съ горячностью подтверждаетъ свою точку зрѣнія (Исторія, 133) на признаніе учрежденія Духовной Коллегіи всею русской іерархіей. Онъ говоритъ, что Духовный Регламентъ подписали всѣ архіереи, кромѣ митрополита Сибирскаго за дальностью разстоянія, и всѣ монастырскія власти. Насилія никакого не было, могли обсуждать Регламентъ сколько угодно, могли и не подписывать, если не хотѣли и т. д. И если все таки подписали, то современному историку остается одно изъ двухъ: „или признать реформу высшаго органа церковнаго управленія, совершившуюся при Петрѣ, правильною, или допустить, будто въ тогдашней русской Церкви, въ минуту испытанія и опасности, не нашлось ни одного достойнаго члена, который бы выступилъ въ защиту достоинства Церкви, т.-е. допустить духовную смерть Церкви" (стр. 620—621). Послѣднее предположеніе С. Г. Рункевичъ считаетъ безразсуднымъ, и потому принимаетъ первое.

Съ этимъ нельзя согласиться. Не говоря уже о томъ, что авторъ совершенно не основательно настаиваетъ на существованіи, будто бы, свободы сужденія современнаго Петру духовенства относительно Духовнаго Регламента и учрежденія Духовной Коллегіи, когда на самомъ дѣлѣ моральное давленіе несомнѣнно парализовало всякое желаніе противодѣйствовать Петру,—необходимо обратить вниманіе на то, что въ приведенныхъ выше сужденіяхъ С. Г. Рункевичъ поступаетъ не какъ историкъ, а какъ богословъ—догматистъ. Ему кажется, что недостатокъ гражданскаго мужества у церковной іерархіи даннаго историческаго момента знаменуетъ собою уже „духовную смерть Церкви", а потому, не допуская этой смерти, нельзя допустить и отсутствія мужества. Но можно возразить: 1) что іерархія, тѣмъ болѣе одной какой либо помѣстной Церкви, еще не исчерпываетъ собою в с е й Церкви, которая догматически дѣйствительно „безсмертна"; и 2) что, если бы это и было такъ, то и с т о р и к у не оставалось бы ничего болѣе, какъ к о н с т а т и р о в а т ь смерть... Самъ же авторъ держится того мнѣнія, что факты превозмогаютъ надъ историкомъ. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, его предвзятая идея отвергаетъ несомнѣнные факты.

Если бы С. Г. Рункевичъ не устрашился выводовъ, на которые наталкиваетъ его логика историческихъ документовъ, онъ призналъ бы откровенно, что церковная реформа Петра была произведена вопреки волѣ большинства іерархіи и народа, которые только подчинились ей, какъ абсолютной силѣ. Поэтому „каноничность" учрежденія Духовной Коллегіи нельзя строить на подписяхъ духовенства подъ Духовнымъ Регламентомъ, какъ и на патріаршихъ грамотахъ къ Петру. Мало того, этотъ вопросъ разрѣшается только на почвѣ историко-юридическаго анализа церковной реформы Петра съ точки зрѣнія отношеній Церкви и государства, а также на почвѣ изученія источниковъ Духовнаго Регламента.

М. И. Горчаковъ. Лучшая рецензія на книгу С. Г. Р у н к е в и ч а принадлежитъ п р о ф е с с о р у п р о т о і е р е ю М. И. Г о р ч а к о в у въ „Отчетѣ о XLIII присужденіи наградъ гр. Уварова[1]. Отдавъ автору должное, онъ высказываетъ и собственные взгляды на церковную реформу Петра, которые и представляютъ самый живой интересъ. Однако, чтобы представить воззрѣнія почтеннаго канониста въ цѣльномъ видѣ, необходимо соединить вмѣстѣ все, что имъ было сказано въ разное

[1]) Цитируемъ по отдѣльному оттиску, С.-Петербургъ 1902 г.

время и по разнымъ поводамъ. Взгляды М. И. Горчакова нашли свое выраженіе еще въ его лекціяхъ Церковнаго права, читанныхъ имъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ съ 1868 г. до его смерти въ 1910 г. Однако, его лекціи были напечатаны лишь недавно. Въ 1900 г. было лишь литографированное изданіе. Въ 1909 г. тѣ же лекціи появляются въ печати въ исправленномъ видѣ и нѣсколько дополненномъ видѣ. Между тѣмъ по интересующему насъ вопросу профессоръ М. И. Горчаковъ имѣлъ случай печатно высказаться и раньше, а именно: 1) въ „Отчетѣ о сороковомъ присужденіи наградъ гр. Уварова" СПб. 1899 г.[1]) въ отзывѣ на книгу Т. В. Барсова, Св. Синодъ въ его прошломъ, СПб. 1896 г. 2) въ статьѣ „Св. Пр. Синодъ" въ XXX-мъ томѣ перваго изданія Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона СПб. 1900 и, наконецъ, 3) въ рецензіи на книгу С. Г. Рункевича. Сравнивая между собою соотвѣтствующія мѣста краткаго курса лекцій М. И. Горчакова („Церковное право" СПб. 1909, стр. 143—145) съ отзывомъ (стр. 83—85) и статьею въ Энциклопедическомъ словарѣ Эфрона (стр. 38—43), можно видѣть, что всѣ три сочиненія его отчасти повторяютъ другъ друга почти безъ малѣйшихъ перемѣнъ въ текстѣ такъ, что „Лекціи" стр. 143—145=„отзыву" стр. 83—85; „лекціи" стр. 145—159 = „статьѣ" стр. 38—43, иными словами „лекціи" почти поглощаютъ собою два другіе источника. Однако въ „Отзывѣ" о книгѣ Барсова есть нѣсколько цѣнныхъ полемическихъ замѣчаній, которыхъ нѣтъ въ „лекціяхъ", поэтому историческія свѣдѣнія и взгляды профессора М. И. Горчакова лучше всего изложить по его отзывамъ на книги Т. В. Барсова и С. Г. Рункевича изъ коихъ послѣдній дополняетъ первый. Оценивая книгу Т. В. Барсова, М. И. Горчаковъ пишетъ: „высказываются авторомъ книги спорныя мнѣнія и воззрѣнія, съ которыми мы не можемъ согласиться. Не входя въ споръ съ авторомъ по многимъ его мнѣніямъ, мы не можемъ оставить безъ возраженія, опроверженія и исправленія выраженнаго имъ на стр. 208-й положенія относительно цѣли церковной реформы, произведенной Петромъ I чрезъ учрежденіе Св. Синода. По словамъ профессора Т. В. Барсова, „въ планахъ великаго преобразователя, осуществленныхъ въ совершенной имъ церковной реформѣ, трудно указать иную цѣль, кромѣ принятаго намѣренія ограничить вѣдомство Церкви и стѣснить ея вліяніе". С ъ этимъ положеніемъ, мы никоимъ образомъ не можемъ согласиться. Высказанное въ приведенныхъ словахъ воззрѣніе на цѣль церковной реформы Петра принадлежитъ не исключительно г. Барсову, но много разъ выражалось и въ литературѣ русской и заграничной, и высказывалось и высказывается въ разговорныхъ сужденіяхъ о церковной реформѣ Петра I. Были извѣстны, какъ вѣрно говоритъ авторъ книги, глухіе и открытые протесты противъ учрежденія Св. Синода и замѣны имъ патріаршества въ XVIII в. (напр. Маркелла Родышевскаго и нѣкоторыхъ высшихъ іерархов). Не прекращается порицаніе „Духовнаго Коллегіума" и въ XIX в. Не далѣе, какъ въ 1896 г. отпечатанъ въ Браиловѣ на русскомъ языкѣ довольно большой по объему безмѣрно неприличный по выходкамъ, на „Духовный Коллегіумъ" памфлетъ, составленный по тону и содержанію его, совмѣстно крайними приверженцами старообрядчества австрійской іерархіи, фанаріотовъ и „національной свободы" Грузинской церкви. Но всегда были и теперь есть такіе безусловные защитники церковной реформы Петра, которые усматриваютъ въ ней даже возстановленіе устройства Церкви первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Необходимо установить науч-

[1]) Цитируемъ его по отдѣльному оттиску.

но правильное, на историческихъ основаніяхъ, пониманіе происхожденія церковной реформы Петра, чтобы произносить вѣрное сужденіе объ ея цѣли. Правильное пониманіе отношеній въ церковной реформѣ XVIII в. самаго преобразователя можетъ быть установлено и составлено лишь въ связи съ господствовавшими въ петровское время среди всѣхъ просвѣщенныхъ людей Западной Европы воззрѣніями на форму и виды наилучшаго устройства правительственныхъ учрежденій—государственныхъ и церковныхъ—и на отношеніе верховной власти монарховъ къ устройству и управленію государства и церкви. Возникновеніе и образованіе упомянутыхъ воззрѣній началось вмѣстѣ съ религіозною реформаціею XVI в. въ Западной Европѣ,—развитіе и обоснованіе ихъ совершались въ теченіе XVII в., повсемѣстное распространеніе ихъ между просвѣщенными людьми и проведеніе ихъ въ законодательство и въ жизнь народовъ и государствъ въ концѣ XVII и въ первой четверти XVIII вѣка"[1]).

Далѣе слѣдуетъ конспективное изложеніе этихъ воззрѣній, имѣющее особую важность для нашей темы. „Религіозная реформація XVI вѣка на Западѣ была протестомъ противъ всемірной власти папы и противъ власти уполномоченныхъ отъ него въ разныхъ странахъ и государствахъ лицъ—епископовъ и прелатовъ. Протестантами выдвинуты были вмѣсто верховной власти римскаго первосвященника верховныя права (Summa potestas или Summum imperium) монарховъ, каждаго въ его государственной территоріи. По воззрѣніямъ протестантовъ, не римскій папа—caput ecclesiae и summus episcopus, а монархъ страны въ предѣлахъ ея территоріи, сначала, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ исповѣдникамъ протестантскаго вѣроученія, а потомъ и католическаго (территоріальная система отношеній между государствомъ и Церковію). Одновременно съ происхожденіемъ и образованіемъ указанныхъ воззрѣній на субъектъ верховной власти въ государствѣ измѣнялись средневѣковыя понятія о существѣ и назначеніи государства, какъ учрежденія. „Вотчинное государство" преобразовывалось въ такъ называемое полицейское или, вѣрнѣе, полицейско-правовое. Монархъ страны перестаетъ быть феодальнымъ господиномъ, вотчинникомъ страны и ея населенія,—а становится отъ самого Бога поставленнымъ обладателемъ верховныхъ правъ въ странѣ для блага народа, населяющаго территорію государства. Соотвѣтственно измѣненію понятій о существѣ государства и власти монарховъ, измѣняется и отношеніе монарховъ къ населенію ихъ государствъ и значеніе органовъ, чрезъ которыхъ они дѣйствуютъ въ предѣлахъ ихъ территорій. Въ отношеніи къ населенію монархъ дѣйствуетъ не въ силу своей свободной воли, не по произволу, а для благосостоянія народа по опредѣленнымъ законамъ. Должностныя лица—уже не уполномоченные монарха—вотчинника, дѣйствующіе въ угоду ему, во исполненіе его воли,—а исполнители законовъ (регламентовъ), изданныхъ монархомъ ко благу населенія. Наилучшими проводниками законовъ въ жизнь народовъ, исполнителями регламентовъ, могутъ быть не отдѣльныя лица, а коллегіи—корпораціи, организованныя законодательствами и обязанныя дѣйствовать, при исполненіи законовъ, въ виду и съ цѣлію благосостоянія народовъ и страны и подъ надзоромъ блюстителей закона,—прокуроровъ, которые имѣютъ значеніе „ока царева". Верховныя права (jura reservata) удерживаются и сохраняются за монархами,—а распорядительная и исполнительная власть (jura vicaria) передается коллегіямъ въ предѣлахъ отведеннаго каждой изъ нихъ по регламенту вѣ-

[1]) Отчетъ о XL присужденіи наградъ гр. Уварова. Отд. оттискъ стр. 10.

домства. Церковь и религіозная жизнь населенія страны есть одна изъ сторонъ народной жизни. Она должна быть организована соотвѣтственно устройству другихъ сторонъ народной жизни, изъ совокупности которыхъ слагается строй государства.—Приведенныя нами положенія развивались и обосновывались всѣми протестантскими правовѣдами и философами права, политиками государственными людьми XVII в. въ Западной Европѣ. Главными представителями новаго направленія въ наукѣ государственнаго права и юриспруденціи въ XVII вѣкѣ были Гуго-Гроцій, Боденъ, Гоббезъ, Спиноза, Пуфендорфъ, Лейбницъ, Томазій и др. Всѣ они развивали изложенныя идеи въ своихъ сочиненіяхъ и въ сношеніяхъ съ своими современниками. Съ конца XVII в. и въ началѣ XVIII эти идеи проводились въ законодательство и въ жизнь разныхъ государствъ, и, между прочимъ, Швеціи. Всѣ просвѣщенные люди начала XVIII в. были проникнуты означенными идеями, за исключеніемъ непреклонныхъ приверженцевъ средневѣковой теоріи папскаго всемірнаго владычества. Всякій, кто только имѣлъ претензію быть просвѣщеннымъ въ Западной Европѣ, усвоялъ эти идеи. Петръ I, во время путешествій своихъ въ Европѣ, имѣлъ сношенія съ просвѣщеннѣйшими людьми того времени и, между прочимъ, съ Лейбницемъ. Онъ не могъ не усвоить себѣ тѣхъ-же государственныхъ идей. А Россія нуждалась въ реформахъ. Поэтому Петръ поручалъ просвѣщеннымъ иностранцамъ, состоявшимъ у него на службѣ (Фикъ, Люберасъ), составлять записки о наилучшемъ устройствѣ государственныхъ учрежденій. Въ этихъ запискахъ, изъ которыхъ нѣкоторые сохранились до настоящаго времени предполагалось учрежденіе коллегіальныхъ установленій въ русскомъ государствѣ, взамѣнъ приказовъ, для завѣдыванія всѣми сторонами народной жизни и всѣми предметами государственнаго управленія. Идеи предполагавшихся реформъ раздѣлялись всѣми просвѣщенными сподвижниками Петра, какъ государственными людьми, такъ и іерархами, къ которымъ принадлежалъ и архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Петръ I вводилъ коллегіальное устройство государственныхъ учрежденій въ Россіи для завѣдыванія всѣми сторонами народной жизни и государства, считая ихъ, въ соотвѣтствіе современнымъ ему воззрѣніямъ правовѣдовъ и государственныхъ мужей, наилучшими для благосостоянія народа и страны. Соотвѣтственно тѣмъ же воззрѣніямъ онъ находилъ необходимою реформу въ устройствѣ правительственной власти русской Церкви. Состояніе русской Церкви,—справедливость требуетъ сказать,—представляла въ концѣ XVII в. не мало нестроеній и недостатковъ: патріархъ Адріанъ въ теченіе десяти лѣтъ управленія Церковію бездѣйствовалъ,—по болѣзни и слабости силъ, учебныхъ заведеній почти не было,—подготовка лицъ, посвящавшихъ себя служенію Церкви, была крайне недостаточна,—въ жизни бѣлаго и чернаго духовенства была безпорядочность (крестцовскіе попы, шатающіеся монахи),—управленіе огромными вотчинами и имуществами монастырей и епархіальныхъ архіереевъ было безконтрольно,—громадные доходы шли исключительно на монашествующихъ и ихъ учрежденія,—веденіе дѣлъ въ церковныхъ приказахъ отличалось волокитою, взяточничествомъ, притѣсненіями и т. п.; благотворительность была неорганизована. Для устраненія неустройства въ русской церкви, для ея благоустройства и для успѣшнѣйшаго завѣдыванія ея дѣлами ко благу народа или, по выраженію Духовнаго Регламента (ч. I, п. 3), „на общее добро", Петръ I предпринялъ учрежденіе „правительскаго Духовнаго Коллегіума", переименованнаго въ день его открытія въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Въ манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи

говорится, что Государь Самодержецъ, „между многими, по долгу богоданныя ему власти, попеченьми о исправлении народа, посмотря и на духовный чинъ и видя въ немъ много нестроенія и великую въ дѣлахъ его скудость... восприявъ попеченіе о исправлении чина духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства, понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ,... уставляетъ Духовную Коллегію". Въ приведенныхъ словахъ Монарха ясно указывается цѣль учрежденія „Духовнаго Соборнаго Прательства".—Имѣлъ ли преобразователь „намѣреніе ограничить вѣдомство Церкви и стѣснить ея вліяніе", какъ утверждаетъ профессоръ Барсовъ?—Совершенно и рѣшительно отрицаемъ такого рода намѣреніе Петра I. Напротивъ, Петръ I своимъ законодательствомъ предоставляетъ Церкви въ лицѣ Св. Синода широкую власть и силу, собственному ея назначенію. Въ томъ же именномъ указѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи Самодержецъ обнародываетъ: „уставляемъ Духовную Коллегію, то есть Духовное Соборное правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ Регламентѣ (а равно и по Генеральному Регламенту) имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять; и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное правительство, и у него крайнія дѣлъ управы, рѣшенія и вершенія просить, и судомъ его опредѣленнымъ довольствоваться, и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ коллегій. Должна же есть Коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой, яковыхъ правилъ потребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи; однакоже дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ Нашего соизволенія". Такимъ образомъ, Монархъ, съ учрежденіемъ Св. Синода, признаетъ за нимъ и въ издаваемомъ законѣ высшую и всестороннюю власть во Всероссійской Церкви по всѣмъ духовнымъ дѣламъ—управляющую (административную), судебную и распорядительную и законодательную. Но и Коллегія должна дѣйствовать не по усмотрѣнію и произволу одного какого либо лица, хотя бы и президента своего, а по Регламенту, спеціальному Духовному и Генеральному коллежскому, и подъ надзоромъ представителя монарха „ока царева" и „стряпчаго государственныхъ дѣлъ". На чемъ основываетъ проф. Барсовъ свое мнѣніе, что великій преобразователь церковнаго правительства „пріялъ намѣреніе ограничить вѣдомство Церкви и стѣснить ея вліяніе", —мы недоумѣваемъ. Напротивъ, Петръ I обнаруживалъ самыя благорасположенныя отношенія къ Св. Синоду и даже готовность къ расширенію его „вѣдомства" и къ усиленію его значенія и „вліянія". Это понимали и іерархи, вступившіе въ первоначальный составъ Св. Синода. Въ такомъ пониманіи они въ самый день открытія Св. Синода обратились къ Государю съ „докладомъ", въ которомъ они выражались: „Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, соборами и правленіемъ, которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли, того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалась какъ въ вѣрности, такъ и во искании интереса Царскаго Величества противъ прочихъ коллегій не меньше?" И Государь далъ резолюцію: „Быть по сему". Вслѣдствіе того же доклада Государь уравнялъ Св. Синодъ съ Сенатомъ по значенію въ государствѣ.

Что касается воззрѣній Петра I на „единоличную“ патріаршую власть, то они были совершенно сходны съ тѣми, которыя господствовали у правовѣдовъ и государственныхъ людей его времени на Западѣ Европы на единоличныхъ правителей въ разныхъ сторонахъ государственнаго управленія, дѣйствовавшихъ или „самовластно“, какъ папа и латинскіе епископы, или „пристрастно“, „коварно“ и „лихоимно“, прикрываясь уполномочіемъ отъ монарха, а не по регламентамъ. „Въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ“, выражается Государь въ именномъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи указѣ. Этимъ же указомъ и Регламентомъ и Президентъ Духовной Коллегіи поставленъ въ ея составѣ въ такое положеніе, что къ его силѣ и значенію ни на іоту ничего не прибавилось бы, если бы ему въ то время данъ былъ титулъ патріарха, какъ юридически, не увеличились впослѣдствіи сила и значеніе члена Св. Синода, отличеннаго титуломъ „первенствующаго“,—или отъ того, что въ наше время пожалованы были митрополитамъ московскому Филарету и с.-петербургскому Исидору внѣшнія отличія патріаршаго сана (двѣ панагіи, крестъ на митрѣ и преднесеніе креста при Богослуженіи).

Правда,—продолжаетъ М. И. Горчаковъ,—послѣ Петра въ XVIII и въ XIX вв. произошли многочисленныя перемѣны и въ организаціи присутствія Св. Синода и въ отношеніяхъ къ нему государственной власти. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ высказывались и высказываются разнообразныя о степени значенія Св. Синода мнѣнія и въ обществѣ, и въ литературѣ русской и иностранной, доступной всѣмъ и цензурою недопущенной къ обращенію въ публикѣ, въ родѣ появившейся въ 1896 г. въ Браиловѣ на русскомъ языкѣ брошюры. Но справедливость заставляетъ насъ утверждать: авторитетъ присутствія Св. Синода всегда стоялъ и нынѣ стоитъ высоко, крѣпко и твердо, какъ въ сознаніи и въ отношеніяхъ къ нему всѣхъ членовъ и установленій Русской Церкви, такъ и правительствъ всѣхъ помѣстныхъ православныхъ церквей, нѣкоторыхъ инославныхъ (Несторіанской, Абиссинской, Англиканской церкви) и другихъ вѣроисповѣдныхъ христіанскихъ обществъ,—а равно и всѣхъ лицъ, признающихъ принципы нормальнаго, по началамъ православнаго церковнаго права, строя церковнаго правительства въ согласіи съ современными началами государственнаго права. Начала права вселенской Церкви, на которыхъ должно стоять и дѣйствовать по регламенту, по современному законодательству и по своему положенію присутствіе Св. Синода, вполнѣ согласны съ принципами правомѣрнаго государства, какъ они понимаются въ современной наукѣ государственнаго права и выражаются въ законодательствахъ цивилизованныхъ государствъ. Авторитетъ присутствія Св. Синода не только нисколько не можетъ быть поколебленъ научнымъ, правдивымъ изслѣдованіемъ исторіи и дѣйствующаго русскаго церковнаго права, но еще наиболѣе можетъ быть, на началахъ права вселенской православной Церкви, выясненъ, возвышенъ и утвержденъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы титулъ „первенствующаго члена Св. Синода“ былъ замѣненъ титуломъ патріарха. Упреки, какіе могутъ дѣлаться устройству, управленію и отправленіямъ русской церковной власти, должны быть, по справедливости, относимы не столько къ присутствію Св. Синода, сколько къ учрежденіямъ, при немъ состоявшимъ и состоящимъ. Если бы профессоръ Т. В. Барсовъ образовалъ и усвоилъ себѣ воззрѣнія на происхожденіе и исторію Св. Синода въ связи съ историческимъ въ Европѣ и въ Россіи развитіемъ въ XVIII и XIX вв. началъ государствовѣдѣнія и правовѣдѣнія и касательно отношеній между государствомъ и Церковію: то онъ,—мы увѣрены, въ своемъ сочиненіи, подъ тѣмъ

заглавіемъ, какое онъ далъ своей первой книгѣ, представилъ бы исторію Св. Синода въ его устройствѣ по видамъ власти, ему принадлежащей, по предметамъ вѣдѣнія и т. д. въ юридической конструкціи"[1]).

Въ „Отзывѣ" на книгу С. Г. Рункевича мы читаемъ слѣдующее[2]): „Мы вполнѣ согласны съ г. Рункевичемъ въ томъ что причиною петровыхъ пеобразованій въ церковной жизни, какъ и всѣхъ вообще реформъ этого великаго государя, было стремленіе къ общему благу, къ устраненію своекорыстныхъ злоупотребленій, и сознаніе своей царской отвѣтственности предъ Богомъ, такъ прямо выраженное въ манифестѣ объ учрежденіи Синода". Но мы отрицаемъ мысль г. Рункевича, что въ церковныхъ реформахъ Петра не было системы". Мы рѣшительно утверждаемъ, что во всѣхъ реформахъ Петра, госурственныхъ и церковныхъ, выражалась цѣльная система его политическихъ воззрѣній, сознательно, примѣнительно къ потребностямъ и теченію современной ему жизни и настойчиво проводившихся и основанныхъ на опредѣленныхъ принципахъ. Онъ зналъ преобразовательныя попытки XVII вѣка въ русскомъ государствѣ и въ отношеніяхъ его къ Церкви. Чѣмъ объяснить немедленное и рѣшительное по смерти патріарха Адріана возстановленіе Петромъ Монастырскаго приказа, какъ не тѣмъ, что онъ зналъ о существованіи его по Уложенію 1649 года, и имѣлъ въ сознаніи своемъ созрѣвшій опредѣленный политическій принципъ касательно отношеній государства къ церковнымъ имуществамъ? —Чѣмъ можно объяснить распорядительные указы Петра о назначеніи мѣстоблюстителя патріаршаго престола, учрежденія „освященнаго собора" при немъ изъ очередныхъ архіереевъ, о вѣротерпимости къ иностраннымъ исповѣданіямъ, о формѣ и условіяхъ заключенія браковъ и т. п., какъ не тѣмъ, что прицпы, выраженные въ его указахъ, примѣнялись въ Россіи и до него и ему были извѣстны?—Въ виду разныхъ неустройствъ и великой скудости въ дѣлахъ въ государствѣ и Церкви и въ сознаніи долга служить благу государства и народа, Петръ сознавалъ необходимость—дать возможно сильное движеніе тому прогрессивному теченію государственной и церковной жизни, начало котораго слабо проявлялось до его времени. Ставши единовластителемъ и единоличнымъ самодержцемъ Россіи, онъ съ 1696 г. во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ выражалъ принципъ верховной власти въ отношеніи ко всѣмъ сторонамъ государственной и народной жизни. Задумываясь надъ преобразованіями въ государствѣ своемъ, Петръ I, какъ несомнѣнно извѣстно, при сношеніяхъ съ иностранцами въ Россіи, во время своихъ путешествій по европейскимъ странамъ, по предложеніямъ и по запискамъ, которыя ему подавались объ улучшеніи разныхъ сторонъ въ государствѣ, знакомился съ господствовавшими въ его время въ наукѣ и въ законодательствахъ западной Европы политическими воззрѣніями и принципами. Петру и нѣкоторымъ его сподвижникамъ были извѣстны сочиненія Бодена, Гуго Гроціи, Гоббеза, Спинозы, Пуфендорфа, Томазія и Лейбница. Въ нихъ проводились новыя политическія воззрѣнія на природу и назначеніе государства, на существо права, о верховенствѣ монарховъ, о видахъ ихъ верховной власти, объ отношеніяхъ государей и государствъ къ Церкви и различнымъ вѣроисповѣданіямъ, объ устройствѣ государственныхъ и церковныхъ учрежденій; о правахъ и „должностяхъ" подданныхъ въ отношеніяхъ къ монархамъ и государству и т. п. Эти воззрѣнія чрезъ книги и чрезъ университетскія каѳедры проникали въ общество, распространялись въ народахъ, усвоялись людьми, посвящавшими

---

[1]) Ibidem, стр. 11—15.

[2]) Отчетъ о XLIII присужденіи наградъ гр. Уварова. Отд. оттискъ СПб. 1902, стр. 21—30.

себя на службу государству, принимались государственными людьми и монархами и приводились въ законодательства. Съ половины XVII вѣка создалась въ наукахъ государственнаго и церковнаго права западной Европы теорія о „территоріальной системѣ" государственнаго устройства и управленія и отношеній государства къ Церкви. Основныя начала этой теоріи—слѣдующія: всякому государству, заключающемуся въ опредѣленной территоріи, свойственно верховенство правъ и власти,—независимо отъ главы римско-католической Церкви, считающаго себя духовнымъ главою всего христіанскаго міра, и отъ „императора священной римской имперіи". Монарху страны принадлежатъ всѣ виды верховной власти (imperium summarum potestatum) въ своей странѣ въ отношеніи всѣхъ сторонъ и по всѣмъ предметамъ государственной и народной жизни. Онъ имѣетъ право самостоятельно и независимо издавать законы объ устройствѣ каждой стороны жизни въ ея цѣломъ содержаніи, и по частямъ,—то есть издавать и общіе законы о томъ или другомъ предметѣ, и частные. Онъ—верховный правитель страны и верховный „крайній судія", на рѣшеніе котораго не можетъ быть апелляціи ни къ какой власти, внѣ его государства находящейся. Монархъ можетъ передавать въ той или другой долѣ часть того или другаго вида своей власти,—делегировать, поручать ее уполномочиваемому отъ него лицу или учрежденію. Онъ назначаетъ лицъ, изыскивающихъ прибыли или пользу государственной казнѣ, наблюдающихъ за интересами государства и получающихъ право представлять и предлагать ему свои мѣры и соображенія объ улучшеніи того или другого государственнаго дѣла. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ монархъ руководствуется исключительно заботами о благѣ государства и всего населенія страны. Къ религіи и Церкви, въ предѣлахъ государства существующей, монархъ также относится, какъ и къ другимъ сторонамъ и предметамъ народной и государственной жизни; такъ какъ вѣроисповѣданіе народа и устройство религіознаго общества или Церкви есть одна изъ сторонъ народной и государственной жизни. Особенности отношеній монарха къ религіи и Церкви сравнительно съ отношеніями къ другимъ сторонамъ жизни народа и государства стоятъ въ зависимости отъ существа религіи и Церкви. Религія, какъ способность личныхъ стремленій человѣка къ Богу, есть дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго подданнаго въ государствѣ; надъ совѣстью людей властенъ одинъ Богъ; въ религіозно-нравственное настроеніе людей, ихъ религіозныя вѣрованія, государственная власть не вмѣшивается. Но религія, какъ вѣроисповѣданіе, котораго держатся многочисленные подданные въ государствѣ, какъ учрежденіе, нуждающееся во внѣшней организаціи, какъ вѣроисповѣдный союзъ, религіозное общество, Церковь, по своему устройству, управленію, внѣшнимъ проявленіямъ и отношеніямъ въ народѣ составляетъ по необходимости предметъ попеченій государственной власти; такъ какъ устройство, управленіе и отношенія всякаго въ территоріи общества, составляя предметъ и содержаніе формъ и нормъ права, должны быть организованы въ согласіи съ общимъ строемъ государства и съ общимъ благомъ народа. Приведенныя положенія территоріальной системы отношеній государства къ Церкви во второй половинѣ XVII в., развивавшіяся въ наукѣ права, принимались всѣми просвѣщенными людьми того времени и проводились въ законодательства нѣкоторыхъ государствъ западной Европы съ тѣми или другими видоизмѣненіями. Въ видоизмѣненіяхъ совершалось дальнѣйшее развитіе основныхъ началъ территоріальной системы. Существенныя видоизмѣненія состояли въ томъ, что лица, назначавшіяся монархомъ въ завѣдываніе тою или другою стороною, тѣмъ или другимъ учрежденіемъ го-

сударства, получали отъ нихъ для руководства въ своей дѣятельности опредѣленные законы и правила, а не личныя лишь порученія, и стали замѣняться установленіями, въ личный составъ которыхъ входило нѣсколько равноправныхъ сослуживцевъ. Такія установленія получали названія совѣтовъ, коллегій, консисторій и т. п. Должностныя лица этихъ учрежденій должны имѣть совмѣстныя совѣщанія, „консиліи" (consilia), составлять засѣданія (concilia) для обсужденія и направленія дѣлъ, имъ порученныхъ, и, какъ равноправныя, назывались каллегами. Система устройства Церкви и отношеній къ ней государства съ учрежденіемъ въ ней для правительственныхъ отправленій коллегій получила названіе коллегіальной. Коллегіальная система устройства Церкви научнымъ образомъ была обоснована съ особенною ясностію знаменитымъ нѣмецкимъ юристомъ Пуфендорфомъ въ его сочиненіи: De habitu religionis chistianae ad vitam civilem, вышедшемъ въ 1686 г., и стала проводиться въ законодательство и въ жизнь въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы съ самаго конца XVII и въ первой четверти XVIII в. Въ сочиненіяхъ, развившихъ эту систему, сама Церковь понимается какъ collegium,—то есть, общество или союзъ одинаково настроенныхъ и мыслящихъ людей. По этой системѣ, высшая правительственная власть Церкви должна сосредоточиваться въ особой Духовной Коллегіи, которая въ большей части протестантскихъ странъ сохранила за собою названіе Генеральой или Оберъ-Консисторіи. Составныя части Церкви—общины,—или приходы; каждая община (Gemeinde) имѣетъ значеніе коллегіи. Въ личный составъ высшей правительственной Духовной Коллегіи должны входить съ равноправностію представители общинъ, учительнаго класса (пасторы) и государственнаго правительства. Духовная Коллегія должна дѣйствовать по Уставу или Регламенту,—изданному законодательною властію страны. Верховному главѣ государства принадлежитъ верховный надзоръ за дѣятельностію Коллегіи, который можетъ быть отъ монарха поручаемъ въ ней особому, уполномоченному отъ него лицу съ опредѣленными правами и обязанностями. Территоріальная и коллегіальная системы устройства Церкви и отношеній къ ней государства и въ научныхъ сочиненіяхъ, и въ законодательствахъ, и въ примѣненіи къ жизни соединялись, сходились и перемѣшивались въ частностяхъ, тѣмъ болѣе, что коллегіальная система вовсе не исключала нѣкоторыхъ положеній системы территоріальной [1]).— Петръ I въ первый разъ путешествовалъ въ Европѣ въ концѣ XVII в. и жилъ довольно долгое время въ Голландіи, которая была отечествомъ знаменитаго ученаго Гуго Гроція, написавшаго сочиненіе—De imperio summarum potestatum circa sacra, во второй половинѣ XVII в., распространившееся не только въ Голландіи, но и во всѣхъ странахъ Европы въ нѣсколькихъ изданіяхъ (Par. 1648, Hagae 1652, 1661 (4 ед.), Amst 1677, Frankf. 1690) [2]). Въ сочиненіи Гуго Гроція развиваются тѣ положенія, которыя въ своей совокупности и взаимной связи и составляютъ территоріальную систему отношеній государства къ Церкви. Быть не можетъ, чтобы русскій Государь, во время пребыванія своего въ Голландіи и путешествія по другимъ странамъ Европы, не ознакомился съ идеями Гуго Гроція и его послѣдователей, усвоившихъ тѣ же идеи.

---

[1]) „Пуфендорфъ-коллегіалистъ съ территоріалистическою модификацією, а Томазій-строгій или рѣзкій территоріалистъ съ коллегіалистическою модификацією", Dr. Ph. Zorn, въ Lehrbuch des Kirchenrechts, Stuttgart, 1888, S. 158 примѣч.

[2]) См. Geschichte der Quellen und Litteratur des Canonischen Rechts, von Dr. Er. von Schulte, Dritter Band, Stuttgart, 1880, S. 263—264.

Самодержецъ всея Россіи, великій Петръ не могъ усмотрѣть въ территоріальной системѣ устройства Церкви и отношеній къ ней монарха ничего такого, что было бы несогласно и не совпадало бы съ русскими воззрѣніями на царскую власть въ отношеніи ея къ такимъ сторонамъ и предметамъ народной жизни, которые по самому своему существу не относятся къ вѣроученію и богослуженію Церкви. Усвоивъ идеи территоріальной системы, Петръ I выражалъ ихъ во всѣхъ повелѣніяхъ и указахъ, которые онъ издавалъ по запросамъ, обращеннымъ къ нему по случаю тѣхъ или другихъ происшествій въ церковной жизни, или въ виду такихъ потребностей государства, къ удовлетворенію которыхъ могли служить предметы или лица, состоявшія до него въ вѣдѣніи церковной власти. Въ высшей степени замѣчательно, что Петръ не замедлялъ своими указами и повелѣніями на доношенія и запросы къ нему относительно церковныхъ дѣлъ. Ясно изъ этого, что Петръ руководился въ отношеніяхъ своихъ къ Церкви во время реформаторской своей дѣятельности готовыми у него опредѣленными принципами. Эти принципы были идея территоріальной системы. Ими объясняется вся реформаторская дѣятельность Петра въ отношеніи къ церкви до учрежденія Св. Синода. Но съ идеями территоріальной системы Петръ съ теченіемъ времени соединилъ и идеи системы коллегіальной, которой онъ сталъ отдавать предпочтеніе въ устроеніи государственныхъ и церковныхъ учрежденій"[1]).

Наконецъ, въ статьѣ „Св. Синодъ" въ XXX т. Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Эфрона I-го изданія (1900 г.), М. И. Горчаковъ даетъ читателю очеркъ современнаго юридическаго положенія Св. Синода съ точки зрѣнія догмы права. Здѣсь заслуживаютъ вниманія начальныя строки статьи, въ которыхъ проф. М. И. Горчаковъ въ краткихъ словахъ опредѣляетъ юридическую природу Св. Синода, какъ учрежденія. „Св. Синодъ,—говоритъ М. И. Горчаковъ,—есть соборное, обладающее въ Русской Православной Церкви всѣми видами высшей власти и состоящее въ сношеніяхъ съ заграничными православными Церквами правительство, чрезъ которое дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи верховная самодержавная власть, его учредившая (Св. Зак. Основн. т. I, ч. I, ст. 43). Св. Синодъ учрежденъ имп. Петромъ I 25 января и торжественно открытъ 14 февраля 1721 г. Св. Синодъ, немедленно по его учрежденіи, былъ поставленъ верховною властью въ строй правительственныхъ учрежденій государства. Надъ Синодомъ нѣтъ иной высшей власти, кромѣ единой самодержавной особы монарха. Правительственное его значеніе въ дѣлахъ государственныхъ" и т. д. Далѣе проф. М. И. Горчаковъ говоритъ о составѣ и организаціи Св. Синода, предѣлахъ его власти, объ учрежденіяхъ и органахъ при немъ и о Синодальномъ Оберъ-Прокурорѣ.

Такимъ образомъ М. И. Горчаковъ совершенно откровенно признаетъ чисто западное, протестантское происхожденіе Духовной Коллегіи,

---

[1]) Въ библіотекѣ кн. Д. М. Голицына были русскіе переводы Томазія, Гуго Гроція и Пуфендорфа (Древняя и Новая Россія, окт. 1879, стр. 22—26). Петръ I имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ Голицынымъ о новыхъ предпріятіяхъ и выслушивалъ его мнѣнія. По повелѣнію Петра I „Краткая политика Пуфендорфа" была переведа на русскій языкъ, по Дух. Регламенту введена была въ число учебныхъ предметовъ епархіальныхъ училищъ (П. Собр. Постан. т. I стр. 20 п. 10 § ст. 6) и преподавалась въ духовныхъ семинаріяхъ XVIII в. (Рязанскія епарх. вѣдом. 1878 № 10 стр. 329). Примѣчаніе М. И. Горчакова.

переименованной лишь въ Св. Синодъ. Вся церковная реформа Петра представляется ему возникшей изъ историческихъ условій русской жизни того времени и проведенной, по своей формѣ, подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ западныхъ философскихъ и политическихъ ученій, усвоеніе которыхъ Петромъ и его сподвижниками вполнѣ законно, такъ какъ „положенія территоріальной системы отношеній государства къ Церкви во второй половинѣ XVII в., развивавшіяся въ наукѣ права, принималась всѣми просвѣщенными людьми того времени" [1]), къ которымъ хотѣли и, очевидно, должны были,—по мнѣнію автора,—принадлежать Петръ и его окружающіе. Однако, хотя проведеніе въ жизнь территоріальной системы или, составлявшей дальнѣйшее развитіе ея, системы государственной церковности повсюду сопровождалось юридическимъ подчиненіемъ Церкви свѣтской власти, чего раньше не было, тѣмъ не менѣе, М. И. Горчаковъ не видитъ въ этомъ ничего предосудительнаго для Русской Церкви съ церковной точки зрѣнія и рѣшительно отрицаетъ какія бы то ни было ограниченія вѣдомства Церкви. Въ своихъ „Отзывахъ" онъ выступаетъ безусловнымъ защитникомъ канонической правомѣрности церковной реформы Петра и авторитета Св. Синода, забывая, впрочемъ, то, что въ 1874 г. было высказано имъ по поводу лекцій Трейтшке (см. выше стр. XCII).

Несомнѣнныя противорѣчія во взглядахъ М. И. Горчакова можно объяснить себѣ только тѣмъ, что онъ исторически и юридически не отличалъ Духовной Коллегіи, какъ она была проектирована и учреждена Ѳеофаномъ и Петромъ по образцу протестантской Генеральной или Оберъ-Консисторіи, съ явнымъ нарушеніемъ православной традиціи и положеній православнаго церковнаго права, и Св. Синода, въ который Духовная Коллегія стала превращаться съ самаго дня своего открытія съ постепеннымъ „оцерковленіемъ" ея до состоянія, правда, только внѣшне похожаго на постоянный церковный соборъ. Далѣе, М. И. Горчаковъ совсѣмъ не отмѣчалъ, какое совершенно новое принципіальное начало внесло въ церковно-государственныя отношенія ученіе школы естественнаго права, положившее основаніе „полицейскому государству" и „просвѣщенному абсолютизму", которыя низводили религію и Церковь на положеніе служебное цѣлямъ государства, съ чѣмъ ни католическое, ни православное самосознанія никогда не могли примириться. Въ этомъ именно и заключалось ограниченіе вѣдомства Церкви, о которомъ, говорилъ Т. В. Барсовъ и другіе. Конечно, психологически можно было оправдывать Петра его желаніемъ не отстать отъ воззрѣній своего вѣка. Однако не всякія модныя воззрѣнія согласуются съ основными началами вѣры и православнаго церковнаго права. Защищая авторитетъ Св. Синода, который могъ быть обоснованъ на совершенно другихъ соображеніяхъ, М. И. Горчаковъ напрасно уклонялся отъ прямого и точнаго пониманія исторической истины.

М. Е. Красноженъ. Въ „Краткомъ курсѣ церковнаго права" профессора М. Е. Красножена (Юрьевъ, 1900, 1906, 1913) находимъ § 44. „Св. Пр. Синодъ; его происхожденіе устройство и власть". „Въ царствованіе Петра В.,—говоритъ авторъ,—единоличное патріаршее управленіе русской Церкви было замѣнено коллегіальнымъ—синодальнымъ" (стр. 81). Причины этого изложены по Духовному Регламенту („вины" I-ой части). За этимъ слѣдуетъ замѣчаніе: „Однако Петръ В. не могъ одною своею властью уничтожить патріаршество и замѣнить его коллегіальнымъ управленіемъ. Какъ государственное учрежденіе, Синодъ могъ,

[1]) Отчетъ XLIII, стр. 28.

конечно, возникнуть по волѣ одного государя, но какъ высшій церковный органъ онъ нуждался въ утвержденіи патріарховъ“ (стр. 82). Коснувшись затѣмъ состава присутствія Св. Синода и порядка его засѣданій, профессоръ Красноженъ усвояетъ ему власть законодательную, административную и духовно-судебную (стр. 84—86). Такимъ образомъ сущность церковной реформы Петра, авторъ видитъ только въ замѣнѣ единоличной формы церковнаго управленія коллегіальной. Существенной перемѣны, привнесенной реформой въ отношенія Церкви и государства въ Россіи, профессоръ Красноженъ не усматриваетъ (ср. стр. 43). Св. Синодъ онъ считаетъ органомъ и государственнымъ и церковнымъ въ одно и то же время.

А. С. Павловъ. Профессоръ А. С. Павловъ въ „Курсѣ церковнаго права“ (посмертное изданіе редакціи „Богословскаго Вѣстника“, выполненное подъ наблюденіемъ доцента Московской Духовной Академіи И. М. Громогласова, Св.-Троицкая Сергіева Лавра, 1902) касается Св. Синода въ двухъ мѣстахъ: 1) въ § 86—„Св. Пр. Синодъ; учрежденіе и каноническое значеніе его“ (стр. 269—272) и 2) въ § 148—„Историческій очеркъ отношеній русской Церкви къ государству“, п. 3 (стр. 506—510).

Въ § 86-мъ А. С. Павловъ передаетъ общеизвѣстные факты объ учрежденіи Св. Синода и въ заключеніе даетъ имъ такую оцѣнку: „Такимъ образомъ, въ каноническомъ смыслѣ, русскій Синодъ есть постоянный соборъ, равный по своей власти съ 4 восточными патріархами и потому носящій ихъ каноническій титулъ „Святѣйшаго“; потому же имя его при богослуженіи произносится на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде произносилось имя патріарха. Отличіе нашего Синода отъ постоянныхъ синодовъ, существующихъ при восточныхъ патріархахъ, состоитъ только въ томъ, что онъ является не дополненіемъ къ лицу патріарха, такъ что Синодъ есть какъ бы коллективное лицо патріарха“ (стр. 272).

Въ § 148, періодъ 3, А. С. Павловъ развиваетъ болѣе подробно свои мысли о подчиненіи со времени Петра Великаго Русской Церкви государству. По мнѣнію А. С. Павлова, въ своей церковной реформѣ, Петръ исходилъ изъ протестантской территоріальной системы, на Церковь смотрѣлъ какъ на служебную силу государства. Съ территоріальной системой Петръ познакомился въ Голландіи по сочиненіямъ Пуфендорфа. „Принципы этой теоріи проглядываютъ во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ Петра Великаго въ сферѣ церковнаго управленія“, начиная съ уничтоженія патріаршества и учрежденія Св. Синода (слѣдуетъ выписка изъ Д. Р., ч. I, „вины“, п. 7). „Въ организаціи вновь созданнаго, на смѣну патріаршества, высшаго церковно-правительственнаго учрежденія ярко сказалось стремленіе поставить церковныя дѣла подъ непосредственный контроль Верховной государственной власти“, органомъ которой явился Синодальный Оберъ-Прокуроръ. Члены Синода обязаны были приносить служебную присягу съ извѣстными словами о „крайнемъ судіи“. Впослѣдствіи Синодъ въ духовныхъ дѣлахъ получилъ ту же власть, какую Сенатъ имѣлъ въ мірскихъ. „Такимъ образомъ,—заключаетъ А. С. Павловъ,—во главѣ Церкви, по законодательству Петра стоитъ та же самодержавная власть, что и во главѣ государства. Въ Духовномъ Регламентѣ государь называется „блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“,—опредѣленіе вошедшее и въ Сводъ Законовъ“ (стр. 507—508). „По идеямъ XVI в., Церковь и государство имѣютъ одну высшую цѣль—вѣчное спасеніе душъ, и по отношенію этой цѣли государственная власть съ своими матеріальными средствами дѣйствуетъ въ подчиненіи духовной. По идеямъ Петра В. и его

преемниковъ, Церковь и государство имѣютъ также одну цѣль — общее благо и по отношенію этой цѣли духовная власть съ своими духовными средствами дѣйствуетъ въ подчиненіи государственной" (стр. 509). Приведя затѣмъ примѣры этого подчиненія, А. С. Павловъ заключаетъ, что установившіяся въ Россіи церковно-государственныя отношенія не могутъ быть существенно измѣнены безъ перемѣнъ во всемъ государственномъ организмѣ, такъ какъ онѣ основаны на коренныхъ началахъ нашего государственнаго права (стр. 513).

Л. А. Тихомировъ. Л. А. Тихомировъ, въ статьѣ „Запросы жизни и наше церковное управленіе" (Московскія Вѣдомости) за 1902 г. №№ 343—345 и отдѣльно, Москва 1903, 45 стр. in 16°)[1]), критикуетъ современное устройство и управленіе Русской Церкви, находя власть Св. Синода, построеннаго на коллегіальномъ началѣ, хотя и не выдержанномъ вполнѣ, слишкомъ слабою, подавляемой авторитетомъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора и др. гражданскихъ властей, и требуетъ реформъ въ смыслѣ возобновленія дѣятельности Помѣстныхъ Соборовъ, особыхъ отъ Св. Синода, который съ ними не равняется; — систематизаціи дѣйствій Синода; — предоставленія первоприсутствующему патріаршихъ правъ, а Св. Синоду—совѣщательныхъ функцій;—ограниченія Оберъ-Прокурора лишь функціей надзора за законнымъ теченіемъ дѣлъ церковнаго управленія. Наконецъ, Л. А. Тихомировъ требуетъ, чтобы всѣ сношенія Св. Синода съ Верховной властью происходили непосредственно чрезъ первосвятительствующаго митрополита или патріарха. Такимъ образомъ къ церковной реформѣ Петра Л. А. Тихомировъ относится отрицательно и ищетъ изъ нея лучшаго выхода [2]).

П. В. Тихомировъ. Статья профессора Московской Духовной Академіи П. В. Тихомирова „Каноническое достоинство реформы Петра Великаго по церковному управленію („Богословскій Вѣстникъ" 1904 г. январь, стр. 75—106; февраль, стр. 217—247) не представляетъ собою научнаго интереса, будучи окрашена въ ярко полемическій и публицистическій тонъ. Вызванныя статьями Л. А. Тихомирова „Запросы жизни и наше церковное управленіе" и проф. Н. А. Заозерскаго „О средствахъ къ усиленію высшей церковной власти въ Россіи", работа П. В. Тихомирова не даетъ наукѣ никакихъ новыхъ матеріаловъ для исторіи учрежденія Духовной Коллегіи и составленія Духовнаго Регламента и лишь содержитъ кое-какія мѣткія замѣчанія критическаго характера. Къ церковной реформѣ Петра авторъ относится, конечно, рѣзко отрицательно [3]).

18. Взглядъ на церковную реформу Петра В. Русскаго Правительства, Св. Синода и русской іерархіи въ связи съ проектомъ созыва Помѣстнаго Собора Русской Церкви.

Возрожденіе идеи соборности. Начало девятисотыхъ годовъ ознаменовалось въ Россіи значительнымъ подъемомъ общественнаго самосознанія, принимавшаго порою характеръ броженія. Главное вниманіе общества за-

---

[1]) По поводу этой статьи см. Н. А. Заозерскаго, О средствахъ усиленія власти нашего высшаго церковнаго управленія. Богословскій Вѣстникъ, 1903, Апрѣль, 687—715; Сентябрь, 1—18; Декабрь, 371—393.

[2]) Ср. его-же „Монархическая государственность", ч. III, гл. 35.

[3]) Рѣзкую критику на эту статью см. у Е. Е Голубинскаго, „О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви". М. 1913.

нимали вопросы соціальные и экономическіе, но не были совсѣмъ забыты и вопросы религіозные. На страницахъ повременной печати стали появляться статьи, отчасти требовавшія расширенія началъ вѣротерпимости къ иновѣрцамъ, раскольникамъ, сектантамъ, отчасти указывавшія на тяжелое и безправное положеніе самой Православной Церкви въ Россіи. Въ Петербургѣ образовалось даже Религіозно-философское общество, въ которомъ обсуждались вопросы не только отвлеченные, но и живой дѣйствительности. Это общество открыло и свой органъ, журналъ „Новый Путь", и т. д. Подъ вліяніемъ этихъ обстоятельствъ 26 февраля 1903 г. появился Высочайшій манифестъ, въ которомъ, между прочимъ, признавалось за благо „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями завѣтовъ вѣротерпимости", не колебля, однако, господствующаго положенія Православной Церкви (Собр. Узак. 1903 г. № 20, ст. 246). Между тѣмъ 27 января 1904 г. началась несчастная война Россіи съ Японіей, которая еще выше подняла волну броженія. Военныя неудачи общество приписывало бюрократическому строю Русской государственности и искало выхода въ созданіи законодательныхъ учрежденій, построенныхъ на началѣ свободнаго избранія въ нихъ представителей отъ населенія. Заговорили о созывѣ Земскаго Собора, о забытомъ соборномъ началѣ и т. д. Наиболѣе рѣзкое выраженіе общественное броженіе получило въ постановленіяхъ частнаго совѣщанія земскихъ дѣятелей въ Петербургѣ 6, 7 и 8 ноября 1904 г.[1]). Какъ бы въ отвѣтъ на это послѣдовалъ именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату 12 декабря 1904 г., въ которомъ выражалось намѣреніе произвести необходимыя преобразованія и намѣчалось чего они должны были коснуться. Здѣсь въ шестомъ пунктѣ, со ссылкою на манифестъ 26 февраля 1903 г., было вновь повторено о вѣротерпимости. Въ концѣ указа говорилось, что „разсмотрѣніе вопроса о наилучшемъ способѣ проведенія въ жизнь намѣреній" Государя поручается Комитету Министровъ съ требованіемъ въ кратчайшій срокъ представить свои заключенія (Собр. узак. № 189 ст. 1916). На основаніи этого повелѣнія Комитетъ Министровъ, усиленный въ своемъ составѣ предсѣдателями Департаментовъ Государственнаго Совѣта, обсуждалъ предложенные ему вопросы, между прочимъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости. Плодомъ его работъ въ этомъ отношеніи былъ цѣлый рядъ Высочайше утвержденныхъ положеній Комитета Министровъ и, наконецъ, извѣстный указъ 17 апрѣля 1905 г. объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости[2]). При этомъ, однако, выяснилось, что предоставленіе льготъ и свободы инославнымъ исповѣданіямъ, старообрядчеству и сектанству неизбѣжно должно отразиться на положеніи господствующей въ Россіи Православной Церкви, зависимость которой отъ свѣтской власти становилась слишкомъ замѣтной. Поэтому въ особомъ совѣщаніи Комитета Министровъ и предсѣдателей Департаментовъ Государственнаго Совѣта возбужденъ былъ вопросъ о желательныхъ преобразованіяхъ церковнаго управленія въ Россіи[3]). Инціатива этого возбужденія исходила отъ предсѣдателя Совѣщанія, Предсѣдателя Комитета Министровъ гр. С. Ю. Витте, который и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на это дѣло.

М. Антоній. Тогда въ Совѣщаніе былъ приглашенъ С.-Петербургскій

---

[1]) „Новѣйшія преобразованія Русскаго государственнаго строя". СПб. 1906, стр. 39—41.

[2]) Г. Г. Савичъ, Новый государственный строй Россіи. СПб. 1907, стр. 306—358.

[3]) Излагаемое ниже взято нами изъ оффиціальной статьи: „О преобразованіи церковнаго управленія въ Россіи на соборномъ началѣ" Церковныя Вѣдомости отъ 5 ноября 1905 г. № 45, Прибавленія стр. 1897—1905 и изъ книги Н. Д. Кузнецова „Преобразованія въ Русской Церкви". Разсмотрѣніе вопроса по оффиціальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни. М. 1906.

Митрополитъ Антоній, высказавшій свои соображенія въ видѣ „Вопросовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви“ [1]). Въ этой запискѣ было 7 вопросовъ, изъ коихъ насъ интересуютъ 2, 3 и 7-ой, а именно здѣсь читаемъ:

„2) Такъ какъ однимъ изъ величайшихъ преимуществъ инославныхъ обществъ теперь является ихъ автономія во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя-бы нѣсколько ослабить ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ Церковь самостоятельности и инціативы, и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ не слышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни?

3. Не слѣдуетъ-ли, поэтому, предоставить православной Церкви большей свободы въ управленіи ея внутренними дѣлами, гдѣ бы она могла руководиться главнымъ образомъ церковными канонами и нравственно-религіозными потребностями своихъ членовъ и, освобожденная отъ прямой государственной или политическоя миссіи, могла бы своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства?

7) Возрожденіе и оживленіе прихода, отъ чего справедливо ожидаютъ благодѣтельныхъ послѣдствій для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, когда инціатива во многихъ дѣлахъ, а равно и окончательное вершеніе ихъ будутъ перенесены изъ центра въ области и епархіи. Но такая децентрализація, вмѣстѣ съ указанной выше перемѣной въ государственномъ положеніи Православной Церкви, естественно предполагаетъ и влечетъ за собою многія измѣненія въ строѣ церковнаго управленія, какъ центральнаго, такъ и епархіальнаго, и во взаимныхъ отношеніяхъ того и другого. Все это приводитъ къ мысли о необходимости пересмотра церковнаго строя. Съ другой стороны и независимо отъ этого, существуетъ настоятельная и въ литературѣ уже давно признаваемая необходимость пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго управленія, напр., особенно церковнаго суда, правъ и полномочій епархіальныхъ съѣздовъ, участія въ нихъ мірянъ, какъ представителей приходовъ и мн. др. Хотя всѣ эти вопросы тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными и законодательствомъ, но вполнѣ компетентно и окончательно могутъ быть разрѣшены только въ церковномъ совѣщаніи. Поэтому, не благовременно-ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ духовенства и мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій?“ [2]).

Какъ видно изъ сдѣланныхъ выписокъ въ „Вопросахъ“ М. Антонія, очень осторожно и даже бѣдно составленныхъ, все-таки выражалось неодобреніе тому церковному строю, который имѣлъ своимъ началомъ церковную реформу Петра.

Гр. С. Ю. Витте. Однако само Особое Совѣщаніе при Комитетѣ Министровъ нашло „Вопросы“ М. Антонія недостаточно исчерпывающими задачу церковной реформы, а потому гр. С. Ю. Витте представилъ Совѣщанію отъ себя записку „О современномъ положеніи Право-

---

[1]) Цѣликомъ напечатана у Н. Д. Кузнецова, стр. 8—10.

[2]) Н. Д. Кузнецовъ стр. 9—10.

славной Церкви"[1]). Записка эта, составленная, конечно, не самимъ гр. Витте, а въ его канцеляріи, тѣмъ не менѣе можетъ служить выраженіемъ взглядовъ самого русскаго правительства, между прочимъ, на церковную реформу Петра и ея результаты, а потому на нее стоитъ обратить серьезное вниманіе. Сказавъ въ своей запискѣ, что „объявленіе религіозной свободы вызываетъ необходимость измѣненій и въ государственномъ положеніи Православной Церкви"; подчеркнувъ „современный упадокъ церковной жизни и ея причины"; указавъ на „соборное начало, какъ отличительную особенность древняго православія", и выяснивъ желательные „органы соборнаго управленія", т. е. патріарха съ состоящимъ при немъ соборомъ, гр. С. Ю. Витте переходилъ далѣе къ сужденію о „неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра".

„Учрежденный Преобразователемъ Россіи Синодъ носитъ только внѣшнія, отнюдь не каноническія, черты соборности. Въ немъ соборное начало подмѣнено коллегіальностью. Сущность соборнаго начала не въ томъ, что во главѣ правленія стоитъ не одно, а нѣсколько лицъ, а въ томъ, что каждое изъ этихъ лицъ является представителемъ цѣлой общины. Коллегіальность же есть лишь система внутренней бюрократической организаціи. Въ нашемъ синодальномъ управленіи нѣтъ представительства отъ каждой епархіи, нѣтъ представительства вообще, такъ какъ члены Синода назначаются правительствомъ; онъ представляетъ собою „не правительство церковное, а государственное бюрократическое учрежденіе". Постоянный Синодъ—говоритъ профессоръ Заозерскій—какую бы форму онъ ни имѣлъ, есть во всякомъ случаѣ только исполнительный органъ цѣлаго помѣстнаго собора. Это, конечно, вполнѣ приложимо и къ русскому Синоду. Но въ Россіи помѣстный соборъ не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже въ теченіе двухсотъ лѣтъ. А потому, вся система нашего церковнаго управленія представляется не имѣющею каноническаго основанія. Православные канонисты сознаются, что при учрежденіи Синода Петръ Великій дѣйствовалъ не по образцу обязательныхъ для православной Церкви каноновъ, а подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ каноническихъ системъ, съ которыми онъ познакомился въ Голландіи и Швеціи (Павловъ, Суворовъ и др.)". Далѣе говорилось о „Вліяніи на церковную жизнь реформы Петра Великаго".— „Изгнаніе изъ церковной жизни принципа соборности управленія повело за собою измѣненіе и самаго духа церковной жизни. Дѣятельность Синода уже въ первые годы приняла внѣшній бюрократически-полицейскій характеръ разыскивать разныя злоупотребленія, искоренять суевѣріе и свободомысліе въ разныхъ формахъ. Предписанія Синода епископамъ состояли по преимуществу изъ такихъ же наставленій о средствахъ розыска и искорененія, причемъ рекомендовалось иногда даже тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе. Всѣ духовныя обязанности членовъ православной Церкви были строго регламентированы и расписаны по статьямъ и параграфамъ, соотвѣтствующимъ нынѣшнему „уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій". Здѣсь было предусмотрѣно и уловлено всякое малѣйшее религіозное проявленіе духа и подробно предписано, какъ держать себя въ храмахъ и соблюдать въ нихъ благопристойность и тишину, какъ стоять предъ иконами, проводить праздники, ходить на исповѣдь и слѣдить за твердостью въ вѣрѣ православныхъ. Эти попытки полицейской регламентаціи не поддающихся ей предметовъ и явленій духовной

---

[1]) См. у. Н. Д. Кузнецова, стр. 26—36.

жизни несомнѣнно вносили въ церковную сферу мертвящее вѣяніе сухого бюрократизма.

Главною цѣлью церковной реформы Петра I было низвести Церковь на степень простого государственнаго учрежденія, преслѣдующаго исключительно государственныя цѣли. И дѣйствительно, церковное управленіе скоро сдѣлалось только однимъ изъ многочисленныхъ колесъ сложной государственной машины. Впослѣдствіи „вѣдомство православнаго исповѣданія" правильно организовалось по образцу остальныхъ министерствъ, съ Оберъ-Прокуроромъ во главѣ, который сталъ представителемъ Церкви предъ Государемъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ (Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ).

Въ настоящее время наше церковное управленіе носитъ замкнутый канцелярскій характеръ; іерахія сносится съ народомъ чрезъ посредство бумагъ, рѣдко входя съ нимъ въ непосредственное живое общеніе. При чемъ постоянной преградой между Церковью и народомъ, и Церковью и Государемъ стоитъ свѣтскій бюрократическій элементъ. Говорить о церковной самодѣятельности, самопочинѣ, или даже о взаимномъ живомъ общеніи между собою іерархіи не приходится. Живую общественную жизнь и здѣсь замѣнила бумага. Единственнымъ путемъ къ пробужденію замершей жизни можетъ быть только возвратъ къ прежнимъ каноническимъ формамъ церковнаго управленія" [1]).

К. П. Побѣдоносцевъ. Записка гр. С. Ю. Витте, въ которой Предсѣдатель Комитета Министровъ выступилъ съ далеко не мягкой критикой церковной реформы Петра и учрежденія имъ Духовной Коллегіи, конечно, не осталась безотвѣтной. Противъ нея представилъ свои „С о о б р а ж е н і я п о в о п р о с а м ъ о ж е л а т е л ь н ы х ъ п р е о б р а з о в а н і я х ъ в ъ п о с т а н о в к ѣ у н а с ъ П р а в о с л а в н о й Ц е р к в и" [2]) Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. П о б ѣ д о н о с ц е в ъ. По сходству мыслей и даже выраженій со статьею И. К. Зинченко, напечатанной еще въ Апрѣльской книжкѣ 1891 г. „Русскаго Вѣстника", можно съ увѣренностью полагать, что именно эта статья служила руководящей при составленіи „Соображеній". Въ нихъ отъ имени К. П. Побѣдоносцева писалось: „Донынѣ неразрывная связь Государства съ Церковью въ Россіи считалась основною опорою и Гусударства и Церкви, и распаденіе этой связи считалось гибельнымъ и для Церки и для Государства. Записка, разосланная Гг. Членамъ Комитета Министровъ, клонится, повидимому, подъ предлогомъ освобожденія Церкви, къ существенному ослабленію этой связи, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью Церкви и Государству. Составитель этой записки, повидимому, мало знакомъ и съ исторіей и съ нынѣшнимъ состояніемъ церковнаго управленія и съ тѣми условіями матеріальными, нравственными и соціальными, посреди коихъ происходитъ бытъ церковный. Идеаломъ церковнаго устройства и жизни церковной представляется ему, повидимому, состояніе Церкви въ вѣкахъ, предшествовавшихъ реформѣ Петра, и особливо въ 17-мъ столѣтіи при существованіи Патріаршества. Онъ приводитъ нѣкоторые источники, изъ коихъ, повидимому, почерпалъ свои сужденія, но едва ли можно признать серьезными для столь важнаго дѣла статьи богословскихъ журналовъ и книжки нѣкоторыхъ идеалистовъ и идеологовъ, не знакомыхъ съ дѣйствительностью и мечтавшихъ возродить нашу Церковь, вовративъ ее къ строю временъ до-Петровскихъ. Серьезными для сего источниками были бы основательныя сочиненія объ исторіи Государства и Церкви, съ нимъ нераз-

---

[1]) См. у Н. Д. К у з н е ц о в а, стр. 28—30.
[2]) См. у Н. Д. К у з н е ц о в а, стр. 39—46.

рывно связанной, напримѣръ, сочиненія Голубинскаго, Макарія, Соловьева и т. п. Изученіе такихъ источниковъ показало бы составителю этой записки всю неосновательность его сужденій. Онъ увидѣлъ бы, какую мертвенность церковнаго управленія и церковнаго быта, исполненныхъ невѣжества пастырей и паствы, злоупотребленій, суевѣрныхъ обычаевъ и насилій, обличаютъ совокупно съ Царемъ соборы, начиная со Стоглава. Онъ увидѣлъ бы, въ періодъ Патріаршества, какою мертвенностью обряднаго формализма исполнена была церковная жизнь съ церковнымъ управленіемъ, и, можетъ быть, убѣдился бы, что церковная реформа была необходима. Патріаршество устроено было въ Россіи не ради внутренней потребности, но ради возникшей въ Москвѣ политической мечты водворить на Руси порядки Византійскаго высшаго церковнаго управленія: желали имѣть, какъ въ актахъ говорится, для Церкви новаго Константина, а Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ. Но эти стремленія, какъ порывы чувства, разбивались требованіями разума и давленіемъ силы вещей. Чтобы нашему Патріарху сравниться съ Константинопольскимъ, для сего потребовалось бы учредить подъ нимъ іерархическое устройство по греческому образцу. Но въ Греціи епархіи небольшія и епископъ можетъ дѣлать все самолично; а такая близость къ паствѣ у насъ при обширности епархій невозможна. Съ учежденіемъ Патріаршества возникли только въ архіерейскомъ чинѣ „разгасія и межъ себя расприи и высости, нестроенія Церкви и отъ народа молвы и укоризны", что засвидѣтельствовали на Соборѣ 1681 г. согласно собравшіеся Митрополиты и Архіепископы, и Царю Өеодору били челомъ о возвышеніи приниженнаго патріаршею властью епископскаго сана и о свободѣ епископской дѣятельности. Патріархъ же мало по малу сталъ въ положеніе какъ бы феодальнаго владѣльца всей Церкви и дошелъ до того, что при Никонѣ сталъ именоваться Государемъ, Отцомъ и власть свою сталъ ставить самодержавно на ряду съ Царскою властью. Такъ, еще до воцаренія Петра изъ среды самого духовенства возникли уже требованія реформы, коимъ Петръ въ Духовномъ Рагламентѣ далъ опредѣленную, законную и обязателью форму. Въ строѣ церковной жизни епархій не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа была еще возвышена, и уничтожены, чего желали всѣ, поводы „къ разгласію, распрямъ и высостямъ" среди архіерейскаго чина. Событія въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтія показали, что патріаршее правленіе опасно для государства, и потому, въ цѣляхъ самозащиты, государству не осталось иного исхода, какъ уничтожить патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ; но съѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и безпутьѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно, и потому явилась необходимость учредить постоянный соборъ, въ формѣ Святѣйшаго Синода. Съ кончиною Петра не стало уже руководителя новыхъ учрежденій. Все измѣнилось, и XVIII столѣтіе было дѣйствительно для Церкви временемъ порабощенія и стѣсненій. Но не по винѣ новаго учрежденія, а потому, что Россіей стали править чуждые Россіи и русской вѣрѣ нѣмцы и по причинѣ всеобщаго невѣжества въ дѣлахъ Церкви и вѣры. Это же невѣжество было причиною и того, что въ царствованіе Павла I въ оффиціальномъ Государственномъ актѣ Императоръ поименованъ былъ Главою Церкви—названіе, не получившее впрочемъ оффиціальнаго значенія и дѣйственной силы. Но затѣмъ въ XIX столѣтіи, по мѣрѣ постепеннаго смягченія нравовъ и расширенія правъ, ничто уже не препятствовало Церкви, ограждаемой Государствомъ, усилить и расширить свое духовное вліяніе въ народѣ и въ обществѣ, и внимательный и безпристрастный изслѣдователь фактовъ

церковной жизни должен признать, что съ теченiемъ времени и съ распространенiемъ культуры въ обществѣ дѣятельность Церкви не только не понизилась противу прежняго времени, но получила значительное развитiе и новыя средства и способы для нравственнаго воздѣйствiя на паству". „Записка указываетъ на устраненiе изъ церковной жизни основного начала соборности, какъ главнаго принципа церковнаго управленiя. Но въ чемъ же тутъ стѣсненiе со стороны Государства? Выше показано, почему древней византiйской Церкви каноническое правило съѣзжаться хотя разъ въ годъ оказалось не примѣнимо къ Россiи по ея обширности, по обширности епархiй и по трудности сообщенiй. Правда, въ первой половинѣ 19 столѣтiя бывалъ запретъ епископамъ съѣзжаться, но объ немъ давно уже нѣтъ помину, и въ послѣднiя 25 лѣтъ по распоряженiю Синода устроялись неоднократно соборы помѣстныхъ церквей, именно въ Казани, въ Кiевѣ и въ Иркутскѣ". „Итакъ читаемъ въ заключенiи „Соображенiй"—по прочтенiи записки, остаемся мы въ томъ же недоумѣнiи: въ чемъ состоятъ предполагаемыя стѣсненiя высшаго церковнаго управленiя и дѣятельности духовенства со стороны Государственной власти, въ чемъ состоитъ столь тяжкая ея опека и слишкомъ бдительный (?) контроль свѣтской власти. Записка не даетъ на это опредѣленнаго отвѣта, довольствуясь общими мѣстами и неясными указанiями и жалобами"[1]). Подписано К. Побѣдоносцевъ, 12 марта 1905 г.

По поводу этихъ „Соображенiй" гр. С. Ю. Витте внесъ новую записку[2]) въ которой онъ подчеркивалъ „отсутствiе возраженiй со стороны Оберъ-Прокурора по основному пункту своей „записки" о неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра I-го и очень рѣзко критиковалъ отдѣльныя положенiя „Соображенiй". Здѣсь введены были указанiя на источники (?) „Записки" и „Соображенiй", каковыми, оказывается были, съ одной стороны сочиненiя Папкова, Павлова, Суворова, Заозерскаго, Тихомирова и др. мелкiя журнальныя статьи, а съ другой,—книга Рункевича безъ отзывовъ на нее Архiеп. Сергiя, Никольскаго, Карташева и др.

Высочайше одобренный взглядъ Св. Синода. Возникшiй горячiй бюрократическiй споръ закончился тѣмъ, что 13-го марта 1905 г., по ходатайству Оберъ-Прокурора Св. Синода послѣдовало Высочайшее повелѣнiе: „Изъять вопросъ изъ Совѣщанiя и передать на разсмотрѣнiе Св. Синода"[3]). Во исполненiе Высочайшей воли о разсмотрѣнiи въ Св. Синодѣ вопроса касательно преобразованiя управленiя Россiйскою Церковiю на соборномъ началѣ, Св. Синодомъ на засѣданiяхъ 15, 18 и 22 марта былъ составленъ и повергнутъ на Высочайшее благовоззрѣнiе слѣдующiй всеподданнѣйшiй докладъ[4]). „Въ непрестанныхъ царственныхъ заботахъ о славѣ Церкви Христовой о благѣ дорогого отечества Ваше Императорское Величество, Высочайше соизволили въ 13 день марта сего года передать на разсмотрѣнiе Св. Синода вопросъ о постановленiи Православной Церкви въ соотвѣтствующее ея достоинству положенiе въ виду примѣненiя началъ широкой вѣротерпимости къ инославнымъ исповѣданiямъ, глаголемымъ старообрядцамъ и сектантамъ. На мысль о созывѣ Собора, благоустроенiи прихода и упорядоченiи духовно-учебныхъ школъ, какъ разсадниковъ про-

---

[1]) См. у Н. Д. Кузнецова, стр. 39—40, 42, 46.
[2]) См. у Н. Д. Кузнецова, стр. 48--55.
[3]) См. у Н. Д. Кузнецова, стр. 58.
[4]) Церковныя Вѣдомости, отъ 5 ноября 1905 г. № 45, Прибавленiя стр. 1897—1899.

свѣщенія въ духѣ Православной Церкви, воспитателей пастырей церковныхъ, обращаемо было и въ прежнее время вниманіе Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшій Государь. Выслушавъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и сыновнею преданностью означенный державный призывъ Вашего Величества, Св. Синодъ полагаетъ нынѣ же приступить къ трудамъ по осуществленію Высочайшей воли, дабы оправдать высокое довѣріе къ нему Монарха и исполнить Монаршую волю со тщаніемъ, достойнымъ дѣла на пользу св. Церкви. Съ молитвой къ Царю царствующихъ, обсудивъ на точномъ основаніи церковныхъ каноновъ величайшей важности вопросъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви, Св. Синодъ признаетъ существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее Государственное положеніе Православной Церкви въ Россіи въ виду измѣнившагося положенія инославныхъ исповѣданій, глаголемыхъ старообрядцевъ и сектантовъ, и преобразовать управленіе церковное, руководствуясь церковными канонами и исторіей церковнаго управленія, какъ въ Россійской, такъ и въ другихъ помѣстныхъ церквахъ. Основною формою высшаго церковнаго управленія по каноническимъ правиламъ (1 Всел. Соб. пр. 5. Ант. 16) является помѣстный соборъ епископовъ области съ митрополитомъ или патріархомъ во главѣ. Соборъ долженъ былъ составляться сначала два раза, а потомъ одинъ разъ въ году. Въ виду однако затруднительности періодическихъ ежегодныхъ собраній всѣхъ епископовъ области уже въ періодъ вселенскихъ соборовъ при областныхъ каѳедрахъ образовались постоянные соборы или синоды взамѣнъ прежнихъ періодическихъ соборовъ. Соборы же всѣхъ епископовъ области составлялись только въ особо важныхъ случаяхъ. Право созывать соборы и предсѣдательствовать на нихъ принадлежитъ митрополитамъ или патріархамъ, „и никому да не будетъ позволено составлять соборы самимъ по себѣ безъ тѣхъ епископовъ, коимъ ввѣрены митрополіи" (Ант. 20). Собраніе епископовъ безъ митрополита или патріарха не считается соборомъ законнымъ и постановленія его дѣйствительными (Ант. 16). Но и патріархъ или митрополитъ, управляющій церковною областью, ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ (Апост. 31). Митрополитамъ или патріархамъ предоставлены церковными канонами слѣдующія права: 1) митрополитъ созываетъ епископовъ на соборы для обсужденія общихъ церковныхъ дѣлъ въ своей области и самъ предсѣдательствуетъ на нихъ (Ант. 19 и 20. Халк. 19); 2) утверждаетъ избираемыхъ на вакантныя епископскія каѳедры (1 Всел. 4 и 6 и Ант. 19); 3) принимаетъ жалобы на подчиненныхъ епископовъ и назначаетъ соборный судъ надъ ними (Халк. 9. Ант. 14. Карѳ. 28); 4) обозрѣваетъ епархіи подчиненныхъ епископовъ (Карѳ. 63); 5) утверждаетъ своимъ согласіемъ всѣ важнѣйшія распоряженія епископовъ области (Апост. 34. Ант. 9), но въ дѣлахъ, касающихся цѣлой области, митрополитъ не могъ рѣшить ничего единолично безъ согласія собора областныхъ енисковъ (Апос. 34. Ант. 9). Самъ онъ былъ избираемъ, поставляемъ и судимъ соборомъ своихъ епископовъ (III Всел. 1. Сард. 6) и, какъ архіерей въ епархіи подчиненнаго ему епископа, не могъ ни рукополагать, ни учить, ни совершать какихъ-либо архіерейскихъ дѣйствій, развѣ только съ согласія мѣстнаго епископа (Кормчая, гл. 58). Такимъ образомъ основной канонической формой правленія тою или иною областью является соборъ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ или патріархомъ съ вышеуказанными уполномочіями. Озабочиваясь устроеніемъ внутренней жизни Православной Россійской Церкви на началѣ каноническаго соборнаго управленія при полной автономіи Церкви во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ и имѣя въ виду господствующее

положеніе Православной Церкви въ Россійскомъ Государствѣ и положеніе оной среди другихъ помѣстныхъ церквей, Св. Синодъ полагаетъ: 1) Въ составъ Синода ввести на ряду съ членами постоянными членовъ, вызываемыхъ по очереди изъ іерарховъ Россійской Церкви, и возглавить оный, чести ради Россійскаго Государства, патріархомъ со всѣми каноническими полномочіями областного митрополита. Въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ созвать волею Вашего Императорскаго Величества помѣстный соборъ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ Православной Россійской Церкви или представителей оныхъ для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: о раздѣленіи Россіи на церковные округа подъ управленіемъ митрополитовъ, вызываемомъ необходимостью передачи дѣлъ второстепенной важности изъ высшаго управленія въ мѣстныя установленія; о пересмотрѣ законоположеній о существующихъ органахъ епархіальнаго управленія и суда и преобразованіи оныхъ согласно съ каноническими соборными началами; о благоустроеніи прихода въ религіозно-нравственномъ, благотворительномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ; объ усовершеніи духовно-учебныхъ школъ; о пересмотрѣ законовъ, касающихся порядка пріобрѣтенія Церковью собственности; объ эпархіальныхъ съѣздахъ духовенства; о предоставленіи высшимъ представителямъ церковной іерархіи права участвовать въ засѣданіи Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются интересовъ Церкви; о предоставленіи священникамъ права участвовать въ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сельскихъ учрежденіяхъ. Повергая сіи соображенія на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, Синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ Высочайшаго соизволенія на созваніе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ волею Вашего Величества въ благопотребное время помѣстнаго собора всѣхъ епархіальныхъ епископовъ Православной Русской Церкви или представителей оныхъ для устроенія синодальнаго управленія, избранія всероссійскаго патріарха и разрѣшенія вышепоставленныхъ и другихъ вопросовъ, имѣющихъ быть предварительно разработанными въ Святѣйшемъ Синодѣ".

Этотъ докладъ былъ представленъ Государю при всеподданнѣйшемъ адресѣ Св. Синода отъ 15 марта 1905 г. слѣдующаго содержанія: „Благочестивѣйшій Государь. Твои смиренные богомольцы, русскіе іерархи и священники, всегда возносящіе молитву о здравіи и спасеніи Боговѣнчаннаго Царя и о непоколебимости Его царства, усугубили свое моленіе о Тебѣ и о народѣ въ нынѣшнюю тяжкую годину испытаній, когда насъ тѣснятъ и внѣшніе враги и внутреннія смуты. Година сія, сверхъ того, умножила Твои Царственныя заботы преобразованіями разныхъ отраслей управленія, въ коемъ Ты, Государь, благоволилъ признать многое требующимъ исправленія. Нуждалось въ пересмотрѣ и управленіе церковное; но мы, представители его, не считали удобнымъ говорить нынѣ о нуждахъ святой Церкви, дабы не отягощать Высочайшей власти, и безъ того обремененной множествомъ заботъ. Но Ты Самъ, Благочестивѣйшій Государь, помимо нашего ходатайства, вспомнилъ о Церкви. Ты, первый изъ нашихъ Императоровъ, положилъ починъ дѣлу великому, вѣчному и святому, Высочайше повелѣвъ Святѣйшему Синоду разсудить о томъ, какія преобразованія требуются отъ насъ каноническимъ строемъ Церкви и современными духовными нуждами православнаго духовенства и паствы. Да будетъ же благословенно имя Твое, Государь, за Твои заботы объ устроеніи церковномъ. Церковь Божія бываетъ сильна и открывается во всей крѣпости своей тогда только, когда она хранитъ все Богопреданное ей устройство,

спосп҄ѣшествующее умноженію добра на земл҄ѣ и в҄ѣчному спасенію людей. Она зиждется не на челов҄ѣческихъ законахъ, но живетъ водительствомъ Божественнаго Духа. Высшимъ проявленіемъ ея жизни служитъ взаимная любовь христіанъ, им҄ѣющая своимъ необходимымъ выраженіемъ соборы вселенскіе и пом҄ѣстные, среди которыхъ невидимо присутствуетъ Христосъ по Своему неложному об҄ѣтованію. Въ возстановленіи такого соборнаго начала, теперь не д҄ѣйствующаго, заключается насущная нужда россійской Церкви, ибо въ немъ ея творческая сила и высшее нравственное достоинство, а управляющіе пом҄ѣстными Церквами патріархи и митрополиты, мысля себя слугами вс҄ѣхъ, по глаголу Божію, стараются о томъ, чтобы обычное теченіе церковной жизни продолжалось въ строгомъ согласіи съ соборными постановленіями. Ты, Всемилостив҄ѣйшій Государь, благосклонно взираешь на возстановленіе всей истинной красоты церковной жизни, въ которой открывается міру Господь Іисусъ Христосъ, и Свят҄ѣйшій Синодъ приложитъ вс҄ѣ усилія къ тому, чтобы представить разработку потребныхъ для сего условій, заботясь не о себ҄ѣ, а о слав҄ѣ Божіей и о спасеніи Твоего народа.

Вашего Императорскаго Величества всепреданн҄ѣйшіе слуги и богомольцы: Антоній митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій, Владиміръ митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Николай архіепископъ Финляндскій и Выборгскій, Антоній епископъ Волынскій и Житомирскій, Никонъ епископъ Владимірскій и Суздальскій, Климентъ епископъ Винницкій".

Вм҄ѣст҄ѣ съ адресомъ представлена была Его Величеству въ благословеніе святая икона.

Государь Императоръ, благоволительно принявъ принесенную отъ Свят҄ѣйшаго Синода икону, Высочайше соизволилъ на адрес҄ѣ Собственноручно начертать сл҄ѣдующія слова: „Искренно благодарю Свят҄ѣйшій Синодъ за благословеніе иконою и за выраженныя чувства" [1]). Вм҄ѣст҄ѣ съ т҄ѣмъ Государю Императору благоугодно было возвратить означенный докладъ съ таковою, отъ 31 марта, Собственноручною на семъ доклад҄ѣ резолюціею Его Величества. „Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нын҄ѣ тревожное время столь великое д҄ѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе пом҄ѣстнаго собора. Предоставляю Себ҄ѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ прим҄ѣрамъ Православныхъ Императоровъ, дать сему великому д҄ѣлу движеніе и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ в҄ѣры и церковнаго управленія".

Такимъ образомъ предложеніе о созваніи пом҄ѣстнаго собора было Высочайше одобрено. Но Его Величеству благоугодно было предоставить Себ҄ѣ созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ в҄ѣры и церковнаго управленія, „когда наступитъ благопріятное для сего время".

Въ ожиданіи событія столь великой важности Г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ въ предложеніи Свят҄ѣйшему Синоду, отъ 28 іюня 1905 года за № 100, указалъ на необходимость нын҄ѣ же, заблаговременно, приступить къ подготовительнымъ трудамъ, причемъ объяснилъ, что „нам҄ѣченное опред҄ѣленіемъ Свят҄ѣйшаго Синода, отъ 18—22 марта сего года, въ самыхъ общихъ чертахъ переустройство всего церковнаго управленія, сложившагося въ двухв҄ѣковой періодъ Синодальнаго управленія, представляетъ великую реформу, объемлющую духовную жизнь всей страны, и возбуждаетъ множество самыхъ серьезныхъ и важныхъ вопросовъ, требующихъ предварительной

1) „Церковныя В҄ѣдомости" отъ 24 декабря 1905 г. № 52, стр. 567—569.

обширной разработки", и т. д. Поэтому „въ виду важности предположенныхъ къ разсмотрѣнію на помѣстномъ соборѣ вопросовъ и, принявъ во вниманіе, что преосвященные до помѣстнаго собора должны тщательно ознакомиться съ вопросами, подлежащими ихъ разсмотрѣнію, равнымъ образомъ и помѣстный соборъ долженъ имѣть предъ собою весь необходимый для сужденія по означеннымъ вопросамъ матеріалъ — разработанный и приведенный въ систему, Святѣйшій Сѵнодъ указомъ, отъ 27-го іюля 1905 года за № 8, поручилъ епархіальнымъ преосвященнымъ войти въ сужденіе по означеннымъ вопросамъ, предоставивъ, въ помощь себѣ по разработкѣ означенныхъ вопросовъ, пригласить лицъ, заслуживающихъ довѣрія и способныхъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, и соображенія свои представить Святѣйшему Сѵноду не позднѣе 1 декабря 1905 г. для дальнѣйшей разработки и приведенія въ систему доставленныхъ матеріаловъ и отзывовъ" [1]).

Самый вопросъ о созывѣ Помѣстнаго Собора Русской Церкви, отложенный по Высочайшей резолюціи 31-го марта 1905 года, получилъ дальнѣйшее движеніе. Въ оффиціальномъ органѣ Св. Синода „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" въ № 1 за 1906 годъ было напечатано слѣдующее сообщеніе:

„Его Императорскому Величеству благоугодно было призывать, 17-го декабря, въ Царское Село, присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ высшихъ іерарховъ: митрополитовъ: С.-Петербургскаго Антонія, Московскаго Владиміра и Кіевскаго Флавіана, для непосредственнаго преподанія Царственныхъ указаній къ предстоящему созванію помѣстнаго собора всероссійской Церкви.

Освѣдомившись отъ вызванныхъ іерарховъ о положеніи предпринятыхъ уже для успѣшнаго созванія собора подготовительныхъ работъ,— требующихъ труда и времени, Государь Императоръ соизволилъ высказать, что въ настоящее время, при обнаружившейся расшатанности въ области религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ началъ, благоустроеніе православной россійской Церкви—хранительницы вѣчной христіанской истины и благочестія—представляется дѣломъ неотложной необходимости. Въ виду сего Его Величество Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ приложить особое стараніе къ исполненію всего, что требуется для созванія собора въ ближайшее по возможности время.

Согласно сей Высочайшей волѣ, Святѣйшій Синодъ, помимо сдѣланныхъ уже съ его стороны распоряженій, предположилъ для предварительнаго обсужденія, на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ, какъ намѣченныхъ уже къ соборному разсмотрѣнію, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, учредить при Святѣйшемъ Синодѣ, съ начала наступающаго года, особое присутствіе изъ представителей церковной іерархіи и другихъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и познаніями въ области богословія, церковной исторіи, каноническаго права и церковной практики.

Послѣ сего, 27-го декабря, Его Императорскому Величеству благоугодно было обратиться къ первенствующему члену Святѣйшаго Синода, митрополиту Антонію, съ нижеслѣдующимъ Собственноручнымъ рескриптомъ:

„Ваше высокопреосвященство.

Церковная власть, въ лицѣ Святѣйшаго Синода, весною настоящаго года заявила Мнѣ о необходимости созвать, для устроенія дѣлъ церковныхъ, чрезвычайный всероссійскій помѣстный соборъ.

---

[1]) „Церковныя Вѣдомости" отъ 5 ноября 1905 г. № 45, стр. 1899—1905.

Тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ не дали Мнѣ возможности тогда привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Нынѣ же Я признаю вполнѣ благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной Церкви, на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ, для вящшаго утвержденія православія.

А посему предлагаю вамъ, владыко, совмѣстно съ митрополитами: Московскимъ — Владиміромъ и Кіевскимъ — Флавіаномъ, опредѣлить время созванія этого, всѣми вѣрными сынами Церкви ожидаемаго собора.

Поручаю Себя вашимъ молитвамъ".

„НИКОЛАЙ".

Принявъ выраженную въ семъ рескриптѣ Высочайшую волю съ чувствомъ величайшей благодарности, поименованные іерархи положили теперь же приступить къ опредѣленію того срока, какой можетъ быть указанъ для созванія церковнаго собора въ наступающемъ 1906 году, въ зависимости отъ объема предстоящихъ подготовительныхъ работъ".

Отзывъ іерархіи. Между тѣмъ, во исполненіе приведеннаго выше предписанія Св. Синода, епархіальные архіереи прислали свои отзывы по вопросу о церковной реформѣ, составившіе 4 большихъ тома in f⁰ [1]. Эти озтывы были приведены въ систематическій порядокъ и получившійся матеріалъ былъ изданъ подъ заглавіемъ „Сводки отзывовъ епархіальныхъ преосвященныхъ по вопросамъ церковной реформы" СПб. 1906 г. Здѣсь въ отдѣлѣ „О преобразованіи церковнаго управленія въ Россіи" находимъ слѣдующія „Разсужденія о причинахъ, вызывающихъ необходимость преобразованія высшаго церковнаго управленія; направленіе сего преобразованія въ смыслѣ возстановленія Соборнаго Управленія и Патріаршества.

1) Отсутствіе каноничности и соборности въ настоящемъ высшемъ церковномъ управленіи и его недостатки:

Въ двухвѣковой періодъ синодальнаго управленія Церковь русская управлялась не столько канонами вселенской Церкви, сколько Регламентомъ, составленнымъ однимъ лицомъ, безъ уполномочія собора, и указами Святѣйшаго Синода, большею частію—по предложеніямъ Оберъ-Прокуроровъ разныхъ направленій и взглядовъ, и циркулярными распоряженіями послѣднихъ, отражавшими не столько дѣйствительныя потребности Церкви, сколько желанія Правительства и самихъ Оберъ-Прокуроровъ. Всѣ эти указы и распоряженія Оберъ-Прокуроровъ, благодаря возникавшимъ новымъ учрежденіямъ въ Церкви и управлявшимъ этими учрежденіями лицамъ, которыя плотною стѣною окружили Святѣйшій Синодъ и фактически взяли все управленіе церковное въ свои руки, до того размножились, что нерѣдко примирить ихъ оказывалось труднымъ при практическомъ ихъ осуществленіи, и, въ концѣ концовъ, они внесли смуту въ сознаніе и жизнь церковную и привели къ результатамъ, благодаря которымъ возникло множество нареканій и жалобъ на Церковь. Все это естественно привело и общество и самое церковное правительство къ мысли о необходимости переустройства всего церковнаго управленія, сложившагося въ двухвѣковой періодъ Синодальнаго управленія, на каноническихъ началахъ. Задача

---

[1] Отзывы епархіальныхъ архіеревъ по вопросу о церковной реформѣ. Ч. 1, 2 и 3 и Прибавленіе, СПб. 1906 г., всего 1960 страницъ in f⁰.

этого переустройства или преобразованія церковнаго должна состоять не въ томъ, чтобы копировать цѣликомъ древнія формы церковнаго управленія, которыя приспособлены были къ обстоятельствамъ своего времени, а чтобы возвратить русской Церкви независимое положеніе во внутреннемъ ея управленіи и дать такое устройство, которое бы соотвѣтствовало ея достоинству и обезпечивало бы ей полную свободу дѣятельности къ осуществленію возложенныхъ на нее задачъ.

Положеніе автокефальной русской Церкви среди другихъ Церквей православныхъ, равно какъ господствующее положеніе Церкви православной въ общирномъ и могущественномъ государствѣ Россійскомъ, объединеніе многочисленныхъ обширныхъ епархій и конкретное представленіе единой церковной власти, ея отношенія къ власти государственной, представляемой Государемъ, ея живого союза съ главою государства, ея авторитета и назначенія въ государствѣ, какъ божественно-человѣческаго учрежденія, какъ творчески жизненнаго тѣла Христова, объемлющаго всѣхъ правовѣрующихъ во Христа и Евангеліе и являющаго видимо силу и пришествіе Господа и Спасителя Іисуса Христа и Его Царства на землѣ, для обращенія невѣрующихъ и обличенія и вразумленія заблуждающихъ, — все это требуетъ, чтобы въ основу Церкви положено было соборное начало, одушевленное идеею братства во Христѣ, съ патріархомъ во главѣ (Пр. Уфимск. II, 54, ср. Екатер. III, 1—3).

Реформой Петра I-го (25 января 1721 года) православная россійская Церковь снова была поставлена въ положеніе митрополичьяго округа съ Святѣйшимъ Синодомъ, вмѣсто митрополита, во главѣ (въ древнемъ смыслѣ). Носителями идеи соборности и децентрализаціи остались одни только епархіальные архіереи, въ количествѣ весьма недостаточномъ для того, чтобы быть представителями духовныхъ нуждъ огромнаго православнаго населенія Россіи. Вмѣсто децентрализаціи и соборности, въ основу жизни православной россійской Церкви легла съ этого времени идея самой строгой централизаціи, почти совершенно исключающей мѣстное самоуправленіе. Во главѣ православной россійской Церкви сталъ правительственный органъ коллегіальный, но ни въ какомъ случаѣ не соборный и представительный. Самостоятельная дѣятельность этого правительственнаго органа совершенно парализована близкимъ рѣшающимъ участіемъ государственной власти въ дѣлахъ Церкви и отсутствіемъ средствъ для проведенія своихъ рѣшеній въ жизнь. Лишившись основного каноническаго строя, россійская православная Церковь не могла уже сохранить тѣхъ проявленій церковной жизни, которыя вытекаютъ изъ основного начала — соборности. Со времени синодальнаго управленія въ православной россійской Церкви не было ни одного помѣстнаго собора...

Для освобожденія православной россійской Церкви отъ того неканоническаго и крайне стѣснительнаго состоянія, въ которомъ она находится въ наше время, возможенъ одинъ путь. Необходимо возвратить ей утерянное начало соборности, за которое говорятъ и каноны Церкви (Ап. пр. 37; I Всел. соб. пр. 5; IV Всел. соб. пр. 11; VI Всел. соб. пр. 8; VII Всел. соб. пр. 6-е) и церковная исторія, и провести это начало во всѣ формы церковной жизни (Пр. Тульск. I, 418, ср. Псков. II, 205, 206, Кіевск. II, 103, м. Москов. III, 253, Варшав. Комм. III, 273, Рязанск. III, 577).

Синодальная форма управленія, основанная на коллегіальномъ началѣ, не есть соборная, а потому и не

может быть признана православною формою управленія. Ибо церковныя дѣла должны рѣшать собранія всѣхъ епископовъ (1 Ник. 5; Халк. 19 и др.), а въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ — ихъ замѣстители или уполномоченные (Карѳ. 27, 87; Сард. 5). а не постоянные члены, назначенные свѣтскимъ начальствомъ или во всякомъ случаѣ не соборомъ епископовъ, даже внѣ всякаго вліянія епархіальныхъ архіереевъ на избраніе оныхъ членовъ. **Очевидно, что существующая коллегіальная форма правленія въ самомъ корнѣ противорѣчитъ соборному началу церковнаго управленія**".

Въ качествѣ матеріала для всесторонняго обсужденія дѣла, Св. Синоду былъ, между прочимъ, представленъ докладъ: „**Необходимыя реформы въ высшемъ управленіи Русской Православной Церкви**". Въ началѣ его было сказано: „Настоящій строй высшаго управленія въ русской Церкви существуетъ около 200 лѣтъ. Но, не смотря на такой продолжительный періодъ его существованія, онъ доселѣ не успѣлъ надлежащимъ образомъ сродниться съ чувствами и воззрѣніями православной Руси. Удивленіе и недовольство, какое возбудили въ православныхъ христіанахъ рѣзкія перемѣны въ управленіи русской Церкви, произведенныя Петромъ I, не улеглись и доселѣ. Наоборотъ, и представители іерархіи русской Церкви, стоящіе у кормила церковнаго управленія, и люди науки въ своихъ изслѣдованіяхъ по исторіи управленія русскою Церковію, и простые вѣрующіе, ревнующіе о благѣ Церкви, не переставали и не перестаютъ высказывать свои невыгодныя сужденія объ этихъ перемѣнахъ. И чѣмъ ближе къ настоящему времени, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе раздается голосъ этого неодобренія. Однимъ изъ послѣднихъ примѣровъ критическаго сужденія въ литературѣ о реформѣ Петра I представляетъ брошюра Л. Тихомирова „Запросы жизни и наше церковное управленіе" (Москва, 1903), очень хорошо характеризующая недостатки настоящаго управленія русской Церкви. Причиной такой неудовлетворенности сыновъ русской православной Церкви существующимъ строемъ ея управленія служитъ прежде всего **несоотвѣтствіе его каноническимъ правиламъ**. Составитель Д. Регламента тщетно усиливается доказать, **будто коллегіальный образъ управленія Церковію, введенный въ русской Церкви при Петрѣ I, есть управленіе соборное и вполнѣ соотвѣтствующее началамъ каноническаго правительственнаго строя православной Церкви**. Соборное управленіе, предусмотрѣнное въ правилахъ древней Церкви, носитъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ управленіе, введенное Петромъ I. Правила древней Церкви говорятъ, что управленіе помѣстною православною Церковою принадлежитъ всѣмъ епископамъ страны, а не коллегіи епископовъ, вызываемыхъ для присутствованія въ Св. Синодѣ по усмотрѣнію начальства. Притомъ же соборъ епископовъ страны долженъ имѣть своего главу въ лицѣ митрополита или патріарха. Это послѣднее условіе каноническаго строя управленія помѣстною Церковію имѣетъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ первое условіе; собраніе епископовъ безъ митрополита или патріарха не считается соборомъ законнымъ, его дѣйствія признаются не имѣющими силы (Прав. Ап. 34. Ант. 8. 16. Пер. вс. 5. 7. Вт. вс. 2. 3. Тр. вс. 8. Четв. всел. 28. Шест. всел. 36. 38. Корѳ. 48. 62. 87). Поэтому уничтоженіе патріаршества и замѣна его управленіемъ Д. Коллегіи было не приближеніемъ къ соборной формѣ управленія какъ доказываетъ Д. Регламентъ, а наоборотъ удаленіемъ отъ нея. Несоотвѣтствіе коллегіальной формы управленія русскою Церковію, введенной Петромъ I, каноническимъ

началамъ церковнаго управленія сказалось также въ измѣненіи каноническаго порядка отношенія между церковною и государственною властію. По церковному воззрѣнію, правильный порядокъ отношеній между Церковію и государствомъ должно составлять отношеніе солидарности, взаимнаго довѣрія и уваженія, благожелательнаго союза между тою и другимъ; причемъ Церковь въ своемъ внѣшнемъ положеніи и въ дѣлахъ политическихъ подчинена государству и должна повиноваться ему, а въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ должна пользоваться автономіей (Постановленіе Московскаго собора 1667 года). Реформа же Петра I имѣла своимъ послѣдствіемъ обличеніе Церкви предъ государствомъ, подчиненіе ея опекѣ послѣдняго въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Коллегіальный строй государственныхъ учрежденій не оправдалъ тѣхъ надеждъ, какія возлагались на него Петромъ I. Скоро обнаружились серьезные недостатки его въ гражданскомъ вѣдомствѣ, какъ-то: нестерпимая медленность въ дѣлахъ, безполезный формализмъ, недостатокъ отвѣтственности и пр. и коллегіи были уничтожены и замѣнены министерствами. Только въ духовномъ вѣдомствѣ все еще остается коллегіальный порядокъ управленія, остается не потому, чтобы онъ оказался здѣсь болѣе у мѣста, чѣмъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, а въ качествѣ историческаго пережитка. Недостатки его и здѣсь обнаружились не менѣе ясно, чѣмъ въ гражданскихъ учрежденіяхъ [1]). Петръ I вводилъ коллегіальный порядокъ управленія русскою Церковію не для пользы самой Церкви, а въ интересахъ государства. Онъ желалъ достигнуть того, чтобы іерархія русской Церкви пребывала въ кротости, чтобы ни происходило кругомъ нея въ общественной жизни. Средство выбрано вѣрно, цѣль достигнута. Но выиграло ли отъ этого государство? Едва ли можно отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, при правильномъ и вдумчивомъ пониманіи государственныхъ интересовъ. Итакъ, съ какой бы стороны ни посмотрѣть на поставленный вопросъ, — съ точки ли зрѣнія интересовъ Церкви или блага государства или вѣрности началамъ западно-европейскаго законодательства объ отношеніи между Церковію и государствомъ, во всякомъ случаѣ оказывается необходимымъ обратить безотлагательно вниманіе на существующій строй нашего управленія церковнаго и исправить его согласно каноническому порядку управленія".

Предсоборное Присутствіе 1906 г. Такимъ образомъ въ рукахъ Св. Синода накопилось въ одинъ годъ очень много матеріала для сужденія о предполагаемой церковной реформѣ. Но для болѣе успѣшной разработки и подготовки къ разсмотрѣнію на Помѣстномъ Всероссійскомъ Соборѣ какъ первоначально намѣченныхъ, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, Св. Синодъ, опредѣленіемъ своимъ отъ 14 января 1906 г. за № 127, постановилъ учредить особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ Митрополита С.-Петербургскаго Антонія въ составѣ нѣкоторыхъ архіереевъ, духовныхъ лицъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Это опредѣленіе 16-го же января получило Высочайшее утвержденіе и такимъ образомъ возникло „Высочайше учрежденное Предсоборное Присутствіе" 1906 г., закончившее свои занятія 15 декабря 1906 г. [2]). Плодомъ занятій этого „Присутствія" явились 4 тома его „Журналовъ и Протоколовъ" [3]).

Члены Предсоборнаго Присутствія высказали самыя разнообразныя

---

[1]) Ср. вышеприведенное (стр. CXII) мнѣніе Вл. С. Соловьева.
[2]) Церковныя Вѣдомости за 1906 г. стр. 38—39, 471.
[3]) „Журналы и Протоколы В. у. Предсоборнаго Присутствія". Т. I—IV, СПб. 1906 - 1907 и „Алфавитный указатель" къ нимъ СПб. 1909.

мнѣнія о церковной реформѣ Петра[1]), слѣдить за которыми здѣсь нѣтъ возможности. Во всякомъ случаѣ важно то, что Общее собраніе Присутствія выработало такія положенія объ организаціи высшаго управленія Русской Церкви и по вопросу объ отношеніи высшаго правительства православной Россійской Церкви къ Верховной Государственной Власти[2]), что не можетъ быть сомнѣнія въ отрицательномъ отношеніи Присутствія въ цѣломъ къ церковной реформѣ Петра и къ возникшему на почвѣ ея синодальному правленію.

19. Литература 1905—1914 гг.

Общій обзоръ. Оффиціальное обращеніе Св. Синода къ Государю Императору съ ходатайствомъ о созывѣ Помѣстнаго Собора для преобразованія Русской Церкви въ смыслѣ возстановленія утраченнаго ею 200 лѣтъ тому назадъ каноническаго строя, и Высочайшее одобреніе этого обращенія въ принципѣ, разумѣется, нашли самый живой откликъ въ обществѣ и печати. И съ этихъ поръ трудно было бы указать журналъ или газету, въ которыхъ не помѣщались бы статьи отчасти критикующія церковную реформу Петра и синодальный строй, отчасти предлагающія свои проекты новаго канонического устройства. Особенно видная роль въ этомъ отношеніи принадлежала:

1) „Церковному Вѣстнику", въ которомъ уже 17 марта 1905 г. въ № 11 было помѣщено мнѣніе группы столичныхъ священниковъ „О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи", и др., затѣмъ

2) Христіанскому Чтенію, въ которомъ находимъ статьи Н. К. Никольскаго, Къ вопросу о церковной реформѣ. Проектъ заявленія относительно задачъ предстоящей церковной реформы, составленный группою профессоровъ СПб. Духовной Академіи въ апрѣлѣ 1905 г. (Хр. Чт., 1906, февраль 177—203), прот. Ѳ. И. Янковскаго, О преобразованіи Русской Православной Церкви (Хр. Чт. 1906, ноябрь); И. М. Лихницкаго, Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII в. (Хр. Чт. т. 76, 1906 г., стр. 71, 239, 437, 716); Его-же, Форма участія Освященнаго Собора въ засѣданіяхъ Земскаго Собора Московскаго Государства (Хр. Чт. 1907, февраль, 223—237; апрѣль, 511—532) и др.

3) Богословскому Вѣстнику, въ которомъ помѣщены были статьи: Архіепископа Антонія (Храповицкаго), 1-я отвѣтная докладная записка Св. Синоду (1905, III, 12, 698—710); Н. П. Аксакова, Всецерковный соборъ и выборное начало въ Церкви. Отвѣтъ Арх. Антонію отъ группы СПб. священниковъ (1905, III, 12, 711—777); Н. Ѳ. Каптерева, Къ вопросу о церковной реформѣ (1905, III, 11, 501—524)— по поводу книги И. В. Преображенскаго, Церковная реформа. Сборникъ статей духовной и свѣтской період. печати по вопросу о ц. реформѣ. СПб. 1905; Н. А. Заозерскаго, Основныя начала желательнаго для Русской Церкви учрежденія патріаршества (1905—1906 и отдѣльно 1906); Его-же, Проектъ организаціи церковнаго устройства на началахъ патріарше-соборной формы (1906, янв.); Еп. Евдокима, Царь и Патріархъ. Къ характеристикѣ ихъ взаимныхъ отношеній (1906, апр.); В. А. Соколова, Предстоящій Всероссійскій церковный соборъ, его составъ и задачи

---

1) См. по „Указателю" слово „Сvнодъ Святѣйшій"; стр. 429 слѣд.
2) „Жуналы и протоколы", т. II, стр. 671—674, №№ 3—6.

(1906, май); свящ. Н. Попова, По вопросу о составѣ предстоящаго ц. собора (1906, май); Н. П. Аксакова, Къ вопросу о составѣ ц. собора (1906, іюнь); А. Чирецкаго, О церковной реформѣ (1906, іюль-августъ); Н. Д. Кузнецова, Къ вопросу объ участіи духовенства и народа въ высшемъ ц. управленіи (1906, Окт.); Н. Ѳ. Каптерева, Царь и московскіе соборы XVI—XVII ст. (1906, окт. 326—360; ноябрь, 467—502; декабрь, 631—682); Н. Д. Кузнецова, Къ вопросу о введеніи патріаршества въ Россіи (1906, ноябрь); А. П. Лебедева, Зачѣмъ бы намъ нуженъ патріархъ (1907, янв.); и др.

4) Трудамъ Кіевской Духовной Академіи, со статьями Ѳ. И. Мищенко, О составѣ помѣстнаго собора Всерос. Церкви (1906, 1, 50—111); Ѳ. И. Титова, Записка М. Макарія о русскихъ помѣстныхъ соборахъ и проектъ прав. Академіи въ Вильнѣ (1906, II, 391—316); Отдѣльное мнѣніе меньшинства членовъ I Отдѣла Предсоборнаго Присутствія по вопросу о составѣ собора (1906, V, 116—134); В. З. Завитневича, Критическій разборъ особаго мнѣнія проф. И. С. Бердникова по вопросу о составѣ собора (1906, X, 136—185) и др.

5) Православному Собесѣднику, въ которомъ, между прочимъ, была напечатана большая работа П. Лапина, Соборъ какъ высшій органъ церковной власти (см. 1906—1909 и отдѣльно Казань 1908, въ которой авторъ стр. 353—379 отводитъ церковной реформѣ Петра и находитъ ее неканоничной (см. стр. 376 и др.).

6) Страннику, въ которомъ нашли свое мѣсто статьи Н. И Я-ва, Церковная реформа Петра В. и ея отзвуки въ настоящее время (1907 г. янв. 26—44; февр. 196—215). Эта небольшая компилятивная работа состоитъ изъ введенія и 4 главъ: 1) уничтоженіе патріаршества и учрежденіе Св. Синода; 2) отзвуки ц. р. Петра В. въ областномъ епархіальномъ управленіи; 3) соборность и соборы церковные, какъ предметъ чаяній русской іерархіи и общества и 4) проекты улучшенія р. церк. управленія. Статья эта вызвана интересомъ къ современности и имѣла цѣлью разсмотрѣть историко-каноническую сторону ц. реформы. Въ томъ же журналѣ появились статьи И. Преображенскаго, Къ предстоящей церковной реформѣ (1907, апрѣль-май); П. Попова, Соборность Церкви, какъ ограда православія (1912, апрѣль-май, 480—483) и др.

7) „Церковному Голосу", въ которомъ помѣщались статьи Н. П. Аксакова и др. лицъ.

8) „Церковной Правдѣ" со статьями многихъ авторовъ, въ томъ числѣ и пишущаго эти строки.

9) „Церковнымъ Вѣдомстямъ", въ которыхъ печатались „Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія" и частныя статьи и т. д.

Между прочимъ Архіепископъ Антоній (Храповицкій) напечаталъ статью „Возстановленіе патріаршества" въ Голосѣ Церкви" 1912, январь и отдѣльно 1912.

Появились и отдѣльныя изданія о церковной реформѣ, гдѣ нерѣдко критиковалось учрежденіе Петромъ Духовной Коллегіи и все связанное съ ней въ исторіи послѣднихъ 200 лѣтъ. Напр., Высоцкаго, Высшее церковное управленіе въ Россіи, М. 1905; брошюра того-же названія въ изданіи „Рел.-Фил. Библіотеки" М. А. Новоселова, М. 1905, въ которой перепечатаны были статьи Вл. С. Соловьева, И. С, Аксакова, Л. А. Тихомирова, прот. А. М. Иванцова-Платонова и др.; Сборникъ „Къ церковному собору" группы петербургскихъ священниковъ СПб. 1906; Сборникъ „Передъ церковнымъ соборомъ" М. 1906; особенно-

цѣнныя статьи и отдѣльныя изданія Н. Д. Кузнецова, „Церковь, духовенство и общество“, М. 1905; „Преобразованія въ Русской Церкви“, М. 1906; „По вопросамъ Церковныхъ Преобразованій“ (Доклады, особыя мнѣнія и рѣчи въ Особомъ Присутствіи, учрежденномъ при Св. Синодѣ), М. 1907 и многія другія.

Вся эта литература несомнѣнно свидѣтельствовала объ отрицательномъ отношеніи авторовъ къ церковной реформѣ Петра и о той радости, съ которой они ухватились за мысль о возможности, наконецъ, уничтоженія созданнаго ею строя во имя возстановленія попранныхъ ею традиціонныхъ началъ самобытности и соборности православной Русской Церкви [1]).

Изъ всей этой литературы нѣкоторыя сочиненія надо выдѣлить особо. Располагая ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, прежде всего слѣдуетъ упомянуть статью свящ. К. Ѳ. Стефановича.

Свящ. К. Ѳ. Стефановичъ. Статья священника К. Ѳ. Стефановича, „Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ канонистъ“ („Вѣра и Церковь“ за 1906 г. кн. 6. стр. 33—82; кн. 8, стр. 259—290; кн. 9, стр. 422—451; кн. 10, стр. 565—585, и отдѣльно Москва, 1906 г.) гораздо интереснѣе своимъ заглавіемъ, чѣмъ содержаніемъ. Во вступленіи авторъ говоритъ сначала о разнообразіи отзывовъ, существующихъ въ литературѣ о „писательской“ дѣятельности и каноническихъ воззрѣніяхъ Ѳеофана и цѣль своей работы полагаетъ въ томъ, чтобы систематизировать эти воззрѣнія, почерпая свѣдѣнія о нихъ изъ различныхъ сочиненій Ѳеофана, изъ составленныхъ имъ, хотя бы отчасти, законодательныхъ актовъ и проч. Не забываетъ авторъ сказать и о томъ критеріѣ, коимъ онъ собирается пользоваться при оцѣнкѣ именно „каноническихъ“ воззрѣній Ѳеофана (стр. 38). Далѣе, свящ. Стефановичъ излагаетъ взгляды Ѳеофана на составъ Церкви, ея устройство и управленіе, а также на положеніе Церкви въ государствѣ.

Переходя къ оцѣнкѣ статьи свящ. К. Ѳ. Стефановича, необходимо въ ней замѣтить прежде всего полное отсутствіе строго научнаго метода и критерія. Каноническое онъ смѣшиваетъ съ нравственнымъ (стр. 38). Сущность и объемъ истинныхъ каноническихъ воззрѣній имъ не опредѣляется, и лишь кое-гдѣ встрѣчается случайное цитированіе церковныхъ правилъ. Распредѣленіе матеріала, почерпаемаго у Ѳеофана, недостаточно систематично. Самый матеріалъ берется безъ всякой критической оцѣнки его значенія для опредѣленія взглядовъ собственно Ѳеофана и т. д. Но самое важное заключается въ томъ, что черпая свой матеріалъ, главнымъ образомъ, изъ Духовнаго Регламента, со множествомъ ошибокъ, авторъ обобщаетъ и излагаетъ такъ, какъ будто мысли Духовнаго Регламента о Духовной Коллегіи выражаютъ взгляды Ѳеофана на должное устройство помѣстной Церкви вообще. Такимъ образомъ свящ. Стефановичъ отожествляетъ Духовную Коллегію съ Помѣстнымъ Соборомъ и пускается затѣмъ въ пространныя сравненія того и другого, совершенно перемѣшивая ихъ между собою. Въ этой работѣ, которая была бы очень полезна для науки, если бы была выполнена методически, при пользованіи точно опредѣленными понятіями, невозможно отдѣлить заблужденія и ошибки автора отъ воззрѣній Ѳеофана (см. стр. 430—451; 565—585). Поэтому пользоваться статьею свящ. К. Ѳ. Стефановича нѣтъ возможности. При всемъ этомъ заслуживаетъ полнаго осужденія манера автора цитировать свои источники и пособія. Не говоря объ ошибкахъ въ цитатахъ, крайне неудобно, что

---

[1]) Для полноты обзора необходимо упомянуть еще: М о и „Очерки по исторіи Русской Церкви въ XVIII и и XIX ст.“ Варшава 1912.

журнальныя статьи приводятся безъ указанія имени автора и названія, такъ что судить объ авторитетности источника или пособія нѣтъ никакой возможности.

Б. В. Титлиновъ. Принадлежащая перу профессора Б. В. Титлинова біографія и характеристика Ѳеофана Прокоповича, помѣщенная въ „Русскомъ Біографическомъ словарѣ" (СПб. 1913, стр. 399—448), представляетъ собою послѣдній опытъ своднаго изложенія всѣхъ главнѣйшихъ данныхъ объ этой личности. Для своей работы авторъ воспользовался по возможности почти всей литературой о Ѳеофанѣ и кромѣ того печатными архивными источниками. Поэтому Б. В. Титлиновъ избавляетъ изслѣдователя церковной реформы Петра, невольно сталкивающагося и съ личностью Ѳеофана, какъ автора Духовнаго Регламента и др. памятниковъ, отъ необходимости и заботы возстановлять фактическія данныя его біографіи и собирать свѣдѣнія о его сочиненіяхъ. Впрочемъ настоящая работа еще далеко не высказываетъ послѣдняго слова исторической науки о личности и роли Ѳеофана и недостаточна даже для всѣхъ справокъ. Ѳеофанъ еще ждетъ своего историка, и чѣмъ скорѣе онъ явится, тѣмъ будетъ лучше.

Перечисляя сочиненія Ѳеофана, Б. В. Титлиновъ, между прочимъ, касается и Духовнаго Регламента. Онъ говоритъ о его составленіи, содержаніи и изданіяхъ (стр. 430—432), но говоритъ очень кратко и не обстоятельно, лишь съ чужихъ словъ. Поэтому эти его замѣчанія не имѣютъ научнаго значенія. Далѣе, едва ли основательно защищая Ѳеофана отъ упрековъ въ симпатіяхъ къ протестантизму, Б. В. Титлиновъ беретъ подъ свою защиту и всю петровскую церковную реформу (стр. 437—438). Правда, онъ соглашается съ тѣмъ, что „новое коллегіальное церковное управленіе заведено было въ Россіи отчасти по образцу протестантскихъ церковно-правительственныхъ учрежденій", что „самая идея реформы стоитъ въ связи съ знакомствомъ Петра съ западно-европейскими порядками". „Но отсюда,—говоритъ авторъ,— еще ничего не слѣдуетъ относительно ея неправославности. Одна и таже форма управленія можетъ уживаться и въ православной Церкви и въ протестантской, какъ можетъ уживаться въ православіи форма католическая. Все дѣло въ томъ, согласна ли она съ основными православными принципами. Въ этомъ же отношеніи православіе вообще очень терпимо къ разнымъ внѣшнимъ порядкамъ, лишь бы было соблюдено главное условіе—трехчленная іерархія. На это условіе никто у насъ при Петрѣ не посягалъ, а самъ по себѣ Синодъ былъ столь же православнымъ учрежденіемъ, какъ и патріаршество". Съ такимъ индифферентизмомъ, яко бы свойственнымъ православію, едва-ли кто согласится. Въ качествѣ аргумента онъ годится развѣ только для того, чтобы „спасти лицо" Св. Синода. Въ подтвержденіе своихъ словъ, авторъ находитъ достаточнымъ сослаться на признаніе нашего Синода Восточною Церковью, которую „стало быть, пришлось бы обвинить въ неправославіи, обвиняя Прокоповича". Но этотъ доктринально-схоластическій пріемъ защиты разбивается объ историческую дѣйствительность, которая объ утвердительныхъ грамотахъ патріарховъ сообщаетъ вовсе не столь утѣшительныя данныя [1]).

Впрочемъ, самъ авторъ продожаетъ такъ: „Правда, это вовсе не значитъ, что синодальный строй былъ строемъ вполнѣ каноническимъ (?!), отвѣчающимъ лучшимъ традиціямъ Церкви. Но это свойство его зависѣло уже не отъ петровскихъ собственно вѣяній, а отъ общаго отношенія Церкви къ государству, опредѣлившагося гораздо ранѣе Петра. Петра и Ѳео-

---

[1]) Подробности ниже въ гл. XIV.

фана упрекаютъ за то, что они утвердили протестантское начало главенства надъ Церковью. Однако тутъ простое недоразумѣніе. Главенство государственной власти въ церковныхъ дѣлахъ упрочилось у насъ еще во времена московскаго патріаршества, и если оно особенно рѣзко выразилось въ петровскихъ преобразованіяхъ, то это зависѣло не отъ протестантскаго духа, а отъ другихъ причинъ" (какихъ—не сказано. Стр. 438). Эти сужденія едва-ли могутъ быть приняты, въ виду отсутствія въ нихъ какъ исторической освѣдомленности, такъ и юридической логики по такому вопросу исторіи права, какъ вопросъ объ отношеніяхъ Церкви и государства въ Россіи.

К. Валишевскій. Не обходитъ молчаніемъ церковной реформы Петра Великаго и К. Валишевскій, въ своей книгѣ „Петръ Великій. Воспитаніе, личность и дѣло, по новымъ источникамъ". Переводъ съ французскаго. Книгоиздательство „Сфинксъ", 1911, г. Подъ именемъ „Реформа духовенства.—Упраздненіе патріаршества" (стр. 645—661), авторъ помѣщаетъ цѣлую главу, раздѣленную на три отдѣла: 1) Церковь; 2) Патріаршество и 3) Св. Синодъ. Свое изложеніе Валишевскій начинаетъ съ характеристики Ѳеофана Прокоповича и духовенства того времени, состояніе котораго дѣлала реформу необходимой. Смерть Адріана,—говоритъ авторъ,—развязала Петру руки, онъ назначилъ Стефана мѣстоблюстителемъ, но ошибся въ немъ. „Въ 1720 г. отъ прежней власти и прежняго почета патріаршества не осталось почти никакого слѣда"... „Слѣдовало найти выходъ. Подъ давленіемъ столь неотложной необходимости, подъ вліяніемъ друзей Прокоповича, почерпнувшаго большую часть своей премудрости у протестантскихъ богослововъ, Кенштедта и Герхарда, возникло пресвитеріанское учрежденіе духовной коллегіи или Св. Синода, призваннаго съ 1721 г. извлечь Россію изъ бездны, грозившей поглотить ея религіозное и духовное будущее" (стр. 657). Разсказавъ затѣмъ извѣстныя факты объ учрежденіи Св. Синода и передавъ содержаніе Духовнаго Регламента, К. Валишевскій отмѣчаетъ недовольство современнаго Петру общества его церковной реформой, но самъ отказывается „судить о достоинствахъ реформы". „Учрежденіе,—говоритъ онъ,—привилось. Св. Синодъ и понынѣ существуетъ въ Петербургѣ. Оправдало ли оно ожиданія его создателя? Вернуло ли оно съ достоинствомъ, независимостью, властью или сообщило ли русской Церкви умѣніе управлять думами и нужныя для того свойства? На эти вопросы трудно дать отвѣтъ, не переходя на жгучую почву современнаго положенія вещей, отъ чего мы заранѣе обѣщали воздержаться. Кромѣ того преобразователь болѣе всего былъ озабоченъ мыслью сдѣлать все необходимое, чтобы помѣшать Церкви быть или сдѣлаться помѣхой въ новомъ, созданномъ имъ государствѣ и въ этомъ отношеніи, надо сознаться, онъ вполнѣ достигъ своей цѣли" (стр. 661).

Н. М. Никольскій. Небольшой, но хорошо составленный популярный очеркъ находимъ также въ статьѣ Н. М. Никольскаго „Церковная реформа Петра" въ изданіи Сытина „Три Вѣка" М. 1912, т. III, стр. 180—191. Въ ней авторъ подчеркиваетъ подражаніе западнымъ образцамъ, признаетъ подчиненіе Петромъ Церкви своей власти, но объясняетъ происхожденіе реформы общимъ разложеніемъ удѣльнаго феодализма послѣ Смуты. „Такъ,—говоритъ онъ,—произошло превращеніе Русской Церкви изъ феодальной въ государственную" [1]).

Е. Н. Темниковскій. Въ 1909 г. появились двѣ работы [2]) профессора

---

1) Стр. 197.

2) См. его-же „О высшихъ органахъ Церкви", Зап. И. Харьк. Унив. за 1908 г. и отдѣльно Харьковъ, 1908.

Харьковскаго Университета Е. Н. Темниковскаго подъ заглавіемъ одна: „Положеніе Императора Всероссійкаго въ русской православной Церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти". (Историко-догматическій очеркъ. Ярославль 1909. Отд. оттискъ изъ № 1 (3) Юридическихъ Записокъ, издаваемыхъ Демидовскимъ Юридическимъ Лицеемъ. 8⁰, 72 стр.); другая—„Одинъ изъ источниковъ Духовнаго Регламента". (Въ XVIII т. Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, изданнаго въ честь проф. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ, 1909. 8⁰, 11 стр.). На самомъ дѣлѣ содержаніе ихъ одно, такъ какъ одна почти дословно повторяетъ часть другой. Эта послѣдняя: „Положеніе Императора Всероссійскаго въ Русской Православ- Церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти" имѣетъ своею задачей разсмотрѣть этотъ вопросъ „съ точки зрѣнія положительнаго права" (стр. 6). Однако, полемизируя противъ взгляда проф. Н. С. Суворова, по которому „императоръ есть „субъектъ высшей церковной власти согласно правосознанію Церкви и положительному внутреннему церковному праву" (стр. 2), проф. Е. Н. Темниковскій входитъ въ историческое изслѣдованіе источниковъ Духовнаго Регламента и манифеста 25 января 1721 г., которые въ свою очередь послужили источниками Основныхъ Законовъ 1832 г. и дѣйствующаго изданія 23 апрѣля 1906 г. Это изслѣдованіе приводитъ автора къ тому выводу, что въ основѣ названныхъ памятниковъ петровской эпохи лежатъ идеи школы естественнаго права, при чемъ Е. Н. Темниковскій находитъ даже текстуальныя совпаденія нѣкоторыхъ мѣстъ Регламента и манифеста съ сочиненіями Самуила Пуфендорфа.

При тщательной провѣркѣ не всѣ выводы почтеннаго автора могутъ быть приняты. Однако заслуживаетъ вниманія едва ли не первый опытъ въ литературѣ предмета заглянуть въ источники Духовнаго Регламента. Этотъ опытъ является важнымъ шагомъ въ наукѣ и обѣщаетъ богатыя открытія въ дальнѣйшемъ [1]).

Н. Ѳ. Каптеревъ. Сочиненіе проф. Н. Ѳ. Каптерева „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ" (2 тома Сергіевъ Посадъ, 1910—1912. а раньше въ Богословскомъ Вѣстникѣ), повидимому не относящееся къ нашей темѣ, должно быть тѣмъ не менѣе отмѣчено потому, во-первыхъ, что оно съ необыкновенной тщательностью и полнотою рисуетъ тотъ конфликтъ между церковной и государственной властью, съ момента котораго церковная реформа Петра въ духѣ подчиненія Церкви государству стала неизбѣжной. Въ виду этого сочиненіе проф. Н. Ѳ. Каптерева, большого знатока эпохи, является незамѣнимымъ пособіемъ для изслѣдователя начальныхъ истоковъ петровской церковной реформы. Во-вторыхъ, во II-мъ томѣ сочиненія проф. Н. Ѳ. Каптерева имѣется глава: „Отношенія между властью государственной въ древней Руси до патріаршества Никона" (стр. 50—121). Эта ярко написанная глава, доказывающая, какъ велика была въ древней Руси власть царя въ церковныхъ дѣлахъ, по первому взгляду внушаетъ то впечатлѣніе, что власть государства при Петрѣ и послѣ него не стала большею, а потому, будто бы, въ отношеніяхъ церковной и государственной власти со времени Петра не произошло никакой перемѣны. На самомъ дѣлѣ недоразумѣніе, въ которое впадаетъ глубокоуважаемый авторъ, зависитъ отъ того, что свой богатый матеріалъ, собранный въ этой главѣ, онъ не освѣщаетъ съ юри-

---

[1]) Въ толкованіи Основныхъ Законовъ къ Е. Н. Темниковскому примыкаетъ и Н. И. Палієнко, Основные законы и форма правленія въ Россіи. Харьковъ, 1910, стр. 10—11, 67—70.

дической точки зрѣнія, и именно съ точки зрѣнія взглядовъ московской эпохи на цѣли государства. Государство, какъ цѣлевое единство, носитъ тотъ или иной характеръ въ различныя эпохи въ зависимости отъ перемѣны взглядовъ на цѣли государства въ данное время. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, подходя къ своему матеріалу со взглядами начала XX в., когда государству ставятся исключительно земныя, свѣтскія цѣли, невольно видитъ, какъ будто, засиліе свѣтской власти надъ духовной въ живой и многосторонней церковной дѣятельности царя Алексѣя Михайловича. Между тѣмъ самъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ отвѣчаетъ, что царь былъ всецѣло проникнутъ чувствомъ долга заботиться о спасеніи душъ своихъ подданныхъ и, слѣдовательно, ставилъ своему государству тѣ же цѣли, какія вѣчно свойственны Церкви. А тамъ гдѣ наблюдается параллелизмъ цѣлей двухъ институтовъ, при принципіальной ихъ самобытности, тамъ не можетъ быть юридической зависимости одного отъ другого, какъ бы тѣсно не было ихъ взаимодѣйствіе. Въ-третьихъ, во II-мъ томѣ (стр. 421—432) развивается взглядъ, будто „праотцемъ нынѣшняго Св. Пр. Синода“ былъ „постоянный соборъ при патріархѣ“, организованный во исполненіе постановленія собора 1667 г. и что „думать, что Петръ Великій, уничтожая патріаршество и учреждая Св. Синодъ, вводилъ этимъ въ наше высшее церковное управленіе что-то совсѣмъ новое, ранѣе у насъ совсѣмъ невиданное и небывалое, что Св. Синодъ есть личная выдумка и созданіе Петра, было бы очень ошибочно. Петръ Великій, учреждая Синодъ, бралъ уже готовое, существовавшее до него въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе, только нѣсколько передѣлавъ его сообразно съ своими цѣлями и намѣреніями“ (стр. 432). Это утвержденіе авторитетнаго ученаго можетъ быть понятно, какъ защита церковной реформы Петра. Однако, къ сожалѣнію, оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и объяснимо въ устахъ проф. Н. Ѳ. Каптерева только тѣмъ, что онъ не считалъ нужнымъ изслѣдовать источники Духовнаго Регламента, не вглядывался въ ту эволюцію, которую пережила учрежденная Петромъ Великимъ „Духовная Коллегія“ [1]) съ момента обсужденія ея Регламента (въ февралѣ 1720 г.) до момента открытія (въ февралѣ 1721 г.), когда она превратилась въ „Св. Синодъ“ съ новымъ положеніемъ въ государствѣ и съ полупатріаршей властью, да и вообще не взглянулъ на сущность церковной реформы Петра съ юридической точки зрѣнія. Между тѣмъ юридическіе признаки „коллегіи“ и „собора“ таковы, что, имѣя ихъ въ виду, нельзя и сравнивать „Освященный соборъ“ XVII в. съ „Духовной Коллегіей“, учрежденной Петромъ.

М. Концевичъ. Въ 1913 г. въ X выпускѣ „Учено-богословскихъ и церковно-проповѣдническихъ опытовъ студентовъ И. Кіевской Духовной Академіи LXV курса (1912 г.)“ вышло курсовое сочиненіе студента Михаила Концевича, подъ заглавіемъ „Учрежденіе Св. Синода въ Россіи“ (стр. 122—217). Этотъ „опытъ“ представляетъ собою добросовѣстную, хотя и не всегда стройную компиляцію изъ нѣсколькихъ предшествующихъ работъ на ту же тему, и распадается на двѣ неравныя главы: I—стр. 122—202 и II—стр. 202—217. Въ нихъ сначала авторъ излагаетъ два противоположныхъ мнѣнія о самобытномъ или не самобытномъ происхожденіи Св. Синода (122—128), а затѣмъ указываетъ тѣ вопросы, которые онъ имѣетъ въ виду изслѣдовать, а именно: „въ чемъ заключаются главныя идеи школы естественнаго права и выработанная этой школой территоріальная теорія власти государя въ церкви страны? Насколько былъ знакомъ съ этими идеями Петръ Великій, и насколько

[1]) Св. Синода Петръ никогда не учреждалъ.

онѣ могли влiять на ходъ преобразованiй въ Россiи вообще и въ частности на церковную реформу?" (128). Въ соотвѣтствiи съ этимъ далѣе М. Концевичъ излагаетъ сущность ученiя школы естественнаго права и теорiи территорiализма (128—132); говоритъ, что Петръ хорошо ихъ зналъ (132—137) и имъ хотѣлъ слѣдовать (138—140), что видно, между прочимъ, изъ исторiи учрежденiя коллегiй въ Россiи (140—143). Далѣе М. Концевичъ излагаетъ бiографiю и характеристику Ѳеофана Прокоповича, какъ автора Духовнаго Регламента, и доказываетъ его расположенность къ протестантизму и западноевропейскимъ теорiямъ (143—160). На этой основѣ разсказывается исторiя составленiя Духовнаго Регламента и учрежденiя Св. Синода (160—162), подробно передается содержанiе Регламента (162—169) и выясняются его источники (169—181). При этомъ М. Концевичъ всецѣло слѣдуетъ за проф. Е. Н. Темниковскимъ и его повторяетъ. Затѣмъ идетъ разсказъ о собиранiи подписей подъ Регламентомъ (181—184), при чемъ авторъ не соглашается съ С. Г. Рункевичемъ о свободномъ согласiи подписавшихся на реформу, приводится текстъ манифеста 25 Января 1721 г. и анализъ его по Темниковскому (186—187), описывается открытiе Св. Синода (188—191), безъ всякой критики приводится переписка Петра съ патрiархами (191—193), разсказываются первыя мѣропрiятiя Св. Синода по отмѣнѣ возношенiя патрiаршаго имени и проч. (194—200) и отношенiя къ нему iерархiи и низшаго духовенства (200—202). Во второй главѣ авторъ говоритъ, что первоначальная мысль реформы заключалась въ томъ, чтобы создать церковное управленiе по образцу протестантскаго (202—203), излагаетъ составъ Св. Синода по Регламенту и въ дѣйствительности, съ бiографiями его первыхъ членовъ (203—209), очень бѣгло касается вопроса о жалованьи и канцелярiи (209), учрежденiе должности Оберъ-Прокурора (210—212), объема власти Св. Синода (212—215) и отношенiй его къ др. учрежденiямъ, въ частности къ Сенату (215—217).

Обращаясь къ оцѣнкѣ этого сочиненiя слѣдуетъ замѣтить, что никакого научнаго значенiя оно не имѣетъ. Ничего новаго въ немъ нѣтъ и на ряду съ вѣрными мыслями о заимствованiи съ запада самой идеи и образцовъ церковной реформы Петра, о томъ, что Духовная Коллегiя должна была быть именно Консисторiей протестантскаго типа и во всякомъ случаѣ, была и осталась государственнымъ учрежденiемъ, для созданiя котораго участiя восточныхъ патрiарховъ и русской iерархiи не искали и собора не созывали и т. д., есть и старыя ошибки. Напр., авторъ всюду говоритъ объ учрежденiи Св. Синода, а не Д. Коллегiи, разницу между ними видитъ только въ названiи (162), считаетъ что Св. Синодъ былъ равенъ Сенату, что Стефанъ Яворскiй долго отказывался подписать Д. Регламентъ (184), тогда какъ подпись его въ рукописяхъ стоитъ первой и т. д.

Е. Е. Голубинскiй. Въ посмертномъ изданiи бумагъ покойнаго академика Е. Е. Голубинскаго, подъ заглавiемъ: О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви. Сборникъ статей (Посмертное изданiе И. О. И. и Др. Р. подъ ред. С. А. Бѣлокурова, М. 1913, 8⁰, 130 стр.), помѣщены, между прочимъ, его замѣчанiя на статью Тихомирова „Каноническое достоинство реформы Петра Великаго" (стр. 63—84). Эти замѣтки содержатъ въ себѣ очень сильную аргументацiю въ пользу церковной реформы Петра и Св. Синода. Какъ принадлежащiя перу маститаго историка Русской Церкви, его замѣтки могутъ имѣть подавляющее значенiе. Однако именно глубокое почтенiе къ памяти Е. Е. Голубинскаго обязываетъ отмѣтить нѣкоторыя ихъ неправильности.

Возражая на первое положеніе г. Тихомирова, что „реформа была произведена Петромъ не посредствомъ церковнаго собора, какъ бы непремѣнно надлежало, а единственно его собственною волею" (стр. 63), академикъ Е. Е. Голубинскій доказываетъ, что „вовсе нѣтъ каноническаго правила, которымъ было бы усвояемо устройство церковнаго управленія исключительно собору епископовъ" и „вовсе несправедливо то, что исключительно собору епископовъ принадлежитъ право производить реформы въ церковномъ управленіи". Это право принадлежало государямъ въ Византіи и у насъ (стр. 65—67). Относительно этого позволительно замѣтить, что едва ли возможно фактически сложившіяся въ Византіи порядки церковно-государственныхъ отношеній разъ на всегда признать нормою ихъ. Для того, чтобы фактъ, даже часто повторяемый, сталъ нормою права, требуется, чтобы въ своей основѣ онъ покоился на идеѣ должнаго и справедливаго. Между тѣмъ юридическое господство государства въ дѣлахъ Церкви, какъ бы ярко оно не было выражено фактически, не можетъ быть идейно обосновано, ибо „царство Мое не отъ міра сего". Правда, вмѣшательство византійскихъ императоровъ и русскихъ царей можетъ быть оправдано для ихъ времени, но только тѣмъ, что въ средніе вѣка цѣли Церкви и государства признавались тождественными. Новеллы императоровъ и указы царей издавались во благо Церкви и спасенія душъ человѣческихъ. Но полицейское государство Петра уже отреклось отъ небесныхъ цѣлей Церкви и требовало ея подчиненія себѣ во имя общаго блага, bonun commune, какъ оно понималось естественной философіей его времени.

И самъ маститый академикъ признаетъ въ значительной мѣрѣ справедливымъ, что Петръ произвелъ свою реформу по побужденіямъ не церковнымъ, а государственнымъ (стр. 69). Эти побужденія онъ видитъ въ попеченіи государя объ исправленіи чина духовнаго и признаетъ „великой чепухой" признаніе этого попеченія „цезаропапизмомъ" (стр. 70). Въ доказательство Е. Е. Голубинскій опять ссылается на новеллы Юстиніана и оканчиваетъ: „Новеллы Юстиніана по дѣламъ церковнымъ въ своей совокупности составятъ не одинъ Регламентъ, а два" (стр. 72, конецъ). На это можно замѣтить, ссылаясь на сказанное выше, что юридическіе титулы попеченія о Церкви Юстиніана и Петра разные, и нельзя оправдывать одного другимъ. Петръ есть абсолютный монархъ въ духѣ школы естественнаго права. Онъ господствуетъ на основаніи принципа территоріальнаго верховенства, его государство, это—Левіаѳанъ Гоббеза, о которомъ онъ несомнѣнно зналъ и воплощеніе взглядовъ котораго онъ видѣлъ собственными глазами во время своихъ путешествій по Европѣ.

Борясь противъ третьяго положенія г. Тихомирова, что „управленіе каждой частной церкви должно быть соборнымъ, но что Св. Синодъ вовсе не представляетъ собора и даже правительства церковнаго, а государственное чиновничество" (стр. 73), Е. Е. Голубинскій возражаетъ на это, „что ни патріаршее управленіе не было у насъ тѣмъ, чѣмъ должно быть церковное управленіе, ни синодальное управленіе не стало тѣмъ, чѣмъ бы должно быть церковное управленіе, но что второе стало лучше перваго и во всякомъ случаѣ не хуже его" (стр. 73. Ср. стр. 74). Послѣднія слова не заключаютъ въ себѣ принципіальнаго возраженія. Утилитарный взглядъ не можетъ дать юридическаго оправданія.

Изъ дальнѣйшихъ страницъ видно, что Е. Е. Голубинскій термины „коллегія", „коллегіальный" понимаетъ въ широкомъ, не юридическомъ

смыслѣ; что онъ совершенно не знаетъ ближайшихъ обстоятельствъ признанія патріархами Св. Синода[1]) и т. д.

Въ своихъ замѣчаніяхъ авторъ говоритъ и о Духовномъ Регламентѣ (стр. 67—69). Но онъ нисколько не касается его идейныхъ источниковъ и повторяетъ только извѣстное въ наукѣ.

Изложенныя нами здѣсь замѣчанія на аргументы Е. Е. Голубинскаго отнюдь не имѣютъ своею цѣлію выразить солидарность со взглядами г. Тихомирова. Нами руководило желаніе отмѣтить здѣсь мысли академика Голубинскаго, случайно выраженныя имъ въ полемической формѣ, и сдѣлать къ нимъ оговорки, на которыя уполномочиваютъ насъ наши собственныя изслѣдованія, и безъ которыхъ сужденія Голубинскаго нельзя было оставить, особенно принимая во вниманіе большой удѣльный вѣсъ авторитета незабвеннаго историка.

И. А. Ивановскій. Судя по „Программѣ курсовъ государственнаго права“ профессора И. А. Ивановскаго (изд. 4, С.-Петербургъ 1910), онъ относитъ Св. Синодъ къ органамъ подчиненнаго государственнаго управленія, трактуя о немъ рядомъ съ Сенатомъ (стр. 44). Въ чтенія И. А. Ивановскаго входитъ и исторія Св. Синода, но объ объемѣ и содержаніи передаваемыхъ имъ свѣдѣній судить по „программѣ“ не имѣемъ возможности, а изданный студентами „Учебникъ государственнаго права“ подъ именемъ И. А. Ивановскаго, СПб. 1909 г. (о Синодѣ см. стр. 177—178), какъ извѣстно, авторомъ не авторизованъ и для насъ источникомъ служить не можетъ.

Н. И. Лазаревскій. Н. И. Лазаревскій (см. Русское государственное право. Т. I. Конституціонное право, изд. 3, СПб. 1913 г.), церковное управленіе относитъ къ полномочіямъ Государя[1]), которыя характеризуетъ такъ: „Синодъ былъ учрежденъ государственнымъ, а не церковнымъ актомъ, Духовнымъ Регламентомъ, и по духу Регламента долженъ быть государственнымъ, а не церковнымъ установленіемъ“... „Верховная власть въ дѣлахъ Церкви принадлежитъ только Государю. Со времени учрежденія Синода церковная власть перешла къ Императорской власти, и не было никакого самостоятельнаго церковнаго органа, который явился бы носителемъ какихъ бы то ни было правительственныхъ правъ по церковнымъ дѣламъ, кромѣ тѣхъ правъ, которыя ему могли быть предоставлены Императорскою властью“ и т. д.

Въ своей конструкціи г. Лазаревскій опирается на Градовскаго, Суворова, Горчакова и Темниковскаго.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ отдѣлѣ о центральныхъ учрежденіяхъ русскаго государственнаго управленія Н. И. Лазаревскій Св. Синода не упоминаетъ[2]).

П. Е. Казанскій. Для полноты нашего очерка необходимо отмѣтить также и книгу профессора П. Е. Казанскаго, „Власть Всероссійскаго Императора“, Одесса 1913 г., въ которой имѣется гл. IX „Церковное управленіе“. Въ ней, перебивая, по своему обыкновенію, свои мысли множествомъ цитатъ, затрудняющихъ чтеніе, авторъ высказываетъ ту мысль, что Государь есть „не посторонняя Православной Церкви государственная власть, но именно Глава Церкви“ (стр. 163), хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ англійскій король является главою англиканской Церкви

---

1) См. ниже гл. XIV.
2) Въ изданіи 1908 г. объ этомъ нѣтъ рѣчи.
3) См. Лекціи по русскому государственному праву. Т. II. Административное право. Ч. I. Органы управленія. СПб. 1910.

(стр. 162). „По наиболѣе распространенному, — по мнѣнію проф. Казанскаго, — воззрѣнію, Государь Императоръ наслѣдуетъ въ этомъ отношеніи власть византійскихъ императоровъ“ (стр. 164). Церковное верховенство Государя покоится не на народной волѣ, какъ думалъ цитируемый проф. Казанскимъ А. С. Хомяковъ, а исключительно на законахъ Государства Русскаго (стр. 166). Органомъ Верховной Власти въ дѣлахъ церковныхъ является Св. Синодъ, положеніе котораго до сихъ поръ неопредѣленно (стр. 167). Однако авторъ все таки считаетъ его учрежденіемъ государственнымъ (слѣдуя Градовскому и Темниковскому) и притомъ органомъ управленія подчиненнаго, поскольку Синодъ дѣйствуетъ самостоятельно (стр. 169). Въ общемъ сужденія проф. П. Е. Казанскаго не отличаются оригинальностью и существеннаго значенія для науки не имѣютъ [1]).

А. Н. Филипповъ. Профессоръ А. Н. Филипповъ въ „Учебникѣ Исторіи русскаго права“ ч. I, 5 изд. Юрьевъ 1914 г., стр. 711—720[2]), останавливается на Св. Синодѣ очень внимательно. Прежде всего онъ излагаетъ „переходное состояніе въ управленіи Церковью отъ 1700 по 1721 гг. и причины, вызвавшія учрежденіе Св. Синода по объясненію Духовнаго Регламента“. Пересказъ содержанія первой части Регламента приводитъ, однако, А. Н. Филиппова къ разсмотрѣнію двухъ общихъ вопросовъ, а именно: 1) „насколько вѣрна, съ исторической точки зрѣнія, оцѣнка патріаршества“, сдѣланная въ Духовномъ Регламентѣ и 2) „поскольку изъ обстоятельствъ Петровскаго времени и изъ отношенія Церкви, въ лицѣ ея іерарховъ, къ реформѣ вытекала необходимость въ томъ коренномъ измѣненіи, какое было сдѣлано Петромъ В. въ организаціи церковнаго управленія“ (стр. 713). На первый вопросъ авторъ отвѣчаетъ отрицательно, находя, что „у насъ Церковь никогда не была status in statu“ (стр. 714), и что притязанія Никона шли вразрѣзъ съ положеніями, выработанными русскою исторіею, а потому оцѣнку, даваемую патріаршеству Духовнымъ Регламентомъ, можно объяснить только желаніемъ представить картину отношеній царя и патріарха въ такомъ видѣ, чтобы „склонить мысль подданныхъ къ неизбѣжной необходимости покончить быстро съ вопросомъ и создать духовенству иное, чѣмъ было прежде, положеніе въ государствѣ“ (стр. 715). Останавливаясь далѣе на отношеніяхъ іерарховъ къ Петру и его реформамъ, А. Н. Филипповъ признаетъ эти отношенія отрицательными, чѣмъ легко объясняется и нелюбовь Петра къ реакціонному духовенству.

Переходя далѣе къ опредѣленію смысла реформы, А. Н. Филипповъ говоритъ, что Петръ, видя въ духовенствѣ помѣху своимъ реформамъ, „вышелъ отчасти изъ затрудненія, найдя и въ духовенствѣ новыхъ людей, шедшихъ за нимъ безпрекословно. Но этого, конечно, было мало, и вотъ Петръ измѣняетъ положеніе духовенства такъ, что послѣднее невольно служитъ цѣлямъ реформы. Естественнымъ исходомъ этого измѣненія и явилась реформа церковнаго управленія. Послѣднее сдѣлалось теперь частью общегосударственнаго управленія и въ этомъ состояло главное значеніе реформы. Духовная Коллегія, поставленная во главѣ этого управленія, организуется вполнѣ по образцу прочихъ коллегій, во всемъ, что касается ея состава, дѣлопроизводства, подчиненія государственному контролю, въ лицѣ прокуроровъ и инквизиторовъ и пр.“ (стр. 717). Ссылаясь, затѣмъ, на различную оцѣнку церковной реформы Петра въ

---

[1]) Ср. стр. 172 сл., совершенно противорѣчащія взгляду на Св. Синодъ, какъ государственное учрежденіе и прямому смыслу ст. 65 Осн. Законовъ.

[2]) Первое изданіе вышло въ Юрьевѣ въ 1907 г.

литературѣ, А. Н. Филипповъ приводитъ два наиболѣе авторитетныхъ мнѣнія Ю. Ѳ. Самарина, изъ его диссертаціи „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ“ и Е. Е. Голубинскаго, изъ изложенной нами статьи его въ посмертномъ изданіи „О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви“, и самъ заключаетъ такъ: „Мы уже указывали выше, что противоположеніе власти патріарха власти государя вовсе не вытекало изъ русской исторической традиціи и, за исключеніемъ „замаха“ Никона, ему не было прецедентовъ, какъ это подтверждается многими данными. Но, если это такъ, едва-ли на этомъ противоположеніи и могущихъ изъ него быть послѣдствій, можно было строить реформу, лишая Церковь ея живаго единства и частью облекая управленіе ею въ бюрократическія формы“ (стр. 719).

Такимъ образомъ самъ проф. А. Н. Филипповъ относится къ церковной реформѣ Петра отрицательно, усматривая смыслъ ея въ томъ, что вслѣдствіе ея церковное управленіе сдѣлалось частью управленія государственнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ причины реформы онъ видитъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ царствованій Алексѣя Михайловича и Петра, въ „замахахъ“ Никона и реакціонности духовенства относительно петровскихъ реформъ. На самомъ дѣлѣ причины были гораздо глубже, да и выступленіе Никона далеко не было случайнымъ. Патріархи были въ мирѣ съ царями, пока государство не обнаруживало тенденціи идти своими путями и ограничивать правленіе духовенства. Первые признаки секуляризаціи государства, обнаружившіеся въ созданіи Монастырскаго приказа по Уложенію 1649 г., уже предопредѣлили собою неизбѣжность конфликта, и если онъ произошелъ такъ скоро и выразился такъ ярко, то конечно, благодаря необыкновенной личности Никона. Но и безъ него, рано или поздно должно было установиться новое положеніе Церкви въ Русскомъ государствѣ, потому что цѣли той и другого, на рубежѣ XVIII ст., какъ бы стояли на распутьи. „Замахъ“ Никона былъ не причиной, а поводомъ церковной реформы Петра и порабощеніе ея свѣтской властью въ ту эпоху, когда въ Россіи устанавливалось, со всѣми его характерными признаками, „полицейское государство“, едва ли могло быть избѣгнуто.

В. Н. Бенешевичъ. Осенью 1914 г. профессоръ В. Н. Бенешевичъ выпустилъ свой „Сборникъ памятниковъ по исторіи церковнаго права, преимущественно русской Церкви до эпохи Петра Великаго“, Петроградъ, 1915, въ которомъ былъ изданъ имъ цѣликомъ Духовный Регламентъ съ варіантами изъ трехъ рукописей. Свое отношеніе къ этому памятнику составитель „Сборника“ скрытно выразилъ въ предисловіи, гдѣ, приводя слова литературнаго типа — протоіерея Савелія Туберозова у Лѣскова („Соборяне“, стр. 120, изд. Маркса, т. I), яко бы записанныя имъ въ свой дневникъ въ 1837 г., даетъ понять, что, по его мнѣнію, Духовный Регламентъ есть памятникъ, заключающій въ себѣ нѣчто кого-то и въ чемъ-то компрометтирующее. Это изданіе текста Духовнаго Регламента могло бы имѣть вліяніе на дальнѣйшую научную разработку исторіи его составленія и изданія при Петрѣ, а также его содержанія, если бы оно не страдало нѣкоторыми недостатками, о которыхъ см. въ нашей статьѣ: „Къ вопросу о „фальсификаціи“ Духовнаго Регламента“, Журналъ М. Н. Пр. за 1914 г. декабрь, стр. 316—330 и отдѣльно Петроградъ, 1914 [1]).

[1]) Отвѣтъ на эту статью В. Н. Бенешевича см. въ томъ же Журналѣ январь 1915 г. стр. 250—251. Связанная со „Сборникомъ“ В. Н. Бенешевича полемика о фальсификаціи, будто бы, Духовнаго Регламента въ статьяхъ А. А. Папкова въ „Новомъ Времени“ за май 1894 г. и С. Г. Рункевича въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ май-іюнь 1914 г. и др. существеннаго значенія для науки не имѣетъ.

Греческій историкъ Киріакосъ. Въ дополненіе къ изложенному литературному матеріалу любопытно привести взгляды греческаго церковнаго историка, профессора богословія въ Аѳинскомъ Университетѣ Діомида Киріакоса [2]), высказанные имъ въ его сочиненіи: Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία ἀπὸ τῆς ἱδρύσεως τῆς ἐκκλησίας μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων ὑπὸ Α. Διομήδους Κυριακοῦ (3 тома, 2-е изданіе въ Аѳинахъ 1898). Здѣсь въ III томѣ находимъ § 268 (стр. 203—209) подъ заглавіемъ: „Уничтоженіе патріаршества Петромъ Великимъ. Учрежденіе Синода и другія реформы этого государя". Киріакосъ говоритъ сначала, что слишкомъ большая власть патріарховъ не нравилась царю и могла быть опасна для благополучія государства. Чтобы избѣгнуть этой опасности Петръ, имѣя въ виду прежніе соборы епископовъ (ἔχων ὑπ' ὄψιν τὰς ἀρχαίας τῶν ἐπισκόπων συνόδους), на которыхъ раньше рѣшались важнѣйшие церковные споры [1]), рѣшилъ отмѣнить въ России патріаршество и учредить Синодъ, какъ высшее церковное установленіе. Поэтому послѣ смерти послѣдняго патріарха Адріана (Киріакосъ ошибочно относитъ ее къ 1702 году) онъ замедлилъ избраніемъ ему преемника, назначилъ мѣстоблюстителя и при немъ установилъ соборъ епископовъ для управленія патріархатомъ. Этотъ соборъ управлялъ церковными дѣлами, но не былъ вполнѣ независимъ отъ свѣтской власти, какъ раньше патріархъ. Такое положеніе длилось около 20 лѣтъ. Когда народъ болѣе или менѣе привыкъ къ этому новому порядку церковныхъ дѣлъ, Петръ рѣшилъ законодательнымъ путемъ закрѣпить его на будущее время. Извѣстный русскій богословъ Прокоповичъ составилъ уставъ этой новой церковной власти (συνέταξε τὸν ὀργανισμὸν τῆς νέας ἐκκλησιαστικῆς ἀρχῆς), выполнивъ въ немъ намѣреніе государя, который отчасти исправилъ этотъ уставъ, издалъ его въ 1721 г., а въ Февралѣ того же года составился первый Св. домашній Синодъ" (συνέστησε τὴν πρώτην ἱερὰν Διοικοῦσαν Σύνοδον). Онъ состоялъ изъ клириковъ всѣхъ разрядовъ. Въ немъ засѣдали въ качествѣ членовъ кромѣ епископовъ и пресвитеры. Предсѣдательствованіе принадлежало имѣвшему старшинство по хиротоніи изъ тѣхъ архіереевъ, кто въ этомъ году засѣдалъ въ Синодѣ. Члены ежегодно назначались по выбору правительства. Синоду принадлежало завѣдываніе разными духовными дѣлами, но для рѣшенія ихъ требовалось согласіе царскаго епитропа, чрезъ котораго государство осуществляло законный надзоръ за рѣшеніями Синода. Во всѣхъ чисто духовныхъ дѣлахъ Синодъ дѣйствовалъ независимо отъ государственнаго воздѣйствія, въ вопросахъ же смѣшаннаго характера, какъ, напр., брака и развода, церковныхъ школъ и т. д., Синодъ дѣйствовалъ совмѣстно съ государствомъ, ἢ τοῦ ὑπουργείου τῶν ἐκκλησιαστικῶν (Раушъ переводитъ: des Ministeriums für Kirchenangelegenheiten), и т. д. Нѣсколько ниже Киріакосъ приводитъ грамоту Петра къ Константинопольскому Патріарху и отвѣтъ Іереміи съ признаніемъ Св. Синода своимъ о Христѣ братомъ (стр. 206—207). Слѣдующія слова относятся къ современному состоянію Синода, въ которомъ Киріакосъ усматриваетъ существенныя черты не измѣненными съ того

---

[1]) Помимо авторитета, коимъ пользуется Киріакосъ, только его мнѣнія о церковной реформѣ Петра можно привести еще потому, что кромѣ него никто не писалъ объ этомъ. Церковная исторія Мелетія (3 т. 1784) доведена лишь до начала XVIII в., Контогониса (Аѳины, 1866—1876) касается только четырехъ первыхъ вѣковъ; Ласкарисъ (Константинополь, 1863) и Комита (Закинѳъ 1861) даютъ лишь краткіе очерки, а Исторія Филарета Вафида (1884—1886) доходитъ лишь до 1453 г. Отдѣлы „Церковной Исторіи" Киріакоса, касающіеся восточной Церкви, изданы въ авторизованномъ нѣмецкомъ переводѣ Erwin Rausch'а: Geschichte der Orientalischen Kirchen von 1453—1898 von A. Diomedes Kyriakos. Leipzig 1902.

[2]) При этомъ Киріакосъ ссылается на § 63 своего сочиненія, въ которомъ говорится „о епископахъ, соборахъ и митрополитахъ" (т. стр. 200—201).

времени, а также къ общей характеристикѣ церковнаго быта въ Россіи послѣ реформы. Въ заключеніе авторъ очень хвалитъ Петра, какъ реформатора и цивилизатора Россіи, который не только благоустроилъ ее въ государственномъ отношеніи и сдѣлалъ сильною державою, но кромѣ того впервые упорядочилъ въ ней и сильно запущенныя церковныя дѣла.

Изъ изложеннаго видно, что Киріакосъ относится къ реформѣ съ полнымъ одобреніемъ. Св. Синодъ онъ считаетъ учрежденіемъ совершенно аналогичнымъ древнимъ церковнымъ соборамъ. Его предшественникомъ — Освященный соборъ при мѣстоблюстителѣ. Св. Синодъ, по его мнѣнію, есть церковное учрежденіе, въ чисто религіозныхъ дѣлахъ дѣйствующее совершенно независимо отъ свѣтской власти, а въ смѣшанныхъ — вмѣстѣ съ Министерствомъ церковныхъ дѣлъ (?). Все это показываетъ не только то, что Киріакосъ относится къ церковной реформѣ Петра слишкомъ поверхностно, знаетъ о ней больше по наслышкѣ, чѣмъ по документамъ, но показываетъ и то, что онъ черты современнаго Синода, ему болѣе или менѣе знакомые, переноситъ на Духовную Коллегію, объ истинной сущности которой онъ и не догадывается. Это можетъ служить однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что существо церковной реформы Петра было имъ искусно скрыто отъ восточныхъ патріарховъ, которымъ и самый Духовный Регламентъ остался неизвѣстенъ [1]).

---

20. Заключеніе.

Въ настоящій обзоръ намѣренно включены были, по возможности, всѣ сочиненія, въ которыхъ разсказывается о самомъ событіи учрежденія Духовной Коллегіи, изслѣдуется исторія этого событія, а также составленія Духовнаго Регламента и высказываются сужденія и мнѣнія о сущности Петровской церковной реформы. Такъ какъ предполагается, что для вѣрной оцѣнки прошлаго не всегда бываетъ необходимо самостоятельное научное изслѣдованіе, то въ обзорѣ не были оставлены безъ вниманія не только тѣ сочиненія, которыя были спеціально написаны на нашу тему, но и тѣ, въ которыхъ она занимала второстепенное мѣсто, какъ то въ общихъ курсахъ Русской Исторіи и Исторіи Русской Церкви, въ курсахъ Русскаго Государственнаго права, Исторіи Русскаго права, Церковнаго права, въ историческихъ біографіяхъ Петра и проч. Наконецъ, намѣренно включены были и сочиненія публицистическаго характера, даже оффиціальные документы, поскольку въ нихъ видно было то или иное отношеніе къ церковной реформѣ Петра и свое пониманіе ея сущности.

Все это сдѣлано потому, что только изученіе исторіи постепеннаго знакомства съ фактомъ учрежденія Духовной Коллегіи и изданія Духовна-

---

[1]) См. ниже гл. XIV.

го Регламента, а также и исторія оцѣнки многообразнаго значенія этого факта можетъ освободить новаго изслѣдователя отъ допущенныхъ уже ошибокъ въ пониманіи сущности церковной реформы Петра и ея юридической природы, а также помочь установить и методологически правильную исходную точку зрѣнія.

Кромѣ того обзоръ многочисленныхъ сочиненій, выражающихъ взгляды авторовъ на церковную реформу Петра, важенъ тѣмъ, что приводитъ насъ къ тому сознанію, что за двѣсти лѣтъ существованія Св. Синода, какъ преемника учрежденной Петромъ Духовной Коллегіи, не было такого момента, когда вполнѣ каноническій характеръ его, какъ и всей церковной реформы Петра, находился бы внѣ всякаго сомнѣнія. Въ то время, какъ съ другими новшествами Петра Русскій народъ примирился довольно скоро, начиная отъ признанія царскаго абсолютизма, учрежденія Сената и др. правительственныхъ учрежденій, введенія паспортной системы и проч., кончая нѣмецкимъ платьемъ, бритьемъ бороды и усовъ, куреніемъ табаку,—съ церковной реформой Петра Русскій народъ еще не успѣлъ примириться и критика ея, начатая простонародьемъ, раскольниками, Аврамовымъ, Маркелломъ Родышевскимъ и т. под. маленькими людьми, впослѣдствіи нашла себѣ поддержку у Карамзина, Самарина и др. и завершилась голосомъ самого русскаго правительства, опредѣленіями Св. Синода, отзывами іерархіи и, наконецъ, словами Высочайшей власти, призывавшей къ новой церковной реформѣ уже на соборныхъ каноническихъ началахъ.

Это сознаніе лишній разъ подчеркиваетъ важность темы и необходимость вполнѣ объективной научной ея разработки, чтобы можно было, наконецъ, придти къ общему мнѣнію и признать то или иное сужденіе безспорнымъ положеніемъ науки. Это необходимо прежде всего для исторіи и догмы русскаго Церковнаго права, какъ научной дисциплины. Это необходимо и для церковной и государственной жизни, ибо только логически, на первоисточникахъ обоснованная увѣренность въ правильности нашего взгляда на сущность и значеніе церковной реформы Петра можетъ дать мощный толчокъ къ тому, чтобы мы сдвинулись съ мертвой точки, на которой стоимъ.

Отдѣлъ первый.

Историческія событія и личные взгляды, обусловившіе собою церковную реформу Петра Великаго.

Глава I.

Характеристика отношеній между церковной и государственной властью въ московскую эпоху съ точки зрѣнія взглядовъ того времени на цѣли и задачи Московскаго государства.

Понятіе о цѣли и задачахъ государства. Вопросъ о цѣли государства входитъ въ общее ученіе о государствѣ и занимаетъ въ немъ опредѣленное мѣсто. Выясняя существо государства и принципы, которыми можно, или, по крайней мѣрѣ, пытались въ исторіи, обосновать самый фактъ его существованія, наука государственнаго права съ необходимостью приходитъ къ ученію о цѣли государства, безъ построенія котораго нельзя, повидимому, составить о немъ полнаго понятія. Есть, впрочемъ, ученія, которыя самый вопросъ о цѣли государства считаютъ празднымъ. Однако современное правовѣдѣніе, прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, полагаетъ нужнымъ анализировать самую проблему и находитъ возможнымъ понимать ее трояко, а именно: 1) какая цѣль присуща самому институту государства въ общей экономіи исторической эволюціи въ отношеніи къ конечному назначенію человѣчества (универсальная объективная цѣль); 2) какую цѣль имѣло или имѣетъ индивидуально опредѣленное государство въ связи его со всей совокупностью историческихъ явленій (партикулярная объективная цѣль); 3) какую цѣль имѣетъ государство въ данную эпоху для всѣхъ его членовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ для всего общества (субъективная цѣль) [1].

Выясненіе первыхъ двухъ вопросовъ является невозможнымъ въ виду ихъ метафизическаго характера, и только третій вопросъ имѣетъ серьезное жизненное значеніе. Между прочимъ, тѣмъ или инымъ ученіемъ о цѣли государства опредѣляется его внѣшняя и внутренняя политика, т. е. его отношенія къ другимъ государствамъ, а также къ союзамъ и отдѣльнымъ лицамъ, находящимся внутри самого государства.

Исторія знаетъ двоякаго рода такія ученія: 1) ученія о *всеобщихъ* цѣляхъ государства и 2) ученія объ *ограниченныхъ* цѣляхъ государства. Къ *первымъ* относятся *эвдемонистически-утилитарная теорія*, считающая цѣлью государства служить *всеобщему благу*, и *этическая* теорія, считающая цѣлью государства служить водворенію въ мірѣ справедливости, добродѣтели, насажденію и распространенію христіанства, *спасенію человѣческихъ душъ*. Ко *вторымъ* относятся теоріи, считающія цѣлью государства *безопасность, свободу, право,* наконецъ, объединяющія все это въ общемъ положеніи, что государство имѣетъ своею цѣлью удовлетворять путемъ планомѣрной, централизующей, оперирующей при помощи внѣшнихъ средствъ, дѣятельности, *индивидуальные, національные* и *общечеловѣческіе* солидарные *интересы* въ направленіи прогрессивнаго развитія общества [2].

---

[1] *G. Jellinek,* Allgemeine Staatslehre. 2. Aufl. Berlin 1905, S. 223—224.

[2] *G. Jellinek,* ibidem S. 224—258.

Важность тѣхъ или иныхъ взглядовъ на цѣли и задачи государства. Въ исторіи всѣ эти теоріи смѣняли одна другую и многія изъ нихъ за исключеніемъ, развѣ, послѣдней, подверглись крушенію и оставлены. Но онѣ сохраняютъ всю свою важность для яснаго пониманія и опредѣленія отношеній Церкви и государства, какъ онѣ сложились въ разныхъ странахъ въ минувшемъ, и какъ имъ предстоитъ еще сложиться въ будущемъ. Ибо, если тѣ или иныя воззрѣнія на цѣли государства всегда опредѣляютъ достиженіе внѣшней и внутренней политики даннаго государства вообще, то, въ частности, именно ими можно объяснить себѣ *правовое* положеніе Церкви въ тотъ или иной историческій моментъ, т. е. степень ея свободы и самостоятельности отъ свѣтской власти.

Языческій міръ. Языческій міръ не зналъ идеи искупленія и вѣчнаго спасенія. Ему чужды были и мысли о томъ, что для достиженія вѣчнаго блаженства слѣдуетъ нравственно совершенствоваться, подчиняясь особому религіозно-бытовому укладу. Всѣ интересы грека и римлянина были на землѣ, въ кругу его семейнаго, общественнаго и государственнаго быта. Поэтому *въ то время не могло быть рѣчи о какихъ нибудь иныхъ цѣляхъ, кромѣ обыденной цѣли—удовлетворить возможно лучше свои потребности.* Въ религіи былъ антропоморфизмъ, боги представлялись человѣку въ его собственномъ образѣ, а самъ онъ жилъ въ государствѣ. Естественно поэтому, что послѣднее было проникнуто религіознымъ характеромъ, какъ и религія была государственной.

Христіанство. Кореннымъ образомъ измѣняется дѣло съ появленіемъ христіанства. Проповѣдь его открывается словами Іоанна Крестителя, а затѣмъ Самого Спасителя— „покайтесь, ибо приблизилось царство небесное“ [1]). Царство же это — царство благодати въ мірѣ [2]) и въ душѣ вѣрныхъ [3]), а затѣмъ—блаженство вѣчное [4]). Оно есть ни пища, ни питье, но правда, миръ и радость во Св. Духѣ [5]). Оно обѣщано нищимъ духомъ [6]), бѣднымъ [7]), любящимъ Бога [8]), терпящимъ гоненіе и проч. [9]). Оно достигается многими скорбями [10]) и берется усиліями [11]). Его нужно искать прежде всего и все остальное, само по себѣ не имѣющее значенія, приложится [12]). Царство Божіе, царство Христово, какъ и Самъ Онъ, не отъ міра сего [13]), ибо міръ во злѣ лежитъ, сокровища міра—тлѣнны, и Христосъ явился именно чтобы спасти міръ [14]). Спаситель ставилъ Свое ученіе въ независимость отъ государства, что выразилъ словами: „воздавайте кесарево Кесарю, а Божіе Богу [15]). Но первымъ послѣдователямъ Христа приходилось слишкомъ

1) Мѳ. 3,2; 4,17; 10,7 и паралл. 2) Мѳ. 4,23; 24,14.

3) Лк. 17,21. 4) Мѳ. 6,19—21; 25,34; 26,29 и др. 5) Рим. 14,17.

6) Мѳ. 5,3. Толкованіе этой, какъ и другихъ заповѣдей блаженства, см. въ книгѣ проф. прот. *С. А. Соллертинскаго*, Пастырство Христа Спасителя. Спб. 1896, изд. 2-е, стр. 231 и слѣд.

7) Мѳ. 20,23; Іак. 2,5. 8) Іак. 2,5. 9) Мѳ. 5,10—12.

10) Дѣян. 14,22; Мѳ. 10,33. 11) Мѳ. 11,12; Лк. 16,16. 12) Мѳ. 6,33; Лк. 12,31

13) Ін. 18,36; 6,15; 8,23; 15,19; 17,16.

14) Мѳ. 18,11; Лк. 9,56; 19,10. 15) Мѳ. 22,21.

остро чувствовать стѣсненія ихъ внутренней религіозной свободы со стороны языческаго государства, которое никакъ не могло понять и допустить именно свободы совѣсти[1]), и христіане готовы были роптать на него и отказаться отъ повиновенія власти, но отъ Апостоловъ получили наставленіе въ томъ, что противно христіанскому званію не покоряться властямъ, ибо порядокъ властвованія и подчиненія установленъ Богомъ и нуженъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ[2]).

Если само христіанство въ первые три вѣка держалось въ сторонѣ отъ государства и добивалось только свободы вѣроисповѣданія, то и государство платило ему тѣмъ же: либо его игнорировало, либо его истребляло. И это совершенно понятно, если вспомнить, что *цѣли ихъ были совершенно противоположны*.

Византійская имперія. При Діоклетіанѣ произошло послѣднее гоненіе на христіанъ. Правительство оказалось одинокимъ въ борьбѣ съ новой вѣрой и должно было оффиціально дозволить ея исповѣданіе. Первый эдиктъ по этому поводу въ пользу христіанъ былъ изданъ 30 Апрѣля 311 г. императоромъ Галеріемъ отъ его собственнаго имени и отъ имени Константина и Ликинія. Онъ объяснялъ прекращеніе гоненія и предоставлялъ христіанамъ право на существованіе (ut denuo sint christiani), однако не разрѣшалъ перехода въ христіанство язычникамъ. Между тѣмъ, какъ можно думать, онъ вызвалъ такое массовое движеніе въ пользу христіанства, что правительство сочло нужнымъ обставить этотъ переходъ нѣкоторыми условіями, чтобы воспрепятствовать распространенію христіанства и издало Миланскій эдиктъ 312 г. Августы—Константинъ и Ликиній въ 313 году, свидѣвшись въ Миланѣ, сочли нужнымъ предоставить и „христіанамъ и всѣмъ другимъ полную свободу слѣдовать той религіи, какой кто можетъ и какую считаетъ для себя наилучшею, чтобы всякое божество, какое только есть на небесномъ престолѣ, было милостиво и благосклонно къ нимъ и всѣмъ нашимъ подданнымъ“[3]). „Нѣкоторые полагаютъ, говоритъ проф. В. В. Болотовъ, что

[1]) См. проф. *Б. М. Меліоранскаго,* Изъ лекцій по исторіи и вѣроученію древней христіанской Церкви (I—VIII в.). Вып. I, Спб. 1910, стр. 63.

[2]) Римл. 13, 1—5; 1 Петр. 2,17—20; 1 Тим. 2,2. На почвѣ толкованія Св. Писанія у *Ѳ. Курганова,* Отношенія между церковною и гражданскою властью въ Византійской Имперіи. Казань 1880, стр. 7, встрѣчаемъ слѣдующее важное замѣчаніе (курсивъ нашъ): „Такимъ образомъ І. Христосъ вполнѣ *отдѣлилъ* духовно-религіозныя дѣла отъ гражданскихъ, внутренняго, духовнаго человѣка отъ человѣка мірского, свѣтскаго. Поэтому духовная власть должна занять равноправное положеніе съ свѣтскою. По апостолу (Рим. 13,1), обѣ власти отъ Бога установлены, только духовная власть завѣдуетъ дѣлами религіи и совѣсти, а *свѣтская заботится о внѣшнемъ благосостояніи* человѣка. Будучи независимы другъ отъ друга, но дѣйствуя на *одного и того же человѣка*, обѣ власти, очевидно, *не могутъ не сталкиваться* на этомъ пунктѣ и потому не могутъ обойтись безъ точнаго опредѣленія взаимныхъ правъ и отношеній“.

[3]) *Lactantius*, De mortibus persecutorum 48: csel. XXVII, 2, 228 и сл. (*D. Carl Mirbt*, Quellen zur Geschichte des Papsttums und des römischen Katholizismus. 3. Aufl. Tübingen, 1911, s. 33): „ut daremus et Christianis et omnibus liberam potestatem sequendi religionem, quam quisque voluisset, quo quidquid (est) divinitatis in sede caelesti, nobis atque omnibus qui sub potestate nostra sunt constituti, placatum ac propitium possit existere“.

эдиктомъ Константина христіанство было сдѣлано религіею государственною. Но это противорѣчитъ ясному и точному тексту эдикта. Эдиктъ не признаетъ никакой религіи въ государствѣ господствующею. У язычниковъ не были отняты тѣ привилегіи, которыя дѣлали на практикѣ ихъ религію господствующею. Эдиктомъ предоставлялась всѣмъ полная свобода вѣроисповѣданія. Самъ Константинъ желалъ оставаться на нейтральной почвѣ. Но для личности это невозможно. Константинъ имѣлъ дѣтей, и ему нужно было дать имъ воспитаніе въ томъ или иномъ духѣ. Онъ далъ имъ христіанское воспитаніе, и хотя они не были крещены, однако принадлежали къ христіанской Церкви. Такимъ образомъ равновѣсіе было нарушено. Всякому стало ясно, что христіанство сдѣлалось религіею государя, а для весьма многихъ личныя воззрѣнія императора могли имѣть большое значеніе. И хотя Константинъ Великій до самой смерти носилъ титулъ „pontifex maximus“ и послѣ смерти былъ объявленъ богомъ, однако, когда онъ былъ послѣдній разъ въ Римѣ, онъ достаточно показалъ всѣмъ, какой религіи онъ держится“ [1]).

Новая религія указывала конечную цѣль жизни и дѣятельности въ достиженіи блаженства, въ спасеніи души. Этой цѣли совершенно не соотвѣтствовалъ чисто земной характеръ языческой государственности и общественной жизни. Поэтому уже со времени Константина и при длинномъ рядѣ его преемниковъ на престолѣ *принимаются серьезныя мѣры, чтобы христіанизировать государство, поставивъ ему тѣ же неземныя цѣли.* Само собою разумѣется, что при этомъ государство не могло совершенно отказаться отъ самого себя и перестать заботиться о земныхъ благахъ подданныхъ и о защитѣ ихъ отъ враговъ. Однако эти заботы стали какъ бы неизбѣжнымъ зломъ, а не самодовлѣющею цѣлью. Евсевій говоритъ, что Константинъ смотрѣлъ на себя, какъ на „служителя Божія“ [2]), получившаго власть отъ Творца для того, чтобы „воспитываемый подъ его вліяніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону и, подъ руководствомъ Высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру“ [3]). Преслѣдуя эту

---

[1]) *Проф. В. В. Болотовъ*, Лекціи по исторіи древней Церкви. Вып. II. Посмертное изданіе подъ ред. проф. А. И. Бриллiантова. Спб. 1910, стр. 160—165.

[2]) Σὲ νῦν τὸν μέγιστον θεὸν παρακαλῶ εἴης πρᾶός τε καὶ εὐμενὴς τοῖς σοῖς ἀνατολικοῖς, εἴης πᾶσι τοῖς σοῖς ἐπαρχιώταις ὑπὸ χρονίου συμφορᾶς συντριβεῖσι, δι᾽ ἐμοῦ τοῦ σοῦ θεράποντος ὀρέγων ἴασιν. Евсевій, Жизнь Константина lib. II, cap. 55 въ изданіи Прусской Академіи Наукъ, Leipzig 1902, Bd. I, S. 63. Русскій переводъ стр. 147.

[3]) τὴν ἐμὴν ὑπηρεσίαν πρὸς τὴν ἑαυτοῦ βούλησιν ἐπιτηδείαν ἐζήτησέν τε καὶ ἔκρινεν, [ὃς] ἀπὸ τῆς πρὸς Βρεττανοῖς ἐκείνοις θαλάσσης ἀρξάμενος καὶ τῶν μερῶν, ἔνθα δύεσθαι τὸν ἥλιον ἀνάγκῃ τινὶ τέτακται, κρείττονί τινι δυνάμει ἀπωθούμενος καὶ διασκεδαννὺς τὰ κατέχοντα πάντα δεινά, ἵν᾽ ἅμα μὲν ἀνακαλοῖτο τὸ ἀνθρώπινον γένος τὴν περὶ τὸν σεμνότατον νόμον θεραπείαν τῇ παρ᾽ ἐμοῦ παιδευόμενον ὑπουργίᾳ, ἅμα δ᾽ ἡ μακαριστὴ πίστις αὔξοιτο ὑπὸ χειραγωγῷ τῷ κρείττονι. Ibidem lib. II, cap. 28, S. 53. Рус. пер. стр. 129.

цѣль, Константинъ оказывалъ всевозможное вниманіе христіанамъ и стѣснялъ язычниковъ, между прочимъ, установилъ празднованіе пятницы и воскресенья, отмѣнилъ смертную казнь на крестѣ, а напротивъ, велѣлъ крестъ всячески чтить и изображать его на оружіи воиновъ, отмѣнилъ законъ противъ холостыхъ, облегчилъ освобожденіе рабовъ на волю, далъ епископамъ право суда, приравнявъ силу ихъ рѣшеній къ судамъ самого императора и проч. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Константинъ стѣснялъ язычниковъ и послѣдніе пережили затѣмъ почти тѣ же гоненія, что и христіане, но только въ обратномъ порядкѣ[2]). Христіанизируя имперію, императоры издавали законы, касающіеся вѣры и Церкви [3]) и, наконецъ, пришли къ необходимости опредѣлить отношенія своей власти къ власти церковной и свѣтскихъ законовъ къ канонамъ Церкви. Впервые отчетливо это сдѣлалъ Юстиніанъ (527—565) въ своей 6 новеллѣ[4]), провозгласивъ равенство происхожденія и достоинства священства и царства, задачей котораго является храненіе божественныхъ догматовъ и *почитаніе священства.* Затѣмъ въ 131 новеллѣ каноны церковные были признаны обладающими силою гражданскихъ законовъ и, такимъ образомъ, было признано юридическое единство свѣтскаго и духовнаго организмовъ [5]). Однако всегда возможны были противорѣчія между

[1]) *Проф. Ѳ. А. Кургановъ*, 20—24.

[2]) *Проф. Б. М. Меліоранскій*, Изъ лекцій по исторіи и вѣроученію древней Христіанской Церкви. Вып. I, стр. 82—91. СПб. 1910.— *Ѳ. А. Кургановъ*, 49 сл.

[3]) Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodosianum pertinentes. Ed. *Th. Mommsen* et *P. Meyer*. Berolini 1905, p. 833 sqq. — Codex Iustiniani. L. I, tit. 1—XIII.—Novellae Iustiniani и т. д. Ср. *G. Pfannmüller*, Die kirchliche Gesetzgebung Iustinians. Berlin 1902.

[4]) Corpus iuris civilis. Novellae. Recognovit *Schoell*. Berolini 1904 pag. 35. Nov. VI, praefatio: Maxima quidem in hominibus sunt dona dei a superna collata clementia sacerdotium et imperium, illud quidem divinis ministrans, hoc autem humanis praesidens ac diligentiam exhibens; ex uno eodem principio utraque procedentia humanam exornat vitam. Ideoque nihil sic erit studiosum imperatoribus, sicut sacerdorum honestas, cum utique et pro illis ipsis semper deo supplicent. Nam si hoc quidem inculpabile sit undique et apud deum fiducia plenum, imperium autem recte et competenter exornet traditam sibi rempublicam, erit consonantia quaedam bona, omne quiquid utile est humano conferens generi. Nos igitur maximam habemus sollicitudinem circa vera dei dogmata et circa sacerdotum honestatem, quam illis obtinentibus credimus quia per eam maxima nobis dona dabuntur a deo, et ea, quae sunt, firma habebimus, et quae nondum hactenus venerunt, adquirimus. Bene autem universa geruntur et competenter, si rei principium fiat decens et amabile deo. Hoc autem futurum esse credimus, si sacrarum regularum observatio custodiatur, quam iuste laudati et adornandi inspectores et ministri dei verbi tradiderunt apostoli, et sancti patres et custodierunt et explanaverunt.

[5]) Θεσπίζομεν τοίνυν, τάξιν νόμων ἐπέχειν τους ἁγίους ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας τους υπο τῶν αγίων τεσσάρων συνόδων ἐκτεθέντας ἢ βεβαιωθέντας..... τῶν γαρ προειρημένων αγίων συνόδων καὶ τα δόγματα καθάπερ τὰς θείας γραφας δεχόμεθα, καὶ τους κανόνας ὡς νόμους φυλάττομεν. Ср. Cod. lib. I, tit. 3, cap. 45:... τοὺς δὲ θείους κανόνας οὐκ ἔλαττον τῶν νόμων ἰσχύειν, καὶ οἱ ημέτεροι βούλονται νόμοι, θεσπίζομεν, κρατεῖν ἐπ' αὐτοῖς τα τοῖς ἱεροῖς δοκοῦντα κανόσιν...

законами и канонами. Въ такомъ случаѣ конфликтъ слѣдовало рѣшить въ пользу каноновъ, ибо если государство ставитъ себѣ тѣ же религiозныя цѣли, что и Церковь, то оно неизбѣжно должно подчиниться ей, какъ божественному институту, возглавляемому Христомъ и одухотворяемому Св. Духомъ. И дѣйствительно, уже Халкидонскiй соборъ (451 г.) въ четвертомъ своемъ засѣданiи 17 октября постановилъ, что всѣ императорскiе законы, противорѣчащiе канонамъ, не имѣютъ силы [1]). И вообще въ Византiи господствовала мысль о томъ, что законы должны соотвѣтствовать правиламъ Церкви и не противорѣчить имъ [2]). Но, если государство и Церковь составляютъ одинъ организмъ, въ которомъ ихъ отношенiя подобны отношенiямъ между душою и тѣломъ [3]); *если цѣли этого организма, въ сущности, одни и тѣ же*, то естественнѣе всего было бы придти къ полному единству въ организацiи и власти. При этомъ либо Церковь должна была бы раствориться въ государствѣ, либо государство уступить мѣсто Церкви. Однако перваго не могло быть, ибо Церковь, хранительница и проповѣдница христiанской истины, не можетъ взять на себя мiрскихъ заботъ [4]). Въ свою очередь и государство, какими бы высокими религiозными цѣлями оно ни проникалось, никогда не можетъ освободиться отъ своихъ прямыхъ задачъ — удовлетворять насущнымъ, прежде всего матерiальнымъ, потребностямъ его подданныхъ. Кромѣ того Византiя, унаслѣдовавшая величiе Рима, не могла забыть, что государство существовало раньше появленiя Церкви въ мiрѣ, что духовенство и члены Церкви суть вмѣстѣ съ тѣмъ и подданные государства, и что власть императора имѣетъ неограниченный характеръ [5]) и, слѣдователь-

---

[1]) Gloriosissimi iudices dixerunt: Sacratissimo domino orbis placuit, non iuxta sacras literas aut pragmaticos typos, res sanctissimorum episcoporum procedere, sed iuxta regulas a sanctis patribus latas... Sanctus Synodus dixit. Contra regulas nihil pragmaticum valebit. Regulae patrum teneant. Mansi, t. VII, p. 90. Дѣян. Всел. Соб. р. пер. Казань 1865 т. IV, стр. 83—84.

[2]) *Ѳ. А. Кургановъ*, 71—76. См. *Номоканонъ п. Фотiя* съ толкованiями Ѳ. Вальсамона тит. I, гл. 2. Ράλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα, I стр. 36—38.

[3]) „Основы общественнаго строя Византiи,—говоритъ проф. Вл. Сокольскiй („Виз. Врем.“ т. I, в. I, стр. 29 въ статьѣ „О характерѣ и значенiи Эпанагоги“),—указаны въ 7 главѣ III титула Эпанагоги, трактующаго о патрiархѣ. „Такъ какъ“, говорится въ этой главѣ, „государство, на подобiе человѣка, состоитъ изъ частей и членовъ, то наиважнѣйшими и необходимѣйшими членами является царь и патрiархъ, почему миръ и благоденствiе подданныхъ и зависятъ отъ единомыслiя и согласiя царской и патрiаршей власти“. Здѣсь царь и патрiархъ разсматриваются, какъ двѣ равныя власти. Такимъ образомъ, византiйскiй общественный строй имѣетъ двухъ главъ—царя и патрiарха. Первый управляетъ тѣломъ, второй душою“. Воззрѣнiе на отношенiе Церкви и государства, какъ души и тѣла, высказывается и въ предисловiи къ Эпанагогѣ въ изданiи Цахарiэ р. 64: .... εἰκονικῶς τεθείκαμεν, μετὰ τὴν σωματοποίησιν οἱονεὶ τῆς πολιτείας ὥσπερ καὶ τὴν ψυχογονίαν συντάξαντες, ἢ καθάπερ ὕλῃ τῇ πολιτείᾳ τὸ εἶδος ἤγουν τὴν ἐκκλησίαν συντεθεικότες.

[4]) „Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться“... Лк. 12,22 и слѣд.

[5]) Ср. *Ѳ. А. Курганова*, 63.

но, въ правѣ подчинить себѣ Церковь. Однако при своемъ вмѣшательствѣ въ дѣла Церкви и подчиненіи себѣ духовенства, свѣтская власть Византіи должна была и дѣйствительно считалась съ тѣмъ, что Христіанская Церковь довлѣетъ сама себѣ, явилась въ мірѣ помимо желанія и власти государства и составляетъ внутри себя самостоятельный институтъ. Въ силу этого византійскіе императоры вступались въ церковныя дѣла во имя блага Церкви, а не государства, и никогда не низводили ее до положенія одного изъ „вѣдомствъ“, одной изъ частей общаго государственнаго механизма [1]).

Къ сказанному нужно прибавить, что и сама Церковь (въ лицѣ духовенства) принципіально не могла отказать императорамъ во власти въ дѣлахъ церковныхъ, а часто и сама взывала къ ихъ власти. Отожествляя цѣли государства съ цѣлями Церкви, чему духовенство не могло не сочувствовать, императоры считали своею обязанностью по своему заботиться о ней. Обязанность же всегда создаетъ право на принятіе такихъ мѣръ, которыя необходимы для исполненія обязанности [2]). Слѣдовательно, покуда цѣли государства и Церкви признавались совпадающими, а въ Византіи было такъ до самаго ея паденія 29 мая 1453 г., самое широкое вмѣшательство императоровъ въ дѣла церковныя, въ сущности, было совершенно правомѣрно [3]). Однако роковая ошибочность такой постановки вопроса все-таки многими чувствовалась, и потому императорскія притязанія не оставались совершенно безъ возраженій. Неопредѣленность взаимныхъ отношеній царства и

---

[1]) Ср. *Т. В. Барсова*, Объ участіи государственной власти въ дѣлѣ охраненія древней вселенской Церкви и ея вѣры. Христ. Чтеніе, 1877 г., I, стр. 78[5]; II, 521.

[2]) Ср. слова предисловія Эклоги: Ἐπεὶ οὖν τὸ κράτος τῆς βασιλείας ἡμῖν ἐγχειρίσας, ὡς ηὐδόκησε, δεῖγμα τοῦτο τῆς ἐν φόβῳ πρὸς αὐτὸν ἀγαπήσεως ἡμῶν ἐποιήσατο, κατὰ Πέτρον τὴν κορυφαιοτάτην τῶν ἀποστόλων ἀκρότητα, ποιμαίνειν ἡμᾶς κελεύσας τὸ πιστότατον ποίμνιον,.... (*C. E. Zachariae a Lingenthal*, Collectio librorum iuris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basilii, Leonis et Alexandri. Lipsiae, 1852 p. 10). На основаніи этой обязанности *пасти вѣрное стадо* (здѣсь разумѣются слова ап. Петра въ I посл. гл. 5 ст. 2: пасите Божіе стадо, какое у васъ, надзирая за нимъ....), императоры не только издавали законы о допущеніи или недопущеніи извѣстныхъ лицъ къ причащенію, угрожали въ своихъ законахъ анаѳемой, устанавливали церковные праздники, опредѣляли способъ покаянія убійцамъ, рѣшали, когда слѣдуетъ крестить младенца, можно ли причащать женщину, находящуюся въ періодѣ очищенія, можно ли ставить епископомъ имѣющаго дѣтей, при чемъ иногда толковали Св. Писаніе и церковныя правила, иногда же искажали и измѣняли ихъ, но и проповѣдывали въ церкви и отчасти даже священнодѣйствовали. *Н. С. Суворовъ*. Учебникъ церковнаго права. М. 1912[4] § 29. — *Н. Поповъ*, Императоръ Левъ Мудрый и его царствованіе въ церковно-историческомъ отношеніи. Москва 1892.

[3]) О церковной власти византійскихъ императоровъ и вмѣшательствѣ ихъ въ вопросы догматическіе, каноническіе, литургическіе и пр. см. *Н. С. Суворова*, Учебникъ церковнаго права. М. 1912[4] г. §§ 16 и 29. — *Н. Попова*, назв. соч. — *А. П. Лебедева*, Очерки внутренней исторіи Византійско-Восточной Церкви въ IX, X и XI вѣкахъ. М. 1902[2]. — *Его-же*, Историческіе очерки состоянія Византійско-Восточной Церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка. М. 1902[2], и др. Ср. также *В. Саввы*, Московскіе цари и византійскіе василевсы. Харьковъ, 1901, стр. 60 и слѣд.

священства наполнила всю Византійскую исторію борьбою, которая прекратилась лишь въ тотъ моментъ, когда Византія пала, а патріархъ остался и притомъ во власти султана магометанина [1]).

Параллелизмъ или, напротивъ, расхожденіе цѣлей государства и Церкви во многомъ объясняетъ ихъ взаимныя отношенія и на Западѣ, какъ и на Востокѣ. Можно думать, что папская власть не усилилась бы въ такой мѣрѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, если бы свѣтская власть на Западѣ была сильна и едина, и потому способна на соревнованіе съ Церковью.

Впослѣдствіи, когда религіозная культура утратила свое обаяніе, а эпоха возрожденія и гуманизмъ низвели интересы людей съ неба на землю, и школа естественнаго права конструировала верховную власть, какъ чисто земную, имѣющую земныя цѣли, — Церковь и государство между собою разошлись и первая подчинилась второму, какъ болѣе реальному и болѣе сильному институту. Подробное раскрытіе этого процесса, впрочемъ, не является здѣсь необходимымъ, ибо древняя Русь находилась въ церковной зависимости отъ Византіи, а не отъ Запада.

Взгляды древней Руси земскаго періода. Древне-русскія государства-земли были чисто мірского характера. Никакихъ высокихъ нравственныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе лежащихъ за предѣлами земного существованія, они не могли себѣ ставить. И это вѣрно не только для языческаго періода, но и для эпохи послѣ принятія христіанства.

Въ древнѣйшую языческую эпоху не было самаго понятія спасенія души, чтобы о немъ заботиться. Кромѣ того въ эту эпоху первоначальнаго образованія государственности задачи возникаютъ сами собою подъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ историческаго бытія. Никакихъ теоретическихъ воззрѣній въ это время еще не можетъ сложиться. Такимъ образомъ предметы вѣдомства всѣхъ трехъ элементовъ верховной власти древне-русскихъ земель: вѣча, князя и думы, носятъ совершенно непосредственный, злободневный характеръ. Защита отъ внѣшнихъ враговъ и поддержаніе порядка внутри земли путемъ соблюденія обычая, законодательства, управленія и правосудія—вотъ, собственно, предметы ихъ вѣдомства [2]). Результатомъ дѣятельности власти, ея конечною цѣлью долженъ былъ быть миръ во внѣ и внутри и возможное благосостояніе и благополучіе населенія. Если-же, въ частности, князья не оставались совершенно чуждыми религіи, сначала

[1]) „Константинопольскій патріархъ, въ первое время турецкаго господства, являлся не только церковнымъ, но и гражданскимъ начальникомъ подчиненныхъ султану христіанъ, ихъ этнархомъ, владыкою и даже василевсомъ (ἐθνάρχης, αὐθέντης καὶ βασιλεύς), т. е пріобрѣлъ такую власть, какой въ византійскія времена онъ не имѣлъ, воплотивъ въ своемъ лицѣ фактическій дуализмъ церковной и гражданской власти разоренной Византіи“. *И. И. Соколовъ*. Константинопольская Церковь въ XIX вѣкѣ, т. I, СПб. 1904 г., стр. 8.

[2]) *В. И. Сергѣевичъ*. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. СПб. 1883 стр. 202 и слѣд. — *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ 1909[6], стр. 36—60. — *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права. Юрьевъ 1914[5] стр. 157—201.

языческой, затѣмъ христіанской, то изъ этого еще не слѣдовало, чтобы они имѣли въ виду поставить государству, во главѣ котораго они были, какія либо не свойственныя ему не земныя цѣли. Такъ, напр., „нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго Перуна древяна, а главу сребрену, а усъ златъ, и Хоръса и Дажьбога и Стрибога, Сеимарекла, Мокошь; и жряху имъ наричюще ихъ богы... Володимеръ же посади Добрыню, уя своего, въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Ноугородстіи аки богу“ [1]).

Самымъ яркимъ проявленіемъ интереса князя къ религіи является конечно, фактъ принятія Владимиромъ христіанства и крещенія народа. Но мотивы того и другого суть личнаго и государственнаго характера [2]). Послѣдовавшая затѣмъ христіанизація русскаго народа, хотя и открыла князьямъ поводъ такъ или иначе вліять на церковныя дѣла и положеніе духовенства, однако они не могли и мечтать о роли, подобной роли византійскихъ царей, при чемъ главнѣйшей въ этомъ отношеніи причиной было, конечно, то, что Русская Церковь была митрополіей Константинопольскаго патріарха [3]) съ его синодомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ находилась подъ властью византійскаго императора [4]) На долю же самихъ русскихъ князей оставались, такимъ образомъ, ихъ обычные предметы вѣдомства и посильное содѣйствіе духовенству въ его дѣятельности [5]).

Взгляды Московской Руси. Положеніе вещей значительно измѣняется съ того момента, какъ начинаетъ закатываться звѣзда Византіи. Къ этому времени получила уже нѣкоторое развитіе проповѣдь духовенства о богоустано-

---

[1]) Первая Новгородская лѣтопись подъ 980 г. Изд. Археографической Коммиссіи СПб. 1888 in 8⁰, стр. 29—30.

[2]) *Акад. Е. Е. Голубинскій*, Исторія Русской Церкви. М.1901. т. I, 1. стр. 105—187,

[3]) *Голубинскій*, I, 1, стр. 269 слѣд. — *Т. В. Барсовъ*, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ Русскою Церковью, 1878. — *Пл. Соколовъ*. Русскій Архіерей изъ Византіи и право его назначенія до начала XV в. Кіевъ 1913.

[4]) „Во всѣхъ важнѣйшихъ актахъ, касающихся Русской Церкви, упоминается, что данное распоряженіе состоялось съ согласія или по прямому приказанію „высочайшаго и святого самодержца“; нѣкоторыя распоряженія издавались прямо въ видѣ императорскихъ хризовуловъ. Имя императора упоминалось въ церквахъ при богослуженіи, а когда въ концѣ XIV в. до Константинополя дошло извѣстіе, что московскій князь Василій Димитріевичъ не дозволяетъ митрополиту поминать „божественное царское имя въ церковныхъ диптихахъ“ на томъ основаніи, что „русскіе имѣютъ Церковь, а царя не имѣютъ и знать не хотятъ“, патріархъ Антоній грамотою отъ 1393 г. разъяснилъ, что „христіанамъ невозможно имѣть Церковь и не имѣть царя“, ибо цари изначала утвердили благочестіе во всей вселенной, созывали вселенскіе соборы и утвердили своими законами постановленные на нихъ догматы и каноны и проч.“ *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ, § 32.—*Русская Историческая Библіотека*, т. VI, Памятники древне-русскаго каноническаго права. Ч. I, изд. 2. СПб. 1908, Приложенія, № 40, стлб. 265.

[5]) Ср. *Н. Ѳ. Каптерева*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, стр. 51 и слѣд., Сергіевъ Посадъ, 1912.

вленности власти, о ея божественномъ характерѣ и отчасти о ея религіозныхъ цѣляхъ [1]).

Еще Владимиру Святому, боявшемуся ради грѣха казнить разбойниковъ, епископы говорили; „ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а на милованье добрымъ; достоитъ ти казнити разбойника, но съ испытаньемъ“ [2]). Послѣ смерти Владимира, *Митрополитъ Илларіонъ* въ своемъ словѣ „О законѣ и благодати“, обращаясь къ нему, между прочимъ, говоритъ: „Добръ зѣло послухъ сынъ твой Георгій, егожъ сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству“ [3]). Въ посланіяхъ своихъ къ Владимиру Мономаху *Митрополитъ Никифоръ* указываетъ: „да понеже избрани бысте отъ Бога, и възлюблени бысте имъ, и възлюбисте его, разумѣйте словеса его и испытайте“ [4]); о самомъ же Владимирѣ онъ говоритъ, что „его Богъ издалеча проразумѣ и прѣдповелѣ, его-же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжьское крови смѣсивъ“ и т. д. [5]). Между 1312—1315 гг. *Константинопольскій патріархъ Нифонтъ I*, обращаясь къ великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому, писалъ: „Богомъ прославленному и благочестивому сынови духовному нашего смиренія Михаилу, великому князю всея Руси... Истинно видимъ, яко Богомъ дана ти есть власть и княженіе, понеже тщишися и дерьзаеши, да ходять людіе по правдѣ, въ славу Богу“ [6]).

Параллельно съ ученіемъ о божественномъ происхожденіи власти проповѣдывался и нравственный долгъ повиновенія ей [7]), а также идея ея обоготворенія [8]). Однако всѣ эти теоріи туго проникали въ сознаніе народа, ибо русская дѣйствительность во многихъ отношеніяхъ рѣзко имъ противорѣчила [9]). Впрочемъ, проповѣдь ихъ пригодилась впослѣдствіи, и особенно пригодилось ученіе о религіозныхъ задачахъ князей и царей и объ особой отвѣтственности ихъ предъ Богомъ за уклоненіе отъ посильнаго ихъ осуществленія.

Не говоря о томъ, что богопоставленные князья должны были „безъ блазна Богомъ данные люди управити“, т. е. быть правосудными и внимательными въ управленіи [10]), имъ внушалась еще заимствованная изъ визан-

---

[1]) *М. А. Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей. СПб. 1889 г. стр. 30 и слѣд.— *Его-же*, Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 2. СПб. 1908 г. стр. 397 и слѣд.

[2]) *Ипат. Лѣт.* подъ 6504 г. П. С. Л. II, изд. 2. стлб. 111.

[3]) Приб. къ Твор. Св. Отцевъ, II. 1844 г., стр. 246. — Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1848 г., кн. VII. „Славянорусскія сочиненія въ перг. сборникѣ И. Н. Царскаго“, стр. 41.

[4]) Памятники россійской словесности XII в, изданные *К. Калайдовичемъ*. М. 1821 стр. 163.

[5]) *Русскія Достопамятности*, издаваемыя Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ при И. М. У. ч. I, стр. 63. Москва 1815.

[6]) Рус. Ист. Библ. VI. ч. I, № 16. изд. 2, СПб. 1908. стлб. 147, 148.

[7]) *М. А. Дьяконовъ*, Власть м. государей, 40—41.

[8]) Ib. 41—42. [9]) Ib. 39, 40, 42.

[10]) *М. А. Дьяконовъ*, Власть м. государей, 47—51.

тійскихъ теорій обязанность блюсти чистоту правовѣрія. Указаніе на нее впервые [1]) встрѣчается въ двухъ посланіяхъ къ Владимиру Мономаху грека *Митрополита Никифора*. Въ одномъ изъ нихъ, разсматривая начала добра и зла въ человѣкѣ и примѣняя свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашелъ князя „благовѣрна по Божіи благодати и не уклонщеся отъ первыя вѣры,... храня же еже по Бозѣ ревность и до сего дьне, и молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлу; съблюдено же ти се будетъ, аще въ стадо Христово не даси влъку внити, и аще въ виноградъ, иже насади Богъ, не даси насадити трънія, но съхраниши преданіа старое отецъ твоихъ“ [2]). Въ заключеніи другого посланія къ Владимиру Мономаху о латинахъ[3]), *м. Никифоръ* писалъ: „ты же, княже мой, прочитай посланіе сіе не однажды, не дважды, а многократно, прочитай ты, пусть читаютъ и сыны твои. Князьямъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православной вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужатъ сами подпорами для св. Церкви въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ[4]). Около 1312 г. русскій *монахъ Акиндинъ* писалъ великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому „о поставляющихъ мьзды ради“, требуя вмѣшательства противъ митрополита Петра: „Повелѣно и тобѣ, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Или речещи, господине, кривымъ извѣтомъ: „сами ся управять, како хотять, а язъ въ се не въступлюся“. Царь еси, господине княже, въ своей земли: ты изстязанъ имаши быти на страшнѣмъ и нелицемѣрнемъ судищи Христовѣ, аже смолчиши митрополиту“ [5]).

Совѣтъ Акиндина не могъ получить примѣненія на практикѣ и вообще указанія духовенства на отвѣтственность князей предъ Богомъ не давала еще въ то время твердой опоры для конструкціи понятія власти и ея высшихъ цѣлей. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужила флорентійская унія 1438 г. и завоеваніе Византіи турками (29 мая 1453), когда, по словамъ М. А. Дьяконова, „событія выдвинули на первый планъ такую задачу государственнаго управленія, которая до тѣхъ поръ оставалась для московскихъ государей въ тѣни: на долю послѣднихъ выпала обязанность стать во главѣ охраны правовѣрія и благочестія. Хотя эта задача указывалась еще раньше представителями древне-русской письменности, но до возвращенія митрополита Исидора съ Флорентійскаго собора московскимъ князьямъ не представлялось прямыхъ поводовъ выступить на эту почву“ [6]).

---

[1]) Какъ думаетъ *Академикъ М. А. Дьяконовъ*, ib. 51.

[2]) *М. А. Дьяконовъ*, ib. 51. Посланіе напечатано въ *Русск. Достоп.* 1, 59 — 75 и пересказано у *М. Макарія*, Исторія Русской Церкви, II[3] стр. 185 сл. Подъ волками митр. Никифоръ разумѣетъ несомнѣнно католическія вліянія, съ которыми онъ боролся. См. вообще о посланіяхъ м. Никифора у *М. Макарія*, II[3], стр 178 и прилож.

[3]) Напечатано въ *Пам. Рос. Слов.* XII в., стр. 153, переведено у *М. Макарія*, II[3], 178—179.

[4]) *М. Макарій*, II[3], 178—179.

[5]) *Рус. Ист. Биб.* VI, № 16, 2 изд. стлб. 157,158. Объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ это посланіе, см. *Голубинскій*, Исторія Русской Церкви, II, 1, стр. 111 и выше.

[6]) *М. А. Дьяконовъ*, Власть моск. государей, стр. 54.

Великій князь Василій Васильевичъ Темный (1425—1462) желалъ видѣть преемникомъ митрополита Фотія[1]) на Москвѣ епископа Рязанскаго и Муромскаго Іону, избраннаго въ 1432 г. соборомъ русскихъ епископовъ[2]). Однако, не задолго до прибытія послѣдняго въ Константинополь, около половины 1436 г. тамъ былъ поставленъ въ митрополиты русскіе грекъ Исидоръ[3]). Оскорбленный этимъ, Василій Васильевичъ принялъ однако Исидора милостиво[4]). Но Исидоръ пробылъ въ Москвѣ всего пять мѣсяцевъ (2 апрѣля—8 сентября 1437 г.) и собрался ѣхать на Флорентійскій соборъ, созывавшійся папами по вопросу о соединеніи Церквей. Впослѣдствіи въ 1441 г. великій князь писалъ патріарху Митрофану, что онъ уговаривалъ Исидора не ходить на соборъ и въ видѣ послѣдняго средства просилъ его „аще же убо пойдеши, и паки аще имаши възвратитися къ намъ, то принеси къ намъ древнее наше благочестіе и православную вѣру“[5]). Между тѣмъ Исидоръ привезъ въ Москву 19 марта 1441 г. унію съ Римомъ и „привелъ, какъ говорятъ памятники, въ крайнее смущеніе и замѣшательство великаго князя, всѣхъ епископовъ, собравшихся въ Москву встрѣчать митрополита, и всѣхъ бояръ; епископы и бояре до такой степени растерялись, что совершенно отказывались подавать государю какіе-нибудь совѣты относительно того, что дѣлать: „вси князи умолчаша и бояре и иные мнози, еще же паче и епискупы рускіа вси умолчиша и воздремаша и уснуша“. Великій князь, такъ сказать, оставленный всѣми, началъ думать одинъ самъ съ собой и, думавъ три дня, на четвертый день отдалъ приказъ взять Исидора подъ стражу, объявивъ его еретикомъ, подлежащимъ суду соборному. Тогда „вси епискупы рустіи возбудишася, князи и бояре и вельможи и множество христіанъ тогда воспомянуша и разумѣша законы греческія прежнія и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исидора еретикомъ“[6]).

Голубинскій не вѣритъ этой картинѣ всеобщаго смущенія и представляетъ себѣ дѣло иначе[7]). Но для насъ важна не дѣйствительность, а то, какъ понимали ее современники. Послѣдніе подвигъ защиты православной вѣры всецѣло приписывали великому князю. Такъ, напр., *митрополитъ Іона* писалъ про великаго князя, что онъ „поборалъ по Божьей Церкви и по законѣ и по всемъ православномъ христіанствѣ и по древнему благолѣпію, разжегаяся теплотою сердечною и ревнуя святымъ своимъ прародителемъ“[8]). За этотъ подвигъ современники прилагали къ Василію Васильевичу высокій титулъ: „истинныя вѣры православія боговѣнчаннаго царя всея Руси“[9]).

---

[1]) Умеръ 1 или 2 іюля 1431 г. *Голубинскій*, II, 1, 413.

[2]) Ib. 415. [3]) ib. 421. [4]) ib. 429.

[5]) Рус. Ист. Библ. VI, ч. I, стлб. 531.

[6]) *Голубинскій*, II, 1, стр. 453. [7]) Ib. 453—456.

[8]) Рус. Ист. Библ. VI, 1, стлб. 559. Отзывы другихъ лицъ см. у *М. А. Дьяконова*, 55—56.

[9]) *М. А. Дьяконовъ*, стр. 55, ссылается здѣсь на напечатанную у *А. Попова*, „Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ XI—XV в. М. 1875“ на стр. 344—359 „Повѣсть Симеона іерея Суздальскаго“.

Вскорѣ затѣмъ 29 мая 1453 г. пала Византія, этотъ древній оплотъ православія. Русскіе люди поняли это событіе, какъ наказаніе за ея грѣхи, что выразилъ уже м. Іона въ 1458—1459 г. въ посланіи къ литовскимъ епископамъ, говоря: „еще и о семъ сами вѣсте, сынове, колику преже бѣду подъя царьствующій градъ отъ Болгаръ, также отъ Персъ, яко въ мрежахъ дръжаще его семь лѣтъ; но донелѣже дръжаху, сынове, благочестіе ничтоже градъ не пострада; (егда) же своего благочестія отступили, вѣсте, что пострадаше"[1]... „Особенно энергично, говоритъ М. А. Дьяконовъ, выразился о греческомъ благочестіи одинъ изъ противниковъ Евфросина Псковскаго въ спорахъ объ аллилуіи: онъ указывалъ, что нельзя ссылаться на грековъ, такъ какъ греки „на сихъ лѣтахъ къ своей погибели отъ истины свернулися" и „на мѣстѣ святѣмъ, сирѣчь въ соборнѣй и апостольстѣй церкви Константина града, теперь уже мерзость и запустѣніе"[2]). Упадку благочестія греціи русскіе люди стали противополагать свое русское благочестіе, нисколько не затронутое уніей съ еретиками. „Святая же великая наши Божіа церкви русскаго благочестія держить святаа правила и божественный законъ святыхъ Апостолъ и уставъ святыхъ Отецъ, еже пріа *преже* бывшіа святыа великіа зборныа церкви богозданнаго Царствующаго града великаго православіа гречьскаго, *прежнего* богоуставнаго благочестіа, отъ неяже преже бывшіи митрополити руcстіи устраяли и управляли святую Церковь русскаго благочестіа безмятежнѣ"[3])... Послѣ этого понятно, что имена блюстителей правовѣрія—епископовъ „великодержавныхъ земль русскіе митрополіи"—оказались написанными „на небесѣхъ въ книгахъ животныхъ", а великій князь Василій Васильевичъ былъ названъ „благочестія ревнителемъ и мудрымъ изыскателемъ святыхъ правилъ богоуставнаго закона св. Апостолъ и св. Отецъ преданія, иже въ благочестіи цвѣтущимъ"[4]), и соотвѣтственно этому въ его титулѣ появилось прибавленіе, характеризующее новое положеніе представителя русской земли[5]).

Однако, только послѣ сверженія татарскаго ига въ 1480 г. великіе князья Московскіе могли окончательно принять на себя ту роль, которую имъ вручала исторія. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглась дальнѣйшему развитію теорія ихъ власти и ея историческихъ задачъ. Въ „Изложеніи пасхаліи на осмую тысящу лѣтъ" 1492 г. *митрополитъ Зосима*, сообщивъ о перво-

---

[1]) *Рус. Ист. Библ.* VI, 1, стлб. 623.

[2]) *Дьяконовъ*, ib. 59—60. Слова Евфросина взяты у *М. Макарія*, VШ, 135.

[3]) *Рус. Ист. Библ.*, VI, 1 стлб. 653.

[4]) *Русск.. Ист. Библ.* VI, 1, стлб. 647.—*М. А. Дьяконовъ*, ib. 57—58.

[5]) Онъ сталъ называться „благороднымъ, благовѣрнымъ, благочестивымъ, христолюбивымъ", „въ благочести цвѣтущимъ православнымъ великимъ княземъ", „православнымъ великимъ самодержцемъ", наконецъ, „великимъ господаремъ, царемъ русскимъ, благороднымъ и благочестивымъ великимъ княземъ", а авторъ „Слова еже на латыню" называетъ великаго князя „истинныя вѣры православія боговѣнчаннымъ царемъ всея Руси" или „боговѣнчаннымъ православью царемъ всея Руси", ясно обозначая этимъ, что титулъ царя прилагается къ Василію Васильевичу, какъ единственному представителю православія. *М. А. Дьяконовъ*, ib. 58.

начальномъ распространеніи Христіанства, о прославленіи Богомъ „православнаго перваго царя Конъстянтина“ и о построеніи имъ во имя свое города Царьграда, упомянувъ затѣмъ о томъ, что Св. Владиміръ „нареченъ бысть вторый Констянтинъ“, продолжаетъ: „И нынѣ же, въ послѣдняя сіа лѣта, якоже и въ перваа, прослави Богъ сродника его, иже въ православіи просіавшаго, благовѣрнаго и христолюбиваго великого князя Ивана Василевича, государя и самодержъца всея Руси, новаго царя Констянтина новому граду Констянтину—Москвѣ, и всей русской земли“[1])... Послѣ м. Зосимы окончательную редакцію теоріи придалъ *старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей*, выразившій мысль, что „престолъ вселенскія и апостольскія церкви имѣлъ представительницей церковь Успенія Пресв. Богородицы въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, просіявшую вмѣсто Римской и Константинопольской, „иже едина во всей вселенной паче солнца свѣтится“, такъ какъ церкви стараго Рима пали „невѣріемъ аполлинаріевы ереси“, второго же Рима—Константинова града—церкви „агаряне внуцы стокирами и оскордами разсѣкоша двери“; „понеже они (т. е. греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство“. Соотвѣтственно этому и московскій государь, какъ „браздодержатель святыхъ божіихъ престолъ“ вселенской Церкви, явился пресвѣтлѣйшимъ и великостольнѣйшемъ государемъ, „иже во всей поднебесной христіаномъ царь, яко же Ной въ ковчезѣ спасенный отъ потопа, правя и окормляя Христову Церковь и утверждая православную вѣру“; во едино царство его по пророческимъ книгамъ сошлись всѣ пришедшія въ конецъ царства православныя христіанскія вѣры, „яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть“. Итакъ, всѣ христіанскія царства „потопишася“ отъ невѣрныхъ и только царство московскаго государя благодатію Христовою стоитъ и „по великому Богослову инымъ не достанется“[2]).

Вліяніе этой теоріи на умы и историческое ея значеніе было огромно. Она усилила и безъ того быстрый ростъ московскаго единодержавія, придала ему высшую санкцію и содѣйствовала образованію самодержавія московскихъ царей. Не имѣя, однако, повода подробно слѣдить здѣсь за ея развитіемъ[3]), остановимся на вопросѣ о томъ, какъ отразилась она на пониманіи цѣлей Московскаго государства.

Тотъ же *старецъ Филоѳей*, развивая въ посланіи къ Василію Іоанновичу теорію о третьемъ Римѣ, писалъ ему: „единъ ты во всей поднебесной христіаномъ царь. Подобаетъ тебѣ царю сіе держати со страхомъ Божіимъ“. А затѣмъ, переходя на почву практическихъ совѣтовъ, онъ проситъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ., VI, 1, стлб. 795—799.

[2]) *М. А. Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей, стр. 66—67.

[3]) ib. 67 и слѣд.—*В. Савва*, Московскіе цари и византійскіе василевсы. Къ вопросу о вліяніи Византіи на образованіе идеи царской власти московскихъ государей. Харьковъ 1901.—*Акад. А. С. Лаппо-Данилевскій*. Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со времени смуты до эпохи преобразованій. „Голосъ Минувшаго“, Декабрь 1914 г. (№ 12) стр. 5—38.

великаго князя „исправи двѣ заповѣди еже во твоемъ царствіи: не полагаютъ человѣцы на себе право знаменія честнаго креста...: второе да исполниши святыя соборныя церкви епископы, да не вдовствуютъ святая Божія церкви при твоемъ царствіи;... не обиди, царю, святыхъ Божіихъ церквей и честныхъ монастырей, еже данное Богови въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ;... яко да премениши скупость на щедроты, и немилосердіе на милость, утѣши плачущихъ и вопіющихъ день и ночь и т. д. Аще добро устроиши свое царство, будеши сынъ свѣта, и гражданинъ вышняго Іерусалима"[1]).

Прекрасный случай показать на дѣлѣ свою заботливость о благочестіи представился власти Московскаго великаго князя, когда въ Новгородѣ появилась ересь жидовствующихъ. *Архіепископъ Геннадій* прямо требовалъ вмѣшательства свѣтской власти и подавленія ереси силою. Онъ неоднократно обращался къ митрополиту и остальной іерархіи съ просьбой напоминать „государю великому" о необходимости утвердить вѣру его прадѣда Владиміра и спасти „православное христіанство отъ еретической прелести". Обращеніе это къ великому князю вытекало у Геннадія изъ общаго взгляда его на государственную власть, по которому „государямъ великымъ", именуемымъ у Геннадія „пастырями словесныхъ овецъ Христовыхъ"[2]), „подобаетъ попеченіе о нихъ имѣти, якоже самому Христу"[3]). И дѣйствительно трое виновныхъ въ ереси были казнены градскою казнью въ 1488 г. Но этого Геннадію казалось мало, и ссылками на испанскаго короля онъ продолжалъ настаивать на примѣненіи строгихъ каръ[4]).

Того же мнѣнія держался и знаменитый игуменъ Волоколамскаго монастыря *Іосифъ Санинъ*[5]).

---

[1]) *В. Малининъ*, Старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей и его посланія. Кіевъ. 1901. Приложенія стр. 49—56, 561.

[2]) Ср. предисловіе Эклоги. [3]) *В. Малининъ*, 577—578.

[4]) *В. Малининъ*, 578—579.

[5]) О немъ существуетъ цѣлая литература См. *Хрущовъ*, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ І. Санина. Спб. 1868. Рецензія на эту книгу К. И. Невоструева въ Отчетѣ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова Спб. 1870.—*В. Жмакинъ*, М. Даніилъ и его сочиненія М. 1881.—Разборъ этого сочиненія сдѣланный Акад. *Голубинскимъ* въ Отчетѣ о XXV присужденіи наградъ гр. Уварова.—*Малининъ*, назв. соч. стр. 579—594.—*М. А. Дьяконовъ*, Власть московскихъ государей, стр. 91—103.—*А. С. Лаппо-Данилевскій*, Идея государства. „Гол. Мин.", 1914, № 12, стр. 7.—Сочиненія Іосифа: „Просвѣтитель", изд. Казанской Духовной Академіи, Казань 1857.—Посланія его въ Чтеніяхъ въ И. О. Ист. и Древн. Рос. 1847, № 1; въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ изд. Археографической комиссіей, т. I, Спб. 1846; въ Памятникахъ старинной русской литературы изд. гр. Г. Кушелевымъ-Безбородко. Спб. 1862; въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ Новикова т. XIV. Рожденный въ благочестивой, склонной къ аскетизму семьѣ (Хрущевъ, 26; Малининъ, 103), Іосифъ съ восьмилѣтняго возраста сталъ непосредственно близокъ къ монастырской жизни и старцамъ. Подъ сѣнью Возмищенской обители, отъ старца Арсенія Леженки, Іосифъ научился грамотѣ, затѣмъ съ теченіемъ времени, полюбилъ духовное и историческое чтеніе, полюбилъ строй иноческой жизни и мало по малу впиталъ въ себя строгія начала міровоззрѣнія своихъ наставниковъ. Мысль о скоротечности и бренности настоящей жизни (Хрущовъ, 27; Малининъ, 104) возбудила въ юношѣ Іоаннѣ-Іосифѣ желаніе самому стать инокомъ. Онъ покинулъ родителей, обращался къ старцу Варсонофію, по про-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Мысль о бренности настоящей жизни и необходимости сохраненія въ чистотѣ вѣры и совершенія нравственныхъ подвиговъ ради спасенія души, „ея же не достоинъ весь міръ"[1]), была столь близка сознанію Іосифа, что чрезъ нее, какъ чрезъ своего рода призму, онъ смотритъ вокругъ себя и оцѣниваетъ все совершающееся. Весь строй этой жизни—и Церковь съ ея установленіями, и государство съ его внѣшнимъ могуществомъ и внутренними порядками,—по убѣжденію Іосифа, должны содѣйствовать основной цѣли человѣческаго бытія: спасенію души. Особое призваніе въ этомъ отношеніи несутъ на себѣ монастыри, въ которыхъ постриженники имѣютъ возможность жить святою жизнью. Поэтому Іосифъ не одобряетъ, когда вотчинники, изъ матеріальныхъ соображеній, вызывали изъ монастырей своихъ рабовъ, „за неже, божественное писаніе повелѣваетъ всякому человѣку, любящему Христа, имѣти попеченіе о рабѣхъ, якоже о чадѣхъ и наказывати ихъ всегда на благая дѣла, на Божій путь спасеный"[2]). Таковы обязанности всякаго христолюбца по отношенію къ подвластнымъ и нижеего стоящимъ на общественной лѣстницѣ. Тѣ же мысли развиты Іосифомъ въ посланіи „о милованіи рабовъ"[3]).

Съ возвышеніемъ степени власти господина расширяется и сфера его вліянія на подвластныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивается и долгъ и отвѣтственность за нихъ предъ Богомъ. Во второмъ посланіи къ вел. кн. Василію о еретикахъ Іосифъ пишетъ: „пожалуй и попецыся и промысли о божественныхъ церквахъ, занеже, государь, отъ вышней Божія десницы поставленъ еси самодержецъ и государь всея Руси... не давати воля злотворящимъ человѣкомъ иже душу съ тѣломъ погубляющимъ"[4]).

Въ приведенной мотивировкѣ обязанности государя, очевидно, заключается корень воззрѣній Іосифа на великаго князя и вообще всякую власть на землѣ.

Іосифъ глубоко вѣрилъ въ божественное происхожденіе всякой, особенно государевой власти на землѣ. Въ посланіи къ нѣкоему Христолюбцу онъ, между прочимъ, бросаетъ такое замѣчаніе: „аще и здѣ мало время попустилъ есть овому господствовати, овому же работати; но на страшномъ судищи Христовѣ нѣсть раба ниже свободна"[5]). Такимъ образомъ, существующій на землѣ порядокъ отношеній между людьми, по мысли Іосифа, не составляетъ случайности или произвола нѣкоторыхъ. Напротивъ, въ учрежденіи власти сказался Божественный Промыслъ о людяхъ и ихъ нуж-

---

званію Неумою, и, наконецъ, нашелъ желаемое въ обители преп. Пафнутія Боровскаго. Подъ руководствомъ этого строгаго подвижника окончательно образовался умъ и воспитался характеръ Іосифа, такъ что ко времени принятія игуменства и вступленія въ борьбу съ ересью, міровоззрѣніе Іосифа уже совершенно опредѣлилось.

[1]) Памятники, 206.—*Хрущовъ*, 91, 94.

[2]) Памятники, 205.

[3]) Дополненіе къ Актамъ Историческимъ № 213. „Сице, говоритъ онъ, подобаетъ всегда учити господину ихъ и пещися душами ихъ добрѣ поставити предъ Богомъ чисты и непорочны".

[4]) *Хрущовъ*, 242. [5]) Памятники, 205.

дахъ. Цѣня нравственную свободу и самостоятельность человѣка, какъ разумнаго Своего творенія, Богъ предоставилъ людямъ самимъ устроить свою жизнь на землѣ, выбравъ среди нихъ Своихъ намѣстниковъ и надѣливъ ихъ особою властью сравнительно съ другими, ради общей пользы. „Тебѣ бо, государю", пишетъ Іосифъ Дмитровскому князю Юрію Іоанновичу, „отъ Бога дана бысть држава и сила отъ Вышнего, тебе бо Господь Богъ избра въ себе мѣсто, постави на твоемъ отечествѣ, милость и животъ положити у тебе"[1]).

Что Іосифъ не допускалъ своекорыстія власти видно изъ его словъ благовѣрному, просившему у него полезнаго поученія и изъ посланія кн. Юрію Іоанновичу. Первому онъ пишетъ, что „божественное писаніе повелѣваетъ государемъ великимъ самодержцемъ земскимъ большую заповѣдь евангельскую хранити, сице глаголемую: будите щедри... милостивы и пр. „Потомъ же и вторую великую заповѣдь хранити, якоже глаголетъ": миръ гоните и святыню"[2]). А второму: „тебѣ же, православному государю, пріемшему отъ Вышняго повелѣніа правленье своего отечествія, не токмо о своихъ пещися и своего точію житія правити, но и все обладаемое отъ треволненія спасати и съблюдати, и отъ нужа и скорби и отъ бѣдъ избавляти, якоже и прежніи государи, православніи царіе и князи"[3]).

Государю принадлежитъ высшее управленіе и надзоръ. Въ этомъ качествѣ онъ является верховнымъ хранителемъ догматовъ Церкви и ревностнымъ ея покровителемъ и защитникомъ. Какъ власть земная, онъ принимаетъ на себя отмщеніе врагамъ Церкви, гдѣ іерархія, въ силу своего священства, не въ правѣ уже принимать рѣшительныхъ мѣръ. Эти мысли Іосифъ настойчиво проводитъ въ посланіяхъ къ Нифонту и Митрофану и вслухъ всѣхъ, въ послѣднихъ словахъ Просвѣтителя. Передавая государеву духовнику содержаніе своего съ нимъ разговора, Іосифъ усердно проситъ: „ино, господине, ты не забуди, и в томъ дѣлѣ государя побреги, чтобы на него Божій гнѣвъ не пришелъ за то, да и на всю нашу землю. Занеже, господине, за царское согрѣшеніе Богъ всю землю казнитъ"[4]).

Содѣйствія духовника было необходимо тѣмъ болѣе, что вел. князь видимо не понималъ своей обязанности и даже боялся принимать во исполненіе ея какія либо мѣры, соблюдая себя отъ грѣха. Разрушая такое неправильное, по его мнѣнію, убѣжденіе вел. князя, Іосифъ еще разъ просилъ Митрофана „помнити каково имѣли подтщаніе и ревность первіи благочестивіи царіе о непорочнѣй христіанстѣй вѣрѣ, и како еретиковъ по проклятіи въ заточеніе посылали, а и иныхъ казньми казнили. Вси благочестивіи царіе, кои были на седмихъ соборѣхъ, еретиковъ по проклятіи въ заточеніе посылали и казньми казнили, а иные цари и на соборѣхъ не были, а еретиковъ казнили"[5]). Такъ долженъ былъ Митрофанъ „государю докучити, оставивъ всѣ дѣла; занеже Божіе дѣло всѣхъ нужнѣе"[6]). Тѣ же

[1]) Дополненія къ А. И. № 216. [2]) Памятники, 192—193.
[3]) Дополненія, № 216. [4]) Чтенія.
[5]) Тамъ же. [6]) Тамъ же.

мысли, что „царемъ и властемъ подобаетъ попеченіе имѣти, яко да будутъ отмстители Христу на еретики“[1]) съ особою силою развиваетъ Іосифъ въ Просвѣтителѣ. „Православніи царіе и св. отцы всѣмъ повелѣша, и въ священныя правила написаша, и в послѣдняя роды предаша, яко подобаетъ царемъ и княземъ и судіамъ земьскимъ, еретики пачеже отступники, казнемъ лютымъ и смерти предавати, якоже убійца и разбойники и иніи злодѣя. И кто сице неразуменъ, пачеже рещи безбоженъ, иже дерзнетъ развратити Божественная писанія, еже православніи царіе и св. отцы написаша и во священная правила положиша“[2]).

Примѣненіе строгихъ мѣръ Іосифъ считалъ единственнымъ средствомъ умиренія Церкви и сохраненія вѣры въ чистотѣ. „И аще убо нынѣ тако не сотворятъ православніи самодержцы, говоритъ онъ, невозможно есть инѣмъ-чимъ никакоже искоренитися еретикомъ и отступникомъ. Аще ли же о семъ подвигнутся и ревность покажутъ Христа ради... и симъ умирится имать церковь Божія и угасится злочестивыхъ еретиковъ и отступниковъ скверное жидовское ученіе“[3]). Свои мнѣнія Іосифъ подкрѣпляетъ многочисленными ссылками на всеобщую и русскую исторію и угрожаетъ, въ случаѣ нерадѣнія власти, гибелью всего государства (XVI, 596—599).

Ученикомъ и послѣдователемъ преп. Іосифа Волоколамскаго былъ *митрополитъ Даніилъ* (1492—1547[4]). Въ ученіи о власти онъ не былъ такъ подробенъ, какъ Іосифъ, однако же, принадлежа къ его школѣ, раздѣлялъ его воззрѣнія, что, между прочимъ, можно видѣть изъ такого отрывка: „Рци ми, говоритъ Даніилъ въ своемъ восьмомъ словѣ, ты по что сопротивляешься Божію повелѣнію, сирѣчь власти, отъ Бога учиненной? Не съпротивляюся, рече. Да по что злая содѣваеши? По что законы Духа Святаго преступаеши? По что имя Божіе хулиши? Ибо таковая съдѣвая, всяко отмщеніе пріимеши отъ Божіихъ служителей. *Подобаетъ бо пріимшимъ отъ Бога таковое служеніе*, яко Божіимъ слугамъ, *попеченіе имѣти* о Божественныхъ законахъ и съблюдати родъ человѣческый невредимо отъ волковъ душепагубныхъ и не давати воли зло творящимъ человѣкомъ, ими же имя Божіе бесчествуется“[5]).

Не отступалъ отъ той же доктрины и *митрополитъ Макарій* (1542—1563), старшій современникъ Іоанна Грознаго. Онъ пишетъ въ посланіи къ Василію III: „Бога ради, государь, и Пречистые Богородица и великихъ ради чудотворцовъ, потщися и промысли о божественныхъ цер-

1) Просвѣтитель, XIII, 540.

2) Просвѣтитель, XVI, 588. 3) Просвѣтитель, XVI, 594.

4) О немъ *прот. В. Жмакинъ*, М. Даніилъ и его сочиненія М. 1881.—*Е. Е. Голубинскій*, Разборъ этого сочиненія въ Отчетѣ о XXV прис. наградъ гр. Уварова.—*Е. Е. Голубинскій*, Исторія Рус. Церкви, II, 1, стр. 701—738.—*В. Малининъ* назв. соч. стр. 594—599.—*М. А. Дьяконовъ*, стр. 103—107.

5) Поводъ написанія этого восьмого слова подлинно неизвѣстенъ. Однако, полагаютъ, что оно вызвано ересью жидовствующихъ, причемъ самую ересь Даніилъ разсматривалъ какъ противленіе власти, разумѣется гражданской. *Жмакинъ*, 406—411.—*Малининъ*, 594—595.—*Голубинскій*, II, 1, стр. 744—875.—*Дьяконовъ*, 108—110.

квахъ и честныхъ монастырехъ; занеже, государь, отъ вышняя Божіа десница поставленъ еси самодержецъ и государь всея Русіи; тебя, государя, Богъ въ Себе мѣсто избра на земли и на Свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ тебѣ поручи всего великаго православіа"[1]. „Свой взглядъ на государственную власть,—пишетъ В. Малининъ,—Макарій выразилъ полнѣе всего въ рѣчи во время царскаго вѣнчанія. Макарій смотритъ на царскую власть, какъ на средство и орудіе въ рукахъ Божіихъ для направленія людей по пути выполненія ими своего назначенія на землѣ. Въ этомъ смыслѣ царская власть не только отъ Бога, но и для Бога, Который осуществляетъ чрезъ нее Свои предначертанія и промыслительныя цѣли. Въ этомъ источникѣ царской власти ея сила, но и страшная отвѣтственность предъ Богомъ, Который какъ бы вручаетъ Своимъ избранникамъ часть Своихъ полномочій, чтобы потомъ потребовать строгаго отчета въ надлежащемъ оправданіи довѣрія. Пользуясь буквально словами Іосифа въ его посланіи Василію Ивановичу „на еретики", Макарій говоритъ: „глаголетъ Господь Богъ пророкомъ: „азъ въздвигохъ тя съ правдою царя, и пріахъ тя за руку, и укрѣпихъ тя. Сего ради слышите, царіе, и разумѣйте, яко отъ Бога дана бысть дръжава вамъ и сила отъ Вышняго"; васъ бо Господь въ Себе мѣсто избра на земли, и на Свой престолъ вознесъ посади, милость и животъ положи у васъ; вамъ же подобаетъ, пріемше отъ Вышняго повелѣніа правленіе человѣческаго рода, православнымъ царемъ, не токмо о своихъ пещись и свое точію житіе правити, но и все обладаемое отъ тревлъненіа спасати, и съблюдати стадо его отъ волковъ невредимо, и боятися серпа небеснаго, и не давати воля зло творящимъ человѣкомъ, иже душу съ тѣломъ погубляющимъ"[2].

Тѣ же воззрѣнія на цѣли и задачи государственной власти мы можемъ найти и въ другой современной литературѣ. Такъ, напр., преподобный *Максимъ Грекъ* (1480—1556) въ своихъ „Поучительныхъ главахъ начальствующимъ правовѣрно", между прочимъ, писалъ: „Царя истинна и самодержца онаго мни, благовѣрнѣйшій царю, который ко еже правдою и благозаконіемъ устраяти житейская подручниковъ прилѣжитъ и безсловеснымъ своея души страстемъ же и похотемъ одолѣти тщится всегда, глаголю же ярости и гнѣву напрасному и беззаконнымъ плотскимъ похотемъ"[3].

Исходя изъ этой моральной точки зрѣнія на истиннаго царя, который именно царствованіемъ своимъ долженъ снискать и заслужить себѣ вѣчное

---

[1]) *У Малинина*, 600.

[2]) *Малининъ*. 607. Слова Макарія взяты изъ Дополн. къ Актамъ Истор. т. I, № 39 (16 Янв. 1547, Чинъ вѣнчанія на царство царя Іоанна Васильевича) стр. 49, стлб. 1. См. тоже въ посланіи Іосифа Волоколамскаго къ в. к. Василію Іоанновичу.

[3]) Сочиненія преп. Максима Грека, изд. при Казанской Духовной Академіи (три части, изъ „Прав. Собесѣдника" 1859--1862 г.) ч. II, стр. 157--158. О Максимѣ Грекѣ см. *В. С. Иконникова* „Максимъ Грекъ". Кіевъ 1865, особ. стр. 285--307. Новое изданіе см. въ „Собраніи Историческихъ Трудовъ" т. I, Кіевъ, 1915 г.—*А. С. Лаппо-Данилевскій*, Идея государства въ Россіи. „Гол. Мин.", 1914, № 12, стр. 8.

душевное спасеніе, Максимъ Грекъ настаиваетъ на томъ, чтобы лица, къ которымъ онъ обращается со своимъ сочиненіемъ, не предавались порокамъ своекорыстія, стяжанія земныхъ благъ, судили бы правдиво, всѣмъ оказывали милость и поддержку. Особенно настаиваетъ Максимъ Грекъ на соблюденіи царями правды. „Ничто же убо потребнѣйше и нужнѣйше правды благовѣрно царствующему на земли; самого бо правдѣ царствующа Іисуса Христа, сущаго надо всѣми Бога, имать невидимо соустрояюща себе и соправяща сіе земское царство"[1]). Но гдѣ соправителемъ царя исповѣдуется самъ Богъ, тамъ, конечно, царь прежде всего долженъ заботиться о духовномъ преуспѣяніи своихъ подданныхъ. „Аще виноградъ убо и наслѣдіе Господне,—читаемъ ниже,—воистину есть врученніи имъ, христоименитіи людіе, *пастыріе же* священнаго сего наслѣдія вышняго Владыки *царіе суть и святители и прочіи князи,* да смотрятъ убо прилѣжно, какъ надъ ними начальствуютъ и како яже о нихъ правятъ, аще убо благозаконно и по изложеннымъ заповѣдемъ вышняго Владыки, *зане и тіи бдятъ о душахъ ихъ, аки хотяще отвѣтъ дати о нихъ Вышнему,* якоже глаголетъ божественный апостолъ" (Евр. 13, 17)[2]).

Такимъ образомъ и духовныя и мірскія власти, по мнѣнію Максима Грека, суть одинаково „*пастыри* наслѣдія Господня", т. е. вѣрующихъ въ Него людей. Поэтому понятно, что и отношенія ихъ должны быть согласными и выражаться во взаимопомощи къ достиженію одной общей цѣли нравственнаго совершенствованія и спасенія ихъ „паствы". „Священство и царство два величайша блага отъ вышняя божественныя благости дарована суть человѣкомъ: ово бо, молитвами преподобными и чистыхъ рукъ воздѣяніемъ, умоляющи всегда Владыку всѣхъ о нашихъ согрѣшеніихъ, милосерда и удобь примиряема съ нами сотворяетъ Его; овъ же совѣты премудрѣйшими и всяческими устроеніи и смотреніи владычески, купно и отечески промышляющи о подручныхъ, исправляетъ всегда царскія скипетры на лучшее. Велія убо воистину блага и обоя, егда сама та къ себѣ благовѣрно другъ къ другу согласуета, и къ самому Вышнему благопокорно прилѣжаета, соблюдающе твердѣ спасительныя заповѣди Его и оправданіа, и по нихъ отечески вкупѣ и владычески вещи подручныхъ устрояюща"[3]). Максимъ напоминаетъ, что Христосъ Самого Себя называлъ пастыремъ, подавая тѣмъ примѣръ „хотящимъ послѣ Его предстательствовати многолюдныя паствы Его, святителемъ же и царемъ православнымъ, да отечески и владычески прилежатъ и пекутся равнѣ о всѣхъ сущихъ подъ ними градѣхъ же и языцѣхъ, яко да вси присно держатся любви и правды, по святыхъ заповѣдехъ Владыки всѣхъ жительствующе и пребывающе"[4]).

Изложенное ученіе о цѣляхъ и обязанностяхъ государственной власти не осталось безплоднымъ. Если Іоаннъ Васильевичъ III неохотно слушался совѣта духовенства казнить еретиковъ, а самъ въ себѣ помышлялъ уже объ

---

[1]) Сочиненія, ч. II, стр. 159.
[2]) Ibidem, 161. [3]) Ibidem, 162—163. [4]) Ibidem, 171.

ограниченіи церковнаго землевладѣнія, то его внукъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный выступилъ иниціаторомъ широкихъ церковныхъ реформъ на *Стоглавомъ соборѣ* 1550 г.[1]) и именно, какъ царь, пекущійся о вѣрѣ и спасеніи своихъ подданныхъ. Соборъ былъ созванъ по волѣ самого царя[2]), который и обратился къ нему сначала съ рѣчью[3]), а затѣмъ съ собственноручнымъ „написаніемъ", въ которомъ объяснялъ собравшимся причины и цѣли собора: „предлагаемъ совѣтъ вашей отеческой любьви еже поутвердити древняго преданія христіанскія истинныя нашея вѣры"[4]), и проситъ духовенство: „потружайтеся во еже исправити истинная и непорочная наша христіанская вѣра"[5]), „помогайте ми и способствуйте"[6]). Далѣе, упомянувъ о разныхъ нестроеніяхъ, царь предлагаетъ: „разсмотримъ, не вся ли въ насъ та суть злодѣянія, еже глаголахомъ?[7]). Надѣясь на исправленіе замѣченныхъ недочетовъ, царь проситъ: „мене, сына своего, наказуйте и просвящайте на всякое благочестіе, *яко лѣпо есть благочестивымъ царемъ быти во всякихъ царскихъ праведныхъ законахъ и во всякомъ благовѣріи и чистотѣ*"[8]). Въ заключеніе Іоаннъ какъ бы ставитъ духовенству такой ультиматумъ: „Азъ же, о боголюбезный соборе отцы святіи, за вѣру христіанскую и за истинный православный законъ, якожъ предаде намъ церкви Божія, вкупѣ единодушно всегда есмь съ вами исправляти и утверждати, якожъ наставитъ насъ Духъ Святый. Аще по вражію навѣту нѣкоторое поползновеніе будетъ чрезъ Божественныя правила вашимъ нерадѣніемъ во всякихъ нашихъ христіанскихъ законехъ безъ обличеніа, сему убо есмь азъ не причастенъ,—вы о семъ отвѣтъ дадите въ день страшнаго суда. Аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ Божественныхъ правилъ вашему согласію,—вы о семъ не умолъкнете, аще преслушникъ буду, воспретите ми безъ всякого страху, да жива будетъ душа моя и всѣ подлежащіи намъ, яко да непороченъ будетъ истинный православный законъ, и славится въ немъ пресвятое имя Отца и Сына и Св. Духа всегда и нынѣ и присно"[9]).

Выступивъ на Стоглавомъ соборѣ ревнителемъ чистоты вѣры и благочестія, *Іоаннъ Грозный* въ посланіяхъ своихъ къ князю Андрею Курбскому явился теоретикомъ своей царской власти и, между прочимъ,—цѣли государства[10]).

---

[1]) *Свящ. Д. Стефановичъ,* О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Спб. 1909. Выписки изъ текста здѣсь приводятся по изд. проф. Н. Субботина (М. 1890). Другія изд. Д. Е. Кожанчикова Спб. 1863 и 2-е Казанской Духов. Академіи, Казань 1887.

[2]) Самъ Іоаннъ говорилъ объ этомъ въ первомъ посланіи къ А. Курбскому: „Потомъ же собрахомъ вся архіепископи и весь священническій соборъ Русскія митрополіи" („Сказанія", изд. 3-е Н. Устрялова 1868 г. стр. 163).

[3]) Стоглавъ, стр. 19--20. [4]) 23. [5]) 24. [6]) 25. [7]) 28. [8]) 34.

[9]) Стр. 37--38.

[10]) *Русская Историческая Библіотека,* т. XXXI Спб. 1914. Сочиненія кн. Курбскаго. Т. I, Сочиненія оригинальныя, изданныя подъ ред. Г. З. Кунцевича. Ср. также „Сказанія князя Курбскаго" (1. Исторія Іоанна Грознаго; 2. Переписка Курбскаго съ Іоанномъ; 3. Письма Курбскаго къ разнымъ лицамъ и проч.) изданія Н. Устрялова 1833, 1842 и 1868 г. Цитаты приводятся по тексту Р. И. Б. со ссылками на изданія Н. Устрялова 1868 года.

Курбскій, одинъ изъ прежнихъ удѣльныхъ княжатъ, упрекалъ Іоанна въ самовластіи и жестокихъ казняхъ. Іоаннъ отвѣчаетъ ему ссылками на Божественное происхожденіе его власти и на долгъ царя заботиться о подданныхъ, подобно пастырю, подъ страхомъ отвѣтственности на Страшномъ судѣ. „Самодержавство, говоритъ Іоаннъ, Божіимъ изволеніемъ починъ“[1]), „понеже не восхитихомъ ни подъ кимъ же царства, но Божіимъ изволеніемъ и прародителей и родителей своихъ благословеніемъ, яко же родихомся во царьствіи, тако и возрастохомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ, и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужее восхитихомъ“[2]). Поэтому то „Россійское самодержство изначала сами владѣютъ всѣми государьствы“[3]) и „доселѣ Русскіе владѣтели не изтязуеми были ни отъ кого же, но повольны были подвластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кемъ“[4]). Однако Курбскій споритъ съ Іоанномъ и упрекаетъ его въ неосновательныхъ и жестокихъ казняхъ. Оправдывая себя, Іоаннъ ему пишетъ: „Како же и сего не моглъ еси разумѣти, яко подобаетъ властелемъ не звѣрски яритися, ниже безловесно смирятися? Яко же рече апостолъ: „овѣхъ убо милуете разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте, отъ огня восхищающа“: видиши ли, яко апостолъ повелѣваетъ страхомъ спасати? Тако же и во благочестивыхъ царей временѣхъ много обрящеши злѣйшее мученіе. Како же убо, по твоему безумному разуму, единоко быти царю, а не по настоящему времени? То убо разбойницы и татіе мукамъ неповинни, паче же и злѣйшая сихъ лукавая умышленія; то убо вся царьствія невстроеніи и межоусобными браньоми вся растлятся. И тако ли убо пастырю подобаетъ, еже не разсмотряти о нестроеніи отъ подовластныхъ своихъ?“[5]). „Повсегда убо царемъ подобаетъ овозрительнымъ быти, овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мученіе. Аще ли же сего не имѣя, нѣсть царь, царь бо нѣсть боязнь дѣломъ благимъ, но злымъ. Хощеши ли бо не боятися власть? Благо твори; аще ли злое твориши, бойся, не бо туне мечь носитъ—въ мѣсть злодѣемъ, въ похвалы же добродѣемъ“[6]).

„И се ли убо благочестіе, спрашиваетъ Іоаннъ, еже не строити царства, и злодѣйственныхъ человѣкъ не взустити и къ разоренію иноплеменныхъ подати? Или induce речеши ми, яко святительская поученія тако примаху? И благо, и прикладно! Иное же свою душу спасти, иное же многими душами и тѣлесами пещися: ино убо есть постническое пребываніе, иножъ во общемъ житіи сожитіе, ино же святительская власть, иноже царское правленіе. Постническое убо правленіе подобно быти агнцу непротивну ничесому же, или яко птицѣ, иже не сѣявшу, ни жнущу, ни въ житницу собирающу; во общемъ же житіи, аще и міра отрекшися, но обаче строенія и попеченія

---

[1]) Т. е. началося; см. 1-ое посл. Іоанна къ Курбскому, Р. И. Б. столбецъ 9 строка 25.—„Сказанія“, 1868 г. стр. 136.

[2]) Р. И. Б. 11,23—28.—„Сказанія“, 137. [3]) Р. И. Б. 25,24—26.—„Сказанія“, 141. [4]) Р. И. Б. 68,15—17.—„Сказанія“, 170. [5]) Р. И. Б. 37,13—32.—„Сказанія“, 145. [6]) Р. И. Б. 41,24—35.—„Сказанія“, 147.

имѣютъ, та же и наказанія; аще ли же сего невнимателіе будутъ, то общее житіе разорится; святительская власть требуетъ зѣльнаго запрещенія языкомъ, по благословеннѣй же въ ней ярости, и славы, и чести, и украшенія, и председанія, еже инокомъ неприлично; царскому же правленію—страха, и запрещенія, и обузданіе и конечнейщаго запрещенія, по безумію злѣйшихъ человѣкъ лукавыхъ. Се же убо разумѣй разнство посническому и общежительству"[1]).

Далѣе Іоаннъ еще опредѣленнѣй выражается о томъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, какъ царя: „Свѣта же во тьму прелагати не тщуся, и сладкое горькое не прозываю... Тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истинного Бога, въ Троицы славимого, и отъ Бога даннаго имъ государя; а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престанутъ, ими же царьствія растлѣваются"[2]). „Азъ же вѣрую Спасову страшному судищу, хотяще пріяти душамъ человѣческимъ съ телесы ихъ, съ нимиже содѣяша, кождо противу дѣлу ихъ вси вкупѣ во единомъ лику разлучи надвое: царіе и худѣйшая чадь, яко братія изтязани будутъ, кождо противу дѣлу своему"[3]). И далѣе: „Азъ убо вѣрую, яко о всѣхъ согрѣшеніяхъ вольныхъ и невольныхъ судъ пріяти ми, яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дати отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ погрѣшатъ"[4]).

Повидимому немногимъ позднѣе 1553—1554 гг. была составлена и извѣстная *„Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ"*[5]) анонимнаго автора мірянина. Въ этой „Бесѣдѣ" высказывается та мысль, что „Богомъ вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богомъ избранному князю. Благовѣрнымъ княземъ русскимъ свыше всѣхъ дана есть Богомъ царю власть надо всѣми, и за весь міръ царства ихъ, во ономъ вѣцѣ, праведный и страшный Царь небесный Христосъ Богъ нашъ на нихъ всего много испытаетъ и ко отвѣту за всѣхъ поставитъ"[6]). Какъ видно изъ дальнѣйшаго, царь будетъ подлежать отвѣтственности предъ Богомъ за нравственное совершенствованіе ввѣренныхъ ему людей, поэтому онъ не только обязанъ склонять ихъ, а особенно иноковъ, къ воздержанію и аскетизму, но и побуждать ихъ къ достиженію вѣчнаго спасенія. Исходя изъ этой точки зрѣнія, авторъ „Бесѣды" настаиваетъ на томъ, чтобы царь всячески препятствовалъ монастырскому землевладѣнію: „царемъ иноковъ селы и волости со христіаны жаловати не достоитъ, и не похвально есть царемъ таковое дѣло"[7]). „Богъ повелѣлъ ему царствовати и міръ воздержати, и для того цареви въ титлахъ пишутся самодержцы".

---

1) Р. И. Б. 53,30—54,4 — „Сказанія", 153. 2) Р. И. Б. 67,35—36. 68,3—6. — „Сказанія". 169. 3) Р, И. Б. 83,33—36. — „Сказанія", 181.

4) Р. И. Б., 84,10—16. — „Сказанія", 181.

5) Цитируемъ ее по изд. *В. Г. Дружинина* и *М. А. Дьяконова*, Спб. 1890. — Ср. *С. Л. Аваліани*, Бесѣда преп. С. и Г. Вал. чуд., какъ историческій источникъ. „Богосл. Вѣстн." Мартъ 1909 г.

6) „Бесѣда", стр. 2—3. 7) Ibidem, 4.

„Лучше степень и жезлъ и царьскій вѣнецъ съ себя отдати и не имѣти царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суеты отъ душевнаго спасенія отвращати“[1]. Но всего этого мало: „Царю и великому князю (слѣдуетъ) уставити по монастыремъ и вездѣ своею царскою смиренною грозою, брадъ и усовъ не брѣти, ни торшити и сану своего ни чѣмъ не вредити, крестное знаменіе на лицѣ своемъ сполна воображати каятися говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяте лѣтъ мужеска полу и женска. О томъ царю за весь міръ крѣпко пещися паствы и войска своего, да не за всѣхъ станетъ ко отвѣту передъ Вышнимъ Царемъ. Мнози убо глаголютъ въ мірѣ, яко самовольна человѣка сотворилъ есть Богъ на сесь свѣтъ. Аще бы самовластна человѣка сотворилъ Богъ на сесь свѣтъ, и онъ бы не уставилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей и не раздѣлилъ бы орды на орды. *Сотворилъ Богъ благовѣрные цари и великіе княги и прочіи власти на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ*“[2]).

Ученіе о божественномъ происхожденіи царской власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о долгѣ ея служить Церкви и душеспасенію подданныхъ, нашло свое выраженіе также въ словахъ митрополита при вѣнчаніи на царство Θеодора Іоанновича въ 1584 г., въ постановленіяхъ русскихъ церковныхъ соборовъ и въ различныхъ письменныхъ обращеніяхъ къ царямъ духовенства и монаховъ. Такъ, напр., въ постановленіяхъ *собора 1660 года* о царѣ говорилось: „ему же (царю) свою Церковь Господь преда, и закону ея поучатися день и нощь научи *на устроеніе и возграждение сущимъ подъ рукою людемъ*... Царь боговѣнчанный, паче же благочестивый, православный и христолюбивый, есть благочинный раздаватель чина; ему яко благочинному чина раздателю, о благочиніи церковномъ, о боголѣпномъ православныя Церкве апостольскія благостроеніи же опасно *пещися и тщатися всегда подобаетъ*... Оному царю, яко общему всѣмъ благу, не точію о благочиніи *попеченіе творити, но и во общую спасаемыхъ душъ православныхъ пользу*, по благословной винѣ церковной, богоугодно священный соборъ созывати подобаетъ“[3]).

По словамъ Н. Θ. Каптерева „и сами русскіе цари вѣрили и заявляли, что имъ Господомъ вручена забота и попеченіе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, что отъ правильнаго тече-

[1]) Ibidem, 4.

[2]) Ibidem, 24—25. Даже *Иванъ Пересвѣтовъ* успѣлъ выразить Іоанну Грозному такую мысль: „ты государь грозны и мудрый, *і грѣшныхъ на покаяние приводишъ* и правду въ царство свое введеш, Богу сердечную радость воздаси“. „*Челобитная И. С. Пересвѣтова* царю Ивану IV 7057 (1548—1549 гг.)“, стр. 4 Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. за 1902 г. кн. IV (203), отд. 2.—См. *В. Θ. Ржига*, И. С. Пересвѣтовъ, публицистъ XVI в. Чтенія, 1908, I.

[3]) *Н. Θ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, стр. 75—76, Сергіевъ Посадъ, 1912, со ссылкою на *Гиббенета*, Дѣло патр. Никона, т. I, стр. 215, Дѣло о Никонѣ, стр. 95.

нія церковныхъ дѣлъ зависѣло и благосостояніе самаго государства. Первый русскій царь—Иванъ Васильевичъ, въ соборной грамотѣ 1564 г. о бѣломъ клобукѣ, такъ опредѣляетъ свои отношенія къ церковнымъ дѣламъ: „пріяхомъ скипетры россійскаго царства, также и во благосостояніе святыхъ Божіихъ церквей, и монастырей, и мѣстъ“[1]).

Послѣднимъ и наиболѣе яркимъ выразителемъ теоріи, по которой цѣлью государства, по крайней мѣрѣ русскаго, является забота о религіозно-нравственномъ усовершенствованіи народа и спасеніи души подданныхъ, былъ царь *Алексѣй Михайловичъ*. Онъ былъ очень высокаго понятія о своей царской власти. Въ письмѣ къ боярину и воеводѣ В. Б. Шереметеву онъ писалъ[2]): „вѣдомо тебѣ самому, какъ великій Царь и вѣчный изволилъ быть у насъ, великаго государя и *тлѣннаго царя*, тебѣ Василью Борисовичу, въ боярехъ не туне... Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю и тлѣнному царю, честь даровати, а тебѣ приняти.. Какъ по изволенію Божію и по нашему великаго государя и тлѣннаго царя указу“[3])... Такимъ образомъ Алексѣй Михайловичъ отличалъ себя отъ Бога только тѣмъ, что онъ *тлѣнный* царь. Понятно, поэтому, что и задача его власти должна была быть религіозно-нравственною. Въ письмѣ къ князю Гр. Гр. Ромодановскому онъ, между прочимъ, писалъ: „Богъ благословилъ и предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди свои на востокѣ и на западѣ, и на югѣ и на сѣверѣ въ правду“[4]). „Для царя Алексѣя,—говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ,—это была не случайная красивая фраза, а постоянная твердая формула его власти, которую онъ сознательно повторялъ всегда, когда его мысль обращалась на объясненіе смысла и цѣли его державныхъ полномочій“[5]). Въ письмѣ къ князю Н. И. Одоевскому, напримѣръ, царь однажды помянулъ о томъ, „какъ жить мнѣ, государю, и вамъ, боярамъ“, и на эту тему писалъ: „А мы, великій государь, ежедневно просимъ у Создателя и всещедраго Бога нашего, и у пречистой Его Богоматери, и у всѣхъ святыхъ, чтобы Господь Богъ, прошенія ради Матери Своея пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ ради молитвъ, даровалъ намъ, великому государю, и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди Его свѣтовы разсудити

---

[1]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, ibidem стр. 76 со ссылкою на А. И. т. I, № 173, стр. 331.

[2]) Много писемъ царя Алексѣя издано. 1) *П. И. Бартеневъ*, Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, М. 1856; 2) „*Записки* отдѣленія слав. и русской археологіи Имп. русскаго археолог. общества“. т. II; 3) „*Сборникъ* Моск. Архива Мин. Ин. дѣлъ“, т. V; 4) *Соловьева*, Исторія Россіи, т. XI и XII. См. характеристики Алексѣя Михайловича проф. *С. Ѳ. Платонова*, „Три вѣка“, т. I, стр. 58—114.—*С. М. Соловьева*. Ист. Р. т. XII. въ концѣ.—*И. Е. Забѣлина*, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, М. 1872 ч. I, 203—300.—*Н. И. Костомарова*, Русская исторія въ жизнеописаніяхъ, т. II, Спб. 1881, 97—156.—*В. О. Ключевскаго*, Курсъ русской исторіи т. III.

[3]) Записки русск. археолог. общества, т. II, стр. 751—754. Цитата у *Каптерева*, Патріархъ Никонъ и Царь Алексѣй Михайловичъ. Сергіевъ Посадъ, т. II. 1912, стр. 76—77.

[4]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія России, изд. „Общей Пользы“, книга III, стр. 607.

[5]) *С. Ѳ. Платоновъ*, Царь Алексѣй Михайловичъ, опытъ характеристики. Сборникъ „Три вѣка“, изд. Сытина, т. I, М. 1912, стр. 106.

въ правду, всѣмъ равно; писано бо есть: судъ Божій николи кривъ не живетъ, развѣ безхитростные прямые статьи, то и Богъ не взыщетъ; *и о всѣхъ христіанскихъ душахъ попеченіе мы имѣемъ*, и въ вѣрѣ крѣпкимъ бы и въ правдѣ и во истинѣ якоже столпомъ стояти твердо, и за нее страдати до смерти, во вѣки и на вѣки"[1]). Приводя эти слова, проф. С. Ѳ. Платоновъ говоритъ[2]), что для историка они цѣнны потому, что ему „ясенъ источникъ тѣхъ фразъ царя Алексѣя, въ которыхъ столь категорически нашла себѣ опредѣленіе, впервые, въ Московскомъ государствѣ, идея державной власти. Свои мысли о существѣ царскаго служенія Алексѣй Михайловичъ черпалъ, повидимому, изъ чина царскаго вѣнчанія[3]) или же непосредственно изъ главы 9-й Книги Премудрости Соломона".

Если несомнѣнно, что Алексѣй Михайловичъ признавалъ цѣлью своей державы имѣть попеченіе о душѣ подданныхъ, то совершенно понятными являются его распоряженія и заботы чисто пастырскаго характера. Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ приводитъ рядъ яркихъ примѣровъ этой заботы. Такъ, „царь настаивалъ, чтобы всѣ говѣли и исповѣдывались во всѣ четыре поста, а если это кому невозможно „великія ради нужды", то три или два раза въ годъ. А если кому „отнюдь невозможно и дважды въ годъ", то говѣли бы каждый великій постъ, „оставя всякую нужду и презря всякое дѣло земное, и всякія суеты и душетлѣнныя печали", иначе, говоритъ царь, „той нѣсть достоинъ нарещися истиннымъ христіаниномъ... таковый чуждъ есть христіанскаго званія, и святые отцы іереемъ Христовымъ заповѣдаша не приняти у таковыхъ никакого приношенія въ церкви Божіей, не повелѣша входити въ церковь Божію". „И сего ради, пишетъ царь, мы, великій государь, о таковыхъ погибельныхъ и не кающихся душахъ изволили *душею своею* поскорбѣти, чтобъ таковыхъ погибельныхъ душъ на истинный путь—на покаяніе обратити и тѣмъ гнѣвъ Божій укротити, и милостива Его сотворити православному роду россійскому благочестивыя своея державы"[4]). Искренность этой заботливости покоилась вообще на религіозности царя[5]) и, въ частности, на его понятіи о земной жизни, въ отличіе отъ небесной. Сообщая князю Н. И. Одоевскому о смерти его старшаго сына, царь, между прочимъ, писалъ: „а какъ отшелъ отъ сея прелестныя жизни въ нескончаемую жизнь[6])... т. е. жизнь эта казалась ему нисколько не цѣнной, въ то время какъ небесная являлась единственной цѣлью, какъ личнаго подвига, такъ и цѣлаго народа.

[1]) *П. Бартеневъ*, Собраніе писемъ ц. Алексѣя Михайловича. М. 1856, стр. 225.

[2]) „Три вѣка" т. I, стр. 106.

[3]) См. *Е. В. Барсовъ*, Древнерусскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство, стр. 57,82.

[4]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, стр. 78 и вообще стр. 76-83.

[5]) См. ниже гл. II, выписка изъ характеристики, написанной *С. Ѳ. Платоновымъ* въ сборникѣ „Три вѣка", т. I, стр. 100-104.

[6]) *Бартеневъ*, стр. 228—229.

Характеръ отношеній церковной и государственной власти въ Московскую эпоху. Итакъ, Московская Русь, въ отличіе отъ земской, сознательно ставила своему государству, помимо текущихъ задачъ внутренней и внѣшней безопасности, еще и внѣземныя цѣли спасенія души, а на своихъ государей смотрѣла, какъ на намѣстниковъ Бога на землѣ, облеченныхъ полнотою власти для достиженія этихъ цѣлей.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, въ грамотѣ объ устройствѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ академіи, заявлялъ, что его царская „первая и величайшая должность—охраненіе восточныя православныя вѣры, и тоя о разширеніи промышленіе"[1]).

Отсюда именно и вытекало то живое взаимодѣйствіе между Церковью и государствомъ, которое такъ рѣзко характеризуетъ московскую эпоху Русской исторіи.

Религіозный колоритъ Московской Руси. Безспорно, что вѣра и Церковь заняли въ жизни Русскаго народа первое мѣсто[2]), и все приняло столь яркій религіозный колоритъ, что именно Московская Русь имѣла основаніе назвать себя Святою Русью. Во главѣ ея стояли государи, высокіе носители религіозной идеи. Вся обстановка ихъ частной жизни и общественнаго служенія носила религіозный оттѣнокъ[3]). Какъ личности, они не только были людьми глубоко религіозными, но и церковными въ томъ смыслѣ, что прекрасно знали и любили церковный уставъ и богослуженіе. Достаточно вспомнить Іоанна Грознаго, его сына Ѳеодора Іоанновича и особенно Алексѣя Михайловича[4]). „Наши государи Московской Руси, пишетъ проф. Н. Ѳ. Кап-

---

1) *Н. Ѳ Каптеревъ* ibidem, стр. 77.

2) „Религіозный интересъ въ характерѣ древней Русской Исторіи былъ не только господствующимъ, но, можно сказать, исключительнымъ". *С. М. Соловьевъ*, Исторія. Россіи, Ш, 668.

3) „Нераздѣльность силъ въ древней Россіи, говоритъ Соловьевъ, выражалась и въ старинномъ Кремлѣ Московскомъ: если рядъ загородныхъ монастырей представлялъ около столицы рядъ укрѣпленій, то Кремль, царственный замокъ, жилище великаго государя, представлялся большимъ монастыремъ, потому что былъ наполненъ большими, красивыми церквами, среди которыхъ, какъ игуменскія кельи въ монастырѣ, расположенъ былъ царскій дворецъ—пестрая масса зданій самой разнообразной величины, разбросанныхъ безъ всякой симметріи, единственно по удобству. Если церковь была единственнымъ памятникомъ общественнымъ; если каждый человѣкъ со средствами имѣлъ сильныя побужденія оставить по себѣ такой памятникъ: то понятно, что человѣкъ съ самыми большими средствами въ государствѣ, именно великій государь, долженъ былъ отличаться ревностію въ построеніи и украшеніи церквей, имѣлъ значеніе всероссійскаго церковнаго старосты; понятно, что около его жилища было такъ много церквей. Неудивительно, что мы очень часто встрѣтимъ его въ церквахъ, очень часто встрѣтимъ пышные, длинные царскіе поѣзды, направляющіеся въ ближніе и дальніе монастыри; при церковныхъ торжествахъ царь тутъ со всѣмъ дворомъ". Далѣе слѣдуетъ описаніе ежегодныхъ церковныхъ торжествъ, въ которыхъ царь принималъ участіе. *Соловьевъ*, Ист. Рос. III, 669—673. Ср. *И. Е. Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ въ XVI—XVII в. М. 1862. 1869.

4) См. его религіозную характеристику, написанную *С. Ѳ. Платоновымъ*, Сборникъ „Три вѣка" изд. Сытина. М. 1912, т. I. 85—114, особ. 100—104.

теревъ, были, въ большинствѣ случаевъ, завзятыми, искренними церковниками, воспитывавшимися на неопустительномъ посѣщеніи разныхъ церковныхъ службъ, на строгомъ соблюденіи во всемъ, начиная съ своей обыденной домашней обстановки, церковнаго устава и разныхъ церковныхъ постановленій и требованій. Они обучались, какъ и всѣ тогда, по Псалтыри, прочитывали, въ видахъ своего развитія и обогащенія знаніями, извѣстный кругъ церковно-богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгъ, сборники изъ св. отцовъ и учителей Церкви, разныя житія святыхъ, благочестиво-назидательныя сказанія и хронографы, благодаря чему благочестивые московскіе государи нерѣдко были хорошими начетчиками, знали церковный уставъ часто не хуже любого архіерея и въ концѣ-концовъ, какъ знатоки и любители всего церковнаго, которое всегда было для нихъ очень близкимъ и дорогимъ, въ высшей степени интересовались всѣми и даже малѣйшими подробностями церковной жизни, обязательно вмѣшиваясь въ ея ходъ и событія. Вопросы о хожденіи посолонь, о сугубой аллилуіи, о церковныхъ звонахъ, о единогласіи и многогласіи въ церковномъ пѣніи и т. п.,— все это для нашихъ московскихъ государей были настолько живые и затрогивающіе ихъ вопросы, что они интересовались ими не менѣе вопросовъ чисто государственныхъ, и потому принимали въ ихъ рѣшеніи самое горячее и дѣятельное участіе. Словомъ, церковная жизнь, съ ея спеціальными требованіями и уставами, имѣла для московскихъ государей доминирующее значеніе"[1]). Изъ этой своей характеристики проф. Н. Ѳ. Каптеревъ выводитъ основаніе, почему „высшій представитель этой жизни—патріархъ, долженъ былъ обязательно занимать тогда особое, очень видное и замѣтное положеніе при царскомъ дворѣ". Но эта совершенно вѣрная характеристика объясняетъ гораздо болѣе того,—причины самаго вмѣшательства нашихъ московскихъ государей въ церковные дѣла. Вѣдь государи были церковниками по убѣжденію, изъ чувства нравственнаго долга. Они спасали этимъ душу и получали нравственное право и умѣнье руководить спасеніемъ своихъ подданныхъ, къ чему, какъ было показано, они были призваны въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего государства.

Не по капризу и не изъ личныхъ симпатій цари московскіе постоянно прибѣгали къ совѣту всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и всего освященнаго собора. Безъ совѣщанія съ духовнымъ чиномъ нельзя было быть увѣреннымъ въ томъ, что управленіе *православнымъ* Русскимъ царствомъ идетъ въ истинномъ направленіи. На всякое важное дѣло, будь оно церковное или мірское, требовалось благословеніе Божіе, „по молитвамъ отца нашего митрополита или патріарха, и всего освященнаго собора". „Мене, сына своего, наказуйте,—говорилъ Іоаннъ Грозный на Стоглавомъ соборѣ, обращаясь къ духовенству,—якожъ лѣпо есть благочестивымъ царемъ быти, во всякихъ царскихъ праведныхъ законахъ и во всякомъ благовѣріи

---

[1]) Сборникъ *„Три вѣка"* изд. Сытина, М. 1912, т. I, стр. 246—247. Статья проф. *Н. Ѳ. Каптерева:* „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ" стр. 230—247.

и чистотѣ"[1]) На этомъ идейномъ основанiи покоилось то, что высшiе iерархи принимали въ московское время самое дѣятельное участiе въ дѣлахъ государственныхъ: въ Боярской Думѣ нерѣдко, и въ Земскихъ Соборахъ всегда засѣдалъ и освященный соборъ. Бывали случаи, когда патрiархи, какъ нѣкогда митрополитъ Алексiй, управляли дѣлами всего государства, или во имя его возвышали свой голосъ. Патрiархи Iовъ, Ермогенъ, Филаретъ, Никонъ, Iоакимъ принадлежатъ столько же къ исторiи церковной, сколько и къ исторiи гражданской[2]).

Взаимодѣйствiе Церкви и Государства. Исходя изъ того соображенiя, что цѣли государства и Церкви однѣ и тѣ же, Московское государство стремилось къ возможно широкому проведенiю началъ христiанской нравственности въ государственной, общественной и частной жизни народа. Уже съ самаго принятiя Русью крещенiя, въ сознанiи народа и власти появились дотолѣ совершенно неизвѣстныя понятiя преступленiй противъ вѣры, какъ то чародѣянiя и волхованiя, моленiя въ рощахъ или у воды, подъ овиномъ, ограбленiе труповъ, посѣченiе крестовъ и т. д.[2]). Эти и подобныя имъ дѣянiя предусмотрѣны были въ древности въ церковныхъ уставахъ Владимiра, Ярослава и Всеволода[4]). Въ XVII в. религiозныя преступленiя входятъ въ Уложенiе царя Алексѣя Михайловича и занимаютъ въ немъ первое мѣсто[5]). При этомъ преступники этого рода очень характерно именуются безчинниками и имъ назначается нерѣдко суровое наказанiе, „чтобы въ церкви Божiи никакова безчинства не было"[6]). Между прочимъ, воспрещается „въ церкви во время церковнаго пѣнiя" безпокоить государя и др. властей своими просьбами, „чтобы отъ того въ церкви Божьи церковному пѣнiю смятенiя не было, понеже церковь Божiя устроена приходити на молитву, и православнымъ христiаномъ подобаетъ въ церкви Божiи стояти и молиться со страхомъ, а не земная мыслити. А будетъ кто, забывъ страхъ Божiй", все-таки будетъ бить челомъ, того посадить въ тюрьму на сколько государь укажетъ[7]).

---

[1]) *Стоглавъ*, изд. Субботина, стр. 34.

[2]) Для характеристики отношенiй царя Алексѣя Михайловича къ церковной власти до его столкновенiя съ Никономъ см. его письма къ послѣднему (у *Бартенева*, стран. 147—215), а также статью еп. *Евдокима*, „Царь и Патрiархъ, къ характеристикѣ ихъ взаимныхъ отношенiй" въ Богосл. Вѣстникѣ за 1906 г. № 4 и отдѣльно, Св. Троицкая лавра, 1906.

[3]) *М. Ф. Владимiрскiй-Будановъ*, Обзоръ исторiи русскаго права изд. 6, 1909 стр. 321—322.—*В. И. Сергѣевичъ*. Лекцiи и изслѣдованiя по исторiи русскаго права. Спб. 1883, стр. 469—474; 923 -925.

[4]) См. Хрестоматiю по И. Р. Права *М Ф Владимiрскаго-Буданова* вып. 1.

[5]) *Уложенiе* гл. I. См. изслѣдованiе *М. Архангельскаго*, О Соборномъ Уложенiи ц. А. М. 1649 г. въ отношенiи къ православной Русской Церкви. Спб. 1881.

[6]) *Уложенiе*, гл. I, ст. 2, 6, 7.

[7]) *Уложенiе* гл. I, ст. 8, 9. Ср. слова Проф. *С. В. Рождественскаго*, въ статьѣ „Соборное Уложенiе 1649 г." въ Сборникѣ „Три вѣка", т. I, стр. 167. „Уложенiе открывалось главой „о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ"... Но этой краткой первой

Также точно только съ христіанствомъ возникли и многія преступленія противъ семейнаго права и нравственности. Понятія о близкихъ степеняхъ родства, двоеженствѣ, двоемужіи, самовольномъ разводѣ, принужденіи къ браку, о блудѣ, похищеніи дѣвицъ и т. д. не могли быть ранѣе принятія христіанства. Разумѣется, свѣтской власти трудно было разбираться въ тонкостяхъ христіанскаго нравоученія и церковнаго права, поэтому какъ самое заключеніе обрученія и брака и совершеніе развода, такъ и разборъ преступленій противъ нравственности и семьи, она охотно предоставила Церкви[1]). И до самаго Петра Великаго юрисдикція Церкви въ этихъ дѣлахъ оставалась нетронутой, да и трогать ее не было основаній. Уложеніе Алексѣя Михайловича на этихъ преступленіяхъ почти не останавливается. За то ст. 25 гл. XX даетъ понятіе, что и государство смотрѣло на эти преступленія именно, какъ на нарушеніе правилъ христіанскаго благочестія. „А будетъ кто мужскаго полу или женскаго, *забывъ страхъ Божій и христіанскій законъ*, учнутъ дѣлати съвады женками и дѣвками на блудное дѣло, а сыщется про то допряма: и имъ за такое безъзаконное и скверное дѣло учинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ". Подобно этому „кто учнетъ у себя въ дому дѣлати беззаконіе съ рабою зъ женкою или зъ дѣвкою, и приживетъ съ нею дѣтей, и въ томъ на него раба учнетъ государю бити челомъ: и такихъ жонокъ и дѣвокъ, и на кого учнутъ государю бити челомъ, отсылати на Москвѣ на Патріаршій дворъ къ патріаршимъ приказнымъ людемъ, а въ городахъ къ митрополичьимъ и къ архіепископлимъ приказнымъ же людемъ и велѣть про нихъ сыскивати святительскимъ судомъ, и указъ имъ чинити по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ, и по допросу обѣихъ ихъ отцовъ духовныхъ"[2]).

По той же причинѣ моральнаго характера Церкви переданы были и дѣла по наслѣдству[3]), выработалась и сохранилась религіозная форма завѣщанія съ призываніемъ въ его началѣ имени Св. Троицы[4]). На почвѣ развитія наслѣдственнаго права появился институтъ „отказа по душѣ, въ на-

---

главой не исчерпывались постановленія, касавшіяся различныхъ церковныхъ вопросовъ интересовъ и отношеній. Такія постановленія въ большомъ числѣ разсыпаны въ послѣдующихъ главахъ. Таковы постановленія о присягѣ для людей духовнаго и мірскаго чина, о совращеніи православныхъ въ басурманство, объ ограниченіи правъ иновѣрцевъ, о покровительствѣ новокрещенныхъ, о самозванныхъ попахъ и монахахъ, о бракѣ, объ охранѣ церковныхъ имуществъ отъ похитителей, объ охранѣ чести духовныхъ лицъ, о почитаніи праздниковъ, о святительскомъ судѣ, церковныхъ приказахъ и т. под. Всѣ эти мѣры направлены къ огражденію достоинства и интересовъ православной церкви и къ упорядоченію церковной жизни".

[1]) *К. А. Неволинъ*, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго. Сочиненіят. VI. Спб. 1859 стр. 335—344.— О вліяніи христіанства на семейный бытъ рус. общества въ періодъ появленія Домостроя" см. ст. *Д. Н. Дубакина* въ Христ. Чтеніи, 1880, I, 311, 627; II, 2.

[2]) *Уложеніе*, XX, 70.—*Архангельскій*, стр. 87—91. [3]) *Неволинъ*, VI, 345.

[4]) Образцы см. въ Актахъ Юридическихъ и въ Актахъ, относящихся до Юридическаго быта въ Россіи, изд. Калачова.—*М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 6. 1909 г. стр. 488.

слѣдіе вѣчныхъ благъ, для поминовенія души“[1]). Но характерно то, что, когда въ XVI в. правительство стало стремиться къ сокращенію церковнаго землевладѣнія, оно долго не рѣшалось и не имѣло основаній отмѣнить не только этотъ отказъ, но и передачу Церкви выморочныхъ имуществъ. Государство вынуждено было пойти среднимъ путемъ, обѣщавъ, что взамѣнъ выморочной вотчины натурою оно само будетъ выплачивать Церкви полностью всю ея стоимость. Указъ 1562 г. говоритъ еще неопредѣленно: „душу умершаго государь велитъ устроить изъ своей казны“. Но Уложеніе (XVII, 45) выражается уже точнѣе: „а деньги за нихъ (т. е. за выморочныя вотчины) давати изъ государевы казны по ихъ душамъ въ монастыри, смотря по строенію“ и т. д.[2]). Что же касается невыморочныхъ имуществъ, то Соборнымъ актомъ 15 января 1581 г. рѣшено было: „вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдати, а давати за нихъ въ монастыри деньги, которые села чего стоятъ, а село имати вотчинникомъ, хотя кто и далече въ роду[3]).

Подъ вліяніемъ той же религіозной идеи смягчилось[4]) и къ концу XVII в. почти было уничтожилось холопство и только повелѣніе Петра Великаго вносить при первой ревизіи въ одну категорію крѣпостныхъ крестьянъ и холоповъ задержало существованіе зависимаго состоянія части русскаго населенія еще на полтора вѣка[5]). Что же касается плѣнныхъ, то въ XVI в. выкупъ ихъересталъ быть дѣломъ частной благотворительности, а превратился въ государственную обязанность, для выполненія которой образовался особый налогъ, сборъ т. наз. полоняничныхъ денегъ[6]).

Таковы немногіе примѣры усвоенія русскимъ правомъ религіозно-нравственныхъ началъ.

Далѣе русскій народъ и русское государство всегда отличались широкою вѣротерпимостью. Еще съ древнѣйшихъ временъ „въ Россіи не было притѣсненія никакой вѣрѣ, и ко всѣмъ людямъ, какой бы кто вѣры и племени ни былъ, пастыри Церкви заповѣдывали любовь. „Если ты увидишь, писалъ преп. Ѳеодосій къ великому князю Изяславу, кого либо въ бѣдствіи,—будетъ ли то жидовинъ, ли сорочининъ[7]), ли болгаринъ, ли еретикъ,

---

[1]) *В. Милютинъ*, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи. Чтенія въ И. Обществѣ Ист. и Древн. Рос. 1859 г. кн. IV, стр. 67 сл.

[2]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ, 502. Ср. Сводъ Зак т. X, ч. 1, изд. 1900 г. ст. 1167: „Выморочныя имущества, исключая случаевъ, опредѣленныхъ ниже, обращаются въ государственную казну“.

[3]) А. А. Э. I, № 308, стр. 373. [4]) *Неволинъ*, VI, стр. 329.

[5]) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ стр. 407—408.

[6]) *Стоглавъ*, гл. V, вопросъ 10 и гл. 72. Изданіе 2, Казань 1887, стр. 29 и 155.— *Неволинъ*, VI, стр. 328.

[7]) Очевидно: сарачинской, т. е. мусульманской вѣры по имени народа „сарацины“, (Saraceni, Σαρακηνοί) упоминаемаго Аммiаномъ Марцеллиномъ (XIV, 4) и Птолемеемъ, жившаго на Сѣверѣ Счастливой Аравіи. Названіе это, означавшее первоначально кочующее разбойническое племя, уже въ началѣ среднихъ вѣковъ распространено было всѣми христіанскими писателями на всѣхъ арабовъ, а затѣмъ стало означать вообще мусульманъ.

ли латининъ, ли отъ поганыхъ: всякаго помилуй и отъ бѣды избави". Но единою истинною, спасительною вѣрою считалась *только православная*. „Нѣтъ, читаемъ въ томъ же посланіи Θеодосія,—нѣтъ иной вѣры лучше, какъ вѣра наша, единая чистая и честная, и святая, т. е. вѣра правовѣрная. Живущіе въ сей вѣрѣ могутъ и освободиться отъ грѣховъ, и избѣгнуть вѣчной муки, и быть причастниками вѣчной жизни, и безъ конца радоваться со святыми. А сущему въ иной вѣрѣ, ли въ латинской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской, нѣсть видѣти жизни вѣчныя ни части съ святыми"[1]).

Установленный такимъ образомъ еще въ древней Руси принципъ вѣротерпимости остался незыблемымъ въ теченіе всей нашей исторіи. Безъ нужды и безъ особыхъ обстоятельствъ инославіе и иновѣріе никогда не подвергалось стѣсненіямъ, но съ тѣмъ, разумѣется, условіемъ, чтобы не нарушались права господствующей Православной Церкви, которая, подчиняясь неизбѣжности, все таки принципіально отрицала всѣ неправославныя религіи, какъ ложныя, и взглядъ свой настойчиво проводила въ жизнь[2]).

Господствующее государственное положеніе Православія въ Москвѣ выражалось, между прочимъ, въ недопустимости совращенія и отпаденія въ иную вѣру[3]), въ нетерпимости раскола и сектъ (ересей)[4]), и т. д., но въ

---

[1]) *М. Макарій*, Исторія Русской Церкви, т. II, изд. 3, стр. 311.

[2]) О вѣротерпимости въ Россіи см. *Голубинскій*. И. Р. Ц., т. I, 1, стр. 588—603.- *М. Макарій*, И. Р. Ц., I, 224—245; II, 304—311; III, 281—293; V, 315—376; VIII, 370—414; XI, 231—234.—Проф. *М. Красноженъ*, Иновѣрцы на Руси, т. I, Юрьевъ, 1903².—Проф. *Д. В. Цвѣтаевъ*, Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вв. 1885.- *Его-же*, Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI—XVII вв., 1886.—*Его-же*, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, 1890 и др. соч.

[3]) Уложеніе (XXII, 24) знаетъ совращеніе въ мусульманство: „А будетъ кого бусурманъ какими нибудь мѣрами, насильствомъ или обманомъ русъскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ, и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнѣмъ безо всякаго милосердія. А кого онъ русъского человѣка обусурманитъ: и того русского человѣка отослать къ патріарху, или ко иной власти, и велѣть ему учинить указъ, по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ". Практика примѣняла эту статью, однако, и къ совращенію въ другія, кромѣ мусульманства, вѣры *М. Ф. В.-Будановъ*, Обзоръ, стр. 341.

[4]) Къ расколу, съ согласія собора 1667 г., примѣнялась градская казнь, т. е. ст. 1, 2 и 3 гл. I Уложенія (сожженіе, смертная и торговая казнь, т. е. кнутъ). Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, стали появляться указы о разыскиваніи раскольниковъ и о сожиганіи ихъ въ срубѣ, если „по трикратному вопросу" у казни они не желали отказаться отъ раскола. И случаи смертной казни въ это время дѣйствительно были, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. По смерти царя Алексѣя Михайловича надежды раскольниковъ, что возстаніе возьметъ верхъ, оживились и пропаганда раскола усилилась, это было причиной того, что законъ о градскомъ судѣ, т. е. о примѣненіи къ раскольникамъ 1, 2 и 3 ст. гл. I Уложенія, былъ подтвержденъ и при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. А при царевнѣ Софьѣ, послѣ смуты 1682 г., именно въ 1685 г., онъ нашелъ свое выраженіе въ 12 особыхъ статьяхъ, которыми расколъ былъ совершенно воспрещенъ подъ страхомъ жестокой казни (А. И V, № 75, стр. 111—112; А. А. Э. IV, № 284, стр. 419—422). *П. С. Смирновъ*, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1898 г. стр. II—III. До изданія Уложенія свѣтское правительство относилось къ ересямъ болѣе или менѣе

особенности въ непремѣнной обязанности государя исповѣдывать православіе. Въ древнѣйшее время, когда на Московскомъ престолѣ благополучно правила династія Рюриковичей, объ исповѣданіи государя не могло быть и рѣчи. И только въ смутное время, при выборѣ королевича Владислава, вопросъ объ этомъ возникъ со всею силой[1]). Въ то же смутное время вопросъ о вѣрѣ государя получилъ политическое значеніе и при выборѣ новгородцами на Московскій престолъ шведскаго принца Карла Филиппа, брата короля Шведскаго Густава-Адольфа. На предложенія новгородцевъ признать его царемъ, кн. Пожарскій отвѣтилъ твердо, что русскіе признаютъ Филиппа царемъ тогда только, когда онъ пріѣдетъ въ Новгородъ и приметъ греческую вѣру. На это посолъ Новгорода кн. Оболенскій сказалъ: „Мы отъ истинной православной вѣры не отпали, королевичу Филиппу-Карлу будемъ бить челомъ, чтобъ онъ былъ въ нашей православной вѣрѣ Греческаго закона, и за то хотимъ всѣ помереть; только Карлъ королевичъ не захочетъ быть въ православной христіанской вѣрѣ Греческаго закона, то не только съ вами, боярами и воеводами, и со всѣмъ Московскимъ государствомъ вмѣстѣ, хотя бы вы насъ и покинули, мы одни за истинную нашу православную вѣру хотимъ помереть, а не нашей, не греческой вѣры государя не хотимъ"[2]).

Привилегированное положеніе духовенства. Если русское государство московской эпохи носило такой яркій религіозный колоритъ, если послѣ гибели Византіи московскій царь взялъ на себя защиту православія и покровительство Церкви, то первыя блага этого должно было почувствовать духовенство русское и греческое, бѣлое и черное. Именно въ московскую эпоху щедрая милостыня порабощенному Востоку достигла огромныхъ размѣровъ[3]), а также колоссально возрасли земельныя имущества митрополитовъ, патріарховъ, архіереевъ и монастырей, связанныя съ ними финансовыя и судебныя при-

---

терпимо, однако требованія Геннадія, архіепископа Новгородскаго, преп. Іосифа Волоколамскаго и остального духовенства все таки заставили Іоанна III подвергнуть нѣкоторыхъ жидовствующихъ сожженію, урѣзанію языка и ссылкѣ. *М. Ф. В.-Будановъ*, Обзоръ, 342. *Голубинскій* II, 1, стр. 570—582.

[1]) *М. Макарій*. И. Р. Ц., т. X, изд. 2, стр. 148—149. Въ наказѣ посламъ, ѣхавшимъ въ польшу, было предписано прежде всего просить, чтобы Сигизмундъ отпустилъ своего сына Владислава на Московское государство, а государь королевичъ крестился въ православную вѣру въ Смоленскѣ отъ Ростовскаго митрополита Филарета и Смоленскаго архіепископа Сергія и уже православнымъ пришелъ въ Москву, и т. д. *Собр. Гос. Грамотъ и договоровъ*, II, № 20, стр. 417—418 и др.; № 207, стр. 446—451. Ср. *Н. Н. Бантышъ-Каменскаго*, Избраніе на царство королевича Владислава и кратковременное его въ Россіи властительство. Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1847 г. I, стр. 1—20.—*С. Ѳ. Платоновъ*, Очерки по исторіи Смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ Смутное время), изд. 3, Спб. 1910, стр 437—438.

[2]) *С. Соловьевъ*, кн. II, стлб. 1022—1023.

[3]) *Проф. Н Ѳ. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ VXI и XVII ст. Изд. 2, Сергіевъ Посадъ, 1914.

вилегіи и руга приходскимъ церквамъ[1]). Вмѣстѣ съ этимъ епископы московской Руси, какъ говоритъ проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*, стали „не только духовными архипастырями, заботившимися о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, но и очень важными, съ обширными правами и полномочіями, государственными чиновниками, управлявшими цѣлыми обширными областями, владѣвшими съ соподчиненными имъ монастырями очень значительными землями и множествомъ крестьянъ, всевозможными хозяйственными и промышленными заведеніями, при чемъ имъ, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, принадлежала въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права въѣзжать въ архіерейскія владѣнія“[2]). „Указанное положеніе древнерусскихъ архіереевъ, какъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ, продолжаетъ авторъ, вело къ тому, что архіереи должны были организовать у себя самостоятельное управленіе своими землями и крестьянами, при чемъ они въ устройствѣ своего двора и управленія брали за образецъ княжескій дворъ и княжеское управленіе. Подобно князьямъ они раздавали свои земли въ пожизненное пользованіе разнымъ служилымъ лицамъ, которыя обязаны были съ одной стороны отбывать за это воинскую повинность, такъ какъ она всегда лежала и на архіерейскихъ земляхъ, съ другой—исполнять при архіереѣ тѣ или другія службы, по его назначенію, вслѣдствіе чего у архіереевъ и явился многочисленный классъ свѣтскихъ служилыхъ людей, завѣдывавшихъ административнымъ, судебнымъ и финансовымъ управленіемъ архіерейскихъ земель“[3]).

Какъ и слѣдовало ожидать, постоянное возрастаніе богатства іерархіи

---

[1]) *А. С. Павловъ*, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи ч. I, (1503—1580 г.). Одесса 1871 г., стр. 23 прим.— *Макарій М. М.* Исторія Русской Церкви VIII, 229—230. „Адамъ Климентъ, посѣтившій Россію въ 1553 г. пишетъ: Plurima ibi extruuntur Basilianorum coenopia; his magni sunt agrorum reditus, nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi (Rerum Moscovit. scriptores varii, pag. 152, Francofurt. 1600). Горсей, бывшій у насъ въ 1584 г., разсказываетъ, что когда царь Иванъ Васильевичъ созвалъ въ 1580 г. соборъ по вопросу о пожертвованіяхъ съ церковныхъ имуществъ на нужды государства и узналъ, что собравшіеся намѣреваются дать отрицательный отвѣтъ, то пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ епископовъ и игуменовъ и произнесъ предъ ними грозную рѣчь, въ которой между прочимъ выразился,—„вы захватили себѣ въ собственность, какъ оказывается *третью часть* городовъ, посадовъ и деревень нашего государства“ (Записка Горсея о Россіи въ русс. переводѣ, напеч. въ „Библ. для чтенія“ за 1865 г., № 4—6) Петрей, не разъ приходившій къ намъ подъ конецъ XVI и въ началѣ XVII в., говоритъ, что въ Россіи *одна треть* земли принадлежала Церкви, одна треть государю (Истор. о вел. княж. московскомъ, въ „Чтен. М. Истор. Общ.“. 1868, II, отд. V, стр. 418). То же о размѣрѣ церковныхъ вотчинъ въ Россіи повторяетъ и Олеарій, бывшій у насъ въ 1633 г. и послѣ. (Опис. путешествія въ Московію, въ „Чтен Истор. Общ.“ 1868—1870)“. *Макарій М. М.* И. Р. Ц. VIII, 229 примѣч. 282.

[2]) *Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. т. II, стр. 66.

[3]) Тамъ-же, стр. 67 и слѣд. Ср. *Н. Ѳ. Каптерева*, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. М. 1874.

и монастырей и преимущества ихъ привилегированнаго положенія открывали Ахиллесову пяту въ отношеніяхъ свѣтской и духовной власти.

Если московскіе государи брали на себя лишній долгъ заботиться о спасеніи души своихъ подданныхъ и эти заботы считали даже цѣлью государства, то они дѣлали больше, чѣмъ было нужно, и безкорыстно служили идеѣ. Если же іерархія богатѣла и не только отстаивала свои привилегіи, но всячески домогалась ихъ, какъ и новыхъ пріобрѣтеній, она тѣмъ самымъ уклонялась отъ своего прямого долга и измѣняла цѣли Церкви. Это хорошо поняли еще „заволжскіе старцы"—Паисій Ярославовъ, преп. Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и ихъ ученики, поддержанные Максимомъ Грекомъ. Но на соборѣ 1503 г. заволжскіе старцы, внесшіе предложеніе, чтобы монастыри не владѣли селами, встрѣтили сильнѣйшій отпоръ со стороны „стяжателей", сторонниковъ Іосифа Волоколамскаго и всѣхъ тогдашнихъ архіереевъ. По словамъ проф. *Н. Ѳ. Каптерева*, „іерархи ясно показали, что для нихъ личные матеріальные интересы были выше и важнѣе правильной, нормальной постановки жизни тогдашняго монашества, къ чему стремился преп. Нилъ Сорскій и его послѣдователи"[1]).

Понятно, что достиженіе высокой религіозной цѣли, которую ставили себѣ московскіе государи, вовсе не требовало отъ нихъ поощренія матеріалистическихъ наклонностей высшаго и монашествующаго духовенства. Кромѣ того непомѣрный капитализмъ и привилегированность его наносили тяжелый ущербъ служилому классу и ослабляли и безъ того небольшія силы народа въ борьбѣ за національную независимость и собираніе удѣловъ. Этимъ именно и объясняется принятіе со стороны государей, начиная съ Іоанна Грознаго, ряда мѣръ къ ограниченію церковнаго землевладѣнія и привилегій. Послѣ того, какъ попытка Іоанна III-го произвести на соборѣ 1503 г. секуляризацію: „восхотѣ отнимати села у св. церквей и монастырей"[2])—была подвергнута анаѳемѣ: „вси обидящіи Божія Церкве и монастыреве, отнимающе отъ нихъ данныя имъ села... да будутъ прокляти" (чинъ православія въ нѣкоторыхъ кормчихъ)[3]), Іоанну Грозному на Стоглавомъ соборѣ удалось провести только норму, чтобы каждое пріобрѣтеніе производилось съ разрѣшенія и утвержденія государственной власти. На соборѣ 1572 г. запрещено было большимъ, т. е. богатымъ монастырямъ пріобрѣтать имущества по дарственнымъ. Соборъ 15 января 1581 г. прекратилъ пріобрѣтенія по купчимъ, закладнымъ и по завѣщаніямъ (А. А. Э. I. № 308). Наконецъ, соборъ 1584 г. обобщилъ всѣ эти частичныя ограниченія общею формою (Собр. гос. грам. и дог. I, № 202). Послѣ этихъ ограниченій пріобрѣтать имущества стало возможно для духовенства только путемъ царскаго пожалованія, которое случалось уже рѣже, чѣмъ прежде[4]).

---

[1]) Патр. Никонъ и ц. А. М., т. II, 117.

[2]) *А. С. Павловъ*, Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи I, стр. 39.

[3]) *Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ, 1909, стр. 533.

[4]) Тамъ-же, 531.

Вмѣстѣ съ ограниченіемъ возможности дѣлать новыя пріобрѣтенія, свѣтская власть пыталась взять имущества духовенства подъ свой контроль, если не вполнѣ секуляризовать ихъ. Такъ извѣстна попытка Іоанна Грознаго (1550 и 1580) и Лжедимитрія I[1]) и особенно Алексѣя Михайловича. Одновременно же съ ограниченіемъ землевладѣнія сокращалась и судебная власть духовенства, т. е. собственно право судить по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ (кромѣ воровства, душегубства и разбоя) всѣхъ духовныхъ лицъ, а равно архіерейскихъ слугъ и крестьянъ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Рѣшительнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи явилось изданіе Уложенія 1649 г., въ которомъ XIII главою учрежденъ былъ Монастырскій приказъ, какъ государственное судебно-административное учрежденіе для гражданскаго и уголовнаго суда надъ всѣмъ духовенствомъ и по искамъ къ нему, и для завѣдыванія недвижимыми имѣніями духовенства. Исключался изъ вѣдѣнія Монастырскаго приказа только патріархъ и его область[2]). Учрежденіе Монастырскаго приказа и сокращеніе судебныхъ привилегій духовенства было внесено въ Уложеніе по требованію „выборныхъ людей“, т. е. самого Земскаго Собора и вызывалось государственною необходимостью. Тѣмъ не менѣе именно эта мѣра государства встрѣтила ожесточенные протесты со стороны духовенства, которое увидѣло въ этомъ униженіе Церкви и лишеніе духовенства его правъ. Поэтому благочестивому и „тишайшему“ Алексѣю Михайловичу и его преемникамъ пришлось сдѣлать рядъ уступокъ Никону, сначала какъ митрополиту Новгородскому (1651), а затѣмъ какъ патріарху (1657), Вологодскому архіепископу (1658), патріархамъ Іоасафу II (1672), Іоакиму (1674), Адріану (1700) и нѣкоторымъ монастырямъ[3]). Но этихъ частныхъ мѣръ было духовенству мало. Особенно Никонъ считалъ, что самое уложеніе „Св. Евангелію, правиламъ св. Отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противно“, „чуждо православія“, „написано по страсти многонароднаго ради смущенія“ и потому желалъ „искоренить“ и Уложеніе и созданный имъ Монастырскій приказъ. Достигнуть этого удалось, однако, только въ 1677 г.[4]).

При оцѣнкѣ этого историческаго явленія необходимо имѣть въ виду, что въ данномъ случаѣ, какъ и на соборѣ 1503 г. и въ другое время русская іерархія думала, что защищаетъ церковь и ея права отъ насилія свѣтской власти. Между тѣмъ она защищала только тѣ богатства и матеріальныя преимущества, которыя духовенство получило отъ царей и народа въ жертву, ради Бога, но которыя, собственно, не могли принадлежать духовенству *по праву*. При этомъ возвращеніемъ государству того, что ему должно было всегда принадлежать, а именно земли и суда, нисколько не затрагивались *духовныя церковныя* права духовенства, какъ священнослу-

[1]) Тамъ-же, 533.

[2]) *А. П. Доброклонскій.* Рук. по ист. р. ц. в. III, стр. 29—33. *М. Архангельскій,* О Соборномъ Уложеніи ц. А. М. 1649 г. въ отношеніи къ православной русской церкви. Спб. 1881, стр. 108—155.

[3]) *А. П. Доброклонскій,* тамъ же, 33—35. [4]) Тамъ же, стр. 35—37.

жителей и учителей народа. Между тѣмъ именно посягательство государства на церковныя имущества и судебныя привилегіи, къ которымъ присоединенъ былъ и рядъ другихъ претензій духовенства противъ свѣтской власти, и явилось поводомъ къ трагическому столкновенію Никона и Алексѣя Михайловича, какъ представителей Церкви и государства. И только благодаря своеобразной личности Никона это столкновеніе приняло гораздо болѣе принципіальный характеръ, чѣмъ этого можно было ожидать.

Активность власти царя и пассивность іерархіи. Какъ бы заступаясь за древне-русскихъ архіереевъ, митрополитовъ и патріарховъ, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, въ своей книгѣ „Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ (т. II, гл. 2) очень живо рисуетъ „отношеніе между властью государственной и церковной въ древней Руси до патріаршества Никона“. Это отношеніе кажется ему ненормальнымъ, потому что „съ появленіемъ сильной власти великаго князя московскаго русскіе митрополиты становятся въ полную зависимость отъ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ. Патріаршество было учреждено у насъ царемъ[1]), царями избирались всегда и всѣ московскіе патріархи. Епархіальные архіереи назначались у насъ царемъ. Все епархіальное управленіе, какъ патріарха такъ и другихъ архіереевъ, находилось подъ постояннымъ контролемъ царя. Царь созывалъ церковные соборы, назначалъ лицъ, какія должны были присутствовать на

[1]) Въ 1912 г. въ Одессѣ вышло новѣйшее изслѣдованіе вопроса объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, профессора *А. Я. Шпакова* („Государство и Церковь въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ Московскомъ государствѣ. Царствованіе Ѳеодора Іоанновича Учрежденіе патріаршества въ Россіи, Одесса 1912 г.“). Основная мысль этого сочиненія заключается въ томъ, что „Учрежденіе патріаршества въ Россіи во всѣхъ моментахъ этого событія рисуетъ намъ выпуклую, блестящую картину теократическаго характера Московскаго государства, подчинившаго себѣ Церковь, и имѣетъ высокій научный интересъ. Изъ документовъ и памятниковъ, относящихся къ разсматриваемому событію, мы видимъ, какова была роль и значеніе государственной и церковной власти и ихъ взаимоотношенія. Мы узнаемъ, что иниціатива учрежденія патріаршества въ Россіи принадлежала высшей государственной власти; всѣ предварительные переговоры (тайные и оффиціальные) велися по порученію царя его ближайшими совѣтниками, правителемъ Борисомъ Годуновымъ и дьякомъ Андреемъ Щелкановымъ, а не представителями высшаго духовенства, что учрежденіе патріаршества въ Россіи было совершено государственной властью прибѣгшей по отношенію къ вселенскому патріарху Іереміи и его спутникамъ къ хитрости и насилію“, а духовенство не только не противилось, но иногда шло навстрѣчу вмѣшательству государства въ церковныя дѣла (стр. XI—XVIII).

Можно, пожалуй, поспорить съ авторомъ относительно того, можно ли назвать Московское государство теократическимъ, и вообще можно ли сказать, что теократическое государство *подчиняетъ себѣ* Церковь. Вѣрнѣе бы сказать: „теократическое государство *само подчиняется Церкви*“. Но противъ сообщаемыхъ проф. А. Я. Шпаковымъ историческихъ свѣдѣній возратить нечего. И съ нашей точки зрѣнія фактъ учрежденія патріаршества въ Россіи по волѣ царя при молчаливой солидарности съ нимъ и духовенства совершенно понятенъ, ибо цѣли Церкви и государства въ XVI в. между собою совпадали, и кто бы не началъ работать въ пользу возвеличенія Русской Церкви, въ сущности было все равно. Поэтому въ этомъ актѣ свѣтской власти отнюдь нельзя усматривать *вмѣшательства* въ современномъ намъ смыслѣ слова.

нихъ, предлагалъ вопросы на обсужденіе собора, наблюдалъ за соборными преніями и обсужденіями, придавалъ окончательную редакцію соборнымъ дѣяніямъ, отрицалъ или утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія и придавалъ имъ силу закона“ (тезисы въ началѣ II главы, стр. 50).

Всѣ эти положенія, основательно доказанныя авторомъ, дѣйствительно производятъ впечатлѣніе полнаго безправія духовенства предъ свѣтскою властью и, повидимому, именно ему проф. Н. Ѳ. Каптеревъ склоненъ приписывать совершенно извинительную въ его глазахъ пассивность и даже угодничество русской іерархіи передъ царями. Между тѣмъ изъ его же словъ вытекаетъ совершенно обратное.

Не касаясь того, что избраніе въ патріархи и архіереи угодныхъ царю лицъ, а также контроль епархіальнаго управленія вполнѣ убѣдительно объясняются авторомъ тѣмъ, что высшія духовныя лица были слишкомъ близки къ царю, были его ближайшими совѣтниками, съ которыми онъ постоянно видѣлся и долженъ былъ считаться, такъ какъ они занимали слишкомъ высокое положеніе въ глазахъ народа, а архіереи были нетолько архипастырями, но и должностными лицами съ огромной судебно-административной властью въ странѣ,—всѣ остальные случаи вмѣшательства легко объясняются двумя причинами, которыя обѣ приводитъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ. а именно, во-первыхъ, тѣмъ что московскіе цари, будучи первыми ревнителями благочестія и считая себя отвѣтственными за спасеніе душъ своихъ подданныхъ охотно брали на себя инціативу въ усовершенствованіи церковныхъ дѣлъ; а во-вторыхъ, тѣмъ, что *архіереи дѣйствительно были пассивны* и безучастны къ своему архипастырскому служенію. Объясняя причины этой пассивности, проф. Н. Ѳ. Каптеревъ совершенно справедливо видитъ ихъ въ своеобразной исторіи Русской Церкви[1]). „Русскіе архіереи вообще, съ самаго введенія у насъ христіанства и до послѣдняго времени, никогда не имѣли собственной архипастырской иниціативы въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ; никогда у нихъ, и въ этой родной имъ сферѣ, не быдо никакого творчества на основаніи св. писанія, св. отцевъ и учителей церкви, и вообще на основаніи духа и разума православія и чисто мѣстныхъ религіозно церковныхъ потребностей. Они всегда являлись и здѣсь только или сторонними зрителями совершаемаго другими, или пассивными оберегателями наличной церковной дѣйствительности, какая бы она ни была въ данное время. Это потому, что такъ ихъ воспитала, такъ ихъ пріучила относиться ко всякому встрѣчающемуся церковному дѣлу сама наша историческая церковная жизнь. Мы все церковное, до послѣднихъ мелочей, съ самаго начала у насъ христіанства, приняли отъ грековъ въ готовомъ видѣ, продолжали принимать отъ грековъ въ готовомъ видѣ все церковное и въ послѣдующее время... Этому особенно благопріятствовало то обстоятельство, что все наше церковное управленіе, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, было подчинено константинопольскому патріарху, и самые наши

[1]) Назв. соч. стр. 112—115.

митрополиты были греки", представители не только власти, но и высшей культуры. „Русскій архіерей зналъ, что за него уже все придумали, сдѣлали другіе, высшіе его по знаніямъ и церковной опытности... привыкъ во всемъ смотрѣть на митрополита, отъ него ждать приказаній, распоряженій, рѣшенія встрѣчающихся вопросовъ и недоумѣній". „Наступаетъ, затѣмъ,— продолжаетъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ,—въ нашей исторіи такой періодъ, когда русскіе митрополиты избираются уже только изъ русскихъ,—греки совсѣмъ перестаютъ принимать какое-либо непосредственное участіе въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ. Русскіе архіереи, теперь предоставленные самимъ себѣ, могли свободно проявлять свое національное церковное творчество и самодѣятельность. Этого однако не случилось, такъ какъ у русскихъ архіереевъ не было нужныхъ для творчества силъ и средствъ: русскіе епископы были по прежнему некнижны и во всемъ пассивны, а потому по прежнему продолжали жить только заимствованнымъ чужимъ, и по прежнему желали опираться въ церковныхъ дѣлахъ на чей либо сторонній авторитетъ, подчиняться какому-либо стороннему водительству. Этотъ авторитетъ, высшій руководитель епископовъ въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, скоро и явился въ лицѣ великихъ князей, а потомъ царей московскихъ, которые, какъ знатоки церковныхъ дѣлъ, считали одной изъ своихъ главныхъ обязанностей наблюдать за теченіемъ всей церковной жизни, направлять ее по своему усмотрѣнію, давать церковнымъ дѣламъ то или другое рѣшеніе, при чемъ архіереямъ приходилось только одобрять и исполнять царскія повелѣнія"[1]).

Приведенная характеристика *совершенно исключаетъ всякую мысль объ узурпаціи великими князьями и царями московскими церковной власти*, а также вполнѣ объясняетъ почему „такой порядокъ дѣлъ всѣми признавался тогда правымъ, законнымъ и нормальнымъ, вполнѣ сросся съ нашею жизнью, съ представленіемъ о царѣ и его отношеніи къ Церкви, такъ что иного отношенія между Церковью и государствомъ у насъ и не представляли". Пассивность архіереевъ уравновѣшивалась активностью царя, который заботился о Церкви по призванію наслѣдника византійскаго императора, православнаго самодержца, государя „третьяго Рима". Его участіе въ церковныхъ дѣлахъ никого не лишало правъ, никого *юридически* не подчиняло его власти. *Оно возмѣщало только недостатокъ инициативы и дѣятельности тамъ, гдѣ онѣ были нужны ко благу Церкви и государства, цѣли которыхъ были тождественны.* Если же государь и его власти направляли свои усилія къ тому же самому, къ чему стремилась и іерархія и все духовенство, т. е. къ возможной христіанизаціи русскаго народа ради его душевнаго спасенія, то совершенно не было основаній у духовенства противъ этого протестовать, ибо безразлично было кто болѣе трудится для достиженія данной цѣли, *лишь бы цѣль эта по возможности достигалась.* Болѣе того, если русскіе архіереи въ самомъ дѣлѣ были такъ пассивны, а обратное доказать трудно, то они должны были быть доволь-

[1]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Назв. соч. стр. 120—121.

ны, что за нихъ работаютъ другіе. При этомъ *самобытность* іерархіи, ея священныя права и достоинства, какъ учительнаго сословія, *ничѣмъ не были затронуты*, и кромѣ исключительныхъ случаевъ, вродѣ четвертаго брака Іоанна Грознаго и принятія Марины Мнишекъ въ православіе только чрезъ миропомазаніе при Лжедимитріи І[1]), едва ли русская исторія знаетъ такіе примѣры гдѣ бы московскіе цари пригнетали Церковь, обращали бы ее на службу свѣтскимъ государственнымъ цѣлямъ, заставляли бы духовенство измѣнять церковнымъ идеаламъ и проч.[2]). Напротивъ, если дѣйствовалъ царь, то онъ дѣйствовалъ во имя *Церкви* и *ея* именно блага ничуть не хуже и не менѣе искренно, чѣмъ любой патріархъ, архіерей или игуменъ. Дѣйствовать такъ ему было тѣмъ легче, что цѣли государства совпадали съ церковными. Намѣренія и усмотрѣнія царя, вытекавшія изъ искренняго благочестія и желанія послужить Богу и Церкви, не могли вредить послѣдней или унижать ея служителей. Можно было спорить только о правильности пониманія царемъ въ данномъ конкретномъ случаѣ блага Церкви. Возможны были и злоупотребленія, но онѣ были исключеніемъ по заблужденію или по несовершенству человѣческой природы.

Однимъ словомъ, если бы русскіе архіереи Московской эпохи безупречно дѣлали свое высокое дѣло, и все подвѣдомственное имъ духовенство было на высотѣ своей задачи, то для царей не было бы повода брать на себя чужія обязанности.

Конфликтъ съ Никономъ. Если были пассивными и безъ иниціативы рядовые русскіе архіереи, то не былъ таковымъ Никонъ. Человѣкъ необыкновеннаго ума, характера и силы воли, онъ тѣмъ болѣе хотѣлъ самъ дѣ-

[1]) Эти примѣры приходитъ *Н. Ѳ. Каптеревъ* въ доказательство вынужденной царями угодливости архіереевъ на соборахъ. Назв. соч. стр. 96—98.

[2]) *Проф Н. Ѳ. Каптеревъ* къ указаннымъ двумъ примѣрамъ приводитъ третій (ib. 98—99), а именно, что Алексѣй Михайловичъ отклонилъ состоявшееся 11 Февраля 1649 г. на соборѣ рѣшеніе сохранить у насъ *многогласіе* и по его настоянію соборъ 1651 г. призналъ обязательнымъ *единогласіе.* Но этотъ примѣръ никакъ нельзя разсматривать, какъ унижающее Церковь „вмѣшательство свѣтской власти", ибо царь совершенно основательно требовалъ уничтоженія такого грубаго, кощунственнаго и богохульнаго злоупотребленія какъ многогласіе, вошедшее въ богослужебную практику потому только, что духовенство считало нужнымъ все „вычитать" по уставу, а вычитывать было долго и лѣнь. Царь устранилъ только вопіющее „неприличіе", котораго нельзя терпѣть также и подъ покровомъ религіи. На это онъ имѣлъ право просто, какъ глава и руководитель своего народа. Можно только удивляться деликатности Алексѣя Михайловича, который не воспользовался своею царской властью, а искалъ поддержки у патріарха и архіереевъ. Съ этимъ случаемъ въ параллель можно поставить слѣдующій. Въ первой редакціи Прибавленія къ Духовному Регламенту Св Синодъ ввелъ 15-е правило о пресвитерахъ, въ концѣ котораго были упомянуты „многая беззаконія", которыя „дѣются" вдовыми безприходными священниками: „браки безправильныя вѣнчаются, *дѣти отъ блуда рожденныя ради утаенія крещаются* и прочая". Противъ этого мѣста на поляхъ Петръ собственноручно написалъ: „Кажетца не надобно", и эта жестокая фраза, котораяу грожала многимъ невиннымъ младенцамъ остаться безъ св. крещенія, въ окончательной редакціи „Прибавленія" была выброшена.

лать свое дѣло и руководить ввѣренною ему церковною жизнью, что былъ необыкновенно высокаго мнѣнія о своемъ патріаршемъ санѣ, зналъ и раздѣлялъ выработанную на Востокѣ и на Западѣ теорію о превосходствѣ священства надъ царствомъ и былъ первымъ выразителемъ этой теоріи на Руси[1]).

Противъ такого стремденія къ самодѣятельности нечего было возразить и Алексѣй Михайловичъ охотно далъ полную волю своему „собинному другу" и самъ дѣятельно помогалъ ему въ дѣлѣ исправленія книгъ и обрядовъ и вообще въ упорядочении русской церковной жизни[2]). Почти не различая церковнаго и государственнаго, царь поручилъ Никону управленіе и всѣмъ государствомъ на время своего отсутствія изъ Москвы, къ великому неудовольствію бояръ. Но Никонъ подъ вліяніемъ теорій, сложившихся въ иныхъ условіяхъ и въ иное время, съ прямолинейностью, достойной лучшаго направленія, пожелалъ „какъ патріархъ, реформировать исторически сложившіяся у насъ отношенія свѣтской власти къ духовной въ томъ смыслѣ, чтобы въ лицѣ, главнымъ образомъ, патріарха освободить духовную власть отъ всецѣлаго подчиненія ея власти свѣтской, поставить власть патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ и управленіи независимо отъ подавляющей ее царской власти, сдѣлать ее въ церковной области совершенно автономною и даже больше: поставить ее выше царской власти во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Вотъ, собственно, почему, при своемъ избраніи на патріаршество, Никонъ и требовалъ, чтобы царь, бояре и весь народъ дали ему публичную торжественную клятву, что они будутъ соблюдать всѣ заповѣди Божія, всѣ церковныя правила и законы и по всѣмъ дѣламъ вѣры и Церкви будутъ слушать его, Никона, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго"[3]).

Такое стремленіе Никона не могло не оскорбить Алексѣя Михайловича по слѣдующимъ основаніямъ. Какъ царь дѣйствительно и искренно благочестивый и искренній церковникъ, онъ и безъ Никона, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, соблюдалъ заповѣди, правила и законы. Какъ преемникъ византійскихъ царей, опора и покровитель вселенскаго православія, почитаемый всѣми намѣстникомъ Божіимъ на землѣ, и „отличавшій себя отъ Царя небеснаго существенно только тѣмъ, что онъ, въ противоположность небесному вѣчному Царю, есть царь *тлѣнный*"[4]), онъ не нуждался въ чьемъ либо *юридическомъ* контролѣ. Какъ царь по преимуществу и сану своему христіанскій, ведущій свое государство къ той же цѣли спасенія души своихъ подданныхъ, къ которой стремилась и состоящая изъ нихъ Русская Помѣстная Церковь, онъ сознавалъ свое вмѣшательство въ церковныя дѣла не какъ угнетеніе духовной власти, а какъ свое служеніе Церкви и

[1]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, главы III и IV. *В. В. Сокольскій*, О характерѣ и значеніи Эпанагоги. Византійскій Временникъ т. I, вып. 1, стр, 17—54.

[2]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Назв. соч., т. I. [3]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Назв. соч., т. II, стр. 125. [4]) Тамъ-же, 76.

сотрудничество съ духовенствомъ въ достиженіи общей цѣли, между тѣмъ какъ задуманное Никономъ устраненіе царя отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ, собственно говоря, знаменовало собою еще никѣмъ сознательно не желаемую секуляризацію государства.

Къ сказанному надо прибавить, что къ желанной „свободѣ“ патріарха отъ царя Никонъ пошелъ страннымъ путемъ. Онъ началъ съ постройки новыхъ своихъ собственныхъ монастырей, чтобы сосредоточить въ своихъ рукахъ огромныя земельныя имущества и тѣмъ создать для себя богатыя, ни отъ кого не зависимыя владѣнія[1]), въ которыя онъ и укрылся послѣ конфликта съ царемъ. А обвиняя царя, въ сущности, голословно (если принять во вниманіе вышесказанное о совпаденіи цѣлей Церкви и государства въ московскую эпоху) въ томъ, что онъ всячески гонитъ его, Никона, всѣхъ архіереевъ и духовныхъ, главный пунктъ своего обвиненія указывалъ въ учрежденіи Монастырскаго приказа и существованіи „проклятой книги“, т. е. Уложенія, которую онъ хотѣлъ бы совсѣмъ „искоренить“[2]). Иными словами Никонъ заявилъ себя „стяжателемъ“ не хуже Іосифа Волоколамскаго. Мало того, въ борьбѣ за „свободу“ патріарха, Никонъ вовсе не думалъ признавать возможной независимости за архіереями, „вовсе не думалъ и не заботился нравственно и умственно поднять тогдашнее темное рядовое духовенство создать изъ него болѣе культурное сословіе, которое бы, опираясь на свой религіозно-нравственный авторитетъ, на свое высшее умственное развитіе, просвѣщающимъ и облагораживающимъ образомъ могло дѣйствовать на тогдашнее грубое и невѣжественное русское общество и ради этого занять въ немъ болѣе высокое, почетное и вліятельное положеніе, нежели какое оно занимало тогда въ дѣйствительности“[3]) Никонъ унижалъ своихъ собратій—архіереевъ, жестоко расправлялся и съ низшимъ духовенствомъ, поэтому то оно и искало себѣ защиты у царя, облегченно вздохнуло, когда Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру и настаивало предъ свѣтскою властью—государемъ, чтобы Никонъ ни подъ какимъ видомъ не былъ возвращенъ на патріаршество, и чтобы на его мѣсто поскорѣе былъ избранъ новый патріархъ, только иного характера и закона, чѣмъ Никонъ[4]). „Никонъ желалъ независимости духовной власти отъ свѣтской исключительно въ видахъ возвышенія и возвеличенія одной только патріаршей власти, онъ ставилъ и велъ это дѣло такъ, чтобы патріархъ былъ совершенно независимъ отъ царя, но чтобы вся церковная жизнь, до послѣднихъ мелочей, все духовенство, начиная съ архіерея и кончая послѣднимъ причетникомъ, во всемъ и всегда безусловно зависѣли отъ одного только патріарха“[5]) „Вполнѣ естественно было, заключаетъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ, что духовенство вовсе не желало имѣть патріарха съ такимъ характеромъ власти и потому не только не сочувствовало Никону, но открыто и энергично возставало противъ него и въ царѣ всегда видѣло противовѣсъ чрезмѣрнымъ притязаніямъ патріаршей власти“[6]).

---

[1]) Тамъ-же, въ гл. III. [2]) Тамъ-же, въ гл. IV. [3]) Тамъ-же, стр. 175—176. [4]) Тамъ-же, 176. [5]) Тамъ-же, 176—177. [6]) Тамъ-же, 177.

Конфликтъ царя и патріарха кончился въ пользу Алексѣя Михайловича, хотя и вызвалъ принципіальное рѣшеніе соборомъ 1666—1667 г. вопроса о власти царской и патріаршей[1]), а также уничтоженіе Монастырскаго приказа и др. мѣры въ пользу духовенства. По первому вопросу „соборъ постановилъ, что царь самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ гражданскихъ, а патріархъ самостоятеленъ и независимъ въ дѣлахъ церковныхъ; и что ни одинъ изъ нихъ не долженъ вмѣшиваться въ область вѣдѣнія другого“[2]). Это рѣшеніе русскіе архіереи и постарались использовать, чтобы обезпечить себѣ владѣніе церковными имуществами и возвратить себѣ утраченныя привилегіи. Но по существу оно знаменовало собою гораздо больше. Прекращалось сотрудничество Церкви и государства въ общемъ дѣлѣ, какъ долженъ былъ прекратиться параллелизмъ ихъ цѣлей. Церковь по прежнему должна была стремиться къ вѣчному спасенію, тогда какъ новое Русское государство отреклось отъ цѣли не земной. Вмѣстѣ съ этимъ Русскіе монархи отказались отъ идеологіи „третьяго Рима“, признали себя не „богами“, а первыми слугами государства, власть свою обосновали на новомъ началѣ территоріальнаго верховенства и *юридически* подчинили себѣ все, что на ихъ территоріи находится, т. е. и Церковь, которую они направили для служенія *государственнымъ* цѣлямъ, цѣлямъ *полицейскаго* государства. Вмѣстѣ съ секуляризаціей государственной власти произошла и секуляризація народной культуры и народнаго быта. А церковная власть, пассивная въ древности и разошедшаяся въ своихъ задачахъ и цѣляхъ съ новымъ гусударствомъ, которому вынуждена была юридически подчиниться, оказалась въ сторонѣ и никогда уже не могла, и впредь едва ли будетъ въ силахъ, овладѣть народнымъ и государственнымъ міровоззрѣніемъ.

Однако все это случилось и выяснилось лишь впослѣдствіи. Переломъ опредѣлился ясно только въ царствованіе Петра Великаго, у котораго были свои религіозные и политическіе взгляды. Между тѣмъ какъ Алексѣй Михайловичъ, самостоятельно руководившій Русскою Церковью со времени ухода Никона съ патріаршества до собора 1667 г., когда вопросъ о Никонѣ рѣшенъ былъ окончательно, принялъ избраніе новаго патріарха Іоасафа II (31 Января 1667—17 Февраля 1672), послѣ котораго слѣдовалъ еще рядъ другихъ: Питиримъ (съ Іюля 1672 по Апрѣль 1673); Іоакимъ (26 Іюля 1674—17 Апрѣля 1690 г.) и Адріанъ (26 Августа 1690—16 Октября 1700 года). При этихъ патріархахъ церковная жизнь вошла въ старое русло и отношенія церковной и государственной власти между собою сохранялись прежнія. Если Алексѣй Михайловичъ по удаленіи Никона правилъ церковными дѣлами въ направленіи церковныхъ интересовъ; укрѣпляя благія начинанія Никоновой реформы и умиротворяя Церковь[3]), то со своей стороны такой патріархъ, какъ Іоакимъ, принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ политическихъ, въ отмѣнѣ мѣстничества, избраніи царей Іоанна и Петра, въ подавленіи стрѣлецкаго бунта 1682 г. и вмѣстѣ съ царицей Наталіей Кирилловной правилъ государствомъ въ 1689—1690 гг.

---

[1]) Тамъ-же, гл. V. [2]) Тамъ-же, стр. 249—250.

[3]) *Н. Ѳ. Каптеревъ,* П. Никонъ и ц. А. М. т. II, гл. I.

Глава II.

Характеристика религіозныхъ и политическихъ взглядовъ Петра Великаго.

А. Религіозная характеристика Петра Великаго.

Важность выясненія религіозныхъ воззрѣній Петра. Замѣчательная сама по себѣ личность великаго преобразователя давно привлекаетъ и, несомнѣнно, всегда будетъ привлекать къ себѣ вниманіе историковъ. Научная литература знаетъ не мало попытокъ дать характеристику Петра[1]), но, въ сущности, ни одна изъ нихъ не объемлетъ всѣхъ характерныхъ его свойствъ, ни одна не даетъ полнаго живого образа этого своеобразнаго, и исключительно многосторонняго человѣка.

Съ особенной, повидимому, послѣдовательностью, обходятъ историки религіозное міровоззрѣніе Петра, потому ли, что характеристика его должна быть спеціальнымъ дѣломъ историковъ Русской Церкви, или потому, что религіозное міровоззрѣніе Петра крайне трудно поддается опредѣленію.

Между тѣмъ, взгляды Петра на вѣру и Церковь имѣютъ кардинальное значеніе для правильнаго пониманія не только его реформъ въ церковной области, но также и вообще его культурныхъ реформъ. Наша древность на все смотрѣла глазами вѣры и ея нравственныхъ заповѣдей и все, что ни дѣлала, рѣзко дѣлила на двѣ части: благочестивое и грѣшное, такъ какъ поступковъ безразличныхъ, т. наз. ἀδιάφορα, не знала. Само собою понятно поэтому, что Петръ, отрѣзая бороды и тѣмъ искажая „образъ и подобіе Божіе" въ человѣкѣ, позволяя себѣ и другимъ курить табачное зѣлье, что было запрещено обоими патріархами его времени, Іоакимомъ и Адріаномъ[2])

---

[1]) См. *М. П. Погодинъ*, 17 первыхъ лѣтъ жизни Императора Петра Великаго М. 1875.—*Его-же*, Петръ В. Рус. Архивъ. 1903 г. II, (7), 356—370.—*И. Е. Забѣлинъ*, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, Москва 1872 ч. I, стр. 1—50.—*С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи т. XIII—XIV.—*Его-же*, Чтенія о Петрѣ Великомъ М. 1872.—*П. Щебальскій*, Чтенія изъ русской исторіи XVII в. Москва, 1864—1872.—*С. Ѳ. Платоновъ*. „Личность Петра Великаго". Полтавскій Сборникъ въ память 200-лѣтія Полтавской побѣды. Спб. 1909, стр. 5—20.—*В. О. Ключевскій*, Курсъ Русской Исторіи, Ч. IV. М. 1910, стр. 34—61.—*Н. И. Кедровъ*, Къ характеристикѣ Петра В. Рус. Архивъ, 1887 г. I (3), 389—404.—*М. М. Богословскій*, Петръ Великій (опытъ характеристики) въ сборникѣ „Три вѣка" изд. Сытина, Москва, 1912, т. III, стр. 15—33. Небольшую, сочувственно написанную статью „Религіозное направленіе Имп. Петра В.", см. въ газетѣ „Дѣятельность" отъ 9 февраля 1872 г. № 29.

[2]) Грамоту п. Адріана о брадобритіи см. у *Г. Есипова*, Раскольничьи дѣла XVIII ст., Спб. 1863, т. II, 64.—О запрещеніи табаку см. П. С. З. т. I, Уложеніе ц. А. М. 1649 г. гл. XXV, ст. 11, 12, 14, 17, 18, 21; т. I, № 299; II, 1015; Ш, 1542, п. 19, 26, 30; 1594 п. 14.—Напротивъ, разрѣшеніе табаку см. въ П. С. З. III, 1570, 1580, 1607, 1628, 1637.

и проч., долженъ былъ, конечно, имѣть хотя бы для самого себя какое-нибудь оправданіе, въ которомъ сквозило его личное понятіе о грѣхѣ и благочестіи.

Полная и всесторонняя характеристика Петра не является задачей и настоящаго очерка по соображеніямъ самой темы изслѣдованія. Зато предлагается опытъ религіозной характеристики, насколько ее позволяютъ сдѣлать источники.

Дѣтство Петра. Петръ Великій родился въ старинной русской благочестивой семьѣ и былъ младшимъ сыномъ „тишайшаго царя" Алексѣя Михайловича отъ Наталіи Кирилловны Нарышкиной[1]).

Мать Петра Великаго была дочерью Кирилла Полуектовича Нарышкина, русскаго дворянина, служившаго стрѣлецкимъ головою въ Смоленскѣ, гдѣ и находилась сперва съ отцомъ[2]). Затѣмъ, какъ родственница, Наталія Кирилловна жила у друга царя Алексѣя—Артемона Сергѣевича Матвѣева, сначала думнаго дворянина, впослѣдствіи боярина, дипломата и очень виднаго государственнаго дѣятеля. У него въ домѣ она получила свое воспитаніе въ духѣ „западничества", къ которому такъ склоненъ былъ самъ А. С. Матвѣевъ. Онъ очень цѣнилъ иностранцевъ и подражалъ ихъ обычаямъ и уваженію къ знанію. Его домъ былъ убранъ по европейски, на стѣнахъ висѣли портреты и картины нѣмецкаго письма[3]); къ нему съѣзжались запросто для бесѣды, въ которой принимала участіе и его жена; у Матвѣева былъ первый домашній театръ и проч...[4]).

Однако нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы А. С. Матвѣевъ отвергалъ вѣру и благочестіе, былъ раціоналистомъ. Для этого не было, во-первыхъ, психологическихъ данныхъ, потому что XVII вѣкъ былъ еще вѣкомъ вѣры, и даже нетерпимости, не только въ Россіи, но и на Западѣ и лишь XVIII в. принесъ съ собою научный скептицизмъ и религіозное вольнодумство; во-вторыхъ, подражаніе Западу возникло на почвѣ экономической и технической отсталости нашего отечества и совершенно не носило характера протеста противъ вѣры отцовъ. Наконецъ, самъ Матвѣевъ, оправды-

---

1) 30 мая 1672 г. Царь Алексѣй былъ женатъ два раза: на Маріи Ильиничнѣ Милославской (1648—1669), затѣмъ на Н. К. Нарышкиной (съ 1671 г. до своей смерти 30 Января 1676 г.). Отъ обѣихъ женъ у него было 13+3=16 дѣтей.

2) *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи, изд. Товарищества „Общественная Польза", Спб., кн. III (т. XI) стлб. 810. Дьякъ Шакловитый говорилъ про нее впослѣдствіи царевнѣ Софьѣ: „Вспомни, государыня, какова въ Смоленскѣ была: въ лаптяхъ ходила".

3) Напр., *Персоны*, какого то святителя, двухъ королей польскихъ Михаила да Яна, и др. Двѣнадцать Сивиллъ: картина, изображающая, какъ Іосифъ бѣжалъ отъ жены Пентефрія; изображеніе Весны; чертежи, карты и проч. *И. Е. Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. ч. I. М. 1862 г. стр. 171.

4) *Д. Бантышъ-Каменскій*, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. М. 1836, ч. 3, стр. 290-300.—*А. Малиновскій*, статья о Матвѣевѣ въ Трудахъ и лѣтоп. Общества Ист. и Древн. Росс. ч. VII, стр. 57—67.—*А. Терещенко*, Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Спб. 1837, ч. I, стр. 69 сл.—*Е. Шмурло*, въ Энциклопедіи Ефрона, т. 18 стр. 778—779.

ваясь предъ царемъ Θеодоромъ отъ несправедливыхъ обвиненій своихъ противниковъ, писалъ къ царю изъ Пустоозерска въ 1676 г., „Спафарій (т. е. переводчикъ грекъ Спафари) меня не училъ не только что богопротивному чему-нибудь, но и ничему; не до ученья было въ вашихъ государскихъ дѣлахъ, а сынишка моего училъ по гречески и по латыни, литерамъ малой части. А книги я читалъ и строилъ въ домишкѣ своемъ ради душевныя пользы и которыя Богу не противны"[1]). Вѣроятно и вообще Матвѣевъ держался старыхъ правилъ вѣры. Поэтому трудно предположить, чтобы онъ могъ оказать на мать Петра Великаго какое-либо тлетворное вліяніе.

Религіозный характеръ отца—царя Алексѣя Михайловича достаточно извѣстенъ[2]).

---

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи. Изд. Общ. П. кн. III (т. XIII) стлб. 814. Называютъ слѣдующія сочиненія А. С. Матвѣева: 1) „Всѣхъ великихъ князей московскихъ и всея Россіи Самодержцевъ персоны, и титла, и печати"; 2) „Избраніе и посылка на Кострому, и о прошеніи, и о походѣ къ Москвѣ, и о вѣнчаніи на царство Московское царя и в. к. Михаила Θеодоровича въ лицахъ"; 3) „Описаніе всѣхъ в. князей и царей Россійскихъ, славныхъ въ ратныхъ побѣдахъ, въ лицахъ съ исторіями".

[2]) См. лучшую характеристику Алексѣя Михайловича, принадлежащую перу проф. С. Θ. Платонова („Три вѣка. Россія отъ Смуты до нашего времени". Истор. сборникъ подъ ред. В. В. Каллаша, изд. И. Д. Сытина, т. III. стр. 100—104). С. Θ. Платоновъ пишетъ: „Чтеніе образовало въ Алексѣѣ Михайловичѣ очень глубокую и сознательную религіозность. Религіознымъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь. Онъ много молился, строго держалъ посты и прекрасно зналъ всѣ церковные уставы. Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души. Съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ. Всякому виновному царь при выговорѣ непремѣнно указывалъ, что онъ своимъ проступкомъ губитъ свою душу и служитъ сатанѣ. По представленію, общему въ то время, средство ко спасенію души царь видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обрядности, и поэтому очень строго соблюдалъ всѣ обряды. Любопытно прочесть записки дьякона Павла Алеппскаго, который былъ въ Россіи въ 1655 г. съ патріархомъ Макаріемъ антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди клира. Изъ этихъ записокъ всего лучше видно, какое значеніе придавалъ царь обрядамъ и какъ заботливо слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и аскетическое воздержаніе, къ которому стремились наши предки, не исчерпывали религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича. Религія для него была не только обрядомъ, но и высокой нравственной дисциплиной: будучи глубоко религіознымъ, царь думалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что не грѣшитъ, смотря комедію и лаская нѣмцевъ. Въ глазахъ Алексѣя Михайловича театральное представленіе и общеніе съ иностранцами не были грѣхомъ и преступленіемъ противъ религіи, но совершенно позволительнымъ новшествомъ—и пріятнымъ и полезнымъ. Однако, при этомъ онъ ревниво оберегалъ чистоту вѣры и, безъ сомнѣнія, былъ однимъ изъ православнѣйшихъ москвичей; только его умъ и начитанность позволяли ему гораздо шире понимать православіе, чѣмъ понимало большинство его современниковъ. Его религіозное сознаніе шло, несомнѣнно, дальше обряда: онъ былъ философъ-моралистъ, и его философское міровоззрѣніе было строго религіознымъ. Ко всему окружающему онъ относился съ высоты своей религіозной морали, и эта мораль, исходя изъ свѣтлой, мягкой и доброй души царя, была не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ нравственныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а звучали мягкимъ, прочувствованнымъ, любящимъ словомъ, сказывалась полнымъ яснаго житейскаго смысла теплымъ отношеніемъ къ людямъ. Склонность къ размышленію и наблюденію, вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью природы, выработали въ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательную для того времени тонкость чувства, поэтому и его мораль высказывалась иногда порази-

У такихъ родителей едва-ли могли быть совсѣмъ невѣрующія дѣти. Основы религіозности передаются такъ же по наслѣдству, какъ и многое другое.

Но и помимо наслѣдственности, до кончины Алексѣя Михайловича 30 января 1676 г., когда Петру было 3 года и 8 мѣсяцевъ и судьба его совершенно измѣнилась, первоначальное воспитаніе мальчика не могло быть чуждо глубокихъ религіозныхъ впечатлѣній. Весь бытовой укладъ и вся внѣшняя обстановка были пропитаны въ древности религіозностью. И. Е. Забѣлинъ говоритъ, что „по характеру своего образованія религіознаго, богословскаго, древній русскій человѣкъ любилъ олицетворенныя *притчи и церковныя бытія*, изображеніями которыхъ и украшалъ свои хоромы. Въ нихъ онъ желалъ видѣть прежде всего назиданіе, душевную пользу въ религіозномъ смыслѣ, а не услажденіе взора прекрасными образами, которые

тельно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Высокій образецъ этой трогательной морали представляетъ упомянутое выше письмо царя къ князю Ник. Одоевскому о смерти его старшаго сына, князя Михаила. Въ этомъ письмѣ ясно виденъ человѣкъ чрезвычайно деликатный, умѣющій любить и понимать нравственный міръ другихъ, умѣющій и говорить, и думать, и чувствовать очень тонко. Та же тонкость пониманія, способность дать нравственную оцѣнку своему положенію и своимъ обязанностямъ, сказывается въ замѣчательномъ „статейномъ спискѣ" или письмѣ Алексѣя Михайловича къ Никону, Митрополиту Новгородскому, съ описаніемъ смерти патріарха Іосифа. Врядъ-ли Іосифъ пользовался дѣйствительною любовью царя и имѣлъ въ его глазахъ большой нравственный авторитетъ. Но царь считалъ своею обязанностью чтить святителя и относиться къ нему съ должнымъ вниманіемъ. Поэтому онъ окружилъ больного патріарха своими заботами, посѣщалъ его, присутствовалъ даже при его агоніи, участвовалъ въ чинѣ его погребенія и лично самымъ старательнымъ образомъ переписалъ „келейную казну" патріарха,—„съ полторы недѣли ежедень ходилъ" въ патріаршіе покои, какъ душеприказчикъ. Во всемъ этомъ Алексѣй Михайловичъ и даетъ добровольный отчетъ Никону, предназначенному уже въ патріархи всея Руси. Надобно прочитать сплошь весь царскій „статейный списокъ", чтобы въ полной мѣрѣ усвоить его своеобразную прелесть. Описаніе послѣдней болѣзни патріарха сдѣлано чрезвычайно ярко, съ полною реальностью, причемъ царь сокрушается, что упустилъ случай по московскому обычаю напомнить Іосифу о необходимости предсмертныхъ распоряженій. „И ты меня, грѣшнаго, прости (пишетъ онъ Никону), что азъ ему не воспомянулъ о духовной и кому душу свою прикажетъ". Царь пожалѣлъ пугать Іосифа, не думая, что онъ уже такѣ плохъ. „Мнѣ молвить про духовную-ту. и помнитъ: вотъ де меня избываетъ!". Здѣсь личная деликатность заставили царя Алексѣя отступить отъ жестокаго обычая старины, когда и самимъ царямъ въ болѣзни ихъ дьяки поминали „о духовной". Умершаго патріарха вынесли въ церковь, и царь пришелъ къ его гробу въ пустую церковь въ ту минуту, когда можно было глазомъ видѣть процессъ разложенія въ трупѣ („безмѣрно пухнетъ", „лицо розно пухнетъ"). Царь Алексѣй испугался: „И мнѣ пріиде,—пишетъ онъ,—помышленіе такое отъ врага: побѣги де ты вонъ, тотчасъ де тебя, вскоча удавитъ!.. И я, перекрестясь, да взялъ за руку его, свѣта, и сталъ цѣловать, а во умѣ держу то слово: отъ земли созданъ и въ землю идетъ; чего боятися?... Тѣмъ себя и оживилъ, что за руку-ту его съ молитвой взялъ!". Во время погребенія патріарха случился грѣхъ: „да такой грѣхъ, владыко святый: погребли безъ звону!... а прежнихъ патріарховъ съ звономъ погребали". Лишь самъ царь вспомнилъ, что надо звонить, такъ ужъ стали звонить послѣ срока. Похоронивъ патріарха, Алексѣй Михайловичъ принялся за разборъ личнаго имущества патріаршаго съ цѣлью его благотворительнаго распредѣленія; кое-что изъ этого имущества царь и рас-

относились къ соблазну и всегда заботливо устранялись"[1]). Этой именно живописью, почти ничѣмъ не отличавшеюся отъ церковной стѣнописи, и были украшены различныя палаты царскаго дворца[2]). Въ постельныхъ хоромахъ, стѣны которыхъ не были украшены живописью, висѣли обыкновенно *картины, парсуны*, персоны, т. е. портреты и *фряжскіе листы*, эстампы, въ рамахъ безъ стеколъ. Содержаніе картинъ подчинено было тому же господствующему церковноназидательному характеру живописи, хотя онѣ довольно рѣзко отличались отъ иконъ[3]). Что же касается фряжскихъ или нѣмецкихъ листовъ, которыми торговали въ Москвѣ въ Овощномъ Ряду и которые охотно покупались для государевыхъ дѣтей вмѣстѣ съ игрушками, то въ нихъ содержались изображенія историческаго, географическаго и естественно-историческаго характера. Были они и у царевича Петра Алексѣевича[4]).

Но, несомнѣнно, первымъ украшеніемъ царскихъ покоевъ были иконы, которыя наши предки помѣщали даже на воротахъ дворцовъ и простыхъ домовъ и снаружи, и съ внутренней стороны, потому что русскій человѣкъ не входилъ и не выходилъ изъ дома безъ молитвы и безъ крестнаго знаменія[5]). Кромѣ того, во дворцѣ была особая *крестовая* или моленная, гдѣ совершались утреннія и вечернія молитвы, а иногда и церковныя службы, часы, вечерни, всенощныя. Она была, какъ домашняя церковь, вся убрана иконами и святынею, т. е. разными предметами поклоненія и моленія[6]).

Что касается религіозныхъ особенностей бытового уклада, то стоитъ прочесть первую главу сочиненія Котошихина о Россіи, чтобы составить себѣ достаточное понятіе. Бракосочетаніе, зачатіе, рожденіе дѣтей, физическое ихъ воспитаніе, первые шаги ученья и проч., словомъ вся жизнь от-

---

продалъ. Самому царю нравились серебряные „суды" (посуда) патріарха, и онъ, разумѣется, могъ бы ихъ пріобрѣсти для себя: было бы у него столько денегъ, „что и вчетверо цѣну-ту дать", по его словамъ. Но государя удержало очень благородное соображеніе: „Да и въ томъ меня, владыко святый, прости (пишетъ царь Никону): немного я не покусился инымъ судамъ, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми. Ей-ей, владыко святый, ни маленькому ничему не точенъ!... Не хочу для того: се отъ Бога грѣхъ, се отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ: самому мнѣ (суды) имать, а деньги мнѣ платить себѣ же!".

Вотъ съ какими чертами душевной деликатности, нравственной щекотливости и совѣстливости выступаетъ передъ нами самодержецъ XVII вѣка, боящійся грѣха отъ Бога и зазора отъ людей, подчиняющій христіанскому чувству свой суевѣрный страхъ!".

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*, Дом. бытъ рус. царей. I, 121.

[2]) Тамъ же на стр. 123—143, см. подробное описаніе стѣнописи, а также составленный *С. П. Бартеневымъ* указатель къ обозрѣнію Большого Кремлевскаго Дворца. М. 1909 г. съ иллюстраціями.

[3]) *И. Е. Забѣлинъ*, стр. 163. [4]) Тамъ же, стр. 169, 170.

[5]) Стр. 112—113.

[6]) Стр. 193. Очеркъ комнатной жизни государя, его занятія и препровожденіе времени въ теченіе дня, его богомольные выходы обыкновенные и праздничные въ теченіе всего года см. у *И. Е. Забѣлина*, тамъ же, стр. 289—346.

давалась подъ покровительство Промысла и обставлялась обрядами вѣры[1]). Наконецъ, даже западное вліяніе едва ли могло сразу подорвать въ нашихъ предкахъ вѣру въ основное положеніе, что „начало премудрости—страхъ Господенъ". Если такъ, то и ко времени рожденія и первоначальнаго воспитанія царевича Петра едва ли утратили свою силу и практическое значеніе наставленія Домостроя *„какъ дѣтей своихъ воспитати во всякомъ наказаніи и страсѣ Божіи"*, тѣмъ болѣе, что онѣ, несомнѣнно, взяты изъ опыта жизни.

Итакъ, повидимому, не будетъ большою исторической ошибкой предположить, что около четырехъ первыхъ лѣтъ своего дѣтства, пока еще живъ былъ отецъ царь Алексѣй, Петръ прожилъ въ обычной религіознобытовой обстановкѣ, которая, въ данномъ случаѣ, отличалась только лишь умѣніемъ его отца различать въ религіи внѣшнее отъ внутренняго и дорожить особенно послѣднимъ.

Годы ученія и ихъ вліяніе. Со смертью царя Алексѣя 30 января 1676 г. для развитія Петра создаются новыя условія. Между партіями двухъ царицъ возникаетъ борьба за вліяніе и въ этой борьбѣ царевичи Ѳеодоръ, Іоаннъ и Петръ играли, въ сущности, страдательную роль.

Вступившій на престолъ Ѳеодоръ (31 января 1676—27 апрѣля 1682 г.) очень любилъ Петра и заботился о немъ, какъ его крестный отецъ. По обычаю старины, какъ разсказываетъ Котошихинъ, „какъ царевичъ будетъ лѣтъ пяти и къ нему приставятъ, для береженья и наученья, боярина, честью великаго, тиха и разумна, а къ нему придадутъ товарыща околничего или думного человѣка... А какъ приспѣетъ время учити того царевича грамотѣ, і въ учителі выбираютъ учителныхъ людей, тихихъ и не бражниковъ; а писать учить выбираютъ исъ посолскихъ подъячихъ; а инымъ языкомъ, Латинскому, Греческого, Неметцкого, и никоторыхъ, кромѣ Русского, научения въ Россиіскомъ государствѣ не бываетъ"[2]). Въ отступленіе отъ этого правила старшіе дѣти царя Алексѣя, особенно Ѳеодоръ и Софья, получили блестящее, по тому времени, воспитаніе подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго[3]). Въ этомъ воспитаніи былъ силенъ элементъ церковный,

---

[1]) Напр.: „Какъ приспѣетъ время родитися царевичу, и тогда царица бываетъ въ мылнѣ,... а какъ родится,.. посылаетъ по духовника, чтобъ... нарекъ тому новорожденному младенцу имя;... и потомъ въ мылню входитъ царь смотриті новорожденнаго, а не давъ молитвы.... не входятъ и не выходятъ никто. А даетца новорожденному младенцу имя отъ того времяни какъ родитца, счотчи впередъ въ восмой день, котораго святаго день, и ему тожъ имя и будетъ. И пошлетъ царь къ патріарху съ вѣдомостью, что даровалъ ему Богъ царевича, и патриархъ скоро идетъ въ церковь, а потомъ и царь, и молебствуютъ, и проч."., (гл. I, 26).

[2]) *Котошихинъ*, О Россіи, гл. I, 28.

[3]) Замѣчательный церковный и государственный дѣятель и писатель (1629—1680). О немъ см. *Л. Майковъ*, въ Древн. и Нов. Россіи 1875.—*Его-же*, „Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст." Спб. 1889.—*Татарскій*, „Симеонъ Полоцкій". М. 1886 и друг.

дѣйствовало польское вліяніе, замѣтное въ южно русскихъ монахахъ[1]). Напротивъ, первоначальное образованіе Петра было поручено неизвѣстному своей ученостью человѣку и совсѣмъ иного склада, чѣмъ Симеонъ Полоцкій. Когда Петру было почти пять лѣтъ[2]), царь Ѳеодоръ сталъ говорить царицѣ Наталіи, что пора бы крестника грамотѣ учить. Царица соглашалась и просила найти учителя скромнаго, смиреннаго, божественное писаніе вѣдущаго. Такимъ оказался приказный Посольскаго Приказа Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, страшно испугавшійся оказанной ему высокой чести. По указу царя Ѳеодора Зотовъ подвергся испытанію въ присутствіи Симеона Полоцкаго, который нашелъ, „яко право то писаніе и глаголъ чтенія". Послѣ обычныхъ въ такомъ случаѣ моленій и благословеній приступлено было къ занятіямъ[3]).

Съ Зотовымъ Петръ прошелъ обычный курсъ ученія, очень несложный и совершенно чуждый схоластики польско-католическаго типа нашихъ южно-русскихъ монаховъ. Зотовъ прежде всего засадилъ Петра за букварь, какъ говорятъ, заказанный для него царемъ Алексѣемъ лучшему писцу того времени[4]). Покончивъ съ азбукой, онъ прошелъ съ нимъ Часословъ, Псалтырь, Евангеліе и Апостолъ, кругъ церковныхъ службъ и пѣнія[5]).

Какъ живой и впечатлительный мальчикъ, все это Петръ хорошо усвоилъ. Въ письмахъ Петра, писанныхъ впослѣдствіи, нерѣдко встрѣчаются указанія на Св. Писаніе. То онъ упоминаетъ Ноя[6]), ап. Петра, Ездру[7]); то цитируетъ Приточника: „Обличеніе нечестивому—мозоли"[8]); то, наконецъ, въ отвѣтъ на сравнительную оцѣнку Петра и Алексѣя, сдѣланную какъ то кн. Я. Ѳ. Долгорукимъ, цитируетъ слова Евангелія: „благій рабе и вѣрный, въ малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многимъ тя поставлю"[9]). И вообще, какъ, между прочимъ, говоритъ Голиковъ, характеризуя благочестіе Петра, онъ

---

[1]) *С. Ѳ. Платоновъ*, Лекціи по Русской Исторіи. Изд. 6. Спб. 1909, стр. 431.

[2]) По словамъ Крекшина книжное ученіе Петра подъ руководствомъ Зотова началось 12 марта 1677 г. *И. Забѣлинъ*, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, М. 1872, ч. I, стр. 33.

[3]) *Погодинъ*, 17.—*И. Забѣлинъ*, тамъ же, 33—36.—*Н. Астровъ*, Первоначальное образованіе Петра В. Рус. Архивъ, 1875. II (8), 470—488; III (9), 90 105; (10), 212 - 221

[4]) *Погодинъ*, 17.

[5]) Письму Петръ началъ учиться, кажется, съ 1680 г., т. е. 8 лѣтъ, и никогда не умѣлъ писать порядочнымъ почеркомъ. Кромѣ письма и чтенія Зотовъ ничему не училъ Петра, за то много ему разсказывалъ (см. ниже). Ариѳметику Петръ узналъ довольно рано и неизвѣстно отъ кого. „Что Зотовъ и при отсутствіи широкаго образованія и умa велъ свое дѣло добросовѣстно и тепло, доказывается, говоритъ *проф. С. Ѳ. Платоновъ*, неизмѣннымъ расположеніемъ къ нему Петра, не забывшаго своего учителя". Лекціи, 439 - 440.—*Погодинъ*, 17.

[6]) *Письма и бумаги* И. Петра Великаго, изд. И. Академіей Наукъ подъ ред. А. И. Бычкова, т. I, № 8, 21.

[7]) Тамъ же, № 21,

[8]) Тамъ же, т. III, 831. Цитата находится въ резолюціи на прошеніе А. Курбатова, въ маѣ 1705.

[9]) Мѳ. XXV. 21.—*Голиковъ*, Дополненія, XVIII. 169—173.

зналъ наизусть все Евангеліе и Апостолъ, самъ пѣлъ въ церкви и читалъ Апостола[1]).

Однако уроки Н. М. Зотова были чужды не только схоластичности, но и религіозной односторонности. Зотовъ разсказывалъ Петру событія изъ русской и всеобщей исторіи, показывая и поясняя ему лѣтописи, украшенныя рисунками, сообщалъ ему и другія случайно попавшіяся свѣдѣнія, показывая для наглядности иллюстраціи, которыя привозились въ Москву изъ-за границы подъ названіемъ „потѣшныхъ фряжскихъ", или „нѣмецкихъ листовъ"[2]). Вмѣсто потѣшныхъ, Зотовъ желалъ имѣть для Петра „учительные" рисунки и тогда, по повелѣнію царицы Наталіи, ему выданы были изъ домашней царской библіотеки всѣ историческія „книги съ кунштами и всея Россіи книги съ рисунками градовъ, и книги многія знатныхъ во вселенной городовъ". Быть можетъ, что среди этихъ книгъ находились тѣ, которыя царь Алексѣй Михайловичъ выписалъ изъ Рима отъ аббата Скарлати, въ которыхъ заключались изображенія римскихъ дворцовъ, церквей и проч. По этимъ и другимъ рисункамъ и книгамъ мастера-художники Оружейной палаты расписали „драгимъ мастерствомъ", красками „грады, палаты, зданія, дѣла военныя, великіе корабли и вообще исторіи лицевыя съ прописьми", т. е. съ текстомъ[3]). Между прочимъ, въ 1679 г. живописецъ Карпъ Золотаревъ написалъ для семилѣтняго царевича Петра, на александрійскомъ большомъ листѣ бумаги золотомъ и красками „двѣнадцать мѣсяцовъ и бѣги небесные противъ того, какъ въ Столовой въ подволокѣ написано"[4]); въ 1694 г. Иванъ Салталовъ съ другими живописцами писалъ царю Петру двадцать три картины „бои полевые" разными образцы, примѣняясь къ нѣмецкимъ картинамъ, въ свѣту по 2¼ арш., вверхъ по полтора аршина, противъ нѣмецкаго образца; а въ 1697 г. восемь картинъ „морского ходу воинскихъ людей, примѣнясь къ заморскимъ нѣмецкимъ картинамъ или къ фряжскимъ листамъ". Всѣ эти картины шириною были около 2 арш., а вышиною 1½ арш.[5]).

---

1) *Голиковъ*, Дѣянія, III, 153—158 подъ 1710 г.

2) *И. Е. Забѣлинъ* полагаетъ, что они извѣстны были на Руси еще въ XVI в. и назывались *фряжскими* и *нѣмецкими* листами, потому что вывозились съ Запада. Въ числѣ ихъ, можетъ быть, встрѣчались гравюры извѣстныхъ художниковъ. Во дворецъ ихъ покупали для государевыхъ дѣтей, вмѣстѣ съ игрушками. Малолѣтніе царевичи и царевны, забавляясь этими листами, вмѣстѣ съ тѣмъ получали изъ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и проч. Впослѣдствіи и у насъ стали печатать эти листы на деревѣ, на лубу (*лубъ*, доска особой пилки), отчего они и получили названіе лубочныхъ картинокъ. Въ концѣ XVII в. *фряжскій станъ*, для печатанія эстамповъ на мѣди, заведенъ былъ въ царскомъ дворцѣ при Верхней, т. е. Придворной Типографіи. Въ покояхъ дворца этихъ „листовъ" собиралось достаточное количество. Въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 г., висѣло „пятьдесятъ рамцовъ съ листами фряжскими". Въ 1682 г. въ хоромы царевича Петра было взято сто листовъ". *Забѣлинъ*, Домашній бытъ рус. царей т. I, 169—170.

3) *С. Князьковъ*, Очерки изъ исторіи Петра Великаго и его времени. Спб. 1914, стр. 7.

4) *И. Е Забѣлинъ* Дом. бытъ р. царей, I, 167 и 128—130.

5) *И. Е. Забѣлинъ*, тамъ-же, стр. 166—167.

Такое наглядное обученіе живого и впечатлительнаго Петра, который всѣмъ интересовался и о всемъ разспрашивалъ кого только можно, несомнѣнно пробуждало въ немъ еще большую пытливость и при томъ не въ сторону богословскихъ тонкостей, которыя его миновали, а въ сторону чисто свѣтскихъ свѣдѣній. Для усвоенія послѣднихъ не было препятствій. Во-первыхъ, въ годы юности Петра, русское общество вообще стало мѣнять свою проникнутую религіозностью культуру на культуру свѣтскаго характера; вовторыхъ, уже родители Петра, особенно Наталія Кирилловна, воспитанница А. С. Матвѣева, не чуждались западнаго вліянія; наконецъ, болѣе здоровыя и разнообразныя впечатлѣнія могла дать Петру самая обстановка жизни въ селѣ Преображенскомъ, куда пришлось переселиться послѣ смерти царя Өеодора въ 1682 г., а не въ душной атмосферѣ Кремлевскаго дворца съ его церковною живописью и вѣковѣчными традиціями, въ виду старинныхъ соборовъ и Ивана Великаго, съ колокольнымъ звономъ сорока сороковъ Московскихъ церквей и множествомъ духовенства, съ его чопорными церемоніями и обрядами и т. д.

Но кромѣ картинъ и книжекъ у Петра были и игрушки, которыя имѣли почти исключительно военный характеръ. Петру постоянно дѣлали въ придворныхъ мастерскихъ и покупали на рынкахъ луки, деревянныя ружья и пистолеты, барабаны, игрушечныя знамена и т. д.[1]).

Такимъ образомъ изъ дѣтскихъ лѣтъ Петръ Великій вышелъ обыкновеннымъ вѣрующимъ человѣкомъ, но не „богословомъ“, и такимъ остался до конца своихъ дней. Петръ глубоко и искренно вѣрилъ въ Бога и Его провидѣніе и почиталъ свое родное православіе. За то онъ не былъ и, какъ мы видѣли и еще увидимъ, не могъ быть ригористомъ въ вѣрѣ, тѣмъ болѣе обрядовѣромъ стараго отжившаго типа.

Свидѣтельства о вѣрѣ Петра. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ писемъ къ матери, царицѣ Наталіи (14 августа 1693 г.) Петръ, между прочимъ, пишетъ: „Ізволила ты писать, что предала меня в паству Матери Божіей; і, такова пастыря імѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами і претстателствомъ не точию я единъ, но і миръ сохраняетъ Господь“[2]).

Благоговѣйно относясь къ матери, Петръ также благоговѣйно чтилъ и память отца, у гроба котораго въ Архангельскомъ соборѣ онъ всегда служилъ панихиду, когда пріѣзжалъ въ Москву[3]).

Письма къ брату царю Іоанну Алексѣевичу носятъ старинный церковный тонъ. „Извѣстно тебѣ, государю, пишетъ Петръ 8—12 сентября 1689 г.

[1]) *С. Ө. Платоновъ*, Лекціи по Русской Исторіи, 1909[6], стр. 439.—*Погодинъ*, 19—20.

[2]) *Письма и бумаги* И. Петра В., изд. И. А. Н. т. I, № 14. Вообще письма къ матери Петръ пишетъ всегда съ крестомъ на верху, въ нихъ постоянно упоминаетъ, что живъ ея благословеніемъ, проситъ благословенія и молитвъ, и заключаетъ: „Аминь“. Подписывается онъ по-латыни: Petrus. *Письма и бумаги*, т. I, № 4 (1688 г.); № 5, 6, 7 (1689 г.); № 13, 14, 15, 16, 17 (1691 г.).

[3]) *Голиковъ*, Дополненія, XVII, 49.

относительно устраненія отъ правленія царевны Софьи, что милостию Божиею врученъ намъ двумъ особамъ скипетръ правления прародительнаго нашего Росиіскаго царствия, якоже о семъ свидѣтельствуетъ матери нашея восточные церкви соборное дѣйство 190 году"[1]: 14 іюня 1694 г.: „А которая, государь братецъ, было завещание прошлого году о поклонениі мощей чюдотворцевъ Зосима і Савватія, і нѣкакимъ случаемъ того обѣщания не снесъ, а ныне соизволениемъ Божиімъ тотъ залогъ содержалъ, і будучи во обители і раки іхъ чюдотворцевы видить сподобился, і оттуды во всякомъ здравиі, за ихъ святыми молитвами і поспешениемъ Божиімъ, доехалъ до Города іюня въ 13 день, слава Богу, во всякомъ здравиі, со всѣми будущими со мною. І для сей вѣдомости, яко ко отцу і брату, посылаю вѣдомость"[2])...

6 марта 1696 г. Петръ пишетъ Т. Н. Стрешневу: „А мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица своего ѣдимъ хлѣбъ свой"[3]). Это значитъ, что Петръ достаточно проникся библейскимъ ученьемъ о назначеніи человѣка.

Ту же мысль, даже въ тѣхъ же выраженіяхъ, онъ неоднократно высказывалъ и другимъ, напр. патр. Адріану[4]).

Трудясь, такъ сказать, въ силу заповѣди Откровенія, Петръ, казалось, все дѣлалъ „ради Бога" и всѣ свои успѣхи относилъ къ Его помощи[5]). Письма Петра въ большомъ количествѣ пересыпаны мелкими подробностями подтверждающими это, такъ какъ трудно предположить, чтобы Петръ поступалъ такъ по одной только привычкѣ.

Если Петру нужно что нибудь, онъ проситъ сдѣлать это „ради Бога"[6]). Предъ взятіемъ Выборга въ 1710 г. самъ пишетъ „Разсужденіе о добываніи Выборха во имя Господне"[7]). Инструкція Ѳ. М. Апраксину начинается словами: „In Got Nam"[8]). Если ему что либо удается, онъ пишетъ „слава Богу"[9]). Затѣмъ въ очень многихъ письмахъ Петръ вообще такъ или иначе упоминаетъ Бога или Божію Матерь[10]).

---

1) *Письма и бумаги*, I, № 10. 2) Тамъ же, I, № 26. Ср. № 30, 47.

3) Тамъ же, т. I, № 72.

4) Въ 1698 г Петръ писалъ патріарху: „Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами при добромъ состояніи живы, и, послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морского пути, дабы искусясь совершенно, могли, возвратясь, противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями, и христіанъ тамо будущихъ, свободителями благодатію Его быть, чего до послѣдняго издыханія желать не престану". Взято у *С. М. Соловьева*, Чтенія о Петрѣ Великомъ. М. 1872, стр. 50.

5) *Голиковъ*, Дѣянія, VIII, 3—5.

6) Напр., Шереметева въ письмѣ 11 марта 1707 г. *Сборникъ* И. Русскаго Историч. Общества, XV, стр. 21.

7) *Голиковъ*, Дѣянія, XII, № 1138. 8) *Письма и бумаги*, I, № 368.

9) См. *Сборникъ* И. Р. И. О., XV, стр. 21, 26, 27. — *Письма и бумаги*. I, 21, 37. 39. 40, 42 и многія др.

10) *Письма и бумаги*, I, 12, 46, 83, 84 и др. — *Сборникъ* И. Р. И. О. XI, 1, 2, 3, 4, 10, 14, 16, 17, 18, 24, 27, 33, 35, 37, 38, 39, 53, 84 и мн. др.

По старому обычаю, до сихъ поръ сохраняемому въ перепискѣ между духовными лицами, Петръ впереди многихъ своихъ писемъ и дѣловыхъ бумагъ ставилъ маленкій крестикъ[1]).

Большую часть своей жизни Петръ провелъ въ военныхъ заботахъ и много разъ рисковалъ жизнью или пораженіемъ своихъ молодыхъ войскъ. Поэтому всякая побѣда вызывала въ немъ глубокую потребность воздать благодарность Богу, а неудача, если таковая случалась, отзывалась въ немъ чувствомъ глубокаго смиренія.

По взятіи Азова Петръ прежде всего служитъ молебенъ и освящаетъ мечети въ церкви[2]). О взятіи Нотебурга въ 1702 г. онъ извѣстилъ циркулярными письмами И. А. Мусина-Пушкина, Т. Н. Стрешнева и др. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Объявляю... что помощію побѣдыдавца Бога, крѣпость сія сдалась“[3]).

Рѣшающее значеніе для Петра и Россіи имѣла Полтавская битва 27 іюня 1709 г. По преданію Петръ едва не былъ раненъ пулей, ударившей въ большой натѣльный крестъ со св. мощами[4]). Значитъ Петръ всегда носилъ его и дорожилъ имъ. Спасенный отъ смерти, побѣдитель „непобѣдимаго“ Карла XII, Петръ тотчасъ служитъ на полѣ битвы торжественный молебенъ[5]) и такъ объявляетъ Голицыну: „Объявляемъ Вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую намъ, чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ, Господь Богъ даровати изволилъ“[6]). Въ память этой побѣды Петръ приказалъ Мусину-Пушкину, судьѣ Монастырскаго Приказа, построить на полѣ битвы мужской монастырь съ двухъяруснымъ храмомъ во имя св. ап. Петра и Павла и преп. Сампсона, предъ храмомъ—каменную пирамиду съ конной фигурой царя изъ мѣди, а подъ нею изображеніе боя и надписи; построить же монастырь руками крестьянъ, принадлежащихъ измѣнникамъ, именно Полтавскому полковнику Герцику и др., и приписать къ монастырю изъ измѣнническихъ деревень и мельницъ съ вѣдома государя[7]). Это желаніе Петра заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что онъ вообще былъ противъ монаховъ и монастырей, которыхъ было тогда въ Россіи болѣе 500[8]), и

---

[1]) *Письма и бумаги*, I, № 4, 5, 6, 7, 13, 14, 15, 16, 17, 38, 39. 40, 41, 42, 43, 65, 73, 74, 83, 90, 112, 367, 368, 369, 370, 374, 376, 381, 382, 396, 400, 401 и мн. др.

[2]) *Голиковъ*, Дополненія IV, 181, 182.

[3]) 13 Октября 1702 г. *Письма и бумаги*, II, № 460, 461, 462, 463, 464, 465.

[4]) Дополненія XI, 361, Крестъ хранится въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ.

[5]) Тамъ же XVI, 49.

[6]) *Сборникъ* И. Р. И. О, XI, стр. 88.

[7]) П. С. З. IV, 2236—Іюля 1709 г. *Голиковъ*, (Дополненія, XVI, 63—65) добавляетъ, что приказъ Петра не былъ исполненъ, повидимому, потому, что Петръ не былъ доволенъ архитектурными проектами монастыря и храма, и умеръ, не успѣвъ ничего предпринять.

[8]) См. *мою* работу: Населенныя недвижимыя имѣнія св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Спб. 1909, приложенія VIII и др.

монастырскаго землевладѣнія. Въ Петроградѣ памятникомъ Полтавы до сихъ поръ является церковь Св. Сампсона, заложенная Петромъ[1]).

Пріѣхавъ послѣ Полтавской побѣды въ Кіевъ, Петръ благодарилъ Бога, посѣтилъ всѣ св. мѣста и высшее духовенство[2]), а по возвращеніи въ Москву былъ встрѣченъ духовенствомъ во главѣ со Стефаномъ Яворскимъ и прежде всего прослѣдовалъ въ Успенскій соборъ, съ умиленіемъ повергшись предъ иконою Богоматери надъ вратами собора[3]).

Въ заключеніе Петръ велѣлъ праздновать Полтавскую побѣду вѣчно по особому сочиненному молебному чину[4]).

Такъ же поступалъ Петръ и въ другихъ случаяхъ. О побѣдѣ у Гангеуда онъ писалъ: „Г. Губернаторъ. Объявляемъ вамъ, что коимъ образомъ всемогущій Господь Богъ Россію прославить изволилъ“[5]). Узнавъ о побѣдѣ Голицына надъ шведской эскадрой въ Грейгамской гавани, Петръ прежде всего служитъ молебенъ[6]). Вѣнцомъ его трудовъ былъ миръ Ништадтскій, который Петръ торжествовалъ молебномъ въ Троицкомъ соборѣ въ Петербургѣ и въ письмахъ о немъ благодарилъ Бога[7]). А когда 22 Октября 1721 г, Св. Синодъ, Сенатъ и генералитетъ поднесли ему императорскій титулъ, Петръ отвѣтилъ весьма знаменательными словами: „1) Зѣло желаю, чтобъ Нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ. 2) Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однакожъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею греческою. 3) Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предъ очьми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ“[8]).

Неудаченъ былъ для Петра Прутскій походъ 1711 г. и въ сообщеніяхъ о немъ къ Ѳ. М. Апраксину и другимъ у Петра прежде всего проскальзываетъ христіанское смиреніе: „понеже—пишетъ онъ—такъ воля Божія благоволила, грѣхи христіанскіе не допустили“... „однакожъ Господь Богъ такъ нашихъ людей ободрилъ“ и т. д.[9]).

---

[1]) *Голиковъ*, Дѣянія III, 147. Кстати, бывшій, вѣроятно, съ войскомъ протопопъ получилъ отъ Петра 100 р. и шелковую матерію на платье себѣ и священникамъ. *Голиковъ*, Дополненія, XVI, 8.

[2]) *Голиковъ*, Дѣянія. III, 127.

[3]) *Голиковъ*, Дополненія, XVI, 224—225.

[4]) *Голиковъ*, Дѣянія, III, 192. Воспоминаніе о взятіи Шлиссельбурга Петръ всегда начиналъ панихидою. *Голиковъ*. Дополненія, X, 355.

[5]) *Сборникъ* И. Р. И О. XI, стр. 102. Письмо отъ 29 Іюля 1714 г.

[6]) *Голиковъ*, Дѣянія, VII, 127, подъ 1720 годомъ.

[7]) *Голиковъ*, Дѣянія, VII, 340—343.

[8]) П. С. З. т. VI, 3840. Собственноручную запись словъ Петра, рукопись „Реляціи“ о днѣ 22 Октября 1721 г. съ поправками Петра, ту же реляцію, напечатанную 1 Ноября 1721 г. въ канцеляріи Сената, а также наброски рѣчей Петру см. въ Сенатскомъ Архивѣ Книга Высочайшихъ повелѣній № 18, л. л. 132. 134—145. 146—149. 150—152.

[9]) *Голиковъ*. Дѣянія, XII, № 1333, 1334.

Всѣ эти мелкія подробности никакъ нельзя объяснить одною только привычкою къ старымъ формамъ быта, которыя Петръ, какъ извѣстно, не считалъ для себя обязательными и даже искоренялъ ихъ. Нельзя предположить въ этихъ моленіяхъ и поклоненіяхъ одну показную церемоніальность. Во-первыхъ, и вѣкъ былъ тогда другой, да и Петръ, какъ извѣстно, не терпѣлъ неправды и лицемѣрія Если бы онъ не переживалъ здѣсь разсказаннаго, то могъ и не дѣлать, никто его къ этому не нудилъ.

Но есть и еще данныя о вѣрѣ и благоговѣніи Петра. Со словъ адмирала Ив. Мих. Головина, переданныхъ его невѣсткою Маріей Іонишной Головиной протоіерею Архангельскаго собора Петру Алексѣевичу, а имъ — Голикову, послѣдній сообщаетъ, что Петръ Великій благоговѣлъ предъ Св. Тайнами, такъ что встрѣчая съ ними священника, идущаго въ домъ больного, провожалъ его, хотя бы и спѣшилъ куда нибудь, выражая увѣренность въ исцѣлении[1]).

Характеризуя благочестіе Петра[2]) Голиковъ говоритъ, что Петръ исполненъ былъ страха Божія, зналъ наизусть все Евангеліе и Апостолъ, имя Божіе произносилъ не иначе, какъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, любилъ церковную службу, самъ пѣлъ и читалъ Апостола, постоянно бывалъ въ церкви, не любилъ, чтобы кто работалъ по воскресеньямъ, говоря: „кто забываетъ Бога и не исполняетъ его заповѣдей, тотъ и со многимъ трудомъ пріобрѣтаетъ мало, и не будетъ имѣть благословенія". Хулителей вѣры не терпѣлъ, считая ихъ безумцами и гордецами. Также не переносилъ суевѣровъ, пустосвятовъ, ханжей, какими были раскольники. Хотѣлъ послѣднихъ просвѣтить, а упорныхъ высмѣять смѣшнымъ нарядомъ (красный тузъ на спинѣ и козырь изъ желтаго), когда же это осталось безъ результата — оставилъ ихъ въ покоѣ. Петръ былъ вѣротерпимъ, посѣщалъ иновѣрческія церкви и школы, знакомился съ ученіемъ и проч.

Въ другомъ мѣстѣ[3]) Голиковъ пишетъ слѣдующее. Узнавъ, что одинъ ученый чиновникъ вольно отзывается о церковныхъ преданіяхъ, корыстолюбіи духовенства и иронизируетъ надъ Св. Писаніемъ, Петръ сказалъ: „Какъ же ты осмѣливаешься ослаблять такую струну, которая составляетъ гармонію всего тона? Да ты же не съ должнымъ еще уваженіемъ касался и до нѣкіихъ мѣстъ св. Писанія, чѣмъ уже ты, бездѣльникъ, и успѣлъ соблазнить многихъ изъ бывшихъ съ тобою въ компаніи. Я тебя научу, какъ должно почитать оное и не разрывать цѣпи, *все въ устройствѣ содержа-*

[1]) *Голиковъ*, Дополненія, XVII, 44—47; ср. XII, 47.—Его-же, Анекдоты, касающіеся до Г. И. Петра В." Изд. 3. М. 1807, № 17.—Ср. „Нѣсколько разсказовъ о Петрѣ В." въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. 1872, кн. II, Смѣсь, стр. 20—21. Сообщилъ Архим. Леонидъ „Изъ записной книжки XVIII ст.". Здѣсь читается слѣдующая приписка. „Сей анекдотъ о Петрѣ В. пересказала мнѣ Адмиральша Марія Іонична Головина, вдовствующая супруга Александра Ивановича, сына Ивана Михайловича Головина, изъ дѣтства воспитаннаго съ Петромъ В.".

[2]) Дѣянія, III, 153—158, подъ 1710 г.

[3]) Дополненія къ Дѣяніямъ т. XVII, стр. 354—356. Ср. Дѣянія IX, 299—302 и 192—202.

щей" и ударивъ, прибавилъ: „Не соблазняй вѣрующихъ честныхъ душъ;— не заводи вольнодумства пагубнаго *благоустройству*;—не на тотъ конецъ старался я тебя выучить, чтобъ ты былъ врагомъ общества и Церкви".

Не одинъ Голиковъ, но и Нартовъ и Штелинъ передаютъ подобные же разсказы.

„Петръ Великій,—говоритъ Нартовъ,—былъ истинный богопочитатель и блюститель вѣры христіанскія и, подавая многіе собою примѣры того, говаривалъ о вольнодумцахъ и безбожникахъ такъ: „Кто не вѣруетъ въ Бога, тотъ либо сумасшедшій, или съ природы безумный. Зрячій Творца по твореніямъ познать долженъ"[1]). Въ другомъ мѣстѣ Нартовъ говоритъ: «Колико Петръ Великій не терпѣлъ суевѣрія, толико, напротивъ, божественные почиталъ законы и чтеніе Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта любилъ. О Библіи говаривалъ Его Величество: „Сія книга премудрѣе всѣхъ книгъ; она учитъ познавать Бога и творенія Его и начертываетъ должности къ Богу и къ ближнему: разумѣть въ ней нѣкоторыя мѣста яснѣе потребно вдохновеніе свыше. Учиться небесному—отвергнуть должно земныя страсти"[2])».

Нартовъ говоритъ даже, что Петръ вѣрилъ въ нетлѣніе мощей[3]).

Съ другой стороны о „ревности Петра Великаго къ сущности вѣры" находимъ слѣдующій разсказъ у Штелина („Любопытныя и достопамятныя сказанія о И. Петрѣ Великомъ" Спб. 2-е изд. 1787 г. № LXXI, стр. 253—254): „При всемъ томъ, что монархъ всегда занятъ былъ столь многими и безпрерывными военными и гражданскими дѣлами, не пропускалъ онъ, однако, никогда случая, чтобъ не присутствовать при всенародномъ отправленіи Божіей службы. Сколь много былъ онъ удаленъ отъ суевѣрія и отъ предразсужденій, столь, напротивъ того, ревностно держался существенности христіанской вѣры и наблюдалъ заповѣди Божіи. При всякомъ случаѣ старался онъ также привести и своихъ подданныхъ къ равнымъ чувствованіемъ и не могъ совсѣмъ терпѣть, чтобъ народъ по воскресеніямъ работалъ и чрезъ то бы нарушалъ святыню воскресныхъ дней. И въ самой даже величайшей нуждѣ едва онъ позволялъ, и то развѣ по окончаніи Божіей службы, отправлять по воскресеньямъ работу строенія кораблей и другихъ публичныхъ дѣлъ. Онъ весьма часто говаривалъ: кто забываетъ Бога, и не исполняетъ Его заповѣдей, тотъ и со многимъ трудомъ пріобрѣтетъ мало, и не будетъ имѣть благословенія. (Отъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого)[4]).

---

1) *Л. Н. Майковъ*, Разсказы А. К. Нартова о Петрѣ Великомъ. Приложеніе къ LXVII тому Записокъ И. А. Н. № 6. Спб. 1891, стр. 49 разск 71. Ср. разсказъ 142, стр. 93 о впечатлѣніи Петра отъ наблюденія звѣзднаго неба на обсерваторіи Парижа.

2) ibidem, стр. 71 разск. 104.

3) См. ibidem разсказъ № 137 (стр. 89) о разговорѣ Петра съ гр. Брюсомъ.

4) Ср. разсказъ № LXXIII „Желаніе П. В. дабы въ церьквѣ службу Божію слушали съ благоговѣніемъ", и позднѣйшіе указы о соблюденіи тишины въ церквахъ П. С. З. VII, 4140—П. С. П. III, 974.

Если всѣ эти разсказы могутъ имѣть сомнительное значеніе въ глазахъ читателя, какъ недостаточно достовѣрные „анекдоты", то большую убѣдительность несомнѣнно имѣютъ слѣды индивидуальнаго участія Петра въ законахъ, касающихся Церкви, и др. собственноручныхъ набросках, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Напримѣръ, Петру принадлежитъ собственноручная записка о порядкѣ службы часовъ[1]. Ему же принадлежитъ и собственноручный набросокъ о ханжествѣ и лицемѣріи, очень замѣчательный по своему содержанію[2]). Въ этомъ набросkѣ Петръ жестоко порицаетъ ханжество и лицемѣріе, и требуетъ искренней религіозности, молитвы и правильнаго почитанія святынь. Тѣмъ же требованіемъ проникнуты и добавочные пункты къ архіерейской присягѣ[3]), черновые наброски и поправки къ указу 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ[4]), а также замѣчанія Петра на „Прибавленіе къ Духовному Регламенту"[5]) и др. Во всѣхъ этихъ документахъ Петръ обнаруживаетъ не только просвѣщенный взглядъ на религію, которую онъ понимаетъ, какъ служеніе Богу „въ духѣ и истинѣ", чуждое суевѣрія и обрядовѣрія[6]), но также показываетъ себя знатокомъ Св. Писанія, церковнаго устава и элементовъ исторіи Церкви. Въ авторѣ ихъ чувствуется человѣкъ свѣтскій, совершенно чуждый схоластики, не спеціалистъ въ богословіи, но безусловно вѣрующій и понимающій высокое значеніе религіи.

Отрицательныя вліянія. При всемъ этомъ Петръ Великій не былъ человѣкомъ набожнымъ, богомольнымъ, церковнымъ, особенно стараго московскаго типа. На это были свои причины.

---

[1]) Такъ опредѣляетъ содержаніе записки оглавленіе архивной книги, тогда какъ въ запискѣ нѣтъ ни заглавія, ни даты. См. Гос. Арх. Кабинетъ, I, кн. 31, л. 188: „начало | придите поклонимся | псалом. 50 | новособранныя псалмы | ·2· молитвы із утренних | (далѣе зачеркнуто: владыко б | господи боже вседержителю |) боже і господи сил | возбранныі воеводѣ | апостол | евангелие | молитва собранныя | боже очисти мя грѣшнаго | яко николи же благо сотворих | отче нашъ | богородице дѣво | владыко боже вседержителю і господи сыне | отпускъ".

[2]) Гос. Арх. Кабинетъ, I, кн. 31 (Ср. *Голиковъ*, Доп. XVI, 436—438). Напечатанъ *М. И. Семевскимъ*, Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в. т. II, Спб. 1885 стр. 336—338.

[3]) Гос. Арх. Кабинетъ, I, кн. 31 л. 19—20. 21—22. См. у насъ т. II, прил. № 5.

[4]) См. у насъ т. II, прил. № 7, 8.

[5]) См. у насъ т. II, прил. № 4.

[6]) Нартовъ и др. лица разсказываютъ, что Петръ не вѣрилъ въ ложныя святыни, какъ, напр., несгораемое полотно (асбестъ), многочисленные гвозди и части Креста Христова, видѣнные имъ во время путешествія по Европѣ (Нартовъ, разск. 103, стр. 70); уличилъ однажды архимандрита, сдѣлавшаго слезоточивую икону Божіей Матери (Разсказы и Анегдоты про Петра В. Рус. Арх. 1883, кн. II, стр. 355; см. еще кн. IV); жестоко преслѣдовалъ кликушество (Нартовъ, стр. 49 разск. 72. 73.—„Анекдоты касающіеся до Г. И. Петра В., собранные *Иваномъ Голиковымъ*", Изд. 3, М. 1807, № 3, 4, 5.—О кликушахъ см. П. С. З. V, 2906); отмѣнилъ крестный ходъ въ недѣлю Вай („Анегдоты" *Голикова*, № 15).

Не говоря уже о полусвѣтскомъ, если такъ можно выразиться, образованіи первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, о „нѣмецкихъ листахъ“, съ которыми вмѣстѣ врывались въ душу вліяніе культуры протестантскихъ странъ, не говоря о свободѣ и забавахъ военнаго характера, были въ жизни Петра такія обстоятельства, которыхъ нельзя не учитывать. Это: стрѣлецкіе бунты—отголоски раскола, самый расколъ, нѣмецкая слобода, заграничныя путешествія, современныя книги и другія вліянія.

Стрѣлецкіе бунты. 27 апрѣля 1682 г. умеръ царь Ѳеодоръ и на престолъ патріархомъ Іоакимомъ съ боярской думой, при кликахъ московскаго народа, былъ избранъ десятилѣтній Петръ помимо своего старшаго брата Іоанна отъ М. И. Милославской. Началась партійная борьба Милославскихъ съ Нарышкиными. Силой, на которую необходимо было опереться, были стрѣльцы, въ послѣднее время утратившіе дисциплину. Милославскіе подучили ихъ противъ А. С. Матвѣева, Нарышкиныхъ и Языкова. 15 мая 1682 года произошелъ стрѣлецкій бунтъ, во время котораго стрѣльцы схватили Матвѣева на глазахъ царицы Натальи и царя Петра (нѣкоторые разсказывали, что даже выхватили изъ ихъ рукъ) и разсѣкли на части. За Матвѣевымъ были схвачены и убиты бояре кн. Ромодановскій, А. Кир. Нарышкинъ и др. лица. Въ своемъ домѣ былъ убитъ князь Юрій Долгорукій, а на улицѣ найденъ и убитъ Ив. Макс. Языковъ. Надъ трупами убитыхъ стрѣльцы ругались до поздняго вечера. Убійства продолжались и 16 мая, но желаемаго Ив. Кир. Нарышкина, способнѣйшаго брата царицы Натальи, не нашли, такъ какъ онъ искусно прятался во дворцѣ. 17 мая утромъ стрѣльцы настоятельно потребовали его выдачи и, чтобы прекратить мятежъ, во дворцѣ нашли необходимымъ выдать Ивана Кирилловича. Онъ причастился и на глазахъ Петра предался стрѣльцамъ, его пытали и убили. Этимъ окончился мятежъ[1]).

Десятилѣтній Петръ былъ свидѣтелемъ этихъ ужасовъ. Онъ видѣлъ рѣки крови; его матери и ему самому грозила опасность ежеминутной смерти. Петръ такъ былъ потрясенъ „Майскими днями“ 1682 г., что отъ испуга у него явились и остались на всю жизнь конвульсивныя движенія головы и лица[2]). Кромѣ того Петръ былъ какъ бы разжалованъ. 26 мая царями были провозглашены оба брата, при чемъ Іоаннъ—первымъ, а Петръ—вторымъ. 29 мая, по требованію подученныхъ стрѣльцовъ, царевна Софья была объявлена правительницей.

Но этого было мало. Вновь народившейся силой стрѣльцовъ вздумали воспользоваться расколоучители, чтобы избавиться отъ клятвъ собора 1666

---

[1]) Проф. *С. Ѳ. Платоновъ*, Лекціи 432—436. Яркое описаніе мятежа у Погодина, 41—59.

[2]) *Погодинъ*, 59.—*С. Ѳ. Платоновъ*, Лекціи, стр. 440. „Sa tête branle cotninuellement, bien qu'il ne soi âgé que de vingt ans“,—пишетъ о немъ видѣвшій его современникъ. Курфюрстина ганноверская Софія пишетъ послѣ свиданія съ Петромъ въ 1698 г.: „я представляла себѣ его гримасы хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ и удержаться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не въ его власти“. *С. М. Соловьевъ*, Чтенія о Петрѣ В. М. 1872 стр. 45.

—1667 г. Произошло новое волненіе, во время котораго стрѣльцы требовали диспута съ православной іерархіей и добились его 5 іюля 1682 г. въ Грановитой палатѣ. Безрезультатность диспута подрывала престижъ правительства. Но въ глазахъ Петра, кромѣ того, съ этого момента образъ ненавистнаго ему стрѣльца навсегда соединился съ мыслью о расколѣ и его темномъ, грубомъ, упорномъ и некультурномъ обрядовѣріи.

Волненія и тревоги, въ которыхъ немалое участіе принимали стрѣльцы, продолжались во все время правленія Софьи. Въ ночь съ 7 на 8 августа 1689 г., будучи уже 17-лѣтнимъ юношей, Петръ опять пережилъ призракъ стрѣлецкаго бунта и заговора на жизнь его и его матери. На этотъ разъ партія Петра одержала верхъ и приверженцы Софьи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми стрѣльцами подвергнуты казни. Но Петру все-таки пришлось еще разъ столкнуться со стрѣльцами, этими вооруженными защитниками старины, отъ которой онъ отступалъ все далѣе и все энергичнѣе, создавая новую культурную Россію. Послѣ бунта 1698 г., недовольный розыскомъ боярина Шеина, Петръ, спѣшно вернувшійся изъ своего путешествія по Европѣ, самъ рубилъ головы стрѣльцамъ и вообще предалъ казни болѣе тысячи.

„Рядъ ошеломляющихъ событій 1698 г., говоритъ проф. *С. Ѳ. Платоновъ*, страшно подѣйствовалъ и на московское общество и на самого Петра. Въ обществѣ слышался ропотъ на жестокости, на новшества Петра, на иностранцевъ, сбившихъ Петра съ пути. На голосъ общественнаго неудовольствія Петръ отвѣчалъ репрессіями: онъ не уступалъ ни шагу на новомъ пути, безъ пощады рвалъ всякую связь съ прошлымъ, жилъ самъ и другихъ заставлялъ жить по новому. И эта борьба съ общественнымъ мнѣніемъ оставляла въ немъ глубокіе слѣды: отъ пытки и серьезнаго труда переходя къ пиру и отдыху, Петръ чувствовалъ себя неспокойно, раздражался, терялъ самообладаніе. Если бы онъ высказывался легче и обнаруживалъ яснѣе свой внутренній міръ, онъ разсказалъ бы, конечно, какихъ душевныхъ мукъ стоила ему вторая половина 1698 г., когда онъ впервые разсчитался со старымъ порядкомъ и сталъ проводить свои культурныя новшества".

Вліяніе раскола. Не только по тѣсной связи со стрѣльцами, но и самъ по себѣ расколъ долженъ былъ производить на возрастающаго Петра отталкивающее впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что расколъ, начавшійся по поводу исправленія Никономъ церковныхъ книгъ, былъ формально признанъ соборомъ 1667 г., который 13 мая осудилъ тѣхъ, кто не хотѣлъ принимать новыхъ книгъ и обрядовъ. Раскольники оказались внѣ Церкви и православнаго Русскаго государства и по Уложенію 1649 г. подлежали смертной казни. Расколу, въ сущности, не могло быть мѣста. Между тѣмъ онъ распространялся и угрожалъ волненіями, которыя подавлять приходилось военною силою. Гонимый все съ большею силою, даже въ правленіе царевны Софьи[1]), расколъ вынужденъ былъ прежде всего изыскать способъ и

[1]) А. Э. IV, № 284, стр. 419—422. *Проф. П. С. Смирновъ*, Исторія русскаго раскола старообрядчества, изд. 2, Спб. 1895 г., стр. 168.

мѣсто къ существованію. Затѣмъ ему необходимо было выработать свое внутреннее устройство, организоваться на подобіе отвергнутой имъ Православной Церкви, создать теорію, которая объяснила бы всякому почему расколъ очутился въ гонимомъ положеніи, составить свое ученіе о старыхъ обрядахъ и взглядахъ на состояніе Церкви. Все что можно было сдѣлать въ этихъ отношеніяхъ, расколъ сдѣлалъ въ первую четверть вѣка своего существованія и даже успѣлъ осмыслить пройденный путь. Расколъ оглянулся — и самъ произнесъ судъ надъ своимъ положеніемъ, раздѣлившись въ отзывѣ на двѣ половины: поповщину и безпоповщину[1]). Но этимъ раздѣленіемъ только начался длинный рядъ самопротиворѣчій въ расколѣ.

Одновременно съ самимъ расколомъ въ немъ появилась мысль, что „антихристъ явился въ міръ и царствуетъ“[2]). Появилась цѣлая литература и среди нея ученіе діакона Ѳеодора „о послѣднемъ отступленіи“[3]) и писанія Аввакума. Расколоучители то ждали скораго явленія антихриста, то пророчили прекращеніе переживаемыхъ дней[4]). Противорѣчіе не прошло незамѣченнымъ и вновь будило мысль. Остановились на томъ, что антихристъ, это—Никонъ. Но 17 августа 1681 года Никонъ умеръ и тогда стали учить, что Никонъ или воскреснетъ, или во Псковѣ живетъ. „И ходилъ бѣдный искать во Псковѣ Никона, да не обрѣлъ“[5]). Параллельно съ этимъ обращали взоры и на Алексѣя Михайловича и находили антихриста въ немъ. Но вѣдь и Алексѣй Михайловичъ умеръ. Тогда понятіе о лицѣ антихриста замѣнено было понятіемъ о признакѣ антихристова времени. Аввакумъ истолковалъ, что именословное благословеніе и троеперстіе есть печать антихриста, а такъ какъ наличность печати его безъ самаго антихриста есть крайняя нелѣпость, то порѣшили, что „антихристъ тотъ, кто крестится тремя перстами“[6]).

Вмѣстѣ съ этимъ раскольники высчитали годъ и день кончины міра. Назначали его нѣсколько разъ, но кончины не послѣдовало[7]). Подъ гнетомъ внутреннихъ противорѣчій и отчаянія обратились къ самоистребленію, главнымъ образомъ, въ формѣ самосожженія. Началось оно въ самый годъ рожденія Петра въ Нижегородскомъ Закудемскомъ стану, гдѣ „многіе съ женами и съ дѣтьми на овинахъ пожигалися“[8]). Въ ночь на 6 января 1679 г. сгорѣло 1700 чел., 24 октября 1687 г.—не менѣе 200 чел., затѣмъ —2700, 1500 чел. и т. д[9]).

Противъ крайности самосожженія возстали сами раскольники. Однако необходимость жить въ „никоніанскомъ“ государствѣ, не измѣняя „древнему благочестію“, заставила ихъ впасть въ другую крайность: быть раскольникомъ *тайно*, выдавая себя за православнаго, т. е. лицемѣрить. На этой почвѣ создалась цѣлая наука лжи, подобно іезуитской казуистикѣ. Не ува-

---

[1]) *Проф. П. С. Смирновъ*, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1898, стр. I—V.

[2]) Тамъ-же, стр. 1. [3]) Стр. 6. [4]) Стр. 14. [5]) Стр. 16—29.

[6]) Тамъ-же, стр. 29—45. [7]) Стр. 45—53. [8]) Стр. 54. [9]) Стр 53—82

жая, однако, православныхъ таинствъ, стали перекрещивать, перевѣнчивать. Въ крайности рекомендовали „заѣдать“ своихъ дѣтей[1]).

Далѣе, чтобы скрыть свою принадлежность къ расколу, стали ходить въ церковь, исповѣдываться, принимать къ себѣ православнаго священника, когда тотъ приходилъ со святою водою или Христа славить, и т. д.[2]).

Пришлось рѣшить, какъ ко всему этому относиться? Различали, напр., образа *истинно* написанные и во *фряжскомъ* стилѣ. Одни учили никакимъ иконамъ не поклоняться, другіе—только фряжскимъ. „Будетъ образа подобна написана не прилучится, говоритъ Аввакумъ, и ты на небо, на востокъ, кланяйся, а такимъ образамъ не кланяйся.“[3]).

Лицемѣріе не удовлетворяло раскольниковъ. Порѣшили, что отъ обличителей самое лучшее—отдѣлываться взяткою. Создалась теорія „окупа“, а гдѣ онъ былъ невозможенъ, или не достигалъ цѣли,—тамъ позволялось бродяжество, бѣгство въ лѣса и пустыни[4]).

При всемъ этомъ, однако, нельзя было обойтись безъ пищи, безъ неизбѣжнаго столкновенія съ никоніанами за общимъ столомъ и на рынкѣ. Порѣшили ни въ чемъ съ никоніанами не сообщаться и даже не ѣсть мясо того животнаго, которое закалывается безъ предварительнаго удара въ голову. Вопросъ о рынкахъ, гдѣ торгуютъ „еретики“, Аввакумъ совсѣмъ обходилъ[5]). Въ безвыходномъ положеніи снова возникали призывы къ мученичеству, но на него не всѣ были способны, падали и возвращались въ расколъ. Создалась тогда цѣлая покаянная дисциплина, пародировавшая древнюю, временъ гоненій первыхъ вѣковъ[6]).

Отвергнувъ православную іерархію, расколъ подѣлился на бѣглопоповщину и безпоповщину, и даже просто „мужиковщину“[7]). Создалось нелѣпое положеніе „древляго благочестія“ безъ іерархіи, священства, а, слѣдовательно, и безъ таинствъ. А кто не хотѣлъ безъ нихъ быть, долженъ былъ довольствоваться отбросами никоніанства. Развивая нелѣпость, стали крестить міряне, стали другъ у друга исповѣдываться. Труднѣе было съ причастіемъ. Гдѣ его достать, кто причаститъ? Нашлись попы, заготовлявшіе запасные дары, для чего просфору для агнца обыкновенно „запасали великую яко куличу“[8]). За неимѣніемъ же священниковъ причащали другъ друга не только мужчины, но и женщины[9]).

Вопросъ о бракѣ привелъ къ дилеммѣ: или дѣвство, или развратъ. Если дѣвство было не подъ силу, то учили: „лучше есть жити безъ вѣнчанія, нежели вѣнчаться по еретически“[10]).

Явившись *букво-обрядо-вѣріемъ* расколъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, имѣть твердую точку опоры во взглядѣ на старыя книги, старые об-

---

1) „Какъ намъ быть съ рожденіемъ своимъ,—спрашивали матери у одного расколоучителя: гдѣ намъ крестить бѣдныхъ тѣхъ младенцевъ“? Тотъ отвѣчалъ: „заѣдайте младенцевъ или въ воду мечите,—лучше того, что по новому крестить“. *Проф. П. С. Смирновъ*, Внутр. вопросы въ расколѣ въ XVII в. Спб. 1898. стр. 91.

2) Тамъ-же, 92. 3) Тамъ-же 97. 4) Стр. 98—100. 5) Стр. 108—111. 6) Стр. 111—124. 7) Стр. 126. 8) Стр. 161. 9) Стр. 165. 10) Стр. 180.

ряды. Немного времени прошло, какъ начались среди раскольниковъ споры о старопечатныхъ книгахъ. Многіе не стали принимать книгъ іосифовскаго изданія, по причинѣ несходства ихъ съ филаретовскими и іоасафовскими книгами, и даже стали хулить ихъ ересью. Оживленная переписка привела къ тому выводу, что описки въ книгахъ возможны, и въ патріаршихъ изданіяхъ онѣ есть, и что въ виду этого *необходимы исправленія и въ старопечатныхъ книгахъ*[1]).

Разошлись также и въ опредѣленіи *дѣйствительнаго вида* креста Христова[2]), по вопросу о *единогласномъ и нарѣчномъ пѣніи и поклонахъ*[3]), впали, наконецъ, въ *догматическія* заблужденія, напр., Аввакумъ проповѣдывалъ: „вѣруй въ *трисущную* Троицу. Существо *едино на трое* равно раздѣляй: на трое течетъ источникъ божества. По Арію не рцы — три существа не равныя, а равныя три существа добрѣ, или *естества.* Не шевели больше того. Несѣкомую сѣки, небось, по равенству, едино *на три существа,* или естества“[4]). Аввакумъ училъ также, что Христосъ сшелъ въ утробу Дѣвы не существомъ, а *благодатію*[5]). Такъ же *благодатію* сошелъ и Духъ Святый въ день Пятидесятницы[6]), и т. под.

Итакъ спасители праворѣрія и древняго благочестія дошли до крайнихъ противорѣчій, до самоубійственнаго признанія ошибокъ въ старыхъ книгахъ и обрядахъ, даже до прямыхъ ересей.

Разумѣется, нельзя утверждать, чтобы Петръ читалъ раскольническую литературу, разбирался въ ихъ ученіи. Къ тому же многіе вопросы раскола стали замѣтны и болѣе или менѣе ясны только впослѣдствіи, въ исторической перспективѣ, когда сами собою обнаружились противорѣчія, которыя стали неизбѣжными при желаніи старообрядцевъ сохранить древнюю церковную организацію и всѣ формы ея жизни, тогда какъ для этого у нихъ не было необходимыхъ силъ и средствъ. Однако для Петра не было и надобности въ детальномъ знакомствѣ съ ученіемъ раскола. Для него достаточно было непосредственнаго наблюденія надъ внѣшнимъ поведеніемъ современныхъ ему старообрядцевъ, въ которомъ онъ несомнѣнно могъ замѣтить ихъ затруднительное положеніе въ примиреніи исповѣдуемаго ими ученія съ житейской дѣйствительностью. Ригоризмъ въ остаиваніи своихъ положеній, съ одной стороны, и готовность пойти на компромиссъ, когда это считалось нужнымъ, съ другой стороны, не могли внушить Петру чувства уваженія къ расколу старообрядчества, почему, не пойдя за нимъ, Петръ воспользовался расколомъ лишь въ государственныхъ цѣляхъ, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ финансоваго обложенія старовѣрія.

Нѣмецкая слобода. Старообрядчество было сильно своимъ консерватизмомъ и въ этомъ смыслѣ было одною крайностью. Другую крайность въ русской жизни того времени составляло иноземное вліяніе, особенно усилившееся къ XVII вѣку. Поэтому естественно, что Петръ, благодаря особен-

[1]) Стр. 183—188 и сл. [2]) Стр. 193—208. [3]) Стр. 208—215.
[4]) Стр 220. [5]) Стр. 222. [6]) Стр. 228.

ностямъ его эпохи и своеобразнымъ условіямъ его личнаго воспитанія и образованія, далекаго отъ привычныхъ національно-церковныхъ традицій, уклонившись отъ одной крайности, впалъ въ другую, найдя иноземное вліяніе удовлетворяющимъ всѣмъ его личнымъ запросамъ. Вслѣдствіе этого, чтобы выяснить степень его значенія для сложенія религіозно-политическаго міросозерцанія Петра Великаго, мы вынуждены нѣсколько остановиться на исторіи Нѣмецкой слободы въ Москвѣ, на путешествіяхъ Петра по Западной Европѣ и на характерѣ того просвѣщенія и литературы, къ которымъ онъ обнаруживалъ несомнѣнную склонность.

Извѣстно, что еще древняя Русь находилась въ оживленныхъ сношеніяхъ съ иноземцами, которые, въ качествѣ „гостей", довольно долго, а то и навсегда оставались на ея территоріи. Съ теченіемъ времени приливъ иноземцевъ увеличивался, такъ какъ московское правительство все болѣе и болѣе было заинтересовано въ тѣхъ техническихъ свѣдѣніяхъ и навыкахъ, которыхъ у русскихъ людей тогда не доставало. Прежде всего требовало развитія военное дѣло, а затѣмъ—строительное искусство, промышленность, торговля, врачебное дѣло и многое другое. Учиться всему этому на западѣ Европы было для русскихъ людей и долго и опасно, могли быть и дѣйствительно бывали случаи полнаго перехода русскихъ въ чужія подданство и вѣру. Напротивъ, гораздо проще и легче было воспользоваться услугами пріѣзжихъ иностранцевъ. И дѣйствительно они являлись къ намъ въ большомъ числѣ, неся съ собою характерныя черты своего національнаго быта, своего религіознаго исповѣданія, свои знанія и міровоззрѣніе. Но попадая въ совершенно чуждую имъ обстановку русской жизни, они, естественно, объединились между собою, главнымъ образомъ, по признаку исповѣдуемой вѣры. Особенное значеніе получили, такимъ образомъ, иноземцы, поселившіеся въ нашемъ центрѣ, въ Москвѣ, образовавъ тамъ нѣсколько религіозныхъ общинъ со своими церквами и духовенствомъ. Однако, подозрительное отношеніе къ нимъ москвичей, видѣвшихъ въ иноземцахъ прежде всего людей другой вѣры, „еретиковъ", привело къ тому, что почти всѣхъ пришедшихъ въ Москву иноземцевъ поселили за Москвой рѣкой, въ предмѣстьи, названномъ *Наливки*[1]). Но Наливки лежали на югѣ отъ Москвы, откуда она чаще всего подвергалась нападеніямъ татаръ и другихъ враговъ. При нашествіи въ маѣ 1571 г. Девлетъ-Гирея, Наливки были раззорены и не могли воскреснуть[2]). Между тѣмъ, шотландцы, приведенные изъ Швеціи и Ливоніи въ качествѣ плѣнныхъ, составили ядро другого иноземнаго поселенія около Москвы въ предмѣстьи на *Болвановкѣ*[3]). Но гораздо болѣе значительная историческая роль выпала на долю при-Яузскаго селенія, расположеннаго на правомъ берегу рѣки Яузы, близъ ея устья. Это селеніе образовалось такъ же изъ ливонскихъ плѣнныхъ, и получило извѣстное въ

---

[1]) *Д. В. Цвѣтаевъ*, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. за 1889 г. кн. IV, стр. 15—18, 235.

[2]) Тамъ же, стр. 235. [3]) Тамъ же, стр. 33, 240.

русской исторіи названіе „*Нѣмецкой Слободы*“ или „*Кукуя*“[1]). Іоаннъ Грозный притѣснялъ иноземцевъ, изъ которыхъ въ то время большинство были протестанты, и однажды (1578 г.) въ личномъ своемъ присутствіи позволилъ даже разграбить названную Нѣмецкую Слободу[2]). Но затѣмъ, при Борисѣ Годуновѣ и Лже-Димитріи положеніе жителей Слободы улучшилось[3]), а во время Смуты, напротивъ, Слобода была совершенно раззорена и иноземцы изъ Москвы разбѣжались[4]). Тогда предъ правительствомъ Михаила Θеодоровича встала задача вновь привлечь въ Москву иноземцевъ, особенно же служилыхъ людей, въ которыхъ оно болѣе всего нуждалось, и для этой цѣли иноземцамъ разрѣшено было селиться въ разныхъ мѣстахъ города по ихъ выбору. Дѣйствительно, вскорѣ число ихъ возросло до тысячи[5]). Однако, противъ свободы иноземцевъ въ этомъ отношеніи возстало русское населеніе, которое сначала, челобитной 1638 г., добилось запрещенія иноземцамъ ставить свои дома въ центрѣ Москвы и приказанія сломать уже построенныя церкви, а затѣмъ, послѣ пожара Москвы 1652 г., понудило правительство вновь собрать всѣхъ иноземцевъ въ одно поселеніе, которое и приказано было имъ строить приблизительно въ томъ же мѣстѣ, гдѣ раньше стояла разрушенная въ Смутную эпоху Нѣмецкая Слобода, только болѣе въ сѣверо-восточномъ направленіи, вверхъ по Яузѣ и дальше отъ устья, именно тамъ, гдѣ теперь Нѣмецкая улица и прилегающіе къ ней кварталы[6]). Это и была та Новая Иноземная или просто *Нѣмецкая Слобода* за Покровскими воротами и Землянымъ валомъ, въ которой Петръ Великій былъ такимъ частымъ и воспріимчивымъ гостемъ.

О Нѣмецкой Слободѣ конца XVII в. современникъ царя Алексѣя Михайловича, членъ австрійскаго посольства, Викгартъ, отозвался слѣдующимъ образомъ: „Внѣ столицы, въ полчаса пути, лежитъ нѣмецкій городъ, большой и людный, гдѣ нѣмцы, генералы, полковники и низшіе офицерскіе чины, вмѣстѣ съ многими купцами, художниками, ремесленниками, комедіантами и музыкантами верхне-нѣмецкой, голландской, англійской и шведской націй, имѣютъ хорошія жилища и съ широкой свободой пользуются дозволеніемъ лютеранскихъ и кальвинскихъ обрядовъ“[7]).

Любители приключеній, охотники до наживы, иностранцы Нѣмецкой Слободы не соблюдали добраго порядка и нерѣдко требовали вмѣшательства въ ихъ дѣла русскаго правительства[8]). Между ними были члены самыхъ разнообразныхъ національностей и странъ. Что же касается вѣроисповѣданія, то большинство жителей Нѣмецкой Слободы держалось протестантства съ его толками и немногіе католичества. По политическимъ своимъ симпатіямъ и по ремеслу это были люди тоже очень различные, охваченные, главнымъ образомъ, интересами личныхъ матеріальныхъ выгодъ и не осо-

---

1) Тамъ же, стр. 33, 241.
2) Тамъ же, стр. 243.
3) Тамъ же, стр. 47—49. 244—247.
4) Тамъ же, стр. 50, 247—248.
5) Тамъ же, стр, 248—250.
6) Тамъ же, стр. 250—253.
7) Тамъ же, стр. 258.
8) Тамъ же, стр. 280—281.

бенно разборчивые въ нравственномъ характерѣ способовъ ихъ достиженія[1]). Однако при всемъ этомъ разнообразіи обитателей Нѣмецкой Слободы и ихъ личныхъ интересовъ, приводившихъ ихъ къ постояннымъ взаимнымъ столкновеніямъ и спорамъ, все таки они не жили обособленно другъ отъ друга, понимая, что при извѣстной солидарности они легче могутъ достичь болѣе хорошихъ условій своего положенія въ чужой странѣ. Поэтому они старались держаться сплоченно, быть въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ и помогать другъ другу, участвуя и въ общихъ предпріятіяхъ и увеселеніяхъ по поводу важныхъ семейныхъ событій, дней рожденія, браковъ, встрѣчъ пословъ, удачи въ предпріятіяхъ и проч. въ своей средѣ. Отсутствіе напряженности религіозныхъ, политическихъ и другихъ отношеній облегчало заключеніе и поддержаніе разнообразныхъ связей и отношеній, чему способствовало и постепенное распространеніе одного разговорнаго языка[2]).

Какъ бы то ни было, но Нѣмецкая Слобода въ Москвѣ являлась все таки уголкомъ Европы, въ которомъ въ миніатюрѣ можно было многое встрѣтить, многому поучиться[3]). Иностранцы нужны были намъ прежде всего, чтобы усилить нашу военную мощь и они были, потому, по преимуществу нашими военными инструкторами разныхъ ранговъ. Арміи нужно было вооруженіе и военные припасы—иноземцы учили насъ добывать и обрабатывать руду, дѣлать пушки, оружіе, снаряды. Необходимо было поднять производительныя силы страны и иноземцы устраивали намъ фабрики и заводы, напр. стеклянные, кожевенные, бумажные, суконные и проч. Иноземцы же культивировали у насъ неизвѣстныя раньше растенія, напр., салатъ, розы, садовыя и оранжерейныя деревья, разныя травы и овощи. Они же учили насъ дѣлать хорошее церковное вино. Желаніе облегчить торговыя сношенія привело еще при Іоаннѣ Грозномъ къ попыткамъ завести флотъ рѣчной и на Каспійскомъ морѣ и выучиться у англичанъ, голштинцевъ и др. корабельному мастерству[4]). Между прочимъ въ 1668 г. въ качествѣ инструкторовъ пріѣхали въ Россію голландцы и среди нихъ исвѣстный Стрюйсъ и „корабельнаго пушкаря товарищъ“ Карстенъ Брантъ, впослѣдствіи учитель Петра Великаго. Иностранцы же учили русскихъ комфорту жизни, музыкѣ, изяществу костюмовъ, увеселеніямъ, поведенію въ обществѣ и проч.[5]). Вліяніе иностранцевъ, примѣръ Нѣмецкой Слободы, правда, встрѣчалъ себѣ осужденіе и противодѣйствіе духовенства и приверженцевъ стараго бытового уклада. Однако уже два столѣтія, особенно же со времени Михаила Өеодоровича и въ царствованіе Алексѣя Михайловича и его старшихъ дѣтей, это вліяніе чувствовалось при дворѣ и въ высшемъ обществѣ Москвы, и уже вызывало подраженіе иноземцамъ.

[1]) *Дм. Цвѣтаевъ*, стр. 282 [2]) *Дм. Цвѣтаевъ*, стр. 324—326.

[3]) См. очень интересный очеркъ *И. Забѣлина*, „Хроника общественной жизни въ Москвѣ съ половины XVIII столѣтія“ въ его изданіи „Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. М. 1873. ч. II, стр. 411 и слѣд.

[4]) См. *Н. И. Загоскинъ*, Русскіе водные пути и судовое дѣло въ до-Петровской Россіи. Спб. 1910 г.

[5]) *Д. В. Цвѣтаевъ*, стр. 702 и слѣд.

Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, что молодой и впечатлительный Петръ, столкнувшись съ нѣмецкимъ вліяніемъ, исходившимъ отъ Нѣмецкой Слободы, легко ему подчинился, найдя подготовленную почву для удовлетворенія своихъ запросовъ. А они явились у него особенно съ десятилѣтняго возраста.

Еще въ Кремлѣ Петръ любилъ военныя игры со своими сверстниками. Послѣ перевота 1682 г. переселившись вмѣстѣ съ матерью въ село Преображенское[1], расположенное по Яузѣ, не далеко отъ Нѣмецкой Слободы, Петръ въ ноябрѣ 1683 г. уже организуетъ Преображенскій полкъ, затѣмъ (1685 г.) устраиваетъ тутъ же съ помощью иноземныхъ военныхъ инженеровъ по правиламъ западно-европейскаго военнаго искусства потѣшную крѣпость Пресбургъ, производитъ маневры и проч. Около 1687 г. Петръ заинтересовался астролябіей, для объясненія которой и обученія Петра началамъ геометріи и тригонометріи, чтобы пользоваться ею, былъ призванъ изъ Нѣмецкой Слободы голландецъ Францъ Тиммерманъ. Около того же времени Петръ нашелъ въ амбарѣ села Измайлова старый ботъ, принадлежавшій нѣкогда Н. И. Романову[2] и разъ на всегда пристрастился къ мореплаванію, въ которомъ его учителями явились изъ Нѣмецкой Слободы голландецъ Карстенъ Брантъ, а затѣмъ другіе.

Интересъ Петра къ военному и морскому искусству не ослабѣвалъ не смотря на женитьбу (27 января 1689 г.) на Евдокіи Ѳеодоровнѣ Лопухиной, личности стараго образа мыслей, и на пережитыя въ это время волненія изъ-за царевны Софіи. Напротивъ, опытъ показалъ, что потѣшное войско Петра представляетъ серьезную силу и, значитъ, его поведеніе не совсѣмъ-то заслуживаетъ порицанія. Освобожденный на время съ 1689 до 1698 г. отъ государственныхъ дѣлъ, которыми отъ имени Петра правили патріархъ Іоакимъ и Наталья Кирилловна († 1694 г.), Петръ по прежнему дружилъ съ иноземцами.

Будучи уже взрослымъ юношей, Петръ находился какъ разъ въ томъ опасномъ возрастѣ физическаго и умственнаго созрѣванія, когда окончательно формируется характеръ человѣка, вырабатываются принципы дѣятельности, его моральная личность.

Неудачный бракъ. Неудовлетворенный женитьбой безъ личнаго сердечнаго влеченія[3], скучающій рутиной и безсодержательностью старинной русской будничной жизни, Петръ искалъ веселыхъ и бурныхъ развлеченій въ компаніи швейцарца Франца Лефорта и другихъ жителей Нѣмецкой Слободы.

---

[1] *И. Забѣлинъ*, Преображенское или Преображенскъ, московская столица достославныхъ преобразованій перваго Императора Петра Великаго. М. 1883.—*П. В. Синицынъ*, Преображенское и окружающія его мѣста. Съ рис. Нестерова. М. 1895.—Потѣшный дворъ. Рус. Вѣстн. 1867, № 12.—*М. Семевскій*, Кожуховскій походъ 1694 г. Военный сборникъ, 1860, № 1.

[2] *Погодинъ*, 131—138.

[3] *Погодинъ*, 144—149.—*Семевскій*, Авдотья Ѳеодоровна Лопухина. Рус. Вѣстн. 1859 г. № 10.

„Отважный рубака, говорунъ и весельчакъ, человѣкъ подвижного ума, увлекательный разказчикъ, Лефортъ съ 1690 г. завоевалъ искреннюю привязанность Петра, которому былъ со своей стороны, неизмѣнно преданъ. На царскія деньги Лефортъ устроилъ, при своемъ помѣщеніи въ Нѣмецкой Слободѣ, громадную залу, гдѣ то и дѣло давались обѣды, балы, вечеринки“[1]). Такъ Слобода оказала на Петра большое вліяніе. „Онъ увлекся новыми для него формами жизни и отношеній, отбросилъ этикетъ, которымъ окружена была личность государя, щеголялъ въ „нѣмецкомъ“ платьѣ, танцовалъ „нѣмецкіе“ танцы, шумно пировалъ въ „нѣмецкихъ“ домахъ. Онъ даже присутствовалъ на католическомъ богослуженіи въ Слободѣ, что по древне-русскимъ понятіямъ, было для него вовсе неприлично. Сдѣлавшись въ Слободѣ обычнымъ гостемъ, Петръ нашелъ тамъ и предметъ сердечнаго увлеченія—дочь виноторговца Анну Монсъ. Мало по малу Петръ, не выѣзжая изъ Россіи, въ Слободѣ ознакомился съ бытомъ западно-европейцевъ и воспиталъ въ себѣ привычку къ западнымъ формамъ жизни. Вотъ почему историки придаютъ важное значеніе вліянію на Петра Нѣмецкой Слободы. Она явилась для Петра первымъ уголкомъ Европы и завлекла его къ дальнѣйшему знакомству съ нею[2]).

Что касается Анны Монсъ[3]), то самый фактъ сближенія съ нею при жизни нелюбимой жены, и долговременность привязанности[4]), съ точки зрѣнія Церкви и ея дисциплины, несомнѣнно, предосудительные, не могли не оказать на Петра своеобразнаго вліянія. Неустойчивость нравственныхъ принциповъ именно въ этой области, обыкновенно, приводитъ къ религіозному индифферентизму.

У Петра этотъ индифферентизмъ явился съ наклономъ къ протестантству и не только потому, что сближаясь съ нѣмцами на почвѣ дѣла и забавы онъ не могъ пройти мимо ихъ религіознаго міровоззрѣнія, но также потому, что именно протестантство, отрицающее видимую церковь и предоставляющее широкую автономію личности, не знаетъ церковной дисциплины, довольствуется не столько вѣрой въ живого Бога, сколько признаніемъ Его бытія, отрицаетъ видимую церковность, обряды, уставы и правила, и всѣмъ этимъ всегда очень нравилось и нравится многимъ.

Религіозное вліяніе Нѣмецкой Слободы на Петра важно для исторіи не однимъ только этимъ. Едва ли будетъ ошибкою предположить, что уже въ этой Слободѣ Петръ впиталъ въ себя нѣкоторыя элементы, изъ которыхъ позднѣе составился его взглядъ на положеніе Церкви въ государствѣ. Религіозность до такой степени въѣлась въ русскую натуру, что въ ней, даже при невѣріи въ Бога, никогда не атрофируется вполнѣ интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Въ частности, у насъ очень любятъ всякіе пере-

---

[1]) *Е. Шмурло*, въ статьѣ Лефортъ въ Энциклопедіи Брокгауза и Ефрона, т. XVII стр. 615. См. указ. тамъ литературу.

[2]) *Проф, С. Ѳ. Платоновъ*, Лекціи, 450—451.

[3]) *Семевскій*, Семейство Монсовъ, Спб. 1862.

[4]) *Е. Шурло*, въ Энц. Эфрона, т. XIX, 793.

суды духовенства. Въ старое время этого не могло быть меньше, чѣмъ теперь. Поэтому можно предположить, что Петръ встрѣчаясь въ Нѣмецкой Слободѣ съ людьми разныхъ европейскихъ націй и, въ частности, съ инославнымъ духовенствомъ, болѣе или менѣе знакомился и съ юридической постановкой различныхъ исповѣданій въ европейскихъ государствахъ. Для этого не нужно было очень многаго. Простая бесѣда о томъ о семъ могла давать уже кое-какое понятіе относительно того, какъ дѣло поставлено на западѣ, и какъ у насъ, и гдѣ лучше[1]). Въ той же Слободѣ Петръ могъ впервые ознакомиться съ коллегіальнымъ строемъ протестантскихъ общинъ[2]).

Такимъ образомъ, ко времени перваго путешествія Петра за границу, въ 1698 г., когда ему было 26 лѣтъ, религіозное міровоззрѣніе Петра, слагавшееся въ раннемъ дѣтствѣ подъ сѣнію Кремля въ почти обычныхъ условіяхъ, затѣмъ, подъ вліяніемъ стрѣльцовъ и раскола, юношеской свободы и безпечности, военныхъ забавъ, а особенно Нѣмецкой Слободы, сдѣлалось чуждымъ привязанности къ родной церковности, пріобрѣло оттѣнокъ свѣтскаго индифферентизма и симпатіи къ протестантству[3]).

---

[1]) О посѣщеніяхъ Петромъ Нѣмецкой Слободы, о присутствіи его при богослуженіи, закладкѣ храма, при бракосочетаніяхъ и т. д. см. *A. W. Fechner*, Chronick der evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. 1—2. Moskau. 1876.; особенно въ I томѣ (1672—1728 гг.) на стр. 351—479.

[2]) *Д. В. Цвѣтаевъ*, стр. 182—183 и сл.

[3]) См. *Терновскаго*, Императоръ Петръ I въ его отношеніи къ католичеству и протестантству. Труды К. Д. А. 1869, 3, стр. 373—403.—*Д. Извѣковъ*, Отношенія русскаго правительства къ католической пропагандѣ въ первой половинѣ XVIII в. Журн. М. Н. Пр. 1870, ч. 151, Сент. 61—74.—*Его-же*, Отношеніе русскаго правительства въ первой половинѣ XVIII в. къ протестантскимъ идеямъ. Журн. М. Н. Пр. 1867, ч. 136, Окт. 59—81.— *Ю. Ѳ. Самаринъ*, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, М. 1880 г.—*П. Громовъ*, Преобразовательная дѣятельность Петра В. по ц. управленію. Вѣра и Разумъ 1891, кн. 2, стр. 95 и слѣд. — Петръ В. и папство. Изъ путевыхъ записокъ Августа Коцебу. Перев. С. С. Слуцкимъ. Рус. Арх. 1903, III, (11), 392—398.

Для характеристики живого интереса Петра Великаго къ западнымъ исповѣданіямъ не мѣшаетъ имѣть въ виду слѣдующій разсказъ, записанный Я. Штелинымъ со словъ вдовы пастора Рейхмута („Любопытныя и достопамятныя сказанія о И. Петрѣ Великомъ“ 2-е изд. 1787, № LXXII, стр. 254—256). „Сколь Петръ Великій терпѣлъ всѣ христіанскія вѣры, столько былъ любопытенъ узнать и ихъ самую существенность, догматическія ученія и наружные церьковные обряды. Сіе происходило по большей части можетъ быть отъ того, что онъ не имѣлъ ни малѣйшей къ лютеранской и реформатской вѣрамъ ненависти; и всегда былъ лучшаго мнѣнія объ оныхъ, нежели о чрезмѣрной власти Римско-Католической вѣры. Извѣстно, что онъ во время своихъ путешествій, даже и въ самой Москвѣ посѣщалъ иногда лютеранскія и реформатскія церкви, слушалъ до конца проповѣди и разсматривалъ въ точность церковные обряды. На сей конецъ приказалъ освѣдомиться въ Москвѣ объ отправленіи Тайныя вечери въ новой Лютеранской церьквѣ. Увѣдомившись, что сіе будетъ въ слѣдующее Воскресенье, прибылъ въ церьковь въ половинѣ почти проповѣди. При вступленіи далъ всему собранію знакъ, чтобъ нѣкто не вставалъ и не оглядывался ни мало, и сѣлъ подлѣ алтаря въ креслы. Какъ по окончаніи проповѣди начали пѣть молитву ко Святому причащенію, то приказалъ онъ подать себѣ книгу и показать въ оной молитву. Во время самаго причащенія приближился къ Олтарю и сталъ подлѣ бывшихъ тогда Пасторовъ Рейхмута и Ролоффа, примѣчалъ все со вниманіемъ, и ожидалъ

Первое путешествіе за границу. Слѣдующимъ факторомъ, повліявшимъ на Петра, являются его путешествія за границу. Въ первый разъ онъ поѣхалъ туда съ великимъ посольствомъ въ качествѣ „волонтера Петра Михайлова“. Весьма любопытно отмѣтить, гдѣ именно побывалъ Петръ[1]). Посольство двинулось изъ Москвы 9 марта 1697 г. съ намѣреніемъ посѣтить Вѣну, королей англійскаго и датскаго, папу, голландскіе штаты, курфюрста бранденбургскаго и Венецію. Въ дѣйствительности былъ выполненъ слѣдующій маршрутъ. До шведской границы послы ѣхали черезъ Тверь, Торжокъ, Вышній Волочекъ, Новгородъ и Псковъ, откуда изъ Печерскаго монастыря 25 марта переѣхали черезъ границу въ Нейгаузенъ. Затѣмъ чрезъ Искуль, Смильтенъ, Стерлингофъ, Венденъ, Саибекъ и Агишъ 31 марта въѣхали въ Ригу. Здѣсь Петръ пробылъ недѣлю и, недовольный пріемомъ, 8 апрѣля уѣхалъ въ Курляндію, владѣніе Фридриха—Казимира, герцога Курляндскаго. 14 апрѣля прибыло въ Митаву и посольство, которому Петръ затѣмъ велѣлъ сухимъ путемъ ѣхать въ Кенигсбергъ къ курфюрсту бранденбургскому, которымъ былъ тогда Фридрихъ III. Самъ же Петръ еще 25 апрѣля отправился въ Либаву, къ морю, гдѣ и пробылъ съ недѣлю. „Скучая бездѣйствіемъ, онъ пересмотрѣлъ въ этомъ городѣ все, на что другіе не обратили бы ни малѣйшаго вниманія“[2]). 2 мая Петръ прибылъ моремъ въ Пилау, при входѣ въ Фришгафъ, откуда 7 мая переѣхалъ въ Кенигсбергъ и занялся изученіемъ артиллерійскаго дѣла. Между тѣмъ послы 18 мая прибыли въ Кенигсбергъ сухимъ путемъ чрезъ Мемель и Тильзитъ. Здѣсь Петръ измѣнилъ планъ своей поѣздки и рѣшилъ отправиться прямо въ Голландію, для чего 10 іюня пріѣхалъ въ Пилау, чтобъ сѣсть на корабль. Но въ Пилау онъ былъ задержанъ на цѣлыхъ три недѣли изъ-за избранія Польскаго короля. Только 30 іюня Петръ вышелъ въ море и 4 іюля бросилъ якорь у Кольберга, во владѣніяхъ курфюрста бранденбургскаго Фридриха III, впослѣдствіи съ 1701 г. перваго короля прусскаго подъ именемъ Фридриха I (1688—1713). Дальнѣйшій путь пришлось Петру совершать по Германіи чрезъ маркграфство *Бранденбургское*, герцогство *Магдебургское*, княжество *Гальберштадтское*, епископство *Гильдесгеймское*, герцогство *Цельское*, княжество *Мюнденское*, епископство *Мюнстерское* и герцогство *Клевское*[3]). Но, торопясь въ Голландію, Петръ останавливался только для

пока служеніе не окончилось и народъ не вышелъ изъ церькви. Послѣ сего пошелъ съ помянутыми пасторами въ олтарь, гдѣ оказавъ имъ особливое свое удовольствіе къ ихъ проповѣди, сказалъ: что онъ къ нещастію своему не можетъ до того дойти, чтобъ поученія въ Россійскихъ церьквахъ были столь часты и столь убѣдительны къ возбужденію въ народѣ истиннаго благочестія, какъ онъ желаетъ. При томъ дѣлалъ имъ различные вопросы о Лютеранскомъ отправленіи Тайныя вечери и получа на оные удовлетворительной отвѣтъ, оказалъ свое удовольствіе и обѣщалъ милость и покровительство обоимъ Пасторамъ и ихъ церьквѣ“.

[1]) *Н. Устряловъ*, Исторія царствованія Петра Великаго, т. III, стр. 5—151.

[2]) *Н. Устряловъ*, III, стр. 31.

[3]) Вспомнимъ ходячую поговорку о власти этого герцога въ церковныхъ дѣлахъ: Dux Cliviae est papa in terris suis, См. *Н. С. Суворова*, Учебникъ церковнаго права, М. 1902, стр. 482.

ночлега, и многіе замѣчательные города, Кюстринъ, Берлинъ, Шпандау, Бранденбургъ, Магдебургъ, Гальберштадтъ, проѣхалъ безъ осмотра. Однако, изъ Гальберштадта Петръ все таки заѣхалъ на знаменитые желѣзные заводы близъ замка Ильзенбурга, а затѣмъ восходилъ на вершину горы Брокенъ, чтобы полюбоваться видами на окрестность. На пути отсюда, чрезъ Остервикъ и Гильдесгеймъ къ Гаммельну, въ области герцога Цельскаго, въ мѣстечкѣ Коппенбургѣ, Петръ видѣлся съ Софіей, курфюрстиной Ганноверской и ея дочерью, Софіей-Шарлоттой, курфюрстиной Бранденбургской[1]).

„Изъ Коппенбурга Петръ ѣхалъ вмѣстѣ съ послами чрезъ Гаммельнъ, Минденъ, Герфордъ, Бильфельдъ, Ритбергъ, Липстатъ и Гаммъ до города Люнена, на рѣкѣ Липпе, въ графствѣ Маркѣ, принадлежавшемъ курфюрсту Бранденбургскому. Отсюда онъ отправился впередъ съ нѣсколькими волонтерами и малочисленною прислугою, всего не болѣе 18 человѣкъ, прямо къ Рейну. Не доѣзжая Ксантена, нанялъ фартку и плылъ по ней до Рееса, гдѣ пересѣлъ въ шмакъ, а въ Эммерикѣ нанялъ ботъ до Саардама, и при Шенкеншанцѣ вступилъ въ предѣлы Голландіи“[2]).

„Изъ Шенкеншанца Петръ плылъ быстро, нигдѣ не останавливаясь, правымъ рукавомъ Рейна, мимо Арнгейма, Вагенингена, Реенена, Вика, Кюленбурга до Віанена; отсюда при деревнѣ Фортъ пошелъ прокопами или каналами; ночью миновалъ Утрехтъ; при Нивершлюзѣ, для сокращенія пути, изъ большого канала повернулъ въ малый и вечеромъ 7 августа, увидѣлъ Амстердамъ“[3]), а затѣмъ и Саардамъ[4]).

Въ Голландіи Петръ учился кораблестроенію, однако отдавалъ ему не все свое время. Онъ посѣщалъ фабрики и заводы; 17 августа осматривалъ ратушу Амстердама; посѣтилъ театръ, гдѣ представленъ былъ балетъ „Очарованія Армиды“, съ комедіею „Придворный адвокатъ“; въ слѣдующій день обозрѣвалъ адмиралтейство, корабельныя верфи и магазины и проч. Можно думать, что Петръ интересовался всѣмъ и при томъ не только техническими свѣдѣніями голландцевъ, но и болѣе высокими государственными вопросами. Петръ зорко слѣдилъ за политическими дѣлами въ Европѣ и не отрывалъ глазъ отъ родной Россіи[5]). Во время своего долговременнаго пребыванія въ Голландіи (съ 7 августа 1697 по 7 января 1698 г.), какъ и во время своего путешествія по Германіи, онъ, вѣроятно, знакомился и съ мѣстной религіозной жизнью, положеніемъ духовенства и отношеніемъ къ религіи государства. Не имѣя прямыхъ о томъ свидѣтельствъ, позволительно сослаться, по аналогіи, на тотъ интересъ къ религіи, который питали во время своихъ путешествій другіе русскіе люди, какъ, наприм., родственникъ Петра кн. Б. И. Куракинъ[6]), стольникъ П. А. Толстой и др.

---

[1]) Подробности этого любопытнаго свиданія см. у *Устрялова*, III, 56—59.
[2]) *Устряловъ*, III, 59. [3]) *Устряловъ*, III, 60.
[4]) Тамъ же, 62. Саардамъ нынѣ Zaandam. [5]) *Устряловъ*, III, 75—85.
[6]) См. Архивъ кн. Куракина, т. I, Спб. 1890 г. (ср. *Е. Ф. Шмурло*, Новый свидѣтель эпохи преобразованій. Объ Архивѣ кн. Ѳ. А. Куракина, Ж. М. Н. Пр. ч. 273, Янв.

Неудовлетворенный голландскимъ кораблестроенiемъ, 7 января 1698 г. Петръ отправился въ Лондонъ. Посѣтивъ Англiю, Петръ провелъ въ ней около двухъ съ половиною мѣсяцевъ и за это время работалъ на англiйскихъ верфяхъ, побывалъ въ ближайшихъ къ Лондону городахъ и многое видѣлъ.

23 января Петръ былъ у короля Георга, бесѣдовалъ съ нимъ около двухъ часовъ и познакомился съ наслѣдницей Англiйскаго престола, принцессою Анною, которая, по словамъ государя, была „сущею дочерью нашей церкви“[1]. Затѣмъ Петръ былъ въ королевскомъ обществѣ наукъ, „гдѣ видѣлъ всякiя дивныя вещи“, въ королевскомъ арсеналѣ, въ Турѣ, „гдѣ че-

стр. 187—223), гдѣ помѣщенъ „Дневникъ и путевыя замѣтки кн. Б. И. Куракина“. Послѣднiй, гдѣ бы онъ ни былъ, прежде всего интересуется религiознымъ бытомъ и сперва описываетъ его.

Амстердамъ (стр. 132) „Народъ все подъ публичными керхами—реформиры и потомъ лютори—имѣютъ церкови. Третьи—квакори въ домахъ, а церкви не имѣютъ. Жидовскiй есть—публичной; католицкая—инкогнито; многiе костелы, только есть разные—иные, которые папу не признаваютъ. Министенъ (м. б. минимы)—въ домахъ, а не церковь. Церковь персидская инкогнито—въ домѣ; церковь армянская—въ домѣ жъ“. (1705 г.).

Англiя. „Въ Англiи всѣ подъ именемъ реформиты релiи, только же есть въ нихъ между реформиты раздѣленiе и другъ другу противные. Первые называются бышкуплике, другiе конформисты, а въ провинцiи Шкотлантской и тѣмъ обоимъ противны, которые называются нонъ конформисты, другiе называются дезентеiрштъ; и такъ есть въ Англiи четыре релiи розныхъ“ (стр. 145) 1706 г.

„*Въ Галандiи* вѣра реформиты, только жъ не всѣ въ одномъ, (въ) пунктахъ имѣютъ розницу“ (стр. 146)—1706 г.

Подробное описанiе папской курiи и впечатлѣнiй отъ католическаго духовенства въ *Римѣ*, о прiемахъ у папы, у кардиналовъ, о конгрегацiяхъ, о религiозныхъ обычаяхъ, и проч. см. стр. 177—216 (1707 г.).

„Теперь будемъ писать о *Hamburgho*. Иныхъ церквей никакихъ нѣтъ, токмо люторскiе; а приватныхъ въ домѣ разыдента цесарскаго—католицкая, да въ другомъ домѣ такъ простое собранiе реформатовъ“ (стр. 229).

Брюссель: „Конвентъ езуитской, конвентъ домниканской, конвентъ кармелитанской—два, однѣ шкальцы, а другiе такъ, конвентъ де капуцины, конвентъ францысканской. Есть много другихъ конвентовъ“ (стр. 236) 1708 г.

Издатель „Путешествiя стольника П. А. Толстого 1697-1699“ (Рус. Архивъ, 1888, т. 1-2) отмѣчаетъ, что „почти по всѣмъ городамъ Толстой описываетъ алтари и престолы въ костелахъ, одежду священнослужителей, Римское богослуженiе, церковныя процессiи и т. под. Не забылъ также отмѣтить незначительныя обрядовыя разницы въ церквахъ западнаго края съ Русскою“. Въ Италiи „болѣе всего интересовали его храмы, монастыри и находящiяся въ нихъ чудотворныя иконы и мощи, также церковныя процессiи; онъ описываетъ ихъ съ большою подробностiю и все касающееся до религiи обращаетъ на себя особое его вниманiе“ (см. Предисловiе, стр. 163—164). Подобно этому и „*Журналъ, веденный однимъ изъ чиновниковъ посольства, отправленнаго И. Петромъ В. къ разнымъ европейскимъ государствамъ* переполненъ свѣдѣнiй о церквахъ, обрядахъ, богослуженiи, святыняхъ, крестныхъ ходахъ и т. д. См. „Московскiй Вѣстникъ“, 1830 г. ч. 6, № 21—24, стр. 83—131, особенно стр. 90, 94, 97, 103, 105—108, 109, 111, 114—118, 125, 126—127.

[1]) *Устряловъ* (III, 97) заимствуетъ это извѣстiе изъ письма Петра къ Ѳ. М. Апраксину отъ 5 iюня 1702 г. Очевидно у Петра былъ съ Анною разговоръ о религiи.—*Письма и бумаги*, II, № 434.—*Голиковъ*, Дѣянiя П. В. изд. 2, I, 126—127.

стныхъ людей сажаютъ за караулъ", на монетномъ дворѣ, на обсерваторіи, былъ однажды въ театрѣ, въ парламентѣ, въ Оксфордскомъ университетѣ, въ обществѣ кваккеровъ[1]), и не разъ бесѣдовалъ съ епископами Англиканской церкви, которымъ, однако же, не понравился своею непоколебимостью въ православной вѣрѣ[2]). 15 февраля были у Петра съ визитомъ знатнѣйшіе епископы, сообщаетъ Голиковъ[3]), причемъ государь принялъ ихъ весьма ласково и бесѣдовалъ „о разныхъ до духовенства относящихся матеріяхъ, болѣе же о греческой религіи и о ея древности". 27 февраля Петръ посѣтилъ архіепископа Кентербюрійскаго, „съ которымъ препроводилъ довольное время въ разговорахъ"[4]). Возвращаясь къ сказанному, Голиковъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Петръ не только осматривалъ Лондонъ, но желалъ узнать и догматы англиканства, для чего бесѣдовалъ съ духовенствомъ, затѣмъ посѣтилъ церкви всѣхъ терпимыхъ сектъ въ Лондонѣ и въ каждой разговаривалъ съ начальниками оныхъ[5]).

8 апрѣля 1698 г. Петръ посѣтилъ Оксфордскій университетъ[6]) въ сопровожденіи епископа Барнета, которому, будто бы, велѣно было королемъ и первыми духовными особами объяснить Петру „о всѣхъ правилахъ церкви Англійскія, чѣмъ Монархъ и не оставилъ воспользоваться"[7]), причемъ Борнетъ вынесъ такое влечатлѣніе, что „хотя Петръ старался узнать догматы Англиканской Церкви, но едва ли перемѣнитъ что либо, касательно религіи, въ своемъ отечествѣ"[8]).

Такимъ образомъ, повидимому, въ Англіи были сдѣланы прямыя попытки познакомить Петра съ англиканствомъ[9]).

---

[1]) „Юрналъ": „Въ 3 день (апрѣля). Были въ квекорскомъ костелѣ". *Устряловъ*, III, 605.

[2]) *Устряловъ*, III, 99. [3]) *Голиковъ*, Дополненія, V, 53—54. Въ „*Юрналѣ*" записано кратко: „Въ 15 день. Были у насъ Англинскіе епископы и бывъ съ полчаса поѣхали", *Устряловъ*, III, 603.

[4]) *Голиковъ*, Дополненія, V, 58. Въ „*Юрналѣ*": „Въ 27 день. Послѣ обѣда ѣздилъ десятникъ къ архіепископу Контебѣхскому". *Устряловъ*, III, 603.

[5]) *Голиковъ*, Дополненія, V, 70—71. Въ „Запискахъ *Я. К. Номена* о пребываніи Петра В. въ Нидерландахъ въ 1697/98 и 1716/17 г.г." (переводъ, введеніе и примѣчанія *В. Кордта*, Кіевъ, 1904, стр. 59), между прочимъ, говорится, что „во время пребыванія Его Величества въ Англіи епископъ Салисбурійскій, по порученію архіепископа Кентербюрійскаго, и какой то другой богословъ, по порученію архіепископа Іоркскаго, разъясняли ему ученіе протестантской церкви". По мнѣнію В. Кордта можно предполагать, что этимъ „другимъ богословомъ" былъ *Френчисъ Ли*, авторъ книги „Ἀπολειπόμενα"... и вмѣстѣ съ тѣмъ перваго поданнаго Петру проекта учрежденія въ Россіи коллегій, въ томъ числѣ коллегіи для распространенія христіанской религіи. См. ниже гл. V.

[6]) Въ „*Юрналѣ*": „Въ 8 день: За 4 часа до полудня поѣхали въ Оксфордъ".

[7]) *Голиковъ*, Дополненія V, 70—71.—*Л. Н. Майковъ*, Разсказы Нартова о Петрѣ В. Спб. 1891, стр. 8, разск. 4.

[8]) *Бергманъ*, Исторія Петра Великаго, I, 264.

[9]) Петръ побывалъ, между прочимъ, и въ Виндзорѣ, который ему очень понравился („Юрналъ", 26 марта. *Устряловъ*, III, 100 и 605). Любопытно, что будучи въ Англіи Петръ сдалъ на откупъ маркизу Кармартену недавно возникшую въ Россіи торговлю табакомъ и, такимъ образомъ, пошелъ противъ установившагося взгляда Московскаго правительства (см. запретительный указъ Михаила Ѳеодоровича 1634 г. и Уложеніе 1649 г. гл. XXV) и духовенства, *Устряловъ*, III, 105—107.

25 апрѣля 1698 г. Петръ вернулся въ Голландію и проѣздомъ въ Амстердамъ на верфь Остъ Индской компаніи посѣтилъ Лейденскій университетъ и его анатомическій театръ, затѣмъ былъ въ Ло, Саардамѣ и друг. мѣстахъ[1]). 15 мая онъ выѣхалъ въ Вѣну чрезъ Нимвегенъ, Клеве, гдѣ осматривалъ красивый паркъ съ фонтанами и каскадами и всходилъ на высокую гору любоваться видомъ 20 окрестныхъ городовъ, и ночевалъ[2]). Въ разстояніи полумили отъ Клеве Петръ осматривалъ старую католическую церковь, затѣмъ у Ксантена переѣхалъ Рейнъ и направился на Везель, Дорстенъ, Люненъ, Гаммъ, Лиштадтъ, Биллефельдъ, Мюнденъ, Шаумбургъ, Коппенбругъ, Эльзе, Гильдесгеймъ, Залцгиттеръ, Ленбергъ и Остервикъ. Какъ видно, Петръ ѣхалъ старыми мѣстами и останавливался только для перемѣны лошадей и для ночлега. Только въ Биллефельдѣ онъ осматривалъ полотняныя фабрики. Изъ Гальберштадта Петръ поѣхалъ чрезъ Ашерслебенъ, Галле, Мерзебургъ, Лейпцигъ, Мейссенъ, Дрезденъ и Кенигштейнъ, причемъ Петръ нарочно заѣзжалъ въ Шаумбургъ[3]), въ Лейпцигѣ съ удовольствіемъ провелъ цѣлый день, въ Дрезденѣ 2 дня, и осматривалъ цейхгаузъ, кунсткамеру, лабораторію, палату драгоцѣнностей[4]), равнымъ образомъ осматривалъ крѣпость Кенигштейнъ[5]). Во владѣнія австрійскаго императора Петръ вступилъ при Богемскомъ городкѣ Петерсвальде, Прагу проѣхалъ ночью и черезъ Коллинъ, Часлау, Игпау, Будвейсъ, Знаимъ, Голлабрунъ и Штокерау 16 іюня прибылъ въ Вѣну, гдѣ оставался до 19 іюля, т. е. цѣлый мѣсяцъ. За это время Петръ неоднократно видѣлся съ императоромъ Леопольдомъ I, императрицей Елеонорой-Магдалиной, съ наслѣдникомъ Леопольда, сыномъ его, королемъ Римскимъ Іосифомъ. Онъ осмотрѣлъ арсеналъ, библіотеку, кунсткамеру, церкви, 23 іюня былъ въ оперѣ и 30 іюня уже собирался уѣзжать въ Венецію, а оттуда во Францію. Но Леопольдъ назначилъ на 11 іюля великолѣпный маскарадъ и въ эти дни скучавшій отъ бездѣятельности царь ѣздилъ въ мѣстечко Баденъ и Пресбургъ, столицу Венгріи. Между тѣмъ было получено извѣстіе изъ Москвы о стрѣлецкомъ бунтѣ и 19 іюля Петръ спѣшно выѣхалъ на Краковъ, Ярославъ, Брестъ-Литовскій, Слонимъ, Минскъ, Шкловъ, Смоленскъ, куда онъ прибылъ 20 августа, и Москву, миновавъ которую, отправился прямо въ Преображенское. До Кракова Петръ спѣшилъ, но получивъ въ этомъ городѣ успокоительныя извѣстія, дальнѣйшій путь по Польшѣ совершалъ съ разстановками[6]).

Относительно пребыванія Петра въ Вѣнѣ не многія подробности сообщаетъ Голиковъ. Онъ говоритъ, что 29 іюня, въ день своихъ именинъ

1) Будучи однажды въ Роттердамѣ, Петръ съ особеннымъ вниманіемъ осматривалъ статую Эразма. *Голиковъ*, Дѣянія IV, 427.

2) *Устряловъ*, III, 119.—*Юрналъ*, подъ 19 мая. *Устряловъ*, III, 608.

3) *Юрналъ*, 26 мая. *Устряловъ*, III, 609.

4) Тамъ же, 610. Петръ писалъ въ Москву изъ Дрездена: „Здѣсь хотя и два дня жили, только недосугъ было, потому что городъ Саксонской: забавны были въ немъ во всѣ часы". *Устряловъ*, III, 440 (№ 42).

5) *Устряловъ*, III, 120 и 610—611. 6) *Устряловъ*, III, 118—151.

Петръ, выслушавъ литургію и молебенъ въ своей церкви на посольскомъ дворѣ посѣтилъ римско-католическую церковь, гдѣ ему говорилъ панегирикъ іезуитъ Вульфъ на славянскомъ языкѣ[1]). 12 іюля Петръ даже посѣтилъ іезуитскій домъ Пофесъ-Гаусъ, осматривалъ его, слушалъ мессу, совершенную кардиналомъ Поллоничемъ, потомъ обѣдалъ, и послѣ этого съ іезуитомъ Вульфомъ посѣтилъ Пресбургъ[2]). Со словъ Штелина Голиковъ сообщаетъ, что Петръ сказалъ однажды за столомъ въ С.-Петербургѣ, что при дворѣ Леопольда ему все понравилось, кромѣ того, что онъ вездѣ встрѣчалъ іезуитовъ. О послѣднихъ онъ былъ невыгоднаго мнѣнія и не допускалъ въ Россію, несмотря на свою вѣротерпимость, ибо находилъ, что набожность у іезуитовъ есть только средство служить Папѣ и господствовать надъ государями. Другой разъ Петръ, будто-бы, сказалъ: „Іезуиты не могутъ удержаться, чтобъ не мѣшаться въ государственныя дѣла"[3]).

Возвращеніе въ Москву. Петръ пробылъ за границей почти полтора года, многое видѣлъ, многое передумалъ, о чемъ не сообщаютъ слишкомъ краткіе источники. Въ Москву онъ пріѣхалъ совершенно инымъ человѣкомъ и, какъ нарочно, судьба сразу поставила его лицомъ къ лицу съ лѣнивой, косной, самоувѣренной и обрядовѣрной стариной, защищаемой царевнами, духовенствомъ и стрѣльцами. Европейской культурѣ, воспринятой Петромъ, предстояло какъ будто выдержать испытаніе, прежде чѣмъ старая Русь станетъ новой Россіей. Гигантскій характеръ Петра одержалъ побѣду.

Очень любопытно, что Петръ началъ съ брадобритія и перемѣны одеждъ. Выработанной вѣками внѣшности наши предки придавали священное значеніе и видѣли въ ней залогъ своего душевнаго спасенія и православія[4]). Попытки немногихъ царедворцевъ перенять иноземные обычаи и обликъ были и до Петра. Но Алексѣй Михайловичъ 6 августа 1675 г. издалъ указъ, „чтобъ они иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людемъ своимъ по томужъ носить не велѣли. А будетъ кто впредь учнетъ волосы подстригать и платье носить съ иноземскаго образца, или такое же платье объявится на людяхъ ихъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ, и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины[5]).

Затѣмъ еще въ началѣ своего святительства въ окружномъ посланіи патріархъ Адріанъ настоятельно требовалъ: „отриньте отъ себя еретическій обычай брить и подстригать бороды. Богъ возбранилъ то и св. апостолы

---

1) *Голиковъ*, Дополненія, V, 142. 2) *Голиковъ*, Дополненія, V, 150.

3) Тамъ же, стр. 154—157. Ср. Дѣянія I, 323—324.

4) См. *Стоглавъ*, гл. 40. 2-е Казанское изданіе. 1887 г., стр. 77—79.

5) П. С. З. I, 607.—*Устряловъ*, III, 184—185.—*М. Архангельскій*, О Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 г. въ отношеніи къ православной русской церкви. Спб. 1881, стр. 93—95: Прибавленіе о небритіи бородъ, нестриженіи волосъ, неношеніи иноземныхъ костюмовъ и о неупотребленіи табаку.

воспретили". На ослушниковъ патріархъ налагалъ анаѳему[1]), которой видимо до того боялись, что самъ кесарь Ромодановскій считалъ брадобритіе безуміемъ, а одинъ простодушный плотникъ на вопросъ Перри, куда дѣвалась его борода, отвѣтилъ, вынимая ее изъ-за пазухи: „Вотъ она! Я запру ее въ сундукъ и велю положить ее съ собою въ гробъ, чтобы предстать съ нею на страшный судъ. Вся наша братья сдѣлаетъ тоже"[2]). Въ свою очередь духовенство поддерживало суевѣріе простого народа и осуждало государя. Такимъ образомъ, брадобритіе, на которое рѣшился Петръ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ Москву, приходится разсматривать, какъ это ни странно, не только какъ культурное новшество, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ доказательство иныхъ религіозныхъ убѣжденій Петра, чѣмъ тѣ, которыми продолжали жить его подданные. Петръ лишній разъ отрекся отъ старо-московскаго букво-обрядо-вѣрія.

Отвращеніе къ послѣднему долженъ былъ внушить ему и новый стрѣлецкій бунтъ. Розыскъ, начавшійся допросомъ трехъ разстриженныхъ стрѣлецкихъ полковыхъ священниковъ, показалъ, что мотивомъ бунта было не только желаніе возстановить въ правленіи царевну Софью, заключенную въ то время въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, но также истребить нѣмцевъ, разрушить Нѣмецкую Слободу, возстановить древнее благочестіе, оградить отъ искаженія древній церковно-бытовой укладъ. И хотя, за исключеніемъ немногихъ лицъ, духовенство не участвовало въ бунтѣ, все таки патріархъ Адріанъ рѣшился съ иконою Богоматери въ рукахъ выступить на защиту стрѣльцовъ, чѣмъ вызвалъ отвѣтъ царя: „Зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Знай, что я чту Бога и пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но знай также и то, что долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе, на пагубу его устремленное"[3]). Если выступленіе Адріана можно объяснить себѣ не только намѣреніемъ воспользоваться древнимъ правомъ печалованія, но и косвеннымъ сочувствіемъ его стрѣльцамъ, то отвѣтъ Петра ярко показываетъ насколько въ своихъ убѣжденіяхъ и въ сознаніи своей власти и царственнаго долга онъ освободился, эмансипировался отъ вліянія Церкви и духовенства.

Другія путешествія за границу. Въ 1697—1698 г. Петръ былъ за границею не послѣдній разъ. Начавшаяся Великая Сѣверная война и нездоровье Петра требовали неоднократнаго присутствія его то въ мѣстахъ военныхъ дѣйствій и главныхъ дипломатическихъ сношеній, то на водахъ для

[1]) Это посланіе въ цѣломъ и въ подробностяхъ очень характерно. См. текстъ у *Устрялова*, III, 192—194 и у *Г. Есипова*, Раскольничьи дѣла XVIII ст. т. II, Спб. 1863, приложенія стр. 76—96, о бородѣ стр. 85—90.

[2]) *Устряловъ*, 194—196. О привязанности русскихъ къ бородѣ и отношеніи къ этому Петра см. еще *Г. Есипова*. Раскольничьи дѣла XVIII ст. Спб. 1863, т. II, стр. 157—186 и приложенія, стр. 3—107, гдѣ приведены о брадобритіи раскольническая рукопись „Исторія о отцѣхъ страдальцѣхъ Соловецкихъ", „Посланіе Максимово о брадобритіи", „Посланіе патріарха Адріана и 40-я гл. Стоглава", и др.

[3]) *Устряловъ*, III, 216.—Ср. аналогичный разсказъ въ „Анекдотахъ" *Голикова* Изд. 3. М. 1807. № 18.

леченія. Насколько можно прослѣдить постоянные переѣзды царя, онъ побывалъ въ 1709—1717 г.г. въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Послѣ Полтавской побѣды 15 августа 1709 г. онъ выѣхалъ изъ Кіева въ Польшу на свиданіе съ королемъ Августомъ. Былъ въ Люблинѣ, мѣстечкѣ Сольцахъ, въ Варшавѣ, Торнѣ, Маріенвердерѣ, гдѣ видѣлся съ королемъ Прусскимъ, Фридрихомъ I, затѣмъ подъ Ригою началъ ея осаду и вернулся въ Петербургъ[1]).

25 февраля 1711 г. была объявлена война Турціи. Петръ выѣхалъ въ Прутскій походъ черезъ Луцкъ, Ярославль, гдѣ видѣлся съ королемъ Польскимъ Августомъ, въ іюнѣ былъ въ Бреславлѣ, затѣмъ на берегу Днѣстра и Прута и въ Яссахъ[2]).

Заключивъ миръ, Петръ выѣхалъ прямо въ Карлсбадъ на воды, 3 октября уже уѣхалъ и 14 числа въ Торгау отпраздновалъ бракъ царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Вольфенбюттельскою. 22 октября Петръ былъ въ Кросенѣ, откуда отправился въ Россію[3]).

Въ іюнѣ 1712 г. Петръ ѣдетъ къ войску въ Померанію подъ Штеттинъ. Отсюда Петръ писалъ Датскому королю: „Я здѣсь всѣ мѣста и ихъ положеніе осмотрѣлъ, и какое можетъ дѣйство воинское нынѣ и впредь въ сей землѣ быть"[4])... 19 августа Петръ былъ въ Вольгастѣ, затѣмъ, разстроенный медлительностью союзниковъ, отправился въ Карлсбадъ и Теплицъ для леченія, что было въ октябрѣ. Въ ноябрѣ Петръ былъ въ Дрезденѣ, въ Берлинѣ, откуда проѣхалъ къ войскамъ своимъ въ Мекленбургію[5]). 28 ноября былъ въ Лаго, затѣмъ Гистроу. Въ началѣ 1713 г. Петръ двинулся съ войскомъ за шведами въ Голштинію, посѣтилъ Гамбургъ и Рендсбургъ, разбилъ шведовъ при Швабштедѣ и прогналъ изъ Фридрихштадта, гдѣ самъ пробылъ нѣсколько времени и 14 февраля выѣхалъ, отправившись въ Ганноверъ, Вольфенбюттель и Берлинъ на свиданіе съ новымъ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Въ мартѣ мѣсяцѣ Петръ вернулся въ С.-Петербургъ и черезъ мѣсяцъ отправился въ Финляндскій походъ, а затѣмъ до начала 1716 г. былъ либо въ Россіи, либо вблизи отъ ея границъ. 24 января 1716 г. Петръ выѣхалъ за границу почти на два года. Въ Данцигѣ онъ справилъ свадьбу своей племянницы Екатерины Іоанновны съ герцогомъ мекленбургскимъ; оттуда, черезъ Штеттинъ, поѣхалъ для леченья въ Пирмонтъ. Въ половинѣ іюня царь былъ въ Ростокѣ, гдѣ находилась его галерная эскадра и пѣхота, а 6 іюля былъ съ эскадрою у Копенгагена и ожидалъ пріѣзда Екатерины. 16 октября Петръ выѣхалъ въ Мекленбургъ, въ Шверинъ и Гавельсбергъ, гдѣ видѣлся съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Прусскимъ. 17 ноября выѣхалъ въ Гамбургъ, направляя путь въ Голландію, и 5 декабря прибылъ въ Амстердамъ. 24 марта слѣдующаго 1717 г. Петръ отправился изъ Голландіи во Францію и прибылъ въ Парижъ толь-

[1]) *С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи изд. „Общ. Пользы" кн. III, 1559—1565.
[2]) Тамъ же, кн. IV, 57—70.
[3]) Тамъ же, кн. IV, 301—303. [4]) Тамъ же, 305—306,
[5]) Тамъ же, 306—307.

ко 26 апрѣля. 30 числа кончились оффиціальные визиты и Петръ началъ осматривать Парижъ, оставаясь въ немъ до 9 іюня, т. е. болѣе мѣсяца[1]). Слѣдующій мѣсяцъ Петръ провелъ въ Спа на водахъ, откуда уѣхалъ 14 іюля и направился въ Амстердамъ. Затѣмъ онъ былъ въ Копенгагенѣ и въ сентябрѣ въ Берлинѣ, откуда черезъ Данцигъ 10 октября 1717 г. вернулся въ С.-Петербургъ[2]).

Находясь въ Парижѣ Петръ интересовался всѣмъ. 28 апрѣля 1717 г. онъ писалъ Екатеринѣ: „Объявляю Вамъ, что два или три дня принужденъ въ домѣ быть для визитъ и прочей церемоніи, и для того еще ничего не видалъ здѣсь; а съ завтрее или послѣ завтрее начну *все* смотрѣть. А сколько дорогою видѣли,—бѣдность въ людяхъ подлыхъ великая“[3]).

Разумѣется, по свойству своей практической натуры Петръ болѣе всего останавливался на вопросахъ и предметахъ матеріальной культуры. Однако, не всецѣло. Такъ, между прочимъ, 3 мая 1717 г. Петръ осматривалъ ученыя учрежденія Парижа и Королевскую Библіотеку, 8 мая—монастырь Св. Діонисія и другіе монастыри и церкви, 22 мая былъ въ Парламентѣ, 8 іюня въ Академіи Наукъ, а 3 іюня былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ случайно отыскалъ нѣсколько славянскихъ духовныхъ книгъ и вступилъ съ учеными въ богословскіе разговоры, чѣмъ тѣ не замедлили воспользоваться, чтобы предложить Петру принять мѣры къ соединенію Церквей. Петръ, похваливъ ихъ, отвѣтилъ, „что дѣло сіе не принадлежитъ до его званія, и что онъ, занятъ будучи войною и многими государственными дѣлами, ежели бы и желалъ сего, то не достанетъ къ толь важному дѣлу у него времени“. Однако онъ позволилъ представить себѣ записку, которую и передалъ затѣмъ русскому духовенству съ повелѣніемъ отвѣтить[4]).

---

[1]) По пути изъ Версаля 22 іюня 1717 г. Петръ полдня провелъ въ Реймсѣ, нѣкогда главномъ городѣ Галльскаго племени Ремовъ, гдѣ Св. Реми (Remigius) въ 496 г. послѣ Р. Х. крестилъ перваго короля Хлодвига, вѣнчалась наша великая княжна Анна, дочь Ярослава Мудраго, съ королемъ Генрихомъ I, и гдѣ Жанна д'Аркъ короновала Карла VII.

Петра торжественно встрѣчали и ждали его во дворецъ архіепископа, но онъ велѣлъ ѣхать прямо въ аббатство Св. Реми, гдѣ подробно разсматривалъ Sainte Ampoule, т. е. сосудъ съ мvромъ, которымъ помазывались короли, потомъ ѣздилъ въ другой монастырь Saine-Nicaise, осматривалъ церковь, поднимался на стѣны и долго съ интересомъ смотрѣлъ на одинъ изъ ея зубцовъ, отличавшійся способностью дрожать при звукѣ колокола. По словамъ современной хроники „il se plaça lui-même sur l'arcboutant, et tenant à la main ses tablettes, il y écrivit ses observations“...

Петръ В. въ Реймсѣ (въ 1717 г.). Рус. Архивъ 1900 г. кн. 7, стр. 342. Извлечено изъ статьи *П. Вожина*. Поѣздка въ Реймсъ. Нов. Вр. 1900, № 8716.—Ср. *Jadart, Henri*, Passage de Pierre le Grand à Reims le 22 Juin 1717. Reims 1890.

[2]) *Соловьевъ*, IV, 301—402. Относительно путешествій Петра см. статью П. Н. Милюкова „Петръ I“ въ Энциклопедіи Ефрона т. 23, 493.

[3]) *Соловьевъ*, IV, 364.

[4]) *Голиковъ*, Дѣянія, V, 321, 323. 324. 327—329. 331. *Бѣляевъ*, Духъ Петра В. стр. 123—124.—Разсказъ современника *Бурсье*, Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu, въ III т. которой на стр. 275—528 есть Relation dés démarches faites par les docteurs de Sorbonne pour la réunion de l'Église de Russie (Упом. въ первомъ отзывѣ П. П. Пекарскаго о сочиненіи *Чистовича*, стр. 127—131).—О возникшей затѣмъ перепискѣ см.

Въ другихъ мѣстахъ Петръ также интересовался не одною техникой. Напр., въ Даніи онъ посѣщалъ Академіи и ученыхъ [1]). 17 Марта 1717 г. былъ въ Лейденскомъ университетѣ [2]). Будучи въ Виттенбергѣ осматривалъ весь городъ, замокъ и церковь, въ которой погребенъ Лютеръ. Остановившись предъ скульптурнымъ его изображеніемъ, Петръ замѣтилъ: „Сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, кои были поумнѣе прочихъ, на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ", и проч. [3]). Если эти слова дѣйствительно были сказаны, какъ передаетъ Голиковъ, то въ нихъ заключается и личная оцѣнка царемъ протестантства и католичества и свидѣтельство, которому изъ нихъ и по какой причинѣ онъ болѣе симпатизировалъ.

Итакъ Петръ пробылъ за границею, въ постоянныхъ разъѣздахъ, въ общей сложности пять лѣтъ, главнымъ образомъ въ протестантскихъ государствахъ западной Европы [4]). Разумѣется въ свои зрѣлые годы и при своемъ цѣльномъ характерѣ Петръ не могъ бы самъ склониться къ измѣнѣ своей вѣры. Но онъ все таки долженъ былъ видѣть и понимать какъ и чѣмъ живутъ другіе народы, какая у нихъ вѣра, какой религіозный строй, каковы отношенія къ духовенству свѣтской власти. Чтобы узнать все это Петру не нужно было вдумываться въ каноническія тонкости, онъ просто могъ видѣть и подмѣчать существо вещей изъ мимолетныхъ встрѣчъ, бесѣдъ и наблюденій.

Такимъ образомъ и путешествія Петра необходимо разсматривать какъ одинъ изъ факторовъ, повліявшихъ на его міровоззрѣніе.

Склонность Петра къ западному просвѣщенію. Остается обратить вниманіе на то, какимъ просвѣщеніемъ интересовался Петръ. Нѣтъ надобности

О. А. С. С. I, № 36. Проповѣди Стефана Яворскаго (М. 1804—1805, ч. I—III) ч. III.— Журналъ Петра Великаго, 1770 г. ч. 2.—*И. Болтинъ*, Примѣчанія на Исторію Леклерка. Т. I., 1788, стр. 216—224. Рукописи Ѳеофана Прокоповича въ Библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи.—Описаніе рукописей Архива Св. Синода, т. II, в. 2, №№ 1891.—*Пекарскій*, Наука и лит. т. I, стр. 39—43.—*Pierling*, Sorbonne et la Russie 1717—1747. Paris 1882.

[1]) *Голиковъ*, Дѣянія, V, 203. [2]) Тамъ же, 302.

[3]) *Голиковъ*, Дѣянія, IV, 150. Любопытно сообщеніе *Голикова* (Доп. XVI, 436—438) о томъ, что въ одной изъ записныхъ книжекъ Петра было имъ занесено: „Лютеръ родился въ 1483 г., умеръ 1546, живота его было 63 г., тому 165 л.".

[4]) О путешествіяхъ Петра за границею см. *Р. Минцлофъ*, Петръ Великій въ иностранной литературѣ, СПБ. 1872, стр. 233—240, а также *Д. Bergengrün*, Die Grosse moskowitische Ambassade von 1697 in Livland. Riga 1892.—Anwesenheit (Peters des Grossen) im Kurland, Mitau S. a. — *А. Н. Д.* Петръ въ Гданскѣ. Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1875, кн. IV, 165.— П. В. въ Голландіи, Журн. В. уч. Зав. 1852, № 532.—Записки Номена о пребываніи П. В. въ Нидерландахъ, Кіевъ, 1904.—*Verenet*, Pierre le Gr. en Hollande et a Zaandam dans les années 1697 et 1717, Utrecht, 1865.—*A. Jasykoff*, Peters des g. Aufenthalt in Zaardam u. Amsterdam in den Jahren 1697 u. 1717. Berlin 1872.—*M. Gachard*, Le voyage de Pierre le G. dans les Pays—Bas autrichiens en 1717. Bruxelles, 1878.—Apperçu historique et topographique du séjour qu' à fait P. le G. a Zaandam. Amsterdam s. a.—О пребываніи Петра въ Даніи. Чтенія въ О. И. и Др. Р., 1893, II, 1—12.—*Albin Bodi*, Pierre le Grand aux eaux de Spa, Bruxelles, 1872.—О пребываніи П. В. въ Англіи, Древн. и Нов. Россія, 1877, III, 75—77.—Подробная записка о пребываніи П. В. въ Вѣнѣ въ 1698 г., составлен-

аргументировать того общеизвѣстнаго факта, что Петръ склонялся къ западной культурѣ и просвѣщенію, приглашалъ въ Россію западныхъ ученыхъ, главнымъ образомъ протестантскихъ странъ, приказывалъ переводить ихъ сочиненія, учредилъ Академію Наукъ и учебныя заведенія по западному образцу и т. д. [1]).

Выводы. Въ виду изложеннаго совершенно понятно, что Петръ отличался широкой и разумной вѣротерпимостью и отсутствіемъ слѣпого ригоризма. Выражая соизволеніе, „да каждый христіанинъ на свой собственной отвѣтъ о попеченіи спасенія своего трудится",[2]) Петръ поступалъ такъ не только изъ государственной мудрости, не только изъ желанія привлечь въ Россію иностранцевъ, но и въ силу своего личнаго убѣжденія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ также понятно, что Петръ упорно преслѣдовалъ всякія суевѣрія, ложныя чудеса, слезоточивыя иконы и т. д. Голиковъ сообщаетъ, что Петръ не терпѣлъ юродивыхъ при дворѣ царицы Прасковьи Өеодоровны, жены царя Іоанна Алексѣевича, разоблачилъ однажды обманъ греческаго монаха, представившаго царицѣ Евдокіи Өеодоровнѣ часть срачицы Пресвятой Богородицы, которую и приняли съ благоговѣніемъ, какъ несгораемую, но оказалось, что она сдѣлана была изъ асбеста. Онъ же разоблачилъ Архимандрита Иверскаго монастыря, соорудившаго фальшивую слезоточивую икону, за показъ которой собиралъ деньги[3]). И такихъ случа-

ная Рудени. См. Fontes Rerum Austriacarum, t. 27 (1867) p. 429 sqq. — П. В. въ Дрезденѣ въ 1698 и 1711—1712 г.г. Weber, Archiv für Sächsischen Geschichte, Leipzig, 1873, XI, p.p. 337—351. Извлеченіе Брюкнера въ Рус. Стар. 1874, XI, стр. 727 сл.—*Кустодіевъ*, П. В. въ Карлсбадѣ въ 1711—1712 г.г. Будапештъ, 1873.—Пребываніе П. В. во Франціи по франц. бумагамъ и мемуарамъ, Эд. де-Бартелеми. Rev. Contemporaine, 1865, № 5.—Пребываніе П. В. въ Парижѣ. Маякъ, 1840, № 6.—Журналъ ежедневный пребыванія въ Парижѣ Г. И. П. В. Рус. Вѣстн.. 1841 № 5.—О пребываніи П. В. въ Парижѣ въ 1717 г. Изъ зап. герцога de Saint-Simon. Журн. Мин. Н. Просв. 1856 г. ч. 89 стр. 1—24. —*Полуденскій*, П. В. въ Парижѣ въ 1717 Рус. Арх., 1865, стр. 675—702.—*В. И. Герье*, отношенія Лейбница къ Россіи и П. В. Журн. Мин. Н. Пр. 1870 г. т. 147 и 148. Отдѣльно СПБ. 1871. По нѣмецки—1873.—Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, отн. къ Р. и П. В. Изд. *Герье* СПБ. 1873.—*Брикнеръ*, Путешествіе П. за границу въ 1711—1717 г.г Рус. Вѣст. 1880, № 11, 12; 1881, № 1—3.—*Шубинскій С. Н.*, Историческіе очерки и разсказы. Изд. 6.—*Пекарскій*, Наука и литер. въ Россіи при П. В. т. I, СПБ. 1862 и др.

[1]) *П. Пекарскій.* Наука и литература въ Россіи при П. В. СПБ. 1862 т. 1—2— Его-же Исторія Академіи Наукъ СПБ. и др. Живую характеристику научныхъ интересовъ Петра см. въ работѣ *Академика А. С. Лаппо-Данилевскаго*, Петръ Великій, основатель Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. СПБ. 1914 г. (Отдѣльный оттискъ изъ „Сборника рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи Имп. Академіи Наукъ 23 февр. 1913 г.) стр. 7—16.

[2]) Манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію 16 апрѣля 1702 г. *Письма и бумаги*, II, 421. П. С. З. IV, 1910. Ср. П. С. З. IV, 2279, 2287, 2299, 2495, 2501—привиллегіи Лифляндіи и Эстляндіи. Отрицательное отношеніе Петра къ евреямъ (Нартовъ у *Майкова*, стр. 30, разсказъ 33; *Штелинъ* „Анекдоты", стр. 42—46) и изгнаніе іезуитовъ (П. С. З. V. 3356, 18 Апрѣля 1719), нисколько не противорѣчатъ широкой вѣротерпимости Петра.

[3]) *Голиковъ*, Дѣянія, II, 197—199; VII, 94, 97; Дополненія, XVIII, 34—41. — Ср. записку Петра о ханжествѣ и лицемѣріи. О ней см. выше стр. 60.

евъ было въ жизни Петра не мало. Ярче всего его отношенія къ религіозной тьмѣ народа отразилось въ одобренномъ имъ Духовномъ Регламентѣ.

Темнотою и косностью отличался не одинъ простой народъ, но всѣ русскіе люди и во главѣ ихъ—духовенство. Пороки, самодовольное невѣжество и безпорядки въ церковной жизни обращали на себя серьезное вниманіе и Петръ, съ его просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, именно какъ вѣрующій человѣкъ, освободившійся отъ полуязыческаго букво-обрядо-вѣрія [1]) не могъ оставить все это въ прежнемъ видѣ и съ психологической необходимостью долженъ былъ придти къ церковнымъ реформамъ.

Б. Политическая характеристика Петра Великаго.

Идеалъ Петра. Какъ государственный дѣятель, Петръ принадлежалъ не только Россіи но и Европѣ и былъ сыномъ своего вѣка. Какъ подробно изложено ниже, [2]) XVI и XVII столѣтія были временемъ постепеннаго возвышенія и усиленія королевской власти и развитія новой политической идеологіи, въ ученіи нѣкоторыхъ представителей школы естественнаго права, которые, выдвигая съ одной стороны теорію общественнаго договора, какъ источника верховной власти монарховъ, въ то же время вручали имъ почти неограниченную власть во имя общаго блага (bonum comunne). Въ то же самое время въ западной Европѣ возникла и все болѣе и болѣе упрочивалась мысль, еще чуждая первымъ реформаторамъ, Лютеру, Меланхтону и др.[3]), что церковь и государство представляютъ собою *не одинъ организмъ*, лишь управляемый двумя властями, духовной и свѣтской, *а два различныхъ организма, два различныхъ института*, имѣющихъ свою

[1]) Въ религіозной характеристикѣ Петра камнемъ преткновенія является его „Всепьянѣйшій соборъ" (о немъ см. ст. *М. Семевскаго*, „Шутки и потѣхи Петра В. Петръ Великій, какъ юмористъ" въ „Рус. Старинѣ" 1872, V, № 6, 845—892, и въ книгѣ *М. Семевскаго* „Слово и дѣло" СПБ. 1885 г.—„Рус. Стар." 1874 г., № 12, стр. 734—739 и то же въ Запискахъ И. Ак. Н. т. XXV стр. 192—197). Однако, не оправдывая за эти „шутки" Петра, видѣть въ нихъ какое-либо доказательство его невѣрія невозможно. Та распущенность, которая сопровождала всѣ обряды и дѣйствія этого „Всепьянѣйшаго собора", несомнѣнно должна быть отнесена, во-первыхъ, на счетъ общей грубости нравовъ того времени, а во-вторыхъ, на счетъ богатырскихъ силъ самого Петра, которымъ, по словамъ С. М. Соловьева, „соотвѣтствовали страсти, не умѣренныя правильнымъ искуснымъ воспитаніемъ" (т. VI, М. 1868, стр. 259). Что же касается *формы* этихъ шутокъ, то ясно, что послѣдняя избрана такою потому, что именно церковно-обрядовая обстановка московскаго времени давала всего больше образцовъ для всевозможныхъ церемоній, и кромѣ того сама по себѣ была непріятна Петру. Иностранцы же настойчиво проводятъ въ своихъ запискахъ ту мысль, что придуманныя Петромъ пародіи на патріарха и духовенство имѣли цѣлью дискредитировать въ глазахъ народа ихъ внѣшнюю напыщенность и пріучить его къ новой формѣ церковнаго управленія, вполнѣ зависимаго отъ свѣтской власти. Ср. *Ю. Ѳ. Самарина*, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, М. 1880, стр. 282—283.—Отрывокъ обличенія на всешутѣйшій сборъ около 1705 г. см. у *С. А. Бѣлокурова*, Матеріалы для русской исторіи. М. 1888 г., стр. 539.

[2]) См. гл. VII, комментаріи на первую часть Духовнаго Регламента.

[3]) *K. Riecker*, Die rechtleche Stellung dès evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Stellung bis zur Gegenwart. Leipzig, S. 53 ff.

особенную конструкцію, составъ, цѣли и проч. Поэтому и ихъ взаимныя отношенія изъ отношеній между двумя властями, двумя мечами, стали переходить въ отношенія Церкви и Государства, какъ таковыхъ, въ собственномъ смыслѣ.

Эти идеи и примѣры дѣйствительности не могли быть чужды Петру Великому, который очень реально соприкасался съ ними и въ Нѣмецкой Слободѣ, и во время путешествій своихъ по Европѣ, въ дипломатической дѣятельности и, наконецъ, въ попыткахъ династическаго сближенія съ иностранными дворами. Проникновенность Петра политической идеологіей западной Европы новѣйшіе изслѣдователи считаютъ столь очевидной, что считаютъ всю разнообразную и плохо поддающуюся схематизаціи его реформаторскую работу выраженіемъ его одного стремленія одного политическаго идеала. Этимъ идеаломъ Петра была Россія, какъ европейское государство [1]).

Идейные предшественники Петра. Однако, было бы ошибочно думать, что къ усвоенію Петромъ такихъ взглядовъ не было никакой подготовки въ самой Московской Руси. Въ настоящее время выяснилось, что еще не задолго до эпохи преобразованій Петра въ сознаніе русскихъ людей Московской эпохи стали проникать и тѣ воззрѣнія, которыя исходили изъ среды іезуитскихъ коллегій и выражались въ ихъ схоластическихъ сочиненіяхъ, нашедшихъ у насъ читателей и покровителей, напр., въ лицѣ самого царя Алексѣя Михайловича [2]). Сторонниками политическихъ идей схоластики были, между прочимъ, Симеонъ Полоцкій, ученикъ его—Сильвестръ Медвѣдевъ, и тотъ профессоръ богословія въ Кіевской Академіи, который читалъ тамъ въ 1696—1697 годахъ курсъ, содержавшій и богословскій трактатъ о справедливости (Tractatus theologicus de justitia) [3]) Изъ нихъ Симеонъ, признавая богоустановленность власти и государства, разсуждалъ также и о естественномъ ихъ возникновеніи, а государя онъ представлялъ себѣ не только какъ вождя, но и какъ правителя, который заботится объ общей пользѣ“ [4]). Авторъ упомянутаго трактата также считалъ, что каждый подданный долженъ радѣть объ общемъ благѣ (respice bonum commune titulo nexus ad communitatem) [5]) и вообще разсуждалъ въ духѣ средневѣкового

---

[1]) *Проф. М. М. Богословскій,* Петръ Великій (Опытъ характеристики). Въ сборникѣ „Три вѣка“ изд. Сытина. М. 1912, т. III, стр. 25—33. Тотъ же взглядъ проводится авторомъ въ его книгѣ „Областная реформа Петра Великаго. Провинціи 1719 и 1727 г.г., М. 1902 и въ лекціяхъ по Исторіи Россіи XVIII в. М. 1912, Курсъ, читанный на М. В. Ж. Курсахъ въ 1911—1912 уч. г. по запискамъ слушательницъ. Въ этомъ курсѣ характеристика политическихъ взглядовъ П. В. дословно совпадаетъ съ напечатанною въ сборникѣ „Три вѣка“. Небольшую, но дѣльную статью „Государственныя идеи Петра Великаго и ихъ судьба“ см. въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1872 г. т. III, № 6 стр. 770—793.

[2]) *А. С. Лаппо-Данилевскій,* Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со времени смуты и до эпохи преобразованій. Голосъ Минувшаго, 1914 г. № 12 стр. 10 и слѣд.

[3]) *А. С. Лаппо-Данилевскій* полагаетъ, что авторомъ его, по всей вѣроятности, былъ Стефанъ Яворскій (?). Ibidem, 11.

[4]) Ibidem, 10. [5]) Ibidem, 12.

естественнаго права. Болѣе того, идеи послѣдняго стали проникать и въ законодательство времени Θеодора Алексѣевича, хотя еще въ очень неясной формѣ. Такъ, напр., въ рѣчи по поводу отмѣны мѣстничества, вставленной въ текстъ указа 12 января 1682 г.[1], Θеодоръ Алексѣевичъ, сославшись на божественное происхожденіе своей власти и его царскій долгъ „не свою, но божественную Его волю исполнити и врученныя Намъ отъ Его Величества Царствія хоругви управляти благочестія подобающимъ чиномъ, яко слово предъ праведнымъ Его престоломъ ȯ всѣхъ владомыхъ Нами воздати хотяще“, заявилъ, что „сего ради подобаетъ намъ, по божественному Его повелѣнію, еже надлежитъ, обладаемыхъ нами къ мирному, благоутѣшному и любовному всѣхъ, всякаго чина и возраста, православныхъ Христіанъ лучшему состоянію и укрѣпленію сія предумышляти, устрояти и уставляти; а яже ко погибели и *общаго добра* къ умаленію имѣются, разрушати и искореняти“.

По этому поводу А. С. Лаппо-Данилевскій замѣчаетъ, что „царь Θеодоръ Алексѣевичъ, какъ видно, имѣлъ уже нѣкоторое понятіе объ „общемъ добрѣ“[2] государства; онъ пользовался имъ въ качествѣ принципа реформы и придавалъ ему значеніе, которое этотъ принципъ окончательно пріобрѣлъ лишь во времена Петра Великаго“. „Итакъ,—заключаетъ онъ,—религіозная идея о государствѣ въ Россіи прошла нѣкоторую эволюцію, благодаря которой она стала сближаться съ свѣтской идеей о государствѣ“[3]. Однако секуляризаціи нашей политической мысли содѣйствовалъ еще цѣлый рядъ другихъ историческихъ фактовъ, въ томъ числѣ ересь Жидовствующихъ XV—XVI вв., отголоски Возрожденія и Реформаціи, проникшіе на Русь черезъ Польшу и отразившіеся въ переводной литературѣ того времени, и наконецъ, непосредственное знакомство Петра и его современниковъ съ западной Европой, и политической, особенно протестантской литературой,[4] которая стала доступной намъ и въ оригиналѣ и въ переводахъ[5].

Подъ впечатлѣніемъ этого знакомства и сложился идеалъ Петра—Россія, какъ европейское государство.

Конечно, Петръ не былъ теоретикомъ и мыслителемъ, но тѣмъ не менѣе, въ своей реформаторской и законодательной дѣятельности, онъ сознательно и послѣдовательно проводилъ свой указанный политическій идеалъ.

Всеобъемлющій характеръ законодательства Петра. Прежде всего это сказалось на поведеніи самого Петра, по своей простотѣ и скромности совершенно не похожемъ на религіозную церемоніальность жизни и поведенія его предковъ. Тоже самое сказалось и въ законодательствѣ, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. „Первое отличіе *законодательства* Петра Великаго, говоритъ проф. М. М. Богословскій, состоитъ въ томъ, что оно является *всеобъемлющимъ*, оно касается всѣхъ сторонъ жизни подданныхъ.

[1]) Ibidem, 13—14.—П. С. З. т. II, № 905, стр. 371.

[2]) Несомнѣнно однако, что въ его словахъ понятіе „общаго блага“ имѣетъ еще религіозный оттѣнокъ.

[3]) Ibidem, 14. [4]) Ibidem, 14—17. [5]) Ibidem, 23, 26.

Судебники и Уложеніе Алексѣя Михайловича содержатъ, главнымъ образомъ, процессуальное право; матеріальнаго права въ нихъ очень не много. Государство XVI и XVII вв. ставитъ себѣ немногія задачи: оно беретъ на себя внѣшнюю оборону, обезпечиваетъ внутреннюю безопасность и собираетъ средства для этихъ двухъ цѣлей. Въ этомъ и заключается вся его дѣятельность; оно почти не вмѣшивается ни въ общественную, ни въ частную жизнь подданныхъ. Для людей того времени въ законодательствѣ не было нужды, у нихъ была сила, на которую они всегда опирались, и этой силой былъ обычай. Московское государство жило обычаемъ, судьи судили въ приказахъ, опиравшихся на обычаи, обычай руководилъ и частной жизнью человѣка: въ сомнительныхъ случаяхъ онъ справлялся съ тѣмъ, какъ указывалъ обычай, какъ повелось отъ предковъ. „Такъ повелось", и этой ссылки было достаточно, чтобы устранить всѣ сомнѣнія и прекратить всякое колебаніе. „Такъ повелось", и иногда никакими казнями и пытками нельзя было сломить упорство, поддерживаемое этимъ основаніемъ. Въ XVIII в. на мѣсто обычая поставленъ разумъ, который объявляетъ обычаю безпощадную войну, который стремится изгнать его изъ всѣхъ сферъ, который всю жизнь перестраиваетъ на новый ладъ. Отсюда ясно, что законъ, основанный на разумѣ, долженъ былъ опредѣлить всѣ мельчайшія подробности не только общественной жизни, но и частной. И вотъ законодательство Петра, какъ законодательство всѣхъ европейскихъ государствъ того времени, охватываетъ жизнь подданныхъ рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Правительство окружаетъ подданныхъ всеобъемлющимъ попеченіемъ: оно предписываетъ, какъ строить города, какъ строить дома въ городахъ и деревняхъ, но не ограничивается постройкой жилищъ, а шагаетъ за его стѣны и опредѣляетъ весь обиходъ частной жизни; оно указываетъ, какой внѣшній обликъ и какую одежду долженъ носить подданный, напримѣръ, одни должны брить бороду и носить нѣмецкое платье, другимъ —раскольникамъ—предписывалось носить длинныя бороды и русское платье" и т. д. [1]).

Обоснованіе законовъ на разумѣ. Другое отличіе Петровскаго законодательства усматриваютъ въ томъ, что оно, въ обезпеченіе исполненія указовъ, *стремилось повліять на разумъ* подданныхъ пространной мотивировкой законовъ, не довольствуясь однѣми угрозами, какъ было прежде. Въ этомъ „резонерствѣ" сказалось также вліяніе Запада, гдѣ верховная власть считала себя призванной отечески учить и воспитывать подданныхъ

[1]) Проф. *М. М. Богословскій*, „Три вѣка", III, 28—30. См. напр., П. С. З. IV № 1884, 1887, 1898, 1964, 1999, 2015, 2054; V 2929, 3156, 3159, 3210, 3221, 3246, 3250 VI, 3777; VII, 4322, 4339 и др.—О переходныхъ теоріяхъ Ордина-Нащокина и Посошкова, отличавшихся православнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *утилитарнымъ* характеромъ, а также о томъ, что Петръ В. въ основу своей политики полагалъ понятіе „о государственномъ интересѣ, тѣсно связанномъ съ понятіемъ о „полиціи" въ широкомъ смыслѣ, а въ своихъ симпатіяхъ къ естественному праву онъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ примыкалъ къ теоріи Гоббса и Пуфендорфа (а не Гуго Гроція, какъ В. Н. Татищевъ и Д. М. Голицынъ, наши первые конституціоналисты), см. упомянутую выше статью *А. С. Лаппо-Даниле́вскаго*, Идея государства въ Россіи, стр. 25—31.

ради ихъ общаго блага Соотвѣтственно съ этимъ и Петръ смотрѣлъ на себя, какъ на учителя своего народа: „нашъ народъ,—пишетъ онъ,—яко дѣти, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымь досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ—не все ли неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится" (П. С. З. № 4345) [1]).

„Итакъ, Петръ былъ воодушевленъ идеаломъ „регулярнаго" европейскаго государства. Подъ этими словами онъ подразумѣвалъ государство, цѣлью котораго должно быть общее благо людей, средствомъ для достиженія этой цѣли должна служить сама верховная власть, окружающая подданныхъ самой внимательной опекой" [2]).

Взглядъ Петра на цѣль государства. Въ виду важности взглядовъ на цѣль государства для пониманія тѣхъ или иныхъ исторически сложившихся отношеній церковной и государственной власти, къ этой характеристикѣ политическихъ взглядовъ Петра необходимо прибавить еще нѣсколько спеціальныхъ штриховъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, *Петръ держался совершенно иного взгляда на цѣль государства*, чѣмъ его предки.

Такъ же, какъ всѣ его предшественники, и всѣ вообще монархи, Петръ считалъ себя обладающимъ властью Божіею милостью, а не волею народною, какъ хотѣлъ представить Ѳеофанъ Прокоповичъ въ Правдѣ воли Монаршей [3]).

Въ письмѣ къ брату царю Іоанну Алексѣевичу отъ 8—12 Сентября 1689 г. относительно устраненія отъ правленія царевны Софьи Петръ писалъ: „Извѣстно тебѣ, государю, ...что милостию Божиею врученъ намъ двумъ особамъ скипетръ правления прародительнаго нашего Россійскаго царствия, якоже о семъ свидѣтелствуетъ матери нашеи восточные церкви соборное дѣйство 190 году" и проч... [4]). Назначая Неплюева въ Константинополь резидентомъ, Петръ сказалъ ему, между прочимъ: „Я приставникъ надъ вами отъ Бога и Моя должность, чтобъ недостойному не дать, а у достойнаго не отнять" [5]).

Сознавая себя главою православнаго государства, призваннымъ защищать Христіанство отъ поганыхъ агарянъ, всѣ свои войны съ Турціею Петръ велъ, какъ священныя, а не только какъ политическія войны. Мотивомъ организаціи коалиціи противъ Турокъ объяснено было великое посольство

---

1) Проф. *М. М. Богословскій*, „Три вѣка", III, стр. 30—33. 2) Тамъ же, стр. 33.

3) Намъ кажется, что безъ всякихъ отговорокъ считать „Правду воли монаршей" трактатомъ, излагающимъ доктрину не только Ѳеофана, его автора, *но и Петра*, какъ пишетъ *А. С. Лаппо-Данилевскій* („Идея государства въ Россіи", Голосъ Мин. 1914 № 12, стр. 27), едва ли можно. Въ подлинной рукописи въ Госуд. Архивѣ (Кабинетъ I, кн. 32) нѣтъ слѣдовъ сотрудничества Петра и Ѳеофана, да и по содержанію своему „Правда" носитъ на себѣ слѣды именно Ѳеофановой индивидуальности.

4) *Письма и бумаги*, т. I, № 10.

5) *Голиковъ*, Дѣянія VII, 188.—Записки *И. И. Неплюева*, изд. А. С. Суворина, стр. 10.

1698 г. [1]). При отправленіи въ Прутскій походъ въ 1711 г. войскамъ даны были, вмѣсто бѣлыхъ, красныя знамена съ подписью: „За имя Іисусъ Христа и Христіанства", и наверху кругомъ креста—„Симъ знаменіемъ побѣдиши" [2]). Въ письмѣ къ Шафирову 1713 г. по поводу заключеннаго имъ мира съ турками, Петръ говорилъ: „Миръ, которой вы нынѣ учинили, по нынѣшнимъ конъюнктурамъ, довольно изрядной, кромѣ 10 пункта; ибо онымъ оставлена дыра симъ псамъ въ огородъ христіанъ влѣзть, но однако когда уже сдѣлано, быть такъ"... [3]).

Воюя съ турками, Петръ энергично поддерживалъ Православный Востокъ, съ которымъ, начиная съ XVI в. московскіе государи вели очень дѣятельныя сношенія [4]). Даже въ войнѣ противъ Швеціи Петръ выставлялъ себя защитникомъ вѣры, которую непріятель, якобы хотѣлъ уничтожить [5]).

Тѣмъ не менѣе, однако выводя власть свою отъ Бога, и не отказываясь отъ традиціонныхъ отношеній Россіи къ Востоку тѣмъ болѣе, что борьба съ турками имѣла для Петра и Россіи высокое политическое значеніе, Петръ категорически отказывался смотрѣть глазами своихъ предковъ на религіозное призваніе государя и вмѣнять государству неземныя цѣли. Секуляризація русскаго государства, какъ мы видѣли, началась еще до Петра и не безъ участія самого духовенства, которое въ лицѣ Никона и его сторонниковъ, хотѣло оттѣснить царя отъ участія въ церковныхъ дѣлахъ и провести въ жизнь, въ сущности совершенно новую для русскаго средневѣковья мысль о томъ, что Церковь и государство не суть одинъ организмъ, а два разные организма, два чуждыхъ другъ другу института, какъ по своему происхожденію, по существу, по организаціи, такъ и по своимъ цѣлямъ [6]). Съ иной точки зрѣнія Петръ пришелъ къ тому же самому.

3 іюля 1717 г. Петръ былъ въ Сорбоннѣ, гдѣ богословы просили его принять мѣры къ соединенію церквей. Петръ, похваливъ ихъ, сказалъ, „что дѣло сіе *не принадлежитъ до его званія*, и что онъ, занятъ будучи войною и многими государственными дѣлами, ежели бы и желалъ сего, то не достанетъ къ толь важному дѣлу у него времени" [7]),

Долгомъ своего званія Петръ считалъ неустанныя заботы о благѣ народномъ, стремленія къ достиженію внутренняго и внѣшняго благополучія

---

[1]) Проф. *С. Ѳ. Платоновъ*, Лекціи, 455.
[2]) *Голиковъ*, Дѣянія, III, 308. [3]) *Голиковъ*, Дѣянія, IV, 243.
[4]) Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст Изд. 2. Серг. Пос. 1914.—Письма Петра къ Іерусалимскому патріарху Досиѳею, см. *Письма и бумаги*, т. I, № 323, 392, 394; II. 426, 530; III, 749 и др.—О милостинной дачѣ восточнымъ Патріархамъ въ XVIII в. см. *мое* сочиненіе „Нас. недв. имѣнія".. стр. 235 и сл. и др., также *Письма и Бумаги*. IV. 1413.—*Архивъ Пр. Сената* П. Баранова, СПБ. 1872 т. I, 6.
[5]) *Голиковъ*, Дѣянія, XI, № 942, 943, 944, 952, 981, 991—грамоты малороссійскому народу и запорожскому войску.
[6]) См. выше стр. 45 опредѣленіе собора 1667 г. о власти и чести царской.
[7]) *Голиковъ*, Дѣяніе, V, 327—329.

государства, потому что отечество для него „дороже живота“ [1]). Высшими религіозными цѣлями Петръ совершенно не задавался, считая, именно, что пренебреженіе вопросами земной дѣйствительности, презрѣніе къ военному дѣлу и благамъ матеріальной культуры, прямо гибельны для государства и непростительны для государя. Предъ своимъ взоромъ Петръ всегда имѣлъ историческій примѣръ государства, погибшаго отъ чрезмѣрной приверженности къ идеямъ теократіи, но тѣмъ не менѣе служившаго образцомъ для нашихъ Московскихъ царей—именно, примѣръ Византійской имперіи. Въ радостный моментъ празднованія окончанія Великой Сѣверной войны, когда Петру поднесли титулъ императора, отца отечества и великаго, Петръ припомнилъ въ рѣчи къ народу: „Надлежитъ Бога всею крѣпостью благодарить; однако жъ, надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, *дабы съ Нами не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою*. Надлежитъ трудится о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ Нашъ предъ очьми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ“. [2]). То же говорилъ Петръ и сыну царевичу и наслѣднику Алексѣю въ 1715 г., когда выговаривалъ ему его отвращенія къ воинскимъ подвигамъ, безъ которыхъ государство стоять не можетъ, *и приводилъ въ примѣръ Греческую имперію*, а также описывалъ, сколько прежде терпѣла Россія отъ неискусства въ войнѣ [3]). Свое отрицательное отношеніе къ примѣру греческихъ императоровъ Петръ выразилъ еще въ указѣ о должности Сената въ Декабрѣ 1718 г. [4]), а также въ указѣ 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ, куда относящіяся сюда слова были внесены имъ собственноручно [5]).

Между прочимъ, именно отношенія Петра къ воспитанію и образованію его наслѣдника очень хорошо рисуютъ взглядъ Петра на долгъ государя и задачи государства. Достаточно прочесть одобренный имъ 22 Апрѣля

---

[1]) *Голиковъ*, Дѣянія VIII, 169, въ письмѣ къ Герцогу Голштинскому: „Царь отъѣзжая къ марціальнымъ водамъ, въ Олонецъ, сказалъ Вельможамъ своимъ слѣдующія слова: „Братцы мои! (Moy Brats) Я не думаю, чтобы между вами изъ людей просвѣщенныхъ и свѣдущихъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, нашелся кто-нибудь не знающій, что двѣ и самыя главныя обязанности Государя, которому Богъ опредѣлилъ управлять царствами и народами суть: защищеніе своего Государства отъ внѣшняго врага, ведя самому войски въ битву, и сохраненіе между своими подданными внутренняго мира, являя скорое и доброе правосудіе всѣмъ, и наказывая зло въ лицахъ знатныхъ такъ же, какъ и въ послѣднемъ крестьянинѣ“. При этомъ, въ примѣръ исполненія первой обязанности, Царь указалъ на начало своего царствованія, а въ отношеніи ко второй—на недавнія событія“. Изъ донесенія Ла-Ви отъ 23 іюня 1719 г. См. Обозрѣніе извѣстій о Россіи въ вѣкъ Петра Великаго, извлеченныхъ Д. Ст. Сов. А. И Тургеневымъ изъ разныхъ актовъ, и донесеній Французскихъ Посланниковъ и Агентовъ при Русскомъ Дворѣ. Ж. М. Н. П. 1843, ч. 37, стр. 157.

[2]) П. С. З. VI, 3840, 22 октября 1721.

[3]) *Голиковъ*. Дѣянія, V, 71.72.

[4]) П. С. З. V, 3264.

[5]) „Что-же потомъ произошло, когда къ греческимъ императорамъ нѣкоторые ханжи подошли, а паче къ ихъ женамъ, и монастыри не въ пустиняхъ уже, но въ самихъ горо-

1703 г. въ Шлиссельбургѣ[1]) „Наказъ, по которому тотъ, ему же ученіе Его Высочества государя Царевича повѣрено будетъ, поступать имѣетъ"[2]). Здѣсь уже нѣтъ и помину о старинной программѣ образованія всѣхъ московскихъ людей, не исключая и царскихъ дѣтей, по Псалтири, Часослову, да по Октоиху, въ духѣ строгой церковности и замкнутой келейной жизни. Правда и въ этомъ Наказѣ, какъ и слѣдовало, предписывается прежде всего:

Ст. 1. Вкоренять страхъ Божій, какъ начало всякой премудрости, и внушать высокое достоинство и отвѣтственность.

Ст. 2. Внушать нравственныя понятія, дабы выработать добраго правителя, особенно Страхъ Божій, справедливость, легкосердіе, великодушіе, сожалѣніе, щедрость, постоянство въ рѣшеніяхъ, вѣрность и вѣру держать, прозорливость и остерегательство въ совѣтахъ, вниманіе и прилежаніе въ правительствѣ государственномъ, храбрость, и т. под.

Ст. 3. Внушать отвращеніе къ худому, подтверждая размышленія св. писаніемъ и исторіей.

Но уже по ст. 7. Самое ученіе должно состоять изъ 1) русской грамоты; 2) чтенія двухъ главъ изъ Библіи ежедневно утромъ и вечеромъ; 3) французскаго яз. съ грамматикой; 4) изученія географіи и этнографіи государствъ; 5) черченія, математики; 6) и 7) спорта и воинскихъ упражненій (штурмованіе, танцованіе, конская ѣзда, игра въ труктафель и балгаузъ). По ст. 8 съ царевичемъ слѣдовало читать: „*Бунонову* идею Гисторіи общей"; *Пуффендорфово* введеніе къ Гисторіи главнѣйшихъ государствъ въ Европѣ; ежедневно читать французскіе куранты и полумѣсячныя Меркуріи сопровождая ихъ бесѣдами политическими, географическими, историческими и нравоучительными. Затѣмъ проходить „Блонделеву Геометрію, которая къ Деуфинову ученію изображена есть, или наипаче труды Озенамовы употреблять, и купно Ариѳметику, какъ Логистику, такъ и Децималу, купно съ иными Его Высочеству нужными частями, изъ Математики научать и къ дѣланію чертежей удобно наставлять".

По ст. 4. „Такожъ возможно заранѣе *Пуффендорфову* малую книжицу, о должности человѣка и гражданина, на французскій языкъ перевесть, и въ Голландіи напечатать велѣть, дабы оное употреблять яко введеніе въ право

дахъ и въ близъ лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежныя помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше, яко и не трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему императоры, паче своей должности, въ чемъ было имъ трудитися надлежало, сею мнимою святинею или обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти весма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали, какъ исторіи цареградскія повѣствуютъ, что на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря, даже до Царяграда, который не болѣе 30 верстъ протягается, съ 300 монастырей; что же по другимъ мѣстамъ оныхъ было, всѣ съ великими доходы, и тако какъ отъ протчего неосмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли, что когда турки осадили Царьгородъ, ниже 6000 человѣкъ воиновъ сыскати могли. П. С. П. IV, № 1197, стр. 57. См. т. II, прилож. № 8.

[1]) Когда царевичу было 12 лѣтъ и 3 мѣс.

[2]) *Устряловъ*, И. П. В. т. VI, приложенія № 2, стр. 298—304.

всенародное, и яко преддверіе Гроціа или Пуффендорфа жъ о правѣ естественномъ и народномъ, изъ котораго основаніе всѣхъ правъ, а особливо права о войнѣ и мирѣ, которое межъ потентатами въ почтеніи, изучити возможно".

По ст. 5. „И потомъ взять книгу, имянуемую *Ледройтъ сифиль дансъ ле ордре натурель*[1]), весьма потребно, ибо въ ней суть основанія общихъ правъ (какъ) учить и дѣйствовать".

Ст. 9 говорила, что „Всѣ сіи труды возможно въ два года удобно отправить, и потомъ Его Высочество въ наукахъ его къ совершенству приводить, елико такому принцу потребно, а имянно: дабы онъ далѣе въ малое время ко основательному извѣстію достигнути могъ: 1) о всѣхъ политическихъ дѣлахъ въ свѣтѣ; 2) о истинной пользѣ сего государства, сихъ государствъ Гисторію и что ко онаго благосостоянію, процвѣтанію и приращенію доходить можетъ; 3) о интересѣ всѣхъ потентантовъ въ Европѣ, первоначально же о пограничныхъ съ симъ государствомъ областей и ихъ мочи; 4) отъ всѣхъ премудрыхъ правительствъ за благо признанныхъ государственныхъ правилахъ; 5) о всѣхъ потребныхъ военныхъ искусствахъ, якоже фортификаціи, Ариллеріи, о атакахъ или нападеніяхъ и оборонахъ крѣпостей, о бояхъ, воинскихъ правилахъ и вымыслахъ и прочая, такожъ Архитектурѣ Гражданской, Навигаціи, или къ чему впрочемъ Его Высочество тогда свою склонность покажетъ".

Но Петръ не возлагалъ всей своей надежды на классное ученіе. Петръ бралъ царевича Алексѣя съ собой въ походы, позднѣе поручалъ ему вѣдать различныя части военнаго дѣла и самый конфликтъ между отцомъ и сыномъ произошелъ впослѣдствіи не только потому, что Алексѣй Петровичъ не сочувствовалъ реформамъ Петра, но и потому, что въ основѣ этого несочувствія лежало старо-московское религіозное міросозерцаніе, чуждое любви и преданности воинскимъ подвигамъ[2]).

Совершенно иначе держалъ себя самъ Петръ Великій. Усвоивъ себѣ взглядъ, что онъ, по приказу Божію къ праотцу нашему Адаму долженъ трудиться и въ потѣ лица ѣсть хлѣбъ свой[3]), Петръ стремился быть первымъ отвѣтственнымъ работникомъ государства. Играя и шутя во время военныхъ потѣхъ 1689 г., какъ разсказываетъ кн. Куракинъ[4]) въ своей „Исторіи", Петръ объявилъ кн. Θеодора Юрьевича Ромодановскаго царемъ Пресбургскимъ съ резиденціей въ Преображенскомъ, въ городкѣ Пресбургѣ (Плезъпурхъ) на берегу Яузы, а Ивана Бутурлина—царемъ Семеновскимъ съ резиденціей въ Соколиномъ дворѣ на Семеновскомъ полѣ. Впослѣдствіи Петръ не отказался отъ своей шутки, ему понравилось нести отвѣтственную

---

[1]) Le droit civil dans l'ordre naturel.

[2]) *Устряловъ*, VI. Любопытно обратить вниманіе на составъ библіотеки Царевича Алексѣя и на его помѣтки на принадлежавшихъ ему книгахъ, которыя хранятся въ Библіотекѣ Академіи Наукъ.

[3]) *Письма и Бумаги*, I, № 72.—*Голиковъ*, Дѣянія I, 304.

[4]) Архивъ кн. Куракина, I, 65.

служебную роль, почему, когда умеръ Князь—Кесарь Өеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Петръ назначилъ[1]) ему преемникомъ его сына, князя Ивана Өеодоровича Ромодановскаго († 1730 г.). Петръ обращался къ нимъ лично и въ письмахъ, величая титуломъ „Величества" и отъ нихъ получалъ производства и награды за свои подвиги. Сначала капитанъ бомбардирской роты Преображенскаго полка и низшій корабельный чинъ[2]), затѣмъ „басъ"[3]), Петръ въ 1706 г. произведенъ былъ Ромодановскимъ въ чинъ полковника[4]), былъ имъ подъ Полтавою и лично докладывалъ о побѣдѣ Князю-Кесарю[5]). За Полтаву Петръ получилъ чины Генералъ-Поручика и Шаутбенахта и благодарилъ Ромодановскаго[6]). Затѣмъ въ дѣйствіяхъ нашего флота Петръ нерѣдко выступалъ въ качествѣ лица подчиненнаго[7]), и только послѣ Ништадтскаго мира принялъ чинъ адмирала[8]). Все это дѣлалъ Петръ, жертвуя собою и своими личными интересами, имѣя всегда и всюду въ виду одно благо цѣлаго государства. Современники сохранили намъ, напр., слѣдующія афоризмы Петра, собранные недавно въ книгѣ „*Петръ Великій въ его изреченіяхъ*", первая серія. Изданіе Р. Голике. Спб. 1910 г. „Ради благополучія государства я, вы и солдаты жизни не щадили. Лучше смерть, нежели позоръ!" (стр. 13, изъ Разсказовъ Нартова о П. В. § 115). „Говорятъ чужестранцы, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками. Я повелѣваю подданными, повинующимися моимъ указамъ. Сіи указы содержатъ въ себѣ добро, а не вредъ государству. Англинская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ. Надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять. Усматривающій вредъ и придумывающій добро говорить можетъ прямо мнѣ безъ боязни... Не усугубляю рабство чрезъ то, когда желаю добра, ошурствъ упрямыхъ исправляю, дубовыя сердца хочу видѣть мягкими; когда переодѣваю подданныхъ въ иное платье, завожу въ войскахъ и въ гражданствѣ порядокъ и пріучаю къ людскости, не жестокосердствую; не тиранствую, когда правосудіе обвиняетъ злодѣя на смерть" (ib. стр. 18, Нартова § 121). „Я вѣдаю, почитаютъ меня строгимъ государемъ и тираномъ. Ошибаются въ томъ не знающіе всѣхъ обстоятельствъ. Богу извѣстны сердце и совѣсть моя, колико соболѣзнованія имѣю я о подданныхъ и сколько блага желаю отечеству. Невѣжество, упрямство, коварство ополчались на меня всегда, съ того самого времени, когда полезность въ государство вводить и суровые нравы преобразовать намѣреніе принялъ. Сіи то суть тираны, а не я"... (ib. стр. 20, Нартовъ § 26).

Любопытно отмѣтить, что Петръ не только взглядами, но и самой своею дѣятельностью на много лѣтъ предупредилъ философа на прусскомъ

---

[1]) 1694 г. *Голиковъ*, Дѣянія I, 264. [2]) Ib I, 312.

[3]) Bass-мастеръ. См. росписки Петра въ полученіи жалованья въ качествѣ баса Петра Михаилова 29 янв. 1701 г. и послѣ. *Письма и Бумаги*, I, № 359; II, № 420.

[4]) *Голиковъ*, Дѣянія II, 338—339. [5]) *Голиковъ*, Дополненія XVI, 229—232.

[6]) Ib. 54, 55. Дѣянія XII, 1042, 1060.

[7]) *Голиковъ*, Дѣянія, IV, 237, 349—366; VIII, 388; XII, 85, 216.

[8]) *Голиковъ*, Дѣянія XII, 340—343.

престолѣ Фридриха Великаго (род. 1712 г.; на престолѣ 1740—1786), удивившаго Европу своимъ „либерализмомъ“. Отрицая патримоніальное государство и замѣняя его народнымъ, Фридрихъ говорилъ: „Le souverain bien loin d'être le maître absolu des peuples qui sont sous sa domination, n'en est lui-même que le premier domestique“. Ту же мысль, что власть государя есть служеніе государству, что государь есть первый слуга и первое должностное лицо въ государствѣ, Фридрихъ В. многократно высказывалъ, однако „весьма часто его дѣйствія мало соотвѣтствовали идеалу, который съ ранней молодости до поздней старости вдохновлялъ его душу“ (*I. K. Bluntschli,* Geschichte der neueren Statswissenschaft, allegemeines Statsrecht und Politik. Seit dem 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. 3 Aufl. München und Leipzig, 1881, S.S. 265 u. 280. Русскій переводъ подъ заглавіемъ Исторія общ. гос. права, Спб. 1874, стр. 197 и 213). Въ письмѣ своемъ изъ Прутскаго похода 10 іюля 1711 г. Петръ, между прочимъ, писалъ: „Господа Сенатъ!.. Если случится сіе послѣднее (что я попаду въ плѣнъ), то вы не должны меня почитать своимъ царемъ и государемъ, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственноручному повелѣнію отъ насъ, было требуемо, покамѣстъ я самъ не явлюся между вами въ лицѣ моемъ; но если я погибну и вы вѣрныя извѣстія получите о моей смерти, то выберите между собою достойнѣйшаго мнѣ въ наслѣдники“[1]).

Благо и благополучіе государства Петръ понималъ очень широко, включая въ него, разумѣется, и блага истинной вѣры и христіанской нравственности. Напр., при заключеніи брака Анны Іоанновны съ герцогомъ Курляндскимъ Петръ, между прочимъ, требовалъ, „чтобъ позволено было ей и ея служителямъ имѣть церковь и отправленіе вѣры безъ всякаго изъятія“ и чтобы дѣти отъ этого смѣшаннаго брака были крещены въ лютеранство не всѣ, а только мужескаго пола[2]). Также точно и въ договорѣ съ Турціею 3 іюля 1700 г., Петръ въ ст. XII выговаривалъ свободный пропускъ паломниковъ московскихъ въ Палестину безъ взысканія съ нихъ дани и проч. „Московскаго народа мирянамъ и инокамъ имѣть вольное употребленіе ходить во святой градъ Іерусалимъ и посѣщать мѣста, достойныя посѣщенія, а отъ такихъ посѣщеній ради проходящихъ ни во Іерусалимѣ и нигдѣ дань, или гарачь, или пескешъ да не испросится, ни за надобную проѣзжую грамоту деньги да не вымогаются. Сверхъ того живущимъ въ странахъ государства Отоманскаго Московскимъ и Россійскимъ духовнымъ ни едина, по Божественному закону, досада и озлобленіе да не чинится[3]). Но, разумѣется, лучше всего Петръ доказалъ, какъ онъ цѣнитъ блага духовныя, вѣчныя, своимъ религіознымъ міровоззрѣніемъ и всѣми своими церковными реформами.

---

[1]) *С. М. Соловьевъ,* Ист. Рос. IV, 73. Тамъ-же и соображенія въ пользу подлинности этого письма. Соловьевъ, между прочимъ пишетъ: „для Петра на первомъ планѣ было его дѣло,—дѣло преобразованія; все другое на второмъ планѣ“. Ср. *Голиковъ,* Дѣянія, IV, 378.

[2]) *Голиковъ,* Дѣянія XII, № 1156, стр. 153. [3]) *Письма и Бумаги,* I, № 318.

Тѣмъ не менѣе, цѣлью государства Петръ считалъ не спасеніе души подданныхъ, а ихъ земное благополучіе. Въ манифестѣ о вызовѣ иностранцевъ въ Россію 16 апрѣля 1702 г.[1]) онъ писалъ: „Понеже съ того времени, егда мы, милостію Всевышшаго, на престолъ предковъ нашихъ вступили, наше началнѣйшее попеченіе было государства и земли, яже намъ Всевышшій обладати подалъ, такимъ образомъ правителствовати, дабы всякъ и каждый изъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ чювствовати могъ, како наше единое намѣреніе есть о ихъ благосостояніи и приращеніи усердно пещися, и потому всякія способы и пути употребляти, еже бы ко одержанію таковаго славного намѣренія какимъ ни есть образомъ служити могло. И того ради мы не токмо едино торговлю въ совершенное расширеніе привести, и внутренное безопасеніе нашего государства утверждати, и оное отъ всякихъ опасныхъ случаевъ, чѣмъ благосостояніе общія пользы разрушено быти можетъ, упредити, но и правительства состояніе и что иное къ вящему обученію народа доходитъ тако учредити, дабы наши подданные коль далѣе, толь вяще ко всякому обществу и обходителству со всѣми иными христіанскими и во нравехъ обученными народы удобны сочинены быть могли. Чего ради мы всѣ къ тому благополезному дѣлу потребныя и служащія учрежденія и предуготовленія, како время и случай подавалъ, досюду въ наше государство ввели и то впредь, милостію и вспоможеніемъ Вышшаго, продолжати намѣряни есмы“.

И дѣйствительно, все царствованіе Петра оправдало сказанное почти въ самомъ его началѣ. Петръ явился геніальнымъ насадителемъ въ Россіи матеріальной культуры во всѣхъ ея видахъ и формахъ. Вводя профессіональное образованіе, расширяя и совершенствуя торговлю, создавая разнообразную промышленность, заботясь о сельскомъ хозяйствѣ, объ упорядоченіи финансовъ и т. д.[2]) Петръ поступалъ такъ, потому что видѣлъ въ земной жизни самодовлѣющую цѣль государственной дѣятельности и вообще нѣчто самостоятельно цѣнное. Этотъ его взглядъ находился въ прямомъ противорѣчіи съ религіознымъ міросозерцаніемъ московскаго прошлаго, когда, подъ вліяніемъ аскетическихъ идей, земная жизнь сама по себѣ не цѣнилась, а слѣдовательно, не могло быть и свѣтской земной культуры.[3]) Можно думать, что москвичи торговали, промышляли, воевали и проч. только изъ крайней необходимости, мысленно же были всецѣло поглощены, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, будущей загробной жизнью. Петръ же, напротивъ, заботу о послѣдней считаетъ дѣломъ личной совѣсти каждаго, соизволяя, „да каждый христіанинъ на свой собственный отвѣтъ о попеченіи спасенія своего трудится“[4]).

---

[1]) *Письма и Бумаги*, II, 421.

[2]) *А. Г. Брикнеръ*, Исторія Петра Великаго. Спб. изд. Сойкина, II, 244 — 257 206—223. — *С. М. Соловьевъ*, Ист. Россіи, III, IV.

[3]) По этому вопросу необходимо имѣть въ виду очень важную статью проф. *Н. К. Никольскаго* „О древне-русскомъ христіанствѣ“ въ Русской Мысли за 1913 г., кн. VI.

[4]) Вышеупомянутый манифестъ 16 апрѣля 1702. Письма и Бумаги, т. II, № 421, п. 2.

Результаты новаго взгляда на цѣль государства. Въ результатѣ того взгляда, что цѣль государства заключается въ созданіи возможно большаго благополучія народа, благополучія прежде всего матеріальнаго, а затѣмъ духовнаго и притомъ болѣе свѣтскаго, нежели религіознаго, явилось въ нашей исторіи то, что со времени Петра Великаго и личная жизнь государя и его двора не отличается уже тѣмъ благочестіемъ, какимъ отличалась раньше, и государственное законодательство нерѣдко противорѣчитъ своимъ содержаніемъ нормамъ христіанской нравственности[1]), и Церковь занимаетъ свое господствующее положеніе среди иныхъ вѣръ въ государствѣ не столько въ силу своей истинности, сколько въ качествѣ исповѣданія большинства, въ качествѣ національнаго института, тѣсно слившагося съ русской исторической государственностью[2]), и, наконецъ, духовенство теряетъ всякую самостоятельность, становясь лишь извѣстнаго рода служилымъ классомъ, исполняющимъ одну изъ функцій государства. При этомъ само государство мало-по-малу принимаетъ характеръ т. наз. „полицейскаго государства“, признающаго себя самодовлѣющимъ учрежденіемъ, устраняющимъ какую бы то ни было конкурренцію другихъ институтовъ, общественныхъ силъ и личной инициативы въ достиженіи всего того, что человѣку нужно[3]).

---

[1]) См. *Гольцева,* Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. 1896.

[2]) Подробнѣе объ этомъ въ нашей статьѣ: „Историко-юридическій анализъ формулы: Россія — православное государство“. Къ вопросу о вѣротерпимости въ Россіи. „Церковная Правда“ (Берлинъ) № 6 за 1914 г. и ниже въ гл. XIII.

[3]) Ср. *М. А. Рейснера,* Государство и вѣрующая личность. Сборникъ статей. Спб. 1905.—*Его-же,* Духовная полиція въ Россіи. Спб. изд. М. О. Вольфа.

Глава III.

Начало культурнаго перелома въ Россіи и русское духовенство.

Общія замѣчанія. Къ началу XVIII вѣка религіозно-политическая идеологія постепенно начала отходить въ область преданія. Повидимому въ самой іерархіи, въ лицѣ Никона и русскихъ членовъ собора 1667 г., она уже не имѣла исповѣдниковъ, подобныхъ старцу Филоѳею, Іосифу Волоколамскому, митрополиту Даніилу и другимъ.

Съ другой стороны на престолъ великихъ князей и царей московскихъ вступилъ Петръ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ далеко не церковникъ въ духѣ царей Ѳеодора Іоанновича и Алексѣя Михайловича. Его взгляды на цѣли государства существенно отличны отъ старо-московскихъ взглядовъ, какъ и взгляды на цѣнность земной жизни человѣка. Въ немъ почти все секуляризовано. Не очень грамотный, но тѣмъ не менѣе искренній и убѣжденный послѣдователь новой науки и философіи школы естественнаго права, онъ желалъ видѣть Россію европейскимъ государствомъ, а народъ свой „пріучить къ людскости".

При такихъ условіяхъ, говоря a priori, какъ должны были сложиться отношенія Церкви и государства въ новой Россіи?

Параллелизмъ цѣлей государства и Церкви былъ утраченъ, поэтому взаимное сотрудничество съ сохраненіемъ самобытности той и другой стороны, стало уже невозможнымъ. Подчиненіе государственной власти власти церковной, какъ хотѣлъ того Никонъ, было тѣмъ болѣе невозможно. Оставалось третье—подчиненіе церковной власти власти государственной, что не только вполнѣ согласовалось, но и вытекало изъ идей школы естественнаго права и современной Петру политической дѣйствительности въ Европѣ. Четвертаго выхода - отдѣленія Церкви отъ государства—а также новѣйшей системы государственнаго надъ церквами верховенства, человѣчество тогда еще не знало.

Такъ, говоря a priori, должны были сложиться отношенія церковной и государственной власти по ходу русской и европейской исторіи даже въ томъ случаѣ, если бы русская церковная жизнь и русское духовенство были на должной высотѣ. Между тѣмъ въ „духовномъ чинѣ" было „много нестроенія и великая въ дѣлахъ его скудость", что, по словамъ манифеста 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи, и вызвало вмѣшательство Петра и церковныя его реформы. Нарисовать картину этой скудости во всѣхъ ея подробностяхъ не входитъ въ нашу задачу. Здѣсь достаточно лишь нѣсколькихъ штриховъ.

Малоуспѣшность религіознаго просвѣщенія. Къ началу XVIII в. русскій народъ насчитывалъ уже 700 лѣтъ со времени принятія имъ христіанства. Тѣмъ не менѣе религіозно-нравственное состояніе народа, по согласному

отзыву всѣхъ церковныхъ и гражданскихъ историковъ, было очень далеко отъ желаннаго идеала. Можно думать, что уже въ самомъ принятіи русскими христіанства отъ *грековъ* заключалось какъ высшее благо—усвоеніе ими православія, такъ и зародышъ очень многихъ недостатковъ нашей послѣдующей церковно-общественной жизни[1]). Впослѣдствіи, замкнутые въ самихъ себѣ, русскіе іерархи и духовные круги признали себя достигшими такого религіознаго и нравственнаго совершенства, что на своихъ просвѣтителей и учителей грековъ стали смотрѣть съ нескрываемымъ высокомѣріемъ[2]). Однако это высокомѣріе не спасло русское духовенство и народъ отъ той невысокой степени религіозной культурности, въ которой они *дѣйствительно* находились, и когда, послѣ закончившагося въ XVI ст. политическаго объединенія Руси, настало, наконецъ, время для ревизіи достигнутыхъ результатовъ въ религіозномъ просвѣщеніи народа, оказалось, что высокомѣріе русскихъ относительно грековъ не имѣло подъ собою никакого основанія[3]). Тогда началась по иниціативѣ царя Алексѣя Михаиловича[4]), знаменитая по своимъ печальнымъ послѣдствіямъ реформа Никона. Нововведенія энергичнаго патріарха были встрѣчены, особенно низшими слоями русскаго народа, какъ введеніе буквально *новой* вѣры въ томъ смыслѣ, что они рѣшительно направлялись противъ вѣками сложившихся полуязыческихъ, полухристіанскихъ національныхъ вѣрованій[5]).

Утрата духовенствомъ своего положенія „учительнаго сословія“. Реформа Никона сопровождалась расколомъ. Противъ патріарха и всей Русской Церкви возстало старообрядчество, разбившееся затѣмъ на множество толковъ и сектъ, и до сихъ поръ почти не примирившееся съ Церковью. Остальная часть русскаго народа приняла реформу. Однако и для этой, православной части, религіозный кризисъ средины XVII в. не прошелъ даромъ. *Во-первыхъ*, русскіе люди увидѣли, что *возможны* церковныя реформы, и что эти реформы производятся по иниціативѣ и при дѣятельной поддержкѣ царя, трудами патріарха съ участіемъ всей почти іерархіи. Это обстоятельство, съ одной стороны, дискредитировало высшее духовенство, а съ другой стороны подготовило народъ къ Церковнымъ реформамъ Петра. *Во-вторыхъ*,

---

[1]) Эта мысль спеціально развита нами въ первой главѣ нашихъ „Очерковъ по исторіи Русской Церкви въ XVIII и XIX ст.“ в. I, Варшава 1912, которые по частямъ вошли въ настоящее изслѣдованіе. — Ср. философскія письма *П. Я. Чаадаева* и особенно въ первомъ письмѣ стр. 29—35 и слѣд. по изданію: Oeuvres choisies de Pierre Tchadaief, publiées pour la première fois par le P. Gagarin. Paris—Leipzig, 1862.—Ср. *Н. Н. Пузановъ*, П. Я. Чаадаевъ и его міросозерцаніе. Труды Кіевской Дух. Академіи, 1906 г. V, 135—158; VI, 306—334.

[2]) *Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ Православному Востоку въ XVI и XVII ст. Изд. 2, Серг. Пос. 1914 г., гл. IX.

[3]) Тамъ-же, гл. X.

[4]) *Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, стр. 1 и слѣд. Серг. Пос. 1912.

[5]) Сборникъ „Три вѣка“, изд. Сытина, М. 1912, т. II, стр. 1—31, статья Н. М. Никольскаго: „Реформа Никона и происхожденіе раскола“.

готовность Никона идти на уступки первымъ старообрядцамъ, лишь бы они согласились остаться въ подчиненіи у церковной власти[1]), показало неглубокую искренность его гоненій на старую вѣру, и то, что іерархія больше всего дорожила своею властью и своимъ положеніемъ учительнаго сословія, которое давало ей столько выгодъ, между тѣмъ какъ сама она раздѣляла многія заблужденія народа[2]). Это обстоятельство также дискредитировало высшее духовенство въ глазахъ русскаго общества и народа, почему впослѣдствіи оно и реагировало такъ слабо на учрежденіе Духовной Коллегіи, сопровождавшееся юридическимъ обезличеніемъ іерархіи царскою властью[3]).

---

[1]) См. *М. Макарій,* Исторія Русской Церкви, т. XII, Спб. 1883, стр. 213, 218 и слѣд. Здѣсь преосвященный авторъ пишетъ: „Никонъ, очевидно, желалъ искренне примириться съ Григоріемъ и, послѣ того, какъ онъ возсоединился съ церковію и *покорился церковной власти,* готовъ былъ дѣлать ему всякое снисхожденіе, но не такъ отвѣчалъ ему Григорій. Однажды послѣдній сказалъ Никону: „иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ (Нероновъ разумѣлъ служебники, которыхъ самъ держался, напечатанные до служебника Никона), но и похваляютъ". И Никонъ отвѣчалъ: *„обои де добры* (т. е. и прежде напечатанные и новоисправленные) — *все де равно, по коимъ хощешь, по тѣмъ и служишь".* Григорій сказалъ: „я старыхъ де добрыхъ и держуся", и принявъ отъ патріарха благословеніе, вышелъ. Вотъ когда - замѣчаетъ М. Макарій,- началось единовѣріе въ русской церкви! Самъ Никонъ благословилъ его и дозволилъ первому и главному вождю появившагося у насъ раскола, старцу Григорію Неронову, какъ только онъ покорился церкви, совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ" (стр. 218). Изъ дальнѣйшаго видно, что Никонъ дозволилъ и двоеніе аллилуіи. „Такимъ дозволеніемъ двоить аллилуію даже въ Успенскомъ соборѣ, по желанію старца Григорія, послѣ того какъ онъ присоединился къ церкви и *покорился церковной власти,* — говоритъ М. Макарій, — Никонъ еще разъ показалъ, что готовъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе и такъ называемыхъ ими старыхъ обрядовъ, если только эти противники будутъ въ единовѣріи съ церковью и въ покорности ея богоучрежденной іерархіи" (стр. 220).

[2]) Реформа Никона и связанное съ нею появленіе раскола полны недоразумѣній, какъ это показалъ проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ,* патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. 2 тома, Сергіевъ Посадъ, 1909 и 1912. — Ср. очень важную рецензію *В. Г. Дружинина* въ журналѣ Мин. Н. Пр. за 1913 г. ч. XLVI, августъ, стр. 278—313.

[3]) Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ* справедливо говоритъ, что реформаторская дѣятельность Никона, даже помимо его собственнаго сознательнаго намѣренія и стремленія, имѣла однако крайне важныя послѣдствія для послѣдующей нашей культурно-образовательной жизни: она показала несостоятельность нашего стараго идеала русской жизни, построеннаго на основаніи узкаго національнаго самомнѣнія,... и въ то же время на суевѣрно-боязливомъ отношеніи ко всякому новому направленію въ жизни. Послѣ реформы Никона жить старымъ для передового большинства оказалось уже невозможнымъ, пришлось задачи и цѣли русской жизни понять значительно иначе... представленіе о русской старинѣ, какъ о чемъ-то святомъ и завѣтномъ, было рѣзко и рѣшительно поколеблено. Въ этомъ именно отношеніи и смыслѣ Никонъ вполнѣ законно и справедливо можетъ быть названъ предшественникомъ Великаго Петра: безъ церковной реформы Никона, при всеобщемъ господствѣ старыхъ до никоновскихъ идеаловъ жизни, при всеобщей вѣрѣ въ ихъ святость, неприкосновенность и обязательность для каждаго, реформы Петра едва ли были бы возможны. Наоборотъ, послѣ реформы Никона, когда въ сферѣ самой священной и завѣтной въ глазахъ народа—въ сферѣ церковнаго обряда и чина, произведены были очевидныя для всѣхъ перемѣны, введены были, несомнѣнно, иностранныя (современныя греческія) новшества, перемѣны въ другихъ сферахъ жизни казались дѣломъ легкимъ" (Патр. Никонъ

Обращеніе Россіи къ западу за просвѣщеніемъ и плоды западнаго вліянія. Какъ заблужденія предшествовавшаго времени возникли вслѣдствіе пассивности русской іерархіи и недостатка просвѣщенія, такъ что во всѣхъ церковныхъ вопросахъ, встававшихъ на пути русской церковной исторіи, приходилось обращаться къ помощи грековъ[1]), такъ, равнымъ образомъ, и расколъ возникъ и усилился изъ-за отсутствія школы и просвѣщенія. Сами русскіе не могли своими силами выбраться изъ тьмы невѣжества, и такъ какъ греки, разоренные и порабощенные турками, въ XVII в. также не могли уже намъ помочь[2]), пришлось искать содѣйствія у „черкасъ“, т. е. у южно-русскаго духовенства, которое, въ борьбѣ противъ католичества, само въ значительной мѣрѣ незамѣтно прониклось католическими тенденціями и

и ц. А. М., т. II, стр. 539—540). Далѣе оказывается, что въ реформѣ Никона русскіе признали своими учителями грековъ, которые своими выходками оскорбили русское національное самолюбіе, обнаружили большую корыстность и. кромѣ того, показали, что свое образованіе, которое дѣлало ихъ нашими учителями, греки получили не у себя дома, такъ какъ у нихъ своихъ школъ не было, а на западѣ, въ латинскихъ школахъ, куда ихъ допускали не иначе, какъ подъ условіемъ перемѣны вѣры (таковы, наприм., были Арсеній грекъ и Паисій Лигаридъ). Тогда у русскихъ могла естественно возникнуть мысль самимъ обратиться на западъ за наукой и образованіемъ, минуя грековъ-посредниковъ. И дѣйствительно, еще Алексѣй Михайловичъ сталъ склоняться къ западу, а при Петрѣ греческое вліяніе пало окончательно, въ чемъ они сами были отчасти виновны. И въ этомъ время Никона подготовило эпоху Петра. Даже и въ вопросѣ о превосходствѣ патріаршей власти надъ царской Никонъ уронилъ себя, а архіереи, бывшіе въ этомъ отношеніи единомышленниками Никона, помогая правительству уничтожить патріарха, лишь „наносили окончательный смертельный ударъ своимъ собственнымъ вожделѣніямъ,—стать въ русскомъ государствѣ „свободными“ архіереями“. „Дѣло въ томъ,—заключаетъ Н. Ѳ. Каптеревъ,—что если самаго сильнаго и выдающагося патріарха оказалось возможнымъ превратить въ простого монаха Никона, то отсюда уже не далеко было и до возможности уничтоженія у насъ самаго патріаршества, что дѣйствительно и случилось уже при сынѣ Алексѣя Михайловича. Само собою понятно, что если можно было уничтожить самое патріаршество, то тѣмъ легче было справиться съ поползновеніями свободолюбивыхъ архіереевъ, что вскорѣ и было сдѣлано учрежденіемъ у насъ, вмѣсто патріаршества, Св. Синода и водвореніемъ въ немъ всемогущей въ церковномъ управленіи власти Оберъ-Прокурора Св. Синода“ (Ibidem, 540—547).

[1]) „При возникновеніи у насъ своихъ церковныхъ вопросовъ, мы всегда брали только уже готовыя, болѣе или менѣе подходящія къ данному случаю нормы, формулы, рѣшенія и постановленія древне-греческія и, съ своей стороны, употребляли всѣ усилія, чтобы какъ-нибудь подвести, подогнать живой русскій вопросъ подъ отжившую часто греческую формулу, и не успокаивались до тѣхъ поръ, пока не успѣвали такъ или иначе втиснуть русское живое церковное явленіе въ рамки греческой церковной старины“. Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патр. Никонъ и ц. А. М., т. II, стр. 113.

[2]) „Русскимъ нужны были хорошіе учителя, они требовали у грековъ людей дѣла, но греки далѣе словъ не шли, и Москва, попрежнему, оставалась безъ школы. Неудачные поиски учителей на востокѣ имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что русскіе, разочаровавшись въ грекахъ, въ ихъ пригодности къ роли просвѣтителей, обратились къ содѣйствію представителей западнаго образованія“. См. *А. Галкинъ*, Академія въ Москвѣ въ XVII ст. М. 1913, стр. 17—18 и указанную тамъ литературу.—*М. Сменцовскій*, Братья Лихуды. Опытъ изъ исторіи просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XXVIII в. Спб. 1899.

схоластикой[1]). Эти именно, тенденціи, въ виду отсутствія въ Москвѣ самобытнаго просвѣщенія проникли и въ нашу школу[2]), въ богослужебныя книги, покаянные номоканоны[3]), въ Кормчую книгу[4]) и проч., и естественно ослабили силу противодѣйствія русскаго общества прямому натиску латинства и „хлѣбопоклоннической" ереси[5]), побѣдить которую, какъ и составленную въ духѣ католичества Симеономъ Полоцкимъ и Сильвестромъ Медвѣдевымъ программу Академіи въ Москвѣ, патріарху Іоакиму было не легко, вслѣдствіе поддержки ей царя Θеодора Алексѣевича, царевны Софіи и знати. Въ этой борьбѣ великорусскіе архіереи морально ничего не выиграли, ибо малорусское вліяніе продолжало свою побѣдоносную кампанію[6]). Потребность въ школѣ и просвѣщеніи слишкомъ сильно давала себя чувствовать и русское общество уже собственными силами и на свой личный страхъ искало себѣ учителей не только латино-польской, но и нѣмецко-протестантской культуры. Между тѣмъ, великорусское духовенство въ отвѣтъ на всѣ эти исканія и протесты противъ его дурного поведенія отвѣчало только „загражденіемъ устъ"[7]). Примѣры архіепископа Новгородскаго Геннадія и Іосифа Волоколамскаго, предлагавшихъ „очистить" русскую землю отъ еретиковъ—жидовствующихъ путемъ испанской инквизиціи, не были забыты въ послѣдующее время и загражденіе устъ путемъ ссылки, заточенія и казней были обычнымъ методомъ борьбы за правоту старой вѣры и умственную косность. Соборъ осуждавшій Висковатаго за „недоумѣнныя рѣчи", внушалъ ему „сомнѣнія не имѣть и не испытывати, и не разсуждати, но токмо вѣровати"[8]).

Религіозно-нравственное состояніе духовенства и народа въ XVII в. Все это совершенно не могло не только поднять, но и поддержать авторитета духо-

---

[1]) *Іеромонахъ Тарасій*, Великороссійское и Малороссійское богословіе XVI и XVII вѣковъ. Спб. 1903. - *А. П. Доброклонскій*, Руководство по исторіи русской Церкви. В. III, М. 1889, стр. 151—158.

[2]) Московская Славяно-Греко-Латинская Академія была точной копіей Кіево-Могилянской Академіи. См. *С. Смирновъ*, Исторія Московской сл.-гр.-лат. Академіи, М. 1855.— *П. В. Знаменскій*, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. Казань, 1881.—*С. В. Рождественскій*, Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в.в. Т. I, стр. 51. Спб. 1912.

[3]) *Н. С. Суворовъ*, Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права. Ярославль, 1888, стр. 174, прим. 279.

[4]) *А. С. Павловъ*, 50-я глава Кормчей книги. М. 1887, стр. 8—15, 41 слѣд., 74 слѣд.

[5]) *Г. Мирковичъ*, О времени пресуществленія Св. Даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. Вильна 1886, рец. *И А. Шляпкина*, Журн. М. Н. Пр. 1886 г., ч. 245, Май, 157—161.

[6]) Ср. Проф. *К В. Харламповичъ*, Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Т. I, Казань, 1914, гл. V и IX.

[7]) *П. Морозовъ*, Θеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 18 и слѣд. „Вмѣсто отвѣта лучше оплевать и обругать и тебѣ уста заградить, яко псу лающему"— одна изъ обычныхъ формулъ церковнаго внушенія (ib. стр. 19, прим. 3).

[8]) Цитата изъ А. А. Э., I, № 238, у *П. Морозова*. Онъ же прибавляетъ: „Всѣмъ страстямъ мати—*мнѣніе*; мнѣніе—второе паденіе", любили повторять наши моралисты XVII вѣка.

венства, какъ учительнаго сословія въ народѣ. Оно и не могло его имѣть, ибо въ массѣ своей вполнѣ раздѣляло букво-обрядо-вѣріе народа, „все болѣе и болѣе утрачивало образованность, становилось все болѣе и болѣе невѣжественнымъ, грубымъ и своекорыстнымъ; въ XVII в., по свидѣтельству самихъ представителей духовной іерархіи, въ священство ставились „сельскіе невѣжды, иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“. „Умножися,—говорили отцы собора 1667 г.,—бѣглыхъ изъ рабства и изъ крестьянства, ставятся въ попы и дьяконы не священства ради, но холопы не хотя въ рабахъ, а крестьяне въ крестьянствѣ быти“ (Доп. къ Акт. Ист., V, 473, 490). Даже въ монастыряхъ—этихъ, по выраженію Кирѣевскаго,—„святыхъ зародышахъ не сбывшихся университетовъ“,—въ половинѣ XVII в. „добрые старцы перевелись“, какъ писалъ Новгородскій митрополитъ Соловецкому игумену, характерно добавляя: „а которые и есть, и тѣ бражничаютъ, а грамотѣ не умѣютъ“. Многія духовныя лица не могли понимать даже простыхъ учительныхъ книгъ, такъ что, напримѣръ, нравоучительныя бесѣды Златоуста на Евангелія, на посланія ап. Павла казались „неразумительными слушающимъ и читающимъ“, писанными какъ бы иностраннымъ языкомъ; а по свидѣтельству старца Арсенія Глухого,—„въ книгахъ церковныхъ точію черниламъ вѣрили и письменамъ единымъ внимали, а смысла писаннаго нисколько не разумѣли, не знали ни православія, ни кривославія, но божественныя писанія точію по чернилу проходили, разума же въ нихъ не нудились понять“[1]).

Въ итогѣ отсутствія просвѣщенія среди іерархіи и духовенства, не говоря о народѣ, буквализма и обрядовѣрія въ религіозной жизни и успѣшной борьбы „стяжателей“ за церковныя вотчины русская церковная жизнь конца XVII в. являла тѣ же черты несовершенства, какія были ей свойственны съ самаго начала. Патріаршее управленіе большею частью было слабо, безъ малѣйшаго желанія идти впереди народной жизни и вести таковую за собою. Многіе архіереи были невѣжественны, надменны, недоступны, вслѣдствіе чего чрезвычайно развивалось взяточничество низшихъ архіерейскихъ и патріаршихъ слугъ. Были архіереи, которыхъ можно было обвинить въ мздоимствѣ, нанесеніи побоевъ, примѣненіи къ виновнымъ жестокихъ наказаній и проч. Священники были часто не выше своей паствы, едва грамотны, грубы въ нравахъ и обычаяхъ, крайне лѣнивы, пьяницы, кощунники, бродяги, лжесвидѣтели и т. п. Культурное значеніе монастырей ослабѣло, монахи были крайне испорчены. Дисциплина среди духовенства была крайне расшатана. Церковное достояніе, достигшее въ теченіе вѣковъ огромной цѣнности, уплывало безъ надлежащей пользы для Церкви, расходуемое на огромную толпу тунеядцевъ. Паства утопала въ невѣжествѣ[2]). „Никакое,

---

[1]) *П. Морозовъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, стр. 12—13.

[2]) Тяжелыя подробности по документамъ см. въ соч. *С. Г. Рункевича*, Исторія Русской Церкви подъ управленіемъ Св. Синода, т. I. Учрежденіе и первоначальное устройство Святѣйшаго Правительствующаго Синода (1721—1725 гг.) С.-Петербургъ 1900 г., стр. 1—16.

конечно, общество не бываетъ свободно отъ пороковъ или застраховано отъ наличности въ своей средѣ членовъ, выдающихся по своей порочности и компрометирующихъ. И вся эта мрачная картина церковной жизни, набросанная на основаніи фактовъ, выхваченныхъ изъ обширной области жизни, не должна быть принимаема въ такомъ смыслѣ, что только эти дурныя и темныя стороны и являются исключительнымъ и единственнымъ матеріаломъ для характеристики нравственнаго состоянія духовенства и паствы на рубежѣ петровыхъ преобразованій. Эта эпоха не осталась и безъ мѣръ, предпринимаемыхъ духовною властью къ упорядоченію церковной жизни. Но только всѣ прекрасные лучи добраго и примѣры добрыхъ начинаній поглощались господствовавшею повсюду тьмою. Тьма, самодовольная, сильная своей массой, не хотѣла уступать мѣста свѣту и идти по его лучамъ"[1]). По выраженію манифеста объ учрежденіи Синода были „въ духовномъ чинѣ нестроенія и великая въ дѣлахъ его скудость". „Великая скудость. Церковь, располагая изобильными средствами какъ въ отношеніи количества священниковъ, такъ и въ отношеніи матеріальныхъ достатковъ, не проявляла никакихъ соотвѣтственныхъ ея средствамъ осязательныхъ плодовъ: ни просвѣщенія, ни образованія, ни благотворительности. Церковное образованіе и просвѣщеніе народа остановилось, церковная благотворительность иссякла, преобразовываемое государство далеко шагало впередъ, а церковная жизнь продолжала стоять на мѣстѣ"[2]). Причину этого С. Г. Рункевичъ видитъ „въ исторически сложившихся стремленіяхъ нашего духовенства къ увлеченію экономическими сторонами жизни". „Впечатлѣніе получалось такое, будто весь клиръ имѣетъ одну цѣль: пріобрѣсть какъ можно болѣе, не задумываясь надъ тѣмъ, какимъ путемъ идетъ къ нему земное достояніе и куда уходитъ. Это увлеченіе духовенства экономическою стороною, если и не говорить о злоупотребленіяхъ своекорыстія, весьма многочисленныхъ, но все же случайныхъ, не вызываемыхъ сущностью дѣла, повело—въ лучшемъ случаѣ—къ размноженію числа храмовъ и священниковъ, къ украшенію церквей драгоцѣнностями, къ отливкѣ громозвучныхъ колоколовъ. Но храмы не были полны молящимися, священники не исполняли своего прямого назначенія, драгоцѣнные оклады заслоняли святой ликъ"[3]). Въ сказанное

[1]) *Рункевичъ*, ib. 16—17. [2]) *Рункевичъ*, ib. 18—19.

[3]) ib. 19—20. О неудовлетворительномъ религіозно-нравственномъ и церковно-общественномъ состояніи русскаго общества въ XVI—XVII вв. см. еще *А. П. Доброклонскаго*, Руководство по исторіи Русской Церкви, в. III, Спб. 1889, стр. 225—238 и указанную имъ литературу, особенно же *Л. П. Рущинскаго*, Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вв. (Чтенія въ О. И. и Др. Р. за 1871 г., кн. III, стр. 1—338).—*Трегубовъ*, Религіозный бытъ русскихъ по мемуарамъ иностранцевъ. Труды Кіев. Дух. Академіи, 1884 г., кн 6—10.—*Вл. С. Соловьевъ*, Религіозно-нравственное состояніе русскаго общества предъ реформой Петра Великаго. (Странникъ, 1878 г. III, стр. 222—232; IV, 216—227; 369—385).—*А. Архангельскій*, Духовное образованіе и духовная школа въ Россіи при Петрѣ В. Казань, 1883 г., гл. I: Умственное и нравственное состояніе духовенства при П. В. по Посошкову (рецензія на эту книгу *Н. И. Петрова*, въ Журналѣ М. Н. Пр. за 1884 г., ч. 233, іюнь, 262—267).—Очень любопытныя за-

словами С. Г. Рункевича, необходимо внести ту поправку, что стремленіе нашего духовенства къ земному благополучію уже съ самаго начала русской исторіи находило себѣ мощную поддержку въ условіяхъ принятія и распространенія на Руси христіанства. Эти условія вызвали многообразныя отрицательныя явленія, среди которыхъ матеріальный вопросъ занялъ важнѣйшее мѣсто. Мало того, онъ явился въ значительной мѣрѣ опредѣляющимъ основное направленіе церковной жизни и въ XVIII—XIX вв. Черезъ весь XVIII вѣкъ красною нитью проходитъ борьба свѣтской и церковной власти за обладаніе огромными богатствами, состоявшими въ населенныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ. Эта борьба заканчивается секуляризаціей церковныхъ имѣній 1764 г.[1]).

Малополезность патріаршаго правленія. Въ своей „Исторіи Русской Церкви" академикъ Е. Е. Голубинскій неоднократно горько жалуется на скудные результаты религіозно-просвѣтительной дѣятельности русскихъ митрополитовъ[2]). Не болѣе благопріятные отзывы слышатся и объ эпохѣ патріаршества, которое, въ сущности, не внесло никакой перемѣны въ условія русской религіозной жизни. За все время существованія въ Москвѣ патріаршей каѳедры, ее занимали преемственно 11 патріарховъ, но дѣятельность ихъ не дала слишкомъ большихъ плодовъ[3]). Патріархъ *Іовъ* (1589—1605)

мѣчанія о религіозно-нравственномъ состояніи русскаго народа см. въ изданіи Археогр. Комиссіи: *„Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII и начала XVIII в."* С.-Петербургъ 1904, а также у *Г. А. Скворцова,* Патріархъ Адріанъ, его жизнь и труды, въ связи съ состояніемъ Русской Церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII в., Казань, 1913, стр. 200—268 и слѣд. (отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ", за 1912—1913 гг.).—Среди данныхъ, показывающихъ неудовлетворительное религіозно-нравственное и церковно-общественное состояніе русскаго общества въ XVI—XVII ст., нельзя упускать изъ виду дѣянія соборовъ 1551 г. (Стоглаваго: „О недостаткахъ русскаго народа по изображенію Стоглава см. статью въ Прав. Собес. за 1865 г., іюнь, стр. 128—156), 1666—1667 г. и 1682 г., а также инструкціи поповскимъ старостамъ п. Адріана (П. С. З. т. III, № 1612, 26 декабря 1697 г.). Защита старины, предпринятая въ отзывахъ проф. М. И. Горчакова и Н. К. Никольскаго противъ мрачной картины, начертанной С. Г. Рункевичемъ, едва-ли можетъ черное сдѣлать бѣлымъ. Разница въ культурномъ отношеніи между древней и новой Россіей послѣ реформъ Петра столь очевидна, что не самая цивилизація Россіи Петромъ можетъ быть оспорена, или должна вызывать наше порицаніе, а *методъ,* которымъ онъ культивировалъ Россію, въ частности, относительно Церкви и духовенства,—путемъ униженій и полнаго обезглавленія ея, какъ самостоятельнаго института и т. д. Если же мы всмотримся, *насколько дѣятельно* церковная власть, духовенство и всѣ вообще русскіе люди стремились къ нравственному совершенствованію, къ избѣжанію суевѣрій, языческихъ переживаній и проч. тьмы и грубости нравовъ, то, несомнѣнно, что *большой дѣятельности* въ этомъ отношеніи на всемъ протяженіи съ X вѣка до XVIII (а вѣдь это цѣлыхъ 800 лѣтъ!) мы не замѣтимъ. По крайней мѣрѣ, въ началѣ XVIII в. реформаторы русскаго церковнаго быта—Петръ и Ѳеофанъ, были вполнѣ увѣрены въ этомъ, какъ, равнымъ образомъ, и въ томъ, что они своими реформами могутъ гораздо скорѣе дать русскому народу лучшую цивилизацію.

[1]) *Мое* сочиненіе „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, Архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго" Спб. 1909.

[2]) Исторія Русской Церкви, т. I, 1-я пол. М. 1901, XIII—XV и passim.

[3]) *А. П. Доброклонскій,* Руководство по И. Р. Ц. в. III, 1889, стр. 64,

мало чѣмъ заявилъ себя въ церковной дѣятельности, хотя былъ высокою личностью, боролся противъ самозванца и былъ свергнутъ за это народомъ съ престола[1]). *Игнатій* (1605—1606) былъ ставленикомъ Лжедимитрія, грекъ по происхожденію, латинянинъ по вѣрѣ. Ненавидимый народомъ онъ былъ низложенъ соборомъ послѣ 11 мѣсяцевъ управленія патріархіею. *Ермогенъ* (1606—1612) былъ „человѣкъ душой преданный православію и отечеству, рѣшительный и непреклонный"[2]) и погибъ за правду и патріотическую дѣятельность мученической смертью. Смутное время не благопріятствовало какой-либо особой церковной дѣятельности. *Филаретъ* (1619—1634) сдѣлалъ для Церкви довольно много, но онъ былъ скорѣе царь, чѣмъ патріархъ. Его преемникъ *Іоасафъ I* (1634—1641) былъ человѣкъ „благочестивый и смиренный, но нерѣшительный и уступчивый"[3]). „Въ церковной своей дѣятельности онъ является почти исключительно продолжателемъ того, что дѣлалось при его предшественникѣ, и очень немного вноситъ сюда своей инициативы"[4]). *Іосифъ* (1642—1652) былъ „какъ и Іоасафъ (если не болѣе), человѣкъ нерѣшительный и слабый, готовый уступать и молчать тамъ, гдѣ слѣдовало бы протестовать"[5]). *Никонъ* (1652—1667) былъ дѣятельнымъ патріархомъ, но вызвалъ расколъ, унижалъ и притѣснялъ духовенство и выступилъ на борьбу съ царской властью, отстаивая чуждыя православію теоріи іерократическаго господства. И всѣмъ этимъ Никонъ не столько принесъ пользы Церкви, сколько поколебалъ старые устои и подготовилъ церковную реформу Петра, именно въ духѣ заимствованія иностранныхъ образцовъ и взглядовъ, только уже не греческаго, а западнаго происхожденія (см. выше). *Іоасафъ II* (1667—1672), избранный на большомъ соборѣ 1667 г., который начерталъ рядъ глубокихъ исправленій русской церковной дѣйствительности, старался дѣятельно провести ихъ въ жизнь и съ этой цѣлью издалъ рядъ существенныхъ распоряженій. Однако, онъ стоялъ на старой точкѣ зрѣнія „стяжателей", „стремился возстановить во всей широтѣ и неприкосновенности судебныя привилегіи Церкви и дѣйствительно успѣлъ ограничить права Монастырскаго приказа"[6]). *Питиримъ* патріаршествовалъ только 10 мѣсяцевъ (съ іюля 1672 по апрѣль 1673 г.) и слѣдовъ о себѣ не оставилъ. *Іоакимъ* (1674—1690) былъ дѣятельнымъ патріархомъ въ духѣ старины[7]). Онъ добился уничтоженія Монастырскаго приказа и возстановленія прежнихъ привилегій духовенства, боролся противъ раскола, усиливающагося латинства, „хлѣбопоклоннической ереси", боролся за учрежденіе въ Москвѣ Академіи православнаго направленія, возставалъ противъ западнаго вліянія и новшествъ европеизма, очень сильно

---

[1]) „Іовъ, патріархъ Московскій". Прав. Собес. 1867, октябрь, 81—106.

[2]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 71. Ср. *П. Г. Васенко*, Новыя данныя для характеристики П. Гермогена. Ж. М. Н. Пр., ч. 336, іюль, 138—145.

[3]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 86. [4]) Тамъ же, стр. 86.

[5]) Тамъ же, стр. 87. [6]) Тамъ же, стр. 117.

[7]) „Іоакимъ", статья въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Рос. годъ III (1848 г.), № 7, стр. 123—136 съ портретомъ.

проникавшихъ и во дворецъ, и въ общество, между прочимъ, запрещалъ табакокуреніе и брадобритіе, настаивалъ на благочиніи среди бѣлаго и чернаго духовенства и единообразіи въ богослуженіи. Іоакимъ игралъ видную роль въ политикѣ и нажилъ себѣ не мало враговъ[1]). Наконецъ, *Адріанъ* (1690—1700) „продолжалъ дѣло своего предшественника, только не такъ энергично и не всегда такъ обдуманно, какъ тотъ. Подобно Іоакиму, онъ предостерегалъ правительство отъ иновѣрной пропаганды въ Москвѣ, очищалъ (до крайности) здѣшнюю заиконоспасскую школу отъ подозрѣваемаго въ ней чуждаго православію вліянія; отстаивалъ неприкосновенность церковнаго суда отъ стремленій правительства ограничить его и съ этою цѣлью велѣлъ составить „статьи о святительскихъ судахъ". Но съ одной стороны нерѣшительность Адріана, съ другой условія исторической жизни, въ какія была поставлена тогда Россія, руководимая великимъ преобразователемъ Петромъ, помѣшали Адріану осуществить то, къ чему стремился. Самъ Адріанъ понялъ свое безсиліе бороться съ новымъ направленіемъ жизни: сначала онъ обличалъ реформы Петра, а потомъ замолчалъ и даже совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы въ Перервинскій монастырь (близъ Москвы). Слабый по своему характеру и не предпріимчивый въ дѣятельности, онъ почти не оставилъ по себѣ памяти въ исторіи"[2]). Въ эту оцѣнку послѣдняго патріарха надо внести ту поправку, что Петръ Великій, до Кожуховскаго похода 1694 г. продолжалъ свои „потѣхи", не вступалъ въ самостоятельное управленіе государствомъ и по крайней мѣрѣ до возвращенія своего изъ-за границы въ 1699 г. не былъ въ собственномъ смыслѣ „преобразователемъ". Поэтому не столько Петръ, сколько именно условія исторической жизни Россіи, издавна подготовленныя и ярко сказавшіяся въ концѣ XVII в., составляли атмосферу, въ которой трудно и почти безполезно было дѣйствовать людямъ стараго закала, подобнымъ Адріану. Культурный переломъ русскаго общества въ сторону запада сказывался уже достаточно опредѣленно[3]) и настаивать на старинѣ значило безполезно идти противъ теченія, повернуть которое обратно было уже невозможно, ибо многовѣковой пассивностью іерархіи, ея безъидейной косностью и т. д. руководящая роль духовенства и старо-церковнаго міровоззрѣнія была утрачена безвозвратно.

---

[1]) См. *Свящ. П Смирновъ*, Іоакимъ, патріархъ Московскій, въ Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1879 г. февраль, 192—230; апрѣль, 417—436; ноябрь, 404—452; 1880 г. май, 556—602; 1881 г. апрѣль 469—529; май, 575—605.

[2]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 123—124. О п. Адріанѣ см. книгу *Г. А. Скворцова*, Патріархъ Адріанъ, его жизнь и труды, въ связи съ состояніемъ Русской Церкви въ послѣднее десятилѣтіе XVII в., Казань, 1913 (отд. отт. изъ „Прав. Собес." за 1912—1913 гг.), главы III, V, VI, VII.

[3]) *Свящ. П. Смирновъ*, Іоакимъ, п. М., Чтенія въ О. л. дух. просв. 1880, май, 556 и слѣд.—*В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи. Ч. III, стр. 331 и слѣд., М. 1908.—*С. Ѳ. Платоновъ*, Лекціи по русской исторіи. Изд. 8, Спб. 1913, стр. 396—402.—*Е. П. Трифильевъ*, Новыя культурныя теченія въ Московскомъ Государствѣ въ XVII в. Одесса 1913.—Ср. *А. Плещеевъ*, Нашъ Балетъ. 2 изд. Спб. 1899, стр. 29 и слѣд.

Дѣятельность епархіальныхъ епископовъ. Если не богата была результатами столѣтняя дѣятельность патріарховъ, высшихъ представителей церковной власти, то не болѣе богата была и дѣятельность отдѣльныхъ епархіальныхъ епископовъ. Правда, исторія знаетъ цѣлый рядъ выдающихся архіереевъ переходной эпохи съ конца XVII в. до учрежденія Духовной Коллегіи. Таковы Св. Димитрій Ростовскій (1701—1709), Св. Митрофанъ Воронежскій (1682—1703), Аѳанасій еп. Холмогорскій (1682—1702), Іовъ митрополитъ Новгородскій (1697—1716), Св. Питиримъ еп. Тамбовскій (1685—1697), Питиримъ архіеп. Нижегородскій (1719—1738) и др.[1]. Но ихъ личная святость и ревность не могла восполнить той пустоты, которая уже образовалась и возвратить іерархіи утраченное довѣріе царской власти. Среди архіереевъ эпохи Петра во всякомъ случаѣ не было лица, которое могло бы встать во главѣ движенія къ усовершенствованію нашей церковной жизни съ такимъ достоинствомъ и пониманіемъ сущности происходящаго культурнаго перелома, которыя могли бы побудить Петра поставить его преемникомъ патріарха Адріана[2]).

Культурно-политическая оппозиція духовенства въ переходную эпоху XVII—XVIII ст. Къ сожалѣнію, совершенно напротивъ, духовенство вызвало къ себѣ глубокую антипатію Петра не только своей оппозиціей въ культурныхъ вопросахъ времени, но также и своей политической неблагонадежностью. Петръ никогда не могъ забыть Никона и его оскорбительныхъ для традиціонной царской власти претензій на іерократическое господство[3]). Петръ не забылъ, конечно, и того, что архіереями поднятъ былъ на соборѣ 1667 г. принципіальный вопросъ о власти патріаршей и царской и по настоянію именно русскихъ архіереевъ рѣшенъ въ смыслѣ умаленія царскаго суверенитета. Петръ зналъ, что идеи Никона раздѣляли и п. Іоакимъ и Адріанъ. „Характернымъ развитіемъ мыслей „исповѣданія и обѣщанія“ патріарха Адріана,—пишетъ Г. А. Скворцовъ,—является *окружное посланіе*, написанное патріархомъ ко всей паствѣ вскорѣ по вступленіи на патріаршій престолъ. Здѣсь бросается въ глаза чуть ли не папская теорія отношенія власти церковной и гражданской“[4]). *„Два начальства,*—пишетъ п. Адріанъ въ началѣ посланія, *вышнѣйшихъ устрои Богъ на земли, священство, глаголю, и царство.* Ово убо божественнымъ служаща, ово человѣческимъ владуща и пекущася:—отъ единаго бо и тогожде начальства обоя сія происходитъ человѣческаго житія украшенію. Царство убо власть имать

---

[1]) *Н. Д.*, Іерархія Всероссійской Церкви. 3 вып. М. 1892—1898.— *Амвросій*, Архим. Исторія россійской іерархіи. М. 1808—1815.

[2]) Относительно той среды, въ которой была произведена реформа см. *С. Г. Рункевича*, Архіереи Петровской эпохи въ ихъ перепискѣ съ Петромъ Великимъ. Вып. I. Спб. 1906, и затѣмъ въ „Странникѣ“ за слѣдующіе годы.

[3]) См. изложеніе „Взгляда Никона на значеніе патріаршей власти“, въ статьѣ *В. К—ва*, въ Журналѣ М. Н. Пр. за 1880 г., ч. 212, стр. 233—267.

[4]) Ср. съ этимъ сказанное *Ю. Ѳ. Самаринымъ* (напечатано нами выше, въ „Обзорѣ“, подъ его именемъ).

точію на земли, еже между человѣки суды управляти праведныя защищенія обидимымъ и отмщенія обидящимъ творити, царство расширити, отъ враговъ иноплеменныхъ обороняти, церкви святѣй православнѣй во всякихъ случаяхъ и скудостѣхъ помощь подати, наипаче же еретики, раскольники и всякія навѣтники отгоняти; злодѣи унимати и наказывати и казнити; добродѣтельнымъ благодѣяніе и похвалу и подобныя показывати, судіи поставляти, и тыя праведно судящыя возсуждати и отмщати. *Священство же власть имать и на земли и на небеси*, еже убо свяжетъ на земли, будутъ связаны и на небеси и яже разрѣшитъ на земли, будутъ разрѣшены и на небеси. Мѣрность наша благодатію всесвятаго и всесовершительнаго Духа учиненъ есмь архипастырь и отецъ и *глава всѣхъ, патріархъ бо есть образъ Христовъ*. Ибо вси православніи оноя сынове суть по духу:— царіе, князи, вельможи и славніи воини и простіи, богатіи и убозіи, мужіе и жены, всякихъ возрастъ и чинъ правовѣрныхъ; моя овцы суть и знаютъ мя и гласа моего архипастырскаго слушаютъ, и азъ знаю ихъ и душу мою долженъ есмь положити за ня, иже и послѣдуютъ мнѣ. Чуждому гласу не послѣдуютъ, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждыхъ гласа. О всѣхъ сихъ имамъ дати слово Богу въ день правосудія Божія, аще и единъ отъ врученныхъ мнѣ погибнетъ. Аще умолчу и слова архіерейству моего должнаго не изреку и яковая либо видя въ комъ неисправленія или самочинія, понеже безчинія и погрѣшенія умолчу. *Глаголати предъ цари свободно — устно и нестыдѣтися долгъ имамъ*, непослушающіи гласа моего архипастырскаго не нашего суть двора, не суть отъ моихъ овецъ, но козлища суть, волкохищница суть. О нихъ же въ послѣдствѣ винъ не имамъ, зане долгъ мой отдахъ, слово рекохъ и волю Господню всѣмъ возвѣстихъ (сей убо мой есть долгъ), послушати же, или ни, ваше и оныхъ есть, слушаяй бо меня—Христа слушаетъ, а отметаяйся меня и непріемляй глаголъ моихъ, рекше Христа Бога отмещетъ и не слушаетъ, яко самъ Христосъ рече; и слово глаголанное отъ меня, яко судити имать въ день судный. Азъ же чистъ есмь отъ погибели неслушающихъ, не обинуяся бо, елико возмогохъ, всѣмъ сказахъ. Того ради убо, во-первыхъ, царемъ благочестивымъ, яко помазанникомъ Господнимъ, та же архіереомъ, архимандритомъ, игуменомъ, іереомъ и монахомъ и прочимъ церковнаго чина и мірскаго сословія чиновникомъ и всѣмъ православнымъ христіаномъ возмнѣхъ предложити увѣщанія нужная ко спасенію"[1]). Изъ настоящаго введенія въ Окружное посланіе,—вѣрно говоритъ Г. А. Скворцовъ,—можно заключить, что писалъ это іерархъ, глубоко убѣжденный въ высотѣ своего званія, стоящаго здѣсь на землѣ выше всякой другой власти"[2]).

Петръ зналъ также, что вопреки очевиднымъ потребностямъ государства, Никонъ и русскіе архіереи успѣли добиться осужденія на соборѣ 1667 г. восточ-

---

[1]) Рукопись Имп. Академіи Наукъ № 84, подъ заглавіемъ: „Адріана Патріарха грамоты". У *Есипова* „Раскольничьи дѣла", т. II, изд. 1863 г. приложенія, стр. 76—96 (примѣчаніе Скворцова).

[2]) *Г. А. Скворцовъ*, Патріархъ Адріанъ, Казань, 1913, стр. 15—17.

ными патріархами всѣхъ ограниченій вотчинныхъ, судебныхъ и административныхъ правъ архіереевъ и монастырей, введенныхъ Уложеніемъ 1649 г. подъ давленіемъ челобитныхъ дворянъ и посадскихъ людей, а патріархъ Іоакимъ закончилъ желанную эмансипацію успѣшными домогательствами закрытія Монастырскаго приказа. Петръ на себѣ испыталъ ужасы агитаціи духовенства среди раскольниковъ и стрѣльцовъ, приведшей къ стрѣлецкимъ бунтамъ 1682, 1699 г. и 1705 г. Наконецъ, архіереи (Досиѳей Глѣбовъ, еп. Ростовскій) и низшее духовенство были сильно замѣшаны въ дѣлѣ царевича Алексѣя[1]).

Необходимо къ тому же замѣтить, что если Петръ не встрѣчалъ содѣйствія себѣ у великорусскаго духовенства, то и коренные малороссы далеко не были политически-благонадежными съ его точки зрѣнія. По словамъ проф. К. В. Харламповича, „кое-кто изъ малороссійскаго духовенства набросилъ тѣнь на свою политическую благонадежность уже въ 1689 г. Потомъ измѣна Мазепы усилила подозрительность Петра"... „Въ началѣ 1709 г. царь интересовался вопросомъ, нѣтъ ли въ монахахъ братскаго монастыря какого подозрѣнія, и получилъ довольно неутѣшительный отвѣтъ отъ кіевскаго губернатора кн. Д. М. Голицына: „узнать, нѣтъ ли въ комъ изъ монаховъ подозрѣнія—трудно, потому что монахи всѣ насъ чуждаются; во всемъ Кіевѣ нашелъ я только одного человѣка, именно изъ братскаго монастыря префекта, который къ намъ снисходителенъ". Этотъ не названный здѣсь префектъ былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ[2]). „Правда, говоритъ тотъ же изслѣдователь, малороссійское духовенство дало доказательство и вѣрности Петру въ мазепину измѣну, кромѣ Прокоповича"[3]), однако въ оппозиціи Петру были иногда даже Митрополитъ Димитрій Ростовскій[4]), мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій[5]), а позднѣе Арсеній Мацѣевичъ[6]) и др.

Такимъ образомъ и малороссійское духовенство не могло удовлетворить Петра.

Преждевременность кончины патріарха Адріана. Если бы патріархъ Адріанъ не умеръ въ самомъ началѣ реформаторской дѣятельности Петра и не сдалъ бы своей позиціи такъ скоро, то быть можетъ многое въ церковной жизни начала XVIII в. случилось бы иначе. Между тѣмъ въ ночь на 16 октября 1700 г. Адріанъ скончался. Въ это время Петръ Великій былъ

[1]) См. *Голикова*, Дѣянія VI, 35, 127; Доп. къ Д. XII, 19, 20.—Loss, въ письмѣ къ Мантейфелю 14 мая 1718 г., писалъ: „Продолжаютъ дѣлать новыя открытія и каждый день возятъ въ темницы духовныхъ и свѣтскихъ лицъ обоего пола". (Сб. И. Р. И. О. XX стр. 73. № 27).—По словамъ Голикова (Дѣянія VI, 31), самъ царевичъ на слѣдствіи сказалъ: „Когда де будетъ время въ отсутствіе отца, то только шепну архіереямъ, а архіереи приходскимъ священникамъ, а священники прихожанамъ: тогда де они и не хотя меня владѣтелемъ учинятъ". Со своей стероны Loss въ письмѣ къ ген.-фельд. Flemming'у 7 янв. 1718 г. писалъ, что „Царевичъ очень любимъ народомъ и духовенствомъ". (Сб И. Р. И. О, XX, 66 стр. № 21).

[2]) „Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь". Т. I, Казань, 1914, стр. 463.

[3]) ib. стр. 464. [4]) ib. стр. 466. [5]) ib. стр. 467—468. [6]) ib. стр. 468.

подъ Нарвой и узналъ о смерти патріарха изъ писемъ кн. Θеодора Ромодановскаго, боярина Тихона Стрѣшнева, Прокопія Возницына и Алексѣя Курбатова. Ихъ письма ярко рисуютъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ Москвѣ, поэтому мы вновь приводимъ ихъ по подлинникамъ[1]).

Князь Θ. Рамодановскій писалъ[2]):

„Милостивой мой Государь, здравіе твое і вся желаемая да управитъ Господь Богъ навѣки.

А про меня милостию своею изволишъ напамятовать, и я на Москве Октября 18 числа милостию Божию живъ. Ізвестно тебѣ, милостивому моему Государю, буди, волею великаго Бога Святѣйшаго патріарха не стало Октября противъ шестаго надесять числа во второмъ часу нощи въ первой четверти. А погребли Октября 17 числа. А на погребеніе были архиереи с архимандриты и с ігумены Смоленской, Крутицкой, Вяцкой.

Θетка Рамодано(в)ско(й)".

Стрѣшневъ писалъ подробнѣе[3]).

„Октября противъ 13 числа во 11-м часу ночи Святѣйшій Патриархъ заскорбѣлъ параличною болѣзнию и языкъ от той болѣзни отнялся. И против 17-го числа в ночи 1-го часа в ысходе преставился. А в 17-м числѣ в соборной Церкви положен подле святѣйшаго Иоакима Патриарха, а на погребеніи із домовые казны архиереемъ і архимандритомъ, і всѣм соборомъ роздано против дачи, что дано по Іоакиме патриархе, четыреста сорокъ восмь рублев двадцат пять алтынъ. А на сорокоустие в монастыри і в соборы, і в церкви против дачи Іоакима Патриарха надобно тысеча тридцать пять рублевъ двадцат три алтына. А домовые святѣйшаго Патриарха казны на лицо денег тридцать тысячъ рублев, семьсотъдевяносто два ефимка, сто сорокъ шесть золотых одинокихъ, семьдесятъ три золотыхъ двойныхъ, іконы окладные і неокладные, і кресты золотые и серебреные и каменые, і жемчюг, і иные вещи, і парчи золотые, і атласы, і камки по книгам у казначѣя, каковы за ево рукою.

Да в кѣлье явилос завещателное писмо за ево, святѣшаго патриарха, рукою, что ево патриарша келейнаго імѣния, і кому роздать, і с того писма послал казначей за своею рукою списокъ к милости твоей, і о даче сорокоусныхъ денег із домовые казны. і по писму ево святѣйшаго Патриарха о келейныхъ денгахъ что укажешъ?

Соборною Церковью із архиереов кому іволишъ вѣдатъ? А на Москвѣ архиереовъ: Смоленской, Крутицкой, Вятцкой. А преж сего ізволение твое было вѣдать Колмогорскому владыке, толко по него не послано. Ізволишъ ли послать? А ис тѣхъ владыкъ, которые на Москвѣ, после чреды своей отпустит въ свою епархию?

Домовыхъ святѣйшаго кому ізволишъ вѣдать? А имъ приказано, хто что вѣдалъ при святѣйшемъ, тому того и беречь до указу. А ризница запечатана.

Тишка Стрешневъ челомъ бьетъ.

Съ Москвы Октября въ 18-де. (Приписано:) Генералъ маеоръ Александръ Вилимовичъ Шаровъ пошелъ с Москвы с полками сего числа".

---

[1]) Письма эти въ отрывкахъ или пересказѣ были напечатаны Устряловымъ, Рункевичемъ, Скворцовымъ (Патріархъ Адріанъ, стр. 350—359) и нами („Очерки по исторіи Русской Церкви въ XVIII—XIX ст." Варшава, 1912, стр. 76—79).

[2]) Гос. Архивъ, Кабинетъ, II, кн. 1, л. 151.

[3]) Тамъ же, л. 164—165.

Возницынъ пишетъ еще обстоятельнѣе[1]):

„Всемилостивый Государь мой,

Богъ треблажайшій здравие твое, Государя нашего милостивого, да утвердитъ со всякимъ благимъ приращениемъ на многие лѣта, і да укрѣпитъ мышцу твою на вся враги видимыя и невидимыя, і да покоритъ под нозѣ твои всякого врага і супостата.

Извѣстно тебѣ, Государю, буди, по воли всемогущаго Бога, святѣйшій киръ Адрианъ патріархъ Московскій і всеа Росиі отиде в вѣчную жизнь сего октября противъ 16-го числа в первомъ часу ночи в последней четверти, і тѣло его въ 16-е рано вынесено в церковь святыхъ апостолъ, а въ 17-де в соборной апостольской церкви погребено с подобающею честию подле гроба святѣйшаго Іоакима патриарха.

Къ смерти Государь причину болѣзни ево такову признаваю. Сентября въ 27-де, по нѣкоторыхъ своихъ совѣту, изволилъ ходить на Перерву въ монастырь Николая чюдотворца і за стужею і за острою погодою едва ево туда довезли. Однакожде былъ тамъ кое какъ девять дней, и егда мало ему отраднее учинилось, посвятя (сбоку: самъ не дѣйствовалъ) новую церковь в томъ монастырѣ, возвратился, и желалъ быть в Донскомъ монастырѣ у святой литоргиі, і когда, Государь, в томъ пути былъ, паки такъ изнемогъ, чаяли всѣ скончания ево, что видя, с великою трудностию, провезли ево в село Голенищево, которое нынѣ зоветца Троецкое. Я, хотя на Угрешу ево проводя і на священіи бывъ, то слыша прибродилъ к нему в то село, но не получилъ ево видѣть, не допустили меня старцы ближние при немъ. А Октября на 8 число привезли ево ночью к Москве в возку по тому ж никимъ видима, і на 13 число въ 9-мъ часу ночи зашибъ ево паралишъ, в которой своей болѣзни, какъ я і всѣ видели, лежал безпамятно і безь языка, і ничемъ не владѣя даже до смерти, толко, Государь, сперва мало взглядывая единым лѣвым глазомъ і помовая лѣвою рукою, а после і то дѣйство престало быть.

По твоему Государеву указу, а по приказу боярина Тихона Никитича, по скончаніі ево запечатал твоею Государевою печатью Дементей Миничь Башмаковъ одну ризницу, а казна і кельи і прочее все не запечатано і не переписано, і о томъ какъ ты, Государь, изволишъ?

При погребеніі, Государь, ево чтена духовная, которая писана за пять лѣтъ или и больши, в которой душеприкащики казанской митрополитъ да казначей старецъ, и хотѣли, Государь, тоѣ духовную послать к тебѣ, Государю, и о казнѣ вѣдомость учинить.

Прошу твоего Государева милостивого указу о состояніи впредь того патріаршеского дому, чтоб і досталое і впредь будущее напрасно растощено и разграблено не было, і естьли воля твоя Государева в чемъ мнѣ, убогому рабу твоему, укажешъ служить, со всякимъ усердиемъ, со всякимъ тщаниемъ готов. Бога свидѣтеля поставляю, что мое то всегда желание, что тебѣ, великому Государю, без всяких своихъ прихотей работать чистым сердцемъ і душею, не взирая ни на что, толко того смотря, какъ бы Богу і тебѣ, Государю, приятно было. А до сего было мнѣ дѣлать нѣчего, потому что под ево імянемъ дѣлали что хотѣли, і все за ними і вь ихъ рукахъ было. А естьли твой Государевъ указъ и повелѣние будетъ, мочно все в доброе осмотрение взять і по твоей воле и указу учинить. Моя должность не іное что, только всегда правду хранить и тебѣ, нашему Государю, вѣрно работать.

---

[1]) Тамъ же, л. 52—53.

(Подпись собственноручная): Послѣдней твой Государев раб и убогой сирота Пронка Возницынъ премного челом бьетъ.

Въ Москвѣ 18-де Октября 1700 году".

Но наиболѣе важнымъ было слѣдующее письмо Алексѣя Курбатова[1]):

„Самимъ богомъ избранной помазанный во управленіе и избавленіе отъ ига махометанского людей достоянія его храбро премудрѣйшій великій Государь Царь великій князь Петръ Алексѣевичъ, преславного всероссійского государствія самодержавнѣйшій повелитель.

Богъ, в его же руцѣ прещедро содержится твое царево сердце, той, видя правости къ нему твоего сердца и во всемъ избранна тя быти его сосуда, предаде въ самодержавствіе твое люди достояніе своего въ житейскихъ потребахъ управляти въ правдѣ и ими, яко отцу чады, пещися во всемъ. Нынѣ же, всемилостивѣйшій Государь, видимъ, яко и въ духовныхъ хощетъ, Богъ да ты попечешися и усмотриши правительства того отъ многихъ бывшія поползновенія, понеже якоже тебѣ, государь, извѣстно Святѣйшій Патріархъ отъ временныя переселися въ жизнь вѣчную, а и въ животѣ его за болѣзнью его усмотрѣніе то было ему трудно. Видишь и нынѣ, ежели, Государь, тѣ же будутъ во управленіи, добра никакова не будетъ. Тебѣ, государь, изъ нихъ о архидіаконѣ извѣстно. И зѣло, государь, о семъ мнози совѣтуютъ, что въ такомъ великомъ дѣлѣ, въ избраніи архимандритовъ и и протчихъ священнаго чина людей ввѣрено одному, которой и себе единаго управити не можетъ. И сего ради молю тя, государя, благоволи всему смотрѣти и попещися ради премногіе за сіе отъ Бога тебѣ, государю, милости избрати въ сіе духовное управленіе на время изъ Архіереевъ могущаго оное управити и къ нему четырехъ человѣкъ изъ монаховъ, вѣдущихъ Писанія, чтобъ безъ ихъ избранія рукъ ниже въ діаконы кто посвященъ былъ. О избраніи же, государь, патріарха мню достоитъ до времени обождати, да во всемъ всего самъ твое самодержавіе изволишь усмотрѣти. Ко усмотрѣнію же надъ всѣми и собранію домовыя казны достоитъ, государь, избрати кого тебѣ, государю, отъ усердныхъ. Зѣло, государь, нынѣ во всемъ видится слабо и неисправно. Также, государь, о чемъ я доносилъ тебѣ, государю, въ первомъ моемъ писаніи, чтобъ въ архіейскихъ и монастырскихъ имѣніяхъ усмотрѣть и волости переписавъ отдать все въ охраненіе, избравъ кого во всякомъ радѣніи тебѣ, государю, усерднаго, учинивъ на то росправный приказъ особливый. Истинно, государь, премногая отъ того усмотренія сбиратися будетъ казна, которая нынѣ погибаетъ въ прихотяхъ владѣтелей. Школа, государь, которая была подъ призрѣніемъ святѣйшаго Патріарха и вручена монаху Палладію, зѣло, государь, въ ней живущіи с полтараста человѣкъ скорбятъ и всего лишаются и учиться въ ней невозможно. Потолки и печи и иное строеніе обвалилося, требуютъ, государь, твоего всемилостиваго и смотрительнаго милосердія. Могъ бы я, убогій, тебѣ, всемудрѣйшему государю, и о иномъ доносити, но не вѣмъ о сихъ моихъ письмахъ. Истинно, государь, посредѣ хожду сѣтей многихъ. Едино упованіе и во всемъ надежда моя твоя государева милость. Изъ Архіереевъ, государь, для временнаго въ духовныхъ управленія ежели тебѣ, государю, угоденъ мнится многимъ добръ быти Холмогорскій. Изъ монаховъ же казначей патріарщій, Каріонъ меньшой, Палладій школъ учитель, да Чудова монастыря монахъ Ѳеологъ. Изъ мірскихъ, государь, въ начальство усмотрѣнія и собранія казны, ежели угоденъ тебѣ, государю, бояринъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, или стольникъ Дмитрій Петровичъ Протасьевъ, зѣло, государь, человѣкъ доброй.

[1]) Тамъ же, л. 108.

Самодержавія твоего всеусердный и свыше достоинства помилованный послѣдній твой, государь, рабъ Алешка Курбатовъ.

1700 Октября 25".

Изъ приведеннаго письма Курбатова видно, что онъ 1) призывалъ Петра активно вмѣшаться въ запущенныя духовныя дѣла; 2) совѣтовалъ ему обождать избраніемъ патріарха, дабы тѣмъ легче было все устроить по своему; 3) совѣтовалъ установить временное духовное управленіе въ коллегіальной формѣ; 4) во главѣ его поставить епископа Холмогорскаго Аѳанасія и 5) экономическія дѣла выдѣлить изъ духовнаго вѣдѣнія и поручить особливому расправному приказу.

Эти совѣты, несомнѣнно, должны были понравиться Петру тѣмъ болѣе, что они не заключали въ себѣ ничего необычнаго, но, напротивъ, вполнѣ согласовались съ политическимъ моментомъ, когда послѣ Нарвскаго пораженія было не до заботъ о выборѣ новаго патріарха, что въ глазахъ Петра было дѣломъ далеко не мало-важнымъ, и когда возможность распорядиться помимо патріарха втуне лежащими богатствами монастырей была крайне выгодной въ чисто военныхъ цѣляхъ. Кромѣ того выборы новаго патріарха всегда происходили не сразу, иногда на слѣдующій годъ послѣ кончины прежняго. На это время устанавливалось мѣстоблюстительство, которое было особенно долгимъ послѣ кончины патріарха Ермогена и ухода Никона. Словомъ въ принятіи совѣтовъ А. Курбатова не заключалось ничего предосудительнаго съ церковной точки зрѣнія, но была явная выгода для самого Петра и для государства.

Первыя мѣропріятія Петра относительно церковныхъ дѣлъ. Возвратившись изъ Нарвы, Петръ исполнилъ почти всѣ совѣты Курбатова[1]). 16-го декабря 1700 г., вмѣсто патріарха, былъ назначенъ экзархъ, блюститель и администраторъ патріаршаго трона молодой митрополитъ Рязанскій и Муромскій Стефанъ Яворскій, которому и были поручены лишь духовныя дѣла. Для дѣлъ экономическихъ 24 января 1701 г. былъ возстановленъ закрытый въ 1677 г. Монастырскій Приказъ съ порученіемъ его бывшему астраханскому воеводѣ Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Послѣдній ревностно принялся проводить финансовую и экономическую политику Петра Великаго въ церковныхъ вотчинахъ. Такъ, во-первыхъ, съ 1701 по 1710 г. Монастырскимъ Приказомъ была произведена въ нѣкоторыхъ церковныхъ имѣніяхъ подворная перепись, по которой составлена норма дохода и расхода Приказа, или т. наз., „табель 1710 г.“, которая имѣла особенное значеніе во все послѣдующее время. Вмѣстѣ съ этимъ переписаны были и всѣ наличные монахи въ монастыряхъ, чѣмъ какъ бы установленъ былъ ихъ нормальный штатъ

---

[1]) Ср. *Г. А. Скворцовъ*, Патріархъ Адріанъ. Казань, 1913, стр. 359—360. Можно полагать, что у Петра были и другіе совѣтники. См. *С. А. Бѣлокуровъ*, Матеріалы для русской исторіи. М. 1888. „Подметныя письма“, стр. 492, 494, 496, 499, 500, 507, 511, 512.— Кромѣ того относительно церковныхъ вотчинъ и церковнаго суда Петръ несомнѣнно продолжалъ политику своего отца, начатую изданіемъ Уложенія 1649 г. и имѣвшую прецеденты еще и раньше въ дѣятельности царей Іоанна III и Іоанна IV.

и монахамъ было назначено жалованье въ 1701 г. по 10 р. и 10 четвертей хлѣба, а въ 1705 г. оно было сокращено на половину. Впрочемъ это опредѣленіе касалось лишь 58 монастырей изъ общаго числа болѣе 700. Одновременно были опредѣлены штатомъ и архіерейскіе дома, но только 12 изъ 28[1]). Въ дальнѣйшемъ Петръ неоднократно пользовался церковными имуществами на государственныя нужды и вообще не упускалъ изъ виду экономической стороны производимой имъ церковной реформы. Однако его рука коснулась не однихъ имуществъ, а всѣхъ сторонъ церковной жизни. За первую четверть XVIII в., пока не было учреждено нормальное церковное правительство, Петръ успѣлъ расширить границы вѣротерпимости[2]); позаботился о внѣшней миссіи, о поддержаніи Восточныхъ Церквей милостыней, объ упорядоченіи церковной дисциплины и богослуженія; принялъ мѣры къ насажденію образованія среди духовенства; издалъ нѣсколько указовъ относительно дѣятельности архіереевъ въ епархіяхъ съ цѣлью искорененія злоупотребленій ими своею властью; положилъ начало упорядоченію приходской и монастырской жизни. Поскольку для дѣла требовались деньги, Петру на помощь приходилъ Монастырскій Приказъ. Въ результатѣ многое подверглось измѣненію и улучшенію[3]), нерѣдко не только безъ участія, но и безъ вѣдома духовной іерархіи, какъ и слѣдовало по требованіямъ историческаго момента и принятыхъ въ руководство западныхъ принциповъ.

Стефанъ Яворскій. Главнымъ лицомъ того времени былъ Митрополитъ Рязанскій и Муромскій Стефанъ Яворскій (1658—1722)[4]). Малороссійскаго происхожденія, онъ получилъ блестящее философское и богословское образованіе въ Кіевской Академіи и Іезуитскихъ коллегіяхъ въ Львовѣ и Люблинѣ, затѣмъ въ Вильнѣ и Познани. Посланный въ 1700 г. изъ Кіева въ Москву, 2 февраля 1700 г. Стефанъ обратилъ на себя вниманіе Царя надгробной рѣчью при погребеніи боярина А. С. Шеина; вскорѣ, по требованію Петра, противъ воли посвященъ въ архіереи и получилъ въ управленіе освободившуюся въ тотъ моментъ Рязанскую епархію. Менѣе, чѣмъ черезъ годъ Стефанъ былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго трона и несомнѣнно разсчитывалъ вскорѣ стать патріархомъ. Но дальнѣйшая судьба

---

[1]) *Рункевичъ*, 29 и сл.—*М. И. Горчаковъ*, Мон. Приказъ, 169—177.—*Его-же*, О зем. влад., 473.—*В. Ивановскій* Русское законодательство XVIII и XIX вв. въ своихъ постановленіяхъ относительно монашествующихъ лицъ и монастырей. Харьковъ, 1905 г.—*Мое* сочиненіе Насел. недв. имѣнія... стр. 5—6 и приложенія.

[2]) *Проф. Е. Красноженъ*, Иновѣрцы на Руси. Юрьевъ, 1903 и въ Собр. Соч.

[3]) Подробно у *Рункевича* стр. 32—62.—*Н. И. Кедровъ*, Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго. М. 1886, стр. 1—42.—*Ѳ. Жорданія*, Св. Синодъ при Петрѣ Великомъ въ его отношеніи къ Прав. Сенату. Тифлисъ 1882, стр. 7—32.—*С. Петровскій*, О Сенатѣ въ царствованіе Петра В. М. 1875, стр. 318—327.

[4]) *А. В. Королевъ*, Стефанъ Яворскій М. Р. Біографическій очеркъ. Спб. 1908 г. Отд. оттискъ изъ Рус. Біогр. Словаря. Въ этомъ очеркѣ см. и литературу о Стефанѣ Яворскомъ.—*С. И. Масловъ*, Библіотека Стефана Яворскаго. Кіевъ, 1914 (изъ „Чтеній въ Обществѣ Нестора-Лѣтописца", кн. XXIV, в. 2).

его была печальна и, что очень важно, она отразилась и на судьбѣ всей Русской Церкви.

Назначеніе мѣстоблюстителемъ Стефана не могло быть встрѣчено благопріятно церковными кругами. На него легла слишкомъ рѣзко печать латинства, столь замѣтная и на его знаменитомъ полемическомъ сочиненіи „Камень Вѣры“ (1728), поэтому Іерусалимскій патріархъ Досиѳей даже совѣтовалъ Петру не назначать патріархомъ никого изъ малороссіянъ, особенно Стефана, подозрѣваемаго въ неправославіи. Но разъ назначенный, Стефанъ сначала близокъ былъ къ Царю и сочувствовалъ его реформаторской дѣятельности. Однако надежды на патріаршество не оправдывались и Стефанъ началъ тяготиться своимъ неопредѣленнымъ и ненормальнымъ положеніемъ мѣстоблюстителя, тѣмъ болѣе, что „свѣтскія власти постоянно вмѣшивались въ церковныя дѣла не только своимъ вліяніемъ, но зачастую дѣлали экзаршеское дѣло, не извѣстивъ даже о томъ экзарха“[1]) отчего роль мѣстоблюстителя становилась двусмысленною. Но справедливость требуетъ сказать, что одно обусловливалось другимъ. Выжидая назначенія патріархомъ[2]), Стефанъ не предпринималъ рѣшительныхъ шаговъ впередъ къ усовершенствованію нашей церковной жизни. Въ свою очередь эта нерѣшимость и инертность подавали поводъ свѣтской власти не только не торопиться возведеніемъ Стефана на патріаршество, но и не считаться съ нимъ, какъ реальной силой. Къ несчастью для Русской Церкви личный интересъ Стефана взялъ въ немъ перевѣсъ надъ интересами Церкви, которымъ онъ долженъ былъ служить[3]).

Сначала Стефанъ искалъ случая уйти отъ неловкаго положенія мѣстоблюстителя. Затѣмъ, съ 1712 г. онъ начинаетъ дѣлать вылазки противъ Петра и его дѣла[4]), но уже боится потерять свое положеніе каково бы оно ни было. У него хватаетъ мужества заявлять по отдѣльнымъ случаямъ протесты, но къ противодѣйствію, или, еще лучше, къ самостоятельной церковной политикѣ онъ не способенъ. Не были способны къ этому и другіе[5]). Наступилъ такимъ образомъ моментъ мертваго штиля. Русская Церковь въ

---

[1]) *Рункевичъ*, 75.

[2]) Любопытно, что въ Чинѣ рукоположенія въ архіереи, напечатанномъ въ 1719 г. еще говорилось въ двухъ мѣстахъ: „егда благословитъ Господь Богъ быти на всероссійскомъ престолѣ избранному отъ всего освященнаго собора отцу нашему, святѣйшему патріарху“. *П. П. Пекарскій*, Наука и литература при П. В., II, стр. 444.

[3]) Поэтому еще въ 1703 г. было составлено слѣдующее *проклятіе*: „Соборныя апостолския церькви митрополиту Стефану. Что ты не стоишь за православную християнскую веру, за проклятое бритоборотие и за бусурманское платие? А отъ всех християнъ буди ты проклятъ“. *С. А. Бѣлокуровъ*, Матерьялы для русской исторіи. М. 1888, стр. 535.

[4]) Разумѣется знаменитая „предика“ Стефана во 2 недѣлю великаго поста 1712 г. противъ фискаловъ. Подлинникъ этой предики съ собственноручными отмѣтками Петра и извинительное письмо къ нему Стефана см. въ Госуд. Архивѣ, Кабинетъ, I, № 31, л. 1—18.

[5]) Своеобразную картину безпринципности и паники среди духовенства рисуетъ его уклончивый отвѣтъ по дѣлу царевича Алексѣя Петровича.

лицѣ архипастырей явила себя безгласной, лишенной самосознанія и яснаго взгляда на свое будущее. Такой моментъ былъ чрезвычайно благопріятенъ для развитія въ сознаніи Петра и его сподвижниковъ западныхъ идей естественнаго права и территоріализма. Значеніе этихъ идей для самобытности и свободы Русской Церкви не сознавалось въ то время никѣмъ изъ русскихъ іерарховъ и потому послѣдніе ничего не могли противопоставить этимъ идеямъ, кромѣ глухого недовольства и своей поддержки оппозиціонныхъ элементовъ.

Глава IV.

Θеофанъ Прокоповичъ, какъ авторъ Духовнаго Регламента и главный сотрудникъ Петра въ церковной реформѣ.

Біографическія свѣдѣнія. Какъ извѣстно, Θеофанъ Прокоповичъ оставилъ послѣ себя замѣчательный слѣдъ въ русской культурной и политической исторіи и было бы очень трудно всесторонне и съ достаточной полнотою охарактеризовать его личность и дѣятельность. Въ настоящемъ случаѣ въ этомъ нѣтъ и надобности, потому что онъ занимаетъ насъ только, какъ главный сотрудникъ Петра Великаго въ осуществленіи его церковной реформы и какъ авторъ Духовнаго Регламента. Исходя изъ этого соображенія мы только вкратцѣ напомнимъ его біографію[1]).

Θеофанъ Прокоповичъ былъ сыномъ Кіевскаго купца. Онъ родился, вѣроятно, 8-го іюня 1681 г. и былъ названъ Элеазаромъ. Первоначальное воспитаніе и образованіе онъ получилъ заботами его дяди, ректора Кіево-Могилянской академіи и намѣстника Кіево-Братскаго монастыря, Θеофана Прокоповича. До 1698 г. Элеазаръ учился въ Кіевской академіи, а послѣ окончанія ея онъ, по обычаю того времени и подобно другимъ лучшимъ академическимъ питомцамъ, отправился для завершенія своего образованія за границу—въ польскія училища, сдѣлался для этого уніатомъ и отъ уніатовъ принялъ монашество съ именемъ Елиссея. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время, по назначенію уніатскаго духовнаго начальства, учителемъ поэзіи и краснорѣчія, онъ посланъ былъ отъ базиліанскаго ордена въ Римъ для усовершенствованія въ наукахъ и поступилъ въ Римѣ въ спеціально учрежденную папою Григоріемъ XIII для грековъ и славянъ, съ цѣлію католической пропаганды, коллегію Св. Аθанасія. Въ этой коллегіи Прокоповичъ обучался краснорѣчію, поэзіи, философіи, изучалъ древности, творенія классическихъ писателей, христіанскихъ отцовъ западной и восточной Церкви, прошелъ полный курсъ католическаго схоластическаго богословія. Вмѣстѣ со своими занятіями въ коллегіи, которыми онъ очень увлекался, Прокоповичъ имѣлъ доступъ въ Ватиканскую и другія библіотеки и такъ понравился іезуитамъ, что они склоняли его навсегда остаться въ Италіи и вступить въ ихъ орденъ. Въ 1702 г. Прокоповичъ вернулся въ Малороссію, отрекся отъ уніи и принялъ православное постриженіе съ именемъ Самуила. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣланъ былъ учителемъ поэзіи въ Кіевской академіи и въ 1705 г. перемѣнилъ вновь свое имя, назвавшись въ честь

[1]) См. *Б. В. Титлинова*, Θеофанъ Прокоповичъ, въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ Спб. 1913, стр, 399—448 и указанную имъ литературу.

своего дяди Өеофаномъ[1]). Воспитанный на католической схоластикѣ, Өеофанъ тѣмъ не менѣе внесъ въ свое преподаваніе новое научное направленіе и послѣдовательно проводилъ его въ чтеніи сначала курса поэзіи (пiитики), затѣмъ въ 1706—1707 гг. риторики, въ 1707—1714 гг. философіи, а въ 1714—1716 гг. богословія, въ которое онъ внесъ учено-историческій и критическій методы.

Первая встрѣча Өеофана съ Петромъ произошла въ Кіевѣ 5 іюля 1706 г., когда онъ говорилъ царю привѣтственное слово, выгодно оттѣнившее умъ, образованіе и образъ мыслей проповѣдника. Кромѣ того, когда Сѣверная война затронула Малороссію, Өеофанъ оказалъ еще какія-то реальныя услуги правительству и заявилъ о своемъ сочувствіи новому государственному направленію. Въ 1709 г., послѣ Полтавской побѣды, Өеофанъ вторично привѣтствовалъ Петра, а затѣмъ и Меньшикова, причемъ очень расположилъ его къ себѣ. Въ 1711 г. Өеофанъ сопровождалъ Петра въ Прутскомъ походѣ, послѣ котораго былъ назначенъ игуменомъ Кіево-Братскаго монастыря, ректоромъ академіи и профессоромъ богословія. Преподавая послѣднее онъ явилъ себя такимъ научнымъ новаторомъ и противникомъ схоластики, что именно въ этотъ періодъ своей дѣятельности нажилъ себѣ принципіальныхъ враговъ въ лицѣ своихъ сослуживцевъ Өеофилакта Лопатинскаго и Гедеона Вишневскаго. Въ 1712 г. появилось и первое обличеніе Өеофана въ неправославіи со стороны Өеофилакта.

Въ 1715 г. Өеофану было приказано Петромъ явиться въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣдничества. Однако, всѣ поняли, что Өеофана ожидаетъ епископство, и потому его недоброжелателями была сдѣлана послѣдняя попытка помѣшать проникновенію его въ составъ іерархіи и сдѣлаться вліятельнымъ сотрудникомъ Петра въ его дѣятельности относительно Церкви. Однако, обвиненіе въ неправославіи, составленное Гедеономъ и Өеофилактомъ, подписанное Стефаномъ Яворскимъ и препровожденное имъ къ Алексію епископу Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому, для представленія государю[2]), не возымѣло своего дѣйствія и 2-го іюня 1718 г. Өеофанъ сдѣлался епископомъ Псковскимъ,

---

[1]) Эти странствованія оказали на Өеофана большое вліяніе. Позже, въ 1717 г. онъ слѣдующимъ образомъ оцѣнилъ значеніе путешествій, обращаясь къ только что вернувшемуся изъ-за границы Петру: „Перегринація или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа. Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому вѣдѣнію обычаи и поведенія народовъ... Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія, и учится кротости, видитъ вины благополучій, и учится правилу, видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательству, зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя, и своего народа, и исправленія, и недостатки; сами бо себе въ самѣхъ же насъ, не вѣмъ какъ то, не ясно познаемъ, и такъ, аки пчела, оставляя вредная, избираетъ, что лучшее видитъ быти и къ своему и къ народному исправленію. Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтная старость“. Слова и Рѣчи. I, 206—207.

[2]) См. въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. 1864, кн. IV, Смѣсь, 5—8.

но въ Псковъ не поѣхалъ, а оставшись въ Петербургѣ сталъ дѣйствительно правою рукою Петра во всемъ, что требовало идейной разработки и оправданія въ его реформахъ. Съ этого времени началась литературно-политическая дѣятельность Ѳеофана, среди которой имъ былъ составленъ, между прочимъ, Духовный Регламентъ съ „Прибавленіемъ" къ нему и цѣлый рядъ работъ, такъ или иначе относящихся или оправдывающихъ церковную реформу Петра.

Учрежденіе „Духовной Коллегіи" открыло Ѳеофану широкое поприще для проведенія въ реальную жизнь всѣхъ тѣхъ замысловъ, которые, какъ pia desideria, были изложены имъ въ Духовномъ Регламентѣ. Войдя въ составъ Духовной Коллегіи въ качествѣ лишь *второго* изъ Вице-президентовъ, т. е. *послѣдняго* изъ трехъ архіереевъ, которые съ самаго начала были назначены, Ѳеофанъ фактически сдѣлался главнымъ руководителемъ молодого учрежденія, не только „диктовавшимъ" ему рѣшенія, но и въ самомъ дѣлѣ очень часто своею рукою писавшимъ его опредѣленія. Какъ выяснено будетъ ниже, въ VIII—XIV главахъ, первоначальныя выступленія Духовной Коллегіи, преобразовавшейся въ „Св. Синодъ", имѣли огромное значеніе и успѣхами этихъ выступленій Св. Синодъ, несомнѣнно, обязанъ талантливому перу и такту Ѳеофана. Правда, эти выступленія были направлены въ значительной мѣрѣ на то, чтобы вновь вернуть духовенству и церковной власти утраченное въ эпоху мѣстоблюстительства положеніе и власть въ государствѣ, что, въ сущности, шло въ разрѣзъ съ основными началами церковной реформы, проведенными самимъ Ѳеофаномъ въ его Духовномъ Регламентѣ. Но это обстоятельство является его психологической тайной и можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что сочиняя Регламентъ онъ оставался все-таки молодымъ и одинокимъ въ своихъ взглядахъ епископомъ, тогда какъ сдѣлавшись первымъ и вліятельнѣйшимъ членомъ Духовной Коллегіи и Ѳеофанъ поддался обаянію власти и вспомнилъ завѣты и классовые интересы того сословія, къ которому принадлежалъ по крови.

Остальная дѣятельность Ѳеофана, до самой его кончины въ 4 ч. 24 м. пополудни 8 сентября 1736 г.[1]), не имѣетъ ближайшаго отношенія къ предмету настоящей работы, поэтому и нѣтъ надобности особо на ней останавливаться.

Умственный кругозоръ Ѳеофана. Міровоззрѣніе Ѳеофана болѣе или менѣе извѣстно. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей своего времени и своими симпатіями тяготѣлъ къ гуманистамъ и протестантамъ. Католиковъ и ихъ схоластическаго метода, гдѣ бы онъ не примѣнялся, Ѳеофанъ не терпѣлъ, проявляя свою антипатію къ нему и въ своихъ лекціяхъ по поэтикѣ, реторикѣ и особенно богословію, въ письмахъ и проповѣдяхъ, въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ да пѣвцомъ, или дьячкомъ цер-

---

1) См. Церемоніалъ его погребенія, сообщенный *В. Жмакинымъ* въ „Христ. Чт.", 1882, ч. I, стр. 268—272.

ковнымъ“[1]) и, наконецъ, въ Духовномъ Регламентѣ[2]). Но къ тому, что извѣстно уже въ литературѣ можно прибавить и кое-что новаго. Источникомъ этого новаго служитъ богатѣйшая библіотека Ѳеофана Прокоповича, сохранившаяся до сихъ поръ въ Новгородской Духовной Семинаріи. Послѣ смерти Ѳеофана его библіотекѣ составлена была „Опись“, въ настоящее время приложенная къ дѣлу о смерти Ѳеофана, находящемуся въ Архивѣ Св. Синода[3]). Разсмотрѣніе этой „Описи“, а отчасти и наблюденія надъ самыми книгами въ Новгородской Духовной Семинаріи, проливаютъ яркій свѣтъ на духовный кругозоръ Ѳеофана, на тѣхъ безмолвныхъ „друзей“, у которыхъ онъ черпалъ свои свѣдѣнія и свои идеи. Эта библіотека, какъ равно и библіотеки вообще выдающихся и великихъ людей, еще почти не использованы въ качествѣ источника, а между тѣмъ, что могли бы сказать намъ книги Петра Великаго[4]), царевича Алексѣя Петровича[5]), кн. Д. М. Голицына[6]), Стефана Яворскаго[7]) и др.!

Внѣшняя исторія библіотеки Ѳеофана Прокоповича изложена ниже во II-мъ томѣ нашей работы (отдѣлъ V). На этихъ же страницахъ отводится мѣсто кое-какимъ наблюденіямъ и выводамъ[8]). Какъ видно изъ „Описи“, библіотека Ѳеофана состояла изъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій. На первомъ мѣстѣ должны быть отмѣчены богатыя коллекціи книгъ Св. Писанія, св. Отцовъ, древнихъ церковныхъ и гражданскихъ историковъ и, наконецъ, классиковъ. Изъ новой литературы самые богатые отдѣлы—богословскій, юридическій, философскій, историческій, естественно-научный и филологическій. Среди различныхъ ученыхъ авторовъ встрѣчаются такія имена, какъ полиисторы Conrad Gesner (1516—1565); Iohannes Gronov (1611—1671); D. G. Morhof (1639—1691); Chr. Fr. Paullini (1643—1712); Caspar Sagitta-

---

1) Изданъ нами во II томѣ настоящей работы. См. особенно стр. 61 и слѣд.

2) См. ниже гл. VII. комментаріи на трактатъ „Домы училищные“. О міровоззрѣніи Ѳеофана см. сочиненія *Чистовича, Морозова и Самарина.*

3) Архивъ Св. Синода, Дѣло о смерти Ѳеофана, т. II, л. 1956—2109.

4) Каталоги библіотеки Петра В. использованы академикомъ *А. С. Лаппо-Данилевскимъ* въ его работѣ: „Петръ Великій, основатель И. Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ“. Спб. 1894 г.

5) Эта библіотека находится въ Академіи Наукъ. Она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ церковныхъ книгъ и *католическихъ* сочиненій

6) О библіотекѣ кн. Д. М. Голицына см. въ статьѣ *А. С. Лаппо-Данилевскаго*, Идея государства въ Россіи. Голосъ Минувшаго, 1914, № 12, стр. 32—33.

7) *С. И. Масловъ*, Библіотека Стефана Яворскаго. Кіевъ, 1914 (изъ „Чтеній въ И. О. Нестора-Лѣтописца“, кн. XXIV, вып. 2).

8) При обозрѣніи библіотеки Ѳеофана по ея „Описи“ прежде всего бросается въ глаза, что многія книги находятся въ ней въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Это объясняется тѣмъ, что библіотека его составилась изъ покупокъ самого Ѳеофана и пожертвованныхъ ему Петромъ книжныхъ сокровищъ, взятыхъ въ Великую Сѣверную войну въ Прибалтійскомъ краѣ (см. у насъ т. II, отд. V, стр. 3, примѣч. 2.—Гос. Архивъ, X, Кабинетъ II, № 44, л. 112.—*С. Г. Рункевичъ*, „Ѳеофанъ Пр. въ его переепискѣ съ П. В.“. „Странникъ“ за февраль 1906 г. стр. 205). Но это никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ мысли, будто бы Ѳеофанъ лишь собиралъ книги, какъ коллекціонеръ, а не читалъ ихъ. Такое предположеніе было бы нелѣпостью.

rius (1643—1694); G. I. Vossius (1577—1649); историкъ Iacob Gronov (1645—1716); французскій критикъ Claudius Salmasius (1588—1653); философъ, поэтъ, медикъ и критикъ I. C. Scaliger (1484—1558); президентъ Парижскаго парламента, историкъ Iacob August Thuanus (1553—1617); астрономъ и математикъ I. Kepler (1571—1630); педагогъ Jan Amos Comenius (Коменскій 1592—1670) и др.

Въ богословскомъ отдѣлѣ почти $^3/_4$ протестантовъ, хотя есть и знаменитые католики Robertus Bellarminus S. I. (1542—1621); Iohannes de Boussieres S. I. (1607—1674); Ludovicus Carboni, профессоръ богословія въ Перуджіи XVI в.; Georgius Cassander (1513—1566); Chr. Clavius S. I. († 1612 г. 75 лѣтъ); Henricus Engelgrave S. I. (1610—1670); Louis Ellies Du Pin (1657—1719)[1]) и др.

Среди протестантовъ первое мѣсто занимаютъ, конечно, Лютеръ, Меланхтонъ и Кальвинъ. Кромѣ нихъ могутъ быть названы близкіе къ нимъ гуманисты: Эразмъ Роттердамскій, и другъ Кальвина S. Castellioni (1515—1563), а также протестантскіе богословы: Ioh. Affelmann (1588—1624); V. Albert (1635—1697); Alstedius (1588—1638); H. Alting (1583—1644); Iohannes Arnd (1555—1621); Iosua Arnd (1626—1687); N. Arnold (1618—1680); Ioh. Avenarius (1516—1590); I. W. Baier (1647—1695); Fr. Balduin (1575—1627); Th. Beza (1519—1605); Ioseph. Bingham († 1723)—знаменитый англійскій церковный историкъ протестантъ; Iohannes Brenz († 1570)—лютеранскій богословъ и швабскій реформаторъ; Iohannes Franciscus Buddeus (1667—1729); Heinrich Bullinger (1504—1575)—преемникъ Цвингли въ Цюрихѣ; Georgius Calixt (1586—1656); Abraham Calov (1612—1686); англиканецъ W. Cave (1637—1713); Martinus Chemnitius (1522—1586); D. Chytraeus (Kochhaff 1530—1600); Antonius Corvinus (1501—1553)—одинъ изъ главнѣйшихъ реформаторовъ въ сѣверной Германіи; C. Dietericus (1575—1639); H. Eckard (1582—1624); Matthias Flacius (1520—1575)—основатель извѣстной исторической серіи подъ названіемъ Магдебургскихъ Центурій; Ioh. Gerhard (1582—1637); Th. Godwin (Goodwin 1587—1643); Aegidius Hunnius (1550—1603); Nicolaus Hunnius (1585—1643); Leonhard Hutter (1563—1616); Fr. Junius (1545—1602); Chr. Matthiae (1584—1655); G. Olearius (1605—1685); Andreas Osiander (Hosemann)—нюренбергскій реформаторъ (1498—1552); Luca Osiander (1571—1638); Chr. M. Pfaff (1686—1760); Iohannes Chr. Pfaff (1699—1710); I. Quistorp (отецъ и сынъ 1584—1648; 1624—1669); Iacob Reineccius (1572—1613); Abraham Scultetus (1566—1625); Phillipp Iacobus Spener (1635—1705)—основатель піэтизма; Faustus Socinus (1539—1604)—основатель социніанизма и многіе другіе.

Но для нашей темы болѣе интересны юристы и философы. Среди юристовъ могутъ быть упомянуты: Andreas Alciatus (1492—1550); Iohannes Althusius (XVI—XVII); Bartolus (1313—1355); Christofor Besold (1577—1638); Guillelmus Beveregius (1638—1708)—составитель извѣстнаго Synodicon, sive

[1]) Онъ принималъ участіе въ вопросѣ о соединеніи Церквей, поднятомъ Сорбонною въ 1717 г.

Pandectae canonum; Oxonii 1672, 2 v. in f⁰; Iohannes Bodinus (1530—1596)— авторъ знаменитой книги „De la Republique“, Paris 1557; Benedict Carpzov (1595—1666)—извѣстный юристъ; Hermann Conring (1605—1681)—поли-исторъ; Iacobus Cujacius (1520—1590)—знаменитый французскій юристъ; Hugo Donellus (1527—1591)—тоже; Iacobus Gothofredus (1587—1652), издатель памятниковъ римскаго права; Gregorius Haloander (1501—1531), тоже; I. G. Heinekcius (1680—1741), юрисконсультъ; Paulus Lancelotti (1522—1590), знаменитый канонистъ и издатель сборника Corpus iuris canonici; Iohannes Loccenius (1597—1667); Nicolaus Machiavellus (1469—1527), авторъ книги Il principe; Theodor Reinking (1590—1664); Iohannes Sleidanus (1506—1556); Matthias Stephani (1590—1646); Samuel Striquius (1640—1710); Iohannes Otto Tabor (1604—1674); Nicolaus Vigelius († 1600) и др.

Изъ философовъ у Θеофана были сочиненія Бэкона, Декарта, Гуго Гроція, Пуфендорфа, Хр. Томазія, Вейгеля, Хр. Вольфа и др.[1]).

Перечисленныя здѣсь имена только капля въ морѣ среди всей библіотеки Θеофана, въ которой насчитывается по „Описи“ 3192 номера. Но уже эти имена громко говорятъ за то, что подъ руками Θеофана были всѣ лучшіе авторы и это, дѣйствительно, позволяло ему съ поразительной живостью и эрудиціей отзываться на всѣ теоретическія потребности его эпохи. У Θеофана насчитывается до 70 сочиненій[2]) и всѣ онѣ написаны имъ основательно, со ссылками на источники и литературу. Перечисленныя здѣсь имена и особенное преобладаніе протестантовъ въ библіотекѣ Θеофана показываютъ далѣе, насколько онъ склоненъ былъ къ протестантизму, что онъ зналъ главнѣйшихъ философовъ школы естественнаго права, знакомъ былъ съ лучшими юристами и историками. Ближайшій обзоръ книгъ Θеофана въ Новгородской Духовной Семинаріи убѣждаетъ въ томъ, что на нѣкоторыхъ онъ ставилъ собственноручно свой Ex libris Theophanis Archiepiscopi Plescoviensis[3]), на нѣкоторыхъ же ставилъ свою сургучную печать[4]). Кое-

---

[1]) Сочиненій Θомы Гоббса въ „Описи“ библіотеки Θеофана не значится. Это обстоятельство косвенно подтверждаетъ выводъ *Г. Гурвича* о томъ, что въ „Правдѣ воли монаршей“ нѣтъ явныхъ слѣдовъ вліянія на Θеофана названнаго англійскаго мыслителя. См. *Г. Гурвичъ*, „Правда воли монаршей“ Θеофана Прокоповича и ея западно-европейскіе источники. Юрьевъ, 1915 (Оттискъ изъ Ученыхъ Записокъ И. Юрьевскаго Университета).

[2]) Неполный перечень ихъ см. у *Чистовича, Морозова и Титлинова.*

[3]) Напр. на Corpus institutionum Societatis Jesu vol. 1—2. Antverpiae 1702 (по каталогу Семинаріи, № 778); Epistolarium Innocentii III 2 v. (185 и 186); Hugo Grotius, De imperio summarum potestatum, Hagae 1652 (829); S. Pufendorf, De rebus a Caroli Gustavo Sueciae rege gestis, Novimbergae 1696 (2314); S. Pufendorf, Commentariorum de rebus Svecicis libri XXVI, Ultraiecti 1686 (2312); S. Puffendorf, De rebus Eriderici Wilhelmi magni commentariorum libri novemdecim, Berolini 1695 (2313).

[4]) Reinkingk, Tractatus de regimine seculari et ecclesiastici, Francofurti a. M. 1651 (843).

гдѣ на книгахъ виднѣются слѣды подчеркиванiй при чтенiи, а на двухъ книгахъ намъ встрѣтились замѣтки рукою Өеофана[1]).

Всѣ эти наблюденiя очень важны въ томъ отношенiи, что онѣ позволяютъ искать среди авторовъ, бывшихъ подъ рукою Өеофана, и родственныхъ съ ними, идейные источники Духовнаго Регламента. Ниже, въ VII гл., будетъ сдѣлано сближенiе идей Өеофана, насколько онѣ выразились въ первой части Духовнаго Регламента, имѣющей огромное принципiальное значенiе, съ нѣкоторыми философами школы естественнаго права. Насколько близокъ къ нимъ Өеофанъ, увидитъ самъ читатель. Но теперь, на основанiи данныхъ его библiотеки, можно уже сказать, что *метологически* совершенно правильно и возможно это сближенiе.

Любопытно отмѣтить еще одно обстоятельство. Какъ будетъ изложено ниже, въ VII гл., для оправданiя протестантскаго церковнаго устройства, въ которомъ господствующее положенiе занялъ Landesherr, и которое послужило Өеофану образцомъ въ Духовномъ Регламентѣ, учеными богословами, философами и юристами были выработаны три теорiи—епископальная, территорiальная и коллегiальная. Епископальную систему развивали

[1]) На книгѣ B. Carpzovius, Iupisprudentia ecclesiastica, Lipsiae, 1683 (№ 817) написано: „Резоны, для которыхъ священническихъ дѣтей отъ подушныхъ платежей свободить подобало бы. 1) Нѣсчего платить, понеже земли не имѣютъ: а земля церковная окладъ на себѣ имѣетъ архiерейскiй. 2) Учитися дѣти должны и понуждать ихъ надобѣ. 3) Позволяетъ государь и шляхетству иттить въ священство: а нынѣ который дворянинъ пойдетъ. 4) Да и съ священныхъ и прочiихъ дѣтей лучшии и ученыи не похотятъ въ священство. 5) Принуждени будутъ дѣти священскiе учитися ремесла иного, а не ученiя себѣ должнаго. 6) Солдати стоять будутъ въ домахъ священскихъ. 7) Иноземцы, земли не имущыи, не положены въ поголовномъ окладѣ. 8) Важны здесь образцы прочiихъ государствъ". (На книгѣ маленькая сургучная печать Өеофана). На книгѣ Пуфендорфа, De iure naturae et gentium libri octo, Amstelodami 1698 (№ 1086) стоитъ подпись: H. Hüyssen, а на первомъ ненумерованномъ чистомъ листѣ рукою Өеофана написано: „NB. Reliqua opera Samuelis Puffendorfii: 1) Ius foeciale divinum, in 8⁰. 2) Eris Scandica, in 4⁰. 3) De statu imperii Germanici. 4) Elementa iurisprudentiae. 5) De officio hominis et civis. 6) De habitu Religionis erga statum politicum. 7) Schediasmata variis argumentis. 8) Historia surcia de gestis Gustavi Adolfi. 9) Historia de Carolo Gustavo Rege Suecorum, f⁰. 10) Historia brandeburgica. 11) Introductio ad universam historiam Europae". Приводимъ эти замѣтки Өеофана полностью потому, что первая показываетъ взглядъ Өеофана на острый въ его время вопросъ объ обложенiи дѣтей духовенства подушной податью. Въ свою очередь, вторая обнаруживаетъ интересъ и широкое знакомство Өеофана съ сочиненiями Пуфендорфа. Кромѣ того, немаловажное значенiе имѣютъ и самыя книги, на которыхъ эти замѣтки написаны. Оба сочиненiя, особенно Пуфендорфа, De iure naturae et gentium, какъ увидитъ читатель ниже, въ главѣ VII, въ комментарiяхъ къ первой части Духовнаго Регламента, до извѣстной степени можно сближать съ послѣднимъ. Болѣе того, существенное значенiе имѣетъ и дата изданiя этого сочиненiя Пуфендорфа, а именно 1698 г., изъ чего можно заключать, что Өеофанъ не могъ читать того примѣчанiя N. Hertius'a, которое, повидимому, ввело въ заблужденiе проф. Е. Н. Темниковскаго въ его статьѣ „Положенiе Имп. Всероссiйскаго" и т. д., отд. оттискъ стр. 17. Ср. съ этимъ наше примѣчанiе къ выпискамъ изъ Пуфендорфа ниже въ VII гл.

братья Стефани[1]), Рейнкингкъ[2]), юристъ Венедиктъ Карпцовъ[3]), богословъ I. Венедиктъ Карпцовъ[4]), Самуилъ Стрикъ[5]) и др.

Творцами территоріальной системы были Гуго Гроцій[6]), Гоббезъ[7]), Пуфендорфъ[8]), Томазій[9]) и другіе.

Первымъ и главнымъ представителемъ коллегіальной системы былъ Christoph. Matthäus Pfaff[10]).

Если же мы заглянемъ въ библіотеку Ѳеофана, то среди его книгъ найдемъ и эти сочиненія, а именно:

Martin Chemnits, Loci theologici, 1591 (по „Описи" № 458, 459).

Leonhard Hutter, Compendium locorum theologicorum 1610 (№ 785—787; 798; 930—933).

Iohannes Gerhard, Loci communes (137, 357, 359, 360, 363, 366, 367, 369, 370, 372, 373, 375).

Matthias Stephani, Tractatus de iurisdictione (по „Описи" 2245); Tractatus de officio iudicis (2083); Dialectica iuris (2731); Commentarius in novelles constitutiones Iustiniani Imperatoris (2087).

Theodor Reinkingk, De regimine seculari et ecclesiastico (1337, 2110, 2121, т. е. 3 экземпляра).

Benedictus Carpzov, юристъ (1595—1666) Iurisprudentia ecclesiastica seu consistorialis. Definitiones ecclesiasticae seu consistoriales (1819, 1830, 29, 1949, т. е. 4 экземпляра); Synopsis iurisprudentiae ecclesiasticae (2146, 2280, т. е. 2 экземпляра).

Iohannes Benedictus Carpzov, братъ юриста, богословъ (1607—1657), Isagoge in libros ecclesiarum lutheranarum symbolicos 1665 (430). Hodegeticum

---

1) *Joachim Stephani*, Institutiones iuris cononici in tres libros secundum tria iuris obiecta partitae et ad praesentem Ecclesiarum Germaniae statum directae, Gryphisw. 1604. *Matthäus Stephani*, Tractatus de iurisdictione, qualem habeant omnes iudices, tam saeculares quam ecclesiastici in. S. Rom. Imperio, Lubecae 1608; Rostoch. 1609.

2) *Theodor Reinkingk*, Tractatus de regimine saeculari et ecclesiastico, Giess. 1619.

3) *Benedikt Carpzov*, Definitiones consistoriales 1645 sq.

4) *Johann Bened. Carpzov*, De iure decidendi controversias theologicas, 1695.

5) *Samuel Stryck*, De iure papali principum evangelicorum, 1694.

6) De imperio summarum potestatum circa sacra, 1617 (издано лишь послѣ смерти автора въ 1646 г.); Ius belli ac pacis, 1625.

7) Leviathan, sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis. 1651 г.

8) De iure naturae et gentium, Londini Scanorum (Lund) 1672; De officiis hominis et civis iuxta legem naturalem, Lund 1673; De habitu religionis christianae ad vitam civilem, Bremae 1687; Ius feciale divinum s. de consensu et dissensu protestantium, Lubec. 1695 г.

9) De iure principis circa adiaphora 1695; Das Recht evangelischer Fürsten in theologischen Streitigkeiten, 1696; An haeresis sit crimen? 1697; De iure principis circa haereticos, 1697; Kurze Lehrsätze vom Recht eines christlichen Fürsten in Religionssachen, 1701; Institutiones iurisprudentiae divinae, in quibus fundamenta iuris naturalis secundum hypotheses Puffendorfii demonstrantur, 1702; Fundamenta iuris naturalis ex sensu communi deducta 1705; Historia contentionis inter imperium et sacerdotium, 1722 и друг.

10) 1686—1760. Origines iuris ecclesiastici, Tübingen, 1719, 1756; Akad. Reden über das protest. Kirehenrecht. Tübingen, 1742.

brevibus aphorismis olim pro collegio contionatario conceptum et nunc revisum (775) и другія.

Samuel Stryck, Dissertationes iuridicae (2109, 2110, 2111, 2112, 2113, 2114, т. е. 6 экземпляровъ).

Hugo Grotius, De iure belli ac pacis (2016, 2183—2188, т. е. 7 экземпляровъ); De imperio circa sacra 1677 (915); Depensio fidei catholicae de satisfactione Christi adversus F. Socinum (346); Historia gothorum, vandalorum et longobardorum (1248); Annales et historiae de rebus Belgicis (1249).

S. Pufendorf, De iure naturae et gentium (2115—2117, т. е. 3 экз.); De officio hominis et civis (1333, 2326, 2327, т. е. 3 экз.); Compendium iurisprudentiae universalis (2323, 2267); Eris scandica (1568, 2108) и др.

Christian Thomasius, Institutiones iurisprudentiae divinae (1960, 1961); Adnotationes theoretico-practicae (1962) и др.

Christoforus Matthaeus Pfaff (1686—1760), Institutiones historiae ecclesiasticae (850); Libri symbolici (851); Introductio in historiam theologicam (852).

Наличность этихъ книгъ[1]) подъ руками Θеофана *сама по себѣ* заставляетъ продполагать, что онъ читалъ ихъ, и если въ его сочиненіяхъ намъ слышится ихъ отголосокъ, то мы въ правѣ утверждать, что онѣ служили источниками этихъ сочиненій. Θеофанъ могъ заимствовать изъ нихъ прямо цитаты, но могъ и просто находиться подъ ихъ впечатлѣніемъ, повторяя ихъ теоріи въ болѣе или менѣе переработанномъ видѣ. Чтобы удостовѣриться въ этихъ заимствованіяхъ, признаніе которыхъ важно намъ для правильнаго пониманія Духовнаго Регламента, обратимся къ выясненію церковно-политическаго міровоззрѣнія Θеофана по его сочиненіямъ, исключая Духовный Регламентъ.

Политическія воззрѣнія Θеофана. Политическія воззрѣнія Θеофана лучше всего выражены имъ въ „Правдѣ воли монаршей", составленной имъ по порученію Петра въ оправданіе рѣшенія его отстранить отъ наслѣдованія престола своего сына царевича Алексѣя Петровича[2]). Судя по тому, что „Правда" заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ послѣдовательно проведенныхъ и обоснованныхъ положеній, а также по тому, что единственная извѣстная намъ рукопись, представляющая собою, несомнѣнно, оригиналъ, не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ поправокъ рукою Петра, можно съ вѣроятностью

---

[1]) О значеніи ихъ легко судить по тому вліянію, которое онѣ имѣли на выработку протестантской теоріи и практики взаимныхъ отношеній Церкви и государства. См. *K. Rieker,* Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1893, SS. 208—225. Имѣя эти книги у себя въ библіотекѣ и знакомясь съ ними, при наличности и всѣхъ остальныхъ благопріятныхъ этому условій, Θеофанъ естественно воспринималъ ихъ идеи и проводилъ въ русскую дѣйствительность.

[2]) „Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей", С.-Петербургъ, 1722. 1726.—П. С. З. VII, 4870.—Рукопись съ поправками Θеофана находится въ Гос. Архивѣ (Кабинетъ I, № 32, л. 377—437), среди самыхъ цѣнныхъ документовъ Кабинета Петра Великаго

заключить, что это сочиненіе есть цѣльное произведеніе одного Ѳеофана, которое, хотя и было написано имъ по заказу, однако, не механически, а съ глубокимъ убѣжденіемъ въ истинности высказываемыхъ положеній и ихъ аргументаціи. Можно думать, что участіе Петра выразилось исключительно въ заданіи самой темы и въ указаніи конечной цѣли всего сочиненія. Поэтому, хотя до извѣстной степени и можно пользоваться „Правдой“ для характеристики политическихъ воззрѣній Петра и Ѳеофана *одинаково*[1]), однако, намъ кажется, надежнѣе приписывать „Правду“ одному Ѳеофану. Принимая во вниманіе эти соображенія, мы избавляемся отъ возможнаго упрека въ томъ, что для характеристики политическихъ взглядовъ Ѳеофана воспользовались произведеніемъ, будто бы не ему одному принадлежащимъ.

Свои теоретическія разсужденія[2]) Ѳеофанъ начинаетъ съ опредѣленія понятія или, какъ онъ выражается, „титла Величества, или, якоже прочіи европейскіе народы съ латинска нарицаютъ: маестатъ, или маестетъ“[3]).

„У всѣхъ народовъ, какъ славянскихъ, такъ и прочихъ, сіе нарѣчіе маестетъ, или Величество,—говоритъ Ѳеофанъ,—употребляется за самую крайне превосходную честь, и единымъ токмо верховнымъ властямъ подается, и значитъ не токмо достоинство ихъ превысокое, и котораго, по Бозѣ, большаго нѣтъ въ мірѣ, но и власть *законодательную* крайне дѣйствительную, крайній *судъ* износящую, *повелѣніе* неотрицаемое издающую, а *самую ни каковымъ же законамъ не подлежащую:* тако изряднѣйшіи законоучители описуютъ Величество, между которыми *Гугонъ Гроцій*[4]) именно такъ глаголетъ: высочайшая власть (Величество нарицаемая) есть, которой дѣянія ни чьей же власти не подлежатъ, такъ дабы могли уничтоженная быти изволеніемъ другаго человѣка; когда же, глаголю, другаго изъемлю самого его, кто такую власть высочайшую имѣетъ: ему бо волю свою перемѣнити мощно“[5]). Въ поясненіе этому опредѣленію Ѳеофанъ го-

---

1) См. *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Идея государства въ Россіи.. „Голосъ Минувшаго“, 1914, № 12, стр. 27: „Петръ Великій и Ѳеофанъ Прокоповичъ *изложили свою* доктрину, главнымъ образомъ, въ трактатѣ, озаглавленномъ „О правдѣ воли монаршей“.. См. тамъ же стр. 28 и слѣд. изложеніе самой доктрины и очень цѣнныя замѣчанія относительно источниковъ „Правды“. Считаемъ долгомъ замѣтить, что настоящая IV глава была уже сдана нами въ типографію Варшавскано Учебнаго округа и была бы, несомнѣнно, напечатана въ іюлѣ 1915 г., если бы Варшава не была отдана. Между тѣмъ, только осенью 1915 г. появилась очень цѣнная работа *Г. Гурвича*, „Правда воли монаршей“ Ѳеофана Прокоповича и ея западно-европейскіе источники. Юрьевъ, 1915 г., выводы которой нисколько не поколебали мыслей, изложенныхъ нами въ настоящей главѣ. Поэтому мы оставляемъ ее въ прежнемъ видѣ.

2) Мы приводимъ не всѣ политическія сужденія Ѳеофана, а лишь относящіяся къ нашей темѣ.

3) Цитируемъ по П. С. З. VII, № 4870, стр. 618, колонна 2, пунктъ 8. Курсивъ нашъ.

4) Самъ Ѳеофанъ цитируетъ: „Гугонъ: о правдѣ войны и мира, кн. 1, глава 3, число 7“ (въ П. С. З. ошибочно напечатано „число 1“). Здѣсь читаемъ: „Summa autem illa dicitur, cujus actus alterius juri non subsunt, ita ut alterius voluntatis humanae arbitrio irriti possint reddi. Alterius cum dico, ipsum excludo, qui summa potestatae utitur, cui voluntatem mutare licet“...

5) П. С. З. VII, № 4870, стр. 618—619.

ворить, что Величество не подлежитъ только никакой власти человѣческой, „Божіей бо власти подлежитъ, и законамъ отъ Бога, яко на сердцахъ человѣческихъ написаннымъ, тако и въ десятословіи преданнымъ повиноватися долженствуетъ; закономъ же отъ человѣкъ, аще и добрымъ, яко къ общей пользѣ служащимъ, не подлежитъ, и закону Божію, — продолжаетъ Ѳеофанъ, — *такъ подлежитъ, что за преступленіе того Божію токмо, а не человѣческому суду повинна*"[1]). Это положеніе авторъ доказываетъ 1) „отъ естественнаго разума": „аще бы подлежала (законамъ человѣческимъ), не была бы верховная"; 2) отъ Св. Писанія и въ 3) словами древнихъ церковныхъ учителей[2]): „Мощно здѣ видѣти отъ согласія древнихъ сихъ учителей, — заключаетъ Ѳеофанъ, — каковое тогда было ученіе о Самодержавномъ Величествѣ, что власть его есть не подвластная, и весьма не прикосновенная. Но и въ позднѣйшая времена живо и дѣйствительно было тоежде мудрованіе. Ибо Ѳеодоръ Вальсамонъ (который по 1200 году преставился) Патріархъ Антіохійскій въ толкованіи на канонъ шестьнадесятый собора Карѳагенскаго, и своимъ и другихъ тогдашнихъ учителей именемъ, сей яко общій *догматъ* воспоминаетъ, что Царь ниже *канономъ*, ниже закономъ подверженъ есть"[3])... „Сіе же уразумѣвше, безъ сумнѣнія разумѣемъ, и безъ всякаго прекословія исповѣсти долженствуемъ, что *всякъ Самодержецъ*, какъ во всѣхъ прочіихъ, такъ и въ семъ дѣлѣ своемъ, т. е. въ опредѣленіи наслѣдника на престолъ свой, *весьма воленъ и свободенъ есть*"[4]).

Въ этихъ словахъ Ѳеофаномъ выражены три крайне важныя положенія его политическаго міровоззрѣнія, а именно: 1) Свѣтская государственная власть *обладаетъ верховенствомъ* (маестатъ), а потому всякая иная власть, конечно, и церковная, верховенствомъ не обладаетъ, а потому *юридически подчиняется государственной власти*. 2) Верховная государственная власть повинуется только Богу и никакимъ человѣческимъ нормамъ, *въ томъ числѣ она не повинуется и церковнымъ канонамъ* и 3) Не повинуясь Богу и тѣмъ впадая въ грѣхъ, Верховная власть является *сама судьею* того вопроса, совершаетъ ли она грѣхъ или нѣтъ.

Не трудно видѣть, что всѣ три положенія Ѳеофана *противоположны* политическимъ воззрѣніямъ русской старины, которая 1) и въ теоріи и на практикѣ признавала, если не зависимость свѣтской власти отъ духовной, какъ хотѣлъ того Никонъ, то *дуализмъ* параллельно стоящихъ, самобытныхъ по своему существу и происхожденію властей царя и патріарха[5]); 2) приравнивая „*божественные* каноны" къ Св. Писанію и считая ихъ, слѣдовательно, *закономъ Божіимъ*, требовала *безусловнаго подчиненія имъ даже царей*[6]); и 3) судьями вопроса, грѣшитъ царь или нѣтъ, при-

---

[1]) Ibidem, стр. 619.—Ср. *Г. Гурвичъ*, назв. соч., стр. 3—5, 47—50.

[2]) Ibidem, стр. 619—622.

[3]) Ibidem, стр. 621, кол. 1.

[4]) Ibidem, стр. 621, кол. 2.

[5]) См. выше, гл. I, стр. 11—31.

[6]) Ср. наставленія духовенства царю Іоанну III по поводу ереси живодствующихъ и его попытокъ секуляризаціи церковныхъ имѣній.

знавала *не его самого, а духовенство*, коему дана власть „вязать и рѣшить“ [1]).

Изъ этой противоположности слѣдуетъ, что авторъ „Правды воли монаршей“, призванный Петромъ къ сотрудничеству въ дѣлѣ его церковной реформы, не могъ сдѣлать иного, чѣмъ онъ сдѣлалъ и изобразилъ въ своемъ Духовномъ Регламентѣ, обезглавивъ Русскую Церковь и юридически подчинивъ ее всецѣло свѣтской государственной власти.

Далѣе Ѳеофанъ говоритъ о томъ, „кое долженство на царяхъ лежитъ“ [2]).

„Царей должность есть (яко же и въ ученіи отроческомъ въ пятой заповѣди положено) содержать подданныхъ своихъ въ *безпечаліи*, и промышлять имъ всякое *лучшее наставленіе*, какъ къ благочестію, такъ и честному жительству, да будутъ же подданіи въ *безпечаліи*, долженъ царь пещися, да будетъ истинное въ государствѣ *правосудіе* на охраненіе обидимыхъ отъ обидящихъ подданныхъ себѣ; такожъ да будетъ крѣпкое и искусное *воинство*, на защищеніе всего отечества отъ непріятелей. А что бы было и всякое лучшее наставленіе, долженъ царь смотрѣть, чтобъ были искусніи учители, какъ духовніи, такъ и гражданскіи, довольное число“ [3]). Такимъ образомъ обязанности царя чисто *свѣтскія*, направленныя не на спасеніе души своихъ подданныхъ (какъ понималъ свой долгъ Алексѣй Михайловичъ и его предки [4]), а на *безпечаліе*, *правосудіе*, государственную *безопасность* и *наставленіе*, для насажденія котораго онъ долженъ имѣть искусныхъ учителей свѣтскихъ и духовныхъ. Слѣдовательно учительное духовенство призывается служить цѣлямъ цивилизаціи *подъ руководствомъ* и по указанію *свѣтской* государственной *власти*, которой, въ силу ея верховенства, оно юридически подчинено,

Нѣсколько ниже Ѳеофанъ вновь возвращается къ вопросу о долженствѣ монарховъ и, ссылаясь на приведенный 14-й пунктъ, добавляетъ, что „здѣ же показуется (долженство монарховъ уже не отъ Св. Писанія, а) отъ самого монархіи установленія“, а именно: „Всякая власть верховная, *едину* своего установленія *вину конечную* имѣетъ, *всенародную пользу*. Сіе только вѣдати народъ долженъ, что государь его должен о его пользѣ общей пещися, но въ дѣлахъ попеченія своего не народу, но единому Богу стоитъ или падаетъ, и того единаго суду подлежитъ“ [5]).

Примыкая, такимъ образомъ, къ теоріи общей пользы (bonum commune), Ѳеофанъ понималъ ее, несомнѣнно, въ духѣ Гоббса и Пуфендорфа [6]), т. е. въ секуляризованномъ видѣ. Это явствуетъ еще и изъ того, что опредѣленіе пониманія самаго содержанія „общей пользы“, онъ усвояетъ свѣтской власти [7]). Отсюда слѣдуетъ, что въ случаѣ разногласія государственной и

---

[1]) Ср. выступленіе Митрополита Филиппа противъ царя Іоанна Грознаго.

[2]) Ср. далѣе *Г. Гурвичъ*, стр. 14, 15. [3]) П. С. З. VII, 4870, стр. 622, п. 14.

[4]) См. выше, гл. I, стр. 11—29. [5]) П. С. З. VII, №. 4870, стр. 629, кол. 1.

[6]) Ср. *Г. Гурвичъ*, стр. 82—84.

[7]) Ср. *Г. Гурвичъ*, стр. 77—82, особенно стр. 78: „Всѣ сторонники абсолютизма признавали, что рѣшеніе вопросовъ „общаго блага“ составляетъ исключительное право

церковной власти въ пониманіи ими „общей пользы", по мнѣнію Ѳеофана, преобладаніе должно было бы остаться на сторонѣ свѣтской власти, какъ обладающей верховенствомъ; и цѣли Церкви должны были бы подчиниться цѣлямъ государства.

Абсолютизмъ государственной власти Ѳеофанъ обосновываетъ еще на теоріи происхожденія государства[1]). Возникновеніе государственнаго верховенства онъ обосновываетъ на всенародномъ намѣреніи. Перечисливъ различные образы правленія[2]), нашъ авторъ въ слѣдующихъ словахъ формулируетъ народную волю въ моментъ возникновенія наслѣдственной монархіи, каковая существуетъ въ Россіи. „Согласно вси хощемъ, да ты къ *общей нашей пользѣ,* владѣеши надъ нами *вѣчно,* т. е., понеже смертенъ еси, то да по тебѣ, ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣ наго владѣтеля, мы же единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь, ниже по смерти твоей, употребляти не будемъ, но какъ тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ"[3]).

Ѳеофанъ не могъ, однако, не замѣтить, что по этимъ словамъ монархъ получаетъ свою власть изъ рукъ народа, между тѣмъ какъ Св. Писаніе, съ которымъ онъ не могъ разойтись, говоритъ: „нѣсть власть, аще не отъ Бога" (Рим. XIII, 1). Поэтому онъ сейчасъ же прибавляетъ: „Вѣдати же подобаетъ, что народная воля... бываетъ не безъ собственнаго смотрѣнія Божія, но Божіимъ мановеніемъ движима дѣйствуетъ. И того ради вся долженства какъ подданныхъ къ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ своихъ не отъ единой воли народной, но и отъ воли Божіей происходятъ"[4]).

Послѣдняя мысль нужна Ѳеофану особенно для обоснованія послушанія народа царю. Онъ говоритъ, далѣе, что народъ 1) долженъ безпрекословно повиноваться самодержцу; 2) не можетъ судить его; 3) ничего не можетъ повелѣвать ему; 4) не можетъ возставать противъ монарха, оказавшагося злымъ и „отданной ему воли своей отняти", „но долженъ терпѣти народъ какое либо монарха своего нестроеніе и злонравіе"; 5) долженъ повиноваться какъ своему законному государю тому лицу, которое царь назначитъ своимъ наслѣдникомъ; 6) если же онъ не выразитъ своей воли ни устно, ни письменно, то народъ „долженъ всякими правильными догадами испытовать, какова была, или быти могла воля государева" для чего указываются соотвѣтствующіе методы[5]).

суверена,—только онъ одинъ призванъ заботиться объ опредѣленіи и осуществленіи государственной цѣли, только онъ и надѣленъ достаточными для этой великой задачи средствами въ видѣ неограниченныхъ полномочій власти".

1) П. С. З. VII, 4870, стр. 263, кол. 2.—*Г. Гурвичъ,* стр. 8—14.

2) Ibidem, стр. 623, кол. 2—624, кол. 2.

3) Ibidem, стр. 624, кол. 2. Это т. наз. pactum tubjectionis. *Г. Гурвичъ,* стр. 68 - 71.

4) Ibidem, стр. 625, кол. 1.

5) Ibidem, стр. 625, кол. 1—628, кол. 2.—*Г. Гурвичъ,* стр. 26—28. 101—109.

Вслѣдъ за этимъ Ѳеофанъ говоритъ о томъ, что можетъ и долженъ дѣлать государь по отношенію къ своему народу[1]). О должности было сказано выше. Теперь необходимо привести мнѣніе Ѳеофана о томъ, что *можетъ* государь. „Можетъ монархъ государь законно повелѣвати народу, не только все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, *но и все, что ему ни понравится;* только бы народу не вредно и воли Божіей не противно было. Сему же могуществу его основаніе есть вышепомянутое, что народъ правительской воли своей совлеклся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежатъ всякіе *обряды* гражданскіе и *церковные,* перемѣны обычаевъ, употребленіе платья, домовъ строенія, чины и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и прочая, и прочая, и прочая"[2]).

Такъ въ своей теоріи абсолютизма Ѳеофанъ доходитъ до крайности и противорѣчій. Если по его словамъ долгъ государя—служить „общему благу"; а „*вся* долженства какъ подданныхъ къ государю своему, такъ и государя къ добру общему подданныхъ своихъ, не отъ единой воли народной, *но и отъ Божіей происходятъ*"[3]), то, очевидно, съ одной стороны, что содержаніе понятія „общаго блага" должно опредѣляться волей Божіей, т. е. оно должно быть религіознымъ, толкуемымъ въ духѣ цѣлей Церкви, что приводитъ, въ концѣ концовъ, къ іерократіи; съ другой же стороны, „воля Божія" не можетъ допустить такого произвола, чтобы государь могъ дѣлать „не только все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, *но и все, что ему ни понравится*". Очевидно, Ѳеофанъ придерживается чисто *свѣтской* теоріи абсолютизма и вплетаетъ въ свои разсужденія ссылки на Св. Писаніе и волю Божію лишь въ качествѣ дополнительнаго и традиціоннаго аргумента[4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеофанъ указываетъ маловажные, повидимому, примѣры ломки гражданскихъ и церковныхъ обрядовъ, перемѣны обычаевъ, платья и проч., которыя можетъ позволить себѣ не во имя „знатной пользы отечества", а потому только, что такъ ему нравится. Но если мы вспомнимъ, что вся жизнь и весь бытъ древней Руси былъ окрашенъ религіознымъ колоритомъ, такъ что и обряды и обычаи, покрой платья, архитектура и внутреннее убранство домовъ и т. д. въ представленіи народномъ вели свое начало отъ установленныхъ религіей правилъ вѣры и нравственности и кромѣ того освѣщены памятью предковъ, то станетъ понятнымъ тотъ цинизмъ, съ которымъ въ данномъ случаѣ всегда услужливый къ предержащей власти Ѳеофанъ хотѣлъ оправдать въ глазахъ народа реформы Петра. Нельзя сказать, чтобы этимъ онъ дѣлалъ Петру хорошую услугу.

Взгляды Ѳеофана на власть государя въ дѣлахъ церковныхъ. Приведенныя выписки показываютъ намъ сущность политическаго міровоззрѣнія Ѳеофана.

[1]) Ibidem, стр. 628, кол. 2—629, кол. 2.—*Г. Гурвичъ*, стр. 85—92.

[2]) Ibidem, стр. 628, кол. 2.—*Г. Гурвичъ*, стр. 14—16. Ниже идетъ рѣчь о преимуществахъ наслѣдственной монархіи предъ избирательной и проч., что насъ не касается.

[3]) Ibidem, стр. 625, кол. 1. [4]) Ср. *Г. Гурвичъ*, стр. 37, 71—77, 84.

Легко видѣть, что политическія симпатіи его сильно клонились въ сторону философовъ школы естественнаго права, особенно Гуго Грація, Гоббса и Пуфендорфа[1]). Имѣя въ виду одно это, мы могли бы, какъ уже отчасти и сдѣлали, вывести изъ положеній его политическаго міровоззрѣнія слѣдствія о томъ, какъ представлялъ себѣ Ѳеофанъ должныя отношенія Церкви и государства. Однако мы располагаемъ матеріалами, ближе относящимися къ настоящему вопросу, и можемъ ихъ использовать. Для этой цѣли достаточно обратить вниманіе на письма Ѳеофана, его проповѣди, сочиненіе о „Понтифексѣ", „трагекомедію Владиміръ", и на полемику его съ Маркелломъ Родышевскимъ.

Личное неуваженіе Ѳеофана къ духовенству. Однако прежде всего необходимо обратить вниманіе на ту психологическую основу, которая дѣлала Ѳеофана воспріимчивымъ къ западнымъ идеямъ о подчиненіи Церкви государству. Эта основа заключалась въ личномъ неуваженіи Ѳеофана къ духовенству. Нѣтъ нужды въ томъ, что онъ самъ былъ лицомъ духовнымъ и даже монахомъ, на что и ссылается въ своей полемикѣ съ Маркелломъ Родышевскимъ[2]). Его принадлежность къ духовному сану была чисто внѣшней, почти недоразумѣніемъ. Самъ же онъ всегда обособлялъ себя отъ другихъ духовныхъ лицъ, къ которымъ относился съ плохо скрываемымъ презрѣніемъ, чѣмъ и возстановилъ ихъ противъ себя. Вотъ, что онъ пишетъ, напр., своему другу Я. Маркевичу 9 августа 1716 г. по случаю своего вызова въ Петербургъ: „Можетъ быть ты слышалъ, что меня вызываютъ для епископства; эта почесть меня такъ же привлекаетъ и прельщаетъ, какъ если бы меня приговорили бросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Дѣло въ томъ, что лучшими силами своей души я ненавижу митры, саккосы, жезлы, свѣщники, кадильницы и тому подобныя утѣхи; прибавь къ тому же весьма жирныхъ и огромныхъ рыбъ. Если я люблю эти предметы, если я ищу ихъ, пусть Богъ покараетъ меня чѣмъ нибудь еще худшимъ. Я люблю дѣло епископства и желалъ бы быть епископомъ, если бы вмѣсто епископа мнѣ не пришлось быть комедіантомъ. Ибо къ тому влечетъ епископская въ высшей степени неблагопріятная обстановка, если не исправитъ ее божественная мудрость. Поэтому я намѣренъ употребить всѣ усилія, чтобы отклонить отъ себя эту чрезвычайную почесть и летѣть обратно къ вамъ"[3])...

---

[1]) Ср. *Г. Гурвичъ*, стр. 109—111, литературу, указанную имъ на стр. 32 и предисловіе проф. *Ѳ. В. Тарановскаго*.

[2]) См. выше, „Обзоръ литературы", § 4.

[3]) Forte enim audivisti me avocari ad episcopatum, qui honor non aliter me trahit et allicit, quam si amphitheatri caveris includendus essem. Invideo scilicet bonis viris mitras, saccos, scipiones, candelabra, thuribula, et alia id genus oblectamenta; adde etiam praepingues ac grandes pisces. Si amo, si quaero ista, tum et maioribus me malis involuat Deus. Amo quidem episcopatus rem, et vellem esse episcopus, si non pro episcopo cogerer agere histrionem. Ita enim fert corruptissimus status iste, nisi corrigat illum divina Sapientia. Omnem itaque moturus sum lapidem, ut egregium decus istud declinem, et ad vos revolem. Quod uti fiat, precare, quaeso, Deum ter optimum maximum... 9 августа 1716 г. 5-е письмо къ Маркевичу. Epistolae... M. 1776, p. 10—11.

Другія данныя изъ писемъ Өеофана будутъ приведены ниже въ комментаріяхъ на Духовный Регламентъ по поводу его проекта „Домовъ училищныхъ". Здѣсь же можно сослаться на „трагекомедію" Өеофана подъ заглавіемъ „*Владиміръ, Славянороссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святымъ*"¹). Въ этой „трагекомедіи" выступаютъ, между прочимъ, жрецы— Жериволъ, Куроядъ, Піаръ, самыя имена которыхъ указываютъ на ихъ свойства. „Несомнѣнно,—говоритъ Тихонравовъ,—что нѣкоторыя черты жрецовъ списаны съ натуры, выхвачены изъ быта современнаго Прокоповичу православнаго духовенства; этого не отрицалъ и самъ Өеофанъ; мало того— онъ старался даже прямо намекнуть на то въ своей трагекомедіи", такъ какъ въ одномъ мѣстѣ Жериволъ называется не жрецомъ, а *попомъ*²). Өеофанъ приписываетъ жрецамъ (или духовенству) обжорство, пьянство, ханжество, выдумываніе ложныхъ чудесъ, выставляетъ ихъ людьми темными, даже развратными и „слугами бѣса міра", и т. д.

Неуваженіе Өеофана къ духовенству видно также и изъ Духовнаго Регламента во многихъ его мѣстахъ. Понятно поэтому, что онъ психологически не былъ способенъ отстаивать для духовенства самостоятельное положеніе. Лишь послѣ учрежденія Духовной Коллегіи въ Өеофанѣ замѣтна какъ бы нѣкоторая перемѣна. Однако лишь настолько, чтобы стремиться къ уравненію Св. Синода съ Сенатомъ и къ расширенію его компетенціи до прежней патріаршей, что ему и удалось отчасти, но все таки подъ властью государя, отъ котораго, по мнѣнію Өеофана, и заимствовалъ Св. Синодъ свой высшій авторитетъ.

Слово о власти и чести царской. Уже 28 октября 1716 г., т. е. въ самомъ началѣ его проповѣднической дѣятельности въ С.-Петербургѣ, Өеофану представился случай высказаться о происхожденіи царской власти и ея правахъ³), а затѣмъ 6 апрѣля 1718 г. въ „*Словѣ о власти и чести царской*" онъ опредѣленно указалъ свою точку зрѣнія на юридическую зависимость духовенства отъ государства⁴).

Поводомъ къ этому „Слову" послужилъ праздникъ царскаго входа Господня въ Іерусалимъ (Вербное воскресенье). Въ началѣ Өеофанъ выясняетъ необходимость сказать о царской власти, „не малую бо часть людей въ таковомъ невѣжествѣ пребывающую видимъ быти, яко не знаютъ христіанскаго ученія о властехъ мірскихъ. Паче же о самой высочайшей державѣ не знаютъ, яко отъ Бога устроена и мечемъ вооружена есть, и яко противитися оной, есть грѣхъ на самаго Бога, не точію временной, но и вѣчной смерти повинной; но мнози помышляютъ быти сіе отъ промысла просто человѣческаго или отъ превозмогшей силы, и яко боятися властей

¹) Текстъ см. въ рукописномъ сборникѣ И. П. Б. О. XIV. 2.—Литературу у *П. Морозова*, Ө. Пр. какъ писатель, Спб. 1880, стр. 100—105.

²) *Морозовъ*, 101.

³) Слова и Рѣчи, I, 99—119.—Объ этой проповѣди *П. Морозовъ*, стр. 171 и сл.

⁴) Слова и Рѣчи, I, 235—268.—Объ этой проповѣди *П. Морозовъ*, стр. 194—204.

за гнѣвъ ихъ точію сильный и страшный, а не за совѣсть боятися подобаетъ" (Слова и Рѣчи, т. I, стр. 238). Это заблужденіе Ѳеофанъ обѣщается разрушить, для чего прежде всего излагаетъ аргументацію древнихъ и новыхъ монархомаховъ, „цареборцевъ", которыхъ онъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ, несомнѣнно имѣя въ виду духовенство. „Суть нынѣшніи, были и древніи настоящему ученію противницы, который не невѣжди себѣ мнятся быти, но богословствуютъ отъ Писанія; да такъ, какъ то летаютъ прузи, животное окрылатѣлое: но его чревище великое, а крыльца малыя и не по мѣрѣ тѣла, вздоймется полетѣть, да тотъ часъ и на землю падаетъ: тако и они суще книгочіи аки бы крылатыи, покушаются богословствовати, аки бы лѣтати, да за грубость мозга буесловцами являются, не разумѣюще Писанія ни силы Божія" (ib. 239). Сказавъ, затѣмъ, о взглядахъ „древнихъ продерзателей", Ѳеофанъ указываетъ: „суть же и въ нынѣшнія времена, онымъ послѣдующіи: якоже Папа себе и кліръ свой отъ властей державныхъ изимающій, но и мечтающій данную себѣ власть даровати, и отъимати скипетры, и якоже Анаваптісты человѣку христіанину власть запрещающіи" (ib. 241).

Любопытно отмѣтить, что Ѳеофанъ органически не выносилъ папской іерократіи и не упускалъ случая рѣзко о ней отозваться. Не говоря о Духовномъ Регламентѣ, гдѣ онъ опредѣленно выразилъ свою антипатію къ папской іерократіи[1]) и всѣмъ подражающимъ ей своими „замахами" (п. Никонъ), аналогичныя мысли находимъ и въ предисловіи Ѳеофана къ его же собственному переводу книги Don Diego Saavedra Faxardo[2]). Здѣсь онъ съ похвалою отзывается объ этомъ писателѣ, въ параллель къ нему упоминаетъ Платона, Тацита, Ксенофонта, Антонія de Guevara[3]), написавшаго „Horologium principum, seu de vita Marci Aurelii" (переведено на многіе языки), Ion Berclay, поэта и сатирика (28 января 1582—12 августа 1621) изъ Лотарингіи, написавшаго политическую аллегорію въ формѣ романа, подъ заглавіемъ „Argenis"[4]), но, съ другой стороны, очень рѣзко отгораживается отъ Беллярмина, Маріаны и др. іезуитовъ „и иныхъ Папи Римского плѣнныковъ и ласкателей, иже такожде о наставленіи царей покусышася, но писаніе свое новоумышленнимъ буесловіемъ отразиша. Власть царскую, отъ Бога по ученію апостолскому данную, папыну самоволію всячески подвергающе, и не токмо власть, но и житіе царское, аще тако главѣ ихъ изволяется, рукамъ убыйственнымъ предающе. Полна суть яда оныхъ учителей

---

¹) См. Д. Р. ч. I, п. 7 (т. II Черн. рук. Д. Р. л. 4 об.).

²) См. ниже, т. II, Отд. III, № 11. Это предисловіе, написанное Ѳеофаномъ еще тогда, когда онъ былъ префектомъ кіевскихъ училищъ показываетъ, между прочимъ, что основы его политическихъ симпатій и взглядовъ сложились еще задолго до составленія имъ Духовнаго Регламента и Правды воли монаршей.

³) *Ant. de Guevara*, францисканецъ, исторіографъ и придворный проповѣдникъ Императора Карла V, епископъ Gvadix'а въ Гранадѣ, а позднѣе въ Mondonedo, происходилъ изъ маленькой провинціи Alava въ Кастиліи († 10 Апрѣля 1544).

⁴) Лондонъ, 1621; Парижъ, 1622, 2 тома; Лейденъ, 1630; лучшее изданіе Эльзевира, Нюренбергъ 1769—1776 и много переводовъ.

писанія, видомъ убо богочтенія покровенная, обаче того самаго ради жесточае ко смущенію и не покорству народъ поощряющая"[1]).

Но въ „Словѣ о власти и чести царской" не забылъ Θеофанъ и „нашихъ нѣкіихъ мудрецовъ". „Суть нѣцыи,— говоритъ онъ,—(и далъ бы Богъ, дабы не были многіи) или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхоліею помрачаеми, которыи таковаго нѣкоего въ мысли своей имѣютъ урода, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что либо увидятъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и не богопротивно... Таковыхъ еллини древніи нарицали, місанθропи, сі есть, человѣконенавистницы. И сіи наипаче славы безчестити не трепещутъ и всякую власть мірскую, не точію не за дѣло Божіе имѣютъ, но и въ мерзость вмѣняютъ... и тако о державѣ верховной ниже помыслити хотятъ, быти ю праведну и отъ Бога узаконену" (ib. 241—243).

Взгляды монархомаховъ, папистовъ и нашихъ „мисанθроповъ" Θеофанъ опровергаетъ отъ разума и отъ Писанія. „Извѣстно убо имамы,— говоритъ онъ,—яко власть верховная отъ самаго естества начало и вину пріемлетъ: аще отъ естества; то отъ самаго Бога создателя естества. Аще бо первыя власти начало и отъ человѣческаго сословія и согласія происходитъ, обаче понеже естественный законъ на сердцѣ человѣческомъ отъ Бога написанный требуетъ себѣ сильнаго защитника, и совѣсть тогожде искати понуждаетъ (яже и сама сѣмя Божіе есть), того ради не можемъ не нарещи самаго Бога властей державныхъ виновника. Отъ сего же купно явѣ есть, яко естество учитъ насъ и о повиновеніи властемъ должномъ. Вниди внутрь себе, и помысли сіе: власть державная естественному закону есть нуждна: не скажетъ ли абіе тебѣ совѣсть твоя? убо власти не повиноватися, на законъ естественный грѣшити есть. Помысли сіе: власть творитъ, яко безбѣдніи пребываемъ: не скажетъ ли абіе совѣсть? убо властей не хотѣти, есть хотѣти погибели человѣческой. Еще помысли: вижу власть отъ Бога быти нашимъ здравымъ разумомъ намъ узаконяемую: не наведетъ ли совѣсть? убо властемъ противитися, есть противитися Богу самому. И то то есть что и самыи аθеисты (хотя таковіи по совѣсти своей не суть) совѣтуютъ, дабы въ народѣ Богъ проповѣданъ былъ: чесо ради? инако, рече, вознерадитъ народъ о властехъ. Явѣ убо, яко совѣсть человѣческая отъ Бога власть быти видитъ, и Бога ради властей боятися понуждаетъ" (ib. 247—248).

Чтобы доказать божественное происхожденіе власти отъ Писаній, Θеофанъ привелъ, кажется, всѣ относящіеся сюда тексты. Но этого ему казалось мало. Ему нужно было показать, что по Св. Писанію монархи суть „Бози и Хрісты"[2]), т. е. помазанники (ib. стр. 251—252). Отсюда слѣ-

---

[1]) См. т. II нашей работы, № 11.—Ср. *Б. Н. Чичерина*, Исторія политическихъ ученій. Ч. I, М. 1869, стр. 377—414.

[2]) Ср. слова Θеофана въ его проектѣ посланія восточнымъ патріархамъ отъ Св. Синода, т. II, прилож. № 9 въ началѣ и въ „Розыскѣ" о понтифексѣ (тамъ же прилож. № 10), гл. XXVII.

дуетъ, что царю должно повиноваться „не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть“[1]), „яко намѣстнику Божію“ (стр. 252—253).

Этому общему ученію о повиновеніи царской власти Ѳеофанъ ставитъ, однако, возраженіе. „Помыслитъ кто, и многіи мыслятъ, что не вси весьма людіе симъ должепствомъ обязаны суть, но нѣкіи выключаются, имянно же *священство и монашество. Се тернъ*, или паче рещи *жало*, но жало се зміино есть,—говоритъ авторъ,—*папѣжскій се духъ*, но не вѣмъ, какъ то досягающій и касающійся насъ, *священство бо иное дѣло, иный чинъ есть въ народѣ, а не иное государство*“ (ib. стр. 257).

Какъ видно, въ послѣднихъ словахъ заключается самое центральное, основное положеніе церковно-политическаго міровоззрѣнія Ѳеофана. Судя по нимъ, Ѳеофанъ не признаетъ за церковной властью характера самобытности, юридической независимости. По его мнѣнію священство есть не болѣе какъ *особая профессія* въ общественной жизни, *руководимой, однако, лишь одной государственной властью*. Это вполнѣ отвѣчаетъ теоріи государственнаго абсолютизма Гоббса, которому такъ подражалъ Ѳеофанъ въ „*Правдѣ воли монаршей*“, и теоріи территоріальнаго верховенства, заимствованной имъ отъ Пуфендорфа и др. философовъ школы естественнаго права[2]). Свою мысль Ѳеофанъ поясняетъ слѣдующими разсужденіями: „А якоже иное дѣло воинству, иное гражданству, иное врачамъ, иное художникамъ различнымъ, *обаче вси съ дѣлами своими верховной власти подлежатъ: тако и пастыріе, и учителіе, и просто вси духовніи имѣютъ собственное свое дѣло, еже быти служители Божіими, и строители таинъ Его, обаче и повелѣнію властей державныхъ покорены суть, да въ дѣлѣ званія своего пребываютъ, и наказанію, аще не пребываютъ*: кольми паче аще общаго себѣ съ прочіимъ народомъ долженства не творятъ“ (ib. стр. 257—258). Въ подтвержденіе своихъ словъ Ѳеофанъ ссылается на примѣры Ветхаго Завѣта, а изъ Новаго опирается на слова Ап. Павла (Рим. 13 ст. 1): *всяка* душа властямъ предержащимъ да повинуется“. Если сказано „*всяка* душа“, то, значитъ, для духовенства нѣтъ исключенія (ib. стр. 259—260). Кромѣ того Ѳеофанъ ссылается на Византійскую исторію, на положеніе императоровъ по отношенію къ церковнымъ соборамъ и на изданіе ими законовъ и повелѣній клиру и всей Церкви (ib. стр. 260—261). Конецъ „Слова“ (стр. 262—268) не представляетъ для насъ интереса.

„Розыскъ“ о Понтифексѣ. „Слово о власти и чести Царской“ было произнесено Ѳеофаномъ еще 6 Апрѣля 1718 г., когда рѣшительныхъ шаговъ къ учрежденію Духовной Коллегіи еще не было предпринято. Какъ увидимъ ниже, первый разъ мысль о ней была выражена Петромъ лишь 20 ноября 1718 года. Но когда составленъ былъ Духовный Регламентъ и открыта была Духовная Коллегія 14 февраля 1721 г., теорія государственной

---

[1]) Въ этомъ „Словѣ“ особенно опредѣленно выражено требованіе „повиноваться не за гнѣвъ, а за совѣсть“. Ср. Дух. Регл. ч. I, п. 2, ниже т. II, Черн. рук. л. 3.

[2]) См. выписки ниже въ VII гл.

церковности, такъ красно проповѣданная Ѳеофаномъ, перешла въ дѣйствительность и несомнѣнно вызвала ропотъ духовенства и народа. Ѳеофану пришлось тогда защищать свое дѣло церковной реформы въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, при чемъ апологія *юридическаго* подчиненія Церкви верховной свѣтской власти была развита имъ въ „*Розыскѣ*" о понтифексѣ. По нѣкоторымъ даннымъ можно даже думать, что въ этомъ сочиненіи Ѳеофанъ излагалъ не только свои мысли, но косвенно и убѣжденіе самого Петра: „Богу изволившу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, *я имъ обое— государь и патріархъ*, они забыли, *въ самой древности сіе было совокупно*"[1]).

Въ виду того, что самое сочиненіе Ѳеофана „Розыскъ" о понтифексѣ переиздано нами во второмъ томѣ настоящей работы съ небольшимъ, но существенно важнымъ, съ нашей точки зрѣнія, введеніемъ къ нему, здѣсь возможно ограничиться передачей самыхъ основныхъ его положеній. Для этого воспользуемся словами самого Ѳеофана, сказанными имъ въ возраженіяхъ на Критику Маркелла Родышевскаго. Въ „книжицѣ о Императорѣ—Понтифексѣ",—говоритъ ея авторъ,—„ясно показано, что *царь всему духовному чину есть судія и повелитель, а они, всякій чинъ и самъ патріархъ цару суть подвластныи и подсудныи, какъ и прочіи подданныи*". Эта мысль раскрыта въ сочиненіи въ такой послѣдовательности. Царь Римскій Нума Помпилій учредилъ должность понтифексовъ. Главный среди нихъ получилъ титулъ: Pontifex maximus: (§ I). Его обязанности были двоякія: священнодѣйствовать и управлять со властію (II). Ему даны были особыя привилегіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставлены и ограниченія (III—IV). Этими привилегіями для возвышенія своей власти пожелали воспользоваться римскіе императоры (V). Но ограниченій понтифексовъ они на себя не приняли (VI). Такимъ образомъ римскіе императоры стали вмѣстѣ съ тѣмъ великими понтифексами и пользовались фактически ихъ правами власти въ религіозныхъ дѣлахъ; однако не священнодѣйствовали (VII). Первые христіанскіе императоры тоже именовались великими понтифексами, и пользовались ихъ властью, но также не священнодѣйствовали (VIII—IX). Пользоваться же властію великаго понтифекса имъ не было грѣшно (X). Эта первая часть трактата заключается словами: „До здѣ на первой вопросъ о Императорскомъ Архіерействѣ, гдѣ ясно показалося, *что христіанстіи Императоры понтифическую власть и титлу имѣли, не въ церкви, и не въ законѣ христіанстѣмъ, но между язычниками*" (т. II, отд. III, стр. 11).

Но этотъ отрицательный выводъ самъ собою еще обманчивъ, ибо Ѳеофанъ тутъ же ставитъ новый вопросъ: „Разсудимъ уже, что отвѣтствовать имамы на другій вопросъ, иже есть: *въ законѣ христіанстѣмъ, христіанстіи государи могутъ ли нарещися епископы и архіереи, и въ какомъ разумѣ"?* (стр. 11). Въ отвѣтъ на это Ѳеофанъ анализируетъ поня-

[1]) Ср. въ „Обзорѣ" разсказы Нартова и примѣчанія къ нимъ.

тіе епископа и толкуетъ его, какъ „надсмотрщика, стража, наблюдателя". Таковые были у язычниковъ, остались они и у христіанъ (XI—XII). Отсюда слѣдуетъ, что „имя Епископъ не по священнодѣйствію, но по долженству надсмотренія, наблюденія, правленія, лежитъ на пастыряхъ" (стр. 12). Напротивъ, имя архіерея обозначаетъ священно-начальника, совершающаго священнодѣйствіе. Такъ было въ древности, такъ осталось и у христіанъ, „и не было сіе имя на иныхъ чінахъ никакова священнодѣйствія не касающихся, якоже имя епископъ и чинамъ не священнымъ служило" (XIII, стр. 12). Однако, священство присуще и всѣмъ христіанамъ[1]), но по преимуществу іереямъ и архіереямъ, которые, подобно великимъ понтифексамъ совмѣщаютъ и священнодѣйствіе (жречество) и власть въ религіи (XIV). Въ виду изложеннаго различія именъ „епископъ" и „архіерей", Ѳеофанъ даетъ и отвѣтъ на свой второй вопросъ, а именно: государи могутъ называться и суть не только епископы, но даже епископы епископовъ своего народа, какъ имѣющіе „самый верховный надъ всенародными дѣлами надсмотръ" (XV—XVI[2]), и если они обыкновенно такъ не называются, то все-таки могутъ быть названы, въ виду фактически присущей имъ власти. Далѣе идутъ доказательства изъ исторіи (XVII—XVIII). Но затѣмъ Ѳеофанъ ставитъ вопросъ о титулѣ архіерея и отвѣчаетъ: поскольку священство присуще всѣмъ христіанамъ, постольку и государь есть іерей и даже архіерей, „яко надъ толикимъ священства множествомъ, то есть, надъ народомъ христіанскимъ себѣ подданнымъ державу имущій" (XIX, стр. 16). Но въ собственномъ, нарочитомъ смыслѣ государь не есть архіерей, ибо не имѣетъ рукоположенія и не священнодѣйствуетъ (XX). Дальнѣйшіе §§ XXI—XXX заключаютъ лишь доказательства этой послѣдней мысли.

Такимъ образомъ, оказывается, что христіанскіе государи по отношенію къ христіанской Церкви суть такіе же императоры—великіе понтифексы, какими были и римскіе по отношенію къ языческой религіи Рима. И тѣ и другіе не участвовали въ священнодѣйствіи, но имѣли и имѣютъ право управлять духовенствомъ и религіозными дѣлами въ силу присущей имъ верховной государственной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ разсужденій ясно, что Церковь и духовенство не можетъ считаться обособленнымъ институтомъ, но является составною частью самаго государства.

Если таковы были общія теоретическія разсужденія Ѳеофана, то легко предвидѣть, каково должно было быть приложеніе ихъ на практикѣ. Живымъ свидѣтелемъ этого и была Духовная Коллегія со своимъ Духовнымъ Регламентомъ. И хотя впослѣдствіи она и превратилась въ „Св. Синодъ", т. е. внѣшне оцерковилась, тѣмъ не менѣе существо дѣла осталось прежнее.

---

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Ѳеофанъ повторяетъ самого себя (ср. Дух. Регл., Черн. рук. л. 31 об.) и вновь замѣчательно близко совпадаетъ съ мыслями Лютера, выраженными имъ въ сочиненіи „Христіанскому дворянству нѣмецкой націи". Параллельное мѣсто приведено будетъ ниже въ комментаріяхъ къ указанному мѣсту Духовнаго Регламента.

[2]) Любопытно отмѣтить, что въ этомъ мѣстѣ Ѳеофанъ самъ ссылается на свое „Слово о власти и чести царской".

Возраженія на критику Маркелла Родышевскаго. Чтобы покончить съ церковно-политическими взглядами Өеофана любопытно привести еще нѣсколько словъ, гдѣ онъ защищаетъ свое дѣтище противъ нападокъ на Духовный Регламентъ Маркелла Родышевскаго[1]). Въ своихъ отвѣтныхъ пунктахъ Өеофанъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее.

„11. На стр. 110. (Маркеллъ) ругаетъ уставленный Синодъ, сказуя что никогда даже доселѣ не бывало такъ, ниже гдѣ-либо въ исторіяхъ писано. Опять, мотъ, хвастаетъ, подая вѣдать, будто бы онъ вси книги, вси исторіи прочелъ. А если бы онъ столко лгалъ, плуталъ и кралъ, сколко онъ же историй прочиталъ, то весма былъ бы добрый человѣкъ. Правда, что о Синодалныхъ Правителствахъ нигдѣ въ исторіяхъ не написано, да въ тѣхъ исторіяхъ, которые онъ видѣлъ. Примѣчать же и здѣ надобно, что какія онъ здѣ рѣчи написалъ, такіи и въ извѣстномъ пашквилѣ написаны".— „12. На стр. 77. Похваляетъ чинъ Патріаршескій, да такъ скудно и студено, что сами патріархи, въ награжденіе такова чина своего похвалы осудили бы его на плети и на шелепы и на вѣчную ссылку. Ибо онъ говоритъ первѣе, что самъ Богъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ узаконилъ Патріаршество, разумѣетъ великаго ветхозавѣтнаго Архіерея. Охъ, какая богословія! Слово въ слово какъ бы кто, потщався показать, что короваи, къ Свѣтлому Воскресенію печеные (по нѣкоему глухому въ народѣ обычаю), суть прямые Пасхи, какъ ихъ люде простыи называютъ, и что ихъ весма должны Христіяны употреблять, приводилъ бы на доказателство того узаконенную отъ Бога въ Ветхомъ Завѣтѣ Пасху. А потомъ изъ Новаго Завѣта показуетъ узаконенное Богомъ Патріаршество, изъ оныхъ Павла Апостола, Дѣяній въ главѣ 20, словесъ (внимайте себе и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы), гдѣ Епископы не Архіереи, но простые попы разумѣются, понеже въ той же, въ стихѣ 18, пресвитерами церковными Лука Святый нарицаетъ. Да и въ единомъ городѣ нелзя быть многимъ, какъ оные были въ единомъ Ефесѣ, Епископомъ Архіереомъ. Придаетъ же книжникъ намъ и то, яко бы Патріаршество на первомъ Никейскомъ Соборѣ утверждено. А то кой же ктось, нѣчто отъ него лучшій, и въ ухо пошепнулъ. Но, во первыхъ, во время онаго Собора ниже слышано во христіанехъ имени Патріаршаго въ такой силѣ, какъ послѣ стало. Другое, Никейскій Соборъ, въ правилѣ шестомъ, утверждаетъ Александрійскому и Антіохійскому Епископамъ поставленіе нѣкіихъ городовыхъ Епископовъ, по силѣ Митрополическаго первенства. Третее, оное превосходство Александрійскаго нарыцаетъ Соборъ обычаемъ, а не Божіимъ узаконеніемъ. Что же се до Патріаршества? Такъ то силно чинъ Патріаршій утвердилъ законоучитель нашъ церковный. Однако жъ, будто бы непобѣдимую побѣду получивъ, повелителнѣ о бытіи Патріарха приговарываетъ: (И нынѣ, де, бысть, коль добро и благоугодно (можетъ быть богоугодно) и всячески надлежитъ, яко отъ самого Бога узаконенъ есть чинъ сей). Тамъ же".—„13. На стр. 110 и

[1]) См. Критику Маркелла Родышевскаго во II томѣ, прилож. № 14.

111. Паки Патріаршества домогается. И что еще изблевалъ (въ благочестивыхъ всѣхъ государствахъ по всей вселенной два главнѣйшіи бывали высочайшіи властители въ гражданскихъ дѣлахъ всѣхъ Царь или Князь, въ духовныхъ же высочайшій Епископъ, еже есть Митрополитъ, или Патріархъ)? Если бы онъ выписалъ здѣ рѣчи Іустиніановы, въ Кормчіи листъ 106 на оборотѣ, гдѣ дѣло Царское и дѣло Архіерейское, каковыя суть, соразсуждаются, то бы не было подозрѣнія къ смутѣ. Ибо хотя дѣло Архіерейское Царами и не дѣйствуется, однако же Царь всѣмъ Архіереомъ и самому Патріарху Государь и Повелитель, и если они въ дѣлѣ своемъ не по званію своему обходятся, то и крайній имъ судія. Но сей биричь нашъ не то загремилъ: Цара и Патріарха назвалъ главнѣйшія высочайщія власти, чѣмъ внущаетъ народу, что какъ Патріарху до Цара въ дѣлахъ гражданскихъ дѣла нѣтъ, такъ и Цару нѣтъ дѣла до Патріарха въ духовныхъ дѣлахъ. И одна изъ сихъ двоихъ властей отъ другой не зависитъ, одна другой не подлежитъ. Да и еще не все то, но туда онъ клонитъ, что Патріарху Царя въ погрѣшеніи судить, а Патріархъ Цару ни въ чемъ прекословенъ. Таковъ рѣчей его разумъ не трудно намъ знать по тому, что такъ о Папѣ своемъ мудрствуютъ Паписты, а онъ имѣлъ себѣ совѣтниковъ, Папскимъ духомъ въ Іезуитскихъ школахъ опоеныхъ. А другое, особливо тожъ и ясно покажемъ мы съ выписокъ его, которые онъ выписалъ изъ Бароніевыхъ исторій, на Русскій языкъ переведеныхъ. Третее, что онъ съ товарищи своими порочили нашу книжицу о Императорѣ Понтифексѣ, въ которой они ничего ни себѣ, ниже кому иному противнаго не усмотрѣли, кромѣ того, что въ ней ясно показано, что Царь всему духовному чину есть судія и повелитель, а они, всякій чинъ и самъ Патріархъ Цару суть подвластныи и подсудимыи, какъ и прочіи подданыи. И тожъ то духовнымъ властолюбцамъ, Патріаршества возжелавшимъ, роженъ и пыль въ глаза. А сей ихъ стряпчій покусился ихъ съ подъ Царской власти выдвигнуть, и сія напачкалъ въ надежду таковую, что если бы Патріаршество опять возстановлено и книгу его сію апробовано и напечатано, то бы потомъ не трудно было Патріарху съ всѣми духовными властьми отъ Царской власти отрѣшиться, а онъ, яко толикаго дѣла совершитель, былъ бы по Патріархѣ первый. Да лихо своимъ себе голоскомъ обманула ворона поганая"[1]).

Ѳеофановы оправданія учрежденія Духовной Коллегіи. Какъ сказано было выше, тотчасъ по учрежденіи Духовной Коллегіи, Ѳеофану пришлось оправдывать сдѣланное дѣло тѣмъ болѣе, что до этого момента не были спокойно спрошены ни русское духовенство, ни русскій народъ, ни восточные патріархи. И Ѳеофанъ дѣйствительно старался обосновать совершенную реформу съ разныхъ сторонъ. Его оправданія съ точки зрѣнія правъ верховной власти изложены только что выше, въ связи съ выясненіемъ его личныхъ церковно-политическихъ воззрѣній. Но кромѣ того, Ѳеофанъ выдвинулъ еще точки зрѣнія *утилитарную*, *историческую* и, наконецъ, *каноническую*. На нихъ слѣдуетъ остановиться.

[1]) Чтенія въ О. И. и Др. Р. за 1862 г., кн. I, стр. 68—70.

Ожиданіе пользы отъ учрежденія Духовной Коллегіи. Утилитарная точка зрѣнія была выражена Ѳеофаномъ въ его проповѣди, сказанной „при началѣ Св. Пр. Синода“ 14-го февраля 1721 г., т. е. въ день его открытія[1]). Эта проповѣдь, составленная на слова Евангелія отъ Іоанна (XV, 16): „избрахъ васъ, и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ“, заключала въ себѣ анализъ этого текста примѣнительно къ „Синедріи нашей“ въ ея „преддверіи“. Ѳеофанъ говоритъ, что для всякаго дѣла существуютъ два стимула: ожиданіе „великой прибыли, корысти, славы“ или, напротивъ, ожиданіе великихъ бѣдъ, отъ неисполненія его. „Коей (же) пользы надѣятися отъ правительства духовнаго“? (стр. 65). Самый вопросъ этотъ кажется Ѳеофану празднымъ. Правда, есть люди, которые думаютъ, что „у насъ, слава Богу, все хорошо, и не требуютъ здравіи врача, но болящіи“ (стр. 66). Но авторъ выясняетъ: „Какой бо у насъ миръ? какое здравіе наше? До того пришло, что всякъ, хотя бы пребеззаконнѣйшій, думаетъ себе быти честна и паче прочіихъ святѣйша, какъ френетикъ: то наше здравіе. До того пришло, что чють не вси бревна въ своемъ оцѣ не ощущающіи, сучецъ усматриваемъ во очесахъ ближняго: то нашъ миръ. До того пришло, что и пріемшіи власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія, еже апостолъ млекомъ нарицаетъ, не вѣдаютъ. До того пришло, и въ тая мы времена родилися, когда слѣпіи слѣпыхъ водятъ, саміи грубѣйшіи невѣжди богословствуютъ, и догматы смѣха достойныя пишутъ, ученія бѣсовская предаютъ, и во преданіи бабіимъ баснемъ скоро вѣруется, прямое же и основательное ученіе не точію не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угроженія, вмѣсто возмездія пріемлетъ. Таковъ нашъ миръ, таково здравіе наше“ (стр. 66—67). „Видя же сіе,— продолжаетъ Ѳеофанъ,— видимъ, какъ нужное дѣло твое, Духовная Коллегія, видимъ море купли твоей, видимъ широкую ниву жатвы твоей, видимъ пространный вертоградъ собранія плодовъ тебѣ указаннаго; аще бо и всѣмъ мѣстнымъ, какъ меншимъ, такъ и большимъ пастыремъ тоежъ дѣло, тотъ же долгъ; но часть долженства, на тебѣ же цѣлое лежитъ: инымъ мѣсто дому, тебѣ весь сей въ Россіи домъ Божій ввѣренъ: инымъ дѣлати, тебѣ и дѣлати, и дабы правильно дѣлалось, наблюдати, наставляти и настояти подобаетъ“ (стр. 67—68).

Въ виду ожидаемой отъ Духовной Коллегіи пользы, Ѳеофанъ обращается и къ Петру со словами: „Припадаемъ же и къ тебѣ верховный по Бозѣ отечества и Церкви управителю, Богомъ данный Монархо нашъ: дѣло сіе преполезное, общее сіе Церкви Россійскія правительство тебѣ на сердцѣ положивъ Богъ, тобою воздвиглъ и уставилъ: отъ тебе убо требуетъ, да и крѣпко, сильно и безпечально пребудетъ. О коль милостивое о тебѣ смотреніе Божіе видимъ!“ и т. д. (стр. 68—69). Кончается слово просьбой къ гражданскимъ и воинскимъ правителямъ о содѣйствіи вновь открываемому учрежденію (стр. 70).

---

[1]) Слова и Рѣчи, II, 63—70.—*П. Морозовъ*, стр. 263.

Историческія основанія. Отмѣна патріаршества, какъ мысленно соглашается Ѳеофанъ, была бы, пожалуй не основательна, если бы можно было утверждать, что въ исторіи христіанской Церкви патріархи были всегда. На этомъ, какъ можно видѣть изъ Критики Маркелла Родышевскаго, и стояли идейные противники Ѳеофана. Для доказательства обратнаго Ѳеофанъ и писалъ историческія сочиненія по данному вопросу. Однако, не ясно, одно или болѣе, и если болѣе, то какія.

Въ числѣ книгъ изданныхъ, или только составленныхъ при Петрѣ Великомъ, подходящаго сюда содержанія Голиковъ упоминаетъ: 1) „О возношеніи имени патріаршаго въ церковныхъ молитвахъ, чего ради оное нынѣ въ церквахъ россійскихъ оставлено. 1721“ (см. О. А. Св. С. т. I, CCXXXV—CCXLIV). 2) Вышеизложенный „Розыскъ“ о понтифексѣ 1721 и 3) рукописный „Трактатъ, въ которомъ изъясняется, съ коего времени началось патріаршее достоинство въ Церкви 1720“[1]). Однако, послѣднее сочиненіе, какъ и 4-е, упоминаемое Голиковымъ[2]): „Аргументы изъ соборовъ, декретовъ и дипломовъ императорскихъ, которыми доказывается, что императоры имѣли попеченіе о Церкви“, до сихъ поръ не разысканы и можно думать, что никогда особо не были изданы[3]). Вѣрнѣе всего, что „Трактатъ“ вошелъ въ сочиненіе „О возношеніи имени патріаршаго“, а „Аргументы“—въ „Розыскъ“ о понтифексѣ. На это указываетъ ихъ содержаніе.

Такимъ образомъ, для выясненія историческихъ доказательствъ, мы располагаемъ однимъ только упомянутымъ сочиненіемъ Ѳеофана „О возношеніи имени патріаршаго“[4]). И въ немъ мы дѣйствительно находимъ мысль, косвенно выражающую, что не всегда и не всюду были патріархи, „но и были прежде, и доселѣ обрѣтаются престоли архіерейстіи ни единому отъ оныхъ патріарховъ подлежащіи, и потому самоглавныя нарицаемыя, а именно: Карѳагенскій, Константійскій на Кипрѣ, Иверійскій, Ахридскій, Терновскій, Пекскій, Московскій“ и т. д. „Но и самоглавныя оныя престоли не всѣ Патріаршую титлу имѣютъ“[5]).

Каноническое оправданіе Духовной Коллегіи. Ѳеофану нужно было, однако, обосновать правомѣрность учрежденія Духовной Коллегіи на церковныхъ канонахъ, показать, что въ замѣнѣ ею патріаршества нѣтъ не только никакого нарушенія православной традиціи, но напротивъ, скорѣе возвращеніе къ чистой формѣ соборнаго устройства. Это нужно было сдѣлать особенно тогда, когда фактъ совершился и насталъ моментъ въ возможно приличной и благовидной формѣ сообщить объ этомъ восточнымъ патріархамъ. Ѳеофанъ составилъ „форму“ такого „письма“ отъ имени Св. Синода[6]), гдѣ, ме-

---

1) *Голиковъ*, Дѣянія IX, 474 и 475. 2) Ibidem, 476.

3) Хотя о „Трактатѣ“ упоминаетъ самъ Ѳеофанъ въ письмѣ къ Маркевичу. *Чистовичъ*, стр. 48, § 5. Со словъ Голикова упоминаетъ о немъ и *М. Евгеній*, Словарь писателей духовнаго чина, II, 317, § 6.

4) О немъ см. еще гл. XIV. 5) О. А. С. С. т. I, столбцы CCXL—CCXLI.

6) Текстъ его см. ниже въ т. II, отд. II, № 9.—Подробный анализъ содержанія см. ниже т. I, гл. XIV.

жду прочимъ, заявляетъ, что новое учрежденіе не только полезно, но и согласно, будто бы, съ апостольскимъ обычаемъ (Дѣян. XV), съ церковными правилами о соборахъ и даже со словами Самого Спасителя у Мѳ. 18, ст. 19.

Правда, Ѳеофану уже легче было справиться со своей задачей, ибо Духовная Коллегія уже въ день своего открытія получила болѣе приличный для слуха православнаго человѣка титулъ Св. Синода[1]). Тѣмъ не менѣе доказать тождество Св. Синода, этого *государственнаго учрежденія, со свободно составляемыми церковными соборами,* о которыхъ говорятъ каноны, ни тогда, ни послѣ Ѳеофану не удалось.

Отсюда мы видимъ, что сильный, когда дѣло касалось *политическихъ* взглядовъ на полноту абсолютной государственной власти во всѣхъ дѣлахъ, мірскихъ и церковныхъ, твердый въ своемъ упованіи на ожидаемую пользу отъ Духовной Коллегіи въ дѣлѣ цивилизаціи Русскаго народа, способный доказать даже историческое непостоянство патріаршаго сана, который вслѣдствіе этого можно было и отмѣнить,—Ѳеофанъ оказался слабымъ въ дѣлѣ обоснованія на церковныхъ канонахъ такого учрежденія, прототипомъ котораго для него, несомнѣнно, послужили не церковные соборы, а протестантскія консисторіи, и которое самъ онъ, въ дружескомъ письмѣ къ Маркевичу 10 мая 1720 г., называлъ его настоящимъ именемъ: *Collegium* seu *Consistorium* Ecclesiasticum Generalis[2]).

---

[1]) Ср. впечатлѣнія *Ю. Ѳ. Самарина* отъ названія „Духовная Коллегія" выше въ „Обзорѣ", подъ его именемъ.

[2]) Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovitsch, variis et de variis amicos datae. M. 1776. Epist. IX. Въ Русскомъ переводѣ см. Труды Кіев. Дух. Акад. 1865, Февраль, 287—294.—*И. А. Чистовичъ*, 47.

Отдѣлъ второй.

Духовная Коллегія и Духовный Регламентъ.

Глава V.

Учрежденіе Духовной Коллегіи и составленіе Духовнаго Регламента.

§ 1. Откуда и когда явилась мысль объ учрежденіи Духовной Коллегіи.

Проекты. Учрежденіе Духовной Коллегіи стоитъ въ исторіи не одиноко. Какъ до нея, такъ и послѣ нея былъ учрежденъ цѣлый рядъ государственныхъ коллегій, появленіе которыхъ въ системѣ центральнаго управленія Русскаго государства и составляетъ, какъ разъ одну изъ характерныхъ чертъ царствованія Петра Великаго, какъ эпохи реформъ. Поэтому, изучая вопросъ о томъ, откуда явилась мысль объ учрежденіи собственно *Духовной* Коллегіи, нельзя обойти совсѣмъ безъ вниманія исторію учрежденія въ Россіи коллегій вообще. Впрочемъ, излагать здѣсь подробно эту исторію нѣтъ не только надобности, но и основаній, такъ какъ настоящее изслѣдованіе имѣетъ свою спеціальную цѣль[1]). Лишь для полноты и отчетливости въ уясненіи интересующаго насъ вопроса о томъ, откуда же явилась мысль объ учрежденіи именно Духовной Коллегіи, необходимо все-таки прослѣдить, не было ли въ *проектахъ* учрежденія государственныхъ коллегій какихъ-либо упоминаній о желательности учрежденія и Духовной Коллегіи?

Первый извѣстный наукѣ проектъ учрежденія коллегій былъ поданъ Петру еще въ началѣ 1698 г. во время пребыванія его въ Англіи. „По его собственной просьбѣ (at his own request)" нѣкто Francis Lee[2]), человѣкъ выдающейся учености, представилъ царю проектъ организаціи управленія (for the right framing of his government) и учрежденія семи коллегій, а именно: 1) for the advancement of learning (коллегія для поощренія ученія); 2) for the improvement of nature (для усовершенствованія природы, т. е. для ея изученія); 3) for the encouragement of arts (для поощренія художествъ);

---

[1]) См. *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго. Спб. 1892, 2 изд. 1905 г.—*П. Н. Милюковъ*, „Коллегіи" въ Энц. Сл. Эфрона 1-е изд. XV, 692—693.—*Э Н. Берендтсъ*, Баронъ А. Х. ф. Люберасъ и его записки объ устройствѣ коллегій въ Россіи, Спб. 1891.—*Его-же*, Нѣсколько словъ о коллегіяхъ Петра Великаго. Ярославль, 1896—*Его-же*, Опытъ системы административнаго права.—*А. Д. Градовскій*, Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры. Собр. Соч. Спб. 1899, т. I и др.

[2]) „Francis Lee (1661—1719) филантропъ, оріенталистъ, въ 1697 г. основалъ Филадельфійское общество. По характеру своихъ религіозныхъ воззрѣній склоненъ къ католицизму и мистицизму, что замѣчается и въ его сочиненіяхъ (списокъ ихъ см. въ Nat. Biogr. XXXII, 351)". *В. Н. Александренко*, Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. Варшава, 1897, т. I, стр. 463.

4) for the increase of merchandize (для развитія торговли); 5) for reformation of manners (для улучшенія нравовъ); 6) for compilation of laws (для кодификаціи законовъ); 7) for the propagation of the Christian religion (для распространенія христіанской религіи).

Къ той области, которая впослѣдствіи составила компетенцію Духовной Коллегіи, очевидно, относятся проектированныя Ли коллегіи: первая— для поощренія ученія; пятая—для улучшенія нравовъ; и седьмая—для распространенія христіанской вѣры. Однако Ли даетъ имъ такіе директивы, что нѣтъ возможности въ его проектѣ видѣть прямой толчокъ къ учрежденію Духовной Коллегіи. По проекту Ли коллегія для поощренія ученія должна состоять изъ 5—7 членовъ и насаждать, конечно, только полезное и серьезное образованіе, особенно же знаніе прикладной математики, необходимой для практическихъ цѣлей. Коллегія для улучшенія нравовъ, должна наблюдать за общественной и частной нравственностью, пороки преслѣдовать, добродѣтель же поощрять. Она должна состоять, по крайней мѣрѣ, изъ 24 членовъ не моложе 40 лѣтъ. Два цензора должны объѣзжать государство, наблюдая и приводя въ извѣстность вѣрность слугъ, послушаніе дѣтей, вѣрность женъ мужьямъ, умѣренность жизни и т. под. Наконецъ, коллегія для распространенія христіанской религіи должна была заботиться о лучшихъ способахъ пропаганды и, между прочимъ, о напечатаніи Священнаго Писанія на славянскомъ языкѣ. Кромѣ этого Ли предлагалъ установить цѣлую систему инстанцій, подвергать духовныхъ лицъ строгому испытанію, а также установить особый порядокъ метрическихъ записей о рожденіи, бракахъ и смерти, производить этимъ даннымъ ежемѣсячный подсчетъ и т. д.[1]).

„Особенность проекта Ли, какъ замѣчаетъ В. Н. Александренко[2]), заключается въ его абстрактности, доктринерствѣ, отвѣчающемъ, впрочемъ, религіозному прозелитизму этого англичанина". Со своей стороны Брикнеръ находитъ, что Ли предлагаетъ сразу такъ много, съ такою наивностью, нисколько не считаясь съ условіями русской жизни, что его доктринерскій проектъ годился бы ко всякому государству. И если многое изъ предложеннаго Ли потомъ было осуществлено, то все-таки оно явилось развѣ только косвеннымъ плодомъ воспринятыхъ за границею и отъ проекта Ли впечатлѣній[3]). По мнѣнію же П. Н. Милюкова „предложенныя Ли коллегіи имѣютъ мало отношенія къ позднѣйшимъ и о дальнѣйшей судьбѣ его предло-

---

[1]) Проектъ *Francis Lee*: Proposals given to Peter the great Czar of Muscovy, anno 1698. At. his own Request, приложенъ къ его сочиненію: Ἀπολειπόμενα or Dissertations theological, mathematical, and physical etc. by the late pious and learned Francis Lee M. D., изд. 1752 г. (И. Публ. Биб. отд. Rossica 13. 19. 6. 70). Изложеніе проекта Ли см. у Brückner, Peter der Grosse, Berlin, 1888, SS. 215—216. (Русскій переводъ въ изд. Сойкина, т. I, 258—260), и у *В. Н. Александренко,* Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. Варшава, 1897, т. I, стр. 463—464.

[2]) *Александренко,* назв. соч., 463—464.

[3]) *Брикнеръ*, рус. пер. I, 260; нѣм. 216.

женій намъ ничего не извѣстно". Онъ думаетъ, что „кромѣ четвертой, ни одну изъ коллегій Ли нельзя сопоставить съ позднѣйшими"[1]). Такимъ образомъ, если нельзя усматривать прямой связи между проектомъ Ли и учрежденіемъ въ Россіи *государственныхъ* коллегій, тѣмъ меньше могло быть зависимости отъ него въ дѣлѣ учрежденія Духовной Коллегіи. Помимо общаго доктринерства и отвлеченности, проектъ Ли заботился вообще о поднятіи нравственности и распространеніи религіи и совершенно не былъ приспособленъ къ реальнымъ задачамъ правительства въ дѣлѣ усовершенствованія церковнаго быта въ Россіи.

Второе упоминаніе о коллежскомъ строѣ видятъ въ манифестѣ 1702 года о вызовѣ иностранцевъ въ Россію. Здѣсь правительство сообщаетъ о своемъ рѣшеніи устроить „ein ordentliches geheimbdes Kriegs-Raths-Collegium", т. е. Военную Коллегію[2]).

Третье упоминаніе встрѣчается въ 1711 г., въ „меморіалѣ", поданномъ „рудокопнымъ офицеромъ" Іоганномъ Фридрихомъ Блигеромъ, который предлагалъ, для правильнаго развитія горнодѣлія, „опредѣлить коллегіумъ, который состоитъ въ искусныхъ сему художеству особахъ, которому полную дирекцію сего дѣла повѣрить". Предложеніе Блигера принято не было[3]).

Въ 1711 году Петръ познакомился съ Лейбницемъ, которому также приписывали прежде подачу Петру проекта учрежденія коллегій. Въ настоящее время, послѣ изслѣдованій проф. В. И. Герье[4]), предположеніе о томъ, что именно Лейбницъ подалъ мысль царю о введеніи коллегій, оставлена и даже господствуетъ сомнѣніе относительно того, что Лейбницъ былъ авторомъ этого проекта[5]).

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго. Спб. 1905 г., стр. 421.

[2]) *П. Н. Милюковъ*, Гос. хоз., 421. Черты коллегіальности видны также въ указахъ Петра 1702 г., объ отмѣнѣ губныхъ старостъ (П. С. З. IV, 1900. 2018). Ср. *М. М. Богословскаго*, Областная реформа Петра В. Провинція 1719—1727 гг. М. 1902.

[3]) *П. Н. Милюковъ*. Гос. Хоз. 422.

[4]) *В. И. Герье*, Лейбницъ и его вѣкъ, 1868.—*Его-же*, Отношеніе Лейбница къ Россіи и Петру I. Журналъ М. Н. Пр. 1870, т. 147 и 148 и отдѣльно 1871.—Сборникъ писемъ и меморіаловъ Лейбница, относящихся къ Россіи и Петру Великому. Изданъ *В. Герье*, Спб. 1873. О письмѣ Лейбница къ Петру относительно коллегій стр. XX—XXVI. Текстъ письма № 244, стр. 364—369.—*W. Guerrier*, Leibniz in Seinen Beziehund zu Russland und Peter der Grossen, 1873. Здѣсь на стр. 364—369 напечатанъ и Denkschrift über die Collegien, приписываемый Лейбницу и находящійся въ М. Гл. Арх. М. И. Дѣлъ.

[5]) *W. Guerrier*: Was nun den Brief über die Collegien betrifft, so ist er . . . . : nicht von Leibnitz's Hand und bietet keine aüsseren Anhalts puncte dar, uns zwingen könnten, Leibniz als seinen Verfasser anzuerkennen. (Leibniz in seinen Beziehung zu R. и P. d. Gr. s. 182). Dieser Umstand, dass Fick sich sowohl mit der Frage über die Einrichtung von Collegien, als auch mit Projecten über Erziehungsanstalten beschäftigt habe, könnte auf die Vermuhtung führen, ob jener Brief über die Collegien, welcher sich unter den Leibniz'schen Papieren im Moscauer Archive befindet, nicht auch von Fick herrühre. (ib. 184). Ср. *П. Н. Милюковъ*, Гос. Хоз., 422, прим. 3.—*Э. Берендтсъ*, Опытъ системы административнаго права. Ярославль, 1898 т. I, стр. 104. Однако, *Пекарскій*, Наука и литература т. I, 29 и сл.—*Градовскій*, Собраніе сочиненій т. I, 103, а также и профессоръ,

Любопытно, однако, что въ числѣ девяти упоминаемыхъ въ означенномъ проектѣ коллегій, а именно: государственной, военной, финансовой, полицейской, юстиціи, торговой, ревизіонной и ученой встрѣчается также и „Religions-Collegium"[1]), на разборѣ и описаніи которой авторъ проекта не останавливается, почему нельзя и судить о томъ, что собственно онъ имѣлъ въ виду создать.

Въ началѣ 1712 г. Петру сдѣлано было неизвѣстнымъ лицомъ два новыхъ предложенія: учинить коммерцъ-коллегіумъ и учредить ревизіонъ-комиссіонъ. Эти предложенія заслужили болѣе вниманія и 12 февраля 1712 г. Петръ далъ именной указъ въ отвѣтъ на первое предложеніе: „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія"[2]).

Еще сохранилось извѣстіе, что въ 1713 г. составилъ проектъ объ образованіи коллегій извѣстный Гюйсенъ, Въ своей рукописной запискѣ онъ говоритъ, что постановленія о чинахъ и коллегіяхъ онъ „изъ цессарскихъ, французскихъ, итальянскихъ, англійскихъ, прусскихъ и голландскихъ регламентовъ, самопотребное, что въ россійское государство ввести можно, сочинилъ"[3]).

Учрежденіе въ Россіи государственныхъ коллегій. Наконецъ, съ начала 1715 г. начинаетъ замѣчаться личный интересъ Петра къ учрежденію Коллегій. Отъ 14 января 1715 г. сохранилась собственноручная записка Государя слѣдующаго содержанія: „О цейхмейстерахъ; О рудномъ приказѣ; О судѣ подъ Сенатомъ; О цехахъ; О комерцъ-коллегіи"[4]). Въ подобной же запискѣ отъ 23 марта 1715 г. содержится уже болѣе подробный перечень коллегій, а именно: „Юстицъ коллегія; Канцеляріи чужестранныхъ дѣлъ коллегія; Адмиралтейская коллегія; Крихсъ-коллегія; Камеръ-коллегія; Комерціи коллегія"[5]).

П. Н. Милюковъ находитъ, что послѣдняя записка Петра основывается на сохранившемся въ государственномъ архивѣ безъ даты анонимномъ

В. Н. Александренко, Русскіе диплом. агенты, I, 464 и, наконецъ, самъ *В. И. Герье,* Письма и меморіалы, стр. 312 и др. авторомъ проекта считаютъ Лейбница. *В. Н. Латкинъ,* Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи, изд. 2, Спб. 1909, стр. 351 и *А. Н. Филипповъ,* Учебникъ исторіи русскаго права, Юрьевъ 1912 изд. 4, стр. 761 не высказываютъ своего мнѣнія.

[1]) Vor die Reiche Ihro Gross-Czaarischen Majestät köndten anfänglich folgende neun collegia als Haupt-Räder in dero Staats-Uhr ansehen werden. 1. Ein etats-collegium; 2) Ein Kriegs-collegium; 3) Ein Finanzen-collegium; 4) Ein Polizei-collegium; 5) Ein Iustiz-collegium; 6) Ein Commerz-collegium; 7) Ein Religions-collegium; 8) Ein Revisions-collegium; 9) Ein Gelehrt-collegium. Авторъ проекта подробно останавливается на описаніи только послѣдней Gelehrt-collegium. Dr. *M. C. Posselt,* Peter der Grosse und Leibnitz. Dorpat u. Moscau 1843, S. 227.—*Герье,* Сборникъ писемъ и меморіаловъ, стр. 365.—Письма Лейбница къ Петру Великому. „Сѣверный Архивъ" 1823 г. ч. 5, стр. 129—146; 224—239, особенно стр. 139.

[2]) *П. Н. Милюковъ,* Гос. хоз., 423 - 424.

[3]) *Пекарскій,* Наука и лит. I, 101—102.—Ср. *М. А. Полієвктова,* Проектъ барона Гюйсена объ учрежденіи въ Россіи Фискалъ Коллегіи (1713 г.) Изданіе М. Общества И. и Др. Росс. 1915 г., кн. II (оттискъ изъ „Чтеній").

[4]) Сборникъ Имп. Рус. Ист. Общества т. XI, стр. 285. [5]) Тамъ же, 286.

предложеніи ввести семь коллегій, именно по *шведскому* образцу. Устанавливая ближайшее совпаденіе записки Петра 23 марта 1715 г. съ этимъ анонимнымъ предложеніемъ, и отмѣчая, что въ немъ содержится описаніе *шведскихъ* коллегій, П. Н. Милюковъ считаетъ возможнымъ утверждать, что именно это предложеніе оказало вліяніе на Петра и уже въ мартѣ 1715 г. онъ намѣтилъ шведскія коллегіи для заимствованія[1]).

Не довольствуясь шведскимъ образцомъ, уже въ первыхъ числахъ апрѣля 1715 г. Петръ послалъ Ягужинскаго въ Копенгагенъ съ порученіемъ передать приказъ министру при Датскомъ дворѣ кн. Вас. Долгорукову, чтобы онъ по прежнему указу непремѣнно досталъ печатныя или письменныя учрежденія и уставы всѣхъ коллегій, чиновъ и пр., „ибо мы слышали, прибавлялъ Петръ, что и шведы отъ нихъ взяли“[2]).

Въ декабрѣ 1715 г. Петръ принялъ на службу Фика и отправилъ его въ Швецію собирать матеріалы для учрежденія коллегій. Фикъ вернулся изъ командировки въ декабрѣ 1716 г. и въ январѣ 1717 г. явился къ Петру въ Амстердамъ. 28 іюня Петръ приказалъ Брюсу разработать совмѣстно съ Фикомъ предметы вѣдомства отдѣльныхъ коллегій и штаты ихъ и, такимъ образомъ, началось уже самое осуществленіе мысли объ учрежденіи въ Россіи коллегій[3]).

Между тѣмъ, Ягужинскій въ Копенгагенѣ, Веселовскій въ Вѣнѣ, а также Вейде и Брюсъ подбирали по указу царя подходящихъ людей для назначенія на службу въ коллегіи[4]). Самъ Петръ въ это время былъ за

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*, Гос. хоз. 424—427.—„Записка о коллегіяхъ“ (Гос. Арх., Кабинетъ, отд. II, кн. 90, лл. 456—463) напечатана проф. *С. В. Рождественскимъ* въ его „Очеркахъ по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в.“. Спб. 1912, т. I, приложенія, стр. 13—18.—*Проф. Э. Берендтсъ*, не согласенъ съ П Н. Милюковымъ въ томъ, что въ предложеніи имѣлись въ виду *шведскія* коллегіи, потому что въ немъ пропущена, будто бы, статсъ-конторъ коллегія, игравшая столь важную роль въ Швеціи, въ особенности въ концѣ 17 и въ началѣ 18 столѣтій (Опытъ системы адм. права, I, 116) Но вѣдь *П. Н Милюковъ* нарочно отмѣчаетъ, что „въ русскомъ переводѣ (этого предложенія, который только и сохранился), по недоразумѣнію переводчика, *заголовокъ* передъ описаніемъ штатсъ-конторы былъ выпущенъ и описаніе ея слилось съ описаніемъ камеръ-коллегіи“ (Гос. Хоз. 425). Такимъ образомъ, возраженіе *проф. Э. Берендтса* отпадаетъ само собою. Напротивъ, мнѣніе этого ученаго, что „при составленіи этого перваго проекта (разумѣется записка его 23 марта 1715 г.) Петръ имѣлъ въ виду организаціи *французскаго* высшаго управленія того времени“ (Опытъ, 116), не можетъ быть оставлено безъ возраженій, такъ какъ при Людовикѣ XIV, который умеръ 1 сентября 1715 г., коллегій во Франціи не было. Ихъ учрежденіе составляетъ особенность Регентства, которое началось со 2 сентября. Самыя же коллегіи учреждены были 15 сентября 1715 г. Слѣдовательно, уже сравнивая даты, нельзя согласиться съ Э. Берендтсомъ Къ той же мысли приводитъ и сравненіе коллегій Регентства съ коллегіями упомянутаго анонимнаго предложенія и записки Петра 23 марта 1715 г. Ср. *Ernest Lavisse*, Histoire de la France, Tome VIII pages 1—20.—*A. Esmein*, Cours élémentaire d'histoire du droit Français, Paris, 1910, 10-e éd. p. 469—475.

[2]) *Голиковъ*, Дѣянія V, 33; Дѣянія изд. 2-е 1838 г. а. VI, стр. 24, 66, 360.—*Милюковъ*, Госуд. хоз. стр. 427.

[3]) *Милюковъ*, Гос. хоз., стр. 427.

[4]) *Милюковъ*, Гос. хоз. 438—439.—П. С. З. V, 2928, 2967, 3101.

границей. Вернувшись въ октябрѣ 1717 г. онъ рѣшительно принялся за учрежденіе коллегій. 11 декабря 1717 г. были установлены указомъ условія и порядокъ избранія членовъ[1]) и самый штатъ ихъ по шведскому образцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно выяснилось, какія коллегіи будутъ введены и президентамъ ихъ велѣно было съ новаго 1718 г. „сочинять свои коллегіи и вѣдомости отовсюду брать, а въ дѣла не вступаться до 1719 г., а съ будущаго году, конечно, зачать свои коллегіи управлять“ въ теченіе 1719 г. еще „старымъ манеромъ“. Президентамъ, которые не были сенаторами, велѣно было съ 1720 г. присутствовать въ Сенатѣ[2]). 15 декабря 1717 г. были назначены президенты и нѣкоторые вице-президенты въ слѣдующія вновь учреждаемыя коллегіи: 1) Иностранныхъ дѣлъ; 2) Камеръ-коллегію; 3) Юстицъ-коллегію; 4) Ревизіонъ-коллегію; 5) Воинскую; 6) Адмиралтейскую; 7) Коммерцъ-коллегію; 8) Штатсъ-Конторъ-коллегію; 9) Бергъ коллегію; 10) Мануфактуръ-коллегію[4]). Послѣ этого еще два года формировались государственныя коллегіи, пока не начали функціонировать[5]).

Къ сказанному необходимо прибавить, что были еще проекты учрежденія коллегій барона Ананіи Христіана Поттъ фонъ Люберасa, поданныя Петру во время его заграничнаго путешествія и послѣ. Въ этихъ проектахъ Люберасъ основывался также на шведскомъ образцѣ, но предлагалъ дальнѣйшія усовершенствованія шведскихъ коллегій. Однако, онъ касается только свѣтскихъ, чисто государственныхъ учрежденій, поэтому его проекты не могутъ быть поставлены въ какую нибудь связь съ учрежденіемъ Духовной Коллегіи[6]).

Такимъ образомъ, кромѣ проектовъ Francis Lee и приписываемаго Лейбницу, никакіе другіе проекты, а равно и процессъ постепеннаго осуществленія ихъ въ Россіи, ничего не говорятъ о коллегіи съ религіозной компетенціей, и слѣдовательно, нѣтъ основаній утверждать, чтобы мысль объ учрежденіи Петромъ Духовной Коллегіи возникла именно подъ вліяніемъ этихъ проектовъ.

Освященный соборъ. Если отрицается вліяніе иностранныхъ проектовъ коллегій, то такъ же точно не оправдывается и предположеніе о заимствованіи идеи Духовной Коллегіи отъ *Освященнаго Собора* XVI—XVII вв. и эпохи мѣстоблюстительства Стефана Яворскаго.

---

[1]) П. С. З., V, 3128. [2]) П. С. З., V, 3129.

[3]) П. С З., V, 3129.—*Милюковъ*, Гос. хоз. 439.

[4]) П. С. З., V, 3133.—*Милюковъ*, Гос. хоз. 439.

[5]) *Милюковъ*, Гос. хоз. 440—442.

[6]) *Милюковъ*, Гос. хоз. 428—437.—Проекты Люберасa см. въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 47 и въ Архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла Государственнаго Совѣта № 360/372. Ср. *Э. Берендтсъ*, Баронъ А. Х. Люберасъ и его записка объ устройствѣ коллегій въ Россіи (рѣчь произнесенная на годичномъ актѣ Археологическаго Института 12 мая 1891 г.) Спб. 1891.—„Изъ проектовъ Люберасa о коллегіяхъ“ (Арх. Гос. Совѣта. Второе Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, связка 227, ч. 6, № 16—17) напечатано коечто проф. *С. В. Рождественскимъ* въ его „Очеркахъ по исторіи системъ народн. просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в.“. Спб. 1912, т. I, прилож., стр. 28—32.

Какъ показываетъ новѣйшее изслѣдованіе освященныхъ соборовъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вв.[1]), они вовсе не были постояннымъ учрежденіемъ съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, засѣдавшимъ въ опредѣленное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ и т. д. Также точно ничего опредѣленнаго не носили въ себѣ и тѣ рѣдкія вспомогательныя собранія архіереевъ около Стефана Яворскаго въ первой четверти XVIII в., которыя носили то же названіе. Между ними и Духовной Коллегіей можетъ быть усмотрѣно только самое отдаленное сходство[2]). Напротивъ, самый фактъ учрежденія Духовной Коллегіи доказываетъ очевидное недовольство той промежуточной формой совмѣстнаго обсужденія вопросовъ текущей церковной жизни, какую составляетъ Освященный Соборъ конца XVII и начала XVIII в.

Что Освященный Соборъ не былъ въ дѣйствительности образцомъ Духовной Коллегіи для ея создателя—Ѳеофана Прокоповича, и не могъ внушить Петру самой идеи учрежденія такой коллегіи, достаточно доказывается анализомъ 1-й части Духовнаго Регламента[3]). Эта идея явилась поздно и, по странному стеченію обстоятельствъ, вызвана была никѣмъ инымъ, какъ Стефаномъ Яворскимъ.

Голиковъ[4]) сообщаетъ, что послѣ смерти Адріана „духовенство неотступно убѣждало Монарха о избраніи на мѣсто онаго другого". Затѣмъ, когда Петръ принялся за исправленіе монашества, среди монаховъ и народа пошелъ за это и за отмѣну патріаршества ропотъ, стали разбрасываться подметныя письма, въ которыхъ говорилось, что Петръ—антихристъ, а народъ возбуждался къ бунту. Въ результатѣ этого монахамъ запрещено было имѣть въ кельяхъ чернила и бумаги, а Талицкій, за напечатаніе этихъ подметныхъ писемъ былъ казненъ[5]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Голиковъ пишетъ[6]); „Во окончаніи же сего (т. е. пересказа Д. Р.) помѣстимъ мы утверждаемое двумя имянитыми временъ Государевыхъ мужами, графомъ Бестужевымъ и барономъ Черкасовымъ, слѣдующее: знатное тогдашнее духовенство, исключая, можетъ быть, одного помянутаго Преосвященнаго Ѳеофана, отъ самыя смерти послѣдняго патріарха скучало Государю о избраніи на его мѣсто новаго; но монархъ предположившій уничтожить сію власть, обыкновенно отговаривался недосугами своими; но когда уже и святѣйшій синодъ учредилъ, то и тогда даже осмѣлились подать Е. В. прошеніе о семъ же и въ самомъ присутствіи его въ синодѣ. Прогнѣвавшійся по справедливости за сіе монархъ, по словамъ перваго, ударя себя въ грудь, сказалъ: вотъ вамъ патріархъ; а по словамъ другого, одною рукою ударилъ себя въ грудь, а другого обнаживъ свой кортикъ и ударя плашмя по столу, сказалъ съ великимъ гнѣвомъ: вотъ вамъ патріархъ[7]). Къ сему прибавлю и я слы-

[1]) *И. М. Лихницкій,* Освященный Соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII вв. Спб. 1906.
[2]) См. ниже гл. VII. [3]) См. ниже гл. VII. [4]) Дѣянія, II, 71.
[5]) *Голиковъ*, Дѣянія, II, 73.
[6]) Дѣянія, VII. 232. Ср. такія же разсказы въ Обзорѣ литературы.
[7]) (Слышанное отъ помянутыхъ господъ записалъ въ своихъ анекдотахъ г. профессоръ Штелинъ. Смотри любопытное и достопамятное сказаніе, стр. 229).

шанное мною отъ одного же почтеннѣйшаго старца, что отмѣна патріарха была весьма многимъ и изъ свѣтскихъ крайне чувствительна, и они не инако, какъ съ воздыханіемъ о семъ вспоминали, а въ первые годы даже бунты и заговоры за сіе начинали[1]). Толикую то предразсудки имѣли еще силу!"

Роль Стефана Яворскаго. Въ самомъ дѣлѣ, для недовольства духовенства было много пищи. Мѣстоблюстительство Стефана Яворскаго было слишкомъ продолжительнымъ и слабымъ. Старое церковное міровоззрѣніе не имѣло своего яркаго представителя, а тѣмъ временемъ судья Монастырскаго Приказа бояринъ И. А. Мусинъ-Пушкинъ вводилъ коренныя новшества въ матеріальную жизнь монастырей и архіереевъ, касаясь самаго больного мѣста. Въ духовныя дѣла вмѣшивался Сенатъ и нерѣдко самъ царь давалъ свои указы. Однако, порядокъ управленія Русскою Церковью формально оставался прежнимъ. Оффиціально патріаршество отмѣнено не было и надежда видѣть вновь на патріаршемъ престолѣ патріарха далеко не была еще потеряна. Мало того, ничто не предвѣщало близкаго конца патріаршества. Казалось, что со смертью Петра Россія вернется на старое и его преемникъ прекратитъ слишкомъ долгое между-патріаршество. На чемъ не основывались бы эти надежды, непосредственнымъ фактомъ являлось то, что всѣ патріаршія учрежденія сохранялись. Патріаршая область, патріаршіе приказы, патріаршій домъ, патріаршіе слуги и т. д. оставались попрежнему на лицо и продолжали дѣйствовать. Даже почетныя отличія патріарха, его ризница, его каѳедра въ Успенскомъ соборѣ и др. не были тронуты и обрядъ поклоненія патріаршему мѣсту нерушимо соблюдался. Самъ Петръ не считалъ патріаршество отмѣненнымъ и только игнорировалъ отсутствіе лица патріарха. Напр., 20 ноября 1711 г. онъ требовалъ прислать въ С.-Петербургъ къ празднику Рождества Христова *патріаршихъ* пѣвчихъ[2]), а другой разъ 12 марта 1712 г. письмомъ къ Сенату просилъ выслать въ С.-Петербургъ къ Вербному воскресенью *патріаршаго* поддьякона Андрея Никитина и человѣкъ 10—12 лучшихъ *патріаршихъ* и архіерейскихъ пѣвчихъ[3]). Создавшееся, такимъ образомъ, неопредѣленное положеніе давало поводъ съ одной стороны Стефану Яворскому надѣяться рано или поздно стать патріархомъ, а съ другой стороны всей старо-церковной партіи опасаться новыхъ возможныхъ кандидатовъ. Довольно рано расположеніе царя снискалъ къ себѣ Ѳеодосій Яновскій[4]). Но по общему мнѣнію онъ не былъ опасенъ, ибо не представлялъ собою самостоятельной видной политической

---

[1]) (Отъ г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева).

[2]) *Барановъ, П.* Архивъ Пр. Сената. Спб. 1872, т. I, 149.

[3]) Сб. И. Р. И. О., XI, стр. 225.

[4]) См. статью *Б. В. Титлинова* въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ (Яблонскій-Ѳоминъ) Спб. 1913, стр. 346—357.—*С. Г. Рункевичъ*, Учрежденіе и первон. устройство Св. Синода Спб. 1900, стр. 177—206.—*С. Г. Рункевичъ*, „Александро-Невская Лавра" 1713—1913. Спб. 1913.

силы. Напротивъ, такою силою могъ быть ректоръ Кіево-Могилянской Академіи, архимандритъ Өеофанъ Прокоповичъ. По выраженію П. Морозова „Өеодосій былъ человѣкъ не далекій, и „хотя любилъ и ученыхъ, но предпочиталъ простыхъ" (слова Өеофана Прокоповича въ Epist. XIX); потому его считали еще не особенно опаснымъ; Өеофанъ же, образованный, умный и ловкій царедворецъ, могъ сдѣлаться ближайшимъ совѣтникомъ и пособникомъ царя въ церковныхъ дѣлахъ, получить важную іерархическую степень, и при своемъ вліяніи, совершенно устранить Рязанскаго митрополита и всѣхъ вздыхавшихъ о старинѣ представителей духовенства отъ церковной администраціи; могъ, пожалуй, сдѣлаться даже патріархомъ Всероссійскимъ (такъ какъ вопросъ объ отмѣнѣ патріаршества въ это время не былъ еще рѣшенъ окончательно), а это означало бы уже полное паденіе старой московской партіи, во главѣ которой, если не de facto, то de iure, стоялъ Яворскій. Слѣдовательно, необходимо теперь же, пока не поздно, устранить дерзкаго пришельца"[1]). Этимъ именно и объясняется необыкновенно энергичное, хотя и плохо обставленное, выступленіе Стефана противъ возможнаго только посвященія Өеофана въ епископы. Если же въ 1717 г. еще существовала опасность, что какой-либо нежелательный кандидатъ займетъ патріаршую каѳедру, то очевидно, что вопросъ объ уничтоженіи патріаршества въ тотъ моментъ не только „не былъ рѣшенъ окончательно", какъ думаетъ П. Морозовъ, но по всей вѣроятности еще вовсе не ставился на рѣшеніе.

Тѣмъ временемъ подоспѣли новыя обстоятельства. Процессъ царевича Алексѣя 1717—1718 г. окончательно скомпрометировалъ въ глазахъ Петра духовенство. Партія старины показала, чего можно отъ нея ожидать. Съ другой стороны административныя реформы, въ частности,—учрежденіе коллегій, было въ полномъ ходу. Но и эти обстоятельства сами по себѣ еще не приводили ни къ какому опредѣленному рѣшенію относительно перемѣнъ въ организаціи церковнаго управленія. На послѣднее натолкнулъ Петра, именно *натолкнулъ*, никто иной, какъ самъ Стефанъ Яворскій.

Докладъ 20 ноября 1718 г. До 1718 года Стефанъ постоянно жилъ въ Москвѣ и только пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ. По дѣлу царевича Алексѣя онъ вызванъ былъ въ новую столицу и жилъ въ ней безвыѣздно до 1721 г., а въ 1722 г. уже умеръ. Пріѣхавъ въ С.-Петербургъ въ 1718 году, какъ бы на время, и думая, что съ окончаніемъ дѣла царевича его вновь отпустятъ, Стефанъ, чтобы побудить къ этому Петра, 20 ноября 1718 г. обратился къ нему съ очень характерными докладными пунктами[2]), въ которыхъ писалъ: — „1) Въ нынѣшнемъ 1718 году маія 28 дня, по указу Царскаго Величества, выѣхалъ я изъ Москвы на почтовыхъ подводахъ не взявъ съ собою ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ никакихъ, ни платья, ни келейной рухляди, и для скораго выѣзда, порядка никакого не учинилъ, ни въ Соборной церкви, ни въ приказахъ, ни въ школахъ, ни въ дому своемъ,

[1]) *П. Морозовъ*, Өеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, Спб. 1880, стр. 190.
[2]) П. С. З. V, 3239.

чая скораго возвращенія; и нынѣ скитаюся въ Петербургѣ, и живу въ наемномъ дворѣ, далече отъ церкви и отъ воды, и въ такомъ дворѣ, въ которомъ зимою мнѣ немощному отнюдь жить невозможно, и ожидаю милостиваго отпуска, чтобъ зимою совсѣмъ собраться, и здѣсь жить вовсе, и о томъ, что Великій Государь укажетъ?"—Петру не могло понравиться такое малодушіе, и явное нежеланіе Стефана жить въ новой столицѣ, дѣятельно участвуя въ работѣ правительства, почему онъ и отвѣтилъ: „О житьѣ здѣшнемъ уже предъ тремя лѣты сказано, и что самъ ваша милость по просухѣ хотѣлъ быть, какъ я съ вами прощался на Москвѣ; а за чѣмъ въ три года не собрался и не распорядилъ, не знаю; ибо и болѣе того дѣлано, ѣздилъ на Украйну для освященія церкви, и потомъ и до того довольное время было, какъ выше писано".

Во второмъ пунктѣ Стефанъ просилъ: „Было милостивое слово о дворѣ и написано было ко мнѣ ручкою монаршескою: пріѣзжай; а дворъ для тебя будетъ готовъ; сего милостиваго обѣщанія будетъ ли исполненіе, или нѣтъ?"—Такое подобострастіе и попрошайничество тоже задѣло экономнаго Петра и онъ возразилъ: „Мѣсто готово, а построить самому можно; понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается; а вамъ все, какъ было прежде, еще же и Тамбовское епископство поддано". И въ самомъ дѣлѣ странно было Стефану дѣлать видъ человѣка недостаточнаго.

Далѣе Стефанъ спрашивалъ: „Буде здѣсь въ С.-Петербургѣ жить вовсе, у какихъ дѣлъ быть, какъ епархію Рязанскую въ толикомъ разстояніи управлять, какъ запасы изъ такой дальности возить, кому епархію патріаршую и церковь Соборную и духовныя дѣла вѣдать, кому ставленниковъ обѣихъ епархій ставить, кому школьные порядки вручить и о томъ, что Великій Государь укажетъ?"—Для энергичнаго Петра такихъ затрудненій не существовало и онъ отвѣтилъ: „Дѣло прежнее: для Рязанскихъ дѣлъ надлежитъ Епископа устроить, какъ въ Новѣгородѣ Ладожской[1]); а Московскія только дѣла Крутицкому вручить; а чего не могутъ, о томъ писать сюда для рѣшенія; школы опредѣлены, а о важныхъ должно сюды писать".

Недоумѣнія Стефана этимъ, однако же не рѣшались вполнѣ. Въ п. 4 онъ спрашивалъ: „Архіереямъ здѣсь въ чредѣ бывать ли, и по одному или по двумъ, и коликое время быть, погодно или по полугода, и съ котораго числа чреду начинать, отъ перваго ли числа генваря, якоже мнится быти прилично, и пріѣхавши, гдѣ имъ жить, и о томъ о всемъ монаршескаго опредѣленія просимъ?"—Вопросъ былъ довольно мелочный, показывавшій неспособность или нежеланіе распорядиться самому. Петръ отвѣтилъ: „Архіереямъ поочередно здѣсь быть надлежитъ, а скольким̆ъ, то дается вамъ на волю, по качеству дѣлъ здѣшнихъ; а начинать свое бытіе съ Генваря, а гдѣ жить, мѣста готовы, а подворья могутъ по-малу сами построить".

Послѣдній пятый пунктъ обнаруживалъ уже полное разстройство церковно-правительственныхъ дѣлъ, допущенное Стефаномъ. Не сознавая этого,

[1]) Т. е. викарій.

онъ довольно наивно спрашивалъ: „Во многихъ епархіяхъ архіереевъ нѣтъ: въ Кіевской, въ Новгородской, въ Тобольской, въ Смоленской, въ Коломенской, а престарѣлые на Устюгѣ, на Вяткѣ; и отъ вдовствующихъ епархій присылаютъ ко всякія дѣла съ великою трудностію, дальнаго ради разстоянія, и стужаютъ мнѣ, прося о рѣшеніи дѣлъ, и я на тѣхъ дѣлахъ помѣчаю: ждать своего Архіерея; и нынѣ у нихъ премногое множество накопилося дѣлъ, и ставленниковъ и нестроеній церковныхъ много, и безъ Архіереевъ пробыть у нихъ невозможно, и о томъ что Великій Государь укажетъ?" — Петръ отвѣтилъ: „Выбрать напримѣръ, и подать роспись; также и впредь для такихъ избраній надлежитъ заранѣе добрыхъ монаховъ сюда въ монастырь Невскій привезть, дабы здѣсь жили, которые бы могли знать, чтобъ такихъ не наставить, какъ Тамбовской и Ростовской были". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ заключеніе своей послѣдней резолюціи Петръ, какъ бы утомленный множествомъ и разнообразіемъ недоумѣній Стефана и не способностью его сколько нибудь удовлетворительно выполнять порученную ему обязанность мѣстоблюстителя патріаршаго престола, высказывалъ мысль: *„А для лучшаго впредь управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно".*

Если сравнить съ этими словами резолюцію на 3-й пунктъ: „Дѣло прежнее" и проч., то нельзя не видѣть, что государь отъ нея отступилъ. Можно предположить, что Петръ, писавшій свои резолюціи *по мѣрѣ чтенія* пунктовъ Стефана, отвѣчая на 3-й пунктъ еще не думалъ, что ему придется высказаться о Духовной Коллегіи. „Дѣло прежнее", значитъ и порядки прежніе. Но дальнѣйшіе вопросы Стефана какъ бы заставили Петра увидѣть, что однѣ палліативныя мѣры безполезны и что надо приступить къ коренному преобразованію церковнаго управленія въ Россіи, дабы сдѣлать его вполнѣ нормальнымъ и удовлетворяющимъ новымъ болѣе широкимъ потребностямъ жизни. Но какъ это сдѣлать? — Удачная мысль учрежденія государственныхъ коллегій приближалась къ своему осуществленію. Работы по ихъ устройству были въ полномъ ходу. Поэтому Петру естественно было вспомнить въ данный моментъ, что тотъ же принципъ коллегіальнаго управленія могъ бы быть примѣненъ и къ церковнымъ дѣламъ, съ которыми одинъ человѣкъ, какъ видно изъ образа дѣйствій Стефана, не можетъ справиться. Петръ и высказываетъ мысль о Духовной Коллегіи, но пока высказываетъ ее мягко, въ формѣ предположенія: „а для лучшаго впредь управленія, *мнится* (т. е. думается) быть удобно Духовной Коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно". Эта форма лучше всего доказываетъ неожиданность и новизну самой мысли.

§ 2. Исторія составленія Духовнаго Регламента. Его первоначальный „литературный" характеръ.

Когда начата работа Ѳеофана надъ составленіемъ будущаго Духовнаго Регламента. Разъ была сознана государемъ желательность учрежденія Ду-

ховной Коллегіи, ничто не мѣшало ему остановиться на своей мысли болѣе внимательно. И дѣйствительно есть данныя, говорящія за то, что мысль Петра сразу же подверглась обсужденію. На оборотѣ 2-го листа Черновой рукописи Духовнаго Регламента говорится, что государственныя коллегіи Петръ „премудрѣ... уставилъ въ лѣто *сіе* 1718"[1]. Изъ этого слѣдуетъ, что къ составленію Духовнаго Регламента Ѳеофанъ приступилъ уже въ 1718 г., т. е. въ теченіе того мѣсяца и 10 дней, которые слѣдовали за 20 ноября 1718 г., когда были даны резолюціи на докладные пункты Стефана.

Однако было бы ошибочно думать, что Петръ поручилъ Ѳеофану составить сразу Духовный Регламентъ. Та „книга", которая впослѣдствіи получила это названіе, первоначально вовсе не имѣла никакого заглавія и начиналась прямо словами: „Книга сія, Духовнаго Коллегіумъ описаніе и разсужденіе содержащая, раздѣляется" и пр. Слѣдовательно, начиная такъ свою работу Ѳеофанъ не думалъ еще, что онъ пишетъ прямо проектъ закона. Очевидно, подъ вліяніемъ докладныхъ пунктовъ Стефана, въ которыхъ онъ выступаетъ по меньшей мѣрѣ въ неловкомъ положеніи, у Петра были разговоры съ Ѳеофаномъ, тогда уже дѣятельнымъ его сотрудникомъ и Ѳеофанъ взялся *разработать мысль* государя. Этимъ и вызвано его „*описаніе* и *разсужденіе*", раздѣленное имъ „на три части по числу трехъ духовныхъ нуждъ, вѣдѣнія достойныхъ, и управленія требующихъ".

„Описаніе и разсужденіе" о Духовной Коллегіи. Взявшись за дѣло, Ѳеофанъ исполнилъ его добросовѣстно. Онъ дѣйствительно написалъ разсужденіе о томъ, какія по его мнѣнію, стороны русской церковной жизни требуютъ исправленія; указалъ какими способами можно этого исправленія достигнуть, намѣтилъ рядъ правилъ для епископовъ, духовенства и мірянъ и, наконецъ, что въ данномъ случаѣ было особенно важно, разработалъ самую *идею* Духовной Коллегіи, далъ этой идеѣ нужное теоретическое и историческое оправданіе и предложилъ свой проектъ устройства, состава и предметовъ вѣдомства этой Коллегіи. Но все это Ѳеофанъ сдѣлалъ именно, какъ „описаніе и разсужденіе", т. е. какъ рядъ соображеній, мотивовъ и матеріаловъ для *будущаго* закона. Объ этомъ краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ Черновая рукопись Духовнаго Регламента, хранящаяся въ Архивѣ Св. Синода, и издаваемая нами въ II-мъ томѣ настоящей работы.

Какъ показываетъ изслѣдованіе этой рукописи, разсужденіе о Духовной Коллегіи было написано первоначально въ личной формѣ отъ имени самого Ѳеофана. Такъ, первоначальныя слова „предлагаемъ", „не видимъ", „наши", „могли мы", „вникнемъ", „насмотримся", „не воспомянемъ", „имамы", „видимъ", „предлагаемъ", „намъ", „говоримъ", „должни мы", „да не попустимъ", „слышимъ", „намъ сказано", „предлагаемъ", „пишемъ" и др. впослѣдствіи замѣнены были соотвѣтствующими безличными выраженіями или совсѣмъ

[1]) См. вклеенный листъ. Здѣсь, какъ и всюду въ нашемъ изслѣдованіи, мы ссылаемся на наше изданіе Черновой рукописи Духовнаго Регламента во II-мъ томѣ, цитируя, однако, листы рукописи и наши примѣчанія къ ней. Причины этого изложены въ предисловіи къ I-му тому.

вычеркнуты[1]). Для большей убѣдительности и въ оправданіе своихъ проектовъ Ѳеофанъ ссылался на свой собственный опытъ, напр., предвидя, что его правила внутреннихъ распорядковъ въ Семинаріи могутъ показаться невыносимыми, онъ утѣшаетъ: „кто обыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весма сладко будетъ: какъ то и по себѣ и по другихъ искусомъ вѣдаемъ“[2]). Слова эти были также впослѣдствіи вычеркнуты.

Составляя свое „описаніе и разсужденіе“ Духовной Коллегіи какъ *матеріалъ* для закона, Ѳеофанъ считалъ нужнымъ кое гдѣ выражаться осторожно, въ уступительной формѣ съ частицею „бы“. Напр., свою мысль о выгодѣ допущенія въ составъ Духовной Коллегіи мірскихъ особъ для предотвращенія пристрастія, коварства и пихоимнаго суда, Ѳеофанъ не выразилъ въ аподиктической формѣ, а въ мягкой уступительной формѣ намека[3]). Далѣе встрѣчаются выраженія: „розыскать бы“, „бы содержалося“, „и тыя бы“, „простому бы“, „имѣла бы“, „бы изволилъ“, „указалъ бы“, „были бы“, „добре бы“, „я бы надѣялся“ и т. д. Эта уступительная форма впослѣдствіи тоже была уничтожена[4]). По тѣмъ же побужденіямъ осторожности Ѳеофанъ иногда употребляетъ слова „мнятся быти“, „кажутся быти“, „кажется“[5]).

Опасаясь напрасныхъ и нежелательныхъ для него нареканій за рѣзкость мыслей, Ѳеофанъ постоянно оправдываетъ себя. „И не вымыслы то наши далъ бы Богъ, чтоб о семъ домышлятися толко могли мы“, пишетъ онъ, доказывая опасность отъ наличности рядомъ двухъ какъ бы равносильныхъ властей царя и патріарха. „Вникнемъ во исторію Константинополскую нижае Іустиніановыхъ временъ, и много того насмотримся“[6]). Въ другомъ мѣстѣ, доказывая необходимость составленія своего рода катехизической хрестоматіи изъ твореній св. отцевъ, Ѳеофанъ говоритъ: „се же того ради, дабы не помыслилъ нѣкто, что сіе ученіе мы от себѣ предаемъ, отставивше ученіе отецъ святыхъ“[7]). Разумѣется, такія оговорки и въ такой прямой формѣ были бы неумѣстны въ законѣ, поэтому послѣ, по указанію Петра, они были сглажены или же совсѣмъ вычеркнуты самимъ Ѳеофаномъ.

Затѣмъ, „книга сія Духовнаго Коллегіумъ описаніе и рассужденіе содержащая“ по своей темѣ и содержанію была поставлена Ѳеофаномъ очень широко. Онъ проектировалъ въ ней многое такое, что само по себѣ должно было вызвать рядъ проектовъ и дѣйствій будущей Духовной Коллегіи. Поэтому онъ иногда высказываетъ мысль или пожеланіе относительно принятія какой либо мѣры. Напр., „а будетъ ли всякъ охотникъ ко чтенію, неизвѣстно: того ради *подать* (исправлено: поданъ будетъ) всѣмъ епископамъ от Кол-

---

[1]) См. въ Черн. ркп. лл. 2 об , 4, 4 об., 5, 6 об., 7, 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 11, 11 об., 12, 12 об., 15 об , 19, 22, 23 об., 24, 24 об., 26, 31, 32 об., 33, 35 об., 37.

[2]) Л. 26 прим. 187. [3]) Л. 4 прим. 31.

[4]) Л. 7, 8, 8 об., 9, 9 об., 10 об., 11 об., 16, 20 об. и др., прим. 61, 68, 69, 71, 79, 88, 92, 101, 106, 135, 138 и др.

[5]) Л. 9 об., 20, 24, 28, прим. 85, 152, 176, 194.

[6]) Л. 4 об., прим. 36—41. [7]) Л. 9, прим. 80.

легіумъ Духовнаго указъ"[1]... „Сіе толко епископом накрѣпко укажетъ Коплегіумъ"[2]... „Добре бы составить собственный канонъ"[3]... и цѣлый рядъ другихъ пожеланій, введенныхъ Ѳеофаномъ въ кругъ вѣдомства Духовной Коллегіи. Не имѣя возможности регламентировать всего сразу, Ѳеофанъ въ своемъ трудѣ обѣщалъ, что то или иное будетъ потомъ дополнено, составлено и издано. „До здѣ о семинаріи,—говоритъ онъ, и мощно въ предь будетъ болше придумат, или и от иноземныхъ лучшихъ семинаріовъ информаціи поискать"[4]. „Сіе разсуждая (т. е. о недостаткѣ религіознаго просвѣщенія народа) видимъ, что нуждно есть сочинить три книжицы неболщіе"[5]... „А понеже не всякъ епископъ можетъ чистое слово сложить, того ради подобаетъ въ Духовном Коллегіумъ таковое слово сочинить"[6].. и т. д.

Тотъ же характеръ предварительнаго „описанія и разсужденія" подтверждается еще и необыкновеннымъ обиліемъ мотивировокъ, отступленій и разсужденій, которыя замѣчаются, какъ нигдѣ, въ трудѣ Ѳеофана. Правда *мотивировать* законы было въ духѣ того времени. Въ XVII—XVIII вв. на западѣ, а со времени Петра въ XVIII в. и у насъ, большинство законодательныхъ мѣръ сопровождалось обращеніемъ къ „разуму" подданныхъ, которые призывались къ повиновенію не только силою страха наказанія, но и разумнымъ убѣжденіемъ въ благодѣтельности своего правительства и благожелательной мудрости принимаемыхъ имъ мѣръ. То было время расцвѣта „полицейскаго государства", которое выродилось затѣмъ въ систему „просвѣщеннаго абсолютизма"[7]. Однако мотивировки и разсужденія въ Духовномъ Регламентѣ никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены однимъ духомъ времени. Въ такомъ необыкновенномъ изобиліи ихъ несомнѣнно не было бы, если бы Ѳеофанъ прямо писалъ Духовный Регламентъ, а не свою „книгу Духовнаго Коллегіумъ описаніе и разсужденіе".

Ѳеофанъ мотивируетъ все, почти всякую мысль. Вся первая часть трактуетъ о вопросѣ, „что есть Духовное Коллегіумъ, и каковые суть важные вины таковаго правленія?"[8] Во второй части мотивируется составленіе и чтеніе „трехъ книжицъ"[9]; —учрежденіе училищъ и въ частности Академіи и Семинаріи, при чемъ ведется пространное разсужденіе о пользѣ ученія и о различіи ученія истиннаго отъ ложнаго[10];—выдѣленіе въ особую группу членовъ Церкви т. наз. „мірянъ", при чемъ предлагается „малое предословійце къ лучшему уразумѣнію, почему миряне нарицаются миряне, и въ чемъ от чина духовнаго имѣютъ разнствіе"[11]. Мотивировки отдѣльныхъ мыслей и нормъ перечислить нѣтъ возможности, такъ какъ онѣ попадаются на каждомъ шагу.

---

[1]) Л. 9 об., прим. 86. [2]) Л. 14 об., прим. 132. [3]) Л. 16, прим. 135.
[4]) Л. 28. [5]) Л. 8 об. [6]) Л. 16—16 об.
[7]) См. Проф. *М. М. Богословскаго*, „Петръ Великій" (опытъ характеристики). Сборникъ „Три вѣка" изд. Сытина, М. 1912, т. III, стр. 30—33.—*Его-же*, Областная реформа Петра В. М. 1902.
[8]) Лл. 2—5. [9]) Лл. 7 об.—8 об. [10]) Лл. 18—19 об. [11]) Лл. 31—32.

Литературный характеръ Духовнаго Регламента. Вышеизложенныя данныя, извлеченныя изъ анализа черновой рукописи Духовнаго Регламента съ несомнѣнностью доказываютъ, что подъ перомъ Өеофана онъ еще не былъ въ собственномъ смыслѣ *регламентомъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти данныя объясняютъ, почему историки русской литературы вполнѣ въ правѣ включать „описаніе и разсужденіе" Өеофана въ число наиболѣе замѣчательныхъ и любопытныхъ *литературныхъ* памятниковъ Петровской эпохи[1]). Историки литературы изучаютъ Регламентъ, усматривая литературные элементы въ законодательномъ памятникѣ. Между тѣмъ черновая рукопись уполномочиваетъ какъ разъ на обратное: въ литературномъ памятникѣ видѣть законодательный, нормативный элементъ. Такъ именно и сдѣлалъ Петръ Великій.

§ 3. Разсмотрѣніе Духовнаго Регламента Петромъ Великимъ.

Представленіе „Описанія и разсужденія" Петру Великому. Къ началу 1720 г. „разсужденіе" Өеофана о Духовной Коллегіи было вчернѣ закончено, и при томъ, вѣроятно, въ полномъ объемѣ, т. е. включая и тѣ части, которыя послѣ составили собою т. наз. „*Прибавленіе*" къ Духовному Регламенту"[2]). Однако послѣднее, видимо, требовало еще дополнительной обработки, и потому не попало даже въ ту Черновую рукопись, которая была списана писцомъ съ набросковъ и черновиковъ самого Өеофана съ тою цѣлью чтобы онъ могъ представить свое сочиненіе на благовоззрѣніе государя.

Въ такомъ переписанномъ видѣ „разсужденіе" Өеофана поступило къ Петру. Въ собственноручной приписке, приклеенной въ концѣ Черновой рукописи на оборотѣ л. 39-го, Өеофанъ указываетъ, что „Сія вся здѣ написанная первѣе самъ Всероссійскій Монархъ, Его Царское Священнѣйшее Величество, *слушать предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять* благоволилъ сего 1720 году, февраля 11 дня". Однако такому категорическому заявленію повѣрить трудно. Во-первыхъ, одно *бѣглое* чтеніе Регламента вслухъ занимаетъ не менѣе трехъ часовъ времени. Во-вторыхъ, при бѣгломъ чтеніи невозможно ни „разсуждать", ни „исправлять". Въ-третьихъ, однако, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эти „разсужденія" и „исправленія" дѣйствительно были. О послѣднемъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ тѣ многочисленные крестики, которые видны на поляхъ черновой рукописи Регламента. Какъ подробно сказано въ описаніи этой рукописи ниже во II томѣ нашей работы, и какъ можно убѣдиться изъ нашего изданія, эти крестики разнаго характера и, очевидно, разнаго значенія. Одни изъ нихъ начертаны темными густыми чернилами и, вѣроятно, принадлежатъ Петру. Другіе крестики поставлены другими чернилами, тѣми самыми, которыми тутъ же рукою Өеофана сдѣланы и

---

[1]) Ср. *П. Морозовъ*, Өеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. СПБ. 1880, стр. 229.
[2]) О „Прибавленіи" см. особо ниже.

исправленія въ словахъ. Въ силу послѣдняго ихъ надо приписать именно Ѳеофану и они обозначаютъ не болѣе какъ корректурные знаки, указывающіе какое слово и какъ надо исправить. Самостоятельнаго руководящаго значенія они не имѣютъ. Напротивъ, первые крестики, какъ видно по исправленіямъ Ѳеофана, которыя они, очевидно, и вызвали, указываютъ: 1) на желаніе, чтобы личная форма рѣчи была передѣлана на безличную; 2) чтобы личныя мѣстоимѣнія были совсѣмъ выброшены изъ текста; 3) на недовольство употребленіемъ устарѣвшихъ славянскихъ формъ; 4) на грамматическія (будто бы) ошибки и т. д. Наконецъ, 5) расположеніе этихъ крестиковъ иногда прямо указываетъ на удовлетвореніе тою или иною мыслью или выраженіемъ рукописи[1]). Кто могъ ихъ сдѣлать?—По слѣдующимъ соображеніямъ можно съ несомнѣнностію думать, что авторомъ ихъ былъ Петръ. Во-первыхъ, всѣ тѣ исправленія въ Регламентѣ, которыя эти крестики вызвали, имѣютъ ту цѣль, чтобы трактатъ Ѳеофана, содержащій „описаніе и разсужденіе" Духовной Коллегіи, превратить, хотя бы по внѣшнему виду, въ собственно *регламентъ*, проектъ законодательнаго акта. Инициатива же въ этомъ смыслѣ могла исходить только отъ Государя. Во-вторыхъ, дѣлать на различныхъ „меморіяхъ", т. е. памятныхъ запискахъ, и др. набросках отмѣтки крестикомъ, было въ обычаѣ у Петра, въ чемъ можно убѣдиться, если перелистать книгу 31-ую Кабинета Петра (отд. I) въ Государственномъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ.

Если, такимъ образомъ, крестики, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ Петру, а ихъ значительное количество и разставлены они со вниманіемъ и съ извѣстной тенденціей, то несомнѣнно сдѣлать это въ одинъ день 11-го февраля 1720 г., когда Петръ, по увѣренію Ѳеофана, „*слушать* предъ собою чтомая, разсуждать же и исправлять благоволилъ", едва ли было возможно. Вѣроятнымъ кажется то предположеніе, что Ѳеофанъ, приготовивъ рукопись, передалъ ее Государю, который *читалъ ее самъ* и по мѣрѣ чтенія дѣлалъ свои обычныя отмѣтки крестиками. Затѣмъ, быть можетъ, именно 11-го февраля, Петръ совмѣстно съ Ѳеофаномъ слушалъ, разсуждалъ и исправлялъ тѣ мѣста, которыя обратили на себя его вниманіе, а Ѳеофанъ, подъ его диктовку, записывалъ эти исправленія на поляхъ рукописи. Послѣ этого рукопись около двухъ недѣль (съ 11-го по 23-е Февраля) пролежала у Государя[2]).

---

[1]) См., напр., листы 3, 3 об., 4, 5, 7, 9 об., 11, 11 об., 12, 12 об. 16, 19 об., 20 об., 21 об., 23, 23 об. и др.

[2]) „Журналъ или поденная записка Петра Великаго" (Ч. II, Отд. 1 СПБ. 1772, стр. 123), къ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ о слушаніи Петромъ Духовнаго Регламента. Однако мы узнаемъ, что въ январѣ—февралѣ 1720 г. Государь былъ въ Петербургѣ и, между прочимъ „въ томъ же январѣ мѣсяцѣ по 9 число Февраля, присутствовалъ при слушаніи регламента Адмиралтейскаго и устава Морского, какъ до полудни, такъ и по полудни". Принимая же во вниманіе, что предисловіе къ Адмиралтейскому регламенту было обработано для печати Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, можно предположить, что онъ видѣлся съ Петромъ и имѣлъ время обстоятельно обсудить съ нимъ свой проектъ Духовнаго Регламента.

Этимъ догадкамъ нисколько не противорѣчитъ собственное письмо Ѳеофана къ Маркевичу отъ 10 мая 1720 г., гдѣ онъ, перечисляя свои послѣдніе литературные труды, между прочимъ, пишетъ[1]: „4) Absolvi denique pro Collegio seu Consistorio Ecclesiastico generali, constitutiones, vulgo Regulamentum, ubi octo ista tractantur capita: 1) Gausae, ob quas praestat hoc synodale perpetuum regimen habere, quam gubernari ecclesiam ab uno homine, videlicet Patriarcha. 2) Regulae communes omnibus Christianorum ordinibus instituendis. 3) Regulae pro Episcopis. 4) Regulae pro Academia et Seminario. Doctoribus item et Concionatoribus. 5) Regulae pro Presbyteris, Diaconis, etc, 6) Regulae pro Monachis. 7) Regulae pro secularibus, in quantum regimini sacerdotum subsunt. 8) Regulae pro ipsis Praesidibus et Assessoribus Collegii. Omnes regulae sunt fere trecentae. Scriptum hoc sua Maiestas sibi iussit perlegi, et, aliquibus paucis mutatis, ac de suo adiectis, vehementer approbavit, tum in Senatu legi iussit, ubi aderant Senatores, et sex Episcopi; Resanensis, Smolencesis, Twerensis, Nisogrodensis, Careliensis, et ego Plescoviensis; insuper Pater Archimandrita Teodosius, et duo alii Archimandritae. Lectum erat bis, et duobus diebus atque iterum adhuc novis aliquot observationibus auctum: tum manus subscripserunt Episcopi et Archimandritae, et e regione Senatores omnes, in fine subscripsit ipse Imperator. Duplex factum est exemplar scripti stius, et utrumque dicto modo subscriptum: quorum alterum servatum est in archivis regiis, alterum missum est Mosquam, et in loca alia, ab omnibus, qui hic non aderant Episcopis et primariis Archimandritis subscribendum. Ad quod negotium vestri quoque Episcopi Czernihoviensis et Pereiaslaviensis forte propediem Mosquam evocabuntur. Cumque ita omnium subscriptionibus munitum redierit, typis imprimendum mandabitur, et inchoabitur Collegium, seu illa perpetua Synodus gubernatrix, quod faxit Deus".

Такимъ образомъ, по словамъ Ѳеофана, „Его Величество приказалъ прочесть себѣ написанное, и, перемѣнивъ кое-что немногое и прибавивъ отъ себя, очень одобрилъ; затѣмъ приказалъ читать въ Сенатѣ ... гдѣ было читано *дважды* въ теченіе двухъ дней, при чемъ оно было дополнено кое какими новыми наблюденіями"... Если же посмотрѣть въ черновой рукописи, какъ мало было прибавлено въ теченіе *двухъ* дней и сравнить съ помѣтками Петра, сдѣланными, будто бы, въ *одинъ* день, сразу, то окажется, что это едва ли было такъ.

Обсужденіе Духовнаго Регламента нѣкоторыми архіереями, архимандритами и сенаторами. 23 февраля 1720 г. Петръ послалъ такой указъ Оберъ-Секретарю Сената: „По полученіи сего объяви преосвященнымъ архіереямъ и господамъ Сенату, дабы проэктъ Духовной Коллегіи, при семъ вложенной завтра выслушали такъ ли оному быть и ежели что не такъ покажетца,

---

[1]) Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovitsch, variis temporibus et ad varios amicos datae. M. 1776. Epist. IX. Въ русскомъ переводѣ см. Труды Кіев. Дух. Ак. 1865, февр. 287—294.

чтобъ ремарки поставили и на каждый ремаркъ экспликацію вины дела"[1]). Указъ этотъ былъ полученъ въ тотъ же день 23-го февраля, однако архіереи и сентаторы собрались не *завтра*, а немедленно, какъ опредѣленно заявляетъ Өеофанъ въ своей припискѣ къ черновику Регламента[2]): „Сія вся здѣ написанная первѣе самъ Всероссійскій Монархъ, Его Царское Священнѣйшее Величество, слушать предъ собою чтомая, разсуждать и исправлять благоволилъ сего 1720 году, февраля 11 дня. А потомъ по указу Его Величества, Преосвященныи Архіереи, съ Архимандриты, купно же и Правителствующіи Сенатори слушали же, и рассуждая исправляли *сего же февраля 23 дня*. Таже въ утвержденіе и въ исполненіе непреложное, по приписаніи рукъ присутствующихъ Духовныхъ, и Сенаторскихъ персонъ, и самъ Его Царское Величество своею собственною рукою подписать соизволилъ". Но для разсмотрѣнія Регламента одного дня оказалось мало[3]) и сенаторы съ духовенствомъ собрались еще разъ 24-го февраля. „И того же өевраля 24-го дня, сказано въ справкѣ канцеляриста Неронова[4]), по вышеписанному Его И. В. указу, преосвященные архіереи и г.г. Сенаты присланный проэктъ слушали, и при томъ по общему согласію въ пунктахъ о мирскихъ особахъ пополнили, а имянно въ 5-мъ, въ 6-мъ, 7-мъ, въ 8-мъ, и о томъ, что приполнено отмѣчено. А о прочихъ объявили, что все учинено изрядно, да при томъ же ко оному проекту архіерей псковскій предложилъ особое оглавленіе, такъ же окончаніе, которое къ тому и выписано". Кромѣ этого, есть и другое свидѣтельство указывающее, что продолженіе обсужденія Регламента происходило на другой день, т. е. 24-го февраля, это надпись на оборотѣ 33-го листа черновой рукописи о томъ, чтобы дополнить на другой день[5]). Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ этимъ стоитъ то, что Нероновъ предположеніе Өеофаномъ особаго „оглавленія", т. е. заголовка („Регламентъ или Уставъ" и проч., вмѣсто „Книга сія Духовнаго Коллегіумъ описаніе и рассужденіе"...)[6]) и „окончанія"[7]) относитъ, какъ видно изъ приведенной его справки, къ 24-му февраля, тогда какъ на оборотѣ особыхъ листковъ, на которыхъ онѣ изложены, написано: „приполнено 26-го өевраля 1720 г." Это противорѣчіе устраняется тѣмъ предположеніемъ, что, можетъ быть, эти особые листки присоединены или подклеены къ рукописи только 26-го февраля, между тѣмъ представлены они были Өеофаномъ и обсуждены уже 24-го.

Любопытно, что не сразу, а только 27-го февраля того же 1720 г. былъ „приполненъ" и заглавный листъ Регламента „Благодатію и мило-

1) М. А. М. Ю. Дѣла Сентата по Синоду кн. 2/764 л. 1.—Сенатскій Архивъ, Книга копій именныхъ указовъ и приговоровъ по Сенату съ 1711 по 1723 г.г. за № 5 л. 106 об.—Сборникъ И. Р. И. О. XI, 400.—*Барановъ* I, 738, 740.

2) См. листокъ подклеенный въ концѣ черновой рукописи.

3) См. выше письмо Өеофана къ Маркевичу отъ 10 мая 1720 г.

4) М. А. М. Ю. кн 764 л. 5.

5) Л. 33 об., прим. 222. 6) 2, Л. прим., 12. 7) Л. 39 об., прим. 248.

сердіемъ" и проч. Заканчивался онъ датой: „въ лѣто отъ рождества Христова 1720 мѣсяца февруарія", писанъ Өеофаномъ на чистомъ оборотѣ его же собственнаго чернового отрывка правилъ: „О презвитерахъ", и самъ замаранъ его же припиской: „NB. Dubia in hoc instituto" и проч. Изъ этого можно заключить, что онъ сочиненъ былъ Өеофаномъ въ февралѣ 1720 г., но еще тогда, когда неизвѣстно было, какого именно числа состоится разсмотрѣніе и одобреніе Регламента, почему послѣ слова „февруарія" и оставлено было пустое мѣсто. И если впослѣдствіи „1720" годъ передѣлали на „1721" и послѣ слова: „февруарія" приписали „14", т. е. день оффиціальнаго открытія и перваго засѣданія Духовной Коллегіи, то это чистая случайность, что разсмотрѣніе Регламента и открытіе Духовной Коллегіи произошло одинаково въ февралѣ, но въ разстояніи одного года.

Скрѣпа бѣловыхъ рукописей Духовнаго Регламента. На разсматривавшихъ Регламентъ сенаторовъ и духовныхъ лицъ, среди коихъ были шесть епископовъ: *Стефанъ* (Яворскій) м. Рязанскій, *Сильвестръ* (Холмскій) м. Смоленскій, *Варлаамъ* (Косовскій) еп. Тверской, *Питиримъ* архіеп. Нижегородскій, *Ааронъ* (Еропкинъ) еп. Карельскій и самъ авторъ *Өеофанъ* (Прокоповичъ) еп. Псковскій, три архимандрита: *Өеодосій* (Яновскій) Александро-Невскаго монастыря, *Антоній* Златоустова Московскаго монастыря и *Іона* Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря[1]), произведеніе Өеофана произвело *видимо* очень благопріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, кромѣ немногихъ исправленій въ концѣ, „о прочихъ (они) объявили, что все учинено изрядно". Это впечатлѣніе сенаторы доложили Государю въ тотъ же день 23 февраля. Подъ вліяніемъ его, предвидя неожиданно скорый и благополучный исходъ разсмотрѣнія проекта Регламента, но не довѣряя духовенству въ такомъ дѣлѣ, которое знаменовало собою безвозвратный переходъ къ новому строю церковнаго управленія и навсегда погребало мечты какого-нибудь Стефана Яворскаго[2]) о патріаршествѣ, Петръ 24 февраля 1720 г. написалъ Сенату: „понеже вчерась[3]) отъ васъ же слышалъ, что проектъ о духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереямъ и вамъ оной подписать, который потомъ и я закрѣплю. А лучше два подписать, и одинъ оставить здѣсь, а другой послать для подписанія прочимъ архіереямъ"[4]). Къ этимъ даннымъ можно прибавить сообщеніе Неронова въ его справкѣ. Ссылаясь на приведенный указъ Петра, онъ пишетъ: „Да въ письмѣ жъ Кабинетъ-Секретаря г. Макарова къ Оберъ-Секретарю написано: о закрѣпленіи Регла-

---

[1]) Всѣ они подписались подъ Регламентомъ. Объ архіереяхъ и Өеодосіи и „двухъ другихъ архимандритахъ" не называя послѣднихъ, Өеофанъ пишетъ Маркевичу въ письмѣ отъ 10 мая 1720 г.

[2]) А какъ увидимъ ниже и Өеодосія Яновскаго.

[3]) Остроумныя догадки *С. Г. Рункевича* по поводу процесса разсмотрѣнія Регламента см. въ его книгѣ стр. 120—121.

[4]) Сенатскій Архивъ, Копіи им. указовъ кн. 5, л. 107.—М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Синоду кн. 2/764 л. 2. Указъ полученъ 25 февраля 1720 г.

мента Духовной Коллегіи Царскому Величеству доносилъ и Его Величество указалъ, чтобъ оной Регламентъ закрѣпили по листамъ одинъ изъ сенаторовъ, и одинъ изъ духовныхъ особъ, присутствующихъ при томъ дѣлѣ, а внизу по листамъ подписать Оборъ-Секретарю. И по тѣмъ Его Величества указамъ преосвященные архіереи и архимандриты, которые въ Санктпитербурхе і господа сенаты *два регламента* Духовной Коллегіи по слушанію закрѣпили. При томъ же оные регламенты и Царское Величество собственною своею рукою подписалъ же"[1]). По другой справкѣ это случилось 27-го февраля[2]). Подписи приведены нами въ т. II, въ описаніи рукописей[3]).

§ 4. Окончательное редактированіе текста Духовнаго Регламента.

Четыре рукописи Духовнаго Регламента. Разсмотрѣніе Регламента происходило по Черновой рукописи. Для подписи, согласно указу Петра, были списаны двѣ бѣловыя копіи, которыми и являются рукописи, хранящіяся одна въ залѣ засѣданій Св. Синода, а другая—въ Сенатскомъ архивѣ.

Какъ можно судить изъ разнообразія почерковъ, переписка Черновой рукописи производилась одновременно нѣсколькими писцами, по частямъ; при чемъ, очевидно, что обѣ бѣловыя копіи были сняты порознь съ чернового оригинала. Въ этомъ убѣждаютъ не только повторенія особенностей и ошибокъ оригинала въ обѣихъ бѣловыхъ рукописяхъ, но въ особенности одно мѣсто, а именно то, какъ переписанъ 10 пунктъ „Должности" Духовной Коллегіи (Регламентъ, часть III, Синодская рукопись л. 70 об.—71;

---

[1]) М. А. М. Ю. тамъ же л. 7. [2]) ib. л. 501.

[3]) Любопытно отмѣтить, что тотчасъ послѣ смерти Петра Св. Синодъ сталъ тревожиться за участь Духовнаго Регламента. 12 марта 1725 г., „разсуждая о непремѣнномъ Духовнаго Регламента содержаніи, которой собственною Е. И. В. рукою утвержденъ, и тогда случившимися сенаторами и многими духовными персонами зарученъ, а нынѣ нѣкоторые персоны въ Сенатѣ присутствуютъ, не подписавшіе того Духовнаго Регламента", Св. Синодъ „согласно приговорили: для лучшей въ содержаніи онаго Духовнаго Регламента твердости, доложить Ея И. В., дабы благоволила состоявшійся о томъ имянной 1721 года генваря 25 дня, указъ (т. е. манифестъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи) выслушать, и ежели изволитъ по милосердому Своего Величества благоразсмотрительству нерушимо оной Духовной Регламентъ собственно нынѣ утвердить, и Правительствующаго Сената членамъ, которые прежде не подписались, повелѣла бъ подписать, дабы оной всѣми хранимъ былъ неотмѣнно, и о томъ написать пунктъ" (П. С. П. V, № 1503). 18 марта получился отвѣтъ, что Императрица, по докладу о томъ Архіепископа Θеодосія, „повелѣла тайному кабинетъ-секретарю г. Макарову онымъ сенатскимъ членамъ объявить, чтобы они ко оному Духовному Регламенту какъ и прочіе сенаторы подписались". Со своей стороны Макаровъ сообщилъ, что указъ Императрицы сенаторамъ объявленъ „и своеручно оной Регламентъ они подписывать будутъ" (П. С. П. V, № 1508, 19 марта 1725). Однако, въ дѣйствительности никто изъ нихъ не подписался. Эта исторія съ подтвержденіемъ силы манифеста 25 января 1721 г. и Духовнаго Регламента, напоминающая собою древній обычай подтверждать жалованныя грамоты, является однимъ изъ доказательствъ того, насколько церковная реформа Петра казалась непрочной, лишь только умеръ самъ реформаторъ.

Сенатская—л. 71 об.—72). Во-первыхъ, на л. 70 об. (Сен. л. 71 об.) внизу, написано начало 10 пункта: „Когда епископъ... въ Юстицъ-Коллегіумъ, или“, продолженіе же его „послѣжде въ Сенате“ и проч. написано на л. 71 (Сен. л. 72) съ самаго верху. Это раздѣленіе п. 10-го на двѣ части совершенно соотвѣтствуетъ лл. 36 об.—37 Черновой рукописи Синодальнаго Архива. Во-вторыхъ, почерки, коими писаны обѣ части п. 10-го, какъ и то, что ему предшествуетъ и за нимъ слѣдуетъ, между собою различны, какъ въ оригиналѣ, такъ и въ бѣловыхъ копіяхъ. Въ третьихъ, л. 70 об. Синодской рукописи, какъ и л. 71 об. Сенатской, заканчивается словомъ „или“, а л. 71 Син., и 72 Сен. ошибочно начинаются тѣмъ же словомъ, совершенно такъ же, какъ и лл. 36 об.—37 Черновой рукописи, съ которой обѣ первыя списаны, но при этомъ въ Сенатской рукописи первое „или“ въ концѣ л. 71 об. соскоблено, такъ какъ, очевидно, ошибка была замѣчена, въ Синодской же рукописи она осталась, только около слова „или“ слѣва поставлена прямая скобка[1]).

При сравненіи бѣловыхъ копій съ черновымъ оригиналомъ, оказывается, что въ нихъ не попалъ рядъ исправленій, которыя замѣтны въ черновой рукописи въ томъ видѣ, какъ она находится теперь. Такъ, между прочимъ, заглавный листъ бѣловыхъ копій заключаетъ въ себѣ тотъ же самый текстъ, который находится и въ черновой рукописи, *если только возстановить зачеркнутое*[2]). Это явный признакъ, что исправленіе сдѣлано впослѣдствіи. Равнымъ образомъ въ обѣ бѣловыя копіи попали и слова объ участіи міряна въ составѣ Духовной Коллегіи (Д. Р. ч. I, „Вины“ п. 5)[3]) и др. особенности, которыя нынѣ вычеркнуты въ черновой рукописи и не попали въ первое и слѣдующія печатныя изданія. Кромѣ того, бѣловая Синодальная копія имѣетъ теперь и свои частныя особенности, отличающія ее отъ бѣловой Сенатской копіи, а далѣе, Типографская рукопись отличается отъ трехъ другихъ и печатнаго текста, который также имѣетъ свои отличія.

Различіе редакцій въ рукописяхъ. Такимъ образомъ, при сравненіи рукописей и печатнаго текста Духовнаго Регламента уже съ перваго взгляда очевидно, что окончательная редакція этого памятника не была установлена ни на обсужденіи его въ концѣ февраля 1720 г. духовенствомъ и сенаторами, ни даже въ бѣловыхъ экземплярахъ, подписанныхъ Петромъ и другими лицами. Чтобы, по возможности, представить себѣ картину кристаллизаціи окончательной редакціи текста Духовнаго Регламента, необходимо воспользоваться исправленіями и варіантами рукописей и изданія 1721 г. Эти исправленія и варіанты можно распредѣлить на слѣдующія группы:

---

[1]) Ошибки переписчиковъ, отмѣченныя нами въ т. II, Черн. рук. л. 3, прим. 24, повидимому, объясняется случайностью, такъ какъ ошибка Сенатской рукописи не точно передаетъ ошибку Синодальной, и нельзя сказать, чтобы первая была списана съ послѣдней.

[2]) Кромѣ словъ „соизволеніемъ ж“ и „съ“, которыя зачеркнуты были Ѳеофаномъ при самомъ сочиненіи заглавнаго листа (см. описаніе, т. II).

[3]) Л. 4, прим. 31,

Первую группу составляютъ тѣ исправленія *черновой* рукописи, которыя сдѣланы были несомнѣнно *до* того, какъ съ черновой рукописи были списаны бѣловыя Синодская и Сенатская копіи. Общимъ признакомъ такихъ исправленій является то, что поправка черновой рукописи переходитъ въ другія рукописи и печатное изданіе 1721 г. безъ измѣненій (исключая ореографіи). Напр., первоначальное слово „предлагаемъ“ въ черновой рукописи зачеркнуто. Вмѣсто него на поляхъ рукою Ѳеофана написано: „предлагаются“. Въ Синодальной, Сенатской и Типографской рукописи и печатномъ изданіи читаемъ по исправленному: „предлагаются“[1]. Такихъ исправленій очень много, а именно тѣ, которыя отмѣчены въ примѣчаніяхъ къ нашему изданію: 4, 12, 18, 22, 32, 36—38, 40, 41, 47—49, 51, 52, 55, 56—58, 60—66, 68—73, 76—80, 84—86, 88, 96, 98—102, 105, 106, 112—120, 122, 123, 127, 128, 129, 134, 135, 143—145, 147, 150, 152—154. 158, 160, 166, 167, 169, 172, 176, 178—183, 187—189, 194, 195, 199, 203—207, 215, 218—220, 222—232, 234, 237, 240, 248.

Вторую группу составляютъ тѣ исправленія *черновой* рукописи, которыя были сдѣланы въ ней несомнѣнно *послѣ* того, какъ списаны были съ нея бѣловыя Синодальная и Сенатская рукописи. Общимъ признакомъ такихъ исправленій является то, что бѣловыя рукописи передаютъ текстъ *не* исправленный, а *первоначальный*, исправленія же попадаютъ только въ Типографскую рукопись и печатное изданіе[2]). Напр., въ титулѣ черновой рукописи слова „всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи“ зачеркнуты, но они есть въ обѣихъ бѣловыхъ рукописяхъ, а нѣтъ ихъ въ печатномъ текстѣ[3]). Очевидно, что онѣ вычеркнуты были *послѣ* того, какъ бѣловыя рукописи были списаны, но *до* напечатанія. Вмѣсто вычеркнутыхъ словъ въ черновой рукописи надписаны слова „Всероссійскаго Імператора“. Они попали въ печать, но ихъ нѣтъ въ бѣловыхъ копіяхъ. Это значитъ, что они были вписаны послѣ изготовленія бѣловыхъ копій[4]). Такихъ *позднѣйшихъ* исправленій тоже не мало, а именно показанныя въ примѣчаніяхъ: 6, 8—11, 23, 31, 81, 92, 93, 97, 136, 137, 139, 140, 148, 149, 151, 171, 177, 179, 185, 186, 190—192, 200, 211, 212, 214, 238.

Третью группу составляютъ такія позднія исправленія *Черновой* рукописи, которыя уже не попали въ Сенатскую рукопись, но находятся въ Типографской и въ печатномъ изданіи, а Синодальная рукопись, очевидно, при свѣркѣ ея съ Типографскою соотвѣтственнымъ образомъ исправлена. Напр., *Черн.* и *Сен.* „добрые“; *Тип.*, *Печ.* „добре“ или „добрѣ“. Въ соот-

---

1) Л. 2 об., прим. 22.

2) Иногда онѣ попадаютъ только въ Типографскую рукопись, тогда какъ Печатное изданіе согласуется съ первоначальнымъ текстомъ Черн., Син. и Сен. Напр., *Черн.*, *Син.*, *Сен.* и *Печ.* „будетъ“, а въ *Тип.* по исправленному „бываетъ“. Въ *Черн.*, *Син.*, *Сен.* и *Печ.* „укажетъ“, а въ *Тип.* по исправленному „указуетъ“. (См. примѣчанія 43, 132 и еще 138 и 197).

3) Въ Тип. рукописи титула нѣтъ, см. т. II. прил. № 3, п. IV, и прим. 1.

4) См. примѣчанія 1—11 къ Черновой рукописи въ нашемъ изданіи.

вѣтствіи съ этимъ въ *Син.* первоначальное „добрые" переправлено на „добре"[1]). Другой примѣръ: *Черн.* (первоначально) и *Сен.* избранъ. *Тип.*, *Печ.* „избравъ". Поэтому въ *Син.* первоначальное „избранъ" переправлено на „избравъ"[2]). Тоже самое см. въ примѣчаніяхъ: 31, 161, 168, 177, 186, 191, 196, 210.

Четвертую группу составляютъ варіанты *Синодской* и *Сенатской* рукописей сравнительно съ черновой, при чемъ Сенатская рукопись такъ и осталась съ этими разночтеніями, тогда какъ *Синодальная* рукопись явно подверглась корректурѣ. Между тѣмъ, оказывается, что Типографская рукопись и печатное изданіе возвращается къ черновой рукописи. Напр., *Черн.*: „Духовное". *Син.* и *Сен.*: „Духовный". Но въ *Син.* надъ „ый" стоитъ корректурный знакъ (крестикъ). *Тип.* и *Печ.*: „Духовное". Другой примѣръ. *Черн.*: „правителское". *Син.* и *Сен.*: „правителства". *Тип.* и *Печ.*: „правителское"[3]). Такія же исправленія см. въ примѣчаніяхъ 20, 21, 34, 50, 124. Въ этомъ отношеніи поразительны два примѣра. Во-первыхъ, слова: „а о дворянехъ какъ собственная воля будетъ его Царскаго Величества" не попали въ *Син.* и *Сен.* рукописи, но вошли въ *Тип.* и *Печ.*; при чемъ въ *Син.* противъ этихъ словъ на поляхъ стоитъ крестикъ, что значитъ, что при свѣркѣ *Тип.* и *Син.* рукописей Θеофаномъ пропускъ былъ имъ замѣченъ[4]). Во-вторыхъ, слова: „такожъ и суда на ихъ же домогатися у правителствующаго Сената" не вошли въ *Син.*, *Сен.* и *даже* въ *Печ.*, между тѣмъ, они есть въ *Тип.*, хотя и вычеркнуты[5]).

Пятую „группу" составляютъ принадлежащія перу Θеофана исправленія и дополненія *Типографской* рукописи, а именно, *Черн.*, *Син.* и *Сен.*: „взыскуется". *Черн.* послѣ исправлена на „обрѣтается". *Тип.*: „обрѣтается", но надъ этимъ словомъ въ *Тип.* Θеофаномъ надписано: „взыскуется". *Печ.*: „взыскуется"[6]). Но особенно характерна приписка Θеофана, подклеенная на особомъ листкѣ къ 51-му листу Типографской рукописи[7]).

Шестую группу образуютъ особенности и *Типографской* рукописи и *Печатнаго* изданія отъ Черновой, Синодальной и Сенатской рукописей. Напр., *Черн.*, *Син.*, *Сен.*: „управителству"; *Тип.*, *Печ.*: „правителству"[8]). *Черн.*, *Син.*, *Сен.*: „къ клятвѣ"; *Тип.*, *Печ.*: „къ" пропущено[9]). Этихъ особенностей не много.

Седьмую группу составляютъ особенности, отличающія *печатный* текстъ отъ рукописей, напр., *Черн.*, *Син.*, *Сен.*, *Тип.*: „является". *Печ.*— „явятся", при чемъ въ *Син.* и *Тип.* „является" переправлено на „являются"[10]). См. еще примѣчанія 17, 74, 157, 193, 202, 13. Въ одномъ мѣстѣ въ печатный текстъ даже вставлена цѣлая фраза, а именно, слова: „и прочіихъ Таинъ Святыхъ и требъ Церковныхъ", которыхъ ни въ одной рукописи нѣтъ (см. прим. 126).

---

1) Прим. 147. 2) Прим. 159. 3) Прим. 13. 14. 4) Прим. 174.
5) Прим. 222. 6) Прим. 23.
7) См. во II томѣ въ описаніи этой рукописи (прил. № 3, п. IV).
8) Прим. 53. 9) Прим, 216. 10) Прим. 46.

Восьмую группу составляютъ исправленія, сдѣланныя въ *Черновой* рукописи *послѣ* напечатанія Духовнаго Регламента по печатному тексту. Признакомъ этой группы является то, что Типографская рукопись согласуется съ первоначальнымъ текстомъ Черновой, между тѣмъ, какъ печатное изданіе отличается отъ Типографской рукописи, но совпадаетъ съ исправленіемъ Черновой. Напр., *Черн.*: „правителиви", *Син.*, *Сен.* и *Тип.*: „правителеви". Но *Черн.* исправлена на „правителю"; *Печ.* „правителю"[1]). Такъ какъ Духовный Регламентъ печатался съ Типографской рукописи, то очевидно, что это слово исправлено было только въ корректурѣ, и только затѣмъ, по печатному, въ Черновой рукописи.

Девятую группу составляютъ такія исправленія въ *Черновой* же рукописи, которыя сдѣланы не только послѣ напечатанія Духовнаго Регламента, но и совершенно произвольно. Напр., *Черн.*, *Син.*, *Сен.*, *Тип.* и *Печ.*: „восписоватися", между тѣмъ, въ *Черн.* слогъ „ся" зачеркнутъ[2]). Еще примѣръ. *Черн.*, *Син.*, *Сен.*, *Тип.* и *Печ.*: „укажетъ", между тѣмъ въ *Черн.* слово это зачеркнуто, а на поляхъ Ѳеофаномъ поставлено „указуетъ"[3]). Ср. еще прим. 142, 235.

Десятую группу составляютъ исправленія, сдѣланныя въ бѣловой *Синодальной* рукописи также *послѣ*[4]) напечатанія Духовнаго Регламента, напр., *Черн.*, *Син.*, *Сен.*, *Тип.*: „показуется"; *Печ.*: „покажется"; но *Син.* „показуется" переправлено на „покажется"[5]). Ср. примѣчанія 26, 54.

Наконецъ, могутъ быть отмѣчены ошибки переписчиковъ (напр., см. прим. 24, 144, 145); исправленія *Синодальной* рукописи съ цѣлью согласованія ея съ правильнымъ написаніемъ, которыя могли быть сдѣланы сразу при перепискѣ, напр., „устроение" переправлено на „устроенное", какъ въ *Черн.*, *Сен.*, *Тип.* и *Печ.*[6]). Сюда же могутъ быть отнесены и отдѣльныя исправленія Синодальной рукописи (см. прим. 15, 54) и просто орѳографическія особенности рукописей и печатнаго изданія, изъ коихъ отмѣчены только нѣкоторыя (см. примѣчанія 83, 91, 109, 141, 146, 156, 162, 165, 208, 243, 245, 247).

Выводы. Изложенныя документальныя данныя уполномочиваютъ насъ на слѣдующіе выводы.

1) Черновая рукопись подверглась исправленіямъ *до* того, какъ съ нея списаны были бѣловыя копіи[7]).

2) Съ Черновой рукописи были списаны обѣ бѣловыя копіи, при чемъ и въ ту и въ другую попали сдѣланныя въ Черновой ранѣе исправленія[8]).

---

[1]) Прим. 29. [2]) Прим. 42. [3]) Прим. 132.

[4]) Исправленія эти не могли быть сдѣланы *до* напечатанія и какъ бы для печати, такъ какъ группа вторая и третья доказываютъ, что Типографская рукопись, которая служила для набора, была списана съ Черновой, а не Синодальной. То же несогласіе между Синодальной и Типографской рукописями показываетъ и настоящая десятая группа.

[5]) Прим. 25. [6]) Прим. 75. Ср. еще прим. 133, 134, 217.

[7]) См. I группу. [8]) См. выше стр. 164 и I группу.

3) Послѣ того, какъ обѣ бѣловыя копіи были списаны, Черновая рукопись подверглась новымъ исправленіямъ[1]).

4) Затѣмъ, съ Черновой рукописи, принявшей такой видъ, была списана Типографская рукопись[2]).

5) Типографская рукопись была свѣрена Өеофаномъ съ Синодальною, при чемъ въ послѣдней нѣкоторыя мѣста пришлось подогнать подъ Типографскую рукопись[3]).

6) Кромѣ того въ самой Типографской рукописи Өеофанъ сдѣлалъ исправленіе, согласующееся съ первоначальнымъ текстомъ Черновой рукописи, а также Синодской и Сенатской[4]).

7) Далѣе въ Типографскую рукопись попали самостоятельныя особенности корректурнаго характера[5]), а также цѣлыхъ двѣ фразы, которыя имѣются въ Черновой рукописи, но которыхъ нѣтъ въ Синодальной и Сенатской рукописяхъ[6]).

8) Печатный текстъ подвергся новой корректурѣ[7]), при чемъ въ одномъ мѣстѣ заново вставлены нѣсколько новыхъ словъ[8]).

9) Послѣ напечатанія Духовнаго Регламента Черновая рукопись подверглась новымъ исправленіямъ согласно печатному тексту[9]) и даже независимо отъ него[10]).

10) Такимъ же исправленіямъ по печатному тексту въ немногихъ мѣстахъ подверглась и Синодальная рукопись[11]).

Всѣ эти выводы въ совокупности, давая новый матеріалъ для исторіи установленія окончательной редакціи Духовнаго Регламента, въ то же время приводятъ и къ тому неожиданному результату, что, какъ Синодальная, такъ и Сенатская рукописи, не смотря на то, что онѣ были подписаны Петромъ Великимъ, духовенствомъ и сенаторами, содержатъ въ себѣ лишь промежуточную редакцію Духовнаго Регламента и даже несогласны между собою. Окончательную редакцію дало только печатное изданіе 16 сентября 1721 г., которое закрѣпило всѣ предыдущія колебанія текста. Эта редакція печатнаго изданія и получила силу закона тѣмъ болѣе, что именно Петромъ провозглашенъ былъ принципъ публикаціи закона[12]).

Тѣмъ не менѣе, однако, Өеофанъ, которому принадлежатъ исправленія Черновой рукописи послѣ снятія съ нея бѣловыхъ копій и дальнѣйшія поправки, а также корректуры Типографской рукописи и, вѣроятно, печатнаго текста[13]), долженъ былъ имѣть для этого какія либо особыя полномочія,

---

[1]) См. II группу. Въ частности прим. 31. [2]) См. II, III и IV группы.

[3]) См. III и IV группы, а также описаніе Типографской рукописи, въ частности см. прим. 31.

[4]) См. V группу. Ср, также прим. 222. [5]) См. VI группу.

[6]) См. прим. 174 и 222, а также IV группу.

[7]) См. VII группу и примѣчаніе 1 ко II группѣ. [8]) См. прим. 126.

[9]) См. VIII группу. [10]) См. IX группу. [11]) См. X группу. Ср. прим. 15, 54.

[12]) Указъ 16 Марта 1714 г. П. С З. V, 2785.

[13]) По нѣкоторымъ даннымъ корректура перваго изданія 16 сентября 1721 г. не пропала и находится въ частныхъ рукахъ. Но получить ее мы не могли.

помимо своего авторскато права. И эти полномочія были ему дѣйствительно даны, хотя источники сообщаютъ о нихъ очень глухо

Правомѣрность исправленій Ѳеофана. Какъ разсказано было выше, съ Черновой рукописи Петръ велѣлъ списать двѣ копіи, два экземпляра „и одинъ оставить здѣсь[1]), а другой послать для подписанія „прочимъ архіереямъ“[2]). „Другимъ“ экземпляромъ и былъ хранящійся нынѣ въ Сенатскомъ архивѣ съ подлинными подписями не только лицъ, бывшихъ въ Петербургѣ, но и собранными въ провинціи[3]). Онъ находился въ рукахъ подполковника Давыдова, посланнаго собирать подписи, съ 18 или 20 марта 1720 г., когда онъ выѣхалъ, по 4-е января 1721 г., когда вернулся въ С.-Петербургъ[4]). Въ это время первый бѣловой экземпляръ находился, какъ пишетъ Ѳеофанъ Маркевичу, „in archivis regiis“, а по другимъ свѣдѣніямъ—въ Сенатѣ[5]). За этотъ періодъ этотъ экземпляръ, повидимому, былъ въ полной сохранности. Новый моментъ наступилъ тогда, когда Давыдовъ вернулся въ С.-Петербургъ и когда слѣдовало подумать о напечатаніи Духовнаго Регламента, и объ открытіи дѣятельности Духовной Коллегіи, какъ и предполагалъ Ѳеофанъ. Еще 10 мая 1720 г. онъ писалъ Маркевичу: „Cumque ita omnium subscriptionibus munitum redierit, *typis imprimendum mandabitur,* et inchoabitur Collegium, seu illa perpetua Synodus gubernatrix, quod faxit Deus“.

И дѣйствительно, въ книгѣ № 2/764 Московскаго Архива Министерства Юстиціи на л. 502 имѣется слѣдующая запись: „А въ протокольной записке сего 1721 году, Генваря дня, Царское Величество указалъ, по именному своему великаго государя указу оные проэкты *переправить,* противъ протчихъ колежскихъ какъ пристойно и проектомъ не писать, а писать регламентомъ, и со оныхъ регламентовъ списав и *выправя* что надлежитъ, посланъ изъ сената к Ѳеофану епископу *для поправки жъ* копія Марта[6]) 3 і сего Маия по число в сенат не прислано“.

Прежде чѣмъ воспользоваться этимъ документомъ необходимо объяснить и устранить то подозрѣніе, которому подвергъ его въ своей книгѣ С. Г. Рункевичъ[7]). Устранить его не трудно. Во-первыхъ, въ документѣ

---

1) Разумѣется въ С.-Петербургѣ. 2) Указъ 24 февраля 1720 г.

3) Въ книгѣ № 764 М. А. М. Ю. на л. 32 сказано, что въ Москву отправленъ тотъ экземпляръ „Регламента, въ которомъ по описи 74 л.“ скрѣплены руками: Преосв. Сильвестра, Митрополита Смоленскаго, Сенатора Т. Д. С. П. А. Толстого и Об.-С. Щукина. при этомъ скопированы и самыя подписи подъ нимъ.

4) М. А. М. Ю. Дѣла Сената по Св. Синоду кн. 2/764 л. 46, 501, 502.

5) М. А. М. Ю., тамъ же л. 501, 502. 6) По подчищенному.

7) Учрежденіе и первоначальное устройство Св. Пр. Синода, стр. 123—124. „Въ сенатскомъ дѣлѣ имѣется канцелярская справка, въ которой сказано: „а въ протокольной запискѣ сего 1721 года генваря 3 дня царское величество“ и проч. (см. выше). Эта справка не можетъ быть отнесена къ 1721 г., что видно изъ того, что въ 1721 г. Ѳеофанъ былъ уже архіепископомъ, а не епископомъ, третьяго января, какъ будетъ видно ниже, Регламентъ еще не былъ объявленъ въ Сенатѣ послѣ его подписанія епархіальными іерархами, а третьяго марта не было смысла посылать Регламентъ для поправокъ, уже послѣ открытія Синода. Кромѣ того, невѣроятно, чтобы высочайшее повелѣніе,

вовсе нѣтъ „Генваря 3-го дня“, какъ читаетъ С. Г. Рункевичъ, и вообще вовсе нѣтъ въ этомъ мѣстѣ числа. Написанъ годъ (1721) и мѣсяцъ (Генварь), а для числа оставлено пустое мѣсто, а славянская буква „г“ стоитъ подъ титлою и надъ строкою, точь-въ-точь, какъ ниже: „Марта 3“ и означаетъ она сокращенное: -го, какъ и мы пишемъ: „1-го“, „2-го“, „3-го“ и т. под. Отсюда слѣдуетъ, что писецъ точно не зналъ, какого числа записанъ въ протоколѣ указъ Государя и оставилъ для числа мѣсто, а потому отпадаютъ и тѣ заключенія С. Г. Рункевича, которыя построены именно на 3-мъ числѣ Января. Во-вторыхъ, можно было бы согласиться съ С. Г. Рункевичемъ въ томъ, что „третьяго Марта не было смысла посылать регламентъ для поправокъ, уже послѣ открытія синода“, если бы эти поправки уже *поздняго* происхожденія не были на лицо въ черновой и въ бѣловой Синодальной рукописяхъ, и если бы, наконецъ, не сохранилось еще четвертой рукописи Духовнаго Регламента, хранящейся нынѣ въ библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи за № 361, съ которой Регламентъ былъ впервые напечатанъ, и въ которой именно и сказываются эти позднія исправленія[1]). Такимъ образомъ мы въ правѣ воспользоваться вышеприведеннымъ архивнымъ документомъ. Изъ него вытекаетъ слѣдующее.

Приготовленіе Духовнаго Регламента къ печати. Когда подполковникъ Давыдовъ возвратился въ С.-Петербургъ, собравъ подъ Духовнымъ Регламентомъ подписи всѣхъ тѣхъ лицъ, подписи которыхъ считались нужными, Петръ призналъ дѣло окончательно оформленнымъ и велѣлъ прежде всего нашъ памятникъ „проектомъ не писать, а писать регламентомъ“. Затѣмъ, нужно же было его напечатать, что вызывалось практическою необходимостью имѣть много экземпляровъ для освѣдомленности многихъ[2]). Очевидно съ этою цѣлью, по мнѣнію Петра, слѣдовало „оные проэкты переправить противъ протчихъ коллежскихъ какъ пристойно“, т. е. окончательно отредактировать Регламентъ для печати, и прежде всего со стороны заглавія. Необходимо имѣть въ виду, что первоначальный текстъ заглавнаго листа Духовнаго Регламента, „приполненный 27 февраля“, несомнѣнно, 1720 г., былъ составленъ не вполнѣ удачно. Крайне многословный и напыщенный, онъ не содержалъ главнаго, т. е. заглавія: „Духовный Регламентъ“. Напротивъ того, подлежащее въ этомъ текстѣ есть „Духовное Сунедріонъ или Коллегіумъ, то есть Соборное „Духовныхъ Дѣлъ ПРАВИ-

---

данное 3 января, было исполнено только 3 марта. Съ другой стороны, справка не можетъ относиться и ко времени ранѣе 25 февраля 1720 г., когда впервые стала извѣстна государева воля, чтобы было два экземпляра проекта Духовнаго Регламента, а не одинъ. Такимъ образомъ 1721 г. признать нельзя, январь мѣсяцъ также признать нельзя“.

[1]) Изъ книги *С. Г. Рункевича* не видно, чтобы онъ видѣлъ всѣ 4 рукописи Регламента. Онъ видѣлъ только двѣ: Черновую и Синодальную. Но даже и ихъ онъ не сопоставлялъ детально и не анализировалъ съ возможной тщательностью.

[2]) Та же цѣль освѣдомленія лежитъ въ основѣ указа Петра 16 марта 1714 г. (П. С. З. V, 2785), съ котораго оффиціально была введена публикація законовъ. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ, 1909 стр. 262.

ТЕЛСТВО", а о Регламентѣ не сказано ни слова. Между тѣмъ заглавія другихъ регламентовъ были составлены проще и лучше[1]). Правда въ *этомъ* отношеніи никакихъ исправленій сдѣлано не было[2]), однако первоначальный текстъ заглавнаго листа Духовнаго Регламента въ черновой рукописи всетаки былъ измѣненъ Ѳеофаномъ и при томъ, какъ увидимъ ниже, очень характерно. Между прочимъ, была измѣнена дата: 1720 г. передѣланъ на 1721 и приписано число 14. Послѣднее говоритъ за то, что исправленія производились послѣ открытія Духовной Коллегіи.

Тогда же были сдѣланы Ѳеофаномъ и другія[3]) исправленія въ Черновой рукописи Регламента, съ которой и снята была копія для печати.

3-го Марта 1721 г. эта копія была послана изъ Сената къ Ѳеофану „для поправки". Она и есть рукопись Библіотеки Московской Синодальной Типографіи № 361[4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеофанъ получилъ и бѣловой Синодальный экземпляръ. Помимо архивнаго документа, напрасно заподозрѣннаго С. Г. Рункевичемъ въ его правдивости, мы убѣждаемся въ томъ же собственноручной скрѣпою самого Ѳеофана на Типографской рукописи. Тамъ имъ написано: „Ѳеофанъ Архіепископъ Псковскій и Нарвскій читалъ сей Регламентъ съ подлиннымъ жъ правительствующаго Сената присланнымъ въ Правительствующій Духовный Синодъ закрѣпленный руками тайнаго совѣтника Сенатора и Юстицъ-Коллегіи Президента Графа Андрея Артемоновича Матвеева[5]) и увѣренія ради что сей регламентъ съ онымъ подлиннымъ въ всемъ сходенъ есть свидѣтелствовалъ подписаніемъ руки своея"[6]).

Сличая Типографскую рукопись, которая была списана съ исправленной Черновой, съ Синодальною, Ѳеофанъ нѣкоторыя разночтенія между ними оставилъ безъ вниманія, въ другихъ мѣстахъ исправилъ Типографскую по Синодальной, въ иныхъ прибавилъ отъ себя новое. Между прочимъ Ѳеофанъ замѣтилъ пропускъ въ Типографской рукописи словъ объ участіи міряпъ въ составѣ Духовной Коллегіи и въ этомъ мѣстѣ поставилъ свой значекъ (крестикъ)[7]). Послѣдній означаетъ одно изъ двухъ,

---

[1]) Напр.: 1) „Его Імператорскаго | величества | Генерельный | Регламентъ | или уставъ | по которому Государственные Коллегіи | такожъ и всѣ оныхъ принадлежащихъ къ нимъ | канцелярей, и канторъ служители, не токмо | во внѣшнихъ и внутренныхъ учрежденіяхъ, | но и во отправленіи своего чина, подданнѣйше | поступать имѣютъ" (напечатанъ въ Спб. 27 февраля 1720 г.); 2) „Его Царскаго Величества | мілостивѣйшее учрежденіе, | и регламентъ | или уставъ | главнаго магистрата | по которому оной отправлять имѣетъ | данъ въ Санктъпітербурхѣ | генваря 16 дня 1721 г." |.; 3) „Кніга | Уставъ | Морской. | О всемъ что касается доброму | управленію, въ бытности флота | на морѣ. | Напечатася повелѣніемъ | Царскаго | величества | въ Санктъпітербургской Тіпографіи | Лѣта Господня 1720, | Іуніа въ 28 день. |

[2]) Однако на оборотѣ титульнаго листа уже въ первомъ печатномъ изданіи было поставлено: „Напечатася же сей | Духовный Регламентъ | повелѣніемъ" и проч. см. т. II.

[3]) См. выше II группу, стр. 166 [4]) См. Т. II, описаніе этой рукописи.

[5]) Это именно Синодскій экземпляръ. Хранящійся въ Сенатскомъ Архивѣ скрѣпилъ Петръ Толстой. [6]) Т. II, описаніе. [7]) Т. II, стр. 42, Черн. рук. л. 4, прим. 31.

Если онъ самъ вычеркнулъ эти слова въ Черновой рукописи предъ тѣмъ, какъ съ нея списали Типографскую, то, ставя свой крестикъ, Ѳеофанъ, очевидно, задумался надъ возможностью и цѣлесообразностью ихъ возстановленія. Если же ихъ вычеркнулъ кто либо другой, что тоже возможно, то, значитъ, Ѳеофанъ хотѣлъ восполнить пропускъ. По неизвѣстнымъ мотивамъ отъ того и другого ему пришлось отказаться и тогда въ Синодальномъ экземплярѣ онъ взялъ эти слова въ скобки[1]).

Такъ была приготовлена рукопись Духовнаго Регламента для печати, съ которой онъ и былъ изданъ 16 сентября 1721 г.[2]). Рукопись эта осталась въ Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи, а бѣловой подлинникъ съ подписями возвращенъ въ Сенатъ, откуда впослѣдствіи переданъ на храненіе въ Св. Синодъ, гдѣ и находится въ настоящее время[3]).

§ 5. Формальная рецепція Духовнаго Регламента со стороны русскаго духовенства.

Не подписавшіе архіереи. Необходимо вернуться къ исторіи собиранія подписей подъ Духовнымъ Регламентомъ.

[1]) Изложенныя выше соображенія относительно процесса редактированія Духовнаго Регламента уже были мною однажды напечатаны съ нѣкоторыми сокращеніями и добавленіями въ Журналѣ М. Н. Пр. за 1914 г. Декабрь, стр. 316—330 въ статьѣ „Къ вопросу о „фальсификаціи" Духовнаго Регламента" по поводу журнальной полемики на эту тему, возникшей въ маѣ 1914 г. Въ заключеніи этой статьи я коснулся принципіальнаго юридическаго вопроса, какъ можетъ быть понято взаимное отношеніе съ одной стороны текста закона, подписаннаго Петромъ, а съ другой—изданнаго въ печати съ исправленіями, хотя бы и сдѣланными по его уполномочію?—и отвѣтилъ на него такъ. „Историкъ русскаго права, думается намъ, не затруднится отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Если до самаго послѣдняго времени русскимъ государственнымъ правомъ признавались и допускались *словесныя* Высочайшія повелѣнія, какъ нормальные законодательные акты, то въ XVIII в. и, въ частности, въ эпоху Петра Великаго такихъ словесныхъ повелѣній издавалось множество, хотя и самъ Петръ и его преемники боролись противъ злоупотребленій, возникавшихъ на этой почвѣ. Того формальнаго значенія, которое обсужденіе закона и подпись подъ нимъ имѣетъ въ настоящее время, тогда они не имѣли. Въ частности, въ данномъ случаѣ для Петра былъ важенъ Духовный Регламентъ, какъ учредительный актъ Духовной Коллегіи, которая завершала его преобразовательную дѣятельность въ церковной сферѣ и совершенно измѣняла положеніе русской церкви въ государствѣ. Поэтому ему нужны были подписи подъ Духовнымъ Регламентомъ по возможности всѣхъ наличныхъ и возможныхъ въ будущемъ епископовъ, а также первыхъ сановниковъ государства, дабы заранѣе парализовать ихъ протестъ. Между тѣмъ редакціонныя детали самаго текста Регламента Петра не такъ интересовали. Онъ могъ довѣрить изданіе Духовнаго Регламента Ѳеофану тѣмъ легче, что Петръ уже читалъ Регламентъ и обсуждалъ его содержаніе самъ. Кромѣ того Ѳеофанъ, такъ много помогавшій Государю въ его преобразовательной дѣятельности, такъ понимавшій его направленіе и бывшій къ нему столь близкимъ, едва ли былъ способенъ на самовольный поступокъ ко вреду царскаго дѣла. При Петрѣ же это было и не безопасно. Въ виду изложенныхъ соображеній, идея о „фальсификаціи", будто бы, Духовнаго Регламента не имѣетъ подъ собою никакой научной почвы".

[2]) См. описаніе типографской рукописи во II томѣ.

[3]) *С. Г. Рункевичъ*, 153—154.

27 февраля 1720 г. его подписали Государь, и бывшіе въ Петербургѣ архіереи, архимандриты и сенаторы. Не подписались архіереи[1]: 1. Тихонъ (Воиновъ) Казанскій. 2. Іоанникій (грекъ) Коломенскій. 3. Варнава (Влатковскій) Холмогорскій. 4. Варлаамъ (Леницкій) Суздальскій. 5. Боголѣпъ (Адамовъ) Устюжскій. 6. Іоакимъ (?) Астраханскій. 7. Антоній (Стаховскій) Черниговскій. 8. Игнатій (Смола) Сарскій и Подонскій (Крутицкій). 9. Георгій (Дашковъ) Ростовскій. 10. Павелъ (Васильевъ) Вологодскій. 11. Алексѣй (Титовъ) Вятскій. 12. Кириллъ (Шумлянскій) Переяславскій. 13. Илларіонъ (Властелинскій) Бѣлгородскій. 14. Пахомій (Шпаковскій) Воронежскій. 15. Филоѳей (Лещинскій) Тобольскій (Сибирскій). 16. вакансія—Кіевскій[2]). Кромѣ того не подписались 6 Сенаторовъ[3]) и длинный рядъ архимандритовъ и игуменовъ, т. е. духовныхъ „властей", кандидатовъ на архіерейство, отношеніе которыхъ къ Духовному Регламенту и производимой имъ реформѣ могло имѣть большую важность. Вслѣдствіе этого возникали вопросы: посылать ли Регламентъ для подписи, съ кѣмъ послать и „публиковать ли оной въ народъ"?

Инструкція Давыдову. По поводу этого „1720 г. марта 9. по указу Великаго Государя Прав. Сенатъ приказали: съ Регламентомъ Духовной Коллегіи, которой подписанъ Его Величества собственною рукою также руками присутствующихъ в Санктпитербурхе Архиереевъ і сената, послать въ Москву подполковника Семена Давыдова нарочно, а тѣмъ временемъ к архиереомъ къ ростовскому, суздальскому, коломенскому, послать із Сената указы с нарочными, *велѣть* имъ изъ епархей ихъ, і резанской, степенныхъ монастырей архимандритомъ, и ігуменомъ, *для подписания* помянутого регламента быть к москве Маия къ 1-му числу сего настоящаго году неотложно, и какъ подполковникъ Давыдовъ въ Москву приѣдетъ, тогда по отдаче посланныхъ с нимъ изъ Сената, златоустовскому Архимандриту Антонию, и Московской губерніи вице-губернатору Воейкову указовъ, обще с ними, архимандритомъ и вице-губернаторомъ, ему, Давыдову, оной Духовной Коллегіи Регламентъ Крутицкому и помянутымъ архиереомъ, і архимандритомъ, и ігуменомъ, которые въ Москвѣ прилучатца, іли какъ хто приѣдетъ, объявя *предложить имъ указомъ* Царскаго Величества, *чтобы они выслушавъ оной, подписали* руками своими, а имянно, архиереи на той половинѣ листа, на которой подписались архиереи жъ, и архимандриты в Санкпитербурхе будучие, и на другой, архимандриты и ігумены, не жидаяся другихъ приѣзду, дабы в томъ имъ на Москвѣ замедлѣнія не было, *и когда хто*

[1]) М. А. М. Ю. кн. 2/764 л. 6—7 по справкѣ Ѳ. Неронова.

[2]) Кіевская митрополія съ 1718 по 1722 гг. была вакантною. Не подписался вовсе и Илларіонъ Бѣлгородскій, умершій 4 апрѣля 1720 г., между тѣмъ какъ только въ этотъ день полк. Давыдовъ прибылъ въ Москву (*Рункевичъ*, 127). Послѣ же Илларіона Бѣлгородская каѳедра была вакантна до 1722 г. *Н. Д.*, Іерархія Всеросс. Церкви В. I—III. М. 1892—1898.

[3]) См. т. II, описаніе Синод. рукописи. Эти сенаторы такъ и не подписались, потому, вѣроятно, что они не присутствовали при обсужденіи Духовнаго Регламента, а послѣ при Петрѣ ихъ подписи не считались важными и необходимыми

подпишется, тѣмъ ѣхать во свои мѣста по прежнему; Буде же із нихъ которому архиерею за какою болѣзнью быть в Москву невозможно, то к тому, ради оного подписания, златоустовскому Архимандриту, і ему, Давыдову, ѣхать самимъ, і велѣть потому жъ подписатца, купно с тамошними степенных монастырей архимандритами и ігуменами, а *буде кто подписыватца не станетъ, і у то взять на писмѣ за рукою, какой ради притчины оной не подписыветца, чтобъ о томъ показалъ имянно,* і о томъ ему, Давыдову, дать наказъ, а к златоустовскому архимандриту, и к вице губернатору послать указы. А которого числа онъ, Давыдовъ, прибудетъ в Москву, и что у него будетъ чинитца, о томъ ему в сенатъ на почте писать по вся недѣли, а какъ подпишутся всѣ, потому жъ писать, і ожидать к себѣ из сената указа, а без указу с москвы никуда ему не отлучатца. Подводы отъ Санктпитербурха до Москвы, также і от москвы куда имъ въ епархіи надлежитъ ѣхать, по ихъ требованію давать изъ ямского приказу, а прогонные денги із штатсъ-канторъ Коллегии, и о томъ в Штатсъ-Канторъ Коллегію і въ Ямской приказъ послать указы"[1].

Давыдовъ былъ „генералъ-адъютантомъ" въ подполковничьемъ чинѣ у бывшаго генералъ-фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева, почему о командированіи его того же 9-го Марта былъ посланъ указъ въ Военную Коллегію, которая его немедленно и исполнила[2]. Самъ Давыдовъ выѣхалъ 18 или 20 Марта[3]. Ему дана была и особая инструкція, которая любопытна своимъ императивнымъ характеромъ по отношенію къ духовенству[4]. Давыдовъ въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе и 4 Января 1721 г. вернулся въ С.-Петербургъ и явился Сенату[5].

Значеніе подписей на Духовномъ Регламентѣ. Такимъ образомъ, на основаніи повелѣнія Петра, Духовный Регламентъ подписали въ Петербургѣ и въ провинціи: Петръ, 7 сенаторовъ, 6 митрополитовъ, 1 архіепископъ и 12 епископовъ,—всѣ архіереи Русской Церкви, кромѣ Бѣлгородскаго и Сибирскаго, подпись котораго не была взята, конечно, по дальности мѣстожительства этого владыки,—и 48 архимандритовъ, 15 игуменовъ, 5 іеромонаховъ: 87 духовныхъ подписей[6].

Мысль собрать подписи духовенства не только въ столицѣ, но и въ провинціи, очень хвалятъ нѣкоторые наши историки и канонисты. Проф. Н. А. Заозерскій относитъ ее прямо на счетъ государственной геніальности Петра[7]. Это и понятно, если принять во вниманіе, что подписи духовенства подъ Регламентъ создаютъ для этихъ историковъ и канонистовъ иллюзію каноничности Синода, вывести которую изъ содержанія Регламента они не

[1] М. А. М. Ю. Дѣла С. по Син. кн. 2/764. л. 8—9. Подлинный.—Копію см. въ Сенатскомъ Архивѣ Книга копій им. указовъ № 5 л. 108—111.

[2] М. А. М. Ю., кн. 764 л. 10. 11.

[3] С. Г. Рункевичъ, стр. 127. Подробности собиранія Давыдовымъ подписей вполнѣ точно уложены у этого автора на стр. 126—133, поэтому нами опускаются.

[4] М. А. М. Ю., кн. 764 л. 30—33, 36, 37. [5] С. Г. Рункевичъ, стр. 132.

[6] См. подписи въ нашемъ изданіи; ср. *Рункевичъ*, 133.

[7] *Н. А. Заозерскій.* О церковной власти, 1894, стр. 336.

могутъ[1]). Такъ проф. Н. А. Заозерскій, упомянувъ о подписяхъ духовныхъ лицъ, находитъ, что Регламентъ „по *формѣ*, по крайней мѣрѣ, явился актомъ, утвержденнымъ *всѣми епископами Русской Церкви*, отъ которыхъ, какъ бы отъ *собора епископовъ* исходитъ въ данномъ случаѣ рѣшительный голосъ[2]). С. Г. Рункевичъ полагаетъ, что „новая форма центральнаго управленія Русской Церкви принята была, такимъ образомъ, всею Русскою Церковью, въ лицѣ ея представителей, не вызвавъ ни одного возраженія, и не много можетъ указать исторія церковныхъ установленій, которыя были бы приняты такимъ абсолютнымъ большинствомъ, почти совсѣмъ равнымъ единогласію, такъ какъ отсутствіе подписи сибирскаго митрополита не повлекло за собою впослѣдствіи со стороны этого владыки протеста противъ учрежденія Св. Синода“[3]). Напротивъ того, П. Лапинъ, приводя выписанное мѣсто изъ сочиненія С. Г. Рункевича, говоритъ[4]): „то, конечно, вѣрно, что русскіе епископы формально высказали свое согласіе на реформу. Но едва-ли можно утверждать, что въ дѣлѣ введенія ея Петръ Великій шелъ строго каноническимъ путемъ. Во-первыхъ, самая реформа была задумана безъ вѣдома и участія епископовъ за исключеніемъ Ѳеофана. Далѣе, для обсужденія составленнаго послѣднимъ проекта реформы не было созвано помѣстнаго собора, какъ слѣдовало бы поступить въ такомъ важномъ дѣлѣ. Архіереи, собравшись вмѣстѣ, могли бы обстоятельно обсудить проектъ и свободно высказаться по нему. Первоначально проектъ отданъ былъ лишь на разсмотрѣніе Сената и присутствовавшихъ въ столицѣ архіереевъ. И уже послѣ подписи царемъ, сенаторами и бывшими въ Петербургѣ епископами и архимандритами онъ былъ разосланъ въ епархіи, но лишь „для подписанія“. Подписи всѣ отобраны. Но при такихъ обстоятельствахъ подписи архіереевъ, знавшихъ притомъ крутой нравъ государя, могли и не свидѣтельствовать объ ихъ дѣйствительномъ согласіи на вводимую реформу. На сомнѣніе въ искренности епископскихъ подписей наталкиваютъ и историческія данныя о глухомъ недовольствѣ Петромъ духовенства. Въ частности, едва ли возможно говорить объ искреннемъ согласіи на реформу мѣстоблюстителя патріаршаго престола рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго“[5]).

---

[1]) „Если бы не было извѣстно, что авторомъ Регламента былъ *епископъ* Псковскій и что учрежденіе въ такихъ чертахъ изображаемое имѣло замѣнить собою патріарха и освященный соборъ и въ составѣ своемъ долженствовало имѣть *исключительно духовныхъ* лицъ (епископовъ, архимандритовъ, протоіереевъ): то никакого сомнѣнія не могло бы возникнуть въ томъ, что здѣсь идетъ рѣчь о *чисто-государственномъ установленіи*, но отнюдь не о церковномъ. Установленіе и по названію, и по устройству отнесено *въ рядъ коллегій* государственныхъ и основано монаршимъ указомъ и *сенаторскимъ приговоромъ*“. *Н. А. Заозерскій.* О ц. власти, стр. 332—333. Курсивъ подлинника.

[2]) ib. стр. 334 и 336. [3]) *С. Г. Рункевичъ*, стр. 133.

[4]) *П. Лапинъ*, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. (Историко-каноническій очеркъ). Казань 1909 стр. 369—370.

[5]) По этому поводу *С. Г. Рункевичъ* справедливо пишетъ: „Конечно, едва ли можно сомнѣваться, что Стефанъ „нехотя“ подписалъ Духовный Регламентъ,—этотъ актъ, въ

Самъ С. Г. Рункевичъ даетъ блестящее доказательство вынужденности подписей духовенства, подробно разсказывая *какъ* собирались эти подписи[1]). Послѣ рѣшительнаго повелѣнія Государя: „надлежитъ архіереямъ и вамъ (сенаторамъ) оной (т. е. Регламентъ) подписать“[2]), одинъ экземпляръ Регламента, по опредѣленію Сената отъ 9 Марта 1720 г., былъ посланъ въ Москву съ подполковникомъ Семеномъ Давыдовымъ нарочно, а до его посылки были вызваны въ Москву архіереи ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Духовенство обязано было явиться въ Москву неотложно къ 1 мая. Въ свою очередь Давыдовъ долженъ былъ предложить имъ (духовенству) указомъ царскаго величества, чтобы они, выслушавъ оный (т. е. Регламентъ), подписали руками своими, и какъ подпишутся, ѣхать имъ въ свои мѣста по-прежнему. Если же изъ нихъ которому архіерею за какою болѣзнью быть въ Москвѣ невозможно, то къ нему за подписью ѣхать Давыдову съ Антоніемъ[3]), самимъ немедленно и „велѣть тому подписать“ вмѣстѣ со своими архимандритами и игуменами. А если кто не станетъ подписываться, у того взять письменное объясненіе, по какой именно причинѣ не подписывается, и о томъ, а также если бы кто и не далъ требуемаго письменнаго объясненія, писать въ Сенатъ съ нарочною почтою, а не подписавшемуся объявить указомъ царскаго величества, чтобы не выѣзжалъ изъ Москвы

составленіи котораго онъ не принималъ никакого участія, который окончательно погребалъ его менту—патріаршество и въ которомъ лично для него было столько уколовъ—и въ униженіи предназначеннаго ему президентскаго званія, и въ грубомъ осужденіи той манеры церковнаго проповѣдничества, которой придерживался Стефанъ. „Не хотя“ потомъ онъ принялъ и президентство въ Синодѣ, какъ о томъ и свидѣтельствуетъ современникъ Стефана, архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, въ предисловіи къ изданному имъ впослѣдствіи сочиненію Стефана „Камень вѣры“ (изд. 1730 г.)“. *С. Г. Рункевичъ*. ст. 124—125.

1) стр. 121—133.

2) Выписавъ этотъ указъ Петра Сенату, Рункевичъ дѣлаетъ слѣдующее характерное замѣчаніе: „Пропустивъ почему то слова: „для подписанія“, А. Голубевъ въ своемъ очеркѣ св. синода („Внутр. бытъ“ II, 230) совершенно неосновательно утверждаетъ, будто, цѣль посылки проекта духовнаго регламента въ епархіи не объяснена въ указѣ“, и высказываетъ предположеніе, что „быть можетъ монархъ хотѣлъ, чтобы епархіальныя власти близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и пополненія къ проекту, какихъ требовали нужды ея; другими словами: быть можетъ государь хотѣлъ привлечь къ участію въ составленіи духовнаго регламента и провинціальное духовенство“. Это наивное предположеніе относительно акта, закрѣпленнаго уже высочайшею подписью, окончательно устраняется двумя пропущенными авторомъ словами высочайшаго указа: „для подписанія“. Не для исправленія или пересоставленія, а для подписанія“. (Его соч. стр. 121). Итакъ, если Регламентъ былъ предъявленъ *только* для *подписанія*, и при томъ для подписанія во что бы то ни стало, въ силу Высочайшаго повелѣнія, то можно ли говорить, какъ это дѣлаетъ Рункевичъ о „единогласномъ“, разумѣется, свободномъ принятіи новой формы центральнаго управленія Русской Церкви?

3) При отправкѣ Давыдова посланы были съ нимъ указы Сената Златоустовскому архимандриту Антонію и Московскому вице-губернатору Воейкову о томъ, чтобы вмѣстѣ съ Давыдовымъ они предлагали собравшемуся духовенству подписываться подъ Регламентомъ. *С. Г. Рункевичъ*, 127.

никуда безъ указа. И обо всемъ еженедѣльно рапортовагь Сенату[1]). Когда же Черниговскій и Переяславскій архіереи немного замѣшкались, Сенатъ 14 августа 1720 г. постановилъ приказать Кіевскому губернатору *выслать* ихъ въ С.-Петербургъ. Въ указѣ этимъ архіереямъ было сказано: „Великій Государь указалъ... выслать васъ въ Санктъ питеръ бурхъ по прежнему, не смотря на твои никакие отговоры і болѣзни"[2]). И дѣйствительно, Регламентъ предъявлялся для подписи всѣмъ, кому было приказано, и духовенство спѣшно и безпрекословно подписывало, вѣроятно, совсѣмъ не читая.

§ 6. Назначеніе личнаго состава и содержанія, открытіе Духовной Коллегіи 14 февраля 1721 г.

Возвращеніе Давыдова изъ командировки 4 января 1721 г. вызвало оживленіе. Можно и нужно было приступить къ самой организаціи Духовной Коллегіи. Первыми вопросами въ этомъ направленіи были: 1) кто войдетъ въ составъ членовъ новаго учрежденія и 2) какъ они будутъ матеріально обезпечены.

Кандидаты въ члены Духовной Коллегіи. Личный составъ Духовной Коллегіи постепенно уже намѣчался, однако, окончательно опредѣлился не сразу. Несомнѣнно, нельзя было обойти *Стефана* Яворскаго, давно утратившаго всякій авторитетъ, но тѣмъ болѣе удобнаго въ качествѣ перваго президента Духовной Коллегіи. Для новаго дѣла весьма нуженъ былъ *Ѳеофанъ* Прокоповичъ, авторъ Регламента и истолкователь воли Петра въ отношеніи церковнаго уклада. Полезенъ былъ и другой сотрудникъ Государя *Ѳеодосій* Яновскій, первый архимандритъ Александро-Невскаго монастыря. 31 декабря 1720 г. Петръ велѣлъ Стефану Яворскому обоимъ имъ „объявить" санъ архіепископа[3]), быть можетъ, именно въ виду близкаго назначенія ихъ членами Духовной Коллегіи. Что касается другихъ лицъ, то среди нихъ Петръ намѣтилъ архимандритовъ Симоновскаго монастыря—*Петра*, Донского—*Іероѳея* и Высоко-Петровскаго—*Леонида*. По его повелѣнію 15 января 1721 г. кабинетъ-секретарь Макаровъ черезъ Сенатъ вызвалъ ихъ изъ Москвы въ Петербургъ, куда они и выѣхали 27 января[4]). Были, впрочемъ, проекты и болѣе радикальнаго характера относительно состава Духовной Коллегіи. Такъ въ Государственномъ Архивѣ (Кабинетъ, II, кн. 50 л. 121) имѣется слѣдующій списокъ, *въ которомъ не забыты и міряне*. Документъ этотъ никѣмъ не подписанъ.

---

[1]) Ibidem. М. А. М. Ю., кн. 764, л. 36—37.

[2]) М. А. М. Ю., кн. 764 л. 102, 629.

[3]) Въ первой книгѣ Высочайшихъ повелѣній, хранящихся въ залѣ засѣданій Св. Синода, на л. 31 имѣется слѣдующее собственноручное письмо Петра къ Стефану Яворскому: „Че(с)нѣ(й)шиі о(т)че. Епи(с)копу псковъскому а(р)хиепи(с)копъство о(б)яви(т) и а(р)хима(н)дрита невъского Ѳеодосия наре(ч) а(р)хиепи(с)копо(м) новогоро(д)ски(м) сие і(з)во(л) завътра учини(т). Петръ. въ 31 дека(б)ря 1720.

[4]) Подробно у *С. Г. Рункевича*. стр. 134.

„Царскому Величеству к разсужденію персоны в духовное коллеґіумъ удобныя.

Архіереи

Ѳеофанъ епископъ псковскій,

Варлаамъ епископъ суздалскій,

Гавріилъ Ѳедоровичъ префектъ, можетъ быть Архіереемъ,

Архімандріты

Петръ Архімандрітъ симоновскій в москвѣ,

Леонидъ Архімандрітъ петровскій в москвѣ,

Ероѳей Архімандрітъ донскій в москвѣ,

Адроникъ Іеромонах Nевскій можетъ быть Архімандрітом,

Протопопы

Іоанъ протопопъ троецкій в санктъ питеръ бурхе,

Петръ іерей самсоновскій при санктъ питеръ бурхе, можетъ быть протопопом

Мирскія,

Василей Ершовъ,

Михайло Аврамовъ[1]), или которых царское величество изволитъ и сенаторы присовѣтуютъ по пропорцыи помянутаго коллеґіумъ[2]),

Забота о матеріальномъ обезпеченіи. Пока выяснялись другія лица, тѣ, кто считались несомнѣнными кандидатами въ члены новой Коллегіи занялись вопросомъ о своемъ матеріальномъ обезпеченіи. Въ то время вопросъ о жалованьи чиновникамъ былъ однимъ изъ наименѣе ясныхъ и прочно рѣшенныхъ вопросовъ государственной службы. Поэтому, чтобы не проиграть, Стефанъ, Ѳеофанъ и Ѳеодосій подали 16-го января свое *„мнѣніе о опредѣленіи трактамента коллегіатамъ Духовной Коллегіи“*[3]).

---

[1]) О личности Аврамова и его приверженности къ старинѣ и патріаршеству см. выше въ „Обзорѣ литературы“.

[2]) Этотъ списокъ былъ уже напечатанъ *С. Г. Рункевичемъ* въ статьѣ: „Арх. Ѳеофанъ Пр. въ его перепискѣ съ Петромъ В.“ Странникъ, 1906, стр. 206. Но тамъ ошибочно указано мѣсто нахожденія этого документа.

[3]) М. А. М. Ю. кн. 764 л. 301—302 (*Барановъ*, I, 809) Тамъ ошибочно сказано, что оно подано 16 января *1720 г.* Этотъ любопытный документъ очень важенъ для характеристики даннаго историческаго момента, и потому долженъ быть напечатанъ полностью, а не въ выдержкахъ, какъ у *С. Г. Рункевича*, стр. 134—135. „Архіереовъ, лишенія ради потребныхъ, чтобъ не прелщала и не манила ни лучшая во изобиліи епархіа. А Архимандритовъ ни лучшее Сергіевское Архимандричество, но опредѣлены бъ были по чину и важности дѣла ихъ довольствомъ противъ лучшихъ и изобилныхъ епархій, А Архимандриты противъ лучшихъ монастырей, дабы простирались во опредѣленномъ в коллегіи дѣлѣ не уныло, и правдиво. И ежели опредѣленный противъ другихъ коллегій трактаментъ будетъ не доставать духовнымъ коллеґіатамъ въ доволство умѣренное; противъ лучшихъ епархій и монастырей, А царское Величество отмѣнить оныхъ вышьшимъ противъ другихъ коллегій трактаментомъ не изволитъ, то хотя противъ другихъ былъ бы опредѣленъ. И ежели возмнится что нижнимъ чинамъ [отъ духовной Коллегіи опредѣлить противъ другихъ коллегій трактаментъ] много и то отдать въ диспозыцію всей духовной коллегіи, которая украсть и себѣ усвоить не своего не можетъ. Но будетъ усматривать ежели

На основаніи этого мнѣнія былъ произведенъ точный разсчетъ сколько кому слѣдуетъ назначить жалованья[1]).

Назначеніе жалованья. 16 января 1721 г. Петръ былъ въ Сенатѣ и слушалъ цѣлый рядъ докладовъ. Среди списка ихъ была, между прочимъ, такая статья: „1. О подпискѣ подъ Духовнымъ Регламентомъ Архиереовъ и архимандритовъ". Очевидно въ этотъ именно день оффиціально обсуждался вопросъ, что дѣлать далѣе, такъ какъ Регламентъ Давыдовымъ привезенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было доложено Петру и вышеупомянутое „мнѣніе", по крайней мѣрѣ слѣва, рядомъ съ приведенной статьей докладного списка, Государь собственноручно написалъ: „о жалова(н)е | поговоря | положи(т) | "[2]). На основаніи этого сдѣлана была справка сколько получаютъ президенты и члены свѣтскихъ коллегій, а 18 января Петръ собственноручно написалъ слѣдующую записку: президе(н)ту три тысячи | вицепрезиде(н)то(м) по двѣ |

который коллегіатъ въ должности своей не прилѣженъ и неисправенъ тому не токмо удержать часть нѣкую отъ трактамента, но и всего лишить. И хотя нынѣ видятся по мнѣнію нѣкоторыя персоны худенкія и недостаточныя, и будто нарочитаго тракътамента недостойны, А впредь надѣятися мощно отъ обученія въ дѣлахъ изъ нихъ и из сукцесоровъ ихъ которые достойны будутъ и лучшаго трактамента, но который нынѣ опредѣлится впредь не премѣненъ пребудетъ. На примѣръ содержаніе единаго Архимандрита что ему надобно, по крайней въ скудости мѣрѣ, *служителей угодныхъ и лошадей:* Для служенія праздничнаго и публичныхъ церемоній церковныхъ 1 діаконъ с ризницею. Для отправленія славословія, и с кѣмъ бы было отъ скуки слово промолвить 1 Іеромонахъ, или монахъ честный. 1 келейникъ который бы былъ всегда при келье, 1 поваръ, 1 конюхъ, 3 лошади, 1 служитель который бы за нимъ пошолъ или поѣхалъ, 1 служитель, которой бы про него купилъ есть, и пить, што надобно и записывалъ, что бъ не самъ архимандритъ ходилъ в торгъ, и за секретаря тоже. Въ лѣто держать верейку четыревеселную, к ней 5 человѣкъ, а ежели и буеръ к нему 2 человѣка. *Домъ и что до него надлежитъ.* Понеже въ единомъ дому равночестнымъ персонамъ всегдашнее житіе не без трудности великой, ради сваровъ и ссоръ хотя не между ими но между служителми ихъ, которымъ сварамъ и ссорамъ не быть невозможно, того ради чтобъ коллегіаты отъ такихъ крамолъ были свободны: домъ коемуждо особный былъ бы, по крайней въ скудости мѣрѣ, келья на пріятіе чужого человѣка, келья гдѣ самому жить, келья гдѣ книжицы и прочія вещи положить, келья для діакона и монаха, келья для служителей, поварня и что до ней по пропорціи людей надлежитъ, конюшня и что до лошадей и къ ѣздѣ надлежитъ, погребокъ на питье и что до него по пропорціи людей надлежитъ, сущило гдѣ припасы по пропорціи людей положить, пища, и одежда в годъ самому, діакону, монаху, и служителемъ, а ежели что за симъ будетъ оставатся, для болныхъ случаевъ на доктора, и медыкаменты, и на иныя необходимыя случайныя нужды. И по сему примѣру не токмо противъ лучшихъ, но и противъ малыхъ Архимандрическихъ монастырей будетъ мизернѣе. Такожде хотя неравною мѣрою и о протопопахъ, которымъ отъ коллегіи не будетъ времени волочитца съ кадиломъ по могиламъ, и имянинные, и водосвятные молебны пѣть, и чужихъ обѣдовъ наблюдать, такожде иманство до котораго скудость приводитъ пресѣчется, А который трактаментъ получали онѣ за протопопство тотъ в число положить видится обидно, понеже много такихъ персонъ въ государствѣ которыя содержатъ не единъ чинъ, а за всякій получаютъ особливый трактаментъ. Смиренный Стефанъ Митрополитъ Рязанскій. Смиренный Ѳеофанъ Архіепископъ Псковскій. Ѳеодосій Архимандритъ Александро-Невскій.

[1]) Подробно у *С. Г. Рункевича*, стр. 135—136.

[2]) Сенатскій Архивъ, Книга Выс. повел. № 18 л. 29.

тысячи по петисо(т) | сове(т)нико(м) по тысячи | асе(с)соро(м) по [1]) шти | со(т) сия дача iмѣе(т) | бы(т) [2]) с тѣмъ что онѣ | могу(т) получи(т) [3]) | i(з) своi(х) мѣстъ а iме(н)но | а(р)хиерей i(з) епа(р)хе(й) а(р)хи | ма(н)дриты i(з) мона(с)тыре(й) | а протопопо(м) съ i(х) жало | ва(н)е(м). | Генваря 18 дня 1721 года[4]).

Назначенiе личнаго состава присутствiя. Между тѣмъ вопросъ о личномъ составѣ все еще не былъ рѣшенъ. Болѣе или менѣе неоффицiально намѣчались слѣдующiя лица: архiереи Стефанъ, Ѳеодосiй и Ѳеофанъ; архимандвиты Петръ Симоновскiй, Леонидъ Петровскiй, Iероѳей Донской, Гаврiилъ Ипатьевскiй, Андроникъ, iеромонахъ Александро-Невскiй, про котораго сказано: можетъ быть архимандритомъ; протопопы Iоаннъ Троицкаго собора и Петръ iерей Сампсонiевскаго собора[5]). Кромѣ нихъ называли „одного чернаго греческаго священника“ (Анастасiя Кондоиди)[6]) и iеромонаха Варлаама Овсяникова[7]).

Тѣмъ временемъ были составлены на черно манифестъ объ учрежденiи Духовной Коллегiи и текстъ присяги ея членовъ. Въ черновикѣ манифестъ обрывался словами: „опредѣляемъ же въ сей духовной коллегiи быт *именованым* зде членам“, между тѣмъ, какъ имена членовъ были еще неизвѣстны. Поэтому, чтобы не задерживать дѣла, Ѳеодосiй Яновскiй дописалъ эту фразу такъ, что она обратилась въ бланкетную: „одному президенту, двоимъ вицепрезыдентомъ: четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ“ и проч., а самъ Петръ прибавилъ требованiе принести присягу, слова о „крайнемъ судiи“ и кое что исправилъ[8]).

25 января 1721 г. Петръ подписалъ манифестъ[9]). Былъ окончательно готовъ и бѣловой текстъ присяги. А на другой день[10]) Сенатъ представилъ Государю слѣдующiй докладъ:

„Вашему Царскому Величеству, по мнѣнiю Господъ сенаторовъ предложено быть въ Духовной Коллегiи. Президентъ изъ Митрополитовъ 1. Вице-Президентовъ изъ Архiепископовъ 2. Совѣтниковъ изъ Архимандритовъ 4. Ассессоровъ изъ Протопоповъ 3. Да изъ греческихъ черныхъ священниковъ 1. Всего 11. И на то мнѣнiе о жалованьи онымъ указъ учиненъ, которая дача имѣетъ быть съ тѣмъ, что они могутъ получать, архиереи изъ епархiй, архимандриты изъ монастырей, а протопопы изъ жалованьемъ. А которыхъ епархей архиереомъ, а монастырей архимандритомъ и протопопомъ во оныхъ чинѣхъ быть о томъ указомъ не опредѣлено, а безъ того дачу жалованья, къ получаемому ихъ доходу положить невозможно“.

---

[1]) Зачеркнуто: пятисот. [2]) Зачеркнуто: в добавку.

[3]) Зачеркнуто: а iменно.

[4]) Сенатскiй Архивъ, Книга Выс. пов. № 18 л. 11; Копiя въ кн. 5 л. 112. П. С. З. VI, 3712.

[5]) М. А. М. Ю. кн. 764 л. 304.

[6]) ib. л. 305. [7]) ib. л. 305. [8]) См. наше изданiе т. II, № 1.

[9]) См. подлинникъ въ Сенатскомъ Архивѣ. О немъ у насъ т. II, № 1.

[10]) М. А. М. Ю. кн. 764 л. 622.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Петру былъ представленъ и слѣдующій окончательный списокъ лицъ:

„Въ Духовной Коллегіи Архіереи Президентъ Стефанъ Митрополитъ Рязанскій. Вице-Президенты Архіепископы Ѳеодосій Новгородскій, Ѳеофанъ Псковскій. Совѣтники Архимандриты Петръ Симоновскій, Леонидъ Петровскій, Ероѳей Донскій, Гавріилъ Ипацкаго монастыря. Ассесоры Протопопы Иоанъ Троицкій Петръ Іерей Сампсоніевскій. Да греческой черной священникъ. А о четвертомъ кого Духовная Коллегія заблагоразсудитъ“. Подъ этимъ спискомъ Петръ собственноручно написалъ слѣдующую резолюцію: „Си(х) при(з)ва(е) в Сена(т) о(б)яви(т) та(к)же ука(з) і(м) вручи(т) і присягу“[1].

Согласно резолюціи Государя „вышеписанные Его Царскаго Величества указы и присяга при собраніи Сената правительствующему Духовному Синоду объявлены Генваря 27 дня, о чемъ имянно и записано того мѣсяца въ протокольной книгѣ“[2]). Впрочемъ, не всѣ 11 членовъ Духовной Коллегіи были на лицо. Они прибывали постепенно и присягали въ разныхъ числахъ января и февраля до самаго открытія засѣданій 14-го числа этого мѣсяца[3]).

Съ 25 января 1721 г., когда Петръ подписалъ манифестъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи, она была признана существующей и новый порядокъ управленія наступившимъ. Поэтому Сенатъ предписалъ Московскому вице-губернатору Воейкову выслать въ Петербургъ, въ Духовную Коллегію, безъ промедленія, всякія указныя книги и дѣла патріаршихъ Духовнаго и Казеннаго приказовъ, кромѣ вотчинныхъ и по сборамъ доходовъ, съ дьяками и подъячими и при нихъ прочихъ служителей[4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Духовную Коллегію направлялись и новыя дѣла[5]). По указу Петра для засѣданій Духовной Коллегіи былъ отведенъ домъ покойнаго ген.-лейт. Брюса и отпущены деньги на его оборудованіе и содержаніе. Митрополита Стефана Сенатъ извѣстилъ объ этомъ *указомъ* на имя „Президента Духовной Коллегіи“[6]). 9 февраля 1721 г. состоялось первое неоффиціальное засѣданіе Духовной Коллегіи, а 14-го она была торжественно открыта послѣ богослуженія въ Троицкомъ соборѣ[7]).

---

[1]) Сенатскій Архивъ, Книга Выс. пов. № 18, л. 19—20.—*Барановъ*, I, 819.—*С. Г. Рункевичъ*, на стр. 137 своего сочиненія пишетъ, что „подлиннаго документа о назначеніи членовъ Синода не сохранилось въ сенатскомъ дѣлѣ“ и потому строитъ свою гипотезу, какъ состоялся этотъ указъ. Въ этой гипотезѣ нѣтъ нужды, потому что назначеніе состоялось резолюціей Петра на Всеподданнѣйшемъ докладѣ Сената, который и сохранился въ Сенатскомъ Архивѣ.

[2]) Сенатскій Архивъ, Книга Выс. пов. № 18 л. 26 об.

[3]) О. А. С. С. I, 151.

[4]) М. А. М. Ю. кн. 764 л. 307. 308.—П. С. П. I, 27.—*С. Г. Рункевичъ*, 137—138.

[5]) *С. Г. Рункевичъ*, 138.

[6]) *С. Г. Рункевичъ*, 138. Письмо Макарова напечатано имъ не вполнѣ точно.

[7]) Подробно и точно у *С. Г. Рункевича*, 138—141.

§ 7. Манифестъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи и присяга членовъ.

Манифестъ. Учрежденіе Духовной Коллегіи было формально объявлено народу манифестомъ 25 января 1721 г. Какъ и Духовный Регламентъ, этотъ манифестъ, въ основѣ своей былъ составленъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и затѣмъ исправленъ и существенно дополненъ Ѳеодосіемъ Яновскимъ и самимъ Петромъ[1]). Въ своемъ окончательномъ видѣ манифестъ распадается на слѣдующія семь частей. Въ немъ 1) указывается причина, *почему* Петръ приступилъ къ „исправленію чина духовнаго". Эта причина усматривается въ отвѣтственности предъ Богомъ въ томъ случаѣ, если бы государь, получившій свыше такую помощь въ исправленіи воинскаго и гражданскаго чина пренебрегъ бы исправленіемъ чина духовнаго, „видя (однако) въ немъ много нестроенія, и великую въ дѣлахъ его скудость". Но почему же государь считаетъ себя обязаннымъ заботиться объ исправленіи не только воинскаго и гражданскаго чина, но и чина духовнаго? Не обязана ли заботиться объ этомъ только духовная власть? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ первыя слова манифеста, которыя можно перефразировать такъ: „по долгу высокой богоданной власти, между многими заботами (попеченми) о исправленіи русскаго народа, посмотря и на духовный чинъ... возъимѣли мы страхъ, да не явимся не благодарни... и безотвѣтни о толикомъ намъ отъ него врученномъ приставленіи". Значитъ забота о духовномъ чинѣ считается входящей въ задачи Богомъ данной государю высокой *государственной* власти.

2) Въ манифестѣ говорится *о самомъ учрежденіи Духовной Коллегіи*, а именно, что въ виду обнаруженнаго нестроенія, „воспріявъ попеченіе и о исправленіи чина духовнаго, а не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства", государь уставляетъ или учреждаетъ „Духовную Коллегію, т. е. духовное соборное правителство, которое по слѣдующемъ здѣ регламентѣ имѣетъ всякіе духовные дѣла въ всероссійской церквѣ управлять". Къ этимъ словамъ добавлено прежде всего, что государь воспріялъ попеченіе о духовномъ чинѣ и уставилъ Духовную Коллегію „образомъ прежднихъ, какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтѣ благочестивыхъ царей", т. е. вновь аргументируется вмѣшательство государя въ духовную сферу. Однако эта фраза выражаетъ не совсѣмъ то, что ею хотѣли выразить. Цари временъ ветхозавѣтной іудейской теократіи не могли служить образцомъ для Петра, ибо въ Россіи не было теократіи. Съ другой же стороны не могли служить примѣромъ и новозавѣтные цари греческіе или византійскіе, ибо Петръ сознательно уклонялся отъ слѣдованія ихъ образцу[2]), московскіе же государи никогда не присваивали себѣ исключительнаго права единолично реформировать церковное управленіе и жизнь. Посему эта фраза могла означать ссылку только на примѣръ государей западно-европей-

[1]) См. текстъ въ т. II, № 1.
[2]) См. выше, гл. II, Б. (стр. 89).

скихъ государствъ, гдѣ новыя научныя, философскія и политическія теоріи дѣйствительно усвояли свѣтскимъ монархамъ всю полноту державной власти въ предѣлахъ ихъ государственной территоріи и въ этомъ смыслѣ слова объ образѣ прежнихъ благочестивыхъ царей вполнѣ согласуются какъ съ начальными словами манифеста, такъ и съ подобными выраженіями въ другихъ законодательныхъ и оффиціальныхъ актахъ эпохи Петра. Понятіе „христіанскій“ въ указахъ того времени часто обозначаетъ собою „европейскій“. Напр.: „Понеже всѣмъ вѣдомо есть, что во всѣхъ *христіанскихъ* государствахъ непремѣнно обычай есть Потентатамъ супругъ своихъ короновать“,—государь коронуетъ и свою супругу Екатерину I[1]. Подобно этому звучитъ и первое законодательное опредѣленіе сущности верховной власти Русскихъ государей, какъ извѣстно къ тому же заимствованное изъ шведскаго права[2]: „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣтъ дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, *яко христіанскій* государь, по своей воли и благомнѣнію управлять“[3]. Но какъ государь христіанскій, т. е. европейскій, Петръ принималъ ту же теорію происхожденія и сущности своей власти, которая господствовала тогда въ Европѣ, т. е. теорію абсолютной монархіи, основанной на договорѣ. По этой теоріи задача власти есть общее благо, стремленіемъ къ которому Петръ многократно мотивировалъ свои указы съ самаго начала XVIII в. и гораздо раньше, чѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ цѣликомъ пересадилъ на русскую почву философію естественнаго права въ своей „Правдѣ воли монаршей“[4].

Такимъ образомъ, очевидно, что въ манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи Петръ выступаетъ носителемъ абсолютной государственной власти европейскаго характера, которая считала себя въ правѣ и обязанной во имя общаго блага заботиться не только о свѣтскихъ, но и о духовныхъ дѣлахъ своего государства. Слѣдовательно этотъ манифестъ, какъ и Духовный Регламентъ, особенно его первая часть, стоятъ на одной и той же государственно-правовой точкѣ зрѣнія западнаго происхожденія и новой въ Россіи[5].

---

[1]) П. С. З. VII, № 4366, 15 ноября 1723 г.

[2]) *Акад. А. С. Лаппо-Данилевскій*, Идея государства въ Россіи. Голосъ Минувшаго, 1914, № 12, стр. 28—29.

[3]) Толкованіе къ 20 артикулу III-й гл. Воинскаго Устава. П. С. З. V, № 3006, стр. 325.

[4]) *М. М. Богословскій*, Петръ Великій (опытъ характеристики) и *Д. А. Жариновъ*, Петръ Великій, какъ законодатель, въ Сборникѣ Сытина „Три вѣка“, т. III.

[5]) Комментируя тѣ же слова этого манифеста, проф. *Е. Н. Темниковскій* пишетъ: „Эти слова исключаютъ, какъ намъ кажется, мысль о томъ, что реформа предпринимается государемъ, какъ церковною властью. Государь законодательствуетъ въ Церкви, какъ органъ власти государственной. Исправленіе чина духовнаго поставлено рядомъ съ исправленіемъ воинскаго чина и чина гражданскаго. Забота объ исправленіи духовнаго чина съ его нестроеніемъ и великой въ дѣлахъ его скудостью представляется какъ одно изъ многихъ попеченій объ „исправленіи народа“, и „прочихъ подданныхъ государствъ“. Не измѣняютъ дѣла и религіозно-нравственные мотивы реформы. И протестантскіе ландесгерры,

Вторымъ добавленіемъ къ разбираемой части манифеста являются собственноручно вставленныя Петромъ слова: „понеже въ единой персонѣ не без страсти бываетъ ктомуж не наслѣдственная власть того ради вяще небрегут“. Слова эти поясняютъ, почему государь для исправленія духовнаго чина не видѣлъ лучшаго способа, какъ установленіе Духовной *Коллегіи*, т. е. духовнаго соборнаго (слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *коллегіальнаго*) правительства. Единая или единоличная персона пристрастна и не заинтересована въ достоинствѣ своей власти и добрыхъ результатахъ ея примѣненія, потому что она не наслѣдственна. Эти слова очень ярко отражаютъ въ себѣ разочарованіе Петра въ ближайшемъ историческомъ прошломъ русской іерархіи и вскрываютъ основную причину замѣны единоличной патріаршей власти коллегіальнымъ органомъ, зависимымъ во всемъ отъ Монарха. Вписанныя въ черновикъ манифеста самимъ царемъ, онѣ существеннымъ образомъ дополняютъ собою „вины“ Духовнаго Регламента.

Въ заключеніе необходимо добавить, что въ этой части манифеста, гдѣ говорится о самомъ фактѣ учрежденія Духовной Коллегіи, рѣчь ведется отъ имени только самого государя. Весьма любопытно, что здѣсь нѣтъ и намека на чье-либо участіе въ обсужденіи и осуществленіи реформы, нѣтъ даже того лицемѣрнаго заявленія Ѳеофана Прокоповича, которое нашло себѣ мѣсто на заглавномъ листѣ Духовнаго Регламента, будто „Духовное Сѵнедріонъ или Коллегіумъ, т. е. соборное духовныхъ дѣлъ правительство“ уставлено было „по *соизволенію* и приговору Священнаго Собора“ (послѣ исправлено: „всероссійскаго духовнаго чина“). Въ манифестѣ, составленномъ также Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, Петръ выступаетъ открыто какъ церковный реформаторъ, съ яснымъ сознаніемъ, что „можетъ Монархъ Государь законно повелѣвати народу не только все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится; только бы народу не вредно и воли Божіей не противно было. Сему же могуществу его основаніе есть вышеупомянутое, что народъ правительской власти своей со-

законодательствуя въ духѣ территоріальной теоріи, дѣйствовали въ качествѣ „христіанскихъ государей“. Мало того, религіозно-нравственная мотивировка важнѣйшихъ актовъ власти для просвѣщеннаго абсолютизма была весьма распространеннымъ пріемомъ редактированія такихъ актовъ; этимъ пріемомъ имѣлось въ виду въ интересахъ авторитетности актовъ государственной власти использовать религіозно-нравственную мотивацію поведенія подвластныхъ. Подчеркиваніемъ обязанности и отвѣтственности предъ сверхземной властью разсчитывали запечатлѣть идею неотвѣтственности и отсутствія обязанности предъ кѣмъ бы то ни было на землѣ. Во всякомъ случаѣ, ничего специфически древнерусскаго въ манифестѣ 25 января 1721 г., при всемъ желаніи, усмотрѣть нельзя“. „Положеніе Императора Всероссійскаго въ Русской Православной Церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти“, Ярославль, стр. 16—17 (изъ № 1 (3) „Юрид. Записокъ“, изд. Дем. Юр. Лицеемъ). Соглашаясь съ авторомъ въ его толкованіи, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ его указаніемъ, будто эти слова манифеста можно считать „навѣянными однимъ мѣстомъ изъ De iure naturae et gentium Пуфендорфа, а именно 3-мъ примѣчаніемъ къ lib. VII, c. 4 § 11. Это примѣчаніе не принадлежитъ Пуфендорфу, а другому лицу. Объ этомъ см. подробно ниже (гл. VII) въ комментаріяхъ къ Духовному Регламенту въ изложеніи философіи Пуфендорфа.

влеклся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежатъ всякiе обряды гражданскiе и *церковные*, перемѣны и церемонiи въ пированiяхъ, свадьбахъ, погребенiяхъ, и пр., и пр., и пр.“[1]).

3) Въ манифестѣ опредѣляется *степень авторитета* новаго учрежденiя и требуется безусловное ему повиновенiе. Какъ оказалось впослѣдствiи эта третья часть манифеста была существенно необходима, ибо учрежденiе Духовной Коллегiи порывало связь съ церковной традицiей, вызывало плохо скрываемое недовольство духовенства и народа и сопротивленiе, или по крайней мѣрѣ непризнанiе и неуваженiе новой власти. И дѣйствительно Духовной Коллегiи еще очень долго пришлось самой отстаивать свое достоинство отъ посягательствъ Сената, другихъ коллегiй, архiереевъ и пр. лицъ.

Эти слова манифеста были настолко важны, что они исчерпали собою цѣлую предполагаемую главу третьей части Духовнаго Регламента. Проектируя эту третью часть, Θеофанъ заявлялъ: „Прочее разсмотрѣть подобаетъ, что Духовное Коллегiумъ должно дѣлать, и какъ въ принесенныхъ дѣлахъ дѣйствовать и поступать, и *какую имѣетъ оно силу* къ вершенiю дѣлъ. И сiя три означаются тремя вещьми, въ титлѣ части сея вышеименованными, яже суть, должность, дѣйство и сила. О всякомъ особь нѣчто поговоримъ“[2]). Но поговорилъ Θеофанъ только о должности. Поэтому при изданiи Духовнаго Регламента къ нему пришлось сдѣлать существенную приписку въ концѣ, послѣ подписей, а именно: „О дѣйствахъ Духовныя Коллегiи собственно здѣсь не написано, понеже Царское Величество приказалъ дѣйствовать по Генеральному Регламенту. *Силу* же Духовныя Коллегiи Его Царское Величество, Высокодержавною своею властью благоизволилъ дать такую, *яковая является въ именномъ* Его Величества *Указѣ, въ началѣ сего Регламента напечатанномъ*“ (и проч.), т. е. въ манифестѣ 25 Января 1721 г.

Однако разсматриваемыя слова манифеста не вполнѣ оригинальны. Отчасти онѣ повторяютъ п. 13-й[3]) инструкцiи епископу при посѣщенiи имъ епархiи[4]), какъ показываетъ это слѣдующая конфронтацiя.

Манифестъ. (Т. II, прил. № 1).	Духовный Регламентъ. (Т. II, Черн. рук. л. 17, п. 13).
И повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, всякаго чина духовнымъ и мирскимъ, имѣть сiе за важное и силное правителство, и у него крайней дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенiя, и вершенiя просить, и судомъ его и опредѣленiемъ	Да вѣсть же всякъ епископъ, каковый онъ ни есть степенемъ, просто ли епископъ, или архiепископъ, или митрополитъ, что онъ Духовному Коллегiумъ, яко верхов-

1) „Правда воли Монаршей“. I. П. С. З., VII, № 4870, стр. 628.

2) Т. II, Черн. рук. л. 35. 3) Т. II, Черн. рук. л. 17.

4) Куда пункты 13, 14 и 15-й попали въ сущности по недоразумѣнiю, какъ объ этомъ подробно сказано ниже въ комментарiяхъ къ соотвѣтствующему мѣсту Духовнаго Регламента.

(послѣ искажено: и судомъ его определеннымъ) удоволятся, и указовъ его слушать въ всемъ подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочіихъ коллегій.	ной власти подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать, и определеніемъ его доволятся (исправлено: доволствоватся) долженъ.

Въ приведеныхъ словахъ манифеста обращаетъ на себя вниманіе еще приравненіе силы указовъ и опредѣленій Духовной Коллегіи къ такой же силѣ *„прочіихъ коллегій“*. Какъ увидимъ ниже, Духовная Коллегія, получившая титулъ Св. Синода, уже не довольствовалась этимъ, а стремилась къ признанію своего равенства съ Сенатомъ и даже стать выше его, когда послѣдній переживалъ трудныя минуты, какъ, напр., послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

4) Четвертая часть манифеста уполномочивала Духовную Коллегію впредь *дополнять свой Регламентъ* новыми артикулами или правилами, въ зависимости отъ требованія обстоятельствъ. Самое предвидѣніе ихъ доказываетъ, что авторъ Духовнаго Регламента, онъ же и авторъ манифеста, отлично сознавалъ неполноту и несовершенство своего творенія. Въ частности онъ зналъ, что двѣ особенно важныя главы второй части Регламента: „2. Презвитеры, діаконы, и прочіи клиръ церковный. 3. Монахи“, обѣщанныя имъ въ началѣ второй части[1]) и несомнѣнно написанныя имъ, хотя бы вчернѣ[2]), не вошли въ Регламентъ въ моментъ изданія манифеста, между тѣмъ издать ихъ было крайне необходимо. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ своего открытія Св. Синодъ занялся изданіемъ этихъ главъ подъ именемъ „Прибавленія о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго“, при чемъ во введеніи къ нему была сдѣлана ссылка именно на разсматриваемыя слова манифеста[3]). Изданіе Духовнаго Регламента было актомъ законодательства, на которое Духовная Коллегія, конечно, не была уполномочена, поэтому и „дополнять Регламентъ свой“ она могла не иначе, какъ съ соизволенія государя. Эта оговорка считалась выполненной и при изданіи „Прибавленія“, почему въ предисловіи къ нему и было упомянуто, между прочимъ, что Прибавленіе издается „соизволеніемъ Его Императорскаго Величества“[4]).

5) Далѣе въ манифестѣ опредѣляется *составъ* Духовной Коллегіи. Оригинально, что черновикъ Θеофана обрывался словами: „Опредѣляемъ же въ сей Духовной Коллегіи быть именованнымъ здѣ членамъ: одному президенту, двоимъ вицепрезидентомъ“. Дальнѣйшія слова: „четыремъ совѣтникамъ, четыремъ ассесорамъ“ и проч. приписаны въ черновомъ рукою Θеодосія Яновскаго. Эта особенность объясняется тѣмъ, что въ моментъ составленія манифеста составъ Духовной Коллегіи еще не былъ установленъ точно, не говоря о томъ, что не было еще вовсе выяснено, какія лица въ нее войдутъ[5]).

---

1) Т. II, Черн. рук. л. 5 об.
2) Объ этомъ см. ниже ст. 195 и слѣд.
3) См. т. II, прил. № 4, п. IV.
4) Объ изданіи „Прибавленія“ см. ниже.
5) См. выше § 6.

6) Дальнѣйшія слова въ манифестѣ также приписаны Ѳеодосіемъ. Онѣ опредѣляютъ, что президентъ Духовной Коллегіи будетъ имѣть *равный голосъ* съ другими, какъ подлежащій „суду своей братіи". Это добавленіе имѣло своей задачей парализовать послѣднюю возможность для президента имѣть какое либо особенное вліяніе на рѣшеніе духовныхъ дѣлъ. Надо замѣтить, что реакція противъ „замаховъ" Никона дошла здѣсь до своего крайняго предѣла и Стефану Яворскому, назначенному президентомъ, ничего болѣе не оставалось, какъ не бывать въ засѣданіяхъ Духовной Коллегіи, что онъ и сдѣлалъ почти въ точности, а правительству, послѣ его смерти,— не назначать больше новаго президента. Такимъ образомъ обезглавленіе и и обезличеніе церковной власти въ Россіи было доведено до желаннаго конца. Очень знаменательно поэтому, что этихъ и слѣдующихъ словъ о присягѣ не было помѣщено въ то изданіе манифеста, которое было первой его *публикаціей* „ради народнаго всѣмъ извѣстія"[1]).

7) Послѣднія слова манифеста принадлежатъ самому Петру. Онѣ устанавливаютъ *обязанность* членовъ Духовной Коллегіи предъ вступленіемъ своимъ въ должность *принести присягу*. Текстъ присяги не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что ею имѣлось въ виду связать совѣсть тѣхъ, на кого выпадала доля замѣнить собою вмѣстѣ съ другими патріарха, съ его „акибы собственной" властью, и совершенно подчинить ихъ „Крайнему Судіи Духовной сей Коллегіи, самому всероссійскому Монарху". То обстоятельство, что слова о присягѣ Петръ вписалъ въ черновикъ манифеста собственноручно, особенно подчеркиваетъ всю энергію и политическую важность его требованія. А упоминаніе имъ „приложенной формы присяги" показываетъ, что текстъ ея уже былъ окончательно выработанъ и имъ самимъ одобренъ.

Присяга. За манифестомъ слѣдовалъ *текстъ присяги*[2]). Онъ также принадлежитъ перу Ѳеофана и распадается на три главныхъ части. Основаніе присяги почти вполнѣ тождественно съ текстомъ присяги членовъ всѣхъ государственныхъ коллегій, для которыхъ онъ былъ напечатанъ въ I главѣ Генеральнаго Регламента 28 февраля 1720 г.[3]). Но этой присяги на вѣрность подданства и службы государю, государынѣ и наслѣднику для членовъ Духовной Коллегіи было мало. Поэтому въ началѣ и въ концѣ были сдѣланы особыя добавленія, которыя и являются особенно характерными. Въ то время какъ общая съ другими коллегіями часть присяги лишній разъ подчеркиваетъ, что Духовная Коллегія учреждалась какъ одна изъ прочихъ государственныхъ коллегій, но со спеціальными духовными задачами, означенныя добавленія оттѣняютъ ея специфическій характеръ и тѣ черты ея членовъ, которыя государство стремилось во что бы то ни стало обезвредить.

---

[1]) См. т. II, прил. № 1, перечень различныхъ текстовъ манифеста, п. 3.

[2]) См. т. II, прил. № 2.—См. любопытныя замѣчанія на этотъ текстъ присяги въ Критикѣ Маркелла Родышевскаго (ниже т. II, Отд. IV стр. 91—107).

[3]) П. С. З. VI, № 3534.

Начальная часть содержитъ въ себѣ специальныя клятвы и обѣщанія 1) „искать всегда самой сущой истинны, и самой сущой правды"; 2) „дѣйствовать вся по написаннымъ въ Духовномъ Регламентѣ уставомъ"[1]) и впредь опредѣленнымъ правиламъ; 3) дѣйствовать безпристрастно, имѣя въ виду „яко вину конечную", дословно съ латинскаго causa finalis,—„славу Божію, и спасеніе душъ человѣческихъ, и всей Церкви созиданіе"; 4) „во всякомъ дѣлѣ сего правителствующаго собранія, яко въ дѣлѣ Божіи, ходити *безлѣностно*, съ всякимъ *прилѣжаніемъ*, по крайней моей силѣ, пренебрегая всякія угодія и покоенія моя"; 5) „и не буду притворять мнѣ невѣжества", но въ случаѣ недоумѣній искать разрѣшенія ихъ въ церковныхъ правилахъ.

Таковы эти специальныя обѣщанія и язвы, противъ которыхъ онѣ направлены.

Дополненіе въ концѣ присяги заключало въ себѣ обѣщаніе не перетолковывать присягу въ умѣ своемъ во время ея произнесенія. Повидимому, составитель присяги, самъ воспитанникъ іезуитовъ, боялся той reservatio mentalis, которая была такъ обычна и такъ гибельна. Нѣкоторые полагаютъ, что эта прибавка къ присягѣ была прямо направлена противъ Стефана Яворскаго и другихъ представителей старо-церковной партіи за ихъ расположеніе къ католическимъ, и „слѣдовательно", іезуитскимъ идеямъ[2]), а вѣрнѣе прямо изъ опасенія съ ихъ стороны притворства.

Но и сказаннаго въ основномъ текстѣ, взятомъ изъ Генеральнаго Регламента, было для Ѳеофана недостаточно. Онъ собственноручно приписалъ къ концу его особое „исповѣданіе" высокаго политическаго значенія: „Исповѣдую же съ клятвою, Крайняго Судію Духовной сей Коллегіи, быти самаго всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго"[3]). Эти слова Ѳеофанъ любилъ часто повторять впослѣдствіи, включая ихъ въ Синодальныя опредѣленія, въ доказательство неизмѣримо бо́льшаго авторитета Св. Синода сравнительно съ „аки-бы собственной" властью московскаго патріарха[4]). Но остальное духовенство всегда смотрѣло на нихъ, какъ на выраженіе особаго униженія церковной власти въ Россіи и полнаго подчиненія ея свѣтской власти. Поэтому противъ нихъ, еще въ 1722 г. протестовалъ Ѳеодосій Яновскій, а затѣмъ и Арсеній Мацѣевичъ[5]).

Отмѣна этой присяги въ 1901 г. Наконецъ въ 1901 г. самъ „Св. Синодъ обратилъ вниманіе на „форму присяги", произносимой Преосвященными

[1]) Это обѣщаніе было очень важно, ибо критика Регламента, который никто внимательно не читалъ, была неизбѣжна.

[2]) *П. Морозовъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 228.

[3]) Т. II, прил. № 2, прим. 23. [4]) См. П. С. П. I, № 112 и др.

[5]) *Свящ. М. С. Поповъ*, Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло. Спб. 1912, стр. 97, 140, 390, 430 и др. Этимъ мѣстомъ присяги соблазнялись и иностранцы—католики. См. переписку Нантскаго епископа Жакме и протоіерея посольской русской церкви въ Парижѣ I. Васильева о зависимости русской церкви отъ свѣтской власти и въ частности о значеніи словъ присяги „Исповѣдую съ клятвою крайняго судію"... (Правосл. Обозрѣніе, 1861 г. № 4 и 5 стр. 212—271 со ссылкою на журналъ L' Union chrétienne).

Архіереями при вызовѣ ихъ въ Синодъ для присутствованія. Такъ какъ форма присяги этой, составленная еще въ царствованіе Императора Петра Перваго, *нынѣ является не соотвѣтствующею современнымъ условіямъ жизни* и въ Правительствующемъ Сенатѣ къ таковой присягѣ вновь назначаемые сенаторы не приводятся, то Св. Синодъ не усматриваетъ надобности приводить къ присягѣ и Преосвященныхъ Архіереевъ, вызываемыхъ въ Синодъ для присутствованія, а потому полагаетъ форму таковой присяги отмѣнить". Въ этихъ выраженіяхъ составленъ былъ всеподданѣйшій докладъ[1]) Государю Синодальнаго Оберъ-Прокурора 23 февраля 1901 г. № 45. Но при этомъ было добавлено: „Объ изложенныхъ предположеніяхъ Св. Синода считаю долгомъ всеподданнѣйше *довести до свѣдѣнія* Вашего Императорскаго Величества". Государь поставилъ на докладѣ „знакъ разсмотрѣнія", и такимъ образомъ, присяга „считается" отмѣненной. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что *юридически* форма отмѣны присяги не соотвѣтствуетъ формѣ ея установленія. Тогда присяга была установлена повелѣніемъ Петра Великаго, теперь она отмѣнена самимъ Синодомъ, а Государю было доложено только „къ свѣдѣнію". Чѣмъ объяснить такой образъ дѣйствій въ столь щекотливомъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій вопросѣ,— неизвѣстно.

§ 8. Ликвидація русскаго патріаршества.

Основанія ликвидаціи. Вызванная къ жизни Духовная Коллегія, переименованная 14 февраля 1721 г. въ Св. Пр. Синодъ[2]), дѣятельно занялась различными вопросами, представлявшимися для нея вопросами первостепенной важности. Между прочимъ были приняты мѣры для того, чтобы устранить по возможности все, что такъ или иначе напоминало собою отошедшее въ область исторіи русское патріаршество. Характеръ этихъ мѣръ заслуживаетъ того, чтобы на нихъ на минуту остановиться.

До манифеста 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи патріаршество въ Россіи номинально продолжало существовать. Съ этого дня патріаршество формально прекратилось, замѣненное Духовной Коллегіей съ титуломъ Св. Синода. Изъ этого обстоятельства логически вытекало, что какъ власть, такъ и имя патріарха должны были смѣниться всюду властью и именемъ Св. Синода. Однако эта замѣна одного другимъ произошла не сразу и не безъ треній. Видимо одинъ фактъ осуществленія Петромъ его церковной реформы еще не былъ достаточенъ для того, чтобы русскіе люди навсегда разстались съ патріаршествомъ, а духовныя учрежденія и лица сами собою осмѣлились пойти навстрѣчу новому порядку вещей и всюду, гдѣ стояло имя патріаршее, поставить имя Св. Синода.

Распоряженія о церковномъ поминовеніи Св. Синода. 14 февраля 1721 г. резолюціей Государя было рѣшено, какъ возносить имя Св. Синода за

[1]) Напечатанъ нами въ т. II, прил. № 5, литера В.
[2]) О принципіальномъ значеніи этого переименованія сказано будетъ ниже.

богослуженіемъ[1]). Резолюцію эту нужно было привести въ исполненіе, поэтому были тотчасъ разосланы всюду указы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ выражается С. Г. Рункевичъ, „разносили по епархіямъ вѣсти о новомъ церковномъ управленіи"[2]). Можно себѣ представить, какъ встрѣчена была эта вѣсть людьми стараго религіознаго міровоззрѣнія. Едва ли они рады были этой вѣсти тѣмъ болѣе, что новое еще невѣдомое учрежденіе слѣдовало поминать въ молитвѣ, гдѣ раньше поминали имя патріарха, а въ періодъ мѣстоблюстительства—всѣхъ восточныхъ патріарховъ. Естественно возникъ конфликтъ между обязанностью поминать Синодъ и потребностью религіознаго чувства поминать, если не своего патріарха, то восточныхъ патріарховъ. Этотъ конфликтъ, въ которомъ принялъ участіе и Стефанъ Яворскій получилъ разрѣшеніе, о которомъ скажемъ ниже[3]). Самъ по себѣ онъ доказываетъ, что ликвидація патріаршества, выразившаяся пока только въ этомъ болѣзненно отозвалась на многихъ.

Исправленіе служебниковъ. Тѣмъ не менѣе надлежало дѣйствовать. 12 марта 1721 г. Св. Синодъ потребовалъ изъ патріаршей ризницы и съ Печатнаго Двора древніе письменные патріаршіе служебники[4]) съ тою, конечно, цѣлью, чтобы намѣтить въ нихъ тѣ измѣненія, которыя вызывались новымъ положеніемъ вещей. И дѣйствительно, опредѣленіемъ 26 іюля того же года рѣшено было печатать Чиновникъ архіерейскаго священнослуженія съ исправленіями относительно возношенія именъ[5]). Однако Св. Синоду пришлось встрѣтиться съ тѣмъ, что типографія Кіево-печерскаго монастыря, уже послѣ открытія Св. Синода, продолжала печатать богослужебныя книги по прежнему безъ всякихъ измѣненій. Поэтому Синодъ потребовалъ отвѣта: „чего ради во ономъ маломъ Требникѣ, которой уже по состояніи Св. Пр. Сvнода печатанъ, не воспоминается, но оставленъ, Св. Сvнода титулъ, которой, по имянному Его И. Величества указу, вездѣ вмѣсто патріарша именованія употреблять повелѣно; и для чего въ молитвахъ водоосвященія и на ектеніяхъ печатано имя Царское, а не Императорское, о которомъ давно уже во всемъ государствѣ распубликовано; и понеже то не по содержанію имянныхъ Его И. В. указовъ учинено, того ради во оной книгѣ тѣ листы перепечатать по надлежащему, дабы изображено было на всѣхъ приличныхъ мѣстахъ имя Императорское, и Св. Пр. Сvнодъ нигдѣ бъ былъ не оставленъ, но вездѣ бъ на своемъ мѣстѣ воспоминался". Чтобы впредъ не было такихъ ошибокъ Св. Синодъ требовалъ къ себѣ для освидѣтельствованія тѣ книги, которыя типографія собиралась перепечатывать[6]).

Выше было замѣчено, что до самаго 1718 г., когда состоялась знаменательная резолюція Петра на докладные пункты Стефана Яворскаго 20 ноября 1718 г., вопросъ объ отмѣнѣ патріаршества не только не былъ рѣшенъ, но и не подымался. Поэтому всѣ патріаршія учрежденія и лица свиты сохра-

[1]) П. С. П. I, 3. [2]) *Рункевичъ*, назв. соч., 142.
[3]) П. С. П. I. № 106, 118. [4]) П. С. П. I, 32.—О. А. С. С. I. 156.
[5]) П. С. П. I, № 159.—О. А. С. С. I. 410. [6]) П. С. П. II, 638, 25 мая 1722 г.

нялись. Между прочимъ были иподіаконы и патріаршіе пѣвчіе, составлявшіе патріаршій хоръ. Теперь возникъ вопросъ о ихъ переименованіи, и 10 марта 1721 г. Св. Синодъ, между прочимъ, спрашивалъ государя: „Пѣвчіе, которые были патріарши, впредь онымъ именоваться ли патріаршими, и коликому числу оныхъ опредѣлить жить въ Санктъ Питербурхѣ, и дабы именовалися *Государевы*, или какъ Его Величество изволитъ, а дѣло бы ихъ при Синодѣ вмѣсто подьячихъ для письма и для служенія архіереевъ пѣть?“ — Со свойственнымъ государю тактомъ, Петръ положилъ резолюцію: „именоваться кажется пристойно: пѣвчіе соборной церкви, а употребить куды хотять, понеже, кромѣ великихъ праздниковъ, мнѣ нужды въ нихъ нѣтъ“ [1]).

Упраздненіе обычая поклоненія патріаршему мѣсту. Мало того, не смотря на очевидное упраздненіе патріаршества, въ Успенскомъ соборѣ и въ церкви Двунадесяти Апостоловъ продолжался обычай поклоненія патріаршему мѣсту во время священнослуженій [2]). Кромѣ того въ названныхъ и въ другихъ храмахъ, гдѣ были устроены патріаршія мѣста, продолжали стоять патріаршіе посохи, эти символы ихъ архипастырской власти. Поэтому 14 августа 1721 г. Св. Синодъ распорядился обычай поклоненія патріаршему мѣсту прекратить, а посохи убрать въ ризницу „того ради, что по имянному Его Ц. Величества указу уставленъ вмѣсто патріаршей персоны, Св. Пр. Синодъ, котораго именованіе и въ церковныхъ священнослуженіяхъ, вмѣсто патріаршаго имени, возносится“ [3]).

Раздѣлъ облаченій. Среди этихъ мѣръ, направленныхъ къ ликвидаціи патріаршества и, въ сущности, естественно вытекавшихъ изъ обстоятельствъ, особенно непріятный характеръ получила раздача оставшихся послѣ Московскихъ патріарховъ мантій и одеждъ. Вѣроятно по подсказу Ѳеодосія Яновскаго, который и объявилъ этотъ указъ Синоду, Петръ, находясь 22 декабря 1721 г. въ синодальномъ домѣ, распорядился: „изъ оставшихся святѣйшихъ Московскихъ патріарховъ мантій и одеждъ, приличествующее на церковное облаченіе, роздать, отъ Синода, въ неимущія своего довольства церкви; а что ко употребленію во облаченіе неудобно, то раздать же синодальнымъ членомъ по распоряженію, безъ оцѣнки и безденежно“ [4]). Такимъ образомъ Петръ, который любилъ и собиралъ всевозможные монстры и раритеты, платя за нихъ не малыя деньги, не пожалѣлъ вещественныхъ остатковъ патріаршества и роздалъ ихъ въ разныя стороны. Св. Синодъ тотчасъ привелъ въ исполненіе указъ государя, вѣроятнѣе всего имъ же самимъ испрошенный, предварительно затребовавъ у ризничаго іеромонаха Филагрія подробной справки о сохранившихся патріаршихъ одеждахъ [5]). Филагрій представилъ двѣ росписи мантій, одеждъ и прочихъ келейныхъ вещей [6]), большую часть которыхъ и распредѣлили между собою синодальные члены, начиная

---

[1]) О. А. С. С. I, № 169.

[2]) По словамъ б. ризничаго патріаршаго дома Филагрія „къ тому мѣсту, по прежнему обычаю, кланяются они и донынѣ“. О. А. С. С. т. I, № 456, стр. 536.

[3]) П. С. П. I, 170.- О. А. С. С. I, № 456. [4]) П. С. П. I, 345.

[5]) Тамъ же. [6]) О. А. С. С. I, Приложеніе XLV.

со Стефана, Θеодосія и Θеофана, кончая протоинквизиторомъ іеродіакономъ Пафнутіемъ, судьею Монастырскаго приказа Ершовымъ, синодальнымъ оберъ-секретаремъ Т. Палехинымъ и даже Синодальной канцеляріи служителями. Эта раздача произошла уже 31 того же декабря. Послѣ этого въ 1722 г. были выданы по приказанію Синода разнымъ лицамъ куски матерій, а по именному указу—три креста синодальнымъ совѣтникамъ архимандритамъ Θеофилакту, Петру и Іероθею. Въ томъ же году „преосв. Θеодосій, въ бытность свою въ кельѣ синодальнаго дома казначея, іеромонаха Филагрія, разсматривалъ оставшіяся патріаршія вещи и взялъ снятый съ бѣлаго чешуйчатаго камчатнаго клобука крестъ золотой, въ которомъ было 10 алмазовъ четверогранныхъ да по концамъ четыре лала, обнизано въ одну нить среднимъ гурмыжскимъ жемчугомъ“[1]).

Этотъ дележъ не прошелъ однако же даромъ. Со вступленіемъ на престолъ Императора Петра II началась, какъ извѣстно, политическая реакція. Вспомнили и о патріаршествѣ. И хотя Синодъ остался по прежнему, но въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ уже 27-го іюня 1727 г. зашла рѣчь „о патріаршихъ панагіяхъ, которыя прежде разобрали синодскіе члены“. Разсудили написать указъ, чтобъ у тѣхъ лицъ, которыя вышли изъ состава Св. Синода оныя отобрать, а у тѣхъ, которыя остаются еще синодальными членами оставить панагіи до тѣхъ поръ, пока будутъ въ Синодѣ, а при уходѣ изъ членовъ—тоже отобрать[2]). Синодъ медлилъ, однако, исполнять рѣшеніе, подписанное Апраксинымъ, Головкинымъ и кн. Дм. Голицынымъ, и ему пришлось напоминать 9 августа того же 1727 г.[3]) и даже 22 марта 1728 г.[4]). Наконецъ, Синодъ отвѣтилъ, что члены Св. Синода панагій изъ патріаршей ризницы себѣ не брали и никакой оныхъ дачи имъ не было, только три креста даны синодальнымъ совѣтникамъ по именному указу, что онъ не спрашивалъ этихъ крестовъ съ получившихъ либо потому, что одни изъ нихъ состоятъ еще синодальными членами, либо потому, что А. Д. Меншиковъ словесно приказалъ не спрашивать и т. д. Сдѣлали однако попытку выяснить у кого и гдѣ находятся патріаршія одежды съ цѣлью возвратить розданное. Оказалось, что онѣ либо сношены, либо подарены третьимъ лицамъ, либо передѣланы и т. д., наконецъ, что многихъ изъ Синода отлучившихся членовъ не обрѣтается и розданныхъ имъ вещей взять не съ кого[5])....

Образованіе синодальной ризницы. Почти одновременно съ роздачею патріаршихъ одеждъ, 12 февраля 1722 г. Петромъ было велѣно „Уложенія Соборныя и ризницу и прочія вещи, которыя были прежде патріарша дому, отдать въ Синодъ съ описными книгами съ роспискою, а таковы жъ описныя книги взнесть въ Сенатъ за ихъ руками, а которыя всякія вещи взя-

1) О. А. С. С. I, № 742, стр. 752.
2) Сб. И. Р. И. О. т. 63, журн. № 399; прот. № 405 (т. 63, стр. 818).
3) Сб. И. Р. И. О. т. 69 стр. 225.
4) Сб. И. Р. И. О. т. 79 стр. 232.
5) О. А. С. С. I, № 742, стр. 753.

ты изъ монастырей, тѣхъ всѣхъ вещей въ Синодъ не отдавать, а взнесть для разсмотрѣнія въ Сенатъ, и изъ того старыя вещи оставить въ Казенномъ Дворѣ, а прочія серебреныя вещи отдать на денежные дворы вѣсомъ съ роспискою"[1]). Изъ вещей, оставшихся въ рукахъ Синода, образовалась уже не патріаршая, а синодальная ризница, которая и была поручена на храненіе іеромонаху Филагрію[2]).

Эти немногіе бытовые штрихи позволятъ намъ довольно ясно представить себѣ, как искоренялась послѣдняя память о патріаршествѣ.

---

[1]) П. С. П. II, 397. [2]) П. С. П. II, 461.

Глава VI.

Изданіе Духовнаго Регламента и „Прибавленія“ къ нему. Описаніе изданій 1721—1904 г.г. и переводовъ Д. Р. на иностранные языки.

---

§ 1. Изданіе Духовнаго Регламента и „Прибавленія“ къ нему.

Необходимость изданія. Ликвидируя патріаршество, Св. Синодъ долженъ былъ позаботиться о возможномъ упроченіи своего положенія. Духовный Регламентъ, этотъ учредительный актъ Духовной Коллегіи, подавляющимъ большинствомъ іерархіи и монастырскихъ властей былъ подписанъ не читая, изъ бѣлаго же духовенства его даже не видалъ никто. Между тѣмъ Духовный Регламентъ кореннымъ образомъ измѣнялъ положеніе Церкви въ государствѣ, содержалъ въ себѣ такъ много принципіально новаго, практически необычнаго, но тѣмъ не менѣе отнынѣ обязательнаго, что надо было еще заставить духовенство узнать Регламентъ, усвоить его содержаніе и нормы[1]). Для этой цѣли, не говоря уже о юридическомъ значеніи его публикаціи, надо было по возможности скорѣе издать Духовный Регламентъ въ печати.

Но одновременно съ вопросомъ объ изданіи Регламента вставалъ и другой вопросъ о необходимости его дополненія.

Составъ Духовнаго Регламента. Какъ выяснено будетъ ниже, въ анализѣ состава и содержанія Духовнаго Регламента, правила о пресвитерахъ и монахахъ являлись *съ самаго начала его интегральной* частью и были сочинены Ѳеофаномъ въ своемъ мѣстѣ[2]). Иначе и не могло быть, такъ какъ „много нестроенія и великая скудость“, отмѣченныя въ манифестѣ 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи, особенно наблюдались именно среди нисшаго и монашествующаго духовенства, хотя бы только потому, что его было несравненно больше числа епископовъ (при Петрѣ было около 25 епархій), и не составить для этого нисшаго духовенства спеціальныхъ правилъ значило бы отказаться отъ намѣренія „исправленія и духовнаго чина“, какъ были исправлены воинскій и гражданскій чинъ[3]). Тѣмъ не менѣе, достовѣрно извѣстно, что эти правила о пресвитерахъ и монахахъ не вошли даже въ Черновую рукопись Духовнаго Регламента, или

---

[1]) Объ обязанности духовенства знать Регламентъ говорится въ „Прибавленіи“— „О пресвитерахъ“ п. 6. Ср. П. С. П. IV, № 1414.

[2]) Доказательства этого см. ниже въ гл. VII въ анализѣ источниковъ Прибавленія въ описаніи рукописей его во II томѣ. [3]) См. манифестъ, т. II, прил. № 1.

были изъяты изъ нея. По крайней мѣрѣ теперь ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ онѣ должны были бы быть, между 17 и 18 листами, но онѣ могли находиться тамъ раньше тѣмъ болѣе, что: 1) листы 2—17 и 18—30 об. писаны неодинаковыми почерками, 2) новый трактатъ „о домахъ училищныхъ" начинается съ новаго 18-го листа, а не только съ новой строчки[1]).

Въ объясненіе того страннаго факта, что самыя, пожалуй, существенныя для реформы и улучшенія церковнаго быта правила не вошли въ окончательную редакцію Регламента, можно привести слѣдующія соображенія. Духовный Регламентъ преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: 1) *учрежденіе* Духовной Коллегіи и 2) *указаніе* замѣченныхъ *недостатковъ* въ русской церковной жизни и мѣръ къ ихъ устраненію. Нормы, необходимыя для осуществленія первой цѣли, хотя и не въ исчерпывающей полнотѣ[2]), вошли въ Регламентъ. Между тѣмъ, указать всѣ несовершенства и мѣры противъ нихъ было физически невозможно. Поэтому Ѳеофанъ ограничился, какъ самъ говоритъ, только примѣрами[3]). Указать же недостатки нисшаго приходскаго и монашествующаго духовенства было такъ же важно, какъ и особенно трудно. Здѣсь было мало однихъ примѣровъ, надо было регламентировать жизнь духовенства и монашества съ возможной полнотой и тщательностью. Такимъ образомъ предстояло одно изъ двухъ: или во что бы то ни стало включить правила о пресвитерахъ и монахахъ въ свое мѣсто въ Духовный Регламентъ и тогда нѣсколько задержаться съ его изданіемъ и, слѣдовательно, съ учрежденіемъ Духовной Коллегіи, поскольку Регламентъ долженъ былъ служить учредительнымъ актомъ; или выдѣлить эти правила въ особое прибавленіе къ Регламенту, не задерживая тѣмъ учрежденія Духовной Коллегіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ не обрекая эти правила на неизбѣжную неполноту и необработанность въ виду спѣшности дѣла. Къ тому же можно было надѣяться, что Духовная Коллегія въ составѣ 11 членовъ разныхъ духовныхъ степеней чернаго и бѣлаго духовенства, занявшись этими правилами тотчасъ по своемъ открытіи, можетъ лучше выработать и обсудить ихъ общими силами, чѣмъ даже всеобъемлющій умъ Ѳеофана, у котораго все-таки могло недоставать опыта относительно быта наиболѣе многочисленнаго и запущеннаго великорусскаго духовенства.

Отвѣчаютъ ли наши соображенія дѣйствительности или нѣтъ, но фактъ на лицо. Правила „о презвитерахъ и монахахъ" были выдѣлены въ особое „Прибавленіе". Предстояло его издать, и это изданіе имѣетъ свою любопытную исторію, очень слабо освѣщенную документами.

Исторія „Прибавленія". До сихъ поръ объ этой исторіи мы знали только то, что въ 1862 г. сообщилъ намъ Пекарскій[4]) со словъ анонимнаго „изъясненія", оказавшагося написаннымъ на одномъ изъ экземпляровъ Ду-

---

[1]) См. т. II, въ описаніи Черновой рукописи.

[2]) См. пропускъ „дѣйства" и „силы" въ III части Духовнаго Регламента.

[3]) Ср. напр. Черн. рук. л. 7 об. послѣ прим. 64.

[4]) *Пекарскій,* Наука и литература т. II, стр. 522—523.

ховнаго Регламента, хранившихся[1]) въ его время въ библіотекѣ Академіи Наукъ. Въ настоящее время мы можемъ прибавить немногое, но за то вполнѣ достовѣрное, это — данныя наблюденій надъ четырьмя рукописями „Прибавленія“[2]).

„Изъясненіе“ составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „По состояніи Св. Синода въ 1721 г., изданъ былъ сей „Регламентъ“, который отъ Его Величества аппробованъ и надписанъ собственною Его Величества монаршею рукою, и тогожъ году сей „Регламентъ“ отданъ былъ въ печать. И по окончаніи изъ печати, къ сему „Регламенту“ отъ Св. Синода членовъ сдѣлано было прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго, и сіе прибавленіе къ сему „Регламенту“ припечатано было и тогда по напечатаніи, какъ есть вещь новая, въ продажу народную пущенъ былъ. И въ то время церкви казанской священникъ Тимофей Семеновъ, который былъ для церковныхъ порядковъ надзирателемъ надъ церквами, просилъ Его Величество къ себѣ въ домъ для крещенія новорожденнаго младенца, и блаженныя памяти Его Величество оному священнику воспріемникомъ быти не отказался, въ домъ его прибылъ и, по совершеніи таинства св. крещенія младенцу, между прочими разговоры оный священникъ предложилъ рѣчь о изрядствѣ изданнаго „Духовнаго Регламента“ и о нѣкоторыхъ пунктахъ Его Величеству предлагалъ, что Е. В. обо всемъ извѣстенъ былъ. Когда же при томъ разсужденіи оный священникъ упомянулъ о приполненіи къ сему „Регламенту“, котораго Его В. еще не видалъ, тотчасъ Е. В. восхотѣлъ оное видѣть и, посмотря, что оное вновь присовокупленное, сказалъ, что я сего еще не видалъ и мнѣ въ докладъ на аппробацію не предложено было. Послѣ, Его Величество, можетъ быть, тѣмъ синодальнымъ членамъ изволилъ выговоръ учинить, и вскорѣ оное прибавленіе отъ „Регламента“ отмѣнено быти стало и со всемъ уничтожено, и въ томъ 1721 г. изволилъ Его Величество изъ Санктъ-Петербурга для мирнаго торжества отъѣхать въ Москву и, будучи тамо, въ 1722 г. сіе прибавленіе отъ Синода Его Величеству на аппробацію предложено было, и Его Величество, аппробовавъ, повелѣлъ сей „Регламентъ“, купно съ прибавленіемъ вновь напечатать въ Москвѣ церковными литеры[3]).

Данныя рукописей. Сохранившіяся рукописи Прибавленія въ общемъ подтверждаютъ этотъ разсказъ, допуская, однако, возможность новыхъ соображеній. Прежде всего мы имѣемъ рукопись *первоначальной* редакціи „Прибавленія“, оффиціально подписанную членами Св. Синода. Эта редакція отличается своею краткостью, меньшимъ количествомъ пунктовъ (въ ней только 27 пунктовъ „О пресвитерахъ“ и 61 пунктъ „О монахахъ“) и отсутствіемъ предисловія и послѣсловія третьей редакціи. Кромѣ того, въ этой первой редакціи нѣтъ еще титула „Св. Синодъ“, а всюду сказано: „Ду-

---

[1]) Повидимому, этого экземпляра уже нѣтъ въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ не могли его найти.

[2]) См. т. II.

[3]) *Пекарскій*, II, 522–523.

ховное Коллегіумъ". Очевидно, что эта первая редакція составлена до 14 февраля 1721 г., а можетъ быть и одновременно съ Регламентомъ. Эта первая редакція, списанная для печати, подверглась нѣкоторымъ дополненіямъ, а именно—къ ней было прибавлено предисловіе и новый пунктъ о метрическихъ книгахъ, который помѣченъ былъ № 27-мъ, а послѣдній пунктъ сталъ 28-мъ. Эта дополненная редакція, которую мы назвали редакціей I[a], сохранилась въ рукописи Библіотеки Московской Синодальной Типографіи № 361, съ которой Прибавленіе, вмѣстѣ съ Регламентомъ и было впервые напечатано „безъ аппробаціи" государя.

Это первое изданіе Духовнаго Регламента съ Прибавленіемъ вышло 16 сентября 1721 г.[1]). 8 ноября 1721 г. Св. Синодъ приказалъ: „Духовный Регламентъ, которой, по имянному Его Царскаго Величества указу, въ Санктъ-Питербурхской типографіи напечатать и въ разпубликованіи быть позволенъ, отправить изъ Св. Пр. Синода по всѣмъ епархіямъ къ архіереомъ и ко учрежденнымъ отъ Синода протоинквизитеромъ при указахъ немедленно, дабы каждой изъ оныхъ тотъ Духовной Регламентъ у себя имѣлъ, и вѣдалъ бы всякой архіерей какъ по оному долженъ поступать и чего имѣетъ блюстися; а инквизитерство извѣстно бъ было, что въ должности оныхъ архіереевъ и прочихъ персонъ заключается, и чего за кѣмъ имѣютъ они надзирать и въ чемъ преступленія смотрѣть"[2])... По этому синодальному опредѣленію трудно судить, какіе экземпляры Регламента были разосланы: съ Прибавленіемъ, или безъ Прибавленія, и какого содержанія былъ „именной", т. е. собственноручно подписанный именемъ государя указъ о публикаціи Духовнаго Регламента. Судя по тому, что текстъ этого указа до сихъ поръ никому неизвѣстенъ и въ архивахъ не находится, можно думать, что его вовсе не было, а былъ указъ словесный, не представлявшій собою ничего особеннаго, такъ какъ печатаніе указовъ и регламентовъ въ эпоху Петра признавалось дѣломъ вообще обязательнымъ послѣ указа 16 марта 1714 г.[3]). Однако, уже 19 ноября 1721 г. Св. Синодъ постановилъ „напечатанный Духовной Регламентъ, *кромѣ учиненнаго въ Синодѣ приполненія*, для извѣстія и исполненія, въ Пр. Сенатъ послать при вѣдѣніи немедленно[4]). Такимъ образомъ, очевидно, что въ промежутокъ времени между 16 сентября и 19 ноября 1721 г. распространеніе перваго не утвержденнаго государемъ изданія Прибавленія вмѣстѣ съ Регламентомъ было задержано. При этомъ нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что это задержаніе произошло именно такъ, какъ о немъ разсказываетъ вышеприведенное „изъясненіе".

Когда Петръ потребовалъ къ себѣ на просмотръ текстъ только что изданнаго Прибавленія, было неудобно представить ему его въ печатномъ видѣ. Поэтому съ *печатнаго*[5]) текста сдѣлали точную копію, которая и

[1]) Подробное описаніе печатныхъ изданій см. ниже. [2]) П. С. П. I, № 294.

[3]) П. С. З. V, 2785, 16 марта 1714 г. [4]) П. С. П. I, 314.—О. А. С. С. I, № 228.

[5]) Объ этомъ можно судить по тому, что при сличеніи печатнаго текста 16 сентября 1721 г., изданнаго безъ аппробаціи Петра (см. экз. въ И. П. Б.) съ текстомъ II ред.

подверглась корректурѣ Петра. Это названная нами вторая редакція, изданная во II томѣ настоящей работы съ исправленіями государя. Обзоръ послѣднихъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что Петромъ почти ничего не уничтожено. Въ одномъ случаѣ онъ написалъ: „Кажетца не надобно“, и слова къ которымъ это относилось были выброшены[1]). Въ другомъ случаѣ неопредѣленную санкцію онъ замѣнилъ болѣе определенной[2]). Остальной текстъ остался не тронутымъ, но былъ значительно дополненъ Петромъ. Изъ этого слѣдуетъ, что государь остался доволенъ работой Ѳеофана въ изданіи руководимаго имъ Синода.

Въ томъ видѣ, въ которомъ оказалась рукопись этой II-й редакціи, побывавъ въ рукахъ Петра, она не могла уже служить оригиналомъ для печати. Для этой цѣли ее нужно было еще переработать, частью включивъ замѣчанія государя въ старыя статьи, частью образовать изъ этихъ замѣчаній новыя, а нѣкоторыя дополнить историческими справками и богословскими аргументами[3]). При такой переработкѣ объемъ Прибавленія значительно выросъ, редакція многихъ статей измѣнилась, причемъ не всѣ замѣчанія Петра вошли въ новую редакцію дословно и полностью. Нѣкоторыя были укорочены, изложены иначе, нѣкоторыя значительно развиты, какъ, наприм., замѣчаніе на п. 11-й правилъ о пресвитерахъ, причемъ были приняты во вниманіе новый указъ Петра 28-го апрѣля 1722 г. и синодальное „объявленіе“ отъ 17 мая того же года о сообщеніи властямъ признаній въ преступныхъ замыслахъ, сдѣланныхъ на исповѣди безъ раскаянія[4]). Но любопытно, что нѣкоторыя, правда, очень немногія, замѣчанія Петра остались совсѣмъ безъ вниманія[5]). Съ другой стороны сдѣланы дополненія къ тексту независимо отъ замѣчаній Петра[6]). Такъ, напр., цѣликомъ перенесены въ новую редакцію изъ Iª заголовокъ и предисловіе[7]), а въ самомъ концѣ, предъ подписями синодальныхъ членовъ, была приписана ссылка на Кормчую книгу и соборное изложеніе 1667 г.[8]). Но кое-что пропущено и передѣлано[9]). Въ одномъ случаѣ конецъ правила получилъ новую редакцію подъ вліяніемъ личныхъ переговоровъ Петра съ авторомъ Прибавленія или вообще съ членами Св. Синода, а именно правило о разводѣ, установившее доселѣ дѣйствующій бракоразводный порядокъ[10]). Примѣчаніе Петра на это правило и результатъ его проливаютъ слабый свѣтъ на то, какъ просматривалъ Петръ Прибавленіе. Если онъ пишетъ: „поговорит о сем“, то это значитъ, что онъ просматривалъ Прибавленіе наединѣ и послѣ имѣлъ бе-

оба они совпадаютъ, кромѣ предисловія; между тѣмъ какъ у I и Iª ред. есть разночтенія, которыя и отмѣчены въ нашемъ изданіи во II томѣ настоящей работы.

1) Т. II, № 4, прим. 35. Слѣдующія ниже ссылки дѣлаются нами на листы нашего изданія Прибавленія и примѣчанія къ нему.

2) Тамъ же, прим. 43. 3) См., напр., т. II, № 4 О пресв. п. 12 и прим. 24.

4) Прим. 22. 5) Прим. 5, 87, 105, 137

6) Прим. 10—13, 35, 62, 65, 74, 93, 106, 108, 122, 126—128. 135.

7) См. описаніе рукописей Прибавленія. 8) Прим. 156.

9) Прим. 2, 7, 8, 14, 20, 29—31, 34, 40, 47—50, 59, 113, 120, 121, 134, 152.

10) Л. 92, прим. 75, 76.

сѣду съ синодальными членами или только съ Өеофаномъ, но непремѣнно съ нимъ[1]), о своихъ исправленіяхъ и дополненіяхъ и, можетъ быть, на словахъ далъ руководящія указанія, какъ съ ними поступить.

Переработка Прибавленія по замѣчаніямъ Петра образовала собою окончательную III-ю редакцію[2]), которую и подписали вновь синодальные члены, а скрѣпилъ Оберъ-Секретарь Тимоөей Палехинъ. За 1721—1722 гг. составъ Синода нѣсколько измѣнился, поэтому подписались не всѣ тѣ же лица, которыя подписались подъ I редакціей[3]).

Когда ревизія Петра благополучно закончилась, предстояло вновь напечатать Прибавленіе. По словамъ приписки къ III редакціи „Сіе Духовнаго Регламента Прибавленіе самъ Его И. Величество Высокою Своею Особою слушать и собственноручно исправлять изволилъ, и все написанное, аппробовавъ, напечатать и распубликовать указалъ Апрѣля въ послѣднихъ, и Маія въ первыхъ числахъ сего 1722 года“[4]). Вѣрнѣе однако переработка Прибавленія, начатая, можетъ быть, еще въ ноябрѣ 1721 г., закончилась не ранѣе 17 мая 1722 г., когда явилось вышеуказанное „объявленіе“ Синода, вошедшее въ III-ю редакцію Прибавленія. Однако могло быть и такъ, что Петръ, сдѣлавъ свои замѣчанія и повелѣвъ ихъ внести въ текстъ и печатать его въ концѣ апрѣля и *началѣ* мая 1722 г., не требовалъ уже себѣ на просмотръ Прибавленія въ окончательномъ видѣ, довѣрившись опытности и вѣрности Өеофана Прокоповича.

Какъ бы то ни было, но именно въ неизвѣстный день мая 1722 г. Св. Синодъ постановилъ о напечатаніи Прибавленія, причемъ сдѣлалъ это въ выраженіяхъ, которыя имѣли своею цѣлью обезпечить его отъ новой отвѣтственности и непріятныхъ нареканій. „Св. Синодъ,—говорилось въ опредѣленіи[5]),—слушавъ сочиненныхъ въ Синодѣ въ Прибавленіе Духовнаго Регламента о причтѣ церковномъ и о чинѣ монашескомъ правилъ, которыя сочинены *по содержанію* имянного Его Императорскаго Величества указу, за собственноручнымъ Е. В. подписаніемъ, Генваря въ 25 числѣ 1721-го года состоявшагося и печатными листы публикованнаго, и *по долгу своему*, который такъ въ томъ указѣ означенъ, что должно сіе Правительство и новыми впредь правилы, по разнымъ потребамъ, Регламентъ свой, съ Его Императорскаго Величества соизволенія, дополнять[6]); и то Прибавленіе Его И. Величеству объявивъ, и собственное Его Величество тому разсужденіе и исправленіе и о печатаньѣ соизволеніе получивъ, согласно приговорили: то къ Духовному Регламенту Прибавленіе напечатавъ такою мѣрою и литеры, какъ прежде оной Регламентъ былъ напечатанъ, дабы оное къ тому Регламенту пріобщено быть могло, и въ томъ печатаньѣ умножить того

---

[1]) Это доказывается искусной обработкой замѣчаній Петра и особенно п.п. 11 и 12 II-й редакціи. См. примѣчанія 22—24, гдѣ содержатся цѣлые тонко написанные трактаты объ исповѣди и епитиміи.

[2]) См. т. II, № 4, п. IV. [3]) См. прим. 156.

[4]) Прим. 156. [5]) П. С. П. II, № 597.

[6]) О значеніи этихъ словъ въ манифестѣ см. выше стр. 187.

Прибавленія толикое число, колико оныхъ Регламентовъ напечатано, и потомъ оныя съ примѣру прежде учиненной помянутымъ Регламентомъ по епархіамъ разсылки, какъ къ синодальнымъ членомъ, и въ синодальную область и во всѣ епархіи ко архіереомъ разослать при обыкновенныхъ указѣхъ за настоящую цѣну немедленно. И о вышеозначенномъ печатаньѣ послать къ синодальному совѣтнику, школъ и типографіи протектору, Троицы-Сергіева монастыря архимандриту Гавріилу указъ безъ укосненія".

Настоящее синодальное опредѣленіе, повидимому, имѣетъ своею цѣлью исправить допущенную оплошность путемъ напечатанія Прибавленія „такою мѣрою и литеры, какъ *прежде* (16 сентября 1721 г.?) оной Регламентъ былъ напечатанъ". На самомъ дѣлѣ сдѣлать этого было невозможно, и здѣсь надо разумѣть *второе* изданіе Духовнаго Регламента, исполненное въ Московской Синодальной Типографіи 23 февраля 1722 г. *безъ* Прибавленія *и намѣренно не пущенное въ такомъ видѣ въ обращеніе*, о чемъ можно догадываться по тому, что, кромѣ корректурнаго экземпляра этого изданія въ Библіотекѣ М. С. Типографіи (№ 665), намъ нигдѣ не попадались экземпляры *безъ* Прибавленія.

Итакъ, ко времени изданія исправленной III-й редакціи Прибавленія у Св. Синода было заготовлено новое изданіе. Предстояло *припечатать* къ нему Прибавленіе въ томъ же форматѣ и тѣмъ же шрифтомъ, но съ особой пагинаціей листовъ, что и было исполнено Типографіей 14 іюня 1722 г.[1]). Экземпляръ этого изданія, т. е. Духовнаго Регламента, напечатаннаго 23 февраля 1722 г. и сброшюрованнаго въ одну книгу съ исправленнымъ Прибавленіемъ, напечатаннымъ 14 іюня 1722 г., былъ посланъ царю въ Астрахань, гдѣ онъ былъ въ то время въ Персидскомъ походѣ.

Между тѣмъ Синодомъ было получено отъ Петра изъ Астрахани письмо отъ 13 іюля, въ которомъ нѣсколько неясно говорилось, „чтобъ того, что хотѣли исправить въ исповѣдяхъ, до возвращенія (государя) не печатать". Синодъ понялъ эти слова такъ, что они касаются изданнаго по повелѣнію Петра отъ 22 апрѣля 1722 г. „объявленія" Синода и „присяги" относительно открытыхъ на исповѣди предумышленныхъ злодѣйствъ[2]), а это „объявленіе" уже было какъ разъ перепечатано почти цѣликомъ въ Прибавленіи[3]). Такимъ образомъ, если слѣдовало задержать отдѣльное изданіе „объявленія" и „присяги", то по тѣмъ же основаніямъ надо было задержать и выпускъ въ продажу и разсылку уже готоваго новаго изданія Духовнаго Регламента съ Прибавленіемъ, въ чемъ уже чувствовалась нужда.

Въ виду своего недоумѣнія Св. Синодъ 23 августа 1722 г. обратился къ Петру съ докладомъ по различнымъ синодальнымъ дѣламъ и, между

---

[1]) См. ниже описаніе печатныхъ изданій Духовнаго Регламента, стр. 208.

[2]) П. С. З. VI. 4012.—П. С. П. II. № 557.—О. А. С. С. I, № 714. Объ этомъ отдѣльномъ изданіи 7 и 17 мая 1722 г. см. у *Пекарскаго*, Наука и литерат. т. II, стр. 557, № 510, 511. См. также въ Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи Архивъ XVIII в. № 160 л. 340 и слѣд.

[3]) Ср. наше изданіе его во II томѣ, прим. 22 и текстъ „объявленія".

прочимъ, со слѣдующею просьбою: „При семъ же просимъ отъ Вашего Величества повелѣнія о Духовномъ Регламентѣ, которой съ прибавленіемъ напечатанъ, и до Вашего Величества въ походъ предъ симъ посланъ, публиковать ли оной или до времени удержать, въ чемъ имѣемъ сумнѣніе, такой ради причины, что въ собственноручномъ Вашего Величества указѣ прешедшаго іюля 13-го дня, изъ Астрахани къ намъ отпущенномъ, объявлено, чтобъ того, что хотѣли исправить въ исповѣдяхъ, до возвращенія Вашего Величества не печатать, а то исправленіе, разсужденіемъ о епитемиахъ учиненное и Вашимъ Величествомъ опробованное, во ономъ Духовнаго Регламента Прибавленіи уже напечатано, которое нынѣ, за онымъ Вашего Величества указомъ, и весь Регламентъ съ Прибавленіемъ отъ публикаціи удержало, что всепокорно объявивше, ожидаемъ благоразсмотрителной Вашего Величества резолюціи“[1]).

Докладъ этотъ былъ посланъ царю съ нарочнымъ курьеромъ 24 того же августа. На него былъ полученъ собственноручный отвѣтъ Петра: „А что сумнѣваетесь опубликовать Регламента Духовнаго, будто по моему письму, и въ томъ разумъ того письма весьма не то гласитъ: что тѣхъ не печатать, которыхъ я не видалъ и не аппробовалъ, а не тѣ, которые уже чтены и аппробованы“[2]). Изъ этихъ словъ вытекало, что Св. Синодъ можетъ спокойно „публиковать“ Регламентъ, а предшествующее замѣчаніе Петра относилось, очевидно, къ задуманному тогда же исправленію Требника, куда, конечно, тоже слѣдовало внести новыя нормы относительно тайны сказаннаго на исповѣди[3]).

Получивъ разрѣшеніе, Св. Синодъ немедленно имъ воспользовался. 28 сентября 1722 г. состоялось его опредѣленіе о распубликованіи и продажѣ Духовнаго Регламента, напечатаннаго вмѣстѣ съ Прибавленіемъ[4]).

Возможныя причины недоразумѣнія съ „Прибавленіемъ“. Изложивъ исторію Прибавленія, необходимо, однако, коснуться вопроса, какъ могло случиться съ изданіемъ его такое недоразумѣніе и какъ можно объяснить себѣ позицію Св. Синода? За отсутствіемъ прямыхъ документальныхъ данныхъ здѣсь возможны только болѣе или менѣе правдоподобныя догадки.

Какъ видно изъ вышеприведеннаго синодальнаго опредѣленія въ маѣ 1722 г.[5]), Св. Синодъ, въ дѣлѣ изданія Прибавленія, руководился слѣдующими словами манифеста 25 января 1721 г.: „Должна же есть Коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи: однако жъ дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ нашего соизволенія“[6]). Выше, въ анализѣ этихъ словъ манифеста[7]), было указано, что они внесены въ манифестъ

---

[1]) Архивъ Св. Синода Дѣло 1722 г. № 1/1173 отъ 5 іюня.—*Пекарскій*, Наука и литер. т. II, стр. 545.

[2]) *Пекарскій*, II, стр. 545.

[3]) Отношеніе словъ Петра именно къ исправленію порядка исповѣди въ Требникѣ удостовѣрено въ опредѣленіи Синода отъ 28 сентября 1722 г., П. С. П. II, № 834.

[4]) П. С. П. II. № 834. [5]) П. С. П. II, № 597. [6]) Т. II, № 1[illegible] [7]) стр. 187.

Θеофаномъ навѣрно не случайно, а именно съ мыслью о предстоящемъ изданіи Прибавленія. И дѣйствительно, Св. Синодъ ссылается на нихъ не только въ своемъ майскомъ опредѣленіи, но и съ самаго начала, въ предисловіи къ I[a] редакціи Прибавленія, въ которой оно было напечатано въ изданіи Регламента 16 сентября 1721 г.[1]). Напротивъ, насколько намъ извѣстно, Св. Синодъ болѣе никогда не ссылался на эти слова манифеста, хотя ему и приходилось обращаться къ царю съ докладными пунктами, и затѣмъ припечатывать ихъ къ слѣдующимъ изданіямъ Духовнаго Регламента[2]). Такимъ образомъ можно думать, что они спеціально предусматривали изданіе вслѣдъ за Регламентомъ уже составленныхъ, по крайней мѣрѣ вчернѣ, „правилъ причта церковнаго и чина монашескаго".

Несомнѣнно и то, что эти правила, хотя бы вчернѣ, были извѣстны Петру. При живомъ и общительномъ характерѣ царя, который всегда такъ живо интересовался церковными дѣлами и часто самъ писалъ касающіеся ихъ указы, трудно предположить, чтобы за время съ 20 ноября 1718 г., съ котораго, приблизительно, Θеофанъ взялся за писаніе Духовнаго Регламента[3]), до 16 сентября 1721 г, когда вышло первое изданіе его съ Прибавленіемъ, т. е. почти за три года, у Петра не было разговора о работѣ Θеофана и о томъ, что онъ въ нее вноситъ. Если можно довѣриться одному изъ „анегдотовъ" Нартова, разсказывающему, что царь Духовный Регламентъ въ шутку называлъ патріархомъ, и на одной пирушкѣ спрашивалъ у Прокоповича: „Скажит-ка, отче, скоро ль нашъ патріархъ поспѣетъ?" и когда Θеофанъ отвѣчалъ: „скоро, государь, я дошиваю ему рясу", то Его Величество, улыбнувшись, сказалъ: „а у меня и шапка для него готова"![4]), то очевидно, что царь зорко слѣдилъ за работою Θеофана, который вообще былъ во многомъ его правою рукой и постоянно съ нимъ видѣлся. А если такъ, то хотя бы основныя начала и тенденціи правилъ причта церковнаго и чина монашескаго Петру давно были извѣстны и имъ одобрены, правда, только на словахъ. *Формальной аппробаціи*, конечно, дано не было. Но Θеофанъ, пользовавшійся такимъ довѣріемъ царя и увѣренный въ его благосклонномъ отношеніи къ его взглядамъ и литературной дѣятельности, легко могъ счесть достаточнымъ одного неформальнаго одобренія[5]). Этимъ только и можетъ быть объяснено то, что въ вышеупомянутомъ предисловіи къ I[a] редакціи Прибавленія содержится не только ссылка на слова манифеста, но и упоминаніе о томъ, что „по сілѣ онаго указа, прілагаются здѣ собственныя правіла, какъ прічта церковнаго, такъ и чіна монашескаго исправленію служащая,

---

[1]) См. т. II, Описаніе рукописей Прибавленія п. II и IV.

[2]) См. описаніе ихъ ниже. [3]) См. выше стр. 155—156.

[4]) *Пекарскій*, т. II, стр. 522.—См. выше въ Обзорѣ литературы.

5) Очень важно отмѣтить, что, какъ показано было выше, окончательная редакція самого Духовнаго Регламента была выработана Θеофаномъ самостоятельно и уже не поступала на вторичное утвержденіе Петра. При этомъ Θеофанъ готовилъ Регламентъ къ печати не самовольно, а по порученію царя, который довѣрилъ ему это дѣло. Въ дѣлѣ изданія Прибавленія Θеофанъ легко могъ переоцѣнить эту довѣренность.

соизволеніемъ Царскаго *Величества,* и согласіемъ Св. Пр. Сvнода, и подписаніемъ рукъ всѣхъ членовъ сvнодскихъ утвержденная“[1]). Выдумать это „соизволеніе“ безъ *всякаго* основанія Θеофанъ не могъ. Онъ рисковалъ бы слишкомъ многимъ.

Однако Θеофанъ напрасно счелъ достаточнымъ то основаніе, которое у него было. Петръ ко всему относился съ необычайной активностью и не пропускалъ мимо себя ничего такого, что могло его интересовать и имѣть важное значеніе для успѣха его реформаторской дѣятельности. Понятно, поэтому, что онъ такъ ревниво отнесся къ тому, что, повидимому, обѣщало ему исполненіе его давно лелѣемыхъ надеждъ—такъ сказать, „цивилизацію приходскаго духовенства, монаховъ и монахинь“. Петръ пожелалъ видѣть составленныя Θеофаномъ и изданныя Синодомъ правила въ готовомъ видѣ и только въ двухъ мѣстахъ вычеркнулъ по нѣсколько словъ. Все остальное онъ одобрилъ и лишь дополнилъ отъ себя. Такое отношеніе царя къ этимъ правиламъ лучше всего подтверждало Св. Синоду, что *по существу* онъ не пошелъ противъ государя, хотя *формально* и оказался виновенъ въ излишней самонадѣянности.

Можетъ быть этотъ поступокъ Св. Синода былъ лишь частнымъ проявленіемъ его высокаго о себѣ мнѣнія. Можетъ быть онъ былъ однимъ изъ симптомовъ превращенія скромной Духовной Коллегіи въ Св. Синодъ. Въ такомъ случаѣ и протестъ Петра знаменовалъ собою, что онъ не позволитъ этому преемнику патріаршей власти выйти изъ подъ своей „державы“.

Гипотеза происхожденія „Прибавленія“, основанная на указѣ 31-го Января 1724 г. Въ дополненіе къ изложенному можно высказать еще слѣдующія соображенія, основанныя на анализѣ указа 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ[2]). Въ объясненіи къ изданію его во II томѣ нами указано, что этотъ указъ находится въ самой тѣсной связи съ Прибавленіемъ къ Духовному Регламенту и по *существу* можетъ даже считаться однимъ изъ его источниковъ. Тамъ же отмѣчено, что первые черновые наброски къ указу 31 января 1724 г. относятся къ 1722 году и, значитъ, почти современны Прибавленію[3]). Въ одномъ изъ нихъ, въ набросkѣ *В*, мы находимъ и аутентическое объясненіе причины изданія новаго указа по вопросу, который казалось бы уже разрѣшенъ былъ съ достаточною полнотою въ Прибавленіи къ Духовному Регламенту[4]). Эти причины состояли въ томъ, что въ Прибавленіи правила о монахахъ изложены были очень кратко, „понеже тогда, аще і о всемъ ко ісправълению была нужда, но вящая была о верховъно’ власти ісправълении“, т. е. объ учрежденіи Ду-

[1]) См. экземпляръ Рукописнаго Отдѣленія И. П. Библіотеки. Для III-й редакціи *царскій* титулъ былъ замѣненъ уже *императорскимъ*. См. т. II. Описаніе рукописей Прибавленія п. IV.

[2]) См. изданіе его во II томѣ № 8.

[3]) Подъ отрывкомъ *А* (Гос. Арх., Каб., I, кн. 31, л. 45. Ниже т. II, № 8) имѣется характерная помѣта писаря: „К Духовному Регламенту 1722 году о чем і указ возобновленъ 1724 Генваря 31 “.

[4]) См. т. II, № 8.

ховной Коллегіи. За то въ 1722 г., „імѣя свободное время при разположеніи правильно всѣхъ дѣл в государствѣ", Петръ нашелъ возможность издать обширное опредѣленіе также и о монастыряхъ и монахахъ. При этомъ, какъ видно изъ содержанія указа, Петръ высказалъ цѣлый рядъ глубокихъ принципіальныхъ соображеній и практическихъ положеній, которыя сложились въ его умѣ несомнѣнно давно, задолго до изданія Духовнаго Регламента. Что это такъ, подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ Меморіи 1722 г.[1]) и въ указѣ 31 января 1724 г. попадаются совершенно тѣ же мысли, какія находимъ и въ замѣчаніяхъ Петра на первоначальную редакцію Прибавленія[2]).

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе данныя анализа указа 31 января 1724 г., можно построить слѣдующую гипотезу происхожденія Прибавленія. Составляя Духовный Регламентъ, Ѳеофанъ не выдумывалъ его нормы изъ головы, а бралъ ихъ изъ живой дѣйствительности. Согласно его плану, ему нужно было въ своемъ мѣстѣ изложить правила причта церковнаго и чина монашескаго. Но,—какъ говоритъ Петръ,—тогда вящшая нужда была о исправленіи верховной власти, т. е. объ учрежденіи Духовной Коллегіи. Поэтому изложеніе названныхъ правилъ было временно отложено. Другою причиной отсрочки было то, что вѣроятно, самъ Петръ желалъ принять дѣятельное участіе въ составленіи правилъ о бѣломъ и монашествующемъ духовенствѣ, такъ какъ о недостаткахъ его и о мѣрахъ къ ихъ устраненію, какъ видно изъ меморіи 1722 г. и набросковъ къ указу 31 января 1724 г., у Петра сложились уже давно опредѣленныя мнѣнія. Но въ 1719 г. онъ не имѣлъ времени заняться этимъ, поэтому и Ѳеофану пришлось нарушить планъ своего Регламента. Когда же Регламентъ былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ, а Духовная Коллегія учреждена и открыта, медлить болѣе было невозможно и Ѳеофанъ со Св. Синодомъ издали то, что было уже готово, въ видѣ Прибавленія къ Духовному Регламенту. Однако Петръ, принимавшій недуги монашества очень близко къ сердцу, не могъ отказаться отъ участія въ составленіи для него, какъ и для приходскаго духовенства новыхъ правилъ, и потому, узнавъ объ изданіи, потребовалъ ихъ себѣ на просмотръ. Судя по тому, что позднѣе[3]) Петръ призналъ, что правила въ Прибавленіи составлены „кратко", онъ, очевидно, не былъ вполнѣ удовлетворенъ ими, хотя и нашелъ ихъ согласными со своими мыслями. Поэтому ему предстояло либо заново переработать ихъ, либо только сдѣлать къ нимъ дополненія. Послѣднее было легче и удобнѣе сдѣлать, а потому Петръ и ограничился этимъ, записавъ одновременно въ своей меморіи и набросках то, что еще хотѣлось ему внести въ жизнь этого института и на что онъ нашелъ только краткіе намеки въ Прибавленіи у Ѳеофана.

Такъ можно объяснить себѣ: 1) почему правила причта церковнаго и чина монашескаго, предполагавшіяся Ѳеофаномъ въ качествѣ 2 и 3 трак-

[1]) См. т. II, № 7.

[2]) См. т. II Прибавленіе и наброски А и В къ указу 31 января 1724 г. въ примѣчаніяхъ.

[3]) Въ наброскѣ *В* т. II, № 8.

татовъ II-ой части Духовнаго Регламента[1]), не попали на свое мѣсто, а были изданы впослѣдствіи въ качествѣ Прибавленія; 2) почему Петръ такъ ревниво отнесся къ изданію Св. Синодомъ этого Прибавленія, въ которомъ не сказалось ничего особеннаго, помимо него; 3) почему, наконецъ, едва только было издано въ одобренномъ видѣ Прибавленіе, Петръ вновь принимается за регламентацію монашества.

§ 2. Печатныя изданія Духовнаго Регламента[2]).

1) Въ *первый* разъ Духовный Регламентъ былъ непечатанъ въ С.-Петербургской Типографіи *16 сентября 1721 г.* съ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи за № 361. Это изданіе in 4⁰, гражданской печати, шрифтомъ петровскаго образца. Оно заключаетъ въ себѣ 6 ненумерованныхъ и 48 нумерованныхъ страницъ[3]). На первыхъ напечатаны: Выходной листъ или титулъ (стр. 1—2 ненум.), Манифестъ (стр. 3—4 ненум.), „Прісяга членовъ Духовныя Коллегіи" (стр. 4—6 ненум.), самый Духовный Регламентъ (стр. 1—44), подписи подъ нимъ въ два столбца (стр. 44—47), „О дѣйствахъ" (стр. 47), Пункты (стр. 47—48). Одновременно съ этимъ изданіемъ Регламента на такой же бумагѣ, тѣмъ же шрифтомъ было напечатано и „Прибавленіе къ Духовному Регламенту" съ особой нумераціей страницъ. Оно занимаетъ одну страницу ненумерованную, на которой напечано *предисловіе*, вполнѣ соотвѣтствующее тому, которое находится въ I[a] и III рукописной редакціи (см. Бѣловую рукопись, хранящуюся въ залѣ засѣданій Св. Синода, л. 136/1 : „Прибавленіе.... Хотя.... утвержденная". Это же *предисловіе* попало впослѣдствіи и въ разрѣшенное Петромъ Великимъ Московское изданіе „Прибавленія" 14 Іюня 1722 г., послужившее прототипомъ для позднѣйшихъ изданій, даже до послѣдняго 1904 г. см. стр. 95). Далѣе на стр. 1—17 напечатанъ текстъ самаго Прибавленія, соотвѣтствующій тому, который находится въ Типографской рукописи Духовнаго Регламента (см. выше стр. 197—198). Въ немъ 28 пунктовъ о пресвитерахъ и 61 пунктъ о монахахъ. Подъ текстомъ Прибавленія, кончающимся на стр. 17-ой, напечатаны подписи тѣхъ самыхъ лицъ, которые подписались на I рукописной редакціи (см. бѣловую рукопись Д. Р. въ Синодѣ л. л. 112—131 об.) Подписи расположены въ два столбца и раздѣлены чертою[4]).

---

1) См. т. II. Черн. рук. л. 5 об. въ концѣ.

2) См. особо таблицу оффиціальныхъ изданій, наглядно показывающую ихъ взаимное отношеніе и составъ.

3) На 6-ти типографскихъ листахъ по 8 страницъ.

4) Подписались:

Стефанъ Митрополитъ Рязанскій.
Ѳеофанъ Архіепископъ Псковскій.
Гавріилъ Архимандритъ Ипацкій.
Іероѳей Архимандритъ Донской.
Іоаннъ Протопресвитеръ Троицкій.
Ассессоръ и Оберъ Секретарь Іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ.
Ѳеодосій Архіепископъ Новгородскій и Архимандритъ Александроневскій.
Петръ Архимандритъ Симоновскій.
Леонидъ Архимандритъ Петровскій.
Анастасій Іерей Кондоиди.
Петръ Протопопъ Петропавловскій.

Экземпляръ такого изданія Духовнаго Регламента съ Прибавленіемъ находится въ Императорской Публичной Биліотекѣ въ Петроградѣ.

Въ Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи подъ № 915 имѣется семь экземпляровъ[1]) Регламента, въ которыхъ *нѣтъ* Прибавленія, что значитъ, что первоначально, а именно 16 Сентября 1721 г., Регламентъ былъ изданъ вмѣстѣ съ Прибавленіемъ, но затѣмъ, въ виду протеста Петра, Регламентъ былъ сброшюрованъ и выпущенъ отдѣльно, *безъ* Прибавленія, что было легко сдѣлать, такъ какъ послѣдняя составная часть изданія Регламента—„Пункты" кончаются на послѣдней 48-ой страницѣ 3-го листа внизу. Такъ появились тождественные экземпляры перваго изданія Духовнаго Регламента, но одни—съ Прибавленіемъ, другіе—безъ Прибавленія.

Въ первомъ изданіи Духовнаго Регламента (С.-Петербугъ 16 сентября 1721 г.) имѣется слѣдующій выходной листъ: (стр. 1-ая) Благодатію и Милосердіемъ | Человѣколюбца Бога. | Тщаніемъ же и повелѣніемъ Богомъ даннаго и Богомъ умудреннаго | Государя нашего, Царя и Великаго Князя Петра Великаго | Всероссійскаго Імператора | и протчая, и протчая и протчая. | Уставленное въ Святой Православной Россійской Церкви | Духовное Сѵнедріонъ или Сѵнодъ. | то есть | Соборное духовныхъ дѣлъ | Правительство. | По соизволенію и пріговору Всероссійскаго Духовнаго Чіна, | и Правительствующаго Сената | Въ царствующемъ Санктпітербурхѣ | Въ лѣто отъ Рождества Христова 1721 | Мѣсяца Февруарія 14 | .

(стр. 2). Напечатася же сей | Духовный Регламентъ | Повелѣніемъ его | Царскаго Велічества | благословеніемъ же всего | Святѣйшаго Правительствующаго | Духовнаго Сѵнода | въ Санктъпітербургской тѵпографіи | лѣта Господня 1721, | Сентября въ 16 день. |

Манифестъ въ первомъ изданіи имѣетъ иной заголовокъ, сравнительно съ рукописными текстами и печатными указами, а именно: „Божіею мілостію Мы Петръ Первый царь и самодержецъ всероссійскій и протчая и протчая и протчая". Съ такимъ заколовкомъ онъ печатался и печатается донынѣ во всѣхъ изданіяхъ Регламента. Остальныя составныя части почти буквально совпадаютъ съ позднѣйшими изданіями, однако орѳографія перваго изданія не сохранилась. Что касается подписей духовныхъ лицъ изъ провинціи, то они перепечатаны съ копіи ихъ, помѣщенной на л. л. 75—78 бѣловой рукописи Духовнаго Регламента, хранящейся въ залѣ засѣданій Св. Синода, а въ этой копіи подпись: „Изъ Суздаля Спаса Евѳиміева монастыря Архимандритъ Киріакъ" неправильно помѣщена между подписями Св.-Троицкаго Сергіева монастыря Архимандрита Тихона, и Владимірскаго Рождественскаго монастыря Архимандрита Гедеона, между тѣмъ какъ въ бѣловой Сенатской рукописи Духовнаго Регламента, гдѣ именно находятся *собственноручныя* подписи всѣхъ этихъ лицъ, подпись Киріака читается послѣ подписи Іосифова монастыря Волоцкаго Архимандрита Германа и пе-

---

[1]) № 915 $^{1.2.3.5.6.7.8}$, при чемъ № 915^{2} не имѣетъ выходного листа. При обмѣнѣ дублетами съ другими библіотеками число этихъ экземпляровъ постепенно сокращается.

редъ подписью Спасова монастыря съ Рязани Архимандрита Мисаила (см. л. 76). Эта ошибка попала въ первое печатное изданіе Регламента и сохранилась во всѣхъ его изданіяхъ до послѣдняго 1904 года.

2) *23 февраля 1722 г.* въ Московской Синодальной Типографіи было готово *второе* изданіе Духовнаго Регламента (первое—московское) *безъ Прибавленія.* Напечатанное въ 8^0 малаго формата церковно-славянскимъ шрифтомъ, это изданіе состоитъ изъ 7 ненум. листовъ, на которыхъ напечатаны Манифестъ (л. 3—4) и Присяга (л. 4 об.—7), и 92 листовъ (1—92), на которыхъ напечатанъ самый Регламентъ (л. 1—85), подписи (л. 85 об.—89 об.), о Дѣйствахъ (л. 90—90 об.) и Пункты (л. 90 об.—92 об.). Вѣроятно это изданіе не было пущено въ обращеніе до напечатанія вновь 14 іюня того же 1722 года Прибавленія, ибо въ видѣнныхъ нами экземплярахъ библіотеки И. Академіи Наукъ (№ 38.3.22), Моск. Архива Мин. Юстиціи и библіотеки Моск. Синод. Типографіи (№ 665—корректура), Прибавленіе сброшюровано вмѣстѣ съ Регламентомъ, при чемъ по страницамъ всей книги, включая и Прибавленіе, на верху напечатано налѣво: „Регламентъ", направо: „Духовной". Кромѣ того, послѣ Прибавленія на л. 1—13 особой нумераціи помѣщенъ общій аналитическій (подобно оглавленію, а не алфавитный) „Реестръ на книгу Регламентъ Духовный".

3) Прибавленіе къ Духовному Регламенту, уже *пересмотрѣнное* Петромъ и затѣмъ разрѣшенное имъ къ печати было издано *впервые* въ Московской Синодальной Типографіи *14 іюня 1722 г.*, церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ рукописи III редакціи въ 8^0 м. ф., въ объемѣ 47 страницъ. Повидимому, какъ сказано выше, оно было пущено въ обращеніе только вмѣстѣ со вторымъ изданіемъ Духовнаго Регламента, напечатаннымъ въ Московской Синодальной Типографіи 23 февраля 1722 г. и съ тѣхъ поръ всегда ему сопутствуетъ то съ отдѣльной пагинаціей, то подъ общей.

4) *Третье* изданіе Духовнаго Регламента вышло *18 января 1723 г.* церк.-слав. шрифтомъ въ 8^0 мал. формата во всемъ соотвѣтственно второму изданію (Москва 23 февраля и 14 іюня 1722 г.). На оборотѣ выходного листа, тождественнаго съ первымъ изданіемъ, напечатано: „Печатася сей Духовный Регламентъ повелѣніемъ Е. И. В., благословеніемъ же Св. Прав. Всеросс. Синода первое въ С.-Петербургской Типографіи лѣта Господня 1721 сентября въ 16 день. Второе въ Московской лѣта Господня 1722 февруарія въ 23 день. Нынѣ же *третіе* при Санктпитербурхѣ, въ Александроневской Тѵпографіи, противо обоихъ отъ слова до слова, какъ присяга, такъ и весь Регламентъ, кромѣ премѣненія титуловъ Імператорскаго Величества и Государыни Императрицы. А въ указѣ Е. И. В., состоявшемся и здѣ предположенномъ о Св. Синодѣ ни едино же есть и въ титулахъ премѣненіе[1]). Въ лѣто отъ Р. Х. 1723 м-ца Іаннуарія въ 18 день.

---

[1]) Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 21 декабря 1722 г. велѣно было титулъ Царя перемѣнить всюду на императорскій П. С. П. II, № 945.—См. Архивъ Св. Синода дѣло 21 декабря 1722 г. № 1276. Изъ него видно, что Ѳеодосій Яновскій 12 декабря 1722 г.

5) *Четвертое* изданіе вышло въ іюлѣ 1738 г. въ Московской Синодальной Типографіи ц.-сл. шрифтомъ въ 8^0 м. ф. во всемъ соотвѣтственно второму изданію. На оборотѣ выходного листа, тождественнаго съ первымъ изданіемъ, напечатано: „Напечатася же сей Д. Р. повелѣніемъ..., а въ Московской *четвертое* противъ перваго и втораго и третіяго от слова до слова. Лѣта Господня 1738 мѣсяца Іуліа“.

6) *Пятое* изданіе вышло *Индикта 12 мѣсяца іюня 1749 г.*, отъ сотворенія міра—7257, въ Московской Синодальной Типографіи церковно-славянскимъ шрифтомъ въ 8^0 м. ф. Это изданіе повторяетъ буква въ букву, страница въ страницу, второе Московское изданіе 23 февраля 1722 г.

Выходной листъ этого изданія нѣсколько отличается отъ текста перваго Петербургскаго изданія 16 сентября 1721 г., и слѣдующихъ, до четвертаго включительно, а именно имѣетъ слѣдующую редакцію „Духовный Регламентъ, благодатію и милосердіемъ человѣколюбца Бога, тщаніемъ же и повелѣніемъ Богомъ даннаго и Богомъ умудреннаго Всепресвѣтлѣйшаго Державнѣйшаго Государя Петра Перваго, Императора и Самодержца Всероссіискаго и протчая, и пр., и пр. въ Святой Православной Россійской Церкви, по соизволенію и приговору Всероссійскаго Духовнаго Чина и Правителствующаго Сената въ царствующемъ Санктпетербургѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1721 мѣсяца Февруарія, 14 *сочиненный*; нынѣ повелѣніемъ благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великой Государыни Нашея Императрицы Елисавети Петровны Всея Россіи, при Наслѣдникѣ Ея Внукѣ Петра Перваго, благовѣрномъ Государѣ Великомъ Князѣ Петрѣ Ѳеодоровичѣ и при Супругѣ Его благовѣрной Государынѣ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексіевнѣ благословеніемъ же Святѣйшаго Правителствующаго Сѵнода. Напечатася пятымъ тисненіемъ въ царствующемъ Великомъ Градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7257 отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1749 індикта 12 мѣсяца Іуніа“.

представилъ Св. Синоду выписку изъ выходного листа Духовнаго Регламента, манифеста и присяги съ указаніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ употребленъ царскій титулъ. Эта выписка сдѣлана со ссылкой на страницы 2-го Московскаго изданія 23 февраля 1722 г., при чемъ любопытно то, что „манифестъ“ названъ писцомъ (л. 2 его выписки) „предисловіемъ“ (ср. т. II, Манифестъ). Св. Синодъ опредѣлилъ: „во ономъ надписаніи, также и въ присягѣ и въ прочихъ духовнаго регламента мѣстахъ, гдѣ Его И. Б. и Государыни Императрицы титулъ упоминается по прежнему употребленію Царскій, употребивъ вмѣсто того напечатать титулъ императорской, какъ во учиненныхъ тому ѳормахъ повсюду распубликовано и исполняется и о томъ къ нему, Преосвященному Архіепископу, послать изъ Синода указъ немедленно, въ которомъ объявить, чтобъ состоявшійся о синодѣ имянной Его И. В. указъ напечатанъ былъ безъ всякаго въ титлахъ премѣненія, а о прочемъ въ надписаніи объявлено бъ было, что присяга и регламентъ кромѣ премѣненія титуловъ напечатаны съ прежняго отъ слова до слова“.

Любопытно отмѣтить, что въ рукописномъ сборникѣ И. П. Б. Q. I, 642, заключающемъ въ себѣ отрывокъ изъ „Прибавленія къ Духовному Регламенту“, сказано, что онъ списанъ съ изданія, печатаннаго „въ Московской Типографіи 1723 Марта въ 4 день“. Такого изданія мы нигдѣ не встрѣтили. О сборникѣ см. у насъ т. II, въ описаніи рукописей Д. Р. п. V.

Такимъ образомъ новостью является стоящее впереди титула заглавіе: „Духовный Регламентъ“, затѣмъ прибавка слова „сочиненный“ и именъ царской фамиліи. Необходимо, однако, отмѣтить, что въ позднѣйшихъ изданіяхъ церковно-славянскимъ шрифтомъ приведенная форма выходного листа повторяется дословно, съ измѣненіями, которыя вызываются смѣною именъ царствующаго дома. Что же касается изданій гражданской печати, то въ нихъ обыкновенно отбрасывалась вторая часть, со словъ: „нынѣ, повелѣніемъ“[1]) и проч...

7) *Шестое* изданіе вышло въ Москвѣ *въ февралѣ 1761 г.* (Индикта 9 мѣсяца февраля 1761 г., отъ сотворенія міра въ 7269). Оно тождественно съ пятымъ, а слѣдовательно и со вторымъ Московскимъ изданіемъ 1722 г., кромѣ титула, который подобенъ титулу пятаго изданія.

8) *Седьмое* изданіе вышло въ Москвѣ *индикта 13 мѣсяца іюня 1765 г.* ц.-сл. шрифтомъ въ 8⁰ м. ф. Оно во всемъ тождественно со вторымъ московскимъ изданіемъ 1722 г., кромѣ титула[2]).

9) *Восьмое* изданіе вышло въ Москвѣ индикта 9 мѣсяца іюня 1776 г. (отъ сотв. міра 7284) ц.-сл. шрифтомъ въ 8⁰ м. ф. По своему составу и даже строка въ строку оно совпадаетъ со вторымъ Московскимъ изданіемъ 1722 г. Титулъ подобенъ титулу 5-го изданія, а новостью является то, что Прибавленіе къ Духовному Регламенту введено въ общую нумерацію листовъ, которыхъ теперь 7 ненумер. + 139 нумеров. + 1—13 (особой нумераціи) аналитическаго реестра.

10) *Девятое* изданіе вышло въ Москвѣ индикта 10 мѣсяца октября 1776 г. ц.-сл. шрифтомъ въ 8⁰ м. ф. Оно во всемъ сходно съ восьмымъ изданіемъ, вышедшимъ 4 мѣсяца передъ тѣмъ[3]).

11) 25 іюня 1779 г. въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ было напечатано совсѣмъ особое изданіе гражданскимъ шрифтомъ въ 4⁰. Это изданіе очень характерно тѣмъ, что оно составляетъ перепечатку съ 8-го изданія 1776 г. индикта 9 мѣсяца іюня, при чемъ на выходномъ листѣ такъ и значится: „Нынѣ повелѣніемъ..... Императрицы Екатерины Алексѣевны.... напечатася осьмымъ тисненіемъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 7284, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1776, Индикта 9, мѣсяца Іуніа“ (т. е. перепечатанъ дословно титульный листъ 8-го изданія), а въ концѣ, на стр. 112 значится: „Напечатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ 1779 года іюня 25 дня“.

Это изданіе содержитъ въ себѣ всего 112 нум. страницъ. По составу своему оно совпадаетъ съ предыдущими изданіями.

---

[1]) Ср. *Пекарскій*, Наука и лит. т. II, предувѣдомленіе.

[2]) „Духовный Регламентъ, благодатію.... сочиненный, нынѣ повелѣніемъ... Екатерины Алексіевны.... напечатася въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7273, отъ Рождества Христова 1765 індікта 13 мѣсяца Іюніа“.

[3]) Въ титулѣ: „Д. Р., благодатію... сочиненный, нынѣ повелѣніемъ... Екатерины Алексіевны... напечатася *девятымъ* тисненіемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7285, отъ Р. Х. 1776 індікта 10 мѣсяца Октовріа“.

12) *Десятое* изданіе[1], вышедшее въ Московской Синодальной Типографіи индикта 13 мѣсяца декабря 1794 г. въ 8⁰ м. ф. церковно-славянскимъ шрифтомъ также тождественно по своему виду со вторымъ Московскимъ изданіемъ 1722 г., которое оно повторяетъ строка въ строку, но съ нѣкоторыми добавленіями. Первые ненумерованные листы содержатъ: выходной листъ[2] (л. 1), Манифестъ (л. 2—4) и Присягу (л. 4 об.—7). Затѣмъ идетъ самый Регламентъ (включая подписи, О дѣйствахъ и Пункты л. 1—92), Прибавленіе (л. 93—139 общей нумераціи) и Реестръ *алфавитный* по тексту своему совпадающій съ такимъ же реестромъ въ послѣднемъ изданіи 1904 г. Такимъ образомъ 10-е изданіе Регламента составляетъ поворотъ отъ простого оглавленія къ алфавитному указателю, принятому и въ послѣдующихъ изданіяхъ до послѣдняго, а краткое *оглавленіе* появляется только въ изданіи 1897 г.

Послѣ Реестра, съ отдѣльной нумераціей, *впервые* въ одномъ изданіи съ Регламентомъ помѣщенъ трактатъ *„О бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными“* (л. 1—17. На выходномъ листѣ его сказано, что 1-е изданіе этого трактата вышло 18 августа 1721 г. въ С.-Петербургѣ; 2-е—въ Москвѣ 1781 г. индикта 15 мѣсяца сентября; 3-е—тоже въ Москвѣ индикта 13 мѣсяца декабря 1794 г., т. е. въ этомъ десятомъ изданіи Д. Регламента).

Далѣе на листахъ 17 об.—44 *впервые* напечатана *Копія съ докладныхъ пунктовъ* (соотвѣтственно стр. 169—192 изданія 1904 г.), а на л.л. 45—49 также *впервые*—Должность Оберъ-Прокурора. Такимъ образомъ, съ выпускомъ въ свѣтъ 10-го изданія Духовнаго Регламента установился, хотя и не окончательно, тотъ составъ этой книги, который сохранялся и въ дальнѣйшее время и въ какомъ она печатается теперь.

Корректурный экземпляръ этого изданія можно видѣть въ Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи подъ № 5848. Оригинально, что въ началѣ этого экземпляра помѣщено „Объявленіе, како Преосвященный Питиримъ Епископъ Нижегородскій и Алатарскій съ расколническими учители,

---

[1] Какъ видно изъ документовъ Московской Синодальной Типографіи, это изданіе было начато въ Типографіи вслѣдствіе указовъ Синода отъ 19 сентября 1793 г. и 8 іюня 1794 года. Было напечатано въ Москвѣ этихъ Регламентовъ 2400 экземпляровъ, причемъ въ документахъ особо отмѣчается, что въ Регламенты этого изданія „припечатано разсужденіе Св. Синода о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными, да докладныхъ Св. Синода пунктовъ съ послѣдовавшими на нихъ Высочайшими резолюціями“. Рѣшено было эти книги продавать по 30 к., но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь возгорѣлось дѣло объ этихъ Регламентахъ. Бывшій тогда Оберъ-Прокуроръ А. И. Мусинъ-Пушкинъ предложилъ напечатать въ 1795 году 2400 инструкцій объ управленіи и обязанностяхъ Оберъ-Прокурора. При этомъ было постановлено эту послѣднюю инструкцію приплетать къ уже отпечатаннымъ Регламентамъ 1794 г., „да и впредь наблюдать, чтобы при печатаніи Духовнаго Регламента по числу ихъ печатаемо было столько же и сихъ инструкцій“.

[2] „Д. Р., благодатію . . . сочиненный . . . нынѣ повелѣніемъ . . . Екатерины Алексіевны . . . напечатася *десятымъ* тисненіемъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7303, отъ Р. Х. 1794, індікта 13 мѣсяца Декемвріа“.

при собраніи множайшемъ духовнаго и мірского чина людехъ размѣнялся вопросами и отвѣтами, и что при томъ говорено, и учинено, и кто при томъ собраніи людей были“ (въ 16⁰ л. 1—32). На выходномъ листѣ этого трактата сказано, что онъ напечатанъ въ Московской Типографіи 14 декабря 1782 г. съ книги, напечатанной 24 іюля 1727 г., диспутъ же происходилъ 29 сентября 1719 г.

Разрозненность и безпорядочный видъ этого экземпляра Регламента сказывается еще въ томъ, что выходной листъ вплетенъ между лл. 41 и 42, среди Копіи съ докладныхъ пунктовъ.

Напротивъ, вполнѣ сохранившійся экземпляръ находится, между прочимъ, въ Библіотекѣ И. Академіи Наукъ № 38.17. 1.

13) *Одиннадцатое* изданіе вышло въ Москвѣ индикта 6 мѣсяца декабря 1802 г. (отъ с. м. 7311) ц.-сл. шрифтомъ въ 8⁰ м. ф. Это изданіе оригинально тѣмъ, что не смотря на ц.-сл. шрифтъ, счетъ ведется *по страницамъ*, а не по листамъ, какъ принято въ книгахъ церковной печати. Такъ всего 2 стр. ненум. и 255 стр. общей нумераціи. По составу своему это изданіе повторяетъ предыдущія, но не имѣетъ „Должности Оберъ-Прокурора“. На выходномъ листѣ написано: „Духовный Регламентъ . . . сочиненный, нынѣ повелѣніемъ . . . Александра Павловича . . . благословеніемъ Св. Пр. Синода напечатася одиннадцатымъ тисненіемъ въ цар. вел. градѣ Москвѣ въ лѣто отъ сотворенія міра 7311, отъ Р. Х. 1802 індікта 6 м-ца Декемврія“.

14) Въ промежуткѣ между 11-мъ 1802 г. и двумя 12-ми изданіями 1818 г. появилось изданіе 1804 г., на выходномъ листѣ котораго напечатано: „гражданскимъ первымъ тисненіемъ“. Оно издано въ Московской Синодальной Типографіи гражданскимъ шрифтомъ въ 8⁰ м. ф. и имѣетъ 2 нен. + 239 нум. страницъ общей нумераціи. Составъ его полный, какъ и въ изданіи 1794 г. Выходной листъ новый, гражданскаго образца, а именно: „Духовный | Регламентъ | тщаніемъ и повелѣніемъ всепресвѣтлѣйшаго, державнѣйшаго | Государя | Петра Перваго, | Императора | и самодержца всероссійскаго | по соизволенію и приговору Всероссій | скаго Духовнаго Чина и Правитель | ствующаго Сената, въ царству | ющемъ Санктпетербургѣ, въ лѣто | отъ Рождества Христова 1721, | сочиненный, | гражданскимъ первымъ тисненіемъ | изданный | въ Москвѣ, | въ Синодальной Типографіи | 1804 г.

Заявленіе выходного листа, что это первое изданіе гражданскимъ шрифтомъ, очевидно, не вѣрно, ибо именно первое изданіе 16 сентября 1721 г., а затѣмъ сенатское изданіе 25 іюня 1779 г. были уже напечатаны гражданскимъ шрифтомъ.

16) *Двѣнадцатое* изданіе вышло въ С.-Петербургской Синодальной Типографіи *индикта 6 мѣсяца февраля 1818 г.* въ 8⁰ малаго формата, церковно-славянскимъ шрифтомъ. Выходной листъ прежняго образца, какъ и въ пятомъ изданіи 1749 г. Далѣе, начиная съ Манифеста до конца книги общая нумерація страницъ (всего 1—255 стр.) и составъ совершенно такой же, какъ въ 11-мъ изданіи 1802 г. „Должности Оберъ-Прокурора“—нѣтъ.

Какъ ни странно, но также двѣнадцатое изданіе вышло и въ Москвѣ *индикта 6 мѣсяца апрѣля 7326 г. отъ сотворенія міра или 1818 г.* отъ Р. Х. въ 8⁰ малаго формата, церковно-славянскимъ шрифтомъ. Это изданіе содержитъ въ началѣ выходной листъ, а затѣмъ 255 нумерованныхъ страницъ, заключающихъ въ себѣ совершенно то же, что 11-е изд. 1802 г. и 12 Петербургское изданіе 1818 г. Должности Оберъ-Прокурора также нѣтъ. Поэтому, и принимая во вниманіе совершенно одинаковый характеръ печати, тождество заставокъ, украшеній и проч., можно предположить, что это, собственно, одно 12-е изданіе и только выходные листы приклеены разные, одинъ съ указаніемъ на выходъ въ С.-Петербургѣ (въ февралѣ), другой—въ Москвѣ (въ апрѣлѣ).

На двѣнадцатомъ изданіи прекращается счетъ изданій церк.-славянскимъ шрифтомъ.

16) Въ 1820 г. въ С.-Петербургѣ при Св. Синодѣ вышло новое изданіе гражд. шрифтомъ въ 8⁰ м. ф. въ объемѣ 2 нен.+239 стр. общей нумераціи и полнаго состава, выходной листъ подобенъ изданію 1804 г.

Изъ отмѣтокъ на корректурномъ экземплярѣ этого изданія въ Библіотекѣ Московской Синодальной Типографіи (№ 5834) видно, что оно послужило оригиналомъ для изданія 1856 г.

17) Въ 1823 (отъ сотв. міра 7331) индикта 12 мѣсяца Декемврія вышло еще изданіе въ Кіево-Печерской Типографіи гражд. шрифтомъ, въ 8⁰ м. ф., при чемъ на выходномъ листѣ обычнаго церковнаго образца сказано, что это изданіе перепечатано съ 12-го изданія въ Москвѣ 7326 или 1818 г. индикта 6 мѣсяца апрѣля. Кіевское изданіе 1823 г. состоитъ изъ 4 нен.+299 стр. и содержитъ въ себѣ полный составъ.

18) Въ 1830 г. Духовный Регламентъ и относящіяся къ нему части были напечатаны въ Первомъ Полномъ Собраніи Законовъ т. VI, 3718, 3734, 3761, 3814, 3854, 3963, 4022, 4036.

19) Въ *1856 г.* въ Московской Синодальной Типографіи вышло изданіе, являющееся прототипомъ современнаго 1904 г., которое считается уже пятымъ съ 1756 г. Въ 4⁰ малаго формата, гражданскимъ шрифтомъ, это изданіе по составу своему совершенно совпадаетъ съ изданіями 1861, 1883, 1897 и 1904 г. Небольшая разница наблюдается только въ счетѣ страницъ. Въ изданіи 1856 г. всего 198 стр., какъ и въ изданіяхъ 1861 и 1904 г.; въ изданіи 1883 г. всего 195 стр., потому что счетъ начинается не съ выходного листа, а съ манифеста, причемъ Регламентъ совпадаетъ страница въ страницу съ изданіемъ 1904 г., а остальныя статьи немного передвинуты, какъ и въ изданіи 1897 г., въ которомъ всего 196 стр. Затѣмъ въ изданіи 1897 г. *впервые* появляется „Содержаніе книги", т. е. оглавленіе.

На изданіи 1856 г. напечатано, что это „изданіе первое".

На изданіи 1861 г. напечатано, что это „изданіе второе".

На изданіи 1883 г. напечатано, что это „третье изданіе".

На изданіи 1897 г. напечатано, что это „изданіе четвертое".

На изданіи 1904 г. (послѣднемъ) не напечатано, какое это изданіе по счету

20) Въ 1869 г. вышло въ С.-Петербургѣ первое изданіе перваго тома Полнаго Собранія постановленій и распоряженій правительства по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія и, разумѣется, подъ первымъ же номеромъ былъ напечатанъ Духовный Регламентъ съ Манифестомъ и текстомъ Присяги, но безъ добавленій „О дѣйствахъ“ и пунктовъ. Въ 1879 г. этотъ первый томъ былъ выпущенъ вторымъ изданіемъ и въ немъ также напечатанъ Регламентъ, но, какъ сказано въ примѣчаніи, уже сличенный съ подлиннымъ рукописнымъ экземпляромъ, хранящимся въ присутствіи Св. Синода, и съ первымъ печатнымъ изданіемъ, вышедшимъ изъ С.-Петербургской Типографіи 16 сентября 1721 г. Впрочемъ, научнаго значенія это сличеніе не имѣетъ.

21) Въ 1874 г. Librairie de la Société Bibliographique, 75, rue du Bac, Paris, выпустило, in 8⁰, въ Парижѣ Духовный Регламентъ по русски, какъ сказано на выходномъ листѣ, съ изданія Московской Синодальной Типографіи 1861 г., свѣренному съ изданіями соотвѣтствующихъ узаконеній въ Полномъ Собраніи Законовъ т. VI, № 3718, 25 января 1721 г., № 3734, 14 февраля 1722 г. и № 4036, 13 іюня 1722 г. На выходномъ листѣ напечатано и по французски: Reglement ecclésiastique de Pierre le Grand. Paris, 1874. Составъ слѣдующій: Манифестъ (стр. 1—2), Присяга (3—5), Регламентъ (6—61) съ переводомъ заголовковъ, подписи (61—65), О дѣйствахъ (66), Пункты (67—68), Должность Оберъ-Прокурора (69—72). Прибавленія, О бракахъ и Копіи пунктовъ—нѣтъ.

Инициатива и редакція этого изданія принадлежитъ, повидимому, R. P. C. Tondini, который далъ и комментированное имъ изданіе по-французски и по-латыни (см. о переводахъ Духовнаго Регламента).

22) Въ 1907 г. отрывокъ изъ Духовнаго Регламента (а именно, Манифестъ, начало и первая часть) былъ изданъ проф. В. М. Грибовскимъ въ сборникѣ: „Памятники русскаго законодательства XVIII ст.“ в. I, Спб. 1907, стр. 173—184 со введеніемъ и примѣчаніями.

23) Въ 1910 г. Духовный Регламентъ былъ перепечатанъ изъ П. С. З. VI, № 3718 въ „Памятникахъ законодательства Петра Великаго“ подъ ред. проф. М. М. Богословскаго, изд. Н. Н. Клочкова въ серіи „Памятниковъ Русской Исторіи“. Въ этомъ изданіи (стр. 81—113) есть только Манифестъ и Духовный Регламентъ. Ни присяги, ни проч. частей нѣтъ.

24) Послѣдній разъ Духовный Регламентъ былъ изданъ проф. В. Н. Бенешевичемъ въ его „Сборникѣ памятниковъ по исторіи церковнаго права“. Петроградъ, 1915. Здѣсь во II вып. стр. 89—250 находимъ самый „Духовный Регламентъ и тѣсно связанные съ нимъ документы“. Къ изданію привлечены рукописи, однако, не всѣ четыре, а только три, Типографская не принята во вниманіе[1].

[1]) Объ этомъ изданіи см. *мою* статью „Къ вопросу о „фальсификаціи“ Духовнаго Регламента“ въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. Декабрь 1914 г. стр. 316—330 и отдѣльно. Отвѣтъ *В. Н. Бенешевича* напечатанъ въ томъ же Журналѣ въ Январьской книгѣ 1915 г. стр. 250—251.

§ 3. Переводы Духовнаго Регламента на иностранные языки.

I. *Первый* переводъ Духовнаго Регламента сдѣланъ былъ на *нѣмецкій* языкъ и вышелъ изъ С.-Петербургской Типографіи въ 1721 году[1]). Какъ видно изъ экземпляра Императорской Публичной Библіотеки (Rossica, № 13, 11, 8, 15) на выходномъ листѣ было напечатано слѣдующее:

Geistliches Reglement auf hohen Befehl und Verordnung des von Gott gegebenen und mit Weiszheit ausgezierten Hrn Czaaren und Grosz-Fuersten Peter des I^sten Kaysers von gantz Ruszland, a. a. Und mit Bewilligung des gantzen heiligsten dirigirenden Synodi der Orthodoxen Ruszischen Kirche (Welche durch Gr. Czaarischen Majestät Bemühung mit Einstimmung und Beyrath des geistlichen Standes von gantz Ruszland) wie auch des regierenden Senats den 14ten Februarii 1721 in der Residenz St. Peterburg errichtet worden; publicirt und gedruckt in der St. Peterburgischen Buchdr. im Jahr Christi 1721 d. 16 Sept.

Второе изданіе того же перевода на нѣмецкій языкъ вышло въ Данцигѣ въ 1724 г. (заглавный листъ почти безъ измѣненія), а *третье*—также въ Данцигѣ въ 1725 г. (на выходномъ листѣ прибавлено: Publicirt und anietzo mit einer Zugabe vermehret[2]).

Экземпляры этихъ изданій см. въ Публичной Библіотекѣ и Библіотекѣ Варшавскаго Университета (2-е изд. П. Б. № 2. 8. 16. 171; Б. В. У. № 4 г. 18. 2. 45. 3-е изд. П. Б. № 13. 2. 8. 17; Б. В. У. № 4 г. 18. 2. 16).

Всѣ эти три изданія перваго нѣмецкаго перевода вышли in 4^0 мал. форм. въ слѣдующемъ составѣ:

№	Титулъ	Манифестъ	Присяга	Дух. Регламентъ	Подписи	О дѣйствахъ	Пункты	Прибавленіе
1	1	3—4	4—6	6—57	57—60	60	61—62	*нѣтъ*
2	1	3—5	5—7	8—70	70—74	74	74—76	76—110
3	1	3—5	5—7	8—70	70—74	74	74—76	76—110

Какъ видно изъ этой таблицы въ первомъ изданіи Прибавленія къ Духовному Регламенту не было. Во второмъ и третьемъ оно напечатано съ Московскаго изданія 1722 г. въ дозволенной Петромъ редакціи.

II. *Второй нѣмецкій* переводъ вышелъ въ приложеніи къ сочиненію знаменитаго историка Августа-Людовика *Шлецера* (A. L. von Schlözer)—

[1]) Объ этихъ переводахъ см. *Пекарскій*, Наука и лит. II, 525, и *Tondini* (о немъ ниже стр. 217—218), XXVII.

[2]) Ни откуда не видно, чтобы это изданіе было четвертымъ, а въ 1724 г. вышло сразу два изданія, какъ сообщаетъ *Пекарскій*, II, 525.

Neuverändertes Russland, oder Leben Catharinae der Zweyten[1]), выпущенному имъ подъ псевдонимомъ *Iohann Ioseph Haigold*. Это приложеніе подъ заглавіемъ: Iohann Ioseph Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland. Erster Theil. Riga und Mietau 1769, 16⁰, содержало въ себѣ:

1) Russische Kirchen und Reformations Geschichte unter Peter dem Grossen. Стр. 1—71.

2) Переводъ извѣстнаго указа 31-го января 1724 г. о монастыряхъ. Стр. 71—97.

3) Обрядъ посвященія епископовъ. Стр. 97—127 и др. статьи.

4) Наконецъ: Peters I Geistliches Reglement (стр. 147—260).

Въ этомъ переводѣ самого Шлецера *нѣтъ* Прибавленія къ Духовному Регламенту, хотя остальныя составныя части, которыя обыкновенно печатались вмѣстѣ съ Регламентомъ, имѣются.

Экземпляръ этого перевода см. въ Императорской Публичной Библіотекѣ № 13. 1. 9. 25.

По изданію Haigold'a напечатаны полностью заглавіе Духовнаго Регламента, Манифестъ и пункты въ книгѣ F. Walter, Fontes iuris ecclesiastici antiqui et hodierni, Bonnae 1862 стр. 135—138, содержаніе же самаго Духовнаго Регламента только пересказано, а равно лишь упомянута присяга. При этомъ Walter прямо ссылается на Haigold's Beylagen... p. 149—260.

Другой нѣмецкій юристъ Dr. L. K. Goetz не приводитъ текста, но дѣлаетъ замѣчанія объ исторіи, содержаніи и характерѣ Духовнаго Регламента и Прибавленія къ нему въ своей книгѣ: Kirchenrechtliche und kulturgeschichtliche Denkmäler Altrusslands nebst Geschichte des russischen Kirchenrechts[2]) (собственно переводъ §§ 40—53 Курса церковнаго права А. С. Павлова).

III. *Англійскій* переводъ Духовнаго Регламента появился въ 1729 г. in 8⁰ въ работѣ Thomas Consett, капеллана англійской факторіи въ С.-Петербургѣ при Петрѣ Великомъ[3]). Экземпляръ его книги см. въ Публичной Библіотекѣ № 13. 1. 8. 5.

Въ Библіотекѣ Британскаго Музея, какъ сообщаетъ Tondini[4]), находится личный экземпляръ самого Consett[5]).

---

[1]) О переводѣ Шлецера упоминаетъ *Пекарскій*, II, 525 и *Tondini*, XXIX. О самомъ Шлецерѣ см. В. С. Иконниковъ, А. Л. Шлецеръ. Историко-біографическій очеркъ.

[2]) Въ серіи *U. Stutz*, Kirchenrechtliche Abhandlungen. Stuttgart, 1905.

[3]) О Consett упоминаетъ *Пекарскій*, II. 190. Однако онъ ошибочно приписываетъ ему переводъ „Православнаго исповѣданія“ подъ заглавіемъ: „The present state and regulations of the Church of Russia. London, 1729, 8⁰. На самомъ дѣлѣ подъ этимъ заглавіемъ переведенъ имъ Духовный Регламентъ, а „Православное исповѣданіе“ вышло на англійскомъ языкѣ только въ 1762 г. (The orthodox Confession, etc. London, 1762). См. *Tondini*, XXX.

[4]) *Tondini*, XXX.

[5]) Книга Consett имѣетъ слѣдующее заглавіе: The present State and Regulations of the Church of Russia. Establish'd by the late Tsar's Royal Edict.

Also in a Second Volume A Collection of several Tracts relating to his Fleets, Expedition to Derbent, etc.

Изданіе Consett содержитъ слѣдующее: стр. I—LXXVI—предисловіе Consett. Стр. 1—2—титулъ (изъ котораго видно, что переводъ сдѣланъ по изданію Александро-Невской Типографіи 18 января 1723 г., перепечатанному съ Московскаго 23 февраля 1722 г.). Стр. 3—5—Манифестъ; 6—10—Присяга; 11—113—Д. Регламентъ; 113—123—подписи (со свѣдѣніями о лицахъ въ примѣчаніяхъ); 124—О дѣйствахъ; 125—128—Пункты; 129—185—Прибавленіе; 186—202—Index. По мѣстамъ кое-гдѣ есть примѣчанія Consett.

IV. *Первый французскій* переводъ Духовнаго Регламента вышелъ въ 1745 г. безъ указанія автора и мѣста выхода. Именно, въ 1745 г. появилась книга подъ названіемъ: Anecdotes du regne de Pierre Premier, dit le Grand, Czar de Moscovie, contenant l'histoire d' Eudochia Federowna, et la disgrace du Prince de Mencikow. M. DCC. XLV. in 12⁰. Во второй части этого сочиненія была напечатана: Ordonnance de Pierre Premier Czar de Moscovie, pour la reformation de son clergé. Du 10/21 Fevrier 1720.

Въ этомъ изданіи, послѣ нѣсколькихъ словъ введенія, содержался переводъ Манифеста (стр. 4—7), Присяги (7—10), самаго Регламента (14—171) и нѣсколькихъ первыхъ подписей (171). Далѣе (стр. 172—177) напечатанъ переводъ присяги епископа въ семи пунктахъ[1]), изданной Петромъ, хотя въ книгѣ она названа: Copie du serment que S. M. Czarienne ordonne à tous les Evêques, et Archevêques de prêter le jour de leur sacre. На стр. 178—179 помѣщено оглавленіе къ Духовному Регламенту.

По предположенію Barbier и Guerard[2]), поддерживаемому Tondini[3]), авторомъ названнаго сочиненія и перевода былъ l' abbé Léonor-Christine-Soulas d'Allaival, род. въ Chartres, умеръ въ Парижѣ въ 1753 г.

Экземпляръ этой книги см. въ Публичной Библіотекѣ № 8. 11. 85. На ней рукописная надпись: «d'aprés Barbier, par l'abbé Soulas d'Allaival; peut-être par Eléazar Mauvillon, qui vivait en ce temps à Dresde (v. page IV de l'avertissement) et auquel on attribue l' histoire anonyme de Pierre I „dit le grand"».

V. *Второй французскій* переводъ Духовнаго Регламента появился въ 1874 г. и принадлежитъ барнабиту *Tondini*. Его книга имѣетъ слѣдующее заглавіе:

Translated from the Originals in the Slavonian and Russian Languages. With an accurate Map of the Caspian Sea.

And, a Preface to the Whole, wherein is contained a full and genuine Account of the Rise and Fall of Prince Menshikoff By Tho. Consett, M. A. Late Chaplain to the British Factory in Russia, and Fellow of the Royal Society of Sciences in Berlin London: Printed by S. Holt, and Sold by J. Brotherton, at the Bible in Cornhill, Tho. Meighan, Bookseller in Drury-Lane, A. Miller, over against St. Clement's-Church, in the Strand, and Fr. Hildyard, Bookseller in York. M. DCC. XXIX. Price five Shillings in Sheets.

[1]) П. С. З. V, 2985, 22 января 1716 г.

[2]) *Barbier*, Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes composés, traduits et publiés en français. Paris, 1806, t. I, p. 27. № 235. Есть 2-е изд. 1824 г. *Guérard*, La France litteraire. Paris 1827. t. I, p. 32.

[3]) *Tondini*, XXVII, примѣчаніе.

Reglement ecclésiastique de Pierre le Grand traduit en français sur le russe avec introduction et notes par le R. P. C. Tondini Barnabite.

Édition accompagnée de la traduction latine imprimée à Saint-Petersbourg, en 1785, par le soins du prince Grégoire Potemkin du texte russe original et de l'instruction du procureur suprême du Synode.

Paris, Librairie de la Société Bibliographique 75, rue du Bac. 1874 (London, Burns and Oates. Portm. Street, Portm. Square, 17. Bruxelles, H. Goemaere, rue de la Montagne, 52). Imprimerie Jules Moureau. Форматъ in 8⁰.

Одновременно съ этимъ изданіемъ и даже сброшюрованный вмѣстѣ съ нимъ въ одну обложку вышелъ въ Парижѣ и русскій текстъ Духовнаго Регламента съ относящимися къ нему матеріалами, изданный тѣмъ же Библіографическимъ Обществомъ. Объ этомъ парижскомъ изданіи сказано въ общемъ описаніи русскихъ изданій.

Экземпляръ Tondini см. въ Публичной Библіотекѣ № 12. 40. 7. 277[1]. Въ него вплетено и названное русское изданіе.

Своему переводу Tondini предпосылаетъ довольно обширное введеніе (стр. V—XL), изъ котораго, между прочимъ, видно, что изданіе Духовнаго Регламента съ комментаріями предпринято имъ съ цѣлью показать источникъ и причины современнаго упадка Русской Церкви, всецѣло подчиненной свѣтской власти. Выдавая себя за лицо, сочувствующее Русской Церкви, Tondini начинаетъ свою книгу словами: „C'est pour contribuer à hâter la delivrance de l'Église russe que nous publions le Réglement ecclésiastique de Pierre le Grand". Этимъ опредѣляется и характеръ его изданія[2]).

Затѣмъ помѣщается параллельный текстъ по-французски (вверху страницы) и по-латыни по изданію 1785 г. (внизу страницы), а подъ этимъ текстомъ примѣчанія самого Tondini, касающіяся какъ текста, такъ и содержанія Духовнаго Регламента. Въ такомъ видѣ книга его содержитъ слѣдующее: Манифестъ (стр. 1—5), Присяга (6—11), Духовный Регламентъ (12—222), Подписи (со свѣдѣніями о подписавшихся лицахъ, стр. 223—238), О дѣйствахъ (238—239), Пункты (240—247). Далѣе на стр. 248—250 содержится краткое сообщеніе Tondini о Прибавленіи къ Духовному Регламенту и объ Инструкціи Оберъ-Прокурору Св. Синода, самого же текста Прибавленія не дается. На стр. 251—256 помѣщается названная Инструкція Оберъ-Прокурору только по-французски съ примѣчаніями. На стр. 257—оглавленіе, а на стр. 258—270—указатель.

VI. *Латинскій* переводъ Духовнаго Регламента появился въ С.-Петербургѣ въ 1785 г. подъ названіемъ: Statutum canonicum Petri Magni

---

[1]) Экземпляръ его есть и у меня. Замѣтки о книгѣ Tondini см. въ Literar. Centralblatt 1875 № 52.—Le Monde 1874, 31 Okt.; 1875, 11 Fevrier.—Polybiblion Revue Bibl. universelle 1874, № 7, p. 17.

[2]) *Tondini* принадлежитъ очевидно къ тому кругу католиковъ, которые въ срединѣ XIX ст. особенно нападали на цезаропапизмъ Русской Церкви и противъ которыхъ такъ смѣло и талантливо боролся А. С. Хомяковъ въ своихъ „Письмахъ о западныхъ исповѣданіяхъ" (Собр. соч. т. II). Перу Tondini принадлежитъ также: L'Avenire de l'Église russe. Paris 1874.

(стр. 1 ненум.). Statutum canonicum sive ecclesiasticum Petri Magni, vulgo Regulamentum, in Sancta Orthodoxa Rossorum Ecclesia praescriptum et auctum, Sub prela multoties in Vernacula vocatum; nunc tandem ex Rossica lingua in Latinam transfusum ac impressum, auspiciis impensisque Serenissimi Principis Gregorii Alexandridis Potemkini, Interpretationem passim perlustrante L. S. Petropoli typis Academiae imperialis Scientiarum M. DCC. LXXXV (стр. 3 нен.).

Этотъ переводъ, изданный in 4^0, содержитъ въ себѣ, далѣе, Index rerum (аналитическій, стр. 5—6 ненум.) и затѣмъ на нумерованныхъ страницахъ: Манифестъ—Edictum (1—3), Присягу—Iuramentum (4—7), Регламентъ—Statutum sive Decretum ecclesiasticum (8—99), Подписи (99—105), „О дѣйствахъ" (105), Пункты—Quaestiones per puncta propositae (106—108) и Прибавленіе—Regulae praecedentibus superadditae, ad quas Ecclesiae clerus, et monachorum ordo observandas adstringuntur (109—157) по Московскому изданію 14 іюня 1722 г.[1]). Примѣчаній нигдѣ не замѣтно.

Экземпляръ этого перевода см. въ Публичной Библіотекѣ № 13. 3. 5. 29. Въ экземплярѣ Библіотеки Архива Св. Синода заглавіе: „Statutum canonicum Petri Magni" стоитъ на 3 нен. стр., а заглавіе: „Statutum canonicum, sive ecclesiasticum" и пр.—передъ нимъ, на 1 нен. стр. Далѣе помѣщенъ Index, послѣ котораго: Corrigenda. Внизу послѣднихъ стоитъ цифра 161, по которой можно догадаться, что Index на 2-хъ стр. и Corrigenda на одной стр. должны были бы стоять послѣ Прибавленія и тогда они составили бы правильно страницы: 158 (чистая), 159—160 (Index) и 161 (Corrigenda).

Исторія этого латинскаго перевода еще недостаточно выяснена и не могла быть выяснена нами.

Митрополитъ Евгеній, свѣдѣніями котораго пользуются всѣ остальные авторы, въ „Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина греко-россійской Церкви" (2 изд., Спб. 1827), въ т. I, стр. 215—217, въ біографіи Архимандрита Московскаго Новоспасскаго монастыря и члена Московской Синодальной Конторы *Іакинеа Карпинскаго* (род. около 1723, умеръ 29 ноября 1798 г. Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ статьѣ К. Здравомыслова. Правосл. Богосл. Энциклопедія, т. VI, стлб. 9—10, Спб. 1905), сообщалъ, что это именно онъ „въ 1771 г. по препорученію отъ кн. Потемкина-Таврическаго, перевелъ на Латинскій языкъ *Духовный Регламентъ*, съ присовокупленіемъ *трактата* Феофана Прокоповича о *Правильномъ разводѣ мужа съ женою*. Списокъ сего перевода,—говоритъ М. Евгеній,—сохраняется въ Библіотекѣ Александро-Невской Академіи подъ заглавіемъ: Regulae, siue Constitutiones Ecclesiasticae concinnatae, typis aliquoties repetitae, e Rossica lingua in Latinam in monasterio S. Cyrilli translatae 1782 anno.

Князь Потемкинъ приказалъ переводъ сей напечатать на свой щетъ, и препоручилъ пересмотрѣть оный Синодальному Переводчику *Сичькареву*,

---

[1]) Въ концѣ латинскаго текста Прибавленія сказано: Typo superadditae regulae impressae in typographia Mosquensi. Anno 1722. Iunii 14 die.

который самъ вновь перевелъ въ началѣ Регламента находящійся Указъ и Присягу и во многомъ переправивъ самый переводъ Карпинскаго, а особливо въ первыхъ главахъ, издалъ подъ названіемъ: Statutum Canonicum, siue Ecclesiasticum Petri Magni.... Petropoli 1785 in 4⁰.

Но Трактатъ Өеофановъ о *разводѣ* не напечатанъ при семъ изданіи. По напечатаніи сей книги всѣ экземпляры, кромѣ весьма немногихъ, оставшихся у частныхъ людей въ Петербургѣ, отвезены были въ Крымъ къ находившемуся тамъ кн. Потемкину, и отъ него частію выпущены за границу, а прочіе въ разныхъ перевозкахъ растеряны и сгнили. По сему-то книга сія въ Россіи столь рѣдка, что трудно ее даже найти, и гораздо извѣстнѣе она у чужестранцевъ".

Изъ этого сообщенія вытекаетъ, что первоначально перевелъ Духовный Регламентъ на латинскій языкъ Іакинѳъ Карпинскій подъ заглавіемъ Regulae, sive Constitutiones.... Но его переводъ остался въ рукописи. Между тѣмъ, не смотря на произведенные поиски, ея не оказывается ни въ Александро-Невской Лаврѣ, ни въ Петроградской Духовной Академіи, ни въ Петроградской Духовной Семинаріи. Поэтому нѣтъ возможности составить о ней болѣе опредѣленнаго понятія. Но по словамъ М. Евгенія, рукописный переводъ Іакинѳа Карпинскаго, приготовляемый къ печати, подвергся переработкѣ со стороны синодальнаго переводчика Сичкарева и въ переработанномъ видѣ напечатанъ въ 1785 г. уже подъ другимъ заголовкомъ: Statutum canonicum... Экземпляры этого перевода имѣются, между прочимъ, въ И. П. Б. и въ Библіотекѣ Архива Св. Синода.

Однако этой справкой еще не исчерпывались свѣдѣнія М. Евгенія. По просьбѣ М. М. Barbier, составлявшаго каталогъ книгъ библіотеки графа Бутурлина, онъ сообщилъ еще нѣсколько цѣнныхъ наблюденій своихъ надъ сравненіемъ рукописи Карпинскаго и печатнаго изданія Сичкарева[1]). Онѣ сводятся къ тому, что Сичкаревъ большую часть своихъ поправокъ сдѣлалъ въ первой части. Все остальное почти всюду совпадаетъ съ переводомъ І. Карпинскаго, однако языкъ въ изданіи Сичкарева чище, хотя, съ другой стороны длинными пересказами онъ ослабляетъ выразительную рѣчь оригинала, который Карпинскій переводилъ съ благоговѣйной точностью. Составъ того и другого одинаковъ.

Со словъ М. Евгенія въ его „Словарѣ" говоритъ о латинскомъ переводѣ Духовнаго Регламента и *П. П. Пекарскій*, Наука и литература, т. II, стр. 525.

---

[1]) См. *Barbier*, Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes composés, traduits et publiés en français et en latin. Paris, 1809, T. III, p. 496—498, № 12133. Здѣсь приведены слова М. Евгенія и послѣ нихъ замѣчено:

Note tirée du Catalogue des livres de la Bibliothèque de S. E. M. le comte de Bourlin, revu par M. M. Barbier et Pourgens; suivi d'une table des auteurs très—détaillées. Paris, imprimerie de Pourgens, 1805, in 8⁰. Elle a été communiquée par le R. P. Eugéne, archimandrite et préfet de l' Académie ecclésiastique de Saint-Alexandre Newsky. Все это примѣчаніе перепечатано у *Tondini*, стр. XXXI—XXXII съ его комментаріями.

Съ печатнаго изданія 1785 г. (въ редакціи Сичкарева) латинскій переводъ вновь переизданъ въ книгѣ *Tondini*, Règlement ecclésiastique de Pierre le Grand. Paris 1874[1]).

VII. *Греческій переводъ* Архіепископа Евгенія Булгариса изданъ нами въ особомъ приложеніи къ настоящей работѣ. Тамъ же, во введеніи къ нему, содержатся и пояснительныя свѣдѣнія къ переводу.

Въ „Описаніи греческихъ рукописей монастыря св. Екатерины на Синаѣ“ (т. I, Спб. 1911, подъ редакціей и съ дополненіями В. Н. Бенешевича) на стр. 307 подъ № 496 (1893), въ Библіотекѣ Синае—джуванійскаго подворья значится еще греческая рукопись на бумагѣ, in 4°, содержащая въ себѣ, какъ сказано въ „Описаніи“, Τακτικὸν συνοδικὸν, τουτέστι Κανονικὸν σύνταγμα τῆς ἐν Ῥωσσίᾳ πνευματικῆς συνόδου, συντεθὲν διὰ προσταγῆς τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ κραταιοτάτου βασιλέως Μοσχοβίας καὶ πάσης Ῥωσσίας, Πέτρου Ἀλεξιάδου τοῦ πρώτου, ἀδείᾳ καὶ διορθώσει τῆς ἁγιωτάτης διοικούσης συνόδου ἐν ἔτει 1721 σεπτεμβρίου ιζ′ ἐν τῇ βασιλευούσῃ Πετρουπόλει.

Ὑπέγραψαν αὐτὸ τὸ Κανονικὸν: ✝ Ὁ Ῥεζανίας Στέφανος. ✝ Ὁ Σμολενσκίας Σίλβεστρος. ✝ Ὁ Πσκοβίας Θεοφάνης. ✝ Ὁ Νιζεγοροδίας Βαρλαάμ. ✝ Ὁ Τβερίας Μητροφάνης. Ὁ Κορελίας Ἀαρών.

Однако изъ этихъ словъ съ достаточной опредѣленностью нельзя заключить, содержитъ ли въ себѣ эта рукопись Синайскаго монастыря самостоятельный иной греческій переводъ Духовнаго Регламента, и тогда кѣмъ и когда сдѣланный, или только копію съ перевода Евгенія Булгариса. Выяснить же этотъ вопросъ, въ виду обстоятельствъ военнаго времени, оказалось невозможнымъ.

VIII. По предположенію В. Н. Бенешевича, имѣется и *грузинскій* переводъ Духовнаго Регламента въ Тифлисскомъ Церковномъ Музеѣ[2]).

---

[1]) *Tondini* высказываетъ предположеніе, что латинскій переводъ существовалъ и до 1785 г. въ печати. См. у него стр. XXXIII. За неимѣніемъ данныхъ вопросъ этотъ остался для насъ неразъясненнымъ.

[2]) См. *В. Н. Бенешевичъ*, Сборникъ памятниковъ по исторіи церковнаго права. Петроградъ 1915, в. II, стр. 94.

Глава VII.

Источники Духовнаго Регламента и объясненія къ нему.

А. Введеніе къ Духовному Регламенту.

Планъ Духовнаго Регламента[1]). Духовный Регламентъ въ первоначальной редакціи черновой рукописи начинается слѣдующими словами, опредѣляющими *планъ* всего сочиненія: „Книга сія Духовнаго Коллегіумъ описаніе и рассужденіе содержащая разделяеться на три части по числу тріехъ духовныхъ нуждъ, вѣдѣнія достойныхъ и управленія требующихъ; которые суть: I. Описаніе и важные вины таковаго правленія. II. Дѣла управленію сему подлежащая. III. Самыхъ управителей должность, дѣйство и сила".

Такимъ образомъ „разсужденіе" Ѳеофана Прокоповича, переименованное затѣмъ въ „Регламентъ или Уставъ Духовного Коллегіумъ", было раздѣлено имъ на три части, изъ коихъ въ *первой* онъ имѣлъ въ виду дать опредѣленіе понятія коллегіи, сущности и преимуществъ коллегіальнаго устройства и указать причины, побуждающія замѣнить патріарха Духовной Коллегіей. Во *второй* части Ѳеофанъ имѣлъ въ виду изложить предметы вѣдомства Духовной Коллегіи, а въ *третьей* — непосредственныя обязанности самихъ управителей, т. е. членовъ Духовной Коллегіи, какъ таковыхъ; затѣмъ опредѣлить ихъ „дѣйство", т. е. порядокъ рѣшенія дѣлъ (дѣлопроизводство) и степень авторитета ихъ власти („силу").

Въ дѣйствительности Ѳеофанъ не выдержалъ этого плана. *Первая* часть, правда, отвѣчаетъ своему назначенію, такъ какъ содержаніе ея, вѣроятно, всего яснѣе представлялось автору. Но *вторая* часть, вмѣсто изложенія предметовъ вѣдомства *самой* Духовной Коллегіи, превратилась, съ одной стороны, въ примѣрное перечисленіе недостатковъ русской церковной жизни, подлежащихъ исправленію подъ руководствомъ Духовной Коллегіи („Дѣла общія"), а съ другой — въ изложеніе обязанностей *подчиненныхъ* Духовной Коллегіи епархіальныхъ епископовъ, священниковъ, монаховъ и мірянъ, въ связи съ проектами семинаріи и академіи, съ инструкціей проповѣдникамъ и т. д. Наконецъ, въ *третьей* части Ѳеофанъ былъ вынужденъ изложить не „самыхъ управителей должность", а предметы вѣдомства Духовной Коллегіи, какъ учрежденія, при чемъ это изложеніе оказалось

---

[1]) Здѣсь и ниже ссылки дѣлаются на черновую рукопись Духовнаго Регламента по нашему изданію въ II-мъ томѣ, съ указаніемъ листовъ рукописи и примѣчаній къ нимъ. Однако выдержки приводятся безъ точнаго соблюденія правописанія подлинника, т. е. безъ титлъ, сокращеній и др. особенностей, не имѣющихъ въ данномъ случаѣ никакого значенія.

нестройнымъ и блѣднымъ въ виду того, что нѣкоторые относящіеся сюда предметы уже были попутно затронуты во второй части Регламента и автору пришлось повторяться. Кромѣ того обѣщанные во второй части правила касающіяся пресвитеровъ, діаконовъ и прочаго клира церковнаго, а также монаховъ, были изъяты изъ среды другихъ и изданы лишь въ качествѣ „Прибавленія къ Духовному Регламенту“ съ тѣмъ, однако, что спеціально о діаконахъ и прочемъ клирѣ церковномъ вовсе ничего не было сказано. Равнымъ образомъ и въ третьей части Өеофанъ ничего не сказалъ о дѣлопроизводствѣ и „силѣ“ Духовной Коллегіи, такъ что о томъ и другомъ было прибавлено нѣсколько словъ лишь въ первомъ печатномъ изданіи 16-го Сентября 1721 г.

Характеръ и объемъ содержанія. Набрасывая планъ своей книги, Өеофанъ вмѣстѣ съ тѣмъ оговаривается относительно *характера и объема ея содержанія.* Съ первыхъ же словъ оказывается, что это лишь „описаніе“ Духовной Коллегіи и „разсужденіе“ относящихся къ ней матерій, но вовсе еще не ея регламентъ. Тѣмъ не менѣе, однако, предметомъ описанія и разсужденія въ своей книгѣ Өеофанъ беретъ именно Духовную Коллегію со стороны ея существа, организаціи, состава и направленія дѣятельности въ наличныхъ условіяхъ русской церковно-государственной дѣйствительности; „а управленія *основаніе*“, т. е. законъ Божій, изложенный въ Св. Писаніи, церковные каноны и „уставы гражданскіе, Слову Божію согласные“,— по замѣчанію Өеофана,—„собственной себѣ книги требуютъ, а здѣ не вмѣщаются“. Иными словами, изображая характерные черты вновь создаваемаго учрежденія и намѣчая ближайшія задачи „исправленія чина духовнаго“, Өеофанъ, конечно, не намѣревался въ томъ же сочиненіи исчерпать многочисленные традиціонные источники церковнаго права, хотя, повидимому, и сознавалъ необходимость новой ихъ систематизаціи и изданія. Обновляемый церковный строй, очевидно, требовалъ и новой кодификаціи. Однако Өеофанъ, какъ видно изъ его словъ, не задавался этой цѣлью въ тотъ моментъ, когда принимался за свой трактатъ о Духовной Коллегіи.

Къ сказанному необходимо прибавить, что это обстоятельство косвенно даетъ понять, что было бы напрасно и методологически неправильно усматривать въ „описаніи и разсужденіи“ Өеофана Прокоповича, ставшемъ послѣ Духовнымъ Регламентомъ, какую то новую сводку церковныхъ правилъ и сближать Регламентъ съ ними. Изъ разбираемыхъ словъ Өеофана ясно, что онъ опредѣленно отличалъ одно отъ другого, и хотя иногда ссылался на каноны, тѣмъ не менѣе главный матеріалъ для своего сочиненія бралъ либо отъ разума, либо изъ наличной дѣйствительности и потребностей текущаго момента. Въ этомъ сказывается коренное различіе произведенія Өеофана отъ предшествующихъ источниковъ восточнаго церковнаго права. Послѣдніе представляли собою либо переизданіе стараго каноническаго матеріала съ небольшими, сравнительно, добавленіями (синтагмы, номоканоны, кормчія); либо приложеніе каноническихъ нормъ къ текущей церковной практикѣ (опредѣленія церковныхъ соборовъ греческихъ и русскихъ, кано-

ническія послaнія и т. под.). Напротивъ, описаніе и разсужденіе Θеофана есть памятникъ совершенно новый, оригинальный по своимъ цѣлямъ, матеріалу, плану его расположенія и т. д., и кромѣ того всецѣло проникнутый обычнымъ въ то время раціонализмомъ и практичностью во имя достиженія общаго блага.

Терминъ „регламентъ". Таково содержаніе небольшого введенія, предпосылаемаго Θеофаномъ самому изложенію его „книги". Необходимо отмѣтить, что при обсужденіи ея вѣроятно еще Петромъ, первыя строки подверглись коренному измѣненію. Вмѣсто нихъ весь памятникъ получилъ существенно новое заглавіе: „Регламентъ или Уставъ Духовного Коллегіумъ"[1]. Этимъ самымъ, а также и другими исправленіями черновой рукописи[2], первоначальному „трактату" Θеофана былъ приданъ характеръ законодательнаго акта. Однако слишкомъ внѣшнія поправки уже не могли измѣнить его существа, что и осталось навсегда замѣтнымъ. При этомъ наименованіе „регламента", столь общее съ учредительными актами и инструкціями другихъ русскихъ государственныхъ коллегій, нисколько не приближало къ нимъ по своему характеру Духовнаго Регламента. Послѣдній остался столь же своеобразнымъ, кромѣ названія, по отношенію къ другимъ регламентамъ, какъ и по отношенію къ традиціоннымъ источникамъ восточнаго церковнаго права. Терминъ „регламентъ" является переводомъ съ латинскаго слова regulamentum (франц.—reglement), которое, въ свою очередь, происходитъ отъ regula, ae—линейка, правило, въ томъ числѣ—юридическое правило, regula iuris, regula, ad quam iudicia rerum dirigentur (Cic.). Такимъ образомъ regulamentum значитъ уставъ, распоряженіе, постановленіе, учрежденіе. Между тѣмъ „Регламентъ или Уставъ Духовной Коллегіи" въ своемъ существѣ по прежнему остался „описаніемъ" и „разсужденіемъ".

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что латинскій по своему происхожденію терминъ „регламентъ" былъ всегда чуждъ православному церковному праву, чѣмъ и объясняются затрудненія въ передачѣ его, какъ и другихъ латинскихъ терминовъ, на греческій языкъ, испытанныя архіепископомъ Евгеніемъ Булгарисомъ[3]. Однако онъ все-таки навсегда остался за этимъ главнѣйшимъ памятникомъ церковной реформы Петра.

Б. Первая часть Духовнаго Регламента.

§ 1. Понятіе и образцы Духовной Коллегіи.

Первая часть Духовнаго Регламента посвящена Θеофаномъ вопросу о томъ „Что есть Духовное Коллегіумъ, и каковые суть важные вины таковаго правленія?" Сообразно съ темою этой части слѣдуетъ и ея раскрытіе.

---

[1]) См. Черн. рук. л. 2, прим. 12. [2]) См. описаніе ея во II томѣ.

[3]) См. изданный нами, въ видѣ особаго приложенія къ настоящей работѣ, греческій текстъ стр. 3.4.

Прежде всего Өеофанъ опредѣляетъ понятіе „коллегіи"; во-вторыхъ расчленяетъ коллегіи на временныя и постоянныя, при чемъ указываетъ и примѣры тѣхъ и другихъ; въ-третьихъ, указываетъ общую причину учрежденія собственно *Духовной* Коллегіи; въ-четвертыхъ, доказываетъ, (въ девяти пунктахъ), почему правленіе постоянной Духовной Коллегіи лучше и совершеннѣе, чѣмъ единоличное правленіе патріарха.

Опредѣленіе понятія „коллегіи". Опредѣляя понятіе коллегіи, Өеофанъ говоритъ дословно слѣдующее: *„Коллегіумъ правителское не что ино есть, токмо правителское собраніе. Когда дѣла нѣкія собственныя не единому лицу, но многимъ къ тому угоднымъ, и отъ Высочайшей власти учрежденнымъ, подлежатъ ко управленію"*[1]).

Въ этомъ опредѣленіи заслуживаетъ вниманія прежде всего предикатъ „коллегіумъ *правителское*". Очевидно, Өеофанъ отличаетъ здѣсь коллегію, какъ правительственное учрежденіе, отъ коллегій ученыхъ, учебныхъ и др.[2]) а также вообще отъ учрежденія, построеннаго на „коллегіальномъ началѣ" или „коллегіальности" въ рѣшеніи дѣлъ[3]). Затѣмъ заслуживаетъ вниманія точнѣйшее опредѣленіе многихъ лицъ, входящихъ въ составъ коллегіи, какъ *„отъ Высочайшей Власти учрежденныхъ"*. Теоретически правительственная коллегія возможна не только какъ государственное учрежденіе, но и какъ церковное, и какъ частное, въ зависимости отъ того, кто

---

[1]) Чер. рук. л. 2.

[2]) Понятіе и терминъ „коллегія" (лат. collegium отъ colligo, legi, lectum, 3, собираю) ведетъ свое начало отъ римскаго права. См. Collegium—tit. Dig. 47, 22. „Neratius Priseus tres facere existimat „collegium", et hoc magis sequendum est". L. 85 D. 50, 16. У римлянъ коллегіей называлось собраніе многихъ лицъ, связанныхъ между собою одинаковою должностью или званіемъ, какъ, напр., консулы, преторы, трибуны. Также точно коллегіями назывались признанныя государствомъ коопераціи, въ особенности культурнаго характера, цехи, общества погребальныя и взаимопомощи и т. под. (ср. проф. *Ю. Кулаковскій*, Коллегіи въ древнемъ Римѣ, Кіев. Унив. Извѣстія за 1882 г. Май—Октябрь). Въ настоящее время терминомъ „коллегія" обозначаютъ въ особенности учрежденія съ учебной и воспитательной цѣлью (College, Collège, Collegium Germanicum и т. д.) Въ современномъ административномъ правѣ терминъ „коллегія" означаетъ состоящее изъ нѣсколькихъ лицъ судебное или правительственное мѣсто, рѣшенія котораго принимаются съ общаго совѣта посредствомъ большинства голосовъ (*Brockhaus*, Konversations-Lexikon, Bd. X, S. 486, Leipzig, 1908).—Ср. слово „коллегія" въ Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ, т. 22, стлб. 182.

[3]) „Коллегіальное начало,—говоритъ проф. А. Н. Филипповъ,—считалось Петромъ В. и его сотрудниками великою панацеей противъ произвола и продажности, этихъ давнихъ золъ нашихъ учрежденій"... „Неудивительно поэтому, что Петръ I хотѣлъ видѣть начало это осуществленнымъ во всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ, независимо отъ тѣхъ функцій, какія исполнялись этими учрежденіями, т. е. несмотря на то, были ли это учрежденія законосовѣщательнаго, административнаго или судебнаго характера. Поэтому, всѣ Петровскія учрежденія можно назвать *Коллегіями*, принимая во вниманіе *тотъ принципъ*, на основаніи котораго они были устроены; съ этой точки зрѣнія Св. Синодъ, Пр. Сенатъ, такія же *Коллегіи*, какъ и тогдашніе суды, или, напр., собраніе ландратовъ, которые должны были „съѣзжаться къ губернаторамъ" „для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ" и т. д. Коллегіи, какъ *учрежденія*, которымъ in corpore

установляетъ такое учрежденіе, государственная, или какая либо иная власть ей вручается, и кѣмъ и изъ кого назначается ея составъ. Между тѣмъ подчеркнутыми словами Ѳеофанъ даетъ знать, что онъ имѣетъ въ виду коллегію, какъ именно *государственное* учрежденіе, и опредѣляетъ понятіе ея какъ таковаго учрежденія.

Обращаясь къ самому опредѣленію не трудно указать въ чемъ видитъ Ѳеофанъ основной признакъ коллегіи. Признакъ этотъ состоитъ въ томъ, что „нѣкія собственныя", т. е. опредѣленныя дѣла вручаются управленію, т. е. рѣшенію не одного лица, а многихъ, спеціально къ тому назначенныхъ (Ѳеофанъ прибавляетъ: Высочайшей Властью). Поэтому-то коллегія есть собраніе. Опредѣленіе это совершенно правильно[1]).

Временныя и постоянныя коллегіи. Далѣе Ѳеофанъ различаетъ коллегіи временныя и постоянныя. *Временной* коллегіей онъ считаетъ такую, которая создается ad hoc. *Постоянной* коллегіей Ѳеофанъ считаетъ, напротивъ, такую, которая учреждается для опредѣленныхъ дѣлъ, возникающихъ часто или всегда. По составу своему эти коллегіи также различны. Въ коллегію единовременную „*собираются* угодныя къ тому лица", т. е. составъ ея болѣе или менѣе *свободный*, и во всякомъ случаѣ заранѣе не опредѣленный. Въ коллегію же постоянную „*опредѣляются* число нѣкое доволное мужей", т. е. составъ ея постоянный и опредѣленный назначеніемъ свыше.

Въ качествѣ образцовъ временныхъ коллегій Ѳеофанъ указываетъ на церковные синоды, т. е. соборы, чрезвычайные гражданскіе розыски, трибуналы и совѣты. Въ свою очередь образцами постоянныхъ коллегій, по его

принадлежитъ право обсужденія и рѣшенія, *по большинству голосовъ*, всѣхъ дѣлъ, входящихъ въ ихъ компетенцію, были такимъ образомъ уже при Петрѣ В., онѣ существуютъ и доселѣ. Но, наряду съ такимъ общимъ широкимъ пониманіемъ слова „Коллегія", оно употреблялось также въ актахъ Петровскаго времени и въ *узкомъ* спеціальномъ смыслѣ слова, для обозначенія тѣхъ *административныхъ*, по преимуществу, учрежденій, которыя смѣнили прежніе Приказы, и были, въ свою очередь, въ началѣ XIX в. замѣнены Министерствами" (*проф. А. Н. Филиппов*ъ, Учебникъ исторіи русскаго права. Ч. I, Юрьевъ, 1914, изд. 5, стр. 787—788). Въ этомъ именно спеціальномъ смыслѣ говоритъ и Ѳеофанъ въ Духовномъ Регламентѣ: „коллегіумъ *правителское*".

[1]) Ср. *Н. М. Коркуновъ*, Русское государственное право, т. I, Спб. 1909. § 40 Понятіе и устройство государственныхъ учрежденій (стр. 388—398);—его же, Лекціи по общей теоріи права, § 45, Государственныя учрежденія. Коркуновъ говоритъ: „Коллегіей называется совокупность лицъ, которымъ предоставлено право рѣшенія по большинству голосовъ". Ср. *E. Loening*, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts, Leipzig, 1884, ss. 30—31. Въ одномъ изъ указовъ Петра В. имѣется слѣдующее опредѣленіе понятія коллегіи: „Нынѣ, милосердуя Его Величество о народѣ и земскомъ справедливомъ правленіи, не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же доброй порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены Коллегіи, то есть собраніе многихъ персонъ (вмѣсто Приказовъ), въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отъимаютъ старыя попозновенія дѣлать, какъ о томъ вскорѣ Регламенты (или уставы) будутъ публикованы, и всѣхъ коллегій должности, для вѣдѣнія сего полезнаго дѣла ароду" (П. С. З. V, 3261, 22 Декабря 1718 г.).

соображеніямъ являются: Іерусалимскій Синедріонъ, Аѳинскій Ареопагъ и другія Аѳинскія правительственныя собранія, называемыя Дикастеріями; затѣмъ—коллегіи въ иностранныхъ государствахъ древнихъ и ему современныхъ и, наконецъ, государственныя коллегіи, учрежденныя Петромъ въ тотъ именно годъ, когда писался Духовный Регламентъ, т. е. въ 1718 г.

Постоянныя коллегіи, какъ образцы Духовной Коллегіи. Различивъ коллегіи временныя и постоянныя, Ѳеофанъ вводитъ въ ихъ число и новую Духовную Коллегію. *Какая же это коллегія, временная или постоянная?* Отвѣтомъ на этотъ очень важный вопросъ являются слѣдующія слова дальнѣйшаго текста Регламента: Петръ Первый „благоволилъ уставити и Духовное Коллегіумъ, которое бы прилѣжно и *непрестанно* наблюдало, еже на ползу Церкве, да вся по чину бываютъ, и да не будутъ нестроенія“[1]... Такимъ образомъ Духовная Коллегія есть *постоянная* коллегія, а этимъ уже само собою предрѣшается вопросъ о томъ, насколько сходна Духовная Коллегія (впослѣдствіи—Св. Синодъ) съ обыкновеннымъ церковнымъ соборомъ и можно ли отожествлять первую съ послѣднимъ, какъ нѣкоторые, а прежде всѣхъ самъ Ѳеофанъ[2]), хотѣли бы сдѣлать, или, напротивъ, образецъ Духовной Коллегіи надо искать скорѣе всего въ иностранныхъ государственныхъ коллегіяхъ, по образцу которыхъ были учреждены Петромъ и русскія государственныя коллегіи?—Очевидно, что на этотъ вопросъ не можетъ быть двухъ отвѣтовъ, такъ какъ текстъ Ѳеофана у всѣхъ предъ глазами, и мысль его ясна совершенно. Но болѣе того, изъ всѣхъ только что разобранныхъ словъ его вытекаетъ, что онъ считалъ Духовную Коллегію *государственнымъ* учрежденіемъ, созданнымъ по волѣ свѣтскаго монарха такъ же, какъ и другія, собственно государственныя коллегіи 1718 года.

Ограничившись пока установленіемъ сказанныхъ положеній, обратимся къ детальному ихъ освѣщенію, имѣя въ виду, по возможности, указать источники Духовнаго Регламента.

Церковный соборъ. Прежде всего, необходимо выяснить сущность церковныхъ соборовъ, чтобы провѣрить, справедливо ли отнесъ ихъ Ѳеофанъ къ временнымъ коллегіямъ, устранивъ тѣмъ самымъ родственную связь ихъ съ Духовной Коллегіей?

Слѣдуетъ заранѣе замѣтить, что въ литературѣ православнаго церковнаго права не существуетъ достаточно разработанной и прочно установившейся теоретической конструкціи собора, т. е. согласнаго ученія о его составѣ, правахъ его членовъ, объ основаніи обязательности постановленій собора и т. д., поэтому нерѣдко все, что имѣетъ *собирательный* характеръ, относятъ къ соборамъ. При такой неопредѣленности, провести точную грань между сущностью коллегіи и сущностью собора очень затруднительно и возможно только въ общихъ очертаніяхъ.

---

[1]) Черн. рук. л. 2 об.

[2]) Въ проектѣ посланія къ греческимъ патріархамъ объ учрежденіи синодальнаго правленія. См. т. II, прил. № 9.

Церковный соборъ[1] (σύνοδος, concilium) вообще есть правомѣрное собраніе церковныхъ людей для обсужденія и рѣшенія церковныхъ дѣлъ. Неправомѣрные соборы, т. е. составленные изъ неправомочныхъ (наприм., лишенныхъ сана) лицъ, или признанные впослѣдствіи (путемъ рецепціи соборныхъ постановленій) еретическими, называются conciliabula, conventicula, latrocinia (напр., Разбойничій соборъ 449 г.). Частныя совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ считаются просто *собраніями*.

Исторія и церковное право знаютъ различные виды соборовъ: 1) вселенскіе (для всей церкви); 2) общіе или генеральные (для востока или запада); 3) патріаршіе, экзаршескіе или примасскіе (для патріархата, экзархата или области примаса); 4) митрополичьи (для митрополіи); 5) національные (для цѣлой націи, обыкновенно съ политическимъ оттѣнкомъ, почему иначе они называются смѣшанными: concilia mixta, т. е. церковно-государственные); 6) епархіальные (для одной только епархіи); 7) наконецъ, σύνοδος ἐνδημοῦσα Константинопольскаго патріарха.

Членами всѣхъ этихъ соборовъ являются прежде всего епископы (на епархіальныхъ соборахъ присутствуетъ одинъ только епархіальный епископъ со своими клириками и представителями мірянъ), затѣмъ низшее духовенство и міряне. Рѣшающій голосъ, по воззрѣніямъ лишь католиковъ, имѣютъ только епископы. Древняя вселенская церковь собственно не различала голосовъ рѣшающихъ и совѣщательныхъ, ибо всегда искала матеріальной, а не формальной истины, т. е. истины какъ таковой, а не условной. На востокѣ всегда требовалось позднѣйшее признаніе истинности собора и его постановленій[2]).

[1]) *Hefele*, Histoire des conciles, tome I, p. 1—97, Paris 1907.—*Jos. Zhishman*, Die Synoden und die episkopal-Aemter in der morgenländischen Kirche. Wien, 1867.—*Joh. Fr. Schulte*. Die Stellung der Concilien, Päpste und Bischöfe vom historischen und canonischen Standpünkte und die päpstliche Constitution vom 18 Iuli 1870. Prag, 1871.—*Scheeben*, art. „Concil“ bei Wetzer und Welte's Kirchenlexikon, 2 Aufl. Bd. III, S. 779—810.—*Hauck*, art. „Synoden“ въ Realencyklopädie für prot. Th. und. K. 3 Aufl. Bd. XIX S. 262—277.—*М. Горчаковъ*, статья „соборы церковные“ въ Энциклопедіи Эфрона I изд. т. XXX. стр. 648—649.—*А. И. Покровскій*, Соборы древней Церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Историко-каноническое изслѣдованіе. Сергіевъ Посадъ, 1915 (о терминѣ σύνοδος и concilium см. стр. 214).

[2]) Вопросъ о составѣ соборовъ и о голосахъ очень споренъ въ литературѣ. Католики стоятъ на юридическомъ принципѣ рѣшающей власти епископовъ, поэтому полноправными членами соборовъ считаютъ только ихъ, а не клириковъ и мірянъ и требуютъ голосованія. Православные—колеблются, стоять-ли на почвѣ формально-юридической, или морально-объективной. См. назв. сочиненія, а также *Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія* 1906 г. Спб 1906—1909. 4 тома и Указатель (по указателю см. стр. 406—413 подъ словомъ „Соборъ“).—*Н. Аксаковъ*, Возможны ли въ Церкви рѣшающіе и совѣщательные голоса? Церк. Голосъ за 1906 г. и отдѣльно.—*Его-же*, Что говорятъ каноны о составѣ собора Спб. 1906.—*С. В. Троицкій*, Церковный соборъ и міряне Спб. 1905 (Ц. Вѣстн.).—*В. Соколовъ*, Предстоящій всероссійскій церковный Соборъ, его составъ и задачи, Сергіевъ Посадъ, 1906, стр. 19 сл.—*Запрудскій К.* Вселенскій соборъ. М. 1906.—*А. П. Лебедевъ*, Объ участіи мірянъ на соборахъ. М. 1906. (Душеп. Чт. 1906, № 3).—*А. П. Лебедевъ*, Предстоящій всерос. соборъ съ точки зрѣнія древнихъ соборовъ.

Во всякомъ случаѣ членами соборовъ являлись не лица назначенныя кѣмъ-либо ad hoc, для участія въ соборныхъ засѣданіяхъ, а лица, уже занимающія въ Церкви извѣстное постоянное положеніе, — епископы, клирики, міряне, которые въ случаѣ созыва собора лишь призываются на него явиться. Разумѣется, серьезность цѣли созыва собора требовала, чтобы лица, могущія быть полезными для выясненія истины, или для принятія общей нормы, не уклонялись отъ явки на соборъ, безъ уважительныхъ причинъ. Однако отсутствіе ихъ не причиняло ущерба кворуму собора, такъ какъ древность еще не знала этого формальнаго принципа. Лишь въ католичествѣ позднѣе, подъ вліяніемъ римскаго права, выработалась строго формальная теорія соборовъ. На востокѣ требовалось только, чтобы во избѣжаніе послѣсоборныхъ расколовъ и несогласій, отсутствующій епископъ, приглашенный на соборъ, далъ свое согласіе на его дѣятельность. Однако и это согласіе не имѣло юридически-связующей силы.

Болѣе или менѣе постоянными были соборы патріаршескіе, митрополичьи и епархіальные (согласно правиламъ I Всел. собора 5, Антіох. 20, Апост. 37, Трул. 8, VII Всел. 6, и Nov. Iust. CXXIII c. 10, nov. CXXXVII c. 4), т. е. собирались *періодически* разъ или два въ годъ. Всѣ остальные соборы созывались по мѣрѣ надобности и потому не были ни постоянными, ни даже періодическими. Въ этомъ смыслѣ, собственно, ни тѣ ни другіе соборы не были учрежденіями въ значеніи приспособленія личныхъ и матеріальныхъ средствъ для какой-либо постоянной цѣли[1]. Они созывались епархіальнымъ епископомъ, митрополитомъ, патріархомъ, папой, императоромъ или королемъ по принадлежности. Предсѣдательствовали на нихъ тѣ же лица, какъ главныя въ предѣлахъ своей юрисдикціи. Что же касается соборовъ вселенскихъ, то предсѣдательство на нихъ рѣшалось фактическими

М. 1907 (Душеп. Чт. 1907, № 3) и др.—Наиболѣе правильными представляются выводы *А. И. Покровскаго*, изложенные въ его книгѣ „Соборы древней Церкви первыхъ трехъ вѣковъ". Сергіевъ Посадъ, 1915. По его наблюденіямъ „каждый церковный соборъ составлялся какъ бы изъ двухъ палатъ: верхней, *епископской* (numerus episcoporum) и нижней мѣстно-церковной, т. е. формировавшейся изъ клира и народа той церкви, гдѣ данный соборъ происходилъ (стр. 475, 491, 498, 543, 579). Обѣ эти основныя половины собора были одинаково важны и активны, хотя самая активность ихъ была различна: у епископата—индивидуальная активность предварительно опредѣляющаго мнѣнія; у мѣстно-церковной общины—коллективная активность послѣдующей рецепціи епископскихъ вотумовъ (стр 80, 504, 640, 686). Отсюда неприложимость къ древнимъ соборамъ нашего современнаго различенія голосовъ на „рѣшающій" и „совѣщательный" и болѣе соотвѣтственное обозначеніе ихъ, какъ „опредѣляющій" и „рецепирующій" голоса" (стр. 499, прим., 639 прим. 686, 805).—Ср. мою рецензію на это сочиненіе *А. И. Покровскаго* въ „Лѣтописи средней школы" отъ 2 апрѣля 1915 г. № 11.

[1]) Ср. *Н. М. Коркунова*, Русское государственное право. Т. I, стр. 388, Спб 1909 г. 7-е изд. (въ § 40-мъ: „Понятіе и устройство государственныхъ учрежденій"): „Государственное *учрежденіе* слѣдуетъ опредѣлить, какъ организованное приспособленіе личныхъ и матеріальныхъ силъ къ осуществленію опредѣленныхъ актовъ государственно власти, независящее въ своемъ существованіи отъ составляющихъ его личностей". Это опредѣленіе приложимо и ко всякимъ *учрежденіямъ* вообще, въ томъ числѣ и церковнымъ.

политическими обстоятельствами, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ воли императора, которые и утверждали ихъ рѣшенія.

На соборы приглашались всѣ безъ различія, кто имѣлъ право на нихъ присутствовать лично или черезъ выборныхъ представителей. Такимъ образомъ не бывало и въ принципѣ не могло быть такого явленія, чтобы однихъ приглашали, другихъ же, по произволу, не приглашали. Подбора членовъ не было. Своеобразное исключеніе составляли лишь „домашніе синоды“ (συνόδοι ἐνδημούσαι) Константинопольскаго патріарха.

Σύνοδος ἐνδημοῦσα представлялъ собою нѣчто совершенно ненормальное и своеобразное. Патріархи Константинопольскіе часто собирали вокругъ себя епископовъ самыхъ различныхъ провинцій и даже патріархатовъ, которые въ данное время находились (ἐνδημοῦντες) въ столицѣ по своимъ частнымъ дѣламъ, и совѣтовались съ ними по важнымъ вопросамъ. Патріархи созывали ихъ въ особенности для того, чтобы примирить между собою спорящихъ епископовъ. Впослѣдствіи созывъ этихъ „домашнихъ соборовъ“ вошелъ въ обыкновеніе, однако, поводы ихъ созыва, ихъ компетенція и составъ такъ и остались неопредѣленными, случайными. Иными словами и συνόδοι ἐνδημούσαι не превратились въ постоянное учрежденіе съ постояннымъ составомъ и вѣдомствомъ[2]).

Церковные соборы древней Руси. Церковные *соборы* древней *Русской Церкви*[3]) были соборами при митрополитахъ, а позднѣе при патріархахъ и въ своемъ устройствѣ не имѣли ничего оригинальнаго. Однако, огромные размѣры Руси и крайняя затруднительность сообщеній привели къ тому, что общіе соборы всѣхъ епископовъ собирались очень рѣдко а во всякомъ случаѣ не были періодическими, какъ слѣдовало. Епископы собирались къ митрополиту только въ исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, по вызову на засѣданія Земскихъ Соборовъ и по личнымъ дѣламъ епископы нерѣдко бывали въ Москвѣ, чѣмъ и давали поводъ русскому митрополиту, а затѣмъ патріарху совѣщаться съ пріѣзжими іерархами. Такъ уже съ древняго вре-

---

1) *Hefele*. T. I p. 7: „Les συνόδοι ἐνδημούσαι usités à Constantinople présenten une forme de conciles anormale et toute particulière“.—О значеніи выраженія σύνοδος ἐνδημοῦσα см. *Zhishman* o. c., S. 4—6.

2) Поэтому совершенно неправъ *Zhishman*, когда онъ (ib. S. 5 sub. fin.) говоритъ: „Nach diesem Vorbilde (т. е. домашнихъ синодовъ Константинопольскаго патріарха) entstanden, wenn auch mit bedeutenden Modificationen, die h. dirigirende Synode für die Kirche Russlands,... und die Synode für Kirche von Griechenland“.

3) *М. Сухановъ*, Историческое изслѣдованіе о соборахъ Россійскія Церкви, читанное въ публичномъ собраніи Спб. А.-Н. Академіи 1803 г. Генваря 8. Спб. 1803 г.—*Турчаниновъ*, Историческое изслѣдованіе о соборахъ Русской Церкви. М. 1829.—*Григоровичъ*. О соборахъ Русской Церкви, М. 1866.—*Виноградскій*, Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ, 1899.—*П. Лапинъ*, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти, Казань 1909.—Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, 2 тома Сергіевъ Посадъ, 1909—1912.—О соборахъ церковныхъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней христіанства до ц. Іоанна Грознаго. Изд. В. Н. Мосягина и В. Я. Стромилова. Спб. 1907 и др.

мени собирались маленькіе соборы изъ „прилучившихся“ архіереевъ[1]). „Потребность имѣть въ Москвѣ, время отъ времени, хотя бы немногихъ пріѣзжихъ архіереевъ для обсужденія и рѣшенія возникавшихъ церковныхъ дѣлъ, какія не могъ, или считалъ неудобнымъ, рѣшать одинъ митрополитъ, а потомъ патріархъ, была такъ естественна и настоятельна,—говоритъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ,—что наши митрополиты, а потомъ патріархи, сами собою, при всякомъ удобномъ случаѣ, старались составить соборы изъ „прилучившихся“ архіереевъ[2]).

Однако эти соборы были очень случайны, функціонировали только временно, съ большими и очень многолѣтними промежутками, не имѣли никакой правильной организаціи[3]). Поэтому, когда восточные патріархи на соборѣ 1667 года потребовали, чтобы соборы Русской Церкви созывались регулярно періодически[4]), а сдѣлать это по мѣстнымъ условіямъ было слишкомъ трудно, то рѣшено было вызывать архіеревъ по очереди на нѣкоторое время для образованія постоянно функціонирующаго при патріархѣ собора. По мнѣнію проф. Н. Ѳ. Каптерева такіе соборы „очередныхъ“ епископовъ вошли въ обыкновеніе и приняли нѣкоторую устойчивость, а именно, вызывались архіереи въ Москву по особому указу государя, къ которому патріархъ прибавлялъ и свою грамоту, число вызываемыхъ колебалось отъ 3 до 8 архіереевъ, при чемъ митрополиты пребывали въ Москвѣ болѣе года, а архіепископы одни по году, другіе по полугоду. а нѣкоторые и меньше[5]). „Такимъ образомъ,—говоритъ проф. Н. Ѳ. Каптеревъ,—въ видахъ приведенія въ исполненіе постановленія собора 1667 г. объ обязательности ежегодно собирать церковные соборы, какъ этого требуютъ, на чемъ усиленно настаиваютъ каноны Церкви, у насъ возникло, послѣ 1667 года, въ высшемъ церковномъ управленіи новое учрежденіе: постоянный соборъ при патріархѣ,

---

[1]) М. Іона въ прощальной грамотѣ владимірскому и берестійскому епископу Даніилу писалъ: „мы простихомъ его и благословихомъ, съ всѣми нашими дѣтьми и съслужебники, съ архіепископомъ и епископы рускыми нашія митрополія, елицін въ сіе время *прилучишася* при насъ“... Рус. Ист. Библ. т. VI, изд. 2. Спб. 1908 стлб. 589.

[2]) Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II, Сергіевъ Посадъ, 1912, стр. 424. Это были русскіе σύνοδοι ἐνδημοῦσαι (*П. Лапинъ*, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти. Казань 1909, стр. 292).

[3]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Ib. 425.

[4]) „Подобаетъ же якоже повелѣваютъ правила св. Апостоловъ, и вси вселенстіи, и помѣстніи св. собори, яко да въ коейждо странѣ и епархіи творити архіереомъ соборы дважды въ лѣто, или нужды ради по единожды, церковныхъ ради вещей исправленія. Обаче за еже во здѣшныхъ странахъ великороссійскаго Государства, не обыкоша архіереи собиратися часто, и соборы творити, и исправляти священническія распри, и пр. учинишася толики, раскольники, и мятежники, и возмутиша все Государство, и многія души погибоша: и вмалѣ было не весь народъ прельстили, и отъ православныя вѣры возвратили ко безмѣстнымъ дѣломъ, и еретическимъ мудрованіемъ. Сего убо ради весма подобаетъ по времени начастѣ собиратися архіереемъ всего россійскаго Государства въ царствующій градъ Москву ради всякихъ добрыхъ совѣтовъ. И нуждныя церковныя вещи исправляти“. „Дѣянія московскихъ соборовъ 1666 и 1667 годовъ“. 2-е изд. Братства Петра Митрополита, М. 1893, л. 21.

[5]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, ib. 425—432.

состоящій изъ нѣсколькихъ, по очереди вызываемыхъ въ Москву епархіальныхъ архіереевъ, которые, черезъ извѣстные промежутки времени, смѣнялись другими вызываемыми очередными архіереями. Это новое въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе, несомнѣнно, и было праотцемъ нынѣшняго Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Значитъ думать, что Петръ Великій, уничтожая патріаршество и учреждая Св. Синодъ, вводилъ этимъ въ наше высшее церковное управленіе что-то совсѣмъ новое, ранѣе у насъ совсѣмъ невиданное и небывалое, что Св Синодъ есть личная выдумка и созданіе Петра, было бы очень ошибочно. Петръ Великій, учреждая Синодъ, бралъ уже готовое, существовавшее до него въ нашемъ высшемъ церковномъ управленіи учрежденіе, только нѣсколько передѣлавъ его сообразно съ своими цѣлями и намѣреніями"[1]).

Это указаніе проф. Н. Ѳ. Каптерева на попытку, сдѣланную въ концѣ XVII в., ввести въ обыкновеніе и порядокъ совѣщаніе патріарха съ соборомъ епархіальныхъ епископовъ, представляется очень важнымъ. Однако считать эти соборы „праотцемъ нынѣшняго Св. Синода" можно только въ томъ смыслѣ, въ какомъ всѣ люди происходятъ отъ Адама. Повидимому, недоразумѣніе здѣсь происходитъ отъ неясныхъ юридическимъ очертаній соборовъ XVII в. съ одной стороны, а съ другой отъ того, что для сравненія съ ними берется „нынѣшній" Св. Синодъ, будто бы учрежденный Петромъ Великимъ. Слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что Петръ учреждалъ собственно Духовную Коллегію, физіономія которой видна въ Духовномъ Регламентѣ. Въ дѣйствительности уже въ январѣ-февралѣ 1721 г. вмѣсто Духовной Коллегіи возникло другое учрежденіе, съ нѣсколько новыми юридически важными чертами, а затѣмъ длинный рядъ частичныхъ видоизмѣненій привели уже къ „нынѣшнему" Св. Синоду. Однако и въ немъ нѣкоторыя черты собственно Духовной Коллегіи сохранились, а именно черты его, какъ 1) постояннаго, 2) государственнаго учрежденія, 3) съ опредѣленнымъ, хотя и часто мѣняющимся составомъ, и 4) съ точно регламентированной компетенціей. Для характеристики Духовной Коллегіи къ этому слѣдуетъ прибавить еще цѣлый рядъ чертъ, о которыхъ подробнѣе сказано будетъ ниже. Между прочимъ, Духовная Коллегія была именно коллегіей съ опредѣленнымъ составомъ чиновниковъ въ духовномъ санѣ, приносившихъ при вступленіи въ должность присягу на вѣрность государю, тождественную съ присягой членовъ другихъ коллегій и т. д. При сравненіи Св. Синода, а тѣмъ болѣе Петровской Духовной Коллегіи, имѣя въ виду не только то, что они суть *нѣчто собирательное*, коллективное, но и остальные, юридически крайне существенные признаки, съ соборами XVII в., нельзя не замѣтить, что между ними гораздо болѣе различія, чѣмъ сходства. Подъ перомъ самого глубокоуважаемаго историка эти соборы XVII в. рисуются въ весьма неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Если же къ его изложенію присоединить тѣ данныя, которыя находимъ собранными у *Н. Лапина*[2]),

[1]) ib. 432.

[2]) Соборъ... Казань 1909, стр. 289—310 (ср. его полемику съ проф. Н. Ѳ. Каптеревымъ).

И. М. Лихницкаго[1]) и друг., то окажется, что эти соборы при патріархахъ совершенно не были постояннымъ учрежденіемъ, или правительственнымъ мѣстомъ. Слѣдовательно, въ точномъ смыслѣ слова нельзя сказать, чтобы, учреждая Духовную Коллегію, Петръ лишь оформилъ по своему то, что было до него въ XVII в. въ видѣ соборовъ. Поэтому и нельзя видѣть прямой преемственной связи между Духовной Коллегіей, учрежденной Петромъ въ 1721 г. и соборами при патріархахъ въ XVII в. Эту связь можно, пожалуй, признать за *Освященнымъ соборомъ* XVII в. и *Освященнымъ соборомъ* эпохи мѣстоблюстительства Стефана Яворскаго[2]). Но и съ нимъ нельзя связывать Духовной Коллегіи, ибо Освященный соборъ этой эпохи не былъ опредѣленнымъ учрежденіемъ, игралъ совершенно второстепенную роль и не оставилъ послѣ себя почти никакихъ слѣдовъ. Кромѣ того, Духовная Коллегія выступаетъ въ исторіи, несомнѣнно, какъ *новое* учрежденіе сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, призванное установить то, чего не было. И если бы Освященный соборъ XVII или начала XVIII в. хоть сколько-нибудь удовлетворялъ Петра и Ѳеофана, не было бы и надобности въ учрежденіи Духовной Коллегіи и составленіи Духовнаго Регламента.

Образцы постоянныхъ коллегій. Въ качествѣ образцовъ постоянныхъ коллегій Ѳеофанъ указываетъ: 1) на Іерусалимскій Синедіонъ; 2) на Аѳинскій Ареопагъ и другія аѳинскія правительственныя собранія, называемыя Дикастеріями; 3) на коллегіи иностранныхъ государствъ и 4) на государственныя коллегіи, учрежденныя Петромъ Великимъ въ Россіи. Посмотримъ, что это были за учрежденія и въ какой мѣрѣ онѣ могли быть образцами собственно Духовной Коллегіи?

Синедріонъ. *Синедріонъ* — это аристократическій сенатъ въ Іерусалимѣ, въ рукахъ котораго было управленіе и юрисдикція надъ всѣмъ іудейскимъ народомъ. Окончательно сложился онъ только во время греческаго господства и хотя раввинское преданіе желало бы видѣть начало Синедріона въ тѣхъ 70 старцахъ, которые были представителями народа рядомъ съ Моисеемъ (Числъ 11, 16), однако они вовсе не были организованнымъ учрежденіемъ подобно позднѣйшему Синедріону. Первое упоминаніе о іудейской *γερουσία* находится у Іосифа Флавія (Древности, XII, 3, 3) и относится имъ ко времени Антіоха Великаго (223—187). Это было постоянное аристократическое собраніе во главѣ съ наслѣдственнымъ первосвященникомъ. Во время маккавейскаго возстанія старая династія первосвященниковъ угасла и ее замѣнили Гасмонеи, происшедшіе отъ Симона Маккавея, которые соединили въ своемъ лицѣ и первосвященство и княжество. Со времени Помпея іудейское царство было разрушено, а первосвященникъ сохранилъ за собою народное предстоятельство *προστασία τοῦ ἔθνους* (Древности XX, 10),

[1]) Освященный соборъ въ Москвѣ въ XVI—XVII в. Спб. 1906 (Хр. Чт.).

[2]) Проф. *А. П. Доброклонскій*, Руководство по Исторіи Русской Церкви, в. IV, М. 1893, стр. 70.

а вмѣстѣ съ тѣмъ и герусія еврейская не потерпѣла существенныхъ измѣненій. Для нея было важнѣе то, что при Габиніи (57—55 гг.) іудейская область была раздѣлена на пять частей, во главѣ каждой изъ которыхъ были поставлены σύνοδοι, или συνέδρια (Іос. Фл., Іуд. В. I, 8, 5; Древ. XIV, 5, 4), при чемъ Іерусалимская герусія сдѣлалась синедріономъ только 1/5 части всей области. Однако при Цезарѣ старое единство было возстановлено. Съ этого времени и герусія зовется всегда Синедріономъ, что означало, что въ ней видѣли главнымъ образомъ, высшій судебный трибуналъ. Послѣ іудейской войны 60-го года іудеи были лишены самоуправленія и Іерусалимскій Синедріонъ потерялъ всякое политическое значеніе, а затѣмъ исчезъ совсѣмъ.

Синедріонъ состоялъ изъ 70 членовъ по образцу совѣта 70 старѣйшинъ временъ Моисея. Въ это число входили обѣ партіи саддукеевъ, т. е. образованной іерейской аристократіи, и фарисеевъ, т. е. ученыхъ и книжниковъ. О томъ, какъ составъ Синедріона пополнялся, въ сущности ничего неизвѣстно. Судя по тому, что въ него входили аристократы, вѣроятной считаютъ кооптацію, а избраніе лишь для ученыхъ фарисеевъ. Такимъ образомъ, составъ Синедріона былъ постоянный. Принятіе новаго члена происходило чрезъ рукоположеніе.

Компетенція Синедріона простиралась на іудейскія области, гдѣ ему подчинены были іудейскія общины какъ въ гражданскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи. т. е., какъ высшій органъ религіозно-политическаго самоуправленія іудеевъ, Синедріонъ былъ какъ бы духовнымъ учрежденіемъ въ отличіе отъ мірской власти римлянъ[1]).

Ареопагъ и дикастеріи. *Ареопагъ* (ἡ ἐν Ἀρείῳ πάγῳ βουλή)—древнѣйшій совѣтъ аѳинскаго государства, засѣдавшій на Ареевомъ холмѣ. Съ 683 г. регулярно пополнялся высшими должностными лицами аѳинскими, выходившими въ отставку. Члены ареопага назначались пожизненно. Первоначально Ареопагъ имѣлъ важныя политическія функціи—наблюдалъ за исполненіемъ своихъ обязанностей должностными лицами, былъ апелляціонной инстанціей, завѣдывалъ назначеніемъ низшихъ чиновниковъ, наблюдалъ за имуществами, посвященными божествамъ и за государственною казною. Со времени Солона Ареопагъ—высшій государственный судъ. Большая часть этихъ правъ Ареопага постепенно перешла затѣмъ къ совѣту 500. Кончилось тѣмъ, что со времени реформы Эфіальта (462) Ареопагъ сталъ только судомъ по уголовнымъ преступленіямъ. Въ болѣе древнее время Ареопагъ судилъ вмѣстѣ съ эфетами, со времени Солона у Ареопага оставалась толь-

---

[1]) *E. Schürer*, Geschichte des jüdischen Volkes im Zeitalter Iesu Christi. 3 Aufl. Leipzig 1898, Bd. II, S. 188—214.—*H. L. Strack*, Synedrium, Hertzog-Hauck, Realencyklopädie für prot. Th. u. K. 3 Aufl. Bd. XIX. 226—229.—*Ѳ. Арфаксадовъ*, Іерусалимскій Синедріонъ. Ист. археол. изслѣдованіе. Прав. Собес. 1903, январь—іюнь и отдѣльно.—Ср. *его* рецензію (Прав. Соб. 1904 г. сентябрь, 722—740) на книгу prof. *Adolf Büchler*, Das Synedrion in Ierusalem und das Grosse Bethdin in der Quader-Kammer des Ierusalimischen Tempels. Wien, 1902.

ко наиболѣе важная часть уголовныхъ дѣлъ (о предумышленныхъ убійствахъ и увѣчьяхъ, поджогахъ, отравленіяхъ). По своему характеру Ареопагъ учрежденіе строго аристократическое и консервативное[1]). *Дикастеріи* (δικαστήρια)—десять судебныхъ палатъ въ Аѳинахъ, на которыя дѣлилась *геліэя*, судъ присяжныхъ[2]).

Иностранныя коллегіи. Третьимъ образцомъ постоянныхъ коллегій для Ѳеофана являются, какъ онъ самъ говоритъ, *коллегіи иностранныхъ государствъ* древнихъ и ему современныхъ, очевидно, особенно послѣднихъ.

Такъ какъ въ XVI—XVIII ст. центральное государственное управленіе многихъ странъ было дѣйствительно построено на коллегіальномъ началѣ, то представляется весьма интереснымъ взглянуть поближе на иностранныя коллегіи[3]).

Управленіе во Франціи и Бургундіи. Общимъ образцомъ центральныхъ правительственныхъ должностей и учрежденій для всѣхъ почти западно-европейскихъ государствъ, послужило административное устройство Франціи, ставшее извѣстнымъ чрезъ посредство Бургундіи, достигшей въ XIV—XV вв. расцвѣта своей цивилизаціи, въ качествѣ самостоятельнаго герцогства.

---

[1]) См. *Philippi*, der Areopag und die Epheten, Berl. 1874.—Статья *Tholheim* въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopédie, т. II, ст. 628 сл.—*Lipsius*, Attisches Recht und Rechtsverfahren, Leipzig 1905 сл.

[2]) *Латышевъ*, Очеркъ греческихъ государственныхъ древностей.

[3]) Хотя знакомство съ западными учрежденіями, въ частности коллегіями, XVII и начала XVIII вѣка въ высшей степени важно для отчетливаго пониманія реформъ Петра Великаго, однако до сихъ поръ нѣтъ книги, которая знакомила бы читателя съ исторіей петровскихъ коллегій на фонѣ западныхъ, что представляется очень страннымъ и прискорбнымъ пробѣломъ въ литературѣ исторіи русскаго права и русской исторіи вообще. (Ср. слова *А. Д. Градовскаго*, сказанныя имъ еще въ 1866 г. въ его сочиненіи „Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры": „До настоящаго времени писатели, излагавшіе исторію Петровскихъ реформъ, мало обращали вниманія на страны, учрежденія которыхъ послужили образцами для его нововведеній. Сколько, мнѣ кажется, это одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашею историко-юридическою литературою". Собраніе сочиненій, т. I, стр. 87, Спб. 1899). Мало того, кажется, вообще нѣтъ сочиненія, которое излагало бы исторію и устройство европейскихъ коллегій того времени, между тѣмъ коллегіальная форма правленія была въ свое время въ большомъ почетѣ и оказала на послѣдующую исторію далеко не маловажное вліяніе. Автору пришлось самому собирать необходимыя свѣдѣнія и дать очерки далеко не полные, хотя, по его мнѣнію, достаточные для поставленной цѣли. Приходится особенно пожалѣть о томъ, что до сихъ поръ не изданы и не систематизированы *всѣ* имѣющіеся въ Россіи *матеріалы* о введеніи у насъ коллегій, которыя имѣютъ цѣнность, какъ сами по себѣ, такъ и въ томъ отношеніи, что эти матеріалы могутъ дать болѣе вѣрное понятіе о томъ, въ какомъ видѣ русскіе начала XVIII в. воспринимали иностранныя образцы коллегій. Ниже сообщаются свѣдѣнія объ управленіи и о коллегіяхъ Бургундіи, Св. Римской Имперіи, Пруссіи, Швеціи, Англіи и Франціи. Коллегіи были еще въ Даніи и Голландіи. О нихъ см. *Dietrich Schäfer*, Geschichte von Dänemark. Gotha, 1893, Bd. IV, S. 331—363; Gotha 1902, Bd. V, S. 713—717.—*Fr. W. Pestel*, Vollständige Nachrichten von der Republik Holland aus authentischen Quellen gesammelt. Berlin 1784, § 248—266, 281—296, 406.—О коллегіальныхъ учрежденіяхъ Италіи см. *Antonio Pertile*, Storia de Diritto Italiano, T. II, 1, p. 197 (Ordini di Governo) 1898.

У франкскихъ королей и бургундскихъ герцоговъ феодальной эпохи было опредѣленное число должностныхъ лицъ, положеніе которыхъ сложилось постепенно. Среди нихъ въ Бургундіи[1]) первое мѣсто занимали *родственники и члены Тайнаго Совѣта* въ составѣ 9 и болѣе человѣкъ. Тѣ и другіе принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся управленія герцогствомъ и веденія личныхъ дѣлъ государя. За ними слѣдовали прелаты, сеньоры, или магистраты, образуя дворъ Бургундіи. То были *les chapelains*, исповѣдники, ученые или даже секретари герцога, le *connétable*. le *chancelier*, le *sénéchal*, le *maréchal* de Bourgogne, les *viguiers* или викаріи, les *camérier* или chambellans, le grand panetier, le bouteiller или échanson, les écuyers de cuisine et d'écurie, les veneurs, les valets du duc, les mêtres et valets de la chambre и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ должностей были только почетными, а другія — дѣйствительными. Наиболѣе древними и наиболѣе важными были дожности канцлера, коннетабля, маршала и сенешала. Съ самаго начала должность *канцлера* состояла въ томъ, чтобы писать и подписывать грамоты, даваемыя герцогомъ. Со временемъ канцлеры сдѣлались важнѣйшими сановниками Бургундіи и предсѣдателями верховныхъ совѣтовъ. Имъ же было вручено и храненіе большой печати. *Коннетабль* долженъ былъ заботиться о конюшняхъ и лошадяхъ герцога. Подъ его начальствомъ состояли маршалы, завѣдывавшіе извѣстнымъ числомъ лошадей. Эти домашнія обязанности коннетабля сдѣлались настолько почетными и важными, что онъ сдѣлался вторымъ послѣ сенешала командующимъ арміей, въ отсутствіе герцога. *Сенешалъ* былъ первымъ должностнымъ лицомъ въ домѣ своего государя, потому что обязанности его состояли не только въ томъ, чтобы заботиться о припасахъ, наблюдать за приготовленіемъ кушаній и убранствомъ стола, но также въ управленіи всею прислугою герцога. Вотъ почему герцогъ замѣнялъ себя сенешаломъ въ наиболѣе важныхъ обстоятельствахъ, на полѣ битвы, при разборѣ апелляціонныхъ жалобъ или въ засѣданіяхъ суда. Незамѣтно къ нему перешла и вся юстиція, а подчиненныя ему лица образовали сословіе чиновниковъ, уполномоченныхъ на разборъ преступленій и проступковъ. Въ подчиненіи у сенешала Бургундіи находился нисшій судья, котораго онъ называлъ своимъ prévôt, и который судилъ различныя частныя дѣла, превосходившія компетенцію меровъ и городскихъ старшинъ. Во главѣ доменовъ и финансовъ герцога стояли les *schâtelains*, les *trésoriers*, les *capitaines des gens d'armes*. Городская полиція была ввѣрена управленію *губернаторовъ, viguiers, prévôts, baillis* или *vicomtes*. Завѣдываніе водами и лѣсами — aux *gruyers*. Были еще нисшія должности de grands *panetiers* и *d'échansons de Bourgogne*, которыя соотвѣтствовали бы въ настоящее время инспекторамъ и контролерамъ поставки жизненныхъ припасовъ. Изъ нихъ le *panetier*, пер-

[1]) Относительно единоличныхъ органовъ центральнаго управленія во Франціи будетъ спеціально сказано ниже, въ связи съ разборомъ книги аббата de Saint-Pierre. Нѣкоторыя же свѣдѣнія о коллегіяхъ Франціи помѣщаются здѣсь.

воначально завѣдывавшій столовымъ хлѣбомъ и бѣльемъ, впослѣдствіи распространилъ свой надзоръ на булочныя и на торговлю зерномъ[1]).

Таковы были единоличные органы центральнаго управленія Бургундіи, очень сходные, если не тождественные въ главномъ, съ такими же органами меровинговъ и капетингсвъ во Франціи[2]). Первоначально только они и были постоянными совѣтниками короля. Однако рядомъ съ ними образовывался время отъ времени большой правительственный совѣтъ изъ главнѣйшихъ феодаловъ, входившихъ въ такъ называемую „curia regis", къ которымъ съ давнихъ поръ присоединялись личные приближенные слуги короля, главнымъ образомъ, клирики, а затѣмъ легисты. Curia regis, какъ совѣтъ правительства со значеніемъ совѣщательнаго органа, функціонировалъ въ XI и XII вв. по созыву король, и рѣшалъ предлагавшіяся ему дѣла. Его постановленія не связывали короля юридически, хотя и обязывали послѣдняго считаться съ волею его вассаловъ. Съ теченіемъ времени рядомъ съ curia regis выступаютъ личные совѣтники короля изъ состава его приближенныхъ слугъ (domestici), и въ XIII в. о нихъ говорятъ уже какъ о совѣтѣ короля. Однако этотъ совѣтъ еще не признавался государственнымъ учрежденіемъ и замѣнялъ curia regis лишь въ рѣшеніи текущихъ дѣлъ[3]). Только въ XIV в., во время умѣренной монархіи во Франціи, организовался совѣтъ короля (le conseil du roi) въ собственномъ смыслѣ, какъ признанный органъ королевской администраціи, составленный изъ опредѣленнаго числа совѣтниковъ по свободному выбору короля изъ лицъ не принадлежащихъ къ феодальной іерархіи. Этотъ совѣтъ, носящій въ актахъ различныя названія: Conseil privé, Conseil secret, Grand-Conseil, естественно возникъ изъ упомянутаго выше интимнаго совѣта королевскихъ приближенныхъ[4]). Со временемъ въ него вошли какъ принцы, такъ и сеньёры, желавшіе принять участіе въ управленіи страною и Grand-Conseil по своему характеру сдѣлался аристократическимъ учрежденіемъ. Его компетенція постепенно на-

---

[1]) *L. Chaumont*, Historie populaire de Burgogne, les faits, les institutions. Lyon, 1887, p. 212—214.—Ср. *Raudot*, De l'organisation et de l'administration des Etats de Burgogne, въ Congres scientifiques France Aux. 1858—1859, II, 216.—*Garreau*, Description du gouvernement de Bourgogne. Dijon 1717[1], 1734[2].—*Ed. v. Wattenwyl von Diesbach*, Ueber die öffentliche Recht der Landschaft Kleinburgund vom 13-ten bis zum Ende 15-ten Jahrhunderts. Archiv für Schweizerische Geschichte Bd. XIII, 3—106; 383—384. Zürich, 1862.—*Plancher et Merle*, Historie générale et particulière de Bourgogne. Dijon, 1738—1748—1781, 4 vol. in f⁰.—*A. Kleinclausz*, Historie de Bourgogne, Paris, 1909.—*Andreas Walther*, Die burgundischen Zentralbehörden unter Maximilian I. und Karl V. Erster Teil: Das Grand Conseil. Göttingen 1908 (диссертація).

[2]) См. *A. Esmein*, Cours élémentaire d'historie du droit Français. Paris 1908 p. 440—448.—*M. C. Dareste de la Chavanne*, Historie de l'administration en France et des progrès du pouvoir royal, depuis le règne de Philippe—Auguste jusqu'à la mort de Louis XIV. Paris 1848, t. I, p. 62—65.—Ср. *A. Cheruel*, Historie de l' administration monarchique en France de Philippe-Auguste jusqu'à la mort de Louis XIV. Paris 2 vol.—*L. A. Warnkönig und L. Stein*, Französische Staats une Rechtstgeschichte. 3 Bde, Basel, 1846—1848.

[3]) *A. Esmein*, Cours, p. 371. 459—461.

[4]) Ibidem. 461.—*M. C. Dareste de la Chavanne*, t. I. p. 65.

столько расширилась, что къ началу XIV в., при Филиппѣ IV Красивомъ сама собою явилась необходимость расчленить его на три спеціальныхъ учрежденія: Grand-Conseil въ собственномъ смыслѣ для дѣлъ управленія, le Parlement для суда и la Chambre des Comptes для финансовыхъ дѣлъ[1]). Позднѣе, при ЛюдовикѣXI, когда количество дѣлъ еще болѣе увеличилось, le Grand-Conseil въ тѣсномъ смыслѣ былъ раздѣленъ опять на три секціи для завѣдыванія вопросами внѣшней политики и для высшаго руководства администраціей, для управленія финансами и для суда. Въ исключительныхъ случаяхъ эти секціи объединялись, иногда даже съ участіемъ членовъ Парламента. При Карлѣ VIII и Людовикѣ XII по указамъ 1697 и 1698 гг. для судебной функціи выдѣлился еще новый совѣтъ подъ тѣмъ же именемъ Grand-Conseil. Францискъ I въ 1526 г. объединилъ всѣ три секціи, созданныя Людовикомъ XI, но въ 1547 г. проведено было вновь раздѣленіе Большого Совѣта и опредѣленъ порядокъ засѣданій его утромъ и вечеромъ. Впослѣдствіи образовывались новыя секціи Большого Совѣта (при Людовикѣ XIII въ 1617 г. было четыре: Conseil d' État et de finance, Conseil des finances, Conseil privé ou des parties, Conseil des dépêches). Во время Людовика XIV совѣтъ короля принялъ свою окончательную форму, соотвѣтствующую идѣе абсолютной монархіи и цѣлямъ администраціи[2]).

Образованіе въ началѣ XIV в. во Франціи трехъ *коллегіальныхъ* учрежденій: le Grand-Conseil въ тѣсномъ смыслѣ, le Parlement и la Chambre des Comptes, положило основаніе новому типу коллегіальныхъ административныхъ органовъ Изъ Франціи этотъ типъ перешелъ въ Бургундію, а оттуда въ концѣ XIV в. во Фландрію, послѣ того какъ герцогъ Бургундскій Филиппъ Смѣлый въ 1369 г. женился на Маргаритѣ Фландрской[3]). Когда въ концѣ XV в. при Людовикѣ XI Бургундія вошла въ составъ Франціи, Нидерланды, въ силу брака Маріи Бургундской съ эрцгерцогомъ Австрійскимъ Максимиліаномъ, перешли къ австрійскому дому[4]). Здѣсь Максимиліанъ I познакомился съ указанными французско-бургундскими коллегіальными учрежденіями, которыя и старался затѣмъ (съ 1491 г.) создать въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ[5]). Продолжателемъ его въ XVI в. былъ императоръ Фердинандъ I.

Коллегіи Священной Римской Имперіи. Управленіе дѣлами Имперіи первоначально носило личный характеръ. Оно выросло изъ той простой организаціи, которая была свойственна всѣмъ вообще территоріальнымъ княжествамъ Германіи, и въ которыхъ князья, ландесгерры, осуществляли свои

[1]) *M. C. Dareste de la Chavanne*, t. I, p. 65.—*Sigmund Adler*, Die organisation der Centralverwaltung unter Kaiser Maximilian I. Leipzig 1886, SS.7—10.

[2]) *M. C. Dareste de la Chavanne*, t. I, p. 65—68.— *A. Esmein*, p. 462—475.

[3]) *A. Kleinclausz*, Histoire de Bourgogne, Paris 1909, p. 140. Объ учрежденіяхъ Бургундіи и Фландріи въ XV в. см. въ этомъ сочиненіи стр. 173—182.

[4]) *A. Kleinclausz*, p. 168—171.—*S. Adler*, S, 15.

[5]) *S. Adler*, SS. 16 ff.—*E. Loening*, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. *Leipzig*, 1884, S. 40.

права управленія и суда чрезъ посредство приближенныхъ къ нимъ придворныхъ должностей и лицъ[1]). Впослѣдствіи личный характеръ управленія въ Имперіи сохранился только при дворѣ, гдѣ въ новое время придворныя должности были дополнены должностью архиказначея. Всѣ онѣ по существу давали лишь почетныя званія безъ реальной власти. Выдающееся значеніе для Германіи имѣлъ только архиканцлеръ (Erzkanzler) должность котораго постоянно принадлежала курфюрсту майнцскому. Въ другихъ случаяхъ, рядомъ съ наслѣдственными должностями, существовали личныя придворныя должности по назназначенію императора: оберъ-гофмейстеръ, оберъ-маршалъ и генералъ-шацмейстеръ (казначей).

Центральныя коллегіальныя учрежденія, возникшія въ Австріи по образцу французско-бургундско-нидерландскихъ, представляются нашему взору въ слѣдующемъ видѣ. Для завѣдыванія дѣлами Имперіи существовала прежде всего *Имперская надворная канцелярія* (Reichshofkanzlei[2]). Главою ея считался самъ Императоръ, а за нимъ—курфюрстъ Майнцскій, какъ *архи-канцлеръ*. Но такъ какъ онъ отсутствовалъ, то фактическимъ начальникомъ ея былъ *Вице-канцлеръ*, съ 1519 г. назначаемый архи-канцлеромъ. Далѣе канцелярія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: два секретаря завѣдывали производствомъ судебныхъ дѣлъ Имперскаго Надворнаго Совѣта (Reichshofrath). Они носили титулъ Имперскихъ Надворныхъ Совѣтниковъ или референдаріевъ. Одинъ изъ нихъ вѣдалъ дѣлами, производившимися по-нѣмецки, другой—по-латыни. Для дѣлъ не судебныхъ было также два тайныхъ Имперскихъ референдарія съ тѣмъ же титуломъ Имперскихъ Надворныхъ Совѣтниковъ, для завѣдыванія дѣлопроизводствомъ по-нѣмецки и по-латыни. Кромѣ того въ Канцеляріи были Протонатарій, Регистраторъ, Конциписты, Експедиторы, Канцеляристы, Таксаторъ и слуги.

Канцелярія не имѣла постояннаго мѣстопребыванія и находилась всегда при дворѣ императора. Въ ней сосредоточивались всѣ поступающія бумаги, которыя не были спеціально адресованы лично Императору. Эти бумаги докладывались Императору Вице-канцлеромъ или референдаріями. Всѣ распоряженія Императора по дѣламъ, касающимся Имперіи, должны были быть изготовлены непремѣнно въ Канцеляріи, провѣрены и припечатаны, иначе онѣ были ничтожны. Такъ какъ Канцелярія была единственнымъ учрежденіемъ чрезъ которое проходили Императорскія распоряженія, то она была за нихъ отвѣтственна.

Вторымъ учрежденіемъ Имперіи, ея министерствомъ, былъ вызванный къ жизни въ 1497—1498 г. Максиміліаномъ I *Надворный Совѣтъ* (Reichshofrath) или Надворное Правительство (Hofregiment) для завѣдыванія всѣми дѣлами, касающимися Имперіи, христіанства или наслѣдственнаго княжества и земель Императора, его двора и его родныхъ. Надворный Со-

---

[1]) Объ органахъ управленія территоріальныхъ князей см. *E. Loening*, SS. 37—39

[2]) Иначе: Reichs-kanzlei; geheime Reichs-Hof-Kanzlei; Kaiserliche geheime Reichs-Hof-Kanslei (*Moser*, 516).

вѣтъ былъ высшимъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіемъ, изъ котораго было изъято только управленіе финансами. Для послѣднихъ Максимиліанъ создалъ въ 1491 г. должность генералъ-казначея (Generalschatzmeister), пока въ 1498 не образовалъ для нихъ особое центральное коллективное учрежденіе—Hofkammer.

Составъ Надворнаго Совѣта часто мѣнялся. Съ 1654 г. онъ состоялъ изъ 18 членовъ. Во главѣ его былъ президентъ (раньше высшій гофмаршалъ). Если членомъ Совѣта былъ какой нибудь князь (Fürst), то онъ уступалъ ему предсѣдательствованіе.

Докладчикомъ былъ Вице-Канцлеръ. Члены были изъ среды дворянства и ученыхъ. Со времени Вестфальскаго мира опредѣленное число ихъ должно было принадлежать къ евангелическому исповѣданію.

Имперскій Надворный Совѣтъ первоначально былъ высшей правительственной коллегіей, и могъ рѣшать самостоятельно лишь ограниченный кругъ дѣлъ. Въ важнѣйшихъ же дѣлахъ онъ образовывалъ собою государственный совѣтъ Императора. Въ этомъ отношеніи съ нимъ все болѣе и болѣе конкуррировалъ Тайный Совѣтъ.

Тѣсный кругъ тайныхъ совѣтниковъ собирали уже Фридрихъ III и Максимиліанъ I. Въ качествѣ опредѣленной коллегіи *Тайный Совѣтъ* (Geheime Rat) появляется только въ 1527 г. Онъ занялъ мѣсто государственнаго совѣта съ совѣщательнымъ голосомъ. Сначала онъ вѣдалъ лишь дѣла внѣшней политики. Затѣмъ мало-по-малу онъ захватилъ въ свои руки всѣ дѣла внутренняго управленія, принадлежавшія Надворному Совѣту, которому остались лишь ленныя дѣла и привилегіи. Предсѣдателемъ Совѣта былъ самъ Императоръ или вмѣсто него оберъ-гофмейстеръ. Членами были Вице-канцлеръ, которому принадлежалъ докладъ по всѣмъ дѣламъ, оберъ-гофмаршалъ, Канцлеръ Богеміи, сыновья Императора и другія лица по его избранію. Тайные Совѣтники имѣли первый рангъ среди всѣхъ придворныхъ должностей, выше Надворныхъ Совѣтниковъ. До организаціи Надворнаго Совѣта въ 1654 г. имъ принадлежало право принимать участіе въ его засѣданіяхъ.

Кромѣ того съ 1556 г. существовалъ особый *Военный Совѣтъ* (Hofkriegsrat).

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти учрежденія были собственно австрійскими. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они служили и имперіи. Въ свою очередь австрійскія учрежденія послужили образцомъ для всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ территорій, заимствовавшихъ ихъ въ теченіе XVI столѣтія[1]).

---

[1]) *R. Schröder*, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, IV Aufl. Leipzig 1902, ss. 815—818; 863—864.—*J. J. Moser*, Von dem Römischen Kaiser, römischen König un denen Reichs- Vicarien, Franckfurt am Main, 1767, c. 487—534.—*Zöpfl*, Deutsche Rechtsgeschichte IV Aufl., Braunschweig, 1872. Bd. II, 2 Theil, S.S. 393—395.—*S. Adler*, Die Organisation der Centralverwaltung unter Kaiser Maximilian I. Leipzig 1886,—*E. Loening*, Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts. Leipzig, 1884, SS. 40—46. Нѣсколько любопытныхъ замѣчаній объ управленіи въ нѣмецкихъ территоріяхъ см. у *K. Biedermann*, Deutschland im Achtzehnten Jahrhundert. Bd. I, S. 98—103. Leipzig 1880, 2 Auflage.

Коллегіи въ Пруссіи. Коллегіальная система центральнаго управленія была свойственна также *Бранденбургу и Пруссіи.* Свою окончательную организацію управленіе этихъ территорій получило при Фридрихѣ Вильгельмѣ I (1713—1740).

Центральными учрежденіями были три министерства, дѣлопроизводство которыхъ было построено на строго коллегіальномъ началѣ. Все должно было рѣшаться или въ коллегіи совѣтниковъ подъ предсѣдательствомъ соотвѣтствующаго министра, или въ совмѣстномъ засѣданіи самихъ министровъ. Завѣдываніе внѣшними и имперскими дѣлами, какъ равнымъ образомъ и всѣ дѣла, касающіяся территоріальнаго верховенства и семейныхъ отношеній королевскаго дома были предоставлены *министерству двора* (Kabinetministerium). Во главѣ этого министерства стояло двое, впослѣдствіи трое министровъ. Между тѣмъ *Генералъ-Директорія* (Generaldirectorium) для внутреннихъ дѣлъ и финансовъ состояла изъ пяти, позднѣе—четырехъ министровъ, которые завѣдывали сообща опредѣленными дѣлами (General-departement), въ остальныхъ же дѣлахъ являлись главами департаментовъ, раздѣленныхъ по предметамъ и провинціямъ. Для Силезіи былъ особый независимый отъ Генералъ-Директоріи провинціальный министръ. Генералъ-Директорія покоилась на объединеніи учрежденныхъ еще Великимъ Курфюрстомъ (1640—1688) Генералъ-Кригсъ-Коммиссаріата (Generalkriegskommissariat) съ Оберъ-Директоріей доменовъ (Oberdomänendirektorium), съ Гофкамерой (Hofkammer), казначействомъ (Schatullverwaltung), Генералъ-Почтамтомъ (Generalpostmeisteramt) и многими другими учрежденіями.

Третье министерство по организаціи Фридриха Вильгельма I представлялъ собою Судебный Департаментъ (Justizdepartement) подъ управленіемъ Великаго Канцлера (Grosskanzler) и многихъ министровъ, изъ которыхъ нѣкоторые вѣдали опредѣленныя провинціи, другіе—опредѣленныя дѣла.

Самъ король не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, происходившихъ въ министерствахъ. Его рѣшенія исходили изъ его Кабинета, т. е. путемъ королевскихъ рескриптовъ (Cabinetsordres), для изготовленія которыхъ онъ пользовался только Кабинетъ-секретаремъ. Эти рескрипты передавались черезъ фельдъ-егерей.

Военные дѣла находились въ завѣдываніи или *Высшей Военной Коллегіи* (Oberkriegskollegium) подъ непосредственнымъ начальствомъ короля, или Военнаго департамента Генералъ-Директоріи.

Культурные вопросы были переданы двумъ духовнымъ департаментамъ Судебнаго Департамента. Въ ихъ подчиненіи находились *Оберъ Консисторія* (Oberkonsistorium и *Высшая Школьная Коллегія* (Oberschulkollegium), которымъ въ свою очередь были подчинены провинціальныя консисторіи и провинціальныя школьныя коллегіи.

Непосредственно въ подчиненіи у короля находились *Генеральный Контроль* (Generalkontrolle) финансовъ, *Высшая Счетная Камера* (Oberrechnungskammer) и *Генералъ-Фискалатъ* (Generalfiskalat), который долженъ былъ надзирать за закономѣрностью дѣйствій чиновниковъ.

Организованный впервые въ 1604 г. въ качествѣ коллегіи и упорядоченный въ 1651 г. Тайный Совѣтъ (Geheime Rat) со времени Фридриха Вильгельма I носилъ титулъ Тайнаго Государственнаго Совѣта (Geheimer Staatsrat или Geheimes Staatsministerium). Онъ состоялъ изъ совокупности министровъ и не имѣлъ никакой опредѣленной компетенціи и поэтому былъ лишенъ значенія, его засѣданія происходили все рѣже и при Фридрихѣ Великомъ совершенно прекратились[1]).

Коллегіи въ Швеціи. Правильная организація управленія въ Швеціи, кореняшаяся въ учрежденіяхъ и органахъ средней Европы—Франціи, Бургундіи и габсбургской монархіи, ведетъ свое начало отъ Густава Вазы[2]) (1521—1560), который, отвоевавъ ее отъ власти Даніи, сдѣлалъ Швецію наслѣдственнымъ королевствомъ. При этомъ, какъ освободитель народа, Густавъ усвоилъ себѣ очень широкія права и постепенно ослабилъ прежнее политическое значеніе сословій, главнымъ образомъ аристократіи и духовенства[3]). Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю полноту государственной власти, Густавъ I лишилъ Государственный Совѣтъ рѣшающаго значенія и сдѣлалъ его при себѣ совѣщательнымъ органомъ, при чемъ члены Государственнаго Совѣта стали въ положеніе министровъ, сохраняемое ими и до сихъ поръ. Густавъ Ваза не оставилъ безъ вниманія и мѣстнаго управленія, внеся въ него черты коллегіальнаго строя[4]).

Время правленія первыхъ сыновей Густава—Эрика XIV (1560—1568) и Іоанна III (1568—1592) ознаменовалось внутренними смутами и внѣшними затрудненіями[5]). Наслѣдникъ и сынъ Іоанна, Сигизмундъ, король Польскій (1592—1599) былъ вынужденъ уступить престолъ свой третьему и самому даровитому изъ сыновей Густава Вазы Карлу IX (1599—1611), который сталъ послѣдователемъ отца, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. Карлъ прежде всего позаботился объ усиленіи своей королевской власти и съ этою цѣлью, между прочимъ, на сеймѣ 1602 г. превратилъ нѣкогда могущественный Государственный Совѣтъ въ совѣщательную коллегію изъ 12 членовъ, въ число коихъ входили и пять высшихъ государственныхъ должностныхъ лицъ—государственные канцлеръ, главнокомандующій, адмиралъ, казначей и маршалъ. Званіе государственнаго совѣтника перестало быть пожизненнымъ почетнымъ званіемъ и обратилось въ долж-

---

1) R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte, Leipzig 1902, 4 Aufl. SS. 864—866.

2) A. B. Carlsson, Den Svenska centralförvaltningen 1521—1809 en historisk öfversikt. Akademisk Afhandling. Stockholm 1913, S. 1—3.—Въ виду особенной важности этой книги для науки Исторіи русскаго права, позволяемъ себѣ выразить, здѣсь настойчивое пожеланіе, чтобы она была какъ можно скорѣе переведена на русскій языкъ и издана въ печати.

3) F. O. Freiherrn von Nordenflycht, Die schwedische Staats-Verfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung dargestellt. Berlin 1861, SS. 75—101.

4) Nordenflycht, S. 99—102.—*Л. Дымша*, Государственное право Швеціи. Т. I, Спб. 1901, стр. 74—86.

5) Carlsson, S. 3—5.

ность, замѣщаемую по волѣ короля, и являющуюся органомъ исполненія его повелѣній[1]).

Сынъ и преемникъ Карла Густавъ II Адольфъ (1611—1632), такъ много повліявшій на историческую судьбу Европы, и во внутренней жизни Швеціи оставилъ неизгладимые слѣды. Онъ поднялъ значеніе дворянства, далъ ему преобладающее положеніе на сеймѣ и цѣлый рядъ другихъ привилегій, издалъ новый сеймовый уставъ, внесъ преобразованіе въ шведское судоустройство и судопроизводство и, между прочимъ, придалъ новую форму центральнымъ органамъ управленія, введя въ Швеціи коллегіальное начало. При немъ въ помощь пяти главнымъ должностнымъ лицамъ государства были образованы особыя коллегіи, а именно—*Канцлерская Коллегія* (Kansliet, или Kansli-Collegium), наиболѣе подчиненная личному вліянію самого канцлера, и благодаря этому, стоявшая выше другихъ коллегій, и соединявшая съ управленіемъ иностранными дѣлами нѣкотораго рода контроль за общимъ ходомъ администраціи; *Военная Коллегія*, преобразованная изъ Военнаго „совѣта“ или „суда“ (Kriegsrädet или Kriegsrätten) и получившая въ 1636 г. свою инструкцію, была подъ предсѣдательствомъ Риксмарка; *Адмиралтейская Коллегія*, принявшая форму коллегіи не ранѣе 1634 г.—подъ предсѣдательствомъ Риксадмирала; *Камеръ-Коллегія*, самая ранняя, носившая это имя уже въ 1618 г., была подъ руководствомъ начальника финансоваго управленія (riksskattmästare) и, наконецъ, *Юстицъ-Коллегія* (Hofrätten) подъ предсѣдательствомъ государственнаго дроста, была въ сущности только „надворнымъ судомъ“ въ Стокгольмѣ съ нѣкоторыми преимуществами предъ другими надворными судами въ Або, Дерптѣ и друг. Государственный Маршалъ стоялъ внѣ коллегій, не подчиняясь ни одной изъ нихъ, и не имѣя своей собственной[2]).

Введенная Густавомъ-Адольфомъ, съ помощью его знаменитаго канцлера Аксель Оксенштерна, коллегіально-бюрократическая система, самая совершенная въ то время, страдала, однако, нѣкоторой неопредѣленностью, которая и была устранена формою правленія 1634 года, разработаннаго въ періодъ малолѣтства королевы Христины при участіи того же Оксенштерна, именно съ цѣлью укрѣпить и систематизировать многообразныя реформы Густава-Адольфа[3]). Впрочемъ, и форма правленія 1634 г., построенная на олигархическомъ началѣ, создавала то неудобство, что она предоставляла слишкомъ большую роль предсѣдателямъ коллегій, которые въ то же время являлись и самыми вліятельными членами Государственнаго Совѣта[4]).

Христина (1632—1654) въ общемъ приняла эту форму правленія[5]). Она сохранилась въ прежнемъ видѣ и при Карлѣ X (1654—1660)[6]). Въ ма-

---

[1]) Nordenflycht, SS. 106—129.—*А. Д. Градовскій*, Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры. Въ собраніи сочиненій, т. I, стр. 87—90.—*Л. Дымша*, 112—114.—Carlsson, 5—6.

[2]) Nordenflycht, SS. 129—138.—*А. Д. Градовскій*, тамъ же, стр. 90—92.—*Л. Дымша*, 117—135.—Carlsson, 6—15.

[3]) *Л. Дымша*, 143—153.—Carlsson, 16—25.

[4]) Carlsson, 26—40.—Nordenflycht, 158. 186.

[5]) *Л. Дымша*, 153—156.—Carlsson, 40—56.

[6]) Carlsson, 56—58.

лолѣтство Карла XI было вновь учреждено регентство и въ 1660 году нѣсколько измѣнена форма правленія 1634 г. Число членовъ Государственнаго Совѣта было увеличено до 40. Вмѣстѣ съ 5 членами регентства и вдовствующею королевой они привлечены были къ рѣшенію важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Сеймъ долженъ былъ собираться каждые три года и т. д., словомъ, проведена была демократизація государственнаго строя[1].

Достигшій совершеннолѣтія Карлъ XI (1660—1697), одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей[2], началъ съ того, что въ дѣлахъ управленія сталъ пользоваться помощью графа Де-ла Гарди и кабинетныхъ секретарей, а иногда и отдѣльныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, отъ которыхъ принималъ доклады, лишивъ такимъ образомъ это учрежденіе того политическаго значенія, которое оно имѣло особенно въ годы регентства. Послѣ этого Карлъ началъ явно стремиться къ возвышенію своей королевской власти до полнаго самодержавія и съ этой цѣлью, на сеймѣ 1680 года, съ помощью низшихъ сословій, достигъ уничтоженія формы правленія 1634 г. и закона 1660 г., Государственнаго Совѣта и пр. въ связи съ признаніемъ полной безотвѣтственности короля[3]. На сеймѣ 1682 г. единодержавіе Карла было утверждено вновь[4] и затѣмъ, попутно съ цѣлымъ рядомъ нововведеній, король реформировалъ и самыя основы государственнаго управленія.

Признанный самодержавнымъ правителемъ, Карлъ XI переименовалъ Государственный Совѣтъ въ Королевскій, лишивъ его самостоятельной роли и обративъ его членовъ въ своихъ личныхъ совѣтниковъ[5]. Высшія государственныя должности еще съ Карла X оставались незамѣщенными, были ограничены въ своихъ правахъ и постепенно атрофировались. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно иной видъ получили и коллегіи, лишенныя своихъ вліятельныхъ предсѣдателей и своей опоры въ упраздненномъ Государственномъ Совѣтѣ. Коллегіальная система обсужденія и рѣшенія дѣлъ, не соотвѣтствовавшая энергіи и властному характеру Карла, смѣнилась сотрудничествомъ съ нимъ предсѣдателей или даже отдѣльныхъ членовъ коллегій, которымъ Карлъ приказывалъ вѣдать и докладывать ему тѣ или иныя дѣла. Самостоятельность компетенціи коллегіи утратили и въ результатѣ превратились въ простыя бюро своихъ президентовъ, или минуя ихъ,—самого короля[6].

[1]) *Л. Дьмша*, 166—174.—Carlsson, 58—80.

[2]) Самостоятельно правилъ съ 1672 г.

[3]) Nordenflycht, SS. 184—186—205—221.—*А. Д. Градовскій*, 94—96.—*Л. Дьмша*, 179—195.

[4]) Nordenflycht, SS. 222—223.—*Л. Дьмша*, 199.

[5]) При этомъ дѣла Королевскаго Совѣта докладывались королю непосредственно секретарями, помимо Совѣта.

[6]) Carlsson, 81—101.—*Л. Дьмша*, 202—205.—*П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство въ Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра В., Спб. 1892, стр. 577—581. По исторіи финансоваго управленія см. спеціальное изслѣдованіе *Э. Н. Берендтса*, Государственное хозяйство Швеціи. Ч. I, Спб. 1890; ч. II, в. 1—2. Ярославль 1894.

Карлъ XII (1697—1718) внесъ въ управленіе новыя перемѣны тѣмъ, что назначилъ секретарей канцеляріи Королевскаго Совѣта Пипера и Полюса членами этого Совѣта, поручивъ имъ при этомъ первому—доклады по дѣламъ внутренняго управленія, а второму—дѣла иностранной политики. Вмѣстѣ съ тѣмъ компетенція коллегій съ формальной стороны осталась нетронутой, вслѣдствіе чего произошло смѣшеніе функцій въ управленіи, такъ какъ дѣла иностранныя раздвоились между секретаремъ Полюсомъ и канцлеромъ Оксеншерной—предсѣдателемъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, а Пиперъ сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла внутренняго управленія и фактически забралъ всю власть въ свои руки. Значеніе Королевскаго Совѣта окончательно упало, за нимъ осталась рѣшающая власть только по судебнымъ дѣламъ[1]).

Въ 1700 г. Карлъ XII началъ Великую Сѣверную войну, которую велъ, лично командуя войскомъ. Уѣзжая изъ Стокгольма онъ издалъ рядъ распоряженій еще разъ измѣнившихъ порядокъ управленія. Прежде всего были расширены права коллегій, которыя получили власть окончательно рѣшать поступавшія въ нихъ дѣла. Даже посланники иностранныхъ государствъ должны были оставаться въ Стокгольмѣ и обращаться въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ, не слѣдуя за королемъ. Затѣмъ, изъ числа членовъ Королевскаго Совѣта были образованы двѣ комиссіи, такъ назыв. дефенсивная и юстиціи, первая—для обороны страны, вторая—для окончательнаго рѣшенія судебныхъ дѣлъ, восходившихъ въ Королевскій Совѣтъ и на верховное рѣшеніе Короля. Такимъ образомъ, Королевскій Совѣтъ остался вовсе безъ дѣла и лишь „въ случаѣ какихъ-либо происшествій чрезвычайной важности“ во время отсутствія короля онъ могъ быть собираемъ своимъ старѣйшимъ членомъ для принятія чрезвычайныхъ мѣръ, вызываемыхъ необходимостью[2]).

Таковы были, въ краткихъ чертахъ, центральныя учрежденія въ Швеціи.

Коллегіи въ Англіи. Въ эпоху Тюдоровъ (1485—1603) и первыхъ Стюартовъ (1603—1688) центральное управленіе Англіи находилось въ рукахъ Государственнаго Совѣта (Privy Council). Ни о какомъ раздѣленіи центральныхъ учрежденій по ихъ компетенціи не могло быть и рѣчи, потому что такихъ учрежденій тогда еще не было. Канцлеръ, Лордъ Казначейства (Lord Treasurer) и статсъ-секретари были придворными должностными лицами короля, которыя не имѣли никакой самостоятельности и въ представленіи того времени существовали лишь въ качествѣ отростка Государственнаго Совѣта.

XVII в. выдвинулъ вопросъ объ организаціи центральныхъ учрежденій и желательной ихъ формѣ. Принята была коллегіальная система. Уже во времена Іакова I (1603—1625) и Карла I (1625—1649) были неоднократно учреждаемы особыя комиссіи для завѣдыванія тѣми или иными дѣлами. Но

1) *Л. Дымша*, 217.—Nordenflycht. SS. 243—249.—Carlsson, 101—117.
2) *Л. Дымша*, 221—222.—*А. Д. Градовскій*, 97—99.

эти комиссіи не были самостоятельными учрежденіями, а лишь комиссіями въ составѣ Государственнаго Совѣта, которымъ поручалась часть его дѣлъ. Второй англійской революціей система такихъ государственныхъ комиссій, поддержанная реставрированными Стюартами, особенно же Карломъ II (1660—1685) была вовсе уничтожена. Въ это время и Государственный Совѣтъ былъ лишенъ своего полновластія въ дѣлахъ управленія. Послѣднее перешло въ руки Кабинета Министровъ, образовавшагося при ганноверской династіи (съ 1714 г.).

Между тѣмъ, въ эпоху Долгаго Парламента, т. е. послѣ 1640 г. введена была коллегіальная форма центральныхъ учрежденій. Ее вызвали слѣдующія причины. Во-первыхъ,—обязанность парламента управлять всѣми дѣлами чрезъ посредство своихъ собственныхъ комитетовъ. Когда Долгій Парламентъ взялъ въ свои руки управленіе страною, число административныхъ комитетовъ возросло. Появились комитеты для раздачи ссудъ изъ государственныхъ средствъ, для конфискацій имѣній, для удовлетворенія ограбленныхъ пасторовъ, для вознагражденія за убытки, для продажи королевскихъ имуществъ, для управленія арміей, для завѣдыванія монетнымъ дѣломъ, налогами, для провѣрки счетовъ и т. д. Въ соотвѣтствіи съ этими направляющими комитетами явилась необходимость введенія центральныхъ учрежденій, устроенныхъ ради гармоніи также коллегіально. Въ добавленіе къ этому явились еще два основанія. Прежде всего—пристрастіе пресвитеріанцевъ, преобладавшихъ тогда въ парламентѣ, къ коллегіальной формѣ управленія, которая связывалась съ самымъ существомъ *реформатскаго церковнаго устройства*. Господство пресвитерскихъ коллегій въ церковномъ управленіи было естественно перенесено теперь на государственное общежитіе, ибо только при этомъ условіи надѣялись на сохраненіе его свободы. Наконецъ, и измѣнившаяся во время господства Долгаго Парламента податная система Англіи требовала новой организаціи для сбора податей.

Когда Кромвелль сдѣлался лордомъ-протекторомъ (1653 г.), онъ намѣревался замѣнить всѣ коллегіальныя учрежденія бюрократическими властями. Однако, эта мысль не была осуществлена, и только число должностей, образующихъ коллегіи, было сокращено. Напротивъ, важнѣйшія центральныя мѣста, какъ, напр., вѣдомство Канцлера, Казначейство и Адмиралтейство были организованы коллегіально. Въ этомъ отношеніи очень важное значеніе могла имѣть мысль о возможности дать участіе въ управленіи всѣмъ партіямъ, какъ-то пресвитеріанамъ, индепендентамъ, баптистамъ. Мысль эта была вновь принята во вниманіе при Вильгельмѣ III (1689—1702), когда коллегіальная форма центральныхъ учрежденій разсматривалась какъ суррогатъ партійнаго кабинета.

Коллегіальная система центральныхъ учрежденій привилась въ Англіи настолько, что число коллегій впослѣдствіи увеличилось и онѣ сохранились до средины XIX в.[1]).

[1]) Dr. I. Hatschek, Englisches Staatsrecht. II Band, SS. 112—120. Tübingen. 1906.

Коллегіи во Франціи. Людовикъ XIV, умирая, оставилъ завѣщаніе, въ которомъ учредилъ надъ своимъ малолѣтнимъ наслѣдникомъ Людовикомъ XV Совѣтъ Регентства, въ составѣ герцога Орлеанскаго, герцога Бурбонскаго, герцога Мэна, графа Тулузскаго и др. Предсѣдателемъ долженъ былъ быть герцогъ Орлеанскій, хотя безъ особыхъ правъ. Но въ Совѣтѣ у него оказался такой противникъ, какъ герцогъ Мэнъ (duc du Maine). Герцогъ Орлеанскій опирался на сочувствіе Янсенистовъ, слѣдовательно, Парижскаго парламента, на пэровъ и вообще всѣхъ недовольныхъ послѣднимъ царствованіемъ. 2 сентября 1715 г. когда было вскрыто и прочтено завѣщаніе короля въ засѣданіи Парламента, герцогъ Орлеанскій заявилъ, что онъ не можетъ управлять страною съ помощью Совѣта Регентства, который онъ самъ не избиралъ, и потому провозгласилъ, что онъ организуетъ управленіе государствомъ такъ, что Совѣты (коллегіи) займутъ мѣсто государственныхъ секретарей. Парламентъ призналъ герцога Орлеанскаго регентомъ и предоставилъ ему составить по своему усмотрѣнію Совѣтъ Регентства и учредить необходимыя по его мнѣнію совѣты (коллегіи).

15 сентября 1715 г. было объявлено, что Канцлеръ, Генералъ-Контролеръ и Государственные секретари замѣняются коллегіями, всего въ числѣ семи: 1) Conseil général de Régence—центральный для всего управленія; 2) Conseil des Affaires du dedans du royaume—для внутреннихъ дѣлъ; 3) Conseil de Conscience былъ уполномоченъ регламентами относительно церковной дисциплины, долженъ былъ наблюдать за поддержаніемъ правъ короны, раздавать бенефиціи, рѣшать диспуты, поднятые богословами въ университетахъ, опредѣлять выборы на бенефиціи, подлежащія утвержденію короля, наблюдать за обществами духовными и свѣтскими; 4) Conseil de Guerre; 5) Conseil de Marine; 6) Conseil de Finance; 7) Conseil des Affaires étrangères. 14 декабря 1715 г. къ нимъ былъ прибавленъ еще Conseil de Commerce.

Просуществовавъ три года, эти совѣты стали приходить въ упадокъ и въ 1718—1720 гг. закрылись, начиная съ Conseil de Conscience. Какъ видно изъ письма аббата Dubois къ герцогу Орлеанскому, мысль о совѣтахъ была мечтою еще двора Людовика XIV. Но, какъ показалъ опытъ, совѣты только еще больше отдалялись отъ лица короля, чѣмъ министры. Апологія аббата de Saint-Pierre доставила только ему самому большія непріятности[1].

Протестантскія консисторіи. Краткій обзоръ организаціи центральнаго государственнаго управленія нѣкоторыхъ западныхъ странъ, удостовѣряетъ насъ въ томъ, что коллегіальная форма правительственныхъ учрежденій пользовалась дѣйствительно большимъ вниманіемъ и широкимъ распространеніемъ. Поэтому становится совершенно яснымъ, почему и Петръ и его сподвижники не избѣжали симпатіи къ модной коллегіальной системѣ. Если

[1]) Ernest Lavisse, Histoire de la France. Tome VIII, Le règne de Louis XV, par H. Carré. Pages 1—20.—Cp. A. Esmein, Cours élémentaire d'histoire du droit Français. Paris, 1910, 10-e édition, p. 469—475.

бы даже Петра не окружали иностранцы съ ихъ проектами, не было бы ничего неестественнаго, если бы Петръ учредилъ въ Россіи коллегіи подъ вліяніемъ общаго увлеченія этой формой устройства правительственныхъ учрежденій и живого примѣра запада, съ которымъ онъ имѣлъ личное знакомство. Болѣе того, не было бы ничего удивительнаго, если бы Петръ подъ вліяніемъ этого увлеченія и примѣра внесъ коллегіальное начало и въ управленіе Русскою Церковью, тѣмъ болѣе, что исторія съ Никономъ достаточно подчеркнула характеръ единоличнаго правленія и указала, чего можно отъ нея ожидать при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Однако, у Петра и Ѳеофана были предъ глазами и вполнѣ конкретные образцы организаціи управленія церковными дѣлами на коллегіальномъ началѣ съ полнымъ подчиненіемъ ихъ свѣтской верховной власти. Эти образцы даны были въ *протестантскихъ консисторіяхъ* и комиссіяхъ разнаго рода, которыя и надлежитъ разсмотрѣть въ связи съ очеркомъ устройства центральнаго государственнаго управленія на западѣ съ выдѣленіемъ ихъ въ особую рубрику ради большей отчетливости ихъ пониманія. Не задаваясь сразу же мыслью доказать то положеніе, что протестантскія консисторіи именно и послужили Ѳеофану Прокоповичу образцомъ для его Духовной Коллегіи, ибо такой выводъ могъ бы получиться лишь впослѣдствіи, какъ результатъ общаго обзора всѣхъ возможныхъ образцовъ, изложеніе сущности и устройства консисторій здѣсь необходимо прежде всего съ методологической точки зрѣнія, для большей ясности въ познаніи источниковъ Духовнаго Регламента.

Происхожденіе протестантскихъ консисторій[1]). Начатое Лютеромъ реформаціонное движеніе первоначально было исключительно религіознымъ. Лютеръ искалъ прежде всего свободы искренно вѣрить въ Евангеліе. Но именно противъ этой свободы былъ весь многовѣковый укладъ католицизма, построеннаго на каноническомъ правѣ, всецѣло проникнутомъ правомъ римскимъ. Добиваясь свободы вѣры, Лютеръ долженъ былъ вскорѣ отвергнуть доселѣ признаваемую имъ власть папы, его primatus iurisdictionis, общее убѣжденіе въ томъ, что послѣдній покоится на божественномъ правѣ (ius divinum) и, наконецъ, вообще видимую Церковь. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лютеръ отвергъ всю организацію католической церкви и провозгласилъ (въ 1520 г.) всеобщее священство.

Приверженцы Лютера, масса простыхъ христіанъ, осталась безъ всякаго руководства, безъ всякаго управленія. Еще до 1526 г., какъ видно изъ предисловія къ „Нѣмецкой Мессѣ“[2]), Лютеръ думалъ предоставить каждой

[1]) Ср. проф. *В. К. Соколова*, Государственное положеніе религіи въ Германіи по дѣйствующему праву. Казань, 1899, стр. 225—237.

[2]) Denn es nicht meyne meynunge ist, das gantze deudsche land, so eben müste vnser Wittembergische ordnung an nemen, Ists doch bisher auch nie geschehen, das die stiffte, klöster vnd pfarhen ynn allen stucken gleych weren gewesen, sondern seyn were es, wo ynn eyner iglichen hirchafft der Gotts denst auff eynerley weyse gienge, vnd die vmbligende stedlin vnd dörffer mit eyner stad gleich bardeten, ob die ynn andern hirschafften die selbigen auch hielten odder was besonders dazu thetten, sol frey und vngestrafft seyn. Richter, Die evangelischen Kirschenordnungen. Weimar, 1846, Bd. I. S. 35—36. E. Sehling, Geschichte der protestantische Kirchenverfassung. Leipzig 1913. S. 5.

общинѣ самостоятельно организовать свое устройство, не требуя никакого единообразія. Однако, Крестьянская война показала настойчивую необходимость въ правильномъ устройствѣ и Лютеръ сталъ учить о правѣ территоріальныхъ князей (Landesherrn) на управленіе церковными дѣлами[1]).

Реформаціонное движеніе подѣйствовало на современный церковный строй разлагающимъ и разрушающимъ образомъ. Почти вездѣ епископы отнеслись къ нему враждебно, или равнодушно и лишь нисшая организація Церкви—приходское устройство болѣе или менѣе сохранилось. Возникли безпорядки, которые требовали устраненія. При этихъ обстоятельствахъ лучшимъ средствомъ могла быть *визитація*, т. е. мѣстная ревизія церковныхъ дѣлъ, которая и раньше практиковалась территоріальными государями не только въ цѣляхъ государственнаго надзора (централизаціи учрежденій въ современномъ смыслѣ тогда еще не существовало), но также въ цѣляхъ надзора за религіозно-нравственной жизнью народа, такъ какъ безпорядки среди папской куріи и католическаго клира въ то время значительно ослабляли собственно церковный надзоръ и управленіе[2]).

Иниціатива производства визитацій въ мѣстностяхъ, затронутыхъ реформаціей, принадлежала проповѣднику въ Цвикау Николаю Гаусманну (Prediger Nicolaus Hausmann in Zwickau), который въ 1524—1525 гг. убѣждалъ особенно герцога Іоанна Саксонскаго, брата правившаго тогда курфюрста Саксонскаго Фридриха, произвести визитацію церквей въ виду замѣтно ощущаемой потребности въ этомъ (Notdurft), а также на томъ основаніи, что „онъ не языческій князь, а святого христіанскаго рода и происхожденія" (Ist doch Euer Gnaden nicht ein heidnischer Fürst, sondern von christlich heiligem Geblüte und Herkommen), и что „visitieren ist ein gar edles Werk, es ist nichts als Gebrechen wandeln, ermahnen zum sittlichen Leben, trösten und stärcken"[3]).

Однако, его старанія не привели къ визитаціи. Ей помѣшали смерть курфюрста Фридриха 5 мая 1525 г. и Крестьянское возстаніе. Тѣмъ не менѣе, именно подъ вліяніемъ революціоннаго движенія, въ защиту визитаціи выступилъ и самъ Лютеръ[4]), который обратился къ курфюрсту Іоанну Саксонскому въ двухъ своихъ письмахъ отъ 31-го октября[5]) и 30-го ноября

---

[1]) Dr. W. Moeller, Lehrbuch der Kirchengeschichte. III Bd. 3 Aufl. Tübingen 1907, SS. 77—84 (§ 4. Die Anfänge des Landeskirchentums. 1526—1529).—Ср. M. Luther, An den Christlichen Adel deutscher Nation von des Christlichen Standes Besserung. 1520 (изданія: Erlangen Bd. 21, S. 281 ff.; Weimar, Bd. 6. S. 407 ff.).—K. Rieker, Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. Leipzig 1893, SS. 58—75.—E. Sehling, Geschichte der protestantische Kirchenverfassung. Leipzig 1913, S. 1—7.

[2]) K. Rieker, Die rechtliche Stellung... S. 149—150.—E. Sehling, Geschichte der protestantischen Kirchenverfassung. Leipzig, 1913, S. 7—9.

[3]) K. Rieker, S. 150—151. [4]) Ibidem, S. 151 и слѣд.

[5]) Das ander Stuck, das E. K. F. G., wie ich mit E. K. F. G. einmal zu Wittenberg geredt, auch das weltliche Regiment visitiren liesse, und wie Rathe in Städten und alle ander Amptleut regierten, und dem gemeinen Nutz vorstunden; denn es ist grosse Klage

1525 г.[1]) съ убѣдительной просьбой предпринять общую визитацію. Визитація была тотчасъ начата, но лишь мѣстами. Однако произведенный опытъ показалъ насколько визитаціи необходимы. 22 ноября 1526 г. Лютеръ предложилъ произвести общую визитацію школъ и церквей, такъ какъ съ „папскимъ и духовнымъ принужденіемъ и порядкомъ все покончено" и всѣ монастыри и духовныя учрежденія перешли въ руки курфюрста, какъ „высшаго главы"[2]). Визитація была произведена въ 1527—1529 гг. на основаніи инструкціи, составленной 16 іюня 1527 г.[3]). 22 марта 1528 г. появилась новая инструкція для визитацій въ Саксоніи подъ названіемъ „Unterricht der Visitatoren an die Pfarhern ym Kurfürstenthum zu Sachssen"[4]). Она составлена была Меланхтономъ, а Лютеръ написалъ къ ней предисловіе[5]). Предназначенная для Саксоніи эта инструкція получила и внѣ ея широкое распространеніе. Визитація производилась по порученію ландесгерра[6]) особыми комиссіями изъ духовныхъ лицъ и мірянъ, изъ коихъ каждая обозрѣвала одинъ изъ четырехъ округовъ, на которые была раздѣлена для этой цѣли Саксонія (такъ называемыя Kurkreis)[7]).

allenthalben uber bose Regiment, beide in Städten und auf dem Lande, darein E. K. F. G. als ein Häupt-und Landfursten zu sehen gebuhrt, und vielleicht vieler Zettel, Sachen und Klagen zu Hofe weniger wären, wo solche Visitation und gut Ordnung statt wurde ganghaftig sein. Письмо къ курфюрсту Іоанну Саксонскому отъ 31 октября 1525 г. M. Luther's Sämmtliche Werke, Bd. 53, S. 331. Francfurt a. M. und Erlangen 1853.

[1]) Gebe ich,—пишетъ Лютеръ курфюрсту 30 ноября 1525 г. (ib. S. 337),—meine Meinung, dass E. K. F. G. alle Pfarren im ganzen Fürstenthum liessen besehen, und wo man fünde, dass die Leute wollten evangelische Prediger haben, und der Pfarrer Gut nicht gnugsam wäre, sie zu unterhalten, dass alsdenn aus Befehl E. K. E. G. dieselbige Gemeine, es wäre von dem Rathhause oder sonst. so viel jährlich reichen müsste... Solche Besichtigung möchte also geschehen, dass E. K. F. G. das Fürstenthum in vier oder fünf Theil scheidet, und in ein jeglich Theil zween, etwa von Adel oder Amptleuten, schicket, solches Guts und Pfarren sich zu erkunden, und was dem Pfarrer noth sein sollt, zu erkennen, dazu solchen E. K. F. G. Befehl anzutragen von der järlichen Steur.

[2]) Nu aber in E. K. F. G. Fürstenthum päpstlich und geistlicher Zwang und Ordnung aus ist, und alle Klöster und Stift E. K. F. Gn., als dem obersten Häupt, in die Hände fallen, kommen zugleich mit auch die Pflicht und Beschwerde, solches Ding zu ordnen; denn sichs sonst Niemand annimpt, noch annehmen kann, noch soll. Derhalben wie ich alles mit E. K. F. G. Kanzler, auch Herr Niclas von Ende geredt, will es vonnöthen sein, aufs Förderlichst von E. K. F. G., als die Gott in solchem Fall dazu gefodert und mit der That beället, von vier Personen lassen das Land su visitirn: zween, die auf die Zinse und Güter: zween, die auf die Lehre und Person verständig sind, dass dieselbigen aus E. K. F. G. Befehl die Schulen und Pfarren, wo es noth ist, anrichten heissen und versorgen (Ibidem S. 387).

[3]) Die Evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts. Herausgegeben von Dr. E. Sehling. Leipzig 1902. Bd. I, 1 Hälfte, S. 142—148.—Richter, K.-O. Bd. I, S. 77—82.

[4]) Ibidem, ed. Sehling, I, 1, S. 149—174.—Richter, K.-O. I, 82—101.

[5]) K. Rieker, Die rechtliche Stellung... S. 155.

[6]) Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche, herausgegeben von Herzog-Hauck. 3 Aufl. Bd. X, S. 480—481.

[7]) Dr. E. Sehling въ его изданіи Die Evang. Kirchenordnungen des XVI Jahrh. Bd. I, 1, S. 33 ff.—K. Rieker, S. 153.—Ср. C. A. H. Burkhardt, Geschichte der sächsischen Kirchen-und Schulvisitationen von 1524 bis 1545. Leipzig 1879.

Признавъ визитаціи общимъ правиломъ и нормальнымъ установленіемъ, курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій воспользовался ими для того, чтобы положить основаніе церковнаго устройства, развившееся впослѣдствіи въ характерный для протестантства строй земскихъ Церквей (Landeskirchentum).

Визитаціи были институтомъ временнымъ. Для поддержанія правильнаго порядка въ жизни, ученіи и богослуженіи, необходимо было имѣть постоянные органы надзора. Руководствуясь этимъ курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій еще въ инструкціи визитаторамъ 1527 г. выразилъ слѣдующую мысль. Такъ какъ проповѣдники, пасторы и другія лица боятся отвѣтственности за неправильное изложеніе ученія и другія несообразности, то курфюрстъ находитъ необходимымъ, чтобы въ городахъ, собственно, въ главныхъ пунктахъ его территоріи нѣкоторые пасторы были сдѣланы суперъ-интендентами[1]) и надзирателями съ обязательствомъ слѣдить за всѣмъ тѣмъ, что подлежитъ визитаторамъ, а также вообще за совершеніемъ обрядовъ и таинствъ, произнесеніемъ проповѣди и поведеніемъ. Такимъ образомъ, суперинтендентъ, которому поручается чрезъ визитаторовъ надзоръ, обязанъ доложить курфюрсту обо всемъ, что имъ будетъ замѣчено. Брачныя дѣла пасторамъ также слѣдовало предъявлять суперинтенденту[2]). Эта инструкція, дополненная инструкціей 1528 г., составила какъ бы первое положеніе объ устройствѣ саксонской земской церкви (Kirchenordnung).

По образцу курфюршества Саксонскаго институтъ суперинтендентовъ распространился вскорѣ въ Браушвейгъ-Люнебургѣ, въ Вюртембергѣ, Нассау, Помераніи, гдѣ совершенно такъ же, какъ и въ Саксоніи „in jedem Amte oder Voigtei einem von den Pastoren die Superattendention befohlen“ (wird). Далѣе суперинтенденты были введены въ Гессенѣ, гдѣ по уставу 1537 г. ежегодно собиравшіеся при дворѣ князя суперинтенденты образовали Консисторію подъ названіемъ Синода[3]).

Консисторіи, какъ постоянное самостоятельное учрежденіе появилась впервые въ томъ же курфюршествѣ Саксонскомъ путемъ преобразованія въ нихъ вышеупомянутыхъ четырехъ комиссій визитаторовъ[4]).

---

[1]) Терминъ „Superintendent“, какъ переводъ греческаго слова ἐπίσκοπος, встрѣчается уже у бл. Августина (De civitate Dei, 29, 19) и у бл. Іеронима (epist. 85), а за ними въ Corpus iuris canonici (c, 11, C. 8, qu. 1 и D. 93, c. 24). Позднѣйшіе схоластики, какъ, напр., Gabriel Biel (in quart. Sent. dist. 24, qu. 1) примѣняли его къ епископамъ, поскольку они являются *правителями*. Отсюда этотъ терминъ „суперинтендентъ“ былъ заимствованъ прежде всего въ Саксоніи во время реформаціи для обозначенія тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя были назначаемы свѣтской властью для осуществленія отъ ея имени надзора за церковными дѣлами (см. Sehling, Art. Superintendent въ Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche, Bd. XIX, Leipzig 1907[3], S. 168).

[2]) Sehling, Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts, Bd. I, 1, S. 142 ff.—Sehling Geschichte der prot. Kirchenverfassung. Leipzig, 1913, S. 13.—K. Rieker, S. 157—159.

[3]) Дальнѣйшее развитіе института суперинтендентовъ см. въ статьѣ Sehling'a въ Realencyklopädie für protest. Theologie und Kirche, Bd. XIX, S. 168 ff.

[4]) K. Rieker, S. 160—175.—E. Sehling, Geschichte der prot. Kirchenverfassung, Leipzig. 1913, S. 17.—Первое упоминаніе о протестантскихъ консисторіяхъ содержится

По предложенію Лютера (въ письмѣ отъ 22 ноября 1526 г.) эти комиссіи состояли какъ изъ свѣтскихъ лицъ, опытныхъ въ матеріальныхъ дѣлахъ, такъ и изъ духовныхъ, опытныхъ въ ученіи[1]. Согласно инструкціи эти комиссіи должны были поставить суперинтендентомъ по одному пастору въ каждомъ курфюршескомъ административномъ округѣ. Эти суперинтенденты вмѣстѣ съ должностными лицами образовывали первую инстанцію слагавшагося церковнаго управленія, между прочимъ въ брачныхъ дѣлахъ. Высшей инстанціей не вполнѣ послѣдовательно были то названныя комиссіи визитаторовъ, то княжеская канцелярія, которая по богословскимъ вопросамъ привлекала къ себѣ профессоровъ богословія Виттенбергскаго университета.

Слабая сторона такого порядка, особенно въ брачныхъ дѣлахъ, зависѣла отчасти отъ отсутствія однообразія дѣятельности суперинтендентовъ, отчасти отъ недостатка у нихъ авторитета. При этомъ раздавались частыя жалобы на то, что рѣшенія ихъ приводились въ исполненіе свѣтскими чиновниками въ порядкѣ полицейскаго производства. Устранить это неудобство не могли ни визитаторы, ни центральныя учрежденія. Въ связи съ этими обстоятельствами появилось предложеніе установить выборные комитеты для каждаго округа курфюршества. Такимъ образомъ были предположены четыре консисторіи для каждаго изъ четырехъ визитаторскихъ округовъ. Богословскому и Юридическому факультетамъ Виттенбергскаго Университета было предложено составить положеніе о введеніи консисторій. Это положеніе[2]), въ существѣ своемъ составленное богословомъ Ю. Іоной, признаетъ потребность въ консисторіи и опредѣляетъ ея компетенцію, по которой она должна простираться на всѣ случаи и казусы, которые изстари относились къ церковной юрисдикціи, а также опредѣляетъ и средства исполненія ея рѣшеній. Было признано необходимымъ, чтобы ландесгерръ

въ рескриптѣ курфюрста Іоанна Фридриха саксонскаго къ жителямъ Виттенберга отъ 13 мая 1537 г.: „dass die hohe unvermeidiche Notduft erfordern wollt, diweil der Bischöfe und des Bistums geistliche Iurisdiction... durch ihr Verfolgen der göttlichen Wahrheit .. gefallen, dass zu Erhaltung der... bekannten göttlichen Lehre auch christlichen Gehorsams, Zucht und gutter Sitten und Ehrbarkeit, anstatt jener Bischöfe und ihrer missbrauchten Jurisdiction und Obrigreit, etzliche Consistorien.... möchten aufgerichtet, und gelehrte, gottesfürchtige und fleissige Personen zu Verwaltung derselben.., verordnet, und ihnen vom Landesherrn, als der Obrigkeit, Gewalt, Befehl und Commission gegeben werden, in den Sachen, darin die Kirche ein billig Aufsehen haben soll, gütlich und rechtlich zu handeln, Einsehen zu thun, zu büssen, zu strafen, und Anderes, das die Nothdurft dabei erfordern würde, fürzuwenden". Цитата у Sehling, Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche, Bd. X, S. 752, въ статьѣ „Konsistorien".—О „консисторіяхъ" въ *католической* церкви см. статью Permaneder—Streber въ Kirchenlexikon Wetzer u. Welte, Bd. III, col. 962—965, 2 Aufl. 1884.—О „консисторіи" въ *римскомъ правѣ* см. L. 8 C. 1, 14 и въ словарѣ Pauly-Wissowa подъ словомъ „consistorium".

[1]) „Die Zusammensetzung aus Nichtgeistlichen, als „die auf die Zinse und Güter", und aus Geistlichen, als „die auf Lehre und Person verständig" seien, hatte Luther vorgeschlagen". Sehling, ib. S. 752.—K. Rieker, S. 172—173.

[2]) Richter, Geschichte der evang. Kirchenverfassung in Deutschland. Leipzig 1851, S. 82—96.—K. Rieker, S. 161.

предоставилъ консисторіямъ отъ своего имени и по своему порученію извѣстную долю власти, независимой отъ доброй или злой воли его обыкновенныхъ чиновниковъ. Средствами воздѣйствія въ рукахъ консисторіи были признаны отлученіе, тѣлесныя наказанія, денежныя взысканія и заключеніе. Положеніе разсматривало, однако, консисторіи не какъ коллегіи. Каждая изъ четырехъ консисторій должна была состоять по образцу епископскихъ учрежденій дореформаціоннаго времени изъ одного единоличнаго судьи, (высшаго судьи, архидіакона), рядомъ съ которымъ имѣются лишь нотаріусы или писаря. Этотъ единственный чиновникъ долженъ былъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *княжескимъ* комиссаромъ (Komissarius, таково было его офиціальное имя). И дѣйствительно, хотя протестанты того времени и считали учрежденныя затѣмъ консисторіи *церковными* учрежденіями, такъ какъ онѣ замѣнили собою епископскую должность, однако въ дѣйствительности онѣ были съ самаго начала учрежденіями ландесгерра, князя. Отъ него они имѣли свои полномочія, *его волею* вызваны къ жизни и отъ него получили свою жизненую силу[1]), наконецъ, Landesherr былъ предсѣдателемъ своей консисторій[2]). Въ теоріи не было еще никакого *церковнаго* управленія ландесгерра, но на дѣлѣ оно давно существовало[3]).

Первая консисторія была учреждена въ февралѣ 1539 г. въ Виттенбергѣ съ ограниченной компетенціей въ качествѣ лишь суда по дисциплинарнымъ и брачнымъ дѣламъ.

Устройство ея было также иное, чѣмъ предполагалось, ибо она состояла не только изъ единоличнаго судьи, но по образцу визитаціонныхъ комиссій изъ двухъ богослововъ и двухъ юристовъ, соединенныхъ въ коллегію, безъ исполнительной власти и безъ инструкціи. Вмѣсто нея было предписано консисторіи въ трудныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ Лютеру и къ другимъ богословамъ и юристамъ. Инструкція составлена бы-

---

1) Ср. слова Духовнаго Регламента: „Се же наипаче силно есть, когда Коллегіумъ правителское подъ державнымъ Монархомъ есть, и отъ Монарха уставленно“ (ч. 1, п. 3. Черн. рук. л. 3 об.

2) E. Sehling, Geschichte der prot. Kirchenverfassung, Leipzig, 1913, S. 18. Здѣсь, изъ своего изданія „Kirchenordnungen“ 1,230, Sehling приводитъ слѣдующія слова: „In solchem consistorio wollen wir, als der landesfürst, der oberste president sein, auch demselbigen in eigener fürstlicher person, mit Gottes gnädiger Hülfe, jedesmal bei wohnen“. Konsistorialordnung für Weimar 1561. Ср. съ этимъ общее убѣжденіе современниковъ Петра и вообще людей XVIII в., до Карамзина включительно, въ томъ, что русскій государь оставилъ себѣ предсѣдательствованіе въ Духовной Коллегіи—Св. Синодѣ (См. т. I, Обз. литер.), съ чѣмъ вполнѣ согласуется то, что Петръ дѣйствительно неоднократно предсѣдательствовалъ въ Синодѣ (см. *Рункевича*, стр. 345) и въ залѣ присутствія послѣдняго до сихъ поръ стоитъ у стола на предсѣдательскомъ мѣстѣ царскій тронъ.

3) E. Sehling, Realencyklopädie, X, 753.—E. Sehling, Kirchenordnungen, 1902, Bd. I, 1, S. 56.—E. Sehling, Geschichte der protestantischen Kirchenverfassung. Leipzig, 1913, S. 17—18.—Rieker, Rechtliche Stellung der ev. Kirche, S, 167—173.

ла только въ 1542 г. подъ названіемъ: „Constitution und Artikel des geistlichen Consistorii zu Wittenberg“[1]).

Что касается церковнаго управленія въ альбертинской Саксоніи, то уже тотчасъ по введеніи въ ней герцогомъ Генрихомъ реформаціи было намѣреніе учредить консисторію въ Лейпцигѣ, но оно осталось неосуществленнымъ[2]). Также точно и герцогъ Морицъ преслѣдовалъ тотъ же планъ, но затѣмъ перешелъ въ мысли сохранить епископское устройство. Совѣщанія и мнѣнія по этому поводу полны глубокаго интереса. Въ Мерзербургѣ князь Георгъ Ангальтскій взялъ управленіе дѣлами въ свои руки, какъ евангелическій епископъ. Рядомъ съ нимъ была поставлена консисторія совершенно въ католическомъ духѣ. Въ Мейссенѣ, гдѣ епископъ остался при старомъ ученіи, могла возникнуть пока только консисторія. Въ 1548 г. епископскій періодъ закончился. Мерзебургская консисторія въ 1550 г. была перенесена въ Лейпцигъ, а Мейссенская позднѣе—въ Дрезденъ[3]).

По образцу саксонскихъ консисторій, послѣднія распространились во всѣхъ лютеранскихъ территоріальныхъ церквахъ Германіи, и дальнѣйшая исторія ихъ тѣсно связана съ исторіей этихъ церквей[4]). Консисторіи образовали собою коллегіи изъ духовныхъ и мірскихъ лицъ. Имъ подчинялись суперинтенденты (только въ очень маленькихъ территоріяхъ суперинтенденты входили въ составъ консисторій въ качествѣ членовъ). Консисторіи замѣнили собою первоначальныя государственныя визитаціонныя коллегіи и ихъ можно разсматривать по крайней мѣрѣ, какъ продолженіе этихъ старѣйшихъ учрежденій территоріальныхъ церквей. Вмѣстѣ съ тѣмъ они явились осуществленіемъ церковнаго управленія ландесгерровъ, которые для этого должны были имѣть особыя учрежденія.

На основаніи того принципа, что территоріальному государю (Landesherr) принадлежитъ т. наз. custodia prioris tabulae, впослѣдствіи консисторіямъ подчинены были всѣ подданные данной территоріи въ ихъ религіозныхъ дѣлахъ, въ томъ числѣ и протестанты, непринадлежащіе къ данной территоріальной церкви, и католики и даже іудеи[5]). Только со времени появленія вѣротерпимости и ученія о независимости церквей, какъ общественныхъ организацій, отъ государства, такое положеніе вещей измѣнилось[6]).

---

[1]) Издана въ 1563, перепечатана у Sehling, Kirchenordnungen, Bd. I, 1, S. 200—209.

[2]) Sehling, ibidem S. 94.

[3]) Объ этомъ, а также о юридическомъ характерѣ этихъ учрежденій и ихъ уставы см. у Sehling, Kirchengesetzgebung unter Moritz von Sachsen S. 13 сл. и Kirchenordnungen I, 1, S. 96 ff.

[4]) Mejer, Grundlagen, S. 144 ff. — Jacobson, Preuss. Evang. Kirchenr. I, S. 141 f. - Müller въ Beiträge zur sächs. Kirchengeschichte Bd. 9 и 10, Leipzig 1894 ff. — K. Rieker, Die rechtliche stellung... S. 175—ff.—Adolph Frantz, Die evangelische Kirchenverfassung in den deutschen Städten des XVI. Jahrhunderts. Halle, 1876.

[5]) Любопытно, что и Св. Синодъ въ первые годы своего существованія вѣдалъ также и дѣла инославныхъ исповѣданій въ Россіи. См. ниже, въ гл. IX.

[6]) Sehling, статья Konsistorien въ Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche, X, 752—757, 3 Auflage.—Sehling, Geschichte der prot. Kirchenverfassung. Leipzig 1913, SS. 19 ff.

Консисторіи въ Пруссіи. Чтобы яснѣе представить себѣ устройство и правовое положеніе протестантскихъ консисторій, а также понять возможную систему организаціи центральнаго управленія территоріальныхъ протестантскихъ церквей Германіи, очень полезно остановиться на примѣрѣ Пруссіи въ эпоху Фридриха-Вильгельма I (1713—1740), современника и союзника Петра Великаго[1]).

Во главѣ церковнаго устройства Пруссіи (въ широкомъ смыслѣ слова) стояли консисторіи[2]), которыя дѣлились на центральныя—въ Берлинѣ, и мѣстныя—въ провинціяхъ Пруссіи. Центральныя консисторіи различались по вѣроисповѣданіямъ и лицамъ, которыхъ онѣ касались. Такъ въ 1740 г. было четыре центральныхъ консисторіи: лютеранская—Kurmärkisches Consistorium; реформатская—Reformirtes Kirchendirectorium; Высшая французская консисторія и, наконецъ, Военная консисторія—Feldconsistorium. Всѣ онѣ возникли, однако, ранѣе въ разное время. Лютеранская современна реформаціи и основана въ 1543 г.; для французскихъ бѣглецовъ образовалась въ 1694 г. „церковная комиссія", которую черезъ 20 лѣтъ, изъ подражанія лютеранской, стали обыкновенно звать—Высшая консисторія; наконецъ, реформатская—Kirchendirectorium учреждена была въ 1713 г. Feldconsistorium, какъ спеціальная, неинтересна[3]). Всѣ три консисторіи находились подъ предсѣдательствомъ одного общаго президента и одного общаго вице-президента и состояли особо изъ 3—4 мірянъ и трехъ духовныхъ лицъ. Кромѣ того у каждой была своя канцелярія въ составѣ двухъ секретарей и экспедиторовъ. Три центральныя кансисторіи Берлина, будучи для послѣдняго мѣстными, объединяли въ себѣ провинціальныя консисторіи. Въ то же время сами по себѣ онѣ являлись какъ бы тремя отдѣленіями *Духовнаго Департамента*, т. е., на современномъ языкѣ, министерства культовъ, и чрезъ него вводили церковныя дѣла въ систему собственно государствен-

---

[1]) См. Georges Pariset, профессоръ университета въ Nancy „L' État et les Églises en Prusse sous Frédéric—Guillaume I-er (1713—1740), Paris 1897, 8⁰, XX+989, p.— H. F. Jacobson, Das evangelische Kirhenrecht des Preussischen Staates, I—II. Halle, 1864—1866 (см. I, S. 144—150).—K. Rieker, Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. Leipzig 1893, SS. 178. 290. 321.

[2]) „A la tête de la constitution ecclésiastique sont les consistoires. Par leur composition mixte, ils relient l' État à l' Église; par leur rôle, ils dirigents. l' Église tout entière. Ils sont à la fois la prolongation de l' État dans l' Église, et ils ce confondent ainsi, par leurs caractères, avec les autres collèges administratif laïques, ou la prolongation de l' Église dans l' État, et ils ce confondent ainsi, par leur action, avec les autres collèges ecclésiastiques. En eux, suivant le point de vue, l' État et l' Église commencent ou finissent; il sont la terre indivise où l' Église s'unit à l' État et où l' État se subordonne l' Église". Pariset, p. 134.

[3]) Любопытно, что духовенство для арміи и флота было выдѣлено въ особую управляемую группу именно Петромъ Великимъ, начиная съ указа 8 апрѣля 1719 г. См. *Т. В. Барсова*, Объ управленіи русскимъ военнымъ духовенствомъ. Христ. Чтеніе, 1878 г. Мартъ—Апрѣль стр. 483 и слѣд.).

наго управленія[1]). Въ свою очередь этотъ Духовный Департаментъ (Geistliches Departement) возникъ слѣдующимъ образомъ.

Самодержавная воля короля Пруссіи объявлялась его Кабинетомъ (Cabinets-Secretaire). Совѣщательнымъ органамъ при королѣ былъ Государственный Тайный Совѣтъ (der Geheime Statsrath), который, среди другихъ, вѣдалъ и церковныя дѣла. Дѣйствительные тайные совѣтники, изъ которыхъ онъ состоялъ первоначально дѣлили между собою предметы его вѣдомства. Съ теченіемъ времени, Совѣтъ сталъ утрачивать свое значеніе. Между тѣмъ послѣднее стали пріобрѣтать коллегіи, въ которыхъ подготовлялось рѣшеніе дѣлъ и происходило ихъ исполненіе. Дѣйствительные тайные совѣтники (Wirkliche Geheime Räthe) были въ нихъ президентами и вели дѣла почти всегда независимо отъ общаго собранія Совѣта. Между прочимъ въ виду неточнаго разграниченія вѣдомства, дѣла церковныя проходили чрезъ слѣдующія коллегіи: Geheime Justiz Collegium, Hof—und Kriminalgericht, General—Schatulle-Direction, Finanz-Directorium, General—Kriegs-Kommissariat. Въ 1722—1723 г.г. Фридрихъ-Вильгельмъ I соединилъ между собою Finanz-Directorium и General-Kriegs-Kommissariat, и учредилъ General-ober-Finanz-Krieges—und Domainen-Directorium. Эта новая коллегія вѣдала дѣла экономическія, финансовыя и военныя всего государства. Генералъ-Директорія дѣлилась на пять отдѣленій, во главѣ которыхъ стояли Д. Т. Совѣтники, и рѣшенія ея они подписывали въ качествѣ таковыхъ. Такимъ образомъ считалось, что Генералъ-Директорія есть собственно подчиненный органъ Государственнаго Тайнаго Совѣта. Завѣдывающіе отдѣленіями Генералъ-Директоріи были, собственно, министрами, около которыхъ незамѣтно образовались и вѣдомства. Такъ Geheime Justizrath превратился въ коллективное министерство юстиціи съ министромъ во главѣ (въ 1737 г.). Мало-по-малу образовалось и коллективное министерство культовъ подъ названіемъ Geistliches Departement. Оно выдѣлилось изъ министерства юстиціи и затѣмъ, при Фридрихѣ II, вновь слилось съ нимъ. Глава Духовнаго Департамента совмѣщалъ обычно и должности президента всѣхъ трехъ консисторій Берлина, которыя поэтому и составляли какъ бы три бюро министерства культовъ. Оно держалось на личномъ началѣ, не имѣло особаго помѣщенія и своей организаціи. Тѣмъ не менѣе общественная роль его и въ такомъ видѣ была огромна[2]).

Такимъ образомъ управленіе церковными дѣлами Пруссіи было централизовано и построено на коллегіальномъ началѣ. Это коллегіальное начало свойственное всѣмъ протестантскимъ консисторіямъ и центральнымъ государственнымъ учрежденіямъ многихъ европейскихъ государствъ, особенно послѣдовательно проведено было въ Пруссіи. Здѣсь необходимо обратить вниманіе на одну особенность коллегіальнаго строя, на принципъ коллективной отвѣтственности.

---

[1]) Pariset, p. 134—138. [2]) Pariset, p. 85—94.

Въ административныхъ коллегіяхъ всѣ рѣшенія принимались по большинству голосовъ и отвѣтственность падала на всѣхъ голосовавшихъ за разъ. Несогласные съ рѣшеніемъ должны были тѣмъ не менѣе подписывать протоколъ и исполнять его наравнѣ съ согласными. На практикѣ коллегія рѣшала дѣла не всегда будучи въ полномъ составѣ. Тогда извѣстное число членовъ дѣйствовало какъ бы отъ имени всей коллегіи по ея порученію. Но подпись только нѣкоторыхъ не освобождала отъ отвѣтственности всю коллегію въ цѣломъ. Личность каждаго изъ членовъ въ отдѣльности, за исключеніемъ уважительныхъ причинъ, подмѣнивалась коллективной личностью коллегіи[1]).

Изложенный выше строй управленія церковными дѣлами въ Пруссіи относится къ эпохѣ Фридриха-Вильгельма I (1723—1740), который, какъ видно, пережилъ эпоху Петра Великаго († 27 января 1725 г.). Однако реформа центральнаго управленія при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I покоилась на старомъ основаніи и касалась главнымъ образомъ большей систематизаціи. Коллегіальное начало и консисторское устройство существовали и прежде, чѣмъ устраняется возможный упрекъ въ анахронизмѣ[2]).

Данія. Для полноты картины необходимо упомянуть здѣсь о Даніи и Швеціи.

Въ Даніи реформація произведена была не сразу и лишь по настоянію королей, которые находили нужнымъ для укрѣпленія своей власти съ помощью новаго ученія сломить силу и значеніе епископовъ. Евангелическо-лютеранское исповѣданіе было окончательно принято въ Даніи только въ 1536 г., когда протестантская церковь и заняла положеніе государственной церкви Даніи. Такъ какъ введеніе реформаціи въ Даніи объяснялось внѣшними соображеніями, то все, что можно было сохранить изъ стараго строя, было оставлено. Между прочимъ, осталась не прерванной преемственность рукоположенія епископовъ, хотя они стали теперь протестантами. Равнымъ образомъ Данія не приняла и консисторіальнаго устройства и все управленіе протестантской церковью въ Даніи осталось въ рукахъ епископовъ съ подчиненіемъ ихъ датскому королю. Высшее завѣдываніе духовными дѣлами сосредоточилось въ королевской датской канцеляріи, которая имѣла для этого особый духовный департаментъ. Государственный характеръ датской евангелическо-лютеранской церкви былъ еще болѣе подчеркнутъ, когда по закону самодержавнаго Христіана V 1683 г. она была объявлена единственно терпимой въ Даніи и ея земляхъ[3]).

---

[1]) Pariset, 84 — Ср. исторію съ протестомъ М. Стефана Яворскаго противъ рѣшенія Св. Синода не возносить болѣе за богослуженіемъ патріаршихъ именъ. П. С. П. I. 106, 118; О. А. С. С. I, 325. Св. Синодъ требовалъ, чтобы Стефанъ подписалъ неугодное ему мнѣніе, такъ какъ, согласно гл. 6 Ген. Регл. и указа 4 Апрѣля 1721 г., дѣла въ коллегіяхъ рѣшаются по большинству голосовъ, а протоколъ подписываютъ всѣ.

[2]) См. Isaacsohn, Geschichte des preussischen Beamtenthums vom Anfang des 15. Jahrhunderts bis auf Gegenwart. 3 Bde, Berlin 1874—1884.—Jacobson, Das evangeliche Kirchenrecht des Preussischen Staates, 1—2. Halle, 1864—1866.

[3]) Dr. W. Möller, Lehrbuch der Kirchengeschichte, III Bd., 3 Aufl., Tübingen, 1907. S. S. 165—169.—Fr. Nielsen, статья Dänemark въ Herzog-Hauck, Realencyklo-

Швеція. Реформаторомъ Швеціи[1] былъ король Густавъ Ваза (12 Мая 1496—29 Сентября 1560), основатель династіи и новыхъ началъ государственнаго строя и управленія. Вступивъ на престолъ послѣ тяжелой борьбы съ Христіаномъ II Датскимъ, свергнувъ датское владычество, длившееся болѣе ста лѣтъ, Густавъ усвоилъ себѣ высокій взглядъ на свое право распоряжаться не только государственными, но и церковными дѣлами[2]. Такъ какъ сословія въ Швеціи, особенно же духовенство, представляло собою большую политическую силу, то Густаву Вазѣ пришлось вступить съ нимъ въ борьбу, средствомъ которой была религіозная реформація[3]. Онъ принялъ подъ свое покровительство двухъ братьевъ учениковъ Лютера по Виттенбергскому университету Олауса и Лаврентія Петри, вернувшихся въ Швецію въ 1519 г., и назначилъ одного проповѣдникомъ въ Стокгольмѣ, а другого профессоромъ Упсальскаго Университета. Затѣмъ и каѳедральный священникъ въ Стренгнесѣ, Ларъ Андерсонъ, принявшій новую вѣру, былъ назначенъ канцлеромъ королевства съ порученіемъ прививать реформаціонное ученіе въ Швеціи. Между тѣмъ народъ былъ успокоенъ въ томъ, что прежняя вѣра остается въ силѣ, а устраняются только злоупотребленія духовенства. Для послѣдняго же были устроены двѣ школы въ Упсалѣ и Стокгольмѣ, съ цѣлію подготовить въ будущемъ мирное принятіе народомъ церковной реформы[4]. Вмѣстѣ съ этимъ король приступилъ къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ[5]), но встрѣтилъ сначала отпоръ со стороны духовенства и части свѣтской аристократіи, и только угроза его отказаться отъ престола заставила ихъ покориться, въ результатѣ чего явилось сеймовое постановленіе (Вестересскій рецессъ 24 іюня 1527 г.), которымъ, между прочимъ, предоставлялось духовенству проповѣдывать слово Божіе согласно Библіи и катехизису Лютера. Въ дополненіе къ этому постановленію былъ изданъ Густавомъ Вестересскій ордонансъ, по которому король присвоивалъ себѣ право назначенія и смѣщенія духовныхъ лицъ, право гражданскаго и уголовнаго суда надъ духовенствомъ по обыкновеннымъ преступленіямъ и тяжбамъ и устанавливалъ, что имущество духовныхъ лицъ переходитъ по наслѣдству не къ церкви, а къ законнымъ наслѣдникамъ. Этими постановленіями Густавъ Ваза уничтожилъ привиле-

---

pädie für prot. Th. und K. 3 Aufl. Bd. IV, S. 420—422.—Goos und Hansen, Das Staatsrecht des Königreichs Dänemark (Marquardsen) S. 20.—D. Schäfer, Geschichte von Dänemark, Gohta 1893, Bd. IV, S. 129. ff.

[1]) I. Weidling, Schwediche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Gotha 1882, S. 79 ff.—Ср. H. Martin, Gustave Vasa et la Reforme en Suède, 1906.—F. O. Freiherrn von Nordenflycht, Die schwedische Staats-Verfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung dargestellt. Berlin 1861, S. 82—89 и др.—Art. Schweden въ изданіи Die Religion in Geschichte und Gegenwart. Bd. V, col. 484—498,—Энциклопедіи Herzog-Hauck, Bd. XVIII, S. 17—43,—Wetzer u. Welte, Bd. X, с. 2051—2064.—Курсы церковнаго права Ferd. Walter, 14 Aufl. Bonn 1871. S. 69. 82. 134. 390.—Fr. Vering, 2 Aufl. Freiburg i. Br. 1881. S. 330.—*Дементьевъ*, Введеніе реформаціи въ Швеціи. Спб. 1892.

[2]) Weidling S. 115—121. [3]) Ibidem, S. 122—131.

[4]) Ibidem, S. 144—156. [5]) Ibidem, S. 156—162.

гированное положеніе и политическое значеніе духовенства[1]), заставивъ многихъ епископовъ искать за границею способа возстановленія своихъ свѣтскихъ правъ, однако безуспѣшно[2]).

Такимъ образомъ реформація въ Швеціи явилась личнымъ дѣломъ Густава, предпринятымъ имъ, главнымъ образомъ, по политическимъ соображеніямъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этого явилось возвышеніе короля до положенія главы церкви и объявленіе протестантизма государственнымъ исповѣданіемъ въ Швеціи. Однако король усвоилъ себѣ ius reformandi не по праву такъ называемаго summepiscopat'a, а въ качествѣ „царствующаго короля и высшаго защитника христіанской вѣры въ своемъ государствѣ", и „въ силу своего королевскаго полновластія", какъ выражался Густавъ въ своихъ позднѣйшихъ указахъ, тогда какъ позднѣе Густавъ II Адольфъ называлъ себя „Defensor et Nutricius Ecclesiae, который обязанъ надзирать за народомъ Божіимъ въ своемъ королевствѣ"[3]).

Съ самаго начала реформаціи рядомъ съ королемъ образовалось особое *представительство отъ Церкви, національный соборъ* пока еще неопредѣленной формы и компетенціи. Этотъ соборъ оказывалъ королю свое содѣйствіе и такимъ образомъ установилось то единеніе церкви и государства въ Швеціи, которое стало характерной особенностью шведскаго церковнаго устройства и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлью церковной политики династіи Ваза, сыновей Густава Іоанна III и Карла IX и внука его Густава II Адольфа[4])

Хотя постановленіе 1527 г. ограничило юрисдикцію церкви, но не разрушило церковнаго организма съ его клерикальнымъ устройствомъ и іерархіей. Какъ и въ датской церкви, въ Швеціи сохранился епископскій санъ, при чемъ въ церковномъ отношеніи все государство раздѣлено было на 12 епархій, изъ коихъ епископъ Упсалы получилъ титулъ архіепископа, однако безъ всякой высшей власти надъ другими епископами, но лишь съ правомъ коронованія короля и нѣкоторыми другими преимуществами, какъ primus inter pares. Въ отношеніи же управленія все духовенство подчинилось государственной власти, которая въ лицѣ короля, стремилась къ объединенію и руководительству въ реформаторской дѣятельности новыхъ протестантскихъ епископовъ подъ своимъ верховенствомъ. Это стремленіе нашло свое выраженіе въ распоряженіяхъ 1539—1540 г.г. когда нѣкто магистръ Георгъ Норманъ, ученикъ Лютера и Меланхтона, былъ сдѣланъ главнымъ органомъ надзора за церковными дѣлами съ очень широкими полномочіями. Въ связи съ учрежденіемъ этой должности *Ординатора* или *Суператтендента*, должны были быть созданы въ каждомъ діоцезѣ особые

---

[1]) Съ 1527 г. епископы болѣе не приглашались въ Государственный Совѣтъ.

[2]) Weidling, S. 201—224 — *Л. Дымша,* Государственное право Швеціи. Т. I. Часть историческая. С.-Петербургъ, 1901, стр. 74—81.

[3]) A. E. Knös, D. Theol. und Prof. an der Univ. zu Upsala, Die vornehmsten Eigenthümlichkeiten der schwedischen Kirchenverfassung mit Hinblicken auf ihre geschichtliche Entwicklung. Stuttgart, 1852, S. 32—33.

[4]) Knös, 33—34.—Weidling, S. 240—245; 289—312.

консерваторы съ тѣми же правами надзора и юрисдикціи по отношенію къ духовенству. Ихъ помощниками должны были быть назначаемые королёмъ *сеніоры*, вѣроятно міряне, подчиненные вмѣстѣ съ первыми суператтенденту. Была также мысль о созданіи особой *Religionsrathcollegium* при суператтендентѣ и *соборовъ* изъ всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ для завѣдыванія ученіемъ, богослуженіемъ, школами и университетами. Однако этотъ планъ послѣдовательнаго проведенія цезаропапизма не удался и Густавъ искалъ другихъ способовъ подчиненія себѣ епископовъ. Мѣропріятія его въ этомъ отношеніи дѣйствительно привились, но вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно, что идти далѣе по этому пути въ созданіи новой организаціи шведской церкви невозможно[1]. Короткое царствованіе несчастнаго Эрика XIV (1560—1568), посвященное войнамъ и полное внутреннихъ раздоровъ, не имѣло значенія для развитія шведскаго церковнаго права. За то его братъ Іоаннъ III (1568—1592) сдѣлалъ, правда, безрезультатную попытку возстановить въ Швеціи католицизмъ, но въ новой формѣ и со своеобразнымъ ученіемъ въ духѣ епископальной церкви Англіи[2]). Напротивъ, новый король Карлъ IX (1599—1611) впалъ въ другую крайность, выказавъ свою склонность къ кальвинизму. Его противникомъ отъ имени клира и народа выступилъ Архіепископъ Olaus Martini, и въ результатѣ спора было признано, что королевская власть, притязавшая на iura sacrorum, имѣетъ только iura circa sacra, а не iura in sacra.

Однако, въ концѣ своей жизни, Карломъ IX была высказана мысль о желательности учрежденія высшей консисторіи. Сынъ и преемникъ его Густавъ II Адольфъ (1611—1632) усвоилъ эту мысль и съ помощью своего канцлера Аксель Оксенштерна приступилъ къ созданію такой *Consistorium ecclesiasticum generale*. Предсѣдательствовать въ ней должно было высшее должностное лицо въ государствѣ—Государственный дростъ (Riksdrotzet)[3]) вмѣстѣ съ Архіепископомъ; засѣдателями изъ міряңъ—два члена Государственнаго Совѣта и три ассессора Высшаго суда, а изъ клира епископы гор. Strengnäs и Westerås, епископства которыхъ были ближайшими къ столицѣ, старшій придворный проповѣдникъ короля; первый профессоръ богословія въ Упсалѣ и старшій пасторъ въ Стокгольмѣ. Въ компетенцію этой Consistorium generale входили всѣ церковныя и школьныя дѣла, въ томъ числѣ надзоръ за епископами, за консисторіями діэцезовъ и всѣмъ клиромъ. за единствомъ въ ученіи и культѣ, и за церковнымъ порядкомъ; она должна была избирать и назначать достойныхъ лицъ въ пасторы, исправлять ошибки духовенства и самихъ епископовъ; принимать апелляціи на діэцезальныя консисторіи, наблюдать за академіями, школами, учащимися за грани-

---

[1]) Knös, S. 35—39. Knös, между прочимъ, дѣлаетъ любопытное замѣчаніе: So aber ist eine sehr wichtige kirchenrechtliche Frage, die nämlich, ob die Verfassungsprincipien der lutherischen Reformation zum Cäsareopapismus führen, in Schweden geschichtlich aufgestellt und factisch beantwortet worden (S. 39).

[2]) Knös, S. 39—41.

[3]) Глава судебнаго вѣдомства.

цею, за госпиталями, богадѣльнями и благотворительными заведеніями и проч.[1]).

По поводу этого проекта возникъ оживленный споръ. Со стороны государства отстаивалъ проектъ Оксенштерна, со стороны церкви оспаривалъ его ученый епископъ Westeräs по имени Iohann Rudbeckius. Уже въ 1623 г. этотъ проектъ былъ сообщенъ епископамъ, а въ 1624 и слѣдующихъ годахъ былъ неоднократно принятъ на сеймахъ и затѣмъ правительство совѣщалось о немъ словесно и письменно съ епископами. Горячій споръ происходилъ, однако, въ границахъ лютеранскихъ основъ церковнаго устройства. Что церковь въ своихъ внѣшнихъ дѣлахъ должна быть зависима отъ государства, было внѣ сомнѣнія. Но старая іерархія никоимъ образомъ не соглашалась на такую зависимость, какая проводилась въ пресвитеріанской церкви, видя въ этомъ ея униженіе. Было охотно и сообща признано, что „церковь ввѣрена покровительству и заботамъ короля", однако, не хотѣли, чтобы она состояла въ завѣдываніи *такой же* государственной коллегіи, какъ другія коллегіи, учрежденныя въ государственныхъ цѣляхъ въ то самое время Густавомъ-Адольфомъ[2]). Съ полнымъ основаніемъ боялись, что тогда въ чисто духовную область церкви, въ ученіе, богослуженіе, дисциплину, пастырство и т. д. проникнетъ и пріобрѣтетъ значеніе юридическій и политическій элементъ, вслѣдствіе чего церковь постепенно получитъ гражданско-политическій характеръ, ея собственная цѣль и важныя функціи отойдутъ на второй планъ, она станетъ слугою государства и сама, путемъ слiянія съ нимъ, подвергнется омірщенію. При этомъ епископы ссылались на слово Божіе, на практику древней церкви, на божественное установленіе священства, на соборы, синоды и общія собранія духовенства, которыя вѣдали лишь внутреннія дѣла церкви, тогда какъ внѣшнія вѣдали цари въ качествѣ Defensores, Directores и Patroni. Епископы хотѣли, чтобы въ Консисторіи вѣдались только тѣ дѣла, которыя къ ней относятся ex iure divino и по обычаю церкви; съ ихъ точки зрѣнія были болѣе предпочтительны соборы, синоды и конвенты, а Consistorium generale могла бы быть удержана только въ составѣ депутатовъ отъ духовенства на сеймѣ и т. д.[3]).

Со стороны государства Консисторію отстаивалъ Оксенштерна, проникнутый идеей христіанскаго государства, въ которомъ король отвѣтственъ предъ Богомъ за благо церкви, имѣя въ своемъ государствѣ одну цѣль съ нею. Но такъ какъ онъ не можетъ обо всемъ заботиться лично, ему необходимо также центральное учрежденіе для церкви, для общаго надзора за церковнымъ управленіемъ и въ качествѣ высшей инстанціи церковной юрисдикціи. При этомъ казалось, что въ общеніи съ государствомъ церковь получитъ еще большую свободу и вліяніе, а потому противодѣй-

---

[1]) Основныя положенія проекта приведены въ подлинникѣ по латыни у Knös, S. 45—46. Онъ ссылается, между прочимъ, на работу Dr. P. E. Thyselius, „Das von Gustav II. Adolph zugedachte Consistorium Ecclesiasticum Generale". Zeitschrift für die historische Theologie von Niederlande, 1851, H. 1. S. 101 ff.

[2]) См. выше, стр. 243. [3]) Болѣе подробно см. у Knös, S. 47—48.

ствіе епископовъ было сочтено за политическую оппозицію. Въ этихъ спорахъ прошли почти 40 лѣтъ (1623—1659), во время которыхъ было предложено не мало проектовъ съ цѣлью усилить въ предполагаемой консисторіи духовный элементъ.

Около средины XVII в. такъ назыв. „великіе" епископы одинъ за другимъ скончались. Время управленія церковными дѣлами перешло на сеймъ, который испытывалъ затрудненіе особенно въ томъ, что между отдѣльными епархіями не было необходимаго согласія и однообразія въ церковномъ строѣ. Вестфальскій миръ 1648 г., а за нимъ и сеймъ 1649 г. значительно помогли Швеціи сосредоточить свое вниманіе на внутреннихъ дѣлахъ, и побудили заинтересованныя стороны оставить прежній споръ относительно Consistorium Generale, и стремиться къ выработкѣ новаго церковнаго закона вмѣсто устарѣвшаго уже Kirchenordnung'а 1571 г. Въ это время на шведскомъ престолѣ былъ Карлъ XI (1660—1697), которому принадлежитъ реформа всего государственнаго строя въ направленіи развитія королевскаго самодержавія[1]). Карлъ XI отличался качествами необыкновеннаго трудолюбія, бережливости, скромности, силы воли и характера, понему „нельзя было найти области въ государственной дѣятельности тогдашней Швеціи, гдѣ бы Карлъ XI не прикладывалъ самолично руку, куда не проникалъ бы его зоркій глазъ"[2]). Подчинивъ себѣ сословія и учрежденія, король не могъ, конечно, оставить безъ вниманія и церкви тѣмъ болѣе, что по винѣ духовенства она все еще не имѣла правильной организаціи и некому было отстаивать интересы ея свободы, такъ какъ епископы были въ общемъ малозначительные люди, а среди народа и нисшаго клира замѣчался упадокъ вѣры.

Среди этихъ условій Карлъ XI поручилъ архіепископу Свебиліусу, совмѣстно съ собравшимися на сеймъ 1682 г. депутатами отъ духовнаго сословія, составить проектъ церковнаго уложенія. Послѣдній былъ составленъ такъ, что за церковью и духовенствомъ оставлялось ихъ самостоятельное положеніе въ государствѣ. Тогда король поручилъ особой комиссіи изъ свѣтскихъ лицъ, въ большинствѣ изъ чиновниковъ королевской канцеляріи, исправить проектъ въ пользу королевской власти, что и было исполнено. Затѣмъ для совмѣстнаго разсмотрѣнія произведенныхъ въ проектѣ измѣненій въ комиссію приглашены были архіепископъ и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ, причемъ результаты ихъ работы были еще разъ пересмотрѣны въ королевскомъ совѣтѣ, въ присутствіи Карла, который лично приказалъ сдѣлать много измѣненій въ ущербъ правамъ церкви[3]). Послѣ этого, 3 сентября 1686 г., появился этотъ новый Kirchenordnung, въ главныхъ чертахъ сохранившій свое значеніе и въ настоящее время[4]), а затѣмъ 11 февраля 1687 г. былъ изданъ консисторскій уставъ[5]). На основаніи

[1]) *Л. Дымша*, Государственное право Швеціи. Спб. 1901, стр. 202—205.

[2]) Ibidem, стр. 205. [3]) *Л. Дымша*, 206—207. [4]) Knös, S. 50—82.

[5]) Въ нашихъ рукахъ было современное нѣмецкое изданіе Kirchen-Gesetz und Ordnung so der grossmächtige König und Herr, Herr Karl der Eilffte der Schweden, Bothen

этихъ законовъ Consistorium regni, состоявшая изъ депутатовъ духовенства на сеймахъ, и фактически осуществлявшая высшую церковную власть, въ качествѣ послѣдней ревизіонной и апелляціонной инстанціи, потеряла всякое значеніе. Все управленіе церковью сосредоточилось въ лицѣ короля, который получилъ право назначенія епископовъ, а чрезъ нихъ пасторовъ и другихъ церковныхъ должностныхъ лицъ, обязанныхъ приносить особую должностную присягу на вѣрность королю и послушаніе его распоряженіямъ. Между нимъ и мѣстными епископами съ ихъ консисторіями никакой посредствующей инстанціи уже не оставалось и король могъ вмѣшиваться во всѣ церковныя дѣла даже чисто религіознаго характера, не говоря уже о томъ, что свѣтскіе суды стали апелляціонной инстанціей для духовныхъ. Словомъ, шведскій король въ своей церкви занялъ такое юридическое положеніе, которое обычно опредѣляется понятіями цезаропапизма или главы церкви, спеціально примѣнимыми къ шведскому церковному устройству, однако, не въ томъ смыслѣ, что король есть Summus episcopus, а въ томъ, что онъ, какъ свѣтскій самодержавный государь, есть oberster Schirmherr des christlichen glaubens in seinem Reiche[1]).

Англія. Принципъ совмѣстнаго рѣшенія дѣлъ былъ въ высшей степени свойственъ также *реформатскому* исповѣданію со времени Цвингли и Кальвина и ихъ преемниковъ въ разныхъ странахъ. Однако, такъ назыв. пресвитеріанское устройство, выросшее на реформатской почвѣ, заключало въ себѣ слишкомъ много демократическаго въ связи съ принципіальной независимостью отъ свѣтской власти. Въ виду этого само собою очевидно, что образцомъ для Духовной Коллегіи Петра и Ѳеофана оно не могло быть и потому подробно останавливаться на немъ нѣтъ основаній[2]). Полезно упомянуть лишь объ англійскихъ учрежденіяхъ для завѣдыванія церковными дѣлами, такъ какъ англиканство явило собою съ самаго начала рѣзкій образецъ государственной церкви съ полнымъ главенствомъ монарха, т. е. тотъ образецъ, который по своему осуществленъ былъ Петромъ въ Россіи, быть можетъ, именно не безъ вліянія Англіи[3]).

---

und Wenden König, u. im Jahr 1686 hat verfassen und im Jahr 1687 im Druck aussgehen, und publiciren lassen. Mit denen dazu gehörigen Verordnungen. Auf höchsermelten Ihrer Königl. Maiest. gnädigsten Befehl ins Teutsche übersetzet. Stockholm. Этотъ Kirchenordnung имѣетъ много идентичнаго съ Д. Реглам., что и будетъ отмѣчено нами въ своихъ мѣстахъ.

[1]) Knös, 33, ср. S. 50—82; 83—127 (Die diöcesane Consistorialverfassung und die Diöcesangerichtbarkeit).—*Л. Дымша*, 206—207.—Möller, ibidem. S. 169—172.—Hjalmar Holmquist, статья „Sweden" въ Herzog-Hauck, Realencyklopädie für prot. Th. u. K. Bd. XVIII S. 26—32.

[2]) *У. Штутцъ*, Церковное право. Рус. переводъ подъ ред. проф. Е. Н. Темниковскаго. Ярославль, 1905, стр. 188—194 и указ. тамъ литература.—См. также въ Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche herausgegeben von Herzog-Hauck. 3 Auflage, слова Presbyter, Presbyterialverfassung seit der Reformation (Bd. XVI, 9—16), Puritaner, Presbyterianer (ib. 323—348).—*Р. Випперъ*, Церковь и государство въ Женевѣ XVI вѣка въ эпоху кальвинизма. Москва 1894.—Ср. Ordonnances ecclésiastiques de Genève 1541. Richter, Kirchenordnungen, I, 342—353.

[3]) Ср. выше гл. II, описаніе путешествій Петра и пребыванія его въ Англіи, а также несомнѣнный фактъ знакомства Петра съ политической философіей Гоббса.

Въ силу реформаціоннаго законодательства, особенно закона о верховенствѣ (1534 г.), Генрихъ VIII осуществлялъ предоставленныя ему права лично или чрезъ своего намѣстника и генералъ-викарія Кромвеля или установленныхъ ими должностныхъ лицъ. Въ послѣдніе годы Генриха VIII, при Эдуардѣ VI и въ началѣ правленія Маріи высшее управленіе церковными дѣлами находилось въ рукахъ Государственнаго Совѣта (Privy Council). Рядомъ съ нимъ стояли комиссіи съ перемѣннымъ составомъ для временныхъ цѣлей (для визитацій, низложенія или возстановленія въ санѣ епископовъ и т. д.). При Елизаветѣ число такихъ комиссій увеличилось. Но она же установила и одну общую постоянную комиссію съ длящимися полномочіями для проведенія въ жизнь изданныхъ въ первый годъ ея правленія актовъ о суприматіи (act of supremacy) и объ „единообразіи" (act of Uniformity), въ силу которыхъ королева признавалась главою „закономъ установленной церкви" („By law established Church", откуда и оффиціальное названіе англиканской церкви—Established Church). Эта комиссія дѣйствовала надъ всѣмъ королевствомъ. Во главѣ ея стоялъ архіепископъ кентербюрійскій и епископъ лондонскій. Путемъ возобновленія подобныхъ полномочій образовалось одно постоянное высшее государственное учрежденіе, Высшая Комиссія, High Commission Court (Высшее духовное судилище), главная задача которой заключалась въ поддержаніи единства вѣры[1]). Членами этого учрежденія были епископы, члены Государственнаго Совѣта и другія духовныя и мірскія лица. Составъ ея былъ перемѣнный. Въ 1583 г., когда она окончательно образовалась, она состояла изъ 44 комиссаровъ, въ томъ числѣ 12 архіепископовъ и епископовъ и др. лицъ. Эта комиссія была не единственной для цѣлаго королевства. Ей подчинены были еще двѣ комиссіи для каждой изъ архіепископскихъ провинцій, при чемъ для каждой епархіи епископской были свои особыя комиссіи. Всѣ эти комиссіи объединялись подъ однимъ именемъ: High Commission Court[2]).

Протестантскія консисторіи въ предѣлахъ Россіи. Строго говоря, протестантскія консисторіи и другія соотвѣтствующія имъ коллегіальныя учрежденія для завѣдыванія церковными дѣлами въ Западной Европѣ могутъ показаться слишкомъ отдаленными образцами для Ѳеофана и Петра въ дѣлѣ

---

[1]) На комиссію возложена была обязанность изслѣдовать всѣ нарушенія и проступки противъ закона о „суприматіи", объ „единообразіи" и др. законовъ о церкви, изслѣдовать еретическія мнѣнія, книги, преслѣдовать всякое неповиновеніе церкви, оскорбительныя для нея рѣчи, допрашивать подъ присягой всѣхъ подозрительныхъ лицъ и т. д. Комиссарамъ духовныхъ дѣлъ было предоставлено право назначать тяжкія наказанія, при чемъ обвиняемымъ не дано было общихъ средствъ защиты и процессъ былъ инквизиціонный. *А. Градовскій*, Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ, т. I, стр. 284—286, изд. 1886 г.

[2]) F. Makover, Die Verfassung der Kirche von England, Berlin, 1894, S. 272—275.—Ср. Gneist, Englische Verfassungsgeschichte § 31.—Reeves, History of the Englisch Law. Ausgabe 1814 ff. V, 216—218; Ausgabe 1869, III, 788 ff.—Stubbs, Historical Appendix I, S. 49 f. zu Bericht der „Royal Commission on Ecclesiastical Courts" 1883 (въ Drucksachen des Parlaments. 1883.—Reports Bd. XXIV).

выработки ими проекта учрежденія Духовной Коллегіи. Однако, у нихъ были предъ глазами и другія консисторіи, находившіеся въ это время фактически въ державномъ обладаніи Россіи, разумѣется, консисторіи завоеванныхъ Лифляндіи и Эстляндіи.

Первые протестанты начали проникать въ Россію уже въ XVI в. при Іоаннѣ Грозномъ и вскорѣ образовали цѣлый рядъ довольно многочисленныхъ колоній въ Москвѣ и другихъ городахъ[1]). Были случаи и насильственнаго переселенія протестантовъ въ Россію, наприм., во время Ливонской войны Іоанна Грознаго[2]). Однако, организація протестантовъ, принадлежавшихъ при томъ же къ различнымъ исповѣданіямъ и толкамъ, въ то время еще не шла далѣе объединенія ихъ въ отдѣльные приходы. Самое положеніе ихъ было еще совершенно безправнымъ[3]), а высшее завѣдываніе ими безъ всякой системы распредѣлялось между Посольскимъ, Иноземнымъ, Пушкарскимъ и Аптекарскимъ приказами, которые, въ случаѣ недоразумѣній, творили свой судъ и расправу[4]). Тѣмъ не менѣе уже тогда очень характерно для русскихъ сложилось внутреннее устройство протестантскихъ приходовъ. Для руководства приходскими дѣлами и разбора столкновеній между отдѣльными членами сами собою возникли *церковные совѣты* (Kirchenkollegium, Kirchenrath), состоявшіе изъ свѣтскаго предсѣдателя, духовнаго вице-предсѣдателя, двоихъ старшинъ (Aelteste) и двоихъ старостъ (Vorsteher), въ чемъ можно видѣть уже нѣкоторую аналогію консисторіямъ. Составъ свѣтскихъ членовъ смѣнялся быстро, что,—по словамъ Д. Цвѣтаева,—зависѣло отъ новыхъ выборовъ, выѣзда за границу, смерти и другихъ причинъ[5]). Эти совѣты не были признаны русскимъ правительствомъ и ихъ рѣшенія не могли имѣть принудительной силы. Общей связи между ними тоже не существовало, а потому, въ случаяхъ распри между приходами, рѣшающее значеніе получали приказы или даже нѣкоторые германскія консисторіи, наприм., Кенигсберга, Гамбурга, а также нѣкоторые германскіе государи, наприм., Саксонскіе герцоги[6]). Такое положеніе дѣлъ побудило, между прочимъ, доктора Блюментроста, придворнаго врача Алексѣя Михайловича и Петра Великаго, составить для прихода, къ которому онъ самъ при-

[1]) См. *Д. Цвѣтаевъ*, Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій (Чтенія въ И. О. И. и Др. Р. 1889 г. кн. IV; 1890 г. кн. I), гл. I.

[2]) D. H. Dalton, Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. Gotha 1887, S. 7. 10.

[3]) *Д. Цвѣтаевъ*, стр. 179—182.—Dalton, 7—16.—H. Dalton, Geschichte der reformierten Kirche in Russland. Gotha, 1865, S. 1—8.

[4]) *Д. Цвѣтаевъ*, ibidem, стр. 178—182; 275 и слѣд.

[5]) Ibidem, стр. 182—183.

[6]) Ibidem, стр. 184—189.—Ср. грамоту Саксонскаго герцога Эрнеста Благочестиваго отъ 14 февраля 1674 г. въ „Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р." за 1884 г., кн. III, стр. 163—164.—H. Dalton, Verfassungsgeschichte der ev.-l. Kirche in Russland, SS. 16—29.—*Н. Д. Кузнецовъ*, Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи. Ярославль, 1898, стр. 33-40 (Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, кн. 74).

надлежалъ, особый уставъ—*Kirchenordnung* 11 мая 1678 г.[1]). По этому уставу управленіе приходомъ точно также распредѣлялось между пасторомъ и церковнымъ совѣтомъ.

Наступленіе единодержавія Петра въ 1689 г. открыло для протестантовъ въ Россіи новую эру. Прежде всего Петръ отказался отъ того безразличія къ церковнымъ дѣламъ неправославныхъ исповѣданій, которымъ отличалось московское государство. Оно было теперь невозможно уже въ силу того, что по манифесту 16 апрѣля 1702 г.[2]) Петръ самъ приглашалъ въ Россію иностранцевъ, обѣщая имъ свободу вѣроисповѣданія. Послѣ этого количество протестантовъ, къ которымъ онъ особенно благоволилъ, замѣтно умножилось и церковная жизнь ихъ требовала организаціи. И съ точки зрѣнія протестантства русскій государь былъ совершенно въ правѣ ею заняться. По взглядамъ протестантской церкви, территоріальный государь является Богомъ установленной властью и въ качествѣ покровителя и защитника церкви (als Schutz-und Schirmherr der Kirche) имѣетъ право власти въ широкой области церковныхъ дѣлъ. Правда, въ данномъ слутаѣ такимъ территоріальнымъ государемъ оказывалось лицо, исповѣдующее не протестантство, а православіе[3]). Однако это нисколько не умаляло его юридическаго значенія, такъ какъ та же доктрина допускала въ крайности и господство язычника[4]).

Дѣйствительно, 18 февраля 1711 г. были собраны англійскія, лютеранскія, реформатскія и римско-католическія духовныя лица, старшины и представители, которымъ канцлеръ гр. Головкинъ по-русски, а вице-канцлеръ бар. Шафировъ по-нѣмецки объявили отъ имени государя, что онъ назначаетъ пастора старой евангелическо-лютеранской общины въ Москвѣ Бартольда Фагеція (Bartholdum Vagetium) *суперинтендентомъ* надъ всѣми евангелическими церквами въ Россіи, съ порученіемъ составить для нихъ опредѣленный уставъ. 7 октября 1715 г. „въ наивящшее подтвержденіе“ Фагецію былъ данъ уже письменный „патентъ на чинъ Суперъ-интендента надъ всѣми обрѣтающимися въ Россіи лютеранскими кирхами“, съ изложеніемъ цѣли учрежденія должности суперинтендента и его обязанностей[5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Петромъ, *въ качествѣ Landesherr*'а былъ изданъ Revidirtes Kirchen-und Schulen-Reglement oder Estat und Ordnung, wie es auf

---

[1]) H. Dalton, ibidem, SS. 20—29.—Текстъ его см. у A. W. Fechner, Chronick der evangelischen Gemeinden in Moskau, Bd. I, Moskau 1876, S. 373—379 (копія изъ М. Архива М. И. Д. Духовныя иностранныя дѣла 1731 г.), а также въ *Чтеніяхъ* въ О. И. и Д. Р. за 1884 г. кн. III, стр. 189—195.

[2]) П. С. З. IV, 1910. [3]) H. Dalton, ibidem 30.

[4]) Ср. въ изданіи K. Müller'a, Die Bekenntnissschriften der reformierten Kirche. Leipzig 1903, по указателю (стр. 966) слово Obrigkeit. Ср. слова Hallische Kirchenordnung 1525, изд. Richter Bd. I, S. 45: Ein weltlich Oberkait sie sey haidnisch oder Christlenlich ist ein gots ordnung zur straff der bossen ond furderung der guten eingesetzt auff das ein erberlich Burgerlich ond fridlich wesen wurde.

[5]) *Н. Д. Кузнецовъ*, ibidem, стр. 50—53.—H. Dalton, ibidem SS. 30—40.—H. Dalton, Geschichte der Reformierten Kirche in Russland, Gotha 1865, S. 9.

Gross Czaarl. Majtt. allergdster Verordnung und Befehl in allen Evangelisch-Lutherischen Kirchen und Schulen jährlich gehalten werden soll, zu Gottes Ehren, Landes Besten, und allgemeinen Wohlfarth ausgesetzt, verfasset, Ihro Gross Czaarl. Majtt: übergeben, und dem Kirchen Rath insinuiret[1]). Назначенiе Фагецiя суперинтендентомъ было первой попыткой установить общее управленiе протестантскими исповѣданiями въ Россiи. Однако, послѣ смерти Фагецiя, преемникъ ему не былъ назначенъ и начатое дѣло централизацiи затормозилось[2]), пока общiй надзоръ за религiозной жизнью протестантовъ въ Россiи не попалъ въ руки учрежденной въ 1721 г. Духовной Коллегiи[3]), а отъ нея перешелъ къ специальнымъ учрежденiямъ[4]).

Если въ самой Россiи Петру слѣдовало еще создать учрежденiя для завѣдыванiя протестантскими церквами, то въ завоеванномъ имъ въ Великую Сѣверную войну Прибалтiйскомъ краѣ онъ нашелъ уже готовую, хотя, правда, недостаточно централизованную, организацiю. Въ Лифляндiи и Эстляндiи протестантство утвердилось еще въ XVI в. и тогда же получило свою первоначальную организацiю[5]). Съ подчиненiемъ ихъ Швецiи (1629—1721) судьба протестантскихъ учрежденiй въ мѣстномъ краѣ стала зависѣть отъ шведскихъ королей и особенностей положенiя протестантской церкви въ шведскомъ государствѣ. Такъ, еще по мысли Густава Адольфа, въ 1633 г. была учреждена для Лифляндiи Оберъ-консисторiя въ составѣ свѣтскаго предсѣдателя и суперинтендента провинцiи, трехъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ членовъ. Въ 1636 г. были подчинены ей шесть уѣздныхъ консисторiй въ Ригѣ, Дерптѣ, Перновѣ, Нарвѣ, Коленгузенѣ и Венденѣ[6]). Въ позднѣйшее время (въ 1668 г.) существенною и важною новостью въ церковномъ устройствѣ Лифляндiи явилось учрежденiе должности представителя отъ мѣстнаго рыцарства для осуществленiя надзора совмѣстно съ уѣзднымъ пробстомъ и еще однимъ членомъ отъ дворянства. Эта новая должность получила большое значенiе[7]).

Рѣзкiя измѣненiя въ жизнь протестантской церкви въ Швецiи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Прибалтiйскихъ провинцiй, внесло самодержавное и самовластное правленiе короля Карла XI (1660—1697), который издалъ для Лифляндiи два касающiеся вѣры указа 1667 и 1675 гг.[8]), а затѣмъ для всего своего государства Kirchenordnung 1686 г. и особый уставъ дѣлопроизводства консисторiй 1687 г.[9]).

---

1) Текстъ, заимствованный изъ Моск. Архива М. И. Д. (Духовныя иностран. дѣла № 2, 1713 г. мартъ), см. у A. W. Fechner, Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd. I, SS. 450—455. Mosk. u 1876.

2) H. Dalton, Verfassungsgeschichte, S. 40.—*Н. Д. Кузнецовъ*, ibidem, 53—54.

3) *Н. Д. Кузнецовъ*, ibidem, 55—76. 4) *Н. Д. Кузнецовъ*, ibidem, 76 и слѣд.

5) О ней см. E. Sehling, Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI Jahrhunderts. Bd. V. Leipzig 1913, SS. 3—42.—H. Dalton, Verfassungsgeschichte der evangelisch-lutherischen Kirche in Russland. Gotha 1887, SS. 43—86.

6) H. Dalton, назв. соч. стр. 87—104.

7) H. Dalton, Verfassungsgeschichte, SS. 99—110. 8) Ibidem, SS. 110—113.

9) Ibidem, SS. 113—119. Ср. выше стр. 262.

Необходимость въ церковномъ уставѣ чувствовалась въ Лифляндіи, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ въ Швеціи. Поэтому Kirchenordnung 1686 г. былъ немедленно переведенъ и оффиціально изданъ на нѣмецкомъ языкѣ. Однако, при своемъ введеніи въ Лифляндіи и Эстляндіи, онъ встрѣтилъ рядъ затрудненій, которыя и были устранены указами 1691 и 1692 гг.[1]). Общее направленіе всѣхъ этихъ актовъ сводилось къ усиленію королевской власти въ церковныхъ дѣлахъ и къ обращенію консисторій въ чисто-церковныя учрежденія съ очень ограниченной и всецѣло подчиненной королю компетенціей[2]).

Въ началѣ XVIII ст. во время Великой Сѣверной Войны Балтійское побережье перешло во власть Россіи. Зная о бѣдственномъ положеніи Лифляндіи подъ властью шведовъ и стремленіе еще Карла XI уничтожить въ ней прежніе права и привилегіи съ замѣною ихъ шведскими, Петръ обнародовалъ къ жителямъ Лифляндіи воззваніе, въ которомъ предлагалъ имъ перейти въ русское подданство съ сохраненіемъ въ цѣлости ихъ евангелическаго исповѣданія и церковнаго устройства. Затѣмъ цѣлымъ рядомъ актовъ 1710 года эти условія были утверждены. Въ томъ же году Петръ обратился съ воззваніемъ и къ Эстляндіи о переходѣ ея къ Россіи на тѣхъ же основаніяхъ полной вѣротерпимости и уваженія къ старымъ мѣстнымъ церковнымъ учрежденіямъ и достигъ своего[3]). Наконецъ, по Ништадтскому миру 30 августа 1721 г. Швеція окончательно уступила Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, при чемъ жителямъ были сохранены всѣ права, привилегіи и обычаи, которыми они пользовались подъ шведскимъ владычествомъ (п. 9). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ п. 10-мъ было сказано, что „въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того, евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ, на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ свѣйскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема“[4]). И дѣйствительно, при необыкновенной вѣротерпимости русскаго народа и, въ частности, Петра Великаго[5]), протестантство въ Балтійскомъ краѣ никакого ущерба не потерпѣло. Болѣе того, при господствѣ шведскаго самодержавнаго режима и Kirchenordnung'a 1686 г., всецѣло построеннаго на основѣ территоріализма съ его тезисомъ: cujus regio, ejus religio[6]), Лифляндія и Эстляндія испытывали гораздо большій гнетъ. Теперь же, когда ихъ политическимъ правителемъ сдѣлался государь иной вѣры, въ своихъ церковныхъ дѣлахъ прибалтійскіе протестанты могли сдѣлаться болѣе свобод-

---

[1]) H. Dalton, SS. 116—119.—*Н. Д. Кузнецовъ*, стр 46—50.

[2]) H. Dalton, S. 119.

[3]) *Н. Д. Кузнецовъ*, 40—45.—H. Dalton, S. 133.—П. С. З. IV, 2277, 2278, 2279, 2286, 2287, 2297, 2298, 2301, 2302, 2495, 2501.

[4]) П. С. З. IV, 3819.—*Н. Д. Кузнецовъ*, 45—46.—H. Dalton, S. 134.

[5]) H. Dalton, S. 135—136. [6]) H. Dalton, S. 138.

ными и возстановить нѣкоторыя изъ своихъ мѣстныхъ церковныхъ учрежденій на прежнемъ основаніи[1]).

Во главѣ лифляндскаго церковнаго управленія по прежнему осталась Оберъ-консисторія. Однако, уже въ 1711 г. она обращена была изъ чисто духовнаго учрежденія снова въ смѣшанное, такъ что свѣтскій предсѣдатель и генералъ-суперинтендентъ стали избираться царемъ по представленію мѣстной государственной власти, а кандидатовъ на остальныя вакансіи двухъ свѣтскихъ и двухъ духовныхъ засѣдателей должна была представлять правительству на выборъ сама Оберъ-консисторія. Въ 1725 г. этотъ порядокъ былъ вновь утвержденъ Екатериной I. Оберъ-консисторія являлась высшей церковной инстанціей для Лифляндіи съ изъятіемъ г. Риги, у которой была своя самостоятельная консисторія[2]). Компетенція Оберъ-консисторіи была расширена и ей подчинялись консисторіи Дерпта и Пернова[3]).

Церковное устройство Эстляндіи было нѣсколько отличнымъ. Во главѣ лютеранской церкви здѣсь, подобно Швеціи, стоялъ епископъ, жившій въ Ревелѣ. Но его власть въ самомъ городѣ Ревелѣ простиралась только на каѳедральный соборъ, а за городомъ—на всѣ церкви. Подъ его управленіемъ находился каѳедральный капитулъ или Провинціальная консисторія. Русская власть, при переходѣ Эстляндіи въ подданство Россіи, хотѣла оставить епископа по прежнему. Однако это не нравилось мѣстному дворянству, которое добилось того, что рѣшеніемъ Сената отъ 11 іюля 1743 г., вопреки волѣ духовенства и консисторіи, должность епископа была отмѣнена, а предсѣдательство въ консисторіи перешло къ получившему юридическое образованіе ландрату. Кромѣ этой Провинціальной консисторіи сохранились городскія консисторіи въ Ревелѣ, Аренсбургѣ на островѣ Эзелѣ и въ Нарвѣ[4]).

Для всѣхъ этихъ церковныхъ и свѣтскихъ учрежденій остзейскихъ провинцій въ эпоху шведскаго владычества высшей апелляціонной инстанціей служила придворная королевская канцелярія. Въ такомъ же централизующемъ органѣ стало нуждаться и русское правительство. Впослѣдствіи съ 1734 г. въ роли такого органа выступаетъ Юстицъ-Коллегія Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ[5]), которая,—по словамъ Дальтона,—была задумана еще Петромъ Великимъ по совѣту балтійца Зигмунда Вольфа[6]). Однако, въ первые годы своего существованія такимъ централизующимъ органомъ для духовныхъ дѣлъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи послужила Духовная Коллегія[7]).

Изъ изложеннаго видно, что Петръ Великій не только близко зналъ основные черты устройства протестантской церкви и типичныхъ для нея коллегіальныхъ учрежденій—консисторій, но и самъ осуществлялъ надъ

---

1) H. Dalton, SS. 135—155.—*Н. Д. Кузнецовъ*, 46—47.

2) H. Dalton, SS. 142-144.

3) Ibidem, SS. 144—148.

4) H. Dalton, SS. 148—155.

5) *Н. Д. Кузнецовъ*, 76.—П. С. З. IX, 6548, 23 февраля 1734 г.

6) H. Dalton, SS. 158 ff.

7) *Н. Д. Кузнецовъ*, 55—76.

ними, на основаніи теоріи территоріализма и въ качествѣ Schutz-und Schirmherr der Kirche, власть протестантскаго Landesherr'a, что было очевидно и казалось нормальнымъ какъ ему самому, такъ и его современникамъ, въ томъ числѣ Ѳеофану Прокоповичу.

Русскія государственныя коллегіи. Послѣднимъ образцомъ постоянныхъ коллегій для Ѳеофана являются государственныя коллегіи, учрежденныя Петромъ Великимъ въ 1718 году, какъ разъ когда писался Духовный Регламентъ.

Петровскія коллегіи были устроены по шведскому образцу, но въ данномъ случаѣ онѣ интересны сами по себѣ. Каждая коллегія была учрежденіемъ постояннымъ съ опредѣленнымъ составомъ и компетенціей. По составу своему коллегіи дѣлились на „присутствіе" и „канцелярію". Первое состояло изъ президента, вице-президента, четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ[1], не находящихся въ родствѣ съ президентомъ[2]). Вступающіе въ коллегіи члены должны были приносить присягу на вѣрность службы[3]). Предметы вѣдомства коллегій были кратко опредѣлены указомъ 12 декабря 1718 г.[4]), а затѣмъ специальными регламентами составленными по шведскимъ образцамъ съ соотвѣтствующими отступленіями отъ нихъ въ тѣхъ пунктахъ, „которые въ шведскомъ регламентѣ не удобны, или съ ситуаціей сего Государства (т. е. Россіи) не сходны"[5]). Дѣлопроизводство коллегій опредѣленно было Генеральнымъ регламентомъ 28 февраля 1720 г.[6]), проникнутымъ частью бюрократическимъ, частью полицейскимъ характеромъ.

Выводы. Таковы образцы временныхъ и постоянныхъ коллегій, которые приводитъ Ѳеофанъ въ первой части Духовнаго Регламента. Изучая эти образцы, можно, кажется, съ достаточной вѣроятностью сказать какіе изъ нихъ онъ имѣлъ въ виду, когда проектировалъ свою Духовную Коллегію и къ какимъ она ближе по своему устройству и духу.

Съ поля сравненія необходимо прежде всего устранить Іерусалимскій Синедріонъ, Аѳинскій Ареопагъ и другія Аѳинскія правительственныя собранія, называемыя Дикастеріями, которые, какъ коллегіи древнихъ государствъ и какъ гражданскіе чрезвычайные розыски, трибуналы и совѣты приведены Ѳеофаномъ, очевидно, только какъ образцы совмѣстнаго участія многихъ лицъ въ рѣшеніи опредѣленнаго дѣла. Образцами въ собственномъ смыслѣ они для Ѳеофана не могли быть по слишкомъ большой отдаленности ихъ во времени и по существу отъ той ближайшей задачи, которая ему была поставлена Петромъ,—разработать вопросъ о Духовной Коллегіи.

Напротивъ сравненіе Духовной Коллегіи съ церковными соборами и отчасти съ положеніемъ патріарха[7]) обязательно, потому что въ литературѣ

---

[1]) П. С. З. V, 3129, 11 декабря 1717. [2]) ib. № 3128, 11 декабря 1717.
[3]) ib. № 3393, 19 іюня 1719. [4]) ib. № 3255 12 декабря 1718.
[5]) ib. № 3197, 28 апрѣля 1718. [6]) П. С. З. VI, 3534.
[7]) См. выше „Обзоръ литературы".

нерѣдко встрѣчаются мнѣнія о томъ, что Духовная Коллегія есть не что иное какъ соборъ[1]). Кромѣ того и самъ авторъ Духовнаго Регламента по-видимому не считаетъ Духовную Коллегію какою либо новостью. По крайней мѣрѣ въ письмѣ къ Марковичу отъ 10 мая 1720 г: Ѳеофанъ пишетъ: „Теперь я пишу трактатъ, въ которомъ изложу, что такое патріаршество и когда оно получило начало въ Церкви и какимъ образомъ, въ теченіе 400 лѣтъ, церкви управлялись безъ патріарховъ и доселѣ еще нѣкоторыя не подчинены патріархамъ. Этотъ трудъ я предпринялъ на себя для защиты учреждаемой Коллегіи, чтобы она не показалась чѣмъ нибудь новымъ и необычнымъ, какъ, конечно, будутъ утверждать люди невѣжественные и злонамѣренные[2]).

Кромѣ того существеннымъ для дѣла является сравненіе Духовной Коллегіи съ коллегіями иностранными и русскими и отдѣльно съ протестантскими консисторіями, въ виду нѣкоторыхъ ихъ особенностей.

Ниже приводится параллельная сравнительная таблица, изъ которой и вытекаетъ, что образцомъ Духовной Коллегіи для Ѳеофана послужили именно иностранныя и русскія коллегіи и *протестантскія консисторіи*. Ея различія съ церковными соборами столь значительны и кромѣ того самъ Ѳеофанъ въ Духовномъ Регламентѣ такъ явственно отличаетъ ее отъ церковныхъ соборовъ[3]), что признать ихъ прототипомъ Духовной Коллегіи никакъ нельзя. Кажущееся сходство ихъ между собою зависитъ отъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

1) при всемъ стремленіи подчинить Церковь и ея жизнь государству, проникнутому полицейскими началами, это достижимо далеко не вполнѣ, что показала исторія даже на примѣрѣ протестантскихъ странъ. Во всякомъ случаѣ не возможно духовное сдѣлать свѣтскимъ и наоборотъ. Слишкомъ различны онѣ по существу, по цѣлямъ и т. п. Поэтому Духовная Коллегія, вѣрнѣе Св. Синодъ, хотя былъ и остался государственнымъ учрежденіемъ, приблизительно приравненнымъ къ Сенату, однако въ жизни сталъ какъ-то особнякомъ.

2) Особенный (религіозный) характеръ предметовъ вѣдомства Духовной Коллегіи и принадлежность ея членовъ къ іерархіи священнодѣйствія

---

[1]) Своею распространенностью и видимой авторитетностью это мнѣніе несомнѣнно обязано Филарету М. М. и политической атмосферѣ царствованія И. Николая I. См. „Обзоръ“ § 10.

[2]) *И. А. Чистовичъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868, стр. 48.

[3]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Ѳеофанъ вообще высоко цѣнилъ значеніе соборовъ въ собственномъ смыслѣ. Такъ, напр., въ своихъ „Богословскихъ лекціяхъ“ изд. 1792 г. т. I, на стр. 267—269 §§ 285—286 Ѳеофанъ признаетъ за соборами большой авторитетъ противъ папистовъ: „Hoc pacto non errat in definiendis dogmatibus Concilium, et maximae auctoritatis est“ (p. 269). „Hic tantum statuendum est, quod ex dictis rationibus et testimoniis sequitur: nimirum, Conciliorum, praesertim generalium, sed legitimorum maximam auctoritatem esse, et illum, qui eorum definitionibus contradicere vellet, pro haeretico habendum (p. 267).—Ср. *П. Морозовъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 133.

(hierarchia ordinis), къ духовенству, въ глазахъ общества и самого русскаго правительства съ теченіемъ времени лишили ее нѣкоторыхъ специфическихъ чертъ Петровскихъ коллегій, въ частности въ 1726 г. устранены были званія президента, вицепрезидентовъ, совѣтниковъ, ассессоровъ и т. д. Составъ Св. Синода сдѣланъ былъ полу-постояннымъ (есть синодальные члены, а есть и присутствующіе только въ Синодѣ), при чемъ епархіальные архіереи стали вызываться къ присутствію въ Синодѣ подобно „очереднымъ" архіереямъ конца XVII в. За XVIII и XIX ст. были и другія перемѣны. Однако онѣ не настолько ощутительны, чтобы могли въ корнѣ измѣнить существо дѣла. Кромѣ того во всякомъ случаѣ, перемѣны эти произошли впослѣдствіи, а для той Духовной Коллегіи, которая очерчена въ Духовномъ Регламентѣ и открыта 14 февраля 1721 г. ни коимъ образомъ нельзя считать прототипомъ церковные соборы древніе и русскіе, каковы бы они ни были[1]).

Другое дѣло иностранныя и русскія коллегіи и *особенно протестантскія консисторіи.* Здѣсь сходство столь поразительно, что о значеніи ихъ въ качествѣ образцовъ Духовной Коллегіи и идейныхъ источниковъ Духовнаго Регламента трудно, кажется, имѣть два разныхъ мнѣнія.

Однако, для большей ясности, ниже дается опытъ параллельнаго сравненія характеристическихъ чертъ Духовной Коллегіи, православныхъ соборовъ, коллегій и протестантскихъ консисторій.

---

[1]) Въ подтвержденіе нашей мысли сошлемся на профессора *Т. В. Барсова* (Св. Синодъ въ его прошломъ, Спб. 1896, стр. 236—243). Полемизируя съ авторомъ статьи „О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи" (Русскій Вѣстникъ 1891, апрѣль), который высказывается въ томъ смыслѣ, что Духовный Коллегіумъ былъ организованъ на соборномъ началѣ и есть постоянный соборъ, проф. Т. В. Барсовъ прежде всего ссылается на различныя наименованія Духовной Коллегіи въ Духовномъ Регламентѣ, въ манифестѣ 25 января 1721 г. и памятникахъ 1721—1725 гг. и дѣлаетъ выводъ: „Кажется ясно, что признакъ соборности приписывался сему учрежденію только по формѣ, въ виду собирательнаго состава его членовъ, въ противоположность единоличному правленію, а не по существу и характеру началъ, положенныхъ въ основу сего учрежденія". Выясняя далѣе „отличительныя черты совокупнаго, совѣщательнаго, словомъ соборнаго веденія дѣлъ церковныхъ", авторъ останавливается на анализѣ 34 и 37 пр. Св. Апостолъ, 20 пр. Ант. соб. и, ссылаясь на параллельныя имъ I Всел. пр. 5; IV Всел. пр. 19; VI Всел. пр. 8; VII Всел. пр. 6 и Карѳ. 27, выводитъ слѣдующіе признаки: „1) повременность этихъ собраній; 2) наличность предмета подлежащаго обсужденію; 3) участіе всѣхъ епископовъ области или мѣстной Церкви, одушевляемыхъ стремленіемъ къ единодушію и единомыслію; 4) присутствіе старѣйшаго между ними въ качествѣ предсѣдателя и руководителя соборными разсужденіями; 5) непринужденность совѣщаній, разрѣшающихся выясненіемъ искомой истины и правды; 6) отсутствіемъ внѣшняго вмѣшательства и 7) самодовлѣемость соборныхъ постановленій, принимаемыхъ къ обязательному исполненію и непререкаемому руководству, въ силу ихъ внутренняго авторитета". Сравнивая съ соборами по этимъ признакамъ Духовную Коллегію, Т. В. Барсовъ отмѣчаетъ составъ, образъ дѣйствій и взаимныя отношенія членовъ Духовной Коллегіи по Духовному Регламенту и находитъ, что „если въ организованномъ такимъ образомъ учрежденіи станемъ отыскивать и находить идею соборности и начала соборнаго церковнаго управленія, то должны напередъ отказаться отъ мысли и права называть вещи ихъ собственными именами" (стр. 240).

1. *Духовная Коллегія* носитъ названіе, свойственное всѣмъ вообще центральнымъ правительственнымъ учрежденіямъ (кромѣ Сената), образованнымъ въ Россіи Петромъ Великимъ въ 1718—1725 гг. Другія наименованія ея въ Духовномъ Регламентѣ, какъ-то „Синодъ“, „Синедріонъ“, „Соборное Правительство“ имѣютъ лишь пояснительное значеніе. Манифестъ 25 января 1721 г. говоритъ о ней такъ же: „уставляемъ Духовную Коллегію, *т. е.* Духовное Соборное Правительство“. Титулъ „Святѣйшій Правительствующій Синодъ“ былъ присвоенъ Духовной Коллегіи лишь полѣ ея учрежденія, резолюціей Петра Великаго на пункты, предложенные ему 14 февраля 1721 г. въ день публичнаго открытія ея занятій[1]), когда взгляды на существо и характеръ Духовной Коллегіи стали измѣняться въ сторону ея „оцерковленія“. Между тѣмъ самъ авторъ Духовнаго Регламента Ѳеофанъ Прокоповичъ въ частномъ письмѣ своемъ къ Маркевичу отъ 10 мая 1720 г., когда взгляды на Духовную Коллегію, очевидно, оставались еще прежними, писалъ: „наконецъ, я написалъ для главной Церковной Коллегіи или *Консисторіи* постановленіе или Регламентъ“[2]).

Церковные соборы никогда, конечно, не назывались „коллегіями“, „консисторіями“ и т. под. наименованіями государственныхъ учрежденій.

Центральныя учрежденія государственнаго управленія въ Западной Европѣ въ XVII—XVIII вв. назывались *„коллегіями“* или другими терминами, оттѣняющими *коллегіальное* начало, на которомъ онѣ были организованы.

Органы центральнаго государственнаго управленія религіозными дѣлами, главнымъ образомъ, въ германскихъ странахъ, принявшихъ реформацію дѣйствительно получили названіе *„консисторій“*[3]).

---

1) П. С. З. VI, 3734—П. С. П. I, 3.

2) *Чистовичъ*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 46—47. „Absolvi denique pro Collegio seu Consistorio Ecclesiactico generali, constitutiones, vulgo Regulamentum“. Ср. выше гл. V, стр. 161. Что терминъ „консисторія“, его значеніе, а также сущность того учрежденія, которое называлось консисторіей на Западѣ, особенно въ протестантскихъ странахъ, далеко не были чужды Ѳеофану, доказывается учрежденіемъ уже 28 марта 1722 г. „Московской Консисторіи“, (П. С. П. II, 508). 9 іюля 1744 г. всѣмъ состоящимъ при архіереяхъ правительственнымъ учрежденіямъ, велѣно было называться „Консисторіями“ (П. С. З. XII, 8988—П. С. П. II т., 1744—1745 гг. № 685). Ср. *П. И. Исполатовъ*, статья „Консисторія“ въ Прав. Бог. энциклопедіи т. XII, стлб. 834—843.— *П. Пароменскій*, Духовная Консисторія и ея секретарь (историко-канонич. очеркъ). Странникъ 1913, мартъ 329—356 (этой статьей слѣдуетъ пользоваться съ большой осторожностью. См., напр., его толкованіе резолюціи Петра В. на докладъ Стефана Яворскаго 20 ноября 1718 г. (П. С. З. V, 3239) на стр. 336—337.

3) Объ организаціи, составѣ, предметахъ вѣдомства и пр. протестантскихъ консисторій въ XVI в. см., между прочимъ, въ изданіи Richter'a Die evangelichen Kirchenordnungen des XVI Jahrh. Weimar 1846, 2 Bde, т. II, стр. 58, 119, 163—167, 216—217, 218—222, 238—239, 276—277, 285, 324—326, 327—333, 338, 358—386, 395—398, 401—451, особ. 418 и 422—425, 471 и др.

II. *Духовная Коллегія* „подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ Монарха уставленно“[1]. „Соборное сіе Правительство монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ уставлено есть“[2]. Поэтому она есть, собственно, *государственное* учрежденіе и все дѣлопроизводство ея велось и ведется „по указу Его Императорскаго Величества“[3], а со времени учрежденія должности Оберъ-Прокурора 11 мая—13 іюня 1722 г.[4]—не иначе, какъ подъ его контролемъ[5].

Церковные соборы созывались и созываются патріархами, митрополитами, епископами, а иногда и свѣтской властью (Византійскими императорами). Однако, полномочія свои производятъ не отъ этой послѣдней, а свыше, на основаніи идеи преемства апостольской власти, что свидѣтельствуетъ излюбленная стереотипная фраза соборныхъ опредѣленій, ведущая свое начало еще со временъ Апостольскаго собора: „изволися Духу Святому и намъ“[6]. Соборы суть чисто церковныя установленія. Власть патріарховъ, по утвержденію самого Св. Синода, была также „аки бы собственная“, т. е. самобытная, самостоятельная[7].

Коллегіи учреждаемы были всегда верховной свѣтской властью и отъ нея получали всѣ свои полномочія.

Консисторіи учреждались ландесгеррами и также исключительно отъ него получали свои полномочія[8].

III. *Духовная Коллегія* есть центральное правительственное учрежденіе. Всякій епископъ, архіепископъ и митрополитъ подчиненъ ей „яко верховной власти, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его довольствоватися долженъ“[9]. Власть Духовной Коллегіи названа даже „верховной“, однако, не въ смыслѣ, конечно, суверенной (ср. Д. Р. ч. I, п. 7 „на Самодержца своего, яко на Верховнаго пастыря“), а въ смыслѣ высшей центральной начальственной власти надъ епархіальными епископами[10].

Соборы обладаютъ дѣйствительно высшей властью сравнительно съ епархіальными епископами, митрополитами и патріархами. Однако, въ силу своего непостоянства не являются обыкновенной центральной инстанціей.

Коллегіи являются центральными правительственными учрежденіями съ начальственною властью.

Консисторіи въ своей сферѣ—тоже.

IV. „Сила“ *Духовной Коллегіи*, т. е. ея положеніе въ системѣ русскихъ государственныхъ учрежденій была опредѣлена манифестомъ 25 ян-

---

[1]) См. Дух. Р. ч. I, п. 3. Черн. рук. л. 3 об.

[2]) См. Дух. Р. ч. I, п. 7. Черн. рук. л. 5.

[3]) П. С. П. I, № 112. [4]) П. С. П. II, 609, 680. [5]) Ср. ниже гл. X.

[6]) Hefele, Histoire des conciles, t. I, p. 2—4.—*А. И. Покровскій,* Соборы древней Церкви эпохи первыхъ трехъ вѣковъ. Серг. посадъ, 1914, стр. 15, 84, 87, 454, 530, 688.

[7]) П. С. П. I, 112.

[8]) Ср., между прочимъ, исторію организаціи управленія протестантской церкви въ Швеціи.

[9]) Черн. рук. л. 17. [10]) Тамъ же и Манифестъ, л. 30 об.

варя 1721 г. Ея указовъ велѣно было слушать „во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ *противъ прочихъ Коллегій*". Однако, уже въ 1721 г. по настояніямъ іерархіи было разъяснено, что Духовная Коллегія (или Св. Синодъ) по своему рангу и власти выше свѣтскихъ коллегій и „равна" Сенату.

Такъ какъ *соборы* никогда не были государственными учрежденіями, то никогда не могло возникнуть и вопроса о ихъ рангѣ, чести и власти сравнительно съ центральными государственными учрежденіями. Соборы, какъ и патріархъ были внѣ іерархіи государственныхъ учрежденій и органовъ, производя свою власть отъ Бога и апостоловъ („Изволися Духу Святому и намъ", „Божіею милостію"...).

Свѣтскія *Коллегіи* были центральными учрежденіями, между собою равными, но подчиненными Сенату въ Россіи, Государственному Совѣту въ Пруссіи и т. под.

Консисторіи также подчинялись высшимъ инстанціямъ и верховной власти.

V. *Духовная Коллегія* есть учрежденіе въ духѣ полицейскаго государства. О ней сказано, что она „не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на *добро общее*, повелѣніемъ самодержца, и егожъ съ прочіими разсмотреніемъ собранныя лица"[1]). Сообразно съ этимъ она имѣетъ своею цѣлью съ одной стороны „яко вину конечную, славу Божію и спасеніе душъ человѣческихъ, и всей Церкви созиданіе"[2]), съ другой же — „споспѣшествовать все, что къ Его Царскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ во всякихъ случаяхъ касатися можетъ"[3]), при этомъ члены „должни учинить присягу, что вѣренъ есть и будетъ Царскому Величеству"[4]). Въ зависимости отъ этого и предметы вѣдомства Духовной Коллегіи опредѣлены двойственно. Съ одной стороны она „имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять"[5]) и „прилѣжно и непрестанно наблюдать, еже на пользу Церкве"[6]). Съ другой стороны она должна наблюдать матеріальные интересы государства[7]). Ясное сознаніе этого долга сказалось уже на первомъ засѣданіи Духовной Коллегіи 14 февраля 1721 г., когда она въ своихъ пунктахъ спросила Государя: „Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, сборами и правленіемъ которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ Приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли, того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а *Духовная Коллегія присягою обязалася, какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше*, а въ Регламентѣ Духовномъ положено (см. выше), что такое правленіе надлежитъ быть до Духовной Коллегіи?" Государь положилъ резолюцію: „быть по сему"[8]).

---

[1]) Д. Р. ч. I, п. 3. Черн. рук. л. 3 об. [2]) См. Присягу.
[3]) См. Присягу далѣе. [4]) Черн. рук. л. 39. [5]) См. Манифестъ.
[6]) Д. Р. ч. I. Черн. рук. л. 2 об. [7]) Д. Р. ч. III, п. 9. Черн. рук. л. 36.
[8]) П. С. П. I, 3.

Соборы и патріархи дѣйствуютъ исключительно во благо вѣры и Церкви. Идеи полицейскаго государства древнимъ соборамъ и соборному устройству вообще—чужды. Основнымъ руководящимъ положеніемъ служатъ слова Спасителя: „воздадите убо Кесарево Кесарю, а Божіе Богу" (Мѳ. XXII, 21). Въ силу превосходства души надъ тѣломъ скорѣе государство призывается служить Церкви, чѣмъ Церковь и ея вѣра—государству.

Коллегіи, какъ государственныя учрежденія, имѣютъ цѣлью общее благо, какъ его въ данное время понимаютъ. Въ XVII—XVIII вв., когда господствовали идеи полицейскаго государства, и государственныя коллегіи были опекунами подданныхъ[1]).

Консисторіи суть органы власти ландесгерра въ дѣлахъ религіозныхъ. Поэтому онѣ дѣйствуютъ въ томъ направленіи, которое имъ указываетъ ландесгерръ, какъ custos utriusque tabulae и praecipuum membrum ecclesiae[2]).

VI. Какъ учрежденіе государственное, предназначенное для управленія религіозными дѣлами страны на общее благо, *Духовная Коллегія* завѣдывала не только дѣлами и лицами (духовенствомъ и мірянами) православнаго исповѣданія, но дѣлами и лицами инославныхъ и даже иновѣрныхъ, нехристіанскихъ исповѣданій[3]).

Соборы и патріархи вѣдали исключительно дѣла своего вѣроисповѣданія.

Коллегіи вѣдали всѣми подданными безъ различія ихъ вѣроисповѣданія.

Протестантскія *консисторіи* до развитія началъ вѣротерпимости послѣ Вестфальскаго мира 1648 г. вѣдали также дѣла всѣхъ вѣроисповѣданій территоріи даннаго княжества, какъ протестантскихъ, такъ католическаго и даже іудейскаго (см. выше стр. 254 и примѣч. 5 и 6).

VII. *Духовная Коллегія* была учрежденіемъ постояннымъ. Петръ Великій „благоволилъ уставити и Духовное Коллегіумъ, которое бы прилѣжно и непрестанно наблюдало, еже на пользу Церкве"[4]). Ср. Генеральный Регламентъ, данный Духовной Коллегіи въ руководство[5]), особенно гл. III „О назначенныхъ къ сидѣнію дняхъ и часахъ", а также гл. IX и XII.

---

[1]) Ср. слова Баденскаго княжескаго указа 1766 г.: „Unser fürstliche Hofkammer ist die natürliche Vormünderin Unserer Unterthanen. Ihr liegt ob, dieselbigen von Irrthümern ab und auf die rechte Bahn zu führen, sofort auch gegen ihren Willen sie zu belehren, wie sie ihre eigne Haushaltung einrichten, ihrem Feldbau vorstehen und durch mehr wirthschaftlich treibende Haushaltung zu Ertragung der schuldigen Landesabgaben die Mittel sich erleichtern möchten". (K. Biedermann, Deutschland im XVIII Jahrhundert, 2 Aufl. Bd. I, S. 99).

[2]) Ср. Kirchenordnungen по изданіямъ Richter'a, Sehling'a и Friedberg'a.

[3]) См. П. С. П. I, № 247; ср. также П. С. П. I, 107, 149, 167, 204, 277; II, 346, 492, 514, 532, 571, 572, 580, 722, 740, 767, 848, 922; III, 980, 988, 1001, 1060, 1078, 1148, 976, 1023, 1106, 1142; IV, 1184, 1207, 1221, 1226, 1291, 1302, 1320, 1330, 1360, 1396 и др.

[4]) Д. Р. ч. I, п. 3. Черн. рук. л. 2 об.

[5]) См. въ печатныхъ изданіяхъ Духовнаго Регламента добавленіе „о дѣйствахъ" Духовной Коллегіи. Въ изданіи 1897 г. стр. 90.

Церковные соборы не постоянны, а собираются либо періодически одинъ или два раза въ годъ (епархіальные, митрополичьи, патріаршіе соборы), либо по мѣрѣ надобности (вселенскіе, національные, общіе), либо случайно, въ зависимости отъ присутствія въ столицѣ епископовъ (σύνοδοι ἐνδημοῦσαι, Московскіе соборы изъ „прилучившихся“ епископовъ и даже изъ „очередныхъ“ или т. наз. „освященный соборъ“).

Коллегіи были, разумѣется, постоянными учрежденіями.

Консисторіи—тоже.

VIII. Въ силу того, что *Духовная Коллегія* есть государственное учрежденіе, члены ея обязаны были при вступленіи въ должность принести присягу на вѣрность службы монарху и его преемникамъ[1]) по формулѣ почти тождественной съ тою, которая требовалась отъ членовъ другихъ свѣтскихъ петровскихъ коллегій[2]). Въ эту формулу были намѣренно вставлены слова, выражающія юридическое подчиненіе Духовной Коллегіи свѣтской власти[3]).

Члены *церковныхъ соборовъ* никогда и никакой присяги на вѣрность службы свѣтской власти не приносили и приносить не могутъ.

Члены *коллегій* приносили присягу по формѣ Генеральнаго Регламента, гл. I[4]).

Члены *консисторій* приносили присягу, формулы которой устанавливались въ Kirchenordnung'ахъ[5]).

IX. *Духовная Коллегія* состоитъ изъ постоянныхъ членовъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью: „дѣла... многимъ къ тому угоднымъ (лицамъ), и отъ высочайшей власти учрежденнымъ подлежатъ ко управленію[6]).

Члены *церковныхъ соборовъ* никѣмъ не назначаются спеціально, какъ бы для несенія служебнаго долга до тѣхъ поръ, пока не будутъ смѣщены. Епископы, духовенство и міряне являются на соборы ipso iure, свободно. Даже „очередные“ епископы Руси XVII в., хотя и являлись на соборы къ патріарху лишь по вызову, однако, становились его членами по собственному праву, какъ лица епископскаго сана.

Коллегіи состоятъ изъ постоянныхъ членовъ, назначаемыхъ Высочайшей Властью.

Консисторіи—тоже.

X. Число членовъ *Духовной Коллегіи* строго опредѣленное, а именно 12[7]). Въ силу этого у нея есть опредѣленный кворумъ[8]).

---

1) См. текстъ Присяги.

2) См. Генеральный Регламентъ гл. I (П. С. З. VI, № 3534).

3) См. т. II, Присяга, примѣч. 23: „Исповѣдую же съ клятвою, Крайняго Судію Духовной сей Коллегіи быти самаго всероссійскаго Монарха, Государя нашего всемилостивѣйшаго“. Объ отмѣнѣ этой присяги см. выше гл. V, стр. 189 и т. II, прилож. № 5.

4) П. С. З. VI, № 3534.—Ср. указъ 19 іюня 1719 г.—П. С. З. V, 3393.

5) См. изданія Richter, Sehling и Friedberg.

6) Д. Р. ч. I, Черн. рук. л. 2.

7) Д. Р. ч. III, п. 1. Черн. рук. л. 34 об. въ концѣ. Въ черновой рукописи цифра 12 передѣлана на 11.

8) См. Генеральный Регламентъ гл. VII.—*С. Г. Рункевичъ*, стр. 336.

Число членовъ *собора* никогда не бываетъ опредѣлено заранѣе и кворума его въ собственномъ смыслѣ нѣтъ. Это слѣдуетъ сказать особенно про *православные* соборы.

Число членовъ *коллегій* опредѣленное. Для петровскихъ коллегій штаты были установлены указомъ 11 декабря 1717 г.[1]), который почти вполнѣ точно примѣненъ былъ и къ Духовной Коллегіи. Кворумъ коллегій былъ опредѣленъ гл. VII Генеральнаго Регламента.

Число членовъ *консисторій* тоже опредѣленное. См. отдѣльные Kirchenordnungen.

XI. Члены *Духовной Коллегіи* занимаютъ должности, дающія имъ, такія же, какъ въ Табели о рангахъ[2]), бюрократическіе чины и званія по образцу свѣтскихъ коллегій: президента (1), вице-президентовъ (2), совѣтниковъ (4) и ассессоровъ (4). Эти званія и чины были отмѣнены лишь реформой Св. Синода 1726 г.[3]).

Члены *церковныхъ соборовъ*, какъ таковые, не занимаютъ никакихъ должностей, не носятъ никакихъ бюрократическихъ чиновъ и званій и вообще не раздѣляются между собою на президентовъ, вице-президентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ.

Въ петровскихъ *коллегіяхъ*, по указанному штату, полагалось быть одному президенту, одному (а не двумъ) вице-президенту, четыремъ совѣтникамъ и четыремъ ассессорамъ.

Члены протестантскихъ *консисторій* носятъ званія президента, вице-президента, совѣтниковъ и ассессоровъ (Consistorial-Rath, Kirchenrath, иногда просто Rath). Число совѣтниковъ не одинаковое и бываетъ 6—8[4]).

XII. Члены *Духовной Коллегіи*, какъ бюрократическаго государственнаго учрежденія, согласно главамъ VIII, X, XXIV, XXVI-й и др. Генеральнаго Регламента, должны были распредѣлить между собою ея дѣла для постояннаго завѣдыванія ими и подчиняться надзору, руководству и дисциплинарной власти президента[5]).

Соборы засѣдаютъ in corpore, члены ихъ занимаются дѣлами совмѣстно, а предсѣдатели, нося только почетное званіе, никакой дисциплинарной власти надъ ними не имѣютъ.

Коллегіи свѣтскія дѣйствуютъ согласно тому же Генеральному Регламенту такъ же, какъ и Духовная Коллегія.

Консисторіи суть бюрократическія учрежденія коллегіальнаго типа, слѣдовательно и по дѣлопроизводству подобны имъ.

XIII. *Духовная Коллегія* есть учрежденіе, обязанное обсуждать и рѣшать порученную ей отрасль государственныхъ дѣлъ. Рѣшенія ея постановляются по большинству голосовъ, начиная съ младшаго члена[6]).

---

[1]) П. С. З. V, 3129. [2]) П. С. З. VI, 3890, 24 января 1722 г.

[3]) См. конецъ Манифеста и ниже гл. VIII.

[4]) Pariset, L'État et les Églises en Prusse sous Fréderic-Guillaume Ier, Paris, 1897, p. 136.—См. также Kirchenordnungen.

[5]) См. *С. Г. Рункевича*, стр. 334, 355 и сл. [6]) Генеральный Регламентъ гл. VI.

Формально-юридическаго принципа рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ, по крайней мѣрѣ, православные *соборы* не знаютъ, какъ, равнымъ образомъ, и дѣленія голосовъ на рѣшающіе и совѣщательные[1]).

Коллегіи и *консисторіи* въ этомъ отношеніи тождественны съ Духовной Коллегіей.

XIV. Меньшинство *Духовной Коллегіи* обязано подчиниться большинству, подписать протоколъ и приводить его въ исполненіе наравнѣ съ прочими. Несогласный членъ можетъ подать особое мнѣніе. За свои мнѣнія и рѣшенія члены Духовной Коллегіи подлежатъ гражданской и уголовной отвѣтственности[2]).

Соборные акты подписываются только тѣми, кто съ ними согласенъ и самая подпись соборнаго члена есть признакъ его солидарности и моральнаго подчиненія собору. Меньшинство, особенно въ вопросахъ вѣры, составляло активную оппозицію, расколы и даже еретическія общества. Никакой отвѣтственности гражданской или уголовной соборные члены не несутъ.

Коллегіи и *консисторіи* согласны съ Духовной Коллегіей[3]).

XV. Президентъ *Духовной Коллегіи* не есть начальникъ надъ нею и имѣетъ съ прочими членами равный голосъ и подлежитъ ихъ суду[4]).

Предсѣдатель *собора* лишь руководитъ его занятіями. Въ виду отсутствія понятія о рѣшающихъ и совѣщательныхъ голосахъ, не можетъ быть и рѣчи о силѣ голоса предсѣдателя православнаго собора.

Президентъ *коллегіи* имѣетъ одинаковый голосъ, но въ случаѣ разногласія между членами, его голосъ даетъ перевѣсъ[5]).

Въ *консисторіи*—тоже[6]).

XVI. Членами *Духовной Коллегіи*, согласно черновому и обоимъ бѣловымъ, подписаннымъ Петромъ, Сенатомъ и іерархіей текстамъ Духовнаго Регламента[7]), должны были быть „епископи, архимандрити, игумени и отъ властей бѣлаго священства: и что еще къ тому опасенію угоднѣйше, аще и отъ мирскаго чина присовокупленны будутъ къ духовнымъ честные и благоразумные особы“. Изъ духовныхъ же только трое епископовъ[8]).

Нормальными членами *церковныхъ соборовъ* являются, главнымъ образомъ, епископы, какъ естественные представители своихъ церквей. Участіе рядомъ съ ними нисшаго духовенства и мірянъ не необходимо и несущественно для соборовъ, а католичество допускаетъ это участіе лишь въ формѣ присутствія или ученой консультаціи въ комиссіяхъ[9]).

---

1) См выше, стр. 228—230. 2) Генеральный Регламентъ гл. VI.

3) Ср. Pariset, p. 84.

4) См. конецъ Манифеста и Д. Р. ч. I, п. 7, 8; Черн. рук. л. 5.

5) Генеральный Регламентъ гл. VI. 6) Pariset, 145.

7) Д. Р. ч. I, п. 5. Черн. рук. л. 4. 8) Д. Р. ч. III, п. 1. Черн. рук. л. 35.

9) Духовенство и мірянъ, присутствовавшихъ на русскихъ соборахъ проф. Н. Θ. Каптеревъ называетъ „соборными молчальниками“. См. Богосл. Вѣстникъ, 1906 г. стр. 477 и 484.—*П. Лапинъ*, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти, Казань 1909, стр. 316.

По существу своей должности члены свѣтскихъ *коллегій* равны между собою, хотя и различаются по чинамъ и присвоеннымъ имъ окладамъ.

Протестантскія *консисторіи* именно и характеризуются равнымъ участіемъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ. Въ этомъ отношеніи особенно близкимъ къ Духовной Коллегіи надо признать проектъ шведской Оберъ-Директоріи или Consistorium generale 1623 г., которая должна была состоять изъ высшихъ и низшихъ клириковъ и мірянъ[1]).

XVII. Во избѣжаніе пристрастія и ради свободы голосованія членами *Духовной Коллегіи* должны были быть лица разнаго чина и званія и, кромѣ того, взаимно другъ другу неподчиненные: епископы, архимандриты, игумены и отъ властей бѣлаго священства, какъ предполагалось—даже міряне[2]).

На православныхъ *соборахъ* объ этомъ не было и не могло быть рѣчи.

При назначеніи членовъ петровскихъ *коллегій*, указомъ 11 декабря 1717 г.[3]), велѣно было наблюдать аналогичное правило, чтобы члены коллегіи не были въ родствѣ между собою.

Въ *консисторіяхъ* именно съ цѣлію большей объективности въ рѣшеніи дѣлъ наблюдается смѣшанный составъ членовъ.

XIII. Дѣлопроизводство *Духовной Коллегіи* должно было происходить по Генеральному Регламенту 28 февраля 1720 г.[4]), о чемъ опредѣленно было сказано въ первомъ изданіи Духовнаго Регламента 1721 г.: „О дѣйствахъ Духовныя Коллегіи собственно здѣ не написано, понеже Царское Величество приказалъ дѣйствовать по Генеральному Регламенту"[5]), который, въ свою очередь, былъ составленъ на основаніи *шведскаго* устава, согласно указу 28 апрѣля 1718 г.[6]).

Для *соборнаго* дѣлопроизводства никакихъ регламентовъ выработано не было[7]).

Для дѣлопроизводства *коллегій* именно и былъ составленъ Генеральный Регламентъ, а дѣлопроизводство *консисторій* велось приблизительно по тѣмъ же правиламъ, какія были приняты и въ коллегіяхъ[8]).

---

1) См. выше стр. 260—262, а также Kirchenordnungen.—Ср., напр., организацію трехъ консисторій по Wittenberger Consistorialordnung 1542: Der Stuel zu Wittenberg. Soll haben vier Commissarien, darunter zween Theologi vnnd zween Doctores der Rechten, einen Fiscal, einen Notarium, vnd einen Substitut derselben, zweene geschworne Bothen oder Cursores. Stuel zu Leitz. Soll neben dem Bischoff haben einen Doctorem der Recht, vnd zweene andere die in der heiligen Schrift vnd Rechten vnterricht, zugleich zweene Notarien, vnd zweene Cursores, einen Fiscal. Stuel zu Zwickaw. Einen Doctorem der Rechte vnd der heiligen Schrift, zweene Legal Notarien, der geschickligkeit, das sie beide oder je einer zu zeiten, die sachen an stadt des Commissarien, verhören vnd erwegen könnten. Richter, I, 368.

2) Д. Р. ч. I, п. 5 и ч. III, п. 1. Черн. рук. л. 4, 35.

3) П. С. З. V, 3128. 4) П. С. З. VI, 3534.

5) Въ изданіи 1897 г. см. стр. 90. 6) П. С. З. V, 3196.

7) *А. П. Лебедевъ*, О происхожденіи актовъ вселенскихъ соборовъ. Москва 1904 г. (изъ Богословскаго Вѣстника).

8) Pariset, p. 144—147.

§ 2. Обоснованіе правъ Русскаго Государя на производство реформы церковнаго строя.

Анализъ словъ Д. Регламента. Установивъ теоретическое понятіе коллегіи вообще и пояснивъ его примѣрами временныхъ и постоянныхъ коллегій, взятыхъ изъ исторіи и современной ему эпохи, Ѳеофанъ переходитъ къ тому, что Государь „благоволилъ уставити *и* Духовное Коллегіумъ". Эти слова такимъ образомъ удостовѣряютъ фактъ учрежденія Духовной Коллегіи, а по связи рѣчи съ предыдущими словами указываютъ еще на то, что Духовная Коллегія учреждена по вышеприведеннымъ образцамъ.

Однако, что „Петръ Первый премудрѣ на ползу отечества державы своей уставилъ въ лѣто сіе[1]) 1718" различныя *свѣтскія* коллегіи, нѣтъ ничего удивительнаго и неправомѣрнаго. Какъ свѣтскій монархъ онъ въ правѣ производить въ своемъ государствѣ какія ему угодно и какія по его мнѣнію необходимы реформы—упразднять учрежденія старыя, созидать новыя и т. д. По отношенію же къ установившемуся вѣками *церковному* строю всякія перемѣны должны быть обоснованы особо, какъ по вопросу о *правѣ* произвести такія перемѣны, такъ и по вопросу о *цѣлесообразности* ихъ.

По этимъ двумъ вопросамъ и даетъ Ѳеофанъ, хотя и очень кратко, необходимое обоснованіе, а именно Петръ „благоволилъ уставити и Духовное Коллегіумъ" и, значитъ, въ правѣ былъ это сдѣлать, „яко *Христіанскій* Государь, правовѣрія же и всякаго въ Церкви святой благочинія *блюститель*". Итакъ, русскій монархъ есть *христіанскій* государь и *блюститель* Церкви, поэтому то онъ и управомоченъ, если хочетъ, производить любыя перемѣны въ церковномъ строѣ, даже такія коренныя, какъ отмѣна патріаршества съ его „аки бы собственною властью", и созданіе вмѣсто него подъ своею державною властью Духовной Коллегіи въ качествѣ одного изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій съ ограниченной компетенціей, по своему составу и устройству всецѣло совпадающаго съ другими свѣтскими коллегіями 1718—1720 гг.

По вопросу о цѣлесообразности Ѳеофанъ даетъ такое обоснованіе. На лицо имѣются „духовныя нужды", или, какъ говоритъ манифестъ, „великая скудость". Очевидно, что можно и слѣдуетъ желать для Церкви „лучшаго управленія", чѣмъ то, которое было до сихъ поръ при патріархахъ и вообще при старомъ церковномъ строѣ въ Россіи. Поэтому то государь и „благоволилъ уставити Духовное *Коллегіумъ*, которое бы прилѣжно и непрестанно наблюдало, еже на ползу Церкве, да вся по чину бываютъ, и да не будутъ нестроенія, еже есть желаніе Апостола, или паче самаго Бога благоволеніе". Иными словами имѣются на лицо духовныя нужды и нестроенія. Патріархи и вся прежняя организація Русской Церкви не могли или не хотѣли съ ними справиться. Поэтому теперь учреждается Духовная Коллегія въ надеждѣ на то, что она лучше справится съ задачей церковнаго управленія.

---

[1]) Такъ въ Черновой рукописи, см. л. 2 об.

Наличность нуждъ и нестроеній въ Русской Церкви отрицать дѣйствительно нельзя и о нихъ было сказано особо въ ряду причинъ, вызвавшихъ петровскія церковныя реформы (см. выше гл. III). Самъ Ѳеофанъ не развиваетъ здѣсь своей о нихъ мысли. Это развитіе содержится у него во II и отчасти въ III части Духовнаго Регламента. За то онъ какъ бы ставитъ самъ себѣ другой вопросъ. Положимъ патріаршее управленіе оказалось несостоятельнымъ и его слѣдуетъ какъ то преобразовать. Но почему его слѣдуетъ замѣнить именно Духовной *Коллегіей,* лишенной всякой самостоятельности и поставленной „*подъ* державнымъ монархомъ"? Чтобы объяснить это, Ѳеофанъ берется за доказательство преимуществъ коллегіальной системы предъ единоличной вообще и, въ частности, примѣнительно къ историческому прошлому русскаго патріаршества и современнымъ государственнымъ и церковно-бытовымъ условіямъ Россіи.

Таковъ ходъ мыслей Ѳеофана. Чтобы отнестись къ нимъ критически, необходимо остановить свое вниманіе прежде всего на *обоснованіи имъ правъ верховной свѣтской власти производить коренныя перемѣны въ устройствѣ Церкви.* Ѳеофанъ говоритъ, что русскій монархъ въ правѣ на это потому, что онъ есть *Христіанскій* государь и *блюститель* Церкви. Откуда у него такая мысль?

Ѳеофанъ глубокій знатокъ исторіи и права. Въ его библіотекѣ до сихъ поръ хранится богатый запасъ книгъ этого содержанія и всюду, гдѣ возможно онъ обосновываетъ свои мысли на историческихъ примѣрахъ[1]). Однако, здѣсь онъ выражается чисто догматически. Извѣстное положеніе онъ беретъ въ основаніе другой мысли, но это самое положеніе онъ не раскрываетъ подробно и не доказываетъ его правильности. Ясно, что Ѳеофану невозможно сослаться на исторію, невозможно и теоретически развить свою мысль безъ боязни скомпрометировать то положеніе, на которомъ у него зиждется все оправданіе небывалаго новшества.

Параллелью къ разсматриваемому мѣсту Духовнаго Регламента является Манифестъ 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи. Объясняя здѣсь, почему Петръ учредилъ Духовную Коллегію, Ѳеофанъ также ссылается на наличность обязанности монарха имѣть попеченіе о исправленіи своего народа, въ томъ числѣ и чина духовнаго. „Того ради,—пишетъ онъ,—образомъ *прежнихъ,* какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, благочестивыхъ царей" Петръ и поступилъ въ данномъ случаѣ. Иными словами здѣсь, кромѣ теоретическаго, дается и историческое обоснованіе. Но какъ послѣднее блѣдно и безсодержательно! Ссылка Манифеста на благочестивыхъ царей Ветхаго и Новаго Завѣта до такой степени обща и неопредѣленна, что никакъ нельзя дать себѣ отчета въ томъ, кого разумѣлъ Ѳеофанъ въ данномъ случаѣ. Чтобы выяснить это, попробуемъ разобрать, *кого вообще могъ разумѣть Ѳеофанъ въ качествѣ образца при обоснованіи правъ свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ?*

---

[1]) См. выше, гл. IV.

Права Византійскихъ императоровъ. Прежде всего Ѳеофанъ не могъ разумѣть Византійскихъ императоровъ и монарховъ древней Руси по слѣдующимъ соображеніямъ[1]). До Миланскаго эдикта 313 г. Церковь христіанская была гонима и, слѣдовательно, римскіе императоры не могли имѣть въ ея дѣлахъ никакой власти. Со времени этого эдикта христіанство становится сначала равноправнымъ съ язычествомъ исповѣданіемъ, затѣмъ, въ связи съ переходомъ власти на сторону христіанства и принятіемъ лично императорами новой вѣры, становится исповѣданіемъ господствующимъ. Уже Константинъ присвоиваетъ себѣ положеніе въ Церкви верховнаго епископа. Послѣдующіе императоры чѣмъ дальше, тѣмъ больше входили въ роль христіанскаго pontifex maximus, сохраняя старыя традиціи языческаго міра. Вмѣшательство ихъ въ дѣла церковныя достигало дѣйствительно большихъ предѣловъ. Однако, нельзя сказать, чтобы оно когда либо сдѣлалось вполнѣ правомѣрнымъ явленіемъ. Власть Византійскихъ императоровъ по отношенію къ Церкви была скорѣе фактической, чѣмъ юридической. Вмѣстѣ съ этимъ Византійскіе императоры глубоко проникались идеями церковности, надъ которою они фактически господствовали. Сущность византинизма именно въ томъ и заключается, что Церковь и государство мыслятся, какъ единый организмъ, религіозную сторону котораго представляетъ собою Церковь, а политическую—государство. При такомъ единствѣ государство естественно проникается цѣлями Церкви, болѣе духовными, чѣмъ свѣтскими, а императоры начинаютъ играть роль не то высшихъ епископовъ, не то низшихъ клириковъ, увлекаясь церковными обрядами и близко похожими на нихъ дворцовыми церемоніями. При этомъ ихъ господство надъ Церковью незамѣтно переходитъ въ служеніе Церкви и подчиненіе ея строю и ея идеямъ[2]).

Все это не могло быть образцомъ для Ѳеофана. Византія не давала Ѳеофану ни правомѣрнаго юридическаго господства монарха надъ Церковью, ни господства его во имя государственнаго общаго блага, которое въ его эпоху ставилось на первое мѣсто.

Изложенныя соображенія подтверждаются еще слѣдующими доводами. Ниже, предлагая важныя вины, по которымъ коллегіальное управленіе слѣдуетъ предпочесть единоличному патріаршему, Ѳеофанъ въ п. 3 пишетъ: „Се же наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правителское *подъ* державнымъ монархомъ есть и отъ монарха уставленно". Очевидно, что если такой порядокъ отношеній монарха къ высшему учрежденію, предназначенному для завѣдыванія церковными дѣлами, представляется Ѳеофану желанной новостью, то прежде не было такъ. И это вѣрно. Какъ тотъ же Ѳеофанъ выразился въ опредѣленіи Синода отъ 31 мая 1721 г.[3]), прежде власть

---

[1]) Ср. мнѣніе проф. *Н. С. Суворова*, приведенное выше въ „Обзорѣ литературы".

[2]) Ср. сказанное выше въ I главѣ, стр. 5—10.

[3]) П. С. П. I, 112 (2-е изд. стр. 157).

патріарха была „аки-бы собственная", т. е. не находилась *подъ* державнымъ монархомъ и не была отъ монарха уставлена. А вѣдь отношенія Церкви и государства въ Москвѣ считаются почти точнымъ повтореніемъ старой византійской системы[1]). Если Ѳеофанъ находилъ эти отношенія ненормальными, то очевидно, что онъ не одобрялъ и прототипъ этихъ отношеній—собственно византинизмъ греческаго востока. Что касается ранней византійской исторіи, то онъ отзывается о ней прямо презрительно: „Вникнемъ во исторію Константинополскую нижае Іустиніановыхъ временъ, и много того (т. е. смуты и борьбы свѣтской и духовной власти) насмотримся"[2]). Затѣмъ сохранился рядъ свидѣтельствъ, показывающихъ, что Петръ Великій очень неодобрительно относился къ византійскимъ императорамъ, находя, что они слишкомъ подчинились духовнымъ интересамъ и забыли дѣло воинское[3]).

Итакъ очевидно, что отказываясь отъ стараго и проектируя новый порядокъ вещей, Ѳеофанъ не могъ кроить его по образцу старой Руси и Византіи. Вѣроятнѣе признать, что Ѳеофанъ видѣлъ его въ примѣрѣ Западной Европы и именно въ установившихся въ ней отношеніяхъ Церкви и государства усматривалъ достаточное основаніе къ установленію права свѣтскаго государя видоизмѣнять церковное устройство въ Россіи. Эта мысль тѣмъ болѣе вѣроятна, что 1) симпатіи Ѳеофана къ Западу и антипатіи его къ греческому и русскому востоку слишкомъ хорошо извѣстны; и 2) что и западу вовсе не была чужда теорія власти свѣтскаго государя въ дѣлахъ церковныхъ именно потому, что онъ *христіанскій* государь и *блюститель* правовѣрія и церковнаго благочинія.

Права императора Священной Римской Имперіи. *Раннее средневѣковье* не могло привлекать Ѳеофана къ подражанію[4]). Въ это время папы не только боролись за первенство своей власти, но боролись успѣшно, особенно, начиная съ Григорія VII (1073—1085). Со средины XI в. въ обиходъ вошла теорія „двухъ мечей",[5]) измѣнившаяся затѣмъ въ теорію „нравственнаго

---

[1]) О византинизмѣ въ Россіи см. *В. И. Сергѣевичъ*, Русскія юридическія древности, Спб. 1900², т. II, 497—583.—*В. В. Сокольскій*, О характерѣ и значеніи Эпанагоги, Виз. Врем. т. I, вып. 1 стр. 17—54.—Акад. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія Русской Церкви т. I, 1-ая пол., стр. 547—557.—*А. С. Павловъ*, Курсъ церковнаго права. Св.-Тр. Лавра, 1902, стр. 468—514.—*Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. Москва 1912, стр. 499—502.

[2]) Д. Р. ч. I, п. 7. Черн. рук. л. 4 об. и прим. 38—40.

[3]) См. выше, стр. 89.

[4]) Для Ѳеофана примѣръ папства былъ чисто отрицательнымъ. См. Д. Р. ч. I, „вины" п. 7: „Да и Папа не инымъ способомъ толико превозмогъ, не точію Государство Римское полма пресѣче, и себѣ великую часть похити, но и иныя Государства едва не до крайняго разоренія не единожды потрясе".

[5]) Образъ *„двухъ* мечей" встрѣчается впервые въ письмѣ Генриха IV отъ 1076 г. (Pertz, Legg. II, 48), затѣмъ въ Curia Bisantina 1157 г. Фридриха I (ib. 105) и въ его же письмѣ ad. Hartmannum Brix. episc. 1157 г. (ib. II, 118). Повсюду въ этихъ памятникахъ приводилось въ качествѣ основного положенія упоминаніе двухъ мечей въ Евангеліи отъ Луки XXII, 38., которое съ ихъ точки зрѣнія означало необходимость *двухъ* господ-

закона". Появились писатели, отстаивавшіе права той или другой борющейся стороны. Іерократическая система папства нашла свое высшее выраженіе въ изданной 18 ноября 1302 г. буллѣ „Unam sanctam“ папы Бонифація VIII, направленной противъ Филиппа Красиваго съ такою рѣзкостью, что уже второй преемникъ Бонифація, Климентъ V (1305—1314 г.) долженъ былъ смягчить ее по отношенію къ Франціи въ бреве „Meruit“. Любопытно однако же то, что папы, настаивая на превосходствѣ своей власти надъ

ствующихъ властей—духовной и свѣтской. Вышеупомянутые короли употребляли этотъ образъ для доказательства *самостоятельности* и *независимости* свѣтской власти отъ духовной, какъ основанной одинаково на божественномъ установленіи. Любопытно, что выраженіе „gladii potestas“ встрѣчается уже въ Римскомъ правѣ: L. 70 Dig. Ulpian. de R. I. (50, 17), однако лишь въ смыслѣ власти уголовнаго наказанія. Та же теорія „двухъ мечей“ встрѣчается и во введеніи къ Саксонскому Зерцалу (первоначально составлено судьею Ecke von Repkau около 1230 г.), гдѣ она означаетъ совершенно то же, что сказано выше, а именно, что Богъ непосредственно вручаетъ свѣтскій мечъ императору, а духовный—папѣ. Напротивъ, по Швабскому Зерцалу Богъ даетъ апостольскому престолу оба меча, изъ коихъ свѣтскій папа передаетъ императору (*Саксонское Зерцало*, I. a. 1: „Tvei svert lit got in ertrike to bescermene de kristenheit Dem pavese is gesat dat geistlike, dem keisere dat weltlike“.—*Швабское Зерцало*, предисловіе, § d.: „Sit (so) nu got des vrides furste heizet. so liez er zwai swert hie uf ertriche. do er ze himmel fur. ze schirme der christenhait. div lech vuser herre sante peter. beidiv. einz von geistlichem gerihte. daz ander von weltlichem gerihte. Daz weltlich swert des gerihtes das liehet der babest dem chaiser“). Въ средніе вѣка по общему убѣжденію высшая власть имѣла божественное происхожденіе (ius divinum). Спорнымъ было лишь то, получаетъ ли императоръ свой свѣтскій мечъ непосредственно отъ Бога, или чрезъ посредство папы? Первое воззрѣніе было выражено еще при избраніи императора Арнульфа (895 г.) нѣмецкими епископами (Pertz, Legg. I, 559). Напротивъ, Бонифацій VIII въ буллѣ Unam sanctam 1302 г. признаетъ оба меча врученными папѣ, а затѣмъ уже въ слѣдующемъ 1303 г. императоръ Альберхтъ I документально призналъ, что нѣмецкіе императоры получаютъ свой свѣтскій мечъ путемъ папскаго пожалованія, и что также именно папа перенесъ Imperium Romanum съ грековъ на нѣмцевъ въ лицѣ Карла Великаго и предоставилъ извѣстнымъ свѣтскимъ и духовнымъ князьямъ право избирать короля и императора (Alberti I, promissio Bonifacio VIII a. 1303; Pertz, Legg. II, 484). Такимъ образомъ, если теперь сами короли и императоры признали такое объясненіе теоріи „двухъ мечей“ и вслѣдствіе этого было всѣми принято, что свѣтская власть обязана помогать духовой, какъ это неоднократно было выражено особенно Фридрихомъ II, то становится понятнымъ, какъ стали считать, что свѣтскій мечъ *подчиненъ* духовному и папа имѣетъ преимущество предъ императоромъ (Cp. Decretal. Greg. IX, Lib. I, tit XXXIII, cap. VI Innocentius III Constantinopolitano Imperatori a. 1198, §. 4: Praeterea nosse debueras, quod fecit Deus duo magna luminaria in firmamento coeli; luminare majus, ut praeesset diei, et luminare minus, ut praeesset nocti; utrunque magnum, sed alterum maius. Ad firmamentum igitur coeli, hoc est universalis ecclesiae, fecit Deus duo magna luminaria, id est duas magnas instituit dignitates, quae sunt pontificalis auctoritas, et regalis potestas. Sed illa, quae praeest diebus, id est spiritualibus, maior est; quae vero (noctibus, id est) carnalibus, minor, ut, quanta est inter solem et lunam, tanta inter pontifices et reges differentia cognoscatur. Corpus iuris canonici, ed. Friedberg, t. II, col. 198).—H. Zoepfl, Deutsche Rechtsgeschichte, 4 Auflage, Braunschweig 1872, Bd. II, S. 252—254 (тамъ же упоминается спеціальное сочиненіе: Arthur, comes de Posadowsky—Wehner, Dissertatio de duobus universalis monarchiae gladiis. Wratislaw, 1867). Очень важно отмѣтить, что

свѣтской не отрицали болѣе или менѣе широкихъ полномочій императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ въ силу свойственнаго имъ положенія императоровъ *Священной* Римской Имперіи. И уже эти полномочія могли служить для Ѳеофана приличнымъ аргументомъ.

„Умиравшая древность, говоритъ Брайсъ, завѣщала послѣдующимъ вѣкамъ двѣ идеи: идею всемірной монархіи и идею всемирной религіи“[1]).

теорія „двухъ мечей“ не осталась неизвѣстной древней Руси. Когда въ срединѣ XV в. Русская Церковь становится независимой отъ Византіи, и Московскіе великіе князья постепенно начинаютъ входить въ роль Византійскихъ императоровъ, въ связи съ этимъ въ литературѣ того времени пріобрѣтаетъ вѣсъ теорія превосходства священства надъ царствомъ, извѣстная Востоку еще съ IV вѣка изъ твореній Св. Іоанна Златоуста, Григорія Богослова и проч. (*Б. Н. Чичеринъ*, Исторія политическихъ ученій. Часть I, стр. 98—110. Москва 1869), а затѣмъ опредѣленно выраженная въ Эпанагогѣ, памятникѣ IX вѣка. (Проф. *В. В. Сокольскій*, О характерѣ и значеніи Эпанагоги, Виз. Врем. Т. I, в. 1, стр. 17—54.—Текстъ Эпанагоги см. въ изданіи Z a c h a r i a e a L i n g e n t h a l Collectio librorum iuris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini; Epanagoge Basilii et Alexandri, Lipsiae 1852). И творенія и Эпанагога были извѣстны русскимъ теоретикамъ теократіи. Но они сверхъ того почерпали свою аргументацію въ защиту достоинства іерархіи изъ западной теоріи двухъ мечей (*Б. Н. Чичеринъ*, Исторія политическихъ ученій. Ч. I, стр. 135—157. М. 1869). Сохранилось „слово противъ посягающихъ на церковное имущество“ неизвѣстнаго автора. Написанное по порученію неизвѣстнаго русскаго архіепископа, можетъ быть, Геннадія Новгородскаго, оно не только доказываетъ, что „мірская власть *подъ* духовною есть, елико отъ Бога духовное достоинство *предположено* есть“, но и воспроизводитъ теорію двухъ мечей въ западной іерократической конструкціи, обосновывая ее на тѣхъ же мѣстахъ Св. Писанія, на которыя ссылаются католическіе канонисты среднихъ вѣковъ и упоминая даже о „плечахъ мірскихъ“ (brachium saeculare), помощію которыхъ Церковь должна дѣйствовать „на отвращеніе силы сопротивныхъ“. Какое представленіе соединялось съ терминомъ „мірскія плечи“ можно видѣть по дѣятельности архіеп. Геннадія Новгородскаго, который вмѣстѣ въ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ стоялъ во главѣ партіи, требовавшей казни еретиковъ жидовствующихъ, и который ссылался на примѣръ испанскаго короля, путемъ инквизиціи очистившаго свою землю отъ еретиковъ (Проф. *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. Москва 1902 г., изд. 2, стр. 502—503). Мысль о превосходствѣ священства надъ царствомъ достигаетъ своей вершины при патріархѣ Никонѣ и вызываетъ борьбу съ кроткимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ (см. выше, стр. 42—45). Побѣда осталась за царемъ и восточные патріархи на соборѣ 1667 года разъяснили царю, что онъ „имѣетъ власть обладать и патріархами, какъ и всѣми синклитами, ибо въ одномъ самодержавномъ государствѣ не должно быть двухъ началъ, но одинъ да будетъ старѣйшина“ (О дѣлѣ патр. Никона см. *Макарій М. М.*, Исторія Русской Церкви, т. XII. Спб. 1883.—*Н. Гиббенетъ*, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона. Ч. 1 и 2. Спб. 1882—1884.—Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ. Т. I. II Серг. Пос. 1909. 1912). Однако этотъ взглядъ не раздѣляла русская іерархія и потому Петръ Великій въ правѣ былъ опасаться повторенія исторіи съ Никономъ (см. выше, стр. 103—108). А эти опасенія, какъ извѣстно намъ изъ Духовнаго Регламента (Духовный Регламентъ. Часть I, п. 7. Черн. рук. л. 4), и были одной изъ причинъ учрежденія Духовной Коллегіи и введенія ея въ общую систему государственнаго строя и управленія, что знаменовало собою начало новаго направленія въ отношеніяхъ Церкви и государства, направленія, которое можетъ быть опредѣлено какъ *государственная церковность*.

[1]) *Джемсъ Брайсъ*, Священная Римская имперія. Руссскій переводъ Д. М. Петрушевскаго, М. 1891, стр. 71 и слѣд.

У древнихъ народовъ господствовало раздѣленіе національностей и раздѣленіе на религіи. Всѣ они враждовали другъ съ другомъ. Христіанство, напротивъ, выдвинуло вѣру во *единаго* Бога, предъ Которымъ всѣ люди равны, составляя *одинъ* родъ человѣческій. Въ свою очередь и римская имперія, сдѣлавшись христіанской, открыла возможность политическаго и религіознаго объединеніе всѣхъ людей. Однако эта возможность фактически не осуществилась. Имперія распалась на двѣ части, восточную и западную, и послѣдняя, наконецъ, прекратила временно свое существованіе. Она воскресла въ видѣ монархіи Карла Великаго, а затѣмъ, начиная съ Оттона Великаго, въ видѣ Священной Римской Имперіи. На послѣднюю люди среднихъ вѣковъ смотрѣли, какъ на одну общину вѣрныхъ, предназначенную соединить въ своемъ лонѣ всѣхъ людей. За это именно ее и называли Священной. Границы имперіи и христіанства совпадали. Имперія и Церковь составляли между собою одно, единый цѣлостный организмъ, въ которомъ духовная сторона олицетворялась папой, а свѣтская (тѣлесная)— императоромъ. И оба они должны были стремиться къ одному, именно къ спасенію ввѣренныхъ ихъ попеченію человѣческихъ душъ.

Отсюда проистекалъ рядъ правъ и обязанностей императора, по отношенію къ католической Церкви[1]). Лично императору принадлежали т. наз. iura reservata, Kayserliche Reservaten. „Reservata Imperatoris sunt Jura Maiestatis, quae soli et uni Imperatori competunt in toto Imperio" (Pfeffinger, III, p. 4). Означенныя iura reservata раздѣляются на iura Ecclesiastica и iura Politica. Къ числу iura Esslesiastica относятся слѣдующія права.

1. *Ius primariarum precum*, состоящее въ томъ, что императоръ имѣетъ власть наблюдать чрезъ достойныхъ лицъ за замѣщеніемъ вакантныхъ церковныхъ бенефицій[2]), иными словами ius primarium означаетъ право императора рекомендовать достойныхъ лицъ для замѣщенія церковныхъ бенефицій[3]).

---

[1]) О нихъ см. Goldastus, de Monarchia.—Schardius, Tractatus de iurisdictione Imperiali.—Reinkingius, de Regimine seculari et ecclesiastiro.—Hugo Grotius, de Imperio summarum potestatum circa sacra, cum scholiis Blondelli, Parisiis, 1648 et Hagae. Comitum 1661.—Guilielmus Apollonius, Tr. de Iure Maiestatis circa sacra, 1624 —Heinricus Henninges, de Summa Imperatoris Potestate circa sacra, 1676.—Boeclerus, Dissert. Polit. XII de iure Maiestatis circa sacra.—Mylerus, de Principibus et Statibus Imperii, Part. 2. Cap. 82 et 83 pag. 717 etc.—Iohannes Otto Tabor, de Regimine Imperantium Ecclesiastico. Argentor. 4. 1656.—Carpzovius, de Lege Regia и др. Въ частности: Pfeffinger, Corpus iuris publici, t. III, p. 1—109, Francofurti ad Moenum, 1754.—Struvius, Corpus iuris publici imperii nostri Romano-Germanici, Editio tertia, Ienae 1738, p. 387—427.

[2]) Ius primariarum precum, quod est: potestas, cuius vi Imperator bene meritis, vel aliis personis idoneis, super beneficio ecclesiastico primum vacaturo, prospicit. Pfeffinger, III, 4.

[3]) Ius primariarum precum, quod est facultas vi Maiestatis, Imperatori competens, in plerisque ecclesiis vel monasteriis Imperii immediatis vel etiam mediatis, unam personam, idoneam tamen, ad beneficium ecclesiasticum maius vel minus, primo vacaturum, praesen-

2) *Ius decernendi in causis religionis*, id quod cum statuum consensu *in Krafft Kayserlichen Ambts* exercet Imperator, т. е. право судебнаго рѣшенія въ религіозныхъ вопросахъ. Напр., Карлъ V, во 1529 г. издалъ декретъ противъ анабаптистовъ, а въ 1548 г. издалъ свой Interim, на основаніи этого права[1]).

3) *Ius concilii convocandi*—право созыва соборовъ, и др.[2]),

4) Но особенно важное, и можно сказать основное, это—*ius advocatiae ecclesiasticae*, т. е. право защиты Церкви, при чемъ различалось advocatia Romanae Ecclesiae и advocatia Germanicae Ecclesiae[3]). Послѣдняя состояла въ защитѣ свободы германской церкви отъ папскаго вмѣшательства на основаніи „конкордата Германской націи" между Фридрихомъ III и Николаемъ V 1448 г. Что же касается первой то она имѣла болѣе глубокое принципіальное основаніе. Ius advocatiae (Schirmvogterei) состояло въ правѣ покровительства Римской Церкви, а также въ непосредственномъ правѣ защиты лицъ, нуждающихся въ ней (іудеевъ), въ качествѣ германскаго короля. Фридрихъ II[4]) объясняетъ ее вообще какъ обязанность главы *Священной* Римской Имперіи: ut (ecclesiam) ab hostium publicorum incursibus gladii materialis potentia tueantur. Въ силу этого ius advocatiae было спеціально обозначено въ избирательной капитуляціи императоровъ (Wahlkapitulation, Art. I § 1): das wir in Zeit solcher unserer Königl. Würden, Amt und Regierung, die Christenheit, und den Stuhl zu Rom, auch Päbstliche Heiligkeit, und Christliche Kirchen, als derselben Advocat, in guten treulichen Schutz und Schirm halten wollen[5]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ и формула присяги императора обѣщала Церкви его защиту и покровительство[6]).

Очевидно, что это ius advocatiae и служило главнымъ юридическимъ основаніемъ вліянія императоровъ на церковныя дѣла. *Его и могъ имѣть въ виду Ѳеофанъ* въ своей фразѣ: „А яко *христіанскій* государь, правовѣрія же и всякаго въ Церкви святой благочинія *блюститель*" (Д. Р. ч. I). Однако права императоровъ, въ частности ius advocatiae, даютъ все-таки довольно отдаленную параллель къ этому мѣсту Духовнаго Регламента. По крайней мѣрѣ могутъ быть указаны параллели болѣе близкія, а именно въ правахъ католическихъ и протестантскихъ территоріальныхъ государей Германіи (Landesherrn).

---

tandi. Preces dicuntur, quia per modum precum Imperator easdem praescribit: primariae, quod semel duntaxat, sive unica vice conceduntur. Struvius, p. 417.

[1]) Struvius, 413. [2]) Pfeffinger, III, 100.—Struvius, 425.

[3]) Pfeffinger, III, 100.—Struvius, 414.

[4]) Const. Reg. Sicil. a. 1231 prolog.

[5]) Zoepfl, Bd. II, S. 358.—Struvius, 415 прим. 72.

[6]) Promissio imperatoris (формула присяги, принесенная въ 1158 г. на коронаціи Фридриха I; Pertz, Legg. II, 97). „In nomine Christi promitto, spondeo atque polliceor ego N. imperator coram Deo et beato Petro, me protectorem ac defensorem esse huius sanctae Romanae ecclesiae in omnibus utilitatibus, in quantum divino fultus fuero adiutorio secundum scire meum et posse". Zoepfl, II, S.250.

Права территоріальныхъ государей Германіи[1]. Въ то время, какъ папство боролось за свое всемірное господство, надѣясь установить окончательно іерократическую систему отношеній государства и Церкви, на западѣ возникаютъ крупныя племенныя государства, какъ самодовлѣющія національныя свѣтскія организаціи. На обломкахъ феодализма изъ нѣдръ народныхъ выростаетъ сильная королевская власть во Франціи, Англіи и Испаніи, подымаютъ голову и мелкіе князья съ программой самостоятельной политики. Теоретикомъ абсолютной монархіи въ это раннее время является Макіавелли (3 мая 1469—22 іюня 1527) въ своемъ „Князѣ"—Il principe (Paris, 1532)[2]. Только въ Германіи, на долю которой выпала большая часть бремени борьбы съ притязаніями папства, не образовалось сильной имперской власти, не смотря на весь универсализмъ императоровъ Священной Римской Имперіи. Однако именно подъ шумъ борьбы имперіи и папства сложились и окрѣпли нѣмецкія территоріальныя государства, чисто свѣтскаго и національнаго типа, которыя и сыграли затѣмъ столь важную роль въ исторіи религіозной реформаціи и новѣйшей свѣтской культуры.

Развитіе свѣтской національной государственности было вызвано глубокой внутренней эволюціей народной жизни. Ею же было обусловлено и усиленіе власти государей. Стремясь къ сплоченію большихъ народныхъ массъ, послѣдніе по немногу сосредоточили въ своихъ рукахъ администрацію, судъ, чеканку монеты, взиманіе налоговъ, содержаніе арміи и вообще всѣ тѣ функціи, которыя прежде выполнялись всякаго рода сословными или профессіональными корпораціями. Вмѣстѣ съ тѣмъ становятся болѣе однородными и менѣе самостоятельными народныя массы отдѣльныхъ странъ. Монополизація власти и дѣятельности въ рукахъ правительства сама собою лишала свободы и самодѣятельности отдѣльныя корпораціи и группы населенія, по крайней мѣрѣ принципіально, если не всегда фактически. Параллельно, усиливаясь все больше и больше, свѣтская власть стала оказывать вліяніе и на положеніе Церкви, стала стремиться къ господству надъ нею. Оправданіе такого стремленія можно было усматривать въ томъ, что монархическая власть, присвоивъ себѣ новыя государственныя и общественныя функціи, должна была взять на себя и иниціативу и отвѣтственность въ дѣлѣ удовлетворенія народной потребности во внѣшней и внутренней безопасности и благосостояніи подданныхъ. Болѣе того. Вслѣдствіе перемѣны въ XV во взглядахъ на задачи государственной власти, послѣдняя уже не ограничивается больше однимъ охраненіемъ своихъ подданныхъ отъ внѣшнихъ враговъ и поддержаніемъ юридическаго порядка и спокойствія внутри государства, а принимаетъ на себя прямое попеченіе о благосостояніи гражданъ, о ихъ религіозной вѣрѣ и добрыхъ нравахъ. Такимъ образомъ культурныя задачи человѣчества мало-по-малу ложились на новое

---

[1]) Ср. проф. *В. Соколова*: Государственное положеніе религіи въ Германіи по дѣйствующему праву. Казань, 1899, стр. 1 и слѣд.

[2]) Критическое изданіе Lisio. Flor. 1899.

государство, разгружая церковную іерархію, а порою и вовсе устраняя ее отъ конкурренціи.

Само папство, считаясь съ ростомъ свѣтской власти, иногда не видѣло въ ней опасности, или даже пользовалось въ качествѣ союзника для борьбы то съ тѣмъ, то съ другимъ королемъ. Въ общемъ же ходѣ исторіи оно просто не въ силахъ было противостоять этому новому культурному фактору, своими собственными заносчивыми дѣйствіями вызывая къ нему все большую и большую симпатію. Такъ извѣстно, что достигшая своей вершины въ буллѣ папы Бонифація VIII Unam sanctam (18 ноября 1302 г.) папская система вызвала противъ себя сильную реакцію въ церковныхъ и общественныхъ кругахъ и въ государствахъ съ самаго начала XIV в. Противъ сторонниковъ Бонифація—Эгидія Римскаго, Іакова изъ Витербо, Генриха Кремонскаго, Августина Тріумфа, выступили Филиппъ IV Красивый, король Французскій и его легисты—Іоаннъ Парижскій и Петръ Дюбуа, затѣмъ Данте (1265—1321) въ сочиненіи De monarchia и Марсилій Падуанскій (ок. 1280—1343) въ сочиненіи Defensor pacis (ок. 1324 г.)[1]). „Вавилонское плѣненіе папъ" (1305—1377) и затѣмъ „Великая схизма" (1378—1417) разочаровали католическій міръ, подорвали идею единства, на которой основывалась теорія папской іерократіи, и опозорили верховенство папъ, на которомъ они такъ смѣло и рѣшительно настаивали (Григорій VII, 1073—1085 г., Иннокентій III, 1198—1216 г., Бонифацій VIII. 1294—1303 г.). Злоупотребленія духовной властью вязать и рѣшить грѣхи и духовными наказаніями съ цѣлью матеріальныхъ выгодъ ожесточало и возмущало умы, провозгласившіе наличность „порчи во главѣ и членахъ" и необходимость преобразованій и исправленій, которыхъ стали ждать уже не отъ Римской Куріи, а отъ вселенскаго собора и свѣтской власти. Однако реформаціоные соборы XV в. Пизанскій 1409 г., Констанцскій (1414—1418) и Базельскій (1431—1443) не привели къ желаннымъ результатамъ, и папство своей болѣе умѣлой политикой успѣло ослабить силу и значеніе постановленій этихъ соборовъ рядомъ конкордатовъ въ свою пользу, заключенныхъ съ Франціей въ 1516 г. между Львомъ X и Францискомъ I[2]), съ Германскими князьями 5 февраля 1447 г. и съ Фридрихомъ III Императоромъ Германскимъ 17 февраля 1448 г.

Понятно поэтому, что новыя свѣтскія національныя государства, оказавшіяся въ антаготизмѣ съ универсальными идеями средневѣковой Церкви и имперіи, начали стремиться къ созданію болѣе близкихъ и тѣсныхъ отношеній между свѣтскою властью и національной церковной организаціей,

---

[1]) О нихъ см. *Б. Н. Чичерина*, Исторія политическихъ ученій ч. I М. 1869 г. Отрывокъ изъ „Defensor pacis" и буллы „Licet iuxta doctrinam" папы Іоанна XXII, осуждающей Марсилія, см. у Mirbt, Quellen, стр. 164—167.

[2]) Этотъ конкордатъ имѣлъ своею задачей ослабить базельское постановленіе о суперіоритетѣ вселенскаго собора надъ папой, принятое національнымъ соборомъ въ Буржѣ и утвержденное Карломъ VII въ Прагматической Санкціи 7 Іюля 1438 г.

чтобы пріобрѣсти извѣстную свободу отъ папскаго куріальнаго воздѣйствія и даже подчинить своему руководству религіозную жизнь своего народа. Такъ появились національныя церкви испанская, французская (галликанская), англійская, а затѣмъ также рядъ германскихъ территоріальныхъ церквей[1]). Тогда именно возникла новая система *государственной церковности* (Staatskirchentum)[2]), по которой власть въ дѣлахъ церковныхъ была подѣлена между папой и государями такъ, что вся внѣшняя сторона жизни католической Церкви стала признаваться подлежащей верховной власти главы государства, который мало-по-малу пріобрѣлъ право устанавливать, отмѣнять и измѣнять въ церковной области все, что не обосновывается на Св. Писаніи и на непосредственномъ божественномъ установленіи. При этомъ папа по прежнему признавался религіознымъ главою католиковъ, но осуществленіе имъ высшей церковной власти или не допускалось вовсе, или допускалось подъ тщательнымъ надзоромъ свѣтскаго правительства.

Система государственной церковности возникла въ разныхъ католическихъ странахъ. Но типичнѣе всего она выразилась въ Германіи, въ связи съ возвышеніемъ территоріальнаго верховенства германскихъ князей (Landeshoheit). Послѣдняя возникла исторически, и чтобы представить себѣ ясно ея происхожденіе нужно обратиться къ раннему средневѣковью[3]).

По взглядамъ ранняго средневѣковья[4]), судъ надъ всѣми лицами и во всѣхъ дѣлахъ принадлежалъ самому королю. Однако, не имѣя возможности осуществлять его лично, онъ жаловалъ право суда своимъ феодаламъ, которые и пользовались имъ неотъемлемо. Впослѣдствіи это право явилось

---

[1]) Правовую, а затѣмъ и теоретическую основу этому новому явленію дали Констанцскій (1414—1418) и Базельскій (1431—1443) соборы и возникніе на ихъ почвѣ „*Галликанизмъ*" (ученіе о libertés de l' église gallicane), господствовавшій во Франціи съ XV по XVIII в. (см. Прагматическую санкцію короля Карла VII 1438 г. и Declaratio Cleri Gallicani 19 марта 1682 г., изданную подъ руководствомъ Bossuet, епископа Мосскаго (напечатаны первая у Mirbt, Quellen, S. 173; вторая у F. Walter, Fontes iuris ecclesiastici antiqui et hodierni, Bonnae 1862, p. 127 и сл.), и „*Феброніанизмъ*", отъ имени Iohann Nicolaus Hontheim, 1701—1790, викарнаго епископа Трира, который въ книгѣ „De Statu Ecclesiae et Legitima Potestate Romani Pontificis Liber Singularis ad reuniendos dissidentes in Religione Christianos compositus, написанной имъ и изданной подъ псевдонимомъ Justini Febronii ICti (Bullioni apud Guillelmum Evrardi 1763 in 4°) развивалъ мысли противъ папскаго абсолютизма. Ср. статью v. Schulte у Herzog-Hauck, Realencyklopädie für prot. Th. u. Kirche, Bd. VII,³ S. 340—342, и статью Brück, у Wetzer-Welte, Kirchenlexikon, Bd. VI,² S. 276—281.

[2]) См. P. Hinschius, Staat und Kirche, Freiburg i. B. 1883 (aus Marquardsen's Handbuch des Oeffentlichen Rechts) SS. 198—200.

[3]) См. K. Rieker, Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung bis zur Gegenwart. Leipzig, 1893, SS 32—40.— *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. 1902 изд. 2 стр. 482; 3 изд. 1908 г. стр. 435; 5 изд. 1913 г. стр. 478.

[4]) См. Zoepfl, Deutsche Rechtsgeschichte, 4 Auflage, Bd. II, S 277—285.—R. Schröder, Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte 4 Aufl. Leipzig 1902, S. 585—597, 811—812, 847—849.

признакомъ признанія за феодаломъ его правительственныхъ правъ. Обладателей державныхъ правъ и суда на данной территоріи еще въ VIII в. стали называть „seniores patriae seu terrae". Подобно этому въ XIII в. назывались domini terrae тѣ, кто обладали правомъ суда въ отдѣльныхъ территоріяхъ не въ качествѣ должностныхъ лицъ или чиновниковъ императора, фогтовъ, а въ качествѣ уполномоченныхъ императоромъ на управленіе территоріей въ силу ихъ аллодіальнаго или феодальнаго права. Поэтому нельзя сомнѣваться въ томъ, что терминъ Landherr или Landesherr употреблялся еще въ очень раннее время[1]). Для обозначенія содержанія правъ, принадлежащихъ ландесгеррамъ въ XIV в. появляется выраженіе — „dominium", соотвѣтствующее — „dominus terrae". По нѣмецки оно выражалось словомъ: Landesherrschaft или Landesherrlichkeit[2]), что обозначало то же самое, что терминъ Landeshoheit XVII вѣка[3]). Вслѣдствіе императорскихъ привилегій правительственныя права отдѣльныхъ ландесгерровъ уже въ XIII в. возрасли настолько, что ихъ едва можно было отличить отъ полнаго суверенитета[4]). Со времени XIV в. Landeshoheit все усиливалась и въ своей самостоятельности была признана Вестфальскимъ миромъ 1648 г. подъ именемъ ius territorii (I. P. O. Art. VIII. § 1) или ius territorii et superioritatis (I. P. O. Art. V. § 30), переданнаго по нѣмецки какъ hohe Landesobrigkeit, отъ которой и произошла форма—Landeshoheit[5]). По своему содержанію она все болѣе и болѣе приближалась къ понятію государственной власти, и отъ суверенитета въ собственномъ смыслѣ отличалась тѣмъ, что осуществлялась какъ бы отъ имени имперской власти, какъ подчиненная ей. Въ общемъ же ландесгеррамъ принадлежали уже всѣ права, которыя согласно государственному устройству имперіи не были спеціально сохранены за императоромъ и имперіей[6]). Права эти не вытекали теоретически изъ самаго понятія Landeshoheit, а были пріобрѣтены каждымъ княземъ исторически, поэтому не у всѣхъ были одинаковыми. Однако въ общемъ они сводились къ слѣдующему: 1) императорскія регаліи, полученныя въ ленъ отъ императора и имперіи, т. е. право суда, таможни, чеканки монеты и особыхъ привилегій; 2) ленныя права надъ рыцарствомъ; 3) право защиты и покровительства (ius advocatiae); 4) вотчинныя права на землю, если ландесгерръ былъ также и вотчинникомъ; 5) право исключительнаго пользованія охотой, рыбной ловлей и пр.[7]).

Такимъ расширеніемъ правъ территоріальныхъ государей Германіи была подготовлена ихъ позднѣйшая значительная роль въ исторіи реформаціи. Еще въ XV вѣкѣ ландесгерры заняли совершенно новое положеніе от-

---

[1]) „Dominus terrae" встрѣчается уже въ документахъ имп. Фридриха II отъ 1232 г. (Pertz, Legg. II, 292), „lantherr"—Рудольфа I отъ 1281 г. (Pertz, Legg. II, 428) и тогда же—„des landes herre" въ Саксонскомъ Зерцалѣ (с. 156в). Zoepfl, Bd. II, 278.

[2]) Золотая Булла Карла IV 1356 г. с. 25 § 3: „Primogenitus filius succedat in eis territoriis), sibique soli ius et dominium competat". Zoepfl, ib.

[3]) Zoepfl, ib. 279. [4]) ib. 280. [5]) Zoepfl, Bd. II, S. 413.

[6]) ibidem. [7]) ib. 413—418.

носительно католической Церкви и участвовали въ общемъ созиданіи государственной церковности[1]). Прежде ихъ отношенія къ Церкви ограничивались лишь правомъ защиты, патроната и т. д. касательно отдѣльныхъ институтовъ. Теперь за княземъ были признаны тѣ же публичныя обязанности по отношенію къ его территоріи, какія имѣлъ императоръ къ имперіи, т. е. обязанности и права полицейскаго надзора на территоріи во имя общаго блага[2]). Въ связи съ этимъ ландесгерры пріобрѣли по отношенію къ своей территоріальной церкви положеніе аналогичное императорскому ius advocatiae. Между прочимъ, власть ландесгерровъ состояла: 1) въ ограниченіи духовной подсудности, и напротивъ, въ расширеніи свѣтской подсудности и полиціи въ области до сихъ поръ исключительно церковной. Это ограниченіе произошло частью односторонне, силою свѣтской власти, частью съ помощью папскихъ привилегій. Точно также произошло и расширеніе свѣтской подсудности на духовныхъ лицъ и духовныя дѣла, а также полицейской дѣятельности относительно монастырей, погребенія, брака, богохульства, проклятій, почитанія воскресенья, богослуженія и т. д. Ландесгерры съ успѣхомъ взяли на себя производство церковной визитаціи[3]) вообще и въ частности—визитаціи монастырей; 2) власть ландесгерровъ состояла въ ограниченіи пріобрѣтенія Церковью недвижимыхъ имуществъ и привлеченіи ихъ къ уплатѣ налоговъ; 3)—въ правѣ номинаціи на духовныя должности и 4)—въ установленіи зависимости церковныхъ дѣйствій отъ согласія ландесгерровъ (placetum regium, regium exequatur, regium pareatis).

---

[1]) См. выше стр. 290.

[2]) Задача, въ средніе вѣка извѣстная только городскому самоуправленію,—забота объ общемъ благѣ, со времени Вормсскаго сейма 1495 г. цѣлымъ рядомъ „Landesordnungen", была признана одной изъ самыхъ важныхъ задачъ государственнаго законодательства. Все, сюда относящееся, было объединено подъ понятіемъ полицейскаго устава—Polizeiordnung (относительно словоупотребленія см. Eichhorn, Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte, 5 Aufl., 4 Bde. 1843—1844, Bd. IV, S. 272 прим. *a*), а именно предписанія о ношеніи платья и пріемѣ гостей, воспрещенія противъ бродяжества, блуда, сводничества, богохульства, нарушеній религіознаго мира, лихоимства, мошенничества въ торговлѣ и т. д. Такъ же точно подъ понятіе полицейскаго устава подведены были нормы, касающіяся школьнаго дѣла, собраній, цензуры книгъ, злостнаго банкротства, аптекъ и опеки. Полицейское законодательство выразилось въ изданіи особыхъ „Polizeiordnungen". Первый полный Reichspolizeiordnung появился въ 1530 г. на Аугсбургскомъ сеймѣ, и былъ пересмотрѣнъ въ 1532 г. Второй—тамъ же въ 1548 г. (переизданъ въ 1555, 1566 гг.), наконецъ, третій въ 1577 г. во Франкфуртѣ (напечатанъ въ N. Samml. der R. A, Bd. II и III; относительно Polizeiordnungen см. Eichhorn, ib. SS. 332 и сл., 587 и сл., 3, 379). Территоріальному законодательству было предоставлено смягчать R. P. O., дѣлать изъ него исключенія, но не пополнять его. Полицейскія нормы издавались и въ другихъ законахъ, какъ, наприм., въ Wahlkapitulation, Schröder, o. c. 839.—Zoepfl, Bd. II, S. 411.

[3]) Особенно извѣстны визитаціи, предпринятыя Саксонскими курфюрстами, которые считали своимъ правомъ и обязанностью обозрѣвать и реформировать монастыри своей территоріи, дѣлать все то, чего не дѣлаетъ, по небрежности, духовная власть, и производить при томъ визитацію не черезъ испорченное духовенство, а черезъ благочестивыхъ и энергичныхъ мірянъ. *Суворовъ*, Церковное право, § 126. Ср. Herzog-Hauck, Realencyklopädie für prot. Th. und K. Bd. X. S. 480—481.

Однако папа принципіально не хотѣлъ признать успѣховъ, сдѣланныхъ властью ландесгерровъ въ дѣлахъ церковныхъ, какъ равнымъ образомъ торжественно отвергъ на V Латеранскомъ соборѣ 1512 г. епископальную систему XV вѣка. Своихъ же привилегій, данныхъ имъ, онъ, казалось не замѣчалъ и воздерживался отъ нихъ по отношенію какъ къ императору, такъ и къ ландесгеррамъ. Въ церковномъ управленіи папа удерживалъ за собою все прежнее положеніе и, въ частности, попрежнему преслѣдовалъ еретиковъ вальденсовъ, виклифистовъ, гусситовъ и др. Въ этомъ отношеніи съ нимъ шли за одно и императоръ и ландесгерры. Однако и въ подавленіи еретическихъ мнѣній папа не могъ достичь всего. Напротивъ, различныя злоупотребленія церковной практики, приближавшія упадокъ Церкви и создававшія оппозиціонное Церкви настроеніе, христіанская мистика, проникнутый античнымъ духомъ гуманизмъ, епископальныя стремленія въ связи со свѣтскими полицейскими домогательствами,—все это сливалось въ одинъ общій голосъ противъ существующаго положенія вещей[1]).

Протестантскія теоріи власти ландесгерровъ. При такихъ именно условіяхъ появился Лютеръ, признанный уже Вормсскимъ эдиктомъ 8/26 мая 1521 г. еретикомъ. Однако цѣлый рядъ ландесгерровъ Германіи, въ силу усвоенной ими себѣ власти (Landeshoheit) отказались его исполнить и такъ какъ императоръ былъ безсиленъ настоять на своемъ, то на рейхстагѣ въ Шпейерѣ 27 августа 1526 г. было предоставлено каждому изъ ландесгерровъ по его усмотрѣнію ввести или отвергнуть этотъ эдиктъ[2]). На основаніи такого постановленія и въ силу признанія за свѣтскими правителями извѣстныхъ обязанностей по отношенію къ религіи, настроенные въ реформаторскомъ духѣ ландесгерры получили возможность оказать реформаціи покровительство на своихъ территоріяхъ, чему уже не могло помѣшать рѣшеніе Шпейерскаго рейхстага 1529 г. въ католическомъ духѣ. Свое право ландесгерры-протестанты отстояли силою оружія и оно окончательно было признано за ними Аугсбургскимъ религіознымъ миромъ 26 сентября 1555 г. Ландесгерры получили полное право опредѣлять религію своихъ подданныхъ и это право было вновь подтверждено Вестфальскимъ миромъ 24 октября 1648 года съ предоставленіемъ и подданнымъ извѣстной религіозной свободы[3]).

---

[1]) Otto Mejer, Lehrbuch des Deutschen Kirchenrechts. 3 Aufl. Göttingen 1869, SS. 106—117.

[2]) Постановленіе это было понято, какъ легализація группировки церковныхъ дѣлъ по *территоріямъ* и санкція вновь образуемой системы территоріальной церковности—Landeskirchentum. W. Moeller, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Bd. III, S. 76—78. Tübingen 1907.

[3]) Otto Mejer, Lehrbuch des Deutschen Kirchenrechts. 3 Aufl. Göttingen 1869, § 48 ff.—K. Rieker, Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands, Leipzig, 1893, SS. 115--146.—Cp. Ioh. Iac. Moser, Von der Landeshoheit im Geistlichen. Franckfurt und Leipzig, 1773.—I. St. Pütter, Elementa iuris publici germanici. Ed. III. Goettingae, 1760.

Такимъ образомъ создалось и возвысилось державное положенiе территорiальныхъ государей Германiи, которые и получили рѣшающую роль въ проведенiи реформацiи и въ первоначальной организацiи протестантской церкви. Слѣдуетъ замѣтить, что права католическихъ государей по отношенiю къ Церкви, такъ назыв. ius reformandi, сложившееся въ силу необходимости устранить какъ нибудь вопiющiе безпорядки въ католической Церкви, чрезвычайно облегчило переходъ къ новому церковно-государственному укладу въ Германiи, основою для котораго послужили идеи нѣмецкихъ и швейцарскихъ реформаторовъ XVI вѣка.

Первоначально Лютеръ вовсе не имѣлъ въ виду создавать новую, отличную отъ католичества церковь. Только тогда, когда Римъ осудилъ его какъ еретика, возврата къ старому не было. Тогда нѣмцы, принявшiе новое ученiе, остались въ разсѣянiи, такъ сказать, безъ пастыря. Естественно поэтому было, что именно ландесгерры[1]), какъ и магистраты городовъ Страссбурга, Нюрнберга, Магдебурга, Штральзунда, приняли на себя роль опекуновъ и организаторовъ. Какъ мы видѣли, это вовсе не было новостью. Фактическiя обстоятельства XV вѣка уже разстроили цѣльность т. наз. курiальной или iерократической системы среднихъ вѣковъ и независимость церкви въ дѣйствительности была уже сильно стѣснена ландесгеррами. Уже до реформацiи свѣтская власть считала себя отвѣтственной исключительно предъ Богомъ, между прочимъ, и за состоянiе церкви[2]). Поэтому она не задумываясь простирала на нее дѣйствiе своей земской полицiи, мира и внѣшняго правопорядка и издавала уставы по характеру своему очень близкiе къ позднѣйшимъ церковнымъ уставамъ XVI в. Рецепцiя римскаго права требовала теоретическаго оправданiя такого воззрѣнiя свѣтской власти на свои права и въ то время, какъ папы въ своей борьбѣ со стремленiемъ епископовъ къ епископальному устройству церкви опирались на содѣйствiе ландесгерровъ,—послѣднiе расширяли свои права на церковь въ своихъ владѣнiяхъ и впослѣдствiи сдѣлали изъ нихъ только необходимые выводы. Сами реформаторы апеллировали именно къ этимъ правамъ ландесгерровъ. При этомъ практически было совершенно безразлично на чемъ именно основывали они свое обращенiе къ власти ландесгерровъ. Одни изъ нихъ изъ сочетанiя того, что ландесгерръ есть въ одно и то же время членъ христiанской общины и вмѣстѣ съ тѣмъ носитель свѣтской власти, выводили, что ландесгерръ обязанъ устроить въ пользу своихъ подданныхъ все, что самъ Христосъ приказалъ бы сдѣлать въ собранiи хри-

---

[1]) W. Moeller, назв. соч. стр. 78 и слѣд.

[2]) W. Moeller, стр. 78: „Schon vor der Reformation regt sich das Bewusstsein der Obrigkeiten, nur Gott gegenüber verantwortlich zu sein, und das auch für den Zustand der Kirche“. Ср. съ этимъ слова манифеста 25 января 1721 г., гдѣ именно выражается мысль объ отвѣтственности русскаго монарха предъ Богомъ за *пренебреженiе исправленiя и чина духовнаго*, что собственно и заставляетъ Петра учредить Духовную Коллегiю.— K. Rieker, SS. 32—40.—Ср. Ernst Troeltsch, Die Soziallehren der Kristlichen Kirchen und Gruppen. Tübingen 1912, особ. стр. 427—703.

стіанъ; другіе опирались на постановленіе Шпейерскаго рейхстага 1526 г., предоставившаго ландесгеррамъ право реформировать церковь въ своихъ владѣніяхъ; третьи указывали на то, что за отсутствіемъ епископской власти никто другой, даже изъ среды главарей реформаціи, кромѣ ландесгерровъ не можетъ принять на себя по божественному призванію исполненіе епископской должности въ силу права *необходимости*—Notrecht[1]), т. е. обязанности *любви* (Liebespflicht).

Такимъ образомъ, создалась слѣдующая теорія власти ландесгерра въ церковныхъ дѣлахъ[2]). Міръ образуетъ единство, „unum corpus christianum"[3]). „У Христа,—говоритъ Лютеръ,—не два различныхъ тѣла, одно свѣтское, а другое духовное. Онъ одинъ глава, имѣетъ и одно тѣло"[4]). Церкви и государства въ современномъ намъ смыслѣ слова, какъ двухъ отдѣльныхъ *организмовъ*, ни Лютеръ, ни вообще первые реформаторы еще не знали[5]). По ихъ представленію въ единомъ цѣломъ христіанскомъ обществѣ, въ Имперіи или христіанствѣ, только дѣйствуютъ рядомъ двѣ власти, два правительства, два меча (по выраженію средневѣковья). Эти два правительства одинаково простираютъ свою власть на христіанство, но управляютъ имъ съ различною цѣлью и различнымъ образомъ, не вмѣшиваясь въ компетенцію другъ друга[6]). Божественное полномочіе духовнаго сословія (Lehrstand) проявляется поэтому исключительно въ проповѣди и совершеніи таинствъ, въ то время какъ дѣятельность правителей должна быть направлена на поддержаніе правового и политическаго порядка и прежде всего на соблюденіе закона Божія, выраженнаго въ 10 заповѣдяхъ[7]). На основаніи заповѣ-

---

[1]) Derhalben wolt sich E. K. F. G. weiter Gott gebrauchen lassen, und sein treues Werkzeug sein, zu mehrem Trost, auch E. K. F. G. eigen Gewissen, weil sie dazu durch uns und durch die Noth selbs, als gewisslich von Gott, gebeten und gefordert wird. Письмо *Лютера* къ курфюрсту Іоанну Саксонскому отъ 31 октября 1525 г. Dr. M. Luther, Sämmtliche Werke, Erlangen, Bd. 53, S. 331.—Ср. K. Rieker, SS. 103—105.

[2]) K. Rieker, SS. 40—114.—E. Sehling, Geschichte der protestantischen Kirchenverfassung. Leipzig, 1913. SS. 1—18.—E. Sehling, Art. „Kirchenregiment" въ Realencyklopädie für prot. Th. u. K. 3 Aufl. Bd. X, S. 469 ff.—R. Sohm, Kirchengeschichte im Grundriss, 18 Aufl. Leipzig 1913, SS. 143—149 (см. русскій переводъ подъ *моею* редакціей подъ заглавіемъ „Очеркъ исторіи Церкви", Варшава 1914, стр. 138—143).

[3]) K. Rieker, S. 53. [4]) K. Rieker, S. 63. [5]) K. Rieker, S. 53.

[6]) K. Rieker, SS. 53—58. 110—114.—Ср. Confessio Augustana VII, De potestate Ecclesiae, 12 (Die Symbolischen Bücher der evangelisch-lutherischen Kirche, deutsch und lateinisch. Besorgt von I. C. Müller, 10 Aufl. Gütersloh, 1907, S. 63): Non igitur commiscendae sunt potestates ecclesiastica et civilis. Ecclesiastica suum mandatum habet evangelii docendi et administrandi sacramenta...

[7]) Ср. Confessio Augustana, VII, De potestate Ecclesiae, 4—11 (Müller, SS. 62—63): Itaque nostri (т. е. протестанты) ad consolandas conscientias coacti sunt ostendere discrimen ecclesiasticae potestatis et potestatis gladii, et docuerunt, utramque propter mandatum Dei religiose venerandam et honore afficiendam esse tanquam summa Dei beneficia in terris. Sic autem sentiunt, potestatem clavium seu potestatem episcoporum iuxta evangelium potestatem esse seu mandatum Dei praedicandi evangelii, remittendi et retinendi peccata et administrandi sacramenta... Haec potestas tantum exercetur docendo seu praedicando verbum et porrigendo sacramenta... Въ отличіе отъ духовной власти magistratus

дей, изложенныхъ на *первой* скрижали, эта дѣятельность ландесгерровъ должна быть направлена спеціально на запрещеніе всякаго неправильнаго богопочитанія въ странѣ. Изъ этой, собственно, мысли въ связи съ тѣмъ, что содержится въ человѣческихъ церковныхъ уставахъ и вытекаетъ, какъ слѣдствіе, все существенное, въ чемъ состоитъ власть церковнаго управленія ландесгерра, по ученію протестантовъ. Реформаторы понимали подъ именемъ свѣтской власти не столько источникъ права, сколько совокупность обязанностей, отвѣтственную должность, которой для выполненія своей роли потребны всѣ тѣ полномочія, которыя обозначаются словомъ „правительство". На эту именно власть и естественно было перенести бремя заботы объ общественной христіанской жизни. Собственно говоря, эта обязанность лежала на всѣхъ членахъ христіанской общины въ силу ученія о всеобщемъ священствѣ вѣрующихъ. Однако ландесгерръ обладаетъ въ этомъ отношеніи особыми обязательствами въ церкви въ высшей мѣрѣ, почему и обозначается какъ *praecipuum ecclesiae membrum* и долженъ по-

defendit non mentes, sed corpora et res corporales adversus manifestas iniurias, et coercet homines gladio et corporalibus poenis, ut iustitiam civilem et pacem retineat.—Включенный въ Шмалькальденскіе Артикулы трактатъ De potestate et primatu Papae (1537 г.), между прочимъ, слѣдующимъ образомъ высказывается о духовной и свѣтской власти. Romanus pontifex arrogat sibi, quod iure divino sit supra omnes episcopos et pastores. Однако... Paulus exaequat ministros, et docet ecclesiam esse supra ministros (I Сор. III, 6). Далѣе папы присваиваютъ себѣ власть ключей. Но тексты свидѣтельствуютъ, quod claves non ad personam unius certi hominis, sed ad ecclesiam pertinent. Затѣмъ, ministerium novi testamenti non est alligatum locis et personis, sicut ministerium leviticum, sed est dispersum per totum orbem terrarum, et ibi est, ubi Deus dat dona sua, apostolos, prophetas, pastores, doctores; nec valet illud ministerium propter ullius personae auctoritatem, sed propter verbum a Christo traditum. Посылая въ міръ, Christus dederit apostolis tantum potestatem spiritualem, hoc est, mandatum docendi evangelii, annuntiandi remissionem peccatorum, administrandi sacramenta, excommunicandi impios sine vi corporali, nec dederit potestatem gladii, aut ius constituendi, occupandi aut regna mundi... И такъ какъ папы присвоили себѣ все это и впали въ нечестіе, то, со своей стороны, ecclesiae non possunt tolli impia dogmata et impii cultus, et multis saeculis infinitas animas perdunt. Въ виду злоупотребленій папы и епископовъ, вѣрующіе въ правѣ помочь себѣ сами. Imprimis autem oportet praecipua membra ecclesiae, reges et principes, consulere ecclesiae et curare, ut errores tollantur et conscientiae sanentur. Prima enim cura regum esse debet, ui ornent gloriam Dei... Въ отдѣлѣ „De Potestate et Iurisdictione Episcoporum" проводится слѣдующая мысль. Согласно евангелію духовная власть дана всѣмъ вообще церковнымъ предстоятелямъ (omnibus, qui praesunt acclesiis, sive vocentur pastores sive presbyteri sive episcopi) и лишь по человѣческому измышленію между ними установлена разница (Docet igitur Hieronymus, humana auctoritate distinctos gradus esse episcopi et presbyteri seu pastoris). Поэтому въ сущности права у нихъ одни и тѣ же. Если же католическіе епископы становятся врагами церкви, то церкви удерживаютъ свои права, nam ubicunque est ecclesia, ibi est ius administrandi evangelii. Quare necesse est ecclesiam retinere ius vocandi, eligenti et ordinandi ministros. Et hoc ius est donum proprie datum ecclesiae, quod nulla humana auctoritas eripere potest. Вообще, на основаніи словъ ап. Петра (I посл. гл. II, 9): вы царское священство". сама церковь обладаетъ всѣми церковными правами и можетъ ими воспользоваться въ томъ случаѣ, если епископы преступно бездѣйствуютъ. Между прочимъ, въ дѣлахъ брачныхъ iure divino coguntur magistratus mundani haec iudicia exercere, si episcopi sint negligentes. (Müller, SS. 328—343).

этому всю силу врученной ему отъ Бога власти направить на исполненіе этихъ обязанностей[1]).

Къ этому ученію о томъ, что ландесгерръ есть praecipuum ecclesiae membrum, присоединилось и ученіе о томъ, что онъ есть *custos utriusque tabulae—блюститель обѣихъ скрижалей закона* и потому въ качествѣ блюстителя имѣетъ обязанность и право активно дѣйствовать въ дѣлахъ церковныхъ.

Для того, чтобы представить себѣ яснѣе и нагляднѣе ученіе первыхъ реформаторовъ о власти ландесгерра въ дѣлахъ церковныхъ и, въ особенности, ихъ ученіе о *custodia*, слѣдуетъ имѣть въ виду непосредственно ихъ сочиненія. Такъ *Лютеръ* въ Посланіи къ христіанскому дворянству писалъ слѣдующее[2]):

„Man hat's erfunden, dass Papst, Bischof, Priester, Klostervolk wird der geistlich Stand genennt: Fursten, Herrn, Handwerks-und Ackerleut, der weltlich Stand. Wilchs gar ein fein Comment und Gleissen ist. Doch soll niemand darub schuchter werden. Und das aus dem Grund: dann alle Christen sein wahrhaftig geistlichs Stands, und ist unter ihn kein Unterscheid, denn des Ampts halben allein; wie Paulus I Corinth. 12 (12 sqq.) sagt, dass wir allesampt ein Korper sein, doch ein iglich Glied sein eigen Werk hat, damit es dem andern dienet. Das macht allis, dass wir eine Tauf, ein Evangelium, einen Glauben haben, und sein gleiche Christen (Ephes. 4, 5). Denn die Tauf, Evangelium und glauben, die machen allein geistlich und Christenvolk. Dass aber der Papst oder Bischof salbet, Platten macht, ordiniert, weihet, anders dann Layen kleidet, mag einen Gleisner und Olgotzen machen, macht aber nimmermehr ein Christen oder geistlichen Menschen. Demnach, so werden wir allsampt durch die Tauf zu Priestern geweihet, wie St. Peter 1 Pet. 2, 9. sagt: ihr seid ein kuniglich Priesterthum und ein priesterlich Kunigreich. Und Off. (5, 10): du hast uns gemacht durch dein Blut zu Priestern und Kunigen[3]). О томъ, что духовенство есть не санъ, а должность, Лютеръ писалъ: Dieweil dann nu die weltlich Gewalt ist gleich mit uns getauft, hat denselben Glauben und Evangelium, mussen wir sie lassen Priester und Bischof sein, und ihr Ampt zählen als ein Ampt, das da gehore und nutzlich sei der christlichen Gemeine. Dann was aus der Tauf krochen ist, das mag sich ruhmen, dass es schon Priester, Bischof und Papst geweihet sei; ob wohl nit einem iglichen ziempt, solch Ampt zu uben... Drumb soll ein Priesterstand nit anders sein in der Christenheit, dann als ein Amptmann[4]).

Далѣе о необходимости для духовенства подчиняться свѣтской власти Лютеръ пишетъ: So folget aus diesem, dass Laye, Priester, Fursten, Bischof,

---

[1]) K. Rieker, SS. 93—114.

[2]) См. M. Luther, An den Christlichen Adel deutscher Nation von des Christlichen Standes Besserung, 1520. (Изданія Erlangen Bd. 21, S. 281 ff.; Weimar Bd. VI, S. 407 ff.). Рус. перев. см. „Источники по исторіи Реформаціи“ вып. 1. Москва 1906 стр. 5.—Ср. K. Rieker, SS. 58—67. 105.

[3]) Съ этими словами ср. Духовный Регламентъ. Черн. рук. л. 31 об.

[4]) Editio Erlangen, 1832, Bd. XXI, S. 282, 283. Ср. выше стр. 134.

und wie sie sagen, Geistlich und Weltlich, keinen andern Unterscheid im Grund, wahrlich, haben, denn des Ampts oder Werks halben, und nit des Stands halben... Nu sich, wie christlich das gesetzt und gesagt sei, welt-Ubirkeit sei nit uber Geistlikeit, soll sie auch nit strafen... Drumb sag ich: dieweil weltlich Gevalt von Gott geordnet ist, die Bosen zu strafen, und die Frummen zu schutzen, so soll man ihr Ampt lassen frei gehen unvorhindert, durch den ganzen Korper der Christenheit, niemands angesehen, sie treff Papst, Bischof, Pfaffen, Münch, Nonnen, oder was es ist[1]).

Also—заключаетъ Лютеръ,—mein ich, diese erste Papiesmaur lieg darnieder; seintemal weltlich Hirrschaft ist ein Mitglied worden des christlichen Korpers. Und wiewohl sie ein leiblich Werk hat, doch geistlich Stands ist; darumb ihr Werk soll frei unvorhindert gehen in alle Gliedmass des ganzen Korpers, strafen und treiben, wo es die Schuld vordienet oder Noth fodert, un angesehen Papst, Bischof, Priester, sie dräuen oder bannen, wie sie wollen[2]). Darumb, wa es die Noth fordert, und der Papst ärgerlich der Christenheit ist, soll darzu thun, wer am ersten kann, als ein treu Glied des ganzen Korpers, dass ein recht frei Concilium werde[3]).

Въ дополненіе къ приведеннымъ выпискамъ изъ посланія Лютера „къ христіанскому дворянству“ необходимо прибавить его взгляды, развитые имъ въ Большомъ Катихизисѣ, при объясненіи четвертой заповѣди. Здѣсь Лютеръ различаетъ три авторитета—родительскій, авторитетъ государственной власти и духовной должности. Въ проповѣди на пс. 65 онъ говорилъ: „Es sind dreierlei Regiment auf Erden, von Gott geordnett und gestiftet. Das *erste* heiszt sein Himmelreich, das ist sein göttlich Wort und Gottesdienst, da er regieret über Gewissen und Seelen durch die Predigt, Taufe und Sacrament, und billig heiszt und heiszen soll das *christlich* oder *göttlich Regiment*.—Das *andere*, das sind Königreich und Fürstentum, Land und Leut oder Gemeinen, so wir heiszen das *weltlich Regiment*, oder weltliche Herrschaft und Oberkeit. Das *dritte* ist das letzte und unterste Regiment, da einem jeglichen gegeben ist sein Weib, Kind, Haus und Hof, diselbigen zu regieren, dass er der Nahrung warte und das Land baue. Den die andern können dasselbe nicht warten, so im Predigtamt sind, noch die da regieren und raten sollen. Darum muss der *dritte Stand* auch da sein (nämlich der gemeine Mann), die das Land bauen und arbeiten, dass sie und andere sich nähren können“[4]).

Взгляды Лютера получили свое развитіе у *Меланхтона*. Между прочимъ, онъ первый обосновалъ ученіе о власти ландесгерра на томъ, что онъ есть custos utriusque tabulae[5]). Въ своемъ сочиненіи „Loci theologici“ въ главѣ De Magistratibus civilibus et dignitate rerum politicarum[6]) онъ пишетъ:

---

[1]) Ibidem S. 283—284. Ср. выше стр. 134. [2]) Ibidem S. 285. [3]) Ibidem S. 290.

[4]) Цитату изъ Эрлангенскаго изданія т. 25, стр. 447 см. у K. Rieker, S. 68.— Это ученіе *о трехъ состояніяхъ* (triplex ordo hierarchicus), которое также послужило для обоснованія власти ландесгерра, восходитъ къ концу среднихъ вѣковъ (Виклифъ, ок. 1320—1384; Гусъ, 1369—1415), а чрезъ него къ древности (Платонъ).

[5]) Ср. K. Rieker, SS. 93—97. 105.

[6]) Corpus Reformatorum vol. XXI, 1854, p. 542—554.

„Plurimum prodest in Ecclesia extare veram et firmam doctrinam de Magistratibus et dignitate rerum civilium. Saepe enim exorti sunt fanatici spiritus, qui negarunt Christianis licere Magistratus gerere, exercere iudicia, tenere imperia (col. 542)... Adversus huiusmodi errores muniendi sunt animi, et vera doctrina de discrimine spiritualis et politicae vitae tenenda, et dignitas rerum politicarum illustranda est. Id prodest ad pietatem et ad publicam tranquillitatem (col. 543). Переходя къ изложенію христіанскаго ученія о свѣтской власти, Меланхтонъ говоритъ: Evangelium docet de quadam spirituali et aeterna iustitia in corde, nec abolet interim in vita corporali oeconomiam aut politiam, sed docet et oeconomiam et omnes politias ratione constitutas, bonas ordinationes Dei esse (col. 543). Однако Evangelium non constituit novam corporalem politiam, sed iubet nos praesentibus magistratibus ac legibus obtemperare, iubet praesentes politias conservare et ornare. Ita in genere docet, quod politiae sin res licitae et beneficia divina. Iubet magistratus diligenter suum officium facere, iubet subditos obedire, et quidem propter conscientiam (col. 549—550). Сказавъ затѣмъ болѣе подробно объ обязанности подданныхъ повиноваться, Меланхтонъ обращается къ опредѣленію власти царей и князей. Primum enim nihil debent contra ius divinum et ius naturale mandare aut agere. *Magistratum custodem esse non solum secundae tabulae, sed etiam primae tabulae, quod attinet ad externam disciplinam.* Hoc est: Ad magistratum petrinet non solum cura tuendae tranquillitatis civium, seu depellendi iniurias corporum et fortunarum, sed etiam disciplinae in religionae retinendae (col. 552, 553). Cum autem Magistratus sit custos legis ac disciplinae, profecto maxime hanc partem tueri debet de externa reverentia erga Deum, quod heec pars maxime ad disciplinam pertinet, sicut omnium gentium legibus puniri periuria. Deinde hoc consideret sapiens Magistratus unum hunc principalem finem esse, quare ad societatem conditi sunt homines, ut videlicet innotescat Deus ac glorifietur (col. 553). Debent igitur Magistratus prohibere impios cultus et impiorum dogmatum professionem, debent punire haereticos. Sed viderint, ut recte iudicent, ne fiant ministri alienae crudelitatis aut impietatis. Pertinet autem cognitio doctrinae ad Ecclesiam, hoc est, ad pios et recte doctos. Estque Ecclesiae membrum ipse etiam Magistratus, quem decet suis oculis maxime videre (col. 554).

Въ другомъ мѣстѣ—Philosophiae moralis epitome, lib. I (Corpus Reformatorum vol. XVI, 1850 г.),—Меланхтонъ развиваетъ свои мысли слѣдующимъ образомъ. Sunt autem distincta officia episcoporum, et potestatis politicae... Principes et magistratus debere impios cultus tollere, et efficere, ut in Ecclesiis vera doctrina tradatur, et pii cultus proponatur (col. 85), потому что magistratus est custos primae et secundae tabulae legis (col. 87), и cessantibus episcopis, aut si ipsi episcopi falsa doceant, reliqua Ecclesia debet malos pastores ab officio removere, et in quolibet coetu praecipua membra caeteris praeire debent, et iuvare alios, ut emendetur Ecclesia. Principes et caeteri magistratus debent esse praecipua membra Ecclesiae: ergo necesse est illos hanc emendationem inchoare et adiuvare (col. 89)... Et hanc emendationem praecipue adiuvare debent magistratus, tanquam potiora membra Ecclesiae (col. 89).

Относительно цѣли государства Меланхтонъ того мнѣнія, что finis societatis humanae proprius et praecipuus est, ut Deus innotescat... Errant igitur magistratus qui divellunt gubernationem a fine, et se tantum pacis ac ventris custodes esse existimant (col. 91).

Изложенныя мысли Лютера и Меланхтона нашли себѣ богатое примѣненіе въ протестантскихъ теоріяхъ XVII в., старавшихся обосновать власть ландесгерра въ дѣлахъ церковныхъ[1]. Эти теоріи воспользовались „ученіемъ о трехъ состояніяхъ“ (triplex ordo hierarchicus), по которому, какъ мы видѣли, цѣлое christianitas раздѣляется на три состоянія: 1) status politicus—свѣтское управленіе, христіанское правительство для поддержанія политическаго порядка (ordo politicus); 2) status ecclesiasticus—духовное управленіе, проповѣдники, теологи, которымъ ввѣренъ ordo ecclesiasticus и 3) status oeconomicus sive domesticus—простолюдины, отцы семействъ, подъ управленіемъ которыхъ находится жена, домъ, дворъ, т. е. ordo domesticus, питающій все общество. Троякое комбинированіе историческихъ фактовъ съ этимъ ученіемъ о трехъ состояніяхъ создало три системы: епископальную, территоріальную и коллегіальную[2].

По первой, *епископальной* системѣ церковная власть принадлежитъ собственно status ecclesiasticus, т. е. проповѣдникамъ и теологамъ. Если же въ дѣйствительности въ протестантскихъ земляхъ эта власть находится въ свѣтскихъ рукахъ, то только въ силу неправильнаго толкованія пассаускаго договора[3] въ церковныхъ уставахъ (Kirchenordnungen) XVI в.[4].

---

1) K. Rieker, SS. 208—274.

2) См. напр., Leonard Hutter (1563—1916), Loci communes theologici (Wittenbergae a. 1661, первое изданіе 1619), locus XXXII De Magistratu civili p. 994—1045: „Ecclesia enim militans Christi posita est solum in tribus partibus: prima pars sunt presbyteri, qui imitari debent deum, Sicut nuntii, in moribus magis propinque, vivere in humilitate de elemosyna sicut Christus; secunda pars militantis ecclesiae sunt temporales domini, qui debent esse in loco deitatis, et presbyter, qui vivit in humilitate et paupertate, est in loco humanitatis Jesu Christi, et domini debent defendere testamentum dei secundum potestatem rectam ratione, propterea enim servitium ipsi tenent a Christo, tamquam a supremo domino, quidquid habent; tertia pars militantis ecclesiae est communis populus, qui est divisus in plura manualia artificia. Haec est infima pars et fundamentum, et sustentat duas alias partes in necessitatibus corporalibus. Et amor, qui est tertia persona in deitate, debet connectere istas tres partes, ut se mutuo juvent et utantur: clerus deberet religiosius vivere et purius in moribus, quam aliae duae, et eas docere verbis et operibus, viam salutis; media pars, quae est domini temporales, debent cum una moderata honorificentia juvare alias duas partes secundum ordinationem dei in his rebus, quae praestant subsidium in comprehensionem beatitudinis; tertia pars voluntarie debet secundum testamentum dei servire aliis duabus partibus. Et hae tres partes debent ésse unum corpus ecclesiae, ordinate in caritate currentis ad comprehendendum beatitudinem paternae patriae“.

3) Заключенъ въ Іюнѣ 1552 г. между католическими и протестантскими имперскими чинами; признаетъ свободу аугсбургскаго исповѣданія и отмѣняетъ аугсбургскій интеримъ Императора Карла V; съ небольшими измѣненіями обращенъ въ аугсбургскій религіозный миръ 1555 г.

4) Подъ именемъ Kirchenordnungen извѣстны свѣтскіе законы, изданные въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ земляхъ, начиная съ 1528 г., князьями или городскими магистра-

Систему эту развивали Гергардъ, Рейнкингкъ, братья Іоахимъ и Матѳей Стефани, юристъ Венедиктъ Карпцовъ, богословъ І. Венедиктъ Карпцовъ, Самуилъ Стрикъ и др.[1]). По ихъ воззрѣніямъ сущность епископальной системы заключается въ томъ, что Landesherr является правопреемникомъ католическаго епископа и потому слѣдуетъ различать двойственную власть ландесгерра—свѣтскую и духовную. Одни (Стефани) мотивировали это тѣмъ, что свѣтскіе князья получили не принадлежавшую имъ епископскую власть въ силу имперскаго закона (Пассаускаго договора 1552 г. и Аугсбургскаго религіознаго мира 1555 г.), другіе (Рейнкингкъ, Гергардъ и оба Карпцовы) тѣмъ, что церковная власть по существу всегда принадлежала свѣтскимъ князьямъ въ силу ихъ государственной власти (но не какъ часть ихъ государственной власти), а какъ custodibus utriusque tabulae, т. е. какъ стражамъ обѣихъ скрижалей закона, такъ что имперскіе законы лишь возвратили свѣтскимъ князьямъ то, что было отъ нихъ незаконно отнято[2]).

тами для урегулированія протестантскаго церковнаго устройства и богослуженія. О нихъ см. Dr. B. Hübler, Kirchenrechtsquellen, Berlin 1902⁴, стр. 90—100.—E. Richter, Die evang. Kirchenordnungen des 16 Jahrh. Weimar 1846, 2 Bde.—Dr. E. Sehling, Die evangelischen Kirchenordnungen des XVI. Jahrhunderts. 5 Bde. Leipzig 1902—1913.—E. Friedberg, Die geltenden Vervassungsgesetze der evang. deutschen Landeskirchen, Freiburg 1885 и 3 дополнительныхъ тома 1888, 1890 и 1893 г.; дальнѣйшее продолженіе въ Zeitschrift für Kirchenrecht, Bd. 23 и слѣд. См. также статью Sehling'a „Kirchenordnungen“ въ Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche, Bd. X S. 458—460. 3 Aufl.

[1]) Сочиненія названныхъ лицъ очень важны, во-первыхъ, потому, что они развиваютъ ученіе Меланхтона о custodia, которое послужило источникомъ для „блюстительства“ въ Духовномъ Регламентѣ; а во-вторыхъ, потому что *очень близкую*, по нашему мнѣнію, *идейную связь съ ними имѣетъ сочиненіе Ѳеофана Прокоповича „Розыскъ“ о понтифексѣ* (см. т. II, прилож. № 10), написанное имъ съ аналогичной цѣлью обосновать *юридическое* подчиненіе Церкви власти Русскаго государя.

[2]) *Iohannes Gerhard* (1582—1637) Loci theologici, tomus VI, p. 1 sqq. Francofurtu et Hamburgi 1657. *De ministerio ecclesiastico* (prooem. § 2). Tres status in Ecclesia. Tales Status sive Ordines in Ecclesia a Deo instituti num erantur tres, videlicet *Ecclesiasticus, Politicus,* et *Oeconomicus,* quos etiam *Hierarchias* appellare consueverunt. Oeconomicus ordo inservit generis humani multiplicationi; Politicus eiusdem defensioni; Ecclesiasticus ad salutem aeternam promotioni. Oeconomicus ordo oppositus est a Deo vagis libidinibus; Politicus Tyrannidi ac latrociniis; Ecclesiasticus haeresibus ac doctrinae corruptelis.... Sicut Noa arcam a se sabricatam in tristega, i. e. in tres distinctas contignationes divisit (Gen. VI, 16) ut omnis generis animalia ad ipsum ingressa κατα τάξιν easdem occuparent: sic Deus ipse universam hominum societatem in tres vitae ordines divisit. Potest huc applicari typus arcae foederalis. In ea erat Virga Aaronis, quae denotat Ordinem Ecclesiasticum, tabulae Decalogi, quae denotant Ordinem Politicum, quia Magistratus est custos utriusque tabulae, et urna cum manna, quod denotat Ordinem Oeconomicum victui parando incumbentem (p. I ibidem.).

Въ трактатѣ De Magistratu politico, (ib. t. VI p. 231 sqq) въ § 165 Ioh. Gerhard разсматриваетъ вопросъ о томъ an ad Magistratum politicum

Вторая и третья системы, *территоріальная и коллегіальная*, исходили обѣ изъ идей школы естественнаго права, по которой государство не есть божественное установленіе, а результатъ общественнаго договора сво-

---

religionis et sacrorum cura pertineat. Онъ выставляетъ при этомъ два положенія: 1) Christianum et pium Magistratum non posse nec debere *ab omni religionis et sacrorum cura* simpliciter excludi; 2) *certi limites* constituendi sunt, ne Ecclesiastici ac politici ordinis munia confundantur, sed utrique debitae partes reliquantur. Первое положеніе онъ доказываетъ прежде всего ex mandatis divinis. Magistratui divinitus commissa est *custodia legis divinae*, jam vero ad legem divinam pertinet non solum posterior Decalogi tabula de officiis proximo praestandis, verum etiam prior de cultu divino, eiusque publico exercitio (p. 298 b.) Приведя затѣмъ рядъ ссылокъ на св. писаніе, Gerhard говоритъ: Ex quibus omnibus sic concludimus: Cui custodia legis divinae est commissa, ad illum quoque spectat religionis et sacrorum cura. Sed Magistratui sommissa est legis divinae custodia. Ergo ad Magistratum etiam spectat religionis et sacrorum cura (p. 298) b.).

Theodorus Reinkingk, Tractatus de regimine seculari et ecclesiastico, Giessae Hessorum 1619 (первое изданіе 1616 г.). De regimine ecclesiastico Reinkingk говоритъ въ III книгѣ своего трактата, раздѣленнаго имъ на два класса. Classis I начинается главою: de iure Imperatoris, Regum, Principum et aliorum Magistratuum, circa regimen Ecceltiasticum. Reinkingk исходитъ изъ того положенія, что in regimine ecclesiastico duo potissimum spectantur, ipsa potestas spiritualis et cura secularis circa illam externis ritibus pie instituendam et dirigendam. Вторая власть—potestas circa ecclesiastica respicit legitimam Religionis introductionem, et introducte conservationem. (cap. I, 1). Эта власть circa ecclesiastica принадлежитъ по праву магистрату: Haec potestas circa ecclesiastica recte ad Magistratum pertinet, qui custos esse debet utriusque tabulae; omnemque curam et sollicitudinem in eo collocare, ut Religionis inprimis summa habeatur ratio. Certum enim est, Ecclesiam esse in Republica, non vero—Rempublicam in Ecclesia. Unde Reges nutritii, Reginae vero nutrices Ecclesiae appellantur (cap. I, 5. 6). Hinc etiam,—продолжаетъ Reinkingk,—in multis Imperii Recessibus Imp. Romano id tribuitur, quod sit der gantzen Christenheit ein Schutz- und Schirmherr (здѣсь онъ ссылается на постановленія рейхстаговъ 1518 г., 1541, 1530, 1529 г., въ которыхъ встрѣчаются синонимичныя наименованія: Advocatus, und uns als Advocaten und Beschirmer der Christlichen Kirchen, Supremus praefectus, Vogt der H. Christlichen Kirchen, Obrister Vogt unsers Christlichen Glaubens и др.). Откуда у Императора это право?—Reinkingk отвѣчаетъ: Habet hoc ius Imperator et Magistratus non ex privilegio Papae, sed *iure regio* potestatis a Deo concessae (cap. I, 9). Christus et Apostoli Ecclesiam, quatenus in hac vita militat, politicae potestati subiecerunt. (Дѣян. 25; Рим. 13; I Петр. 2.—Cap. I, 11). Ближайшее опредѣленіе содержанія понятія custodia и cura religionis находится въ гл. IV—IX. Ad curam Principis ecclesiasticam,—говорилъ Reinkingk,—pertinet curare nec errores perniciosi et schismata in Ecclesiam inducantur, inducta foveantur, ac dissensionibus et inanibus contentionibus purus Dei cultus impediatur et candida sponsae stola defoedetur (cap. IV, 1). Ortis autem erroribus, dissensionibus et schismatis, nihil ad conciliandas dissensiones et extirpandos errores salubrius est, quam conciliorum convocatio (cap. IV, 2). Auctoritas convocandi concilia, non ad Pontificis, sed ad Principis curam ecclesiasticam et officium pertinet, qui non solum interesse, sed etiam praeesse conciliis debet (cap. IV, 4). Далѣе,—Ad

бодныхъ людей, заключившихъ pactum unionis. Въ возникшемъ такимъ образомъ союзѣ появляется власть, основывающаяся на новыхъ двухъ договорахъ: pactum constitutionis и pactum subiectionis. Равнымъ образомъ и

---

principis potestatem ecclesiasticam pertinet cura vocationis, visitationis, sustentationis et protectionis, ut scilicet ministri iuxta divinitus institutum ordinem vocentur, visitatione et inspectione decenti excitentur, ac honeste sustententur et defendantur (cap. VI, 1). Здѣсь, однако, Reinkingk различаетъ cura vocationis отъ самой vocatio: Dixi autem curam vocationis ad potestatem pertinere; quia ipsa vocatio bonum et munum est totius Ecclesiae, pertinens non ad ius Politicae, sed regnum Christi, cum discrimen sit inter regna Politica et regnum Christi. Nam cui datae sunt claves regni coelorum et data est potestas vocandi idoneos ministros. Sed toti Ecclesiae datae sunt claves regni coelorum (cap. VI, 2). Sicut autem Princeps hoc ius vocandi Ministros Ecclesiae sibi soli adscribere non potest nec debet; ita nec ministerium has partes sibi vindicabit (cap. VI, 10).—Ad praecavendas contentiones,—говоритъ далѣе авторъ,—in plurimis Ecclesiis Evangelicis constituta sunt Consistoria Ecclesiastica, ex viris ecclesiasticis et honoratis, religiosisque politicis, negotia Ecclesiastica vocationis et alia expediendi, qui Ecclesiam repraesentant, quo tamen non omnis potestas populo adimitur, si iustas contradicendi causas habeant, ne invitis obtudatur quispiam (cap. VI, 19). Сказавъ затѣмъ о визитаціяхъ (cap. VII), о содержаніи духовенства (cap. VIII) и о правѣ патроната (cap. IX), въ X главѣ авторъ говоритъ de consistoriis ecclesiasticis, et foro causarum spiritualium. Cum per Transactionem Passaviensem et subsecutam Religionis pacificationen (de qua ineunda et perficienda Imperatores et S. Rom. Imperii Status et Proceres ultra triginta annos in Comitiis tam universalibus, quam particularibus anxie tractarunt) iurisdictio Ecclesiastica Pontificiorum in terris et ditionibus Augustanae Confessionis addictorum, plane sit suspensa, ideoque hisce in suis terris iurisdictio tam Ecclesiastica quam Secularis vigore territorialis Superioritatis, Krafft habender Landsfürstli Obrigkeit, kompetit, et vigore eiusdem exercetur. Et per hanc pacificationem non tam data, quam restituta fuit magistratibus secularibus iurisdictio Ecclesiastica. Et sicut Archiepiscopi, Episcopi et multi ex Präelatis utrumque tribunal principum benignitate nacti iam dudum exercuerunt, ita etiam multo aequius, ut et Seculares Imperii Status ex gravissimis causis utramque iurisdictionem decenter et convenienter usurpent, tam in his quae sunt Ordinis, quam quae sunt iurisdictionis, Episcopali ac legis Dioecesanae (cap. X, 1—3). In his itaque quae ordinis sunt, ut est praedicatio publica verbi divini, administratio Sacramentorum, potestas ligandi et absolvendi, quae clavium dicitur, et ipsum Ministerium respiciunt, Principes et Status Augustanae Confessionis Seculares se ipsos non intromittunt, sed curam et potestatem externam circa haec usurpant, ut per Superintendentes et Ministros Ecclesiae, secundum ordinem divinitus institutum, ad normam Evangelicam, decenter perficiantur. Ea vero quae sunt iurisdictionis Ecclesiasticae et legis Dioecesanae per Consistoriales expediunt (cap. X, 5—6). Classis II этой III книги своего сочиненія Reinkingk посвящаетъ разсмотрѣнію существа духовной власти: de potestate ecclesiastica, spirituali, и опредѣляетъ ее словами: Potestas ecclesiastica describi potest, quod sit potestas spiritualis ordinata a Deo, functiones Sacerdotii perficiens, ad spirituale hominis bonum (cap. I, 1). Далѣе слѣдуетъ болѣе детальное развитіе этой мысли (cap. II, de disciplina et poenis ecclesiasticis; cap. III, de personis ecclesiasticis, earumque ordine et discrimine).

церковь не разсматривается больше какъ божественное установленіе, но какъ возникающая изъ общественнаго договора коллегія въ государствѣ

Ioachim Stephani (1577—1623) юрисконсультъ, совѣтникъ, орд. профессоръ Gryphisvvaldens Academiae. Institutiones iuris canonici, in tres libros secundum tria iuris obiecta partitae, et ad praesentem Ecclesiarum Germaniae statum directae, nunc secundo editae Anno MDCXII Francofurti (1-е изд. было въ 1599). Большое теоретическое значеніе для уясненія взглядовъ I. Стефани имѣетъ его Ad S. S. Ecclesiae Christianae Deo amailes episcopos Praefacio, въ которомъ онъ говоритъ: Tria sunt in Ecclesia Ghribstiana necessario expendenda. Primum est verbum Dei, quod publica professione in omnibus Ecclesiis pari sententia et intellectu docendum est. Secundum ritus solennes vel ceremoniae. Tertium est gubernatio Clericorum Iurisdictionis modo ordinario, ut Clerici omnimodae iurisdictioni sunt subiecti Episcopis Dioecesium, quibus et Laici in spiritualibus causis parent, uti et omnes res Ecclesiae a dispositione Episcoporum et eorum iurisdictione pendent (f. 2). Разъяснивъ далѣе (f. 3—4) происхожденіе и значеніе перваго и второго, Stephani обращается къ изслѣдованію происхожденія церковной юрисдикціи и выводитъ ее не только отъ вселенскихъ соборовъ, но даже отъ императорскихъ конституцій языческихъ временъ. Tertium requisitum quod ad Ecclesiae conservationem spectat,—говоритъ Stephani,—est iurisdictio Ecclesiastica, sub qua omnes Clerici, qui ministerio religionis in Ecclesiis et officio in Scholis perfunguntur, uti et omnes res Ecclesiae continentur et gubernantur: De qua iurisdictione Ius Canonicum tractat, et in praesenti opere docetur. Cum enim Clerici sint Sors et Haereditas Dei propter eminentiam muneris, quo funguntur in Ecclesia, a iurisdictione Laicorum iudicum, ac multo magis Patronorum exempti sunt, et sub Episcopis Laicorum tam Lege Dioecesana quam iurisdictionali continentur. Cuius privilegia no solum a Canonibus Synodorum Oecumenicarum, verum etiam Constitutionibus Imperatorum profecta sunt. Далѣе слѣдуетъ теорія перенесенія власти римскаго понтифекса на императоровъ. Si enim Augustus Caesar potentiam Romani Pontificis, quam is in Sacerdotes, Flamines, Augures, Diales et in provinciis, unde Alitarchas, Syriarchas habuit, ad se ideo pertraxit, ut Imperii partem maximam hoc ipso habere arbitratus est: unde et se Pontificem maximum eligi et declarari una cum Imperatore voluit, quo Imperium et Sacerdotium coniunctim obtineret, et Pontifex Maximus et Imperator Romanus simul nuncuparetur: quanto magis Imperium Romanum, et quodlibet in eo membrum perfectissimis partibus constare habetur, cum religio Christiana in societatem cum literis Imperii coierit. Hoc autem Sacerdotium Pontificis Romani Imperatoris omnes gentiles successores, ut patet ex Fastis Capitolinis, etiam una cum titulo Imperatoris adepti sunt, usque ad Constantinum Magnum, qui Episcopis Christianis iurisdictionem in Clericos maxima parte restituit: quae iura Episcopalia inde successione annorum in Ecclesia ab Episcopis exercita sunt. Et cum ea nunc ex constitutione Imperii ad Principes et Status Imperii una cum Abbatiis, Prioribus, Monasteriis et aliis rebus Ecclesiasticis, sub fiducia tamen ut restituantur, non vero in proprietatem redigantur, translata sint, convenit maxime his magistratibus etiam ius spirituale seu Episcopale, ut Clerici omnes eis tanquam magistratui ordinario subiecti sint, nec aliorum iurisdictione aut mandatis, qui Status Imperii non sint, constringantur et obligentur. Quam iurisdictionem Ecclesiasticam Principes per Consistoria hodie exercent, quae a secularibus Consistoriis separata sunt, ideo, quod in Ecclesiasticis iuris Canonici potissima sit habenda ratio. Sic et hi idem Principes et Status Imperii res Ecclesiae iure Episcopali administrant, dispensant, et iurisdictionis exercitio

Въ виду этого ученія средневѣковая идея единства государства и Церкви, идея объ unum corpus christianum, была совершенно оставлена. Государство

regunt, cum sint hae res in Christi tantum patrimonio seu in ipsius dominio, in dispensatione Episcopi, in perceptione fructuum vero Clericorum (f. 4. в.—5). Разсмотрѣнію содержанія правъ епископа посвящена VII гл. 1-ой книги— de iure Episcopali (р. 32—52). Здѣсь имѣютъ значеніе заключительныя слова. Illud autem observandum est, quod reformatione Religionis haec iura Episcopalia, quoad Ordinem, L. Dioecesanam et L. Iuridictionis, quae ad Episcopos ordinarios spectant, pleno et summo iure exercenda, Decreto Imperiali in Passoviensi conventu edito, ad Principes territoriorum vel Dominos terrarum et Status Imperii et Imperio Romano, immediate subiectos, tanquam fiduciarios possessores, tantum translata et deposita sunt, ut pro statu Ecclesiae optimo haec administrent et gubernent. Ut et ideo hodie religionem regioni cohaerere dici potest, ut cuius sit *regio*, hoc est, Ducatus, Principatus, Territorium seu Ius territorii, eius etiam sit *religio*, hoc est, ius Episcopale seu iurisdictio spiritualis. Pro administratione autem iuris episcopalis, quod est individuum, hodie Principes Germaniae et Status Imperii, immediate Imperatori et Imperio Romano subiecti, duobus mediis utuntur. Nam ea, quae sunt Ordinis per Superintendentes, et quae sunt Legis Dioecesanae et Legis Iurisdictionis foro Ecclesiastico per consistoriales consensu Statuum Provincialium, Imperatori et Imperio Romano mediate subiectorum, constitutos, ut ex Constitutionibus Ecclesiasticis liquet, administrant (p. 51—52).

Matthias Stephani, Tractatus de iurisdictione libri III. Liber III, p. I, cap. I, § 1: Duplex enim est iurisdicto Politica sive secularis, et spiritualis sive Ecclesiastica, иначе Sacerdotium et Imperium. Sane aliquando accidit, quod iurisdictionem Ecclesiasticam exercens, concurrat cum eo, qui iurisdictionem secularem habet. Prout et apud Hebraeos quondam atque Romanos iidem Reges erant et Pontifices. Nam malorum haec consuetudo fuit, ut Rex esset Sacerdos et Pontifex: unde et Pontifices Romani Imperatores apellabantur. (§ 7, 8). Verum ea iurisdictio nihil commune habet cum Sacerdotis officio; ideoque cum eam exercet Sacerdos, aut eius nomine alius, duplicem personam gerere intelligitur, secularem et Ecclesiasticam (§ 9). Quandocunque autem Episcopus et Princeps in unam personam recidunt (§ 10). Seculares quoque Duces, Principes et reliqui status Impepii, itidem duplicem sustinent personam, puta Principis et Episcopi; ideoque duplicem etiam exercent iurisdictionem, secularem sive civilem, et spiritualem sive Ecclesiasticam. Illam habent iure territorii sive Ducatus, de quo sunt ab Imperatore investiti: hanc vero ex concessione Imperiali, vigore decreti Passoviensis. (§ 14—15). Обѣ юрисдикціи осуществляются государями не слитно, а одна въ свѣтскихъ канцеляріяхъ и судилищахъ, другая въ консисторіяхъ или судилищахъ церковныхъ. (§ 16). Въ гл. XV M. Stephani прямо говоритъ: Caeterum iura illa Episcopalia, tam quoad ea, quae sunt ordinis, quam quae sunt iurisdictionis et legis dioecesanae, quae aliis ordinariis competunt, hodie etiam ad Status Imperii ex decreto sive transactione Passoviensi pertinent; eaque expediri curant tum per consistoria Ecclesiastica, tum per Superintendentes. И далѣе о нихъ спеціально.

Benedicti Carpzovii (1595—1666) Definitiones ecclesiasticae seu consistoriales. Lipsiae anno 1721 (первое изданіе 1649 г.). Весь первый титулъ трактуетъ de iuribus episcopalibus и начинается съ положенія: nequaquam errant, qui curam religionis et defensionem Ecclesiae, non minus ac iustitiae administrationem, officio Magistratus Politici assignant (§ 1), такъ какъ ius rerum Sacrarum ad summum Imperium recte refert, (§ 2) и еще античные

уже не ставило своею задачей совмѣстно съ Церковью заботиться о спасеніи душъ человѣческихъ, но благополучіе подданныхъ, иначе сказать

государи несли совмѣстно обязанности царства и священства (§ 3), quo intuitu etiam Imperatores Romani quondam Pontificis titulo honorati fuerunt (§ 4). Приведя далѣе примѣры изъ библейской и древней исторіи, Carpzov говоритъ: et hoc ipsum est, quod Magistratus dicitur custos utriusque tabulae (§ 12)... quo sunt et dicuntur Advocati et defensores Ecclesiae, der Christlichen Kirchen Advocaten Schütz- und Schirmherren, Obristen Voigte der Christenheit (§ 13). Эти права магистратъ получилъ non ex privilegio Papae, sed iure Magistratus ac potestatis, a Deo ipsi concessae (def. II, § 1—2) и кромѣ того ex constitutione Pacis Religionis Passavii 1552. (§ 5). На этомъ основаніи государи осуществляютъ двоякую власть въ своихъ территоріяхъ, политическую и церковную (§ 7), не смѣшивая ихъ (§ 13). Sed nimirum,— говорилъ Carpzov,—distinguendum est inter *potestatem Ecclesiasticam internam et externam:* illa, quae nempe consistit in praedicatione verbi, administratione Sacramentorum, et potestate clavium, ipsumque respicit ministerium, Ecclesiae ministris relinquitur, nec possunt Principes et Status politici se huic intromittere: Haec autem, externa scilicet potestas Ecclesiastica, quae propagationem Religionis, iurisdictionem Ecclesiasticam, curam ac defensionem Ecclesiae respicit, nequaquam Magistratui politico est deneganda. Изложивъ затѣмъ болѣе подробно содержаніе церковной власти магистрата, въ defin. XI Carpzov объясняетъ, что iura episcopalia называются такъ не потому, чтобы онѣ принадлежали собственно iure divino епископамъ, исключая христіанскій магистратъ и народъ, а потому, что Episcopi Pontificii tempore Papatus, excluso Magistratus Christiano, sibi solis ea vendicarint, quae per Passaviensem pacificationem ipsis, velut iniustis possessoribus erepta et Christiano ac pio Magistratui sunt restituta. (§ 1—2). Однако магистратъ чисто религіозныя дѣла оставилъ въ рукахъ служителей церкви, сохранивъ за собою лишь внѣшнія дѣла, которыя vel per Consistoria, vel immediate ab ipso peragatur (§ 3—8). Описанію саксонскихъ консисторій посвящена dist. XII. Любопытно отмѣтить еще, что совмѣщая въ лицѣ государя двѣ власти, Carpzov особенно настаиваетъ на различіи ихъ титула: Sed bene advertendum, diverso iure duplicem potestatem uni Domino competere: Nam secularem et politicam potestatem Magistratus tenet iure haereditario, ut princeps politicus; at potestatem Ecclesiasticam ex transactione Passaviensi, usque dum amicabiliter negotium Religionis universale fuerit compositum, ut Pontifex et Episcopus exercat; nequaquam ergo diversae hae iurisdictiones misceri, sed diversis in iudiciis tractari debent (dist. XI, §14—15). Ср. *B. Carpzovii* Iurisprudentiae ecclesiastici seu consistorialis Synopsis (Paulo Baumanno) Lipsiae 1683, p. 1—9.

Богослова *Iohannis Benedikti Carpzovii* см. De iure decidendi controversias theologicas, 1696. Изложено у *K. Rieker*, SS, 220—222.

Samuel Struk (1640—1710) De iure Statuum Imperii circa Sacra (Supplementum Dissertationum et operum sive tractatuum iuridicorum. Vol. XIII, p. 232—257). Francofurti et Lipsiae MDCCLII. Cap. I. Postquam enim desiderium propriorum commodorum privataeque utilitatis, et mutuus metus homines in societatem quasi illexisset, vel si quae aliquae causae societatum ab aliis traduntur, consultum imo necesse habuerunt summum aliquod in Republica constituere arbitrium, idque vel in unum vel in plures personam moralem constituentes transferre. Такъ представляетъ себѣ Stryk происхожденіе государства и государственной власти вообще. Но: Sub translatione huius iuris summi non

само государство являлось для себя цѣлью. Государственная власть представлялась ничѣмъ неограниченною. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ поло-

---

solum ea quae ad constitutionem et conservationem rerum profanarum concurrunt, venire censentur, sed et ius circa sacra summae potestati tributum esse necesse est. Это положеніе Stryk подтверждаетъ доказательствами, заимствованными изъ „политики", св. писанія, библейскихъ примѣровъ, и т. д. Наиболѣе существенны для насъ его „политическія основанія". Cum enim certum sit,—говоритъ онъ,—summae potestati civili totius Reipublicae curam commissam esse, insuperque constet, Ecclesiam in Republica esse non Rempublicam in Ecclesia, non video qua ratione Maiestas Rempublicam regere, Ecclesia vero potestati eius exempta esse probari possit. Quodsi insuper Magistratui incumbit subditorum opiniones de Sacro Numine diiudicare, ne religio, quae alias Rerumpublicarum vinculum est, discordias pariat; religionis sacrorumque curam a Magistratui civili nequaquam esse negligendam satis manifeste patet (cap. I, 2—4. Ср. у насъ т. II, начало Манифеста). Изъ дальнѣйшей аргументаціи очень важны § 8—9, въ которыхъ Stryk, ссылаясь на античныхъ авторовъ исторіи Рима, показываетъ, что царямъ всегда принадлежалъ понтификатъ. Nescio,—говоритъ онъ,—quo modo magis Romana me exempla delectant. Igitur ut ab ultimis auctoritatem repetam, Romulum Regem salutatum primum inatituisse sacra quaedam Albano ritu et alia Herculi, deinde politicos Magistratus testatur Liv. lib. I, addo Ciceronem de divinatione, cum sacris, inquit, et religione civitatem praecipue contineri existimaret Romulus, metuens ne quando illorum vilesceret auctoritas, aut eius neglectu populus profanus efficeretur, magnam curam sacrorum egit, legemque edidit: Sacrorum omnium potestas sub Regibus esto, Sacras Partes custodiunto. Точно также и Нума Помпилій Pontificem constituisse ipsique curam sacrorum commisisse legatur и др. цари. Наконецъ, Augustus Pontificatum Maximum mortuo Lepido suscepisset. Въ § 9 Stryk переходитъ къ христіанскимъ императорамъ и говоритъ: Agam igitur de iis qui Christianam Religionem amplexi, quos, antequam superstitio potestatem ipsorum labefactaret, pleno et illibato iure circa sacra gravisos esse Historiae Ecclesiasticae docent, и т. д. Въ § 11 Stryk устанавливаетъ самобытность этихъ правъ: Imperatores adhuc hodie ius ipsum circa sacra vi summae potestatis Civilis salvum retinuisse, quatenus Papae id indulsisse probari non possunt, и затѣмъ подчеркиваетъ, что свѣтскіе государи являются адвокатами Церкви, quae advocatia non tantum in turbis sedandis, sed et puro Religionis cultu servando consistit. Въ заключеніе Stryk даетъ точное опредѣленіе того, что онъ понимаетъ подъ ius sacrorum и ius circa sacra: Nimirum ius nostrum hoc, ius Sacrorum non infert; Sicuti enim uti de iure communi notum, ius circa rem a iure in re et iure ad rem in eo differt, quod illud neque in re fundatum sit, uti secundum, neque ex nuda obligatione descendat, uti tertium, sed dispositionem nobis tribuat agendi circa rem iuxta modum nobis compententem, ita quoque ius circa sacra, ius Sacrorum trancendit, quod res ordinis spectat et ministerialiter quasi in re sacra fixam sedem habet, eoque intuitu ius circa sacra tanquam architectonicum suspicere tenetur. Ius Sacrorum res Ordinis magis spectat, Jus vero circa Sacra latius patet, et externam curam puta disciplinam et directionem bonorum Ecclesiasticorum involvit, aliaque circa Sacra agit iuxta modum summae potestati convenientem. Дальнѣйшія главы этого трактата Stryk'a: Unde Status Imperii ius suum circa sacra nacti sunt (cap. II); In quo consistat ius Statuum circa sacra in genere (cap. III); De iure Statuum Imperii pontificiae religionis et protestantium circa sacra, quod inter se exercent (cap. IV); De iure Statuum

женій было то, что истина не признавалась за одной какой либо церковью. Стало мыслимымъ существованіе рядомъ многихъ равноправныхъ религіоз-

Imperii circa sacra quo protestantis religionis inter se gaudent (cap. V), авторъ въ общемъ развиваетъ только свои положенія. Но изъ его мыслей заслуживаетъ нашего особаго вниманія одна: Principes quatenus possint Capita Ecclesiae appellari (cap. III § 3). Далѣе Stryk продолжаетъ: His praemissi nobilem subiungo quaestionem: An Principes et Status Imperii Capita suarum Ecclesiarum possint perhiberi?—Stryk отвѣчаетъ: Henricum VII. Ecclesiae Anglicanae Caput se dixisse memoriae proditum accepi, et quidem eo ex tempore haec controversia magis ventilari coepit. Ego vero ut explicem atque excutiam intelligentiam meam, hoc assertum nihil mali in se continere crediderim, modo recte intelligatur. Scilicet Principem eo sensu Caput Ecclesiae non dico, quo Apostolus Christum Caput Ecclesiae praedicat ad Ephes. 5, vers. 23. Sed cum singularum Rerumpublicarum Sacra regimen aliquod visibile requirant, idque nemini nisi Principi competere demonstraverim, quis quaeso vereretur hanc sammam potestatem circa Sacra nomine Capitis Ecclesiae efferre. Eiusdem Sententiae Dn. Conringium esse constat *ex allegat. l. th. 136.* Igitur facile concesserim Principes Imperii Pontificum loco esse in suo territorio. § 4: Ex quibus omnibus multisque aliis perspicuum est, non urgentibus adeo niti Pontificios argumentis, quos inter Becanus aliique, qui Principem Ecclesiae membrum esse, et proinde sibi Capitis titulum arrogare non debere statuunt. Замѣчательно, наконецъ, что въ этомъ трактатѣ Stryk многократно цитируетъ книгу Сааведры, переведенную Ѳеофаномъ Прокоповичемъ (см. у насъ т. II, отд. 3, прил. № 11, стр. 21—25).

У Stryk'а есть еще трактатъ De Salute publica 1678 года (vol. VIII, p. 364—392), а также трактатъ De iure papali principum evangelicorum, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ:

Ius summum in terris circa sacra Maiestatis est. Si enim Princeps utriusque Tabulae custos, si qui praeest Reipublicae, cunctis in Republica praeest, excludi Ecclesia non poterit, Imperium igitur, et ut loquar, Sacerdotium ex eodem promanant fonte, eadem Origo, et conjunctio tanta est, ut dividi nequeant. (S. Strykii, Dissertationum iuridicarum vol. VII, p. 45—65. Francofurti MDCCXLV, cap. I, 1).

Интересно также его сочиненіе De potestate clericorum in secularibus (vol. VII, p. 610—622). Здѣсь онъ развиваетъ такія мысли: Quod clericorum potestas docendo, monendo, et quod summum est, a piorum coetu pietatis causa congregatio, impios excludendo, absolvatur, videre est Matth. 28 in fin и др. (cap. I, 1). Однако отъ этого ученія Христа и апостоловъ современные клирики отступили вопреки божественному и естественному праву, почему и началась борьба, которую Stryk и описываетъ въ § 4—18, и затѣмъ доказываетъ, что mandatum competit Christo, ordinatio Episcopis, cum inspectione Imperantis (§ 18), cura cultus divini etiam de iure divino competit magistratui politico; sunt utriusque tabulae custodes (§ 19); etiam iure naturae constitutio clericorum Imperatoribus competit (§ 20). Особеннаго вниманія заслуживаетъ этотъ § 20, гдѣ авторъ пишетъ: Quod autem iure naturae Principibus ius circa constitutionem clericorum competat, exinde elucebit; quia naturaliter coetui unicuique permittitur ea procurare, quae ad conservationem sui sunt necessaria, in quo numero et iam est functionum applicatio. Ita vectores multi ius habent eligendi gubernatorem suae navis, viatores itineris ducem, populus liber Regem. Unde sequitur, si ius divinum certam eligendi rationem non praescripserit et nullum adhuc extet ea de re ius humanum, ad

ныхъ общеній, при чемъ у государства не оказывалось никакого разумнаго основанія относиться къ нимъ неодинаково. Но вмѣстѣ съ тѣмъ представлялось вполнѣ логичнымъ предоставить всякой церкви, какъ простой корпораціи въ государствѣ, самостоятельное управленіе своими внутренними дѣлами, удерживая за государствомъ лишь право надзора[1]).

Изложенныя идеи послужили основою для территоріальной и коллегіальной системъ.

Территоріальная система разсматривала и государство и Церковь какъ корпораціи (collegia), однако не равныя, такъ какъ Церкви недостаетъ противоположенія властителя и подвластныхъ, ибо по протестантскому воззрѣнію всѣ члены Церкви равны между собою, какъ христіане. Церковь есть collegium въ государствѣ, почему, въ эпоху полицейскаго государства и была возможна полная зависимость отъ него Церкви. Права государства надъ Церковью вытекаютъ изъ понятія о его верховенствѣ. Поэтому власть, осуществляемая надъ Церковью государемъ, не является, по воззрѣнію территоріальной системы, преемствомъ власти католическаго епископа, какъ

Ecclesiam h. e. ad universitatem fidelium sui pastoris electionem pertinere. Princeps vero eo ipso dum coetui fidelium annumeratur, non potest non in partem eius iuris venire. Hic enim est caput populi, apex magistratuum et cleri ipsius in externo regimine Episcopus. Quomodo ergo, si membrorum requiritur assensus ad aliquod negotium, non multo magis requireretur capitis? utpote quod omnium membrorum non nobilissimum tantum est, sed reliquis etiam Imperio praeest et normam agendi praescribit, perpetuus est consensus inter caput et reliquum corpus, nec potest alteri bene esse, alterum si dolet, et male affectum est. Interest Ecclesiae utriusque, suam pro modo suo conservare integritatem, sibique ipsi prospicere, ne ex culpa alterius damnum aliquod sentiat. Deinde ad regimen ecclesiasticum, quod Principi vi summae potestatis etiam competit, imprimis hoc pertinet, ut sacris praeficiantur personae idoneae, et removeantur, qui doctrina et moribus offendicula ponunt. Quia enim Maiestatis hoc est officium, ut in vera religione subditos suos retineat, id autem commodius fieri nequit, quam si in ea instituantur perpetuo et informentur, utique curare etiam debet, ut tales Doctores ecclesiis praeficiantur, qui auditores suos ex scriptura sacra ad omne opus bonum instruant, quique vitae suae sanctimonia vera et non fucata pietate populo exemplum praebeant. II-я глава говоритъ de potestate ecclesiastica in secularis concessa, а именно о правѣ надзора клира за нравственнымъ поведеніемъ государя и правительства, но безъ права суда надъ ними, о правѣ клира принимать приносимую магистратомъ присягу въ ортодоксіи, о правѣ надзора за нравственнымъ поведеніемъ народа, его торговлей и пр. Послѣдняя же III-я глава говоритъ de potestate clericis in secularibus denegata, т. е. о томъ, что клирики не могутъ быть служителями и повѣренными (procuratores) міряну, правителями городовъ, tabelliones и нотаріусами, не могутъ присуждать къ наказанію, соединенному съ пролитіемъ крови и т. д.

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что естественное право возникло на почвѣ раціоналистической философіи. Послѣдняя была совершенно чуждой раннему протестантству, какъ это показалъ проф. *Е. В. Спекторскій* въ своей работѣ „Протестантство и раціонализмъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, Варшава 1914“. Тѣмъ не менѣе, однако, естественное право привилось въ доктринахъ канонистовъ и не только протестантовъ, но и католиковъ.

полагаетъ епископальная система, а является составною частью его верховенства и его государственной власти. Правда, въ теоріи, власть государя въ дѣлахъ церковныхъ простирается лишь на внѣшнее, т. е. онъ имѣетъ только ius circa sacra, тогда какъ ius in sacra принадлежатъ по прежнему собственно церковной власти, status ecclesiasticus, какъ власти извѣстной корпораціи въ государствѣ. Однако въ силу трудности разграничить iura circa sacra и iura in sacra, а также въ силу того, что право ихъ разграниченія усвоялось самому государству, какъ высшей формѣ общенія, то очевидно, что самостоятельность церковной власти на практикѣ должна была сдѣлаться лишь кажущейся и могла имѣть значеніе лишь по милости государства, и въ имъ очерченныхъ предѣлахъ. Этого вывода стремилась избѣгнуть коллегіальная система.

По ученію *коллегіальной* системы, Церковь, какъ свободная община, заключаетъ въ себѣ лишь два состоянія—учащихъ и учащихся (а не три—правителей, учителей и простолюдиновъ = status politicus, ecclesiasticus et oeconomicus), которыя равноправны между собою, такъ что учители не имѣютъ никакой власти надъ слушателями, получающими, такимъ образомъ, по коллегіальной системѣ, еще большія права, чѣмъ по системѣ территоріальной. Какъ свободныя общины, церкви управляются сами собою (iura sacra collegialia), государство же имѣетъ надъ ними лишь такія права, какія оно имѣетъ и относительно всѣхъ прочихъ, находящихся въ его предѣлахъ обществъ, т. е. только права надзора, iura sacrorum maiestatica. Такимъ образомъ, по коллегіальной системѣ, церковное самоуправленіе является дѣйствительнымъ, а не кажущимся. Однако такое построеніе теоретиковъ противорѣчило исторической дѣйствительности, ибо на самомъ дѣлѣ общинныя права самоуправленія давно уже были въ рукахъ германскихъ князей, ландесгерровъ. Изъ этого противорѣчія теоретики коллегіальной системы выходили указаніемъ на то, что, по ученію школы естественнаго права, слишкомъ большой союзъ, чтобы самоуправляться коллегіально, долженъ былъ молчаливымъ или явнымъ договоромъ (pacto vel tacito vel expresso) перенести свои коллегіальныя права на правителя, что и случилось въ протестантской Германіи. Отсюда слѣдуетъ, что права ландесгерровъ надъ Церковью не тождественны съ ихъ государственными правами, какъ по территоріальной системѣ, но онѣ суть по договору перенесенныя на правителя *общинныя*, союзныя права, и эти послѣднія необходимо существенно отграничивать отъ принадлежащаго государю *государственнаго* права надзора за Церковью[1]).

---

[1]) K. Rieker, Die rechtliche Stellung der ev. Kirche Deutschlands, Leipzig, 1893, SS. 226—274.—Sehling въ Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche, 3 Aufl. Bd. X, S. 642 - 643, статья Kollegialismus, Kollegialsystem.

Творцами *территоріальной* системы были Гуго Гроцій[1], Гоббезъ[2], Пуфендорфъ[3], Томазій[4], Iustus Henning Böhmer[5] Johann Iakob Moser[6]. Первымъ и главнымъ представителемъ *коллегіальной* системы былъ Christoph Matthäus Pfaff[7]. Послѣдователями ея были Eg. Wiese[8], Schleiermacher[9], Puchta[10] и др. Коллегіальная же система соприкасается съ Прусскимъ Общимъ Земскимъ Правомъ (Landrecht)[11].

Выводы. Изложенныя выше *протестантскія теоріи* власти ландесгерровъ въ дѣлахъ церковныхъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что онѣ могли

---

[1]) De imperio summarum potestatum circa sacra, 1617 (издано лишь послѣ смерти автора въ 1646 г.); Ius belli ac pacis, 1625, и др.

[2]) Leviathan, sive de materia, forma et potestate civitatis ecclesiasticae et civilis. 1651 г., и др.

[3]) Elementorum iurisprudentiae universalis libri duo Haag. 1660; Severini de Mozambano, De statu imperii germanici liber unus, Женева, 1667; De iure naturae et gentium, Londini Scanorum (Lund) 1672, Franckfurt 1684; De officiis hominis et civis iuxta legem naturalem, Lund 1673; Dissertationes academicae selectiores, 1675, особенно—De concordia verae politicae cum religione christiana; De habitu religionis christianae ad vitam civilem; Bremae 1687; Ius feciale divinum s. de Consensu et Dissensu Protestantium Lübec. 1695, и друг.

[4]) De iure principis circa adiaphora 1695; Das Recht evangelischer Fürsten in theologischen Streitigkeiten, 1696; An haeresis sit crimen? 1697; De iure principis circa haereticos, 1697; Kurze Lehrsätze vom Recht eines christlichen Fürsten in Religionssachen, 1701; Institutiones iurisprudentiae divinae, in quibus fundamenta iuris naturalis secundum hypotheses Puffendorfii demonstrantur, 1702; Fundamenta iuris naturalis ex sensu communi deducta 1705; Historia contentionis inter imperium et sacerdotium, 1722, и др.

[5]) Institutiones iuris canonici ed. V, 1770; Ius ecclesiasticum Protestantium in usum hodiernum iuris canonici iuxta seriem Decretalium,.. ostendens. 6 vol. 4⁰, 1714, ed. V (vol. V, ed. 3, vol. VI, ed. 6) 1756—1789.

[6]) Историкъ-публицистъ 1701—1785. Grundriss der heutigen staatsverfassung von Deutschland, 1751.

[7]) 1686—1760. Origines iuris ecclesiastici, Tübingen, 1719, 1756; Akad. Reden über das protest. Kirchenrecht, Tübingen, 1742.

[8]) † 1824.

[9]) 1768—1834. Его многочисленныя сочиненія изданы въ Берлинѣ въ 1835—1864 г. въ трехъ отдѣленіяхъ: 1) Богословіе; 2) Проповѣдь; 3) Философія и смѣшанныя сочиненія.

[10]) Георгъ Фридрихъ Пухта, 1798—1846, знаменитый юристъ, создавшій вмѣстѣ съ Гуго и Савиньи историческую школу. Изъ его сочиненій см. Einleitung in das Recht der Kirche, 1840.

[11]) Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten дѣйствовало съ 1 іюня 1794 г. и содержало въ себѣ право гражданское, государственное, церковное и уголовное. Интересно, что это Прусское гражданское право, основанное на законодательствѣ Фридриха Великаго, вовсе не признавало Церкви, ни протестантской, ни католической, а только церковныя общества (Kirchengesellschaften). Ихъ юридическое положеніе было нормировано главнымъ образомъ A. P. L. Theil II, Tit. XI (S. 730 sqq.). Здѣсь различаются Kirchengesellschaften явно признаваемыя государствомъ,—они приравниваются къ привилегированнымъ корпораціямъ (ib. § 17—19), терпимыя (ib. § 20—26) и недозволенныя (ib. § 14—16). Нѣсколько церковныхъ общинъ, случайно исповѣдующихъ одну и ту же религію, образуютъ не Церковь, а религіозную партію (ib. 36—38, 189 sqq., 192, 340, 360, 745 sqq. 766 sqq. 872). Ср. H u g o L a n d w e h r, Die Kirchenpolitik Friedrich Wilhelms des Grossen Kurfürsten. 1894.

послужить для Өеофана Прокоповича очень удобнымъ матеріаломъ для обоснованія въ Духовномъ Регламентѣ правъ Петра, „какъ христіанскаго государя, блюстителя правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія“[1]). Въ государственномъ положеніи Петра Великаго было столько общаго съ положеніемъ территоріальныхъ государей Германіи относительно Церкви, что, какъ мы видѣли выше[2]), онъ и въ самомъ дѣлѣ выступалъ въ роли ландесгерра по отношенію къ протестантамъ, жившимъ въ предѣлахъ Россіи, а особенно къ перешедшимъ въ русское подданство со времени завоеванія Прибалтійскаго края. Не мудрено, поэтому, что и положеніе Русскаго государя по отношенію къ Православной Церкви въ эпоху перехода Русскаго народа отъ средневѣковыхъ взглядовъ на отношенія Церкви и государства къ взглядамъ новаго времени[3]), могло быть обосновано на тѣхъ же самыхъ понятіяхъ о правахъ территоріальной власти, которыя сдѣлались типичными для протестантскаго Запада. Въ частности, имѣя въ виду вышеизложенное у Меланхтона и др. протестантскихъ писателей ученіе о томъ, что ландесгерръ есть custos utriusque tabulae[4]), можно, кажется, съ увѣренностью утверждать, что именно оно, а не примѣръ Византійскихъ императоровъ и ихъ преемниковъ—Московскихъ царей, какъ думалъ проф Н. С. Суворовъ[5]), послужило для Өеофана источникомъ комментируемаго мѣста Духовнаго Регламента, удержавшагося и въ современныхъ Основныхъ Законахъ[6]). За правильность нашего вывода ручаются: 1) весьма замѣтное у Өеофана отвращеніе къ Византіи и русской древности, которыя онъ считаетъ варварскими; 2) столь же замѣтныя симпатіи къ западу; 3) то соображеніе, что съ учрежденіемъ Духовной Коллегіи въ Россіи установилась именно вышеописанная территоріальная система[7]), при чемъ, разумѣется,

---

¹) См. Черн. рук. л. 2 об. ²) См. выше стр. 264—270.

³) Напомнимъ, что въ средніе вѣка Церковь и государство мыслились какъ *одинъ* организмъ съ двумя *властями* или *правительствами*, имѣющими *одну общую цѣль* дѣятельности, и не противополагались одно другому, какъ въ новое время, когда, именно Церковь и государство мыслятся какъ *два* разныхъ организма или *института*, каждый со своимъ правительствомъ, преслѣдующимъ совершенно *особыя цѣли*. Поэтому, если въ новое время можно говорить объ отношеніи между собою Церкви и государства, какъ таковыхъ, то для среднихъ вѣковъ, конецъ которыхъ въ Россіи совпадаетъ съ эпохою Петра Великаго, можно говорить только объ отношеніи между собою церковной и государственной *власти*, церковнаго и государственнаго *правительства*. Переходъ отъ одного воззрѣнія къ другому на Западѣ былъ тѣсно связанъ съ появленіемъ реформаціи и школы естественнаго права. Ср. K. Rieker, SS. 52—54 и слѣд.

⁴) Ученіе Реформатской Церкви о правахъ свѣтской власти въ дѣлахъ церковныхъ и, въ частности, объ обязанности ея блюсти обѣ скрижали Моисеева закона см. въ изданіи K. Müller'a, Die Bekenntnissschriften der reformierten Kirche. Leipzig 1903, по указателю (стр. 966) слово Obrigkeit.—Ср. *Р. Випперъ*, Церковь и государство въ Женевѣ въ XVI в. въ эпоху кальвинизма. М. 1894 г. стр. 130—142.

⁵) См. его Учебникъ церковнаго права, изд. 1908 г. стр. 425 и полемику противъ него проф. *Темниковскаго* (см. выше въ „Обзорѣ литературы“).

⁶) Осн. Зак. изд. 1842 и слѣд. годовъ ст. 42; въ изданіи 1906 г. она же есть ст. 64.

⁷) Это—общее мнѣніе ученыхъ, въ томъ числѣ и самого Н. С. Суворова.

установилась не случайно, а въ силу тѣхъ идейныхъ основаній, которыя болѣе подробно будутъ указаны ниже[1]); 4) очень близкое знакомство Ѳеофана съ протестантской литературой, въ частности той, въ которой говорится о церковномъ устройствѣ и власти ландесгерра[2]); наконецъ, 5) текстуальная близость разбираемыхъ словъ Духовнаго Регламента съ теоріей custodia utriusque tabulae[3]). Вѣдь различались двѣ скрижали, изъ коихъ первая содержала въ себѣ заповѣди о вѣрѣ въ Бога (правовѣріе), вторая же—заповѣди объ отношении къ ближнимъ (благочиніе). Custos utriusque tabulae былъ такимъ образомъ блюстителемъ и вѣры въ Бога, т. е.—правовѣрія и должнаго поведенія относительно ближнихъ, т. е.—благочинія. Большей идейной близости памятника со своимъ источникомъ трудно требовать[4]).

Воззрѣнія нѣкоторыхъ философовъ школы естественнаго права. Выше, среди протестантскихъ теорій XVII в., стремившихся обосновать власть ландесгерра въ дѣлахъ церковныхъ, были упомянуты территоріальная и коллегіальная системы и кратко указаны воззрѣнія школы естественнаго права, изъ которой они черпали свои идеи и свою аргументацію. Однако, для из-

---

[1]) См. „Воззрѣнія нѣкоторыхъ философовъ школы естественнаго права".

[2]) См. выше, гл. IV, стр. 118—124 и во II томѣ „Опись Библіотеки Ѳеофана Прокоповича".

[3]) Ср. проф. *Е. Н. Темниковскаго*, Положеніе императора Всероссійскаго... стр. 23—26.

[4]) P r i m a t a b u l a praecipit, ut diligamus Deum, ut vere statuamus quod Deus irascatur peccato, ut vere timeamus Deum, ut vere statuamus, quod Deus exaudiat... Ill a quae sunt proprie legis divinae, hoc est, affectus cordis erga Deum, qui praecipiuntur in prima tabula, non posse fieri sine Spiritu Sancto.—Praecepta s e c u n d a e t a b u l a e iustitiam civilem continent, quam intelligit ratio... tamen stultum fuerit somniare, quod opera secundae tabulae coram Deo iustificent per quam agimus cum hominibus, non agimus proprie cum Deo. (См. текстъ Апологіи Аугсбургскаго Исповѣданія въ изданіи I. C. M ü l l e r, Die symbolischen Bücher der evangelisch-lutherischen Kirche, deutsch und lateinisch. 10 Aufl Gütersloh, 1907, SS. 92,34; 110,9—10; 125,103).—Необходимо здѣсь же замѣтить, что послѣдовательное проведеніе ученія о custodia utriusque Tabulae ведетъ къ *цезаропапизму*. „Die Gründung des landesherrlichen Kirchenregiments auf die Lehre von der custodia utriusque tabulae führt mit unausweichlicher logischer Konsequenz auf den Cäsareopapismus hin, wie es auch die von Spener und seinen Vorläufern so bitter beklagte Erfahrung bestätigt hat. Wenn ein Monarch als obrigkeitlicher Gesetzeswächter Oberhaupt der Kirche ist, so muss nothwendig sein Kirchenregiment ganz ebenso die Art und Bedeutung souveräner Herrschaft haben, wie sein Staatsregiment; es läst sich dann zwischen Kirchenregiment und Staatsregiment überhaupt nur der Unterschied machen, dass durch letzteres die custodia über die zweite und durch jenes die custodia über die erste Tafel geübt wird; beiderlei Regiment führt der Monarch dann als irdischer Stellvertreter Gottes; sein Kirchenregiments hat wesentlich die natur des Pabstthums". A. v. S c h e u r l, Das Wächteramt über beide Tafeln, въ его Sammlung kirchenrechtlicher Abhandlungen, III, Erlangen, 1872, SS. 325—326. Нечего удивляться, поэтому, что впослѣдствіи Императрица Екатерина II и Императоръ Павелъ называли себя „главою Церкви", а гр. М. М. Сперанскій оформилъ ученіе о custodia въ приложеніи къ русскимъ монархамъ въ статьѣ 42 (нынѣ 64) Осн. Законовъ, сопоставивъ слова Духовнаго Регламента о „блюстителѣ" со словами Павла I „государи россійскіе суть главою Церкви" въ актѣ о престолонаслѣдіи 5 апрѣля 1797 г. (П. С. З. 17910).

слѣдованія источниковъ разбираемаго мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для полнаго и всесторонняго освѣщенія всей первой части Духовнаго Регламента и, особенно, „винъ", этого все таки мало, потому что въ нихъ слишкомъ сквозитъ цѣльное церковно-политическое міровоззрѣніе, развитое и извѣстное намъ въ сочиненіяхъ особенно нѣкоторыхъ философовъ такъ наз. школы естественнаго права. И такъ какъ это міровоззрѣніе вовсе не было вполнѣ исчерпано въ территоріальной теоріи, созданной, между прочимъ, кое-кѣмъ изъ этихъ философовъ, то на немъ и нельзя не остановиться болѣе подробно, примѣнительно къ темѣ нашего сочиненія.

XVIII-му вѣку, когда писался Духовный Регламентъ, предшествовали цѣлыхъ три столѣтія особенно интенсивной работы человѣческаго духа. Послѣ великихъ изобрѣтеній и географическихъ открытій XIV и XV столѣтій, когда міръ расширился и путемъ книгопечатанія облегчено было общеніе между людьми, мрачный и узкій аскетизмъ монашескаго средневѣковья отошелъ въ область исторіи. Его смѣнило возрожденіе наукъ и искусствъ, охватившее не только свѣтскіе, но и церковные круги, и на почвѣ литературныхъ и филологическихъ занятій выросла эпоха гуманизма. Человѣкъ сталъ предметомъ заботливаго и любовнаго изученія и его земная жизнь перестала казаться лишь мрачнымъ и тягостнымъ преддверіемъ къ лучшей вѣчной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ человѣческіе умы начинаетъ все болѣе и болѣе занимать проблема природы, какъ таковой. „Прежде всего,—говоритъ проф. Е. В. Спекторскій[1]),—старались познать *природу*, міръ физическій. Онъ по преимуществу занималъ умы потому, что, какъ тогда выяснилось, традиціонныя физическія представленія, освященныя авторитетомъ Аристотеля и Церкви, оказались рядомъ заблужденій, и необходимо было заполнить образовавшуюся вслѣдствіе этого зіяющую пропасть въ наукѣ. Далѣе, старались познать *человѣка* и при томъ познать совсѣмъ по новому, именно по аналогіи съ физикою, открывавшею естественную закономѣрность вещей. Наконецъ, старались въ той или иной формѣ познать *Бога*, рѣшить религіозную проблему на болѣе серьезныхъ основаніяхъ, чѣмъ удовлетворявшее и забавлявшее гуманистовъ возрожденіе языческой миѳологіи, въ связи съ новою наукою о природѣ и человѣкѣ, и такимъ образомъ выполнить безъ остатка задачу новаго физическаго міровоззрѣнія, задачу, занимавшую такихъ философовъ, какъ Декартъ, Гоббесъ, Спиноза, Лейбницъ".

Спутницею новой науки XVII в. въ ея поискахъ за реальнымъ знаніемъ была тогдашняя *раціоналистическая* философія[2]), которая прежде всего занялась разработкою *математическаго естествознанія*, сводившаго весь физическій міръ къ законамъ механики[3]). „Но этимъ,—говоритъ Е. В. Спекторскій[4]), дѣло далеко не исчерпывалось. Новая метода или теорія, нашедшая плодотворное примѣненіе въ одной научной области, обык-

---

[1]) Проблема соціальной физики въ XVII ст. Варшава, 1910 г. Т. I, стр. 18.
[2]) Проф. *Е. В. Спекторскій*, ib. 23. [3]) ib. 33. [4]) ib. 33—34.

новенно возводится въ мѣрило и правило всякаго вообще научнаго изслѣдованія, а также истолкованія міра, какъ цѣлаго. Таково было и положеніе раціональной механики въ научныхъ и философскихъ кругахъ XVII в. Именно она считалась образцомъ истинной научности. И сообразно съ этимъ тѣ моралисты, юристы и публицисты этого вѣка, которые хотѣли идти въ уровень съ научнымъ движеніемъ своей современности, стремились построить раціональную механику личной и публичной жизни людей, стремились построить раціональную психологію для объясненія индивидуальной жизни человѣка и раціональную соціологію для объясненія факта человѣческаго общежитія". Изъ этого, именно, корня и развились не только естественныя науки (philosophia naturalis), но также естественная мораль, естественное право, естественная политика и даже естественная религія, очищенная отъ человѣческихъ выдумокъ[1]).

Происхожденіе государства и верховной власти школа естественнаго права, главнѣйшими представителями которой въ XVI—XVIII вв. были Ж. Бодэнъ (1530—1596), Іоаннъ Альтузій (1557—1638), Гуго Гроцій (1583—1645), Бэконъ Веруламскій (1561—1626), Гоббесъ (1588—1679), Д. Мильтонъ (1608—1674), Дж. Локкъ (1632—1704), Германъ Конрингъ (1606—1681), Ульрихъ Губеръ (1636—1694), С. Пуфендорфъ (1632—1694), Б. Спиноза (1632—1677), Хр. Томазій (1655—1678), Лейбницъ (1646—1716), Юстусъ Геннингъ Бёмеръ (1674—1749), Хр. Вольфъ (1679—1754), Руссо (1712—1778), Кантъ (1724—1804) и др.[2]), выводитъ изъ договора между людьми, заключеннаго ими во имя своихъ собственныхъ интересовъ свободы, безопасности и благосостоянія. Цѣлью государства является уже не одно только поддержаніе внѣшняго мира и не содѣйствіе Церкви въ приготовленіи людей къ вѣчному спасенію, а достиженіе *общественнаго блага* (bonum commune), понимаемаго въ широкомъ гуманитарномъ смыслѣ[3]). Положеніе: *Salus publica suprema lex esto* звучитъ основнымъ мотивомъ, какъ только заходитъ рѣчь о цѣли государства и объ обязанностяхъ государственной власти.

Государство становится самодовлѣющимъ, а верховная власть въ немъ, по мнѣнію, напр., Бодэна, Гуго Гроція, Гоббеза, Пуфендорфа и Томазія,— совершенно абсолютною. Выводимая также изъ естественнаго права и общественнаго договора верховная власть уже не ставится въ непосредственную связь съ Божествомъ. Поэтому ея абсолютизмъ не можетъ быть осуществляемъ только въ личныхъ своекорыстныхъ интересахъ монарха, какъ было возможно въ эпоху патримоніальнаго государства, власть въ которомъ объяснялась Божіею милостію, но долженъ быть направленъ также на до-

---

[1]) *Е. В. Спекторскій*, стр. 60, 80—123. [2]) Ср. K. Rieker, SS. 228—229.

[3]) О различномъ пониманіи цѣли государства помимо сочиненій, трактующихъ общее ученіе о государствѣ, напр., Іеллинека и др. см. F. Murhard, Der Zweck des Staats. Göttingen, 1832.—О взглядахъ на цѣли государства философовъ школы естественнаго права см. K. Rieker, Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung bis zur Gegenwart, Leipzig 1893, SS. 231—237.

стиженіе общественнаго блага[1]). Въ этой послѣдней мысли заключался зародышъ системъ, такъ наз. полицейскаго государства и просвѣщеннаго абсолютизма, господствовавшихъ со средины XVII до конца XVIII в.[2]).

Сущность системы полицейскаго государства заключалась въ томъ, что государство, какъ совершеннѣйшій общественный организмъ охватываетъ рѣшительно *всѣ* области и сферы человѣческой не только общественной, но и индивидуальной жизни, въ томъ числѣ и жизнь моральную и религіозную[3]). Абсолютная верховная власть во имя достиженія общаго блага можетъ вмѣшиваться во *всѣ* эти области и руководить всѣми ими по принципамъ естественнаго разума. *Въ силу этого для религіи и Церкви, какъ для самостоятельной общественно-правовой организаціи совершенно не оставалось мѣста.* Напротивъ, религія и Церковь изъ цѣли превращались въ *средство* достиженія все того же общественнаго блага. Верховная власть являлась *единственнымъ* полновластнымъ источникомъ бытія и дѣятельности церковной власти. Болѣе того, религію и Церковь надлежало сообразовать съ пользою и безопасностью государства и въ этихъ цѣляхъ даже считалось возможнымъ авторитетомъ государственной власти ввести въ странѣ *естественную государственную религію*, обязательную для подданныхъ[4]). Чтобы не быть голословнымъ, необходимо остановиться на изложеніи взглядовъ хотя бы нѣкоторыхъ представителей школы естественнаго права[5]).

---

1) Такъ, напр., говоритъ Гоббесъ: Summi imperantis officia, sive is monacha sit sive coetus, manifeste indicat institutionis finis, nimirum, s a l u s p o p u l i: quam lege naturae obligatur, quantum potest, procurare: et cujus rationem Deo, et illi soli, tenetur reddere. In s a l u t e autem p o p u l i comprehendo non solum civium vitam, sed etiam commoda vitae, quae cives singuli sine civitatis damno vel periculo sibi juste acquisita tenuerint. H o b b e s, „Leviathan" pars II, cap. 30. De officio summi imperantis.

2) Объ этихъ системахъ см. O t t o M a y e r, Deutsches Verwaltungsrecht, Bd. I, Leipzig 1895, SS. 38 ff. (Въ серіи: B i n d i n g: Handbuch der Deutschen Rechtswissenschaft, VI, 1).—Dr. G. M a r c h e t, Studien über die Entwickelung der Verwaltungslehre in Deutschland von der zweiten Hälfte des 17. bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. München und Leipzig 1885 Въ этомъ сочиненіи, между прочимъ, подробно изложено философское обоснованіе общественнаго блага какъ цѣли государства у философовъ школы естественнаго права—Г. Гроція, Гоббеза, Спинозы, Пуфендорфа, Хр. Томазія, Лейбница, Дж. Локка, а также у Бодена, Монтескьё и другихъ. Объ ученіи о „ratio status" см. K. B i e d e r m a n n, Deutschland im Achtzehnten Jahrhundert. Bd. II, Th. 1, S. 40—42, 2 Aufl. Leipzig 1880.

3) Всесторонность предметовъ вѣдомства полицейскаго государства хорошо видна въ старинныхъ сочиненіяхъ по полицейскому праву, напр., I. H. G. v. J u s t i, Die Grundveste zu der Macht und Glückseligkeit der Staaten oder ausführliche Vorstellung der gesammten Polizeiwissenschaft, 2 Bde, 1760.—I. I. M o s e r, Landes-Hoheit in Policey-Sachen. Franckfurt und Leipzig 1773 и. др.

4) H i n r i c h s, Geschichte der Rechts- und Staatsprincipien seit der Reformation bis auf die Gegenwart in historisch-philosophischer Entwickellung. 3 Bde Leipzig, 1848—1852, особенно т. I.—Ср. K. R i e k e r, S. 259.

5) K. R i e k e r, SS. 229—260.

Iean Bodin, въ сочиненіи De la republique 1576[1]), livre I chap. 1 слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ понятіе государства: Republique est un droit gouvernement de plusieurs mesnages, et de ce qui leur est commun, avec puissance souveraine (p. 1). Понятіе же суверенитета опредѣляется слѣдующими словами: La souveraineté est la puissance absolue et perpetuelle d'une Republique, que les latins appellent maiestatem (l. I, ch. 8 p. 89). А слова la puissance absolue означаютъ власть pour disposer des biens, des personnes, et de tout l'estat a son plaisir (ib. p. 73). Ограниченіе суверенитета можно видѣть лишь въ законахъ божескихъ и естественныхъ: tous les princes de la terre y sont sugets, et n'est pas en leur puissance d'y contrevenir, s'ils ne veulent estre coupables de leze majesté divine, faisant la guerre à Dieu, sous la grandeur duquel tous les Monarques du monde doivent faire ioug, et baisser la reste en toute crainte et reverence. Et par ainsi la puissance absolue des princes et seigneuries souveraines ne s'entend aucunement aux loix de Dieu et de nature (ib. p. 97).

Ioannes Althusius[2]), въ сочиненіи Politica methodice digesta et exemplis sacris et profanis illustrata (Herbornae Nassoviorum 1603) разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Corpus politicum hic est, quod ex pluribus universitatibus, tanquam membris, constat, et collectum est sub iure regni constituti. Membra huius corporis voco, non singulos homines, prout in particulari convocatione, sed familias, collegia, opida et civitates plures, inter se paciscentes, de uno corpore Reipublice ex coniunctione mutua constituendo. Vinculum huius corporis et consociationis est consensus et fides data et accepta ultro citroque, hoc est promissio tacita vel expressa de communicandis rebus et operis mutuis, auxilio, consilio et iuribus iisdem, prout utilitas et necessitas vitae socialis postulaverit (p. 55). Iura regni, sunt secundum quae ex communi placito vita socialis, inter membra regni eiusdem in territorio illius instituitur. Eiusmodi iura regni, non singulis civibus et subditis regni competunt, quoad usum et proprietatem, sed universis, qui communi consensu de illo disponere possunt et constituere (p. 57). Haec regni iura sunt duplicia, nimirum lex regni fundamentalis: vel ius maiestatis (p. 58). Ius maiestatis, est potestas disponendi de iis, quae universaliter ad salutem animae et corporis membrorum Reipublicae pertinent. Ad illam religio, ad hanc commodorum vitae huius cura spectat. In hac potestate disponendi, ordinandi, constituendi et administrandi, vinculum Reipublicae, eius que autonomia, amplitudo, magnitudo et autoritas consistit, et sine qua nequit esse ullum regnum. Ius hoc Maiestatis est duplex: Ecclesiasticum, vel Civile. Priori respondet religio et pietas seu tota tabula prima. Posteriori iustitia suum cuique tribuens, quae est tabula secunda Decalogi. In illo ad gloriam Dei omnia sunt referenda; in hoc ad utilitatem populi. Haec duo sunt fundamentum totius bonae societatis; et ubi coeptum est ab illis declinari, minuiter felicitas Reipublicae (p. 59). Ius maiestatis Ecclesiasticum est, quo potestas disponendi

[1]) Цитируемъ по 3-му изданію Paris 1578.

[2]) См. Otto Gierke, Iohannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Breslau 1880. Новое изданіе съ добавленіями. Breslau 1902.

et ordinandi et curandi media quae sunt de regno Christi ex prima tabula Decalogi inter regnicolas constituendo et conservando, corpori politico concessa est ad animarum salutem et vitam aeternam consequendam. Media eiusmodi sunt, de religione vera Deique cultu vero introducendo, conservando et defendendo,— старанія и заботы самого населенія и, особенно, школы: in his scholis custoditur clavis scientiae et doctrinae omnis (p. 60—61), а также противодѣйствія и запрещенія ересей и расколовъ и т. д. Plane qui palam ἄθεοι sunt, non sunt ferendi; qui ἀταξίαν inducunt, qui magistratum tollunt, qui bella non necessaria movent, qui aperta flagitia tuentur, qui articulos ad salutem necessarios negant, tollunt aut dubium vocant. Non etiam permittendum ut omnes fruantur sua religione et opinionibus impune. Ut enim Deus unus est, sic una est formula recte colendi Deum, quam Deus nobis proposuit et extra quam impossibile est Deo placere. Violatores unius et certae religionis Deus atrociter puniri voluit (Deut. XIII, 12 sqq.) eiusque rei caussa vindicem magistratum constituit, et protectorem et defensorem (p. 65).

Взгляды на нашъ предметъ *Гуго Гроція* были изложены имъ въ спеціальномъ сочиненіи De imperio summarum potestatum circa sacra, составленномъ имъ въ 1617 г., но вышедшемъ въ свѣтъ лишь послѣ его смерти[1]). Гуго Гроцій начинаетъ съ опредѣленія понятія верховной власти. Summam potestatem,—говоритъ онъ,—intelligo personam aut coetum cui imperium sit in populo Solius Dei imperio subditum. Vocem ergo *Summae Potestatis* non pro iure sumimus, ut sumi interdum solet, sed pro ius habente, quomodo et latinis mos est loqui et graecis (cap. I, § 1). Huius ergo *Summae* Potestatis ita definitae *Imperium* dicimus, non ad profana tantum sed ad sacra quoque extendi (§ 2). Et sane eximi quicquam ab Imperio summae potestatis ratio nulla paritur. Nam id ipsum quod quis eximi volet aut nulli imperio humano subiectum faciet aut alterius quam summae potestatis. Qui nulli imperio subiectum volet, praeterquam quod exemptionis probandae onere adstringetur, quam probare numquam poterit, manifestam etiam in rebus exemptis statuet ἀκαταστασίαν, cuius auctor Deus non est, qui omnia, tam naturalia quam moralia certo quodam ordine disposuit. Si ea, quae Summae Potestati subducit, alterius imperio subjicit, jam in uno populo duas efficit Summas Potestates, quod ipsius summitatis naturae minime est consentaneum, imo ei repugnat quoties vox illa non negativo tantum sed et affirmativo significatu sumitur. Haec est ratio, продолжаетъ авторъ, cur paternum imperium, quod est naturale et antiquissimum, Deus cedere voluerit civili imperio, eique subjici, quia scilicet quod summum erat futurum, id plus quam unum esse non poterat. Si quis ergo dixerit actiones esse diversas, alias puta judiciales, alias militares, alias ecclesiasticas, ac proinde huius diversitatis respectu posse ipsum Summum Imperium in plures dividi, sequitur ex eius sententiae ut eodem tempore idem homo ab hoc ire iussus ad forum, ab illo ad castra, ab illo rursus in templum,

---

[1]) Другое основное сочиненіе Гуго Гроція De iure belli ac pacis 1626 не имѣетъ ближайшаго отношенія къ вопросу объ отношеніи Церкви и государства.

his omnibus parere teneatur, quod est ἀδύνατον (§ 3). Продолжая свои мысли, Гроцій говоритъ: Quod si verum est hunc finem summis potestatibus propositum esse debere, ut cives faciant quam religiosissimos, eo autem quae tendunt omnia sacrorum nomine appellantur, sequitur, vim Summae Potestatis qua talis est, hoc est imperium ambitu suo sacra quoque includere. Posito enim fine, simul ponitur ius ad ea sine quibus finis obtineri non potest (§ 5). Доказавъ эту мысль ссылками на Св. Писаніе, церковное преданіе и проч., Гуго Гроцій заключаетъ: Iuxta hunc vero finem primum atque praecipuum iusta sane causa cur Summae potestates imperio suo sacra curare debeant, haec quoque est, quod Religio ad externam quoque felicitatem atque concordiam facit plurimum, idque duplici ratione, quarum prior a divina providentia ducitur (§ 11); altera ratio est ex natura ac vi propria Religionis, quae eiusmodi est ut homines placidos, obsequiosos, amantes patriae, iuris et aequi retinentes efficiat. Ita autem animatis civibus non potest non felix esse Respublica. Таковы тѣ теоретическія и практическія основанія, по которымъ, въ глазахъ Гуго Гроція, верховной власти принадлежатъ права въ дѣлахъ церковныхъ[1]).

Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какъ думаетъ *Гоббесъ* объ отношеніи церковной и государственной власти[2]), достаточно остановиться на двухъ мѣстахъ его Левіаѳана (pars tertia. De civitate christiana, cap. 39 и 42). Въ 39-й главѣ Левіаѳана Гоббесъ объясняетъ какія значенія имѣетъ слово ecclesia въ Св. Писаніи. Интересенъ его выводъ: Manifestum etiam hinc est, nullam in terra esse *ecclesiam universalem* quam audire obligantur Christiani universi; cum nulla sit in terra civitas aliarum civitatum omnium domina. In civitatibus singulis Christiani legibus civitatis suae obedire obligantur: et per consequens, legibus civitatis aliae teneri non debent. *Ecclesia* ergo, cui potestas est iudicandi, absolvendi, condemnandi, aut actionem quamcunque agendi, eadem res est cum civitate: et civitas ideo quidem est, quia cives sunt *homines:* ecclesia autem, quia cives sunt Christiani. Quare regimen *temporale,* et *spirituale,* verba inania sunt, introducta eo fine ut propter duos status apparentes minus cognoscerent homines utri eorum obedientiam praestarent. In coelo quidem corpora hominum post resurrectionem aeterna et spiritualia erunt: sed in vita praesente, homines et caduci et crassi sunt, neque patiuntur statum neque religionem ullam, praeter eam quam statuit potestas temporalis: neque doctrina ulla a cive doceri iure potest, quam civitas temporalis doceri prohibet[3]). Сдѣлавъ характеристику царства Божія въ лицѣ Авраама, Моисея, первосвященниковъ и царей іудейскихъ (гл. 40), и изобразивъ Спасителя нашего

---

[1]) Подробности онъ развиваетъ въ слѣдующихъ 11 главахъ.

[2]) Изложеніе ученія Гоббса о государствѣ можно найти, между прочимъ, у проф. *В. Г. Камбурова* „Идея государства у Гоббза" Кіевъ, 1906.

[3]) Th. Hobbes, „Leviathan" p. III, c. 30. Thomae Hobbes Malmesburiensis opera philosophica quae latine scripsit omnia in unum corpus nunc primum collecta studio et labore Guilielmi Molesworth. Londini 1841 vol. III p. 337. (При общей нумераціи всѣхъ сочиненій Гоббеза „Leviathan" по-латыни составляетъ vol. 14).

какъ искупителя, пастыря и царя (гл. 41), во главѣ 42 Гоббесъ говоритъ de potestate ecclesiastica[1]).

De priori tempore, говоритъ онъ, in confesso est potestatem ecclesiasticam totam fuisse in apostolis; et ab his transiisse ad eos qui ab apostolis ad homines ad Christi fidem perducendos, perductosque in via salutis retinendos ministri Evangelii constituti fuerunt (p. 357). Однако, ostendum est, regnum Christi non esse ex hoc mundo; neque ergo ministri eius, nisi reges sint, obedientiam praestari sibi in nomine eius postulare iure possunt (p. 359). Въ чемъ же заключается обязанность этихъ слугъ Божіихъ?—Etiam officium ministrorum *piscationi*, id est, hominum ad obedientiam non per coactionem et poenas, sed per consilium *conductioni*, non venationi comparat. Ministrorum Christi opus evangelizatio est, id est, praedicatio Christi, hominumque ad secundum eius adventum praeparatio (p. 359). Отсюда ясно, что Христосъ ministris suis in hoc mundo nisi etiam auctoritate civili praediti sint, ius civibus imperandi nullum concessisse (p. 361). Для большей однако ясности Гоббесъ приглашаетъ читателя разсмотрѣть порученія, данныя Христомъ своимъ слугамъ, ut reperiuntur in evangelio, an ius aliquod contineant in populum imperandi (p. 365 и слѣд. до 382). Porro, заключаетъ Гоббесъ, Servator noster apostolis et discipulis mandatum dedit, ut praedicarent regnum Dei appropinquare; ut nationes omnes docerent, et credentes baptizarent; ut ubi non reciperentur, pulverem eius civitatis pedibus suis excuterent; sed non ut ignem ex coelo ad destructionem eorum postularent; neque ut eos ad fidem Christi gladio cogerent. Nihil hic est imperii, sed consilii tantum (p. 382—383). Развивъ въ дальнѣйшемъ мысль о томъ, что заповѣди христіанства, какъ и каноны соборовъ, не суть обязательные законы въ обыденномъ смыслѣ, если за таковые не признала ихъ свѣтская власть, изложивъ затѣмъ, какъ произошло духовенство въ Церкви и подчеркнувъ опять, что всѣ его обязанности не имѣютъ принудительнаго характера власти (p. 383—396), Гоббесъ обращается къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, quodnam in ecclesia officium habeant illi, qui summam habent potestatem civilem, iidemqne fidem Christianam amplexi sunt (p. 396). На этотъ вопросъ Гоббесъ отвѣчаетъ: Quoniam igitur in omni civitate Christiana, is, qui summe imperat, pastor etiam summus est, caeterique pastores illius auctoritate fiunt; sequitur pastores caeteros illius ministros tantum esse, non aliter quam qui urbibus, provinciis, vel oppidis praeficiuntur; non quia subditi illius sunt, qui docent, sed qui docentur. Fieri potest, продолжаетъ Гоббесъ, ut rex aliquis subditorum suorum pastorem constituat regem alium; ut multi reges Christiani pastorem fecerunt subditorum suorum Papam Romanum; non tamen pastorem suum illum facit, neque subditorum suorum summum; nisi potestate civile seipsum spoliare vellet. In qua civitate igitur pastores constituit persona externa, non id facit iure suo, sed iure eius qui civitati illi imperat (p. 397). Такова, по мнѣнію Гоббеса, полнота верховной свѣтской власти. Однако можетъ быть случай, когда верховная свѣтская власть окажется въ

---

[1]) ib. p. 357 sqq.

рукахъ женщины, какъ и было въ Англіи при Елизаветѣ. Предусматривая именно этотъ случай, Гоббесъ говоритъ, что ничто не мѣшаетъ, если женщина, quae summa potestate praedita est constituere viros possit, qui in ecclesiis et loqui et caetera administrare omnia auctoritate civitatis, id est sua, possint. Auctoritas enim masculinum et femininum non recipit. Feminae igitur, etsi officia omnia exercere non possunt, illos tamen, qui ea exerceant, possunt constituere (p. 402).

Въ результатѣ Гоббесъ приходитъ къ слѣдующему выводу. Ab hac iuris civilis et ecclesiastici consolidatione potestatem habent reges Christiani in subditos suos, tam in rebus ad religionem quam ad politicam pertinentibus, quantam homo homini super seipsum dare potest. Potest ergo is, sive homo sive coetus, qui summam habet potestatem, rerum ecclesiasticarum curae praeficere in dominiis suis, si voluerit, ut in plurimis locis hodie fieri cernimus, hominem externum. Sed is qui sic praeficitur, *iure civili*, non *iure divino*, officio suo fungitur; et proinde, quoties bono publico expedibit, eodem iure, quo praefectus erat, deponi rursus potest. Potest etiam, qui summam habet potestatem, religionis procurationem uni ex civibus vel civium coetui committere, si voluerit, potestatemque illi dare; vel titulis pastores, quibus vult, ornare, et circa eorum mercedem et alimenta leges constituere quas ipsi videbitur; modo quod facit, ex sincera conscientia, de qua iudicat solus Deus, proficiscatur. Eiusdem etiam est, Scripturarum Sacrarum interpretes constituere, ut cuius auctoritate fiunt leges. Eiusdem etiam est, excommunicationibus vim praestare per leges suas poenales; quibus libertini obstinati humiliari, et ad unionem cum ecclesia reduci possint. Potestatem denique in rebus omnibus, tum civilibus, tum ecclesiasticis, quatenus ad actiones et verba attinet, summam habet. Actiones enim et verba tantum cognosci, et ab hominibus accusari possunt. Eorum autem, quae accusari ab homine non possunt, iudex omnino praeter Deum nullus est (p. 403).

Таково, по мнѣнію Гоббеса, полновластіе свѣтскаго главы государства будетъ ли то единая человѣческая личность, какъ въ монархіи, будетъ ли то собраніе, какъ въ аристократіи и демократіи, лишь бы этотъ глава государства самъ исповѣдывалъ христіанство[1]). Въ христіанскомъ государствѣ духовное и свѣтское, по мнѣнію Гоббеса, совершенно сливаются и верховная власть повелѣваетъ одинаково какъ въ дѣлахъ государственныхъ, такъ и церковныхъ. Она можетъ передать свои полномочія лицу, стоящему внѣ даннаго государства, напр., Папѣ и тогда послѣдній будетъ дѣйствовать лишь по уполномоченію свѣтскаго государя, а не по своему собственному праву. Верховная власть можетъ поручить завѣдываніе духовными дѣлами своихъ подданныхъ одному изъ нихъ или же собранію[2]) ихъ—uni ex civibus

---

[1]) Послѣднее любопытно сопоставить со словами Духовнаго Регламента: „А яко *Христіанскій* Государь“ и т. д. (см. Черн. рук. л. 2 об.). Несомнѣнно, что предикатъ „христіанскій“, т. е. исповѣдующій христіанство, вставленъ здѣсь не случайно.

[2]) Переводя на языкъ церковно-государственныхъ отношеній Россіи, здѣсь можно было бы поставить: „Духовной Коллегіи“, „Св. Синоду“.

vel civium coetui committere (p. 403) и т. д. Въ результатѣ: Ecclesia eadem res est cum civitate: et civitas ideo quidem est, quia cives sunt *homines:* ecclesia autem, quia cives sunt Christiani (p. 337).

Большое значеніе въ исторіи развитія политической мысли и просвѣщенія XVII в. имѣлъ *Джонъ Локкъ* (John Locke, родился 29 августа 1632 г., умеръ 28 октября 1704 г.)[1]). Своею работой „Опытъ о человѣческомъ разумѣ"—An Essay concerning human understanding (начата въ 1671 г., вышла въ 1690 г.),—въ области теоріи познанія, Локкъ является однимъ изъ виднѣйшихъ сторонниковъ эмпиризма. Натуралистъ и медикъ по призванію, онъ исповѣдывалъ новое физическое міровоззрѣніе XVII вѣка, и съ его точки зрѣнія смотрѣлъ на право, государство и отношеніе его къ религіи и Церкви. Свои политическіе взгляды онъ выразилъ въ двухъ „Трактатахъ о государственномъ управленіи" 1689 г, (Two Treatises of Governement. Int the former, the false Principles and Foundation of Sir Robert Filmer and his Followers are detected and overthrown: the latter is an Essay concerning the true Original, Extent, and End of Civil Governement)[2]), въ которыхъ онъ оправдываетъ англійскую революцію 1688 г. и тотъ образъ правленія, который вновь установленъ былъ въ Англіи Вильгельмомъ III Оранскимъ (1689—1702).

Въ первомъ изъ этихъ трактатовъ Локкъ рѣзко критикуетъ сочиненіе Роберта Фильмерса „Patriarcha" 1680 г, въ которомъ абсолютная королевская власть основывалась на актѣ сотворенія перваго человѣка и на первобытной отечески-абсолютной власти Адама.

Второй трактатъ объясняетъ происхожденіе и цѣль государства, а также рисуетъ его нормальный строй. Какъ натуралистъ, Локкъ исповѣдуетъ естественную религію, естественное право, естественное происхожденіе общества и государства, которое рисуется имъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ своемъ естественномъ состояніи люди между собою равны и свободны, но не воюютъ другъ съ другомъ, какъ думалъ Гоббесъ, а уважаютъ другъ друга взаимно. Эта свобода отъ людей неотъемлема ни въ семейномъ, ни въ общественномъ состояніи. Если же люди слагаются въ государство, то только путемъ добровольнаго отказа ихъ отъ своего естественнаго права на самопомощь, и свою силу уступаютъ обществу. При этомъ условіи люди переходятъ изъ своего естественнаго состоянія въ государственное и образуютъ одинъ политическій организмъ подъ однимъ верховнымъ правительствомъ, которое не пользуется, однако, абсолютной властью, а лишь тою, которую ему предоставило человѣческое общество по договору. Поэтому законода-

---

[1]) *Блунчли,* Исторія общаго госуд. права, рус. пер. СПБ. 1874 г. стр. 146—147.— Schrader, J. Locke, seine Verstandestheorie und seine Lehren über Religion, Staat und Erziehung, 1860.

[2]) The Works of John Locke. Vol. V, London 1823, p. 207—485. Интересно, что первый трактатъ былъ переведенъ на русскій языкъ въ Кіево Могилянской Академіи по порученію кн. Д. М. Голицына и чисто написанная рукопись этого перевода съ собственноручной его подписью, подъ заглавіемъ „Правленіе гражданское, о его истинномъ началѣ и о его власти и ради чего" (18 главъ) до сихъ поръ хранится въ И. П. Б. F. II. 41.

тельная власть должна быть въ рукахъ парламента, однако и она не абсолютна, ибо государственная власть по самому существу своему ограничена *цѣлью* государства, которая состоитъ въ *общественномъ благѣ*, т. е. въ охранѣ естественнаго права и, между прочимъ, въ защитѣ права собственности гражданъ[1]).

Такимъ образомъ, усматривая цѣль государства въ заботахъ только о мірскомъ благоденствіи гражданъ, Локкъ, въ своихъ „Письмахъ о вѣротерпимости“ 1685, 1690, 1692 гг. и посмертномъ четвертомъ отрывкѣ (The Letters on toleration)[2]) имѣлъ полное основаніе высказаться за идею самой широкой религіозной свободы не только по отношенію къ различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ, но также къ евреямъ, магометанамъ и даже язычникамъ. Несчастье Англіи онъ видѣлъ въ религіозныхъ гоненіяхъ и гражданскихъ войнахъ. Поэтому онъ хотѣлъ бы видѣть полное отдѣленіе церкви отъ государства[3]), такъ какъ религія и ея культъ должны быть дѣломъ не государства, а исключительно общины. Локкъ хотѣлъ дать свободу всѣмъ исповѣданіямъ и сектамъ за исключеніемъ тѣхъ, которыя ведутъ къ безнравственнымъ или преступнымъ дѣяніямъ.

Въ сочиненіи Exercitatio politica de Maiestatis civilis auctoritate et officio circa sacra (Helmaestadi 1645), *Conring* опредѣляетъ maiestatem, quod sit suprema et libera administrandi civilem societatem potestas ad finem propositum (§ II) и затѣмъ, опредѣливъ понятіе sacrorum (§ IX—X), утверждаетъ: quin itaque homini liceat circa cultum divinum legibus atque imperio uti, non est dubitandum. Proximum est, videamus num talis potestas competit civili maiestati (§ XXV) и отвѣчаетъ: caeterum ex supra allatis iam tum est manifestum, et civili proprie dictae, et herili maiestati per sese competere id omne, sine quo scopus rerumpublicarum non potest obtineri (§ XXVII). Затѣмъ и все остальное сочиненіе рядомъ примѣровъ и умозаключеній доказываетъ права верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ ex iure naturae и по ученію христіанскому.

Взгляды, которыхъ придерживался *Ulricus Huber* относительно власти государства надъ Церковью, могутъ быть видны изъ двухъ мѣстъ его сочиненія De iure civitatis libri tres, 1672[4]). Въ Lib. I, sect. IV Huber говоритъ De Ecclesia: caeterum, ex praedictis et ex scriptis evangelicis manifestum est, ecclesiam visibilem, corpusque, id est, multitudinem Deo servientium, imperio civitatis esse subiectam, neque per se constituere *statum*, ut hodie vox sumitur (§ 36 p. 117). Въ I-й главѣ V-й секціи Huber говоритъ De iure Summae Potestatis circa sacra. Здѣсь онъ прежде всего приводитъ разныя мнѣнія по

---

[1]) Дальнѣйшія подробности ученія Локка о государствѣ здѣсь пропускаются.

[2]) Works, vol. VI, London 1823.

[3]) Эту мысль онъ провелъ въ порученномъ ему планѣ государственнаго устройства сѣверо-американской провинціи Каролина, которую Карлъ II отдалъ восьми англійскимъ лордамъ. Осуществленная впослѣдствіи мысль Локка развилась въ американскую систему „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“.

[4]) Цитируемъ по 4-му изданію Frankofurti et Lipsiae 1708.

данному вопросу: primam esse pontificiorum sententiam, qui totum hoc ius Papae subiiciunt; alteram eorum, qui Presbyteriis omnia vindicant; tertiam distinguere inter ius ecclesiae internum et externum, quasi ex mente Constantini Magni; quartam Erastianorum, qui nihil quam confessionem fidei ecclesiasticis concedunt, potestatem omnem imperio adscribunt; quintam Hobbesii, a quo nullum ius sacrum, nisi imperio civili subiacens agnoscitur. По мнѣнію Huber'a ex his media, quae est tertia opinio, praefertur (p. 165).

Разумное основаніе для образованія гражданскаго общества *Пуфендорфъ* видитъ въ томъ, что отцы семействъ, находившихся въ первобытномъ состояніи, желали укрыться отъ зла, котораго слѣдуетъ бояться другъ отъ друга[1]). Для этой цѣли, т. е. для установленія мира среди человѣческаго рода были недостаточны, какъ законы природы[2]), такъ равно и голоса третейскихъ судей и взаимныя соглашенія между людьми[3]). Средство противъ человѣческаго зла надо было искать среди самихъ людей и именно въ ихъ объединеніи между собою, подобно тому, какъ это дѣлаютъ нѣкоторыя животныя[4]). Но для этого число объединяющихся должно было быть значительнымъ[5]) и кромѣ того требовалось общее сочувствіе идеѣ объединенія, поддержанное своего рода страхомъ невозможности обезпечить свои интересы инымъ образомъ[6]).

Для образованія государства, по мнѣнію Пуфендорфа, необходимо объединеніе индивидуальныхъ воль и силъ. Только при такомъ объединеніи создается политическое тѣло, называемое государствомъ (Isthaec voluntatum atque virium unio ubi facta fuerit, tunc demum *civitas*, validissima societatum et personarum moralium, inde emergit), которое является наиболѣе могущественнымъ изъ всѣхъ общеній и всѣхъ моральныхъ лицъ. Однако подданные не лишаются при этомъ естественной свободы своей воли и го-

---

¹) Genuina igitur, et princeps causa quare patresfamilias, deserta naturali libertate, ad civitates constituendas descenderint, fuit, ut praesidia sibi circumponerent contra mala, quae homini ab homine imminent. De iure naturae et gentium l. VII, c. 1, § 7. De officio hominis et civis lib. II, c. 5, § 7.

²) Neque est, quod aliquis credat, solam reverentiam legis naturalis, quae utique omnes iniurias prohibet, efficere potuisse, ut quidquid est mortalium in naturali libertate securi invicem viverent. Ib. § 8. (De officio ib. § 1).

³) Ib. § 9—10. (De officio ib. § 8. 9).

⁴) Ut igitur securitatem sibi homines, quanta quidem in ipsorum conditionem cadit, contra malitiam aliorum hominum pararent, nihil aliud excogitari potuit, quam ut unusquisque sibi auxilia idonea circumponeret, quibus invasio alterius in alterum ita periculosa redderetur, ut satius sibi esse putaret manus cohibere, quam conserere, pacem agitare, quam bello alterum lacessere. Ib. cap. 2. § 1. (De officio lib. II, c. 6, § 1).

⁵) Manifestum est autem, quod duorum vel trium consensio talem securitatem minime possit praestare... Igitur necessarium est ad securitatem, quam quaerimus, obtinendam, ut numerus eorum, qui in mutuam opem conspirant, tantus sit, ut paucorum hominum ad hostes accessio non sit ipsis conspicui momenti ad victoriam; adeoque ut insignis aliqua hominum multitudo sese coniungat. Ib. § 2. (De officio ib. § 2).

⁶) Deinde inter multos istos, qui hoc fine coeunt, oportet ut sit consensus circa adhibenda media, ad eundem finem idonea. Ib. § 3. (De officio ib. § 3).

сударь не становится физически болѣе сильнымъ. Подданные же подчиняются своему государю 1) потому, что они сами поступили подъ его власть, при чемъ это подчиненіе имѣетъ для нихъ особый вѣсъ подъ вліяніемъ Божественнаго авторитета и присяги вѣрности, которую они даютъ; 2) изъ страха наказанія и подъ воздѣйствіемъ внѣшней силы[1]).

Указанное объединеніе происходитъ путемъ двухъ договоровъ[2]). Прежде всего необходимо, чтобы каждый совмѣстно съ другими согласился навсегда соединиться въ единое тѣло и съ общаго согласія нормировать то, что касается ихъ безопасности и взаимной увѣренности. Когда такое общеніе, являющееся началомъ государства, достигнуто, необходимо сейчасъ же сдѣлать постановленіе, которымъ опредѣлена была бы форма правленія[3]). Когда съ общаго согласія послѣдняя установлена, тогда необходимъ другой договоръ, которымъ, послѣ избранія одного или нѣсколькихъ лицъ, каковымъ вручается власть управленія обществомъ, одни, какъ облеченные высшимъ авторитетомъ, приглашаются съ усердіемъ заботиться объ *общемъ благѣ*, другіе въ то же время—обѣщаютъ имъ вѣрность и повиновеніе[4]).

Лишь только оба договора будутъ заключены, множество (толпа) людей образуетъ собою уже государство, которое сознается, какъ одно лицо, надѣленное разумомъ и волей, которое производитъ частныя дѣйствія, отдѣльныя отъ совершаемыхъ каждымъ гражданиномъ, которое имѣетъ также свои права и свое частное имущество, на которыя не могутъ посягать ни отдѣльный гражданинъ, ни многіе, ни даже всѣ вмѣстѣ, но только одинъ государь. Исходя изъ этихъ разсужденій, Пуфендорфъ даетъ такое опредѣленіе понятія государства: Государство есть сложная моральная личность, воля которой, образованная путемъ договорнаго соединенія многихъ воль, считается общей волей, и на этомъ основаніи облеченная властью пользоваться силами и возможностью каждаго въ отдѣльности, чтобы достичь общаго мира и благополучія[5]).

---

[1]) Ib. § 5. (De officio ib. § 5. 6).

[2]) Enimvero ut multitudo aliqua, seu multi homines una fiant persona, cui una actio queat tribui, et cui certa iura competant, quatenus singulis opponitur, et quae iura sibi singuli tribuere non possint, necessarium est, ut voluntates viresque suas univerint intervenientibus pactis, sine quibus plurium natura aequalium coniunctio nequit intelligi. Ibidem § 6.

[3]) Necessum est, ut futuri cives primo omnium inter se singuli cum singulis pactum ineant, quod in unum et perpetuum coetum coire velint, suaeque salutis, ac securitatis rationes communi consilio ductuque administrare... Post quam autem eiusmodi coetus, rudimenta et primordia civitatis prae se ferens, memorato pacto coaluit, necessum ulterius est, ut decretum fiat, qualis forma regiminis sit introducenda. Ib. § 7. (De Officio ib. § 7, 8).

[4]) Post decretum circa formam regiminis novo pacto opus erit, quando constituuntur ille, vel illi, in quem vel quos regimen coetus confertur: quo hi quidem ad curam communis securitatis et salutis, reliqui ad obsequium his praestandum sese obstringunt; cui simul subiectio illa et unio voluntatum inest, per quam civitas una persona intelligitur. Ib. § 8. (De Officio § 9).

[5]) Per isthaec igitur pacta hominum multituto unita civitatem constituit, quae ad modum unius personae concipitur, intelligentis et volentis, aliasque actiones peculiares a singulorum actionibus separatas edentis. Unoque homine ab omnibus hominibus particularibus

Воля государства пребываетъ либо въ одномъ лицѣ, либо въ собраніи, въ зависимости отъ формы правленія. Если верховная власть находится въ рукахъ одного, то воля государства совпадаетъ съ его личной волей, направленной къ осуществленію естественной цѣли гражданскаго общежитія. Напротивъ, воля гражданъ не можетъ считаться волею государства[1]). Если же верховная власть находится въ рукахъ собранія, то таковое должно быть не менѣе, какъ изъ трехъ человѣкъ и волею государства считается воля большинства собранія[2]).

Когда государство образовалось, суверенъ его носитъ имя *монарха*[3]), или *сената* или *народа*, въ зависимости отъ формы правленія. Остальные зовутся *подданными*[4]).

Въ большей части государствъ послѣдніе помимо обще гражданскихъ между собою отношеній, вступаютъ въ особые союзы, которые можно раздѣлить на *корпораціи частныя, но подчиненныя государству* (peculiaria corpora, civitati tamen subordinata), и такія, которымъ государь ввѣряетъ *часть правительственной власти* (per alterum a summis imperantibus in partem aliquam regiminis publici adsciscuntur). Эти *подчиненныя* корпораціи какъ бы ихъ не называли (коллегіи, общества и т. под.), могутъ быть раздѣлены: 1) на болѣе древнія, чѣмъ государство, напр., семья и 2) на корпораціи, сложившіяся лишь послѣ образованія государства. Таковыя въ свою очередь дѣлятся на *публичныя* и *частныя*. Публичныя это тѣ, которыя созданы властью государя. Частныя образуются путемъ свободныхъ соглашеній между гражданами или зависятъ отъ иностранной власти, которая не

---

distinguitur atque dignoscitur; nec minus peculiaria iura habet, ac res proprias, quae neque singuli, neque multi, neque adeo omnes simul, remoto eo, qui summum habet imperium, asserere possint, abs qua itidem peculiares actiones proficiscuntur, quae singuli audquidquam sibi tribuere aut arrogare queant. Unde civitatis haec commodissima videtur definitio, quod sit persona moralis composita, cuius voluntas, ex plurium pactis implicita et unita, pro voluntate omnium habetur, ut singulorum viribus et facultatibus ad pacem, et securitatem communem uti possit. De iure naturae et gentium, lib. VII, c. 2, § 13. (De Officio ib. 10).

[1]) Caeterum voluntas civitatis exserit sese vel per unam personam simplicem, vel per unum concilium, prout in illam, aut hoc summa rerum fuit collata. Ubi penes unum hominem est imperium, civitas velle intelligitur, quodcunque isti homini placuerit, et quidem circa negotia, quae ad finem civitatum spectant; non item circa alia. Ib. § 14. (De Officio ib. § 11).

[2]) Inde regulariter in omnibus conciliis plurium suffragia vim habent universorum; non quod naturaliter ita fieri necessum sit, sed quia vix alia via est ibi negotia expediendi. Ib. § 15. Illud autem manifestum, ad eiusmodi concilium, in quo de communibus rebus deliberandum, et statuendum est, mininum tres homines requiri. Ib. § 19. Ср. также §§ 16, 17, 18. (De Officio ib. § 12).

[3]) Когда Ѳеофанъ говоритъ въ Духовномъ Регламентѣ о „Монархѣ“, „Государствѣ монаршескомъ“ и т. под. (Д. Р. ч. I), терминъ „Монархъ“ несомнѣнно имѣетъ такой же специфическій смыслъ, какъ и у Пуфендорфа.

[4]) Denique civitate ita constituta, ille, in quem imperium est collatum, prout est vel unus homo, vel unum concilium paucorum, aut universorum, monarcha, senatus, aut populus dicitur; reliqui subditi cluent. De iure naturae et gentium, lib. VII, c. 2, § 20. De Officio ib. § 13.

можетъ обладать въ государствѣ большей властью, чѣмъ частное лицо. Частныя корпораціи бываютъ законными, или одобренными правительствомъ, и незаконными, т. е. неодобренными, и которыя одобрить правительство не можетъ и не должно, ибо если въ государствѣ, въ которомъ публичный религіозный культъ искаженъ, нѣсколько лицъ, знающихъ истину, соединяются частнымъ образомъ для молитвы, не замышляя никакихъ возмущеній противъ государства, то такія союзы нельзя было бы считать незаконными не смотря на то, что государи не одобряютъ того, что противоположно ихъ взглядамъ, потому что сами государи обязаны признавать и одобрять истинную религію, имъ проповѣданную[1]).

Относительно *законныхъ корпорацій* вообще слѣдуетъ замѣтить, что всѣ свои права и полномочія, которыя они законно осуществляютъ надъ своими членами, зависятъ отъ опредѣленія суверена, такъ что они не могутъ ничего дѣлать, ни на что притязать иначе, какъ съ согласія государства. Иначе получилось бы государство въ государствѣ[2]).

Далѣе Пуфендорфъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, откуда возникаетъ и на чемъ основывается суверенитетъ власти. Этому посвящена у него lib. VII, c. 3 De iure naturae et gentium и De Officio lib. II, c. 6, § 14.

По мнѣнію Пуфендорфа договоры, образующіе государство, порождаютъ также и суверенитетъ, такъ какъ подданные, подчиняя свою волю волѣ суверена, тѣмъ самымъ обязуются не противостоять ему, а ему повиноваться всякій разъ, когда онъ захочетъ употребить ихъ силы и способности для достиженія общаго блага[3]). Но хотя суверенитетъ получается непосредственно изъ договоровъ между людьми, однако, чтобы сдѣлать его болѣе священнымъ и незыблемымъ, ничто не мѣшаетъ производить его отъ принципа болѣе возвышеннаго, т. е. признавать, что авторитетъ князей исходитъ изъ права божественнаго, такъ же, какъ и изъ права человѣческаго. Богъ, являющійся авторомъ закона природы, долженъ быть разсматриваемъ такъ же и какъ авторъ гражданскаго общества, и слѣдовательно, какъ авторъ суверенной власти, безъ которой оно не могло бы состояться[4]). Вопросъ только въ томъ, слѣдуетъ ли производить верховную власть отъ Бога непосредственно? И Пуфендорфъ отвѣчаетъ, что „величество“, подобно госу-

---

1) ib. § 21. 2) ib. § 22.

3) Sed et illud ipsum pactum luculentum praebet titulum, quo imperium istud non violentia, sed ultronea civium subiectione et consensu legitime constitutum intelligitur. Haec igitur est proxima causa, ex qua summum imperium tanquam qualitas moralis resultat. De iure naturae et gentium, lib. VII, c. III, § 1.

4) Id tamen extra dubium est, sanam ratiomem satis dictitasse, post multiplicatum genus humanum decus, pacem atque incolumitatem eiusdem subsistere non potuisse, nisi constitutis civitatibus, quae sine summo imperio intelligi nequeunt. Quo ipso etiam civitates et summum imperium a Deo, tanquam legis naturalis auctore, profecta censentur. Nam non ea tantum a Deo sunt, quae ipse immediate, et citra ullum factum humanum, interveniens instituit, sed et quae homines ductu sanae rationis pro conditione temporum atque locorum recepere ad implendam obligationem, sibi abs Deo iniunctam. Ib. § 2.

дарству есть непосредственное дѣло человѣческаго духа и человѣческой воли, и можетъ только посредственно происходить отъ духа и воли Бога[1]).

Хотя верховная власть сама по себѣ есть вещь простая и недѣлимая, однако въ ней можно различать отдѣльныя части, поскольку она осуществляется въ различныхъ дѣйствіяхъ въ зависимости отъ разныхъ способовъ, необходимыхъ для сохраненія государства[2]). Такъ Пуфендорфъ различаетъ власти законодательную (Potestas legislatoria)[3]), карательную (Potestas poenas sumendi)[4]), судебную (Potestas iudiciaria)[5]), власть войны и мира и заключенія трактатовъ и союзовъ (Potestes belli et pacis, idemque foederum feriendorum)[6]), власть установленія подчиненныхъ правительственныхъ органовъ (Ius magistratus constituendi)[7]), власть наложенія податей и налоговъ (Ius tributa imponendi)[8]), и, наконецъ, власть изслѣдовать ученія, которыя проповѣдуются въ государствѣ (Examen doctrinarum)[9]).

Относительно послѣдней власти Пуфендорфъ говоритъ, что хотя разрушить внутреннюю свободу и естественную волю людей и путемъ непосредственнаго физическаго воздѣйствія привести къ опредѣленной постоянной гармоніи сужденія людей превышаетъ человѣческія силы, тѣмъ не менѣе можно и, конечно, слѣдуетъ препятствовать тому, чтобы это различіе въ мысляхъ приносило какой-либо вредъ государству. Необходимо воспользоваться всѣми внѣшними способами, чтобы, по возможности, объединить гражданъ въ однихъ чувствахъ или, по крайней мѣрѣ, предупредить волненія, которыя могли бы вызвать различія въ мнѣніяхъ. Это нужно сдѣлать такъ, чтобы публично проповѣдывались ученія, соотвѣтствующія цѣлямъ и выгодамъ гражданскихъ обществъ и чтобы въ этихъ началахъ граждане были хорошо наставлены съ самаго дѣтства. Такимъ образомъ суверенъ имѣетъ право изслѣдовать и изгонять изъ государства по крайней мѣрѣ бунтовщическія ученія[10]).

---

1) De iure naturae et gentium lib. VII, c. 3, § 3.

2) Summum imperium civile, etsi in se unum quiddam sit, et indivisum, tamen quia per diversos sese actus exserit, prout occupatur circa diversa media, ad servandam civitatem necessaria, communiter plures habere partes intelligitur, ad anologiam partium, quas vocant, potentialium. Ib. c. 4, § 1. (De Officio lib. II, c. 7, § 1).

3) ib. § 2. (De Officio ib. § 2). 4) ib. § 3. (De officio ib. § 3).
5) ib. § 4. (De Officio ib. § 4). 6) ib. § 5. (De Officio ib. § 5).
7) ib. § 6. (De Officio ib. § 6). 8) ib. § 7. (De Officio ib. § 7).
9) ib. § 8. (De Officio ib. § 8).

10) Denique etiamsi intrisecam voluntatis libertatem tollere, simulque hominum de rebus iudicia per intrinsecum aliquod medium in perpetuam harmoniam componere supra humanam sit facultatem: ut tamen isthaec, licet diferepantia, tranquillitatem civitatis non perturbent, omnino providendum est. Cum enim omnes actiones voluntariae initium habeant, et dependeant a voluntate; voluntas autem faciendi vel non faciendi dependeat ab opinione boni vel mali, paemii vel poenae, quam sibi quisque conceperit ex facto vel omisso secuturam esse, adeoque actiones omnium a suis cuiusque opinionibus regantur: sanae externis mediis opus erit, ut istae opiniones, et iudicia, quantum fieri potest, conspirent, aut saltem, ne earundem discrepantia civitatem perturbet. Inde expedit, ut publice civitas eiusmodi doctrinis velut personet, quae cum fine et usu civitatum congruunt, simulque animi civium a

Нѣсколько ниже Пуфендорфъ развиваетъ свои мысли объ этомъ такъ. „Суверенъ долженъ обладать также правомъ изслѣдовать публично проповѣдуемыя ученія, въ особенности же тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ цѣли гражданскихъ обществъ, и которыя способны оказывать давленіе на совѣсть гражданъ такъ, чтобы сдѣлать ихъ покорными или непокорными правительству. Ибо, если въ то время, какъ одинъ приказываетъ что либо подъ страхомъ естественной смерти, другой убѣждаетъ гражданъ въ томъ, что дѣлая это они подвергнутся вѣчному осужденію, то не только невинные граждане могутъ подвергнуться законной карѣ, потому что имъ невозможно будетъ послушаться двухъ противоположныхъ приказовъ, но кромѣ того государство станетъ чудовищнымъ организмомъ съ двумя головами, потому что никто не сумѣлъ бы служить въ одно и то же время двумъ господамъ. Кромѣ того, если у суверена отнимутъ право нормировать, что должно быть преподаваемо публично, граждане, зараженные суевѣріемъ, будутъ увлечены къ возмущенію своими ложными идеями".[1]) Сказать же, докуда простирается это право суверена относительно религіи, среди христіанскихъ народовъ, Пуфендорфъ предоставляетъ другимъ.

---

puero istis imbuantur.... Igitur saltem eiusmodi doctrinarum examen, easdemque e civitate proscribendi potestas recte summo imperio civili tribuitur. De iure naturae et gentium, lib. VII, c. 4, § 8.

[1]) Denique et penes eandem erit examen doctrinarum, inprimis earum, quae ad finem civitatum aliquo modo spectant, et quae in consentias hominum efficaciam habent obsequio adversus summum imperium promovendo, aut impediendo. Si enim aliquis imperet facere sub poena mortis naturalis, alius persuadet civibus, ipsos eo facto poenam mortis aeternae incursuros, uterque suo iure, seorsim et independenter sibi competente; sequitur, non tantum cives, etsi innocentes, puniri iure posse, sed et in irregularem ac bicipitem statum dissolvetur civitas. Neque enim quisquam duobus dominis servire potest: neque is, quem sequendum esse credimus metu damnationis aeternae, minus dominus est, quam cui metu mortis temporalis obeditur. Et iure regulandi doctrinas amisso, animabantur cives superstitiosi ad rebellionem a suis ipsorum phantasiis. Quaenam de caetero summi imperii civilis in Republicis Christianis potestas circa sacra sit, aliis distinctius definiendum transmittimus. Add. cumprimis Grotius de Imperio summarum potestatum circa sacra, c. i. De iure naturae et gentium lib. VII, c. 4, § 11. Къ этому мѣсту относится длинное примѣчаніе, *изъ котораго* проф. Е. Н. Темниковскій взялъ слова: „Verissime autem sentiunt, qui hanc potestatem summo imperanti adiudicant и т. д. до Et verum dicit.... De successoribus eius Codex Theodosianus et Iustinianaeus abunde loquuntur", и приписалъ ихъ Пуфендорфу (см. Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Ярославль 1909 стр. 17. Отд. от. изъ Юрид. Зап. № 1/3 1909 г.) Между тѣмъ примѣчаніе это принадлежитъ комментатору Пуфендорфа Io. Nicolao Hertio и помѣчено его иниціаломъ „H" (у меня въ рукахъ изданіе Sam. L. B. A. Pufendorf de iure naturae et gentium, libri octo. Cum integris Commentariis Virorum Clarissimorum Io. Nicolai Hertii, atque Ioannis Borbeyraci. Accedit Eris Scandica. Recensuit et Animadversionibus illustravit Gottfridus Mascovius. Tomus III, Francofurti et Lipsiae MDCCLIX (1759), стр. 54, 55). Вслѣдствіе этого, очевидно, отпадаетъ и очень заманчивая мысль проф. Е. Н. Темниковскаго о томъ, что этими словами именно „Пуфендорфа" Verissime и проч. навѣяно указаніе манифеста 25 января 1721 г. объ учрежденіи Духовной Коллегіи на то, что „попеченіе объ исправленіи духовнаго чина" пред-

Разсмотрѣвъ въ *пятой* главѣ седьмой книги De iure naturae et gentium (De officio lib. II, c. 8) различныя формы правленія, среди коихъ онъ отдаетъ преимущество абсолютной монархіи, Пуфендорфъ въ *шестой* главѣ перечисляетъ характерныя признаки верховной власти, а именно она 1) суверенна, т. е. не зависитъ ни отъ какой земной власти[1]), 2) суверенъ никому на землѣ не даетъ отчета и никѣмъ изъ людей не можетъ быть наказанъ[2]), 3) онъ выше всякаго человѣческаго закона[3]) (Inter affectiones imperii primo loco occurrit, quod idem sit, et dicatur summum.... seu a superiore homine in his terris non dependens.... neque rationibus reddendis, neque poenae humanae obnoxius.... legibus humanis solutum....) и т. д. Впрочемъ могутъ различаться особенно монархіи абсолютныя и ограниченныя, въ зависимости отъ того связанъ или не связанъ государь какими либо правилами, однако всякій монархъ одинаково обязанъ имѣть въ виду общее благо и цѣли гражданскаго общенія, предписанныя самими законами природы[4]). Принимая, однако, во вниманіе, что отдѣльная личность можетъ ошибаться въ пониманіи общаго блага, поддаваться своимъ страстямъ и т. д., многіе народы рѣшили установить извѣстныя границы своимъ государямъ и предписать извѣстныя правила для управленія, т. е. выработать основные законы государства (Enimvero quia unius hominis iudicium in dispiciendo eo, quod saluti publici expedit, facile decipi potest, neque omnibus ea sit animi firmitas, ut in tanta libertate libidines rationi obluctantes compescere norint igitur multis populis consultum fuit visum, tantam potestatem non ita absolute committere unius hominis iudicio, ab erroribus non immuni, et arbitrio in prava flexili, sed potius certum modum imperii gerendi ipsi praescri-

---

принято „образомъ (по примѣру) прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, благочестивыхъ царей“ (o. cit. 17). Если же принять во вниманіе, что Io. N. Hertius жилъ между 6 октября 1652 г. и 19 сентября 1710 г. (Chr. G. Jöcher, Allgemeines Gelehrten-Lexicon. II Theil, colm. 1561), а его примѣчанія къ сочиненію Пуфендорфа De iure n. et g. изданы были, повидимому, только послѣ его смерти, то очевидно, что Ѳеофанъ могъ пользоваться ими только въ томъ случаѣ, если въ его библіотекѣ былъ экземпляръ Пуфендорфа съ примѣчаніями Hertius'а. По „описи“ же библіотеки Ѳеофана (см. №№ 2115—2117) дѣйствительно числится сочиненіе Пуфендорфа De iure naturae et gentium, но въ изданіяхъ 1694 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ и 1698 въ Амстердамѣ (изъ книгъ Гюйссена), какъ видно изъ личнаго обозрѣнія самыхъ экземпляровъ, дѣйствительно бывшихъ въ рукахъ Ѳеофана (см. выше гл. IV стр. 124), и слѣдовательно Ѳеофанъ едва ли могъ читать указанное примѣчаніе Hertius'а. Впрочемъ, въ заимствованіяхъ у Пуфендорфа ссылки на „образъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ благочестивыхъ царей“ для Ѳеофана вовсе не было и надобности, ибо упоминанія о „христіанскомъ государѣ“, какъ образцѣ законодателя встрѣчаются въ указахъ Петра нерѣдко (см. *Д. Жариновъ*, Петръ В. какъ законодатель и „правда воли монаршей“ въ Сборникѣ „Три вѣка“, изд. Сытина, М. 1912 стр. 163—179). Но почти буквально то же выраженіе, что и въ манифестѣ, можно встрѣтить и въ опредѣленіяхъ Св. Синода, писанныхъ Ѳеофаномъ, напр. „яко благочестивѣйшій Монархъ, образомъ древнихъ христіанскихъ царей“.... П. С. П. I, № 112, стр. 157.

[1]) § 1. (De officio lib. II, c. 8 § 1). [2]) § 2. (De officio ib. § 2).
[3]) § 3 De (officio ib. § 3—4). [4]) § 7 (De officio ib. § 5—6).

bere[1]). Въ силу этого государь ограниченной монархіи обыкновенно обязанъ совѣтоваться либо съ общимъ собраніемъ всей націи, или по меньшей мѣрѣ съ собраніемъ депутатовъ различныхъ сословій, представительствующихъ народъ, когда идетъ дѣло о томъ чего не желали совершенно оставить на его усмотрѣніе. Иногда бываетъ, что государи сами учреждаютъ для себя совѣты. Но они не дѣлаютъ монарха менѣе абсолютнымъ чѣмъ раньше, ибо въ его власти и распустить совѣтъ. Ибо какъ сказано было выше, абсолютная власть состоитъ не въ томъ, чтобы все дѣлать по своей фантазіи, или капризу, или по слѣпому движенію, но чтобы слѣдовать только своимъ личнымъ свѣдѣніямъ въ управленіи общественными дѣлами, что никоимъ образомъ не совмѣстно съ необходимостью слушать хорошіе доводы, какія могутъ приводить подданные, и поддаваться справедливымъ представленіямъ. Власть монарха только тогда бываетъ въ дѣйствительности ограниченной, когда его подданные, возлагая корону, условились съ нимъ о томъ, что его указы будутъ ничтожны, если они состоятся безъ согласія сословій королевства. Но и въ этомъ случаѣ у короля должна быть власть созывать собраніе и распускать его послѣ предложенія имъ дѣлъ, которыя онъ считаетъ умѣстными. Иначе онъ былъ бы лишь каррикатурою короля или по меньшей мѣрѣ главою совершенно неправильнаго государства. Разница между этими собраніями и государственнымъ совѣтомъ въ собственномъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что хотя народные представители и частные совѣтники короля одинаково имѣютъ только право представленія, король можетъ отвергнуть требованія послѣднихъ, но не первыхъ. Когда собранныя сословія отказываютъ такимъ образомъ въ своемъ согласіи на какое нибудь предложеніе короля, онъ тѣмъ не менѣе не долженъ обижаться на это. Ибо онъ торжественно обѣщалъ всегда имѣть предъ глазами благо своего королевства и слѣдуетъ всегда предполагать, что многія избранныя лица вѣрнѣе могутъ судить о немъ, чѣмъ одинъ (Nam utique promisit, sese ob oculos semper habiturum utilitatem Reipublicae, de qua certius praesumitur iudicare plures selecti, quam unus[2]).

Коснувшись въ *седьмой* главѣ De iure naturae et gentium (De officio lib. II, c. 10) различныхъ способовъ пріобрѣтенія верховной власти, и въ *восьмой*—ея незыблемыхъ правъ на повиновеніе, въ *девятой* главѣ Пу-

---

[1]) ib. § 9. Начало этой фразы проф. *Е. Н. Темниковскій* сопоставляетъ (см. „Положеніе Вс. Имп." стр. 21) со словами Духовнаго Регламента (ч. I, „вины", п. 2), приводя ихъ въ аподиктической формѣ, что не вполнѣ удачно, такъ какъ въ подлинникѣ онѣ выражены въ уступительномъ предложеніи. Однако нельзя отрицать возможности сближенія этихъ словъ, какъ и слѣдующихъ за ними въ нашемъ изложеніи, съ даннымъ мѣстомъ Духовнаго Регламанта, какъ это и дѣлаетъ проф. Темниковскій.

[2]) ib. § 12. Послѣдніе слова: Certius praesumuntur iudicare plures selecti, quam unus проф. *Темниковскій* считаетъ прямымъ источникомъ словъ Духовнаго Регламента (ч. I, „вины" п. 1): „Извѣстнѣе истина взыскуется соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ" (см. Положеніе Всерос. Императора... стр. 20—21). Совпаденіе дѣйствительно близкое.

фендорфъ говоритъ объ обязанностяхъ суверена. Чтобы опредѣлить обязанности суверена, говоритъ онъ, необходимо лишь внимательно разобрать, чего требуетъ природа и цѣль гражданскаго общежитія и употребленіе различныхъ частей суверенитета[1]). Ясно, что прежде всего государи должны тщательно учиться тому, что необходимо для правильнаго знанія своихъ обязанностей[2]). Generalis lex summorum imperantium est haec: salus populi suprema lex esto. Вотъ другое общее положеніе, которое государи должны имѣть всегда предъ глазами, ибо имъ ввѣрили верховный авторитетъ лишь при томъ условіи, что они будутъ служить достиженію и поддержанію общественнаго блага, каковое является естественной цѣлью образованія гражданскаго общежитія[3]). Для поддержанія спокойствія въ государствѣ необходимо нужно, чтобы граждане были настроены соотвѣтственно общественному благу. Государь обязанъ предписывать имъ не только законы, которые учатъ ихъ вести себя соотвѣтственно этой цѣли, но кромѣ того установлять такой хорошій порядокъ во всемъ, что относится къ общественному воспитанію, чтобы подданные сообразовались съ законами по разуму и по привычкѣ гораздо болѣе, чѣмъ изъ боязни наказанія, которыя достигаютъ только того, что смышленые люди изыскиваютъ способы грѣшить тайно. Но нѣтъ иного болѣе легкаго способа сдѣлать хорошихъ гражданъ, какъ своевременно внушивъ имъ христіанскую религію, разумѣется ту, которая очищена отъ всѣхъ человѣческихъ выдумокъ, и учредивъ для этой цѣли должностныхъ лицъ, которые проповѣдали бы ее своимъ примѣромъ столько же, сколько и своими наставленіями, ибо кромѣ того, что святая религія указываетъ путь къ вѣчному спасенію, она заключаетъ въ себѣ также превосходную мораль, положенія которой восполняютъ недостатки законовъ, которые не всегда могутъ безъ нѣкотораго неудобства воспретить и наказать все то, что противно обязанностямъ гражданской жизни. Поэтому во всѣхъ намъ извѣстныхъ христіанскихъ странахъ на духовенство возлагаются заботы увѣщевать людей къ исполненію нормъ естественнаго права, въ то время, какъ догматическая часть этой науки принадлежитъ спеціальнымъ профессорамъ. Здѣсь полезна еще и другая вещь, это учрежденіе общественныхъ школъ: лишь бы только въ нихъ не преподавались ложныя науки и нелѣпыя выдумки, составляющія несчастное наслѣдіе темнаго царства, но только знанія основательныя и полезныя для жизни, каковыми особенно являются тѣ, которыя касаются истинныхъ правъ суверена и обязанностей подданныхъ, которыя имъ соотвѣтствуютъ. Чтобы работать для этого съ успѣхомъ, суверенъ сдѣлалъ

---

[1]) Quibus autem praeceptis hoc officium absolvatur, facile colligi potest, siquidem finis atque indoles civitatum, nec non partes summi imperii expendantur. De iure naturae et gentium, lib. VII, c. 9, § 1. De officio lib. II, c. 11, § 1.

[2]) Hic igitur ante omnia necessarium est, ut imperantes ipsi diligenter discant, quae ad plenam eius officii cognitionem pertinent. Ib. § 2. (De officio ib. § 2).

[3]) ip. § 3. (De Officio ib. § 3).

бы лучше всего, если бы самъ служилъ образцомъ своимъ примѣромъ, который обыкновенно оказываетъ наибольшее воздѣйствіе на подданныхъ[1]).

Относительно законовъ суверенъ долженъ стараться, чтобы они были справедливыми, равными, ясными и т. д.[2]) и чтобы они исполнялись[3]). Онъ долженъ соблюдать равномѣрность въ опредѣленіи наказаній[4]), наблюдать чтобы граждане не вредили другъ-другу[5]), избирать на должности людей честныхъ, способныхъ къ дѣламъ и наказывать строго злоупотребленія[6]), взыскивать налоги по мѣрѣ надобности и правильно ихъ употреблять[7]), доставлять содержаніе и содѣйствовать увеличенію имущества подданныхъ[8]), препятствовать образованію нелегальныхъ союзовъ (факцій)[9]), остерегаться вторженія иностранцевъ[10]). Среди этихъ обязанностей особенный интересъ представляетъ обязанность препятствованія образованію факцій.

---

[1]) Ad internam civitatum tranquillitatem necessarium est, ut voluntates civium ita temperentur, et dirigantur, prout saluti civitatis expedit. Inde summorum imperantium est, non solum idoneas ei fini leges praescribere, sed et publicam disciplinam ita sancire, ut non tam metu suppliciorum, quam assuetudine cives ad legum praescripta sese componant. Quippe cum solae poenae non tam ingenerent curam bene faciendi (hoc quippe est opus rationis et disciplinae), quam solicitudinem, ne quis in maleficio deprehendatur. (Ссылки на Аристотеля, Горація, Исократа). Ut autem isthoc obtineatur, in Republicis Christianis plurimum confert ipsae religio Christiana sincera illa, et ab humanis commentis purgata, per pios et cordatos ministros doctrina et exemplo inculcata, quippe quae praeter dogmata ad solutem aeternam facientia continet perfectissima praecepta moralia, queis cumprimis ad bene tolerandam vitam civilem animi mortalium disponuntur, et quae tamen legibus civilibus ita commode sanciri non possunt. Quam ob causam in omnibus, quas novimus, civitatibus Christianis pars paraenetica iuris naturalis ministris Ecclesiae exercenda est commissa; cuius tamen pars dogmatica ad illos proprie pertiner, qui ei disciplinae peculiariter addicti sunt. Add. Grotius de Iure summ. potest. circa sacra c. I, n. 13. Plurimum quoque momenti huc afferunt scholae publicae, siquidem in illis doceantur non inanes nugae, et male feriatorum hominum commenta, regni tenebrarum reliquiae (vid. Hobbesii Leviath. c. 46...) sed solide literae atque scientiae, quarum usus sese per vitam humanam et civilem dispensat. Inter quas praecipua est, quae de iure summorum imperantium, et eidem respondere civium obligatione solide docet. (Vid. Hobbesii Leviath. c 30)... Sed et maximum vigorem publicae disciplinae adfert imperantium exemplum (ссылки на Исократа и Спартіата). Haec igitur omnia ut in civitate recte se habeant, summorum imperantium est providere. De iure naturae et gentium, lib. VII. c. 9 § 4. (De Officio ib. § 4). Проф. Е. Н. Темниковскій справедливо ссылается („Положеніе Всерос. Императора“ стр. 18) на это мѣсто въ доказательство того, что „Пуфендорфъ, какъ и другіе представители школы естественнаго права, держится того взгляда, что религія цѣнна для государства, какъ цивилизующая сила, что она должна состоять въ полной зависимости отъ государственной власти, такъ какъ въ противномъ случаѣ она можетъ оказаться силой противогосударственной, и что она должна стоять въ связи со школой“. Что же касается мнѣнія проф. Е. Н. Темниковскаго (ib. стр. 19) о томъ, что плану этого параграфа соотвѣтствуетъ планъ Духовнаго Регламента, то съ этимъ едва ли можно согласиться.

[2]) § 5. (De officio ib. § 5).
[3]) § 6. (De officio ib. § 6).
[4]) § 7. (De officio ib. § 7).
[5]) § 8. (De officio ib. § 8).
[6]) § 9. (De officio ib. § 9).
[7]) § 10. (De officio ib. § 10).
[8]) § 11. (De officio ib. § 11).
[9]) § 12. (De officio ib. § 12).
[10]) § 13. (De officio ib. § 13).

О ней Пуфендорфъ говоритъ слѣдующее. Такъ какъ благополучіе и внутренняя сила государства зависятъ отъ единенія гражданъ, то на обязанности суверена лежитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ государствѣ не возникали факціи, отъ которыхъ легко и удобно происходитъ мятежъ и гражданская война,... а также, чтобы подданные не соединялись между собою путемъ договоровъ, и чтобы всѣ или нѣкоторые, подъ какимъ либо предлогомъ, духовнымъ или мірскимъ, не зависѣли бы отъ какой нибудь власти, установленной внутри или внѣ государства болѣе, чѣмъ отъ законнаго своего государя[1]).

Въ сочиненіи *Пуфендорфа De Officio hominis et civis* есть глава (lib. I, c. 4), посвященная имъ изложенію обязанностей человѣка по отношенію къ Богу или о естественной религіи (cap. 4 : De officio hominis erga Deum, seu, de religione naturali). Онъ говоритъ здѣсь, что естественная религія слагается изъ положеній *теоретическихъ и практическихъ*. Теоретическими положеніями являются, что Богъ есть, что Онъ создатель и правитель міра, что Онъ всесовершенъ. Практическія положенія касаются внутренняго и внѣшняго культа Бога. Внутренній культъ состоитъ въ богопочитаніи, т. е. въ любви, надеждѣ, въ богобоязненности. Внѣшній же культъ состоитъ въ благодареніи, повиновеніи, поклоненіи, праздновaніи и т. д. Естественная религія имѣетъ мѣсто только въ этой жизни и для полученія вѣчнаго спасенія не годится. За то она служитъ удобной связью человѣческаго общества: eam revera esse ultimum et firmissimum humanae societatis vinculum[2]). Поэтому Пуфендорфъ и требуетъ, чтобы эта религія была *общественной* и *государственной*[3]).

---

[1]) Quia etiam sanitas ac firmitas interna civitatum ex unione civium provenit, quae quo accuratior fuerit, eo maiori cum efficatia vis imperii per universu sese corpus civitatis dispensat: igitur summis imperantibus incumbit providere, ne in civitate factiones oriantur, ex quibus facilis in seditiones et bellum civile est prolapsus; quod tanto deterius est bello, quod concorditer adversus exteros geritur, quanto bellum deterius est pace. Neve quidam cives inter se peculiaribus pactis connectantur. Neve omnes aut aliqui ab ullo alio, sive intra sive extra civitatem constituto, sub quocunque obtentu, sacro aut profano, magis dependeant, quam a legitimo suo principe, et in nemine plus sibi praesidii repositum arbitrentur. De iure naturae et gentium lib. VII, c. 9, § 12.—De Officio hominis et civis lib. II, c. 11, § 12. Проф. *Е. Н. Темниковскій* („Положеніе Всер. Императора“, 19—20) не безъ основанія сближаетъ это мѣсто съ Духовнымъ Регламентомъ (ч. I „вины“ п. 7). Едва ли однако можно повторить его слова съ такою же категоричностью.

[2]) Ср. De iure naturae et gentium lib. VII, c. 4 § 8. Въ данномъ случаѣ Пуфендорфъ является предшественникомъ Руссо. См. его Contrat social кн. IV, гл. 8 о гражданской религіи.

[3]) Въ переводѣ Г. Бужинскаго книги Пуфендорфа „О должности человѣка и гражданина“, сдѣланномъ по приказанію самого Петра (см. *Пекарскій*, Наука и литература т. I, стр. 213) и изданномъ въ С.-Петербургѣ въ 1726 году (экземпляръ въ И. П. Б. № 18. 77. 6. 20) въ наставленіе русскому обществу, это мѣсто читается такъ:

8. Явственно же есть, что все благочестіе естественное, кратко по настоящему человѣческому состоянію разсуждаемое, токмо въ житіи человѣческомъ содержится, и съ человѣкомъ купно окончевается. Къ наслѣдію же вѣчнаго спасенія ничто же помоще-

Въ сочиненіи своемъ *De concordia verae politicae cum religione christiana*[1]) Пуфендорфъ еще разъ касается отношеній государства къ церкви и предоставляетъ первому широкія полномочія относительно послѣдней. Отвѣчая въ началѣ на свой же вопросъ, можно ли согласовать между собою истинную политику съ христіанствомъ, Пуфендорфъ убѣжденно говоритъ: ita nobis certum habetur, veram politicam, ex genuinis suis principiis deductam, et legitime adplicatam, nequaquam repugnare Religioni Christianae, sincerae illi, et prout a Salvatore nostro atque Apostolis promulgata fuit, citra affumenta et corruptelas humanas consideratae (§ I). Для этого есть два доказательства. Первое—что Deus O. M. qui Religionem Christianam, misso suo Filio, orbi promulgavit, idem quoque civitatum imperiique civilis Autor ac Stator merito vocari potest, и что какъ политика, такъ и религія произошли отъ Бога, что видно и изъ Св. Писанія. Правда ни въ Св. Писаніи, ни въ преданіи нѣтъ прямыхъ указаній на то, что Богъ учредилъ гражданскія общества, но надо понимать такъ, что онъ *предположилъ* устройство общества и правительства и благоволитъ къ ихъ продолженію и охраненію (§ II). Съ другой стороны въ писаніи нигдѣ не сказано, чтобы можно было ниспровергать существующія общества, но напротивъ—повиноваться правительствамъ и государямъ, quod tamen utique fieri par erat nisi vel ipsum genus vitae istorum hominum Salvatori probaretur, aut si doctrina ipsius verae politicae quid repugnans complecteretur (§ III). Въ дальнѣйшемъ согласіе вѣры и политики Пуфендорфъ доказываетъ еще подробнѣе. Онъ указываетъ, что si Rectoribus civitatum solus populi suprema lex sit, то cum hisce

---

ствуетъ. Умъ бо человѣческій самъ собою не познаваетъ злобы, которая въ силахъ и приклонности человѣческой содержится, произшедшей черезъ преступленіе человѣческое, и яко за оную заслужилъ себѣ гнѣвъ и вѣчную погибель. И для того избавителя и его дѣйствій, и заслугъ, и обѣщаній Божіихъ роду человѣческому содѣянныхъ нужда была. И что отъ сихъ послѣдуетъ, умъ человѣческій самъ собою познати не моглъ, но писаніе священное изъявляетъ, откуду вѣчное спасеніе человѣкомъ происходитъ.

9. За благо же разсудихомъ яснѣе и раздѣлительнѣе показать пользу, которая въ житіи человѣческомъ отъ богопочтенія раждается. Яко же въ первыхъ явно есть, что богопочтеніе всесовершенно первѣйшій и крѣпчайшій есть союзъ содружества человѣческаго. Ибо въ свободности естественной, аще бы страха Божія не было, то бы всякъ на собственныя свои силы надѣяся, всякое зло немощнѣйшимъ по произволенію своему творилъ: а людскость, срамъ, вѣру, аки бы суетная имена вмѣнялъ, и къ благотворенію токмо бы по своему изволенію подвизался. То есть, аще отложити богопочитаніе, крѣпость градовъ внутренняя, всегда въ небезопаствѣ пребудетъ, и къ содержанію гражданъ въ должности ихъ, ничтоже успѣетъ страхъ временнаго наказанія. Данная вѣра начальствующимъ и сохраненіе ея съ почтеніемъ презрѣна будетъ, и не взирать будутъ на то человѣцы, яко помощію высочайшія власти, въ состояніи естественномъ, отъ всѣхъ бѣдъ защищаемы бываютъ" (стр. 90—93). Разъяснивъ далѣе на примѣрахъ всю практическую важность вѣры для общественнаго и государственнаго спокойствія и благополучія, Пуфендорфъ кончаетъ: „Откуду явно есть, коликаго опасенія требѣ есть въ родѣ человѣческомъ, дабы весма атеистству вся пути заградить, дабы ниже мало умножилося" (стр. 97).

[1]) Русскій переводъ, подъ названіемъ „Политическое разсужденіе Самуила Пуфендорфа о согласіи политики истинной съ религіею христіанскою", былъ изданъ въ С.-Петербургѣ въ 1815 г. (см. И. П. Б. 18. 74. 4. 10).

conspirat, imo iisdem efficaciter succenturiatur Religio Christiana, quae in genere suum cuique officium cum fide ac diligentia obeundum praecipit, tanquam partem eius obsequi, quod ipsi Deo debemus (§ IV). Точно также поступятъ согласно религіи и граждане, если будутъ повиноваться власти и любить правителей какъ отцовъ отечества (§ V). Далѣе въ истинной политикѣ заключается средство ad internam civitatis firmitatem et tranquillitatem... Ad hoc ut animi civium disponantur, plurimum confert Religio Christiana, которая обращаетъ взоры къ будущей жизни и побуждаетъ переносить терпѣливо земныя невзгоды (§ VI). Политика стремится къ установленію путемъ законовъ согласія между гражданами. И въ этомъ отношеніи очень полезна христіанская религія (atque hac in parte Religio Christiana politicae quam maxime concors est) потому, что она восполняетъ собою законы и наказанія гражданскія, когда онѣ недостаточны (§ VII), дѣйствуя на волю и совѣсть человѣка, требуя quam maxime internam cordis puritatem (§ VIII). Болѣе того христіанская религія полезна тѣмъ, что возбуждаетъ въ гражданахъ воинскую храбрость и мужество, обѣщая за подвигъ вѣчную жизнь (§ IX). Самое притворство въ политикѣ, неизбѣжное и дозволительное съ точки зрѣнія естественнаго права не противно христіанской религіи, cum enim et probentur imperia civilia, probari quoque censebuntur illi artes innoxiae, quae posita malignitate, contumacia, ac stoliditate hominum utiles aut necessariae sunt (§ X). Напротивъ, очень вредно и пагубно все то, что разрушаетъ единство общества: Ex scitis verae politicae constat, omnia illa, quae unionem, qua civitas connectitur, dissolvunt exitiabilem morbum in Republica producere, ac ad convulsionem et ruinam civitatis gradum struere. Talis autem dissolutio emergit, si praeter summum imperium civile fingatur aliqua potestas sacra, cuius subiecta, modusque eius potestatis exercendae nulla ratione a summo imperio civili dependeant; quaeque adeo absolutam sese Dominam Religionis, animarumque ferat; imprimis si illa sacra potestas ullo modo sese extendat ad actiones civium, quae ad finem civitatis faciunt, adeoque summi imperii civilis directioni subsunt.... Hoc enim modo civitatem fieri bicipitem. Но еще большую опасность видѣлъ Пуфендорфъ въ томъ случаѣ, si ille Rex sacrorum extra civitatem sit constitutus, ac non sola pietatis opinione,, sed etiam mundanis opibus nitatur. Все это относится къ власти папы, которую онъ присвоилъ себѣ вопреки Св. Писанію. Ex hoc fonte quid malorum in civitates Christianas profluxerit, tot seculorum historiae loquuntur. Inde enim ipsi usurpatum sacris interdicere Regibus et intergis civitatibus, easque praedae quorumvis exponere; subditos fide et iuramento exsalvere и проч. И хотя въ настоящее время много этого стариннаго безстыдства отпало, однако корень остался, и къ той же цѣли стремятся болѣе скрытными путями, какъ, напр., іезуиты (§ XI). Истинная политика требуетъ далѣе уплаты налоговъ, что вполнѣ справедливо, и только папская религія настаиваетъ на иммунитетѣ духовенства (§ XII); она преслѣдуетъ праздность, тогда какъ папская религія поощряетъ тунеядство множества монаховъ—стяжателей (§ XIII); она стремится къ накопленію народныхъ богатствъ, тогда какъ папство, путемъ

индульгенцій и др. способовъ выманиваетъ себѣ изъ Европы рѣки золота (§ XIV). Истинная политика расходится съ папствомъ и во взглядѣ на добрыя дѣла, отъ которыхъ послѣднее освобождаетъ путемъ казуистики (§ XV). Послѣдніе два параграфа Пуфендорфъ посвящаетъ возраженіямъ противъ ученія кальвинистовъ относительно несвободы воли и предопредѣленія, ослабляющаго нравственную и гражданскую отвѣтственность подданныхъ (§ XVI), и противъ ихъ приверженности къ демократической республикѣ (§ XVII). Въ заключеніе авторъ говоритъ: Nos in hoc voto finimus, ut in regno hoc vera religio, veraque politica perpetuo concordes floreant, et serenissimus rex noster Carolus XI per omnia pietatis, civilisque virtutis specimina coruscans, Deo bonisque omnibus probatum regimen ad seros annos perducat[1]).

Наконецъ, среди сочиненій Пуфендорфа слѣдуетъ обратить вниманіе на его книгу *De habitu religionis christianae ad vitam civilem*, Bremae 1687, гдѣ въ 54-хъ параграфахъ онъ развиваетъ тѣ же мысли о правахъ верховной власти въ дѣлахъ церковныхъ, въ качествѣ главы государства и объ обязанностяхъ ея во имя общаго блага поддерживать миръ и защищать церковь. Такъ, напр., въ § 43 Пуфендорфъ писалъ, что ex obligationibus (верховной власти) illa prima esse videtur, quod summi imperantes debeant esse defensores Ecclesiae, et protectionem huic praestare, contra quoscunque cives, qui eandem insultare ausi fuerint... Deinde Princeps hanc quoque obligationem ut Christiani suscipiunt, quod curare debeant, ut suppetant necessariae impensae, quae ad cultum Christianum requiruntur, и проч.[2])

Совершенно согласно съ другими философами школы естественнаго права объ отношеніяхъ церкви и государства разсуждаетъ и *Спиноза*, особенно въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ". Здѣсь въ главѣ XVI онъ, между прочимъ, говоритъ, что „люди, для того чтобы жить въ безопасности и наилучшимъ образомъ, необходимо должны были войти въ соглашеніе, и потому сдѣлали такъ, что они коллективно обладаютъ пра-

---

[1]) Samuelis Pufendorfii, Analecta politica, quibus multae, rarae, gravissimaeque huius disciplinae quaestiones variis dissertationibus explicantur et enodantur. Amstelaedami 1698.

[2]) См. особенно §§ 40. De conditione Ecclesiae Christianorum summo Imperio. 41. Ecclesiae ideo non exuunt naturam collegii. 42. Reges ideo non fiunt Episcopi. 43. De obligatione Regum Christianorum ut talium; quae versatur circa Ecclesiae defensionem et sustentationem. 44. De iuribus Principum circa Ecclesiam, ubi primo de generali inspectione in acta Ecclesiae. 45. De iure Principum circa ministros Ecclesiae. 46. De iure convocandi Synodos. 47. De iure circa disciplinam ecclesiasticam. 48. De potestate condendi statuta circa res ecclesiasticas. 49. Quid iuris summis imperantibus det cura servandae tranquillitatis publicae? 50. De tolerantia diversarum religionum. 51. Cavendum Principibus, ne fidem adhibeant hominibus obnoxiis. 52. Alicubi Principum iura imminuuntur obtentu religionis. 53. De iure reformandi. 54. An civibus absque Principe competat ius reformandi? Сочиненіе это не значится въ „Описи библіотеки Ѳеофана Прокоповича" (см. у насъ во II томѣ). Нѣкоторыя выдержки изъ него приведены нами въ „Очеркахъ по Исторіи Русской Церкви въ XVIII и XIX ст." в. I, Варшава 1912, стр. 59—60.

вомъ, которое каждый отъ природы на все имѣлъ, и что оно больше не опредѣляется на основаній силы и желанія каждаго, но на основаніи мощи и воли всѣхъ вмѣстѣ"[1]). Такимъ образомъ, изъ договора возникаетъ верховная власть, которая уже „не связывается никакимъ закономъ, но всѣ должны ей во всемъ повиноваться"—summam potestatem nulla lege teneri, sed omnes ad omnia ei parere debere[2]). Въ свою очередь, однако, она должна заботиться объ общемъ благѣ—communi bono consulere[3]), т. к. in republica et imperio salus totius populi suprema lex est[4]). Таково основаніе полноты верховной власти. Она простирается на всѣ человѣческія отношенія, въ томъ числѣ касается и религіи. „Summae potestati, cui sola iura imperii conservare et tutari tam iure divino quam naturali incumbit, ius summum competere de religione statuendi, quicquid indicat, et omnes ad eiusdem de eadem decreta et mandata, ex fide ipsi data, quam Deus omnino servari iubet, obtemperare teneri"[5]).

Развитію этой основной мысли посвящаетъ Спиноза всю XIX главу своего Богословско-политическаго трактата. „Когда я говорилъ выше, пишетъ Спиноза, что только тѣ, кто обладаютъ властью, имѣютъ право на все и что только отъ ихъ рѣшенія зависитъ всякое право, я желалъ разумѣть подъ нимъ не только гражданское, но и священное (sacrum); ибо и этого права они должны быть истолкователями и защитниками, и это здѣсь я желаю выразительно отмѣтить, и ex professo поговорить о немъ въ этой главѣ, потому что есть весьма много людей, которые совершенно отрицаютъ, что это право, то-есть ius circa sacra, подлежитъ верховнымъ властямъ и не хотятъ признавать ихъ за истолкователей божественнаго права, а потому берутъ на себя смѣлость обвинять и позорить ихъ и даже отлучать отъ Церкви (какъ нѣкогда Амвросій императора Θеодосія)"[6]). Исходя изъ этого Спиноза доказываетъ два положенія: 1) „что религія получаетъ силу права только вслѣдствіе рѣшенія тѣхъ, которые имѣютъ право повелѣвать, и что Богъ не царствуетъ надъ людьми иначе, какъ только черезъ тѣхъ, которые обладаютъ верховной властью; 2) что религіозный культъ и осуществленіе благочестія должны быть сообразованы съ миромъ и пользою (государства), а слѣдовательно должны быть опредѣляемы исключительно

---

[1]) Benedicti de Spinoza opera quotquot reperta sunt. Recognoverunt I. van Vloten et I. P. N. Land. Editio altera, Hagae comitum, 1895, t. II, p. 123. См. также русскій переводъ М. Лопаткина, изд. по опредѣленію Юридическаго Факультета И. Казанскаго Университета, Казань 1906, стр. 308.

[2]) Opera, t. II, p. 125.—Переводъ, 311. [3]) Opera, t. II, p. 125.—Переводъ, 313.

[4]) Opera, t. II, p. 126.—Переводъ, 314.

[5]) Opera, t. II, p. 130. „Верховной власти, на которой одной лежитъ какъ по божественному, такъ и по естественному праву обязанность сохранять и оберегать права государства, принадлежитъ верховное право постановлять относительно религіи все, чтобы она ни заблагоразсудила, и что всѣ согласно данному ей обѣщанію, которое Богъ повелѣваетъ всячески сохранять, обязаны повиноваться ея рѣшеніямъ и приказамъ относительно религіи". Переводъ, 322.

[6]) Opera, t. II, p. 156.—Переводъ, 371.

верховными властями (a solis summis potestatibus determinari debet), которыя поэтому и должны быть истолкователями этого"[1]). Развивъ свои аргументы, Спиноза заключаетъ: Ideo dubitare non possumus, quin hodierna sacra... solius iuris summarum potestatum sint; et nemo, nisi ex eorum auctoritate vel concessu, ius potestatemque eadem administrandi, eorum ministros eligendi, Ecclesiae fundamenta eiusque doctrinam determinandi et stabiliendi, de moribus et pietatis actionibus iudicandi, aliquem excommunicandi vel in Ecclesiam recipiendi, nec denique pauperibus providendi habet. Atque haec non tantum demonstrantur (ut iam fecimus) vera, sed etiam apprime necessaria, tam ipsi Religioni quam Reipublicae conservationi, esse; norunt enim omnes, quantum ius et auctoritas circa sacra apud populum valeat, et quantum unusquisque ab eius ore pendeat, qui eandem habet; ita ut affirmare liceat maxime in animos regnare, cui haec auctoritas competit. Si quis ergo hanc summis potestatibus adimere vult, is imperium dividere studet; ex quo necessario contentiones et discordiae oriri debebunt quae nunquam sedari possunt[2]).

Такимъ образомъ, Спиноза не признаетъ за Церковью никакой юридической самостоятельности, сливаетъ ее съ гражданскимъ обществомъ и приходитъ къ этому какъ по принципіальнымъ соображеніямъ, такъ и по соображеніямъ спокойствія и безопасности при отсутствіи двоевластія[3]).

Въ VI главѣ своего Политическаго трактата[4]) *Спиноза* говоритъ, между прочимъ, о царскихъ совѣтникахъ при монархическомъ строѣ. По его мнѣнію, царскіе совѣтники должны быть многочисленны, по нѣсколько человѣкъ отъ семейства (гл. VI, § 15). Избирать ихъ долженъ самъ царь, причемъ смѣняться они должны лишь на одну треть (§ 16). Царю не должно быть позволено постановлять что-либо, не познакомившись предварительно съ мнѣніемъ собранія его совѣтниковъ (§ 17) и т. д. Гл. VII-я посвящается Спинозою доказательству этихъ его положеній. Такъ, онъ говоритъ, что „въ виду того, что одно лицо не можетъ всего разсматривать и непрерывно устремлять духъ свой на размышленіе, и что часто болѣзнь, старость или другія причины препятствуютъ ему заниматься государственными дѣлами, *необходимо, чтобы у монарха имѣлись совѣтники*[5]), которые бы знали положеніе вещей, помогали совѣтомъ царю и часто замѣ-

---

1) Opera, t. II, p. 156.—Переводъ, 372.

2) Opera, t. II, p. 162.—Переводъ, 382—383.

3) Какъ видно, послѣдняя цитата по своему содержанію очень близко подходитъ къ Духовному Регламенту ч. I, „вины" п. 7. Ср. Пуфендорфа выше, стр. 337, § XI.

4) Tractatus politicus. Benedicti de Spinoza opera quotquot reperta sunt. Recognoverunt I. van Vloten et I. P. N. Land. Editio altera, Hagae comitum, 1895, t. I. Есть русскій переводъ А. Б. Ставскаго, подъ ред. проф. Е. В. Спекторскаго, Варшава 1910, изданный по опредѣленію Совѣта И. Варшавскаго Университета.

5) Cum autem unus solus omnia perlustrare nequeat, nec semper animum praesentem habere et ad cogitandum instituere, et saepe morbo aut senectute, aut aliis de causis, rebus vacare publicis prohibeatur; necesse ergo est, ut Monarcha Consiliarios habeat, qui rerum statum noscant, et Regem consilio iuvent, et ipsius locum saepe suppleant. Opera, t. I, p. 300. Ср. съ этимъ Духовный Регламентъ ч. I, „вины", п. 2.

няли его“ (гл. VII, § 3). Это нужно, между прочимъ, потому, что „мы никоимъ образомъ не можемъ представить, чтобы для рѣшенія дѣлъ могло быть мыслимо что-нибудь такое, что ускользнуло бы отъ вниманія столь большого числа людей“ (§ 5)[1]). Далѣе, „никому не придетъ на умъ подкупить это собраніе взятками. Если бы кто-нибудь и склонилъ на свою сторону того или другого изъ столь большого числа людей, онъ ничего, конечно, не добился бы“ (§ 9)[2]) и т. д.

Christian Thomasius, въ Institutiones Iurisprudentiae Divinae, Francofurti et Lipsiae 1688 (lib. III, cap. VI, § 5) говоритъ слѣдующее: Consentimus et in eo: quod *forma* civitatis sit respublica, hoc est, ordo imperantium et parentium, item summi imperantis et inferiorum magistratuum. § 6: Unde videtur sua sponte fluere *definitio civitatis* a forma et fine: Civitas est societas naturalis summum imperium continens, omnis sufficientiae et beatitudinis civilis gratia.

Примыкая въ своихъ воззрѣніяхъ о происхожденіи власти къ Пуфендорфу (см. далѣе § 29—31), Томазій перечисляетъ права верховной власти и говоритъ (§ 149): Denique cum singulorum actiones a sua cuiusque opinione regantur, plerique autem de rebus ita soleant iudicare, prout assueverunt, et prout communiter iudicari vident; paucissimi proprio ingenio vera et honesta dispicere queant, inde civitati expedit, ut publice eiusmodi doctrinis personet, quae cum recto fine et usu civitatum congruunt, simulque animi civium a puero istis imbuantur. Eiusmodi igitur doctrinas, qui doceant publice, summi imperii est constituere. Quare huc pertinet ius erigendi *Scholas* et *Academias*, item *ius circa sacra* stricte sic dictum. Далѣе (§ 150): Cave autem putes, nos docere, acsi praecepta *religionis* debeant dirigi *secundum utilitatem singularum rerumpublicarum*. Haec enim esset cavillatoria explicatio verborum nostrorum, qui de *fine communi* civitatum loquimur; и поясняетъ (§ 153): Id tamen exinde sequetur, principem, qui religionem falsam in republica tolerat, quae tamen non repugnat fini civitatis, non peccare contra *ius naturale* et officium boni principis, sed contra legem divinam *positivam universalem* et officium boni Christiani: Quare Iurisprudentiae Naturalis defectum hic supplere debet Theologia.

Верховную власть Томазій опредѣляетъ такъ (lib. III, cap. VI, § 115): Definitur vero *imperium* in civitate, quod uno vocabulo *maiestas* dicitur, de cuius origine et modis acquirendi hactenus disseruimus, quod sit *summa potestas dirigendi actiones civium, et cum iis qui extra rempublicam sunt, nomine civitatis negotia pacifica pariter et bellica suscipiendi, ad obtinendos civitatis fines*. § 116.—Dico: *potestas summa*, id est in sui exercitio a nullo homine tanquam superiore dependens, sed ex proprio iudicio sese exserens, sic ut eiusdem actus a nemine tanquam superiore queant irriti reddi. § 17.—Cui coniunctum est, ut idem summum imperium *legibus humanis* et civilibus ut talibus sit *superius*, iisdemque adeo directe non obstringatur. Istae

---

[1]) Opera, t. I, p. 301. [2]) Opera, t. I, p. 302.

enim leges summo imperio tam in origine quam in duratione dependent. Inde fieri non potest, ut per istas idem obligetur; cum alias idem seipso superius foret.

Въ сочиненіи Хр. Томазія De iure principis circa adiaphora (submittit Enno Rudolph Brenneisen) Halae Magdeburgiae 1695, развиваются слѣдующія положенія. Secundum religionem naturalem omnis cultus externus Dei est adiaphorus, поэтому онъ подлежитъ вѣдѣнію верховной власти. De iure principis circa sacra legis Christi nihil novi disposuerunt. Ex fine Rerumpublicarum patet Principem posse coercere eos, dui sub pretextu religionis pacem externam turbant, eique competere inspectionem generalem in actiones civium suorum tam circa res prophanas quam sirca sacras, ac eius dispositioni subiacere omnes actiones civium, quae sunt in eorum arbitrio: Distinctio communis inter interna religionis et externa est obscura et sophisticationibus subiecta. Ergo subiacent etiam actiones circa adiaphora, quia hae nullibi exceptae. Ius hoc competit Principi ciusqunque religionis, etiam statibus Imperii vi superioritatis territorialis, et adeo ante Instrumentum pacis, non obstantibus Concordatis Germaniae artic. 16, Capit. Car. V[1]).

Наконецъ, въ своемъ трактатѣ „Das Recht evangelischer Fürsten in theologischen Streitigkeiten“ (Halle 1696), *Томазій* исходитъ изъ того положенія, что Церковь и государство, это—gantz unterschiedene Collegia, изъ коихъ jene aus dem Bunde des grossen Gottes mit den Menschen zur Beförderung der ewigen Glückseligkeit, dieses aber aus der Verbündligkeit vieler Menschen unter einem Menschlichen Ober-Haupte, zur Erlangung zeitlicher Ruhe und Friede bestehet (S. 1). Не смотря, однако, на разныя цѣли церкви и государства, первая очень полезна для второго своею нравственной дисциплиной, а второе полезно для первой закономѣрнымъ употребленіемъ власти государей въ дѣлахъ церковныхъ.

Послѣ этого вступленія, Томазій переходитъ къ своей главной темѣ, имѣвшей, какъ извѣстно, совершенно спеціальное происхожденіе, и въ 19-ти отдѣлахъ доказываетъ, что для внѣшняго мира и спокойствія единство религіи не нужно, что въ религіозныхъ спорахъ терпимость—лучшее средство, что обязанность государя состоитъ въ поддержаніи внѣшняго мира, а не въ томъ, чтобы дѣлать своихъ подданныхъ добродѣтельными, и заботиться о ихъ душевномъ спасеніи, а также убѣждать ихъ въ истинной религіи. Никто и никакой государь не можетъ рѣшать духовнаго спора по юридической нормѣ. Не могутъ этого и соборы и богословы. Не можетъ государь и навязывать кому-либо своего рѣшенія. Въ богословскихъ спорахъ каждый для себя имѣетъ рѣшающее сужденіе, но при этомъ у государя есть право не допускать, чтобы богословскіе споры нарушали внѣшній миръ. Изъ этого слѣдуетъ, что если какой-либо проповѣдникъ будетъ виновенъ въ разногласіи со своими слушателями въ общинѣ, государь можетъ

1) Къ характеристикѣ взглядовъ Томазія на отношенія церкви и государства относятся еще трактаты: An haeresis sit crimen (subiicet I. Chr. Rube) Halae 1697. De iure principis circa haereticos (submittit I. Chr. Rube) Halae 1722, и Das Recht evangelischer Fürsten in theologischen Streitigkeiten. Halle 1696.

съ помощью безпартійныхъ лицъ изслѣдовать и удалить проповѣдника отъ службы или защитить его. Но если одинъ или много слушателей уклоняются отъ принятаго до сихъ поръ мнѣнія, государь обязанъ не допускать ихъ отлученія отъ общины, но скорѣе защищать свободу ихъ совѣсти. Вмѣстѣ съ тѣмъ государь можетъ принимать мѣры къ примиренію спорящихъ сторонъ и объединенію ихъ въ общемъ мнѣніи. Если же каждая партія остается при своемъ мнѣніи, государь обязанъ предоставить ей свободу совѣсти, съ требованіемъ пользоваться ею въ спорныхъ вопросахъ съ христіанской умѣренностью. Чтобы поддержать внѣшній миръ онъ въ правѣ запрещать дозволенное естественной свободой. Если кто-нибудь открыто впадетъ въ ересь, его нельзя подвергнуть за это никакому мірскому наказанію, но государю позволительно приказать ему эмигрировать, если онъ думаетъ, что для его подданныхъ было бы лучше, чтобы еретикъ не оставался въ странѣ. Таковы основныя мысли Томазія.

De iure imperantis circa sacra *Iustus Henricus Böhmer* въ сочиненіи Introductio in ius publicum universale, ex genuinis iuris naturae principiis deductum et in usum iuris publici particularis (Halae Magdeburgicae 1710, lib. II, cap. V), развиваетъ слѣдующія мысли. Sacra hic primario *modum colendi Deum externum* denotatur (§ 2). Retinere itaque subditi (civitatis) libertatem ut possint colendi Dei gratia coire et sacra facere (§ 5). Haec libertas tamen non impedit quominus imperans prospicere et praecavere possit, imo debeat, ne sub praetextu sacrorum, scelera, fraudes, coniurationes aliaque nefanda committitur (§ 6) и проч. (§ 7—8). Cum vero ecclesia sit in Republica imperanti non minus ac in cetera collegia competit *ius inspectionis generali*, ut videat, ne quid in sui et Reipublici praeiudicium ibi agatur: inde prima fundamenta *iuris circa sacra* (§ 15). Et cum multum imperantis intersit, ut mores subditorum rite formentur, ut publica tranquillitas hoc modo quoque obtineatur, specialior cura ad eum pertinet, ut videat, ne Doctores moribus deperditis praediti ecclesiis praeficiantur, et circa horum constitutionem omnes evitentur fraudes, quia sub his circumstantiis respectus civiles concurrunt (§ 16). На этомъ основаніи верховной власти принадлежатъ также права: praescribere modum, in constitutione observandum; doctores constituere (§ 17), et qui in hos inspectionem habeant, eosque in officio contineant (§ 18); ius praescribendi ordinationes ecclesiasticas (§ 19); ius reformandi sacra, hoc vero vel concernit *mores et ordinem* ecclesiasticum, vel *dogmata* (§ 20); ius disponendi circa ritus, ordines et alia adiaphora (§ 21); praescribere modum docendi (§ 22); iurisdictionem circa ea, quae sacra, lites, aliaque arbitraria respiciunt, suo iure exercere (§ 23); ius decidendi controversias theologicas itidem imperanti proprium est (§ 24); ius convocandi synodos (§ 26); et sententia approbare (§ 27) и т. д. (p. 452—479).

Со всѣми этими идеями, какъ видно изъ его біографіи[1]), былъ отлично знакомъ Ѳеофанъ[2]). И тѣ начала, которыя онъ восприняль, наблюдая

---

[1]) См. выше гл. IV, стр. 118—136.

[2]) Съ идеями школы естественнаго права и вообще съ политическими идеями новаго времени были довольно хорошо знакомы вообще интеллигентные круги русскаго

европейскую дѣйствительность и изучая богословскую, философскую, юридическую и политическую литературы своего времени, естественно могли отразиться, и въ самомъ дѣлѣ отразились, какъ вообще въ твореніяхъ Ѳеофана, такъ, въ частности, и въ Духовномъ Регламентѣ.

Имѣя ихъ въ виду, мы легче поймемъ ту идейную подкладку, которая лежитъ у Ѳеофана въ дальнѣйшихъ строкахъ Духовнаго Регламента, гдѣ онъ говоритъ о *преимуществахъ* коллегіальнаго правленія.

Государственная церковность въ католическихъ странахъ. Относительно церковно-государственныхъ отношеній въ *католическихъ* странахъ между католическими государями и католическою церковью, слѣдуетъ, въ заключеніе, замѣтить, что они, какъ сказано было выше[1]), еще раньше начали слагаться въ систему такъ наз. *государственной церковности* совершенно обратную системѣ средневѣковой іерократіи. Теперь идеи философіи естественнаго права только еще прочнѣе и прозрачнѣе ее обосновали и дали

общества, начиная со средины XVII в. См. акад. *А. И. Соболевскаго*, Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н. т. LXXV, № 1, Спб. 1903.—*Его-же*, Изъ переводной литературы Петровской эпохи. Тамъ же т. LXXXIV, Спб. 1908.— *П. П. Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. Спб. 1862, 2 тома.- *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Идея государства и главнѣйшіе моменты ея развитія въ Россіи со временъ смуты до эпохи преобразованій. „Голосъ Минувшаго" Декабрь 1914 г. (№ 12).—*Его-же*, Петръ Великій, основатель И. Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Спб. 1914. Отд. оттискъ изъ „Сборника рѣчей, произнесенныхъ въ торж. засѣданіи А. Н. 23 февраля 1913 г.—*С. Масловъ*, Библіотека Стефана Яворскаго (въ XXIV кн. „Чтеній въ И. О. Нестора-лѣтописца" и отдѣльно, Кіевъ 1914).—Ср. также каталогъ книгъ Аѳанасія Кондоиди (рукопись Архива Св. Синода № 3241), среди которыхъ были сочиненіа Бёмера, Б. Карпцова, С. Пуфендорфа, Гуго Гроція и др.—По собственноручному повелѣнію Петра Великаго отъ 11 сентября 1724 г. (Св. Синодъ, книга В. повелѣній 1721—1724 гг. л. 75) Гавріиломъ Бужинскимъ было переведено на русскій языкъ и издано въ 1726 г. сочиненіе Пуфендорфа „О должности человѣка и гражданина". Имъ же переведено было Пуфендорфа „Введеніе въ исторію европейскихъ державъ" (издано въ 1718 и 1726 г. Въ 1738 г. по указу 25 іюня изъято изъ обращенія, но по указу 17 ноября 1743 г. вновь разрѣшено). По инициіативѣ кн. Д. М. Голицына много политическихъ сочиненій было переведено профессорами и воспитанниками Кіево-Могилянской Академіи въ началѣ XVIII в. Рукописи этихъ переводовъ см. въ И. Публичной Библіотекѣ (F. II. 26, 27, 28, 31, 32, 33, 35, 36, 41, 48, 49, 51, 52, 56, 57, 58, 62, 64, 65, 67, 68; Q. II, 12, 25, 26, 31, 35, 36, 40 и др.). Въ томъ числѣ имѣются: С. Пуфендорфа „О законахъ естества и народовъ", скоропись нач. XVIII в. 2 части (въ первой находятся 2 и 3 книги, а во второй 6 и 7-я книги), см. F. II, 26; Дж. Локка, „Правленіе гражданское, о его истинномъ началѣ и о его власти и ради чего" (см. F. II, 41); Гуго Гроція, „О законахъ брани и мира" (см. F. II, 36). Рукописи перевода сочиненія Пуфендорфа „О законахъ естества и народовъ" значатся и въ Московской Синодальной Библіотекѣ (см. Указатель архим. Саввы стр. 225 № 115 и 255). Въ видѣ курьеза, показывающаго, однако, насколько въ XVIII в. было распространено знакомство съ Пуфендорфомъ въ русскихъ духовныхъ кругахъ, можно указать на то, что изъ числа воспитанниковъ или подкидышей, привезенныхъ епископомъ Вятскимъ Лаврентіемъ († 1737 г.) изъ Великаго Устюга въ 1733 г., одинъ *назывался* Егоромъ *Пуфендорфовымъ* (см. Синодальный Архивъ № 142, 1737 г. л. 3. Копія дух. завѣщанія еп. Вят. Лаврентія).

[1]) См. выше стр. 289—294.

толчекъ къ дальнѣйшему ея развитію въ такихъ католическихъ странахъ, какъ Баварія, Австрія, Франція и др.

Въ общемъ нельзя не замѣтить, что, съ одной стороны, развитіе *теоретическихъ* взглядовъ на свѣтскую власть и на права ея въ дѣлахъ церковныхъ, провозглашенныхъ сначала протестантствомъ, затѣмъ школою естественнаго права, а съ другой,—*практическое* осуществленіе ихъ въ дѣйствительности подъ вліяніемъ той исторической эволюціи, которую переживала вся Европа съ конца среднихъ вѣковъ, не могли не дѣйствовать на философскую и политическую мысль. Озираясь вокругъ, всякій могъ и долженъ былъ видѣть повсемѣстное господство свѣтской власти надъ духовной и при томъ основанное не на правѣ сильнаго, а на соображеніяхъ естественнаго разума, выше котораго тогда, при господствѣ раціонализма, не было критерія. Блестящій примѣръ подавала не только протестантская Германія, но и Англія[1] и католическая Франція[2]).

§ 3. Обоснованіе преимуществъ коллегіальной системы управленія Русскою Церковью.

Поводъ составленія „винъ“. Изложивъ, хотя бы въ двухъ строчкахъ, правовое основаніе власти Государя учредить Духовный Коллегіумъ, Θеофанъ ссылается на „духовныя нужды“, и тѣмъ самымъ объясняетъ, почему Государь „благоволилъ уставити Духовное Коллегіумъ, которое бы прилѣжно и непрестанно наблюдало, еже на ползу Церкви, да вся по чину бываютъ, и да не будутъ нестроенія“.

Но этого мало. Положимъ патріаршее управленіе оказалось несостоятельнымъ и его слѣдовало какъ-то преобразовать. Но чѣмъ, однако, объяснить, что оно замѣнено было именно Духовной *Коллегіей*, при томъ лишенной всякой самостоятельности и поставленной, подобно своему прототипу, главнымъ образомъ, протестантской консисторіи, *„подъ* державнымъ монархомъ“?

Чтобы объяснить это, Θеофану пришлось взяться за доказательство особыхъ *преимуществъ* коллегіальной системы предъ единоличной вообще

---

[1]) О реформаціи въ Англіи и установленіи супремата короля надъ церковью см. сочиненія по Всеобщей исторіи, напр.. Lavisse et Rambaud, Histoire générale du IV-e siècle a nos jours, t. IV et V, а также сочиненія по Исторіи Церкви. Спеціально—F. Makower, Die Verfassung der Kirche von England, Berlin 1894.—Ср. J. Hatschek, Englisches Staatsrecht, Tübingen, 1905, Bd. I, 628 (Der König als Haupt der Staatskirche—englisches Staatskirchenrecht).

[2]) О монархическомъ абсолютизмѣ Людовика XIV и о положеніи католической церкви во Франціи въ его время (галликанизмъ) см., между прочимъ, у Lavisse et Rambaud, Histoire générale, t. VI ch. 4 et 6.—E. Lavisse, Histoire de la France, t. VIII, p. 277—388.—A. Esmein, Cours élémentaire d'histoire du droit français, 10-e ed. Paris 1910, p. 653 и сл.—A. Debidour, Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 a 1870, Paris 1898, p. 1—27 (l'église et l'état sous l'ancien régime). Религіозная теорія абсолютизма дана, какъ извѣстно, въ сочиненіи Bossuet, Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte.

и, въ частности, примѣнительно къ историческому прошлому русскаго патріаршества и современнымъ Ѳеофану государственнымъ и церковно-бытовымъ условіямъ Россіи. Говоря словами самого Духовнаго Регламента: „Да не возмнитъ же кто, что сіе управленіе не угодно есть, и лучше бы единому лицу дѣла духовныя всего общества правити, якоже частныхъ странъ, или епархій дѣла управляютъ кійждо особь епископи; предлагаемъ здѣ важныя *вины*, которые показуютъ, что сіе правленіе соборное всегдашнее, и аки всегдашній Сѵнодъ или Сѵнедріонъ, совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правителство, наипаче же въ государствѣ монаршескомъ, яковое есть наше Россійское“ (Д. Р. ч. I).

Преувеличеніе значенія „винъ“. Обращаясь къ изслѣдованію источниковъ этихъ *винъ*, т. е. доказательствъ, которыхъ Ѳеофанъ приводитъ *девять*, необходимо прежде всего устранить одно научное недоразумѣніе. Дѣло заключается въ томъ, что эти девять доказательствъ преимущества коллегіальной системы предъ единоличной, сочиненныя Ѳеофаномъ, но изданныя отъ имени Петра Великаго въ одномъ изъ важнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ его эпохи, нерѣдко служили и до сихъ поръ служатъ русскимъ историкамъ матеріаломъ для объясненія и характеристики петровской коллегіальной реформы. Хотя это не совсѣмъ вѣрно уже потому, что мысль объ учрежденіи въ Россіи коллегій возникла не позднѣе 1715 г., а Ѳеофанъ, авторъ Регламента прибылъ въ С.-Петербургъ только въ 1717 г., Духовный же Регламентъ написанъ въ качествѣ „Разсужденія“ только въ 1718—1720 гг., когда коллегіи уже начали дѣйствовать, однако, въ виду отсутствія въ какомъ-либо другомъ памятникѣ эпохи Петра столь яснаго теоретическаго обоснованія коллежской реформы, историкамъ трудно удержаться, чтобы не воспользоваться аргументаціей Ѳеофана въ Духовномъ Регламентѣ, чтобы не распространить ихъ на предшествующее время и не приписать ихъ самому Петру, на что нѣтъ ровно никакихъ данныхъ.

Опороченіе оригинальности „винъ“ Ѳеофана. Но это только одна сторона дѣла. Другая заключается въ томъ, что не всѣ хотятъ вѣрить самостоятельности Ѳеофана въ составленіи этихъ „винъ“ и ищутъ подходящей теоретической работы. Такая—найдена, и потому естественно, что съ нею именно ставится въ связь Духовный Регламентъ. Вапросъ только въ томъ, насколько основательно это дѣлается. Здѣсь разумѣется книга Аббата de Saint-Pierre, „Discours sur la polysynodie“. Замѣчательная сама по себѣ, она заслуживаетъ спеціальнаго вниманія съ нашей стороны именно потому, что проф. Э. Н. Берендтсъ, въ примѣчаніи къ стр. 126 1-го выпуска I-го тома своего „Опыта системы Административнаго права“, Ярославль 1898 г., высказалъ совершенно опредѣленный взглядъ, будто названная книга Аббата de Saint-Pierre служила „главнымъ источникомъ изложенной (въ Духовномъ Регламентѣ) теоріи коллегіальнаго управленія“[1]).

---

[1]) Дословно примѣчаніе читается такъ: „Онъ (т. е Духовный Регламентъ) составленъ, какъ извѣстно, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Главнымъ источникомъ изложенной въ

Чтобы составить себѣ ясную точку зрѣнія на данный вопросъ, необходимо подробнѣе остановиться на разборѣ этой книги и сравнить ее съ Духовнымъ Регламентомъ.

Сравненіе „винъ" Духовнаго Регламента съ Полисинодіей Сенъ-Пьера. Въ концѣ апрѣля 1718 г. появилась небольшая книжка подъ заглавіемъ: Discours sur la polysynodie, où l'on démontre que la polysynodie, ou pluralité des conseils, est la forme de ministère la plus avantageuse pour un roi, et pour son royaume, par Mr. l'Abbé de Saint-Pierre, de l'Academie Françoise[1]) Титульный листъ носитъ эпиграфъ изъ Притчей: Ubi multa consilia Salus.

Charles-François Castel de Saint-Pierre родился въ Saint-Pierre-Eglise[2]) въ среду 13 февраля 1658 г. Семья Saint-Pierre'a, настоящее имя котораго было Castel, принадлежала къ лучшему дворянству Нормандіи. Послѣ смерти своей матери (2 іюня 1664 г.) маленькій Saint-Pierre былъ отданъ на воспитаніе своей теткѣ Laurence de Bellefonds, основательницѣ бенедиктинскаго монастыря въ Руанѣ. По ея настоянію онъ прошелъ курсъ въ іезуитской коллегіи. Когда умеръ его отецъ baron de Saint-Pierre (25 іюня 1675 г.), молодой Saint-Pierre принялъ священство и поступилъ въ іезуитскую коллегію въ Caen, окончивъ которую, отправился въ 1680 г. въ Парижъ. Здѣсь онъ изучалъ анатомію у Duverney, химію у Lemery, физику у de Launay, аббата Bourdelot и др. и вообще подпалъ вліянію ученыхъ круговъ Парижа. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вновь встрѣтился со своими старыми товарищами по коллегіи въ Руанѣ Фонтенеллемъ (Fontenelle) и Vertot, а также съ Varignon, съ которымъ онъ познакомился еще въ Caen. Всѣ четверо составили дружескій кружокъ, собиравшійся у Saint-Pierre въ предмѣстьи Saint-Jacques. Впослѣдствіи къ нимъ присоединился и P. Malebranche. Въ это именно время Saint-Pierre порвалъ съ физикой и обратился къ изученію морали и политики, къ которымъ онъ чувствовалъ особое призваніе. Вскорѣ онъ сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ салона Madame de Lambert, который служилъ тогда преддверіемъ къ Академіи. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ 1694 г. онъ былъ избранъ въ число ея „безсмертныхъ" членовъ, тогда какъ за два года передъ тѣмъ былъ назначенъ первымъ священникомъ Елизаветы-Шарлотты Герцогини Орлеанской, невѣстки Людовика XIV и матери будущаго Регента. Въ 1712 г. аббатъ de Saint-Pierre сопровождалъ въ качествѣ секретаря аббата Полиньяка (Polignac) въ Утрехтъ, гдѣ собрался конгрессъ, положившій конецъ войнѣ за испанское наслѣдство. Вскорѣ появились и два первыхъ тома его Projet de paix perpétuelle, третій томъ котораго вы-

---

немъ теоріи коллегіальнаго управленія, служила книга аббата Де Санъ-Піера: Discours sur la polysynodie. 1718 г.". Болѣе подробныхъ указаній проф. Э. Н. Берендтсъ не дѣлаетъ.

[1]) Второе изданіе вышло въ Амстердамѣ въ 1719 г. in 12° съ добавленіемъ матеріаловъ, касающихся исключенія аббата de Saint-Pierre изъ Французской Академіи. Въ этомъ изданіи Discours занимаютъ 249 страницъ. Оно имѣется въ моей собственной библіотекѣ.

[2]) Главное мѣстечко кантона, находится въ 17 километрахъ отъ Cherbourg'a, и въ 10 килом. къ западу отъ Barfleur.

шелъ три года спустя[1]). Эта, именно, работа стяжала аббату de Saint-Pierre славу одного изъ важнѣйшихъ поборниковъ вѣчнаго мира, за каковаго его болѣе всего и знаютъ. Послѣ смерти Людовика XIV 2 сентября 1715 г. академическая карьера аббата стала колебаться. Первая стычка его съ товарищами по Французской Академіи произошла по поводу его Mémoire sur l' Etablissement de la Taille Proportionnelle въ 1717 г., и окончилась для него благополучно. Но едва инцидентъ былъ забытъ, какъ появилась его Polysynodie, датированная 16 Апрѣля 1718 г. Въ этомъ сочиненіи Saint-Pierre очень рѣзко отзывается о царствованіи Людовика XIV, при чемъ за его несправедливыя войны и отмѣну Нантскаго этикта считаетъ невозможнымъ называть его Великимъ. Эта книга вызвала негодованіе въ придворныхъ кругахъ[2]), обвинившихъ автора въ неуваженіи къ покойному королю и неумѣстной критикѣ его системы государственнаго управленія. Не могла остаться равнодушною и Академія, на обсужденіе которой предложилъ Полисинодію кардиналъ Полиньякъ. Академія прежде всего чрезъ особую депутацію принесла извиненія Регенту, а затѣмъ въ торжественномъ засѣданіи 5 мая 1718 г. аббатъ de Saint-Pierre былъ исключенъ изъ числа членовъ Академіи, несмотря на его просьбы выслушать его объясненія, обращенныя къ Mr. de Sacy въ письмахъ и въ мемуарѣ отъ 4, 5 и 6 мая 1718 г. Мѣстъ его не было объявлено вакантнымъ. Къ Аббату de Saint-Pierre отнеслись, какъ къ покойному члену Французской Академіи Mr. de Furetiere, исключенному изъ нея въ 1685 г.[3]) Только въ 1731 г. Аббата de Saint-Pierre замѣстилъ въ Академіи Pierre-Louis Moreau de Maupertuis[4]), которому запрещено было при его вступленіи въ Академію произнести своему предшественнику обычный панегирикъ. Однако, какъ и

---

[1]) Projet de traité conclu pour rendre la paix perpétuelle entre les souverains chrétiens. Utrecht 1713. Въ этомъ проектѣ Saint-Pierre предлагалъ соединить всѣ европейскія государства, не исключая и Россіи, въ одну лигу или союзъ, подобный старой германской имперіи. Общій сеймъ долженъ былъ служить законодательнымъ и судебнымъ органомъ союза, съ принудительною властью въ отношеніи всѣхъ членовъ; взаимныя права устанавливались общею конституціею. Такимъ образомъ Saint-Pierre превращалъ международный союзъ въ государственный и лишалъ каждый народъ въ отдѣльности права быть распорядителемъ судебъ своихъ внутри и внѣ государства. Проектъ Аббата по идеѣ своей нашелъ сочувствіе у многихъ выдающихся мыслителей XVIII в.—Лейбница, Вольнея, Кондорсе, Ж. Ж Руссо, Тюрго, Ад. Смита, Лессинга, Гердера и др. Однако они ожидали вѣчнаго мира не столько отъ созданія особой политической комбинаціи, сколько отъ духовнаго единенія всего цивилизованнаго міра и общности экономическихъ интересовъ.

[2]) Ее критиковалъ и Rousseau. См. P. Janet, Histoire de la science politique dans ses rapports avec morale. 3e ed. t. II, p. 459—460. Paris 1887.

[3]) Антуанетъ Фюретьеръ (1620—1688), французскій писатель, предшественникъ современныхъ французскихъ романистовъ реальной школы, избранный въ Академію въ 1662 г., исключенъ изъ нея въ 1685 г. за то, что задумалъ издавать толковый „Словарь французскаго языка“, являясь такимъ образомъ конкуррентомъ самой Академіи, давно занятой такимъ же изданіемъ.

[4]) Французскій астрономъ и геодезистъ (1698—1759).

раньше, такъ и по выходѣ своемъ изъ Академіи Аббатъ de Saint-Pierre продолжалъ проповѣдывать свои идеи, названныя кардиналомъ Дюбуа[1]) „rêves d'un homme de bien". Онъ былъ борцомъ за вѣротерпимость, говоря, что правительство должно строить въ домѣ умалишенныхъ камеры для фанатиковъ — богослововъ, изыскивалъ средства къ болѣе справедливому распредѣленію налоговъ, къ уничтоженію бѣдности, къ усовершенствованію методовъ воспитанія и къ упрощенію орѳографіи. Такимъ образомъ Аббатъ de Saint-Pierre, бывшій старшимъ товарищемъ математика Вариньона[2]) и Фонтенеля[3]), съ которыми и съ нѣсколькими другими, онъ спорилъ, искалъ и мечталъ въ маленькомъ домикѣ улицы Saint Jacques въ Парижѣ, являлся доблестнымъ борцомъ за всевозможныя благородныя идеи, которыми онъ возбудилъ у современниковъ много вопросовъ, сдѣлавшись предшественникомъ философовъ и соціологовъ XVIII вѣка[4]). Онъ умеръ въ Парижѣ 29 Апрѣля 1743 г. отъ апоплексическаго удара. Его перу принадлежатъ еще проекты и мемуары „pour perfectionner la police contre les duels (1715), „pour les pauvres mendiants" (1724), „pour perfectionner l'éducation" (1728), „pour l'établissement d'une taille proportionnelle" (1717), „pour diminuer le nombre des procès" (1725) и т. под. Въ собраніе его сочиненій (Ouvrages de politique et de morale, 1738—1741, 18 том.) вошли также „Projet pour perfectionner l'orthographe des langues d'Europe" (1730), „Discours sur le sujet des conférences futures de l'Academie Française" (1714), „Annales politiques" и др.[5]).

Для насъ особый интересъ представляетъ его работа Discours sur la polysynodie, въ которой, какъ говорится въ подзаголовкѣ, показывается, что множественность совѣтовъ есть лучшая форма министерскаго правленія для короля и королевства. Книга распадается на предисловіе, двѣ части и заключеніе. Въ первой части излагаются двадцать преимуществъ полисинодіи предъ визиратомъ и полувизиратомъ. Во второй части, послѣ общаго замѣчанія, ставится тридцать семь возраженій противъ выставленныхъ положеній и даются на нихъ отвѣты. Центръ тяжести работы, очевидно,

---

[1]) Guillaume Dubois (1655—1723) кардиналъ, государственный дѣятель конца царствованія Людовика XIV и Регентства герцога Орлеанскаго, членъ Французской Академіи.

[2]) Pierre Varignon, 1654—1722, математикъ и механикъ.

[3]) Бернаръ Ле Бувье Fontenelle 1657—1757, французскій писатель, племянникъ Корнеля. Съ 1691 г. членъ Французской Академіи, предшественникъ раціоналистической и скептической философіи XVIII в.

[4]) Lavisse et Rambaud, Historie générale de IVe siécle a nos jours. t. VII (Le XVIII s.) pages 685—686.

[5]) Joseph Drouet, L' abbé de Saint-Pierre. L' homme et l' oeuvre. Paris 1912. Рецензія на эту книгу въ Revue de l' histoire des religions, 1912. Juillet-Août, стр. 141 и сл.—E. Goumy, Etudes sur la vie et les écrits de l' abbé de Saint-Pierre, 1859.—Molinari, L' abbé de Saint-Pierre, 1857.—Sainte-Beuve, Causeries du Lundi (т. XV, 1862 г.).—P. Albert, La litterature française au XVIII siècle, 1874. — P. Janet, Histoire de la science politique dans ses rapports avec la morale. 3 ed. Paris 1887, p. 305—315.

лежитъ въ первой части. Но прежде чѣмъ перейти къ ней, необходимо остановиться на разсмотрѣніи предисловія, которое разъясняетъ исходную точку зрѣнія автора, опредѣляетъ понятія, которыя онъ имѣетъ въ виду и устанавливаетъ терминологію, которою онъ пользуется въ своихъ разсужденіяхъ. „Монархъ, говоритъ Saint-Pierre, можетъ слушать во всѣхъ дѣлахъ только одно лицо, и ему всецѣло довѣрить свою власть, какъ наши (т. е. Французскіе) короли первой и второй династіи[1]) довѣряли тѣмъ, кого они называли Maire du Palais; какъ нѣкорые короли третьей династіи и среди нихъ Людовикъ XIII довѣрялъ ее въ теченіе 18—20 лѣтъ кардиналу Ришельё подъ именемъ перваго министра; и какъ турецкіе султаны довѣряютъ ее еще теперь тому, кого именуютъ Великій визирь". Эту форму правленія, для краткости, Saint-Pierre условливается называть терминомъ: Визиратъ[2]).

„Монархъ можетъ слушать только двухъ лицъ по своимъ дѣламъ, не опредѣляя рода дѣлъ, порученныхъ каждому изъ нихъ, или раздѣлить между ними свою власть приблизительно такъ, какъ мы видѣли ее раздѣленной между министрами Кольберомъ и Лувуа". Эту форму Saint-Pierre называетъ терминомъ: Полу-визиратъ (Demi-Visirat)[3]).

„Монархъ могъ бы еще раздѣлить свою власть между четырьмя, восмью и большимъ числомъ министровъ, болѣе или менѣе равныхъ по степени своихъ полномочій, но такъ какъ по существу эти дѣленія были бы лишь различными видами полувизирата, то эти формы правленія, говоритъ Siant-Pierre, онъ также обнимаетъ въ понятіи полувизирата"[4]).

„Наконецъ, монархъ можетъ выслушивать въ одномъ собраніи мнѣніе каждаго члена этого собранія по каждому дѣлу государственнаго управленія, и распредѣлить на семь или восемь совѣтовъ, на семь или восемь собраній, семь или восемь главныхъ видовъ государственныхъ дѣлъ. Эту именно, форму министерства можно назвать *множественностью совѣтовъ или полисинодіей*[5]). Приблизительно именно ее съ такою мудростью придумалъ и проводилъ нѣсколько недѣль Регентъ"[6]).

На слѣдующихъ страницахъ предисловія Saint-Pierre говоритъ, что онъ вполнѣ сознаетъ возможность искаженія предлагаемой имъ формы управленія, поддержаніе которой въ надлежащемъ состояніи всецѣло зависитъ отъ личности монарховъ. Однако Saint-Pierre все таки надѣется показать въ своей книгѣ преимущество полисинодіи сравнительно съ визи-

---

[1]) Счетъ королевскихъ династій во Франціи у Сенъ-Пьера не вполнѣ понятенъ. Обыкновенно франкскіе короли Меровинги ставятся особо. Исторія Франціи начинается съ 843 г., при чемъ насчитываютъ въ ней до Революціи четыре династіи: Каролинги (843—987); Капетинги (987—1328); Валуа (1328—1589) и Бурбоны (1589—1792).

[2]) стр. 3—4.

[3]) Стр. 5. [4]) Стр. 5.

[5]) „C' est cette forme de Ministère, que l'on peut appeller pluralité de Conseils, ou Polycynodie" стр. 5.

[6]) Герцогъ Орлеанскій, регентъ Людовика XV. Стр. 5—6.

ратомъ и полу-визиратомъ. Далѣе Saint-Perre оговаривается, что визиратъ нельзя смѣшивать съ управленіемъ визиря, такъ какъ послѣдній можетъ быть высокой личностью и быть полезнымъ государству. Между тѣмъ визиратъ, какъ постоянная форма управленія, вреденъ потому, что на сто визирей въ теченіе многихъ лѣтъ можетъ не быть ни одного выдающагося. Отсюда полисинодія должна быть предпочтена визирату. Наконецъ, не слѣдуетъ думать, что неудача полисинодіи въ одномъ частномъ случаѣ можетъ доказывать вообще ея негодность сравнительно съ визиратомъ. Напротивъ того, полисинодія можетъ всегда подлежать постепенному усовершенствованію.

Сказавъ изложенное, Saint-Pierre сообщаетъ читателю когда и какъ у него зародились мысли о полисинодіи и объясняетъ планъ книги[2]), а затѣмъ приступаетъ, къ изложенію и доказательству самыхъ преимуществъ полисинодіи предъ визиратомъ и полувизиратомъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ изученію ихъ, необходимо остановиться на тѣхъ историческихъ образцахъ управленія, отъ которыхъ исходитъ Saint-Pierre въ своей критикѣ.

Такими образцами системы *визирата* является: 1) Турецкая система управленія. 2) Положеніе майордомовъ при франкскихъ короляхъ. 3) Управленіе Ришельё при Людовикѣ XIII. Образцомъ *полу-визирата* является: 4) Положеніе Кольбера и Лувуа при Людовикѣ XIV. Образцомъ *полисинодіи* является: 5) Форма управленія, во время Регенства въ малолѣтство Людовика XV-го.

Къ 1. Турецкая имперія, до провозглашенія, конституціи 23 Декабря 1876 г.[1]), представляла не только фактически, но и теоретически, чистый типъ восточной деспотіи. Главою государства являлся монархъ, съ титуломъ падишаха или султана, соединявшій въ своемъ лицѣ какъ неограниченную свѣтскую власть, такъ и высшее духовное достоинство, т. е. халифатъ. Однако въ управленіи государствомъ султанъ дѣйствовалъ не лично, а черезъ двухъ своихъ высшихъ сановниковъ и цѣлую іерархію чиновниковъ. Такими сановниками являлись: въ свѣтскихъ дѣлахъ *великій визирь*, въ духовныхъ же—*шейхъ-уль-исламъ, или муфтій*. Великій визирь и муфтій назначались и смѣщались султаномъ. Великій визирь былъ первымъ министромъ и канцлеромъ государства, которому подчинены были всѣ остальные министры (визири или муширы), завѣдывавшіе отдѣльными отраслями государственнаго управленія. Являясь главою всей администраціи, какъ военной, такъ и гражданской, и намѣстникомъ султана въ его сношеніяхъ съ подданными, не имѣвшими доступа къ повелителю. Великій визирь несъ на себѣ все бремя правленія. Такую именно форму правленія въ Турецкой имперіи и имѣлъ въ виду Saint-Pierre[1]).

---

[1]) Стр. 6—20.

[2]) Dareste, Les constitutions modernes. t. 2 p. 297—299, notice historique. Paris, 1891[2].

[3]) *В. Водовозовъ*, въ Энц. Сл. Ефрона т. 34 стр. 229—230. Joseph von Hammer, Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung. Wien. 1815. Осо-

Къ 2. Франкскіе короли были окружены нѣкоторымъ числомъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами центральнаго управленія[1]). Одни изъ нихъ были унаслѣдованы королями еще отъ римской эпохи, и образовывали собою опредѣленную канцелярію вѣдавшую выдачу королевскихъ грамотъ и привилегій. Первый изъ нихъ при меровингахъ, повидимому, назывался referendarius; при Карломанѣ (882—884 г.) имъ былъ summus cancellarius. Другая группа имѣла германское происхожденіе и первоначально носила частный характеръ личныхъ слугъ короля, который смотрѣлъ на свою королевскую власть, какъ на свое частное дѣло. Естественно поэтому, что они были его первыми совѣтниками и первыми органами государственнаго управленія. Главными изъ нихъ были: le sénéchal (seneschalcus), собственно *старый слуга*, завѣдывавшій внутреннимъ распорядкомъ при дворѣ, le maréchal (comes stabuli), собственно конюшій, le trésorier (thesaurarius) и l' échanson (pincerna, buticularius). Эти должности были во всѣхъ варварскихъ государствахъ. Рядомъ съ ними во франкской монархіи были: le comte du palais (comes palatii), исполнявшій судебную функцію и le maire du palais (major domus, major palatii), завѣдывавшій собственностью и доходами короля—старшій сановникъ дворца, возвысившійся въ эпоху меровинговъ надъ всѣми другими должностными лицами, сосредоточившій въ своихъ рукахъ всю власть въ королевствѣ и даже оттѣснившій отъ нея франкскаго короля. Должность майордома хотя и была одной изъ должностей придворнаго штата, но отправлялась лицомъ, которое избиралъ не самъ король, а скорѣе могущественные сеньоры, вслѣдствіе чего она исполнялась главами могущественныхъ земельныхъ собственниковъ, бывшихъ соперниками королей. Эта должность въ дѣйствительности сдѣлалась наслѣдственною въ самой могущественной изъ сеньорскихъ фамилій. Въ концѣ концовъ сынъ майордома Карла Мартелла Пипинъ Короткій заключилъ въ монастырь послѣдняго меровинга Хильдерика III (751 г.), былъ самъ провозглашенъ королемъ и помазанъ папой Захаріемъ II на престолъ. Съ него началась династія каролинговъ.

Къ 3—5. Въ эпоху усиленія королевской власти и при старомъ режимѣ управленіе Франціей находилось въ рукахъ единоличныхъ органовъ

бенно ч. II стр. 79—101. Должность и положеніе Великаго Визиря Hammer характеризуетъ слѣдующими словами: „Der Grosswesir ist als solcher der natürliche Chef aller Departements, und steht an der Spitze aller Civil- und Militär-, Finanz- und politischen Geschäfte. Er ist das sichtbare Ebenbild des Sultans, der in das heilige Dunkel seines Hofes gehüllt, keinem andern Minister und Staatsbeamten zugänglich, durch ihn allein, als seinen vollgewaltigen Stellvertreter, seine Macht in allen Zweigen geistlicher und weltlicher Gewalt ausübt. Er hat, wie der Sultan, freie Willkühr über Leben und Tod in allen purch das Gesetz nicht beschränkten Fällen; Alles neigt sich vor seinem Ansehen, selbst di Hofbeamten und die Würden des Harems.“ ч. II. стр. 82—83.

[1]) A. Esmein, Cours élémentaire d' histoire du droit français. 2 ed. Paris 1895 p. 67—68. W. Wilson, L' État. t. I p. 259—260. Paris 1902. R. Höltzmann, Französische Verfassungsgeschichte von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zur Revolution. München u. Berlin. 1910. s. 133—135.

(министровъ) и совѣтовъ. Среди министровъ первыми по времени и значенію были, т. наз. les grands officiers de la couronne, т. е. главнымъ образомъ прежнія пять должностныхъ лицъ: le sénéchal, le connétable, le bouteiller, le grand chambrier и le chancelier. Наиболѣе важное значеніе среди нихъ, съ теченіемъ времени, получилъ послѣдній—канцлеръ, который 1) былъ хранителемъ печати и, слѣдовательно, наблюдалъ за актами, исходившими отъ короля и ихъ контролировалъ, а иногда даже и самъ подписывалъ; 2) былъ высщимъ органомъ наблюденія за отправленіемъ правосудія и предсѣдательствовалъ въ парламентѣ; 3) былъ главнымъ вдохновителемъ королевскаго законодательства, ибо именно канцлеръ чаще всего проектировалъ королевскіе ордонансы. Правда сложившаяся въ этомъ отношеніи традиція была прервана при Людовикѣ XIV, когда законодательнымъ творчествомъ сталъ руководить Кольберъ, контролеръ финансовъ, а не канцлеръ Séguier. Но уже при Людовикѣ XV канцлеръ Daguesseau съ успѣхомъ возстановилъ древнюю традицію. Наконецъ, канцлеръ предсѣдательствовалъ вмѣсто монарха во многихъ отдѣленіяхъ королевскаго совѣта, что лучше всего определяло положеніе канцлера, какъ перваго министра. Кромѣ перечисленныхъ должностей впослѣдствіи возникли военныя и морскія должности, но большая часть ихъ, какъ и прежнихъ должностей утратила съ теченіемъ времени свое значеніе, за исключеніемъ должности канцлера. Рядомъ съ этими, т. наз. grands officiers de la couronne, возникаютъ государственные секретари и высшія должностныя лица финансоваго вѣдомства (secrétaires d' Etat et officiers supérieurs des finances). Они вышли изъ личнаго секретаріата монарха, который обязанъ былъ составлять акты королевской воли. Въ XIV в. нѣкоторые изъ такихъ секретарей выдѣлились среди другихъ подъ именемъ clercs du secré (secret) и вступили въ королевскій совѣтъ, только что образовывавшійся, для записи его рѣшеній. Далѣе нѣкоторые изъ секретарей получаютъ право подписывать приказы, касающіеся финансовъ, почему и пріобрѣтаютъ особое значеніе, подъ именемъ secrétaires des finances, въ XIV и XV в. Въ срединѣ XVI в., въ 1547 г. изъ послѣднихъ выдѣлились четверо съ функціями, расширенными на все управленіе. Они получили названіе secraétries des commendements du roi. Наконецъ, вскорѣ они пріобрѣли значеніе государственныхъ секретарей (secrétaires d' État), т. е. значеніе современныхъ намъ министровъ. Однако, несмотря на свое высокое положеніе, превышавшее положеніе т. наз. grands officiers de la couronne, государственные секретари не имѣли никакой собственной власти, всецѣло зависѣли отъ короля и хотя большею частью сохраняли свою должность пожизненно, однако могли быть лишены ея во всякое время. Долгое время государственные секретари не имѣли опредѣленнаго круга вѣдомства и только съ XVI в. намѣчаются постепенно министерства военное и иностранныхъ дѣлъ и создаются хотя скромныя канцеляріи. Таковы были государственные секретари при умѣренной монархіи. Но крупное политическое значеніе они пріобрѣли только при абсолютной монархіи. Сначала ихъ заслоняли собою такіе всемогущіе первые

министры, какъ Ришельё и Мазарини. Но затѣмъ, при личномъ правленіи Людовика XIV, уже никто не стоялъ между государственными секретарями и королемъ. Не высокаго происхожденія, всецѣло преданные королю, они сдѣлались орудіями его абсолютизма противъ аристократіи и народа, такъ что, едва умеръ Людовикъ XIV, началась противъ нихъ реакція.

Регентъ Людовика XV, склоненный къ тому Сенъ-Симономъ[1]) пожелалъ возвратить руководство дѣлами представителямъ аристократіи. Королевской декларацией 15 сентября 1715 г. были образованы шесть совѣтовъ, доведенныхъ вскорѣ до семи, составленныхъ изъ высшей знати. Между этими совѣтами должны были быть распредѣлены всѣ дѣла королевства, для разсмотрѣнія и доклада совѣту регенства. Государственные секретари не были упразднены, но у нихъ отнята была рѣшающая власть. Они сдѣлались лишь секретарями и докладчиками въ означенныхъ совѣтахъ. Однако попытка эта была напрасной и не удалась главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, аристократія, составившая присутствіе этихъ совѣтовъ, оказалась мало способной и истощала себя въ соперничествѣ и спорахъ относительно компетенціи различныхъ совѣтовъ. Во-вторыхъ, сами государственные секретари, одни только имѣвшіе опытность и выработавшіе извѣстныя традиціи нисколько не помогли тѣмъ, которые лишили ихъ власти. Въ 1718 г. опытъ съ совѣтами былъ признанъ безполезнымъ и указъ совѣта регенства упразднилъ эту новую организацію. Тогда возвратились къ той формѣ внутренняго управленія, которая и сохранилась до самой революціи, т. е. государственные секретари заняли свое прежнее положеніе и возвратили себѣ прежнюю власть. Для завѣдыванія финансами возникли особыя должности, а именно: интенданты финансовъ и контролеры финансовъ (les intendants de finances и contrôleurs des finances) во главѣ съ суперъ-интендантомъ и генералъ-контролеромъ. Послѣ опалы и заключенія Fouquet[2]) должность суперъ-интенданта финансовъ, была упразднена и Людовикъ XIV желалъ, сначала, лично управлять ими. Но затѣмъ генералъ-контролеръ финансовъ, бывшій раньше вторымъ за суперъ-интендантомъ, въ виду того, что должность его не подверглась упраздненію, мало-по-малу выступилъ впередъ и сдѣлался настоящимъ министромъ, самымъ могущественнымъ изъ всѣхъ, ибо, управляя финансами, онъ касался всѣхъ вѣдомствъ. Такимъ образомъ, къ концу XVIII в., центральное управленіе Франціи находилось, подъ властью короля, въ рукахъ канцлера, четырехъ государственныхъ секретарей и генералъ-контролера финансовъ. Но они ничѣмъ не были объединены между собою и ихъ разрозненность нѣсколько смягчалась дѣятельностью королевскихъ совѣтовъ[3]).

---

[1]) Графъ Анри Клодъ Saint-Simon, извѣстный соціальный реформаторъ 1760—1825.

[2]) Nicolas Fouquet, vicomte de Melun et de Vaux marquis de Belle-Isle, извѣстный французскій государственный дѣятель (1615 - 1680).

[3]) A. Esmein, op. cit. p. 451—485.—Holtzmann, op. cit. S. 198—201; 324—331.—D' Avenel, Richelieu et la monarchie absolue. t. I, p. 33—73. Paris 1884.—Dareste pe la Chavanne, Historie de l' administration en France depuis Philippe-Auguste

Какъ бы ни были несовершенны очерченныя историческія системы организаціи центральнаго управленія во Франціи, онѣ были все таки традиціонными и нормальными. Появленіе Ришельё"[1]) и Мазарини[2]) въ роли всемогущихъ первыхъ и даже. лучше сказать, *единственныхъ* министровъ въ царствованіе Людовика XIII-го, разумѣется, нарушало весь сложившійся порядокъ. Подчинивъ своему вліянію и власти не только мѣстныхъ и центральныхъ должностныхъ лицъ, но также королевскій совѣтъ, парламенты, аристократію, дворъ и даже самого короля, они, очевидно, пріобрѣли то положеніе, которое Saint-Pierre справедливо могъ сравнивать съ положеніемъ Великаго Визиря при турецкомъ султанѣ. Въ свою очередь Кольберъ[3]), отодвинувшій на задній планъ канцлера и государственныхъ секретарей и ставшій вдохновителемъ внутренней политики Людовика XIV, а вмѣстѣ съ нимъ и Лувуа[4]), военный министръ „короля солнца", дали право Сенъ-Пьеру охарактеризовать ихъ положеніе, какъ полу-визиратъ.

Свои симпатіи Saint-Pierre отдаетъ „полисинодіи", возникшей во время Регенства въ малолѣтство Людовика XV-го, но она просуществовала только три года и, какъ неудачная попытка смѣнить единоличное (министерское) управленіе коллегіальнымъ, была безславно упразднена.

Saint-Pierre, убѣжденный противникъ всякаго визирата и полу-визирата, ненавидѣвшій Людовика XIV за его самовластіе, и столь же горячій сторонникъ коллегіальности, посвятилъ свою книгу „Discours sur la polysynodie" именно всемѣрной защитѣ коллегіальнаго принципа. При этомъ онъ, конечно, заботится не о возстановленіи закрытыхъ совѣтовъ Регенства, а о созданіи новыхъ коллегіальныхъ государственныхъ учрежденій совершеннаго типа.

Въ своей книгѣ Saint-Pierre узазываетъ на слѣдующія двадцать *преимуществъ* полисинодіи.

1. Les résolutions de l' État seront moins souvent fondées sur des erreurs de fait, et par conséquent beaucoup moins fautives[5]).

2. Plus de lumières sur les expédiens[6]).

---

jusqu' à la mort de Louis XIV. Paris 1848, t. I, p. 62—75. — A. Chéruel, Histoire de l' administration monarchique en France depuis l' avénement de Philippe-Auguste jusqu'a la mort de Louis XIV. 2 tomes, Paris, 1855, passim. — *П. Н. Ардашевъ*, Абсолютная монархія на западѣ. Спб. 1902, стр. 136 и слѣд.

[1]) Арманъ—Жанъ Дюплесси Richelieu, герцогъ и кардиналъ (1585—1642).

[2]) Giulio Mazarini, Jules de Mazarin, кардиналъ 1602—1661.

[3]) Жанъ Баптистъ Colbert 1619—1683.

[4]) Франсуа-Мишель Le Tellier, маркизъ de Louvois 1641—1691.

[5]) „Рѣшенія государства будутъ рѣже основаны на ошибочныхъ фактическихъ свѣдѣніяхъ и слѣдовательно будутъ менѣе ошибочны", потому что визири и полу-визири нерѣдко бываютъ заинтересованы въ сообщеніи монарху неполныхъ или искаженныхъ свѣдѣній, чего не можетъ быть при полисинодіи, гдѣ освѣдомляются всѣ члены каждаго изъ совѣтовъ. Стр. 22—26.

[6]) „Больше ясности относительно выбора средствъ", потому 1) что многимъ лицамъ легче найти цѣлесообразныя средства, чтобы избѣжать зла или увеличить благо; 2) что въ совѣтахъ, гдѣ будутъ болѣе освѣдомлены въ фактахъ, легче могутъ найти

3. L' interêt particulier s' opposera moins souvent à l' interêt public[1]).

4. Excès dans les subsides moins à craindre; deniers publics plus utilement employez[2]).

5. Il se fera plus de reglemens et plus d' etablissemens utiles[3]).

6. Les rois seront plus instruits de leurs affaires[4]).

7. On aura moins de facilité à tromper le roi, pour le faire agir contre ses propre interêts[5]).

вытекающія изъ нихъ способы дѣйствія; 3) что въ совѣтѣ, гдѣ могутъ быть болѣе или менѣе развитые умы, одни могутъ сообщать другимъ свой образъ мыслей. Стр. 26—29.

[1]) „Личный интересъ будетъ рѣже противорѣчить интересу публичному", такъ какъ, во-первыхъ, самая задача совѣта заключается въ томъ, чтобы искать пользы короля и государства, а во-вторыхъ, личные интересы гораздо скорѣе обнаружатся въ средѣ различныхъ членовъ и будутъ посрамлены, между тѣмъ какъ при визиратѣ или полувизиратѣ они могутъ быть скрыты отъ короля. Стр. 29—32.

[2]) „Меньше основаній бояться чрезмѣрныхъ налоговъ; общественныя суммы будутъ расходоваться съ большей пользой", ибо 1) совѣтъ скорѣе, чѣмъ льстивый визирь можетъ раскрыть королю ту крайнюю степень бѣдности, въ которую попадетъ большинство его подданныхъ вслѣдствіе того, что собираются чрезмѣрные налоги, изъ которыхъ множеству выдаются большія пенсіи; 2) визирь, или полу-визирь, имѣя въ своихъ рукахъ суммы на экстраординарные расходы можетъ производить ихъ безполезно, лишая короля возможности тратить на вещи нужныя; 3) члены совѣта финансовъ сами уплачиваютъ подати, не имѣя никакой пользы отъ ихъ расходованія, поэтому они могутъ быть болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы посвятить короля въ несчастія его народа, чѣмъ полувизирь; 4) совѣтъ можетъ съ большею пользою ассигновать остаточныя суммы на экстраординарные расходы. Стр. 32—35.

[3]) „Будетъ больше полезныхъ правилъ и учрежденій", ибо 1) визирь и полу-визири не имѣютъ достаточно досуга для изученія проектовъ новыхъ правилъ и учрежденій, тогда какъ его гораздо болѣе найдется у шестидесяти министровъ при полисинодіи; 2) визирь часто лично заинтересованъ въ оппозиціи новому правилу; 3) визирь или полувизирь не рѣдко отбрасываетъ правило по неосновательному предубѣжденію и никто не можетъ ему возразить, между тѣмъ, какъ независимые другъ отъ друга члены совѣта легче могутъ выяснить вопросъ; 4) часто полувизирь противится хорошему правилу изъ зависти, въ совѣтѣ же побоятся, чтобы это не обнаружилось; 5) можетъ случиться, что одинъ изъ очень полезныхъ проектовъ правилъ или учрежденій потребуетъ еще большихъ обсужденій и досуга, какихъ не могутъ удѣлить имъ члены совѣтовъ, и въ такомъ случаѣ можетъ понадобиться особое учрежденіе, на подобіе созданнаго при Регентѣ Bureau de l' Examen des Mémoires Politiques. Самъ Sant-Pierre излагаетъ свой проектъ по этому поводу въ Discours de l' importence du Progrès de la Politique. Стр. 35 — 39. Съ послѣдними словами любопытно сопоставить мысль о такомъ учрежденіи въ проектахъ Любераса, Фика и Курбатова, а равно въ собственноручной замѣткѣ Петра „о коллегіи такой, которая бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить. оставить, вновь сдѣлать, наченше отъ порядковъ прибыли, даже до чистоты и украшенія въ государствѣ". *В. Н. Латкинъ*, Учебникъ Исторіи русскаго права періода имперіи. Изд. 2 Спб. 1909 стр. 322—324.

[4]) „Короли будутъ болѣе свѣдущи въ своихъ дѣлахъ", ибо визирь или полу-визирь, чтобы имѣть болѣе авторитета и болѣе прославиться своимъ авторитетомъ, весьма заинтересованы въ томъ, чтобы король поменьше зналъ о государственныхъ дѣлахъ и болѣе занимался своими забавами. Стр. 39—40.

[5]) „Труднѣе будетъ обмануть короля, чтобы заставить его дѣйствовать противъ собственныхъ его интересовъ", ибо различные совѣты не помѣшаютъ королю дѣлать все что онъ хочетъ, но они предохранятъ его отъ того, что для него вредно. Стр. 40—41.

8. Le Visirat ni le Demi—Visirat ne peuvent se perfectionner, au lieu que la Polysynodie peut se perfectionner tous les jours[1]).

9. Moins d' injustices et de vexations de la part des plus forts[2]).

10. Plus de gens de qualité s' appliqueront, et avec plus de succès, aux affaires du gouvernement[3]).

11. Les differens dégrez de vertu et de talents en chaque proffession seront plus faciles à reconnaitre[4]).

12. Plus d' amour pour la patrie[5]).

13. Grades dans le ministère comme dans l' Epée[6]).

14. Les départements pourront circuler[7]).

---

[1]) „Визиратъ и Полу-визиратъ не могутъ совершенствоваться, между тѣмъ какъ Полисинодія можетъ совершенствоваться постоянно", ибо 1) добродѣтельный визирь можетъ слѣдовать за порочнымъ, но самый визиратъ отъ этого не совершенствуется; 2) визирь не станетъ поддерживать хорошія учрежденія, составляющія славу его предшественника; 3) визири, какъ люди, смертны и не оставляютъ послѣ себя никакого наслѣдія, тогда какъ при Полисинодіи образуется традиція идей, воспринимаемая вновь вступающими членами, такъ что несмотря на смерть людей, идеи ихъ не умираютъ; 4) болѣе того, совѣты ежедневно изобрѣтаютъ все новыя и новыя идеи для самосовершенствованія. Стр. 42—45.

[2]) „Меньше несправедливости и насилій со стороны сильныхъ", ибо 1) съ увеличеніемъ числа министровъ облегчится доступъ къ монарху; 2) при многочисленности министровъ каждый изъ нихъ не будетъ бояться покровительствовать правосудію. Стр. 45 - 47.

[3]) „Больше знатныхъ лицъ и съ большимъ успѣхомъ будутъ заниматься дѣлами управленія", ибо 1) для нихъ будетъ достаточно высшихъ мѣстъ въ совѣтахъ, тогда какъ визири вовсе не терпятъ знати; 2) съ учрежденіемъ Bureau de l' examen des mémoires Politiques можно будетъ печатать проекты, изучая которые большее число лицъ займется ознакомленіемъ съ дѣлами. Стр. 47—50.

[4]) „Во всякой дѣятельности легче будетъ распознать различныя степени добродѣтели и талантовъ", ибо тамъ, гдѣ встрѣчаются на дѣлѣ многія лица, легче и точнѣе познаются способности и качества каждаго, что очень важно для правосудія, тогда какъ при визиратѣ и полу-визиратѣ министры очень заинтересованы въ томъ, чтобы скрывать ихъ отъ монарха. Стр. 50—53.

[5]) „Болѣе любви къ отечеству", которой такъ мало при визиратѣ и при раздачѣ должностей и почестей по протекціи. При Полисинодіи всякій будетъ получать свое мѣсто по способностямъ и не будетъ льстить королю, чтобы ему понравиться, а будетъ служить отечеству. Стр. 53—56.

[6]) „Чины въ администраціи, какъ и въ военной службѣ" чрезвычайно полезны, ибо открывать всякому возможность достигать высшихъ степеней и побуждаютъ его къ этому стремиться, между тѣмъ какъ для визирата такая постепенность прохожденія службы очень неудобна, а безъ нея аристократія не хочетъ занимать низшихъ мѣстъ. Этой „табели о рангахъ" Saint-Pierre касается въ своихъ Discours sur le progrès de la Politique. Стр. 56 - 61.

[7]) „Департаменты (предметы вѣдомства) могутъ переходитъ отъ одного къ другому", что очень важно для развитія опытности въ дѣлахъ и т. под. Saint-Pierre, высоко цѣня это преимущество, очень важное для успѣшнаго существованія Полисинодіи, проектируетъ постоянный переходъ членовъ совѣтовъ отъ однихъ дѣлъ къ другимъ, при чемъ совѣтуетъ черезъ каждые три года смѣнять президентовъ и лучшихъ изъ нихъ назначать въ особый совѣтъ „Conseil Géneral", подобный Совѣту Регенства. Стр. 61—76.

15. L' État souffrira moins de la maladie des ministre[1]).
16. L' État souffrira moins de la minorité et de la caducité des rois[2]).
17. L' État souffrira moins du credit des femmes[3]).
18. Plus de sûreté pour la durée de la maison royale sur le trône[4]).
19. Moins de guerres civiles à craindre que dans le Visirat[5]).
20. Moins de guerres étrangères à craindre que dans le Demi-Visirat[6]).

Изложивъ преимущества Полисинодіи предъ Визиратомъ и Полу-визиратомъ, Saint-Pierre переходитъ къ опроверженію тѣхъ 37 возраженій, которыя, по его мнѣнію, могутъ быть ему сдѣланы по поводу указанія этихъ преимуществъ. Возможныя возраженія Saint-Pierre заимствуетъ изъ той критики, которая раздалась во французскомъ обществѣ, когда попытка Регента, Герцога Орлеанскаго, ввести коллегіальный строй не удалась, между тѣмъ какъ обаяніе личности и царствованія Людовика XIV еще не исчезло. Такимъ образомъ разсужденія, коимъ посвящены вторая часть книги Сенъ-Пьера[7]), не имѣютъ самостоятельнаго теоретическаго значенія и потому могутъ быть безъ вреда оставлены безъ разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что въ Духовномъ Регламентѣ, сравненіе съ которымъ такъ важно, указываются только одни преимущества коллегіальной системы.

---

[1]) „Государство будетъ менѣе страдать отъ болѣзни министровъ", ибо прежде въ такомъ случаѣ оставались безъ движенія всѣ государственныя дѣла, а при Полисинодіи, когда каждый изъ министровъ не имѣетъ и десятой доли полномочій, принадлежавшихъ пулувизирю, ничто не остановится и больной не потеряетъ своего мѣста. Стр. 77—78.

[2]) „Государство будетъ менѣе страдать отъ малолѣтства и дряхлости королей", ибо при Полисинодіи и при смѣнѣ предметовъ вѣдомства (департаментовъ) власть министровъ будетъ почти одинакова и движеніе дѣлъ будетъ такимъ же интенсивнымъ, какъ и во время здоровья и зрѣлости короля. Стр. 78—80.

[3]) „Государство будетъ менѣе страдать отъ вліянія женщинъ", ибо въ Полисинодіи оно неизбѣжно будетъ распредѣляться на многихъ министровъ, тогда какъ при визиратѣ или полу-визиратѣ всецѣло покоряетъ себѣ одного, а затѣмъ, если бы каждому совѣту усвоить власть представлять трехъ кандидатовъ на вакантное мѣсто, то возможно и совсѣмъ избѣжать вреда для государства. Стр. 80—85.

[4]) „Больше увѣренности въ продолжительности пребыванія королевскаго дома на тронѣ", ибо при Полисинодіи нечего бояться двухъ гдавныхъ причинъ смѣны монарховъ— 1) вмѣшательства иностранныхъ государствъ и 2) узурпаціи одного изъ подданныхъ, которому король далъ много власти. Если монархія будетъ управляться совѣтами, то короли будутъ больше хранить миръ и союзы и вмѣшательство не будетъ имѣть мѣста. Въ свою очередь множество министровъ препятствуетъ успѣху узурпаціи одного. Стр. 86—90.

[5]) „Слѣдуетъ меньше бояться гражданскихъ войнъ, чѣмъ при Визиратѣ", ибо визирь, обыкновенно незнатнаго происхожденія, чтобы удержать свою власть, стремится назначать на должности также незнатныхъ лицъ, почему знать составляетъ изъ себя противную ему партію и возникаетъ гражданская война. Въ Полисинодіи, напротивъ, всякій изъ знати можетъ получить участіе въ одномъ и томъ же министерствѣ, которое онъ и не захочетъ колебать, образуя оппозиціонныя партіи. Стр. 90—93.

[6]) „Слѣдуетъ меньше бояться внѣшнихъ войнъ, чѣмъ при Полу-визиратѣ", ибо самая исторія Франціи показываетъ, что иниціаторами этихъ войнъ были гораздо чаще министры, чѣмъ члены Государственнаго Совѣта. Стр. 93—103.

[7]) Стр 104—238.

Въ концѣ своей книги Saint-Pierre еще разъ даетъ заключеніе въ пользу Полисинодіи[1]).

Таковъ тотъ источникъ, изъ котораго, по заявленію проф. Э. Н. Берендтса Ѳеофанъ Прокоповичъ черпалъ аргументы для Духовнаго Регламента. Чтобы уяснить себѣ ихъ взаимное отношеніе необходимо обратиться къ послѣднему. Въ Духовномъ Регламентѣ выставляется 9 винъ или основаній преимущества коллегіальной системы[2]). Сравненіе съ ними „Полисинодіи“ Сенъ-Пьера дѣйствительно даетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Такъ, для первой „вины“ Регламента можно находить соотвѣтствіе въ первомъ и во второмъ „преимуществѣ“ Полисинодіи; для четвертой „вины“ -въ пятнадцатомъ „преимуществѣ“; для пятой—въ третьемъ; для шестой — въ девятомъ; для седьмой — въ девятнадцатомъ; для девятой—въ четырнадцатомъ. Но для второй, третьей и восьмой „винъ“ нельзя найти никакого соотвѣтствія въ Полисинодіи, равно какъ и для 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18 и 20-го „преимущества“—въ Регламентѣ. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ, что о книгѣ Сенъ-Пьера, какъ *главномъ источникѣ* первой части Регламента, можно говорить лишь съ большой осторожностью. Однако этого мало. Необходимо имѣть въ виду, что сходство Полисинодіи съ Регламентомъ можетъ быть истолковано *чистой случайностью*, если легко предположить, что изложенныя „вины“, доказывающія преимущества коллегіальной формы правленія, могли придти Ѳеофану въ голову безъ всякихъ заимствованій, въ силу однихъ соображеній, здраваго смысла.

И въ самомъ дѣлѣ, дойти до мысли о томъ, что „умъ хорошо, а два лучше“ (ср. 1 „вину“ и 1—2 „преимущества“); что коллегія не болѣетъ и не умираетъ (ср. 4=15); что коллегія можетъ быть менѣе пристрастной (ср. 5=3); что коллегія можетъ быть менѣе зависима (ср. 6=9); что соборное правительство устранитъ смуты[3]) (ср. 7=19); что при совмѣстной работѣ можно кое-чему научиться другъ отъ друга (ср. 9=14) — Ѳеофанъ могъ и вполнѣ самостоятельно. Во всякомъ случаѣ отрицать эту возможность нельзя. Съ другой же стороны мы видѣли, что первая четверть XVIII ст. была тѣмъ временемъ, когда преимущества коллегіальной системы многими считались безспорными и очевидными и когда во многихъ государствахъ Европы существовала, или, какъ въ Россіи, вводилась коллегіальная система. Идеи о ея превосходствѣ могли, такъ сказать, носиться въ воздухѣ и, чтобы ихъ использовать для оправданія отмѣны патріаршества, едва ли нужно было заимствовать ихъ отъ Сенъ-Пьера.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что кромѣ немногихъ сходственныхъ чертъ между Полисинодіей и Регламентомъ, между ними гораздо болѣе

---

1) Стр. 239—249.

2) См. у насъ т. II, Д. Регламентъ ч. I. Подробный анализъ ихъ ниже.

3) Горькій опытъ церковной исторіи давно научилъ людей этому. Кромѣ того, примѣръ Никона слишкомъ былъ свѣжъ въ народной памяти

различія, Saint-Pierre борется противъ стараго *государственнаго* режима во Франціи. Ѳеофанъ содѣйствуетъ Петру въ *церковныхъ* преобразованіяхъ. Первый отвергаетъ визиратъ и полу-визиратъ типа Ришельё, Мазарини, Кольбера и Лувуа. Второй имѣетъ въ виду институтъ совершенно иного характера —патріаршество въ Россіи. Saint-Pierre въ своей книгѣ ничего не говоритъ о церковномъ управленіи. Ѳеофанъ въ Регламентѣ ничего не говоритъ объ управленіи государственномъ и т. п.

Наконецъ, вполнѣ объективный аргументъ въ пользу нашего мнѣнія о независимости Ѳеофана отъ Сенъ-Пьера можно видѣть въ томъ, что книга Сенъ-Пьера датирована 16-мъ Апрѣля 1718 г., а первая часть Духовнаго Регламента была начерно написана между 20 Ноября и 31 Декабря того же 1718 года[1], т. е. въ очень короткое время послѣ книги Сенъ-Пьера, когда учрежденіе въ Россіи свѣтскихъ государственныхъ коллегій шло полнымъ ходомъ.

Говорить о заимствованіи болѣе рѣшительно можно было бы въ томъ только случаѣ, если бы слѣды и указанія на знакомство Ѳеофана съ Полисинодіей Сенъ-Пьера нашлись въ личныхъ бумагахъ или въ бывшей библіотекѣ Ѳеофана Прокоповича. Между тѣмъ бумаги его по всей вѣроятности безвозвратно погибли[2], а въ „Описи" библіотеки Ѳеофана и въ Новгородской Духовной Семинаріи, гдѣ до сихъ поръ хранятся самыя книги, сочиненія Сенъ-Пьера не числится и не имѣется[3].

Анализъ 9 „винъ". Обращаясь къ анализу девяти „винъ", выставленныхъ Ѳеофаномъ въ доказательство преимущества коллегіальной системы управленія, мы можемъ высказать теперь же ту общую мысль, что, по нашему мнѣнію, было бы ошибочною натяжкой искать для нихъ источниковъ точно или почти точно совпадающихъ по тексту у того или другого автора. Ѳеофанъ былъ достаточно самостоятельный писатель и очень начитанный человѣкъ, чтобы слѣпо слѣдовать кому нибудь одному или даже нѣсколькимъ. Да въ этомъ не было и нужды. Доказать такую простую истину, какъ ту, что „умъ хорошо, а два лучше" никогда не представляло труда, тѣмъ болѣе, если живая дѣйствительность (п. Никонъ и ц. Алексѣй Михайловичъ), какъ ее понимали современники, прямо наталкивала на выводъ о вредѣ и опасности единовластія и самовластія въ дѣлахъ церковныхъ. Къ тому же, какъ мы видѣли, въ философской и политической литературѣ временъ Ѳеофана, подъ вліяніемъ которой тогда и послѣ, въ теченіе всего XVIII в., находились всѣ, и онъ въ томъ числѣ, весьма много занимались вопросами общественности и коллегіальности къ чему обязывала и живая дѣйствительность, такъ какъ совѣты при государяхъ были всюду и всегда,

---

[1]) См. выше гл. V стр. 155—156.

[2]) См. у насъ во II т. „Опись библіотеки Ѳеофана Прокоповича" стр. 5 прим. 2.

[3]) См. названную „Опись". Лично посѣтивъ Библіотеку Новгородской Духовной Семинаріи въ 1913 г., я спеціально искалъ книгу Сенъ-Пьера, но не нашелъ ея. Я увѣренъ, что Ѳеофанъ никогда ея не видалъ. Ср. выше стр. 148—150, особ. стр. 149 прим. I.

а коллегіальныя учрежденія въ формѣ коллегій, канцелярій, конторъ, консисторій, приказовъ и т. под. были въ особомъ почетѣ и уже прививались на Руси. Этою именно повсемѣстностью теоріи и практики коллегіальнаго принципа и объясняются лучше всего совпаденія мыслей Θеофана съ книгою аббата de Saint-Pierre и съ сочиненіями Пуфендорфа, на что уже обращено вниманіе. Но то же совпаденіе можно найти у Гоббеза, Спинозы и друг. Очевидно, что идеи эти рѣяли въ воздухѣ и были всѣмъ доступны, кто, какъ Θеофанъ, былъ пріобщенъ къ европейской цивилизаціи и наукѣ. Впрочемъ, повернувъ эту мысль обратно, мы можемъ сказать и то, что совпаденіе мыслей Θеофана съ философами школы естественнаго права въ свою очередь, доказываетъ то, что самъ Θеофанъ можетъ быть причтенъ къ ихъ числу, и что, слѣдовательно, черезъ Θеофана проникли въ Духовный Регламентъ идеи этой школы и рѣзко отразились въ немъ и потому философія естественнаго права можетъ основательно считаться идейнымъ (но не текстуальнымъ, поскольку это спеціально не доказано) источникомъ разбираемаго мѣста Духовнаго Регламента.

Чтобы не быть голословными обратимся къ анализу „винъ“.

Основная мысль *первой* „вины„[1]) заключается въ томъ, что при участіи въ рѣшеніи дѣлъ не одного лица, а многихъ, лучше выясняется истина и вырабатывается рѣшеніе, такъ какъ „что единъ не постигнетъ, то постигнетъ другій“. Этотъ доводъ, по литературному обычаю того времени, Θеофанъ украшаетъ ссылкою на „древнее пословіе греческое: другіе помыслы мудрѣйшіе суть паче первыхъ“[2]). Та же мысль встрѣчается, какъ мы видѣли, и въ Полисинодіи Сенъ-Пьера[3]) и у Пуфендорфа[4]), что, по нашему мнѣнію, исключаетъ мысль о прямомъ текстуальномъ заимствованіи ея отъ какого-либо литературнаго авторитета.

Что же касается значенія этого аргумента противъ патріаршества, то оно слишкомъ ничтожно, ибо, построенное согласно канонамъ, патріаршее правленіе никогда не было и не можетъ быть единоличнымъ, самовластнымъ, а всегда соединяется съ соборомъ всѣхъ епископовъ области, или въ крайнемъ случаѣ, хотя бы нѣкоторыхъ по очереди или по другимъ основаніямъ.

Во *второй* „винѣ“[5]) Θеофанъ доказываетъ, что соборный приговоръ обладаетъ бо́льшимъ авторитетомъ, чѣмъ единоличный указъ. Въ подтвержденіе этой мысли онъ приводитъ примѣръ монархіи. Вѣдь власть монарховъ,—разсуждаетъ Θеофанъ,—есть самодержавная, повиноваться имъ по совѣсти самъ Богъ повелѣваетъ. Однако и они имѣютъ своихъ совѣтниковъ не только для лучшаго выясненія истины, но и для избѣжанія клеветы непокорныхъ людей на то, что, будто бы, монархъ правитъ силою или по

1) См. т. II, Черн. рук. Д. Р. л. 3.

2) Взято изъ трагедіи Еврипида „Ипполитъ“ ст. 436: αἱ δεύτεραι πως φροντίδες σοφώτεραι.—Ср. Tondini, Règlement ecclésiastique de Pierre le Grand. Paris 1874 p. 18.

3) См. выше стр. 356. 4) См. выше стр. 332.

5) Черн. рук. л. 3.

прихотямъ своимъ, а не судомъ и истиною. Тѣмъ паче, продолжаетъ Ѳеофанъ, въ церковномъ правленіи, гдѣ правительство не монаршеское, т. е. не основанное на Богомъ данной наслѣдственной власти, гдѣ правителямъ заповѣдуется, напротивъ, не господствовать надъ клиромъ (разумѣется, самовластно) и гдѣ противники патріарха однимъ лишь оклеветаніемъ его личности могутъ лишить авторитета его распоряженія, необходимъ коллегіальный органъ, такъ какъ опредѣленіе „соборнаго сословія“ не такъ легко можно опорочить.

Въ этой второй „винѣ“ необходимо различать примѣръ монархіи, на которую ссылается Ѳеофанъ, и самое доказательство преимущества Духовной Коллегіи предъ патріаршествомъ. Примѣръ монархіи взятъ имъ изъ жизни и, конечно, не выдуманъ, такъ какъ и теорія[1]) и практика нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ склонялись тогда къ конституціонализму. Но логическій выводъ изъ этого долженъ былъ получиться другой, а именно, что при патріархѣ, какъ и при монархѣ, нуженъ соборъ, который дѣйствительно въ Русской Церкви въ XVII в. собирался не регулярно и не часто. Между тѣмъ, Ѳеофанъ доказываетъ цѣлесообразность полной отмѣны патріаршества и замѣны его Духовной Коллегіей, что примѣромъ конституціонной монархіи или совѣтовъ при государяхъ нисколько не оправдывается. Кромѣ того здѣсь Ѳеофанъ опять злоупотребляетъ терминомъ „соборъ“, „соборный“, тогда какъ онъ говоритъ, въ сущности, о „коллегіи“ и „коллегіальности“ въ спеціальномъ смыслѣ слова. Какъ видно эта аргументація оказывается натянутой и вполнѣ оригинальной.

Въ *третьей* „винѣ“[2]) Ѳеофанъ продолжаетъ развивать свою мысль о большей авторитетности коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ указаніемъ на то, что оно особенно сильно, „когда Коллегіумъ правителское *подъ державнымъ монархомъ есть* и *отъ монарха уставленно*“, ибо здѣсь ясно, что Коллегіумъ не есть какая-нибудь факція, составившаяся тайно въ своихъ интересахъ, но есть совокупность лицъ, собранныхъ „на добро общее“ повелѣніемъ самодержца, послѣ разсмотрѣнія имъ съ прочіими (его совѣтниками) самой цѣлесообразности Коллегіи.

Смыслъ этого аргумента заключается въ томъ, что самобытная въ своемъ происхожденіи христіанская Церковь, управляемая властью юридически независимыхъ органовъ—единоличнымъ папою на западѣ и quasi—единоличнымъ патріархомъ въ Восточныхъ церквахъ, глубоко противорѣчила теоріи суверенитета и территоріальнаго верховенства, которыя такъ усиленно разрабатывались школою естественнаго права. Поэтому, между прочимъ, нѣкоторые писатели, какъ Бодэнъ[3]) и Пуфендорфъ[4]), стремились выяснить положеніе въ государствѣ всевозможныхъ корпорацій, коллегій и факцій,

---

[1]) См. выше слова, напр., Пуфендорфа и Спинозы стр. 331, 332, 340.

[2]) Черн. рук. л. 3 об. [3]) De Republica lib. III c. 7.

[4]) De iure naturae et gentium, lib. VII, c. 2 § 21. 22 (см. выше стр. 327—328) и De habitu religionis christianae ad vitam civilem. Bremae, 1687, § 7 p. 22.

въ томъ числѣ и религіозныхъ, т. е. Церкви[1]) и отношеніе къ нимъ верховной власти. Ихъ идеалъ, несомнѣнно, заключался въ томъ, чтобы всѣ корпораціи, въ томъ числѣ и Церковь, существовали не иначе, какъ съ законнаго разрѣшенія государственной власти и подъ ея контролемъ. Совершенно въ томъ же духѣ пишетъ и Ѳеофанъ въ разбираемой третьей „винѣ“ Духовнаго Регламента. Какъ одинъ изъ ревностныхъ сторонниковъ и послѣдователей тѣхъ же идей, которыя проповѣдывали Гоббезъ, Пуфендорфъ и др., онъ не только желаетъ юридическаго подчиненія Церкви государству для большей стройности территоріализма и превращенія самобытнаго органа церковной власти въ государственное коллегіальное учрежденіе, но онъ думаетъ, что отъ всего этого авторитетъ власти въ дѣлахъ духовныхъ несравненно выиграетъ, станетъ болѣе сильнымъ. Въ этой третьей „винѣ“ Ѳеофанъ высказалъ то же, что позднѣе отъ имени Св. Синода въ его опредѣленіи отъ 31 мая 1721 г. за № 112[2]).

Что же касается отношенія этой третьей „вины“ къ вопросу о сохраненіи патріаршества, то надо замѣтить, что Церковь и ея правительственные органы, какъ единоличные, такъ и соборные никогда не могли разсматриваться, какъ факціи, тайно сложившіяся въ своекорыстныхъ интересахъ и слѣдовательно этотъ аргументъ Ѳеофана бьетъ мимо цѣли.

Къ сказанному необходимо прибавить, что ставя предъ вновь учреждаемой Духовной Коллегіей новую задачу служить „добру общему“, тому bonum commune, о которомъ столько говорилось тогда въ политической философіи, Ѳеофанъ подмѣниваетъ ту единственную цѣль, которую всегда имѣла, имѣетъ и будетъ имѣть Церковь и духовная власть—спасеніе человѣческой души. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеофанъ лишній разъ показываетъ, что онъ ищетъ не только внѣшняго юридическаго подчиненія Церкви государству, но и внутренняго подчиненія вѣчныхъ духовныхъ цѣлей Церкви весьма проблематичнымъ и земнымъ государственнымъ цѣлямъ, служенію „общественному благу“.

Въ объясненіе второй и третьей „вины“ любопытно отмѣтить еще одну мысль. Проникнутый идеями суверенитета и государственнаго абсолютизма, Ѳеофанъ логически не могъ терпѣть рядомъ съ самодержавнымъ монархомъ именно власти патріарха, какъ воплощенія т. наз. „монархическаго епископата“. И въ данномъ случаѣ онъ предпочиталъ учрежденіе Духовной *Коллегіи* такъ же, какъ протестантскіе ландесгерры, въ аналогичномъ случаѣ,—учрежденіе *консисторій*. Ein monarchicher Episkopat im katholischen Sinne,—говоритъ E. Sehling,—war neben dem allmächtigen Landesherrn nicht haltbar, alle rechtlichen Befugnisse der katholischen Regiments-instanzen waren auf den Landesherrn übergegangen, und so war es denn auch viel richtiger, wenn der Landesherr sich zur Ausübung dieser Befugnisse nicht noch

---

[1]) Cp. K. Rieker, Die rechtliche Stellung der evangelischen Kirche Deutschlands. Leipzig 1893, SS. 263—265.

[2]) См. П. С. П. т. I, № 112, стр. 157 второго изданія. Разборъ этого опредѣленія см. ниже въ гл. X.

eigener „Bischöfe“ bediente, sondern, dijenigen Organe reorganisierte, welche den früheren Bischöfen zur Seite gestanden hatten. Das waren die Konsistorien[1]). Изъ этого слѣдуетъ, что находясь подъ вліяніемъ западныхъ идей и образцовъ, Ѳеофанъ содѣйствовалъ и проведенію церковной реформы Петра nach der Art protestirenden Fürsten[2]).

Въ *четвертой* „винѣ“[3]) раскрывается простая истина, что коллегіальное управленіе не подлежитъ физической болѣзни и смерти и дѣйствуетъ безпрерывно. Но этотъ аргументъ можно было бы обратить и противъ монархіи, особенно избирательной или по назначенію, которыя такъ ревностно отстаивалъ Ѳеофанъ впослѣдствіи въ „Правдѣ воли монаршей“.

Въ *пятой* „винѣ“[4]) Ѳеофанъ доказываетъ, что Духовная Коллегія еще тѣмъ полезнѣе патріарха, что въ Коллегіи „не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству, лихоимному суду“, особенно „егда Коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ слагатися, си есть, аще будутъ лица, разнаго чина и званія: епископи, архимандрити, игумени и отъ властей бѣлаго священства: и что еще къ тому опасенію угоднѣйше, аще и отъ мирскаго чина присовокупленны будутъ къ духовнымъ честные и благоразумные особы“.

Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе прежде всего то глубокое недовѣріе къ правительственной дѣятельности церковной іерархіи, которое граничитъ съ приговоромъ надъ нею. Затѣмъ стремленіе Ѳеофана обезпечить безпристрастность путемъ соединенія въ одну Коллегію лицъ различнаго духовнаго сана показываетъ отсутствіе въ духовенствѣ того времени солидарности, сознанія единства своего служенія, хотя бы и въ разныхъ степеняхъ. Наконецъ, мысль привлечь на *равныхъ* правахъ и мірянъ едва-ли можетъ считаться православной и ярче всего, по нашему мнѣнію, подчеркиваетъ протестантскій характеръ вновь учреждаемой Духовной Коллегіи, прообразомъ которой были никакъ не соборы въ любомъ ихъ видѣ, а именно протестантскія консисторіи съ ихъ смѣшаннымъ составомъ членовъ—разностепеннаго духовенства и мірянъ съ совершенно тою же цѣлью большей объективности и безпристрастія консисторскихъ рѣшеній.

Въ *шестой* „винѣ“[5]) Ѳеофанъ высказываетъ мысль, что Духовная Коллегія болѣе безстрашно можетъ творить безпристрастный судъ, ибо она не такъ будетъ бояться гнѣва сильныхъ, потому что интриговать противъ многихъ „разностатейныхъ особъ“ труднѣе, чѣмъ противъ одного человѣка.

Эта мысль, справедливая вообще, едва-ли могла доказать преимущество Духовной Коллегіи предъ патріархомъ, ибо по свидѣтельству русской исторіи, на которую непосредственно ниже ссылается самъ Ѳеофанъ, патріархи не испытывали никакого особеннаго страха предъ царями или боярами, а напротивъ, нерѣдко сами заставляли ихъ себя бояться. Между тѣмъ

---

[1]) Emil Sehling, Geschichte der protestantischen Kirchenverfassung. Leipzig, Berlin 1913, S. 17.

[2]) См. выше т. I, стр. IX. [3]) Черн. рук. л. 3 об. [4]) Ibidem.

[5]) Черн. рук. л. 4.

Духовная Коллегія, преобразованная въ Св. Синодъ, составленный изъ рядовыхъ епископовъ и духовенства, оказалась весьма и весьма зависимой отъ сильныхъ міра сего и пренебрегаемой многими. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, цѣлый рядъ случаевъ, вызвавшихъ со стороны Св. Синода защиту своего авторитета и чести, и потребовавшихъ даже вмѣшательства самого Петра[1]). Не одинъ разъ пришлось Св. Синоду обращаться къ нему съ вопросомъ: „Ежели кто отъ знатныхъ и сильныхъ персонъ явится въ какомъ христіанскомъ неисправленіи, какъ съ такими Синоду поступать? И ежели не будетъ на сіе запрещенія и не подтвердится какимъ страхомъ, то раскольниковъ и прочихъ благочестію противныхъ дѣлъ не токмо исправить будетъ Синоду не возможно, но и смѣлость онымъ большая подастся, отъ чего и размножаться они могутъ“[2]). Подобное неловкое, неавторитетное положеніе Св. Синода было совершенно понятнымъ, ибо онъ остался *государственнымъ* учрежденіемъ, какимъ была и Духовная Коллегія. Позднѣйшая же зависимость Св. Синода отъ Оберъ-Прокурора или еще больше отъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ XVIII—XX ст. всѣмъ болѣе, чѣмъ хорошо извѣстна, чтобы видѣть, насколько оправдалась мысль этой шестой „вины“ Ѳеофана, будто Коллегія „не тако, якоже единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится“.

Въ *седьмой* „винѣ“[3]) Ѳеофанъ говоритъ о томъ, что учрежденіе монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ Духовной Коллегіи вмѣсто единаго собственнаго, т. е. обладающаго *сомобытной* юридической властью[4]), правителя духовнаго должно избавить отечество отъ опасности мятежей и смущенія. Ибо простой народъ не понимаетъ разности между властью духовной и самодержавной. Удивляемый великой честью и славой „высочайшаго пастыря“, т. е. патріарха, простой народъ думаетъ, что онъ есть второй государь, равносильный или даже превосходящій самодержца, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. „И се,—заявляетъ Ѳеофанъ,—*самъ собою* народъ тако умствовати обыклъ“[5]). Чего же ждать, если къ этому прибавятся властолюбивые замыслы нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ? Этимъ мнѣніемъ до того развращаются простыя сердца, что не смотрятъ на своего самодержца, какъ на *верховнаго пастыря въ какомъ бы то ни было дѣлѣ*. Вслѣдствіе этого, въ случаѣ распри между духовнымъ и мірскимъ правителемъ, всѣ становятся на сторону перваго, за него борются и бунтуются. При этомъ они думаютъ, что борются за Самого Бога и не только не оскверняютъ, но освящаютъ свои руки, если устремляются на кровопролитіе. Такое воззрѣніе народа особенно удобно для коварныхъ людей, выражаясь нашимъ языкомъ—для анархистовъ, которые рады вос-

---

[1]) См. подробно въ гл. X.

[2]) П. С. П. т. I, № 312, стр. 368 п. 24.—Ср. во II томѣ Черн. рук. Д. Р. л. 33, п. 5.

[3]) Черн. рук. л. 4—5.

[4]) О такомъ толкованіи см. ниже т. I, гл. X и во II т. прим. 35 къ Черн. рук. Д. Р.

[5]) Этой простой фразой Ѳеофанъ показываетъ, какую ломку народнаго самосознанія должна была вызвать церковная реформа Петра.

пользоваться ссорой государя съ пастыремъ, чтобы посягнуть „на христа Господня“, т. е. помазанника Божія. Что же будетъ, если проникнутый такимъ высокимъ о себѣ мнѣніемъ и самъ пастырь „спать не похощетъ“?— „Изрещи трудно, коликое отсюду бѣдствіе бываетъ“.

Нарисовавъ такую мрачную картину двоевластія царя и патріарха, Ѳеофанъ оговаривается, что это не одни его вымыслы, и указываетъ на Константинопольскую исторію до временъ Юстиніана и на папу, который „не иннымъ способомъ толико превозмогъ, не точію государство Римское полма пресѣче, и себѣ великую часть похити, но и инныя государства едва не до крайняго разоренія, не единожды потрясе“. „Да не воспомянемъ, заключаетъ Ѳеофанъ, намѣкая на Никона, подобныхъ и у насъ бывшихъ замаховъ“.

Учрежденіе Духовной Коллегіи обезпечиваетъ совершенно обратное соотношеніе силъ. „Таковому злу въ соборномъ духовномъ правительствѣ нѣсть мѣста“, ибо даже на самомъ президентѣ здѣсь нѣтъ великой и народъ удивляющей славы, нѣтъ лишняго блеска и зрѣлища, нѣтъ и высокаго о немъ мнѣнія. Льстецы не могутъ превозносить его безмѣрными похвалами, ибо рѣшеніе коллегіи не можетъ быть приписано одному президенту. Самое имя президентъ не гордое и означаетъ только предсѣдателя. По этому ни самъ онъ о себѣ, ни другіе о немъ не могутъ высоко мыслить. Но идеаломъ для Ѳеофана является то, что „когда еще видитъ народъ, что соборное сіе правительство Монаршимъ указомъ, и Сенатскимъ приговоромъ уставлено есть (т. е., что оно есть обыкновенное, и даже подчиненное Сенату государственное учрежденіе, одна изъ коллегій), то и паче пребудетъ въ кротости своей, и весма отложитъ надежду имѣть помощь къ бунтамъ своимъ отъ чина духовнаго“.

Какъ видно, этотъ седьмой аргументъ въ пользу учрежденія Духовной Коллегіи является центральнымъ и самымъ важнымъ. Въ немъ открывается чисто политическій мотивъ уничтоженія исторически самобытнаго и юридически самостоятельнаго патріаршества и замѣны его государствомъ учрежденной и всецѣло отъ государства зависимой Духовной Коллегіей. *Внѣшняя* причина и польза этого указывается въ желаніи разъ на всегда предотвратить іерократическія тенденціи греческихъ епископовъ ранняго періода[1]), римскаго папы съ его монархомахами[2]) и, наконецъ, Никона. Но спу-

---

[1]) Кого разумѣетъ здѣсь Ѳеофанъ не совсѣмъ понятно. Можетъ быть великихъ учителей и святителей Церкви, прославившихся навѣки не только святостью, но и своей духовной независимостью: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Амвросія Медіоланскаго и др.? Но можетъ ли радоваться Церковь, что послѣ 1721 г. русская церковная исторія не знаетъ ни одного имъ подобнаго святителя?...

[2]) О монархомахахъ см. *Б. Н. Чичерина*, Исторія политическихъ ученій, т. II.— R. Treumann, Die Monarchomachen, Leipzig, 1895.—H. Lureau, Les doctrines démocratiques chez les écrivains protestants, Bordeaux, 1900.—H. Baudrillart, Jean Bodin et son temps, Paris, 1853.—Ch. Labitte, De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, Paris, 1841.—Rehm, Geschichte der Staatsrechtswissenschaft, 1896, § 47.— P. Janet, Histoire de la science politique etc. v. II и, наконецъ, недавно вышедшую книгу итальянскаго автора Карро.

стя 50 лѣтъ послѣ столкновенія послѣдняго съ Алексѣемъ Михайловичемъ, послѣ того, какъ дѣло Никона авторитетомъ Восточныхъ патріарховъ рѣшилось не въ его пользу, послѣ происшедшихъ перемѣнъ въ государственномъ строѣ и общественномъ сознаніи, послѣ 20 лѣтъ церковной разрухи въ періодъ мѣстоблюстительства и т. д., едва ли можно было серьезно бояться новыхъ Никоновъ, новыхъ „замаховъ". Самая картина бунтовъ и крамолы народной противъ государя изъ-за наличности патріарха мало соотвѣтствовала историческимъ даннымъ. Именно въ дѣлѣ Никона народъ и духовенство были на сторонѣ царя или, по крайней мѣрѣ, никакъ активно за него не заступились. Мрачная характеристика опасности двоевластія, нарисованная Ѳеофаномъ, гораздо больше подходитъ къ папству и монархомахамъ среднихъ вѣковъ, и именно тѣмъ, что Ѳеофанъ имѣлъ предъ своими глазами примѣръ западной исторіи съ ея многовѣковою борьбою римскаго первосвященника за іерократическое и даже политическое господство надъ королями и императорами западной Европы, а вовсе не примѣръ русской, почти сплошь пассивной іерархіи, и объясняется совпаденіе его мыслей въ данномъ мѣстѣ съ мыслями Пуфендорфа и Спинозы, косвенно боровшимися въ своихъ сочиненіяхъ противъ римскихъ папъ во имя правъ государственнаго верховенства, спокойствія, безопасности и благополучія государства[1]). Можно думать, что вполнѣ солидарный съ ними въ своемъ церковно-политическомъ міровоззрѣніи Ѳеофанъ Прокоповичъ[2]) лишь воспользовался случаемъ подчеркнуть свою антипатію, которую онъ всегда питалъ[3]) къ папской іерократіи и вообще „латынникамъ". Столь же отрицательно, конечно, относился Ѳеофанъ и ко всякому подражанію папамъ, въ томъ числѣ и къ патріарху Никону[4]). Но кромѣ этого у Ѳеофана было и

---

[1]) См. выше стр. 337 § XI, 340. Ср. сказанное въ *Шмалькальденскихъ Артикулахъ* 1537 г. относительно политическихъ притязаній папы: Deinde papae r a p e r e ad se imperia coeperunt, transtulerunt regna, v e x a r u n t iniustis excommunicationibus et bellis fere omnium nationum reges in Europa, sed maxime Imperatores germanicos, alias ut occuparent italicas civitates, alias ut episcopos Germaniae redigerunt in suam servitutem, et eriperent Imperatoribus collationem. Imo etiam in Clementina scriptum est: „Vacante imperio papam esse legitimum successorem". Die Symbolischen Bücher der evangelisch-lutherischen Kirche, deutsch und lateinisch. Besorgt von I. C. M ü l l e r, 10 Aufl. Gütersloh, 1907, S. 335, § 35.

[2]) См. выше гл. IV стр. 124—136.

[3]) Ср. его взгляды на причины гибели Византіи, которую онъ приписываетъ, между прочимъ, тому, что патріархъ, увлекаясь примѣромъ папы, захотѣлъ присвоить себѣ титулъ и власть вселенскаго судіи и вступилъ въ пререканія съ свѣтскою властію, а также написанное Ѳеофаномъ стихотвореніе по поводу суда папы надъ Галилеемъ, наполненное жестокой бранью (см. *П. Морозова*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Спб. 1880, стр. 137, 157—158.

[4]) Въ „Описи секретныхъ дѣлъ Архива Св. Синода" подъ № 4 значится „Житіе Св. Никона п. Московскаго". На рукописи помѣта: 1) „Сочиненное иподіакономъ его Іоанномъ Шушеринымъ"; 2) „*Съ примѣчаніями своеручными* Преосвященнаго Ѳеофана архіепископа Новгородскаго". Рукопись на 72 листахъ. Поступила въ Архивъ Св. Синода изъ бумагъ Товарища Оберъ-Прокурора Св. Синода Ю. В. Толстого. Далѣе сказано: рукопись отправлена въ Канцелярію Оберъ-Пр. Св. С. 11 іюня 1881 г. для возвращенія въ правленіе Иркутской Духовной Семинаріи. Въ виду важности этихъ примѣчаній для ха-

глубокое *внутреннее* побужденіе къ тому, чтобы написать свою седьмую „вину". Руководящей фразой къ распознанію этого мотива является отмѣченная нами выше: „Тако простые сердца мнѣніемъ симъ развращаются, что не такъ на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря, въ коемъ-либо дѣлѣ смотрятъ". Иными словами, проникнутый идеями школы естественнаго права, Ѳеофанъ, какъ Гоббесъ, видитъ въ государствѣ всепоглощающаго левіаѳана, а въ государѣ—„верховнаго пастыря" въ какихъ бы то ни было дѣлахъ, т. е. и въ Церкви. И если Гоббесъ послѣдовательно приходитъ къ мысли, что in omni civitate Christiana is, qui summe imperat, *pastor* etiam, *summus* est, и potestatem denique *in rebus omnibus*, tum civilibus, tum ecclesiasticis, quatenus ad actiones et verba attinet, summam habet[1]), то естественно, что Ѳеофанъ, въ защиту церковной реформы Петра, долженъ былъ написать свой „Розыскъ" о *понтифексѣ*[2]). Ѳеофанъ горячо вѣрилъ въ полноту верховной власти, и двоевластіе папы и императора на западѣ, патріарха и императора въ Византіи или, наконецъ, патріарха и царя въ Москвѣ[3]) ему глубоко претило. По его убѣжденію, юридической самостоятельности Церковь не должна была имѣть, а руководящій религіозными дѣлами въ государствѣ органъ долженъ былъ быть однимъ изъ *государственныхъ* учрежденій наиболѣе совершеннаго, по взглядамъ того времени, типа, т. е. Духовной *Коллегіей*.

Въ *восьмой* „винѣ"[4]), явно намекающей на судъ надъ п. Никономъ, Ѳеофанъ говоритъ, что Духовная Коллегія представляетъ удобство и въ томъ отношеніи, что для суда надъ однимъ изъ ея членовъ или самимъ президентомъ не нужно будетъ созывать дорого стоющій и съ трудомъ осуществимый вселенскій соборъ, между тѣмъ, какъ судъ мѣстныхъ подручныхъ епископовъ надъ „самовластнымъ" пастыремъ можетъ быть всегда подозрительнымъ и неавторитетнымъ въ глазахъ народа.

Наконецъ, въ *девятой* „винѣ"[5]) говорится, что „въ таковомъ правителствѣ соборномъ, будетъ аки нѣкая школа правленія духовнаго". Именно, кандидаты на архіерейскія каѳедры, пробывъ нѣкоторое время въ числѣ членовъ Духовной Коллегіи, научатся управлять своими епархіями. „И тако въ Россіи, помощію Божіею, скоро отъ духовнаго чина грубость отпадетъ и имамы надѣятися всего лучшаго".

рактеристики Ѳеофана и пониманія этого мѣста Духовнаго Регламента, мы сносились съ Епископомъ Киренскимъ Евгеніемъ, который любезно сообщилъ намъ, что этой рукописи нѣтъ въ И. Д. Семинаріи. Мы искали ее и въ Новгородѣ, среди книгъ самого Ѳеофана, въ Архивѣ Св. Синода и въ Библіотекѣ Петроградской Духовной Академіи, но, къ сожалѣнію, не нашли нигдѣ.

[1]) См. выше стр. 321, 322. [2]) См. т. II, отд. III, № 10.

[3]) Ср. слова предисловія къ Служебнику, напечатанному въ 1656 г.: „Благочестивый государь, царь и великій князь Алексій Михайловичъ всея великія и малыя Россіи самодержецъ. И великій христолюбивый государь святѣйшій Ніконъ патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи, богоизбранная сія и богомудрая двоица". См. „Дѣяніе Московскаго Собора 1654 г.". Москва 1887, изд. 2.

[4]) Черн. рук. л. 5. [5]) Тамъ же

Восьмой и девятый аргументы, подсказанные Өеофану его практичностью, не заключаютъ въ себѣ ничего принципіальнаго. Болѣе того, духовныя лица трактуются въ нихъ какъ лица, для которыхъ необходима угроза близкаго суда, и какъ школьники, подлежащіе еще выучкѣ, причемъ Духовная Коллегія, это „важное и сильное правительство[1]), которое, казалось бы, должно состоять изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ духовныхъ дѣятелей, должно было быть школою для подчиненнаго ему епархіальнаго управленія. Впослѣдствіи, 29 декабря 1721 г., этотъ девятый аргументъ подалъ поводъ Стефану Яворскому безъ всякой ироніи написать такую фразу: „добрѣ бы, чтобы изъ Сѵнода брано и на иные[2]) вдовствующіе престолы, дабы Сѵнодъ былъ аки *seminarium архіереевъ*"[3]).

Выводы. Таковы тѣ доводы, которыми Өеофанъ думалъ обосновать преимущества коллегіальной системы управленія Русскою Церковью. Нельзя сказать, чтобы эти доводы были убѣдительны съ точки зрѣнія основныхъ положеній христіанства и православнаго церковнаго права, а неправильное пользованіе въ нихъ примѣрами исторіи и понятіемъ „соборнаго (въ сущности—коллегіальнаго) правительства", намѣренное или ненамѣренное невѣрное пониманіе сущности патріаршаго управленія, вовсе не единоличнаго, а именно соборнаго и, наконецъ, нелогичность нѣкоторыхъ выводовъ изъ своихъ же разсужденій (см. 2-ю вину), ослабляютъ силу выставленныхъ доказательствъ еще больше.

Зато, съ другой стороны, „вины" Өеофана очень убѣдительны съ точки зрѣнія того церковно-государственнаго міровоззрѣнія, котораго придерживались *всѣ* „просвѣщенные" люди XVIII в.[4]). Въ „полицейскомъ государствѣ" и при „просвѣщенномъ абсолютизмѣ" Церковь не могла сохранить своей юридической самостоятельности. Все должно было подчиниться государственному верховенству, быть „подъ державнымъ монархомъ" и „отъ монарха уставленнымъ", а государь почитался „верховнымъ пастыремъ въ какомъ бы то ни было дѣлѣ". И если въ протестантскихъ странахъ при полновластномъ ландесгеррѣ не могъ уже сохраниться единоличный „монархическій" епископатъ, и долженъ былъ замѣниться консисторіей, то естественно, что по тѣмъ же основаніямъ, въ Россіи патріарха должна была смѣнить своя Collegium seu Consistorium Ecclesiasticum generale. Тѣмъ же обстоятельствомъ, что „вины" Духовнаго Регламента были вполнѣ логичны съ точки зрѣнія указаннаго міровоззрѣнія, удовлетворительно объ-

---

[1]) См. Манифестъ.

[2]) Письмо въ Синодъ написано съ тою цѣлію, чтобы побудить его перевести на Кіевскую митрополію самого Өеофана, которому Стефанъ расточаетъ здѣсь большія похвалы.

[3]) О. А. С. С. т. I, стр. 473 (рим. пагинаціи) и *И. А. Чистовича*, Өеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868, стр. 107—108.

[4]) Этимъ объясняется горячая защита церковной реформы Петра въ нѣкоторыхъ работахъ прот. М. И. Горчакова (см. выше стр. JXXXVII и слѣд.). Однако мой покойный учитель не принялъ во вниманіе насколько идеи „просвѣщенія" противорѣчатъ чистымъ началамъ христіанства и церковнаго права первыхъ вѣковъ.

ясняется, что ничего несообразнаго „просвѣщенные" люди XVIII в. въ нихъ не замѣтили[1]), а въ XIX в., въ виду нѣкоторой давности церковной реформы Петра, ихъ перестали ясно понимать и даже ими интересоваться.

В. Вторая часть Духовнаго Регламента.

Планъ Второй части. Во *второй части* Духовнаго Регламента[2]) Ѳеофанъ имѣлъ въ виду разсмотрѣть всѣ *„дѣла, которыя въ Духовномъ Коллегіумъ имѣютъ управлятися"*, т. е. которыя подлежатъ ея вѣдѣнію въ высшей инстанціи.

Такихъ дѣлъ онъ усматриваетъ *„два рода"*.

Первый родъ составляютъ тѣ дѣла, которыя касаются безразлично всѣхъ, кто входитъ въ составъ Церкви, а именно духовенства и мірянъ различныхъ чиновныхъ степеней. Это такъ называемыя Ѳеофаномъ *„Дѣла общая"*.

Второй родъ составляютъ тѣ дѣла, которыя касаются спеціально отдѣльныхъ группъ, входящихъ въ составъ Церкви. Эти дѣла можно было бы назвать: *„Дѣла особенныя"*, но Ѳеофанъ, вѣроятно, забылъ дать имъ такой общій заголовокъ и они сразу начинаются съ *„дѣлъ епископскихъ"*, почему схема Ѳеофана съ перваго взгляда недостаточно ясна.

Первый родъ дѣлъ или *„Дѣла общая"* расчленены Ѳеофаномъ на *двѣ* части по своему содержанію.

Во-первыхъ, Ѳеофанъ разсматриваетъ, „аще все правилно и по закону христіанскому дѣется, и не дѣется ли что и гдѣ закону оному противное". Иными словами, Ѳеофанъ даетъ прежде всего *отрицательную* характеристику современной ему церковной дѣйствительности съ цѣлью, однако, указать только примѣры того, чѣмъ Духовной Коллегіи необходимо заняться для исправленія „нестроеній" и „скудости". Эти примѣры взяты Ѳеофаномъ прямо изъ дѣйствительной русской жизни.

Во-вторыхъ, Ѳеофанъ разсматриваетъ, „аще доволное Христіаномъ наставленіе употребляется", а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и *положительныя* указанія о томъ, какія надо принять мѣры къ поднятію умственнаго и нравственнаго уровня народа, при чемъ рекомендуетъ сочинить „три книжицы".

Второй родъ дѣлъ, или *Дѣла особенныя* расчленены Ѳеофаномъ на *пять* частей по чинамъ или группамъ лицъ, входящихъ въ составъ Церкви, и спеціальныя обязанности коихъ, по мнѣнію Ѳеофана, необходимо разсмотрѣть и указать особо. „Чины же оныя,—говоритъ Ѳеофанъ,—пятосчисленныя суть:

1. Епископи.
2. Пресвитеры, діаконы и прочій клиръ церковный.
3. Монахи.

---

[1]) Ср., напротивъ, критику Маркелла Родышевскаго, у насъ т. II, отд. IV, № 14.
[2]) Черн. рук. л. 5 об.—л. 34 об.

4. Домы училищныя, и въ нихъ учители и ученики, такожъ и церковны проповѣдники.

5. Особы мірскіе, поелику участны суть наставленія духовнаго, яковое случается о правилныхъ и неправилныхъ бракахъ и протчихъ дѣлахъ, до свѣтскихъ людей касающихся.

Однако въ Духовномъ Регламентѣ Өеофаномъ помѣщены только пункты 1, 4 и 5, между тѣмъ какъ пункты 2 и 3 составляютъ содержаніе т. наз. *„Прибавленія* (къ Духовному Регламенту) *о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго“*. Впрочемъ, изъ этого видно, что „правила причта церковнаго и чина монашескаго“ имѣлись въ виду Өеофаномъ еще при написаніи Духовнаго Регламента, а наблюденія надъ Черновою рукописью его, хранящеюся въ Архивѣ Св. Синода, показываютъ, что по крайней мѣрѣ черновые наброски этихъ правилъ современны Регламенту и были написаны также Өеофаномъ[1]).

Такимъ образомъ содержаніе „Дѣлъ особенныхъ“ составляютъ *три трактата*:

1) Дѣла епископовъ.

2) Домы училищныя и въ нихъ учители и ученики, такожъ и церковны проповѣдники.

3) Мірскіе особы, поелику участны суть наставленія духовнаго.

Дѣла общія.

І-я часть общихъ дѣлъ.

Отрицательная характеристика. Какъ сказано было выше, въ первой части „Общихъ дѣлъ“, Өеофанъ дѣлаетъ примѣрныя указанія на тѣ недочеты русской религіозной жизни, которыя необходимо исправить.

Анализъ этихъ десяти пунктовъ показываетъ, что составляя ихъ, Өеофанъ видѣлъ предъ своими глазами наличную русскую дѣйствительность[2]). Для того, чтобы иллюстрировать свою мысль о томъ, что „первое смотрѣть подобаетъ: аще все правилно, и по закону христіанскому дѣется“, ему нечего было искать постороннихъ источниковъ. Мало того и самая мысль о необходимости исправить накопившіеся недостатки являлась сама собою, ибо 1) они были слишкомъ замѣтны, 2) многократно и ранѣе обращали на себя вниманіе церковной и свѣтской власти, и 3) настолько тяготили Петра, что за время своего царствованія онъ не разъ вооружался противъ всевозможныхъ церковныхъ непорядковъ и народнаго суевѣрія.

¹) См. описаніе Черн. рук. Д. Р. и описаніе Прибавленія, п. V, а также выше гл. V—VI.

²) См. *Проф. А. П. Доброклонскаго*, Руководство по Исторіи Русской Церкви, вып. 3, М. 1889, стр. 191—247, гл. IV—„Состояніе богослуженія“ и гл. V—„Религіозно-нравственное состояніе общества“, и указываемую имъ литературу.

Однако можетъ быть указано и такое его распоряженіе, которое ближе всего относится къ этимъ 10 пунктамъ, а въ одномъ мѣстѣ даже прямо упоминается Ѳеофаномъ[1]).

Такимъ общимъ источникомъ для первыхъ десяти пунктовъ „дѣлъ общихъ“ является извѣстный указъ Петра отъ 22 января 1716 г. о добавочныхъ пунктахъ къ архіерейской присягѣ[2]).

Здѣсь въ п. 6-мъ говорилось именно о томъ, что подробнѣе развилъ и иллюстрировалъ примѣрами Ѳеофанъ. Названный 6-й пунктъ читается такъ: „Паки обѣщаваюся врученную ми нынѣ паству всю на всякое лѣто аще возможно будетъ, по крайней же мѣрѣ въ два или три года, самому по обычаю Апостолъ посѣщать и назирать; посѣщать же не ради лихоиманія и чести, но апостольски и во Господѣ, како пребываютъ вѣрніи въ вѣрѣ и исправленіи дѣлъ благихъ, а наипаче священники, и смотрить въ нихъ съ прилежаніемъ, учить и запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было[3]), дабы невѣдомыхъ и отъ церкви не свидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали[4]); притворныхъ, бѣснующихъ, въ калтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ, не точію наказывать, но и къ градскому суду отсылать и протчихъ подъ образомъ благочестія притворныхъ и прелестныхъ дѣлъ отъ духовнаго и мірскаго чина не принимали; дабы святыхъ иконъ не боготворили, и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли[5]), отъ чего противнымъ способъ дается къ поношенію на православныхъ, но почитали бы оныя по разуму святыя православныя каѳолическія церкви, якоже и самъ азъ выше исповѣдахъ“.

Впрочемъ, Ѳеофану не было нужды лишь повторять и развивать чужія слова. Новые пункты архіерейской присяги, какъ и предшествующія мѣры правительства, служили для него только точкой опоры въ развитіи взглядовъ, которые самому Ѳеофану давно были свойственны и которые онъ неоднократно высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ[6]). Между прочимъ, частный поводъ далъ случай Ѳеофану еще въ проповѣди 10 марта 1717 г. съ одобреніемъ сослаться на дополнительные пункты къ архіерейской присягѣ. Говоря объ истинномъ почитаніи иконъ, Ѳеофанъ замѣтилъ: „Богу благодареніе, что и въ сердцѣ благочестиваго Царя нашего глаголетъ ...тая о Церкви своей; въ прошломъ бо годѣ запретить изволилъ: дабы ...лися пастыріе учити народъ правильному св. Іконъ почитанію, и отво-

---

[1]) См. ниже п. 7.

[2]) П. С. З. V, 2985.—Описаніе Архива Св. Синода т. I, Приложенія, столбцы VII—IX.—См. ниже у насъ т. II, отд. II, прил. № 5.—Иниціатива этихъ пунктовъ принадлежитъ самому Петру.

[3]) Ср. ниже пп. 1, 2, 3, 4, 5, 9, 10. [4]) Ср. ниже п. 6. [5]) Ср. ниже п. 7 и 8.

[6]) См. *Петра Морозова*, Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель. Очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія. Спб. 1880, passim и ниже въ нашихъ комментаріяхъ.

дити его всячески отъ боготворенія"[1]). Противъ вымышленныхъ чудесъ Θеофанъ высказывается и въ своей *Риторикѣ*[2]).

Пунктъ первый. Прежде всего Θеофанъ указываетъ на необходимость провѣрить „вновь сложенныя и слагаемыя акаѳисты и иныя службы и молебны: которые наипаче въ наша времена въ малой Россіи сложены суть", согласны ли они Св. Писанію, и не имѣютъ ли чего противнаго Слову Божію, или хотя бы нѣчто непристойное и празднословное.

Акаѳистъ (ἀκάθιστος, дословно: несѣдальный) есть рядъ хвалебныхъ пѣснопѣній, исполняемыхъ молящимися *стоя*, въ честь Господа Іисуса Христа, Божіей Матери и святыхъ. Древнѣйшимъ оригинальнымъ акаѳистомъ былъ сложенный въ честь Богоматери, какъ видно изъ нѣкоторыхъ словъ и выраженій въ немъ, по случаю избавленія Константинополя отъ нападенія на него персовъ въ союзѣ съ аварами въ 626 г. при императорѣ Иракліи. О такомъ происхожденіи этого акаѳиста говорятъ и историческіе памятники[3]).

Послѣ акаѳиста Божіей Матери, по его образцу составленъ былъ акаѳистъ Іисусу Сладчайшему и многіе другіе. Все новые и новые акаѳисты составляются и въ настоящее время. Между прочимъ, въ 1638, 1698 и 1703 г. въ Кіевѣ и въ 1697 г. въ Могилевѣ появились изданія цѣлыхъ собраній акаѳистовъ и среди нихъ въ Кіевскомъ изданіи 1697 г. и Могилевскомъ 1698 г. помѣщенъ былъ акаѳистъ Гробу Господню и Воскресенію. Вѣроятно, именно этотъ акаѳистъ и имѣется въ виду въ Духовномъ Регламентѣ, какъ „непристойный" на томъ основаніи, что Воскресенію Христову Церковь радуется, а не совершаетъ покаянныхъ моленій[4]).

Объ одномъ изъ такихъ ложныхъ акаѳистовъ Θеофанъ упоминалъ уже однажды въ своихъ отвѣтахъ на „обличеніе" Стефана Яворскаго 1718 года, имѣвшемъ цѣлью преградить Θеофану путь къ архіерейству. Въ этихъ отвѣтахъ Θеофанъ, между прочимъ, говоритъ о Яворскомъ: „Вѣдалъ онъ и видѣлъ, что въ Черниговѣ, кромѣ безчисленныхъ бездѣлицъ, православію противныхъ, доселѣ печатаютъ въ служебникахъ мудрованіе латинское о пресуществленіи, и *акаѳистъ* о томъ же изданъ съ тѣмъ же мудрованіемъ, однакожъ онъ того не запрещалъ"[5]).

---

[1]) Слова и рѣчи *Θеофана Прокоповича*. Спб. 1760, ч. I, стр. 92—93. Ср. *П. Морозова*, Θ. П., какъ писатель, Спб. 1880, стр. 176—178.

[2]) См. *П. Морозова*, стр. 112 и ссылку тамъ на Труды К. Д. А., 1868 г., III, 505—525.

[3]) „Bellum Avaricum" *Георгія Писиды* (610—641), современника и описателя осады 626 г. (О немъ и его сочиненіи см. K. Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2 Aufl. S. 709—712), т. наз „Повѣсть о несѣдальномъ" *(Тріодь Постная*, Суббота Акаѳиста, утро*)* и Пасхальная „Хроника". Авторомъ этого перваго акаѳиста различно считаютъ преп. Романа Сладкопѣвца, Сергія, патріарха Константинопольскаго, современника осады 626 г., либо, вѣроятнѣе всего, названнаго Георгія Писида.

[4]) См. *А. Петровскій*, статья „Акаѳистъ" въ Прав. Бог. Энц. т. I, стлб. 374—381 и указанную тамъ литературу.

[5]) *П. Морозовъ*, Θ. П, какъ писатель, стр. 191. *П. Морозовъ* приводитъ эту цитату изъ статьи проф. *Тихонравова* „Московскіе вольнодумцы начала XVIII ст.". Рус-

Говоря *о новыхъ службахъ и молебнахъ*, Өеофанъ, очевидно, имѣетъ въ виду тѣ, которые введены были въ Русской Церкви въ XVI—XVII вв., особенно въ Малороссіи, по поводу канонизаціи многихъ новыхъ святыхъ и установленія новыхъ праздниковъ[1]).

Пунктъ второй. Во второмъ пунктѣ Өеофанъ выражаетъ пожеланіе, чтобы упомянутые въ первомъ пунктѣ „акаөисты и иныя службы и молебны“ не включались бы въ обязательное общественное богослуженіе („въ соборѣ церковномъ“), „дабы по времени не вошли въ законъ, и совѣсти бы человѣческой не отягощали“. Поводомъ для такого пожеланія могло послужить значительное увеличеніе числа и продолжительности службъ, совершавшихся въ храмахъ XVI—XVII вв., въ противовѣсъ чему сама практика привела къ „многогласію“ и др. способамъ сокращенія богослуженія.

Слѣдуетъ отмѣтить, что указанный Өеофаномъ недостатокъ нерѣдко встрѣчается и въ наши дни: есть храмы, въ которыхъ внѣ всякаго устава введено въ обычай къ литургіи непремѣнно присоединять служеніе молебна, а къ утрени—акаөистовъ[2]).

Пунктъ третій. Въ третьемъ пунктѣ Өеофанъ говоритъ о необходимости „смотрѣть исторіи святыхъ: не суть ли нѣкія от нихъ ложно вымышленныя, сказующыя, чего не было: Или христіанскому православному ученію противныя: или бездѣлныя и смѣху достойныя повѣсти. И таковыя повѣсти обличить, и запрещенію предать, со объявленіемъ лжи во оныхъ обрѣтаемой“. Для примѣра Өеофанъ упоминаетъ житіе Евфросина Псковскаго, содержащее въ себѣ споръ о двоеніи аллилуіа.

Ученіе о томъ, что должно произносить „аллилуіа“ дважды, а не трижды появилось еще въ XIV в. въ немногихъ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, частью принадлежавшихъ Митрополиту Кипріану, и занесенныхъ, повидимому, изъ Сербіи. Оно быстро распространилось и свило себѣ гнѣздо особенно въ Псковѣ. Уже Митрополитъ Фотій въ 1419 г. писалъ псковичамъ свое посланіе[3]), въ которомъ убѣждалъ ихъ: „а еже о аллилуіи на славахъ сице глаголи: „Слава Отцю и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и въ вѣкы вѣкомъ, аминь: аллугіа, аллугія, аллугія, слава тобѣ Боже; аллугіа, аллугія, аллугія, слава тобѣ Боже; аллугіа, аллугія, аллугія, слава тобѣ Боже. Слава и нынѣ“[4]). Однако мнѣніе о необходимости двоить „алли-

---

Вѣстн. 1871, VI, 417, который читалъ возраженіе Өеофана въ рукописи, принадлежавшей покойному П. В. Щапову. Это возраженіе, по словамъ Морозова, еще не напечатано.

[1]) О нихъ см. *А. П. Доброклонскаго*, Руководство по Исторіи Русской Церкви, в. III, 200—202.—*Макарій, М. М.* Исторія Р. Церкви, т. X, стр. 225—227.

[2]) Ср. съ этимъ слова Лютера: „Nullos magis odi, quam eos qui caeremonias liberas et innoxias exturbant et necessitatem ex libertate faciunt“. E. Sehling, Geschichte der protestantischen Kirchenverfassung. Leipzig, 1913, S. 5.

[3]) Ср. *Вл. Алѣевъ*, О Духовномъ Регламентѣ Петра Великаго. Моск. Унив. Изв. 1871 г. кн. 9, стр. 477, п. 2.

[4]) Русская Историческая Библіотека, т. VI, Памятники древне-русскаго каноническаго права. Изд. 2, Спб. 1908, стлб. 403—418.—*Макарій, М. М.*, Исторія Русской Церкви, т. IV, № XXVIII.

[5]) Русская Ист. Библіотека т. VI, стлб. 408.

луіа“ продолжало распространяться. Особенное значеніе въ этомъ спорѣ получило житіе преп. Евфросина Псковскаго (1386—1481), который будто бы ходилъ за указаніями въ Царьградъ, гдѣ и получилъ отъ патріарха Іосифа повелѣніе двоить аллилуіа. Житіе это имѣетъ свою любопытную исторію.

Въ 1551 г. Стоглавый соборъ, основываясь на житіи, узаконилъ двоеніе аллилуіи[1]) и оттуда оно попало даже въ старопечатные уставы, а затѣмъ стало однимъ изъ „догматовъ“ старообрядчества[2]).

Противъ этого укоренившагося заблужденія боролись и соборы 1666—1667 гг.[3]).

На примѣрѣ житія преп. Евфросина и исторіи спора объ аллилуіи, быть можетъ близкаго Өеофану, какъ Псковскому епископу, авторъ Регламента и отмѣчаетъ историческую недостовѣрность многихъ житій святыхъ, заявляя, что невѣжество авторовъ ихъ не позволяетъ „намъ“, т. е. духовенству, особенно высшему, „вымысловъ такихъ терпѣть, и вмѣсто здравой духовной пищи, отраву людемъ представлять. Наипаче, когда простой народъ не можетъ между деснымъ и шуиимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книге написанное, того крѣпко и упрямо держиться“[4]).

Пунктъ четвертый. Въ четвертомъ пунктѣ Өеофанъ настаиваетъ на уничтоженіи суевѣрій, которыя онъ называетъ „вымыслами“, предлагающими „лестный“, т. е. ложный „образъ ко спасенію“.

Суевѣрія—плодъ некультурности и слабаго развитія просвѣщенія, были всегда больнымъ мѣстомъ Русскаго народа и особенно раздражали Петра, который не упускалъ случая осудить ихъ[5]). Начало борьбы съ суевѣріями Русскаго народа, разумѣется, современно принятію имъ христіанства[6]) Рѣзко порицало ихъ духовенство и правительство также и въ ближайшіе къ Петру XVI и XVII вѣка. Такъ, напр., Іоаннъ Грозный обращалъ вниманіе Стоглаваго собора на суевѣрные обычаи народа и потакавшаго ему

---

[1]) „Стоглавъ“, глава 42, 2-е изд. Казань, 1887, стр. 96.

[2]) *Макарій, М. М.*, Исторія Русской Церкви, т. VIII, стр. 129—142. -*Его-же*, Исторія русскаго раскола, изд. 3, Спб. 1889, стр. 34—48.—*И. Серебрянскій*, Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ. М. 1908.—*П. С. Смирновъ*, „Аллилуіа“, статья въ Прав. Бог. Энц. т. I, стлб. 542—548.—*В. О. Ключевскій*, Псковскіе споры. Прав. Обозр. 1872, т. 2—*И. Нильскій*, Къ исторіи споровъ объ аллилуіа, Хр. Чт. 1884, № 5-6.—*Е. Маловъ*, Объ аллилуіа, Прав. Собес. 1891, № 4.—*Е. Е. Голубинскій*, О пѣсни аллилуіа, Бог. Вѣстн. 1842, № 5.-*А. Озерскій*, Выписки изъ старописныхъ и старопечатныхъ книгъ, часть 2-я.

[3]) Дѣянія Московскихъ Соборовъ 1666—1667 гг., изд. 2-е Братства Петра митрополита. М. 1893, соборъ 1666 г. л. 47; соборъ 1667 г л. 2 об., 3, 5 об., 8, 29—31.

[4]) Т. II, Черн. рук. л. 6 об.—Ср. *Вл. Алѣева*, О Духовномъ Регламентѣ Петра В Моск. Унив. Изв. 1871 г. кн. 9, стр. 478.—Объ исторической недостовѣрности нѣкоторыхъ житій святыхъ см. *В. О. Ключевскаго*, Древне-русскія житія, какъ историческій источникъ. М. 1871.—*Н. Барсуковъ*, Источники русской агіографіи.

[5]) См. выше главу II, стр. 59—60.

[6]) См. „Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества“ Спб. 1879, стр. 146—157 и 334—470 главу „Исторія суевѣрія славянъ“.

духовенства класть на престолъ дѣтскія „сорочки“[1]) и мыло, принесенное на освященіе церкви[2]), на почитаніе „пятницы“[3]) и т. д.[4]). Вообще суевѣрія и другія языческія переживанія упорно держались и даже доселѣ держатся въ народѣ[5]). Естественно, поэтому, что Ѳеофанъ обратилъ на нихъ свое вниманіе въ Духовномъ Регламентѣ.

Для примѣра Ѳеофанъ упоминаетъ: 1) объ особомъ почитаніи „пятницы“; 2) объ особомъ почитаніи нѣкоторыхъ церковныхъ службъ въ отличіе отъ другихъ; 3) о сохранявшемся въ Кіевопечерскомъ монастырѣ преданіи, что погребенный тамъ человѣкъ спасется, хотя бы и умеръ безъ покаянія.

Почитаніе пятницы. Почитаніе пятницы, какъ дня крестныхъ страданій Спасителя, ведетъ свое начало съ первыхъ вѣковъ христіанства[6]) и очень укрѣпилось въ Русскомъ народѣ. Еще въ XI в. преп. Ѳеодосій Печерскій, въ письмѣ къ в. кн. Изяславу, совѣтовалъ почитать пятницу, такъ какъ „въ пятокъ жидове распяша Господа“. Вопросъ о разрѣшеніи поста въ пятницу, если на нее падаетъ одинъ изъ большихъ праздниковъ, вызвалъ на Руси большія волненія, кончившіяся созваніемъ собора 1168 г., который разрѣшилъ постъ въ пятницу для праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія[7]). Почитаніе пятницы вело къ представленію о ней, какъ днѣ праздничномъ, почему самыя необходимыя работы въ пятницу признавались тяжкимъ грѣхомъ[8]).

---

[1]) „Стоглавъ“, гл. 41 вопр. 2 (изд. 2, Казань 1887, стр. 79): „Иная убо творятся въ простой чади въ миру. Дѣти родятся въ сорочкахъ и тѣ сорочки приносятъ къ попомъ и велятъ ихъ класти на престолъ до шти недѣль“.

[2]) Ibidem, вопр. 3 (стр. 80): „Да на освящение церкви миряне приносятъ мыло и велятъ священникомъ на престолѣ держати до шти недѣль“.

[3]) Ibidem, вопр. 21 (стр. 87—89).

[4]) О пережиткахъ язычества см. „Стоглавъ“ изд. 2, Казань 1887, стр. 89—92. 182—188.

[5]) См. „Къ исторіи борьбы съ церковными безпорядками, отголосками язычества въ русскомъ быту XVII в.“: „Челобитная нижегородскихъ священниковъ 1636 г. въ связи съ первоначальной дѣятельностью Ивана Неронова“. Текстъ и объясненія сообщилъ *Н. В. Рождественскій.* Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1902, кн. II, Смѣсь, стр. 1—31.—*Н. Ѳ. Сумцовъ,* Культурныя переживанія. Изд. журнала „Кіевская Старина“ Кіевъ 1890.—*И. Снѣгиревъ.* Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837—1839.—*И. Щуровъ,* Календарь народныхъ примѣтъ, обычаевъ и повѣрьевъ на Руси. Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1867, IV, 175—204—*С. В Максимовъ,* Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Спб. 1903 (изданіе Этнографическаго Бюро кн. В. Н. Тенишева).—*Макарій М. М.,* Исторія Р. Ц. т. I, 206 и сл.; III, 258 и сл.; V, 279 и сл.; VI, 317 и сл.—*Е. Е. Голубинскій,* И. Р. Ц. I, 2 пол., 852 и слѣд.

[6]) *Прот. Г. С. Дебольскій,* Дни богослуженія православной Церкви, изд. 8. Спб. 1887, т. II, стр. 310, гдѣ онъ ссылается на *Тертулліана,* О постѣ и молитвѣ, XIV; *Климента Александрійскаго,* Stromata, VII; *Оригена,* въ бесѣдѣ на книгу Бытія; *Евсевія,* Жизнь Константина, книга IV, 18; *Амвросія Медіоланскаго,* слово VIII на 18 Псаломъ, VI.—Ср. *Петра Александрійскаго,* правило 15.

[7]) *П. В. Знаменскій,* Учебное руководство по Исторіи Русской Церкви, Изд. 2, стр. 54—55.

[8]) „Пятница, т. е. пятый день недѣльный, пятокъ. Ежели кто въ сей день и понедѣльникъ что-нибудь предпринимаетъ, то успѣха будто бы изъ того ожидать не должно;

Почитаніе пятницы, какъ дня недѣли, нерѣдко связывалось съ почитаніемъ св. мученицы Параскевы (Παρασκεύη - пятница), почему пятница олицетворялась и, по выраженію Ѳеофана Прокоповича, могла „гнѣваться на непразднующихъ, и съ великимь на оныхъ угроженіемъ наступать"[1]).

Кромѣ почитанія пятницы вообще, извѣстно было на Руси, да и доселѣ сохраняется нѣкоторыми, почитаніе, т. наз., *именныхъ*, т. е. опредѣленныхъ 12 пятницъ въ году[2]), по поводу которыхъ существуютъ народныя

въ этотъ день прясть и шить почитаютъ бабы за грѣхъ и ожидаютъ въ наказаніе или ногтоѣды злой, или заусенницы неизлѣчимой". См. Преданія о народныхъ русскихъ суевѣріяхъ, повѣріяхъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ. Заимствовано изъ „Словаря русскихъ суевѣрій" *М. Чулкова*, изд. въ 1782 г. М. 1879, стр. 87.—Ср. Церковный словарь *П. Алексѣева*, ч. II, стр. 410—411. Спб. 1794.

1) Черн. рук. л. 6 об. п. 4.

2) *С. В. Максимовъ* въ своей книгѣ „Нечистая, невѣдомая и крестная сила", Спб. 1903 г., на стр. 510—512, подъ заглавіемъ „Двѣнадцать пятницъ" слѣдующимъ образомъ излагаетъ распространенное въ русскомъ народѣ апокрифическое „*Поученіе иже во святыхъ отца нашего Климента, папы Рымскаго о дванадесятницахъ*" (о двѣнадцати пятницахъ). „*1-я Пятница*—на первой недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ внезапной смерти не умретъ. *2-я Пятница*—передъ Благовѣщеніемъ (въ эту пятницу Каинъ убилъ Авеля). Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ напраснаго убійства избавленъ будетъ (по другимъ спискамъ: тотъ до убожества великаго не дойдетъ и отъ меча сохраненъ будетъ). *3-я Пятница*—на страстной недѣлѣ великаго поста. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ разбойниковъ сохраненъ будетъ (варіантъ: отъ мученія вѣчнаго и отъ нечистаго духа сохраненъ будетъ). *4-я Пятница*—передъ Вознесеніемъ Христовымъ, когда погубилъ Господь Содомъ и Гоморру. Кто въ эту пятницу постится, тотъ безъ Св. Таинъ Христовыхъ не умретъ и отъ великаго недостатка сохраненъ будетъ. *5-я Пятница*—передъ сошествіемъ Св. Духа. Кто сію пятницу постится, тотъ отъ потопленія избавленъ будетъ (варіантъ: тотъ при кончинѣ жизни смерть свою узритъ и отъ смертныхъ грѣховъ сохраненъ будетъ). *6-я Пятница*—передъ днемъ св. Іоанна Предтечи. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ сохраненъ будетъ отъ сухоты и трясавицъ (лихорадокъ). *7-я Пятница*—передъ днемъ прор. Исаіи. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ грома, молніи, града и голода сохраненъ будетъ. *8-я Пятница*—передъ Успеніемъ Пресвятой Богородицы (когда Моисей, на горѣ Синайской, принялъ законъ). Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ, предъ смертію своей, Богородицу узритъ. *9-я Пятница*—передъ днемъ Косьмы и Даміана. Кто сію пятницу постится, тотъ человѣкъ отъ великаго грѣхопаденія сохраненъ будетъ. *10-я Пятница*—предъ днемъ Архангела Михаила. Кто сію пятницу постится, душа того человѣка чрезъ огненную рѣку перенесется. *11-я Пятница* передъ Рождествомъ Христовымъ (когда 14 тысячъ младенцевъ, отъ царя Ирода, въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ, убіены были). Кто сію пятницу постится, имя того человѣка будетъ записано у самой Пресвятой Богородицы на престолѣ. *12-я Пятница*—передъ Богоявленіемъ. Кто сію пятницу постится, имя того человѣка въ книгахъ животныхъ записано будетъ. Кто же эти „пятницы", которыя столь щедрой рукой раздаютъ постящимся въ ихъ честь разнообразные дары и милости? По понятіямъ народа, это живыя существа, къ которымъ можно обращаться съ молитвой и прошеніями. Существа эти, въ изображеніи крестьянъ, рисуются въ видѣ дѣвицъ, при чемъ 10-я пятница считается самой старшей: вмѣстѣ съ 9-й пятницей она приноситъ Богу всѣ наши молитвы прежде всѣхъ другихъ пятницъ, такъ какъ стоитъ ближе къ Богу, а равно и къ святымъ его угодникамъ и Богородицѣ". Далѣе приводятся доказательства олицетворенія пятницъ (стр. 512—515), а въ слѣдующей главѣ говорится о томъ, что всѣ повѣрья, существующія на счетъ Пятницы относятся народомъ и къ лицу св. мученицы Параскевы, нареченной Пятницы (стр. 516—518).

сказанія и цѣлая литература. Почитаніе пятницы извѣстно и на западѣ Европы[1]).

Само собою разумѣется, что къ искорененію суевѣрнаго почитанія пятницы принимались мѣры и до XVIII в. Такъ, напр., Іоаннъ Грозный внесъ на Стоглавый соборъ вопросъ 21-й: „Да по погостомъ и по селомъ и по волостемъ ходятъ лживые пророки мужики и жонки и дѣвки и старыя бабы наги и босы и волосы отрастивъ и распустя трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются святая пятница и святая Анастасія и велятъ имъ заповѣдати хрестьяномъ каноны завѣчивати. Они же заповѣдаютъ крестьяномъ въ среду и въ пятницу ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти и платья не мыти и каменья не разжигати и иные заповѣдаютъ бого мерзкие дѣла творити кромѣ божественныхъ писаній. что тѣмъ нагимъ и босымъ и лживымъ пророкамъ путь (чтобы—не быть). чтобы миру не соблажняли". Соборъ отвѣтилъ строгимъ повелѣніемъ, чтобы „въ среду и въ пятокъ не токмо постилися и чисто жили, но и всякими дѣлы тружалися въ славу Божію по своей силѣ"[2]).

Почитаніе нѣкоторыхъ службъ. Далѣе Ѳеофанъ указываетъ на необходимость разысканія и искорененія „ведущаго въ недобрую практику" обычая почитать преимущественно предъ всѣми другими церковными службами обѣдню въ день Благовѣщенія, Пасхальную утреню и вечерню въ праздникъ Пятидесятницы. Въ самомъ дѣлѣ богослуженіямъ въ эти исключительные праздничные дни нашъ народъ приписывалъ всегда особое значеніе, нерѣдко пріурочивая къ нимъ примѣты и суевѣрные обычаи. Такъ, напр., „благовѣщенская просфора" считается чудодѣйственной для урожая. Крошки ея примѣшиваются къ сѣменамъ при посѣвѣ, къ корму рабочаго скота и проч., поэтому „въ русскихъ церквахъ ни въ одинъ изъ годовыхъ или двунадесятыхъ праздниковъ не продается такого количества просфоръ. Каждый полагаетъ своею обязанностью запастись хотя бы однимъ такимъ священнымъ хлѣбцемъ[3]), почему и старается не пропустить обѣдню въ день Благовѣщенія.

---

[1]) См. *Порфирьевъ*, О почитаніи среды и пятницы въ древнемъ Русскомъ народѣ (Прав. Собес., 1859, № 1).—*Дж. Питрэ*, Письмо къ А. Веселовскому о почитаніи пятницы (Ж. М. Н. П. 1876, № 1).—*А. Веселовскій*, Опыты по исторіи развитія христіанской легенды (Ж. М. Н. П. 1876, № 1—4. 6; 1877, № 2).—*И. Ю. Некрасовъ*, Замѣчанія по поводу русскаго народнаго сказанія о 12 пятницахъ (Филолог. Записки, 1870, в. 3).—„Пятница въ народномъ почитаніи" (Прав. Вѣстн. 1894, № 191—194.—*Сумцовъ*, Очерки по исторіи южно-русскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ (Кіев. Старина, 1887, № 11).—*Афанасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія славянскаго народа, М. 1865—1869.—*Безсоновъ*, Калики перехожіе, т. VI.—*Снегиревъ*, Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837 -1839, в. I—IV подъ словомъ „пятница".—„Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества". Спб. 1879, стр. 147. 382 и др.

[2]) „Стоглавъ", 2 изд. Казань, 1887, стр. 87—88.

[3]) *С. В. Максимовъ*, Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Спб. 1903, стр. 386. О Благовѣщеніи вообще см. стр. 384—388.

Пасхальная утреня соединяется, напр., съ такими примѣтами: „хозяйки наблюдаютъ: какая скотина въ это время лежитъ смирно—та ко двору, а которая гомозится и ворочается—та не ко двору"[1]) и т. д.

Особенное значеніе придается народомъ и Троицыму и Духову и др.[2])

Погребеніе въ Кіевопечерскомъ монастырѣ. Въ заключеніе 4-го пункта Ѳеофанъ указываетъ на преданіе Кіевопечерскаго монастыря, по которому „погребенный тамо человѣкъ, хотя бы и без покаянія умерлъ, спасенъ будетъ".

Основаніе для себя Ѳеофанъ дѣйствительно имѣлъ въ слѣдующихъ словахъ „*Сказанія Симона, епископа Владимерьскаго и Суждальскаго, о святыхъ черноризцехъ Печерьскыхъ*": „Явися имъ (Пимену и Онисифору) святый Антоній, глаголя:.... всякъ, положенный здѣ, помилованъ будетъ, аще и грѣшенъ есть.... Господь же рече ми: тебѣ ради и иже сущихъ с тобою помилую и спасу грѣшника; аще здѣ постигнетъ умрети, в покои будетъ"[3]).

Пунктъ пятый. Продолжая дальше указаніе вещей, требующихъ исправленія, Ѳеофанъ въ пятомъ пунктѣ обращаетъ вниманіе на непотребныя и вредныя *церемоніи,* или обряды и приводитъ два примѣра, изъ которыхъ одинъ связанъ съ почитаніемъ пятницы (см. выше) — „в малой Россіи, в полку стародубскомъ, в день уреченный праздничный, водятъ жонку простовласую подъ именемъ пятницы, а водятъ в ходѣ церковномъ и при церкви честь оной отдаетъ народъ, съ дары, и со упованіемъ нѣкоей ползы"; а другой самостоятельный: „попы с народомъ молебствуютъ пред дубомъ[4]), и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ въ благословеніе". Ѳеофанъ предлагаетъ — „розыскать бы, такъ ли дѣется и вѣдаютъ ли о семъ мѣстъ оныхъ епископи. Аще бо сія, и симъ подобныя обрѣтаются, ведутъ людей в явное и стыдное идолослуженіе".

Пунктъ шестой. Въ шестомъ пунктѣ Ѳеофанъ предлагаетъ разыскивать, нѣтъ ли гдѣ въ Россіи ложныхъ мощей.

Для иллюстраціи Ѳеофанъ ссылается на примѣры ложныхъ мощей у католиковъ. Интересно, что въ данномъ мѣстѣ Духовнаго Регламента онъ почти дословно повторяетъ то, что было имъ сказано еще въ курсѣ

---

[1]) Ibidem, 414. О Пасхѣ вообще см. 395—420.

[2]) *Снегиревъ,* Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837 - 1839 в. I—IV. См. слова: Духовъ день, Троицынъ день, Свѣтлая седмица.

[3]) Патерикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря. Изд. Имп. Арх. Ком. Спб. 1911, стр. 77—78.—Ср. печатное изданіе 1702 г. (декабрь) лл. 14 об. 17 и 19. Настоящей справкой мы обязаны *проф. Д. И. Абрамовичу,* которому и считаемъ своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь нашу глубокую благодарность. — Въ словахъ Ѳеофана о единомъ братѣ, „да не соблазнится той" (т. II, Черн. р. Д. Р. л. 6 об.) заключается перифразъ Мѳ. 5, 19; 18, 6. 7 и Лк. 15, 3—10.

[4]) О почитаніи деревьевъ, особенно дубовъ см. у *Снегирева,* Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды в. I—IV, М. 1837—1839 (подъ словомъ „деревамъ поклоненіе"; „дуброва заповѣдная").

Богословія, частнѣе въ трактатѣ объ исхожденіи Св. Духа[1]). Здѣсь Ѳеофанъ, между прочимъ, разбираетъ одно возраженіе іезуитовъ, именно — указаніе на то, что католическая церковь обладаетъ значительнымъ количествомъ святыхъ и разнаго рода реликвій „Это правда“, говорилъ Ѳеофанъ, — „реликвій у нихъ даже слишкомъ много; но въ дѣйствительность ихъ пусть вѣритъ кто угодно, только не я“. И далѣе приводитъ примѣры ложныхъ мощей. „Тѣло первомученника Стефана находится въ Венеціи; но то же самое тѣло есть и въ Римѣ; тѣло Діонисія Ареопагита съ головою — въ Регенсбургѣ, а одна голова — въ Галліи. Голова св. Іоанна Златоуста показывается въ Римѣ въ Ватиканской базиликѣ; но голову того же святаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ монахи аѳонскаго Ватопедскаго монастыря принесли въ Москву, за что и получаютъ донынѣ опредѣленное подаяніе“... и т. д.[2]).

Судя по послѣднимъ словамъ этого 6-го пункта: „смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ таковаго бездѣлія“, можно думать, что о существованіи ложныхъ мощей и вообще святынь въ Россіи Ѳеофанъ не зналъ навѣрно, или постѣснился привести отечественные примѣры, чтобы самому не ввести читателя въ соблазнъ. Между тѣмъ ложныя мощи у насъ несомнѣнно были, какъ можно судить по книгѣ *проф. Н. Ѳ. Каптерева* „Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII ст.“, изд. 2, Сергіевъ Посадъ, 1914 г., гдѣ есть даже особая глава III „Перенесеніе въ Москву святыни съ православнаго Востока“, въ которой разсказываются поразительные случаи покупки и продажи святынь, достовѣрность коихъ была болѣе, чѣмъ сомнительна. Между тѣмъ въ нихъ ощущалась большая потребность, ибо „мощи и другая святыня необходимы были для процвѣтанія каждаго монастыря, популярность котораго въ народѣ зависѣла прямо отъ количества, качества и степени популярности находящейся въ немъ святыни. Поэтому каждый монастырь всегда усиленно старался раздобыться какою либо видною и цѣнною святынею, чтобы привлечь къ себѣ возможно болѣе богомольцевъ, — иначе у монастыря не было будущности“ (стр. 61—62[3]).

Но мало этого, еще въ древней Руси началась и борьба съ ложной святыней. Такъ, напр., Большой соборъ 1667 г., между прочимъ, заповѣдалъ: „такожде и нетлѣнныхъ тѣлесъ обрѣтающихся въ нынѣшнемъ времени да не дерзаете кромѣ достовѣрнаго свидѣтельства и соборнаго пове-

---

[1]) Библіографическія замѣчанія объ этомъ курсѣ, см. у *П. Морозова,* стр. 124, примѣчаніе 1.

[2]) Этотъ трактатъ впервые изданъ Дамаскиномъ Семеновымъ—Рудневымъ въ Готѣ, 1772 г., а затѣмъ перепечатанъ въ Лейпцигскомъ изданіи Богословія, т. I, стр. 823—1232. По свидѣтельству издателя, говоритъ *П. Морозовъ* (стр. 135, прим. 2), трактатъ этотъ написанъ около 1714 г. Цитату см. у *Морозова,* стр, 138.

[3]) Ср. *Е. Е. Голубинскаго,* Исторія канонизаціи святыхъ Русской Церкви. М. 1903.—О ложныхъ реликвіяхъ въ Италіи см. Tondini, Règlement ecclésiastique de Pierre le Grand, Paris 1874, p. 41—43.

пѣнія во святыхъ почитати: зане обрѣтаются многая тѣлеса цѣла и нетлѣнна, не отъ святости: но яко отлученна и подъ клятвою архіерейскою и іерейскою суще умроша, или за преступленіе божественныхъ и священныхъ правилъ и закона, цѣли и не разрѣшимы бываютъ. А кого во святыхъ хощете почитати: о таковыхъ обрѣтающихся тѣлесѣхъ, достоитъ всячески испытати, и свидѣтелствовати достовѣрными свидѣтелствы, предъ великимъ и совершеннымъ соборомъ архіерейскимъ"[1]).

Совершенно въ духѣ этого опредѣленія Собора 1667 г. встрѣчаются фразы и въ 6-мъ добавочномъ пунктѣ къ Архіерейской присягѣ 1716 г., гдѣ епископъ обѣщается „смотрить" и „запрещать", „дабы невѣдомых *і от церкви несвидѣтелствованых* гробов за святыню не почиталі"[2]). Очевидно, что этотъ, именно, пунктъ Архіерейской присяги и послужилъ поводомъ и источникомъ для 6-го пункта Духовнаго Регламента.

Въ дополненіе къ сказанному любопытно отмѣтить, что самаго нетлѣнія мощей Ѳеофанъ здѣсь не могъ отрицать и не отрицаетъ. Напротивъ, ему принадлежитъ даже цѣлое сочиненіе, переиздаваемое Типографіей Кіево-Печерской Лавры и теперь[3]), подъ заглавіемъ: „Разсужденіе о нетлѣніи мощей св. угодниковъ Божіихъ, въ Кіевскихъ пещерахъ, нетлѣнно почивающихъ, то-есть: что оныя честныя мощи не естественными причинами, и не человѣческимъ искусствомъ, но единственно Божескою вышеестественною силою отъ истлѣнія сохранены и доселѣ сохраняются, въ которомъ совокупно предлагаются противническія на то возраженія съ твердымъ и яснымъ оныхъ опроверженіемъ, дабы чрезъ то оправдать воздаваемое отъ Христіанъ святымъ мощамъ почитаніе". Кромѣ этого, Ѳеофаномъ написана „Апологія православной вѣры", служащая отвѣтомъ на богословско-полемическое посланіе лютеранскихъ богослововъ изъ Кенигсберга къ Кіево-Печерскому монаху Михаилу Шію. Въ этой „Апологіи" онъ также защищаетъ истинныя чудеса и мощи[4]).

Пунктъ седьмой. Въ седьмомъ пунктѣ Ѳеофанъ указываетъ на обязанность наблюдать за тѣмъ, „что во обѣщаніи поставляемыхъ епископовъ написано". Такимъ образомъ Ѳеофанъ прямо ссылается на свой источникъ, т. е. 6-й дополнительный пунктъ къ Архіерейской присягѣ 1716 г., въ которомъ епископъ обѣщался смотрѣть, „дабы святыхъ икон не боготворили и имъ ложных чудес не вымышляли, *отчего противным способ[...]ается к поношенію на пъравославных,* но почитали бы оныя по разуму святые православно каѳолическія церкви[5]).

[1]) „Дѣянія московскихъ соборовъ 1666 и 1667" гг. 2 изданіе „Братства Петра Митрополита", М. 1893, л. 8-8 об.—*П. Шаровъ*, Большой московскій соборъ 1666—1667 гг. Кіевъ 1895, стр. 145 (изъ „Трудовъ К. Д. А." за 1895 г. кн. I. 23—85; II, 176—222; IV, 517—553; VI 171—222).

[2]) Т. II, отд. II, № 5 лит. Б, п. 6.

[3]) Въ моихъ рукахъ изд. 7-е Кіевъ, 1905.

[4]) Объ этихъ сочиненіяхъ см. *П. Морозова*, Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. Спб. 1880, стр. 148—150.

[5]) Т. II, отд. II, лит. Б, п. 6.

Если принять во вниманіе, что проектъ дополнительныхъ пунктовъ къ Архіерейской присягѣ былъ набросанъ самимъ Петромъ, а затѣмъ и черновикъ ихъ имъ собственноручно исправленъ, въ томъ числѣ вписаны были и подчеркнутыя выше слова, то станетъ яснымъ отъ кого велъ свое происхожденіе разбираемый 7 ой пунктъ Духовнаго Регламента[1]).

Пунктъ восьмой. Въ слѣдующемъ пунктѣ Өеофанъ, собственно, продолжаетъ свою мысль объ иконахъ, и указываетъ на необходимость наблюдать, чтобы впредь, для матеріальной помощи убогимъ церквамъ или для построенія новыхъ, архіереи не велѣли отыскивать какъ бы явленныхъ въ пустыни или при источникѣ иконъ, за самое обрѣтеніе объявляя ихъ чудотворными.

Любопытно подчеркнуть неувѣренность Өеофана въ указаніи этого злоупотребленія. Онъ говоритъ: „еще сіе наблюдать, чтоб, *какъ дѣялось*, въпредь бы того не было“, но затѣмъ продолжаетъ: „понеже *сказуютъ*“ и проч. Затруднительно сказать, имѣлъ ли Өеофанъ реальныя основанія для своихъ словъ.

Пунктъ девятый. Въ девятомъ пунктѣ Өеофанъ обращаетъ вниманіе на необходимость уничтожить „худый и вредный и весьма богопротивный обычай службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня, на части разобранна вдругъ от многихъ поется, и два или три молебны вдруг же от многихъ пѣвчихъ и четцовъ совершаются. Сіе, — прибавляетъ Өеофанъ, — здѣлалось от лѣности клира и вошло во обычай“.

Многогласіе было дѣйствительно тяжелымъ недугомъ древней Руси, съ которымъ давно уже боролось правительство[2]). Однако, какъ увидимъ ниже, иниціатива борьбы исходила отъ свѣтскаго правительства, а духовное, даже высшее, какъ это ни странно, иногда оказывало ему свое противодѣйствіе.

Въ XVI в. против многогласія выступилъ Іоаннъ Грозный въ своемъ 22 вопросѣ Стоглавому собору. „Да попы жъ по своимъ церквамъ,—говорилъ онъ, — поютъ безчинно вдвое и втрое. а миряне въ тѣ жъ поры промежъ себя глумленіе и всякіе рѣчи говорятъ праздные. ино обое погибельно. и пастырие и овцы вкупѣ заблудиша и погибоша“[3]). Въ отвѣтъ на это соборъ постановилъ: „все по уставу творити. славословіе пѣти и катавасии на сходехъ пѣти же. а на заутреняхъ бы и на вечерняхъ говорили псалмы и псалтырю тихо и неспѣшно со всякимъ вниманиемъ. такоже бы тропари и сѣдальны сказывали по чину и неспѣшно. и потомъ чли

---

[1]) Прекрасной иллюстраціей къ 7-му пункту служитъ проповѣдь самого Өеофана отъ 10 марта 1717 г. „о почитаніи св. Іконъ“. Слова и Рѣчи. Спб. 1760, ч. I, стр. 75-95.

[2]) *А. П. Доброклонскій*, Руководство по Исторіи Русской Церкви, в. 3, М. 1889 стр 202—206. — *А. В. Преображенскій*, Вопросъ о единогласномъ пѣніи въ Русской Церкви XVII-го вѣка. Истор. свѣдѣнія и письм. памятники. Петроградъ 1904 (въ серіи „Памятниковъ древней письменности и искусства“ вып. 155).

[3]) „Стоглавъ“, 2-е изд. Казань, 1887, стр. 33.

бы. а вдругъ бы псалмовъ и псалтыри не говорили. такоже бы и каноновъ вдругъ не канархали и не говорили по два вмѣстѣ, занеже то въ нашемъ православіи велико безчинство и грѣхъ тако творити. святыми отцы отречено бысть"[1]). Однако это постановленіе плохо соблюдалось, потому что при патріархѣ Гермогенѣ, по его собственному свидѣтельству, церковныя службы отправлялись голоса въ 2 и въ 3 и въ 4, а иногда и въ 5 и въ 6. Вѣроятно, обычай этотъ такъ сильно укоренился, что борьба противъ него являлась безплодною и потому патріархъ Іоасафъ нашелъ возможнымъ дозволить говорить „голоса въ два, а по нуждѣ и въ три"[2]).

Особенно распространено было многогласіе при патріархѣ Іосифѣ, когда съ другой стороны стали появляться первые проблески реформы. Кружокъ царскаго духовника прот. Стефана Вонифатьева, къ которому принадлежалъ архимандритъ Новоспасскаго монастыря (впослѣдствіи патріархъ) Никонъ, окольничій Ѳ. М. Ртищевъ и др. „первѣе уставиша въ своихъ домѣхъ единогласное и согласное пѣніе, таже потщашася и благочестиваго царя молити, дабы утвердилъ благочинное въ церквахъ правило, еже-бы въ одинъ гласъ, а не во многія пѣти"[3]). Алексѣй Михайловичъ внялъ ихъ просьбамъ, которыя вполнѣ соотвѣтствовали его собственнымъ взглядамъ. Но патріархъ Іосифъ сталъ противиться реформѣ, предпочитая лучше все оставить по старому. Онъ и его сторонники отстаивали при этомъ то мнѣніе, что церковныя службы во всей точности, по уставу, должны быть совершаемы только въ монастыряхъ: „въ монастырѣхъ, рекуще, подобаетъ пѣнію благочинному быти, а не въ мірскихъ церквахъ" и въ оправданіе свое говорили: „аще и во многіе гласы — *токмо бы проговорено*"[4]).

Въ виду подобнаго разногласія во взглядахъ, царь Алексѣй Михайловичъ „указалъ 11 февраля 1649 г. быть патріарху и всему освященному собору у государя въ средней"[5]), т. е. указалъ быть собору по вопросу о многогласіи въ церковныхъ службахъ. Какъ видно изъ дѣянія этого собора[6]), послѣдній исходилъ изъ того положенія, что въ Москвѣ завелись какіе то новые порядки, а „изстари преж сево при митрополитехъ и святѣйшихъ патриархех по мірскимъ церквам не бывало и о томъ в царствующемъ градѣ Москвѣ учинилась молва великая і всякихъ чиновъ православние людие от церквей Божиих учали отлучатися за долгимъ и безвременным пѣнием"[7]).

---

[1]) Стоглавъ, стр. 52.

[2]) *С. А. Бѣлокуровъ*, Изъ духовной жизни московскаго общества XVII в. Изд. И. О. И. и др. Р. М. 1903, стр. 39.

[3]) Ibidem, стр. 41. [4]) Ibidem, стр. 41—42. [5]) Ibidem, стр. 33.

[6]) Это дѣяніе найдено и опубликовано *С. А. Бѣлокуровымъ* изъ богатой содержаніемъ статьи котораго „Дѣяніе М. церковнаго собора 1649 г." въ его сборникѣ: „Изъ духовной жизни московскаго общества" XVIII в. Изд. И. О. И. и Др. Р. М. 1903, мы заимствуемъ лишь нѣкоторыя свѣдѣнія.

[7]) Ibidem, 35—36.

Такимъ образомъ свѣтское и духовное правительство оказалось въ безвыходномъ положеніи: съ одной стороны считалось несомнѣнно необходимымъ совершать богослуженіе во всѣхъ церквахъ по уставу *безъ малѣйшихъ пропусковъ,* не сообразуясь съ тѣмъ, что наши богослужебные уставы были въ сущности *монастырскаго* происхожденія и не были разсчитаны на приходскія церкви[1]); съ другой же стороны это требовало такъ много времени, что, при единогласіи, вызывало ропотъ народа, покидавшаго храмы „за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ". Очевидно, что выходъ могъ быть двоякій. Слѣдовало передѣлать церковный Уставъ. Но это было бы посягательствомъ на церковный порядокъ, посягательствомъ невозможнымъ не только для психологіи нашихъ предковъ, но и для психологіи современнаго духовенства, которое по существу разсматриваемаго вопроса тоже вѣдь еще не рѣшило[2]). Или слѣдовало допустить многогласіе, хотя бы и вопреки слову Апостола Павла: все должно быть благопристойно и чинно (I Кор. XIV, 40). Соборъ 1649 г. дѣйствительно и постановилъ послѣднее: „И святѣйшій Іосифъ патріархъ московскиі і всеа Русиі... со всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣтовали и уложили: какъ было при прежних святителех митрополитехъ и патриархех по всѣмъ приходскимъ церквам божественной службе быти по прежнему, а вновь ничего не всчинати. А сверхъ сего уложенья и приговору какъ великиі государь, царь и великиі князь Алексѣй Михайлович всеа Русиі изволитъ и повелитъ"[3]). И въ самомъ дѣлѣ Алексѣй Михайловичъ не согласился съ Соборомъ, который былъ такъ настроенъ противъ Стефана Вонифатьева, Неронова, Никона и др., не подписавшихъ его дѣянія, что подалъ даже царю особую челобитную на прот. Стефана[4]).

Тогда обратились за рѣшеніемъ разногласія къ Константинопольскому патріарху Парѳенію, который въ грамотѣ отъ 16 Августа 1650 г. изложилъ „соборные отвѣты", именно, что единогласіе должно быть и не только въ монастыряхъ, но и въ приходскихъ церквахъ. Въ виду этого 9 февраля слѣдующаго 1651 г. состоялся новый соборъ, который и постановилъ рѣшеніе, обратное первому, т. е. въ пользу единогласія. Дѣятельное уча-

[1]) Объ Уставѣ см. *И. Мансветовъ,* Церковный уставъ (типикъ), его образованіе и судьба въ греческой и русской Церкви. М. 1885.—*П. Лебедевъ,* Наука о богослуженіи Прав. Церкви, ч. I М. 1890.—То же *Епифанія Нестеровскаго,* ч. I, Курскъ 1895 и др.

[2]) Въ настоящее время церковное богослуженіе совершается по тому же уставу и, конечно, единогласно, но съ произвольными, иногда безсмысленными сокращеніями и перебоями, вслѣдствіе чего богослуженіе бываетъ, порою, еще менѣе понятнымъ для молящихся, еще болѣе механическимъ, и тѣмъ не менѣе рѣдко выстаивается прихожанами съ начала до конца. Слѣдовало бы вновь пересмотрѣть Уставъ и сообразовать его съ потребностями времени, но этимъ почему то не считаютъ нужнымъ заняться, не смотря на постоянныя жалобы въ печати. Болѣе подробное обсужденіе этого вопроса см. въ *моей* статьѣ „Упадокъ религіозной общительности (Почему наши храмы пустуютъ?" Церк. Правда № 8. 1914 года.

[3]) *С. А. Бѣлокуровъ,* назв. статья, стр. 36—37.

[4]) Ibidem, стр. 42—44.

стіе въ этомъ рѣшеніи принялъ самъ Алексѣй Михайловичъ, отъ котораго сохранилась черновая записка, „о какихъ дѣлахъ говорити бояромъ". Въ ней первымъ пунктомъ стоялъ вопросъ „О единогласномъ пѣниі в святей Божіей церкви в монастырех и в соборех и в мире Едина вѣра и едино крещение и единъ Богъ и Господь" [1]).

„За единогласіе,—заключаетъ свою статью С. А. Бѣлокуровъ,—стояла теперь не одна только „братія", оно имѣло на своей сторонѣ и постановленіе собора Русской Церкви. Благодаря этому оно понемногу и ввелось въ Церкви" [2]). — Понемногу, но далеко не сразу и постановленія собора 1651 г. оказалось все-таки мало. Настоянія на единогласіи встрѣчаемъ и въ дѣяніяхъ соборовъ 1666 — 1667 г. Соборъ 1666 г. предписывалъ „приходцкимъ священником и прочиимъ всѣмъ по ним исправляти церковное всеславословіе, чинно и немятежно, и единогласно, и гласовное пѣніе пѣти на рѣчь" [3]). То же подтвердилъ и соборъ 1667 г.[4]), а за нимъ и п. Адріанъ въ своей Инструкціи поповскимъ старостамъ 26 декабря 1697 г.[5]) Но, вѣроятно, и этихъ постановленій было мало, если въ 1718—1719 г.г. Ѳеофанъ Прокоповичъ вновь отмѣчаетъ, какъ укоренившійся „худый и вредный и весьма богопротивный обычай службы церковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть" [6]).

Пунктъ десятый. Въ десятомъ пунктѣ Ѳеофанъ отмѣчаетъ и еще одно „вельми срамное" обыкновеніе: „молитвы людемъ далече отстоящим, чрезъ посланниковъ ихъ, в шапку давать". По словамъ Е. Е. Голубинскаго, это обыкновеніе не вывелось и до настоящаго времени[7]). Повидимому, оно имѣетъ связь съ вѣрою въ магическую силу молитвы[8]) и аналогично заклинанію или заговору.

II-ая часть общихъ дѣлъ.

Положительныя указанія. Второй видъ общихъ дѣлъ по Ѳеофану состоитъ въ томъ, чтобы „осмотрѣть, есть ли у насъ доволное ко исправленію христіанскому ученіе?"[9]).

На свой вопросъ Ѳеофанъ отвѣчаетъ отрицательно по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) „Современные законы и завѣты ко спасенію нашему нуждныя" дѣйствительно содержатся въ Св. Писаніи (при этомъ Ѳеофанъ

---

[1]) Ibidem, 45-48. [2]) Ibidem, стр. 52.

[3]) Дѣянія моск. соборовъ 1666—1667 г. 2-е изд. М. 1893, л. 38. 46.—*П. Шаровъ* Большой м. соборъ 1666—1667 гг. Кіевъ, стр. 135 (изъ „Трудовъ К. Д. А.").

[4]) Ibidem, л. 5 об. [5]) П. С. З. III, 1612, п. 1.

[6]) Черн. рук. Д. Р. л. 7 об.

[7]) „Досvнодальныя молитвы въ шапку и теперь есть". *Е. Е. Голубинскій*, О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви. М. 1913, стр. 74 прим. 1 (см. въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. за 1913 г. кн. 3). Ср. мнѣніе М. Родышевскаго у насъ т. II, отд IV, стр 135.

[8]) Ср. *Макарія М. М.* Исторія Р. Церкви, т. VIII, стр. 320—322.

[9]) Черн. рук. л. 7 об.; ср. л. 6. — Ср. *А. Архангельскій*, Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Казань, 1883, стр. 43—50.

дѣлаетъ правильную ссылку на II Тим, III, 16—17), но „немногія умѣют честь книги“, для нихъ нужно изустное обученіе; 2) „И от книжныхъ немногія могутъ вся собрать от писанія, яже суть нужнѣйшая ко спасенію; того ради требуютъ руководства совершеннѣйшихъ мужей“, т. е. обученія со словъ людей болѣе образованныхъ, каковыми являются лица изъ духовенства, „того бо ради пастырскій чинъ отъ Бога уставленъ, дабы отъ Священнаго Писанія научалъ ввѣренное себѣ стадо“ (мысль совершенно вѣрная, согласующаяся съ данными по исторіи апостольства, учительства и іерархіи); 3) Ѳеофанъ находитъ, что „противо толикаго Россійскія Церкви многонародія, — мало есть таковыхъ презвитерей, которые бы наизусть могли проповѣдать догматы и законы Священнаго Писанія“.

Проектъ „трехъ книжицъ“. Итакъ, слѣдовательно, „всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ бы содержалося все, что къ народному наставленію доволно есть; и тыя бы книжицы, прочитоваемы были по частямъ въ недѣлныя и праздничныя дни, въ церквѣ пред народомъ“.

Иными словами Ѳеофанъ приходитъ къ мысли о необходимости выработать популярный катихизисъ и путемъ чтенія его устроить катихизическія поученія.

Мысль эта вовсе не новая и почти современна первой проповѣди христіанства. Оглашеніе (κατήχησις), предшествующее крещенію, считалось необходимымъ съ первыхъ вѣковъ, создавались цѣлыя катихизаторскія школы, катихизическія поученія, въ томъ числѣ извѣстны Кирилла, еп. Іерусалимскаго IV в., λόγος κατηχητικός св. Григорія Нисскаго и т. д.

Однако новый сильный толчекъ къ составленію собственно катихизисовъ далъ въ XVI в. Лютеръ. Онъ составилъ два катехизиса: 1) „Enchiridion. Der kleine Katechismus für die gemeine Pfarrherrn und Prediger“, или *Catechismus Minor*, и 2) „Der grosse Katechismus“, или *Catechismus Maior*[1]).

Catechismus Minor содержитъ въ себѣ 1) предисловіе Лютера (349—353); 2) толкованіе десяти заповѣдей (354—356); 3) толкованіе апостольскаго символа (357—358); 4) толкованіе Молитвы Господней (358—361); 5) толкованіе таинствъ: крещенія, исповѣди и причастія (361—366); 6) первое приложеніе: какимъ образомъ отецъ семейства долженъ учить свое семейство благословлять себя утромъ и вечеромъ (366—367), а также предъ обѣдомъ и послѣ (367—368); 7) второе приложеніе: домашняя таблица, въ которой предлагаются тексты Св. Писанія относительно обязанностей различныхъ должностей и положеній (369—371, напр. епископовъ, приходскихъ священниковъ, магистратовъ и подчиненныхъ имъ лицъ; мужей, женъ, родителей, дѣтей, рабовъ, слугъ и др., хозяевъ, хозяекъ, всего юношества, вдовъ и всѣхъ вообще).

---

[1]) Оба см. въ изданіи J. T. Müller, Die symbolischen Bücher der evangelisch—lutherischen Kirche, deutsch und lateinisch. 10 Aufl. Gütersloh 1907, S.S. 347—371 и 373—512.

Catechismus Maior содержитъ въ себѣ распространенное толкованіе Малаго Катихизиса, *но безъ приложеній къ нему*, что заслуживаетъ нашего вниманія.

Подъ вліяніемъ Лютеровыхъ Катихизисовъ, папою Павломъ V былъ изданъ въ 1566 г. т. наз. Римскій Катихизисъ — Catechismus Romanus, а также Confessio fidei Tridentini, т. е. исповѣданіе вѣры Тридентскаго собора[1]). Римскій Катихизисъ содержитъ въ себѣ: 1) предисловіе (изд. Streitwolf, стр. 101—110); 2) толкованіе Символа вѣры (110—235); 3) толкованіе таинствъ (236—465); 4) толкованіе десятословія (466—588); 5) толкованіе Молитвы Господней (588—712).

Точно также и на Востокѣ западное реформаціонное движеніе вызвало стремленіе къ самоопредѣленію и одинъ за другимъ появляются вѣроопредѣленія и катихизисы: 1) *Большой Катихизисъ Лаврентія Зизанія* (напечатанъ въ 1627 г. въ Москвѣ, затѣмъ въ Гроднѣ въ 1783, 1787, 1788, во Псковѣ 1874, въ Москвѣ 1878 г.). 2) *„Православное исповѣданіе каѳолической и апостольской церкви Восточной“*, составленное, вѣроятно, Никольскимъ игуменомъ Исаіей Трофимовичемъ Козловскимъ и предъявленное Митрополитомъ Петромъ Могилою на соборѣ въ Кіевѣ въ 1640 г., пересмотрѣнное и одобренное затѣмъ въ 1642 г. на соборѣ въ Яссахъ и всѣми восточными патріархами[2]). 3) Такъ наз. *„Исповѣданіе патріарха Досиѳея“*, читанное и одобренное на Іерусалимскомъ соборѣ 1672 г. (см. Michalcescu), посланное затѣмъ въ 1723 г. отъ лица всѣхъ первосвятителей Востока въ отвѣтъ христіанамъ Великобританіи, какъ истинное изложеніе православной вѣры, а въ 1838 г. изданное въ русскомъ переводѣ по опредѣленію Св. Синода. 4) *„Малый Катихизисъ“* или „Собраніе краткія науки о артикулахъ вѣры“, составляющій, повидимому, сокращеніе изъ „Православнаго исповѣданія“ (изданъ въ Кіево-Печерской типографіи на польскомъ языкѣ, въ 1645 г. по русски, въ 1649 г. въ Москвѣ[3]).

Однако всѣ эти катихизисы, излагающіе ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви въ связи съ толкованіями Символа вѣры, заповѣдей десятословія и блаженствъ и Молитвы Господней, были мало доступны. Ѳеофанъ въ Ре-

---

[1]) См. „Libri symbolici Ecclesiae Catholicae“ ed. Streitwolf et Klener, t. I p. 98—712, Gottingae 1838.—H. Denzinger, Enchiridion symbolorum et definitionum, ed. 11, Friburgi Brisgoviae 1911, p. 327—329.

[2]) Напечатано въ первый разъ въ Амстердамѣ въ 1662 г. по гречески, а въ 1696 г. по славянски и издано, по благословенію патріарха Адріана, для всеобщаго употребленія. Въ Кіевѣ вышло въ 1712 г. и затѣмъ многократно позднѣе. Въ продажѣ находится изд. Московской Синодальной Типографіи 1900 г. По гречески см. въ изданіи Jon Michalcescu, Θεσαυρος τῆς ὀρθοδοξίας. Die Bekenntnisse und die wichtigsten Glaubenszeugnisse der griechisch-orientalischen Kirche. Leipzig, 1904.

[3]) О Катехуменатѣ и Катихизисахъ протестантскихъ, католическихъ и русскихъ, а также и литературу о нихъ см. въ статьяхъ *С. Зарина*, *А. Булгакова* и *Б. Груздева* въ *Прав. Бог. Энциклопедіи* т. IX, стлб. 182—218, а также въ Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche Bd. X, 3 Aufl. S. S. 121—179.

гламентѣ прямо отмѣчаетъ это, тогда какъ „простому бы народу внушать часто подобало то, что самое есть всѣмъ обще, и всякому собственно, по своему званію должное". Поэтому онъ проектируетъ „сочинить три книжицы неболшіе. *Первую* о главнѣйшихъ спасителныхъ догматахъ вѣры нашей, такожъ и о заповѣдехъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ. *Вторую* о собственныхъ всякаго чина должностяхъ. *Третію* таковую, въ которой бы собранные были съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматах, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтелехъ, и собственно о должностяхъ всякаго чина".

Такимъ образомъ, *первая* книжица должна была содержать въ себѣ часть того матеріала, который со времени Малаго Катихизиса Лютера входитъ во всѣ ему подобные. *Вторая* же, повидимому, должна была явиться развитіемъ второго приложенія къ Малому Катихизису Лютера (см. выше), озаглавленному: „Tabula oeconomica, in qua proponuntur elegantes quaedam ex sacra scriptura sententiae, pro omnibus sanctis ordinibus ac statibus, per quas illi, tanquam propria quadam lectione, sui officii et muneris admonentur". Подобная Tabula имѣется *только* въ Маломъ Кахитизисѣ Лютера и по своей наглядности и практичности могла очень понравиться Ѳеофану[1]), который, напр., дѣсколько ниже въ Регламентѣ (Дѣла епископовъ, п. 3) требуетъ отъ епископовъ прилежнаго чтенія канොновъ, чтобы они знали свою должность. Наконецъ, *третья* книжица должна была получить видъ проповѣднической хрестоматіи, какъ бы развивающей и иллюстрирующей то, что содержится въ первыхъ двухъ книжицахъ. Всѣ три книжицы должны были составлять одно цѣлое и помѣщаться вмѣстѣ „во одной неболшой книгѣ" доступной по цѣнѣ, чтобы находиться не только въ церквахъ, но и въ частныхъ домахъ „всякаго охотника". Но такъ какъ эти книжицы предназначались для элементарнаго назиданія народа, то всегда практичный Ѳеофанъ предлагаетъ ввести систематическое чтеніе этихъ книжицъ за богослуженіемъ такъ, чтобы объ одномъ и томъ предметѣ народу было прочитано трижды подрядъ по частичкѣ изъ каждой книжицы (на Утрени въ воскресный или праздничный день по части изъ первой и второй, а на Обѣднѣ—изъ третьей), съ такимъ расчетомъ, чтобы такое параллельное чтеніе всѣхъ трехъ книжицъ заканчивалось въ три мѣсяца и затѣмъ возобновлялось вновь. „Ибо, говоритъ Ѳеофанъ, тако услышитъ народъ вся

---

[1]) Профессоръ Е. Н. Темниковскій находитъ, что мысль о „трехъ книжицахъ", особенно же о второй изъ нихъ Ѳеофанъ заимствовалъ отъ Пуфендорфа, который „среди наукъ особо важное значеніе придаетъ той, которая учитъ о правахъ высшихъ правителей и о соотвѣтствующихъ этимъ правамъ обязанностяхъ гражданъ" (см. De iure naturae et gentium lib. VII, c. 9 § 4 = De officio hominis et civis lib. II, c. 11 § 4). Отрицать это мнѣніе нѣтъ основаній тѣмъ болѣе, что у самого Пуфендорфа въ его De officio есть цѣлый рядъ главъ, говорящихъ прямо объ этихъ обязанностяхъ. Однако я думаю, что въ данномъ случаѣ съ тѣмъ же правомъ можно сближать Ѳеофана съ Лютеромъ, принимая во вниманіе то, что здѣсь Ѳеофанъ говоритъ собственно о катихизисѣ. См. *Проф. Е. Н. Темниковскій*, Положеніе Императора Всероссійскаго.... стр. 19.

нуждная своя наставленія четырежды въ годъ, и возможетъ слышанная добрѣ памятовать".

Кромѣ этой цѣли—катихизаціи взрослыхъ,—по мысли Ѳеофана, „первую и вторую книжицу могутъ и дѣти учить изначала букварнаго своего ученія".

Изложенныя соображенія Ѳеофана имѣютъ двоякій смыслъ. Во-первыхъ, въ своемъ *трактатѣ* онъ желаетъ дать толчокъ къ *сочиненію* книжицъ, которыхъ не было, или, какъ увидимъ ниже, почти не было въ его время. Во-вторыхъ же, —доказать необходимость и пользу *новой системы* обученія народа и дѣтей, такъ какъ въ старину система была совсѣмъ иная: учили псалмы и молитвы, въ храмахъ слушали отрывки изъ твореній св. Отцевъ и учителей Церкви, но *толкованія* заповѣдей не допускались[1]).

Новая система, очевидно, заимствована Ѳеофаномъ съ запада, гдѣ впервые возникли катихизисы новаго типа. Въ частности наиболѣе подходящій мотивъ для его первыхъ двухъ книжицъ находится въ Маломъ Катихизисѣ Лютера. Мысль о третьей книжицѣ явилась у Ѳеофана, повидимому, подъ воздѣйствіемъ двухъ вліяній. Во-первыхъ, тотъ же Лютеръ далъ на западѣ толчекъ къ реформѣ гомилетики въ смыслѣ наибольшей ея простоты и естественности, какъ по формѣ, такъ и по содержанію; во-вторыхъ, и русская дѣйствительность требовала отступленія отъ старой традиціи, утвердившейся въ Россіи, не говорить ничего отъ себя, а лишь прочитывать за богослуженіемъ гомиліи прежнихъ авторитетовъ въ переводѣ на богослужебный языкъ, что дѣлало проповѣдь непонятной народу, не приспособленной къ обстоятельствамъ и потому безрезультатной.

Что же касается отсутствія подобныхъ книжицъ во время составленія Регламента и необходимости ихъ сочиненія, то надо сказать, что самъ же Ѳеофанъ уже былъ піонеромъ въ этомъ отношеніи.

Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находится рукопись (Q. № 469. См. В. В. Майковъ, Замѣтка о Катихизисѣ Ѳеофана Прокоповича, въ „Сборникѣ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко" Спб. 1913, стр. 212—218), на первомъ мѣстѣ которой находится слѣдующее замѣчаніе: „Книжица, сочиненная трудами бывшаго Святѣйшаго Правительствующаго Синода вицепрезидента преосвященнаго Ѳеофана, архіепископа Новгородскаго и Великолуцкаго, который преставися въ Санктъ-Петербургѣ въ 1736-мъ году, и въ подлинной въ заглавіи рукою его написано такъ:

„Извѣщеніе о дѣлѣ сей книжицы".

„Желая азъ послужити Его Царскаго Величества и народнѣй нуждѣ, написалъ по моей силѣ сію книжицу ученія христіанскаго; но понеже малая тая нужда требуетъ и государево намѣреніе есть; дабы ученіе сіе было краткое и простое для удобнѣйшаго отрочаго изученія и памяти, въ томъ — исповѣдую — погрѣшилъ я, что расширилъ надъ потребу сіе

---

[1]) См. *П. Ѳ. Каптеревъ*, Исторія русской педагогіи. Петроградъ, 1915, стр. 1—151. Педагогическіе же взгляды Ѳеофана см. на стр. 186—195.

дѣлце. Однакъ я противъ моего намѣренія погрѣшилъ: былъ бо намѣренъ велми кратко написати; да когда тщуся, чтобъ было се ясно, чтобъ не было что скудно и недоволно, и неизвѣстно, въ самомъ дѣлѣ дѣло возрасло; а итакъ, мню, много недоволно и скудно есть. Буди же сіе къ инной коей нибудь потребѣ яко начинающимъ учитися долгое, а совершеннымъ—недоволное, се же мое погрѣшеніе награждая, потщуся написати другую книгу простѣйшую и такъ краткую, чтобъ была четвертая сего или третія часть величиною, аще Богъ восхощетъ и живи будемъ.

„А какъ сію, такъ и оную (когда сочиню) книжицу (аще со всякимъ опасеніемъ, блюду себе, дабы что не положить самоволное и неизвѣстное, но вся были бы отъ писаній божественныхъ) подлагаю церковному разсужденію подъ правиломъ слова Божія.

„Ѳеофанъ Прокоповичъ, училищъ Кіовскихъ ректоръ.

„Въ Царств. Санктъпетерб. 1717, февраля 17“.

Такимъ образомъ 1) къ составленію „кницицы ученія христіанскаго“ было приступлено не позднѣе 17 февраля 1717 г. и именно Ѳеофаномъ; 2) по инціативѣ Великаго Петра. Инціатива послѣдняго въ этомъ дѣлѣ очевидна не только изъ словъ Ѳеофана, но также 1) изъ того, что Ѳеофанъ взялся за книжицу такъ скоро послѣ ближайшаго знакомства съ Государемъ[1]); 2) изъ собственноручной замѣтки Петра, правда, относящейся къ 1722 г.; „книга с толкованіем—краткое і с того чтоб наізусть умѣли і отцы б духовъные на ісповѣди ж спрашивали о том“[2]) 3) изъ того, наконецъ, что 19-го апрѣля 1724 года Петръ обратился къ Синоду со слѣдующимъ рѣшительнымъ повелѣніемъ: „Св. Синодъ! Понеже разговорами Я давно побуждалъ, а нынѣ писменно, дабы краткія поученьи людемъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ). Такъ же-бъ сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить, что непремѣнный Законъ Божій и что совѣты и что преданія отеческая и что вещи среднія и что толко для чину и обряду сдѣлано и что непремѣнное и что по времяни и случаю премѣнялось, дабы знать могли, что въ какой силѣ имѣть.

О первыхъ кажется Мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое—поселяномъ простѣе, а въ городахъ покрасивѣе, для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется, въ которыхъ бы наставленія, что есть прямой путь спасенія истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь, ибо о первой и послѣдней зѣло мало знаютъ, и не прямо что и знаютъ, а о середнѣй и не слыхали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и протчее тому подобное,—въ нихъ же строеніе церквей, свѣчи и ладонъ. О страданіи Христовомъ толкуютъ толко за одинъ первородный грѣхъ; а спасеніе дѣлами своими получатъ—какъ выше писано.

---

[1]) *В. В. Майковъ*, 213.

[2]) Гос. Арх., Кабинетъ, I, № 31, л. 58. Въ томъ же Гос. Архивѣ (Каб. I, 31, л. 216) хранится и другая собственноручная записка Петра: „что^{б} мужика^{м} здѣла^{т} какой мале^{н}кой регу^{л} і чита^{т} по це^{р}ква^{м} для вразу^{м}ления“.

О второмъ же, чтобъ книгу сочинить, Мнѣ кажется не лучше-ль оную катихисисомъ начать, и къ тому и прочія вещи послѣдовательно, что въ Церкви обрѣтается, внесть съ пространнымъ толкомъ. Такожъ приложить: когда и отъ кого и чего ради въ Церковь что внесено[1]).

Свою работу Ѳеофанъ назвалъ именно *„Катихизисомъ“*. Изложенный въ формѣ разговора учителя съ ученикомъ этотъ Катихизисъ начинается предисловіемъ, выясняющимъ планъ бесѣдъ, а затѣмъ содержитъ въ себѣ *двѣ* бесѣды: 1-я „о Бозѣ, купно же и о созданіи міра и о смотрѣніи общемъ“, и 2-я „о спасителномъ намъ смотрѣніи“, послѣ чего помѣщено „Краткое ученіе отрокомъ о причастіи тѣла и крови Господа нашего Іисуса Христа“. Третью же бесѣду, которая докжна была содержать „символы вѣры, вся вѣры догматы кратко въ себѣ заключающіи, въ десятословіе законное, вся Божія заповѣди содержащее“, —Ѳеофанъ не дописалъ и въ рукописяхъ ея нѣтъ (В. В. Майковъ, 213). Этотъ Катихизисъ при жизни Ѳеофана не былъ изданъ, а появился въ свѣтъ подъ названіемъ „Катихизма“ только въ 1757 г, а затѣмъ въ 1761 г. въ Могилевѣ съ добавленіемъ 3-й бесѣды, составленной Георгіемъ Конисскимъ. „Катихизмъ“ былъ напечатанъ по опредѣленію Св. Синода въ С.-Петербургѣ въ 1765 г., *но не былъ выпущенъ въ свѣтъ*, по опредѣленію того же Св. Синода, за то въ составѣ только двухъ бесѣдъ, какъ онъ встрѣчается въ рукописяхъ, Катихизисъ Ѳеофана былъ изданъ Св. Синодомъ въ Петербургѣ въ 1766 г. подъ заглавіемъ „Діалогизмы“. Изданіе было повторено въ М. 1796 г.. М., 1814, Кіевъ, 1825 и 1859[2]).

Такимъ образомъ въ моментъ составленія Ѳеофаномъ Духовнаго Регламента (въ 1718—1719 гг.) первый опытъ сочиненія „книжицъ“ былъ имъ самимъ уже сдѣланъ по иниціативѣ царя. Слѣдовательно комментируемое мѣсто Регламента не было лишь теоретическимъ построеніемъ или простой копіей чьихъ либо мыслей, а основывалось 1) на прямомъ повелѣніи государя; 2) на дѣйствительно ощущаемой нуждѣ; 3) на начатомъ уже опытѣ. Впрочемъ, на содержаніи мыслей Ѳеофана относительно состава книжицъ нельзя не видѣть вліянія Лютера.

Считая свой первый опытъ неудачнымъ Ѳеофанъ не отказался отъ новаго опыта, исполненнаго имъ одновременно съ окончаніемъ составленія Духовнаго Регламента. Здѣсь разумѣется его „Букварь“ или „Первое ученіе отрокомъ. въ немже буквы и слоги. Таже: Краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господни, Сѵмвола вѣры и девяти блаженствъ“.

---

[1]) См. П. С. З., VII. 4493, 19 апрѣля 1724 г.; П. С. П. IV, № 1246; подлинникъ въ Гос. Арх, Кабинетъ I, № 31, л. 152—153. Еще ранѣе 16 января 1723 г. Государь Императоръ указалъ собрать Римской, Лютерской и Кальвинской Катехизисы и прочія церковныхъ дѣйствъ книги и переведши на славянскій діалектъ, для знанія и вѣденія, напечатать. П. С. З., VII, 4143.

[2]) *В. В. Майковъ*, назв. „Замѣтка“.—*А. В. Гавриловъ*, Очеркъ исторіи С,-Петербургской Синодальной Типографіи В, I, Спб. 1911, стр. 308.

Этотъ Букварь былъ изданъ впервые въ Александро-Невской Типографіи въ 1720 г.[1]).

Свое авторство Ѳеофанъ удостовѣрилъ самъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: Scripsi et breviter expositionem Decalogi cum adiecta paraphrasi Nicaeni Symboli et orationis Dominicae, quod forte imprimetur cum Alphabeto pro prima institutione puerorum[2]).

Букварь Ѳеофана содержалъ въ себѣ: 1) „Предисловіе къ благочестивымъ родителемъ, воспитателемъ, приставникомъ, господамъ и всѣмъ прочіимъ, имя отеческое надъ малыми носящымъ. 2) Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ учитися книгъ божественнаго писанія (азбука, склады, титла, знаки надстрочные и строчные). 3) О законѣ Божіи, иже въ десятословіи. Толкованіе молитвы Господни Отче нашъ (здѣ прилагается поздравленіе архангельское Пресвятой Дѣвѣ). Символъ св. православныя Вѣры толкованіемъ. Краткое толкованіе блаженствъ евангельскихъ".

Какъ видно изъ выдержекъ предисловія, приведенныхъ Пекарскимъ (I, 178—179; II, 548—549), Ѳеофанъ подробно и обстоятельно развивалъ то, что сказано имъ въ комментируемомъ мѣстѣ Духовнаго Регламента. Онъ утверждаетъ, что отъ воспитанія въ юношествѣ зависитъ вся жизнь человѣка и даже народовъ. „Въ которомъ народѣ многія свары, ненависти, коварства, татьбы и разбои, и прочія злонравія—не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтямъ". Что касается Россіи, то въ ней Ѳеофанъ не находитъ должнаго воспитанія. „Мнози и благовѣстніи у насъ и богобоящіеся человѣцы, не вѣдая силы закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... Не многіе ли обрѣтаются книгочіи, которые заповѣдей Божіихъ, и символа вѣры и силы молитвъ не знаютъ?... Чѣмъ же таковый за книгочтеніе свое лучшій отъ прочихъ? Ей, многажды худшіе и злѣйшіе бываютъ", ибо свое умѣнье обращаютъ во зло.

Доказавъ недостаточность пассивнаго благочестія и необходимость знать прежде всего „силу закона Божія", т. е. начала вѣры и нормы христіанской нравственности, Ѳеофанъ усматриваетъ новыя препятствія къ должному распространенію христіанскаго ученія. „Понеже, говоритъ онъ, мнози у насъ чинъ отеческій имущіи, и сами мало что знаютъ о законѣ Божіи, настала нужда общая сочинить книжицу съ толкованіемъ десятословія законнаго, отъ Бога преданнаго; но и сіе еще не много пользовало, ибо въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны,... того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія. Видя убо толикую въ народѣ своемъ тщету, всероссійскій монархъ, императоръ и государь нашъ всемилостивѣй-

[1]) *Гавриловъ*, 32 и прим. 1.—*Пекарскій*, Наука и лит. II, № 499 и стр. 479, 514, 617.—Ср. *А. Архангельскаго*, Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ В. Казань, 1883, стр. 43—50.

[2]) Epistola...' Theophanis Prokopowitz, стр. 28, M. 1776 у *Пекарскаго*, II, 549.

шій Петръ Великій и, яко отецъ отечества, поболѣвъ сердцемъ о такомъ несчастіи подданныхъ своихъ, началъ прилежно разсуждать, какъ уставить въ Россіи дѣйствительное и необходимое правило отроческаго воспитанія. И вдохнулъ ему Богъ, по его желанію, таковый премудрый совѣтъ повелѣть сочинити книжицу съ яснымъ толкованіемъ закона Божія, и Символа Вѣры, и молитвы Господней и девяти блаженствъ и напечатать оную съ букваремъ, дабы отроцы читать учащіеся по буквахъ и слогахъ, во утвержденіе чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися. А по семъ уже въ вѣрѣ и законѣ Божіи наставленни могли бы съ пользою учить псалмы и молитвы. И се повелѣніемъ его императорскаго величества и напечатана таковая книжица, на которой учимi отроцы могутъ познати волю Божію и страха Господня отъ младыхъ ногтей научитися".

Такимъ образомъ, по инціативѣ царя, Ѳеофанъ вводилъ новую систему обученія путемъ толкованія символа и заповѣдей въ отличіе отъ прежней—путемъ чтенія псалтири и заучиванія молитвъ. Разумѣется, это новшество, какъ и самый Букварь вызвалъ недовольство и критику[1]). Однако Букварь получилъ широкое распространеніе, былъ многократно напечатанъ, а опредѣленіемъ отъ 31 мая 1722 г.[2]) Св. Синодъ, между прочимъ, приказалъ „учить нынѣ въ архіерейскихъ школахъ помянутыхъ церковническихъ дѣтей, въ надежду священства опредѣленныхъ, по недавно изданнымъ перваго отроковъ ученія книжицамъ, букварями именуемыхъ, которыя въ Невской Типографіи напечатаны", при чемъ внушить учителямъ, чтобы „тщались такъ имъ оные буквари въ твердую память положить, дабы изустно читать могли"[3]).

Болѣе того, опредѣленіемъ отъ 26 февраля 1723 г.[4]), Св. Синодъ, „разсуждая о употребляемомъ по церквамъ въ великій постъ чтеніи, согласно приговорили: вмѣсто прежняго отъ книгъ Ефрема Сирина и отъ соборника и прочихъ чтенія, читать новопечатные буквари съ толкованіемъ заповѣдей Божіихъ, распредѣляя оныя умѣренно, дабы приходящіе въ церковь Божію и готовящіеся ко исповѣди и Св. Таинъ причастія люди, слыша заповѣди Божіи и толкованіе ихъ, и осмотряся въ своей совѣсти, лучше могли ко истинному покаянію себя пріуготовать".

Такъ, уже въ 1722—1723 г. были отчасти исполнены мѣропріятія, намѣченныя въ Регламентѣ.

Помѣщенная въ Букварѣ статья „Толкованіе блаженствъ евангельскихъ" была напечатана и отдѣльно подъ заглавіемъ „*Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе*"[5]) въ первый разъ въ 1722 г. въ Невской Типографіи[6]).

Инціатива этой статьи принадлежала самому Петру, который въ своей памятной книжкѣ раньше записалъ: „написать книгу о ханжахъ и изъ-

---

[1]) *Пекарскій*, II, 179–181; 496—501. [2]) П. С. П. II, 648.—П. С. З. VI, 4021.
[3]) П. С. П. II, стр. 317–318. [4]) П. С. П. III, 1012.—П. С. З. VII, 4172.
[5]) *Пекарскій*, I, 496; II, стр. 500—503. [6]) *Гавриловъ*, 32—33.

явить блаженства (Кротость Давидову и пр.), что не такъ, какъ они думаютъ и приплесть къ Требникамъ, а въ предисловіи явить то дѣльцомъ Ростовскаго съ товарищи“[1]).

Затѣмъ Петръ лично просматривалъ эту книгу о блаженствахъ, одобрилъ ее, но 13 іюля 1722 г. повелѣлъ составить къ ней особое предисловіе, что и было исполнено.

При всемъ этомъ любопытно отмѣтить, что дѣлу составленія подобныхъ толкованій стремился лично содѣйствовать самъ императоръ. Въ Государственномъ Архивѣ (Каб. I, кн. 31, л. 34—36, копія л. 41—43) сохранилось собственноручно написанное Петромъ толкованіе заповѣдей, краткое и мѣткое, какъ его указы[2]). Кромѣ того перу самого Петра принадлежитъ и выше приведенный указъ 19 апрѣля 1724 г.[3]), гдѣ онъ требуетъ немедленно приступить къ составленію катихизиса, причемъ начертываетъ его содержаніе и планъ. По этому указу, по справкѣ изъ Кабинета Ея Величества въ 1727 г. еще ничего не было сдѣлано[4]).

Хотя, такимъ образомъ, Ѳеофанъ уже составилъ свой первый *Катихизисъ* (Діалогизмы) 1717 года, оставшійся при немъ ненапечатаннымъ, затѣмъ—*Букварь,* получившій большое распространеніе и даже введенный въ богослуженіе, однако это все еще не были тѣ „три книжицы“, которыя проектировались въ Духовномъ Регламентѣ. Поэтому въ 1731 г. Ѳеофанъ *вновь обработалъ* свой первый (неудачный) Катихизисъ подъ названіемъ: *„Сокращенное христіанское ученіе или краткая сказанія“* или *„Катихизисъ“.* Этотъ второй Катихизисъ въ своихъ первыхъ двухъ частяхъ лишь немного развиваетъ первый Катихизисъ—Діалогизмы. Онъ также не былъ изданъ при Ѳеофанѣ и впервые увидѣлъ свѣтъ въ 1765 г.[5]).

Послѣ не совсѣмъ удачныхъ попытокъ самого Ѳеофана, вопросъ о „книжицахъ“ былъ вновь возбужденъ кн. Я. П. Шаховскимъ при Елизаветѣ Петровнѣ въ маѣ 1742 г. Образованная тогда ученая комиссія изъ просвѣщеннѣйшихъ духовныхъ лицъ ничего опредѣленнаго не выработала до 1747 г.[6]).

Затѣмъ, Митрополитъ Московскій Платонъ въ разное время составилъ и издалъ: 1) Китихизисъ, или первоначальное наставленіе въ христіанскомъ законѣ, толкованное всенародно въ 1757—1758 г.; 2) Краткій катихизисъ ради обученія малолѣтнихъ дѣтей христіанскому закону; 3) Сокращенный

---

[1]) *Голиковъ,* Дѣянія П. В. 2 изд. т. XI, стр. 493. Цитата у *П. П. Пекарскаго,* Наука и литература, т. II, стр. 401, примѣчаніе.

[2]) Довольно близко къ подлиннику издано *М. И. Семевскимъ,* Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII в., т. II, „Слово и Дѣло!“ изд. 3, Спб. 1885, стр. 306—338 „Петръ Великій о ханженствѣ и лицемѣріи“.

[3]) П. С. З. VII, 4172. [4]) *Пекарскій,* I, 182.

[5]) *В. В. Майковъ,* назв. „Замѣтка“.—Гавриловъ, 312.

[6]) См. очень интересную статью *К. Я. Здравомыслова* въ „Христ. Чтеніи“, 1905 г. Январь, 87—100; Мартъ, 402 - 419, основанную на Дѣлѣ Архива Св. Синода 24 мая 1742 года № 1, на 126 листахъ. Дополненіе къ этой статьѣ *Н. Одинцова* см. въ „Хр. Чт.“ 1905, Августъ, 184—196.

катихизисъ для обученія отроковъ, съ присовокупленіемъ молитвъ и христіанскаго нравоученія; 4) Сокращенный катихизисъ для священнослужителей съ приложеніемъ мѣстъ изъ Слова Божія, Правилъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ и Духовнаго Регламента и присягъ; 5) Православное ученіе или Сокращенная христіанская богословія, съ прибавленіемъ молитвъ и разсужденія о Мелхиседекѣ (книга написана для Вел. кн. Павла Петровича въ качествѣ руководства по Закону Божію); 6) Пространный катихизисъ для обученія юношества православному Закону Христіанскому, изданный при учрежденіи народныхъ училищъ въ Россійской Имперіи, въ царствованіе благоч. Государыни Императрицы Екатерины II.

Изъ этого множества Катихизисовъ, только одно „Православное ученіе“ (п. 5), напечатанное въ 1765 г., было признано, наконецъ, въ качествѣ *первой книжицы*, проектированной Регламентомъ.

Мѣсто *третьей книжицы* занялъ сборникъ, составленный трудами Синодальнаго члена, преосвященнаго Гавріила Митрополита Новгородскаго въ 1780 г. подъ названіемъ: „Краткія поученія изъ разныхъ св. отецъ и учителей“.

Наконецъ, въ качествѣ *второй книжицы* появилось въ 1787 г. составленное Св. Тихономъ Епископомъ Воронежскимъ „Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ“, разрѣшенное къ печати журнальнымъ опредѣленіемъ Св. Синода 14 мая 1787 г. по словесному предложенію Митрополита Новгородскаго Гавріила. Эта книга 8 декабря 1787 г. была оффиціально признана Св. Синодомъ „въ числѣ тѣхъ трехъ книгъ, которыя Духовнаго Регламента, во второй части О дѣлахъ управленія Духовному Коллегіуму подлежащихъ, на 18 листу, въ 10-мъ пунктѣ упоминаются“[1]).

---

[1]) Въ журналѣ Св. Синода подъ 8 декабря 1787 г. (книга № 107) написано: „Святѣйшій Синодъ, *разсуждая*, что Духовнаго Регламента второй части о дѣлахъ управленію Духовному Коллегіумъ подлежащихъ на листу 18-мъ между прочаго 10-мъ пунктомъ повелѣно сочинить три книжицы небольшія, первую о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея, также и о заповѣдяхъ Божіихъ въ десятословіи заключенныхъ, вторую о собственныхъ всякаго чина должностяхъ, третію таковую, въ которой собранные будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясные проповѣди; вслѣдствіе чего попеченіемъ Святѣйшаго Синода, что слѣдуетъ до первой книги о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашея, то оная подъ имянемъ православнаго ученія, или сокращенной христіанской богословіи еще въ 1765 году синод. членомъ преосвящ. Платономъ митрополитомъ московскимъ сочинена, а потомъ сообразная и третьей книга подъ имянемъ Краткихъ Поученій изъ разныхъ святыхъ отецъ и учителей трудами синодальнаго же члена преосвященнаго Гавріила митрополита новгородскаго собранныхъ, въ 780-мъ году Святѣйшему Синоду отъ него, преосвященнаго, предложена, которыя книги обѣ и въ печать уже изданы, а нынѣ по усмотрѣнію Святѣйшаго Синода можетъ почестся изъ тѣхъ въ Духовномъ Регламентѣ назначенныхъ второю о должностяхъ всякаго чина книгою печатаемая въ здѣшней Синодальной Типографіи, сочиненная покойнымъ преосвященнымъ Тихономъ епископомъ бывшимъ воронежскимъ подъ имянемъ Христіанскаго Наставленія, въ которой о всѣхъ должностяхъ христіанина изъяснено, *того ради приказали:* означенныя три книги почитать точно тѣми, кои Духовнымъ Регламентомъ сочинить назначено“.

Однако по объему своему эти книги вовсе не были малыми „книжицами“. Широкаго употребленія онѣ не получили ни въ качествѣ наставленія для ставленниковъ, ни въ качествѣ катехизическихъ чтеній для народа, а потому нельзя считать, чтобы мысль Духовнаго Регламента была въ точности выполнена ихъ изданіемъ[1]).

Въ XIX в. появились новые Катихизисы Митрополита Филарета, но они уже не ставились въ связь съ Регламентомъ.

Дѣла особенныя.

I. Дѣла епископовъ.

Планъ. Трактатъ: *„Дѣла епископовъ“* содержитъ въ себѣ 17 пунктовъ, въ которыхъ говорится:

п. 1. Объ обязанности епископовъ имѣть у себя и знать сборники церковныхъ правилъ.

п. 2. Объ обязанности епископовъ знать степени родства и свойства.

п. 3. Объ обязанности епископовъ во время ихъ трапезы слушать чтеніе каноновъ.

п. 4. Объ обязанности епископовъ совѣщаться съ другими или доносить Духовной Коллегіи о трудныхъ случаяхъ.

п. 5—6. Объ обязанности епископовъ и клириковъ не отлучаться отъ должности, или по крайней мѣрѣ, оставлять вмѣсто себя викаріевъ.

п. 7. О назначеніи особаго администратора въ случаѣ старости и дряхлости епископа.

п. 8. Объ обязанности епископовъ надзирать, чтобы не было въ епархіи суевѣрій и безчинія и объ учрежденіи заказчиковъ и фискаловъ для этой цѣли.

п. 9—13. О школахъ для ставленниковъ при архіерейскомъ домѣ.

п. 14—15. Объ обязанности епископовъ знать мѣру своей чести.

п. 16. Объ обязанности епископовъ быть разсудительными въ употребленіи своей власти „вязать и рѣшить“, т. е. объ отлученіи и анаѳемѣ.

п. 17. Объ обязанности епископовъ надзирать за епархіею путемъ личнаго посѣщенія ея—визитаціи. Къ этому пункту относится особая инструкція епископамъ для посѣщенія епархій, состоящая изъ 15 параграфовъ. Въ числѣ послѣднихъ §§ 13—15 говорятъ о подчиненности епископовъ Духовной Коллегіи, какъ высшей инстанціи.

Обращаемся къ анализу и изслѣдованію источниковъ перечисленныхъ 17 пунктовъ „Дѣлъ епископовъ“.

Объ обязанности епископовъ имѣть у себя и знать церковныя правила. *Пунктъ первый* содержитъ въ себѣ совершенно понятное требованіе, что-

---

1) *Н. Одинцовъ*, Къ вопросу о сочиненіи и изданіи учительныхъ книгъ въ XVIII ст. „Хр. Чт.“ 1905 г. Августъ, стр. 193—196.

бы всякій епископъ *имѣлъ* у себя сборники правилъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и *зналъ* „гораздо", что касается чина епископскаго и всего клира, а это невозможно „безъ прилѣжнаго и частаго *чтенія*". Требованіе это понятно само собою, но въ качествѣ источниковъ можетъ быть также указано правило 2 VII Вс. Собора: Ἀνακρίνεσθαι δὲ ἀσφαλῶς ὑπὸ τοῦ μητροπολίτου, εἰ προθύμως ἔχει (ὁ ἐπίσκοπος) ἀναγινώσκειν ἐρευνητικῶς, καὶ οὐ παροδευτικῶς, τούς τε ἱερούς κανόνας, καὶ τὸ ἅγιον Εὐαγγέλιον, τήν τε τοῦ θείου Ἀποστόλου βίβλον, καὶ πᾶσαν τὴν θείαν Γραφήν, а еще ближе того—архіерейская присяга при поставленіи: „Къ сему моему св. вѣры исповѣданію обѣщаюся блюсти каноны св. апостолъ, и седми вселенскихъ и благочестивыхъ помѣстныхъ соборовъ, иже на сохраненіе правыхъ велѣній (въ греч. δογμάτων) суть узаконены (συνηθροίσθησαν — собраны), и елико по разнымъ временомъ и лѣтомъ отъ истинно поборствующихъ по святѣй восточной православной вѣрѣ, каноны и св. уставы суть изображены и та вся хранити крѣпцѣ и ненарушнѣ до кончины моея жизни съ симъ моимъ обѣщаніемъ свидѣтельствую: и вся, яже они пріяша, и азъ пріемлю, и ихъ же они отвратишася, и азъ отвращаюся"[1]).

Объ обязанности епископовъ знать степени родства. *Пунктъ второй* является развитіемъ и примѣненіемъ перваго, а именно требуетъ, чтобы епископы сами знали, не полагаясь на другихъ „искусныхъ" людей, въ какихъ степеняхъ родства и свойства возможенъ законный бракъ. Въ качествѣ источниковъ этихъ свѣдѣній указываются Ѳеофаномъ а) 18-я глава книги Левитъ; б) церковные каноны; в) царскіе каноны[2]). Поводомъ для спеціальнаго упоминанія этого требованія Ѳеофаномъ послужило, очевидно, множество незаконныхъ браковъ и вообще безпорядочность въ брачной практикѣ въ древней Руси[3]).

Объ обязанности епископовъ слушать чтеніе канововъ. *Пунктъ третій* даетъ практическое указаніе, какъ достигнуть основательнаго знанія правилъ, а именно—путемъ чтенія. Но такъ какъ неизвѣстно всякій ли епископъ будетъ охотникъ до чтенія, то,—обѣщаетъ Ѳеофанъ—Духовный Коллегіумъ дастъ всѣмъ епископамъ указъ, „чтоб у всякаго при его трапезѣ чтеніе было каноновъ себѣ надлежащихъ". Такое чтеніе должно быть обязательнымъ и постояннымъ дѣломъ, отступить отъ котораго разрѣшается

1) *А. Неселовскій,* Чины хиротесій и хиротоній. (Опытъ историко-археологическаго изслѣдованія). Каменецъ-Подольскъ, 1906, стр. 239 и приложеніе № 23, стр. XXVI.

2) По мнѣнію *А. С. Павлова,* 50-я гл. Кормчей Книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. М. 1887, стр. 126, прим. 1, „подъ *царскими* канонами", какъ составною частью *церковной* заповѣди о бракахъ, Духовный Регламентъ разумѣетъ или тѣ же „отеческіе", т. е. соборные каноны, какъ получившіе утвержденіе отъ греческихъ царей, или собственные законы этихъ царей, согласные съ церковными канонами, каковы уже извѣстные намъ законы Прохирона и Эклоги, запрещающіе бракъ въ родствѣ только до 6-й, а въ свойствѣ—до 4-й степени".

3) См. у *Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова,* Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 3, Кіевъ 1900 г., стр. 427—430, а также назв. сочиненіе *А. С. Павлова,* стр. 121—126 и друг.

только либо по случаю праздника, либо при „гостяхъ достойныхъ“, либо „за иную нѣкую вину правилную“.

Если принять во вниманіе практическій складъ ума Ѳеофана, то едва-ли окажется нужнымъ искать источникъ, изъ котораго онъ могъ бы заимствовать свою мысль. Однако можно все таки указать двѣ очень близкія параллели. Во-первыхъ, обычай въ монастыряхъ за трапезою монаховъ читать житія святыхъ. Во-вторыхъ, предписаніе правилъ, составленныхъ въ католической церкви, чтобы клирики, ведущіе т. наз. каноническую жизнь (vita canonica—жизнь согласная съ особыми канонами), и называемые поэтому канониками, собирались ежедневно вмѣстѣ для выслушанія главы (capitula) изъ правилъ. Отсюда произошло и наименованіе „капитулъ“ („каѳедральный капитулъ“, „коллегіатскій капитулъ“[1]).

Объ обязанности епископовъ совѣщаться въ трудныхъ случаяхъ. *Пунктъ четвертый* даетъ отвѣтъ на вполнѣ возможный вопросъ, что дѣлать, если, несмотря на все знаніе правилъ, епископу встрѣтится случай трудный, разрѣшить который самъ онъ не въ силахъ? Ѳеофанъ предлагаетъ тогда прежде всего письменно просить совѣта у другого ближайшаго епископа, или у иного искуснаго лица, а затѣмъ, если потребуется—писать „къ Духовному Коллегіумъ въ Царствующій Санктпитербурхъ ясно, и докладно, и обстоятелно“.

Объ обязанности епископовъ и клириковъ не отлучаться отъ должности, или по крайней мѣрѣ, оставлять вмѣсто себя замѣстителей. *Пунктъ пятый и шестой* усматриваютъ возможность отлучки епископа изъ епархіи, а настоятелей монастырей и церквей изъ своихъ монастыря и прихода. Находя отлучку вообще возможною, Ѳеофанъ требуетъ только, чтобы она не была длительною. Правила же[2]) вообще не одобряютъ отлучекъ съ мѣста службы и запрещаютъ ихъ безъ разрѣшенія высшей церковной власти.

Однако все таки можетъ быть, что какая нибудь уважительная причина, какъ то: очередная служба въ столицѣ или серьезная болѣзнь, задержитъ епископа вдали отъ епархіи или сдѣлаетъ его на долго неспособнымъ къ управленію дѣлами, „ибо, говоритъ Ѳеофанъ, тако немощный равнѣ, яко и неприсутствующій есть“. Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Ѳеофана, епископъ долженъ образовать особое вмѣсто себя управленіе въ составѣ „нѣкоего умнаго и житіем честнаго мужа, архимандрита или игумена, придавъ къ нему въ помощь и другихъ нѣсколько умныхъ же человѣкъ от монашескаго или священническаго чина“, не полагаясь на обычныхъ управите-

---

1) См. статью Heuser въ Wetzer und Welte, Kirchenlexikon, 2 Aufl. Bd. II, clm. 1886—1894 Art. „Capitel (Capitulum)“ и clm. 1835—1842 Art. „Canonikat und Canoniker“.—André-Condis, Dictionnaire de droit canonique, Paris 1901³, t. I, p. 363—388, Art. „Chapitre“.

2) Ап. 14. 15; I Всел. 15. 16; IV Всел. 5, 23; Лаод. 41, 42; Ант. 11; Карѳ. 23 (32) и др. Запрещеніе отлучки архіереевъ изъ епархіи безъ разрѣшенія Св. Синода подтверждено указомъ Св. Синода 12 марта 1725 г. П. С. П. V, 1499. Несмотря, однако, на это, самъ Ѳеофанъ, будучи епископомъ Псковскимъ, никогда не жилъ въ своей епархіи

лей его архіерейскаго дома. Такая коллегія была бы компетентна на рѣшеніе текущихъ епархіальныхъ дѣлъ. *Важныя* же дѣла она должна была бы отсутствующему архіерею представлять письменно, а больному докладывать устно. Что же касается *недоумѣнныхъ* дѣлъ, то такая коллегія, вѣроятно, спросивъ своего архіерея (объ этомъ у Ѳеофана не сказано), обязывалась доносить Духовной Коллегіи, какъ сказано было въ п. 4-мъ.

Въ *шестомъ пунктѣ* Ѳеофанъ выражаетъ пожеланіе, чтобы „подобную заповѣдь и указъ подали бъ епископы и подручнымъ своимъ архимандритомъ, ігуменомъ, строителемъ, приходскимъ священникамъ, когда и онымъ пріидетъ немощь великая, или важная вина, удерживающая ихъ внѣ монастыря или прихода своего“.

Такихъ управителей Ѳеофанъ называетъ „чрезъ обычайными“, потому что назначеніе ихъ вызывается временными обстоятельствами. Это *временные замѣстители* епископа, настоятеля монастыря или прихода, въ отличіе отъ *постоянныхъ*, упоминаемыхъ ниже въ п. 7-мъ.

О назначеніи особаго администратора въ случаѣ старости и дряхлости епископа. *Пунктъ седьмой* предусматриваетъ случай *полной* невозможности для епископа заниматься дѣлами по глубокой старости или неизлечимой болѣзни. Тогда Ѳеофанъ обязываетъ епископа, или, при его нежеланіи, управителей его архіерейскаго дома, сообщать объ этомъ Духовной Коллегіи, которая и разсудитъ, „дать ли коего администратора во оную епархію, или новаго епископа поставить“, т. е. дать ли епархіальному епископу постояннаго помощника—замѣстителя, или совершенно уволить его на покой и на его мѣсто поставить новаго епископа.

Наблюденія надъ пп. 5, 6 и 7-мъ приводятъ къ слѣдующимъ мыслямъ. Во-первыхъ, собственно, здравый смыслъ подсказываетъ, что въ случаѣ временной или постоянной невозможности заниматься дѣлами и нести службу какъ епископу, такъ и вообще духовенству слѣдуетъ замѣщать себя кѣмъ нибудь, чтобы не стояло дѣло. Однако, во-вторыхъ, если Ѳеофанъ упоминаетъ объ этомъ особо, то значитъ, что въ его время такъ не дѣлалось. И въ самомъ дѣлѣ, въ древней Руси были вспомогательные органы при епископѣ, но они вѣдали только извѣстный районъ епархіи или родъ дѣлъ, но не были въ собственномъ смыслѣ замѣстителями епископа, какъ таковаго, въ его собственной должности. Институтъ же *викарныхъ* епископовъ, противорѣчащій каноническому праву[1]), почти вовсе не былъ извѣстенъ до Петра Великаго[2]) и получилъ широкое развитіе только съ 17 декабря 1865 года, когда „въ видахъ ослабленія раскола и доставленія епархіальнымъ преосвященнымъ, обремененнымъ нынѣ текущими дѣлами, возможности обратить на означенный предметъ усиленное вниманіе, признано весьма полезнымъ и нужнымъ учредить викарныхъ въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ содержаніе

---

1) См. *Номоканонъ п. Фотія* тит. I, гл. 20: „О томъ, чтобы не было въ одной области двухъ митрополитовъ, или въ одномъ городѣ двухъ епископовъ, или въ двухъ городахъ одного клирика“.

2) *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права, § 40. 41.

викарныхъ архіереевъ можетъ быть обезпечено предоставленіемъ въ ихъ распоряженіе достаточныхъ монастырей"[1]).

За то система делегаціи власти на время и институтъ викаріевъ епископа и простого духовенства издревле былъ извѣстенъ католичеству[2]), откуда Ѳеофанъ и могъ заимствовать не только мысль, но и форму, въ лицѣ пользующихся делегированной юрисдикціей (iurisdictio delegata) викарнаго архіерея (vicarius in pontificalibus) и коадъютора[3]). За такое заимствованіе говоритъ, между прочимъ, и наименованіе „Администраторъ" (въ концѣ седьмого пункта), принятое въ католичествѣ[4]).

Объ обязанности епископовъ надзирать, чтобы въ епархіи не было суевѣрій и безчинія и объ учрежденіи заказчиковъ и фискаловъ. *Пунктъ восьмой* вмѣняетъ епископамъ въ обязанность слѣдить, чтобы въ епархіи его не было суевѣрій и безчинія, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ говорено было выше въ первой части „Дѣлъ общихъ" (пп. 1—10), а именно, чтобы монахи не волочились безпутно[5]), дабы лишнихъ безлюдныхъ церквей не было строено, дабы не вымышлялось ложныхъ чудесъ отъ иконъ, дабы не было кликушъ, не свидѣтельствованныхъ мощей и пр. Въ подтвержденіе такого требованія Ѳеофанъ ссылается на архіерейскую присягу при поставленіи, указывая тѣмъ свой источникъ[6])—указъ 22 января 1716 г.

Впрочемъ, на эти же непорядки обращалось вниманіе и раньше—Стоглавымъ соборомъ и соборомъ 1666—1667 гг.

---

[1]) Выс. одобр. предст. Оберъ-Прокурора Св. Синода. Дѣло Св. Синода 30 марта 1866 г. № 67 См. у *Г. Барсова*, Сборникъ дѣйствующихъ и руководственныхъ церковныхъ и церковно-гражданскихъ постановленій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія. Т. I, Спб. 1885, стр. 112, № 430.

[2]) *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права, § 77, 81, 83. О замѣстителяхъ низшаго духовенства см. Kober, „Hilfspriester" у Wetzer und Welte, Kirchenlexikon, 2 Aufl. Bd. V, c. 2090—2101.

[3]) „Коадъюторъ поставляется при епископѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда епископъ, вслѣдствіе преклоннаго возраста, или болѣзненнаго состоянія, становится неспособнымъ къ управленію. Слѣдовательно коадъюторъ осуществляетъ епископскія iura iurisdictionis, и при томъ не помогаетъ, а *замѣняетъ* епископа неспособнаго, ибо, по дѣйствующему въ католической церкви праву, престарѣлый или больной епископъ на покой не посылается, а продолжаетъ быть епископомъ до самой смерти. Коадъюторъ можетъ и не имѣть епископскаго сана; но если въ данномъ діэцезѣ нѣтъ викарія, который осуществлялъ бы епископскія iura ordinis, коадъюторъ долженъ получить посвященіе во епископа in partibus". *Суворовъ*, Уч. ц. права, изд. 1902 г. стр. 250.

[4]) См. B. Ojetti, S. J., Synopsis rerum moralium et iuris pontificii, vol. I, Romae 1909[3], подъ словами Administratio, Administrator. Clm. 96—109.

[5]) Объ этомъ подробно говоритъ Ѳеофанъ въ Прибавленіи къ Д. Р., О монахахъ, пп. 30—33.

[6]) Этимъ источникомъ были пп. 3 и 4 собственноручной меморіи Петра, а слѣдовательно и пп. 3, 4 и 6 „Изъясненія особливаго", т. е. добавочныхъ пунктовъ къ архіерейской присягѣ (см. т. II, отд. II, № 5, А. и Б., а также указъ 22 января 1716 г. П. С. З. V, 2985). Относительно кликушъ и раньше изданъ былъ указъ 7 мая 1715 г. П. С. З. V, 2906.—О кликушествѣ вообще см. *С. В. Максимова*, Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Спб. 1903, стр. 147—158.

Выполненіе обязательствъ, возлагаемыхъ на архіереевъ ихъ присягою и подтвержденныхъ этимъ 8-мъ пунктомъ Духовнаго Регламента, требовало очень развитой системы надзора, почему Ѳеофанъ и рекомендуетъ учредить должности заказчиковъ или благочинныхъ, которые „аки бы духовные фискалы тое все насматривали, и ему бы епископу доносили". Эта мысль Ѳеофана не была вовсе новостью, такъ какъ поповскіе старосты и заказчики учреждены были еще Стоглавымъ соборомъ по первому предложенію Іоанна Грознаго: „уставили бы есте старосты поповские надо всѣми священники"[1]). Эти старосты сохранились и впослѣдствіи[2]). Но въ эпоху реформъ Петра Великаго, когда при личномъ участіи царя[3]) появились новые органы болѣе энергичнаго надзора, положеніе поповскихъ старостъ уже казалось неудовлетворительнымъ, а потому впослѣдствіи дѣйствительно учреждены были по свѣтскому образцу духовные инквизиторы или фискалы[4]) и благочинные[5]).

Объ архіерейскихъ школахъ для подготовки ставленниковъ. *Пункты девятый—тринадцатый* рекомендуютъ учрежденіе при всякомъ архіерейскомъ домѣ особыхъ школъ, „для дѣтей священническихъ, или и прочіихъ, *въ надежду священства опредѣленныхъ*". Такимъ образомъ задачею этихъ школъ должно быть спеціальное приготовленіе ставленниковъ къ священству. Этимъ онѣ должны отличаться какъ отъ Академіи, такъ и отъ Семинаріи, проектируемыхъ Ѳеофаномъ дальше, во второмъ трактатѣ подъ заглавіемъ: „Домы училищные и въ нихъ учители и ученики, такожъ и церковные проповѣдники". Академія, по мысли Ѳеофана, должна быть вообще высшимъ разсадникомъ просвѣщенія въ странѣ, содержимымъ на „государскомъ иждивеніи". Семинарія же можетъ быть устроена *при* Академіи, какъ подготовительное учебно-воспитательное заведеніе, или „въ началѣ и *безъ* Академіи" „для ученія и воспитанія дѣтей". Разумѣется, лица, получившія образованіе въ Академіи („Домы училищные" § 16) или Семинаріи (О Семинаріи § 26) должны имѣть преимущество предъ неучеными при назначе-

---

1) „Стоглавъ", 2-е изд. Казань 1887, стр. 26, 40, 61, 68—73.—*Н. Ѳ. Каптеревъ*, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. Москва 1874, стр. 20—21.

2) Ср., напр., „Дѣянія московскихъ соборовъ 1666—1667 гг." М. 1893 л. 37 об., а особенно обширную „Инструкцію поповскимъ старостамъ" патріарха Адріана (П. С. З. III, 1612, 26 декабря 1697 г.; *Н. Новиковъ*, Древняя россійская Вивліоѳика, изд. 2, М. 1788—1791, ч. 15, стр. 373—405).

3) Статьи о свѣтскихъ фискалахъ и ихъ обязанностяхъ въ 5 п. составлены были собственноручно Петромъ 12 марта 1714 г. Сборникъ И. Р. И. О. т. XI, стр. 276.

4) П. С. П. I, 22, 34, 56, 151, 279, 291, 294, 348; т. II, 526, 626, 693, 928 и друг.— П. С. З. IV, 2330; V, 2786, 3081, 3102, 3211, 3479; VI, 3870 и др.

5) П. С. П. V, 1937, 15 марта 1727 г.—См. *Т. В. Барсовъ*, О свѣтскихъ фискалахъ и духовныхъ инквизиторахъ. Ж. М. Н. П. 1878, февраль, стр. 307—400.—Его же, Синодальныя учрежденія прежняго времени, Спб. 1897, стр. 63—71.—*В. Н. Самуиловъ*, „Благочинные" въ Прав. Бог. Энциклопедіи т. II, 683 и сл. и статьи его же въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" за 1900 г. № 35 „Десятильники и поповскіе старосты"; № 36 „Благочинные приходскихъ церквей"; № 40 „Духовныя правленія"; № 43 „Благочиннические съѣзды"; № 44 „Благочинническіе совѣты".

нiи на гражданскiя должности или посвященiи въ духовный санъ, однако принятiе послѣдняго не ставится *цѣлью* полученiя или образованiя. Напротивъ, согласно § 24 (о Семинарiи), оканчивающiй Семинарiю долженъ принести присягу на вѣрность службы Государю, а по § 25 (тамъ же), лицъ, окончившихъ Семинарiю, Духовная Коллегiя будетъ „презентовать Царскому Величеству", очевидно, для гражданской, а не духовной службы.

Такимъ образомъ пп. 9—13 „Дѣлъ епископовъ" касаются спецiально школъ для ставленниковъ.

Такая школа, говорится въ *пунктѣ девятомъ,* учреждается, по мысли Θеофана, въ домѣ, или *при* архiерейскомъ домѣ.

Въ ней долженъ быть *одинъ* хорошiй учитель, который училъ бы *читать* по книгамъ, *разумѣть* прочитанное и *знать наизусть* двѣ первыя изъ выше рекомендованныхъ трехъ книжекъ, а именно „одну о догматѣ вѣры, а другую о должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя книжицы изданы будутъ".

Учениковъ неспособныхъ и непорядочныхъ слѣдуетъ „отпускать отъ школы", отнявъ отъ нихъ всю надежду на возможность посвященiя ихъ въ духовный санъ.

Пунктъ десятый устанавливаетъ правило, что въ будущемъ, когда число окончившихъ такую архiерейскую школу сдѣлается достаточнымъ для замѣщенiя всѣхъ вакансiй, уже не слѣдуетъ посвящать никого, кромѣ нихъ, на священство. Равнымъ образомъ, если ученики такой школы будутъ добровольно постригаться въ монашество, то только изъ ихъ среды поставлять архимандритовъ и игуменовъ, по скольку не будетъ къ тому важнаго препятствiя. За предпочтенiе неученаго ученому со стороны епископа, „безъ вины правильной", Θеофанъ дѣлаетъ его отвѣтственнымъ предъ Духовной Коллегiей.

Въ *пунктѣ одиннадцатомъ* Θеофанъ предвидитъ, однако, возраженiя матерiальнаго характера, а именно, что родители ученика будутъ роптать на необходимость платить учителю, содержать своихъ дѣтей вдали отъ дома и покупать имъ книги. Чтобы избѣжать этого, Θеофанъ требуетъ, чтобы образованiе и содержанiе учениковъ было для ихъ родителей безплатнымъ и именно велось бы на счетъ *особаго сбора* со знатнѣйшихъ монастырей въ епархiи по $^1/_{20}$ доли, а съ церковныхъ земель, гдѣ онѣ есть, по $^1/_{30}$ доли собираемаго ежегодно хлѣба. Размѣръ этого сбора долженъ опредѣлить и количество учениковъ, которое можно принять въ школу. Что же касается содержанiя учителя, или (прибавляетъ Θеофанъ) учителей, то таковое архiерей долженъ взять на счетъ своей казны, „какъ по разсужденiю мѣста опредѣлитъ Духовное Коллегiумъ".

Въ *двѣнадцатомъ пунктѣ* Θеофанъ устраняетъ новое возраженiе объ убыточности содержанiя школы для церквей и монастырей епархiи, „толькоб было доброе и вѣрное у оныхъ домостроенiе". Съ этою цѣлью надзора Θеофанъ предлагаетъ, чтобы епископу ежегодно представлялась вѣдомость прихода и расхода всего собраннаго по епархiи хлѣба, а также,

чтобы Духовная Коллегія имѣла „книги приходовъ и расходовъ всѣхъ знатнѣйшихъ монастырей въ Россіи". Θеофанъ разумѣетъ здѣсь собственно т. наз. *окладные* (обыкновенные) расходы, однако тутъ же совѣтуетъ подвергнуть учету и уравненію чрезвычайные расходы, напр., на строеніе и ремонтъ.

Но, „чтоб епископы (также) не возроптали, будто имъ убыточно будетъ ружить (т. е. содержать) учителя или учителей", въ *пунктѣ тринадцатомъ* Θеофанъ совѣтуетъ епископамъ не держать лишнихъ служителей, не строить новыхъ зданій, кромѣ прибыльныхъ, напр., мельницъ, не увеличивать себѣ сверхъ нужды и подобающей имъ чести церковныхъ облаченій и платья, а для контроля за расходомъ епископскихъ суммъ высказываетъ пожеланіе, чтобы приходо-расходныя книги епископовъ были бы въ Духовной Коллегіи[1]).

Мысль Θеофана о желательности учрежденія при архіерейскихъ домахъ школъ для ставленниковъ была не новостью, а лишь напоминаніемъ того пробѣла въ русской дѣйствительности, который уже давно давалъ себя чувствовать.

На безграмотность и невѣжество ставленниковъ жаловался еще Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, а затѣмъ и Стоглавый соборъ 1550 г. „Се приведутъ ко мнѣ мужика,—пишетъ Геннадій[2]) о кандидатахъ во священники,—и азъ велю ему апостолъ дати чести,—и онъ не умѣетъ ни ступити, и азъ ему велю псалтырю дати,—и онъ по тому едва бредетъ...; азъ прикажу учити ихъ октеніи,—и онъ ни къ слову не можетъ пристати: ты говоришь ему то, а онъ иное говоритъ". Въ опредѣленіяхъ Стоглаваго собора читаемъ: „ставленники, хотящіе во дьяконы и въ попы ставитися, грамотѣ мало умѣютъ; и святители истязуютъ ихъ о томъ съ великимъ запрещеніемъ: почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣтъ чинятъ: „мы-де учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а индѣ намъ учитися негдѣ; сколько отцы наши и мастеры умѣютъ, потому и насъ учатъ"; а отцы ихъ и мастеры ихъ и сами по тому жъ мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ[3]).

Поэтому уже Геннадій просилъ Митрополита Симона „печаловаться" передъ государемъ, „чтобъ велѣлъ училища учинити"[4]). Однако грамотность

---

[1]) Проектъ штата духовнаго, приписываемый самому Θеофану, съ резолюціей Петра Великаго см. въ Гос. Архивѣ, Кабинетъ, I, кн. 31 л. 186—187 и въ нашемъ изданіи т. II, отд. II, № 7, лит. Б. Матеріальный вопросъ очень интересовалъ духовные и правительственные круги въ теченіе всего XVIII вѣка, когда шла дѣятельная борьба за управленіе и пользованіе церковными имѣніями. Тогда именно отчасти и нашли свое осуществленіе предположенія Θеофана Прокоповича, высказанныя имъ въ вышеизложенныхъ 11, 12 и 13 пунктахъ. См. *мою* книгу: Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра В. Спб. 1909.

[2]) Вѣроятно не безпристрастный ибо Геннадій былъ въ Новгородѣ московскимъ ставленникомъ.

[3]) Акад. *Е. Е. Голубинскій*, Ист. Рус. Церкви, т. I, 1-я пол. стр. 477.—„Стоглавъ", 2-е изд. Казань, стр. 58—59.

[4]) *П. Н. Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, ч. II, Спб. 1905, изд. 4, стр. 251.

развивалась медленно и собору 1667 г. пришлось повторить повелѣніе, „яко да всякій священникъ дѣтей своихъ научаетъ грамотѣ и страху Божію и всякому церковному благочинію со всякимъ прилѣжаніемъ, яко да будутъ достойни въ воспріятіе священства и наслѣдницы по нихъ Церкви и церковному мѣсту. А не оставляти имъ дѣтей своихъ наслѣдниковъ мамонѣ, а Церковь Христову корчемствовати и во священство поставлятися селскимъ невѣждамъ иже иніи ниже скоты пасти умѣютъ, колми паче людей. Тѣмъ убо бываютъ въ Церкви Божіи мятежы и расколы“[1]).

Впрочемъ и раньше, подготовляясь къ собору 1651 г., Алексѣй Михайловичъ собственноручно записалъ 12-й вопросъ для обсужденія: „А которыхъ въ священный чинъ и во дьяконски поставляти, и выбирати избранных людей учителныхъ, чтоб знали кругъ церковный і уставъ; а которые не учины, и тѣхъ во училище подобаетъ учити, чтоб по правилом святых отецъ всѣ знали какъ души християнския просвещати. *Соль земли и свѣтъ миру*[2]).

Однако все шло по старому и по возвращеніи изъ-за границы Петръ, будучи 1 октября 1699 г. у патріарха Адріана, говорилъ ему[3]), „что священники ставятся, грамотѣ мало умѣютъ еже бы ихъ таинствъ научати иставити в той чинъ. На сіе надобно человѣка, и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто гдѣ быти тому. Чтобы возимѣти промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей, и къ знанію его христіанъ православныхъ и зловѣрцов татар, мордвы, и черемисы, и иныхъ иже не знают творца Господа. И для того, во обученіе хотя бы послати колико десять человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которыя бы возмогли к сему прилѣжати. И благодатію Божіею и здѣ есть школа, и тому бы дѣлу порадѣть мощно. Но мало которыя учатся, что никто школы какъ подобаетъ не назираетъ. А надобно к тому человѣкъ знатный, въ чинѣ и во имени, и въ доволствѣ потреб, ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся. И сего не обрѣтается ни от какихъ людей. Быти тому како? Евангельское ученіе, и свѣтъ его, сі есть знаніе Божіе человѣком, паче всего въ жизни сей надобно. И изъ школы бы во всякія потребы люди благоразумно учася, происходили въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе, и докторское врачевское искуство. Еще же мнози желают дѣтей своихъ учити свободныхъ наукъ, и отдаютъ здѣ иноземцом оныя, иніи же и въ домѣхъ своихъ держатъ будто учителей иноземцов же которыя славенского нашего языка не знают, право говорити, к сему еще иныхъ вѣръ. И при ученіи томъ малымъ дѣтемъ и ереси своя знати показуют, отчего дѣтем вред, и Церкви нашей святѣй, можетъ быти спона велія, а рѣчи своей от неискуства поврежденіе. А въ нашей бы школѣ при

---

[1]) „Дѣянія моск. соборовъ 1666—1667 гг.“ М. 1893, л. 17.

[2]) *С. А. Бѣлокуровъ*, Изъ духовной жизни моск. общества XVII в. Изд. М. О И. и Др. Р. М. 1903, стр. 49.

[3]) Какъ записано въ Гос. Арх. Кабинетъ II, № 53 л. 333.—Ср. *Соловьевъ*, III, 1358.— Напечатано у *Устрялова*, И. П. В. III, 512.—*Рункевичъ*, 22—23.—*Харламповичъ*, Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914, т. I, стр. 404.

знатном и искусном обученіи всякаго добра училися. И кто бы гдѣ въ наукѣ заправился, въ Царскую школу хотя бы кто побыват пришолъ, и онъ бы пользовался. И сего смотрѣти же надобно, и прирадѣть тщательно зѣло. Но яко вѣра безъ дѣла, а дѣло безъ правыя вѣры, мертво есть обоя. Тако слово без промысла, а труд без чина, и без потреб, не успѣетъ ползовати. Еще же велія злоба от діавола, и козни его на люди, еже бы наука благоразумная, гдѣ либо не возимѣла мѣста всячески бо препинанія дѣет въ той. Господь же Богъ во всем помощь да сотворитъ людем спасителну".

Такъ какъ патріархъ не въ силахъ былъ что либо сдѣлать, Петръ принялъ свои мѣры и указомъ 15 Января 1708 г. повелѣлъ „Поповымъ и діаконовымъ дѣтямъ учиться въ школахъ Греческой и Латинскихъ. А которые въ тѣхъ школахъ учиться не похотятъ: и ихъ въ попы и во діаконы, на отцовы мѣста и никуда (не) посвящать, и въ подъячіе и въ иные ни въ какіе чины, кромѣ служилаго чина, принимать не велѣно"[1]). 11 ноября 1710 г. указъ этотъ былъ подтвержденъ, при чемъ кромѣ дѣтей поповъ и діаконовъ въ немъ обязывались учиться и дѣти дьячковъ, пономарей, церковныхъ сторожей и просвиренъ[2]).

Указомъ 28 февраля 1714 г.[3]), который дополненъ былъ указами 28 декабря 1715 г. и 18 января 1716 г.[4]) учреждены были свѣтскія „цифирныя" школы, которыя должны были помѣщаться при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ и содержаться на ихъ счетъ. Хотя эти школы не имѣли въ виду профессіональной подготовки ставленниковъ, однако, мысль о привлеченіи къ содѣйствію развитію образованія въ странѣ самихъ архіереевъ и монастырей и ихъ средства, была уже этимъ намѣчена. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ продолжалъ настаивать на томъ, чтобы на священническія мѣста были подготовляемы ставленники заранѣе. Не далѣе какъ 19 февраля 1718 г. Петръ указалъ, „чтобъ учинить заранѣе на поповы мѣста, когда умретъ, чтобъ готовы были"[5]), а 28 февраля того же 1718 г. распорядился „поповыхъ дѣтей, также изъ церковниковъ и изъ другихъ чиновъ, кто пожелаетъ, учить въ школахъ заранѣе, чтобъ были въ попы годные, и ежели попъ умретъ, то на ихъ мѣста посвящать, которые по ученію тому достойны будутъ"[6]).

Въ 1718 г. Ѳеофанъ началъ писать свое „описаніе и рассужденіе" о Духовной Коллегіи, куда и включилъ уже вполнѣ назрѣвшій планъ учрежденія епископскихъ школъ для ставленниковъ. Предъ его глазами были не только указы Петра, но отчасти и реализація ихъ въ школахъ Митрополита Іова Новгородскаго[7]), Димитрія Ростовскаго[8]), Питирима Нижего-

---

[1]) П. С. З. IV, 2186. [2]) П. С. З. IV, 2308. [3]) П. С. З. V, 2778.
[4]) П. С. З. V, 2971, 2979. [5]) П. С. З. V, 3171. [6]) П. С. З. V, 3175.
[7]) *Е. М. Прилежаевъ*, Новгородскія епархіальныя школы въ Петровскую эпоху. Христ. Чт. 1877, I (мартъ) 331.—*М. Сменцовскій*, Братья Лихуды. Опытъ изслѣдованія изъ исторіи церковнаго просвѣщенія и церковной жизни конца XVII и начала XVIII в. Спб. 1899.
[8]) *И. А. Шляпкинъ*, Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709) Спб. 1891.

родскаго, Стефана (Яворскаго) и Гавріила (Бужинскаго) Рязанскихъ, Митрофана Воронежскаго, Филоѳея Сибирскаго и, наконецъ, самого Ѳеофана Псковскаго. Въ свою очередь превращеніе „описанія и разсужденія“ о Духовной Коллегіи въ ея Регламентъ сдѣлало предложеніе Ѳеофана обязательнымъ и послужило толчкомъ къ повсемѣстному учрежденію[1]) и развитію архіерейскихъ школъ, преобразованныхъ впослѣдствіи въ семинаріи[2]).

Объ обязанности епископовъ знать мѣру своей чести. *Пункты четырнадцатый, пятнадцатый и шестнадцатый,* посвящаются Ѳеофаномъ вопросу *о епископской чести,* постепенно переходящему у него въ вопросъ *о правѣ и порядкѣ церковнаго отлученія.* Этотъ послѣдній вопросъ разработанъ имъ какъ особое *ученіе объ отлученіи,* подлежащее съ нашей стороны самостоятельному изслѣдованію.

Ѳеофанъ прежде всего требуетъ, чтобы всякій епископъ зналъ *мѣру своей чести,* ибо дѣло епископское дѣйствительно великое (ниже въ п. 15 онъ говоритъ: „дѣло пастырское, яко посольство Божіе“), но за него въ Св. Писаніи не опредѣлено никакой особой чести. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Ѳеофанъ ссылается совершенно правильно на I Кор. I, 10—IV, 2.

Какъ извѣстно, въ этомъ мѣстѣ Апостолъ Павелъ старается устанить тѣ распри и споры, которые происходили между коринѳянами, гордившимися тѣмъ, что они приняли новую вѣру отъ того, а не иного проповѣдника. „Я разумѣю то, что у васъ говорятъ: я Павловъ; я Аполлосовъ; я Кифинъ; а я Христовъ“ (1 Кор. I, 12). Апостолъ возражаетъ на это тѣмъ, что всѣ коринѳяне крестились во имя Христа, а не Павла, не Аполлоса и называть себя по ихъ имени, значитъ быть плотскими (III, 3—4), а не духовными, понимающими сущность Божественной мудрости. Въ свою очередь „кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они *только служители,* чрезъ которыхъ вы увѣровали и притомъ поскольку каждому далъ Господь. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій“ (III, 5—7). „И такъ, говоритъ Апостолъ, каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей таинъ Божіихъ“ (IV, 1).

Пользуясь этими разсужденіями Апостола Павла, Ѳеофанъ подчеркиваетъ, что пастырское дѣло только *внѣшнее*: проповѣдать, настоять, запрещать благовременно и безвременно (взято изъ II Тим. IV, 2: „Проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщевай

[1]) На основаніи Д. Регламента Синодальный указъ объ учрежденіи архіерейскихъ школъ былъ изданъ 31 мая 1722 г. П. С. П. II, 648; П. С. З. VI, 4021.

[2]) *Проф. П. В. Знаменскій,* Духовныя школы въ Россіи до реформы 1868 г. Казань 1881.—*Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ,* Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія Министерствъ. 1874. (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. т. 169 и 170; 1874 т. 172 и 173). — *С. В. Рождественскій,* Очерки по исторіи системъ народнаго образованія въ Россіи въ XVIII—XIX вв. т. I, Спб. 1912, стр. 65 сл. — *А. П. Доброклонскій,* Руков. по ист. Рус. Церкви. В. IV, М. 1893 стр. 195 сл.

со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ"), и совершать обряды Св. Таинъ. Дѣло же *внутреннее*, какъ то обращать сердца къ покаянію и обновленію житія, принадлежитъ одному Богу, дѣйствующему чрезъ посредство слова, т. е. проповѣди, и совершеніе таинствъ (тайнодѣйствіе) пастырей, какъ только орудія.

Исходя изъ этого положенія Ѳеофанъ и требуетъ „укротить оную вельми жестокую епископовъ славу", т. е. въ частности, чтобы ихъ не водили подъ руки, пока они здоровы, и чтобы „подручная" братія имъ не кланялась въ землю.

Находя это высокомѣріе безобразнымъ и противорѣчащимъ добродѣтели смиренія, Ѳеофанъ обращаетъ вниманіе на то, что этою слабостью епископовъ злонамѣренно пользуются нѣкоторые подчиненные, которые „самохотно и нахально стелются на земли, да лукаво, чтобъ степень исходатайствовать себѣ (т. е. посвященіе въ священнослужителя) недостойный (не имѣя на то права), чтобъ такъ неистовство и воровство свое покрыть".

Болѣе того, Ѳеофанъ указываетъ далѣе на весь вредъ и даже комичность такого самообольщенія со стороны епископовъ. Въ черновой рукописи Регламента, непосредственно за приведенными словами онъ говоритъ: „А покланяемый пастырь, насыщаяся толикой славы, помышляетъ все дѣло свое быти, чтобъ его, *какъ лошадь неученную водили*, а прямого дѣла своего не знаетъ"[1]). Эта злая, но мѣткая, каррикатура, вѣроятно, ему самому показалась слишкомъ рискованной, почему даже въ черновой рукописи приведенныя слова заклеены бумажкой, и въ другія рукописи, конечно, не попали.

Продолжая настаивать на епископской скромности, Ѳеофанъ признаетъ однако, что дѣло пастырства великое, хотя внѣшнее, „яко посольство Божіе" и потому заслуживаетъ сугубой чести (дѣлается вѣрный перифразъ 1 Тим. 5, 17). Но эта честь должна быть умѣренной, а не излишней и даже равноцарской (намекъ на время патріарховъ Филарета Никитича и Никона; ср. идеи Эпанагоги). Наконецъ, ея не слѣдуетъ самимъ искать или требовать, но довольствоваться „свободно подаваемою".

Какъ видно изъ изложеннаго, темой для этихъ двухъ пунктовъ 14 и 15-го послужила сама русская дѣйствительность.

Съ самаго начала устройство русской церкви приняло аристократическій характеръ.

Этотъ аристократизмъ, олицетворенный въ русскихъ епископахъ, зависѣлъ, между прочимъ, отъ того, что на архіерейскія каѳедры у насъ, почти съ самаго начала, избирались лица высшаго боярскаго класса и монахи, принадлежавшіе въ міру къ тому же боярскому классу, что сохранялось и впослѣдствіи. „Самые первые епископы наши, говоритъ академикъ *Е. Е. Голубинскій*, какъ это нужно думать, сполна всѣ или же почти

---

[1]) См. прим. 114 къ Черн. рук Д. Р.

всѣ были изъ грековъ"[1]). Съ второй смѣны епископовъ должно было начаться ихъ ставленіе вмѣстѣ съ Греками и изъ природныхъ Русскихъ)[2]. Средою изъ которой въ Греціи брали кандидатовъ на архіерейство были епископскіе пресвитеріи, т. наз. „клиросы", состоявшіе изъ „клириковъ" или „клирошанъ"[3]). Но послѣдніе въ то время на Руси были большею частью Греками, принадлежавшими къ числу бѣлыхъ или мірскихъ священниковъ. Между тѣмъ уже въ то время въ Греціи епископами бывали и монахи[4]), хотя вовсе не преимущественно. У насъ же, уже спустя 50 лѣтъ послѣ крещенія Владимира, „какъ только появились у насъ монастыри и въ нихъ монахи способные и достойные быть епископами, эти послѣдніе стали у насъ рѣшительно преобладающими кандидатами въ епископы"[5]). Между тѣмъ лица боярскаго класса не шли въ епископскіе клирики, за то охотно принимали монашескій постригъ[6]), поэтому и вошло въ обычай ставить въ епископы монаховъ не какого бы то ни было мірскаго происхожденія, а главнымъ образомъ именно происхожденія аристократическаго, тѣмъ болѣе, что 1) по самому существу епископскаго сана епископами должны были быть люди, умѣющіе руководить другими; 2) образованные и 3) въ силу сложившагося въ Греціи обычая, удержавшагося и у насъ, уплачивать при посвященіи большія пошлины — люди богатые[7]). Къ сказанному надо прибавить, что монашество епископовъ еще болѣе углубило пропасть между ними и бѣлымъ духовенствомъ и создало взаимное непониманіе психологіи и интересовъ духовенства и мірянъ, съ одной стороны, и епископовъ-монаховъ съ другой.

---

[1]) *Акад. Е. Е. Голубинскій*, Исторія Русской церкви М. 1901, изд. 2, Т. 1, первая половина стр. 344.

[2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же.

[4]) О монашествѣ епископовъ см. *Голубинскаго*, тамъ же стр. 347, примѣчаніе.— *Іоаннъ еп. Смоленскій*. О монашествѣ епископовъ. Почаевъ 1905 г.—*А. П. Лебедевъ*. Историч. очерки состоянія византійско-восточной Церкви отъ конца XI до половины XV вв. М. 1902, изд. 2 стр. 260, 318, 339. „Окончательное торжество монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ по вопросу о занятіи высшихъ мѣстъ въ епархіи, и слѣдовательно по управленію Церковью, совершилось во время т. наз. исихастскихъ споровъ (1340—1359 г.г.). Движеніе, вызванное этими спорами, имѣло уже исключительно монашескій характеръ. Оно разрѣшилось полнымъ тріумфомъ аѳонскихъ иноковъ, предводимыхъ Григоріемъ Паламою, надъ Константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Калекасомъ (1337—1347 г.) и надъ придворнымъ ученымъ Никифоромъ Григорою. На побѣду ихъ надъ этимъ патріархомъ можно смотрѣть, какъ на побѣду монашества надъ бѣлымъ духовенствомъ. Это былъ послѣдній патріархъ на Константинопольскомъ престолѣ изъ бѣлаго духовенства, какъ одинъ изъ его предшественниковъ Іоаннъ Гликисъ (1315—1320 г.) былъ послѣднимъ патріархомъ изъ государственныхъ сановниковъ. Съ этихъ поръ высшія мѣста въ епархіи исключительно уже замѣщались монашествующими, а Константинопольскій патріаршій престолъ надолго дѣлается достояніемъ питомцевъ св. горы Аѳонской". Проф. *И. Е. Троицкій* „Арсеній и Арсениты". Христ. Чт. 1872, II, 650—651.

[5]) *Е. Е. Голубинскій*, тамъ же стр. 348.

[6]) *Е. Е. Голубинскій*, И. Р. Ц. т. I, 1-ая пол. М, 1901. стр. 351.

[7]) Тамъ же 349—352.

Не меньшее знаненіе для развитія аристократизма русской іерархіи имѣло также и чрезвычайно малое количество русскихъ епархій, огромныхъ по своему пространству[1]).

[1]) При св. Владимірѣ—8; въ половинѣ XIII в.—15; къ концу XIV в.—18; съ учрежденіемъ паріаршества проектировалось довести число митрополій до 12, а епископій до 72, однако къ концу патріаршаго періода оказалось всего: 1 патріаршая область, 13 митрополій, 7 архіепископій и 1 епископія. См. проф. *П. Знаменскій*, Учебное руководство по Исторіи Русской Церкви. Спб. 1896, стр. 31, 96, 229, 230. Проф. *И. Покровскій*. Русскія епархіи въ XVI — XIX в. в., т. 1, стр. 314 — 386. Казань 1897. Ср. Академика *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія Русской Церкви. Т. I, 1-ая половина. М. 1901, изд. 2, стр. 332 и слѣд. 369; *Н. Д.*, Іерархія Всероссійской Церкви отъ начала христіанства въ Россіи до настоящаго времени. М. 1882. 1894. 1898 г. г. три выпуска. Акад. *Е. Е. Голубинскій* (Ист. Р. Ц., т. I, 1-ая половина. М. 1901, 2, 363—369) о вліяніи огромнаго пространства нашихъ епархій на духъ и характеръ нашихъ архіереевъ говоритъ слѣдующее: „Мы уже неоднократно давали знать выше, что огромное пространство нашихъ епархій должно было имѣть весьма значительное вліяніе на духъ и характеръ нашихъ архіереевъ. Вліяніе это, къ сожалѣнію было неизбѣжно, но оно было и могло быть не къ лучшему, а къ худшему. Архіерей по своей идеѣ не есть только административно—судебный чиновникъ надъ духовенствомъ большаго или меньшаго округа, не имѣющій никакого отношенія къ мірскому населенію этого округа, но есть совершенно такой же пастырь своихъ прихожанъ, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ есть не только пастырь, но архипастырь, т. е. не только самъ пастырь, но и начальникъ надъ другими пастырями. По сей именно идеѣ первоначально каждая отдѣльная церковная община малая и большая или каждый отдѣльный приходъ имѣлъ непремѣнно своего епископа. Уничтоженіе епископовъ сельскихъ и оставленіе только городскихъ, съ образованіемъ епископскихъ округовъ или приходовъ такъ, чтобы они обнимали города съ уѣздами, было собственно посягательствомъ на архіерейство, какъ пастырство. По отношенію къ священникамъ архіереи, собственно говоря, вовсе не суть высшіе начальники и грозные судьи, которыхъ послѣдніе обязаны только трепетать. Пресвитеры собственно суть духовные соначальники епископовъ надъ духовными подчиненными, которые суть міряне...... Не то должно было случиться съ отношеніями архіереевъ къ ихъ паствамъ и къ ихъ духовенству у насъ въ Россіи вслѣдствіи обширности нашихъ епархій. Епархіи наши были такъ обширны, что для большей части своихъ паствъ архіереи наши не имѣли физической возможности быть пастырями, ибо не имѣли возможности видѣть тѣхъ, кого подлежало пасти. Средство для пастырскаго общенія архіереевъ съ ихъ паствами представляли объѣзды епархій. Но при обширности послѣднихъ, архіереи могли совершать ихъ только такимъ образомъ, чтобы быть далеко не во всѣхъ селеніяхъ, а лишь въ центральнѣйшихъ пунктахъ и останавливаться въ каждомъ мѣстѣ не на болѣе или менѣе продолжительное время, а лишь на такой короткій срокъ, чтобы увидѣть толкущуюся толпу пасомыхъ и ничего болѣе... Не имѣя возможности быть дѣйствительными пастырями для всѣхъ, архіереи наши все меньше и меньше заботились о томъ, чтобы быть таковыми пастырями нѣкоторыхъ и кончили тѣмъ, что совсѣмъ перестали быть ими, ставъ какъ бы не существующими для паствъ и оставшись только высшими церковными чиновниками, окружными начальниками приходскихъ духовенствъ.

На характеръ отношеній архіереевъ къ подчиненнымъ имъ приходскимъ духовенствамъ обширность нашихъ епархій должна была вліять также далеко не съ хорошей стороны. Совершенно естественно, что — чѣмъ обширнѣе область, тѣмъ начальникъ сознаетъ себя большимъ начальникомъ. Но епархіи наши не были тѣми крошечными областями, представляющими собой не болѣе какъ волости или станы, каковы были епархіи въ Греціи; онѣ были такъ обширны, что не только обнимали цѣлыя удѣльныя княженія, но даже по нѣскольку этихъ послѣднихъ. Совершенно естественно и извинительно было

Объ отлученіи и анаѳемѣ. *Пунктъ шестнадцатый*[1]). Въ связи съ предшествующими разсужденіями о сущности и предѣлахъ епископской чести, Ѳеофанъ требуетъ, „чтобы епископъ не былъ дерзокъ и скоръ, но долготерпѣливъ и разсудителенъ во употребленіи власти своей связательной, то есть во отлученіи и анаѳемѣ". При этомъ Ѳеофанъ вѣрно приводитъ слова Апостола Павла II Кор. X, 7 (ср. XIII, 10) и I Кор. V, 5, не правильно, впрочемъ, называя I-е, а не II-е посланіе къ Коринѳянамъ.

поэтому явиться у нашихъ архіереевъ гораздо большему духу власти, нежели какъ это было въ Греціи. Чѣмъ болѣе извѣстной категоріи начальниковъ, тѣмъ менѣе они сознаютъ свою власть и свое значеніе и, наоборотъ, чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ они выше и тѣмъ они большіе начальники. Въ имперіи греческой, которая развѣ немногимъ превосходила относительно пространства нашу тогдашнюю Россію. Число архіереевъ восходило до многихъ сотенъ (при императорѣ Юстиніанѣ, по Синекдему Гіерокла, въ Греціи было 64 губернскихъ и 935 уѣздныхъ городовъ, слѣдовательно, столько же было и епископовъ. Послѣ Юстиніана, вѣроятно, много городовъ, а съ ними и епископій, перестало существовать отъ набѣговъ варварскихъ. Все таки число послѣднихъ продолжало оставаться очень большимъ; на Константинопольскихъ соборахъ при Фотіи присутствовало епископовъ—861, болѣе 300, 879—880 г. слишкомъ 380); у насъ же, на немного меньшемъ, а можетъ быть даже и не меньшемъ, пространствѣ архіереевъ было и всего—сначала 8, а къ нашествію Монголовъ 15: естественно, что у нашихъ архіереевъ должно было явиться совсѣмъ иное сознаніе своей власти, чѣмъ у первыхъ.

Обширность епархій, съ другой стороны, и подчиненное духовенство должна была приводить къ тому, чтобы и оно само и добровольно усвояло все большую и большую власть своимъ архіереямъ. Подчиненный тѣмъ свободнѣе и непринужденнѣе чувствуетъ себя съ своимъ начальникомъ, чѣмъ чаще съ нимъ видится и чѣмъ болѣе обращается; напротивъ, онъ со страхомъ и трепетомъ предстаетъ передъ него, если ему приходится видѣть его слишкомъ рѣдко. При обширности нашихъ епархій священники наши могли видѣть своихъ архіереевъ только весьма рѣдко, хотя и чаще нынѣшняго. Естественно, что уже они сами, никѣмъ не нудимые представали предъ архіереевъ не иначе, какъ съ самымъ крайнимъ смиреніемъ и униженіемъ и это тѣмъ болѣе, что съ одной стороны, рѣшительное большинство ихъ было не только безъ всякаго образованія, которое пробуждаетъ сознаніе своего достоинства, но едва-едва грамотные, а съ другой стороны, что всѣ они по своему происхожденію были изъ класса самаго невысокаго. Такимъ образомъ, обширность нашихъ епархій должна была приводить къ тому, чтобы, съ одной стороны, архіереи наши поддались духу властительства или высоковластія, а съ другой стороны—чтобы подчиненное имъ духовенство исполнилось духа особеннаго смиренія и рабства. Итакъ, пастыри своихъ паствъ болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ, слишкомъ высокіе начальники своихъ подчиненныхъ - таковыми явились у насъ архіереи".

Ср. стр. 557—560 тамъ же у *Голубинскаго* о томъ, что „Епископы наши, бывъ въ отношеніи къ обширности епархій и къ изобилію средствъ содержанія совсѣмъ иными, чѣмъ епископы греческіе, представляли изъ себя, такъ сказать, господъ самой большой руки". Кромѣ того заслуживаютъ самаго бдительнаго вниманія стр. 604—618, на которыхъ *Голубинскій* излагаетъ историческія и каноническія основанія въ доказательство того положенія, что „пресвитеры не суть служители епископа, а суть его сотоварищи и соначальники".

[1]) См. спеціальное изслѣдованіе *Н. С. Суворова*, О Церковныхъ наказаніяхъ, Спб. 1876, особенно стр. 46—100, 148—166, а также *В. Кипарисова*, О Церковной дисциплинѣ. Сергіевъ Посадъ 1897 и рецензію на эту книгу *И. С. Бердникова* подъ заглавіемъ „Къ вопросу о церковной дисциплинѣ" Казань 1902 (изъ „Прав. Собесѣдника" за 1902 г.).

Но на это требованіе въ Регламентѣ Ѳеофанъ былъ уполномоченъ не только общими соображеніями и авторитетомъ Апостола. Предъ нимъ были дополнительные 1 и 2 пункты къ архіерейской присягѣ, въ основѣ своей составленные собственноручно Петромъ Великимъ[1]).

На основаніи этихъ пунктовъ, посвящаемый архіерей долженъ былъ произнести:

1) Обѣщаюся еже кого либо по моей страстной волѣ, или какихъ ради ссоръ со мною, или съ моими подчиненными вседомовно и единолично не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать, по 4-му правилу 7-го Вселенскаго собора, и по 134-му иже въ Карѳагенѣ помѣстнаго и по 39-й заповѣди Іустиніана царя, развѣ кто покажетъ себя явнымъ преступникомъ и разорителемъ заповѣдей Божіихъ, или противо церкви еретикомъ и, по Христови словеси (Матѳ. 18), по тріехъ увѣщаніяхъ не покоршагося и не исправившагося, токмо единолично, а не вседомовно, проклинать и отлучать.

2) Съ сопротивными церкви святой съ разумомъ, правильно и кротостію поступать, по Апостолу Павлу (2 Тим. 2), яко рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти, ко всѣмъ учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истинны, и по 66 правилу помѣстнаго иже въ Карѳагенѣ собора"[2]).

Руководствуясь этими пунктами, за которыми стоялъ авторитетъ Высочайшаго повелѣнія, Ѳеофанъ излагаетъ свое ученіе объ отлученіи.

Прежде всего Ѳеофанъ различаетъ *анаѳему* и *отлученіе*.

Анаѳема—„есть проклятіе, казнь смерти подобная. Анаѳемою бо отсѣкается человѣкъ от мысленнаго тѣла Христова, то есть от Церкви, и ктому не христіянинъ пребываетъ, отчюжденъ наслѣдія всѣхъ благъ, смертію Спасителевою нам пріобрѣтенныхъ" при этомъ Ѳеофанъ цитируетъ Мѳ. XVIII, 17 и I Кор. V, 5.

Отлученіе или запрещеніе„ есть, когда не предаетъ явно грѣшника Церковь анаѳемѣ, и не изгоняетъ его от стада Христова, но толко смиряетъ его отлученіемъ от сообщенія съ правовѣрными во общихъ молитвахъ, не велит входить въ храмы Божія, и на нѣкое время запрещаетъ ему причастіе Св. Таинъ. Кратко рещи, чрезъ анаѳему человѣкъ подобенъ есть убіенному, а отлученіемъ или запрещеніемъ подобенъ есть за арестъ взятому"[3]).

Въ подтвержденіе правильности своей классификаціи Ѳеофанъ говоритъ, что „обоихъ сихъ великой и меньшой казни образы суть на цер-

---

[1]) Т. II, отд II, № 5.

[2]) О. А. Св. С. I., Прил. стр. VII.—П. С. З. V, 2985, 22 янв. 1716 г.

[3]) Ср. слова *Н. С. Суворова* о сущности легчайшаго вида отлученія у евреевъ: „сущность его состояла въ томъ, что подвергнувшійся ему, въ теченіе опредѣленнаго срока (до 30 дней), не долженъ былъ оставлять своего дома,—нѣчто въ родѣ домашняго ареста". О Церковныхъ наказаніяхъ. Спб. 176. стр. 49—50.

ковныхъ соборахъ: гдѣ еретикамъ сказуется анаѳема, а преступницы соборныхъ правилъ отлученіемъ наказуемыи суть".

Утверждая это Ѳеофанъ былъ правъ, хотя съ нѣкоторыми оговорками. *Церковь первыхъ трехъ вѣковъ* знала только анаѳему (или отлученіе), какъ исключеніе изъ состава церковнаго общества за явный и доказанный тяжкій грѣхъ (идолослуженіе, убійство, плотскіе грѣхи, ересь, корыстолюбіе)[1]). Со времени же признанія христіанства государственной религіей случаи примѣненія анаѳемы или отлученія весьма сократились и ей подвергались почти исключительно еретики[2]), За то, въ видѣ реакціи противъ нарушенія церковныхъ заповѣдей, развилось публичное церковное покаяніе или эпитимія. Сначала оно имѣло значеніе испытанія въ искренности раскаянія отлученнаго, и только со времени Василія Великаго стало наказаніемъ, т. е., какъ говоритъ *Н. С. Суворовъ* (О церковныхъ наказаніяхъ, Спб. 1876, стр. 67), „изъ пути, ведущаго къ освобожденію отъ наказанія, оно само сдѣлалось наказаніемъ и само получило названіе *отлученія*".

Порядокъ наложенія наказанія отлученіемъ долженъ былъ заключаться въ слѣдующемъ: 1) Необходимо было достаточное основаніе, т. е. тяжкій, явный, доказанный грѣхъ. По выраженію Апостольскихъ постановленій, епископъ не долженъ быть скоръ къ изгнанію или изверженію, но остороженъ[3]). 2) Отлученіе произносится только въ случаѣ дознанной нераскаянности, т. е. послѣ увѣщаній и именно троекратныхъ (согласно Мѳ. XVIII, 15 и Тит. III, 10)[4]). 3) Наказаніе должно быть только личнымъ, но не касаться невинныхъ[5]).

Но не съ Востока взялъ Ѳеофанъ свой образецъ, а именно съ Запада, гдѣ, какъ въ *католичествѣ*, установилось различіе великаго отлученія, или *анаѳемы* отъ *малаго отлученія*, выродившагося изъ публичнаго покаянія, составляя его отрицательную сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ католичествѣ возникло разграниченіе между понятіемъ *цензуръ* и понятіемъ *виндикативныхъ наказаній*. Цензурами называются такія мѣры, которыя примѣняются для того, чтобы сломить длящееся упорство преступника въ сопротивленіи церковнымъ правиламъ (censurae, seu poenae medicinales). Напротивъ, виндикативными наказаніями являются наказанія воздающія за преступленіе (poenae vindicativae).

Цензуры не могутъ примѣняться тогда, когда преступникъ раскаивается, не налагаются на опредѣленное время и наложенію ихъ предшествуютъ три послѣдовательныя каноническія увѣщанія (monitiones canonicae). *Виндикативныя* наказанія поражаютъ преступника за совершенное имъ преступное дѣяніе, независимо отъ раскаянія или нераскаянности его, мо-

---

[1]) *Н. С. Суворовъ*, О церковныхъ наказаніяхъ, Спб. 1876, стр. 46—54.

[2]) Ib. 54—58, 78. [3]) Постан. Ап. II, 1. Рус. переводъ Казань 1864, стр. 43.

[4]) Правила Апостольскія 31 и 74.

[5]) *Н. С. Суворовъ*, Ц. наказанія, стр. 58—61.

гутъ быть налагаемы на опредѣленное время и не требуютъ предварительныхъ каноническихъ увѣщаній.

Цензурами считаются: 1) *отлученіе* отъ Церкви, которое можетъ быть или *великое* отлученіе (excommunicatio maior), т. е. исключеніе изъ Церкви съ лишеніемъ званія христіанина, или *малое* (excommunicatio minor), т. е. лишеніе участія въ церковныхъ таинствахъ и права на занятіе церковныхъ должностей; 2) интердиктъ, т. е. запрещеніе совершать богослуженіе въ опредѣленномъ мѣстѣ (interdictum locale) или опредѣленному лицу (interdictum personale).

При этомъ въ католичествѣ различаются еще *великое отлученіе простое* (excommunicatio maior simplex) и *великое отлученіе торжественное* или *анаѳема* (excommunicatio maior solemnis, seu anathema). Сущность того и другого одинакова, но первое принадлежитъ низшимъ судьямъ, а второе—исключительно епископамъ[1]).

Виндикативными наказаніями являются всевозможныя уголовныя наказанія, кромѣ смертной казни и членовредительныхъ наказаній[2]).

Реформаторы отвергли великое отлученіе, а малое раздѣлили на двѣ степени, изъ которыхъ одну назвали также *великимъ отлученіемъ*, но въ своемъ, а не въ католическомъ смыслѣ, другую же — *малымъ отлученіемъ*[3]).

Для наложенія отлученія у протестантовъ былъ выработанъ порядокъ, по которому требовалось прежде всего троекратное вразумленіе, затѣмъ въ случаѣ нераскаянности, слѣдовало публичное отлученіе, при чемъ въ храмѣ прочитывалась особая формула отлученія и отлученный выводился изъ церкви. Снятіе отлученія производитъ консисторія или пасторъ послѣ публичной колѣнопреклоненной исповѣди[4]). Порядокъ отлученія, съ различными, особенностями устанавливался въ протестантскихъ церковныхъ уставахъ (Kirchenordnungen и Agenda), гдѣ, между прочимъ, приводятся и формулы наложенія и снятія отлученія[5]). Всѣ эти формулы приблизительно

---

1) *Н. С. Суворовъ*, О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 31—83. Pontificale Romanum, Clementis VIII ac Urbani VIII iussu editum et a Benedicto XIV recognitum et castigatum. Editio Romae 1868 p. 284—289: „Ordo excommunicandi et absolvendi“.

2) *Н. С. Суворовъ*, О церковныхъ наказаніяхъ, стр. 81—99.

3) ib. стр. 100—110. 4) ib. стр. 102—104.

5) Въ Wittenberger Consistorialordnung 1542 г. есть главы: Vom Bann, forma excommunicationis, von der Reconciliation oder Absolution, Umb was sachen oder felle willen man excommunicirn soll (встрѣчаются ссылки на Corp. iur. can. 11 q. 3 c. Canonica) — Richter, Kirchenordnungen I, 372—374. См. также Reformatio ecclesiarum Hassiae 1526 г. (Richter I, 64); Cölnische Reformation 1543, Vom bann (ib. II, 45—46); Preussische K.-O. 1544, Vom öffentlicher Busse und der Reconciliation (ib., II, 70—71.); K.-O. der Niederländer in London 1550 (ib., II, 109-113); Württembergische K.-O. 1553 (ib. 135—136); Waldeck'sche K.—O. 1556 (ib. II, 171—172); Pfälzische Kirschenratsordnung 1564 (ib. II, 282—283); Jenaische Consistorialordnung 1569 (ib. II, 326); Mecklenburgische Consistorialordnung 1570 (ib. II, 330—333); Kursachsische K.-O. 1580 (II, 441); Braunschw.-Grubenhagensche K.-O. 1581 (II, 453—454) и др.

одного содержанія и напоминаютъ собою въ соотвѣтственной модификаціи формулы Pontificale Romanum и Духовнаго Регламента. Однако между послѣднимъ и протестантскими формулами нельзя установить дословнаго совпаденія. Но одна особенность обращаетъ на себя вниманіе, именно, по нѣкоторымъ К.-О. наложеніе и снятіе отлученія входитъ въ компетенцію *Консисторіи*, какъ судебнаго мѣста[1]), подобно тому какъ по Духовному Регламенту, высшей инстанціей, съ разрѣшенія которой только дѣйствуютъ архіереи, является Духовная Коллегія. Есть ли въ этомъ прямое заимствованіе—сказать не рѣшаемся. Несомнѣнно, впрочемъ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ выработалъ свою систему отлученія примѣнительно къ основнымъ положеніямъ изложеннаго выше католическаго и протестантскаго ученія объ отлученіи. При этомъ католическое ученіе, какъ болѣе раннее и первоначальное, послужившее уже образцомъ для протестантовъ, должно было оказать на Ѳеофана больше вліянія.

Основаніемъ для наложенія *великаго отлученія* или анаѳемы, по его словамъ, являются: 1) Хуленіе Бога, Св. Писанія и Церкви; 2) Наглое упорство въ явномъ грѣхѣ; 3) Уклоненіе больше года отъ покаянія и Св. Причастія безъ уважительной причины; 4) Всякій поступокъ „съ явнымъ закона Божія ругателствомъ и посмѣяніемъ“, уже дважды наказанный, „ибо, говоритъ Ѳеофанъ, не просто за грѣхъ подлежитъ анаѳемѣ, но за явное и гордое презрѣніе суда Божія и власти Церковной съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій, и что тако воню безбожія издаетъ от себе“.

Основаніемъ для *малаго отлученія* являются: „нѣкій великій и явный грѣхъ, но не самое болшое явногрѣшіе“, напримѣръ, явное безчинство, долговременное уклоненіе отъ посѣщенія церковнаго богослуженія, нежеланіе извиниться въ нанесенномъ „честному лицу“ оскорбленіи.

Порядокъ наложенія *великаго* отлученіл или анаѳемы заключается въ слѣдующемъ. Сперва производятся *три увѣщанія*. Первое—чрезъ духов-

---

[1]) Reformatio Wittebergensis 1545 г. (Richter II, 81—93) на стр. 91 содержитъ: De iudiciis ecclesiasticis, которая устанавливаетъ консисторію для суда. Между прочимъ, сказано: (стр. 92).

Haec consistoria habent potestatem ferendae sententiae excommunicationis, et sententia mittatur ad ecclesiam ejus loci, ubi excommunicati domicilium est, et ibi aut recitetur sententia in contione aut scripta affigatur ad templi januam; populus vero juxta regulam Pauli doceatur, ne adhibeat excommunicatos ad societatem officiorum ecclesiasticorum. Est autem contemtor excommunicationis pro facti atrocitate, et a potestate gladium gerente coercendus. Nam potestas politica ecclesiam tuenda pia disciplina iuvare debet, ut Rom. 13. scriptum est: Potestas sit terrori pro malo opere, et honore officiat recte facientes. Et Esa. 48. Reges erunt nutritores ecclesiae, id est, foveant et protegant ministros Evangelii et augeant reverentiam Evangelii in populo. И далѣе: Sed praecedat in omnibus causis vera et pia cognitio, ac sint judices non soli sacerdotes, sed etiam alii honesti et docti viri Deum timentes, ac idonei ad judicandum, tanquam honesta membra ecclesiae inter laicos.... (Ср. также Richter, II, 283, 326, 327, 397 и др. мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о компетенціи консисторій).

ника наединѣ. Второе—самимъ епископомъ вызванному къ нему обвиняемому, втайнѣ, въ присутствіи духовника. Если обвиняемый на вызовъ къ епископу не пойдетъ, то второе увѣщаніе производитися самимъ духовникомъ въ присутствіи нѣкихъ честныхъ духовныхъ и мірскихъ особъ, въ особенности же его пріятелей. Третье—такъ же, какъ и второе. Въ случаѣ безуспѣшности трехъ увѣщаній должно быть сдѣлано *публичное предупрежденіе* объ отлученіи въ храмѣ, въ праздничный день чрезъ протодіакона по особой формулѣ. Въ случаѣ продолжающагося упрямства преступника, Епископъ долженъ донести Духовной Коллегіи. Получивъ отъ нея письменное разрѣшеніе, Епископъ анаѳематствуетъ явногрѣшника путемъ публичнаго прочтенія въ храмѣ протодіакономъ особой формулы. Кромѣ того производится публикація путемъ прикрѣпленія формулы отлученія къ дверямъ каѳедральнаго собора или всѣхъ вообще церквей епархіи.

Для сложенія анаѳемы Ѳеофанъ предлагаетъ тоже особую процедуру. Заявленіе о покаяніи должно быть сдѣлано епископу публично въ церкви лично или чрезъ честныхъ лицъ. Епископъ задаетъ кающемуся вопросы съ цѣлью удостовѣриться искренно ли онъ кается, уважаетъ ли власть пастырскую, понимаетъ ли силу и значеніе отлученія, обѣщаетъ ли онъ быть послушнымъ сыномъ Церкви. Въ случаѣ удовлетворительныхъ отвѣтовъ епископъ долженъ прочесть надъ нимъ *разрѣшеніе* и, прочитавъ ему наставленіе велитъ исповѣдаться и причаститься въ опредѣленный праздничный день.

Если же отлученный не раскается, а будетъ хулить анаѳему церковную и вредить епископу и клиру, то епископъ долженъ донести объ этомъ Духовной Коллегіи, которая послѣ разслѣдованія дѣла, „будетъ съ настояніемъ просить суда у подобающой мірской власти, или у самаго Царскаго Величества“.

Малое отлученіе производится слѣдующимъ образомъ. Епископъ лично или чрезъ духовника убѣждаетъ грѣшника покаяться. Если онъ не соглашается, „хотя не являя великой гордости и презорства“, то епископъ „можетъ смирить его отлученіемъ безъ оныхъ великихъ чрезъ протодіакона предвозвѣщеній, но толко на малой хартийкѣ написавъ вину преступника и отлученіе его“.

Примѣнить малое отлученіе епископъ въ правѣ, не испрашивая согласія Духовной Коллегіи. Впрочемъ епископы предупреждаются о томъ, чтобы они отлучали и разрѣшали отъ отлученія „не по страсти“, не „ради прибыли своей, или иного собственнаго интереса“, „но с прилежнымъ розыскомъ“. „Аще бо неповиннѣ кого отлучитъ, а тотъ поищетъ на него суда въ Коллегіумъ, наказанъ епископъ будетъ, по разсужденію Коллегіумъ Духовнаго“.

Изъ сравненія католическаго и протестантскаго ученія объ отлученіи съ изложеннымъ въ Духовномъ Регламентѣ вытекаетъ, что Ѳеофанъ многое заимствовалъ именно съ Запада[1]). Такъ, несомнѣнно, что онъ имѣетъ

---

[1]) Этого мнѣнія держится и *Н. С. Суворовъ*, О церк. наказаніяхъ, стр. 149—166.

понятіе о цензурахъ, какъ исправительныхъ мѣрахъ; вводя у насъ цензуры, требуетъ троекратнаго увѣщанія. Если преступникъ ихъ послушаетъ и покается, отлученіе не можетъ быть примѣнено. Не можетъ быть и срочнаго отлученія на опредѣленное время. Различаются, какъ и на Западѣ, великое и малое отлученія, и оба разсматриваются, какъ цензуры. Далѣе, отлученіе вызываетъ у Θеофана тѣ же послѣдствія, что и на Западѣ. При этомъ надо думать, что Θеофанъ имѣлъ въ виду именно католическій обрядъ отлученія. На это указываютъ нѣкоторыя параллели въ порядкѣ наложенія и снятія отлученія между Pontificale Romanum и Духовнымъ Регламентомъ. Однако, несомнѣнно, что Θеофанъ не подражалъ католикамъ слѣпо, а во всю процедуру, какъ и въ формулу отлученія внесъ очень много своего, примѣнительно къ потребностямъ русской дѣйствительности. Яснѣе всего это видно изъ конфронтаціи текстовъ.

Въ Духовномъ Регламентѣ Θеофанъ даетъ двѣ формулы: *во-первыхъ*, *предупредительную* о возможности отлученія въ случаѣ дальнѣйшаго упорства. „Если же (послѣ третьяго увѣщанія) все всуе пойдетъ, тогда Епископъ повелитъ протодіакону въ праздничный день въ церквѣ извѣстить народу сими или подобными словесы:

Человѣкъ, вѣдомый вамъ (имя рекъ), таковым то явногрѣшеніемъ именно соблазняетъ Церковь, и презорникъ гнѣва Божія являетъся, и наставленіе пастырское, не единожды ему повторенное, съ ругателствомъ отметнулъ: того ради пастырь вашъ (имярекъ) молитъ вашу любовь, отческо, да вси помолитеся о немъ благоутробному Богу, да умягчитъ его жестосердіе, и да сердце чисто сотворитъ въ немъ, и преклонитъ его къ покаянію. А которыя ближайшее с нимъ имѣете сообщеніе, увѣщавайте его, и умоляйте и единолично всякъ и съ прочіими совокупно, со всякимъ усердіемъ, да принесетъ покаяніе: и доложите ему, что аще неисправленъ и презоривъ пребудетъ до такого времени (время уречено будетъ по разсужденію), то подпадетъ изверженію от Церкви“.

Во-вторыхъ, Θеофанъ предлагаетъ формулу *окончательную*, собственно формулу преданія анаθемѣ, читаемую протодіакономъ въ церкви, когда будетъ получено уже разрѣшеніе на это со стороны Духовной Коллегіи. Для того, чтобы судить о возможности заимствованія Θеофаномъ текста этой формулы изъ западныхъ образцовъ, ниже сопоставляются между собою 1) формула Θеофана, съ 2) католической формулой анаθемы въ собственномъ смыслѣ (excommunicatio maior solemnis, seu anathema)[1]) по Pontificale Romanum (стр. 287 Римскаго изданія 1868 г.) и 3) съ протестантской формулой (приведенной у Суворова, стр. 103, прим.).

---

[1]) Текстъ отлучительной формулы простого великаго отлученія (excommunicatio maior simplex), приводимый въ Pontificale Romanum, стр. 285, нельзя брать въ расчетъ потому, 1) что Θеофанъ игнорируетъ это отлученіе, и 2) потому, что текстъ его формулы нисколько не напоминаетъ формулу Θеофана. „Maior vero excommunicatio, quam Pontifex per sententiam scriptam legendo promulgat hoc modo profertur:

Cum ego (N. talem) primo, secundo, tertio, et quarto, ad malitiam convincendam legitime monuerim, ut (tale quid) faciat, (vel) non faciat; ipse vero mandatum huiusmodi contempserit adimplere, quia nihil videretur obedientia prodesse humilibus, si contemptus contumacibus non obesset: Idcirco auctoritate Dei omnipotentis Patris, et Filii, et Spiritus sancti, et beatorum Apostolorum Petri, et Pauli, et omnium Sanctorum, exigente ipsius contumacia, ipsum excommunico in scriptis; et tamdiu ipsum vitandum denuntio, donec adimpleverit quod mandatur, ut spiritus ejus in die iudicii salvus fiat“.

Pontificale Romanum.

Ordo excommunicandi et absolvendi.

Quando vero anathema, id est, solemnis excommunicatio pro gravioribus culpis fieri debet, Pontifex paratus amictu, stola, pluviali violaceo, et mitra simplici, assistentibus sibi duodecim Presbyteris superpelliceis indutis, et tam ipso, quam Presbyteris candelas ardentes in nanibus tenentibus, sedet super faldistorium ante altare majus, aut alio loco publico, ubi magis sibi placebit, et ibi pronunciat, et profert anathema, hoc modo:

Quia N. diabolo suadente, Christianam promissionem, quam in Baptismo professus est, per apostasiam, postponens, Ecclesiam Dei devastare, Ecclesiastica bona diripere, ac pauperes Christi violenter opprimere non veretur: idcirco solliciti, ne per negligentiam pastoralem pereat, pro quo in tremendo iudicio ante Principem Pastorum Dominum nostrum Jesum Christum rationem reddere compellamur, iuxta quod Dominus ipse terribiliter comminatur dicens: Si non annuntiaveris iniquo iniquitatem suam, sanguinem eius de manu tua requiram; monuimus eum canonice, primo, secundo, tertio, et etiam quarto ad eius malitiam convincendam, ipsum ad emendationem, satisfactionem, et poenitentiam invitantes, et paterno affectu corripientes. Ipse vero proh dolor! monita salutaria spernens, Ecclesiae Dei, quam laesit, superbiae spiritu inflatus, satisfacere dedignatur. Sane praeceptis Dominicis atque Apostolicis informamur, quid de huiusmodi praevaricatoribus agere nos oporteat. Ait enim Dominus: Si manus tua, vel pes tuus scandalizat te, abscinde eum, et proiice abs te. Et Apo-

Духовный Регламентъ.

„Послѣдованіе“ отлученія.

И если уже и по семъ непреклоненъ и упрямъ пребудетъ преступникъ, то епископъ и тогда не преступитъ еще къ анаѳемѣ, но прежде о всемъ томъ, какъ дѣялось, напишетъ къ Духовному Коллегіумъ, а от Коллегіумъ получивъ соизволеніе на писмѣ, предастъ явно грѣшника анаѳемѣ, составивъ такую, или подобную формулку, или образецъ: и протодіакону въ Церкви при народѣ прочести повелѣвъ:

Понеже знаемый вамъ человѣкъ (имярекъ) таковымъ то своимъ явнымъ закона Божія преступленіемъ соблазнилъ Церковь, и неоднократное пастырское увѣщевание къ покаянію его ведущее презрѣлъ, послѣди же и отверженіе его от Церкви, аще не покается, въ слухъ народа извѣщенное уничтоживъ, пребываетъ доселѣ въ жестосердіи своемъ, не подая надежды исправленія своего, того ради Пастырь нашъ, по заповѣди Христовой, данною себѣ отъ тогожде Господа властію, извергаетъ его от общества Христіанскаго, и яко непотребнаго члена, от тѣла Церкви Христовы отсѣцаетъ, всѣмъ правовѣрнымъ извѣствуя о немъ, что онъ не причастенъ кътому есть даровъ Божіихъ, кровию Спасителя и Господа нашего Іисуса Христа приобрѣтенныхъ намъ, дондеже истинно от сердца не покается. И того ради запрещенъ и неблагословенъ есть ему входъ Церковный: кольми паче святой и страшной тайны Евхаристіи участникъ онъ быти не можетъ какъ въ Церкви, такъ и въ дому своемъ и на коемъ либо иномъ мѣстѣ. И

stolus inquit: Auferte malum ex vobis. Et iterum: Si is, qui frater nominatur, est fornicator, aut avarus, aut idolis serviens, aut maledicus, aut ebriosus, aut rapax, cum eiusmodi nec cibum sumere. Et Ioannes, prae caeteris dilectus Christi discipulus, talem nefarium hominem salutare prohibet, dicens: Nolite recipere eum in domum, nec AVE ei dixeritis. Qui enim dicit illi AVE, communicat operibus eius malignis. Dominica itaque, atque Apostolica praecepta adimplentes, membrum putridum et insanabile, quod medicinam non recipit, ferro excommunicationis ab Ecclesiae corpore abscindamus, ne tam pestifero morbo reliqua corporis membra veluti veneno inficiantur. Igitur quia monita nostra, crebrasque exhortationes contempsit, quia ter tio secundum Dominicum praeceptum vocatus, ad emendationem, et poenitentiam venire despexit, quia culpam suam nec cogitavit, nec confessus est, nec missa legatione excusationem aliquam praetendit, nec veniam postulavit, sed, diabolo cor eius indurante, in incepta malitia perseverat, iuxta quod Apostolus dicit: Secundum duritiam suam et cor impoenitens thesaurizat sibi iram in die irae: idcirco eum cum universis complicibus, fautoribusque suis, iudicio Dei omnipotentis Patris, et Filii, et Spiritus sancti, et beati Petri principis Apostolorum, et omnium Sanctorum, necnon et mediocritatis nostrae auctoritate, et potestate ligandi, et solvendi in caelo et in terra nobis divinitus collata, a pretiosi Corporis et Sanguinis Domini perceptione, et a societate omnium Christianorum separamus, et a liminibus sanctae matris Ecclesiae in coelo et in terra excludimus, et excommunicatum et anathema-

аще бы въ Церковь онъ вшелъ тайно или и явно, но силою, то большему осужденію подлежитъ: и множае паче, аще коварно или насилно Таинъ Святыхъ причаститися дерзнетъ. Священницы же да возбраняютъ ему всячески входа церковнаго, и аще не могутъ возбранить ему ради силы его, то да престаютъ отъ всякой службы церковной, дондеже не изыдетъ. Такожъ священницы да не ходятъ в домъ его, или на иное кое либо мѣсто съ молитвою, благословеніемъ и Святыми Таинствы подъ лишеніемъ сана своего.

Вѣстно же всѣмъ буди, что онъ (имярекъ) самъ точію единоличнѣ анаѳемѣ сей подлежит, но ни жена ни дѣти и ни прочіи домашніи его (развѣ бы и оные поревновать похотѣли его неистовству, и за сію наложенную на него клятву дерзнули бы гордо и явственно укарять Церковь Божію).

Вюртембергская формула отлученія

(Н. С. Суворовъ, о церк. иак. Спб. 1876, стр. 103, прим. 2).

Jhr lieben in Christo! Dieser (diese) NN ist im Laster des Gotteslästerung (Trunkenheit oder dergl.) bisher eine lange Zeit verhaftet gewesen. Und wiewohl vielfältige Ermahnungen und Strafen, beides durch Gottes Wort und weltliche Obrigkeit an ihm versuchet, so hat doch ihn solches alles nicht zu rechter christlichen Besserung bewegen wollen. Damit nun nicht durch ein räudiges Schaf die ganze Heerde verderbe und das böse ärgerliche Exempel gemeiner christlichen Versammlung schädlig und nachtheilig sei, dass auch Gottes Zorn und Strate verhütet werde,

tizatum esse decernimus; et damnatum cum diabolo et angelis eius, et omnibus reprobis in ignem aeternum iudicamus: donec a diaboli laqueis resipiscat, et ad emendationem, et poenitentiam redeat, et Ecclesiae Dei, quam laesit, satisfaciat: tradentes eum satanae in interitum carnis, ut spiritus eius salvus fiat in die iudicii.

Et omnes respondent: Fiat, Fiat, Fiat.

Quo facto, tam Pontifex, quam Sacerdotes debent proiicere in terram candelas ardentes, quas in manibus tenebant. Deinde epistola Presbyteris per Parochias, et etiam vicinis Episcopis mittatur, continens nomen excommunicati, et excommunicationis causam; ne quis per ignorantiam ulterius illi communicet, et ut excommunicationis occasio omnibus auferatur.

so haben die Verordneten zur Administration der Kirchen diesen (NN) nach genugsamer Erfahrung aller Handlung erkannt, dass er bis auf seine öffentliche und beweisliche Besserung von der christlichen Kirche abgesondert, und des heiligen Nachtmahles unseres lieben Herrn Jesu Christi als unwürdig und davon ausgeschlossen sein soll. Dass er auch zu keinem Gevatter in Kinds Tauf gebraucht und zu keiner christlichen Versammlung (ausserhalb der Predigt Gottes Wort) zugelassen werde. Der allmächtige, barmherzige Gott wolle ihm seine Sünden zu erkennen geben, rechte Reue in ihm schaffen und zur Besserung des Lebens erwecken. Amen".

Любопытно еще сопоставить католическую процедуру снятія отлученія съ тою, которую предлагаетъ Өеофанъ въ Духовномъ Регламентѣ.

Pontificale Romanum.

Si vero anathematizatus poenitentia ductus, veniam postulare voluerit, et emendationem promittere, Pontifex, qui eum excommunicavit, paratus ut supra, ante ianuas Ecclesiae venit, sedens ibidem in faldistorio sibi parato, et duodecim Presbyteri superpelliceis induti eum hinc inde circumstare debent. Adsint etiam illi, quibus iniuria, vel damnum est illatum, et ibidem secundum leges divinas omne damnum commissum emendetur. Tum anathematizatus genuflectit coram Pontifice, quem interrogat Pontifex, si poenitentiam, prout Canones praecipiunt, pro perpetratis sceleribus suscipere velit? Ille tunc genuflexus veniam postulat, culpam confitetur, poenitentiam implo-

Духовный Регламентъ.

Потомъ же, естьли изверженный пріидетъ въ чювство и похощетъ принести покаяніе, то долженъ будетъ самъ или аще самъ не возможетъ, то чрезъ честные иные лица принести свое покаяніе со всякимъ смиреніемъ, публично въ церкви епископу, и просить разрѣшенія со исповѣданіемъ грѣха своего, и гордаго презорства. И тогда епископъ предложитъ ему вопросы, аще истинно, и ради прощенія грѣховъ, бояся гнѣва Божія и прося Божія милосердія, кается? и аще вѣруетъ, что власть пастырская еже рѣшити и вязати, есть не суетная, но силная, и дѣйствителная, и страшная? и аще обѣщавается, что будетъ впредь послуш-

rat, et de futuris cautelam spondet. Tunc Pontifex sedens cum mitra, dicit cum Ministris septem Psalmos Poenitentiales (supra pag. 75), Pontifice quandoque illum leviter inter scapulas verberante. Finitis Psalmis, Pontifex, deposita mitra, surgit, et dicit: ектенію и двѣ молитвы, послѣ коихъ:

Deinde sedet Pontifex, et accepta mitra, dicit:

Auctoritate Dei omnipotentis, et beatorum Apostolorum Petri, et Pauli, atque Ecclesiae suae sanctae, et ea, qua fungor, absolvo te a vinculo (talis) excommunicationis, qua ex (tali) causa ligatus eras. In nomine Patris, et Filii, et Spiritus sancti. Amen.

Послѣ этого епископъ вводитъ отлученнаго въ церковь за правую руку и подводитъ къ главному алтарю, говоря:

Reduco te in gremium sanctae matris Ecclesiae, et ad consortium, et communionem totius Christianitatis, a quibus fueras per excommunicationis sententiam eliminatus; et restituo te participationi Ecclesiasticorum Sacramentorum. In nomine Patris et Filii et Spiritus sancti. Amen.

Послѣ этого слѣдуютъ еще двѣ молитвы и обрядъ конченъ.

Pontificale Romanum, p. 288—289.

ный сынъ Церкви, и не имать власти пастырской презират? и по отвѣтахъ онаго, въ слухъ всего народа изреченныхъ, повелитъ ему епископъ крѣпко уповать на Божіе милосердіе, за смерть Спасителеву грѣшнику кающемуся творимое, прочтет над нимъ разрѣшеніе. Таже. поучивъ его о исправленіи житія (каковое поученіе можетъ послѣ сочинитися), укажетъ ему уреченный нѣкій день праздничный, по исповѣданіи пред духовнымъ отцемъ, пріити къ причастію святой евхаристіи.

Изучая настоящее мѣсто Духовнаго Регламента, очень любопытно обратить вниманіе еще на то, что на заглавномъ листѣ Черновой рукописи Регламента рукою Ѳеофана написана слѣдующая замѣтка: „NB. Dubia in hoc instituto 1) An intrante excomunicato etiam liturgia interrumpenda? 2) De formula anathematis. 3) Est ne necessaria formula institutionis ad eum, qui anathem. solvit". Эта замѣтка указываетъ на сомнѣнія, возникавшія у Ѳеофана при разработкѣ мѣста объ отлученіи. Очевидно онъ не заимствовалъ изъ западныхъ каноническихъ источниковъ слѣпо и безъ затрудненій. Сравненіе его замѣтки съ черновымъ текстомъ Регламента (см. Черн. рук. Д. Р., листъ вклеенный и 14) убѣждаетъ въ томъ, что по поводу этихъ недоумѣній Ѳеофанъ совѣщался (вѣроятно) съ Петромъ, по крайней мѣрѣ, на л. 14 Черновой рукописи стоитъ сдѣланная чужою рукою (А. В. Макарова?) при-

писка: „кромѣ литургіи". т. е. на первый вопросъ Ѳеофана данъ отвѣтъ отрицательный (см. прим. 127 къ Черн. рук. Д. Р.). Въ чемъ заключалось сомнѣніе Ѳеофана относительно формулы отлученія неизвѣстно. Но въ текстѣ она имѣется. Зато формулы разрѣшенія отлученія у Ѳеофана нѣтъ, значитъ сомнѣніе его о ея необходимости было рѣшено отрицательно.

О посѣщеніи епископомъ своей епархіи. *Пунктъ семнадцатый.* Еще въ 8-мъ пунктѣ Епископскихъ дѣлъ Ѳеофанъ, ссылаясь на добавленіе къ присягѣ, сдѣланное Петромъ 22 января 1716 г., требовалъ отъ епископовъ наблюденія за благочиніемъ и чистотою вѣры въ его епархіи. Для успѣха надзора онъ рекомендовалъ тогда учредить заказчиковъ или фискаловъ[1]).

Въ *семнадцатомъ пунктѣ* Ѳеофанъ говоритъ о такъ наз. *визитаціи* епископомъ своей епархіи, какъ особомъ каноническомъ институтѣ. При этомъ онъ даетъ и правила, какимъ образомъ слѣдуетъ производить объѣздъ епархіи, въ числѣ 15, изъ коихъ, впрочемъ, правила 13, 14 и 15 говорятъ о другомъ.

Необходимость визитацій Ѳеофанъ обосновываетъ 1) недостаточностью фискаловъ, которые могутъ быть пристрастны и нерадивы, и 2) примѣромъ Ап. Павла (кромѣ иныхъ), который посѣщалъ основанныя имъ христіанскія общины. При этомъ Ѳеофанъ удачно цитируетъ мѣста изъ Книги Дѣяній и посланія Ап. Павла, за исключеніемъ I Кор. IV, 12, которое не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

Выставляя на видъ эти соображенія, но вѣрнѣе беря примѣръ съ Запада, Ѳеофанъ устанавливаетъ правило: *„подобаетъ Епископу въ годъ или въ два года единожды объити и посѣтить Епархію свою"*.

Далѣе слѣдуютъ „регулы", „како лучше можетъ быть сіе посѣщеніе".

1. Посѣщеніе должно производиться лучше лѣтомъ, чѣмъ зимою, ибо лѣтомъ жизнь дешевле и не требуется теплой квартиры, а епископъ можетъ остановиться и въ палаткѣ.

2. На другой или на третій день своего пріѣзда епископъ долженъ собрать городскихъ и сельскихъ пресвитеровъ (какъ это можно сдѣлать при посѣщеніи каждаго прихода отдѣльно—непонятно), совершить литургію, послѣ которой въ сослуженіи всего духовенства отслужить молебенъ „о здравіи и побѣдѣ Державнѣйшаго Монарха, о исправленіи и благостояніи Церквей, о обращеніи раскольниковъ, о благораствореніи воздуха, о обиліи плодовъ земныхъ и прочая". При этомъ Ѳеофану кажется, что существующіе молебные чины недостаточны и не подходящи для даннаго случая, поэтому онъ обѣщаетъ: „и собственный канонъ составленъ будетъ, всякія нужды содержащій".

3. Послѣ этого епископъ долженъ сказать народу и священству учительное слово объ истинномъ покаяніи и обязанностяхъ каждаго. При этомъ епископъ долженъ предложить, чтобы ему заявляли о духовныхъ нуждахъ, сомнительныхъ вопросахъ совѣсти, о неисправности церковнаго причта и

---

1) См. выше стр. 400—401.

проч. Думая, что не всякій епископъ можетъ „чистое слово сложить“, Θеофанъ вмѣняетъ въ обязанность Духовной Коллегіи составить таковое, чтобы епископамъ оставалось его только прочитывать.

4. Епископу разрѣшается разспрашивать о поведеніи причта у младшихъ причетниковъ или другихъ лицъ, чтобы найти поводъ къ разслѣдованію и исправленію недостатковъ, не сразу однако довѣряя доносу.

5. Епископу рекомендуется не навлекать на себя подозрѣнія въ пристрастіи, для чего не ходить въ гости и не звать къ себѣ, пока не разберетъ всѣ донесенныя ему дѣла.

6. Если дѣло не можетъ быть рѣшено скоро и на мѣстѣ, епископъ долженъ отложить разсмотрѣніе его до возвращенія домой. Иначе онъ не успѣетъ объѣхать епархіи.

7. Если бы епископъ пожелалъ пригласить къ себѣ гостей, онъ долженъ угощать ихъ на свой счетъ, не налагая побора на священство или монастыри, ибо онъ приглашаетъ по своей волѣ.

8. Тайные проступки духовенства и народа слѣдуетъ искусно развѣдывать. Во всякомъ же случаѣ не можетъ остаться тайною, читаетъ ли священникъ тѣ три книжицы, о которыхъ рѣчь была выше (второй видъ Общихъ дѣлъ). Лѣнивыхъ епископъ накажетъ „по разсужденію“.

9. Епископъ долженъ изслѣдовать, нѣтъ ли какихъ суевѣрій, кликушъ, ложныхъ чудесъ отъ иконъ, колодцевъ, источниковъ и проч. съ корыстною цѣлью, и запретить подъ угрозою клятвы, т. е. великаго отлученія на упрямцовъ.

10. Объ управленіи и поведеніи въ ближайшихъ монастыряхъ рекомендуется епископу разспрашивать въ городѣ или въ селѣ священниковъ и мірянъ, потому что отъ нихъ легче узнать правду, чѣмъ въ самихъ монастыряхъ.

11. Чтобы епископъ не забылъ, что долженъ онъ ревизовать въ посѣщаемыхъ церквахъ и монастыряхъ, онъ обязуется имѣть съ собою „должности монашескія и священническія, которыя здѣ ниже слѣдуютъ“ (это намекъ на „Правила причта церковнаго и чина монашескаго“, т. е. на „Прибавленіе къ Духовному Регламенту“, которое, видимо, уже составлялось).

12. Въ особенности долженъ епископъ сдерживать отъ всякихъ безчинствъ свою свиту, „ибо слуги архіерейскіе обычне бываютъ лакомыя скотины; и гдѣ видятъ власть своего владыки, тамъ съ великою гордостію и безстудіемъ, какъ татаре на похищеніе устремляются“.

При разсмотрѣніи этого мѣста Духовнаго Регламента невольно напрашиваются слѣдующія параллели.

На основаніи примѣра самого Спасителя (Мѳ. IX, 35) и пастырскихъ путешествій апостоловъ, *съ самаго начала Церкви* одною изъ первыхъ обязанностей каждаго епископа считалась обязанность посѣщать каждое мѣсто и каждую церковь его епархіи и наблюдать за ними (ἐπισκοπή, inspectio, visitatio). Обязанность эта въ своемъ значеніи опредѣлилась не

сразу, а именно, пока христіанскія общины не выходили за предѣлы города, въ которомъ находился епископъ, онъ наблюдалъ постоянно и лично. Когда христіанство распространилось, епископы должны были начать періодическіе объѣзды своихъ епархій, какъ это и дѣлали, напр., св. Григорій чудотворецъ, епископъ Неокесарійскій, св. Аѳанасій Великій, св. Василій Великій, св. Іоаннъ Златоустъ, бл. Августинъ и др. Во второй половинѣ IV ст., согласно 57 правилу Лаод. собора на востокѣ были учреждены особые визитаторы—περιοδευταί, circuitores. Визитаціи съ особенной тщательностью были оформлены на западѣ цѣлымъ рядомъ соборовъ, особенно Тридентскимъ[1]) и для этой цѣли въ Pontificale Romanum[2]) былъ внесенъ особый чинъ: Ordo ad visitandas parochias.

Во время реформаціи, когда католическая іерархія оказалась отвергнутой, а новое протестантское устройство еще не сложилось, визитаціи, предпринятыя особыми комиссіями по порученію территоріальныхъ государей, получили особое значеніе и для нихъ выработана была Меланхтономъ особая инструкція. Съ тѣхъ поръ визитаціи стали нормальнымъ институтомъ въ протестантствѣ[3]), и протестантскіе церковные уставы (Kirchenordnungen) почти неизмѣнно содержатъ въ себѣ отдѣлы о визитаціяхъ, въ которыхъ подробно излагается кто долженъ визитировать приходы, въ чемъ должна состоять эта визитація, т. е. что нужно провѣрить и о чемъ разспросить должны визитаторы, и на какія средства визитація производится. Въ отношеніи подробностей церковные уставы расходятся. Однако всѣ они согласно ставятъ цѣлью, чтобы путемъ визитацій поддерживалась чистота протестантскаго вѣроученія, единообразіе и правильность установленнаго для данной земской церкви (Landeskirche) богослуженія, исполненіе пасторами и проповѣдниками ихъ обязанностей, доброе христіанское поведеніе паствы, надлежащее состояніе школъ и проч.[4]).

1) Conc. Tridentinum, Sessio XXIV, c. 3.

2) Составлено папскимъ церемоніаромъ Іоанномъ Бурхардомъ (изъ Страссбурга † 1506 г. епископомъ Civita Castellana) вмѣстѣ съ Августиномъ Патриціемъ Пикколомини, епископомъ Pienza † 1496 г. Впервые издано въ Римѣ въ 1485 г. Введено во всеобщее употребленіе папой Климентомъ VIII конституціей Ex quo in Ecclesia 10 февраля 1596 г. Пересмотрѣно въ 1644 г. папой Урбаномъ VIII и въ 1752 г. Бенедиктомъ XIV. Съ 1888 г. стереотипное изданіе введено Львомъ XIII. См. K. Schrod, Pontificale Romanum y Wetzer und Welte, Kirchenlexikon, 2 Aufl. Bd. X, col. 188—189. О визитаціяхъ въ католической церкви см. тамъ же т. XII, col. 1013—1015, статья K. Schrod.

3) См. G. Uhlhorn, Kirchenvisitation въ Herzog-Hauck, Realencyklopädie für prot. Th. u. Kirche, 3 Aufl. Bd. X, S 480—483.—*Никодимъ Милашъ*, еп. Далматинскій, Правила Православной Церкви съ толкованіями. Рус. пер. Спб. 1912, т. II, стр. 203 и Православно Церквено право 2 изд., 401.

4) См. Reformatio ecclesiarum Hassiae 1526 (Richter, K.-O., I, 66)—Kursächsische Instruction für die Visitatoren 1527 г. (Richter, K.-O., I, 77—82).—Melanchton, Kursächsische Visitationsartikel 1529 (Richter, I, 101—102).—Sachsischte Visitations-Artikel und K.-O. 1533 (Richter, I, 226).—Pommer'sche K.-O. 1535. Der Visitations ampt (Richter, I, 253).—Ordonnances ecclésiastiques de Génève 1541 (Richter, 344).—Wittenberger Consistorialordnung 1542 (Richter, I, 371—372).—Mecklenburgische K.-O. 1552 (Richter, II, 120—

Были визитаціи и въ древней Русской Церкви для надзора и суда. Однако прочнаго и яснаго порядка для періодическаго объѣзда епархій не было выработано, никакой инструкціи у насъ, какъ и на востокѣ не со-

---

122).—Mansfelder Visitationsordnung 1554 (Richter, II, 141—146).—Waldeck'sche K.-O. 1556 (Richter, II, 175—176).—Württemb. Summarischer Begriff (Richter, II, 213—214).—Pommer'sche K.-O. 1563 (Richter, II, 246—247).—Pfalzische Kirchenrathsordnung 1564 (Richter, II, 281).—Braunschw.-Lüneburger K.-O. 1564 (Richter, II, 285).—Preussische Bischofswahl 1568 (Richter, II, 298-300, 308).—Brandenburgische Visitations-und Cons.-Ordnung 1573 (Richter, II, 359—360).—Kursächsische K.-O. 1580 (Richter, II, 408—417).—Для образца приводимъ выписку изъ Waldeck'sche Kirchenordnung 1556 г. (Richter, II, 175—176).

Von den Visitatorn, vnd yhrem Ampt.

Demnach ferner die Visitation jren vrstrung von den Aposteln her hat, Vnd in der Kirchen, zuerhaltung rechter leer vnd Christlicher zucht, hoch von nöten. So sollen die Visitatores yedes jar eyn mal zwischen Ostern vnnd Pfingsten, die Kirchen so inn jren zirck gehören, besuchen, vnd sich mit fleisz erkunden, von der leer vnd sitten der Pastorn, Schulmeyster, heyligen kasten meyster, vnnd Opfferman, Von des Volcks vnnd der Iugent besserunf, Von offentlichen lastern, Verachtung der Christlichen lehr vnnd Sacramenten. Von der Diener vnderhaltung, Von gebewen der Kirchen, Pfarrheuser vnd Schulen.

1. So nun die Visitatores eyne Kirchen besuchen, Sollen sie den Pastor vnd Schulmeyster von jrer lehr, inn haupt apticuln des glaubens, vnnd Rudimenten, durch fragstück fleissig verhören, vnd sonderlich acht nehmen, ob sie auch dieser Ordnung geleben.

2. Den Pastor fragen vom Volck, Ob auch inn seiner Kirchen personen seien, die in offentlichen sünden leben, als Ehebruch, Vnehelich beiwonen, odder andere vnzucht.

3. Ob yemandt auch daselbst zauberei treibe, odder mit Segen vmbgehe.

4. Ob noch Walfarten, oder andere offentliche abgötterei, an dem selbigen ort sei.

5. Ob yemand da lesterliche rede wider gott vnnd sein Wort.

6. Ob yemandt nit zu der Communion gehen wölle.

7. Ob etliche falscher leer vnd secten, als der Widder tauffer vnd Sacramentarien, oder andern, so der Catholischen Kirchen zuwidder, anhengig sein.

8. Ob auch verbottene Wucherer da sein.

9. Ob auch mutwillige Leuth sein, die dem Pastor vnd Kirchendienern drewen, sie schmehen odder pochen.

10. Db etliche eheliche personen von eynander gelauffen sein.

11. Wie es mit den begrebnissen vnnd grafftstedden gehalten werde.

12. Von vnterhaltung des Pastors vnd Schulmeysters.

13. Von Gebewen der Kirchen, Behausung des Pastors, Schulen und Kuster.

14. Ob auch Spinstuben, Abent dentz, oder andere vnzüchtige Conventicula da gehalten werden.

Darnach sollen sie von den Casten, odder heyligen Meystern, samt andern zweyen oder dreien frommen Pfarrkindern so sie darzu beruffen, fragen, wie volgt.

1. Ob der Pastor vnd Kirchendiener jres Ampts auch fleissig warten.

2. Ob sie auch zu gepurlichen zeit Predigen, vnd Sacrament reychen.

3. Ob sie auch die krancken auff jr beger besüchen.

4. Ob sie auch die Kinder im Catechismo fleissig unterrichten.

5. Ob sie auch Christlich vnnd erbarlich leben vnnd wandeln.

6. Ob eynigkeyt sei zwischen den Kirchen personen.

7. Ob auch etliche Eheleuthe in vneynigkeyt mit eynander leben.

8. Ob etliche Kinder yhre Eltern pochen, fluchen odder schlagen

9. Wie die Schulen regirt werden, Vnd wie sie die Schulmeyster inn jrem leben halten.

ставилось, да и цѣль объѣзда приняла, повидимому, специфически финансовый характеръ сбора дани—„подъѣзда“, или „заѣзда“, „въѣзда“, что было очень тягостно для духовенства и мірянъ[1]).

Между тѣмъ объѣздъ епархіи представлялся дѣломъ важнымъ и необходимымъ. Поэтому еще 22 января 1716 г. въ дополнительные пункты къ архіерейской присягѣ былъ внесенъ п. 6-й, по которому епископъ обѣщался „врученную ми нынѣ паству всю на всякое лѣто аще возможно будетъ, по крайней же мѣрѣ въ два или три года самому по обычаю апостолъ посѣщать и назирать; посѣщать же не ради лихоиманія и чести но апостольски и во Господѣ, како пребываютъ вѣрніи въ вѣрѣ и во исправленіи дѣлъ благихъ, а наипаче священники, и смотрить въ нихъ съ прилежаніемъ, учить и запрещать, дабы расколовъ, суевѣрія и богопротивнаго чествованія не было“[2]) и проч.

Эта именно статья, конечно, и послужила темой пункта 17-го и сочиненной Ѳеофаномъ инструкціи: „како же лучше можетъ быть сіе посѣщеніе послѣдующія регулы суть потребныя“. Однако эта инструкція не вполнѣ оригинальна. Такіе пункты, какъ 1, о предпочтительности лѣтняго времени; 5 и 7, о нехожденіи въ гости и угощеніи на свой счетъ; 6, о рѣшеніи дома важныхъ дѣлъ; 8, о чтеніи придуманныхъ самимъ Ѳеофаномъ „книжицъ“; 9, о суевѣріяхъ (въ немъ почти дословно повторяется п. 6 присяги, конецъ); 10, о легкомъ способѣ узнать правду о монастыряхъ; 11, о необходимости для епископа имѣть съ собою экземпляръ „Правилъ причта церковнаго и чина монашескаго“, авторомъ которыхъ былъ все тотъ же Ѳеофанъ; наконецъ, 12, о „лакомыхъ скотинахъ“—такіе пункты, несомнѣнно, оригинальны[3]). Что же касается пунктовъ 2, 3 и 4-го, то они напоми-

---

10. Ob yemand der Kirchen auch etwas entzogen habe an gütern oder zinsen.

Die Visitatores sollen auch selbst etliche von den Alten vnd den Iungen im Catechismo verhören, Vnnd erkunden, ob sie von Christlicher Leer vnd Gebet rechten verstandt haben.

Zu dem, der Pastorn vnnd Kirchenn Bücher mit fleisz besichtigen.

Wes nun die Wisitatores ausz obgemelten Fragen straffbar vnnd mangelhafftig befinden, sollen sie als bald mit straffen, vermanen vnnd vnterhandlung, zu corrigieren, zu bessern vnnd abzuschaffen vnterstehen. Was sie aber für jre person nicht verrichten können. Dasselbige, vnnd alle andere Visitation handlunge, jrem Superintendenten mit fleis referiren.

Den Visitatoribus soll von den Kastenmeystern eyner yeden Kirchen die sie visitiren, notturfftige zerung gegeben werden.

[1]) Проф. *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. Изд. 5, М. 1913, стр. 263.— *Е. Е. Голубинскій*, Исторія Р. Церкви, т. I, 1 пол. М. 1901, изд. 2, стр. 366—367.— *Макарій, М. М.*, Исторія Р. Церкви, т. V, Спб. 1866, стр. 81 и слѣд.

[2]) П. С. З. V, 2985. См. т. II, отд. II, № 5, лит. Б., п. 6.

[3]) Впрочемъ, для пп. 1 и 12-го, гдѣ въ скрытой формѣ устанавливаются правила содержанія епископа со свитою во время посѣщенія имъ епархіи, можно привести любопытную параллель изъ Preussische Bischofswahl, 1568 (Richter, K.-O. II. 298—299).

Von Unkosten der Visitation und Synoden. So viel die Unkosten belangt, so auf die Visitation gehet, soll es bey den vorigen Verordnungen und Bestallungen, in welchen den Bischoffen ein genandts deputiret, was ihnen von den Kirchenspielen zu ihrer und der ihren Unterhaltung, so lange die Visitation währet, gereicht soll

наютъ собою западныя инструкціи католиковъ и протестантовъ, хотя въ значительно передѣланномъ и дополненномъ видѣ.

Такъ Ѳеофанъ предписываетъ епископу при посѣщеніи прихода собрать городскихъ и сельскихъ (?!) священниковъ, почему то не сразу, а на другой или на третій день послѣ своего пріѣзда; выдумываетъ содержаніе молебна примѣнительно къ русскимъ потребностямъ; въ п. 3-мъ предлагаетъ Духовной Коллегіи составить образецъ слова, ибо не всякій русскій епископъ можетъ „чистое слово сложить"; въ 4-мъ упоминаетъ о доносѣ. Все это домашнее, русское.

Въ основу же 2, 3 и 4 пунктовъ Ѳеофаномъ могло быть положено „Ordo", взятое изъ Pontificale Romanum. Особенно обращаетъ на себя вниманіе желаніе Ѳеофана составить *особый* чинъ молебна при посѣщеніи епископомъ приходовъ, какъ и есть въ Pontificale Romanum. Затѣмъ въ п. 3 епископу рекомендуется сказать народу учительное слово, и предложить ему довѣрить епископу „нѣкія духовныя нужды и сумнительные падежи совѣсти" (protestans plebi, quod si quis vel si qua in aliquo ipsorum casuum vel in quocumque alio, consilio eius indiguerit, paratus sit benigne audire). Наконецъ, разрѣшеніе епископу (въ п. 4-мъ) разспрашивать о поведеніи причта съ цѣлью разслѣдованія инквизиціоннаго характера, во-первыхъ, читается и въ Pontificale, а во-вторыхъ, слишкомъ напоминаетъ средневѣковые синодальные суды (iudicia synodalia, Sendgerichte) и синодальныхъ свидѣтелей (testes synodales)[1]).

Во всякомъ же случаѣ можно думать, что самая мысль составить особую *инструкцію* для визитаціи епископами своихъ епархій навѣяна Ѳеофану западными образцами. Однако въ эту инструкцію онъ внесъ столько оригинальнаго, приспособленнаго къ потребностямъ русской действительности, что точно указать его оригиналъ едва-ли возможно.

Для большей иллюстраціи возможнаго заимствованія Ѳеофаномъ изъ Pontificale Romanum, очень важно познакомиться съ „Чиномъ посѣщенія приходовъ"—Ordo ad visitandas parochias[2]).

---

werden, bleiben. Es soll auch der Herr Bischoff mit acht, und nicht mehr Pferden auf die Visitation ziehen, auf welche auf Tag und Nacht 3 Scheffel Haber neben anderm Rauchfutter, zu dem, für den Herrn Bischoffe, seine Diener, Pfarrern, Kirchen-Veter und Schulmeister oder ander Personen, so dabey seyn müssen, eine Thunne Bier, ein Schöps oder Kalb, eine Mandel Hüner, desgleichen Fisch, wo die zu bekommen, Brodt, Butter, Eyer, Saltz und Lugemüsz, wes des fürhanden, alles eine ziemliche Notturfft auf einen Tag von den Kirchen-Kindern eines jeden Kirchspiels soll gegeben werden, welche der Bischoff, damit es durch seinen und nach desselben Bevehlig ausgespeiset und gebraucht, zu sich in seine Verwahrung nehmen solle. Was aber an Vitalien überbleibet, solchs den Kirchen-Vetern überantwortet, und durch sie der Kirchen zum Besten verrechent werde.

[1]) Это замѣтилъ уже *проф. Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права, М. 1902, стр. 274: „тутъ имѣлось въ виду нѣчто подобное западно-европейскимъ средневѣковымъ синодальнымъ судамъ, хотя и безъ синодальныхъ свидѣтелей". Въ изд 5, М. 1913 г., стр. 263 этихъ словъ нѣтъ.—Ср. Hauck, Send. Sendgericht, Realencyklopädie für prot. Th. u. K. Bd. 18³, S. 209-215.—Permaneder, Sendgerichte (Synodalgerichte), Kirchenlexikon von Wetzer u. Welte, Bd. XI, S. 126—128.

[2]) Римское изданіе 1868 г. стр. 297—301.

Когда объѣзжающій свой діэцезъ или приходы епископъ, говорится въ этомъ Ordo, подъѣзжаетъ къ селенію или городу своего діэцеза, его тор жественно съ процессіей принимаютъ по особому (выше въ P. R. изложен ному) чину, съ молитвами. Когда онѣ кончатся, епископъ восходитъ къ главному алтарю храма и, поцѣловавъ его, оттуда торжественно благосло вляетъ народъ (ibidem populo solemniter benedicit). Послѣ этого, или въ срединѣ мессы, обратившись къ народу, сидя объясняетъ народу причины своего прихода, такъ какъ каноны и церковный порядокъ по многимъ осно ваніямъ предписываютъ это. А именно:

1) для разрѣшенія душъ умершихъ;

2) для того, чтобы знать и видѣть, какъ управляется данная церковь въ духовномъ и житейскомъ (temporaliter) отношеніи, все ли нужное у нея есть; какъ совершаются таинства и божественныя службы; какова жизнь церковнослужителей и народа, дабы, изслѣдовавъ по долгу своей службы, епископъ могъ необходимое исправить;

3) для наказанія прелюбодѣяній, блудодѣяній, святотатствъ, волшебствъ и подобныхъ публичныхъ преступленій въ народѣ, для которыхъ церковные управители недостаточны. Епископъ обязанъ поставить народу на видъ, какого порицанія и отвращенія заслуживаютъ эти преступленія (ostendens diligenter populo, quam damnabilia, et detestanda sunt crimina ipsa);

4) ради казусовъ (сомнѣній совѣсти или грѣховъ), которые по праву или въ силу обычая подлежатъ изслѣдованію лишь епископа и въ которые никто другой не можетъ вмѣшиваться. При этомъ епископъ объявляетъ народу, что если кто-нибудь (мужчина или женщина нуждается въ его совѣтѣ относительно какого-либо изъ своихъ грѣховъ (казусовъ), или чего либо другого, онъ готовъ благосклонно выслушать и преподать совѣтъ и отпущеніе и съ состраданіемъ наложить спасительное покаяніе;

5) для преподанія таинства мѵропомазанія, совершать которое въ правѣ только епископъ.

Послѣ этого епископъ старательно приводитъ народъ къ покаянію, наставляетъ въ церковныхъ таинствахъ, въ правилахъ вѣры, и какъ должны они уклоняться отъ зла и творить благое, избѣгать пороковъ и слѣдовать добродѣтели, другому не дѣлать того, чего не желаютъ себѣ. Исполнивъ это, епископъ производитъ общую исповѣдь и даетъ общее разрѣшеніе и прощеніе грѣховъ.

Послѣ этого епископъ облачается и, обратившись къ народу, начинаетъ особый молебенъ, кропитъ себя, клиръ и народъ св. водою, и въ сопровожденіи клира и народа посѣщаетъ прежде всего кладбище, гдѣ молится за умершихъ. Вернувшись въ храмъ, епископъ оканчиваетъ молебенъ и затѣмъ, снявъ митру, начинаетъ осмотръ (incipit visitationem) св. Даровъ, крещальни, св. масла, св. мощей, алтарей, часовенъ, иконъ, кладбища, домовъ духовенства, больницъ и проч. Послѣ этого совершаетъ конфирмацію дѣтей, благословляетъ новую утварь, снимаетъ облаченія и выслушиваетъ исповѣдь и разбираетъ ссоры, если есть. Затѣмъ разспрашиваетъ объ отно

шеніяхъ клира и народа, а также какъ обслуживается данная Церковь со стороны духовной и житейской, просматриваетъ книги, утварь и проч.

Исполнивъ все, епископъ вновь совершаетъ предъ алтаремъ молитву по чину и затѣмъ уѣзжаетъ далѣе[1]).

О подчиненности епископовъ Духовной Коллегіи. Въ инструкціи для посѣщенія епархіи совершенно особнякомъ стоятъ послѣдніе три пункта 13, 14 и 15-й.

13-й пунктъ устанавливаетъ два положенія. Во-первыхъ, центральное значеніе власти Духовной Коллегіи; во-вторыхъ, порядокъ правомѣрнаго обращенія къ Духовной Коллегіи съ жалобою одного епископа на другого.

Первая часть 13-го пункта говоритъ, что всякій епископъ, независимо отъ того, именуется ли онъ просто епископомъ, или митрополитомъ, долженъ знать, что онъ подчиненъ Духовному Коллегіумъ, „яко верховной власти, указовъ онаго слушать, суду подлежать, и опредѣленіемъ его довольствоваться долженъ“. Слова эти живо напоминаютъ конецъ перваго абзаца Манифеста 25 января 1721 г., съ которымъ они, несомнѣнно, находятся въ прямой связи.

Огромная важность этого мѣста Духовнаго Регламента очевидна, ибо она служитъ юридическимъ обоснованіемъ высшей центральной власти Духовной Коллегіи по отношенію ко всей русской іерархій. Власть Духовной Коллегіи названа даже „верховной“, однако не въ смыслѣ суверенной[2]), а просто высшей, сравнительно съ епархіальной властью епископовъ.

Очевидно, что эти слова были бы гораздо болѣе умѣстны въ первой или третьей части Регламента. Здѣсь же они обосновываютъ второе положеніе 13-го пункта о томъ, что епископъ, если подвергается обидѣ отъ своего же собрата епископа, не долженъ ему лично мстить, или клеветать на него, или разсказывать его грѣховъ, хотя бы они и были, или подуськивать на него „сильныхъ нѣкіихъ лицъ духовныхъ или мірскихъ“. Но въ особенности не долженъ своего епископа недруга предавать анаѳемѣ. Напротивъ, обо всѣхъ своихъ обидахъ епископъ обязывается доносить Духовной Коллегіи и у нея просить себѣ суда съ обидчикомъ.

Такимъ образомъ, Духовная Коллегія объявляется первой и единственной инстанціей для суда спорныхъ дѣлъ между епископами, или по дѣламъ объ обидахъ между ними.

14-й пунктъ дополняетъ собою предшествующій. Онъ также устанавливаетъ два положенія.

---

[1]) Ср. Bartholomaei Gavanti „Praxis compendiaria visitationis episcopalis“ въ приложеніи къ первому тому его „Opera theologico-canonica“. Ferrariae, 1760. Здѣсь даны самыя детальныя указанія на обязанности епископовъ при посѣщеніи ими своихъ епархій и очень мелочные практическіе совѣты о томъ, какъ обозрѣвать епархію и ея учрежденія.

[2]) Ср. Д. Р. ч. I, п. 7: „на самодержца своего, яко на верховнаго пастыря“. Черн. рук. л. 4 подъ конецъ.

Во-первыхъ, право священно и церковнослужителей всѣхъ званій жаловаться Духовной Коллегіи на своего епископа. Такимъ образомъ Духовная Коллегія объявляется судебнымъ мѣстомъ для разбора дѣлъ между епископами (п. 13) и между епископами и клиромъ.

Во-вторыхъ, право всѣхъ лицъ, недовольныхъ судомъ своего епископа, апеллировать на него къ Духовной Коллегіи. При этомъ епископы обязываются не препятствовать такому апеллированію ни угрозами, ни опечатаніемъ и даже разграбленіемъ домовъ апелляторовъ.

Предвидя однако возможность ложныхъ доносовъ на епископовъ, Духовный Регламентъ обѣщаетъ, что Духовный Коллегіумъ установитъ „немалое наказаніе" на ложныхъ доносчиковъ и суетныхъ апелляторовъ.

15-й пунктъ устанавливаетъ систему надзора Духовной Коллегіи за дѣятельностью епископовъ.

Епископамъ вмѣняется въ обязанность дважды въ годъ („или какъ укажетъ о семъ Коллегіумъ") представлять рапорты о состояніи своей епархіи и встрѣчаемыхъ затрудненіяхъ. При этомъ епископъ не долженъ уклоняться отъ представленія рапорта даже тогда, когда епархія находится въ хорошемъ состояніи. Такимъ образомъ устанавливается порядокъ прежде всего освѣдомленія Духовной Коллегіи о положеніи дѣлъ. Разумѣется, что въ случаѣ умышленнаго представленія невѣрныхъ свѣдѣній, епископъ подлежитъ отвѣтственности предъ Духовной Коллегіей.

Относительно этихъ трехъ пунктовъ можно высказать то положеніе, что они, собственно, являются заключеніемъ ко всему трактату „О епископахъ" и ихъ обязанностяхъ и совершенно случайно попали въ спеціальную инструкцію о визитаціяхъ. Изложенію епископскихъ дѣлъ Ѳеофанъ посвятилъ всего 17 пунктовъ. Изъ нихъ 9—13-й занялъ проектъ архіерейскихъ школъ, 16-й развился въ трактатъ объ отлученіи и анаѳемѣ, наконецъ, 17-й въ инструкцію о визитаціяхъ. Всѣмъ этимъ Ѳеофанъ не могъ, конечно, исчерпать „дѣла епископовъ" и недоговорилъ очень многаго. Однако онъ не могъ опустить самаго существеннаго: сочлененія епархіальныхъ архіереевъ съ новымъ центральнымъ учрежденіемъ, Духовной Коллегіей. Онъ это и дѣлаетъ въ концѣ трактата объ епископахъ, причемъ три проектированные имъ параграфа случайно пришлись въ конецъ его инструкціи о визитаціи, которую и продолжили подъ ея спеціальной нумераціей подъ №№ 13, 14, 15-мъ.

По своему происхожденію и содержанію, надо думать, эти пункты вполнѣ оригинальны.

II. Домы училищныя и въ нихъ учители и ученики, также и церковныи проповѣдники[1]).

Планъ. По плану Ѳеофана послѣ трактата: „Дѣла епископовъ" должны были слѣдовать два трактата: 1) о пресвитерахъ, діаконахъ и пр. клирѣ

[1]) Ср. изложеніе этого мѣста у *А. Архангельскаго*, Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ В. Казань, 1883, стр. 16—26.

церковномъ; 2) с монахахъ. Однако оба они не попали на свое мѣсто и вышли позднѣе Духовнаго Регламента въ видѣ Прибавленія къ нему, хотя несомнѣнно, что Ѳеофанъ работалъ надъ ними одновременно съ прочими.

Въ виду этого второю частью „Дѣлъ особенныхъ“ оказался, собственно, четвертый трактатъ: *„Домы училищныя, ивъ нихъ учители и ученики такожъ и церковныи проповѣдники“.*

Этотъ трактатъ состоитъ изъ введенія и 23 параграфовъ. Однако, эти параграфы не равномѣрны, а именно, § 22 разработанъ Ѳеофаномъ въ особый проектъ учрежденія Семинаріи, состоящій изъ 26 статей особой нумераціи, а § 23 представляетъ собою особую инструкцію для проповѣдниковъ въ составѣ 10 статей также особой нумераціи. Такимъ образомъ трактатъ *„Домы училищные“* и проч. состоитъ изъ 4-хъ самостоятельныхъ частей, объединенныхъ лишь общей нумераціей въ 23 параграфа:

А. Введеніе—о пользѣ наукъ (внѣ 23-хъ параграфовъ).

Б. Проектъ учрежденія *Академіи,* какъ высшаго учебнаго заведенія (§ 1—21).

В. Проектъ учрежденія *Семинаріи,* какъ низшаго (по отношенію къ Академіи) закрытаго учебно-воспитательнаго заведенія (§ 22, состоитъ изъ 26 статей особой нумераціи).

Г. Инструкція для проповѣдниковъ (§ 23, въ составѣ 10 статей особой нумераціи).

А. О пользѣ наукъ. Обратимся къ анализу *Введенія.* Оно заключаетъ въ себѣ слѣдующія мысли. 1) Ученіе полезно, но для этого оно 2) должно быть добрымъ и основательнымъ, а не мнимымъ. На случай, если бы Петръ хотѣлъ учредить Академію, Ѳеофанъ и предлагаетъ ниже свой проектъ, какъ нужно было бы ее устроить.

1. Пользу ученія Ѳеофанъ доказываетъ прежде всего практически, ссылками на благодѣтельныя перемѣны, которыя произошли въ Россіи, послѣ того какъ Петръ *обучилъ* войско „изрядными регулами“ и содѣйствовалъ распространенію знаній по архитектурѣ, медицинѣ, политикѣ и проч. „Наипаче,—говоритъ Ѳеофанъ,—тоежъ разумѣть о управленіи Церкви. Когда нѣтъ свѣта ученія, нелзя быть доброму Церкви поведенію, и нелзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріамъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ“. Правильность этой мысли Ѳеофана теперь, конечно, не нуждается въ поясненіи. Однако Ѳеофанъ имѣлъ предъ собою то возраженіе, которое могло опираться на ложно понятыя слова Апостола Павла: „знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ“ (1 Кор. VIII, 1)[1].

[1]) Умственный застой и невѣжество московской эпохи общеизвѣстны. Одинъ изъ историковъ, ярко характеризующій состояніе русскаго просвѣщенія въ XVI и XVII вѣкахъ *П. Морозовъ,* (Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, Спб. 1880, гл. I.), между прочимъ, пишетъ: „Предки наши, подъ вліяніемъ своихъ невѣжественныхъ учителей, до такой степени сжились съ этимъ невѣжествомъ и косностью, что даже не представляли себѣ возможности когда нибудь выйти изъ этого положенія и самый выходъ считали окончательною гибелью“.... „Въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ въ то время книгъ, въ переводѣ творенія греческаго писателя VI вѣка, Козмы Индикоплова, предки

Чтобы опровергнуть, его Ѳеофанъ говоритъ, что и древнія ереси произошли „отъ гордаго глупства“, и „наши же русскія расколщики не отъ грубости ли и невѣжества толь жестоко возбѣсновалися?“ Впрочемъ могутъ указать на ученыхъ ересіарховъ—Арія, Несторія и др. „Но ересь во оныхъ родилась не отъ ученія, но отъ скуднаго Св. Писаній разумѣнія, а возросла и укрѣ-

---

наши находили поученіе, „яко не мощно есть христіанствовати хотящему быти въ повиновеніи внѣшнихъ, кромѣ божественнаго писанія“; „богомерзтенъ предъ Господомъ Богомъ“, говорили они, — „всякъ любяй геометрію;... а се душевнии грѣси—учитися астрономіи и еллинскимъ книгамъ;... знаменія небесныя бываютъ всякими различными образами и о томъ разсуждать никому не пригоже: небесное знаменіе — тварь Божія, ему Творцу и работаетъ, и разсуждать про то никому не удобно;... проклинаю прелесть ихъ, иже зрятъ на бѣгъ небесный.... Мудрость міра сего буйство есть у Бога;... своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя;... люби простыню паче мудрости, высочайшаго себе не изыскивай, а глубочайшаго себѣ не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи“ и т. п. (Пам. стар. лит. III, 19; IV, 215. — *Соловьевъ*, Ист. Россіи, IX, 149. — *Лавровскій*, Пам. стар. русск. воспитанія, въ Чт. О. И. и Др. 1861, стр. 30, 44. — *Пекарскій*, Наука и лит. при П. В., I, 3). Даже самое чтеніе книгъ (хотя бы и духовныхъ) считалось опаснымъ. „Не читайте книгъ многихъ“, заповѣдывали ревнители „простыни“ и указывали, что отъ чтенія одинъ „ума изступилъ“, другой — „въ книгахъ зашелся“, а третій „въ ересь впалъ“ (Оп. Рум. Муз., стр. 557). Полное пренебреженіе всякимъ научнымъ знаніемъ и самая характерная черта невѣжества—высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ и презрѣніе къ мнѣніямъ другихъ — ясно высказываются въ словахъ, которыя такъ любили повторять наши грамотѣи: „Еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ, — учуся книгамъ благодатнаго закона; азъ бо есмь умомъ грубъ и словомъ невѣжа, не бывавшю ми во Аѳинахъ отъ уности; но аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектикѣ, риторикѣ и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ“ (Оп. Рум. Муз., стр. 463. — Пам. стар. лит., IV, 119—120. — *Забѣлинъ*, Опыты изуч. рус. др. и ист., I, 96). Не даромъ замѣтилъ Котошихинъ, что „Россійскаго государства люди въ государствѣ своемъ никакого добраго наученія не имѣютъ и не пріемлютъ“ (Котош., 71).“ *Морозовъ*, стр. 21—22. Ср. *П. Н. Милюковъ*, Очерки русской культуры, ч. II, Очеркъ седьмой. Такія и подобныя заявленія издервле вызывали необходимость отстаивать пользу науки и доказывать, что не отъ чтенія происходятъ ереси. Напр., еще Максиму Греку приходилось выяснять, что въ грамматикѣ нѣтъ ничего еретическаго. „Ереси, говоритъ Ю. Крижаничъ (Русское Государство, I, 105—112), рождаются не отъ науки, а отъ глупыхъ книжныхъ кметовъ“, и потому необходимо, чтобы государи заботились о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, а родители — своихъ дѣтей (у *Морозова*, 235. 27). Въ предисловіяхъ къ новымъ книгамъ постоянно нужно было объяснять ихъ пользу и значеніе (*Морозовъ*, 235—236). *Пекарскій* передаетъ, что въ книгѣ Копіевскаго „Введеніе краткое во всякую исторію“ прежде всего говорилось о пользѣ и утѣшеніи, которыя приноситъ наука исторіи (Наука и литература, I, 19). Точно также и въ ариѳметикѣ конца XVII в. говорилось, что она „отъ Бога свободная мудрость высокозрительнаго и остромысленнаго разума“, ib. I, 265. Ср. и др. данныя у Пекарскаго т. I и II passim. Ѳеодоръ Поликарповъ въ своемъ „Букварѣ“ (1701 г.) счелъ нужнымъ, говоритъ *Морозовъ* (назв. соч. стр. 235), пояснить читателю, что онъ напечаталъ латинскую азбуку „не ко вреду“ и доказываетъ, что

„Душу спасаетъ не языкъ, но вѣра;
Всѣмъ долгъ хранити правыхъ догмъ предѣла...
Лучше своими чуждихъ уловляти,
Нежели въ чуждыхъ самимъ углѣбати“.

пилася отъ злобы и гордости". Послѣднее, пожалуй, справедливо, а первое едва ли вѣрно. Тріадологическіе споры возникли изъ искренняго желанія *уразумѣть* истины христіанства, между тѣмъ какъ онѣ, какъ поняли впослѣдствіи, лежатъ за предѣлами человѣческаго познанія и не поддаются раціонализаціи. Такъ что въ первыхъ ересяхъ виновно не „скудное разумѣніе Писанія", а наивная вѣра въ силы и законы человѣческаго разума. Однако отъ своей учености еретики все таки могли сочинять „софисмы", но упрекать за это образованіе, по мнѣнію Ѳеофана совершенно то же, что обвинять медицину, если врачъ отравитъ больного, обвинять воинское искусство, если солдатъ станетъ хитрымъ и сильнымъ разбойникомъ.

Напротивъ того, если внимательно приглядѣться „аки чрезъ зрителные трубки", то окажется, говоритъ Ѳеофанъ, что „все хуждшее (было) въ темныхъ, нежели въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ". Напр.,—и этотъ при-

---

Надо впрочемъ замѣтить, что пользу науки и именно для нормальной религіозной жизни, русскіе люди поняли, хотя отчасти, въ серединѣ и, особенно, въ концѣ XVII в., когда ведены были пренія съ датчанами о вѣрѣ, началось исправленіе обрядовъ и книгъ и появился расколъ (*Морозовъ*, 23 и слѣд.). И если Ѳеофанъ заявляетъ въ Духовномъ Регламентѣ, что „когда нѣтъ свѣта ученія, нелзя быть доброму Церкве поведенію. нелзя не быть нестроенію и многимъ смѣха достойнымъ суевѣріамъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересемъ", онъ высказываетъ то, что до него думали и говорили лучшіе московскіе люди. Мало того, въ этомъ случаѣ Ѳеофанъ сходится и съ протестантами, которые послѣ Реформаціи обратили особенное вниманіе на развитіе просвѣщенія и школъ. Протестантскіе Kirchenordnungen заключаютъ въ себѣ почти всегда особый параграфъ о школѣ, который и начинается указаніемъ на пользу и значеніе науки и школы. Напр.: „Ein gemeine Schul darin man zucht ond kunsten lert fur die Jugent, Ist ein grosser nutzlicher Ja notiger grundt einer Cristenlichen erbern gemeind onnd kirchen". (Hallishe K.-O. 1526. Richter, I, 48). „De scholis. Manifestum est, necessarias esse literas et scholas literarum ad conservationem et propagationem doctrinae Evangelii et ad totam gubernationem. Nam doctrina Christiana non est philosophica, seu notitia nascentibus, sicut auf numerorum notitia aut legis naturae".... Далѣе, чему учить надо. Reformatio Wittebergensis, 1547. Richter, II, 92). „Von den Schulen: Dieweil auch die schulen, nicht alleyn der Kirchenn, sondern auch des gemeynen nutzen Seminaria sein, darin man leut zum Kirchen ampt, vnnd Regiment dienlich, auff erziehen muss. So ist von nötten, auch dieselbigen mit fleis zuerhalten". (Waldeck'sche K.-O. 1556 Richter, II, 175). „Nachdem aber unmögliche taugliche und gelehrte, auch fromme Kirchen—Diener zu haben, ja auch die wahre Christliche Religion unterfälscht zu erhalten, ohne Schulen, so, soll Unszer Kirchen—Rath auch die fürnehmste Sorg haben, nit allein die Schuhlen in Unszerm Land so allbereits angericht zu erhalten, sondern auch dasz diesselbe von Tag zu Tag verbessert"... (Pfälzische Kirchenrathsordnung 1564. Richter, II, 281).

Появленіе Реформаціи, какъ извѣстно, вызвало, необычайное оживленіе и въ католическомъ мірѣ, гдѣ особенно іезуиты старались совершенствовать школу, въ чемъ для многихъ и сдѣлались образцомъ.

Необходимо, впрочемъ, прибавить, что въ Духовномъ Регламентѣ Ѳеофанъ не впервые высказывался въ пользу просвѣщенія. Еще будучи въ Кіевѣ онъ составилъ діалогъ „Разговоръ гражданина съ селяниномъ да пѣвцемъ или дьячкомъ церковнымъ", въ которомъ подробно доказываются преимущества знанія надъ невѣжествомъ. Этотъ замѣчательный діалогъ находится въ рукописи въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Q. I. 459 и Кіевской Духовной Академіи, подробно пересказанъ *П. Морозовымъ* (назв. соч. стр. 152—156; ср. стр. 237), и изданъ нами во II томѣ, отд. III, № 12.

мѣръ чрезвычайно характеренъ для Өеофана,—„не *спесивились* такъ *епископи* до четыресотнаго лѣта (до начала IV в.), какъ послѣ возгордѣлися, наипаче Константинополскій и Римскій; *ибо тогда было ученіе*, а послѣ оскудѣло". Примѣръ неправильный, ибо скромность епископовъ въ первые три вѣка христіанства зависѣла не отъ просвѣщенности ихъ, а оттого, что христіанство было гонимой религіей, между тѣмъ какъ послѣ стало религіей государственной и епископы, законодательствомъ Византійскихъ императоровъ были признаны едва ли не высшими сановниками государства и получили широкую юрисдикцію съ государственнымъ значеніемъ. Равнымъ образомъ „возгордѣлися" епископы Константинопольскій и Римскій не по недостатку образованія, а изъ стремленія къ преобладанію своей власти.

Послѣднее доказательство у Өеофана въ пользу ученія проще и лучше, а именно, если бы ученіе было вредно государству и Церкви, „то не учились бы сами лучшыя христіанстіи особы, и запрещали бы инымъ учитися". И въ самомъ дѣлѣ древніе отцы и учители Церкви, были людьми высокаго и всесторонняго, не только богословскаго, но и философскаго (въ старомъ широкомъ смыслѣ) образованія. Өеофанъ совершенно вѣрно говоритъ, что „кромѣ многихъ иныхъ, славнѣйшые столпы церковныя поборствуютъ и о внѣшнемъ ученіи, а имянно: Василій Великій въ словѣ своемъ ко учащимся младенцамъ[1]), Златоустый въ книгахъ о монашествѣ[2]), Григорій Богословъ въ словахъ своихъ на Іуліана апостата[3]). Но, — заканчиваетъ Өеофанъ, — много бы говорить, аще бы о единомъ семъ нарочное слово было".

2. Однако, вѣдь то или иное образованіе *всегда* было и нельзя сказать, чтобы ранѣе *никакого* ученія не было. Имѣя это въ виду, Өеофанъ и ставитъ своей задачей доказать *вторую мысль* „Введенія", а именно, что ученіе, для того, чтобы быть дѣйствительно полезнымъ, должно быть добрымъ и основательнымъ, а не мнимымъ.

Мысль эта находитъ себѣ идейную параллель у Пуфендорфа (De iure naturae et gentium lib. VII, cap. 9 § 4; De officio, lib. II, cap. 11, § 4), который говоритъ, что для гражданскаго воспитанія народа полезно, между прочимъ, „учрежденіе общественныхъ школъ, лишь бы только въ нихъ не преподавались ложныя науки и нелѣпыя выдумки, составляющія несчастное наслѣдіе темнаго царства, но только знанія основательныя и полезныя для жизни, каковыми особенно являются тѣ, которыя касаются истинныхъ правъ суверена и обязанностей подданныхъ, которыя имъ соотвѣтствуютъ")[4].

---

[1]) Migne, S. g. t. 31, col. 564: Πρὸς τοὺς νέους, ὅπως ἂν ἑλληνικῶν ὠφελοῖντο λόγων.

[2]) Migne, S. g. t. 47, col. 319: Πρὸς τους πολεμοῦντας τοῖς ἐπὶ τὸ μονάζειν ἐνάγουσιν.

[3]) Migne, S. g. t. 35, col. 1044: Εἰς τους λόγους, καὶ εἰς τὸν ἐξισωτὴν Ἰουλιανόν.

[4]) Plurimum quoque momenti hnc afferunt scholae pnblicae, siquidem in illis doceantur non inanes nugae, et male feriatorum hominum commenta, regni tenebrarum reliquiae,

Однако нельзя думать, чтобы свою мысль Θеофанъ слѣпо заимствовалъ отъ Пуфендорфа. Что онъ зналъ послѣдняго, былъ начитанъ въ его сочиненіяхъ и раздѣлялъ взгляды Пуфендорфа на многое,—это внѣ сомнѣнія. Но, повидимому, именно вслѣдствіе солидарности во взглядахъ съ Пуфендорфомъ Θеофанъ не имѣлъ надобности въ текстуальныхъ заимствованіяхъ отъ Пуфендорфа. Θеофанъ самъ принадпежалъ къ плеядѣ представителей новаго научнаго міровоззрѣнія, введеннаго Декартомъ, Ньютономъ и другими, и если бы онъ жилъ въ Германіи, писалъ по-латыни или по-нѣмецки, Θеофанъ былъ бы причисленъ къ школѣ естественнаго права и, быть можетъ, изучался бы нами наравнѣ съ другими представителями этой школы,

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что свои взгляды на науку и схоластику Θеофанъ не впервые высказалъ въ Духовномъ Регламентѣ. Авторомъ послѣдняго онъ именно и сталъ потому, что заявилъ себя сторонникомъ новаго гуманитарнаго и естественно-научнаго просвѣщенія. Правда, научные взгляды Θеофана еще довольно наивны, напр., онъ не признаетъ безконечности міра; полагаетъ, что надъ небомъ существуютъ воды, чтобы умѣрять жаръ огненныхъ шаровъ — солнца и звѣздъ и. т. д.[1]). Однако, „воспитанный въ схоластической обстановкѣ, онъ смолоду заявилъ себя непримиримымъ принципіальнымъ врагомъ старой рутины[2]). Съ 1704 г. Θеофанъ начинаетъ преподаваніе *піитики* въ Кіево-Могилянской Академіи и хотя онъ, въ своемъ курсѣ піитики не былъ новаторомъ, потому что не предлагалъ никакихъ новыхъ теорій и слѣдовалъ только тому, что было уже выработано до него; но, оставаясь на этой старой дорогѣ, онъ все-таки старался, насколько могъ, отрѣшиться отъ многихъ предразсудковъ схоластическаго метода, внести въ эту область поболѣе здраваго смысла и естественности"[3]). Съ 1706 г. Θеофанъ началъ преподавать *риторику*, въ которую внесъ много новаго именно противъ старой схоластической рутины „польскихъ казнодѣйшковъ"[4]). Но вполнѣ онъ показалъ себя въ своихъ лекціяхъ по богословію, читанныхъ имъ въ 1712—1716 г. и дошедшихъ до насъ въ неоконченномъ видѣ на латинскомъ языкѣ[5]). „Θеофанъ излагалъ свой предметъ чрезвычайно подробно, въ видѣ отдѣльныхъ трактатовъ (или „книгъ"), которые, однако же, тѣсно связаны одинъ съ другимъ въ общую систему, такъ что всякій послѣдующій трактатъ служитъ непосредственнымъ продолженіемъ предыдущаго. Этимъ изложеніе Θеофана съ перваго же взгляда рѣзко отличается отъ прежнихъ курсовъ богословія, которые составлялись преимущественно по образцу „Суммы" (Summa The-

sed solide literae atque scientiae, quarum usus sese per vitam humanam et civilem dispensat. Inter quas praecipua est, quae de iure summorum imperantium, et eidem respondere civium obligatione solide docet.

[1]) *П. Морозовъ*, Θ. Прокоповичъ, какъ писатель, Спб. 1880, стр. 139—141. 147.

[2]) См. вообще *П. Морозовъ*, стр. 96—194.

[3]) *П. Морозовъ*, 99. [4]) *П. Морозовъ*, 105—124.

[5]) См. о курсѣ богословія Θеофана, *П. Морозова*, 123—145.

ologiae) Θомы Аквината, и въ которыхъ отдѣльныя части не имѣли между собой никакой внутренней связи и располагались совершенно произвольно. По содержанію своему этотъ курсъ представляетъ, можно сказать, совершенную противоположность прежнимъ схоластическимъ курсамъ богословія· Θеофанъ, постоянный и сильный противникъ католической науки, отвелъ въ своей богословной системѣ очень видное мѣсто полемикѣ съ главнѣйшими представителями схоластическаго богословія, и въ особенности — съ Беллярминомъ, котораго онъ называетъ Ахилломъ непріятельскаго лагера (sectae adversae Achilles) и съ Θомой Аквинатомъ; подробно опровергая доводы этихъ главныхъ своихъ противниковъ, онъ относится къ нимъ съ презрѣніемъ, и всегда старается выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ; называетъ ихъ „стадомъ ословъ", „докторишками" (doctorastros), глупцами и т. п., и издѣвается надъ ихъ учеными пріемами"[1]).

Еще рѣзче и пренебрежительнѣе относился Θеофанъ къ своимъ Кіевскимъ коллегамъ, этимъ ученикамъ и подголоскамъ схоластиковъ и іезуитовъ, какъ видно изъ его писемъ къ Маркевичу. Въ письмѣ къ Маркевичу изъ С.-Петербурга вскорѣ по прибытіи его туда въ концѣ 1716 г. Θеофанъ горько жалуется на скудость богословскаго образованія вокругъ него. „Въ настоящее время,... гордое невѣжество такъ безсовѣстно присвояетъ себѣ божественное знаніе"... „Богословствуютъ у насъ въ настоящее время и тѣ, которые едва знаютъ, что такое Св. Писаніе, голословно провозглашаютъ ученіе апостоловъ" и проч. „Поэтому пьяные солдаты, негодные подъячіе, купцы и ремесленники, дѣтишки и маркинтанты, даже женщины—изрядныя учительницы—всѣ они богословы"... „Что же сказать о попахъ и монахахъ или о нашихъ латынщикахъ? Если, по милости Божіей, въ ихъ головахъ найдется нѣсколько богословскихъ трактатовъ и отдѣловъ, выхваченныхъ когда-то какимъ нибудь славнымъ іезуитомъ изъ какихъ нибудь твореній схоластическихъ, епископскихъ, языческихъ, плохо сшитыхъ.... то наши латынщики воображаютъ себя такъ мудрыми, что для ихъ знанія ничего уже не осталось!"... „При наблюденіяхъ надъ этими личностями, мнѣ съ большимъ неудовольствіемъ приходится сознаться, что есть люди глупѣе римскаго папы". „Лѣтъ 15 тому назадъ были въ модѣ т. наз. ораторскіе пріемы (conceptus). Церковныя каѳедры оглашались тогда (увы!) чудными хитросплетеніями, напр,, что значитъ пять буквъ въ имени Маріи? Почему Христосъ погружался въ Іорданѣ стоя, а не лежа, не слѣдя?.... Потомъ настала другая болѣзнь. Всѣ начали стихотворствовать до тошноты.... Нынѣ всѣ мы болѣемъ теологіею. О если бы во всѣхъ пробудилась жажда знанія и изученія вопреки тиранству предзанятаго мнѣнія! Тогда была бы надежда, что изъ тьмы возсіяетъ истина, но иное, какъ мы видимъ, совершается на дѣлѣ. Всѣ стремятся учить и почти никто не хочетъ учиться. И въ такія-то мрачныя времена, когда почти нельзя найти ревностнаго и усерднаго ученика Божественныхъ знаній; вотъ тебѣ безчисленное множество учителей! То есть, когда міръ достигъ высшей степени несчастія, онъ по-

[1]) *П. Морозовъ*, 124 -125. Ср. 126—132, 141—144.

кушается выставить себя въ высшей степени святымъ. Что всего болѣе не нравится ему, такъ это оправданіе чрезъ Христа туне"[1])...

Приблизительно тѣ же мысли Ѳеофанъ высказалъ и позднѣе по дѣлу о разводѣ Миклашевскаго, состоявшемуся въ 1728 г. Здѣсь Ѳеофанъ оспариваетъ ту точку зрѣнія своихъ противниковъ, будто невинная сторона разведенныхъ не имѣетъ права вступить въ новый бракъ. Онъ пишетъ:... „мужевѣ не дано (противниками Ѳеофана) позволенія къ другому браку. Для чего бы такъ, не трудно мнѣ дознаться. Школярики, латіною губы примаравшіи, о такомъ будто церковномъ законѣ вамъ набаяли. Да то они пошептомъ слышали отъ ересей папежскихъ, а наша греческая церковь всегда за таковую вину, разрушивши первый бракъ, благословляла другой сторонѣ невинной, и латинъ, какъ и въ прочіихъ, такъ и въ семъ артикулѣ, намъ противныхъ отвергла, о чемъ и изъ Флоренскаго соборища знать мощно.... Да бѣда, что панове школярики, что ни услышатъ отъ папежскихъ поговорокъ, высоко ставятъ, и мнятъ быти непогрѣшительное; — сумозброды, и неуки, не вѣдущіи не токмо священнаго писанія, (которое и что есть не знаютъ), но и самаго того ремеслишка, которымъ хвалятся; какъ то и въ самой сей вашей грамотѣ челобытную нарекли апеляціею, не вѣдая силы вокабулярной"... и т. д.[2]).

Но возвратимся къ Духовному Регламенту.

Вѣрный самому себѣ и своимъ взглядамъ на науку и просвѣщеніе, Ѳеофанъ и въ данномъ мѣстѣ Духовнаго Регламента рѣзко отличаетъ ученіе основательное отъ ученія мнимаго, „которое и имени того недостойно есть", хотя по недоразумѣнію и считается „за прямое ученіе".

Въ чемъ же дѣло и въ чемъ разница?

Мало того, — говоритъ Ѳеофанъ — что обучаютъ Реторикѣ, Философіи или Богословію. Важно *качество учителя* и способности, прилежаніе *учениковъ*. Какъ понимаетъ Ѳеофанъ это качество, видно изъ его дальнѣйшаго разсужденія. Онъ говоритъ, что въ теченіе 900 лѣтъ (500—1400 г.г.) „вся почитай ученія въ великой скудости и неискусствѣ были, такъ что у самыхъ лучшихъ авторовъ въ оные времена писавшихъ, остроумие видимъ великое, а свѣта великого не видимъ". VI — XIV в.в. — это эпоха среднихъ вѣковъ, которую, какъ самое по себѣ, такъ и съ точки зрѣнія просвѣщенія, Ѳеофанъ, какъ видно не одобряетъ. Послѣ 1400 г., продолжаетъ онъ, начали появляться „любопытнѣйшіе", т. е. болѣе *пытливые*, „и потому искуснѣйшіи учители". Тогда мало-по-малу многія Академіи „возымѣли силу" не не только „гораздо великую", но, повидимому,

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Ак. 1865, Январь 144—150. Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopovitsch, variis temporibus et ad varios amicos datae, M. 1776, epistola XX. Ср. *П. Морозова*, 125.

[2]) Труды Кіев. Дух. Академіи, 1865 г., февраль, стр. 309.—Ср. презрительный отзывъ Ѳеофана о „латинникахъ" въ „Разговорѣ гражданина съ селяниномъ да пѣвцемъ церковнымъ". См. у насъ т. II, отд. III, стр. 61 и слѣд.

даже большую, чѣмъ какая была съ „древнихъ оныхъ Августовыхъ лѣтъ“. Многія Академіи, но не всѣ, ибо „многія училища въ прежней тинѣ остались, такъ что у оныхъ Реторики и Философіи и прочіихъ ученій *имена* точію суть, а дѣло не тое“. И дѣйствительно, XIV—XV вѣка являются эпохой возрожденія и гуманизма, когда зарождаются новые методы наукъ прежде всего филологическихъ. Но возрожденіе и гуманизмъ не сразу сдѣлались общимъ достояніемъ, а наряду съ новыми вѣяніями, старательно оберегались старые схоластическіе типы школъ и пріемы науки.

Такимъ образомъ Ѳеофанъ и въ Духовномъ Регламентѣ заявляетъ себя горячимъ сторонникомъ новаго міровоззрѣнія, новой науки и новой школы. Но онъ не довольствуется этимъ. *Ему хочется особенно подчеркнуть вредъ схоластики для государства и Церкви.* Здѣсь Ѳеофанъ оставляетъ эпическій тонъ историка и не нуждается въ заимствованіяхъ у постороннихъ авторовъ. Онъ просто разсказываетъ страницу изъ своей собственной біографіи и подъ видомъ теоретическихъ обобщеній въ сущности даетъ суровую отповѣдь своимъ политическимъ противникамъ.

Изъ біографіи Ѳеофана извѣстно, что еще будучи ректоромъ Кіево-Могилянской Академіи и профессоромъ богословія, онъ выступилъ горячимъ противникомъ схоластической методики и научной системы и какъ новаторъ выдвинулъ учено-историческій и критическій методъ. Раздѣляя его, онъ естественно отошелъ отъ католическихъ ученыхъ и приблизился къ протестантамъ, за что и вызвалъ противъ себя движеніе среди приверженцевъ старыхъ традицій, въ томъ числѣ своихъ сослуживцевъ Ѳеофилакта Лопатинскаго и Гедеона Вишневскаго. Еще въ 1712 г. Ѳеофилактъ изъ Москвы обличалъ Ѳеофана въ неправославіи за его сочиненіе „О игѣ неудобоносимомъ“, называя послѣднее „писаніемъ противничимъ, вносящимъ въ міръ Россійскій мудрованія реформатскія, доселѣ въ церкви православной неслыханныя, о законѣ Божіи и оправданіи“. Но пока Ѳеофанъ былъ въ Кіевѣ эта полемика имѣла только академическій характеръ. Когда же въ 1715 г. Ѳеофанъ получилъ приказаніе государя пріѣхать въ С.-Петербургъ и всѣ поняли, что тамъ онъ будетъ посвященъ во епископы, враги Ѳеофана начали дѣйствовать активнѣе. Гедеонъ Вишневскій и Ѳеофилактъ Лопатинскій, бывшіе тогда въ Москвѣ, составили цѣлый протестъ съ обличеніемъ Ѳеофана въ неправославіи, подкрѣпивъ его цитатами изъ его же сочиненій, заручились одобреніемъ ученыхъ грековъ Лихудовъ—столповъ стараго московскаго образованія—и привлекли на свою сторону мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, который и согласился послать этотъ доносъ въ Петербургъ къ епископамъ, которые должны были совершить хиротонію Ѳеофана съ предостереженіемъ о его неправославіи. Петръ Великій не обратилъ на этотъ доносъ никакого вниманія и Ѳеофанъ былъ посвященъ во епископа Псковскаго. Но понятно, что самъ Ѳеофанъ былъ глубоко оскорбленъ поступкомъ своихъ враговъ[1]). При этомъ Ѳеофанъ

[1]) *Проф. Б. Титлиновъ,* Ѳеофанъ Прокоповичъ. Русскій Біографическій словарь „Яблонскій-Ѳоминъ“. Спб. 1913, стр. 401—404.

оскорбленъ былъ не только лично, но и въ своемъ міровоззрѣніи, столь противоположномъ схоластицизму его противниковъ.

Эта именно исторія и отразилась въ данномъ мѣстѣ Духовнаго Регламента. Желая оттѣнить недоброкачественность стараго ученія, онъ говоритъ, что схоластики глупѣе даже не ученыхъ. Они страдаютъ самомнѣніемъ и думая, что что-либо знаютъ, не хотятъ учиться (разумѣются враги Өеофана, удовлетворенные старыми авторитетами), тогда какъ „прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ (въ частности самъ Өеофанъ) никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ" и никогда не перестанетъ учиться (у новыхъ, хотя бы протестантскихъ учителей), „хотя бы онъ и Маөусалевъ[1] вѣкъ пережилъ". „Се же велми бѣдно (то особенно худо), —продолжаетъ Өеофанъ,—что именованныя неосновательныя мудрецы (подобно Гедеону и Өеофилакту) не толко не полезны, но и велми вредны суть и дружеству (вѣдь они были сослуживцами Өеофана, а послѣ стали его предателями). и отчеству, и Церкви пред властми над мѣру смиряются, но лукаво, чтоб такъ украсть милость ихъ, и пролѣзть на степень честный (чтобы получить лучшее положеніе. Дѣйствительно Гедеонъ и Өеоөилактъ подольстились къ Стефану Яворскому и не выступили со своимъ доносомъ предъ Государемъ открыто). Равнаго чина людей (т. е. его, Өеофана) ненавидятъ; и если кто во ученіи похваляемъ есть (какъ, напр., онъ, Өеофанъ, уже прославился своею ученостью и снискалъ къ себѣ расположеніе Государя), того всячески тщатся пред народомъ, и у властей обнести и охулити (прямой намекъ на ихъ доносъ)[2]. Къ бунтам склонны, восприемля надежды высокия (разумѣется, Стефанъ Яворскій съ его проповѣдью „о фискалахъ" 1712 г. и неостывшей еще надеждой достичь патріаршаго престола). Когда богословствуютъ, нѣлзя имъ не еретичествоват (здѣсь содержится намекъ на склонность къ латинству враговъ Өеофана и даже самого Стефана, написавшаго свой „Камень вѣры"[3]): за невѣжествомъ бо своимъ удобь проговорятся, а мнѣнія своего изреченнаго перемѣнить отнюдь не хотятъ, чтоб не показать себе, что не все знаютъ (очевидно намекъ на то, что противники Өеофана

---

[1]) „Всѣхъ же дней Маөусала было 969 лѣтъ и онъ умеръ". Быт. V, 27.

[2]) „Посланіе преосв. Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго къ преосв. Алексію Сарскому и Подонскому и Варлааму Тверскому и Кашинскому" о неправославіи Өеофана Прокоповича (1718 г.) напечатано архим. Макаріемъ въ Чтеніяхъ М. О. И. и Др. Рос. 1864, кн. IV, Смѣсь, 5—8. По словамъ Пекарскаго (Наука и лит. I, 487, прим. 2) оно помѣщено и въ рукописяхъ Румянцевскаго музея № 407, стр. 9—11. Въ подтвержденіе нашихъ объясненій разбираемаго мѣста Духовнаго Регламента можемъ сослаться на слова Пекарскаго (ibidem): „Зная это посланіе, становится понятною выходка Прокоповича въ Духовномъ Регламентѣ противъ неосновательныхъ мудрецовъ, которые, по его словамъ, „равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто въ ученіи похваляемъ есть, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити. Къ бунтамъ склонны, воспріемля надежды высокія". Послѣдняя аллюзія относится къ дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ и едва ли не къ попыткамъ Яворскаго возстановить патріаршество".

[3]) См. сочиненіе свящ. *I. Морева*, Камень вѣры м. Стефана Яворскаго, Спб. 1904 и статью *его-же* въ Прав. Бог. Энц. т. VIII, 187—192.

упорствовали въ своихъ мнѣніяхъ, когда въ свою очередь онъ изобличалъ ихъ въ латинствѣ). А мудріи мужие сіе между собою утвердили пословие: мудраго человѣка свойство есть отмѣнять мнѣніе"[1]) (значитъ, упрекая ихъ въ глупости, Ѳеофанъ оправдываетъ извѣстное развитіе своихъ научныхъ взглядовъ[2]).

Таково содержаніе Введенія къ трактату „Домы училищные". Зачѣмъ оно нужно было Ѳеофану? Онъ объясняетъ это тѣмъ, что если бы Государь пожелалъ основать Академію, мысль о которой дѣйствительно у Петра была[3]), то Духовной Коллегіи, которая въ то время должна была и по преимуществу могла быть главной насадительницей просвѣщенія въ Россіи, тѣмъ болѣе, что до новаго времени именно духовенство шло во главѣ его, предстояло бы прежде всего обсудить *какихъ учителей* опредѣлить (—не схоластиковъ) и „каковый *ученія образъ* указать онымъ (—педагогическіе методы и типъ школы), дабы не вотще пошло Государское иждивеніе, и вмѣсто чаянной ползы, не была бы тщета, смѣха достойная".

Понимая трудность дѣла, Ѳеофанъ предлагаетъ собственный проектъ правилъ, которыя ему „кажутся быть угодныя"[4]).

Далѣе слѣдуютъ §§ 1—21 объ Академіи.

Б. Проектъ учрежденія Академіи. 1. Сначала достаточно одного или двухъ учителей для обученія грамматикѣ латинскаго и греческаго языковъ.

2. По мѣрѣ увеличенія классовъ и расширенія ученія, будетъ и большее число учителей.

---

[1]) Быть можетъ Ѳеофанъ имѣетъ здѣсь въ виду слѣдующее изреченіе: errare humanum est, s e d n u l l i u s n i s i i n s i p i e n t i s i n e r r o r e p e r s e v e r a r e.

[2]) Любопытной иллюстраціей къ этому мѣсту Духовнаго Регламента является письмо, посланное Ѳеофаномъ 5 августа 1718 г. изъ Нарвы къ профессорамъ Кіевской Академіи, въ которомъ онъ подробно разсказываетъ исторію съ доносомъ на него Стефана Яворскаго, Гедеона Вишневскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго. Въ заключеніи письма Ѳеофанъ пишетъ: „Въ особенности не должно слѣдовать примѣру недоученыхъ хвастунишекъ (sciolorum); но каждый долженъ идти путемъ просвѣщенія и держаться тѣхъ научныхъ пріемовъ, которые, являясь плодомъ солидной эрудиціи, вырабатываютъ людей истинно-ученыхъ, а не пустыхъ крикуновъ (licitatores). Въ нашъ болѣе благоразумный вѣкъ уже до тошноты надоѣла та эрудиція, которая (если можно такъ выразиться) проистекаетъ не изъ чистыхъ источниковъ уважаемыхъ писателей, а течетъ по каплѣ, сквозь нечистую бумагу, изъ грязныхъ лужъ негодныхъ шарлатановъ (lugimagistrorum), и не производитъ въ человѣческихъ умахъ ничего, кромѣ глупаго убѣжденія въ своей учености, кромѣ какой-то тѣни знанія, какихъ-то призраковъ и сновидѣній. Отсюда происходитъ и это смѣшное чванство quasi—ученыхъ крикуновъ, ихъ вранье (tricae) и споры, завистъ и раздоры, и взаимная ненависть, и наконецъ, то достойное величайшаго сожалѣнія безуміе, одержимый которымъ человѣкъ, ничему почти не выучиваясь, считаетъ себя чуть не всезнающимъ, и благодаря этому убѣжденію, постоянно возится въ грязи, принимая ее за золото". (Цитата у *П. Морозова*, стр. 125).

[3]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Петръ Великій, основатель Императорской Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Спб. 1914.—*П. П. Пекарскій*, Исторія И. Академіи Наукъ. Т. I, стр. XIII - XXXIII. Спб. 1870.

[4]) Это „кажутся" передѣлано въ „суть". См. т. II, стр. 74, прим. 1. 2.

3. Лицо, желающее быть учителемъ, надо тщательно испытать въ знаніи латинскаго языка, въ умѣніи переводить съ него на русскій и обратно. Есть, говоритъ Өеофанъ, способы испытанія въ знаніи и другихъ наукъ, которые можно описать особо.

4. Въ случаѣ недостатка учителей можно и плохого кандидата заставить подучиться, если онъ хочетъ быть учителемъ, и „остроуменъ". Но лучше на такихъ не надѣяться.

5. Учителямъ необходимо вмѣнить въ обязанность, чтобы они сначала объясняли ученикамъ смыслъ и цѣль изученія грамматики, риторики, логики и проч., „чтобъ ученики видѣли берегъ, къ которому пловутъ" и охотнѣе учились бы.

6. Необходимо выбрать для учениковъ лучшіе учебники, „подать въ Академію и приказать, чтобъ оныхъ руководствомъ, а не иныхъ учено въ школахъ". Важность этого Өеофанъ доказываетъ ссылкою на краткую, но содержательную латинскую грамматику, изданную въ Парижѣ „повелѣніемъ" Людовикѣ XIV[1]), по которой способнаго ученика можно обучить въ одинъ годъ, тогда какъ у насъ и въ 5—6 лѣтъ „мало кто постизаетъ, что мощно знать потому, что студентъ съ Философіи, или Богословіи изшедшій, не можетъ перевесть и средняго стиля латинскаго".

7. Въ классѣ Богословія слѣдуетъ изучать „догматы вѣры нашей и законъ Божій", т. е. христіанское вѣро- и нравоученіе. Для этого учитель долженъ читать Св. Писаніе и умѣть толковать его и имъ подкрѣплять догматы. Въ помощь себѣ „челъ бы прилѣжно Св. Отецъ книги, да таковыхъ Отецъ, которые прилѣжно писали о догматѣхъ" противъ ересей. Напр., рекомендуетъ Өеофанъ, сочиненія: *Григорія Назіанзина* (329—390) 5 словъ о Богѣ Словѣ[2]); *Аөанасія Великаго* (296—373) 5 книгъ на аріанъ[3]); *Ва-*

---

[1]) Tondini предполагаетъ, что „повелѣніе", о. которомъ говорится въ Духовномъ Регламентѣ есть не что иное, какъ привилегія короля (Privilége du roi), на изданіе книги, печатавшаяся въ то время на всѣхъ изданіяхъ. Что же касается самой латинской грамматики, то, по мнѣнію Tondini, къ словамъ Өеофана болѣе всего подходятъ: Nouvelle méthode pour apprendre facilement et en peu de temps la lange latine, par Dom Claude Lancelot (1-re edit., 1644). C'est la méthode appelée de Port Royal et dont il est dit dans une édition postérieur qu'elle avait „esté si heureuse que de contribuer mesme quelque chose pour l'intelligence de la plus nécessaire de toutes les langues à linstruction royale de Sa Majesté à qui elle fut présentée" (3-e edit. Paris, chez Pierre le Petit, imprimeur, et libraire ordinaire du Roy, 1656, avec privilége de Sa Majesté. Préf. p. 7). Къ сказанному Tondini прибавляетъ, что если бы эта грамматика показалась слишкомъ объемистой для того, чтобы можно было подвести ее подъ описаніе въ Духовномъ Регламентѣ, то, по его мнѣнію, авторъ могъ имѣть въ виду краткій очеркъ латинской грамматики того же автора Lancelot (1615—1695), появившійся впервые въ Парижѣ въ 1633 г. подъ заглавіемъ: Abrégé de la nouvelle méthode présentée au Roi par M. M. de Port-Royal, pour apprendre facilement la langue latine. Tondini, Règlement ecclésiastique de Pierre le Grand, Paris 1874, p. 121, note 1-re.

[2]) Migne S. g. t. 36. Λόγοι θεολογικοί

[3]) Migne S. g. t. 26. Λόγοι κατα Ἀριανῶν.

силія Великаго (330—379) 5 книгъ на Евномія[1]); *Кирилла* Александрійскаго († 444 г.) о vпостаси Христовой на Несторія[2]); папы *Льва* (457—474), посланіе къ Флавіану патріарху Константинопольскому[3]); *Августина* (354—430) книги о Троицѣ и о божествѣ Сына Божія и книги на пелагіанъ[4]). Кромѣ того полезны Дѣянія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. „И отъ таковыхъ учителей при Св. Писаніи не тщетное будетъ ученіе богословское“. Этимъ, однако, Ѳеофанъ не ограничивается. Онъ рекомендуетъ „и отъ новѣйшихъ иновѣрныхъ учителей помощи искать“, но осторожно, пользуясь ими скорѣе какъ справочниками для отысканія аргументовъ особенно по отношенію къ догматамъ, въ которыхъ они съ нами согласны. „Однакъ доводамъ ихъ не легко вѣрить, но посмотрѣть, есть ли таковое въ Писаніи, или въ книгахъ отеческихъ слово, и тую ли имѣетъ силу, въ яковой они пріемлютъ. Многажды бо лгутъ господа оные, и чего не бывало приводятъ; многажды же слово истинное развращаютъ“. Такая самостоятельность, поскольку она была не на словахъ только, дѣлаетъ честь Ѳеофану. Онъ приводитъ и иллюстрацію къ своему правилу, указывая, что слова, сказанныя Спасителемъ лично Петру: „Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя“ (Лк. XXII, 32), католики относятъ къ папѣ, доказывая тѣмъ его непогрѣшимость. Вообще учитель долженъ быть самостоятеленъ, а иногда вести съ учениками и практическія занятія показывая имъ самыя книги, „чтобъ и они извѣстны сами были, а не сумнились бы, правду ли говоритъ, или лжетъ учитель ихъ“.

8. Пожеланіе Ѳеофана о томъ, чтобы учитель и ученики читали творенія св. Отцевъ, побуждаетъ его вспомнить о томъ, „что при школахъ надлежитъ быть библіотекѣ довольной, ибо безъ библіотеки, какъ безъ души Академія“. Но въ такомъ случаѣ встаютъ вопросы, за какую цѣну можно купить „довольную библіотеку“?—Ѳеофанъ отвѣчаетъ, что „мощно купить за двѣ тысящи рублей“. Далѣе, какія установить правила пользованія библіотекой?—Ѳеофанъ отвѣчаетъ: учителя могутъ посѣщать библіотеку ежедневно и цѣлый день невозбранно, „толко бы книгъ по келіамъ не разбирали, но чли бы оные въ самой бобліотечной канторѣ“. Для учениковъ же и прочихъ желающихъ библіотека должна быть открыта въ опредѣленные дни и часы Однако посѣщеніе библіотеки, особенно для знающихъ языки, должно быть отчасти обязательнымъ—„въ особенные часы и

---

[1]) Migne S. g. t. 29. Λόγοι κατ᾽ Εὐνομίου.

[2]) Migne S. g. t. 76. Πεντάβιβλος ἀντιῤῥήσις κατα τῶν Νεστορίου δυσφημιῶν.

[3]) Migne S. l. t. 46.

[4]) Объ этихъ сочиненіяхъ и о сочиненіяхъ противъ Пелагіанъ см. Августина: De peccatorum meritis et remissione deque baptismo parvulorum (412 г.); De spiritu et littera; De natura et gratia (415); Epistola ad Eutropium et Paulinum, seu de perfectione naturae hominis; De gestis Pelagii; De gratia Christi et de peccato originali (418); De nuptiis et concupiscentia (419); Contra duas epistolas Pelagianorum (ок. 420); Contra Julianum Pelagianum; Opus imperfectum contra Julianum; противъ полупелагіанъ: De gratia et libero arbitrio (427); De corruptione et gratia; De praedestinatione Sanctorum; De dono perseverantiae. См. Tondini, ib. p. 124 sub fin. Сочиненія у Migne, S. l. t. XXXII—XLVII.

дни по долженству", отчасти же добровольнымъ — „а въ инные за охоту и въ урочное время". Кромѣ того необходимъ и контроль ученическихъ занятій: „спрашивалъ бы всякого свой учитель, котораго онъ автора чтетъ и что прочелъ и что списалъ". Если же онъ чего-нибудь не понялъ, то учитель обязанъ ему объяснить. „Сіе,—заключаетъ Θеофанъ,—велми полезно и скоро человѣка аки претворяетъ въ инаго, хотя бы прежде грубыхъ былъ обычаевъ".

9. Далѣе Θеофанъ обращается къ методамъ обученія. По его мнѣнію, нѣкоторые предметы могутъ быть преподаваемы одновременно по два—по три сразу. Напр., преподаваніе грамматики можетъ идти совмѣстно съ преподаваніемъ географіи и исторіи, такъ какъ для изученія грамматики необходимы „екзерциціи", т. е. практическія занятія, какъ то переводы съ одного языка на другой, и для этого можно воспользоваться книгами по географіи и исторіи, какъ гражданской, такъ и церковной, которыя и переводить по частямъ. Однако, по мнѣнію Θеофана, изучать исторію безъ знанія географіи, значитъ „какъ бы съ завязанными глазами по улицамъ ходить". Поэтому онъ подаетъ „здравый совѣтъ": въ первую половину года, назначеннаго на грамматику, проходить ее съ географіею, опредѣливъ особенный день, когда учитель будетъ показывать на картѣ „циркулы, планисферія и универсалную ситуацію міра", а еще лучше, если будетъ на глобусѣ показывать мѣстоположеніе странъ свѣта и государствъ; во вторую половину года—упражняться въ переводѣ краткой всеобщей исторіи, изложенной хорошимъ латинскимъ языкомъ, напр., Юстина[1]), или другого когонибудь, котораго „мощно будетъ послѣ усмотрѣть". Такой способъ Θеофанъ считаетъ „велми полезнымъ", ибо онъ даетъ ученикамъ разнообразіе и даже веселіе въ скуччыхъ занятіяхъ языкомъ, „и скоро от нихъ грубость отпадетъ, и еще при берегѣ почитай училищномъ не мало драгихъ товаровъ обрящутъ".

10. Изложивъ методъ ученія, Θеофанъ перечисляетъ предметы преподаванія, назначая на нихъ 8 лѣтъ ученія, а именно: 1) грамматика совмѣстно съ географіею и исторіею; 2) ариθметика и геометрія; 3) логика или діалектика („и едино то двоименное ученіе"); 4) реторика вмѣстѣ со „сътихотворнымъ ученіемъ" (т. е. теоріей словесности), или отдѣльно; 5) физика съ краткой метафизикой; 6) „политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть"[2]) особо или въ связи съ діалектикой; 7) богословіе, на которое назначаетъ Θеофанъ не одинъ, а два года. Такое распредѣленіе предметовъ Θеофанъ объясняетъ тѣмъ, что хотя всѣ предметы,

---

[1]) По словамъ Tondini (p. 132) здѣсь надо разумѣть Іустина, латинскаго автора II в., который далъ сокращеніе всеобщей исторіи „Trogus Pompeius" подъ заглавіемъ Historiarum Philippicarum libri XXXXIV.

[2]) Здѣсь, очевидно, имѣется въ виду сочиненіе Пуфендорфа De officiis hominis et civis iuxta legem naturalem (Лундъ 1673), сокращенное имъ самимъ изъ сочиненія De iure naturae et gentium (Лундъ 1672). Прямое указаніе на Пуфендорфа особенно ярко выдаетъ симпатіи Θеофана къ этому автору.

кромѣ діалектики и грамматики обширны, однако „въ школахъ сокращенно трактовать надобѣ“ и только о главномъ. Тотъ же, кто получитъ въ школѣ доброе руководство, по мнѣнію Ѳеофана, усовершенствуется послѣ самъ долгимъ чтеніемъ и практикою.

Языки греческій и еврейскій Ѳеофанъ не считаетъ необходимыми, и если найдутся учители, то эти языки могутъ быть вставлены въ програму между другими предметами.

11. Далѣе Ѳеофанъ переходитъ къ организаціи управленія и надзора академіи. Духовная Коллегія должна выбрать прилежныхъ и извѣстныхъ своими педагогическими способностями („ученіемъ“) и трудами людей на должность ректора и префекта. Имъ она должна вмѣнить въ обязанность быть тщательными въ своемъ дѣлѣ подъ угрозою отвѣтственности предъ нею, за безпорядокъ и безуспѣшность преподаванія. Они должны смотрѣть, всегда ли ходятъ учители въ школу и такъ ли учатъ, какъ подобаетъ. Для этого ректоръ съ префектомъ обязаны еженедѣльно посѣщать по двѣ „школы“, т. е., надо понимать, два класса. Здѣсь они должны не менѣе получаса слушать, какъ преподаетъ учитель, а также экзаменовать учениковъ изъ пройденнаго курса.

12. Если какъ-нибудь учитель окажется противнымъ уставамъ академіи и непослушнымъ ректору, таковаго, по разслѣдованіи, Духовная Коллегія отставитъ или накажетъ.

13. Для надзора за порядкомъ въ академіи можно установить и фискаловъ.

14. Далѣе Ѳеофанъ разсуждаетъ объ ученикахъ. Онъ прежде всего вмѣняетъ въ обязанность посылать своихъ дѣтей *всѣмъ* протопопамъ, а также богатымъ и инымъ священникамъ. Тоже самое *можно*, по его мнѣнію, указать и градскимъ лучшимъ приказнымъ людямъ.

15. Разъ поступившіе ученики должны оставаться въ академіи до самаго конца ученія и безъ вѣдома Духовной Коллегіи ректоръ не имѣетъ права ихъ увольнять подъ угрозой жестокаго наказанія, если бы сдѣлалъ это за взятку.

16. Но Ѳеофанъ понимаетъ, что созданіе академіи въ качествѣ закрытаго учебнаго заведенія на цѣлыхъ 8 лѣтъ можетъ испугать всякаго, поэтому онъ сразу же объявляетъ, какое преимущество въ жизни будетъ имѣть человѣкъ, учившійся въ этой академіи и получившій отъ нея свидѣтельство, а именно—онъ будетъ имѣть преимущество предъ неученымъ при опредѣленіи на гражданскія и духовныя должности. И если бы власти поступили иначе, то онѣ подлежатъ „великому штрафу“.

17. Однако среди поступающихъ могутъ оказаться и неспособные. Поэтому Ѳеофанъ предлагаетъ сперва ихъ испытывать, и „если покажется весма тупъ, не принимать во академію“, ибо только потеряетъ время, а ничему не научится и еще будетъ высокаго о себѣ мнѣнія. Но естественно было предположить, что найдутся желающіе уклониться отъ ученія, которые для этого и будутъ притворяться тупыми. Для испытанія ихъ Ѳеофанъ

назначаетъ цѣлый годъ въ надеждѣ, что умный учитель съумѣетъ выдумать такіе способы испытанія ума поступающаго, о которыхъ тотъ и не догадается и, слѣдовательно, не съумѣетъ скрыть своихъ способностей.

18. Но могутъ попасться испорченные ученики. О нихъ очень образно говоритъ Ѳеофанъ: „Буде покажется дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, клеветникъ, непокоривъ; и буде чрезъ годовое время ни увѣщаніи, ни жестокими наказаніи одолѣть ему не возможно: хотя бъ и остроуменъ былъ, выслать изъ академіи, чтобъ бѣшенному меча не дать“.

19. Академія должна быть устроена внѣ города, гдѣ нѣтъ шума, частыхъ „окказій“, т. е. происшествій, развлекающихъ вниманіе, но все-таки „на веселомъ мѣстѣ“, внушающемъ жизнерадостное настроеніе.

20. Академія не должна заботиться о количествѣ, а о качествѣ своихъ учениковъ и чтобы дать имъ законченное образованіе („какъ бы оныхъ додержать постоянныхъ до конца“).

21. Не слѣдуетъ также всѣхъ студентовъ безъ различія принимать на казенный счетъ, такъ какъ этой мѣрой будутъ привлечены даже неспособные, но бѣдные, ради содержанія. Не хорошо также, если и способные могутъ по желанію бросать ученіе. Отъ этого происходитъ лишь суетный убытокъ.

Ѳеофанъ совѣтуетъ принимать только способныхъ съ тѣмъ, чтобы они давали на себя росписки, обѣщая до конца остаться въ академіи „подъ великимъ штраѳомъ, если бы обѣта своего не исполнили безъ крайней нужды“. „И такъ, заключаетъ Ѳеофанъ, мощно будетъ оныхъ, по совершеніи школномъ, презентовать Царскому Величеству и, по Его Величества указу, опредѣлять оныхъ на разные дѣла“.

На этомъ кончается проектъ Ѳеофана учрежденія *академіи*, какъ высшаго учебнаго заведенія. Въ слѣдующемъ § 22-мъ онъ высказываетъ предположеніе о желательности учрежденія „при академіи, или въ началѣ и безъ академіи“ *семинаріи* „для ученія и воспитанія дѣтей, какихъ вымышлено не мало во иноземныхъ странахъ“.

В. Проектъ учрежденія Семинаріи. Въ § 22-мъ Ѳеофанъ даетъ слѣдующій проектъ устройства *семинаріи.*

1. „Построить домъ образомъ монастыря“ со службами по разсчету на 50—70 или болѣе (согласно волѣ Государя) дѣтей, и соотвѣтственное число управителей и служителей.

2. Въ этомъ „домѣ“ будутъ жить дѣти и юноши по 8—9 человѣкъ въ каждой избѣ, раздѣленные по возрасту: въ одной—большіе, въ другой—средніе, а въ третьей избѣ—малые.

3. Каждому ученику должно быть отведено мѣсто у стѣны для складной кровати (чтобы не ложились днемъ), шкафа для книжекъ и др. вещей и стула для сидѣнія.

4. Въ каждой избѣ долженъ быть префектъ, или надзиратель, человѣкъ хотя бы и не ученый, но хорошей жизни, „не велми свирѣпый и не мелянхоликъ“, 30—50 лѣтъ. Обязанность его заключается въ наблюденіи за

порядкомъ и благонравіемъ среди семинаристовъ. Безъ его позволенія и указанія причины никто изъ нихъ не смѣетъ выходить изъ избы.

5. Въ семинаріи должно быть по крайней мѣрѣ три образованныхъ лица, монахи или міряне. Одинъ изъ нихъ—ректоръ, два другіе—экзаминаторы, слѣдящіе за тѣмъ, какъ кто учится.

6. Въ каждой избѣ за проступки префектъ имѣетъ власть малолѣтнихъ наказывать розгою, а среднихъ и большихъ „словомъ угрозителнымъ“, а о неисправныхъ доносить ректору.

7. Такъ же могутъ поступать и экзаминаторы за лѣность въ ученіи.

8. „Верховною“ властью является ректоръ, который „всѣхъ всякимъ по разсужденію наказаніемъ наказывать можетъ“. Не исправныхъ онъ не можетъ, однако, удалить изъ семинаріи безъ вѣдома Духовной Коллегіи.

9. Вся жизнь семинаристовъ должна быть распредѣлена по часамъ, „и вси бы оные часы колоколцемъ означать“.

10. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, пока, по мнѣнію Өеофана, семинаристъ „не обыкнетъ, пребывая въ семинаріумъ, и не ощутитъ знатной пользы таковаго воспитанія“, его нельзя выпускать никуда, ни въ городъ, ни въ гости. Послѣ этого его можно отпускать не болѣе двухъ разъ въ годъ въ гости къ родителямъ и сродникамъ, но не далеко живущимъ такъ, чтобы отпускъ длился всего не долѣе семи дней.

11. Отпускать семинаристовъ въ гости слѣдуетъ не въ одиночку, а въ сопровожденіи особаго „честнаго человѣка, яко инспектора или наблюдателя“, который былъ бы съ нимъ неотлучно и по возвращеніи обо всемъ доносилъ ректору. Но если бы такой инспекторъ, „поноровя ему, утаилъ нѣчто худое, и таковаго плута бить гораздо“. Однако, какъ узнать это? И Өеофанъ замѣчаетъ, что это можно будетъ узнать потому, какъ будетъ вести себя семинаристъ послѣ отпуска. По его мнѣнію „возвратившійся семинаристъ не можетъ не показати на себѣ нѣкоей прежнихъ нравовъ и охоты измѣны“.

12. При посѣщеніи семинаристовъ ихъ родственниками свиданіе должно происходить съ вѣдома ректора въ присутствіи его или экзаминатора, при чемъ сродниковъ „мѣрно кушаніемъ и питіемъ потрактовать мощно“.

13. Өеофанъ, конечно, догадывается, что „таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужителное (скорбное) и заключенію плѣнническому подобное. Но,—возражаетъ онъ,—кто обвыкнетъ такъ жить, хотя чрезъ единъ годъ, тому весма сладко будетъ: какъ то и по себѣ и по другихъ искусомъ вѣдаемъ“.

Однако это не мѣшаетъ Өеофану предложить семь правилъ „ко врачеванію скуки“, а именно:

14. Принимать въ семинарію только „малыхъ дѣтей“ 10—15 лѣтъ (значитъ способныхъ къ перевоспитанію), а выше этого возраста только по особой просьбѣ и рекомендаціи.

15. Ежедневно два часа, послѣ обѣда и ужина, семинаристы должны „гулять“, не имѣя права даже имѣть книжку въ рукахъ. Это „гулянье“ съ

приличными подвижными играми должно происходить лѣтомъ въ саду, а зимою „въ своей же избѣ, ибо сіе и здравію полезно есть, и скуку отгоняетъ“. Впрочемъ, склонный къ утилитаризму, Θеофанъ предлагаетъ соединять пріятное съ полезнымъ, а именно, онъ совѣтуетъ избирать такія, наприм., игры: „водное на регулярныхъ судахъ плаваніе, геометрическіе размѣри, строеніе регулярныхъ крѣпостей и прочая“.

16. Одинъ или два раза въ мѣсяцъ, особенно лѣтомъ, возможны экскурсіи „на островы, на поля и мѣста веселые, къ дворамъ загороднымъ государевымъ, и хотя единожды въ годъ въ Санктъ питеръ бурхъ“.

17. Во время стола должно быть чтеніе книгъ по гражданской и церковной исторіи и біографій знаменитыхъ людей, „ибо таковыхъ повѣстей слышаніе и сладко есть, и къ подражанію мудрыхъ оныхъ людей поощряетъ“.

18. Дважды и болѣе въ годъ можно устраивать „нѣкое акціи, диспуты, комедіи, риторскіе екзерциціи“. Ихъ Θеофанъ считаетъ особенно полезными[1]) для развитія рѣшительности и смѣлости, которыя нужны для проповѣдника и посла. Кромѣ того „и веселую перемѣшку дѣлаютъ таковыя акціи“.

19. Могутъ быть также установлены и награды за ученіе.

20. Хорошо было бы, по мнѣнію Θеофана, чтобы во время стола въ великіе праздники была музыка („быть при столѣ оныхъ семинаристовъ гласамъ мусикійскихъ инструментовъ“). И это не трудно сдѣлать. Стоитъ только нанять мастера сначала. Отъ него семинаристы научатся сами и должны будутъ даромъ научить другихъ вмѣсто себя.

Таковы, заканчиваетъ Θеофанъ, семь правилъ, служащихъ „ко увеселемію учащихся“.

21. Въ семинаріи должна быть церковь, аптека и докторъ. Для ученія семинаристы будутъ ходить въ ближайшую академію. Если же преподаваніе будетъ организовано и въ семинаріи, „то академіа и семинаріумъ, говоритъ Θеофанъ, вмѣстѣ будетъ“, т. е. сольются во едино, а для учениковъ, которые не пожелаютъ жить въ семинаріи, можно будетъ построить жилыя помѣщенія внѣ семинаріи и отдавать ихъ въ наемъ студентамъ.

22. Очевидно, въ случаѣ объединенія академіи и семинаріи, правила касательно учителей, ученія и учениковъ, изложенныя выше въ проектѣ учрежденія академіи, должны сохраняться и здѣсь.

23. Недостаточные семинаристы должны воспитываться на казенный счетъ, богатые же—за разъ опредѣленную плату.

---

1) Театральныя представленія были вообще приняты въ Кіевской Академіи, которую Θеофанъ навѣрно имѣлъ здѣсь въ виду, да и самъ онъ былъ авторомъ пьесъ. Ср. *В. И. Рѣзановъ*, Изъ исторіи русской драмы. Школьныя дѣйства XVII—XVIII вв. и театръ іезуитовъ. Чтенія въ О. И. и Др. Р. 1910 кн. 2 и 3, стр. 1—344.—*Н. И. Петровъ*, Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая. Труды К. Д. А., 1909 г. май—нояарь; 1910, янв.—май, окт., ноябрь; 1911, апр., іюль—авг., окт., декабрь.—*П. Морозовъ*, Θеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, Спб. 1880, стр. 99—105.

24. Когда семинаристъ усовершенствуется въ разумѣ и ученіи, онъ обязуется принести присягу на вѣрность службы Государю и его наслѣднику.

25. О семинаристахъ, закончившихъ свое образованіе, ректоръ доноситъ Духовной Коллегіи, не увольняя ихъ самостоятельно. Коллегія же „презентовать оныхъ будетъ Царскому Величеству“ и дастъ имъ „абшитъ (отставку) со свидѣтельствомъ искусства ихъ“.

26. Если же семинаристы, по окончаніи ученія, окажутся способными къ духовному званію, то таковыхъ епископы обязуются посвящать преимущественно предъ прочими на всякія властелинскія мѣста. Отступленіе можетъ быть сдѣлано только тогда, когда на семинаристѣ оказался бы какой-нибудь порокъ, и то не отъ клеветы. „А на завистниковъ и клеветниковъ опредѣлить жестокое наказаніе“.

„До здѣ, заканчиваетъ Ѳеофанъ, о семинаріи, и мощно въ предь будетъ болше придумат, или и от иноземныхъ лучшихъ семинаріовъ информаціи проискать. А от таковаго воспитанія и ученія воистинну надѣятися великой ползы отчеству“.

Детально изслѣдовать здѣсь исторію дидактическихъ и педагогическихъ взглядовъ Ѳеофана Прокоповича, конечно, не представляется для насъ возможнымъ[1]). Однако можно все таки указать главные источники его проектовъ Академіи и Семинаріи.

Образцомъ Академіи для Ѳеофана послужила его родная Кіево-Могилянская Академія, прототипомъ которой, въ свою очередь были коллегіи іезуитскія, піарскія и латино-польскія[2]). Однако, въ свой проектъ онъ внесъ новшества, которыя зависѣли отчасти отъ его личнаго обращенія къ крайностямъ схоластическаго образованія, отчасти отъ его стремленія приспособить его Академію къ широкимъ обще-государственнымъ потребностямъ его времени. Ѳеофанъ надѣялся, что его Академія станетъ разсадникомъ вообще образованныхъ людей, которыхъ Духовный Коллегіумъ могъ бы „презентовать Царскому Величеству“. Поэтому онъ внесъ въ проектъ свой не только то, что ему удалось уже, хотя временно, осуществить во время своей дѣятельности, особенно же ректорства въ Кіевской Академіи, но и другія пожеланія, расширяющія принятыя въ Кіевѣ рамки образованія[4]).

---

[1]) См. *П. Ѳ. Каптерева,* Исторія русской педагогіи. Изд. 2. Петроградъ 1915. стр. 186—194.

[2]) См. статью Проф. *Н. И. Петрова,* Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. Труды Кіев. Д. А. 1895, кн. X и XII.

[3]) Ср. *С. В. Рождественскій,* Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в. т. I, Спб. 1912, стр. 52—56 и цитуемую тамъ литературу. По исторіи Кіевской Духовной Академіи см. *М. Евгеній Болховитиновъ,* Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи. Кіевъ, 1825.—*Макарій, М. М.*, Исторія Кіевской Академіи. Спб. 1843.—*В. И. Аскоченскій,* Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Ака-

Въ своихъ проектахъ Ѳеофанъ, между прочимъ, повторилъ самого себя. Такъ въ п. 7 объ Академіи Ѳеофанъ даетъ методику преподаванія богословія, въ которой виденъ его собственный опытъ и взгляды. Историки отмѣчаютъ, что его курсъ богословія въ Кіевѣ рѣзко отличался отъ прежнихъ курсовъ своею критической основательностью, серьезной эрудиціей и возможнымъ отсутствіемъ схоластики. Въ предисловіи къ своему курсу богословія Ѳеофанъ говоритъ: „Если бы пришлось мнѣ сказать что либо такое, что не будетъ подтверждено свидѣтельствомъ Слова Божія, или будетъ доказываться аргументами не вполнѣ понятными и не идущими къ дѣлу, то я заранѣе заявляю свое желаніе и требованіе, чтобы все подобное *не только не принималось учениками на вѣру,* но прямо отвергалось, какъ неудовлетворительное и ложное. И я желалъ бы, чтобы слушатели указывали мнѣ на подобные промахи, давая мнѣ возможность исправлять и отвергать мои неправильныя мнѣнія. Ибо я знаю, что нельзя назвать здоровымъ того человѣка, который, подражая безумію папы, считаетъ себя непогрѣшимымъ“[1]). Это требованіе Ѳеофана, совершенно противоположное обыкновенію схоластиковъ iurare in verba magistri, вполнѣ согласуется съ содержаніемъ 7-го пункта, объ Академіи и, въ частности, съ его указаніемъ на желательность, чтобы учитель показывалъ ученикамъ самыя ключи для большей убѣдительности его преподаванія и ссылокъ на источники.

Не удивительно также и пожеланіе Ѳеофана, чтобы въ Академіи преподавались языки греческій и еврейскій. Настаивать на непремѣнномъ ихъ введеніи онъ не могъ, учитывая отсутствіе учителей. Но уже одно пожеланіе его говоритъ о новшествѣ, которое для Ѳеофана было тѣсно связано съ критическимъ изученіемъ Св. Писанія. Склонность къ нему, а слѣдовательно и признаніе необходимости знать греческій и еврейскій языки, Ѳеофанъ заимствовалъ отъ протестантовъ и высказалъ еще въ своемъ курсѣ Богословія[2]).

Что касается источниковъ проекта Семинаріи, то ихъ указываетъ Ѳеофанъ въ самомъ текстѣ. Въ черновой рукописи Духовнаго Регламента

демією. Кіевъ, 1856. — *М. З. Линчевскій,* Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древней Кіевской Академіи. Труды К. Д. А. 1870, іюль, августъ, сентябрь.— *С. Т. Голубевъ,* Исторія Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ, 1886, в. I.—*Н. И. Петровъ,* Кіевская Академія во 2-й половинѣ XVII в. Труды К. Д. А 1895, кн. 8, 9, 10, 12 (о внутр. состояніи кн. 10, стр. 201—256).—*С. Т. Голубевъ,* Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ нач. XVIII в. Труды К. Д. А. 1901, кн. 11, стр. 306 — 407.—*Д. Вишневскій,* Кіев. Академія въ первой половинѣ XVIII в. Труды К. Д. А. 1902, кн. 1, 3, 5, 10; 1903 г. кн. 6, 7, 8, 9; 1904 г. кн. 2.—*Н. И. Петровъ,* Значеніе К. Д. А. въ развитіи дух. школъ въ Россіи съ учрежденіемъ Св. Синода въ 1721 г. до половины XVIII в. Труды К. Д. А., 1904, кн. 4, 5.— Прот. *Ѳ. Титовъ,* Къ вопросу о значеніи К. Д. А. для православія и русской народности XVII—XVIII вв. Труды К. Д. А. 1903, кн. 11; 1904 г. кн. 1. — *Его же,* Къ исторіи К. Д. А. въ XVII—XVIII вв. Труды К. Д. А., 1909, сент. окт.; 1911, янв. февр., окт. и дек., а также многотомное изданіе „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи“.

[1]) Цитата у *П. Морозова,* стр, 126. [2]) *П. Морозовъ,* 131.

въ концѣ 13-го пункта о Семинаріи вычеркнута очень характерная приписка. Строгій режимъ Семинаріи, проектированный Ѳеофаномъ, заставляетъ его предположить, что „таковое младыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужителное, и заключенію плѣнническому подобное: но кто обвыкнетъ такъ жить, хотя черезъ одинъ годъ, тому весма сладко будетъ: *какъ то и по себѣ и по другихъ искусомъ вѣдаемъ*[1]). Такимъ образомъ основнымъ источникомъ проекта учрежденія Семинаріи является личный опытъ Ѳеофана, полученный имъ въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ и, въ частности, въ Коллегіи Св. Аѳанасія въ Римѣ[2]).

На тотъ же иностранный источникъ его указываютъ и послѣднія слова Ѳеофана о Семинаріи: „До здѣ о семинаріи, и мощно въ предь будетъ болше придумат, или и отъ иноземныхъ лучшихъ семинаріовъ информаціи проискать“[3]). Таковыми семинаріями были именно католическія, устроенныя на основаніи декрета Тридентскаго собора 15 іюля 1563 г. (Sessio XXIII De Reformatione cap. XVIII. Forma erigendi seminarium clericorum etc.), возникновеніе которыхъ, въ свою очередь, находилось въ связи съ волною образованія, поднятой гуманистами и реформаціей[4]).

Однако Ѳеофанъ не ограничился однимъ проектомъ семинаріи въ Духовномъ Регламентѣ. Одновременно онъ стремился осуществить его на дѣлѣ и съ этою цѣлью съ соизволенія Петра учредилъ Семинарію въ своемъ собственномъ домѣ на Карповкѣ[5]) и составилъ для нея особыя „Регулы“[6]).

---

[1]) Черн. рук. л. 26, прим. 187.

[2]) Съ мыслями Духовнаго Регламента о семинаріи и внутреннихъ въ ней порядкахъ ср., напр., Traité des Seminaires par M-re Antoine Godeau, eveque de Vence, a'Aix 1660, въ которомъ, кромѣ общихъ разсужденій о пользѣ и значеніи обученія и воспитанія клириковъ и замѣчаній объ исторіи происхожденія семинарій, находимъ главы XII De la maniere de vivre dans le Seminaire; XIII De ceux qui vivent dans le Seminaire; XIV Des recreations des Seminaristes.

[3]) Черн. рук. л. 28.

[4]) См. R. Vormbaum, Evangelische Schulordnungen, I—III. Herausgegeben von Gütersloh 1860—1864.—Monumenta Germaniae Paedagogica t. II, V, IX, XVI.—G. M. Pachtler, S. J., Ratio studiorum et institutiones scholasticae societatis Jesu per Germaniam olim vigentes. Tomi IV (1541—1832).—Otto Willman, Didactik als Bildungslehre nach ihrem Beziehungen zur Socialforschung und zur Geschichte der Bildung. 1882—1889. 4 Aufl. 1909.—K. A. Schmid, Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit. Bde III. V. Stuttgart, 1892, 1901—1902.—Fr. Paulsen, Die Geschichte der Gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten von Ausgang des Mittelalters bis zum Gegenwart. 1885[1], 1896—1897[2]), 2 Bde.—Ср. Проф. *К. В. Харламповичъ*, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVIII в. и отношеніе ихъ къ инославнымъ. Казань, 1898 г., а также рѣчь его предъ защитой этой диссертаціи въ Христ. Чт 1899 г. I, стр. 372.

[5]) Проектъ Ѳеофана объ учрежденіи Семинаріи находится въ Гос. Арх., Кабинетъ, II, кн. 57 л. 2—9 (копія тамъ же р. XVIII, № 44) и напечатанъ у *Пекарскаго*, т. II, 561—564, но не вполнѣ точно. Исправленія и письмо Ѳеофана къ А. В. Макарову см. у *С. Г. Рункевича*, Ѳеофанъ Пр. въ его перепискѣ съ Петромъ В. „Странникъ“, 1906 г. февраль, стр. 207—210.

[6]) Эти „Регулы“, а также вообще о судьбѣ Семинаріи Ѳеофана см. у *И. А. Чистовича*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868, стр. 631—638, 723—727.

Г. Инструкція для проповѣдниковъ. Послѣ проектовъ учрежденія академіи и семинаріи, слѣдуетъ § 23 трактата „Домы училищные и въ нихъ учители и ученики, такожъ и церковные проповѣдники". Для послѣднихъ § 23-й разработанъ Ѳеофаномъ въ цѣлую инструкцію изъ 10 правилъ.

1. Могутъ проповѣдывать только лица, получившія образованіе въ проектированной выше Академіи и выдержавшія испытаніе въ Духовной Коллегіи. Къ такому же испытанію допускаются и лица, получившія образованіе у иновѣрцевъ. Испытаннымъ лицамъ Духовная Коллегія выдаетъ свидѣтельство о томъ, что они, если примутъ священство, могутъ проповѣдывать.

2. Проповѣднику вмѣняется въ обязанность проповѣдывать основательно („твердо"), со ссылками на Св. Писаніе. Содержаніемъ проповѣди должно быть ученіе „о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой высочайшей власти Царской, о должностяхъ всякаго чина, истребленіе суевѣрій, вкорененіе въ сердца людей страха Божія", словомъ проповѣдники обязаны испытывать отъ Св. Писанія, что есть воля Божія святая угодная и совершенная и о томъ говорить.

3. Проповѣдникъ можетъ говорить о грѣхахъ, извѣстныхъ въ обществѣ, однако не называя именъ, исключая случая, когда о комъ-либо опубликовано во всей церкви. Если же о какомъ нибудь грѣхѣ пройдетъ слухъ, то проповѣдникъ долженъ воздерживаться говорить о немъ, чтобы слушатели не поняли его намека и не увеличилась бы печаль грѣшника. Явнаго же грѣшника слѣдуетъ предавать церковному наказанію „такимъ способомъ, какъ выше говорилось въ дѣлахъ епископскихъ о анаѳемѣ".

4. Проповѣдникъ не имѣетъ права мстить своею проповѣдью своимъ личнымъ врагамъ, хотя бы только намѣкая на нихъ.

5. Проповѣднику, особенно юному, не слѣдуетъ говорить о грѣхахъ правителей или обличительно, во второмъ лицѣ. Напротивъ, проповѣдникъ долженъ говорить въ первомъ лицѣ множественнаго числа, включая, такимъ образомъ, и себя въ число обличаемыхъ грѣшниковъ. Такое требованіе скромности Ѳеофанъ основываетъ на словахъ ап. Павла (I Кор. I, 12, 13; IV, 6), которыя онъ цитируетъ правильно.

6. Всякій провѣдникъ долженъ имѣть у себя книги св. Іоанна Златоуста и у него учиться, а „казнодѣйшковъ"[1]) легкомысленныхъ, каковыми особенно бываютъ польскіе,—не читать.

7. Если проповѣдникъ видитъ отъ слова своего пользу въ народѣ, онъ не долженъ этимъ хвалиться. Если же не видитъ, не долженъ сердиться и поносить народъ, ибо дѣло проповѣдника говорить, а обращеніе сердецъ человѣческихъ дѣло Божіе (ссылка на I Кор. III, 6).

8. Проповѣдникъ не долженъ увлекаться своимъ краснорѣчіемъ, подымать брови, гордо двигать плечами и какъ бы удивляться самому себѣ. Напротивъ, не думая о своемъ краснорѣчіи, онъ долженъ вставлять въ свою

---

[1]) Отъ польскаго слова kaznodzieja—проповѣдникъ (kazanie—проповѣдь).

рѣчь оговорки, „съ смиреннымъ нѣкіимъ самого себе пониженіемъ“ (приводятся примѣры).

9. Проповѣдникъ не долженъ пошатываться, „будто въ суднѣ весломъ гребетъ“, всплескивать руками, упираться въ бока, подскакивать, смѣяться или плакать, хотя бы отъ умиленія. „Вся бо сія, правильно замѣчаетъ Ѳеофанъ, лишняя и неблагообразна суть, и слышателей возмущаютъ“.

10. Если проповѣднику послѣ проповѣди придется быть въ гостяхъ, то онъ не долженъ вспоминать о своемъ словѣ, не только не хвалить, и даже не осуждать его, ибо можетъ показаться, что онъ другихъ поощряетъ къ похвалѣ своего слова. Если же бы кто другой сталъ хвалить, то проповѣдникъ обязанъ „всячески отводить отъ похвалъ и заводить иную бесѣду“.

Всѣ эти правила не были механическимъ заимствованіемъ изъ какого либо источника. Ѳеофанъ былъ самъ выдающимся проповѣдникомъ и реформаторомъ взглядовъ на проповѣдь. Еще въ 1706 г. онъ преподавалъ въ Кіевской Академіи риторику и составилъ, по словамъ спеціалистовъ[1]), во многихъ отношеніяхъ замѣчательный учебникъ ея на латинскомъ языкѣ[2]). Въ немъ онъ именно возставалъ противъ авторитетныхъ образцовъ южнорусскаго проповѣдничества, какъ, напр., противъ іезуита Томаса Млодзяновскаго, (*Mlodzianowski Tomasz S. J.* (1622—1686). Библіографію его сочиненій см. у *K. Estreicher'a*, Bibliografia Polska, t. XXII, 452—457), тѣхъ самыхъ „казнодѣйшковъ легкомыслныхъ, каковые наипаче полския бываютъ“, о которыхъ онъ и говоритъ въ Духовномъ Регламентѣ[3]). Тамъ же онъ возставалъ противъ „курьезности слога“, т. е. противъ манеры выражаться какъ можно удивительнѣе и необыкновеннѣе, противъ непристойныхъ и дерзкихъ шутокъ въ проповѣди, шутливыхъ діалоговъ, которые такъ любилъ сочинять Стефанъ Яворскій и т. д. Напротивъ, Ѳеофанъ требовалъ, чтобы проповѣдники основательно знали Св. Писаніе и творенія отцевъ Церкви, въ особенности же рекомендуетъ имъ изучать Іоанна Златоуста[4]). Послѣднее требованіе, между прочимъ, имъ было повторено въ Духовномъ Регламентѣ[5]).

Если сравнить свѣдѣнія о Риторикѣ Ѳеофана со свѣдѣніями о проповѣдническихъ пріемахъ Стефана Яворскаго и др. кіевлянъ[6]), то окажется, что уже Риторика осуждаетъ методы, усвоенные послѣдними. Естественно, что при составленіи своего „описанія и разсужденія“ о Духовной Коллегіи въ 1718 г. Ѳеофанъ не упустилъ случая дать такія указанія проповѣдни-

---

[1]) *П. Морозовъ*, стр 105.

[2]) Списки его находятся въ библіотекахъ Кіевской Духовной Академіи и Кіево-Михайловскаго монастыря, Черниговской, Новгородской и Вологодской семинарій (*Чистовичъ*, Ѳ. Пр., 9.—*Морозовъ*, 105 прим. 2) „Выдержки изъ рукописной риторики Ѳ. П.“ напечаталъ *Н. Петровъ* въ Трудахъ К. Д. А. 1865, т. I, № 4. стр. 614—637; имъ же напечатано „Изъ исторіи гомилетики въ старой Кіевской Академіи“ тамъ же, 1866, № 1, стр. 86—124

[3]) Черн. рук. л. 30, п. 6. [4]) *П. Морозовъ*, 105—109.

[5]) Черн. рук. л. 30, п. 6. [6]) *П. Морозовъ*, 107, 119—121.

камъ, въ которыхъ справедливо видятъ намѣки на его противниковъ, особенно на Стефана Яворскаго[1]).

---

[1]) См. „Возраженіе на пашквиль лютеранскій, нареченный Молотокъ на Камень Вѣры" (И. П. Б. F. I. 190 лл. 11—12 об.; ср. F. I, 482 и *Чистовича*, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, Спб. 1868, стр. 390—391).

„Пашквиль лютеранской. 6. Сей бо предаде витійская философская и богословская ученія такъ изрядно, что довольны быша и протчія, что витійства касается. Правда, что имѣлъ удивителный даръ и едва подобныя ему въ учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли, ибо мнѣ доволно случися видѣть въ церкви, что онъ могъ во ученіи слышателей привесть плакать или смѣяться, которому движеніе его тѣла и рукъ помаваніе, очей и лица премѣненіе весма помоществовало, которое ему природа дала. Онъ, когда хотѣлъ, то часто отъ ярости забывалъ свой санъ и мѣсто, гдѣ стоялъ, которое въ день Успенія въ Успенскомъ соборѣ графу Мусину и, помнится, на Новой годъ въ Чудовѣ Монастырѣ фискаламъ и другимъ государственнымъ служителямъ отъ его слышать случалося. Сей порядокъ въ церковныхъ поученіяхъ у папистовъ токмо употребляемъ, ибо когда они своего суевѣрнаго предложенія изъ писма доказать не могутъ, то тщатся логическими силлогисмы, то есть речей подобіи утвердить, а истинное дѣло затемнитъ и утаить. По которымъ ево поученіямъ отъ Оборъ-фискала позванъ былъ на судъ и за неданіе надлежащаго оправданія, по слову Божію, заградишася уста его (псаломъ, 30 стихъ 20; и 62 12), по которымъ особливо въ Уставѣ Духовномъ накрѣпко его величество запрѣтилъ, дабы никто сказокъ и примѣровъ вымышленныхъ въ поученіяхъ не употреблялъ и персоналльно поносити никого недерзалъ, и вся его поученія за многія въ нихъ соблазны запрещены.

Возраженіе на пашквиль. Не бывало никогда же таковыхъ указовъ запретителныхъ о поученіяхъ преосвященнаго Стефана Рязанскаго, а ты что нибудь по злобѣ своей клепещеши отнюдъ того доказать не можеши, какъ и ничого дѣломъ и истинною не показалъ еси, но примѣромъ простыя пословицы пустую свою клевету распростираеши и умножаеши, собака лаетъ, а вѣтръ проноситъ. Приводишь наставленіе проповѣдникамъ отъ Духовнаго Регламента, а тое наставленіе именно юнымъ и простымъ проповѣдникамъ, а не епископамъ сочиненное. Епископовъ же имянно Регламентъ одолжаетъ, дабы по благословному случаю персонално обличали явногрѣшниковъ, и иногда бы, по необходимой нуждѣ, доложася Синоду анаѳемѣ предавали. Преосвященный же Стефанъ каковъ былъ Епископъ самъ, ты знаешъ, сирѣчь Архіерей первоначалный и въ Синодѣ президентъ. Въ томъ же Регламентѣ наставленіи одолжается всякъ проповѣдникъ въ проповѣди брать образецъ отъ Златоустаго святаго, а того слова примѣровъ и сказокъ не употреблять тамо не обрѣтается, понеже Златоустъ святый въ своихъ поученіяхъ довольны примѣры и сказанія имѣетъ. А хотя ты и баешъ или врьошъ примѣровъ и въ сказаній вымышленныхъ, однако тебѣ не сообразить, ежели твое заблужденіе изобличится, то всякій примѣръ, хотя настоящій, вымышленный тебѣ покажется и рожномъ въ совѣсти станетъ, какъ бы сей примѣръ Христовъ жидамъ ожесточеннымъ по написанному у Евангелиста Луки (Лука 14): и отвѣщавъ къ нимъ рече: котораго отъ васъ оселъ или волъ въ студенецъ впадетъ и не абие ли исторгнетъ его въ день субботный? И не возмогоша отвѣщати ему къ симъ. Изъ такой силѣ по образцу Христову и силогисмы какъ будеши отвергать, когда ихъ и самъ Христосъ на показаніе и утвержденіе истинны противо жидовъ многократно употреблялъ, напримѣръ, у Евангелиста Іоанна въ главѣ 5 „аще бысте вѣровали Моисеови, вѣровали бысте убо и мнѣ: о мнѣ бо той писа. Аще ли того писаніемъ не вѣруете, како моимъ глаголомъ вѣру имѣте?" Силогисмовъ, благочестіе развращающихъ и правду затмѣвающихъ надлежитъ блюстися и непринимать, какъ и ты сказуешь о силогисмахъ папскихъ. Нелзя же выключать и лютеранскихъ, которыи съ нашимъ благочестіемъ несогласны, и которыи, напримѣръ, соборныи посланія апостолскія отвергаютъ и писанія Божія не по правовѣрному разуму, но криво и еретическо толкуютъ, утверждающе, напримѣръ,

Такимъ образомъ прямымъ источникомъ помѣщенной въ § 23-мъ инструкціи проповѣдникамъ надо считать собственные взгляды Ѳеофана[1]). Однако, эти взгляды сложились у него не сами по себѣ, а подъ вліяніемъ

химеру о Христѣ, сирѣчь вездѣсущіе его человѣчества или страданіе Божества и человѣчества. А таковыхъ силлогисмовъ Преосвященный Стефанъ на поученіяхъ своихъ неупотреблялъ и силу слова Божія твердо зналъ не точію паче безъ именного отъ тебе воспоминаемаго Оберъ-Фискала, но и паче твоего патріарха Мартина Лютера. А что же бы его Оберъ-Фискалъ къ себѣ на судъ позывалъ, и оправданія отъ него требовалъ, то никогда же не бывало, понеже до Синоду—блюстителю престола патріаршего, а во время Синода синодальному президенту, судиму и истязуему быть отъ Оберъ-Фискала, да еще за духовное дѣло, отнюдъ невмѣстимо. О поученіяхъ же его самъ ты прежде сказывалъ, что противо неученыхъ да чистое разсужденіе имущихъ хуждшій и какъ бы послѣдняго ума лишенный, а теперь и не хотя, какъ Каіафа, правду призналъ еси, что имѣлъ удивительный даръ въ поученіи и едва подобные ему во учителяхъ россійскихъ обрѣстися могли, ибо могъ слышателей привести плакать и смѣятся. Таковый убо даръ имѣлъ ли вашъ Лютеръ, или не имѣлъ, намъ не извѣстно, однако, вы таковый даръ въ Лютерѣ своемъ признаете и потому въ книжкахъ своихъ златоустымъ его называете. А когда пришло до Преосвященнаго Стефана, то уже той даръ хулите, того ради явственно въ числѣ сихъ лукавнонравниковъ заключаетеся, онихъ же Исаія пророкъ въ главѣ 5: „Горе глаголющимъ злу добро и добру зло, полагающимъ тму свѣтъ, а свѣтъ тму, полагающимъ горкое сладко, а сладкое горко, горе мудрымъ въ себѣ и предъ собою хитрымъ".

[1]) Любопытную аналогію даютъ намъ составленныя Ѳеофаномъ правила о пріемахъ *диспута:* De legibus et regulis rectae disputationis cum aliis instituendae (напечатана въ приложеніи къ книгѣ M. Frid. Christ. Baumeisteri, Elementa philosophiae recentioris... usibus iuventutis Rossicae adornata. Edidit N. Bantisch-Kamenski. Typis Imper. Mosq. Univers. 1777 (2-е изд. Lipsiae 1786), часть I, стр. 108—125). „Изъ этого отрывка, говоритъ *Морозовъ* (Ѳ. Пр., какъ писатель, стр. 116), можно видѣть, какимъ образомъ происходили диспуты въ Кіевской Академіи; здѣсь объясняются технические термины, употреблявшіеся въ ученомъ спорѣ, пріемы силлогизаціи, и пр., и наконецъ, *указывается, какъ спорящіе должны держать себя*" (слѣдуютъ любопытные примѣры изъ правилъ, *Морозовъ,* стр. 116—117). Видимо Ѳеофанъ вообще былъ склоненъ къ всякаго рода „регламентаціи" по пунктамъ, благодаря весьма практическому складу своего ума, легко способнаго подмѣчать вещи, требующія исправленія и усовершенствованія, и указывать для этого ближайшія и непосредственныя мѣры. Кромѣ этого сохранилась еще записка Ѳеофана, подъ заглавіемъ: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ, иная общая всѣмъ, а иная нѣкіимъ собственная". „Общихъ" указано XX пунктовъ: о Богѣ, Его свойствахъ, какимъ „объявилъ намъ себе въ писаніи", „о истинѣ христіанскаго вѣроисповѣданія", о промыслѣ Божіемъ, о первомъ грѣхопаденіи, о грѣхѣ вообще, о домостроительствѣ нашего спасенія, объ усвоеніи благъ искупленія, о твореніи добрыхъ дѣлъ, объ избѣжаніи суда Божія, о молитвѣ, объ истинномъ богопочитаніи, о доброй совѣсти и безсовѣстіи, о Евхаристіи, о постѣ. Особенно любопытны по связи съ Д. Регламентомъ п п. XIV: „хранитися отъ всего того, что Божіей чести противно есть. Гдѣ находятся слѣдующая: 1) праздники проводити въ пьянствѣ и прочіихъ безчиніяхъ. 2) Всуе призывати имя Господне.. 3) Боготворити иконы. 4) Св. Угодниковъ Божіихъ не токмо соравняти Богу но и выше Бога почитати. 5) Различіе дѣлати дней (счастливыхъ и несчастныхъ). 6) Туды же надлежатъ призыванія бѣсовъ, бабьи шептанія, заговорнымъ письмамъ вѣроятія, и прочая богомерзкая и христіанскому имени студная суевѣрія. 7) Произносити чудеса ложная, видѣнія, явленія, сны вымышляти: всѣмъ до селѣ упомянутымъ беззаконіямъ особливыя на ихъ истребленіе, проповѣди быти должны. XVII. О нелицемѣрной вѣрности къ Государю, и о должномъ по повелѣнію Божію указамъ Государевымъ повиновеніи, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. XVIII. О присягѣ и

серьезной и трезвой протестантской гомилетики, на что, между прочимъ, указываютъ сочиненія, бывшія въ Библіотекѣ Ѳеофана[1]), а также приводимыя ниже параллели[2]), которыя находимъ у Эразма Роттердамскаго въ его книгѣ Ecclesiastae sive de ratione concionandi, libri IV (opus recens iam primum ab ipso Autore natum, et nunc denuo typis post primam Frobenii editionem commodioribus excusum), Antverpiae 1535, а также у другихъ извѣстныхъ авторовъ.

Начало третьей книги своего Екклезіаста *Эразмъ* посвящаетъ внѣшности произнесенія проповѣдей. Онъ останавливаетъ вниманіе проповѣдника на слѣдующихъ предметахъ: ordo argumentorum (p. 308—312), memoria (p. 312—313), pronuntiatio (p. 313—314), vocis moderatio (p. 314—324), distinctio in pronuntiatio (p. 324—325), и даже на частяхъ его лица и тѣла: vultus, frons, supercilia, oculi, nares, buccae, os, corpus, ceruix, brachia, manus, pedes (p. 325—331), переходитъ на vestis (p. 331) и кончаетъ общимъ заключеніемъ — decorum peculiare (p. 331—332). Замѣтно, что внѣшнее поведеніе проповѣдника Эразмъ считалъ дѣломъ очень важнымъ. По его мнѣнію оно должно было быть естественнымъ. Superest actio sive pronuntiatio, quae est apta ad rem vocis, vultus, ac totius corporis moderatio. Ad haec quemadmodum et ad alia format hominem natura, ratio et usus perficit.... In his igitur optimum est naturam sequi, sed adhibita cura, ut si quid ea habeat vitii, aut si quid prava imitatio et usus adiunxerit, corrigatur. (p. 313—314). Относительно движенія головы и лица Эразмъ говоритъ, между прочимъ: De voce hactenus, veniam ad vultam, in quo est tanta mentis significatio, ut saepenumero pro sermo ne sit. Nam moto capite annuimus, renuimus, interdum et salutamus, minamur, advocamus: Erecto significam fiduciam, depresso verecundiam, aut dubitationem.... Neque mediocris est in fronte mentis significatio.... Nec minus agunt supercilia.... Nullus sit affectus qui non exprimatur oculis.... (p. 325). Iam est et in naribus aliqua affectuum significatio (p. 326), и т. д. Отъ головы и лица Эразмъ переходитъ къ движеніямъ

клятвопреступленіи. XIX. О исполненіи дѣла должнаго человѣку по званію его, и противномъ тому небреженіи, и лѣности вообще". — „Собственная" вещи и дѣла перечислены въ 16 пунктахъ, въ которыхъ перечислены всѣ грѣхи, въ томъ числѣ симонія (п. VI) и *должности* всякаго чина и званія (п, XV, напоминающій собою Пуфендорфа De officio hominis et civis). Въ „пристяжаніи" указано, о чемъ слѣдуетъ говорить въ праздники, при чемъ оговорено, что нужно избѣгать выпрашивать у паствы пожертвованія. *Ѳеофана Прокоповича*, „Богословскія сочиненія", Полнаго собранія ч. IV, стр. 266—274. („Полное собраніе" составляютъ: т. 1—3 Слова и рѣчи, т. 4 Богосл. сочиненія. С.-Петербургъ 1760—1774).

[1]) См. во II-мъ томѣ „Опись библіотеки Ѳеофана Прокоповича".

[2]) О проповѣдничествѣ Ѳеофана см. 3-ю часть классической книги *Ю. Ѳ. Самарина*, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Спб. 1880 и *его же* рѣчь предъ защитой этой части, представленной еще въ 1844 г. въ Московскій Университетъ въ качествѣ магистерской диссертаціи. Прав. Обозрѣніе, 1879, I, № 3, стр. 511—523. — По исторіи гомилетики см. конспективно изложенную статью *Н. Барсова* въ Энциклопедіи Брокгауза и Эфрона, 1-е изд. т. IX, 161—164.

тѣла. Descendo nunc ad reliqui corporis gestes. Attollere ceruicem modice si fiat in loco, non dedecet, quemadmodum nec ad humeros demittere; in alterum humerum deflectere, ineptum est, licet hoc quidam pietatis indicium esse volunt. Ineptius etiam nunc in dextram, nunc in levam partem distorquere. Brachiorum prolatio non improbatur, quoties id exigit sententia. Et notantur qui semper manum habent sub pallio, quod nunquam incalescant dicendo. Quosdam vidi qui subinde brachium utrumque, quantum possent, in levum ac dextrum expenderent, vel proiicerent verius, manibus explicatis, mox eodem impetu adductis clarum sonum complosione palmarum aederent, voce interim clamosa, ac totis corporis gesticulatione. In gestibus corporis loquacissimae sunt manus, quorum aliquot sunt omnium genitum communes.... (p. 327).

Подъ конецъ Эразмъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе. De pronuntiatione dicendi finem faciam, si illud adiecero, ante omnia spectandum quid quem deceat. Quibusdam enim natura peculiarem addidit gratiam, ut deceat quicquid agunt, quod de bonis viris proverbio iactarum est: id nec arte tradi potest, nec verbis enarrari. In his etiam vitia decent ac delectant, quae in aliis essent foedissima, quum contra quibusdam arcana quaedam addita sit infelicitas, ut virtutes etiam displiceant. Oportet igitur Ecclesiasten sibinotum esse, nec artem modo, verum etiam naturam suam in consilium adhibere. Ab eruditis probatur mora mediocris initio dictionis, quod ea res expectationem auditorum excitat: sed indecorum est quod in eo silentio quidam ter inflant buccas. Decet autem cogitantis habitus (p. 331—332).

Отдѣлъ De pronuntiatione seu actione находимъ также у Луки *Озіандера* (Lucas Osiander, De ratione concionandi: Wittebergae 1597 p. 66—73), и здѣсь, среди совѣтовъ: omnis autem affectatio studiose fugienda est (p. 67); concionator etiam non iracunde orationem conceptam pronunciet, quasi qui cum auditoribus suis altercari, aut acerbe expostolare, velit (p. 68), non sit etiam pronuntiatio somnolenta (p. 69) и т. д., встрѣчаемъ еще слѣдующее. Quidam inter loquendum oculos comprimunt: alii oculis arrectis et rigentibusi (tanquam attoniti) stant in suggestu: utrunque autem indecens est. Sunt qui semper corpus moveant: ita ut trepident, et ab uno latere ad alterum sese inflectunt, nunc retro cedunt: nihil horum decenter sit (p. 72; ср. выше стр. 451 п. 9) и т. д.

Такіе совѣты встрѣчаемъ и у *Хемниція* (Chr. Chemnitius, Methodus concionandi sive rhetorica ecclesiastica, Jenae 1666, который говоритъ: incessus et status corporis sit decorus; Man sol nicht auf die Cantzel lauffen, als wie ein Schuster, der den Markt versäumt! (p. 235) и далѣе — о положеніи головы, о движеніяхъ лица, плечъ (brachia modice proiiciantur), рукъ пальцевъ и т. д. (p. 235—236).

Подобное же см. у Sebastiano *Goebelio,* Abbato Bergensis, Methodologia homiletica sive de Arte concionandi (Lipsiae 1672, p. 505—523), у M. Melchiore *Zeidlero,* Rhetorica ecclesiastica, ad methodum oratoriae civilis (Regiomonti 1672, p. 409—441), у Joh. Guilielmo *Baiero,* Compendium Theologiae homileticae (Jenae, 1677, p. 232—234) и у др.

Любопытно привести, наконецъ, и указанія Карла Барромея[1]).

Въ концѣ первой части его сочиненія Pastorum instructiones содержатся главы 23—de iis quae ad formam concionis pertinent; 24—de Decoro; 25—de elacutione concionatoris и 26 — de voce et corporis motu. Для насъ особенно интересна послѣдняя глава. Сказавъ сначала о важности, какую имѣетъ внѣшность произнесенія проповѣдей, Барромей совѣтуетъ говорить естественнымъ голосомъ, но не монотонно, не очень громко, но и не тихо, не торопливо, но и не медленно и т. д. In gestu et corporis motu tantum item faciat, quantum natura rerum patitur: quod vel ex eo discere potest, si aliquos recte natura tantum pronuntiantes, in communi consuetudine observet. Преподавъ затѣмъ положительные совѣты — разнообразить жесты и вести себя скромно и проч., авторъ перечисляетъ, что долженъ наблюдать проповѣдникъ въ положеніи и движеніяхъ тѣла. In corporis statu et motu haec caveat.

Ne in suggestu unquam corpore innitatur, sed rectus stet, aut sedeat. Ne deiecto, ne supino, ne praeduro, ne in latus inclinato capite sit, sed plane erecto. Ne supercilia contrahat, ne diducat, ne remittat. Ne nares corruget, ne moveat, ne inflet, ne digito diducat, ne plana manu resupinet. Ne labia lambat, ne mordeat. Ne mentum pectori affigat. Ne humeros attollat, ne rursus contrahat. Ne brachium, tanquam gladiator, immoderate poiiciat. Ne manum supra oculos tollat, ne dimittat infra pectus. Ne digitorum gestum indecorum adhibet... Ne pedibus supplodat, nisi importune in summa contentione. Ne tussiat, ne expuat crebro, nisi necessitate coactus.... Haec atque alia ut fugiat, in consilium adhibeat praedicationis usuperitos (p. 105—110).

У того же Барромея находимъ и 11-ую главу первой части: Concionator quid in omni materia explicanda cavere debeat. Здѣсь подаются совѣты ссылаться на авторитетный текстъ Св. Писанія (именно Вульгату), не толковать его по своему произволу, не касаться щекотливыхъ вопросовъ и т. д. Въ числѣ этихъ правилъ находимъ и такія, которыя очень напоминаютъ трактатъ о проповѣдникахъ Духовнаго Регламента напр., Ne quemquam nominatim insectetur, vel ita verbis depingat, ut de quo loquatur, facile possit auditor animadvertere (ср. выше п. 3); Ne Episcopos, aliosve Praelatos, nec vero civiles magistratus in concione asperius objurget, sed si quando occasio tulerit, pie potius admoneat (ср. выше п. 2; п. 5 начало); Ne cum reprehendit, id hominum, sed peccatorum odio, imo pietatis et charitatis studio ductus faciat. Ne vitiis exagitandis, quasi furenter iratus, excandescat nimis. Ne iniuriosa verba proferat, nevè ignominiosa. Ne obtrectationibus, quae aliquando fiunt, et querimoniis de suggestu respondeat (ср. выше п. 3—4). Ne de suggestu unquam conqueratur, sibi coronam non adesse frequentium auditorum. Reprehendat tamen licet, praesertim Parochus, negligentiam populi, si quando non frequens ad concionem convenit (ср. п. 7), и др. (p. 47—52).

---

[1]) Carolus Barromaeus, Pastorum instructiones. Ed. nova, Bruxellae 1734.

III. Мирскіе особы, поелику участны суть наставленія духовнаго.

Мѣсто этого трактата. Послѣднимъ, и по первоначальному предположенію Ѳеофана, — пятымъ трактатомъ второй половины второй части Духовнаго Регламента, т. е. „Дѣлъ особенныхъ" является трактатъ о мірянахъ: „Мирскіе особы, поелику участны суть наставленія духовнаго". Въ дѣйствительности, въ виду пропуска трактатовъ о пресвитерахъ и пр. и монахахъ, отнесенныхъ въ Прибавленіе къ Духовному Регламенту, трактатъ о мірянахъ оказался *третьимъ* и послѣднимъ.

Трактатъ о мірянахъ при просмотрѣ и обсужденіи черновой рукописи Духовнаго Регламента въ февралѣ 1720 г. духовенствомъ и сенаторами подвергся нѣкоторой обработкѣ, а именно, главнымъ образомъ, внесены были добавленія къ п.п. 5. 6. и 8, при чемъ добавленія 5 и 6 были написаны самимъ же Ѳеофаномъ.

Тема этого трактата при перечисленіи „пяточисленныхъ чиновъ", о которыхъ слѣдовало сказать во второй части Регламента, опредѣлена была Ѳеофаномъ такъ: „5. Особы мірскіе поелику участны суть наставленія духовнаго, яковое случается о правилныхъ и неправилныхъ бракахъ и прочихъ дѣлахъ, до свѣтскихъ людей касающихся".

Такимъ образомъ, Ѳеофанъ желалъ указать здѣсь обязанности мірянъ въ области вѣры и Церкви.

Раскрытіе понятія „міряне". Начиная свой трактатъ о мірянахъ, Ѳеофанъ предпосылаетъ ему, какъ обычно, теоретическое предисловіе, имѣющее цѣлью объяснить, почему міряне такъ называются, и чѣмъ отличаются они отъ духовенства?

Слово „міръ", говоритъ Ѳеофанъ имѣетъ троякій смыслъ и значеніе.

1) *Міръ есть вся вселенная,* но не въ этомъ смыслѣ лица, не имѣющія церковнаго служенія называются мірянами, ибо и духовенство живетъ во вселенной.

2) *Міръ есть просто люди,* какъ тварь разумная. И не въ этомъ смыслѣ употребляется терминъ „міряне", потому что и никто изъ духовенства не отречется отъ названія мірянинъ въ этомъ значеніи[1]).

3) *Міръ часто означаетъ злобу и суету человѣческую,* напр., въ словахъ ап. Іоанна (I посл., гл. II, 15. 16) „не любите міра" и проч. И не отъ этого называются мірянами[2]).

---

[1]) При этомъ Ѳеофанъ не совсѣмъ кстати цитируетъ: „тако Богъ возлюби міръ" Ін. III, 16.

[2]) Этотъ анализъ понятія „міръ" отдаетъ несомнѣнной схоластикой. Нѣкоторыя соображенія по разсматриваемому Ѳеофаномъ вопросу объ отношеніи духовенства (клира) и мірянъ см. въ Прав. Богосл. Энциклопедіи, т. XI, подъ ред. проф. Н. Н. Глубоковскаго. Спб. 1910 г. статью *Ал. Лебедева* „Клиръ", а также прот. *М. И. Горчакова,* Церковное право. Спб. 1909, стр. 85 и слѣд.

Здѣсь, казалось бы, Θеофану слѣдовало прямо отвѣтить на поставленный имъ въ началѣ вопросъ, откуда происходитъ названіе мірянъ. Однако, со свойственной ему практичностью, Θеофанъ не хочетъ пропустить случая, чтобы не выяснить неправильное пониманіе терминовъ „мірянинъ" и „духовный", до сихъ поръ встрѣчающееся въ русскомъ народѣ. Дальнѣйшими своими разсужденіями Θеофанъ и выдаетъ, между прочимъ, самую цѣль составленія имъ разбираемаго предисловія къ трактату о мірянахъ. Помимо цѣлей полемики въ немъ не было, собственно, и нужды.

Приведя вышеупомянутыя слова ап. Іоанна, Θеофанъ предупреждаетъ, что нельзя сказать чтобы апостолъ, обращаясь ко всѣмъ христіанамъ съ увѣщаніемъ: „не любите міра, ни яже въ мірѣ" подговаривалъ ихъ тѣмъ самымъ идти въ монахи или въ церковники. Подобно этому и слово „духовный", которое, по мнѣнію Θеофана, противоположно третьему смыслу слова „міръ", вовсе не означаетъ въ I Кор., II, 14. 15[1]), — какъ, вѣроятно, утверждали вокругъ Θеофана, — монаховъ и церковниковъ. У апостола, объясняетъ онъ, душевнымъ, въ противоположность духовному, называется непросвѣщенный и не обновленный благодатью Св. Духа. Поэтому, если священникъ или мірянинъ золъ, они одинаково душевны; напротивъ, если священникъ или мірянинъ водимы Духомъ Святымъ, они одинаково духовны. Поэтому то и ап. Петръ всѣхъ вообще христіанъ называетъ священствомъ (I Петр. II, 9), а также и Апокалипсисъ (IV, 10) говоритъ: „сотворилъ есть насъ Богъ цари и іереи"[2]).

Все это, заключаетъ Θеофанъ, необходимо было выяснить потому, что по невѣдѣнію говорятся и дѣлаются „многая душепагубныя дурости", а именно, мірянинъ думаетъ, что нельзя спастись въ міру, а монахъ подговариваетъ другого оставить жену, дѣтей, родителей и ненавидѣть ихъ, „понеже, рече, заповѣдь имамы не любити мира и яже суть въ мирѣ". Изъ этого, очевидно, что въ своемъ предисловіи Θеофанъ именно стремился разъяснить недоразумѣніе и устранить „дурости".

Сдѣлавъ свое, онъ переходитъ уже къ отвѣту. „Но почему же міряне нарицаются? Отвѣтъ". Изъ отвѣта видно, что Θеофанъ, нѣсколько противорѣча самому себѣ, производитъ терминъ „міряне" отъ второго значенія слова, которое раньше онъ самъ отвергъ. „Сіе именованіе разуму второму прилично: вси бо и священницы и не священницы суть миряне, то-есть человѣцы, но не священницы нарицаются міряне просто, поелику не суть управители и служители опредѣленныя духовнаго ученія, но слышателіе", въ свою же очередь епископы и пресвитеры, какъ ученія духовнаго служи-

---

[1]) См. Свящ. *Илія Гумилевскій*, Ученіе Св. Ап. Павла о душевномъ и духовномъ человѣкѣ Сергіевъ Пасадъ, 1913.

[2]) Ср. съ этими словами приведенную выше (стр. 298) цитату изъ сочиненія *М. Лютера* „An dem christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung 1520", изданіе Erlangen 1832, Bd. 21, S. 281; Weimar 1888, VI, S. 407, а также *М. Ф. Ястребова*, Къ вопросу о всесвященствѣ христіанъ. Труды К. Д. А. 1906. IV, стр. 577—596.

тели и управители „по преизяществу нѣкоему восприяли титлу духовнаго чина“, иначе называясь (отъ безкровной жертвы) „священницы“. „И потому уже прочіи, которые слышателіе и ученицы оныхъ суть, нарицаются просто міряне“. Такъ, очевидно, съ нѣкоторой натяжкой, Ѳеофанъ даетъ нужное ему объясненіе.

Послѣ этого, онъ переходитъ къ сути дѣла. Мірянамъ Ѳеофанъ посвящаетъ 12 пунктовъ, а именно.

12 пунктовъ о мірянахъ. 1) „Всякъ христианинъ долженъ православнаго ученія слушать отъ своихъ пастырей“, не порицать, не презирать и не препятствовать проповѣди, подъ страхомъ анаѳемы[1]).

2) „Долженъ всякъ христіанинъ и часто, а хотя единожды въ годъ причащатися святой евхаристіи“, уклоненіе же отъ св. причастія должно разсматриваться, какъ признакъ принадлежности къ расколу, почему священникамъ и епископамъ предписывается тщательно наблюдать за исправнымъ исполненіемъ прихожанами долга исповѣди и причастія.

3) Если бы, такимъ образомъ, обнаружился раскольникъ, епископъ долженъ сообщить о немъ „тому, подъ чіимъ онъ судомъ: которой его имѣетъ послать въ Духовную Коллегію“.

4) „Полезно было бы,—говоритъ далѣе Ѳеофанъ,—имѣть въ Коллегіумъ вѣдѣніе сколко во всѣхъ епархіахъ обрѣтается расколщиковъ: сіе бо ко многимъ разсужденія требующимъ случаямъ помощно есть“.

5) Великимъ грѣхомъ объявляетъ Ѳеофанъ укрывательство раскольниковъ свѣтскими господами. По его мнѣнію „должни суть епископи ревновать и доносить о семъ къ Духовному Коллегіумъ, а Коллегіумъ, по розыскѣ таковыхъ господъ, аще не похотятъ въ томъ исправитися, можетъ предать анаѳемѣ, такожъ и суда на ихъ же домогатися у правителствующаго Сената“. Послѣдніе слова при обсужденіи Духовнаго Регламента въ концѣ февраля 1720 г. были выброшены, Но 5-й пунктъ добавленъ новыми указаніями о *порядкѣ* розыска.

6) Запрещается возводить раскольниковъ на какія-либо должности гражданскія или духовныя, а отъ подозрѣваемаго въ расколѣ требуется присяга въ томъ, что „онъ не есть и не думаетъ быт расколщикъ“. При этомъ Ѳеофанъ предполагаетъ назначить „жестокое наказаніе, если бы послѣ противное на немъ показалось“. При обсужденіи Регламента къ этому прибавили сочиненное Ѳеофаномъ указаніе сущности вины, гдѣ опять объявлялось признакомъ принадлежности къ расколу уклоненіе отъ исповѣди и причастія, сознательное укрывательство раскольническихъ учителей и подача милостыни раскольническимъ обителямъ.

7) Запрещается кому либо, кромѣ царской фамиліи, имѣть домовыя церкви.

8) При избраніи въ священники прихожане обязуются засвидѣтельствовать добрыя качества ставленника и указать способъ его содержанія. (Пунктъ этотъ при обсужденіи былъ передѣланъ и дополненъ).

---

[1]) Ср. Уложеніе ц. А. М. 1649 г. гл. I, ст. 2. 3.

9) Запрещается брать къ себѣ въ духовники волочащихся, т. е. безприходныхъ священниковъ, ибо это значитъ быть соучастникомъ ихъ преступнаго совершенія богослуженія. Запрещается также безъ крайней нужды звать священника на домъ крестить младенца[1]).

10) Интеллигенціи того времени предписывается повиновеніе въ духовныхъ дѣлахъ архипастырской власти того епископа, въ епархіи котораго кто находится, пока находится[2]).

11) Предписывается не заключать сомнительныхъ браковъ и въ случаѣ сомнѣнія въ порядкѣ инстанцій обращаться къ священнику, епископу и, наконецъ, къ Духовной Коллегіи, которой вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендуется особо заняться вопросомъ о препятствіяхъ къ браку „и на всякую трудность написать рѣшеніе крѣпкое от св. писанія, и от разсужденія славныхъ древнихъ учителей, тако ж и от уставовъ царскихъ".

12) Независимо отъ сомнительности брака запрещается вѣнчаться въ чужомъ приходѣ не по мѣсту жительства жениха и невѣсты.

Анализъ пунктовъ. Изъ этихъ 12 пунктовъ п. 1 отражаетъ въ себѣ идеалы Ѳеофана, какъ проповѣдника и богослова, который болѣе всего цѣнитъ нравственное, облагораживающее и просвѣщающее значеніе ученія и проповѣди. Этотъ пунктъ всецѣло гармонируетъ со второю частью „Общихъ дѣлъ„, гдѣ Ѳеофанъ разсматривалъ „аще довольное Христіаномъ наставленіе употребляется". Тамъ предписывалось сочинить „три книжицы" и постоянно читать ихъ народу. Здѣсь предписывается слушать. „Яко же бо пастыріе не пасутъ, аще овецъ своихъ словом Божіимъ не питаютъ, тако и овцы не суть овцы, но всуе тако нарицаются, аще не хотятъ пасоми быть от пастырей". Между тѣмъ Ѳеофанъ именно могъ ожидать нерадѣнія или даже противодѣйствія проповѣди, потому что русскіе люди московской эпохи были гораздо болѣе склонны къ внѣшнему благочестію, чѣмъ къ проникновенію въ сущность христіанскаго ученія, а живая проповѣдь считалась чуть ли не еретическимъ новшествомъ и встрѣчала даже противодѣйствія[3]).

---

[1]) См. т. II. Черн. рук. л. 34. [2]) См. т. II, тамъ же.

[3]) „Крайнее развитіе религіознаго формализма и невѣжество духовенства, говоритъ *П. Морозовъ* (Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, Спб. 1880, стр. 15—18), повели къ ослабленію и затѣмъ къ совершенному исчезновенію живого проповѣднаго слова. Послѣ смерти митрополита Фотія († 1430) единственнымъ видомъ проповѣди дѣлаются поучительныя посланія; являются формы поученій на разные случаи, составляемыя по прежнимъ проповѣдямъ... Мы имѣемъ лѣтописное свидѣтельство о томъ, какъ мало само духовенство было расположено не только говорить проповѣди, но даже и слушать ихъ: во второй половидѣ XV в. (1465 г.) митрополитъ Ѳеодосій вздумалъ „поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь: нача на всяку недѣлю сзывати ихъ и учити по святымъ правиламъ", а недостойныхъ изгонять; въ результатѣ оказалось, что въ Москвѣ многія церкви опустѣли,—„и востужиша людіе, и начаша его проклинати", такъ что онъ былъ вынужденъ оставить митрополію (П. С. Р. Л. VI, 186). Въ постановленіяхъ Стоглава указывается на печальное нравственное положеніе духовенства XVI в., совершенно не благопріятствовавшее развитію проповѣди, и внушается духовнымъ лицамъ, чтобъ они поучали мірянъ самымъ элементарнымъ правиламъ христіанской морали (см., напр., гл. 5, вопр.

Пункты 2—6 говорятъ о расколѣ и нѣкоторыхъ мѣрахъ борьбы съ нимъ. Здѣсь Феофанъ повторяетъ и дополняетъ сущность указовъ предшествующаго времени.

21, 23; гл. 18, 34, 37, 38, 40, 50, 52). Ясно, что даже такого элементарнаго поученія въ то время не существовало. Въ первой половинѣ XVI в. бояринъ Берсень жаловался Максиму Греку на митрополита Даніила, что „учительна слова отъ нѣго нѣтъ никотораго" (А. А. Э., I, № 173). Въ первой половинѣ XVII в., когда Никонъ, еще митрополитъ Новгородскій, захотѣлъ возобновить церковную проповѣдь, въ средѣ духовенства поднялся сильный ропотъ: „Заводите вы, ханжи, *ересь* новую (говорили попы): людей въ церкви учить; а мы людей прежь сего въ церкви не учивали, учивали ихъ втайнѣ" (Зап. Археол. Общ. II, 394—397. Разспросныя рѣчи о единогласіи). Въ 1636 г. патріархъ Іоасафъ, въ своей грамотѣ о прекращеніи въ московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій, говоритъ, между прочимъ, что духовенство забываетъ свою обязанность—„поучать мірскихъ людей о благочиніи и укрѣпленіи христіанскаго благопребыванія". Это забвеніе доходило до того, что священники не хотѣли *и не позволяли* читать въ церквахъ даже готовыя поученія святыхъ отцевъ, положенныя по уставу (А. А. Э., III, № 264). Такъ было въ самой Москвѣ и ея окрестностяхъ; что же сказать о городахъ и селахъ другихъ епархій, особенно дальнихъ, откуда также слышались жалобы на безчиніе духовенства и отсутствіе проповѣди (А. И. IV, № 151. Ср. № 62). Когда въ одной изъ такихъ отдаленныхъ епархій священникъ, увлекшись примѣромъ духовенства южно-русскаго, вздумалъ было проповѣдывать въ церкви, слушатели отнеслись къ нему съ порицаніемъ: „Были-де у насъ и прежде священники добрые и честные, а такъ не дѣлали, жили по-просту, а мы были въ изобиліи. Сей же откуду неудобная вводитъ?" На такое отношеніе духовенства къ своимъ обязанностямъ сильно нападаетъ Кириллъ Транквилліонъ въ своемъ „Учительномъ Евангеліи": „Есть, говоритъ онъ, такіе неразумные люди, которые твердятъ что довольно съ насъ прочитать что-либо по книгѣ народу въ церкви, а устную проповѣдь слова Божія укоряютъ и считаютъ еретичествомъ. О, неразуміе, худшее всякаго безумія!.. Да развѣ ты не знаешь, что чтеніе поученій по книгѣ завелось въ церкви по нуждѣ? Не стало истинныхъ и мудрыхъ учителей и проповѣдниковъ слова Божія, тогда простецы и начали читать поученія изъ книгъ. Но теперь вижу нѣчто еще худшее: многіе неучи, лживые пастыри, не хотятъ уже и по книгамъ читать поученій въ церкви, а спѣшатъ къ объяденію и пьянству, работая своему чреву... А есть теперь въ родѣ нашемъ и такіе слѣпые вожди, которые говорятъ: „къ чему намъ книгамъ учиться? Достаточно съ насъ Часослова и Псалтыря". Правда, достаточно для тѣхъ, которые знаютъ силу того, что написано въ этихъ книгахъ; но такое пониманіе далеко отъ тебя такъ, какъ небо отъ земли. Ты только въ корчмѣ мудрствуешь такъ, а въ церкви ничего не слышишь, а лишь шумишь языкомъ, какъ вѣтряная мельница; въ корчмѣ ты велерѣчивъ, а въ церкви безгласенъ" и т. д. (Оп. Рум. Муз., стр. 632). Соборъ 1667 г. поставилъ священникамъ въ обязанность поучать мірскихъ людей во всѣ воскресные и праздничные дни (Доп. къ А. И., V, № 102, стр. 462); но лѣтъ десять спустя, Симеонъ Полоцкій все еще жаловался на отсутствіе проповѣди (слово ко іереомъ, въ приб. къ Веч. Душ., стр. 163—167). Еще позже тѣ же самыя жалобы высказывалъ Димитрій Ростовскій: „Оле окаянному времени нашему! восклицаетъ онъ: яко отнюдь пренебрежено сѣяніе слова Божія, весьма оставися слово Божіе: сѣятели не сѣютъ, *а земля не пріемлетъ*, іереи небрегутъ, а людіе заблуждаютъ, іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ, іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а людіе не слушаютъ, *ниже слушати хотятъ*" (Сочиненія, I, 389—390).—Ср. „Историческій очеркъ русскаго проповѣдничества", Спб. 1879, стр. 152—153.—Къ сказанному необходимо прибавить, что за проповѣдь энергично стоялъ Алексѣй Михайловичъ, какъ видно изъ его собственноручнаго перечня вопросовъ, подлежащихъ сужденію собора 1651 г.: „11. Люди Божия поучати повелевает в праздники и в воскресныя дни архиерѣем и ерѣем о вѣре и о всякомъ благочестиі и о житиі християнстем после заутрени и обѣдни нарѣчь

Извѣстно, что появленіе раскола въ XVII в. вызвало и мѣры борьбы съ нимъ гражданской и духовной власти. Правительства до Петра Великаго вовсе не допускали существованія раскола, въ принципѣ отрицали даже возможность его легальнаго бытія[1]). Напротивъ, Петръ Великій, отличавшійся сравнительно большею вѣротерпимостью, а главное, исповѣдывавшій чисто свѣтскія задачи государства, призналъ существованіе раскола, хотя и стремился къ его подавленію, главнымъ образомъ, въ виду его политической неблагонадежности.

Выраженіе принадлежности къ расколу было усмотрѣно въ томъ, что данное лицо уклоняется отъ исповѣди и св. причастія. Правда, эти уклоненія часто встрѣчались въ XVII в. и среди православныхъ[2]), почему и заведены были исповѣдныя вѣдомости. Но они не были повсемѣстными и регулярными и заключали въ себѣ главнымъ образомъ перечень тѣхъ лицъ, которыя не говѣли давно[3]). 28 сентября 1702 г. Митрополитъ Стефанъ Яворскій распорядился собрать свѣдѣнія о томъ, исправно ли бываютъ у исповѣди сами московскіе священники и их семьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязалъ всѣхъ приходскихъ священниковъ составлять ежегодно росписи исповѣдавшихся въ двухъ экземплярахъ, при чемъ одинъ оставлять при церкви, а другой представлять въ церковный приказъ[4]). Эта именно мѣра и была признана цѣлесообразной для того, чтобы раскольниковъ отдѣлить отъ православныхъ, такъ какъ послѣдніе, если и не бывали у исповѣди, то по лѣни, которую власть надѣялась преодолѣть, между тѣмъ, какъ раскольники не говѣли у православныхъ священниковъ изъ религіозныхъ побужденій, которыми дорожили больше.

8 февраля 1716 г. Петръ издалъ указъ, чтобы всѣ ежегодно ходили на исповѣдь. Тѣхъ изъ православныхъ, кои не явились бы, слѣдовало штрафовать и все-таки заставить исполнить долгъ исповѣди. Если бы оказались

сказати, чтоб всѣм людем откровенно было слово Божие" (*С. А. Бѣлокуровъ*, Изъ духовной жизни моск. общества XVII в. Изд. И. О. И. и Др. Р. М. 1903, стр. 48—49).

[1]) *Макарій М. М.*, Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства. Изд. 3. Спб. 1889, стр. 359—368 —*П. С. Смирновъ*, Исторія русскаго раскола старообрядства. Изд. 2. Спб. 1895, стр. 167—173.—*Его же*, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. Изслѣдованіе изъ начальной исторіи раскола по вновь открытымъ памятникамъ, изданнымъ и рукописнымъ. Спб. 1898, стр. II—III.

[2]) *А. П. Доброклонскій*, Руководство по исторіи русской Церкви. В. III, М. 1889, стр. 232.—Соборъ 1666 г. жаловался, что „мнози християне отлучишася церковнаго входа и молитвы, и о грѣсехъ своихъ покаяния и исповѣданія, и принятия тѣла и крове Христовы лишишася", и потому предписалъ духовенству „научати прихожанъ, чтобы ко отцемъ духовнымъ на исповѣданіе мужи и жены и ихъ дѣти приходили по часту, паче же в четыре святыя посты, и по разсужденію отцевъ духовныхъ пречистыхъ Таинъ приятія Тѣла и Крове Христовы себе не лишали" подъ угрозой наказаній. См. „Дѣянія моск. соборовъ 1666—1667 гг." М. 1893, л. 37 об., 42 об.—То же самое см. въ Инструкціи поповскимъ старостамъ п. Адріана 26 декабря 1697 г., п. 8. 9 (П. С. З., III, 1612).

[3]) О. А. С. С. I, № 9, 11, 12, 13, 14, 15, 16, частичныя вѣдомости 1690, 1691, 1693 и 1697 гг.

[4]) *Н. Розановъ*, Ист. М. епарх. упр., I, 106..231.—*С. Г. Рункевичъ*, 42

раскольники, то ихъ повелѣвалось переписывать и облагать двойнымъ окладомъ (женщины и дѣти должны были платить половину), а о числѣ ихъ сообщать Сенату[1]). Въ слѣдующемъ указѣ 18 февраля 1716 г.[2]) говорилось о переписи раскольниковъ, какъ свѣтскихъ, такъ чернецовъ и черницъ и о положеніи на нихъ окладовъ противъ настоящаго платежа вдвое.

Далѣе указомъ 17 февраля 1718 г.[3]) было вновь подтверждено, дабы разночинцы, посадскіе люди и поселяне „въ господскіе праздники и въ воскресные дни ходили въ церковь Божію къ вечерни, къ завтрени, а паче же ко святой литургіи (кромѣ того, развѣ кто заболитъ, или какая невозможность не допуститъ), и по вся бъ годы исповѣдывались; и то надзирать въ приходахъ самимъ священникамъ и прикащикамъ и старостамъ, гдѣ случится". Для надзора за исповѣдью повелѣвалось завести погодныя исповѣдныя вѣдомости, которыя и отсылать въ Духовные приказы по епархіямъ. Кто по этимъ вѣдомостямъ окажется уклоняющимся отъ исповѣди, того велѣно было штрафовать, увеличивая штрафъ за каждый слѣдующій разъ. Объ особо упорныхъ слѣдовало сообщать губернаторамъ и ландратамъ и, послѣ наказанія, все таки принуждать къ исповѣди. „А буде о тѣхъ, кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не донесетъ: и за такую ману взять на немъ штрафа, первой 5 р., второй 10 р., третій 15 р.; а ежели потомъ явится въ такой же манѣ, и за то изверженъ будетъ священства". Далѣе повелѣвалось выбирать бурмистрами только тѣхъ, кто исповѣдуется ежегодно и кромѣ того „взять вѣдомости, что по указу приходскіе попы подаютъ ли вѣдомости о своихъ прихожанахъ и дѣтяхъ духовныхъ, что они по вся годы исповѣдываются; а которые не исповѣдываются и въ церковь не ходятъ, такимъ что чинено?"

Всѣ эти указы отличались двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны они допускали расколъ, съ другой же стороны облагали его двойнымъ окладомъ. Признакомъ служила исповѣдь, поэтому стоило исповѣдаться или, по крайней мѣрѣ, быть записаннымъ среди исповѣдавшихся и человѣкъ считался православнымъ и не несъ никакихъ лишнихъ тяготъ. Въ виду этого естественно, что раскольники стали подкупать духовенство, а послѣднее безъ исповѣди записывало ихъ въ исповѣдные росписи. Указы 8 и 18 февраля 1716 и 17 февраля 1718 г., такимъ образомъ, не имѣли полнаго дѣйствія, хотя и были полезны, особенно для борьбы съ расколомъ. Объ этомъ до свѣдѣнія Петра довелъ Нижегородскій епископъ Питиримъ, обративъ при этомъ его вниманіе на обходъ изложенныхъ указовъ духовенствомъ, на слабое примѣненіе ихъ въ дѣйствительности, и также на ихъ недоговоренность относительно раскольническихъ монаховъ и монахинь[4]). Въ свою очередь Питиримъ предлагалъ, кромѣ усиленія прежнихъ мѣръ, особо преслѣдовать самихъ священниковъ за укрывательство раскола[5]), а

[1]) П. С. З. V, 2991. [2]) П. С. З. V, 2996.
[3]) П. С. З. V, 3169. Именный, объявленъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ.
[4]) См. т. II, отд. II, № 6, лит. А, пункты 1—4 (лл. 244 об.—245).
[5]) Тамъ же п. 5 (л. 245 об.) и лит. Г.

также требовать отъ мнимо исповѣдавшихся раскольниковъ клятвеннаго исповѣданія о Церкви и о всѣхъ ея таинствахъ и о догматахъ и чего не пріемлютъ отъ нея раскольники, а потомъ велѣть ему проклинать всю противность раскольническую[1]), послѣ чего—исповѣдать и причастить Св. Таинъ. Если же мнимый раскольникъ объявитъ себя безповоротно явнымъ раскольникомъ, тогда его къ исповѣди и причастію не принуждать[2]). Эти и еще другія предложенія еп. Питирима были приняты Петромъ въ соображеніе и на основаніи ихъ изданы имъ указъ 16 марта 1718 г.[3]), а также пункты и указы капитанъ-поручику Ю. Ржевскому и другимъ[4]).

При сравненіи пп. 2—6 трактата „о мірянахъ" въ Духовномъ Регламентѣ съ этими предложеніями еп. Питирима оказывается, что они повторяютъ ихъ лишь въ перифразѣ и съ нѣкоторыми добавленіями самого Θеофана. При провѣркѣ же Типографской рукописи Духовнаго Регламента Θеофанъ даже самъ счелъ нужнымъ указать свой источникъ, а именно на 51-мъ листѣ этой рукописи сбоку на полѣ приклеенъ листокъ, на которомъ рукою Θеофана написано: „въ Регламентѣ Духовномъ, въ правилахъ мирскихъ лицъ, противъ правила шестого, напечатать на сторонѣ мѣлкими словами сіе—публикованъ о семъ великого Государя печатный указъ въ 1718 году[5]).

Пункты 7 и 9-й находятся въ тѣсной взаимной зависимости и обращены Θеофаномъ противъ давняго непорядка русской церковной жизни, получившаго особое значеніе со времени раскола.

Еще соборъ 1666 г. разсуждалъ о томъ, что „могущии по домомъ своимъ начаша держати вдовых священниковъ, без улагословенія и без свидѣтельства архиерейскаго. иніи же и с- тѣхъ священниковъ мнози не патриарши области, но иных епархій, и мнози под запрещенми и изверженми

---

[1]) Питиримъ выдумалъ и самый текстъ такой присяги. Онъ сохранился въ Гос. Арх. (Кабинетъ II, кн. 41, листы 714—715) и напечатанъ у Г. Есипова, Раскольничьи дѣла XVIII ст. т II, приложенія стр. 215—217. Здѣсь читаемъ слѣдующее распоряженіе Питирима: „Аще явный раскольщикъ, а укрывается по согласію съ попомъ церковнымъ, якобы онъ сынъ св. церкви и попъ таковаго воровски укрывая сыномъ себѣ духовнымъ. То повелѣть того раскольщика исповѣдати иному попу суще вѣрному, который не укрылъ бы раскольщика, а по исповѣданіи оный раскольщикъ, аще бы онъ былъ и недостоинъ св. тайнъ причащенія, но убо ради о немъ достовѣрнаго свидѣтельства, подобаетъ архіерею оныя грѣхи возбраняющія отъ св. причащенія разрѣшать и св. таинъ повелѣть причастить, но не просто: первое, въ день недѣльный привести таковаго иже подъ мнѣніемъ въ соборную церковь, и по облаченіи предъ часами повелѣть оному раскольщиковъ проклинать и себя самаго (на случай ложной клятвы) сицевымъ образомъ"...

[2]) См. т. II, отд. II, № 6 лит. Г.

[3]) П. С. З. V, 3183. См. его во II т. отд. II, № 6 лит. В.

[4]) Тамъ же, лит. Б. и Д.—О дальнѣйшихъ мѣрахъ Петра и Св. Синода противъ раскола см. *Макарія М. М.*, Исторія русскаго раскола, Спб. 1889, стр. 368 и сл.—*П. С. Смирновъ*, Исторія русскаго раскола. Спб. 1895, стр. 173 и сл.—П. С. З. V, 3232, 3340; VI, 3662, 3784, 3785, 3891, 3944, 4034, 4052, 4109, 4121; VII, 4153, 4256, 4526, 4575, 4578, 4596, 4601, 4633, 4635 и П. С. П. томы I—V.

[5]) См. во II томѣ, описаніе Типографской рукописи. Разумѣются указы 17 февраля и 16 марта 1718 г. П. С. З. V, 3169 и 3183.

оставльше своего архиерея, служат по домомъ въ царьствующемъ граде Москвѣ, угождающе непокорником святыя восточныя церкве и нехотящимъ слушати въ церквахъ пѣнія, идѣже совершается по новопечатнымъ книгамъ, по обычаю св. восточныя церкве, зане во многихъ от народа мнѣніе вниде, яко ересьми многими, и антихристовою скверною осквернены церкви, и чины и таинъства, и послѣдование церковное"[1]). Такимъ образомъ, очевидно, что и ранѣе существовавшія домовыя церкви и моленныя съ т. наз. крестовыми попами особенно умножились подъ вліяніемъ „бѣгства отъ антихриста", и обращались въ новые очаги раскола. Поэтому и соборъ, не запрещая самыхъ домовыхъ церквей, поручилъ установленнымъ органамъ надзора слѣдить, чтобы богослуженіе въ нихъ совершалось по новопечатнымъ книгамъ „чинно и немятежно и единогласно, и гласовное пѣніе пѣти на рѣчь" и всѣ обряды совершались правильно[2]) крестовыми священниками, имѣющими ставленныя патріаршія грамоты, а если они изъ другихъ епархій, то кромѣ того и отпускныя грамоты отъ своихъ архіереевъ, „зане аще не своего архиерея в области без благословенія отшед что дѣйствуют, таковии, и приемлюши их, и домы их да не будут благословены, но отвержени и запрещени по священнымъ правилом"[3]). При этомъ во всякомъ случаѣ требовалось „без священника в домѣхъ и в церквахъ пѣнія не пѣти и не начинати" (— противъ безпоповцевъ), „а черных бы попов и вдовых в домѣхъ отнюд не было"[4]). Кромѣ того — „и в домѣхъ бы крестовыя попы младенцов не крестили, а крестили бы по приходцкимъ церквамъ", согласно 59 правилу VI-го Всел. собора[5]).

Однако опредѣленія соборовъ 1666—1667 гг. не могли, конечно, сразу излѣчить застарѣлый недугъ, который поддерживался притомъ 1) сознаніемъ необходимости и дозволенности домовыхъ церквей и моленныхъ[6]); 2)

---

[1]) „Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666—1667 гг." М. 1893, л. 37 об.—Ср. Собора 1667 г., ibidem л. 2—2 об.

[2]) Ibidem, л. 37 об. — 39.

[3]) Ibidem, л. 45 об. —46. (Ср. съ послѣдними словами слова Д. Р., Черн. рук. л. 34 п. 9).

[4]) Ibidem, л. 46.

[5]) Ibidem, л. 46—46 об. — Ср. „Стоглавъ", 2 изд. Казань 1887 г. стр. 53 „о детиномъ крещеніи" гл. 17: „А детей бы крестили въ церквахъ по уставу".

[6]) По словамъ *Котошихина*, въ его время: „У большихъ, не у многихъ, бояръ учинены на дворехъ своихъ церкви; а у которыхъ церквей нѣтъ, и они, болшие и среднихъ статей бояре, которымъ поволено держаті въ домѣхъ своихъ поповъ, заутреню и часы и молебенъ і вечерню отправливаютъ у себя, въ своихъ хоромѣхъ, а у обѣдни они бываютъ въ церквахъ, кто гдѣ прихожъ, или гдѣ похочетъ; а въ домѣхъ у нихъ своихъ, окромѣ церквей, обѣдни не бываетъ ни у кого; и даютъ они, бояре и ближние люді, попомъ своимъ жалованье, по зговору, погодно, и дается женатымъ людемъ попомъ помѣсечной кормъ и ѣствы и питье, а вдовые попы ѣдятъ съ боярамі своимі вмѣсте за столомъ, у кого что прилучилось". „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича", гл. 13. Изд. 4. Спб. 1906, стр. 147.—Ср. *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія Р. Церкви. Т. I, 1-я пол. Спб. 1901[2], стр. 470 и сл.

множествомъ безприходныхъ священниковъ, т. наз. „крестцовыхъ поповъ“[1]), искавшихъ заработка, а особенно обиліемъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ, которымъ, въ видахъ избѣжанія соблазна, запрещалось священнослуженіе, т. е. средства заработка, съ чѣмъ они, естественно не могли примириться, и 3) желаніемъ „могущественныхъ“ приверженцевъ старины сохранить у себя богослуженіе по старымъ книгамъ. Поэтому тѣмъ же вопросомъ пришлось заниматься и собору 1682 г., который, между прочимъ, запретилъ вдовымъ священникамъ служить безъ архіерейскаго благословенія, „а мірскимъ людямъ наказывалъ, чтобъ такихъ въ свои домы не принимали, а будетъ кому изъ великихъ людей, и бояръ, и изъ околничихъ, и изъ думныхъ, кому не возможно быть безъ церковнаго служенія, для домашнихъ своихъ священника держать у себя въ дому, и имъ бити челомъ на Москвѣ святѣйшему патріарху, а въ городѣхъ архіереомъ. А вдовымъ попамъ и еромонахомъ отнюдь не давать благословенія въ мірскихъ жить домахъ, служить и службы церковныя совершати“[2]).

На томъ же самомъ настаивалъ и п. Адріанъ въ своей „Инструкціи поповскимъ старостамъ“ 26 декабря 1697 г., п. 10—12[3]).

Когда очередь дошла до Петра, онъ поступилъ радикальнѣе, чѣмъ его предшественники. Указомъ 19 февраля 1718 г.[4]) онъ запретилъ совсѣмъ имѣть домовыя церкви, и этотъ именно указъ нашелъ свое мѣсто въ п. 7-мъ „о мірянахъ“ Духовнаго Регламента, а затѣмъ получилъ свое дальнѣйшее развитіе въ цѣломъ рядѣ синодальныхъ опредѣленій и указовъ[5]).

Что же касается „волочащихся поповъ“, то они утратили подъ собою почву съ тѣхъ поръ, какъ съ одной стороны запрещены были домовыя церкви; съ другой стороны, урегулированы приходскіе выборы (см. ниже, п. 8-й) и, наконецъ, былъ произведенъ рядъ разборовъ людей духовнаго класса съ цѣлью опредѣленія свободныхъ изъ нихъ въ ту или иную государственную службу.

Пунктъ 8-й тоже не является новостью. Порядокъ избранія священниковъ и дьяконовъ изстари былъ на Руси не вполнѣ нормальнымъ[6]) и обращалъ на себя вниманіе еще Стоглаваго Собора[7]). Но при Петрѣ зло-

---

[1]) О борьбѣ патріарховъ противъ крестцовыхъ поповъ см. *А. П. Доброклонскаго*. Руководство по И. Р. Ц. в. III, стр. 54—56.

[2]) *Н. Виноградскій,* Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ, 1899, стр. 52 приложеній, и выше гл. VI его сочиненія.

[3]) П. С. З. III, 1612.

[4]) П. С. З. V, 3171, п. 3: „Чтобъ домашнимъ церквамъ не быть, а давать подвижные антимисы старымъ“.

[5]) П. С. З. VI, 3964; VII, 4187, 4320, 11 апрѣля 1722 г., 11 марта и 5 окрября 1723 г.

[6]) *Е. Е. Голубинскій,* Исторія Русской Церкви, т. I, 1 пол. стр. 444—497.—*А. П. Доброклонскій,* Руководство по И. Р. Ц. В. III, М. 1889, стр. 53—54.

[7]) „Стоглавъ“, 2 изд. Казань, 1887, стр. 32, 84—85.

употребленія еще болѣе участились, когда дьячки, пономари и дѣти священнослужителей испугались рекрутскихъ наборовъ и стали разными способами „похищать себѣ чинъ священства и діаконства неправильно, и не праведно“. Тогда Освященнымъ соборомъ и Сенатомъ были выработаны особыя статьи „О правилахъ на избранія въ приходы священниковъ и діаконовъ“[1]) въ которыхъ, между прочимъ (п. 4 и 6), говорилось о необходимости сообразоваться со средствами прихода и „заручнаго челобитья опасно смотрѣти, не ложное ли, и есть ли рука самаго помѣщика“[2]).

10-й пунктъ, какъ видно изъ его начала: „Сказуютъ, что“... основанъ на фактахъ современный Ѳеофану дѣйствительности.

11 и 12-й пункты вызваны также практическими затрудненіями въ точномъ опредѣленіи различныхъ степеней родства и другихъ условій правильности брака[3]). О необходимости знать степени родства Ѳеофанъ говорилъ уже въ п. 2 „Дѣлъ епископовъ“. Кромѣ того нѣкоторыя мѣры противъ нелегальныхъ браковъ принимались и раньше, см., напр. „Инструкцію поповскимъ старостамъ“ п. Адріана пп. 63, 64, 65, 66[4]).

Г. Третья часть Духовнаго Регламента.

Планъ. Третья часть Духовнаго Регламента носитъ заглавіе, намѣченное еще въ самомъ его началѣ: *Самыхъ управителей должность, дѣйство и сила.* Эта часть, такимъ образомъ, имѣетъ самое существенное значеніе, и если бы Регламентъ съ самаго начала предназначался быть законодательнымъ актомъ, а не „рассужденіемъ“ и матеріаломъ къ нему, то эта часть должна была бы быть впереди, а не въ концѣ его.

Третья часть, согласно своему заглавію, а также поясненію, помѣщенному послѣ второй статьи (о составѣ) должна была бы состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) *должность*, т. е. предметы вѣдомства Духовной Коллегіи („что Духовное Коллегіумъ должно дѣлать“); 2) *дѣйство*, т. е. порядокъ дѣлопроизводства ея („какъ въ принесенныхъ дѣлахъ дѣйствовать и поступать“); 3) *сила*, т. е. степень ея авторитета, какъ церковно государственнаго учрежденія („какую имѣетъ оно силу къ вершенію дѣлъ“).

На самомъ дѣлѣ эта третья часть Духовнаго Регламента содержитъ въ себѣ непредусмотрѣнныя заглавіемъ двѣ крайне важныхъ статьи *о составѣ* Духовной Коллегіи, и вовсе не содержитъ ничего о ея *дѣйствѣ и силѣ*. Нѣсколько словъ объ этомъ появляются только въ первопечатномъ Регламентѣ 16 сентября 1721 г. и не встрѣчаются не только въ черновой

---

[1]) П. С. З. IV, 2352, 25 апрѣля 1711 г. Текстъ ихъ см. ниже въ комментаріяхъ къ „Прибавленію“.

[2]) Изъ позднѣйшихъ указовъ см. П. С. З. VI, 3911, 23 февраля 1122. — П. С. П. II, № 439.

[3]) См. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, Изд. 6, Кіевъ 1909 стр. 416—429. — *А. С. Павловъ*, 50-я глава Кормчей книги, какъ историческій и практическій источникъ русскаго брачнаго права. М. 1887, стр. 107 - 126 и др.

[4]) П. С. З. III, 1612, 26 декабря 1697 г.

и обѣихъ бѣловыхъ рукописяхъ Духовнаго Регламента, но и въ рукописи Библіотеки Московской Синодальной Типографіи № 361, съ которой былъ впервые напечатанъ Регламентъ.

Въ этихъ словахъ *о дѣйствѣ* и *силѣ* Духовной Коллегіи[1]) содержатся, между прочимъ, какъ бы оправданіе, почему объ этомъ пропущено въ третьей части самого Регламента, а также указаніе на дату ихъ приписки къ Регламенту. Именно, здѣсь упоминается „указъ", т. е. манифестъ 25 января 1721 г., какъ уже напечатанный, а весь Регламентъ вышелъ изъ печати 16 сентября 1721 г. Слѣдовательно, слова эти сочинены и приписаны *осенью 1721 г.*, тогда какъ Регламентъ былъ подписанъ въ рукописи, т. е. законченъ, еще въ февралѣ 1720 г. Что же касается упоминаемыхъ здѣсь резолюцій, то онѣ были даны Государемъ въ первомъ засѣданіи Духовной Коллегіи 14 февраля 1721 г.[2]).

Содержаніе. Свое изложеніе третьей части Духовнаго Регламента Ѳеофанъ начинаетъ словами: „Время уже говорить о самыхъ управителехъ, изъ которыхъ составляется Духовное Коллегіумъ". И въ самомъ дѣлѣ, въ *Регламентѣ* Духовной Коллегіи слѣдовало уже давно сказать о ея *составѣ*.

1. Первоначально, какъ видно изъ рукописей, Ѳеофанъ считалъ достаточнымъ 12 „особъ правителствующихъ". Между тѣмъ, какъ видно изъ манифеста 25 января 1721 г. и списка первыхъ членовъ, было назначено именно 11 человѣкъ, какъ было принято и въ другихъ русскихъ коллегіяхъ[3]). При этомъ, по мнѣнію Ѳеофана, въ составъ Духовной Коллегіи должны были входить лица разнаго чина: только *три* архіерея, а затѣмъ архимандриты, игумены и протопопы,

Ограниченіе числа архіереевъ только тремя можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что штатъ Духовной Коллегіи опредѣлялся Ѳеофаномъ въ полномъ соотвѣтствіи со штатомъ другихъ русскихъ государственныхъ коллегій[4]). Однако, въ этомъ штатѣ одни члены должны были играть руково-

---

[1]) „О дѣйствахъ Духовныя Коллегіи собственно здѣ не написано; понеже Царское Величество приказалъ дѣйствовать по генеральному Регламенту".

„Силу же Духовныя Коллегіи Его Царское Величество, Высокодержавною своею властію благоизволилъ дать таковую, яковая является въ именномъ Его Величества Указѣ, въ началѣ сего Регламента напечатанномъ. Такожъ и въ ниже положенныхъ Его Государевыхъ Резолюціяхъ, которыя Его Величество собственною своею Высокомонаршею рукою написать изволилъ, на предложенныя Его Величеству Духовной Коллегіи пункты, гдѣ Его Величество и титлу Святѣйшаго Правительствующаго Синода Духовной Коллегіи опредѣлилъ".

[2]) П. С. З. VI, 3734.—П. С. П. I. 3.

[3]) Каждая коллегія состояла изъ присутствія и канцеляріи. Въ составъ перваго входили президентъ, вице-президентъ, четыре совѣтника и четыре ассессора. *Проф. В. Н. Латкинъ*, Учебникъ исторіи русскаго права періода имперіи (XVIII—XIX ст.) Изд. 2, Спб. 1909, стр. 354. — *Проф. А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права. ч. I изд. 5, Юрьевъ, 1914, стр. 791.

[4]) *А. А. Голубевъ* обращаетъ вниманіе на то, что „по типу своего устройства Синодъ былъ не что иное, какъ коллегія. Составъ его присутствія былъ такой же, какъ

дящую роль: президентъ и два вице-президента, другіе—быть только совѣтниками и ассессорами, т. е. просто засѣдателями. Между тѣмъ дать архіереямъ, въ силу своего сана привыкшимъ быть полновластными владыками, подчиненную и довольно пассивную роль совѣтниковъ и ассессоровъ было, очевидно, невозможно. Оставалось заранѣе предназначить ихъ на три только мѣста: одного президента и двухъ вице-президентовъ. И въ самомъ дѣлѣ при открытіи Духовной Коллегіи въ нее были назначены Стефанъ Яворскій Митрополитъ Рязанскій—президентомъ, а архіепископы Ѳеодосій Яновскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ—вице-президентами. Совѣтниками были назначены архимандриты, а ассессорами—два протопопа, игуменъ и греческій священникъ[1]). Когда же послѣ въ Св. Синодъ стали назначать, по преимуществу, архіереевъ, самое раздѣленіе членовъ на президента, вице-президентовъ, совѣтниковъ и ассессоровъ и эти званія исчезли[2]).

2. Во второй статьѣ Ѳеофанъ требуетъ, чтобы въ составъ Духовной Коллегіи входили архимандриты и протопопы „не подручные“ кому либо изъ трехъ архіереевъ, ибо иначе они будутъ „непрестанно наблюдать“ за мнѣніемъ своего епископа и голосовать съ нимъ заодно, чѣмъ будетъ въ корнѣ нарушенъ принципъ коллегіальности. Подобное требованіе, чтобы члены коллегіи были независимы отъ своего президента, существовало и для свѣтскихъ коллегій[3]).

Послѣ 2-й статьи содержится краткій переходъ къ дальнѣйшему, причемъ, именно, намѣчаются три отдѣла: должность, дѣйство и сила. Фактически нашла себѣ мѣсто въ Регламентѣ только „должность“, которая и изложена Ѳеофаномъ въ 13 статьяхъ.

1. Первая и, пожалуй, единственная (по словамъ Ѳеофана) обязанность Духовной Коллегіи заключается въ *надзорѣ* за исполненіемъ всѣми христіанами, епископами, пресвитерами и проч. церковными служителями, монахами, учителями и учащимися, также и мірянами, „поелику они наставленія духовнаго участницы суть“, предписанныхъ имъ правилъ. „И того ради здѣ исписаны нѣкіе всѣхъ оныхъ чиновъ должности“[4]). Лицъ, не со-

у всѣхъ, въ то время дѣйствовавшихъ, коллегій: президентъ, вице-президенты, совѣтники и ассессоры. Должности эти дѣлились на степени высшія и низшія и сообразно этимъ степенямъ онѣ замѣщались соотвѣтствующими чинами духовной іерархіи. Должность президента была замѣщена—митрополитомъ, вице-президентовъ—архіепископами, совѣтниковъ—архимандритами, и ассессоровъ—протопопами и попами“. „Внутр. бытъ“, кн. 2, стр. 233.

[1]) См. выше гл. V, стр. 182. [2]) См. ниже гл. VIII.

[3]) П. С. З. V, 3128, 11 декабря 1717 г. Президенты коллегій обязаны были выбирать въ члены съ такимъ условіемъ, „1. Чтобъ не были его сродники или собственныя креатуры“.

[4]) Именно эта фраза въ связи съ упоминаніемъ выше пресвитеровъ и пр. и монаховъ, между прочимъ, даетъ основаніе думать, что „Правила причта церковнаго и чина монашескаго“, отнесенныя потомъ въ „Прибавленіе“, были уже написаны, когда Ѳеофанъ дошелъ до 3-й части Регламента. Однако даже въ Черновой рукописи ихъ нѣтъ на своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, въ обработкѣ ихъ встрѣтилось какое-либо затрудненіе, почему они и были изъяты, чтобы не задерживать остального. Ср. выше гл. VI, стр. 196—206.

блюдающихъ своего долга Духовная Коллегія обязана наставлять и наказывать.

Статья эта, очевидно, оригинальная, являющаяся заключительнымъ аккордомъ къ предыдущимъ тактатамъ о „должностяхъ" всякихъ лицъ.

Кромѣ нормы о надзорѣ „прилагаются" далѣе и другія „нѣкія правителства сего должности", а именно:

2. Обязанность оповѣстить всѣхъ христіанъ, что всякій, „усмотрѣвъ нѣчто къ лучшему управленію Церкви полезное", можетъ доносить объ этомъ письменно Духовной Коллегіи такъ же, какъ всякій въ правѣ „доносить Сенату о правилныхъ прибылехъ государственныхъ". И Духовная Коллегія, по разсмотрѣніи, полезный совѣтъ приметъ, а не полезный отвергнетъ.

Статья эта, несомнѣнно, оригинальная, прилагаетъ къ Духовной Коллегіи практику Сената, нашедшую подтвержденіе въ Генеральномъ Регламентѣ 28 февраля 1720 г. (П. С. З. VI, 3534): „Каждому Коллегію, ежели что усмотритъ ко произведенію какой государственной пользы позволяется о томъ доносить Его Величеству, такожъ и Сенату съ подлинными обстоятельствы на письмѣ, съ приложеніемъ своей Коллегіи мнѣнія".

3. Обязанность цензуровать всѣ сочиненія богословскаго содержанія, безъ одобренія же ея ихъ нельзя печатать.

Статья эта впервые установляла въ Россіи духовную цензуру[1]).

4. Обязанность производить разслѣдованія доходящихъ до нея извѣстій о нетлѣнныхъ тѣлахъ, видѣніяхъ, или чудотвореніяхъ.

Какъ видно эта обязанность та же, что и архіеревъ по дополнительнымъ пунктамъ архіерейской присяги[2]).

5. Обязанность судить, если одинъ оговоритъ другого въ расколѣ, или изобрѣтеніи „новаго нѣкоего ученія". Эта обязанность отчасти предусмотрѣна уже въ п. 2—7 о мірянахъ.

6. Обязанность изслѣдывать и разрѣшать недоумѣнные вопросы совѣсти, напр., „что дѣлать, когда кто, похитивъ чуждее имѣніе, хощетъ, но не можетъ онаго возвратить, или за стыдъ или за страхъ, или что онаго лица, у кого укралъ, уже не стало? И что дѣлать тому, которому случилась быть у поганыхъ въ неволѣ, и для свободы своей безбожную оныхъ вѣру принять, а потомъ обращается ко исповѣданію христіанскому?"

Статья эта вполнѣ гармонируетъ съ п. 4 „Дѣлъ епископскихъ"[3]).

---

[1]) *Ал. Котовичъ*, О духовной цензурѣ въ Россіи (1799—1855). Спб. 1899, стр. 1.

[2]) См. т. II, отд. II, № 5, п. 6, а также Черн. рук. Д. Р. л. 7, п. 6 и л. 10 об. п. 8. Объясненія къ нимъ см. выше на стр. 379 и 400.

[3]) См. выше стр. 398.—Ср. п. 3 Инструкціи для визитаціи, выше стр. 421. Подобная казуистика, т. е. умѣніе рѣшать частные случаи (казусы) на основаніи общихъ принциповъ религіи, нравственности, права и проч., возникла на западѣ среди схоластиковъ и особенно іезуитовъ и чужда была Востоку, поэтому и введеніе ея въ Регламентъ объяснимо только западнымъ схоластическимъ образованіемъ Ѳеофана. Вмѣненіе же Духовной Коллегіи въ обязанность рѣшенія подобныхъ казусовъ, вѣроятно, является копіей

7. Обязанность испытывать кандидатовъ на архіерейство, не суевѣрны ли, не ханжи ли, симонисты, гдѣ и какъ жили, и откуда имѣютъ (если имѣютъ) богатство.

Эта обязанность усвояется Духовной Коллегіи точно такъ же, какъ епископамъ—обязанность поставлять хорошихъ священнослужителей[1]).

8. Обязанность въ качествѣ высшей инстанціи судить по апелляціи дѣла, рѣшенныя епископами, а именно о недоумѣнныхъ бракахъ, о разводѣ, объ обидахъ, нанесенныхъ своимъ епископомъ клиру или монастырю, взаимныя обиды между епископами, словомъ „вся тыя дѣла, которые къ суду патріаршему надлежали".

Эта статья повторяетъ п. 11 „о мірянахъ", п. 13 и 14 инструкціи о визитаціи[2]).

9. Обязанность наблюдать за правильнымъ употребленіемъ доходовъ съ церковныхъ имуществъ и наказывать возможныя похищенія, о чемъ говорилось уже въ п. 12 и 13 „Дѣлъ епископовъ"[3]).

10. Обязанность, по жалобѣ потерпѣвшаго, оказывать защиту епископу или „меньшему служителю церковному" въ обидѣ „отъ господина нѣкоего сильнаго", подсуднаго Юстицъ-Коллегіи и Сенату. „И тогда Президентъ и все Коллегіумъ, подая помощь обидимому своему брату, пошлютъ отъ себе мужей честныхъ просить скоро управы, гдѣ надлежитъ".

Эта статья напоминаетъ п. 5 и 10 „о мірянахъ"[4]).

11. Обязанность совмѣстно съ Юстицъ-Коллегіей изслѣдывать и утверждать подлинность духовныхъ завѣщаній.

Обязанность эта издавна принадлежала на Руси, да и на Западѣ, духовной власти[5]).

12. Обязанность принять мѣры къ искорененію нищенства и установленію правильныхъ способовъ призрѣнія бѣдныхъ. Для этой цѣли Духовная Коллегія должна сочинить наставленіе о подаваніи милостыни (при чемъ

съ одного изъ учрежденій папской милости (tribunales gratiae), среди которыхъ Sacra Poenitentiaria Apostolica, въ лицѣ Peonitentiarii Maioris, уполномочена ad declaranda d u b i a in materia peccatorum seu forum poenitentiale concernentia, porro ad gratiarum concessiones, praesertim ad absolutiones a culpis и проч., т. е. между прочимъ, на разрѣшеніе всѣхъ недоумѣнныхъ вопросовъ, возникающихъ въ исповѣдной практикѣ католическаго духовенства (F. X. W e r n z, S. J. Jus decretalium. t. II, pars 2, p. 433 Romae 1906[2]). Sacra Poenitentiaria возникла не позднѣе XIII в. и реорганизована 13 апрѣля 1744 г. папой Бенедиктомъ XIV (1740—1758 гг.) въ конституціяхъ „Pastor bonus" и „In apostolicae" (Wernz, ib. p. 431 sqq.), на основаніи которыхъ дѣйствуетъ и въ настоящее время. Ср. проф. *Н. С. Суворовъ*, Казуистика и пробабилизмъ, Юрид. Вѣстн. 1889, XI.

[1]) Ср. выше „Дѣла епископовъ", п. 8, 9, 10 (стр. 400—401).

[2]) См. выше стр. 428. [3]) См. выше стр. 401.

[4]) См. выше стр. 459 и 460.

[5]) Ср. ниже гл. IX.—Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 6, Кіевъ 1909, стр. 495, 500.—Ср. „Инструкцію поповскимъ старостамъ" п. Адріана 26 декаяря 1697 г. п. 27: „Будетъ кто, отходя сего свѣта, напишетъ духовную: и той духовной безъ указу святѣйшаго патріарха не свидѣтельствовать, и ничего по той духовной отнюдь не чинить, а писать о томъ ко св. патріарху къ Москвѣ въ Разрядъ же" (П. С. З. III, 1612).

Ѳеофанъ высказываетъ свои остроумныя мысли по этому поводу) и „добрый чинъ милостыни опредѣлить; а опредѣливъ просить Царскаго Величества, дабы изволилъ указомъ своимъ монаршимъ утвердить“.

Статья эта очень любопытна своими политико-элономическими разсужденіями. По существу она покоится на многочисленныхъ указахъ Петра и его предшественниковъ противъ нищенства[1]).

13. Обязанность принять мѣры къ уничтоженію въ духовенствѣ симоніи и „безстуднаго нахалства“. Для этой цѣли Духовная Коллегія должна устроить совѣщаніе съ Сенатомъ и установить число дворовъ въ приходѣ и подать съ каждаго двора на содержаніе причта, дабы послѣдній былъ обезпеченъ, „и въ предь бы не домогалися платежу за крещеніе, погребаніе, вѣнчаніе и проч.“. Предлагая, однако, эту полезную мѣру, Ѳеофанъ не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ старыхъ привычекъ и замѣчаетъ: „Обаче сіе опредѣленіе не возбраняетъ доброхотнымъ человѣкомъ подавать священнику, сколь много кто по щедрости своей похощетъ“. Эта оговорка, очевидно, уничтожаетъ весь полезный замыселъ.

Эта статья была вызвана застарѣлымъ недугомъ древней Руси[2]) и получила свое развитіе въ пп. 20—21 правилъ о пресвитерахъ въ „Прибавленіи къ Духовному Регламенту“[3]).

---

[1]) См. проф. прот. *М. И. Горчаковъ,* Монастырскій Приказъ (1649—1725) Спб. 1868, стр. 186—190.—*А. А. Завьяловъ*, Вопросъ о церк. имѣніяхъ при Екатеринѣ II, Спб. 1900, стр. 329—*С. Г. Рункевичъ*, стр. 59—62.—Рецензія на эту книгу проф. прот. *М. И. Горчакова* въ „Отчетѣ о XLIII присужденіи наградъ гр. Уварова“, Спб. 1902, стр. 16—17.—*И. И. Шимко*, Патріаршій Казенный Приказъ, М. 1894 г., стр. 242—243.—*Мое* сочиненіе „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра В.“ Спб. 1909, стр. 229—234. Любопытно отмѣтить, что вопросъ о призрѣніи нищихъ занималъ еще Стоглавый соборъ (см. 2 изд. Казань, стр. 29, 30, 154, 156), а затѣмъ соборъ 1666 г. (см. „Дѣянія моск. соборовъ 1666—1667 гг.“ М. 1893, л. 45), особенно же соборъ 1682 г. по предложенію царя Ѳеодора Алексѣевича (см. *Н. Виноградскаго,* Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ 1899, стр. 145—157 и приложенія стр. 59, а также свящ. *П. Смирнова,* Іоакимъ, патріархъ московскій, въ Чтеніяхъ въ О. И. и Др. Р. за 1881 г. май, 596—603), но все безуспѣшно. Указы противъ нищенства издавались и позднѣе, а именно 30 ноября 1691 г. (П. С. З. III, 1424); 16 ноября 1692 (П. С. З. III, 1454); 14 марта 1694 (П. С. З. III, 1489); 8 іюня 1701 (П. С. З. IV, 1856); 20 іюня 1718 г. (П. С. З. V, 3212, 3213); 6 апрѣля 1722 (П. С. З. VI, 3945) и др. Есть основаніе полагать, что мѣры Петра, если не вызывались, то, по крайней мѣрѣ, поддерживались проектами и сочувствіемъ нѣкоторыхъ русскихъ людей. Такъ, напр., на умножившееся число *нищихъ,* здоровыхъ мужиковъ, женъ, ребятъ и дѣвокъ, облѣнившихся работать, обращалъ вниманіе еще *Левъ Голосовъ,* въ своемъ подметномъ письмѣ 1 іюня 1700 г. Онъ предлагалъ ихъ разобрать и здоровыхъ отдать тѣмъ, кому они принадлежатъ, запрещая имъ заниматься впредь собираніемъ милостыни, а старыхъ и больныхъ, неспособныхъ къ работѣ, устроить по богадѣльнямъ при приходскихъ церквахъ. *С. А. Бѣлокуровъ*, Матеріалы для русской Исторіи. М. 1888. „Подметныя письма“, стр. 496, 512.

[2]) Прот. *Ст. Остроумовъ.* Вопросъ о симоніи въ историческомъ прошломъ и въ современномъ русской жизни. Хр. Чтеніе, 1907, іюнь, стр. 892—911. Цѣнную справку о симоніи въ древней Руси см. на стр. 900—908.

[3]) См. ниже. Здѣсь желюбопытно привести иллюстрацію личныхъ взглядовъ Ѳеофана на вопросъ о симоніи въ широкомъ смыслѣ. Въ одномъ изъ писемъ, вѣроятно къ Иродіону Жу-

Д. Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго.

Отношеніе къ Д. Регламенту. Въ комментаріяхъ нашихъ на вторую часть Духовнаго Регламента (см. выше, стр. 370) было сказано, что „Вторый родъ дѣлъ собственнымъ чиномъ потребныхъ“ по первоначальной мысли Ѳеофана долженъ былъ состоять изъ изложенія пяти трактатовъ, или главъ. Въ томъ числѣ подъ №№ 2 и 3 мъ у Ѳеофана было намѣчено: „2. Пресвитеры, діаконы и прочій клиръ Церковный. 3. Монахи“[1]).

Есть основаніе полагать, что эти оба трактата были дѣйствительно написаны Ѳеофаномъ въ свое время. Въ этомъ убѣждаетъ насъ § 1 „Должности“ Духовной Коллегіи, гдѣ перечислены всѣ пять намѣченныхъ трактатовъ второй части и въ томъ числѣ о пресвитерахъ и о монахахъ, а въ прошедшемъ времени сказано: „И того ради здѣ *исписаны* нѣкія *всѣхъ* оныхъ чиновъ должности“.

Подобно этому и п. 6 правилъ „о презвитерахъ“ требуетъ, чтобы ставленникъ, во время обученія своего богослуженію въ архіерейскомъ домѣ *переписалъ* себѣ „сия здѣ написанная священникам правила, також і вышеписанная правила общихъ дѣлъ и третия вышеписанная правила мирским лицам“. Въ виду непонятности сдѣланныхъ здѣсь ссылокъ на правила „общихъ дѣлъ“ и „мирскихъ лицъ“, въ окончательной редакціи этого пункта было прибавлено „от регламента“. Первоначально же эта прибавка была излишней.

Кромѣ того въ окончательной редакціи было прибавлено: „ежели не можетъ имѣть печатнаго регламента“, который при составленіи правилъ о пресвитерахъ былъ, очевидно, только еще въ рукописи.

Любопытно отмѣтить еще то, что въ I и Iª редакціяхъ „Прибавленія“[2]) нѣтъ наименованія „Св. Синодъ“, а всюду сказано „Духовное Коллегіумъ“. Это можетъ доказывать, что первоначальная редакція была составлена до 14 февраля 1721 г., когда состоялось переименованіе Духовной Коллегіи въ Св. Синодъ[3]).

равскому, Архіепископу Черниговскому, Ѳеофанъ благодаритъ за гостинцы, присланные имъ въ благодарность за какое-то содѣйствіе, но пишетъ: „только же и прилежно прошу, чтобы впредь святыня ваша не изволили себе убыточить и мене обременять тако необычными посылками. Я за долгъ званія моего, какъ и прочимъ всѣмъ, паче же братіи моей архіереямь, такъ и вашему преосвященству всегда готовъ служить, и чести и интересу, не внѣ предѣлъ святыя правды. То если бы я за то требовалъ (сверхъ милостиваго государева жалованія) еще и отъ особенныхъ персонъ возмездія, продажныя были бы мои дѣйствія, которыя производить по званію долженствую, что въ мірскихъ дѣлахъ нарицается мздоимство, вредъ толь губительный государствамъ, а въ дѣлахъ нашихъ духовныхъ именуется симонія, зло тысящекратно отъ Церкви святой проклятое, яко весьма богопротивное и духовному Христову тѣлу неисцѣльную язву творящее“. Письмо это относится къ 1725—1730 гг. Труды К. Д. А. Февраль 1865 г. стр. 301, письмо 7-е.

[1]) См. т. II, Черн. рук. Д. Р. л. 5 об. Ср. выше стр. 370 примѣчаніе.

[2]) См. во II т. ихъ описанія. [3]) П. С. П. I. № 3.

Косвеннымъ доказательствомъ служатъ и почерки, коими писанъ Черновой текстъ Регламента. Возможно предположить, что правила о пресвитерахъ и монахахъ, которыя должны были слѣдовать тамъ послѣ 17-го листа, были послѣ изъяты.

Наконецъ, въ Черновой рукописи Регламента сохранился начальный отрывокъ правилъ о пресвитерахъ писанный на оборотѣ заглавнаго листа, который былъ присоединенъ къ Регламенту 27 февраля 1720 г.[1]).

Такимъ образомъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ своей первоначальной редакціи „Прибавленіе" было составлено одновременно съ Духовнымъ Регламентомъ.

Однако по нѣкоторымъ обстоятельствамъ трактаты о пресвитерахъ и о монахахъ не вошли въ свое мѣсто, даже въ Черновую рукопись Регламента, и ихъ пришлось издать отдѣльно въ видѣ „Прибавленія о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго"[2]).

Какъ подтверждаютъ первыя печатныя изданія Регламента, это „Прибавленіе" было издано, хотя и съ особой пагинацiей, но уже въ первомъ изданіи 16 сентября 1721 г. Однако издать трактаты о пресвитерахъ и о монахахъ безъ всякихъ оговорокъ было уже невозможно, и потому уже въ изданіи 16 сентября 1721 г., слѣдовательно въ еще неисправленной Петромъ редакціи, Прибавленіе появляется уже съ тѣмъ самымъ предисловіемъ, которое сопутствуетъ ему въ III-й рукописной редакціи и въ авторизованномъ Петромъ изданіи 23 февраля 1722 г.

Это предисловіе, въ оправданіе опубликованія „Прибавленія" ссылается 1) на недостаточность правилъ священническаго и монашескаго чина въ самомъ Духовномъ Регламентѣ, и 2) на выраженную въ манифестѣ 25 января 1721 г. обязанность Св. Синода дополнять Регламентъ свой. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ предисловіи подчеркивается, что издаваемыя новыя правила утверждены „соизволеніемъ Его И. Величества и согласіемъ Св. Пр. Синода, и подписаніемъ рукъ всѣхъ членовъ Синодскихъ".

По этому поводу любопытно отмѣтить, что въ этомъ предисловіи, поскольку оно сопровождаетъ еще не провѣренный и затѣмъ опротестованный Петромъ текстъ Прибавленія, слова о царскомъ соизволеніи имѣютъ не прямой смыслъ. Очевидно понимать ихъ надо такъ, что Ѳеофанъ, какъ авторъ и Регламента и Прибавленія, близкій и единомысленный Петру человѣкъ, полагалъ, что если Петръ одобрилъ самый Регламентъ, то онъ, несомнѣнно, тѣмъ же самымъ, хотя бы молчаливо, одобрилъ и „Прибавленіе" къ нему тѣмъ болѣе, что послѣднее, по всей вѣроятности, Петръ видѣлъ уже въ наброскахъ Ѳеофана въ періодъ составленія имъ Регламента.

О пресвитерахъ, діаконахъ и прочихъ причетникахъ. Правила „о пресвитерахъ" имѣютъ небольшое предисловіе. Въ немъ Ѳеофанъ ссылается на

---

[1]) См. т. II описаніе Черн. рук и Прибавленія. п. V.

[2]) Соображенія объ этомъ см. выше, гл. VI, стр. 196—206.

то, что священники и діаконы получили должное наставленіе еще отъ ап. Павла, но не сохранивъ его вынудили св. Отцевъ издать „многая ко исправленію онаго (причта) правила на разныхъ соборахъ“, который и находятся въ книгахъ Соборовъ (т. е. Кормчихъ, Номоканонахъ и проч.), такъ, что вновь повторять ихъ не нужно.

Но въ русскомъ причтѣ имѣются и „собственныя немощи“, поэтому то и „сочинять подобаетъ образомъ древнихъ отецъ“ новыя правила, чтобы и епископы и причтъ и сама Духовная Коллегія знали „прямой путь званія своего“. Послѣднія слова соотвѣтствуютъ п. 11-му инструкціи епископу при посѣщеніи имъ епархіи[1]).

Въ 1-мъ пункѣ Ѳеофанъ удостовѣряетъ, что многіе принимаютъ священство не по склонности, а „для большей свободы и препитанія“. Это наблюденіе, вѣроятно, сдѣлано Ѳеофаномъ лично, но не онъ первый обратилъ на него вниманіе. 25 Апрѣля 1711 г. были составлены „*Статьи, состоявшіяся по приговору Освященнаго Собора и Правительствующаго Сената о правилахъ на избранія въ приходъ священниковъ и діаконовъ*“[2]). Мотивомъ ихъ изданія, какъ видно изъ предисловія къ нимъ,

[1]) Черн. рук. л. 17 п. 11.

[2]) Въ виду того, что эти „Статьи“ могутъ считаться однимъ изъ источниковъ Духовнаго Регламента и Прибавленія, необходимо передать ихъ здѣсь полностью изъ П. С. З. IV, 2352. 25 апрѣля 1711 г. „Статьи, состоявшіяся по приговору Освященнаго Собора и Прав. Сената *О правилахъ на избранія въ приходы Священниковъ и Діаконовъ*.

„Освященному Собору и Пр. Сенату вѣдомо учинилось, отнеле же начася по указу Великаго Государя, брать на службу Его Государеву людей молодыхъ къ воинскому дѣлу годныхъ; и о томъ услышавще дьячки. пономари и сынове поповскіе и діаконовскіе, различными коварными образами и лжесоставными челобитными, похищаютъ себѣ чинъ священства и діаконства неправильно, и не праведно, овогда лѣтъ подобающихъ такому чину неимуще, овогда въ прибыль въ другіе попы, либо въ діаконы посвящающеся, которымъ умноженіемъ веліе бываетъ несогласіе, вражда и соблазнъ между священнымъ чиномъ, а Государевѣ службѣ въ настоящихъ нуждахъ умаленіе, и сіе Освященный Соборъ, совѣтовавъ съ Правительствующимъ Сенатомъ приговорили: къ Преосвященнымъ Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ сіи послѣдующія статьи съ великимъ подкрѣпленіемъ грамотами послати.

1. По правиламъ святыхъ: аще кто 25 лѣтъ не имѣетъ, діаконъ да не будетъ, и священникъ не бываетъ, аще 30 лѣтъ не имать.

2. Въ попы и въ діаконы не посвящать вновь и въ прибыль, но идѣже единъ попъ былъ, тамъ и нынѣ единъ да будетъ, тожде разумѣя и о діаконѣ.

3. Дьячки, которые хотятъ святитися на мѣсто попа больнаго, либо престарѣлаго, такимъ не вѣрить, но попа больного, и престарѣлаго велѣть поставить предъ собою и, буде совершенно явится престарѣлой либо больной, взять у такого сказку съ подкрѣпленіемъ, что ему впредь не служить и потребъ церковныхъ не исправлять; а буде противно учинитъ въ своей сказкѣ, великое воспріиметъ наказаніе, и попъ новопосвященный изверженъ будетъ.

4. Съ писцовыми и съ переписными книгами опасно справляться, и гдѣ явится скудный приходъ, тамъ діакона не посвящать, хотя прежде и бывалъ, и попа другого не ставить, хотя прежде бывало по два попа.

5. Попамъ и діаконамъ перехожихъ къ иной церкви и въ иную Епархію и на крестецъ отнюдь не давать, кромѣ самыя великія нужды, напримѣръ, егда два попа

было именно то, что множество молодыхъ людей принимаетъ священство исключительно съ цѣлью уклоненія отъ военной службы, достигая своего путемъ цѣлаго ряда злоупотребленій (ср. замѣчаніе Петра В. на п. 21 первоначальной редакціи „Прибавленія"). Между прочимъ, Ѳеофанъ обратилъ вниманіе на то, что такіе ставленники „никаковаго званію своему должнаго искусства не имѣютъ". Поэтому онъ требуетъ отъ нихъ полученія образованія въ архіерейской школѣ[1]), а пока онѣ еще не организованы,—то знанія наизусть книжицъ о вѣрѣ и законѣ христіанскомъ и о должностяхъ всѣхъ чиновъ[2]). То и другое онъ проектируетъ въ Регламентѣ. Любопытно однако отмѣтить, что „книжицы", по этимъ словамъ Ѳеофана, какъ будто были уже готовы. Между тѣмъ этого не было на самомъ дѣлѣ[3]).

2. Ставленникъ обязанъ имѣть отъ своихъ будущихъ прихожанъ свидѣтельство о поведеніи. Требованіе это старое и было предусмотрѣно въ ст. 6 правилъ 1711 г.[4]). Самимъ Ѳеофаномъ оно повторено въ Духовномъ Регламентѣ („Мірскія особы" п. 8)[5]). Нравственныя требованія, предъявляемыя въ этомъ 2-мъ пунктѣ, основаны на I посланіи ап. Павла къ Тимоѳею III, 1—13 и Титу I, 5—11, а затѣмъ— на церковныхъ канонахъ.

3. При прошеніи о поставленіи на мѣсто должны быть точно указаны средства содержанія ставленика — руга[6]) или земля — въ особомъ доку-

---

будутъ у единой церкви, а приходъ оскудѣетъ, а другой попъ бьетъ челомъ Архіереови, что въ его жъ Епархіи пріискалъ себѣ упалое мѣсто и проситъ о перехожей грамотѣ, таковому мочно дать перехожую, а на его мѣсто никого не пущать въ попы другіе, для оскуденія прихода.

6. Заручнаго челобитья опасно смотрѣти, не ложное ли и есть ли рука самаго помѣщика, есть ли отписка отъ старосты поповскаго и буде не обрящется, такимъ отказывать.

7. Всякому Архіерею въ своей Епархіи порозсылать указы къ старостамъ поповскимъ, чтобъ отписокъ не давали прежде, неже сами приходъ той увѣдаютъ, и крестьянъ допросятъ, угоденъ ли имъ есть той дьячокъ и какого житія, и на чье мѣсто бьетъ челомъ.

8. Въ слушанью ставленниковъ быть опасну и жестоку, и аще явится неумѣніе и косночтеніе дьячковъ, такимъ весьма отказывать.

9. А буде кто отъ Архіереевъ сему указу противнымъ явится, на такого Его Государевъ гнѣвъ и удаленіе отъ престола произыдетъ".

[1]) Черн. рук. л. 10 об.—11, п. 9, 10. Исторію заботъ въ древней Руси о подготовкѣ ставленниковъ см. выше стр. 403—406.

[2]) Черн. рук. л. 8-9. [3]) См. выше стр. 386—396.

[4]) См. примѣч. на этой. страницѣ.

[5]) См. выше стр. 459.— Черн. рук. л. 33 об. п. 8.

[6]) Руга—первоначально отсыпной хлѣбъ, выдававшійся духовенству вмѣсто жалованья. Русскіе князья часто посылали „милостыню" хлѣбомъ, солью, деньгами, воскомъ и проч. изъ своей казны въ монастыри, а послѣдніе, испросивъ грамоту великокняжескую, обращали эту милостыню въ постоянную ругу. Кромѣ монастырей, ругою изъ княжеской и государственной казны пользовались и нѣкоторыя городскія церкви. Были приходы, какъ сельскіе, такъ и городскіе, въ которыхъ сами прихожане назначали церковнымъ причтамъ ежегодную ругу хлѣбомъ или деньгами, о чемъ и заключали съ причтами

ментѣ (по типу договора) за подписью ставленника и прихожанъ. Объ этомъ Өеофанъ повторилъ въ Духовномъ Регламентѣ „Мірскія особы“ п. 8., гдѣ п. п. 2 и 3 „Прибавленія“ соединены въ одно. О средствахъ содержанія предписываетъ справляться и ст. 4-я правилъ 1711 г.

4. Кандидата въ ставленники слѣдуетъ посвящать не сразу, а только тогда, когда изучитъ „помянутыя книжицы“ (Д. Р. „Дѣла общая“). Объ этомъ Өеофанъ сказалъ уже выше, п. 1. Между тѣмъ необходимо ставленника испытать не ханжа ли онъ, не лицемѣритъ ли, не говоритъ ли о своихъ снахъ и видѣніяхъ. Отъ такого ставленника можно ожидать только вреда. Это требованіе Өеофана согласуется съ п. 7 „Должности“ Духовной Коллегіи[1]), со введеніемъ къ изложенію „Дѣлъ общихъ“ и съ общимъ стремленіемъ Петра и Өеофана къ уничтоженію суевѣрій и ханжества[2]).

5. Предъ поставленіемъ во священники ставленникъ обязанъ публично проклясть раскольническія согласія и присягнуть въ томъ, что не будетъ укрывать въ своемъ приходѣ тайныхъ раскольниковъ, но сообщитъ о нихъ епископу.

Эта статья соотвѣтствуетъ п. п. 2—6 „О мірянахъ“[3]) и слѣдовательно основывается на тѣхъ же источникахъ[4]).

Къ первоначальному тексту статьи 5-ой Петръ прибавилъ отъ себя требованіе присяги въ вѣрности Государю и доноса о злыхъ умыслахъ, сообщенныхъ на исповѣди[5]). Это требованіе пространно изложено въ ст. 11—12 III-ей редакціи[6]).

6. По поставленіи на священство, во время обученія церковной службѣ въ архіерейскомъ домѣ, ставленникъ обязуется либо купить печатный Регламентъ, либо, если не можетъ этого сдѣлать, списать себѣ 1) эти правила „о пресвитерахъ“, 2) изъ Духовнаго Регламента ч. II, „Дѣла общія“ и ч. III „Мірскія особы“. Кромѣ того онъ долженъ расписаться въ архіерейскомъ домѣ въ томъ, что онъ захватилъ переписанное съ собою и подъ угрозою штрафа будетъ соблюдать. Во время же посѣщенія архіереемъ епархіи долженъ предъявлять ему списанное, т. сказ. для провѣрки, что онъ дѣйствительно имѣетъ[7]).

Эта статья, подсказанная Өеофану по всей вѣроятности практическимъ складомъ его ума, находитъ себѣ любопытную параллель въ заклю-

---

„порядныя записи“. Церковь, получавшая ругу, называлась „ружной“ Энц. словарь Брокгауза и Эфрона, 1-е изд. т. XXVII, стр. 208, слово „Руга“. — См. также *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія Русской Церкви, т. I, 1-я пол., 2 изд. М. 1901 г., стр. 532 и слѣд.

1) Черн. рук. л. 36, п. 7.

2) Черн. рук. л. 5 об. — 7 об.; л. 10 об., п. 8; л. 17, п. 9.

3) Черн. рук. л. 32 об., 33 об.

4) См. выше, стр. 459, а также т. II, отд. II, № 6.

5) См. наше изданіе Прибавленія и прим. 9 къ нему.

6) Тамъ же л. 83 об. — 84 и прим. 22.

7) Ср. п. 11 инструкціи епископу при посѣщеніи епархіи, Черн. рук. л. 17 и выше стр. 422.

ченіи соборныхъ дѣяній собора 1666 г., гдѣ было сказано; „А с сего писания велѣти бы вамъ (поповскимъ старостамъ и десятильникамъ) всякия церкви священникомъ списки списати, и в церкви держати и почасту велѣти прочитати. что бы имъ соборное наше повелѣніе было вѣдомо. А как спишет, і в томъ имати тебѣ у нихъ росписи за их руками. А собравъ тѣ всѣ росписки, отдать на патриарше дворѣ за своею рукою"[1]). См. также „Инструкцію поповскимъ старостамъ" п. Адріана[2]) 26 декабря 1697 г., гдѣ онъ велитъ свои „указныя статьи (священникамъ) вслухъ прочести, чтобы имъ попамъ и діаконамъ и церковнымъ причетникамъ указныя наши Св. Патріарха статьи были всѣмъ вѣдомы" (стр. 413). Кромѣ того въ ст. 71 предписывалось эти статьи „держать на Десятильничѣ дворѣ и новому поповскому старостѣ отдавать съ росписќою; а тебѣ для вѣдома и старостѣ поповскому съ сихъ указныхъ статей списать списки, а подлинныя сія указныя статьи держать съ иными дѣлами, чтобъ были всѣ въ цѣлости" (стр. 423).

7. Священнику особенно необходимо знать, какъ дѣйствовать на своихъ прихожанъ. Однако такого умѣнья нельзя ожидать отъ „малоученнаго священства", поэтому, пока въ Россіи не возникнетъ „совершенное ученіе", Ѳеофанъ выражаетъ пожеланіе, чтобы были составлены „главизны", приспособленныя къ нуждамъ пастырской практики, и ихъ священникъ зналъ бы наизусть или прочитывалъ больному, умирающему, ведомому на казнь и проч.

Мысль о такихъ „главизнахъ" не составляетъ полной новости. Къ ней приводила пастырская практика не только св. отцевъ, какъ, наприм., св. Амвросія Медіоланскаго[3]), св. Іоанна Златоуста[4]), бл. Іеронима[5]), св. Григорія Двоеслова[6]), но и русскую церковную власть, которая, не имѣя силъ создать новое руководство для пастырей, внушала имъ читать уже готовыя книги. Такъ, напр., патріархъ Іоасафъ II издалъ особое увѣщаніе къ духовенству о выпискѣ книги св. Іоанна Златоустаго „о священствѣ" и „Жезла Правленія" Симеона Полоцкаго[7]). Впослѣдствіи же, по порученію Св. Синода, могилевскимъ архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ († 1795) и смоленскимъ епископомъ Парѳеніемъ Сопковскимъ († 1795) была составлена и въ первый разъ издана въ С.-Петербургѣ въ 1776 г. „Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ" въ духѣ предположеній Ѳеофана Прокоповича.

---

[1]) „Дѣянія московскихъ соборовъ 1666 - 1667 гг." Москва, 1893, л. 48—48 об.

[2]) П. С. З. III, 1612.

[3]) Ему принадлежитъ сочиненіе „De officiis ministrorum libri III". Migne, Patrologia. S. l. t. XVI, c. 187

[4]) См. его „Περὶ Ἱερωσύνης λόγοι ς'". Migne, S. g. t. XLVIII.

[5]) См. его „De vita clericorum et sacerdotum". Migne, S. l. t. XXVI, 52.

[6]) См. его „Regulae pastoralis quatuor partes". Migne, S. l. t. LXXVII, 9—149.

[7]) Текстъ этого увѣщанія съ предисловіемъ къ нему изданъ свящ. *П. Ѳ. Николаевскимъ* въ Христ. Чтеніи за 1881 г. мартъ—апрѣль, стр. 469—476.

8. Духовникъ не долженъ быть „тяжестенъ“, т. е. гордъ и суровъ по отношенію къ кающемуся, настойчиво просить или домагаться у него чего либо, напр., оправданія на судѣ или освобожденія кого-либо отъ наказанія. Виновныхъ въ этомъ священниковъ слѣдуетъ лишать духовничества.

9. Еще большее злодѣйство, если священникъ въ ссорѣ откроетъ грѣхи своего духовнаго сына. За это онъ подлежитъ лишенію сана и тѣлесному наказанію по усмотрѣнію свѣтскаго суда.

10. Духовникъ не долженъ ссориться со своими духовными дѣтьми, ибо если онъ имъ что-либо укорительное скажетъ, то присутствующіе подумаютъ, что онъ знаетъ это изъ исповѣди и произойдетъ клевета и обманъ. За это духовники повинны тяжкому наказанію.

Эти три послѣднія статьи имѣютъ въ виду устранить недостатки и злоупотребленія исповѣдной практики, несомнѣнно, встрѣчавшіяся въ дѣйствительности[1]), и идутъ въ параллель съ п. 16-мъ „Дѣлъ епископовъ“[2]), въ свою очередь основаннымъ на дополнительныхъ пунктахъ къ архіерейской присягѣ[3]).

11 пунктъ содержалъ первоначально то, что въ III редакціи отнесено въ 13-й. Это произошло потому, что Петръ сдѣлалъ большое примѣчаніе и вызвалъ тѣмъ новую обработку пп. 11, 12, 13 и 14. Въ п. 11 имѣются и прямыя ссылки на указы 28 апрѣля и 17 мая 1722 г.[4]), въ силу которыхъ духовники обязывались доносить на тѣхъ исповѣдниковъ, которые не раскаиваются въ своемъ зломъ умыслѣ, особенно на государя или государство, а въ согласіи или молчаніи духовника своего ищутъ опоры и подкрѣпленія въ своей преступной дѣятельности. „И сімъ объявленіемъ не порокуется исповѣдь,—говорилось далѣе,—понеже объявленіе беззаконія намѣреннаго, котораго исповѣдающійся отстать не хощетъ и въ грѣхъ себѣ не вмѣняетъ, не есть исповѣд, ниже часть исповѣди, но коварное къ прелщенію совѣсти своей ухищреніе“[5]).

12. Духовники обязаны доносить не только о зломъ умыслѣ, но и о произвеценномъ уже въ народѣ соблазнѣ, напр., о разглашеніи ложнаго чуда. Это требованіе является развитіемъ п. 11-го и находитъ себѣ соотвѣтствіе въ 6-мъ дополнительномъ пунктѣ къ архіерейской присягѣ 1716 г., а также въ Духовномъ Регламентѣ ч. II, „Дѣла общая“.—„Дѣла епископовъ“, п. 8.—ч. III, „Должность“ п. 4.

---

1) Ср. *С. И. Смирновъ*, Древне-русскій духовникъ. Изд. 2. Чтенія въ М. О. И. и Др. Р. 1914, кн. II, стр. 182–187.—*Его-же*, Матеріалы для исторіи древне-русской покаянной дисциплины. Чтенія 1912, кн. III.

2) Черн. рук, л. 12 об.

3) См. выше стр. 411 и т. II, отд. II, № 5, лит. А. п. 1—2; лит. Б. п. 1—2.

4) П. С. З. VI, 3984, 4012.

5) См. Прибавленіе и къ нему прим. 22.—Чрезвычайно сильное доказательство неканоничности этого правила см. у *А. С. Павлова*, Номоканонъ при Большомъ требникѣ. М. 1897, стр. 254—268.—Ср. еще „Правила Прав. Церкви съ толкованіями Никодима, еп. Долматинско-Истрійскаго“, рус. пер. Спб. 1912, т. II, стр. 274—275 и 587—588.

13. Если духовнику будетъ сообщенъ „грѣхъ неудобь разсуждаемый, то есть какъ тяжкій, и коего исправленія и епитиміи требуетъ", то онъ обязанъ сообщить о немъ архіерею, не называя лица, и просить его разсужденія"[1]).

Это правило является частнымъ случаемъ примѣненія мыслей Ѳеофана о казуистикѣ, нашедшихъ свое мѣсто уже въ Д. Р. ч. II „Дѣла епископовъ" п. 4 и ч. III, „Должность" п. 6[2]) примѣнительно къ обязанностямъ епископовъ и самой Духовной Коллегіи.

14-й пунктъ окончательной III редакціи составился изъ замѣчанія самого Петра къ 11-му пункту первоначальной редакціи[3]) и особаго „разсужденія" на основаніи твореній св. отцевъ, составленнаго Ѳеофаномъ. Въ томъ и другомъ проводится взглядъ на епитимію, какъ на духовное *врачевство* для кающагося, примѣняя которое духовники не должны держаться за слѣпую букву номоканона при требникѣ, а должны сообразоваться съ психологіей своихъ духовныхъ чадъ[4]). Этотъ взглядъ не былъ новымъ для древней Руси[5]). Но нѣкоторые невѣжественные духовники[6]) не умѣли отступить отъ буквы устава и назначали епитиміи чисто формально[7]).

15[8]). Священникъ, позванный къ больному, долженъ исповѣдывать его наединѣ, а причащать при домашнихъ его, дабы не было утайки раскольниковъ. За это преступленіе священникъ подлежитъ лишенію сана и свѣтскому суду „въ тѣлесное наказаніе", а имѣніе скрывающагося раскольника —конфискаціи на государя.

Этотъ пунктъ является дополненіемъ и развитіемъ п. 2—6 о мірянахъ, а слѣдовательно въ основѣ своей имѣетъ тѣ же источники.

16. Доносчику на совершающихъ такое преступленіе священника и раскольника въ награду слѣдуетъ выдать $^1/_2$ или $^1/_3$ конфискованнаго имѣнія раскольника.

Эта статья примыкаетъ къ предыдущей и отражаетъ на себѣ систему доносовъ и наградъ вообще весьма принятую при Петрѣ[9]).

---

[1]) Иллюстрацію къ этому пункту см. въ т. II, отд. III, № 13.—Ср. *А. С. Павлова*, Номоканонъ при Большомъ требникѣ. 2 изд. М. 1897, стр. 266.

[2]) Черн. рук. л. 9 об. п. 4 и л. 36, п. 6. [3]) Прибавленіе, прим. 22.

[4]) Ср. наставленіе самого Ѳеофана Прокоповича священнику о необычномъ грѣхопаденіи его духовнаго сына, п. 6-й (напечатанъ во II томѣ нашей работы, стр. 370).

[5]) *Проф. С. Смирновъ*, Древне-русскій духовникъ, М. 1914 г. стр. 168.

[6]) Ibidem, стр. 182.

[7]) Ibidem, стр. 186—187.—*А. С. Павловъ*, Номоканонъ при Большомъ требникѣ. Изд. 2. М. 1897, стр. 65.

[8]) Въ III редакціи это второй 14-й пунктъ, въ печати ставшій 15-мъ. Соотвѣтственно съ этимъ и слѣдующіе пункты передвинулись, а именно п. 15 III-й редакціи сталъ въ печати 16-мъ; 16—17-мъ; 17—18-мъ; 18—19-мъ. Пункта 19-го въ III р. совсѣмъ не значилось, ибо п. 18-й былъ составленъ изъ двухъ, а п. 20-й и слѣд. поставлены правильно въ III-й ред., какъ и въ печати.

[9]) Ср. П. С. З. V, 2756, 23 декабря 1713 г.; V, 2877, 25 января 1715 г.; V, 3143 19 января 1718 г., а также институтъ фискаловъ и т. под.

17. Тому же наказанію подлежитъ священникъ, который по подкупу раскольниковъ, фактически не совершаетъ крещенія, приносимыхъ для этого младенцевъ.

Эта статья является развитіемъ предыдущихъ, стремящихся воспрепятствовать раскольникамъ обманывать правительство, якобы принимая православныя таинства.

18. Нѣкоторые міряне изъ суевѣрія или гордости зовутъ къ себѣ на домъ священниковъ служить вечерни, заутрени и проч. Требуя искоренения этого, Ѳеофанъ 1) ссылается на посланіе ап. Павла къ Евреямъ гл. X, 19—23, передавая это мѣсто своими словами; и 2) приводитъ то основаніе, что священникъ есть „начальникъ и служитель" общей молитвы въ храмѣ, особенно же совершитель таинства Евхаристіи и другихъ, которыя не могутъ быть совершаемы безъ священника. Поэтому нѣтъ причины звать священника въ домъ для молитвы, которая можетъ быть совершена и безъ него. Кромѣ того создается совершенно нежелательное различіе между богатыми и бѣдными, которые не могутъ звать къ себѣ священниковъ.

Въ связи съ этимъ, продолжаетъ Ѳеофанъ, стоитъ и другое злоупотребленіе, а именно: по дворамъ нѣкоторыхъ лицъ живутъ бѣглые священники, порочные и запрещенные въ священнослуженіи своими архіереями; иныхъ же содержатъ „не безъ подозрѣнія вдовы", подъ предлогомъ религіозныхъ нуждъ, какъ выяснилось неоднократно въ духовныхъ дѣлахъ. Отъ этихъ, скрыто живущихъ по дворамъ, происходятъ многія беззаконія, неправильные браки и проч. „Того ради, заканчиваетъ Ѳеофанъ, сей безчинный обычай весма оставить, а на преслушниковъ налагат штраѳы".

Въ прямой связи съ этой статьей стоитъ п. 9 трактата „о мірянахъ", къ которому и даны были соотвѣтствующія поясненія[1]). Здѣсь Ѳеофанъ изложилъ свои мысли и требованія обращаясь къ духовенству, какъ тамъ — къ мірянамъ[2]).

19. а) Духовенство не должно совершать богослуженія у мѣстъ, прославленныхъ чудотворными, но не освидѣтельствованныхъ „соборнѣ", т. е., какъ надо понимать, согласно п. 4-му ея „Должности"[3])—Духовной Коллегіей, но доносить о нихъ архіереямъ своимъ, а народу запрещать религіозныя моленія „подъ жестокимъ наказаніемъ".

Это правило соотвѣтствуетъ сказанному Ѳеофаномъ въ п. 6—8 „Дѣлъ общихъ" и п. 8 „Дѣлъ епископовъ"[4]), распространяя ихъ содержаніе на „*мѣста*, прославленныя чудотворными", примѣнительно къ тому, что ближе касается приходскаго духовенства, особенно сельскаго. Послѣднія слова этого пункта принадлежатъ самому Петру[5]).

б) Священникъ не долженъ позволять севершать литургію посторон-

---

[1]) Черн. рук. л. 34, п. 9 и выше стр. 460.

[2]) Здѣсь Ѳеофанъ высказался болѣе пространно и опредѣленно, что лишній разъ доказываетъ, что „Прибавленіе" было написано имъ раньше трактатовъ „о школахъ", „о мірянахъ" и III-й части Д. Регламента.

[3]) Черн. рук. л. 35 об. п. 4. [4]) Черн. рук. л. 7 и 10 об.

[5]) Прибавленіе, прим. 38.

нему священнику, іеромонаху или іеродіакону, не имѣющимъ свидѣтельства отъ своего архіерея въ томъ, что они правильно имѣютъ санъ и за дѣломъ посланы или съ благословеніемъ отпущены.

Это правило, вполнѣ соотвѣтствующее требованіямъ церковныхъ канонов (Ап. 12, 13, 33; IV Всел. 11, 13 и др. см. „Правила прав. Церкви съ толкованіями Никодима еп. Далматинско-Истрійскаго Спб. 1911—1912) не является новостью въ исторіи русскаго церковнаго права, такъ какъ, при наличности множества безприходныхъ (вдовыхъ, недовольныхъ своимъ мѣстомъ и находящихся подъ запрещеніемъ) священниковъ, случаи служенія въ чужомъ храмѣ встрѣчались нерѣдко. Поэтому уже Стоглавый соборъ въ гл. 51 постановилъ: „Да тѣмъ же духовнымъ пастыремъ и соборнымъ старцомъ по всѣмъ честнымъ монастыремъ по общимъ и по особь сущимъ соборне бречи о церковномъ чину о приходящихъ священницехъ и дияконехъ хотящихъ въ тѣхъ монастырехъ во святыхъ церквахъ священствовати и вся священническая дѣйствовати. и тѣмъ духовнымъ пастыремъ у приходящихъ священниковъ и у дияконовъ ставленыхъ и отпускныхъ грамотъ дозирати. и у которыхъ священниковъ и у дияконовъ ставленые и отпускные грамоты будутъ. и онѣ тѣмъ повелѣваютъ во св. церквахъ служити и вся священническая дѣйствовати. а у которыхъ... не будутъ. и тѣмъ... служити не велѣти“ подъ угрозой отлученія какъ самихъ служащихъ незаконно священниковъ и дьяконовъ, такъ и допустившаго ихъ настоятеля[1]). Позднѣйшие соборы 1666—1667 и 1682 гг. запрещали то же[2]).

в) Священникъ долженъ всѣмъ безъ исключенія, кто бы какого сана ни былъ, запрещать разговоры въ храмѣ за богослуженіемъ, особенно во время литургіи. Правило это въ видѣ замѣчанія къ п. 17 первоначальной редакціи „Прибавленія“ внесено собственноручно Петромъ Великимъ, которымъ въ указѣ 8 декабря 1718 г.[3]) уже были запрещены разговоры за богослуженіемъ подъ опасеніемъ штрафа по 1 р. съ человѣка, чтобы „стояли съ безмолвіемъ и слушали со всякимъ благоговѣніемъ“. Въ послѣдующее время эти указы повторялись[4]).

Нужно, однако, сказать, что еще соборы 1666—1667 гг. внушали, чтобы „стояли въ церквахъ тихо и немятежно и пѣнію бы и чтенію внимали“, „а наипаче же во святую літургію стояли съ молчаніемъ, а не бесѣдовали о суетномъ попеченіи“[5]). Наставленія эти были очень кстати, ибо,—по словамъ справщика Печатнаго двора Шестака Мартемьянова, писавшаго въ 7160 (1652) году,—„древле убо... и домы церкви быша, нынѣ же и церковь домъ, паче же и дома всякого горшыя: въ дому убо благочиніе много увидитъ кто, ибо госпожа дому на престолѣ сѣдитъ с благообразіемъ вся-

[1]) „Стоглавъ“ 2 изд. Казань 1887 г. стр. 116—117.

[2]) „Дѣянія моск. соборовъ 1666—1667 гг.“ М. 1893, л. 45 об., 46 об.—*Н. Виноградскій*, Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Спб. 1899, стр. 52 приложеній.

[3]) П. С. З. V, 3250.

[4]) П. С. П. II, 596, п. 9; III, 964. 1722 и 1723 гг.—*А. П. Доброклонскій*, Руководство в. IV, М. 1893, стр. 402.

[5]) „Дѣянія“, М. 1893, л. 41 об. и 17 об.

цѣмъ и рабыни съ тишиною ткутъ и отъ рабовъ кождо въ руку завѣщанное имать. Здѣ же многій плищъ и много сліяніе и корчмы ничтоже разньствуют, яже у насъ: толикъ смѣхъ, толикъ мятежъ, якоже в банях, якоже на торжищахъ, вопіющимъ молвящимъ всѣмъ и сія здѣ токмо... Церковь бо не бесѣды, но ученія есть мѣсто. Нынѣ же торжища ничтоже разньствуетъ; аще же да дерзостно рещи, негли ниже сѣни: тако от иже тамо блудныхъ жен безстуднѣе яже здѣ собирающіяся украшаются; тѣмже и здѣ многи привлачати от невоздержникъ; и аще раждизается нѣкто или хощетъ жену растлити, никоеже мню церкве угоднѣйшее мѣсто ему быти видится. Аще и купити нѣчто и продати потребуетъ, паче торжища потребная церковь является: здѣ бо и о сихъ множайшая бываютъ словеса, нежели в самыхъ клѣткахъ. Любо зло рещи и слышати хощутъ нѣціи и сіе узриши здѣ паче, нежели на торжищи внѣключающееся; любо о гражданскихъ нѣчто восхощеши услышати вещехъ, любо о иже сущихъ в домѣхъ, любо о сущих в воинствѣ, не иди в преторъ, ниже сѣди в цѣлебницѣ: суть бо здѣ суть, иже всѣхъ опаснѣе сія вся возвѣщающіи и вся суть здѣ паче, нежели церковь"[1]).

20. Священникъ, какъ пастырь, подъ страхомъ лишенія сана и мірского наказанія, долженъ наблюдать, не входятъ ли въ домъ прихожанъ его раскольническіе учители и монахи, льстецы и пустосвяты, а пойманныхъ отсылать въ архіерейскій домъ.

Статья эта дополняетъ сказанное выше въ п. 5, и въ п. 5—6 „о мірянахъ"[2]), а санкція ея указана въ первоначальной редакціи „Прибавленія" самимъ Петромъ[3]).

21. Священники не должны торговаться относительно платы за требы, но довольствоваться добровольными приношеніями, особенно же не должны брать большія цѣны за сорокоусты, „будто пошлины за смерть".

Небреженіе въ искорененіи этого зла, допущенное епархіальнымъ архіереемъ, является достаточной причиной для вызова его къ суду Духовной Коллегіи.

Первой части правила соотвѣтствуетъ п. 13 „Должности" въ ч. III Духовнаго Регламента[4]).

22. Отмѣна платы за требы возможна только въ связи съ прочнымъ и достаточнымъ обезпеченіемъ духовенства - постояннымъ жалованьемъ. Въ п. 22-мъ Өеофанъ и сообщаетъ о *намѣреніи* Петра приписать къ каждой церкви опредѣленное число прихожанъ и установить съ нихъ на-

[1]) Рукопись Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ № 1407 in 4⁰. См. у *С. А. Бѣлокурова*, Изъ Духовной жизни московскаго общества XVII в. Изд. И. О. И. и Др. Р. М. 1903, стр. 39—40.—О безпорядкахъ, бывшихъ въ то время въ Русской Церкви см. у *Н. Ө. Каптерева*, Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Серг. Посадъ, 1913.

[2]) Черн. рук. Д. Р. л. 33—33 об.—Ср. предложеніе еп. Питирима въ т. II, отд. II, № 6, лит. Г, п. 2—3.

[3]) Прибавленіе, прим. 43.

[4]) Черн. рук. л. 38 об. Поясненія къ этому пункту см. выше, стр. 472.

логъ на содержаніе духовенства. Для этой цѣли, по заявленію Өеофана, по указу Е. И. Величества Св. Пр. Синодъ, „согласясь с мирскими честными властми, сочинит совѣт, и намѣренное опредѣление уставитъ“. Когда же это будетъ, духовенство должно будетъ „не искать“, платы за требы, а довольствоваться добровольными подарками, и то спустя нѣсколько недѣль послѣ совершенія требы[1]).

Эта статья согласуется съ п. 13 „Должности“ въ ч. III Духовнаго Регламента, гдѣ, впрочемъ, прямо упомянутъ Сенатъ, а не безымянные „мірскія честныя власти“[2]).

23. Согласно правилу 6 IV Всел. Халк. собора не должно посвящать въ духовный санъ, не опредѣляя ни къ какой церкви. Въ Россіи же, говоритъ Өеофанъ, это правило обходится тѣмъ, что къ одному приходу ставится много священниковъ и діаконовъ, почему лишніе „волочатся сѣмо и овамо“, что по существу соотвѣтствуетъ тому, какъ еслибы ихъ посвятили безъ опредѣленія къ какой либо церкви. Чтобы такого безчинія впредь не было, должны 1) міряне такихъ лицъ „не принимать ни к которому церковному служению“; 2) епископы же—не ставить сверхъ нужды. Оставившихъ свою церковь духовныхъ лицъ слѣдуетъ наказывать и если они не захотятъ возвратиться къ своимъ церквамъ и до смерти служить въ нихъ чинно, и то подъ поручительствомъ честныхъ лицъ, то ихъ слѣдуетъ лишать священства. Впредь же лишнихъ никого не ставить, ибо „многіе ставятся и въ причетъ принимаются, бѣжа отъ службы“, разумѣется военной[3]).

Источниками этой статьи являются 2, 3 и 5-я статьи „Правилъ“ 1711 г.[4]), добавленныя Петромъ въ 1716 г. пункты къ архіерейской присягѣ[5]), а также собственноручное замѣчаніе его къ п. 21 первоначальной редакціи „Прибавленія“[6]). Въ пареллель къ этому мѣсту могутъ быть указаны п. 8 „Дѣлъ епископовъ“ и п. д. „Мірскихъ особъ“[7]).

[1]) Послѣднія слова прибавилъ самъ Петръ. См. Прибавленіе, прим. 52.

[2]) Поясненія къ п. 13 „Должности“ см. выше стр. 472.

[3]) Любопытно отмѣтить, что въ Госуд. Архивѣ (Кабинетъ, I кн. 31, л. 200) имѣется „отпускъ письма къ Григорію Петровичу (?) чаятельно отъ Макарова о причетникахъ, якобы *при одной церкви болѣе ста*“.

[4]) П. С. З. IV, 2352. См. выше. 475.

[5]) Т. II, отд. II, № 5, лит. А. и Б, п. 4—5. [6]) Прибавленіе прим. 55.

[7]) Черн. рук. л. 10 об. и 34. — Въ объясненіе этой статьи нужно сказать, что въ древнѣйшее время духовенство существовало на приношенія (1 Кор. IX, 13, 14; Гал. IV, 6; Διδαχὴ τῶν δώδεκα ἀποστόλων, XIII) и на свой собственный заработокъ отъ гражданской профессіи. Впослѣдствіи, когда постороннія духовному званію занятія были запрещены, пользованіе церковными имуществами и доходами было организовано и епископы, дававшіе посвященія, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были и опредѣлить на должность, съ которой клирикъ могъ бы жить. Это требованіе столь упрочилось въ католической церкви, что и въ настоящее время юридически не могутъ быть посвящаемы лица, между прочимъ, sine titulo, безъ достаточнаго дохода. Титулами является: церковная должность (titulus beneficii), недвижимость, или обезпеченное наслѣдство, или доходъ (t. patrimonii et pensionis), обязательство третьяго лица относительно содержанія при отсутствіи достаточныхъ средствъ (t. mensae, въ особенности t. mensae principis, ландесгерра) и т. д.

24. Если священникъ или діаконъ, лишенные сана будутъ продолжать служить, то такихъ слѣдуетъ черезъ Св. Синодъ или непосредственно отсылать къ мірскому суду.

Это правило направлялось Ѳеофаномъ противъ множества „волочащихся“ священнослужителей, еще существовавшихъ въ то время.

25. Въ случаѣ обнищанія прихода, архіерей долженъ позаботиться объ обезпеченіи причта, не допуская его скитаться и опредѣлять къ той церкви, гдѣ требуется новый священникъ.

Обѣ эти статьи являются развитіемъ 23-й съ цѣлію большаго обезпеченія ея дѣйствія.

26. Священники не должны самовольно присоединяться къ военнымъ полкамъ, равно и командиры не должны принимать или насильно заступаться за таковыхъ. За нарушеніе сего надлежитъ священниковъ жестоко наказывать, а о военныхъ властяхъ епископамъ сообщать Синоду, а послѣдній будетъ искать управы въ Военной Коллегіи.

Статья эта, по всѣй вѣроятности, вызвана тѣмъ, что при Петрѣ съ 1716 г. началось образованіе особаго военнаго духовенства съ особой организаціей для управленія имъ, что существенно нарушало цѣльность традиціонной епархіальной организаціи особенно, когда духовенство само, безъ спроса, переходило съ епархіальной службы на военную[1]).

27. Епископы не должны допускать, и скоро наказывать, если свя-

---

Ординація безъ титула illicita, но valida; виновный епископъ долженъ содержать посвященнаго до полученія beneficii на свой собственный счетъ, а посвященный имъ становится irregularis ex delicto и подлежитъ наказанію (*У. Штутцъ*, 12, 35, 53, 247 и указ. у него литературу). Относительно содержанія клира на западѣ см. E. Loening, Geschichte des deutschen Kirchenrechts. Strassburg Bd. I, 234—251; Bd. II, 632—750; спеціально о десятинѣ тамъ же стр. 676—680 и Herzog-Hauck, Realencyklopädie für prot. Theologie und Kirche. 3 Aufl., Bd. XXI, S.S. 631—638, статья Sehling'a. Вышеупомянутое правило о нераздѣльности посвященія и опредѣленія на должность ведетъ свое начало съ глубокой древности (Ап. пр. 15; I Всел. 15, 16; Неокесар. 13) и особенно рѣшительно подтверждено 6 правиломъ IV Халк. соб. (Μηδένα ἀπολελυμένως χειροτονεῖσθαι.... Τοὺς δὲ ἀπολύτως χειροτονουμένους, ὥρισεν ἡ ἁγία σύνοδος ἄκυρον ἔχειν τὴν τοιαύτην χειροθεσίαν. Ралли и Потли, Синтагма т. II стр. 230). Однако такія т. наз. абсолютныя ординаціи, т. е. посвященія безъ опредѣленія на должность широко практиковались, какъ на востокѣ и въ Россіи (крестцовые попы), такъ и на Западѣ, съ тою разницею, что на Западѣ абсолютная ординація признавалась возможной все таки только при наличности титула, т. е. достаточнаго дохода, а потому и не приводила къ такимъ печальнымъ результатамъ, какъ въ Россіи, гдѣ священники, ставшіеся со временемъ безприходными, крестцовыми попами, первоначально посвящались правильно, съ назначеніемъ на приходъ. Между тѣмъ, не зная и не имѣя возможности всегда знать, нуженъ ли для даннаго прихода посвящаемый, и найдетъ ли онъ на приходѣ пропитаніе, древне-русскій архіерей, получавшій къ тому же за посвященія пошлины, рукополагая ставленника, исполнялъ пр. 6 IV Халк. соб. лишь формально. Этому способствовала свобода перехода съ прихода на приходъ и обычай наниматься у прихожанъ на приходскую службу съ полной возможностью всегда отказаться и быть отказаннымъ отъ должности.

[1]) О военномъ и морскомъ духовенствѣ при Петрѣ и позднѣе см. *А. П. Доброклонскій*, Руководство, В. IV, стр. 144—146.

щенникъ окружаетъ себя церковниками изъ своей родни, даже сверхъ нужнаго числа, и неграмотными, что дѣлается, между прочимъ, съ цѣлью имѣть возможность легче совершать злоупотребленія, нерадѣть о службѣ и прикрывать раскольниковъ. На такихъ правило 11-е, — по мнѣнію Ѳеофана,—не будетъ дѣйствовать.

Однако, по приговору прихожанъ и по „именному", т. е. собственноручно подписанному благословенію епископа, священникъ можетъ имѣть при себѣ дьячкомъ или пономаремъ одного изъ своихъ сыновей, умѣющаго читать и пѣть. Другихъ же, хорошо обученныхъ сыновей, онъ долженъ отдавать къ другимъ церквамъ, или въ иной честной житія промыслъ".

Статья эта направлялась противъ непотизма и наслѣдственности[2]) приходскихъ должностей, въ виду которыхъ храмы становились какъ бы собственностью духовенства, которое эксплоатировало религіозныя чувства народа въ свою пользу[3]).

28. Епископъ долженъ, наконецъ, не только слѣдить за нравственнымъ поведеніемъ духовенства и правильнымъ совершеніемъ имъ церковной службы, „но и сие прилѣжно заповѣдат епископъ долженъ, чтоб хранили на себѣ благообразие" какъ во внѣшнемъ своемъ видѣ, такъ и въ поведеніи, иначе духовные будутъ „ярыжниками"[4]), „а они поставлени пастырьми и отцами въ народѣ".

Указанные въ этой статьѣ недостатки русскаго духовенства уже изстари обращали на себя вниманіе властей. Напр., Іоаннъ Грозный въ 17-мъ вопросѣ говорилъ Стоглавому собору: „во всѣхъ монастырехъ игуменомъ и чернцомъ и попомъ о пияномъ питии и о мирскихъ попехъ и упиваніи безмѣрномъ, како мирянъ спасти и наказати отъ всякихъ золъ, а сами во всякомъ безчиніи"[5]). И соборъ высказалъ по этому поводу свое рѣшительное осужденіе[6]), предписавъ каждому „свой чинъ хранити"[7]). Позднѣе, между прочимъ, Алексѣй Михайловичъ указывалъ, что слѣдуетъ „священническому и иноческому чину от пиянства трезвитися и сквернословия отнюдъ бы не держатися не токмо в церкве, но и в миру; на нихъ многие мирские люди соблажняются"[8]). То же самое требовали и соборы 1666—1667 гг., чтобы „священноиноцы и священницы и прочіи иноцы, и церковныи причетницы не упивалися и в корчмы пити бы не ходили, и от сквернословия и срамословия и кощунства всякого удалялися"[9])... и соборъ 1682 г.[10]).

---

[2]) *Е. Е. Голубинскій*, Исторія Р. Церкви. Т. I, 1-я пол. М. 1901², стр. 449.

[3]) Ibidem, 492. — *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. М. 1913 изд. 5, стр. 127.

[4]) „Ярыжникъ" — пьяница, шатунъ, мошенникъ, безпутный. *В. Даль*, Толковый словарь живого великорусскаго языка. Спб. 1882, т. IV, стр. 700.

[5]) „Стогловъ" изд. 2. Казань, 1887, стр. 31. [6]) Ibidem, стр. 68—70; 117—121.

[7]) Ibidem, стр. 179—181.

[8]) *С. А. Бѣлокуровъ*, Изъ духовной жизни московскаго общества XVII в. Изд. И. О. И. и Др. Р. М. 1903, стр. 49.

[9]) „Дѣянія моск. соборовъ 1666—1667 п." М. 1893, л. 41.

[10]) *Н. Виноградскій*, Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ 1899, стр. 51 приложеній и гл. VI текста.

О запрещенiи пьянства упоминала также и „Инструкцiя поповскимъ старостамъ“ п. Адрiана (въ концѣ), предписывая „смотрѣть накрѣпко, чтобъ градскie и уѣздные попы и дiаконы и церковные причетники на кабакъ не ходили и вина не пили и безчинства никакого не чинили, чтобъ мiрскимъ людемъ соблазна отъ нихъ не было, и у себя попы и дiаконы и причетники въ домѣхъ вина не сидѣли и винныхъ судовъ никакихъ не держали“[1]).

29. Священники обязаны вести метрическiя книги.

Первыя попытки ввести метрическiя книги въ Россiи были сдѣланы въ Малороссiи по постановленiю Кiевскаго собора 1646 г.[2]). Въ Московской Руси первое постановленiе о заведенiи въ приходахъ книгъ для записи крещенiя, бракосочетанiя и умершихъ лицъ относится къ собору 1666 г., когда было постановлено „велѣть всѣмъ священником держати во всѣхъ церквахъ записные четыре книги, i велѣть записывати хто с кѣмъ поемлется в бракъ, и хто у кого и чей приемникъ в крещенiи бывает, симъ образом книга *крещенныхъ*“[3]). „Книга о *супружествѣ* о вѣнчанныхъ пишется в соборной церкви“[4]). *Книга живыхъ* прихожан писати имена мужеска полу и женска и дѣтска всякаго возраста и рабовъ и пришельцовъ имена ихъ во святѣй божественнѣй службѣ и в прочиих молитвахъ прочитати такожде и *преставившихся* православных христианъ всякого чина богата и убога писать и поминать по чину церковному“[5]). Но собственно метрическiя книги заведены были указомъ 14 Апрѣля 1702 г.[6]) въ которомъ было сказано: „Великiй Государь указалъ: на Москвѣ по всѣмъ приходскимъ церквамъ, чтобъ съ вышеписаннаго числа впредь тѣхъ приходскихъ церквей священники по вся недѣли, что у кого въ приходѣ всякихъ чиновъ мужеска и женска полу родится младенцовъ и крещено будетъ, такъ же мужеска и женска полу всякихъ чиновъ людей, всякаго возраста умершихъ у приходскихъ церквей погребено, и въ убогiе домы что мертвыхъ тѣлесъ привезено будетъ, о томъ по вся недѣли имъ священникамъ въ Патрiаршъ Духовный приказъ подавать вѣдомость на письмѣ, а съ Патрiарша Духовнаго приказа тое вѣдомость по срокамъ, съ подлинною очисткою съ перечнями, присылать въ Монастырскiй приказъ. И о томъ изъ Монастырскаго приказа въ Патрiаршъ Духовной приказъ послать память“.

Повсемѣстно въ Россiи метрическiя книги введены были по указу 16 iюля 1722 г.[7]), а форма ихъ установлена 20 февраля 1724 г.[8]).

1) П. С. З. III, 1612, 26 Декабря 1697 г., стр. 425.

2) Энцикл. чловарь. Брокгауза и Эфрона, 1-е изд. Спб. 1896, т. XIX, стр. 203.

3) „Дѣянiя московскихъ соборовъ 1666—1667 гг.“ М. 1893, л. 39 об. Ниже дается образецъ записи о рожденiи и крещенiи.

4) Ibidem, л 40 об. 5) Ibidem, л. 41.

6) П. С. З. IV, 1908. Объ исполненiи этого указа см. *Н. Розановъ*, Исторiя Московскаго епархiальнаго управленiя со времени учрежденiя Св. Синода (1721—1821) ч. I, М. 1869, стр. 108.

7) П. С. З. VI, 4052.

8) П. С. З. VII, 4480.—Ср. прот. *М. И. Горчакова*, Церковное право. Спб. 1909, стр. 110.

30. Св. Синоду слѣдуетъ выяснить, что дѣлать съ овдовѣлыми священниками и діаконами, особенно, если они овдовѣли въ юности, такъ какъ бывшій доселѣ обычай постригать такихъ въ монахи не состоятеленъ, ибо нельзя постригать насильно, а только при добровольномъ желаніи послѣ искуса.

Статья эта выражаетъ пожеланіе, чтобы Св. Синодъ занялся удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ одного изъ самыхъ тяжелыхъ вопросовъ церковной жизни древней Руси[1]).

О монахахъ. „Чинъ наипаче монашескій, который в древняя времена былъ всему христіанству аки зерцало и образ покаяния и исправления, во времяна сия во многая безчиния развратился".

Высказавъ такой мотивъ, Ѳеофанъ заявляетъ: „того ради ко исправленію онаго послѣдующия служатъ правила". Эти правила разбиты имъ на 5 рубрикъ, а именно: 1. Кого и какъ принимать въ монахи (статьи 1—16). 2. О житіи монаховъ (статьи 17—36). 3. О монахиняхъ (статьи 37—43). 4. О монастыряхъ (статьи 44—48). 5. О настоятеляхъ монастырей (статьи 49—62). Въ концѣ слѣдуетъ заключеніе.

Вкратцѣ содержаніе этихъ правилъ слѣдующее.

1. Кого и какъ принимать въ монахи. 1. Не принимать въ монахи человѣка ниже 30 л. возрастомъ; 2. Не принимать воина; 3)—чужого крестьянина (безъ отпуска отъ помѣщика); 4.—мужа при живой женѣ. 5. Можно постригать обоихъ супруговъ вмѣстѣ, но только по взаимному согласію, когда женѣ не менѣе 50—60 лѣтъ и дѣти устроены. 6. Нельзя постригать безъ воли родителей; 7—обязаннаго долгами; 8.—приказныхъ людей безъ отпусковъ отъ губернатора, воеводы, архіерея и пр.; 9.—дѣтей, обѣщанныхъ своими родителями. 10. Нельзя принимать въ монастыри вкладовъ и вкладчиковъ. 11. Для постриженія требуется трехлѣтній искусъ; 12.—доброе свидѣтельство духовника и настоятеля и благословеніе архіерея. 13. Предъ постриженіемъ и даже во время искуса надлежитъ прочитывать ищущему монашества постригальные вопросы и отвѣты и настоящія правила. 14. Лицо, не выдержавшее искуса свободно выйти изъ монастыря; 15. Въ случаѣ же возвращенія подлежитъ искусу вновь; 16. Вкладъ въ монастырь принимается только послѣ трехлѣтняго искуса.

2. О житіи монаховъ. 17. Монахи обязаны говѣть четыре раза въ годъ; 18.—не быть праздными и для того слѣдуетъ завести ремесла. 19. Кромѣ старыхъ и начальниковъ никто не долженъ имѣть служителей, а для старыхъ и больныхъ слѣдуетъ завести больницы. 20. Монахи не смѣютъ звать къ себѣ гостей; 21.—ходить же въ гости не чаще 4 разъ въ годъ; не смѣютъ ходить въ

1) *А. П. Доброклонскій*, Руководство. В. III, стр. 56.—См. „Стоглавъ" 2 изд. Казань, 1887 г., стр. 31, 161—171.—„Дѣянія московскихъ соборовъ 1666—1667 гг." М. 1893, лл. 37 об., 46, 2 об., 80 об., 86 об.—*Н. Виноградскій*, Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ, 1899, стр. 131—143; приложенія стр. 52.—„Инструкція поповскимъ старостамъ" п. Адріана, ст. 11 (П. С. З. III, 1612, 26 декабря 1697 г.).—*П. Шаровъ*, Большой московскій соборъ 1666—1667 гг., Кіевъ, 1895, стр. 141 (изъ „Трудовъ К. Д. А." за 1895 г.).

мірскіе домы и дѣвичьи монастыри. 22. Монахи не могутъ заниматься продажей монастырскихъ вещей; 23.—брать остатки трапезы въ келіи; 24.—ѣсть по келіямъ. 25. „Пища и питіе и одѣяніе всѣмъ въ равенствѣ да будетъ". 26. Монастырскаго имущества никто не можетъ давать за монастырь, кромѣ настоятеля со старшей братіей и съ записью. 27. Всѣ монастыри должны быть общежительными. 28. Всѣ доходы монастыря должны храниться въ опредѣленномъ мѣстѣ и расходоваться на монастырскія потребы. 29. „Никому въ монастырѣ чужихъ денегъ и пожитковъ не держати кромѣ книгъ". 30. Монахамъ изъ монастыря въ монастырь не переходить. 31. Монахамъ во грады и веси, кромѣ общія потребы, не иходити изъ монастыря. 32. Монахамъ, посылаемымъ въ другую епархію или столицу слѣдуетъ имѣть подорожную отъ своего епископа, иначе „хватать волочащихся" и отсылать куда слѣдуетъ. 33. Такихъ бѣглыхъ монаховъ никто не долженъ прикрывать. 34. Женщинъ въ келіи не допускать. 35. Всѣхъ монаховъ учить чтенію и разумѣнію Св. Писанія. 36. Монахамъ запрещается что либо писать въ келіяхъ, имѣть чернила и бумагу, иначе какъ съ особаго разрѣшенія настоятеля, а нужныя письма писать въ трапезѣ.

3. О монахиняхъ. Кромѣ вышеизложенныхъ правилъ, монахини—37.—не должны ходить въ крестныхъ ходахъ, въ мужскіе и женскіе монастыри или приходскіяцеркви. Съ другой стороны ни міряне ни монахи не должны ходить по кельямъ, а для поклоненія хранимымъ въ монастырѣ святынямъ слѣдуетъ перенести ихъ въ храмы надъ воротами монастыря и сдѣлать крыльцо снаружи. 38. Для монастырскихъ тяжебъ слѣдуетъ имѣть особыхъ стряпчихъ. 39. О всѣхъ монастырскихъ дѣлахъ писать Синоду чрезъ архіерея 40. Монахинямъ въ мірскихъ домахъ не жить („Изъемлется отъ сего Фамилія Царскаго Величества). 41. Монахини должны слушать богослуженіе въ трапезахъ и на хорахъ. 42. Постригать въ монахини не моложе 60 лѣтъ. 43. Дѣвушки же, ищущія дѣвства и монашества должны пребывать подъ началомъ старицъ до 60 или по крайней мѣрѣ до 50 лѣтъ.

4. О монастыряхъ. 44. „Скитковъ пустынныхъ монахамъ строити не попускать". 45. Малобратственные монастыри соединять въ одну обитель. 46. Въ богатыхъ монастыряхъ построить страннопріимницы или лазареты. 47. Лишнихъ зданій не строить, но сбереженія тратить на страннопріимницу. 48. Монастырей вновь не строить безъ вѣдѣнія Св. Синода.

5. О настоятеляхъ монастырскихъ. 49. Слѣдуетъ избирать достойныхъ настоятелей. 50. Недостойныхъ—лишать настоятельства. 51. Настоятель, принявшій безъ указа бѣглаго монаха, лишается настоятельства. 22 Бѣглыхъ монаховъ держать всю жизнь въ оковахъ, въ трудахъ монастырскихъ. 53. Въ монастырѣ должна быть книга для записи времени постриженія и имени и чина постригаемыхъ. 54. Казна и ризница монастырская должны быть хранимы не въ кельѣ настоятеля и подъ отвѣтственностью казначея. 55. Еженедѣльно должна производиться повѣрка прихода и расхода монастырскаго. 56. Настоятель не долженъ принуждать братію приходить къ нему на исповѣдь. 57. Въ монастырѣ долженъ быть одинъ общій духовникъ. 58. Настоятель, за взятку давшій

своему епископу хорошій отзывъ объ ищущемъ постриженія, долженъ быть лишенъ настоятельства. 59. Настоятель не долженъ держать или опредѣлять къ монастырскимъ дѣламъ своихъ родственниковъ. 60. Никакихъ сокровищъ въ монастырь не принимать и не хранить. 61. Выморочное имущество высшихъ монашествующихъ лицъ отсылать въ Духовный Синодъ, а низшихъ—отбирать въ монастырскую казну. 62. Всѣ изложенныя и вновь издаваемыя правила по всѣмъ монастырямъ прочитывать однажды въ мѣсяцъ въ трапезѣ въ воскресный день, „дабы кто не извинялся невѣдѣніемъ".

Заключеніе. Въ заключеніе прибавлено: „Многая же о сихъ обрѣтаются и въ книгѣ Кормчей древле учиненная святыми правилы, и законами царскими уставленія, также и въ соборномъ Святѣйшихъ Александрійскаго, Антіохійскаго и Московскаго Патріарховъ, и многихъ Греческихъ и всѣхъ Россійскихъ Архіереевъ изложеніи, учиненномъ въ лѣто міроздания 7175, отъ Рождества же Христова 1667".

Эти слова проливаютъ свѣтъ на вопросъ объ источникахъ правилъ о монастыряхъ и монахахъ[1]), которыя дѣйствительно вызваны были старыми непорядками въ монашеской жизни. Противъ нихъ уже давно боролась свѣтская и духовная власть и, между прочимъ, соборы Стоглавый, 1666—1667 и 1682 гг., въ постановленіяхъ которыхъ можно найти много мѣстъ, параллельныхъ правиламъ „Прибавленія" къ Духовному Регламенту[2]). Въ свою очередь эти постановленія базировались на церковныхъ канонахъ и монашескихъ правилахъ Пахомія Великаго, св. Василія Великаго и другихъ[3]).

Въ эпоху Петра Великаго старые недостатки монашества особенно рѣзко противорѣчили стремленіямъ царя обновить Россію и русскую жизнь, а кромѣ того монахи, какъ и все духовенство, заявили себя приверженцами стараго отживавшаго строя и потому казались политически неблагонадежными. Въ виду этого съ начала царствованія Петра появился рядъ указовъ, которые и отразились въ правилахъ „Прибавленія". Сюда относятся указы

---

[1]) Въ виду основательности этой ссылки, мы не считали нужнымъ далѣе углубляться въ изслѣдованіе источниковъ „правилъ" о монашествѣ, что можетъ быть предметомъ особой работы.

[2]) „Стоглавъ" 2 изд. 1887 г. Казань, стр. 28, 30, 32, 38, 106—116, 171-174.—„Дѣянія московскихъ соборовъ 1666—1667 гг.", М. 1893, лл. 47, 25—48, 76 об.—77 об., 78.—*Н. Виноградскій*, Церковный соборъ въ Москвѣ 1682 г. Смоленскъ, 1899, стр. 113-130 и приложеній стр. 48—51, 58, 61.—См. еще „Инструкцію поповскимъ старостамъ" п. Адріана 26 декабря 1697 г. пп. 16—19 (П. С. З. III, 1612).—Ср. *А. П. Доброклонскаго*, Руководство по Исторіи Русской Церкви, в. III, стр. 238—245.

[3]) Уставъ Пахомія можно читать въ сочиненіи Палладія ἡ πρὸς Λαῦσον ἱστορία, § 38 (Migne, s. g, t. XXXIV, col. 1101).—Уставъ Василія Великаго см. у Migne, s. g. t. XXXI. См. также Codex regularum quas sancti patres monachis et virginibus sanctimonialibus servandas praescripsere, collectus olim a s. Benedicto anionensi abbate. Lucas Holstenius vatic. basil. canonicus et Bibliothecae praefectus in tres partes digestum, auctumque edidit. Romae, 1661.—Ср. въ этомъ изданіи правила Пахомія 49, 52—54, 74—81, 84, 108, 139, 140. Василія В. правила 6, 7, 29 и др.—Въ рус. переводѣ см. у *еп. Ѳеофана*, Древніе иноческіе уставы пр. Пахомія В., Св. Василія В., пр. Іоанна Кассіана и пр. Венедикта. М. 1892 г.

31 января, 11 марта, 8 іюня и 30 декабря 1701 г.[1]), 18 ноября 1703 г.[2]), 25 февраля и 18 августа 1718 г.[3]). Равнымъ образомъ на монашество и правила о немъ повліяли возстановленіе въ 1701 г. Монастырскаго Приказа[4]) и всѣ мѣры, которыя съ нимъ связаны, а также указы о призрѣніи въ монастыряхъ отставныхъ военныхъ чиновъ, умалишенныхъ, раскольниковъ, плѣнныхъ, сиротъ и незаконнорожденныхъ подкидышей[5]).

Мало того, однимъ изъ источниковъ правилъ о монашествѣ въ „Прибавленіи“ къ Духовному Регламенту есть основаніе считать и указъ 31 января 1724 г. о монастыряхъ и монахахъ, въ основныхъ своихъ чертахъ набросанный самимъ Петромъ и имъ же самимъ нѣсколько разъ исправленный[6]), дополнительные пункты къ архіерейской присягѣ[7]), а также предложеніе еп. Питирима[8]). Мѣры противъ недостатковъ монашества были столь популярны, что проекты исправленія ихъ составлялись даже простыми людьми и предавались гласности чрезъ подметныя письма. Такъ, напр., въ подметномъ письмѣ 1 іюня 1700 г. Левъ Голосовъ предлагалъ старцевъ и старицъ, которые бродятъ „по Москвѣ и во градѣхъ“, и среди которыхъ встрѣчаются „старцы пьяные і валяютца по кабакамъ і по улицамъ“, разсылать въ тѣ монастыри, гдѣ они были пострижены, съ тѣмъ, чтобы ихъ не отпускать оттуда; если же они послѣ этого опять „явятца в бродягахъ, паче же на кабакахъ во пьянствѣ“, то брать за нихъ пеню съ тѣхъ монастырей, въ которыхъ они были пострижены. Авторъ возстаетъ также и противъ умножившагося въ монастыряхъ числа служекъ, которые, по его мнѣнію, „даромъ хлѣбъ ѣдятъ и творятъ убытокъ многой“. Онъ предлагаетъ установить сколько въ каждомъ монастырѣ должно быть служекъ, лишнихъ поверстать въ служивый чинъ и устроить землями или куда пристойно; и въ томъ случаѣ, если окажется послѣ этого въ монастырѣ излишнее число служекъ, брать съ монастыря положеную пеню.

Въ связи или нѣтъ съ этимъ письмомъ, въ 1701 г. послѣдовали распоряженія о прекращеніи бродяжничества монаховъ и о сокращеніи числа служекъ въ монастыряхъ[9]).

Общіе выводы о содержаніи и источникахъ Духовнаго Регламента.

Послѣ подробнаго изложенія содержанія Духовнаго Регламента и по-

[1]) П. С. З. IV, 1834, 1839, 1856, 1886. [2]) П. С. З. IV, 1948.

[3]) П. С. З. V, 3172, 3223. [4]) П. С. З. IV, 1834.

[5]) *А. П. Доброклонскій*, Руководство, в. IV, стр. 413 и слѣд.—Проф. прот. *М. И. Горчаковъ*, Монастырскій Приказъ, Спб. 1868.—*В. Ивановскій*, Русское законодательство XVIII и XIX вв. въ своихъ постановленіяхъ относительно монашествующихъ лицъ и монастырей. Харьковъ, 1905 (Вѣра и Разумъ за 1904—1905 гг.) —*Мое* сочиненіе, Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Спб. 1909.

[6]) См. его во II т., отд. II, № 7 и 8 съ указаніемъ нѣкоторыхъ параллельныхъ мѣстъ.

[7]) См. т. II, отд. II, № 5, лит. А и Б п. 3. [8]) См. т. II, отд. II, № 6, лит. А п. 8.

[9]) П. С. З. IV, 1834.—*С. М. Соловьевъ*, Исторія Россіи т. XV, стр. 116, 121—122. —*С. А. Бѣлокуровъ*, Матеріалы для русской исторіи, М. 1888. „Подметныя письма“, стр. 494, 500, 511.

сильнаго выясненія его источниковъ, можно дать общее о немъ заключеніе.

Мы видѣли, что со стороны своего *содержанія* Духовный Регламентъ рѣзко распадается на двѣ части. *Первая* часть его—*теоретическая*, имѣющая своею цѣлью дать необходимое введеніе, опредѣлить понятіе Духовной Коллегіи, показать ея образцы, обосновать права русскаго государя на производство реформы церковнаго строя и преимущества управленія Русской Церковью путемъ Духовной Коллегіи, а не самостоятельной властью патріарха съ соборомъ русскихъ епископовъ. *Вторая* часть, въ которую входятъ 2 и 3-я части Духовнаго Регламента вмѣстѣ съ неотдѣлимымъ отъ нихъ „Прибавленіемъ",—чисто *практическая*, имѣющая своею цѣлью намѣтить объекты и способы дѣятельности учреждаемой Духовной Коллегіи.

Въ виду этого различія въ содержаніи, вполнѣ понятна разница и въ *источникахъ* обѣихъ частей Духовнаго Регламента. *Источниками первой части* были вообще господствовавшія въ то время на Западѣ идеи, воплощавшіяся въ сочиненіяхъ политическихъ философовъ, богослововъ и юристовъ, въ реальной политикѣ правительствъ, стремившихся къ возвышенію королевской власти, въ теоріяхъ, учрежденіяхъ и институтахъ, вызванныхъ реформаціей и проч. Эти идеи были западнаго происхожденія. Однако онѣ не слѣпо и не механически пересаживались Ѳеофаномъ на русскую почву, поэтому было бы напраснымъ трудомъ искать авторовъ, съ которыхъ онъ, будто бы, *списалъ* первую часть своего Духовнаго Регламента. Ѳеофанъ самъ былъ однимъ изъ философовъ естественнаго права и однимъ изъ богослововъ протестантскаго образа мыслей. Поэтому, задумавъ свой Регламентъ, какъ „описаніе и разсужденіе" Духовной Коллегіи, онъ внесъ въ него совершенно самостоятельно и свободно свои pia desideria. Однако они не были только его desideria. Петръ Великій и нѣкоторые изъ его сподвижниковъ смотрѣли на вещи тѣми же глазами. Со средины XVII в. Россія вообще переживала культурный переломъ, своего рода эпоху возрожденія, гуманизма, просвѣщенія и т. д., все вмѣстѣ, лишь одно въ пережиткахъ, какъ отголосокъ Западной Европы, другое—въ зачаткѣ. Иными словами Россія изъ среднихъ вѣковъ переходила къ своей новой исторіи, переживая по своему съ нѣкоторымъ опозданіемъ многое изъ того, что уже было пережито на Западѣ. Естественно, поэтому, что зрѣлый плодъ этого переживанія—Духовный Регламентъ былъ принятъ „просвѣщенными" современниками, какъ совершенное, въ своемъ родѣ, твореніе, въ которомъ даже Петръ ничего не нашелъ исправить, кромѣ личной формы изложенія. Правда, сторонники старины приняли Регламентъ враждебно. Но и они не поняли въ достаточной мѣрѣ идейную сущность его первой теоретической части и съ теченіемъ времени были покорены второю частью—практической.

Въ самомъ дѣлѣ, *источниками второй части* Духовнаго Регламента *въ общемъ* были данныя живой русской дѣйствительности. Всевозможныя упущенія, большіе непорядки, суевѣрія, обрядовѣріе, лицемѣріе, недостатокъ просвѣщенія и т. д.—вовсе не были новостью на Руси петровской

эпохи, какъ не были новостью и попытки ихъ исправленія и искорененія, идущія съ самаго начала христіанства въ Россіи. Не сочувствовать доброму желанію насадить поклоненіе Богу „въ духѣ и истинѣ“, конечно, никто не могъ, а вторая практическая часть Духовнаго Регламента для начала XVIII вѣка была наиболѣе совершеннымъ сводомъ того, на что церковной и государственной власти давно слѣдовало обратить болѣе энергичное вниманіе. И надо отдать справедливость, для русской цивилизаціи руководившаяся Духовнымъ Регламентомъ Духовная Коллегія сдѣлала въ два столѣтія очень много. Понятно поэтому, что вторая практическая часть Регламента въ связи съ цивилизаторской дѣятельностью Духовной Коллегіи заслонила собою первую теоретическую часть, вводившую въ русскую жизнь новыя начала въ противорѣчіе чистымъ началамъ христіанства и вѣковымъ традиціямъ православнаго церковнаго права.

Что же касается общаго плана и духа Регламента, то его никакъ нельзя сравнивать не только съ какими бы то ни было каноническими сборниками или соборными дѣяніями, но даже съ такими же регламентами другихъ петровскихъ коллегій. Духовный Регламентъ носитъ на себѣ специфическій отпечатокъ протестантскихъ церковныхъ уставовъ Kirchenordnungen. Въ нихъ мы также найдемъ общія теоретическія разсужденія на ряду съ нормами по пунктамъ, найдемъ доказательства пользы школы и просвѣщенія, особое подчеркиваніе обязанности суперинтендентовъ и пасторовъ заботиться о нихъ[1]), найдемъ детальные указанія того когда, какъ и о чемъ слѣдуетъ проповѣдывать[2]), найдемъ очень подробныя инструкціи для визитаціи приходовъ съ поясненіями ихъ важности и необходимости, найдемъ тщательно составленные трактаты, правила и формулы увѣщаній, отлученія и принятія обратно кающихся[3]), найдемъ таксы за требы[4]) и т. д.[5])

---

1) Мнѣніе проф. Е. Н. Темниковскаго о томъ, что планъ Духовнаго Регламента заимствованъ Ѳеофаномъ отъ Пуфендорфа De iure naturae et gentium lib. VII. c. 9 § 4 = De officio hominis et civis lib. II, c. 11, § 4 (Положеніе императора Всероссійскаго... стр. 18—19) кажется намъ неубѣдительнымъ.

2) Напр., Sächsische Generalartikel, 1557 г. Richter, Bd. II, S. 186.

3) Напр., Richter, Bd. I, S. 227 228. 364 — Въ Meissnischer Visitationsabschied 1540 г. (Richter, Bd. I, S. 321) говорилось: Die Dorffprediger sollen am Suntage ond geordenten festen ztur hoemesse das evangelium dominicale oder vom fest predigen, ztur vespertzeit denn Cleinen Catechismum in der wochen, an welchem tage es sich am besten schicken will, den Catechismum repetiren, onnd auffs einfeldigste widerholenn onnd predigen. Auch solle die Litania am Suntage oder feste tagenn treulich gehalten werden ond vor alle stende vom hertzenn bitten etc... Въ Ordonnance ecclésiastique de Genève 1540 г. есть и росписаніе въ воскресенье утромъ говорить на тему дня, въ полдень—катехизисъ для дѣтей, въ 3 часа—новое и т. д.

4) Напр., Richter, Bd. I, SS. 64; 372—374; II, 282—283, 326, 330—333, 441, 453—454 и мн. др.

5) Напр., Richter, Bd. I, SS. 321; II, 126—128, 304—305 и др.

6) Для большей наглядности приводимъ содержаніе Виттенбергскаго консисторскаго устава 1542 г. (см. у Richter, Bd. I, SS 367—375): Constitution vnnd Artikel, des Churfürstlichen Geistlichen Consistorij zu Wittenberg inn Sachsen, Anno Christi 1542 auffgericht 1. Введеніе. 2. Der Stuel zu Wittenberg. 3. Stuel zu Zeitz. 4. Stuel zu Zwikaw. 5. Ampt

Болѣе того, въ Духовномъ Регламентѣ встрѣчаются довольно любопытныя совпаденія отдѣльныхъ мыслей и мѣстъ со Шведскимъ церковнымъ уставомъ 1686 г. Карла XI, распространеннымъ на Лифляндію и Эстляндію, хотя эти совпаденія и не даютъ намъ права видѣть въ послѣднемъ прямой источникъ Регламента[1]).

---

der Commissarien. 6. Von der Tauff. 7. Vom Heiligen Hochwirdigen Sacrament, des Leibs vnd Bluts, unsers Herren Iesu Christi. 8. Festa. 9. Zechen auff die Fest vnd Sontage. 10. Begrebnus. 11. Kirchen baw, vnd Kirchhöffe befriedung. 12. Was sachen vber die vorigen in der Consistoria vnd der Commissarien Jurisdiction gehören sollen. 13. Von der Visitation vnd Inquisition. 14. Artikel der Inquisition. 15. Was straff die Consistoria oder Commissarien zugebrauchen haben. 16. Vom Bann. 17. Forma Excommunicationis. 18. Von der Reconciliation oder Absolution. 19. Vmb was sachen oder felle willen man excommunicirn soll. 20. Wucherer. 21. Von der Inuestitur, oder einsetzung der Priester in die Pfarren. 22. Constitutio der Priester ehe vnd jhrer Kinder Succession halben. 23. Von der Eltern gewalt und Consens in Ehegelubden. Другіе Kirchenordnungen развиваютъ содержаніе Виттенбергскаго консисторскаго устава, отчасти же сокращаютъ въ томъ, что кажется уже излишнимъ, а именно упоминать о правѣ пасторовъ на бракъ (выше 22). Напр., прибавляются слѣдующія главы: Van der Lere (Richter, II, 56. 230). Van Predicanten (II, 56). Van den Superintendenten (II, 58. 208. 239). Von erhaltung des Predigampts, oder Ministerij Evangelici (II, 117). Forma der Ordination (II, 119). Von Visitatio (I, 66. 77. 101. 226. 253. 314. 371. II, 120. 141. 175. 213. 246. 281. 285. 298. 308. 359. 408). Von ordnung der Lection vnd Gesang in den Kirchen (богослужебный уставъ II, 122). Von vnterhaltung vnd Schutz der Pastoren, Predicanten vnd Regenten, in der Vniuersitet vnd andern Schulen (II, 126). Wie alle Pfarren, Predicaturen... besetzt werden sollen (II, 198). Von den Kirchendienern wie sie auffgenommen sollen werden (II, 199). Von der Election vnnd Examine der Kirchendiener (II, 199). Von Weltliche Oberkeit (II, 201). Von Schulen (II, 207). Der General Superattendenten Officium (II, 209). Vam Predigampt vnde Predigen (233). Van Synodis (II, 241) и т. д., ср. систематическій указатель у Richter'а.

[1]) См. Kirchen-Gesetz und Ordnung, so der Grossmächtigste König und Herr, Herr Karl der Eilffte, der Schweden, Gothen und Wenden König, im Jahr 1686 hat verffassen und im Jahr 1687 im Druck aussgehen und publiciren lassen, mit denen dazu dehörigen Verordnungen, auf Höchstermelten Jhrer Königl. Majt. gnädigsten Befehl ins Teutsche übersetzet. Stockholm.

Отдѣлъ третій.

Осуществленіе церковной реформы и постепенное преобразованіе Духовной Коллегіи въ Св. Синодъ.

Введеніе въ отдѣлъ третій.

Преобразованіе Духовной Коллегіи въ Св. Синодъ. Духовный Регламентъ, какъ законодательный актъ, опредѣлялъ собою лишь юридическое бытіе новаго учрежденія, которому надлежало еще возникнуть фактически. Это значитъ, что Духовная Коллегія должна была, во-первыхъ, организоваться въ составѣ своего присутствія и своей канцеляріи; во-вторыхъ, открыть свои дѣйствія и взять въ свои руки всѣ тѣ дѣла, которыя относились къ вѣдомству Духовной Коллегіи по ея Регламенту, по аналогіи съ патріаршествомъ и по своей сущности, но которыя за время отъ смерти патріарха Адріана до учрежденія Духовной Коллегіи попали въ завѣдываніе временно созданныхъ духовныхъ органовъ, Правительствующаго Сената, государственныхъ коллегій и даже просто случайныхъ довѣренныхъ лицъ. Наконецъ, въ связи съ этимъ, Духовная Коллегія должна была, что называется, „себя поставить" относительно Верховной Власти и среди другихъ учрежденій и органовъ Русскаго государства, установивъ свой рангъ, свое достоинство и свой характеръ.

Но если для полной организаціи и точнаго выясненія предметовъ вѣдомства Духовной Коллегіи требовалось время, то съ опредѣленіемъ достоинства и ранга новаго учрежденія нельзя было медлить. Не напрасно поэтому члены Духовной Коллегіи обратились къ Государю уже въ самый день открытія Коллегіи 14 февраля 1721 г. въ первое свое засѣданіе съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ огромнаго принципіальнаго значенія.

Мысль о Духовной Коллегіи явилась въ 1718 г. подъ вліяніемъ увлеченія успѣхами проведенія коллегіальной системы въ центральныхъ учрежденіяхъ. Поэтому въ Духовномъ Регламентѣ вполнѣ обратилась идея Духовной Коллегіи, какъ одной изъ аналогичныхъ свѣтскихъ государственныхъ коллегій. Единственная разница по Регламенту состояла въ томъ, что члены Духовной Коллегіи должны были быть духовнаго сана.

Однако ко времени открытія Духовной Коллегіи въ февралѣ 1721 г. прошло уже достаточно времени для того, чтобы увлеченіе слишкомъ прямолинейнымъ проведеніемъ принципа коллегіи нѣсколько согласилось. Несомнѣнно, что обсужденіе Духовнаго Регламента въ февралѣ 1720 г. и собираніе почти цѣлый годъ за тѣмъ подписей подъ нимъ въ провинціи обратили на близкую къ осуществленію церковную реформу общее вниманіе и послѣдовала, хотя и глухая, но опредѣленная критика творенія Ѳеофана. По крайней мѣрѣ онъ писалъ уже 10 мая 1720 г. своему другу Маркевичу о томъ, что онъ сочиняетъ особую книгу о патріаршествѣ въ защиту Духовной Коллегіи[1]). Предметомъ нападокъ былъ, несомнѣнно, ея государствен-

[1]) „5. Scribo nunc tractatum, in quo exponam; quid sit, et quando Patriarchatus in ecclesia coeperit, et quomodo per 400 annos ecclesiae absque Patriarchis sese gubernarint,

ный полусвѣтскій и протестантскій характеръ и даже иностранное *лати-ское* наименованіе — Духовный Коллегіумъ. Какъ ни какъ, а въ глаза народа эта Духовная Коллегія должна была быть высшимъ учрежденіем для управленія дѣлами *Церкви* и, значитъ, имѣть по возможности *священ-ный* характеръ. Высшую власть принято было поминать за богослуженіемъ молиться о ней и для этой цѣли титулъ Духовной Коллегіи былъ совер-шенно неподходящимъ. Поэтому естественно, что первымъ вопросомъ, пред-ложеннымъ Государю 14 февраля 1721 г., былъ вопросъ о томъ, по как формѣ возносить въ церковныхъ служеніяхъ именованіе Правительству-щаго Духовнаго Собранія (уже не сказано Коллегіи), гдѣ было возноси патріаршее имя? Форма: „О святѣйшемъ Правительствующемъ Собрані честнѣмъ презвитерствѣ и проч. И сей титулъ Святѣйшій никому же пар-тикулярно присвоится, но токмо всецѣлому собранію“. Въ этой форм ясно сказывается уже новое желаніе приблизить Духовную Коллегію положенію бывшаго Святѣйшаго Патріарха. Петръ Великій отвѣтилъ рез-люціей: „О святѣйшемъ синодѣ, іли о Святѣйшемъ Правительствующем Синодѣ“[1]), т. е. указалъ титулъ еще болѣе близкій генію церковно — бог-служебнаго языка. Такимъ образомъ уже въ день открытія Духовной Ко-легіи она получила совершенно другое новое наименованіе, которое сгл-живало, хотя бы въ этомъ, ея нецерковный государственный характер Любопытно отмѣтить, что терминъ „Синодъ“ приходилъ Ѳеофану на п-мять раньше, и употребленъ имъ нѣсколько разъ въ началѣ Духовна Регламента[2]). Но тогда увлеченіе идеей именно Духовной *Коллегіи* бы слишкомъ сильно, между тѣмъ какъ терминъ „Синодъ“ слишкомъ нап-миналъ православную старину, отъ которой отворачивались. Поэтому на-именованіе „Духовная Коллегія“ оказалось послѣдовательно проведеннымъ чрезъ весь Регламентъ.

Хотя, повидимому, новый титулъ былъ предназначенъ только д поминовенія Духовной Коллегіи за богослуженіемъ, какъ, именно, и понял между прочимъ, Стефанъ Яворскій[3]), однако очень скоро этотъ титу совершенно замѣтилъ собою наименованіе „Духовная Коллегія“ и въ связи

atque aliquot hactenus quoque Patriarchis maioribus subiectae non sint. Id negot suscepi ad defendendum, quod instituitur, Collegium, ne novu et insolens videatur, ut certe rudibus et malitiosis videbitu . (Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procoporitsch, variis temporibus et varios amicos datae. M. 1776, epist. IX. Рус. перев. въ Трудахъ Кіев. Дух. Ак. 186 , февраль, 287—294).

1) П. С. П. I, 3.—П. С. З. VI, 3749 3 марта 1721.

2) Т. II, Черн. рук. Д. Р., вклеенный листъ и л. 2 об., л. 3.

3) Въ изложеніи своихъ мыслей по поводу опредѣленія Св. Синода, объ отмѣ возношенія за богослуженіемъ именъ восточныхъ патріарховъ, Стефанъ Яворскій писал „А что помѣта Монаршая написана на первыхъ пунктахъ доношенія (Св. Синода 14-го февраля 1721 г.): *о Святѣйшемъ Сѵнодѣ или о Святѣйшемъ Правительствующем Сѵнодѣ*, отъ сего то только дается знать, како нарицатися имать Коллегіумъ духовн въ молитвѣ, а объ отставкѣ Патріарховъ отъ возношенія ничто же не измѣнняется. О. А. С. С. I, № 281, стр. 318.

съ цѣлымъ рядомъ другихъ обстоятельствъ придалъ только что возникшему учрежденію совсѣмъ другое, не совсѣмъ ожиданное значеніе, такъ что во всякомъ случаѣ нельзя считать, какъ считалось до сихъ поръ, будто имена: „Духовная Коллегія“, и „Св. Синодъ“ суть синонимы, обозначающіе одно и то же учрежденіе. Позволительно утверждать какъ разъ обратное. Духовная Коллегія и Св. Синодъ суть учрежденія между собою существенно различныя и поскольку характеръ Духовной Коллегіи уясняется изъ ея учредительнаго акта — Духовнаго Регламента, по стольку характеръ Св. Синода сложился путемъ цѣлаго ряда передѣлокъ только что изданнаго Духовнаго Регламента, существенныхъ отъ него отступленій и дополненій его въ немедленно послѣдовавшихъ за нимъ законодательныхъ новеллахъ. Модификація одного учрежденія въ другое произошла неслышно, между тѣмъ ее все таки нельзя отрицать. Мало того, именно безшумность указаннаго преобразанія сдѣлала ее едва замѣтной, а вмѣстѣ съ тѣмъ обусловила и неодинаковое отношеніе къ церковной реформѣ Петра. Тѣ, кто исходилъ, и до сихъ поръ исходитъ, изъ характеристики Духовной Коллегіи, перенося ее на Св. Синодъ, недовольны „учрежденіемъ Св. Синода“, хотя Петромъ учрежденъ былъ не Св. Синодъ, а Духовная Коллегія. Тѣ же, кто исходитъ изъ позднѣе сложившихся характерныхъ чертъ Св. Синода, не видятъ ничего достойнаго порицанія въ учрежденіи Петромъ Духовной Коллегіи, не замѣчая, что уже съ перваго ея засѣданія началась энергичная передѣлка только что учрежденнаго.

Вторымъ вопросомъ, обращеннымъ къ Петру 14-го февраля 1721 г., былъ вопросъ о письменныхъ сношеніяхъ „Правительствующаго Духовнаго Собранія“ (не сказано—Коллегіи) съ Сенатомъ и Коллегіями. „А на патріаршее имя указовъ ни откуда не присылалось, Духовная же Коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже Соборъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, Духовная Коллегія, какъ одна изъ прочихъ государственныхъ коллегій, собственно говоря, должна была, какъ вѣроятно и предполагалось[1]), войти въ одинъ съ ними рядъ и подчиниться централизующей власти Сената. Когда же отъ теоріи Духовнаго Регламента перешли къ практикѣ жизни, увидѣли, что это было бы униженіемъ духовной власти, которая ради ея высокаго государственнаго и даже полицейскаго значенія должна была все таки сохранить свой авторитетъ. И если уже въ манифестѣ 25 января 1721 г. повелѣвалось „имѣть сіе — Духовную Коллегію, т. е. Духовное Соборное Правительство — за важное и сильное Правительство“, то тамъ исполненіе этого повелѣнія обезпечивалось „великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ *противъ прочихъ Коллегій*“, т. е. Духовная Коллегія признавалась съ ними равной. Теперь же рѣчь шла уже о большемъ, о возвышеніи надъ другими коллегіями и объ уравненіи съ Сенатомъ, потому что „Духовная Коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже Соборъ“.

[1]) Это даютъ право думать два мѣста Духовнаго Регламента, а именно ч. I, „вина“ 3 и 7 (въ концѣ).

Самъ Государь всталъ на новую точку зрѣнія, что и показалъ своей резолюціей: „в сенатъ вѣденіемъ і за подписаниемъ всѣхъ, а въ Коллегіи такъ какъ із сенату пишутъ і за подписаниемъ толко секретарскимъ“[1]).

Съ исторической и юридической точекъ зрѣнія этотъ моменъ и эта перемѣна очень важны. Историкъ не можетъ не замѣтить, что 14 февраля 1721 г., въ самый день рожденія Духовной Коллегіи, вся реформа, съ нею связанная, приняла нѣсколько иное направленіе, *сдѣланъ былъ шагъ назадъ къ старинѣ*. Для юриста несомнѣнно, что юридическая квалификація Духовной Коллегіи до 14 февраля 1721 г. и Св. Пр. Синода послѣ него *совершенно отличны* другъ отъ друга, потому что вмѣстѣ съ перемѣной названія латинскаго (Духовная *Коллегія*) на греческое (Святѣйшій Правительствующій *Синодъ*) измѣнилось и юридическое положеніе новаго учрежденія относительно другихъ государственныхъ установленій, Сената и др. коллегій. Кромѣ того въ этой перемѣнѣ нельзя не замѣтить скрытаго и, можетъ быть, несознаваемаго желанія связать церковную новизну со стариною, сомкнуть порванную цѣпь церковной традиціи.

Однако, перемѣна наименованія и нѣкоторое повышеніе ранга Духовной Коллегіи не могли измѣнить по существу положенія и характера ея, какъ *государственнаго* учрежденія. Напротивъ, параллельно съ тѣмъ, какъ постепенно сглаживались отличительныя черты Духовной Коллегіи, какъ именно коллегіи, все сильнѣе и рѣзче обрисовывался ея принципіально-юридически зависимый отъ верховной власти характеръ государственнаго учрежденія[2]).

Послѣдующія главы имѣютъ своею цѣлью, именно, показать:

1) что норма Духовнаго Регламента о составѣ Духовной Коллегіи стала нарушаться съ первыхъ дней ея существованія, а въ 1726 были совсѣмъ отмѣнены коллежскіе чины президента, вице-президента, совѣтниковъ и ассессоровъ, „ібо тѣ чины приличны болѣе къ свѣтцкимъ правленіямъ, а не къ Духовнымъ“[3]), а затѣмъ послѣдовали реформы устройства и состава Св. Синода, сдѣлавшія послѣдній въ значительной мѣрѣ непохожимъ на первоначальную Духовную Коллегію;

2) что Канцелярія и дѣлопроизводство Духовной Коллегіи — Св. Синода были организованы отчасти по типу Сената, отчасти же по типу коллегій, на основаніи общаго послѣднимъ Генеральнаго Регламента и во всякомъ случаѣ въ духѣ свѣтскихъ учрежденій;

3) что предметы вѣдомства, повидимому, опредѣленные уже въ Духовномъ Регламентѣ, потребовали тотчасъ по открытіи Духовной Коллегіи новыхъ опредѣленій, коими первоначальная компетенція ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была значительно расширена и приближена къ прежней патріаршей, что вызвало затѣмъ необходимость въ новыхъ ограниченіяхъ;

---

[1]) П. С. П. I, № 3.

[2]) См. ниже „Схематическое изображеніе положенія Православной Церкви въ Русскомъ государствѣ до и послѣ церковной реформы Петра Великаго“.

[3]) Гос. Арх., Кабинетъ I, кн. 31 л. 248 об.

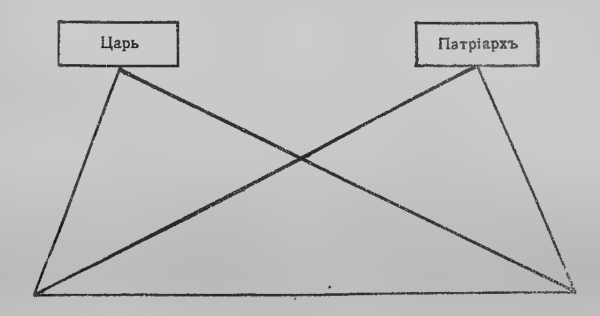
5) что Духовная Коллегія даже съ превращеніемъ въ Св. Синодъ осталась въ принципіальной юридической зависимости отъ Верховной Власти и Императорскихъ Совѣтовъ именно какъ одно изъ *государственныхъ* учрежденій;

4) что сама Духовная Коллегія — Св. Синодъ, стремясь къ установленію своего достоинства и власти среди другихъ государственныхъ учрежденій и органовъ, уже не искала положенія патріарха съ его „аки-бы собственной властью", а требовала, и притомъ не вполнѣ успѣшно, уравненія ея съ Сенатомъ, какъ второго высшаго государственнаго учрежденія имперіи съ признаніемъ вообще дуализма свѣтскаго и духовнаго чина.

СХЕМАТИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНІЕ ПОЛОЖЕНІЯ

Православной Церкви въ Русскомъ Государствѣ до и послѣ церковной реформы Петра Великаго.

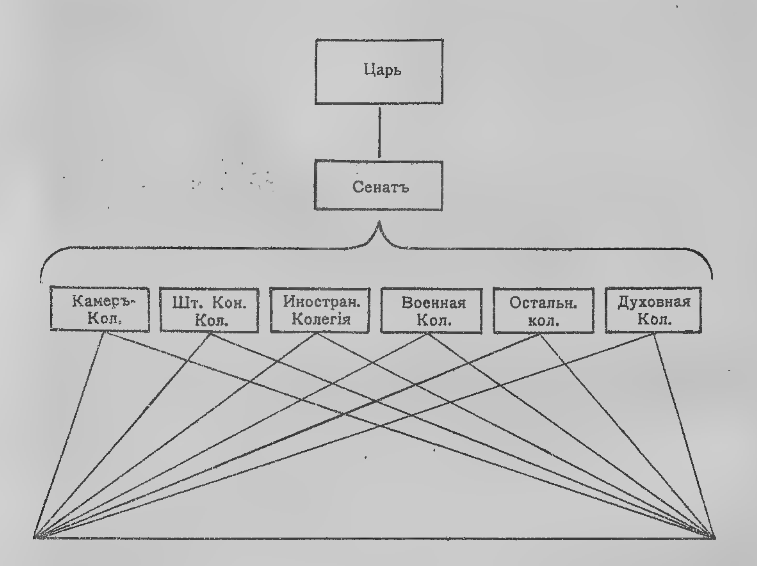
I. Московское двоевластіе царя и патріарха.

Въ московскую эпоху, при самобытности традиціонной власти патріарха, при тождествѣ цѣлей Церкви и государства, существовало двоевластіе царя и патріарха, простиравшееся въ равной мѣрѣ на все государство.

Примѣчаніе. Если вершины двухъ треугольниковъ съ одинаковымъ основаніемъ находятся на линіи, къ нему параллельной, то площади этихъ треугольниковъ равны.

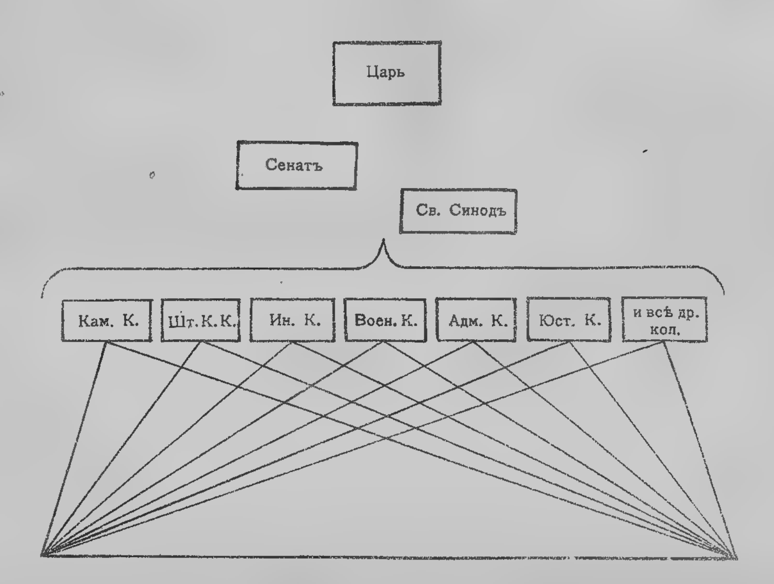
II. Единовластіе царя и введеніе Церкви съ составъ государственнаго управленія въ моментъ учрежденія Духовной Коллегіи 25 Января 1721 г.

Учрежденіе Духовной Коллегіи обезглавило Православную Русскую Церковь и ввело ее въ составъ государственнаго управленія, при чемъ Духовная Коллегія заняла одно изъ мѣстъ среди другихъ государственныхъ коллегій, подчинившись Сенату. Московское двоевластіе навсегда исчезло. Наступила строгая централизація государственной власти, осуществляемой царемъ чрезъ Правительствующій Сенатъ.

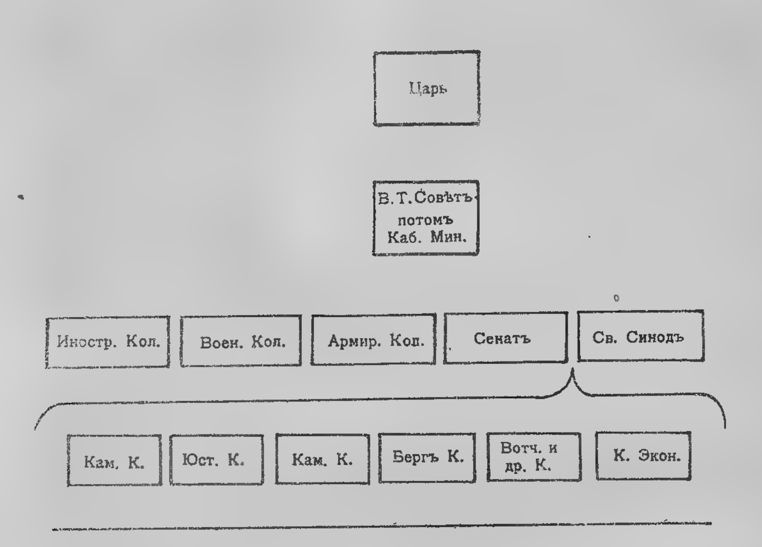
Примѣчаніе. Равенство власти (треугольниковъ) можетъ быть допущено лишь между Духовной Коллегіей и другими коллегіями.

III. Двоевластіе двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій со времени преобразованія Духовной Коллегіи въ „Св. Синодъ" до учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта (14 февраля 1721 г.—8 Февраля 1726 г.).

Съ начала постепеннаго преобразованія Духовной Коллегіи въ Св. Синодъ (т. е. начиная съ 14 февраля 1721 г.) предположенная Духовнымъ Регламентомъ строгая централизація государственной власти была нарушена. Церковная реформа вполнѣ не удалась. Наступило вновь двоевластіе, но уже не царя и Св. Синода, а двухъ одинаково зависимыхъ отъ царя *государственныхъ учрежденій*, при чемъ, не смотря на всѣ свои старанія, Св. Синодъ никогда не могъ вполнѣ уравняться съ Сенатомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ не вернулъ себѣ самобытности и юридической самостоятельности патріаршей власти и даже по компетенціи не сравнялся съ нимъ. Онъ по прежнему остался государственнымъ учрежденіемъ, созданнымъ и организованнымъ по волѣ царя и всецѣло юридически отъ него зависимымъ. Во внутреннемъ своемъ строѣ Св. Синодъ также по прежнему остался коллегіей, хотя и подъ другимъ названіемъ.

IV. Двоевластіе двухъ второстепенныхъ государственныхъ учрежденій со времени образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета Министровъ (1726—1741 г.).

Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета создало новое средостѣніе между Верховной Властью и Св. Синодомъ, который, будучи подчиненъ имъ, обратился уже во второстепенное учрежденіе. Сохранившееся при этомъ двоевластіе Св. Синода съ Сенатомъ, который все же былъ выше его, только подчеркиваетъ то униженіе Церкви, которое стало неизбѣжнымъ со времени учрежденія Духовной Коллегіи.

При желаніи, схематическое изображеніе положенія Церкви въ Россіи можно было бы продолжить для конца XVIII в., когда отношенія приближаются къ III-й фигурѣ; для начала XIX в. (учрежденіе Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ), когда они приближаются къ IV-й фигурѣ; для эпохи Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (1817—1824), когда Св. Синодъ оказался вспомогательнымъ органомъ при одномъ изъ отдѣленій Департамента этого Министерства; для позднѣйшей эпохи, когда Оберъ-Прокуроры Св. Синода стали министрами „Вѣдомства Православнаго Исповѣданія“ и, наконецъ, для нашихъ дней, когда Св. Синодъ оказался подчиненнымъ Государственной Думѣ и Государственному Совѣту на ряду съ другими вѣдомствами государственнаго управленія.

Глава VIII.

Составъ Духовной Коллегіи по ея Регламенту и постепенное искаженіе его началъ. Канцелярія и дѣлопроизводство Духовной Коллегіи.

Предположенія Духовнаго Регламента объ участіи мірянъ въ составѣ Духовной Коллегіи. Когда Ѳеофанъ Прокоповичъ писалъ свое „описаніе и разсужденіе“ Духовной Коллегіи, имѣя предъ своими глазами образецъ въ видѣ протестантскихъ консисторій, и преслѣдуя одну мысль создать безпристрастный коллегіальный органъ, юридически зависимый отъ Верховной Власти, онъ высказалъ мысль, что желаемое безпристрастіе и коллегіальность будутъ достигнуты „наипаче“ тогда, „егда Коллегіумъ состоится въ таковыхъ лицахъ, которымъ отнюдь невозможно тайно всѣмъ слагатися, си есть, аще будутъ лица разнаго чина и званія: Епископи, Архимандрити, Игумени и от властей бѣлаго священства: и что еще къ тому опасенію угоднѣйше, аще и от мірскаго чина присовокупленны будутъ къ духовнымъ честные и благоразумные особы. Во истинну не видать здѣ, како таковые другъ другу и открывати дерзнут коварное нѣкое умышленіе, не токмо что согласитися на неправость“[1]).

Высказавъ такую мысль *въ качествѣ предположенія*, Ѳеофанъ ярко выразилъ этимъ свои *протестантскія симпатіи* и лишній разъ показалъ, что образцомъ создаваемой имъ Духовной Коллегіи ему служила протестантская консисторія. Однако, если даже Ѳеофанъ и намѣревался ввести мірянъ въ составъ Духовной Коллегіи, то нельзя сказать, чтобы онъ выразилъ это въ Духовномъ Регламентѣ достаточно опредѣленно, ибо въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ Ѳеофанъ остается на традиціонной позиціи относительно мірянъ.

Уже въ заглавіи, приписанномъ на особомъ листкѣ и приклеенномъ на 2-мъ л. Черновой рукописи, было сказано, что это „Регламентъ, или Уставъ Духовного Коллегіумъ, по которому оное знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, также и мірскихъ лицъ, *поелику оные управленію духовному подлежатъ*“...

Затѣмъ во введеніи ко 2-й части своего „описанія и разсужденія“, перечисляя „пять чиновъ“, которые имѣютъ каждый свои обязанности, Ѳеофанъ на пятомъ мѣстѣ ставитъ: „Особы мірскіе, поелико участны суть *наставленія* духовного, яковое случается о правилныхъ и неправилныхъ бракахъ и протчихъ дѣлахъ, до свѣтских людей касающихся“[2]).

---

[1]) Д. Р. ч. I „Вины“, п. 5. Черн. рук. л. 3 об.—4. [2]) Черн. рук. л. 6.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и самый трактатъ о мірянахъ въ концѣ второй части Духовнаго Регламента. Здѣсь, въ заключеніе своихъ собственныхъ разсужденій о томъ, „почему міряне нарицаются міряне, и въ чемъ отъ чина духовнаго имѣютъ разнствіе?"—дается такой „Отвѣтъ. Понеже подобало быть опредѣленнымъ ученія духовнаго служителемъ и управителемъ, яковіи суть епископи и презвитери[1]), того ради, по преизяществу нѣкоему, воспріяли они титлу духовнаго чина. А ради служенія безкровной жертвы нарицаются по преизяществу и священницы. И потому уже прочіи, которыя *слышателие* и *ученицы оныхъ суть*, нарицаются просто міряне". Соотвѣтственно съ этимъ, собственно, католическимъ взглядомъ, Өеофанъ и далѣе не предоставляетъ мірянамъ никакихъ правъ, перечисляя въ 12-ти пунктахъ только ихъ обязанности.

Непосредственно послѣ трактата о мірянахъ, коимъ кончается ч. II-я, начинается ч. III-я, озаглавленная: „Самихъ управителей должность, дѣйство и сила". Въ ней Өеофанъ говоритъ „О самыхъ управителехъ, изъ которыхъ составляется Духовное Коллегіумъ".

Число членовъ по Духовному Регламенту. Здѣсь (по § 1) Өеофанъ первоначально считалъ достаточнымъ 12 лицъ. Эта цифра 12 попала и въ бѣловыя копіи Синодальную и Сенатскую, и въ Печатный текстъ[2]). Между тѣмъ въ манифестѣ 25 января 1721 г. составъ Духовной Коллегіи указанъ въ 11 лицъ и фактически именно столько и было назначено. Несомнѣнно, что именно поэтому Өеофанъ, уже послѣ изданія Духовнаго Регламента, своею рукою зачеркнулъ въ Черновой рукописи цифру „12" и подписалъ „11". Эти перемѣны свидѣтельствуютъ о неустойчивости взгляда на нужное количество членовъ Духовной Коллегіи.

Далѣе, по мнѣнію Өеофана, „правительствующими особами" должны были быть лица разнаго чина: Архіереи, Архимандриты, Игумены и Протопопы, изъ коихъ трое епископы, а прочихъ чиновъ „сколько котораго достойныхъ сыщется". Это мѣсто свидѣтельствуетъ о томъ, что, когда дѣло дошло до опредѣленной нормы, Өеофанъ уже не имѣлъ въ виду, или не рѣшился ввести въ составъ Духовной Коллегіи и мірянъ. Нельзя также приписывать Өеофану мысли, какъ это дѣлаетъ С. Г. Рункевичъ[3]), чтобы „изъ четырехъ „чиновъ" духовенства, полагавшихся въ Синодѣ, числу архіереевъ была отведена равная съ прочими доля: три изъ двѣнадцати", потому что числа „прочіихъ чиновъ" Өеофанъ не опредѣляетъ и ставитъ его въ зависимость отъ того, „сколько котораго достойныхъ сыщется".

Если же Өеофанъ удѣляетъ въ Коллегіи мѣсто только тремъ архіереямъ, то вѣроятно потому, что желаетъ именно архіереямъ дать три руководящія мѣста—президента и двухъ вице-президентовъ. Надо, впрочемъ,

---

[1]) Ср.: „обаче понеже немногія умѣют честь книги... того ради требуютъ руководства совершеннѣйшихъ мужей: того бо ради пастырскій чинъ от Бога уставленъ, дабы от Священнаго писанія научалъ ввѣренное себѣ стадо". Черн рук. л. 8

[2]) Черн. рук. л. 34 об. въ концѣ и прим. 235.

[3]) „Учрежденіе и первон. устр. Св. Синода" стр. 164—165.

замѣтить, что принципъ этотъ также не былъ впослѣдствіи выдержанъ, какъ и принципъ числа 12. Слѣдуетъ еще прибавить, что въ цѣляхъ соблюденія коллегіальности Ѳеофанъ требовалъ, чтобы архіереи и низшее духовенство были разныхъ епархій.

Опыты введенія мірянъ въ составъ Духовной Коллегіи. Таковы противорѣчащія другъ другу положенія и мысли Духовнаго Регламента. Эти противорѣчія служатъ яснымъ доказательствомъ того, насколько, съ одной стороны, сильно было у Ѳеофана желаніе возможно точнѣе воплотить въ Духовной Коллегіи ея прототипъ—протестантскую консисторію[1]), а съ другой стороны, какъ это трудно было ему самому, воспитанному іезуитами на ученіи о дуализмѣ церковнаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Ѳеофанъ очевидно долженъ былъ предвидѣть сильную оппозицію своей мысли ввести мірянъ въ составъ Духовной Коллегіи, почему и не включилъ ихъ, когда ему пришлось устанавливать этотъ составъ категорической нормою[2]). Въ виду той же оппозиціи, при окончательномъ редактированіи текста Духовнаго Регламента[3]), пришлось выбросить слова о мірянахъ и въ выше приведенномъ мѣстѣ[4]).

Надо, однако, замѣтить, что *два опыта* введенія въ составъ Духовной Коллегіи мірянъ были все-таки сдѣланы. Первый опытъ состоялъ въ томъ, что Петру былъ поднесенъ неизвѣстно кѣмъ составленный списокъ подходящихъ лицъ для назначенія въ составъ Духовной Коллегіи, среди которыхъ были упомянуты „мірскія (персоны): Василій Ершовъ, Михайло Аврамовъ или которыхъ царское величество изволитъ и сенаторы присовѣтуютъ по пропорцыи помянутаго коллегіумъ“[5]). Этотъ списокъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Второй опытъ состоялъ въ назначеніи ассессоромъ Св. Синода грека-бѣльца Анастасія Михайлова Наусія. Источники, говорящіе объ этомъ назначеніи, очень скудны свѣдѣніями. Въ опредѣленіи Св. Синода отъ 6 марта 1722 г. записано, что „Генваря въ 21 день,... Петръ Великій,... будучи въ прежде бывшей Канцеляріи, гдѣ нынѣ Ревизіонъ-Коллегія, *при слушаньѣ докладной записки о кандидатахъ*, указалъ имяннымъ Своего Величества повелѣніемъ: обрѣтающагося въ Москвѣ грека Анастасія Михайлова опредѣлить въ Св. Синодъ и чинъ и трактаментъ учинить ему по опредѣленію отъ Св. Синода. Оной именной указъ Его В. объявленъ того Синода вице-президентомъ преосвященнымъ Ѳеодосію и Ѳеофану. И марта 6 дня, по тому Е. И. В. и указу Св. Синодъ согласно приговорили: означенному греку Анастасію Михайлову *при* Св. Пр. Синодѣ имѣть званіе ассессоромъ,... *а отправленіе дѣлъ имѣть ему, каковыя отъ Св. Пр. Синода опредѣлятся*. И о томъ отправленіи учинить ему

---

[1]) Напомнимъ, что Ѳеофанъ такъ именно и называлъ Духовную Коллегію въ письмѣ своемъ Маркевичу 10 мая 1720 г.: „Absolvi denique pro Collegio seu Consistorio Ecclesiastico generali, constitutiones, vulgo Regulamentum“. Подробно въ гл. V, стр. 161.

[2]) Черн. рук. 34 въ концѣ, п. 1. [3]) См. выше стр. 164—173.

[4]) Черн. рук. л. 4 прим. 31.—Ср. выше стр. 172—173.

[5]) Гос. Архивъ, Кабинетъ II, кн. 50 л. 121. Текстъ списка см. выше стр. 179.

обычайную присягу, и по учиненіи той присяги опредѣленное правленіе чинить ему съ прилежно тщательнымъ радѣніемъ, какъ надлежитъ справедливому отправителю, о чемъ ему оной Е. И. В. указъ и Св. Синода опредѣленіе сказать въ Синодѣ обычайно"[1]).

Изъ этого опредѣленія видно, что Петръ не самъ назначилъ Наусія, а *по выслушаніи докладной записки о кандидатахъ*. Любопытно было бы знать, *кто* представилъ ему эту записку, и какая могла быть рѣчь о *кандидатахъ*, когда, какъ увидимъ ниже, въ началѣ 1722 г. въ составѣ Св. Синода были на лицо всѣ 11 членовъ, т. е. не было ни одной вакансіи? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ позволительно высказать то предположеніе, что представленіе исходило не со стороны, а именно отъ Синода, въ лицѣ обоихъ его вице-президентовъ, которые и передали Синоду 6 марта словесный указъ государя, данный еще 21 января. Какую цѣль могли они преслѣдовать введеніемъ Наусія въ составъ Св. Синода? Чистовичъ высказываетъ мнѣніе, что „назначеніе грековъ въ число синодальныхъ членовъ— Кондоиди и, вслѣдъ за нимъ, Анастасія[2]) Наусія сдѣлано, повидимому, съ тою цѣлью, чтобы имѣть въ лицѣ ихъ протекторовъ въ Синодѣ для восточныхъ христіанъ. Но это назначеніе,—говоритъ Чистовичъ,—не оправдалось ни съ какой стороны. Кондоиди хлопоталъ только о деньгахъ, „чтобы было не по обычаю грековъ—честь безъ денегъ, а по обычаю русскихъ—честь съ деньгами". Наусій ни слова не зналъ по-русски"[3]). Вѣрно или нѣтъ понимаетъ Чистовичъ эту цѣль, не можетъ быть все-таки большихъ сомнѣній въ томъ, что какая то особая цѣль была. Это подтверждаютъ подчеркнутыя выше слова синодальнаго опредѣленія: „а отправленіе дѣлъ имѣть ему, *каковыя отъ Св. Синода опредѣлятся*". Каждый изъ членовъ Св. Синода входилъ въ составъ одной *коллегіи*, обязанности которой были опредѣлены Духовнымъ Регламентомъ и послѣдующими узаконеніями, и хотя бывало, что Св. Синодъ давалъ своимъ членамъ отдѣльныя порученія, однако приведенная выше фраза все таки даетъ понять, что назначеніе Наусія не было вызвано *съ самаго начала* опредѣленною цѣлію. Такой выводъ косвенно подтверждается тѣмъ, что Наусій въ сущности почти не присутствовалъ въ Синодѣ. Онъ попалъ въ него въ мартѣ 1722 г., когда Св. Синодъ былъ въ Москвѣ[4]). Когда же Св. Синодъ собрался возвращаться въ С.-Петербургъ, то Анастасій Наусій вмѣстѣ съ другими членами не поѣхалъ, а осенью 1723 г. прислалъ въ Св. Синодъ униженную просьбу, въ которой писалъ: „Съ глубочайшею покорностію и благодарностію признаю Высочайшую Е. И. В. милость въ томъ, што пожаловалъ указалъ мнѣ негодному быть послѣднимъ членовъ Высокоправительствующаго Св. Синода, и повинность мою знаю, што надлежало мнѣ, повелѣніе Св. Синода исполняючи, ѣхать

[1]) П. С. П. II, 462.—О. А. С. С. II, № 92.

[2]) У *Чистовича* ошибочно сказано: „Афанасія".

[3]) *Чистовичъ*, Феофанъ Прокоповичъ, 98.

[4]) Въ царствованіе Петра Св. Синодъ выѣзжалъ въ Москву дважды и пробылъ тамъ съ конца 1721 г. до весны 1723 г. и три мѣсяца 1724 г. *С. Г. Рункевичъ*, 391—399.

въ С.-Петербургъ, но по моему безсчастію застигли мене и челядниковъ моихъ скорби, которые и не допустили мене мою должность исправить, къ тому же мое одиночество и не заобычность здѣшняго путешествія не малое мнѣ препятствіе принесли, для того съ подданнѣйшею покорностію прошу, дабы Св. Синодъ въ вину не причелъ мое укосненіе и если возможно пожаловалъ бы уволилъ мене здѣсь быть до перваго зимняго пути; о семъ паки и паки раболѣпно прося и благословенія Вашего Святѣйшества съ достодолжнымъ моимъ повиновеніемъ желая, челомъ бью Вашего Святѣйшества нижайшій рабъ А. Н.". Въ тотъ же день приговорено было: „оному ассессору Наусію для показанныхъ его нуждъ нынѣ въ С.-Петербургъ пріѣзда не имѣть, а пребывать въ Москвѣ до указу"[1]). Однако и въ Москвѣ Анастасіемъ не дорожили. Уѣзжая въ С.-Петербургъ, Св. Синодъ 20 марта 1723 г. оставилъ въ Москвѣ совѣтника симоновскаго архимандрита Петра, назначивъ состоять при немъ ассессоромъ андроньевскаго архимандрита Діонисія и судью канцеляріи розыскныхъ раскольническихъ дѣлъ Топильскаго[2]), а Наусій остался не при чемъ. Уволенный въ безсрочный отпускъ Анастасій все таки прибылъ (когда—неизвѣстно) въ С.-Петербургъ и здѣсь 11 февраля 1725 г. умеръ, оставивъ послѣ себя небогатое имущество и завѣщаніе[3]). Роль его въ Синодѣ прошла совершенно незамѣченной.

Остается коснуться вопроса, кто такой былъ Анастасій Наусій? Источники называютъ его просто „грекъ-бѣлецъ", но что значитъ выраженіе „бѣлецъ"—не ясно. Есть ли это просто мірянинъ, или лицо, принадлежащее къ *бѣлому* духовенству[4]), хотя и не имѣющее священнаго сана? Слѣдуетъ имѣть въ виду, что тонсура очень долго держалась на Востокѣ и на Руси и когда она совсѣмъ вышла изъ употребленія—неизвѣстно. Московскій соборъ 1675 г. постановилъ „протопресвитери и протодіакони, іереи же мірстіи и діакони долженствуютъ ходити въ скуфіахъ, во знаменіе священнаго духовнаго ихъ чина и рукоположенія архіерейскаго, *на главахъ же имѣти простриженo зовемое гуменцо немало.* Власы же оставляти по круглости главы, еже являетъ терновый вѣнецъ, его же носи Христосъ"[5]). „Можно предположить,—говоритъ г. Неселовскій,—что если бы въ Греціи духовенство перестало носить тонсуру раньше XVII в., то ея примѣру послѣдовала бы и Русская Церковь"[6]). Можно предположить, однако, и то, что тонсура удержалась на Востокѣ и въ первой четверти XVIII ст. и тогда выраженіе „грекъ-бѣлецъ", безъ какого-либо упоминанія о священномъ санѣ, можно было бы понять и такъ, что Анастасій Наусій былъ именно клирикъ, принявшій тонсуру и ходившій въ духовномъ платьѣ, а не совсѣмъ простой мірянинъ. При такомъ толкованіи было бы легче объяснить

---

1) О. А. С. С. III, № 496. 2) *С. Г. Рункевичъ*, 403.

3) О. А. С. С. V, № 43.

4) Ср. наименованіе Аѳанасія Кондоиди греческимъ *чернымъ* священникомъ.

5) *А. Неселовскій*, Чины хиротесій и хиротоній. Каменецъ-Подольскъ, 1906, стр. 18.—*Амвросій*, „Ист. рос. іерархіи". Ч. I, М. 1807 „Соборное дѣяніе 1675 г." стр. 344.

6) Тамъ же.

назначеніе его въ Св. Синодъ, гдѣ должны были быть и всегда были членами только лица, принадлежащія къ черному или бѣлому *духовенству*. Въ параллель съ назначеніемъ не имѣвшаго священнаго сана *бѣльца* Наусія можно было бы поставить назначеніе 14 февраля 1722 г. *монаха* Ѳеофила Кролика, только 11 марта того же года рукоположеннаго въ іеромонаха[1]).

Какъ бы то ни было, но случай назначенія „бѣльца" (клирика или чистаго мірянина) былъ единственный въ исторіи Св. Синода и не создалъ собою никакого прецедента. Не имѣя никакого принципіальнаго значенія, этотъ случай достаточно свидѣтельствуетъ о шаткости принциповъ, положенныхъ въ основу реформы церковнаго управленія въ Россіи. Создавая по протестантскому образцу учрежденіе, имѣвшее своею цѣлью замѣстить лицо Всероссійскаго патріарха, членами этого учрежденія назначали людей не только съ сомнительными достоинствами, какъ, напр., Варлаама Овсянникова, уже въ декабрѣ 1723 г. лишеннаго сана и монашества[2]), или Аѳанасія Кондоиди, мало понимавшаго по-русски шпіона[3]), но простыхъ монаховъ—Ѳеофила Кролика[4]), или грека Анастасія Наусія, о которомъ исторія не можетъ категорически сказать даже того, кто онъ былъ.

Между тѣмъ составъ Духовной Коллегіи былъ точно опредѣленъ въ Духовномъ Регламентѣ—изъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ[5]); ей присвоенъ былъ титулъ *Святѣйшаго* Пр. Синода и духовенство добивалось того, чтобы было признано, что „Духовная Коллегія имѣетъ честь, силу и власть Патріаршескую, или едва и не большую, понеже соборъ"[6]).

Но возвратимся къ обзору дѣйствительнаго состава Св. Синода въ царствованіе Петра Великаго.

Фактическія перемѣны въ личномъ составѣ Св. Синода за 1721—1725 гг. Какъ сказано было выше[7]), 26 января 1721 г. въ составъ Духовной Коллегіи были назначены:

1 Президентъ Стефанъ Яворскій, Митрополитъ Рязанскій.
2 Вице-Президента Ѳеодосій Яновскій, Архіепископъ Новгородскій.
Ѳеофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Псковскій.
4 Совѣтника Петръ Смѣличъ Архимандритъ Симоновскій.
Леонидъ Архимандритъ Высокопетровскій.
Іероѳей Прилуцкій Архимандритъ Донской.
Гавріилъ Бужинскій Архимандритъ Ипатьевскій.
3 Ассессора Іоаннъ Семеновъ Протопресвитеръ Троицкій.
Петръ Григорьевъ Іерей Сампсоніевскій.
Анастасій Кондоиди черный греческій священникъ[8]).

---

[1]) *С. Г. Рункевичъ*, 218. [2]) Тамъ же, 217-218. [3]) Тамъ же, 215—217.
[4]) Тамъ же, 218. [5]) Черн. рук. л. 34 въ концѣ п. 1.
[6]) П. С. П. I, № 3. [7]) стр. 182.
[8]) Итого 5 западно-руссовъ, одинъ сербъ (Петръ Смѣличъ), одинъ грекъ (Кондоиди) и четыре великоросса. *К. В. Харламповичъ*, Малороссійское вліяніе на великорусскую церковную жизнь. Казань 1914, стр. 471.

9 февраля 1721 г. *четвертымъ* ассессоромъ и Оберъ-Секретаремъ Духовной Коллегіи былъ избранъ самими этими членами іеромонахъ Александро-Невскаго монастыря Варлаамъ Овсянниковъ[1]).

Такой составъ продержался не долго.

14 февраля 1722 г. *пятымъ* ассессоромъ былъ назначенъ *монахъ* Θеофилъ Кроликъ. Назначеніе его исходило отъ Св. Синода, повидимому, безъ всякаго участія Государя. Только 11 марта онъ былъ рукоположенъ въ іеромонаха[2]).

6 марта того же 1722 г. по опредѣленію Св. Синода *шестымъ* ассессоромъ былъ назначенъ „грекъ-бѣлецъ", повидимому вовсе не знавшій русскаго языка, Анастасій Михайловъ Наусій. Его назначеніе состоялось по докладу Государю Θеодосія и Θеофана, въ Ревизіонъ-Коллегіи, на который онъ выразилъ свое согласіе еще 21 января 1722 г., предоставивъ Синоду „опредѣлить ему чинъ и трактаментъ"[3]).

18 февраля 1722 г. совѣтникъ архимандритъ Леонидъ былъ хиротонисанъ во епископа Сарскаго и Подонскаго[4]), оставшись, однако, совѣтникомъ Св. Синода, впрочемъ, только номинально[5]). Тогда, какъ бы на его мѣсто, былъ назначенъ *пятымъ* совѣтникомъ Θеофилактъ Лопатинскій, архимандритъ Заиконоспасскаго монастыря ректоръ Славяно-Латинскихъ школъ въ Москвѣ. 9 марта 1722 г. онъ былъ сдѣланъ архимандритомъ Чудова монастыря вмѣсто арх. Геннадія[6]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ произошли перемѣны и въ служебномъ положеніи членовъ Синода. Кромѣ Леонида и Θеофилакта, 20 марта 1722 г.—Гавріилъ Бужинскій, архимандритъ Ипатьевскій, былъ назначенъ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря[7]). Іеромонахъ Варлаамъ Овсянниковъ былъ сдѣланъ игуменомъ Николаевскаго Угрѣшскаго монастыря. Анастасій Кондоиди былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Аθанасія и 2 марта 1722 г. сдѣланъ игуменомъ Ярославскаго Толгскаго монастыря[8]), а іерей Петръ Григорьевъ—протопресвитеромъ Петропавловскаго Собора.

Наконецъ, 27 ноября 1722 г. умеръ Стефанъ Яворскій.

Такимъ образомъ въ 1722 г. въ составѣ Св. Синода оказалось уже *15 членовъ*, изъ нихъ 1 президентъ—митрополитъ; 2 вице-президента—архіепископы; 5 совѣтниковъ—1 архіепископъ и 4 архимандрита; 6 ассессоровъ—2 игумена, 2 протопресвитера, 1 іеромонахъ и 1 „грекъ-бѣлецъ". Всѣ они подписались подъ „Прибавленіемъ" къ Духовному Регламенту. Къ концу 1722 г. было 14 членовъ.

---

1) П. С. П. II, 403.—*С. Г. Рункевичъ*, 218. 2) *С. Г. Рункевичъ*, 218.

3) П. С. П. II, 462.—О. А. С. С. II, № 92.—П. С. П. IV, 1304.

4) О. А. С. С. 1722 указатель.—„Списки архіереевъ іерархіи всероссійской и архіерейскихъ каθедръ со времени учрежденія Св. Пр. Синода (1721—1895). Спб. 1896, стр. 5, № 24.—*Н. Д.*, Іерархія Всероссійской Церкви, в. I, М. 1892, стр. 28

5) Ему была поручена Синодальная Область. П. С. П. II, 508.

6) О. А. С. С. II, 695, 246; П. С. П. II, 421.

7) П. С. П. II, 493.—О. А. С. С. II, 397. 8) О. А. С. С. II, 166; П. С. П. II, 401.

Въ 1723 г. Ѳеофилактъ Лопатинскій былъ хиротонисанъ иск.
Тверского, но остался совѣтникомъ Синода[1]).

На его мѣсто, Чудовскимъ архимандритомъ былъ сдѣлан 28 і
1723 г. іеромонахъ Ѳеофилъ Кроликъ, который 16 сентября 17 воз
денъ въ чинъ совѣтника[2]).

Тогда же 16 сентября 1723 г. былъ уволенъ изъ ассессор Син
протопопъ Іоаннъ Семеновъ[3]).

На его мѣсто ассессоромъ Св. Синода по докладу его, ут енно
Государемъ 16 сентября 1723 г.[4]), былъ назначенъ архимандрит ...лязи
монастыря Рафаилъ Заборовскій.

8 іюля 1723 г. игуменъ Ярославскаго Толгскаго монастыр ...зана
Кондоиди былъ сдѣланъ архимандритомъ Ярославскаго Спасска ...настн
ря[5]), гдѣ онъ и провелъ зиму 1723—1724 гг.[6]).

Бывшій игуменъ Угрѣшскаго монастыря Варлаамъ Овсянни ... асс
соръ и Оберъ-Секретарь Св. Синода 5 февраля 1723 г. былъ ...ован
а затѣмъ, по именному указу 11 декабря 1723 г., лишенъ св ...ства
монашества, а слѣдовательно и своихъ должностей въ Синодѣ[7])

Наконецъ, послѣ смерти митрополита Стефана Яворскаго ... нояб
1722 г. на его мѣсто никто не былъ назначенъ президентомъ С ...ино,
За то Ѳеодосій Яновскій, первый изъ вице-президентовъ, сталъ ...дпис
ваться въ качествѣ *„первенствующаго члена“*.

Такимъ образомъ къ концу 1723 г. въ составѣ Св. Синода ...:

1 Президентъ—вакансія.

2 Вице-Президента—архіепископы, изъ нихъ одинъ: „пер ...ующ
членъ Св. Синода“.

5 Совѣтниковъ—1 архіепископъ, 1 епископъ, 3 архиманд...

5 Ассессоровъ—3 архимандрита, 1 протоіерей и 1 грекъ-б...

Иными словами въ Св. Синодѣ къ концу 1723 г. было 1 ...енов
вмѣсто 11, при чемъ президента не было вовсе, число совѣтник ... ассе
соровъ превышало норму. Кромѣ того не было никакой послѣ... ельн
сти въ распредѣленіи членовъ по сану.

Въ 1724 г. въ составѣ Св. Синода не произошло никак ...змѣн
ній, за то 12 января 1725 г. Петръ Великій, будучи на ассамбл ... дом
гр. Толстого, въ присутствіи синодальныхъ членовъ указалъ: ... Санк
питербурхѣ съ содержащими годовую чреду священнослуженія ...ереям
быть и изъ архимандритовъ, которые въ чинъ архіерейства избр ... бы
могли бъ, въ годовой же священнослуженія чредѣ, по двѣ пер ...*кото*
рымъ и засѣдать въ Св. Синодѣ съ членами по обыкновенію ... осно
ваніи этого указа Св. Синодъ приговорилъ: „въ нынѣшнюю с ... 1725

1) *С. Г. Рункевичъ*, 213. 2) О. А. С. С. III, 374.
3) *С. Г. Рункевичъ*, 214—215. 4) О. А. С. С. III, 374.
5) *Барсовъ*, 263.—О. А. С. С. III, 392.
6) П. С. П. IV, 1219.—*Рункевичъ*, 217.
7) П. С. П. III, 1150.—*Барсовъ*, 263.—*Рункевичъ*, 217.—*Ольшевскій*,

священнослуженія чреду съ преосв. Епифаніемъ, епископомъ Бѣлоградскимъ и Обоянскимъ, быть съ Костромы Ипатскаго м. архимандриту Серапіону, да изъ Казани Спасскаго м. архимандриту Іонѣ Салникѣеву"[1]). Въ 1726 г. на чреду священнослуженія были вызваны архимандриты Спасо-Прилуцкаго м. Арсеній и Горицкаго Переяславскаго Левъ (Юрловъ)[2]).

Это распоряженіе Петра о присутствованіи въ Синодѣ наравнѣ съ его членами и архимандритовъ, вызываемыхъ на чреду священнослуженія, *почему то только архимандритовъ*, вносило совершенно новую струю и нарушало юридическій характеръ *должности* члена Духовной *Коллегіи*. Не имѣя возможности и даже повода протестовать противъ этого, а можетъ быть будучи сами и иниціаторами такого рода указа, остальные синодальные члены постарались оформить дѣло требованіемъ принесенія такими архимандритами „присяги членовъ Духовной Коллегіи". Впервые это требованіе было выражено по отношенію къ архимандриту Іонѣ Салникѣеву, который засѣдалъ въ Св. Синодѣ еще съ 16 апрѣля 1725 г. По принесеніи имъ присяги велѣно было „при собраніяхъ въ Св. Синодѣ членовъ, пріѣздъ и выѣздъ его архимандричей записывать, и протоколы къ крѣпленію ему предлагать по обыкновенію съ членами неотмѣнно, и другимъ впредь исполнять по томужъ неотложно"[3]).

И дѣйствительно, вызываемые въ С.-Петербургъ архимандриты присутствовали на засѣданіяхъ Синода, подписывались подъ его опредѣленіями и вообще входили въ составъ Св. Синода.

Мало того, къ подписанію въ протоколахъ Св. Синода тѣхъ статей, которыя не подписалъ, по неизвѣстнымъ причинамъ Аѳанасій (Кондоиди), епископъ Вологодскій, приглашался почему то Игнатій (Смола), митрополитъ Коломенскій и Каширскій[4]).

Въ 1725 г. произошли еще и другія перемѣны. Уже послѣ смерти Петра, а именно 13 мая 1725 г., былъ отрѣшенъ отъ должности вице-президента Св. Синода, отъ управленія Новгородскою епархіею и отъ намѣстничества въ Александро-Невскомъ монастырѣ, и сосланъ въ Корельскій монастырь на неисходное житіе подъ воинскимъ карауломъ—Ѳеодосій Яновскій[5]), при чемъ Высочайшимъ указомъ 10 іюля архіепископомъ Новгородскимъ и первымъ вице-президентомъ былъ назначенъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, а Ѳеофилактъ Лопатинскій, архіепископъ Тверской, изъ совѣтниковъ произведенъ во второго вице-президента Св. Синода[6]).

Затѣмъ 2 Іюля 1725 г. Св. Синодъ „разсуждая Тіунской Конторы о судьѣ, Троицкаго собора протопопѣ Иванѣ Семеновѣ, который имяннымъ указомъ опредѣленъ въ Св. Синодѣ ассессоромъ, и засѣданіе имѣлъ съ начала Синода по сентябрь 1723 г. мѣсяцъ, въ которомъ велѣно ему быть собственно судьею у дѣлъ въ Тіунской Конторѣ, чего для въ указѣхъ Св.

---

1) П. С. П. IV, 1452; см. еще 1176. 2) *Барсовъ*, 264.
3) П. С. П. V, 1536. 4) П. С. П. V, стр. 559.
5) П. С. П. V, 1542. П. С. З. VI, 4717. 6) П. С. П. V, 1616.

Синода во оную Тіунскую Контору ассессорскаго его чина не упоминается, согласно приговорили: оному протопопу Ивану Семенову именоватца, по прежнему, синодальнымъ членомъ... и писать его синодальнымъ ассессоромъ и Тіунской Конторы судіею"[1]).

Кромѣ того, 7 августа 1725 г. Императрица Екатерина, „будучи въ лѣтнемъ Своего Величества домѣ, по словеснымъ синодальнаго вице президента преосвященнаго Ѳеофилакта, архіепископа Тферскаго и Кашинского, также и по его совѣтническимъ (архимандрита Гавріила Бужинскаго, объявлявшаго этотъ указъ) со общаго совѣта отъ всего Св. Синода докладамъ о нижепоказанныхъ дѣлахъ, указала": архимандрита Рафаила посвятить во епископа Псковскаго и оставить совѣтникомъ Синода[2]) и др.

Наконецъ, 23 августа совѣтникомъ Синода былъ сдѣланъ Георгій Дашковъ, епископъ Ростовскій и Ярославскій[3]).

Такимъ образомъ въ 1726 г. въ составѣ Св. Синода были: президентъ—вакансія; 2 вице-президента—архіепископы; 8 совѣтниковъ—1 архіепископъ, 2 епископа, 5 архимандритовъ и 2 ассессора—протопопы, всего 12 человѣкъ[4]), не считая чередныхъ архимандритовъ и митрополита Игнатія.

Раздѣленіе Св. Синода на два аппартамента, и упраздненіе коллежскихъ чиновъ. Неустойчивость состава Св. Синода на этомъ не остановилась. Когда 8 февраля 1726 г. учрежденъ былъ Верховный Тайный Совѣтъ, въ государственномъ управленіи Россіи произошелъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе крупныхъ и мелкихъ измѣненій. Между прочимъ, рѣшено было раздѣлить Св. Синодъ на *два аппартамента*. Сохранившійся въ Государственномъ Архивѣ (Кабинетъ, I, кн. 31) и опубликованный мною въ моей книгѣ: „Населенныя недвижимыя имѣнія"... черновой текстъ указа объ этомъ 15 іюля 1726 г., между прочимъ, обнаруживаетъ, какія колебанія были относительно состава Св. Синода. Этотъ текстъ утверждаетъ, что „синодальному правленію по регламенту духовному опредѣлено быть і с президентомъ одиннадцати персонамъ, а нынѣ с протопопами і з двумя вновь определенными архимандритами і кромѣ президента тринадцать человѣкъ і хотя то собраніе в немаломъ числѣ состоитъ а дѣла зѣло ідутъ медленно"... „того для, ради лутчаго успѣху в дѣлахъ, раздѣлить нынѣ св. синодъ на два аппартамента", въ одномъ должны были засѣдать духовныя лица, но кто—не сказано; въ другой же аппартаментъ предполагалось опредѣлить „двухъ персонъ духовныхъ да двухъ свѣтскихъ вмѣсто двухъ протопоповъ" для занятій судомъ, расправою, сборами и экономіею.

---

1) П. С. П. V, 1601, О. А. С. С. III, 314. 2) П. С. П. V, 1630. 1638.

3) П. С. П. V, 1638.

4) *Барсовъ*, 265—266. По счету проекта указа 15 іюля 1726 г.,—даже 13 человѣкъ, кромѣ президента. См. Гос. Арх. Кабинетъ I, кн. 31. Напечатанъ въ *моей книгѣ* „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближ. преемникахъ Петра Великаго", Спб. 1909 Приложеніе I.

Замѣчательно, что оба аппартамента должны были засѣдать особо, „толкобы о важныхъ і великихъ дѣлахъ оба аппартамента соглашались і подписывались всѣ". Такимъ образомъ въ составъ Св. Синода въ такой формѣ вводились и два свѣтскія лица. Понятно, что и титулъ Синода долженъ былъ измѣниться, и дѣйствительно предполагалось: „А писать бы ихъ всѣхъ тако: духовной синодъ, а не святѣйшій синодъ, і вице президентовъ отставить, ібо тѣ чины приличны болѣе къ свѣтцкимъ правленіямъ, а не к духовнымъ".

Къ этому проекту тогда же придуманы и варіанты. Такъ на оборотѣ л. 256 (Кабинетъ, I, кн. 31; у меня, приложеніе I, стр. 2, прим. 1) читаемъ: „того ради мы за благо разсудили для лутчаго ісполненія синодальнаго правительства учинить нынѣ два собранія или совѣта, в которыхъ бы было в каждомъ по 4 или по 5 персонъ. В первомъ чтобы засѣдали ученые... (а въ второмъ) надлѣжитъ быть вмѣсто протопоповъ двумъ или тремъ свѣтскимъ персонамъ знатнымъ и повѣреннымъ"... Къ этому же мѣсту былъ еще варіантъ: „нынѣ ихъ много, того для здѣлать 6 персонъ духовныхъ в томъ числѣ троихъ ученыхъ, да двоихъ или троихъ, кои больше знаютъ судъ и росправу также экономію, свѣтскихъ вмѣсто протопоповъ, и за такое жъ жалованье, а протопоповъ къ церквамъ".

Въ окончательной редакціи указа 15 іюля 1726 г. было сказано, что „первый (аппартаментъ) имѣетъ состоять во шти персонахъ архіереевъ, а имянно въ томъ аппартаментѣ быть: новгородскому Ѳеофану, ростовскому Георгію, рязанскому Ѳеофилакту, воронежскому Іосифу, вологодскому Кондоиди, Игнатію бывшему суздальскому, *которымъ засѣданіе свое имѣть по степенямъ епархей ихъ*"... Во второй аппартаментъ опредѣлены были 5 свѣтскихъ лицъ[1]).

Такимъ образомъ нормальный составъ Св. Синода, этой „Духовной Коллегіи", былъ рѣзко нарушенъ. Вмѣсто одного присутствія было образовано два совершенно разнохарактерныхъ. Второй аппартаментъ скоро превратился въ Коллегію Экономіи[2]), между тѣмъ, какъ собственно Духовный Синодъ составился исключительно изъ шести и даже пяти архіереевъ[3]). Низшее духовенство было вытѣснено.

Эти архіереи уже не носили званій чиновъ коллегіи, президента, вице-президентовъ и проч., а именовались вообще „синодальными членами, синодальными архіереями". Сначала предполагалось, что они ничѣмъ не будутъ касаться своихъ епархій, станутъ т. сказ. безепархіальными, а вмѣсто нихъ будутъ викаріи. Но это не осуществилось[4]).

14 іюня 1727 г. былъ уволенъ въ свою Вологодскую епархію Аѳанасій Кондоиди и царствованіе Императрицы Екатерины закончилось при наличности всего четырехъ членовъ въ Синодѣ.

---

1) П. С. З. VII, 4919; П. С. П. V, 1819. Мое сочиненіе стр. 17.

2) Мое сочиненіе „Насел. недв. имѣнія"...

3) Воронежскій епископъ Іосифъ въ концѣ 1726 г., до прибытія въ Св. Синодъ, заболѣлъ и умеръ. Мѣсто его осталось не занятымъ. *Барсовъ*, 269.

4) *Барсовъ*, 269, 268.—Мое сочиненіе, 21.

Въ царствованіе Анны Іоанновны послѣдовали новыя реформы Св. Синода, составъ его многократно измѣнялся и послѣ и принципіально не опредѣленъ до сихъ поръ[1]).

Канцелярія и дѣлопроизводство Духовной Коллегіи. Духовный Регламентъ былъ написанъ первоначально, какъ „описаніе и разсужденіе“ Духовной Коллегіи, и то не вполнѣ законченное. Понятно поэтому, что въ немъ не было сдѣлано никакихъ указаній на устройство при Духовной Коллегіи канцеляріи и о порядкѣ ея дѣлопроизводства. Однако къ моменту открытія дѣятельности Духовной Коллегіи это все таки нужно было сдѣлать. Какъ одна изъ коллегій, Духовная Коллегія должна была взять себѣ въ руководство тѣ же начала и правила, на основаніи которыхъ онѣ дѣйствовали. Это и было отмѣчено въ первомъ печатномъ изданіи Регламента 16 сентября 1721 г. въ словахъ: „о дѣйствахъ Духовныя Коллегіи собственно здѣ не написано; *понеже Царское Величество приказалъ дѣйствовать по Генеральному Регламенту*“[2]).

Но фактически къ 14-му февраля 1721 г. положеніе вещей уже измѣнилось. Появилась тенденція вывести Духовную Коллегію изъ ряда коллегій вообще и приблизить ее къ Сенату, возстановивъ, по возможности, утраченное двоевластіе. Тогда, разумѣется, оказалось, что Генеральный Регламентъ, данный свѣтскимъ коллегіямъ, Синоду не во всемъ подходитъ[3]), а потому его канцелярію и дѣлопроизводство пришлось организовать отчасти, какъ въ другихъ коллегіяхъ, отчасти же по образцу Сената, наприм., вмѣсто секретаря былъ назначенъ *оберъ*-секретарь, учреждена должность экзекутора[4]), а впослѣдствіи, вмѣсто простого прокурора, былъ назначенъ Оберъ-Прокуроръ и т. д.[5]). Впрочемъ, всѣ эти перемѣны касались только внѣшняго положенія Св. Синода въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій и лишь подчеркивали внутреннее существо его, какъ именно *государственнаго*, а не церковнаго учрежденія. Въ этомъ отношеніи очень любопытной представляется исторія синодальной *печати*. Извѣстно, что одною изъ необходимыхъ подробностей всякаго оффиціальнаго дѣлопроизводства является приложеніе печати, при чемъ изображеніе печати всегда носитъ въ себѣ извѣстные символы власти того лица или учрежденія, которое выдаетъ документъ. Съ этой точки зрѣнія весьма характерна судьба печатей московскихъ патріарховъ. Тогда употреблялось *три* печати. Первая —„двойная“,—устроенная при патріархѣ Адріанѣ, съ вырѣзанными на одной сторонѣ ея Успенія Пресв. Богородицы, а на другой—двухъ рукъ „благословляющихъ“. Вторая—„одинокая“,—съ изображеніемъ одной бла-

---

[1]) *Барсовъ*, 270 и слѣд. Ср. мнѣніе самого Ѳеофана 20 мая 1730 г. о присутствованіи въ Св. Синодѣ большему числу архіереевъ—непремѣнныхъ членовъ. О. А. С. С. т. X, № 200.

[2]) Въ изданіи Москва, 1897, см. стр. 90.

[3]) П. С. П. I, № 118, стр. 165. [4]) П. С. П. IV, 1410.

[5]) Подробности очень обстоятельно разсказаны у *С. Г. Рункевича*, стр. 231. 290 и 333—391.

господляющей руки и третья, для самыхъ простыхъ документовъ—съ одною лишь надписью: „печать патріарша домовая“. Объ этихъ печатяхъ было представлено Св. Синоду, который 28 февраля 1722 г. замѣнилъ ихъ „*своею*“ печатью двухъ видовъ: на одной было вырѣзано „Печать Сνнодальнаго дому“ въ соотвѣтствіе съ третьей патріаршей печатью; на другой же большой печати, вмѣсто первыхъ двухъ патріаршихъ, велѣно было вырѣзать *гербъ Его Императорскаго Величества и синодальное именованіе*[1]).

Такимъ образомъ и въ этомъ символѣ сказалась утрата русской церковной властью своей былой самостоятельности и ея государственная бюрократизація.

Выводы. Всѣ изложенныя здѣсь колебанія и перемѣны свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно было послѣдовательно выдержать идею Духовной Коллегіи. Въ то время, какъ другія коллегіи подчинялись извѣстнаго рода нормѣ, въ Духовной Коллегіи относительно ея состава незамѣтно одного общаго принципа. Число членовъ, ихъ коллежскіе ранги, іерархическія степени, способы назначенія и т. д.—были совершенно непостоянны. И въ этомъ непостоянствѣ можно видѣть не только неумѣніе вообще выдержать норму, неумѣніе столь обычное для того, въ своемъ родѣ примитивнаго, времени. Нельзя не замѣтить, что послѣдовательно выдержанная въ Духовномъ Регламентѣ мысль учредить Духовную Коллегію, во всемъ тождественную съ остальными петровскими коллегіями, одинаковаго съ ними *государственнаго* характера, въ своемъ осуществленіи встрѣтилась съ существованіемъ церковной іерархіи и священства, какъ самобытнаго института, вполнѣ независимаго отъ государства, съ которымъ послѣднему необходимо было считаться, и при томъ института со своей традиціонной компетенціей. Естественно что слишкомъ теоретическія идеи Өеофана Прокоповича должны были уступить предъ началами болѣе авторитетными и древними и фактами болѣе конкретными. Однако, при сохраненіи государственнаго характера Св. Синода, всѣ остальныя перемѣны въ немъ, какъ, напр., въ отношеніи личнаго состава канцеляріи и дѣлопроизводства, не измѣняли существа дѣла и не устанавливали новыхъ твердыхъ началъ.

---

1) О. А. С. С. II, № 74, 181.—П. С. П. II, 400.

Глава IX.

Предметы вѣдомства Духовной Коллегіи и стремленіе духовенства къ расширенію ихъ до степени силы и власти патріаршей.

Власть митрополитовъ всея Руси. Какъ извѣстно, въ первые вѣка центральною національною церковною властью въ Россіи былъ митрополитъ кіевскій и всея Руси, жившій сначала въ Переяславлѣ (полтавскомъ) затѣмъ въ Кіевѣ, Владимірѣ на Клязьмѣ и, наконецъ, въ Москвѣ. Ему принадлежали 1) право учрежденія епископскихъ каѳедръ, но въ этомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ считаться съ волей князей; 2) право посвященія епископовъ, при чемъ еще въ удѣльное время онъ долженъ былъ считаться съ волею князей, а затѣмъ въ московское время митрополитъ лишь участвовалъ въ избраніи кандидата въ епископы наравнѣ съ соборомъ и велико-княжеской властью; 3) право созывать епископовъ на соборъ и предсѣдательствовать на немъ и кромѣ того, право вызывать къ себѣ каждаго епископа въ отдѣльности для разсужденія „о святительскихъ дѣлахъ"; 4) право руководства и надзора надъ всѣми епархіями Русской Церкви; 5) право суда и наказанія епископовъ, совмѣстно съ соборомъ и безъ него; 6) право обложенія всѣхъ русскихъ епархій денежною данью, не считая т. наз. мѣсячнаго суда, подъ которымъ разумѣлось, собственно, право въѣзда митрополита въ подчиненную ему епархію для производства суда въ теченіе мѣсяца, въ дѣйствительности же это право обращалось въ право полученія судебныхъ пошлинъ или денежныхъ доходовъ, вытекавшихъ изъ права суда. Рядомъ съ властью митрополита имѣла большое значеніе княжеская власть и не только въ учрежденіи епископій, посвященіи и перемѣщеніи епископовъ, но также въ вопросѣ о канонизаціи святыхъ, перенесеніи мощей и т. п.[1]).

Послѣ прекращенія зависимости Русской Церкви отъ Константинопольскаго патріарха[2]) (поставленіе св. Іоны въ митрополиты всея Руси соборомъ русскихъ епископовъ безъ участія патріарха состоялось въ 1448 г.) значительно возросъ церковный авторитетъ Московскаго государя, вмѣшательство котораго въ дѣла церковныя становится дѣломъ обычнымъ и для него, какъ хранителя православія, даже обязательнымъ, при чемъ

---

[1]) *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ § 33.—Академикъ *Е. Е. Голубинскій*, Исторія Русской Церкви М. 1901. Т. I, 1-ая половина стр. 270—275, изд. 2.

[2]) *Н. С. Суворовъ* §§ 34, 36.—*Е. Е. Голубинскій*, И. Р. Ц. т. II, 1-ая половина стр. 469 и слѣд. М. 1900 г.

царскія заботы, какъ это видно изъ постановленій т. н. Стоглава[1]), простирались на всѣ стороны церковной жизни.

Власть патріарховъ всея Руси. Не измѣнилось существо церковнаго устройства и со введеніемъ въ Россіи патріаршества въ 1589 году. Во главѣ управленія Русскою Церковью стоялъ самъ патріархъ, получившій теперь новый болѣе высокій титулъ и формально освободившійся отъ всякой канонической зависимости отъ Константинопольскаго патріарха. Власть Московскаго патріарха, какъ прежде — Московскаго митрополита, стояла очень высоко и онъ былъ главою Русской Церкви, отцемъ и пастыремъ епархіальныхъ владыкъ, всего духовенства и мірянъ.

Духовное главенство патріарха Московскаго было запечатлѣно слѣдующими словами собора 1675 г.: „глава по первѣй безначальной и присносущнѣй и безмѣрносильнѣй Главѣ, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, святѣйшія Церкве...; въ своей его епархіи святѣйшій патріархъ, прочіи же овіи убо очи, овіи же руки, овіи же ино что удесъ тѣлесе... (по словамъ Григорія Богослова) чинъ бо вся состави... ово убо начальствовати, ово же начальствоватися.. Сей чинъ долженствуетъ и нынѣ хранитися,... ниже дерзати сравнятися руцѣ главѣ“[2]). На основаніи такой теоріи власти патріарха, каждый епископъ, какъ и прежде, при своемъ поставленіи давалъ обѣщаніе „повиноватися своему отцу, патріарху Московскому“, платить патріаршія пошлины, являться на соборы и т. д.[3])

При такомъ величіи сана сначала митрополитовъ, а затѣмъ патріарховъ Московскихъ, въ ихъ рукахъ, какъ и въ рукахъ епархіальныхъ архіереевъ, за цѣлые вѣка существованія Русской Церкви, имѣвшей въ жизни Русскаго народа и государства первостепенное значеніе, сосредоточилась очень значительная власть не только чисто духовная, пастырская, но также административная, судебная и экономическая. Древность наша жила цѣлостной жизнью, и съ трудомъ допускала раздѣленіе вѣдомствъ, и если московскіе приказы почти всѣ судили, управляли, и участвовали въ законодательствѣ, то равнымъ образомъ духовная жизнь тѣсно сливалась съ матеріальной жизнью, и наоборотъ. Это смѣшеніе было тѣмъ болѣе естественно, что примитивное натуральное хозяйство очень рано привело русскія церковныя учрежденія къ обладанію огромными пространствами населенной земли, при чемъ эксплоатація земельныхъ богатствъ естественно связывалась съ административной, экономической и судебной дѣятельностью церковныхъ властей—собственниковъ. Ихъ ближайшими помощниками съ

---

[1]) См. изданія Стоглава: *Д. Е. Кожанчикова*, Спб. 1863; *Н. Субботина* М. 1890; *Казанское* 1862 (2-е изд. 1887 г.). О Стоглавѣ см. новѣйшее изслѣдованіе свящ. *Д. Стефановича*: О Стоглавѣ. Его происхожденіе, редакціи и составъ. Къ исторіи памятниковъ древне-русскаго церковнаго права. Спб. 1909. См. также Академика *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія Руской Церкви. М. 1900, т. II, 1-ая половина, стр. 744—875.

[2]) *Амвросій*, Исторія россійской іерархіи М. 1807 т. I, стр. 325. — *А. П. Доброклонскій*, Руководство по исторіи Рус Церкви, в. III, М. 1889, стр 27.

[3]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 27—28.—*А. И.* т. IV, № 1, стр. 8—9.

XIV в. становятся такъ называемые свѣтскіе архіерейскіе чиновники[1]), а затѣмъ, съ развитіемъ архіерейскаго землевладѣнія въ параллель къ государственнымъ московскимъ приказамъ, при патріархахъ и при другихъ архіереяхъ, возникаютъ приказы, при чемъ наибольшее вниманіе въ опредѣленіи ихъ компетенціи было отдано матеріальнымъ интересамъ каѳедръ. *Патріаршій Разрядъ* или *Судный приказъ* завѣдывалъ замѣщеніемъ высшихъ духовныхъ должностей, а также должностей въ патріаршей области, и творилъ церковный судъ. *Казенный приказъ* завѣдывалъ разнаго рода сборами съ церквей, съ монастырей, съ духовенства и съ мірянъ и вѣдалъ др. дѣла *Дворцовый приказъ* управлялъ патріаршими недвижимыми имѣніями, раздавалъ патріаршія земли боярамъ и боярскимъ дѣтямъ въ помѣстья, собиралъ съ патріаршихъ крестьянъ подати, назначалъ въ отдѣльныя волости посельскихъ старцевъ и приказчиковъ и проч. *Тіунская изба* (со времени патріаршества Іоакима 1672—1690 переименованная въ Приказъ церковныхъ дѣлъ) наблюдала за благочиніемъ и поведеніемъ московскаго духовенства. Подобные же приказы были и у каждаго изъ архіереевъ[2]).

При большомъ развитіи церковно-хозяйственной жизни, *административная* и *экономическая* власть епархіальныхъ архіереевъ простиралась на все епархіальное духовенство, на архіерейскихъ слугъ и крестьянъ, на церкви и монастыри (кромѣ домовыхъ патріаршихъ монастырей), на архіерейскія вотчины и архіерейскій домъ; *судебная* власть простиралась на духовенство и мірянъ[3]). Со своей стороны патріархъ, будучи епархіальнымъ владыкой и осуществляя тѣ же права въ своей патріаршей области, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ значеніе и высшей центральной власти.

Очень широкая въ древности компетенція патріарха и архіереевъ само собою вызывала противодѣйствіе власти свѣтской, которая стремилась ограничить ихъ гдѣ и какъ могла. Выше[4]) было упомянуто какія мѣры принимало свѣтское правительство къ тому, чтобы остановить развитіе и даже сократить церковное землевладѣніе. Вмѣстѣ съ нимъ подверглись значительному ограниченію и судебныя права іерархіи. Особенное значеніе въ этомъ отношеніи имѣло учрежденіе въ 1649 г. Монастырскаго приказа. Однако, пока живы были прежнія традиціи и взгляды, всѣ эти мѣры не могли быть безповоротными и только сильнѣе побуждали іерархію бороться

---

[1]) *Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ,* Свѣтскіе архіерейскіе чиновники въ древней Руси. М. 1874.

[2]) *Н. Ѳ. Каптеревъ,* тамъ же стр. 188—236.—*А. П. Доброклонскій,* тамъ же, в. III, стр. 39.—*Н. Розановъ,* Исторія Московскаго епархіальнаго управленія. 3 части 5 книгъ М. 1869—1871. См. ч. 1 стр. 19—21. — *Проф. Прот. М. И. Горчаковъ,* Монастырскій приказъ (1649—1725 г.) Спб. 1868. *Его-же* О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и св. Синода (988—1738 г.). Спб. 1891 г. — *И. И. Шимко,* Патріаршій казенный приказъ. М. 1894 г.—*Мое сочиненіе,* Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Спб. 1909 г. стр. 40-45.

[3]) *А. П. Доброклонскій,* в. III, стр. 29. [4]) Стр. 37.

за „права Церкви“, настаивая въ лицѣ своихъ патріарховъ Никона, Іоасафа II, Іоакима и Адріана, на отмѣнѣ этихъ ограниченій и уничтоженіи Монастырскаго приказа, чего и удалось достигнуть въ 1677 году. Такимъ образомъ къ концу патріаршаго періода у церковной іерархіи оставалась еще очень широкая компетенція. Помимо пастырства, она осуществляла большую административную, экономическую и судебную власть въ своихъ вотчинахъ, а также судебную власть надъ духовенствомъ и мірянами. Въ частности, духовному суду подлежали какъ спорныя дѣла, такъ и дѣла по преступленіямъ и притомъ какъ духовенства, такъ и мірянъ. Изъ *спорныхъ дѣлъ вообще* церковный судъ вѣдалъ не только чисто церковные вопросы (напр. о соблюденіи поста въ среду и пятницу, когда на эти дни падаетъ великій праздникъ), но и дѣла о дѣйствительности и о расторженіи браковъ, дѣла объ обрученіи, по ряднымъ записямъ о приданомъ, о незаконныхъ дѣтяхъ, по духовнымъ завѣщаніямъ и по дѣламъ о наслѣдствѣ вообще и т. д. По дѣламъ о преступленіяхъ кругъ вѣдомства духовнаго суда обнималъ преступленія противъ вѣры и Церкви, какъ—то ересь, волшебство, оскверненіе храмовъ и кладбищъ; преступленія противъ семейнаго союза, прелюбодѣяніе, двоеженство, незаконное супружество; преступленія противъ цѣломудрія, семейныя кражи, убійства во время свадьбы и проч.[1]). Но кромѣ этихъ дѣлъ суду церковныхъ властей подлежали извѣстные разряды лицъ, которыя находились въ столь тѣсной административной и экономической зависимости отъ іерархіи, что древность никакъ не мирилась съ ихъ подсудностью инымъ судебнымъ учрежденіямъ и органамъ. Сюда относилось, во-первыхъ, низшее духовенство бѣлое съ ихъ женами и дѣтьми и черное, посколько оно не было изъято изъ епархіальнаго суда несудимыми грамотами; во-вторыхъ, все крестьянское населеніе архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и, въ-третьихъ, такъ называемые церковные люди и учрежденія, куда относились паломники, странники, нищіе, богадѣленные люди, больницы, гостинницы и проч. При этомъ всѣ эти особые разряды людей были подвѣдомы суду церковныхъ властей рѣшительно по всѣмъ, какъ спорнымъ такъ и уголовнымъ дѣламъ, „опричь душегубства и разбоя и татьбы съ поличнымъ“[2]). Такая особенность объяснялась тѣмъ, что древняя Русь гораздо легче понимала подсудность тѣхъ или иныхъ *лицъ* извѣстнымъ учрежденіямъ, которыми они во всѣхъ отношеніяхъ вѣдомы, чѣмъ подсудность всѣхъ людей вообще различнымъ судебнымъ учрежденіямъ, но *по роду дѣлъ*.

Изъ сказаннаго видно, что при всѣхъ превратностяхъ судьбы къ концу XVII в. церковная власть сохранила за собою еще очень многое, что дѣлало ее могущественной и вліятельной[3]). Такъ какъ іерархія вела свое

---

[1]) Проф. *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ Церковнаго права 1902 г. стр. 279, 285.

[2]) Тамъ же, 279, 286.

[3]) Характерный образчикъ законодательной власти русскихъ патріарховъ можно видѣть въ „Инструкціи поповскимъ старостамъ“ п. Адріана (П. С. З. III, 1612, 26 Дека-

начало не отъ какой либо земной власти и была призвана преслѣдовать высшія цѣли, то вѣками накопленныя привилегіи ея считались вѣчными и неотчуждаемыми какъ ею самой, такъ и большинствомъ народа. Тѣмъ рѣзче долженъ былъ сказаться переломъ, наступившій въ русской церковной жизни въ первой четверти XVIII ст.

Эпоха мѣстоблюстительства. 16 октября 1700 г. скончался патріархъ Адріанъ и послѣдовавшая затѣмъ эпоха мѣстоблюстительства была эпохой быстраго и полнаго разложенія церковной власти и привилегій іерархіи. Уже Алексѣй Курбатовъ, какъ видно изъ приведеннаго выше его письма къ Петру, совѣтовалъ ему отдѣлить дѣла духовныя отъ экономическихъ и поручить послѣднія особому расправному приказу, во главѣ котораго поставить или боярича И. А. Мусина-Пушкина, или стольника Д. П. Протасьева[1]). Въ данномъ случаѣ онъ не изобрѣталъ чего либо новаго, а совѣтовалъ возстановить идею Монастырскаго приказа. И Петръ внялъ его совѣту. 16 декабря 1700 г., вмѣсто патріарха, былъ назначенъ мѣстоблюститель, а 24 января 1701 г. возстановленъ Монастырскій приказъ.

Учреждая мѣстоблюстительство, Петръ прежде всего уничтожилъ патріаршій Разрядный приказъ, главный органъ судебной власти патріарха. Исковыя дѣла не только свѣтскихъ, но и духовныхъ лицъ велѣно было распредѣлить по тѣмъ приказамъ, въ которыхъ были вѣдомы отвѣтчики. Дѣла, касающіяся помѣстій и вотчинъ церковныхъ было велѣно отослать въ Помѣстный приказъ гдѣ ихъ и вѣдать, а на долю Стефана Яворскаго достались только духовныя дѣла: „а которыя дѣла въ патріаршемъ приказѣ были, и впредь будутъ въ расколѣ и въ какихъ противностяхъ Церкви Божіей и въ ересяхъ: и тѣ дѣла вѣдать преосвященному Стефану, Митрополиту Рязанскому и Муромскому“[2]). Въ дополненіе къ этому, указомъ 8 января 1701 г. было приказано „всякихъ чиновъ людей духовныя (т. е. завѣщанія), по святымъ правиламъ и по Уложенію, свидѣтельствовать отцами духовными, душеприказчиками, сидѣльцами и писцомъ, и подписывать преосвященному Стефану м. Р. и М.“[3]).

24 января 1701 г. сдѣланъ былъ и дальнѣйшій шагъ. Повелѣно „Домъ святѣйшаго патріарха и домы жъ архіерейскіе и монастырскія дѣла вѣдать боярину И. А. Мусину-Пушкину, а съ нимъ у тѣхъ дѣлъ быть дьяку Ефиму Зотову и сидѣть на патріаршемъ дворѣ, въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршій Разрядъ и писать Монастырскимъ приказомъ. А въ приказѣ Большого Дворца[4]) монастырскихъ дѣлъ не вѣдать, а отослать въ

бря 1697 г.), гдѣ, между прочимъ, установляются устройство, предметы вѣдомства и процедура суда поповскихъ старостъ или благочинныхъ, порядокъ ихъ дѣятельности по надзору и управленію, опредѣляются размѣры податей и налоговъ и, наконецъ, отвѣтственность за несоблюденіе установляемыхъ нормъ до заключенія въ монастырь и *смертной казни включительно* (добавочная ст. 6-я).

[1]) Гос Арх. Кабинетъ II, кн. № 1, л. 108, напечатаао выше стр. 111.

[2]) П. С. З. IV, 1818. [3]) П. С. З. IV, 1823.

[4]) Въ силу льготныхъ грамотъ. *Доброклонскій*, в. III, стр. 30.

Монастырскій приказъ. Иски на патріаршихъ и архіерейскихъ домовыхъ (служителей), и иноческаго и священническаго чина и церковнаго причета людей и на монастырскихъ стряпчихъ и слугъ и служебниковъ и на крестьянъ вѣдать въ Монастырскомъ приказѣ, а иски этихъ лицъ на постороннихъ—гдѣ кто судимъ"[1]). Далѣе, содержащееся въ этомъ указѣ изъятіе монастырскихъ дѣлъ получило еще болѣе опредѣленную постановку въ указѣ 31 января 1701 г., гдѣ было сказано: „В. Государь указалъ: дому св. патріарха приказнымъ и дворянамъ и всякаго чину домовымъ людямъ и домовымъ монастырямъ, и всѣмъ вотчинамъ св. патріарха и монастырей, и всѣхъ архіереевъ домамъ ихъ и вотчинамъ и всего Московскаго государства всѣмъ мужескимъ и дѣвичьимъ монастырямъ, слугамъ и вотчинамъ ихъ, судомъ и расправою и всякими сборы вѣдать и переписать въ Монастырскомъ приказѣ, а въ иныхъ приказахъ не вѣдать"[2])...

Такимъ образомъ менѣе, чѣмъ черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти патріарха Адріана въ компетенціи церковной власти произошли огромныя перемѣны. Религіозная жизнь народа текла, разумѣется, по инерціи и въ области пастырства іерархія проявляла не много самодѣятельности. Ея власть находила свое примѣненіе болѣе всего въ управленіи церковными вотчинами и въ судѣ. Между тѣмъ теперь именно на это и были направлены ограниченія. Завѣдываніе церковными имуществами и эксплоатація ихъ перешла въ вѣдѣніе Монастырскаго приказа, которому была поставлена задача выработать для архіерейскихъ домовъ и монастырей опредѣленные штаты съ тѣмъ, чтобы свободный излишекъ можно было направить прямо на нужды государства. А такъ какъ съ управленіемъ имуществами всегда связывался и вотчинный судъ, то къ монастырскому приказу перешелъ и онъ. Болѣе того, его подсудность возстановлена была въ тѣхъ же предѣлахъ, въ какихъ нѣкогда она очерчена была въ Уложеніи 1649 г., а именно на судъ Монастырскаго приказа были отданы духовенство, домовые архіерейскіе служители, архіерейскіе и монастырскіе приказные и крестьяне церковныхъ вотчинъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ какъ во *взаимныхъ искахъ*, такъ и въ искахъ *на нихъ* постороннихъ лицъ. На постороннихъ же они должны были искать въ тѣхъ приказахъ, гдѣ кто былъ вѣдомъ[3]). Немного позднѣе, а именно указомъ 7 ноября 1701 г. было сдѣлано небольшое изъятіе для монаховъ, поповъ и діаконовъ, которыхъ велѣно было судить по всякимъ *искамъ на нихъ* въ патріаршемъ Духовномъ приказѣ[4]). Но по дѣламъ постороннихъ лицъ, какъ равно и по вопросамъ о подлинности духовныхъ завѣщаній, они должны были давать показанія въ Московскомъ Судномъ приказѣ, къ вѣдѣнію котораго отно-

---

[1]) П. С. З. IV, 1829. [2]) П. С. З. IV, 1834.

[3]) П. С. З. IV, 1829. А. П. Доброклонскій, в. IV, стр. 109.

[4]) По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ „Духовный приказъ" былъ отдѣленіемъ п. Разряда для суда надъ духовенствомъ и разбора духовныхъ дѣлъ мірянъ. По мнѣнію другихъ —онъ былъ самостоятельнымъ приказомъ, существовавшимъ до 1675 г. См. у *А. П. Доброклонскаго*, Руководство по и. р. ц. в III, стр. 41.

сились дѣла о „зауморныхъ животахъ“, по „рядным записям и новымъ сговорнымъ записямъ и духовнымъ и инымъ всякимъ дѣламъ“, которыя раньше вѣдомы были въ патріаршемъ Розрядѣ. Всѣхъ этихъ дѣлъ уже не должны были вѣдать ни патріаршій Духовный приказъ, ни иные патріаршие домовые приказы[1]). Немного еще позднѣе въ указѣ Судному приказу было сказано, чтобы впредь духовныя завѣщанія утверждались не въ немъ, а въ тѣхъ учрежденіяхъ, которымъ подсудны завѣщатели[2]).

Такимъ образомъ судебная компетенція церковной власти чрезвычайно сократилась и на долю мѣстоблюстителя достались только чисто духовныя дѣла, а именно дѣла о расколѣ, о противностяхъ Церкви и о ересяхъ. Главная роль въ судебно-административной сферѣ церковной жизни перешла на Монастырскій приказъ, который явился центральнымъ судебно-административнымъ мѣстомъ для духовенства, церковныхъ вотчинъ и ихъ многочисленнаго населенія. Получивъ въ свое вѣдѣніе матеріальныя средства Церкви, Монастырскій приказъ привелъ отъ себя въ зависимость все, что ихъ требовало и на нихъ содержалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ церковныя школы, типографію, богадѣльни, лазареты, госпитали, и проч.

Церковная дѣятельность Сената. Дальнѣйшее ограниченіе власти и дѣятельности мѣстоблюстителя и іерархіи наступило со времени учрежденія Правительствующаго Сената указомъ 22 февраля 1711 г. „для отлучекъ Нашихъ“[3]). 2 марта того же года было издано два указа[4]), опредѣлившие его компетенцію. Въ первомъ изъ нихъ было сказано: „повелѣваемъ *всѣмъ*, кому о томъ вѣдать надлежитъ, какъ *духовнымъ*, такъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія высшимъ и нижнимъ чинамъ, что Мы, для всегдашнихъ Нашихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ, опредѣлили управительный Сенатъ, которому *всякъ* и ихъ указамъ да будетъ послушенъ такъ, какъ Намъ Самому, подъ жестокимъ наказаніемъ и смертію, по винѣ смотря“[5]). Второй указъ повелѣвалъ Сенату: „1) Судъ имѣть нелицемѣрный, и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, то жъ и ябедникамъ да послѣдуетъ. 2) Смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужныя, а особливо напрасныя, отставить. 3) Денегъ, какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны“, и проч.[6]). На основаніи этихъ указовъ Сенатъ „явился *высшимъ судебно-военно-финансовымъ учрежденіемъ, имѣющимъ общирный надзоръ за всѣмъ ходомъ государственнаго управленія и суда*, что подтверждалось и послѣдующими приказами и указами“[7]). Правда, Сенатъ не обладалъ *законодательною* властью въ собственномъ смыслѣ[8]), за то онъ обладалъ

1) П. С. З. IV, 1876.—*М. И. Горчаковъ*, Монастырскій Приказъ. Спб. 1868. стр. 195—201.

2) П. С. З. IV, 1949, 19 ноября 1703 г. 3) П. С. З. IV, 2321.

4) П. С. З. IV, 2328. 2330. № 2329 содержитъ форму присяги на вѣрность службы.

5) П. С. З. IV, 2328. 6) П. С. З. IV, 2330.

7) *Проф. А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I, изд. 5, Юрьевъ 1914, стр. 658.

8) Тамъ же, стр. 658—660.

широкою *распорядительною* властью, которая „распространялась не только на приведеніе въ дѣйствіе уже существующихъ законовъ, но и на изданіе такихъ указовъ, которые бы нормировали новыя отношенія, возникавшія на практикѣ тогдашней кипучей жизни, отмѣняли дѣйствіе устарѣвшихъ и т. п."[1]). „Однимъ словомъ, — говоритъ проф. А. Н. Филиповъ, — онъ вѣдалъ то, что вѣдалъ бы государь, котораго онъ былъ „двойникъ" („Сенатъ собирается *вмѣсто* Собственной Его Величества персоны", говорится въ одномъ изъ указовъ Петра Великаго)"[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Сенатъ участвовалъ въ составленіи законопроектовъ, и на его обязанности было публикованіе, храненіе и толкованіе законовъ[3]).

Столь большія полномочія и высокое положеніе Сената открывали передъ нимъ широкія перспективы. Какъ главный сотрудникъ государя, онъ имѣлъ право, ради государственной пользы, интересоваться духовными дѣлами такъ же, какъ и всѣми другими, и у церковной іерархіи не было ни возможности, ни права отстоять отъ Сената свою самостоятельность. И дѣйствительно Сенатъ сталъ распоряжаться не только экономическими дѣлами Церкви и осуществлять церковный судъ въ высшей инстанціи, но и вмѣшиваться въ чисто духовныя дѣла, а мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій обращался къ нему съ доношеніями и ждалъ его резолюцій[4]).

Церковно-правительственная дѣятельность Сената въ эпоху мѣстоблюстительства была очень значительна[5]) и касалась всѣхъ сторонъ жизни Церкви. Мѣстоблюститель былъ рѣшительно связанъ авторитетомъ Сената и не могъ помимо него предпринять не только чего либо важнаго, но и вести текущія дѣла Церкви, какъ, напр., избирать и посвящать архіереевъ, назначать настоятелей монастырей и т. д. Сенатъ заботился даже о чистотѣ вѣры и распространеніи православія и въ высшей инстанціи рѣшалъ дѣла о ересяхъ, которыя формально подлежали вѣдѣнію одного мѣстоблюстителя. Такъ было съ дѣлами Тверитинова и Эраста Кадмина, причемъ въ первомъ случаѣ Сенатъ дважды перерѣшилъ рѣшеніе Стефана, а во второмъ — все дѣло провелъ помимо него, самостоятельно опредѣливъ неправословіе обвиняемаго, и подвергнувъ его увѣщаніямъ[6]). По дѣлу Тверитинова и о проповѣди Стефана противъ фискаловъ въ 1712 г. отно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 660. [2]) Тамъ же, стр. 660. [3]) Тамъ же, стр. 660—661.

[4]) Документы и приговоры Пр. Сената, изд. Калачева, I, № 55. Ср. П. С. З. 2346.

[5]) Не смотря на то, что объ этой дѣятельности упоминаютъ *С. М. Соловьевъ* въ Исторіи Россіи, т. XVI.—*Петровскій*, О Сенатѣ при Петрѣ В., М. 1875, стр. 318—327.— *А. Н. Филипповъ*, Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ. Спб. 1911. — *Н. И. Кедровъ*, Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра В., М. 1886. — *Ѳ. Жорданія*, Св. Синодъ при Петрѣ Великомъ въ его отношеніи къ Пр. Сенату. Тифлисъ 1882 и др., тѣмъ не менѣе она ждетъ еще спеціальнаго изслѣдователя, который найдетъ богатый матеріалъ въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, и благодарную задачу еще многое выяснить въ этой области.

[6]) *Кедровъ*, стр. 24—25.

шенія Стефана и Сената дошли до открытаго конфликта, который, благодаря поддержкѣ государя, кончился униженіемъ мѣстоблюстителя, а слѣдовательно и всего духовенства, власть котораго, стоявшая раньше столь высоко, видимо разрушалась. И это разрушеніе, замѣтное на отдѣльныхъ фактахъ, въ сущности было явленіемъ планомѣрнымъ, цѣлью котораго было подчиненіе всей іерархіи и духовенства свѣтской власти, съ предоставленіемъ первой исключительно пастырства, но и то подъ контролемъ второй.

Надо однако замѣтить, что отсутствіе нормальнаго органа церковнаго управленія, каковымъ по общему тогда мнѣнію могъ быть только патріархъ, избраніемъ котораго слишкомъ медлили, церковно-правительственная дѣятельность Сената и подвѣдомственнаго ему Монастырскаго приказа, была все таки объяснима и возможна. Упорядоченіе центральнаго государственнаго управленія должна была внести извѣстный порядокъ и въ эту область. И въ самомъ дѣлѣ учрежденіе коллегій вызвало закрытіе 16 октября 1720 г. Монастырскаго приказа[1]), при чемъ его разнообразная компетенція была распредѣлена между соотвѣтствующими финансовыми, экономическими и судебными коллегіями и органами, а завѣдываніе церковными вотчинами, т. е. подконтрольное и въ опредѣленныхъ предѣлахъ управленіе ими, возвращено было церковнымъ собственникамъ. Прежняя широкая компетенція церковной власти этимъ, конечно, не возстановлялась. Напротивъ, церковныя учрежденія и жизнь, поскольку онѣ не имѣли чисто религіознаго характера, еще теснѣе, повидимому, сливались съ общегосударственными учрежденіями и жизнью, подчиняясь имъ наравнѣ со всѣми.

Учрежденіе государственныхъ коллегій нисколько не возмѣщало, однако, недостатка въ нормальномъ высшемъ органѣ для Церкви и не предрѣшало еще предѣловъ его компетенціи. Этотъ недостатокъ должно было восполнить учрежденіе спеціальной Духовной Коллегіи, какъ одной изъ прочихъ центральныхъ государственныхъ коллегій, между которыми должны были правильно и систематично распредѣлиться всѣ государственныя дѣла, въ томъ числѣ и касающіяся духовенства и вѣры. Отсюда видно, что авторъ Духовнаго Регламента имѣлъ своею задачей опредѣлить компетенцію Духовной Коллегіи такъ, чтобы не было нарушенія вѣдомствъ другихъ коллегій. Въ самомъ дѣлѣ, учрежденіе коллегій составляло важный шагъ впередъ, сравнительно съ предшествовавшею эпохою, главнымъ образомъ потому, что между ними раздѣлились дѣла *по роду ихъ*. „Вѣдомство приказовъ, — говоритъ А. Н. Филипповъ, — было очень запутано, такъ какъ слагалось постепенно и подъ вліяніемъ временныхъ обстоятельствъ. Теперь явилась возможность распредѣлить дѣла между отдѣльными коллегіями, сообразно *функціи* каждой изъ нихъ“[2]). Правда, это распредѣленіе не

[1]) П. С. З. VI, 3659. — *М. И. Горчаковъ*, Монастырскій Приказъ. Спб. 1868. стр. 126—129.

[2]) *Проф. А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права, изд. 5 Юрьевъ 1914, стр. 791.

было выполнено съ безусловной правильностью, но все таки оно было проведено, тогда какъ приказы, въ томъ числѣ и Монастырскій приказъ, имѣли очень разнообразную компетенцію, очерченную болѣе или менѣе ясно по территоріи и лицамъ, и рѣдко по роду дѣлъ[1]).

Изслѣдованіе содержанія Духовнаго Регламента дѣйствительно удостовѣряетъ въ томъ, что при составленіи его вовсе не имѣлось въ виду возстанавливать компетенцію Московскихъ патріарховъ и остальной іерархіи во всей ея средневѣковой широтѣ. Напротивъ, вновь учреждаемая Духовная Коллегія должна была, по Духовному Регламенту, получить функціи по преимуществу *духовнаго* управленія и суда, не отнимая отъ свѣтскихъ учрежденій того, что имъ было уже передано въ 1700—1721 годы.

Обязанности духовенства и мірянъ по Д. Регламенту. Какъ было показано выше, Духовный Регламентъ раздѣляется на три части. Первая часть ничего не говоритъ о предметахъ вѣдомства Духовной Коллегіи. Вторая часть, распадающаяся на два отдѣла: „дѣла общая" и, такъ сказать, „дѣла особенная", говоритъ, собственно, о текущихъ недостаткахъ и потребностяхъ церковной жизни и объ обязанностяхъ епископовъ, клира, монаховъ[2]) и мірянъ. Особое мѣсто въ этой части занимаетъ трактатъ объ училищахъ и проповѣдникахъ. Наконецъ, третья часть спеціально посвящена составу Духовной Коллегіи и ея „должности", хотя указанія на ея обязанности разсѣяны и въ другихъ мѣстахъ.

Если содержаніе Духовнаго Регламента кратко изложить въ систематическомъ порядкѣ съ цѣлью выдѣлить предметы вѣдомства Духовной Коллегіи, то получится слѣдующая картина.

Прежде всего *весь* Русскій народъ, всѣ христіане, призываются оставить свои заблужденія и суевѣрія и стремиться къ религіозно-нравственному просвѣщенію. Таковъ смыслъ отдѣла „дѣла общая", поскольку онъ касается всѣхъ вообще.

Міряне обязуются спеціально: 1) подчиняться духовной власти своего епископа[3]); 2) слушать православное ученіе, проповѣдуемое имъ пастырями и не препятствовать этой проповѣди[4]) подъ угрозой церковнаго суда и наказанія; 3) неопустительно исповѣдываться и причащаться не менѣе раза въ годъ подъ угрозой подозрѣнія въ расколѣ[5]); 4) не укрывать раскольниковъ, подъ угрозой церковнаго суда и наказанія[6]); 5) не имѣть въ своемъ домѣ церквей и крестовыхъ священниковъ, а ходить въ приходскія церкви[7]); 6) не звать священниковъ въ свои домы крестить младенцевъ, но крестить ихъ въ храмѣ[8]); 7) не вступать въ незаконные бра-

[1]) См. *Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 6, Кіевъ, 1909 стр. 185—189.

[2]) Прибавленіе къ Духовному Регламенту, для удобства анализа предметовъ вѣдомства Духовной Коллегіи, должно быть поставлено на свое мѣсто, согласно первоначальному плану Ѳеофана. См. выше гл. VII, стр. 473.

[3]) Мір. особы п. 9. [4]) Мір. особы п. 1. [5]) Тамъ же п. 2.

[6]) Тамъ же п. 5. [7]) Тамъ же п. 7, 9; Приб. О пресв. п. 15.

[8]) Мір. особы п. 9.

ки[1]); 8) вѣнчаться только у своего приходскаго священника[2]); 9) не принимать къ себѣ волочащихся поповъ и діаконовъ (О пресв. п. 21.)

Съ другой стороны міряне *имѣютъ право* избирать своихъ приходскихъ священниковъ[3]).

Приходское духовенство обязуется быть на высотѣ своего духовнаго призванія, а именно имѣть должное образованіе и нравственныя качества[4]), соблюдать предписанныя правила[5]) и просвѣщать своихъ пасомыхъ[6]); 2) исповѣдывать мягко и разсудительно, не налагая тяжелой епитиміи, а, напротивъ, утѣшая кающагося и проч. [7]); 3) не открывать тайны исповѣди въ ссорѣ[8]); 4) и вообще не ссориться со своими духовными дѣтьми[9]); 5) сообщать объ открытыхъ имъ на исповѣди злоумышленіяхъ безъ раскаянія[10]); 6) сообщать о разглашеніи ложныхъ чудесъ[11]); 7) сообщать своему архіерею о недоумѣнныхъ случаяхъ грѣховъ[12]); 8) преслѣдовать расколъ въ своемъ приходѣ и не соучаствовать въ немъ[13]); 9) не совершать богослуженія у мѣстъ, прославившихся чудотворными и не свидѣтельствованныхъ свыше[14]); 10) не торговаться о платѣ за требы[15]); 11) не переходить съ прихода на приходъ (не волочиться) и не приставать къ войскамъ[16]); 12) послѣ пишенія сама не ходить въ духовномъ платьѣ и не совершать богослуженія[17]); 13) вести метрическія книги[18]).

Духовенство *имѣетъ право* на ругу и землю и вообще на обезпеченіе за свою службу[19]).

Нормы, изложенныя въ правилахъ о *монастыряхъ и монахахъ*, направлены всецѣло къ поднятію нравственнаго уровня чернаго духовенства и никакихъ особенныхъ правъ имъ не предоставляютъ. Въ монастыряхъ вводится общежитіе и потому матеріальныя ихъ права сколько можно ограничиваются.

Права церковной власти въ собственномъ смыслѣ Духовный Регламентъ предоставляетъ только *епархіальнымъ епископамъ*, какъ первой инстанціи этой власти. Права и обязанности ихъ сводятся къ слѣдующему.

Епископы лично *обязаны* знать каноны[20]) и степени родства[21]), не отлучаться изъ епархіи[22]) и имѣть замѣстителей[23]); не высоко думать о себѣ и своей чести[24]).

Какъ органы власти, епископы обязаны, и слѣдовательно имѣютъ право, наблюдать за чистотою вѣры и нравственности въ ихъ епархіи, на

---

[1]) Тамъ же п. 11. [2]) Тамъ же п. 12. [3]) Тамъ же п. 8.
[4]) Приб. О пресв. п. 1, 2, 4, 6, 28. [5]) О пресв. п. 6.
[6]) Дѣла общія, въ концѣ и Мір. особы п. 1. [7]) О пресв. п. 7, 8, 14.
[8]) О пресв. п. 9. [9]) О пресв. п. 10. [10]) О пресв. п. 11.
[11]) О пресв. п. 12. [12]) О пресв. п 13.
[13]) О пресв. п. 5, 15, 16, 17, 20; о мірянахъ, п. 2. [14]) О пресв. п. 19
[15]) О пресв. п. 21. [16]) О пресв. п. 23, 25, 26. [17]) О пресв. п. 24.
[18]) О пресв. п. 29. [19]) О пресв. п. 3, 22. [20]) Дѣла епископовъ, п. 1, 3.
[21]) п. 2. [22]) п. 5—6. [23]) п. 7. [24]) п. 14—16.

что они обязаны присягою при поставленіи[1]); съ цѣлью надзора они обязаны посѣщать приходы своей епархіи[2]). Кромѣ этого епископы обязаны слѣдить за качествомъ низшаго духовенства и его дѣятельностью, для чего имѣть школы для ставленниковъ, и провѣрять годность ихъ при поставленіи[3]), а лишнихъ не ставить[4]); наблюдать за благочиніемъ священниковъ, діаконовъ и причта[5]). Далѣе они обязаны оказывать духовенству свою архипастырскую помощь въ рѣшеніи недоумѣнныхъ вопросовъ совѣсти[6]) и т. д.

Они обязаны слѣдить за правильнымъ теченіемъ монашеской жизни[7]), наблюдать за правильностью браковъ[8]) и имѣютъ право производить дѣла о разводѣ[9]).

Наконець, епископы въ правѣ осуществлять *церковный судъ* надъ *міряпами* по преступленіямъ чисто религіознымъ, налагая своею властью епитимію, и съ согласія Духовной Коллегіи—отлученіе[10]). *Духовенство* епископъ можетъ судить и наказывать за неблагочиніе и разныя духовныя преступленія вплоть до запрещенія священнослуженія и лишенія сана[11]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы обязаны обращаться къ Духовной Коллегіи въ недоумѣнныхъ случаяхъ духовнической практики[12]) и управленія епархіей[13]), доносить о расколѣ[14]) и ежегодно рапортовать о состояніи епархіи[15]).

Компетенція Д. Коллегіи по Д. Регламенту. Высшей церковной властью по Духовному Регламенту являлась *Духовная Коллегія.* Онъ говоритъ о ней, обращаясь къ русскому епископату: „Да вѣсть же всякъ епископъ, каковый онъ ни есть степенемъ, просто ли епископъ, или архіепископъ, или митрополитъ, что онъ Духовному Коллегіумъ, яко верховной власти подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать, и опредѣленіемъ его довольствоватся долженъ“[16]). Та же мысль была выражена и въ манифестѣ 25 января 1721 г., гдѣ было повелѣно „всѣмъ подданнымъ, всякаго чина духовнымъ и мирскимъ имѣть сіе, т. е. духовное соборное правителство, за важное и сильное правителство, и у него крайней дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судомъ его и опредѣленіемъ довол ствоватися, и указовъ его слушать въ всемъ“.

Однако, признаніе такого значенія Духовной Коллегіи не исключало необходимости точнѣе и ближе указать предметы ея вѣдомства.

Пользуясь обычной схемой, принятой въ курсахъ Церковнаго права для систематизаціи матеріала, касающагося функцій церковной власти, компетенцію Духовной Коллегіи поскольку опредѣляетъ ее Духовный Регламентъ, можно представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ.

---

1) п. 8 и „Дѣла общая“ и „О пресв.“ passim. 2) п. 17.
3) Д. еписк. п. 9—12; О пресв. п. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 21. 4) О пресв. п. 23.
5) О пресв. п. 28. 6) О монахахъ, passim, 7) О пресв. п. 11, 13.
8) Дѣла еписк. 2; о міряпахъ, п. 12. 9) О монахахъ п. 4.
10) Дѣла еписк. п. 16; О мір. п. 5; О пресв. п. 14. 11) О пресв. п. 23, 24, 28.
12) Д. еписк. п. 4. 13) Д. еписк. п. 5, 7. 14) О мір. п. 3, 6.
15) Инструкція при посѣщеніи епархіи п. 15. 16) Тамъ же п. 13.

Церковное законодательство, какъ показано будетъ ниже, вовсе не было предоставлено Духовной Коллегіи. Но въ извѣстныхъ предѣлахъ ей предоставлены были: 1) церковный надзоръ; 2) управленіе ученіемъ, 3) управленіе культомъ, богослуженіемъ и таинствами (исповѣди и брака); 4) управленіе церковными должностями и учрежденіями; 5) церковный судъ. Наконецъ, 6) въ Духовномъ Регламентѣ опредѣлено было церковно-имущественное право.

Осуществляя *церковный надзоръ*, Духовная Коллегія должна была знать обязанности „всѣхъ обще христіанъ и собственно епископовъ, пресвитеровъ съ прочіими церковными служительми, монаховъ, учителей и учащихся, такожъ и мирскихъ лицъ, поелику они наставленія духовнаго участницы суть: и того ради здѣ исписаны нѣкіе всѣхъ оныхъ чиновъ должности. И должно Духовное Коллегіумъ наблюдать, аще всякъ въ званіи своемъ пребываетъ, а погрѣшающихъ наставлять и наказывать“[1]). Въ частности Духовная Коллегія была обязана осуществлять высшій надзоръ за благочиніемъ клира и мірянъ, а именно упорядочить положеніе вдовыхъ священниковъ и діаконовъ[2]), преслѣдовать волочащихся въ столицѣ монаховъ[3]) и нищенство[4]). Но въ особенности она была обязана наблюдать за чистотою вѣры, дѣятельно искореняя религіозныя заблужденія и суевѣрія, а именно вымышленные акаѳисты и молебны[5]), апокрифическія житія святыхъ[6]), суевѣрныя примѣты[7]) и все вообще, „что либо именемъ суевѣрія нарещися можетъ“[8]), „непотребныя и вредныя церимоніи“[9]), ложныя мощи[10]), неправильное почитаніе иконъ[11]), двоегласіе и многогласіе въ богослуженіи[12]), даваніе молитвы въ шапку[13]). Кромѣ этого—преслѣдовать расколъ и для сего имѣть о немъ по возможности точныя и полныя статистическія свѣдѣнія[14]).

Искорененіе заблужденій должно сопровождаться насажденіемъ истиннаго просвѣщенія. Поэтому Духовной Коллегіи вручается *управленіе ученіемъ*, а именно, 1) для просвѣщенія *простого* народа она обязуется составить извѣстныя „три книжицы“ и организовать катихизическое чтеніе ихъ въ храмахъ[15]). Но въ ея вѣдѣніи должны находиться также вновь проектируемыя среднее и высшее учебныя заведенія—Семинарія и Академія[16]). Въ частности Духовная Коллегія обязана опредѣлять учителей и вырабатывать программы[17]), назначать ректора и префекта, руководить ими[18]) и даже судить ихъ[19]), увольнять неспособныхъ учениковъ[20]), производить выпускъ

---

1) Ч. III, должность, п. 1.—Ср. „О пресв.“ конецъ введенія (л. 79 об.) и Инстр. при пос. еп. п. 15.

2) О пресв. п. 28. 3) О монахахъ п. 32. 4) Ч. III, должность, п. 12.

5) Дѣла общія, п. 1. 6) Тамъ же п. 3. 7) Тамъ же п. 4.

8) Тамъ же, слѣд. строки за п. 10. 9) Тамъ же п. 5. 10) Тамъ же п. 6.

11) Тамъ же п. 7, 8. 12) Тамъ же п. 9. 13) Тамъ же п. 10.

14) Мірскія особы, п. 3, 4. 15) Дѣла общія, подъ конецъ.

16) Ч. II, „Домы училищныя“. 17) Черн. рук. л. 19 об. въ концѣ.

18) Домы учил. п. 11. 19) Тамъ же п. 11 и 15.

20) Тамъ же п. 12, 15, а также Черн. рук. л. 25 об., п. 8.

окончившихъ курсъ учениковъ[1]). Затѣмъ она обязана опредѣлить довольствіе учителей въ епископскихъ школахъ для ставленниковъ[2]) и, конечно, имѣть надзоръ за ними.

2) Духовная Коллегія имѣетъ право удостовѣрять достоинство и годность проповѣдниковъ и разрѣшать имъ публичное проповѣдничество[3]), а равно и сама, въ случаѣ надобности, составлять поученія, какъ, напр., при посѣщеніи епископами своихъ епархій[4]).

3) Духовной Коллегіи поручается цензура всѣхъ книгъ[5]).

Управленіе культомъ, богослуженіемъ и таинствами по Духовному Регламенту должно было выразиться въ раздѣленіи богослуженія на общеобязательное и необязательное[6]) и введеніи единогласія[7]), въ установленіи правильнаго почитанія иконъ, мощей и др. святынь[8]). Духовная Коллегія, въ качествѣ высшей инстанціи, должна была рѣшать недоумѣнные вопросы пастырской практики („недоумѣнныя нѣкія падежи совѣсти")[9]); разрѣшать вопросы о дозволенности брака въ тѣхъ или иныхъ степеняхъ родства[10]), издавать правила о предѣлахъ дозволенности браковъ въ родствѣ[11]) и давать санкцію на разводъ[12]).

Управленіе церковными должностями и учрежденіями должно было состоять въ свидѣтельствованіи добрыхъ качествъ лицъ „производимыхъ на архіерейство"[13]), въ рѣшеніи затруднительныхъ вопросовъ епархіальнаго управленія[14]), въ назначеніи администратора или новаго епископа въ епархію въ случаѣ болѣзни епископа[15]), въ оказаніи покровительства монастырямъ[16]), въ соединеніи малобратственныхъ монастырей съ большими[17]), въ разрѣшеніи постройки монастырей [18]) и, наконецъ, въ изданіи общихъ правилъ для монаховъ[19]).

Судебная компетенція церковной власти опредѣлена была Духовнымъ Регламентомъ въ слѣдующихъ границахъ.

Судъ въ *первой* инстанціи принадлежитъ епископу, который судитъ *мірянъ* за религіозныя преступленія и *духовенство* за должностныя преступленія.

Духовная Коллегія составляетъ судъ *второй инстанціи*. Въ качествѣ таковой она утверждаетъ преданіе анаѳемѣ лицъ виновныхъ въ *религіозныхъ преступленіяхъ* по формулѣ, ею составленной, и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы епископы не налагали ея пристрастно. Религіозными преступленіями считаются хула на Бога, Св. Писаніе, на Церковь, какой либо явный грѣхъ, сопровождающійся чванствомъ, а не раскаяніемъ, непринятіе св. причастія

1) Домы учил. п. 21, а также Черн. рук. л. 27 об., п. 25.
2) Дѣла епископовъ п. 11. 3) Инстр. проповѣдникамъ, п. 1.
4) Инстр. при пос. еп., п. 3. 5) Ч. III, Должность, п. 3.
6) Дѣла общія, п. 2 7) Тамъ же, п. 9.
8) Тамъ же, п. 6, 7, 8; Должность, п. 4. 9) Дѣла еписк., п. 4; Должность, п. 6.
10) Мір. особы п. 11. 11) Тамъ же. 12) О монахахъ, п. 4 и прим. 76.
13) Ч. III, Должность, п. 7. 14) Дѣла еписк., п. 5.
15) Дѣла еписк. п. 5. 16) О монахахъ п. 38. 17) Тамъ же п. 44.
18) Тамъ же п. 47. 19) Тамъ же п. 61.

болѣе года и проч.[1]), а кромѣ того: препятствованіе церковной проповѣди и чтенію[2]), принадлежность къ расколу[3]), изобрѣтеніе новаго ученія (ересь)[4]). Изъ нихъ расколъ и ересь судятся Духовной Коллегіей въ первой и послѣдней инстанціи[6]).

Кромѣ того Духовная Коллегія составляетъ *вообще* вторую инстанцію по отношенію къ епископскому суду[7]).

Въ качествѣ *первой и единственной* инстанціи Духовная Коллегія судитъ *епископовъ* за ихъ должностныя преступленія, какъ-то за посвященіе во священство неученыхъ[8]), за лживое донесеніе о состояніи его епархіи[9]), за небрежное отношеніе его къ торгу клира изъ-за платы за требоисполненіе[10]). Кромѣ того она судитъ епископовъ по жалобѣ на неправильное наложеніе ими анаѳемы[11]); по жалобѣ на нихъ низшаго духовенства, „аще кто въ чемъ отъ него знатно изобиженъ будетъ"[12]), а также по жалобѣ епископовъ другъ на друга[13]).

Особо оговорено въ Духовномъ Регламентѣ, что Духовная Коллегія судитъ духовныхъ лицъ, которыя, будучи лишены своими епископами сана, продолжаютъ совершать богослуженіе[14]), а также судитъ ректора и префекта Академіи[15]),

Изъ дѣлъ спорныхъ вѣдѣнію Духовной Коллегіи во второй инстанціи подлежатъ „недоумѣнныя браки, вины разводовъ", т. е. разводъ[16]).

Утвержденіе завѣщаній Духовнымъ Регламентомъ предоставляется *совмѣстному* рѣшенію Духовной Коллегіи и Юстицъ-Коллегіи[17]).

Что же касается исковъ духовныхъ лицъ на постороннихъ, то по Духовному Регламенту рѣшеніе ихъ подлежитъ веденію Юстицъ-Коллегіи и Сената. Однако Регламентъ рекомендуетъ обидимому духовному лицу, т. е. истцу, открывать свою нужду и Духовной Коллегіи „и тогда,—говорится въ немъ,—презыденти и все Коллегіумъ подая помощь обидимому своему брату пошлютъ отъ себе мужей честныхъ просить скоро управы, гдѣ надлежитъ"[18]), т. е. за Духовной Коллегіей оставляется право только поддержки истцовъ изъ духовенства предъ свѣтскими судами.

Церковно-имущественное право опредѣлено Духовнымъ Регламентомъ слѣдующимъ образомъ.

Духовный Регламентъ *признаетъ наличность* у монастырей и архіерейскихъ домовъ населенныхъ недвижимыхъ имѣній, но нигдѣ не опредѣ-

---

1) Дѣла епископовъ п. 16. 2) Мір. особы п. 1.
3) Тамъ же п. 3; Должность п. 5. 4) Мір. особы п. 5. 5) Должность п. 5.
6) Тамъ же. 7) Тамъ же п. 8; Инстр. при пос. еп. п. 14.
8) Дѣла еписк. п. 10. 9) Инстр. при пос. еп. п. 15. 10) О пресв. п. 19.
11) Дѣла еп. п. 16 въ концѣ.
12) Инстр. при посѣщеніи епархіи п. 14. Однако за ложную апелляцію угрожается наказаніемъ.
13) Тамъ же п. 13 и Должность п. 8. 14) О пресвит. п. 22.
15) Черн. рук. л. 23, п. 11 и л. 23 об. п. 15.
16) Должность, п. 8; О монах. п. 4, прим. 76. 17) Должность, п. 11.
18) Должность п. 10. Ср. О монах. п. 37.

пяетъ ихъ наличность, какъ право собственности этихъ учрежденій. Напротивъ, у нихъ имѣется только право владѣнія и право пользованія, но при этомъ salva rei substantia и съ должной экономіей.

Монастырямъ предписывалось общежитіе[1]). Всѣ монастырскіе доходы указывалось хранить въ опредѣленномъ мѣстѣ, „и із того употребляти на вся церковныя и монастырския и братскія потребы"[2]). Въ монастырскомъ хозяйствѣ должна была быть строгая отчетность, а именно обязательны приходо-расходныя книги[3]). Ежегодный отчетъ долженъ представляться монастырями епископу, который обязанъ наблюдать за расходомъ ими излишняго хлѣба[4]). Съ тою же цѣлью надзора должна была имѣть приходо-расходныя книги всѣхъ знатнѣйшихъ монастырей въ Россіи и Духовная Коллегія[5]). Такою же отчетностью обязаны предъ нею и епископы[6]).

Имѣя эти свѣдѣнія Духовная Коллегія была обязана „разсмотрѣть, кто и какъ владѣетъ землями церковными и куды на что хлѣбъ и прибыли, аще кія суть денежныя издерживаются. И если кто церковныя пожитки похищаетъ воровски, Духовное Коллегіумъ наступать на онаго, и на немъ похищеннаго доправлять долженствуетъ"[7]). Она должна была опредѣлить чрезвычайные расходы монастырей[8]), соединить гдѣ возможно малобратственные монастыри съ большими[9]), которымъ вмѣнялось въ обязанность построить у себя странноприимницы или лазареты для престарѣлыхъ, больныхъ и нищихъ[10]), въ томъ случаѣ, если оказывались излишки доходовъ сверхъ потребностей[11]). Кромѣ того знатнѣйшіе монастыри въ епархіи должны были вносить 20-ю долю, а церкви со своихъ земель 30-ю долю на содержаніе епископскихъ школъ для ставленниковъ [12]), а учителей долженъ былъ довольствовать епископъ „кормомъ и денежною ругою"[13]).

Для упорядоченія матеріальнаго обезпеченія приходовъ Духовная Коллегія совмѣстно съ Сенатомъ должна была установить приходскіе штаты и приходскій налогъ[14]).

Въ компетенціи Духовной Коллегіи одиноко стоитъ ея обязанность собирать свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ государствѣ[15]) и разсматривать, по образцу Сената, подаваемые кѣмъ бы то ни было проекты „къ лучшему управленію Церкви"[16]).

Выводы. Подводя итогъ сказанному относительно компетенціи Духовной Коллегіи по Духовному Регламенту мы вынуждены будемъ признать, что эта компетенція очерчена не только не полно и не систематично, но и не широко. Главное вниманіе въ Духовномъ Регламентѣ обращено на религіозно-просвѣтительныя функціи Духовной Коллегіи. Здѣсь многое указано не въ исчерпывающей полнотѣ, но только „для примѣра"[17]). Однако даже

1) О монах. п. 27. 2) Тамъ же п. 28, 53. 3) Тамъ же п. 52, 54.
4) Дѣла еписк. п. 12. 5) Тамъ же. 6) Тамъ же п. 13.
7) Должность п. 9. 8) Дѣла еписк. п. 12. 9) О монах. п. 44.
10) Тамъ же п. 45. 11) О монах. п. 45, 46. 12) Дѣла еписк. п. 11.
13) Тамъ же. 14) Должность, п. 13; О пресв. п. 20.
15) Прибавленіе, прим. 69. 16) Должность п. 2.
17) Дѣла общая; послѣ п. 10-го и въ др. мѣстахъ.

безконечное увеличеніе этихъ примѣровъ не могло бы расширить ея компетенціи[1]), ибо функціи церковнаго надзора, управленія ученіемъ, культомъ, богослуженіемъ и таинствами, церковными должностями и учрежденіями ни одно изъ современныхъ Духовной Коллегіи государственныхъ установленій не могло бы и не имѣло повода оспаривать. Всѣ эти функціи были чисто церковнаго характера и ничего „политическаго" онѣ въ себѣ не заключали. Однако и въ нихъ, едва замѣтно, были сдѣланы ограниченія, такъ, напр., въ Духовномъ Регламентѣ нигдѣ не предоставлено Духовной Коллегіи правъ самой избирать и поставлять епископовъ, а только „свидѣтельствовать производимыхъ на архіерейство"[2]).

„Политическое" значеніе могли имѣть церковный судъ и церковно-имущественное право. Но и они намѣчены Духовнымъ Регламентомъ въ столь скромныхъ предѣлахъ, что совершенно не возстановляли былого величія патріаршей власти. А слова Регламента о томъ, что суду Духовной Коллегіи подлежатъ „кратко рекше, вся тыя дѣла, которые къ суду патріаршему надлежали"[3]), суть не что иное какъ отписка Ѳеофана, которому невозможно было мимоходомъ точно опредѣлить судебную компетенцію своего дѣтища. Что это такъ, показало послѣдующее стремленіе Св. Синода къ расширенію своей компетенціи.

Словомъ, Духовный Регламентъ создавалъ новое учрежденіе, которое должно было стать нормальнымъ центральнымъ органомъ церковно-правительственной и церковно судебной власти. Но онъ не имѣлъ задачи и не могъ усвоить Духовной Коллегіи всю полноту патріаршей власти, не только эпохи ея разцвѣта во времена Филарета и Никона, но и ея упадка временъ Іоакима и Адріана. Задачу вернуть іерархіи утраченное должна была взять на себя и дѣйствительно взяла сама Духовная Коллегія, когда она открылась. И ея *борьба за власть* имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что она постепенно превратилась изъ Духовной Коллегіи Духовнаго Регламента въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ съ компетенціей неизмѣримо болѣе широкой, и не только церковнаго, но и „политическаго" характера. Правда и Св. Си-

---

1) Поэтому совершенно безполезна полемика *С. Г. Рункевича* съ *Н. Востоковымъ* о томъ, содержитъ ли Духовный Регламентъ полную или не полную регламентацію предметовъ вѣдомства „Синода". Вмѣстѣ съ тѣмъ оказываются совершенно невѣрными слова *С. Г. Рункевича* (Учрежденіе и первонач. устройство Св. Пр. Синода, Спб. 1900, стр. 295 - 296), что „Духовный Регламентъ, этотъ „учредительный актъ" Синода, замѣнявшій патріаршество Синодомъ, измѣнялъ только форму управленія россійскою церковію и не измѣнялъ въ сущности круга церковныхъ дѣлъ. Что принадлежало церкви до регламента, то осталось за нею и послѣ... Синодъ принималъ патріаршее наслѣдство вообще въ полномъ объемѣ круга дѣлъ, и не было надобности исчислять ихъ въ Духовномъ Регламентѣ"... Со своей стороны, въ подкрѣпленіе нашихъ выводовъ, основанныхъ на анализѣ источниковъ съ юридической точки зрѣнія и юридическимъ методомъ, сошлемся на отличную книгу *Ѳ. Жорданія* „Св. Синодъ при Петрѣ В. въ его отношеніи къ Пр. Сенату", Тифлисъ 1882 г., которую мы имѣли въ виду при изложеніи настоящей главы, но которую С. Г. Рункевичъ почему то нигдѣ не цитируетъ въ своемъ сочиненіи.

2) Должность, п. 7. 3) Должность, п. 8.

ноду не удалось достигнуть власти равно-патріаршеской, къ чему онъ дѣятельно стремился, но, главнымъ образомъ, потому, что онъ остался „*подъ* державнымъ монархомъ“, какъ была уставлена его прообразъ—Духовная Коллегія

Преобразованіе Духовной Коллегіи въ Св. Синодъ. 14 февраля 1721 г. состоялось открытіе Духовной Коллегіи и первое ея засѣданіе подъ предсѣдательствомъ государя. И въ этотъ именно день первыя ея члены не преминули обратиться къ Петру съ докладомъ по цѣлому ряду вопросовъ большой принципіальной важности. Они предложили Петру новое болѣе по-церковному звучащее наименованіе Духовной Коллегіи—Св. Пр. Синодъ, просили его установить должный порядокъ сношеній съ Сенатомъ, при чемъ уже сразу заявили „А на патріаршее имя указовъ ни откуда не присылалось, Духовная же Коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже Соборъ“. И хотя эта претензія была не основательной, ибо 1) Духовная Коллегія вовсе не соборъ, а во 2) компетенція ея, какъ видно изъ вышесказаннаго, далеко не равнялась „силѣ и власти“ патріарховъ, однако въ тотъ моментъ эта претензія уже начала находить поддержку даже у государя. Далѣе іерархи спрашивали: „въ праздныя епархіи въ Духовномъ Собраніи избирать ли въ архіереи, и по доношенію Царскому Пресвѣтлому Величеству, оныхъ къ поставленію и къ мѣстамъ опредѣлять ли?“ И Петръ, какъ и слѣдовало ожидать, въ этомъ важномъ, имѣющемъ „политическое“ значеніе дѣлѣ, предоставилъ Духовной Коллегіи лишь выбирать по двѣ персоны, сохранивъ за собою опредѣленіе одной изъ нихъ на должность. Но это вовсе не означало того, что государь отказывается отъ свободы избранія любого угоднаго ему лица на вакантную архіерейскую каѳедру. Случаи опредѣленія архіеревъ свѣтскою властью при участіи или даже помимо духовной власти стали обычными въ мѣстоблюстительство Стефана Яворскаго. Но особенно ревнивымъ къ этому Петръ сталъ со времени раскрытія дѣла царевича Алексѣя Петровича, участіе въ которомъ принимали и архіереи. Естественно, что онъ хотѣлъ обезпечить себя отъ вліятельныхъ лицъ духовной іерархіи неугоднаго ему направленія. Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что самое предложеніе государю вопроса о порядкѣ опредѣленія архіереевъ доказываетъ собою, что по Духовному Регламенту, какъ мы и видѣли выше, право опредѣленія не было предоставлено Духовной Коллегіи, а лишь свидѣтельствованіе добрыхъ качествъ поставляемаго.

Расширеніе правъ на вотчины. Члены Духовной Коллегіи не ограничились однако этими вопросами. Какъ мѣсяцъ передъ тѣмъ Стефанъ, Ѳеодосій и Ѳеофанъ хлопотали „объ опредѣленіи трактамента коллегіатамъ Духовной Коллегіи“[1]), такъ теперь они спрашивали государя: „Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, сборами и правленіемъ которыя вѣдомы были въ Монастырскомъ приказѣ, въ одной Духовной Коллегіи вѣдать ли,

---

1) *С. Г. Рункевичъ*, 134. См. выше 179—180.

того ради, что оныя отъ гражданскихъ управителей пришли въ скудость и пустоту, а Духовная Коллегія присягою обязалася, какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества противъ прочихъ Коллегій не меньше, а въ Регламентѣ Духовномъ положено, что такое правленіе надлежать будетъ до Духовной Коллегіи?"[1]). Государь внялъ ихъ просьбѣ и вотчины перешли въ вѣдѣніе Духовной Коллегіи. Однако самый вопросъ этотъ свидѣтельствуетъ, что въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ завѣдываніе всѣми церковными вотчинами однихъ словъ Духовнаго Регламента было недостаточно и архіереи, желая закрѣпить за собою и монастырями владѣніе вотчинами, особо просили о томъ государя. Кромѣ того, Духовный Регламентъ, какъ показано было выше, предоставлялъ Духовной Коллегіи, главнымъ образомъ, наблюденіе за правильнымъ и экономнымъ пользованіемъ церковными имѣніями[2]), между тѣмъ какъ „вѣдѣніе“, по терминологіи того времени, и какъ показали дальнѣйшія шаги Св. Синода, означало гораздо больше.

Уже 3 марта 1721 г. Сенатъ, исполняя Высочайшія резолюціи на докладныхъ пунктахъ Духовной Коллегіи 14 февраля, приговорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Патріарши, архіерейскія и монастырскія вотчины, *сборами и правленіемъ*, вѣдать въ томъ же Синодѣ.... и изъ Камеръ-Коллегіи всякіе положенные сборы, чрезъ посланныхъ изъ Духовнаго Синода собирая, отсылать въ Камеръ и въ Штатсъ-Конторъ Коллегіи, и въ такихъ сборахъ и управленіяхъ, по предложенію Камеръ-Коллегіи, чинить немедленно исправленіе... Буде же случится тѣхъ вотчинъ *отъ* служителей кому всякія обиды, и *на* такихъ бить челомъ какъ Его Царскаго Величества указъ и Генеральный Регламентъ повелѣваетъ; а тѣхъ вотчинъ *между крестьянами и всякаго чина людей* судъ и расправу чинить по Е. Ц. В. указу въ *Пр. Духовномъ Синодѣ*“[3]). Такимъ образомъ принятіе Духовной Коллегіей церковныхъ вотчинъ въ свое *вѣдѣніе*, знаменовало собою неожиданное и очень крупное *расширеніе* ея судебной компетенціи включеніемъ въ подсудность ей нѣсколькихъ сотъ тысячъ душъ[4]) *по всѣмъ почти* уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ, тогда какъ Духовный Регламентъ предоставляетъ Духовной Коллегіи судъ только по религіознымъ преступленіямъ и нѣкоторымъ спорнымъ дѣламъ.

На основаніи предоставленной ему новой власти Св. Синодъ принялъ въ свое вѣдѣніе церковныя вотчины и сдѣлалъ объ этомъ нужныя распоряженія[5]). Но, чтобы не быть въ унизительной зависимости отъ Камеръ,

1) П. С. П. I. 3.

2) Ср. *С. Г. Рункевича*, стр. 299. — *М. И. Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ всерос. митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода (988—1738) Спб. 1871, стр. 511.— *А. Завьяловъ*, Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при И. Екатеринѣ II, Спб. 1900 стр. 157. — *Мое* сочиненіе, Насел. недв. имѣнія Св. Синода, арх. домовъ и монастырей, Спб. 1909, стр. 1—2.

3) П. С. П. I, 25, 3 марта 1721.

4) Мое сочиненіе, Нас. недв. имѣнія... стр. 160—161.

5) П. С. П. I, 41, 42 и др.

Ревизіонъ и Штатсъ-Конторъ Коллегій по сбору съ церковныхъ вотчинъ не только своихъ, но и государственныхъ доходовъ, Св. Синодъ рѣшилъ возстановить Монастырскій приказъ, теперь уже подъ своимъ управленіемъ; и государь уступилъ архіереямъ и въ этомъ, и по ихъ просьбѣ назначилъ имъ судьею этого приказа стараго и опытнаго дѣльца Василія Ершова[1]).

Въ дальнѣйшемъ предѣлы власти Св. Синода по управленію и эксплоатаціи церковныхъ имѣній настолько расширились, что въ 1724 г. рѣшено было замѣнить Монастырскій приказъ Камеръ-Конторою, а въ 1726 г. Св. Синодъ былъ раздѣленъ на 2 аппартамента, при чемъ второй изъ нихъ предназначался для высшаго завѣдыванія церковными имѣніями. Такъ разросталась вотчинная компетенція Св. Синода. Этотъ аппартаментъ, превратившійся въ Коллегію Экономіи, имѣлъ свою длинную исторію, повторять которую здѣсь не мѣсто[2]). Но эта исторія полна серьезной и упорной борьбы духовенства со свѣтскимъ правительствомъ за обладаніе огромными земельными богатствами, кончить которую секуляризаціей удалось только въ 1764 г. Екатеринѣ II. Между тѣмъ еще Петръ Великій былъ къ ней такъ близокъ во время дѣятельности Монастырскаго приказа, какъ самостоятельнаго государственнаго учрежденія въ 1701—1720 г.г.

Это ли не доказательство огромной важности эволюціи „Духовной Коллегіи" въ „Св. Синодъ"?

Расширеніе судебныхъ правъ. Предвидя расцвѣтъ своей судебной дѣятельности, Св. Синодъ сразу принялъ мѣры къ тому, чтобы знать законы. Для этого онъ потребовалъ отъ Юстицъ-Коллегіи копіи Новоуказныхъ статей и новыхъ указовъ государя „того ради: по имянному Е. Ц. В. указу и по собственному его руки *на синодальныхъ пунктахъ* подписанію, велѣно бывшій патріаршъ, архіерейскіе домы, и монастыри и *всѣхъ духовнаго и священнаго сана людей во всякихъ дѣлѣхъ*[3]) вѣдать въ Пр. Д. Синодѣ, въ которомъ случаются и *случатся будутъ* между оными такія дѣла, которыя требуютъ рѣшенія по Его Ц. В. указамъ, а именно по Соборному Уложенью и по состоявшимся послѣ онаго о исковыхъ и вотчинныхъ дѣлахъ указамъ и статьямъ"[4]).

Выше было замѣчено, что Сенатъ уже призналъ судебную власть Синода надъ населеніемъ церковныхъ вотчинъ. Однако по искамъ на нихъ постороннихъ людей судить ихъ должна была Юстицъ-Коллегія[5]). Но Синодъ остался этимъ недоволенъ и, со своей стороны, 21 апрѣля 1721 г. оффиціально заявилъ, что, на основаніи той же резолюціи, онъ принимаетъ въ свое вѣдѣніе вотчины *сборами, судомъ и расправою,* и будетъ судить

---

1) П. С. П. I, № 30, 10 марта и № 79, 28 апрѣля 1721 г.

2) Ей именно посвящена *моя* книга „Насел. недв. имѣнія"... Спб. 1909. Отзывъ о ней проф. прот. *М. И. Горчакова* см. въ „Отчетѣ о 52 присужденіи наградъ гр. Уварова" Спб. 1911.

3) На это еще не было тогда полномочія.

4) П. С. П. I, 39, 17 марта 1721 г.

5) П. С. П. I, 25.

у себя дѣла по искамъ служителей и крестьянъ этихъ вотчинъ, въ коллегіяхъ же, губернскихъ и провинціальныхъ канцеляріяхъ дѣлъ этихъ не вѣдать, кромѣ случаевъ разбоя и убійства, и т. д.[1]).

Но такого самовольнаго и при томъ *распространительнаго* толкованія[2]) было, конечно, недостаточно. Поэтому еще 15 марта 1721 г. Св. Синодъ обратился за помощью къ государю. Расширеніе своей компетенціи онъ, между прочимъ, мотивировалъ тѣмъ, что „когда Генеральный Регламентъ (установившій компетенцію Юстицъ-Коллегіи) сочиниванъ, тогда о Духовномъ Правительствѣ еще и начинанія не было[3]); а нынѣ... Духовное Правительство отъ прочихъ коллегій отмѣнно, равно какъ Сенатъ, и ежели быть по Сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителемъ прежнее отъ мірскихъ властей утѣсненіе будетъ"[4]).

Такимъ образомъ Св. Синодъ во что бы то ни стало стремился нарушить только что созданную Петромъ систему коллегій съ точнымъ раздѣленіемъ между ними государственныхъ функцій для того, чтобы возстановить очень выгодное для Синода смѣшеніе суда и управленія въ церковныхъ вотчинахъ. И настоянія Св. Синода поколебали даже Петра, который 28 апрѣля 1721 г. положилъ такую замѣчательную резолюцію: „Опредѣлю по пріѣздѣ; однакожъ *видится,* что инако нелзя, понеже вѣдѣніе вотчинъ у васъ опредѣлено для поборовъ и *между ими* расправы и тому подобнаго, дабы въ лутчемъ охраненіи были", т. е. Петръ соглашался на судъ Св. Синода *между* населеніемъ вотчинъ, но продолжалъ: „а чтобъ *съ посторонними* случающимся дѣламъ всѣмъ быть у васъ, чаю не возможно, понеже при такихъ дѣлахъ казни и наказанія бываютъ, вамъ подписывать невозможно, а одному свѣтскому вручить нелзя; другое, что столко будетъ хлопотъ, что настоящаго вашей должности дѣла управить будетъ неколи, которое и безъ иныхъ дѣлъ великихъ трудовъ и времени требуетъ, къ тому же крестьяне и служители суть равные гдѣ бъ ни были"[5]).

Такимъ образомъ Петръ думалъ какъ бы усовѣстить синодальныхъ членовъ и убѣдить ихъ лучше сосредоточиться на своемъ прямомъ религіозно-просвѣтительномъ дѣлѣ. Однако онъ не имѣлъ успѣха и только много позднѣе мотивировалъ почти тѣми же словами необходимость разгрузить Св. Синодъ отъ принятыхъ имъ на себя свѣтскихъ судебно-админи-

---

1) П. С. П. I, 64.

2) Какъ видно, Синодъ собирался судить по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ (кромѣ разбоя и убійства) дѣламъ не только подвѣдомое ему населеніе церковныхъ вотчинъ, но и *постороннихъ* лицъ, по искамъ вотчинныхъ крестьянъ и служителей. Это нисколько не вытекало изъ „вѣдѣнія" вотчинами.

3) Это фактически не вѣрно. О Духовной Коллегіи началась рѣчь не позднѣе 20 ноября 1718 г. и тогда же началось составленіе того „разсужденія", которое послѣ стало Духовнымъ Регламентомъ. О другихъ коллегіяхъ рѣчь зашла еще съ 1711 г., а Генеральный Регламентъ изданъ былъ 28 февраля 1720 г.

4) П. С. П. I. 76.

5) П. С. П. I, 76.—П. С. З. VI, 3761, 15 марта 1721 г.

стративныхъ обязанностей, и такъ какъ самъ не успѣлъ этого сдѣлать, то за это взялась Екатерина I[1]).

Однако Св. Синодъ воспользовался тѣмъ, что Петръ категорически не отказалъ ему въ его домоганіяхъ и счелъ возможнымъ 19 ноября 1721 г. вновь напомнить ему о желательности расширенія судебной компетенціи Синода и потому въ своихъ докладныхъ пунктахъ, между прочимъ просилъ: „О подчиненныхъ Синоду служителехъ и крестьянехъ требуется, дабы, для лучшаго охраненія, быть имъ вѣдомымъ въ Синодѣ, какъ купечество, по 9 й Магистратскаго Регламента главѣ, вѣдомо нынѣ въ Магистратѣ ибо хотя оные Синоду подчиненные служители и крестьяне и за равныхъ съ прочими признаваются, но гражданскіе управители не въ равенствѣ ихъ содержатъ. И какъ во оной Магистратскаго Регламента 9-й главѣ сожалѣтельное о купечествѣ усмотрѣніе показано, такъ и о помянутыхъ крестьянехъ признавательно, что обрѣтаются оные не токмо въ какомъ призрѣніи, но паче отъ всякихъ обидъ нападковъ и отягощеній несносныхъ зѣло разорены, чего ради оныхъ, яко разсыпанную храмину, удобнѣе видится, имѣть подъ однимъ вѣдѣніемъ и охраненіемъ Синода, какъ купецкіе люди подъ однимъ Главнымъ Магистратомъ въ вѣдѣніи быть, для лучшаго охраненія, опредѣлены“.

Вкрадчиво мотивируя свои вождѣленія, Св. Синодъ, готовъ былъ на уступку: „А ежели касающихся до оныхъ служителей и крестьянъ криминальныхъ дѣлъ одному Монастырскаго Приказу судьѣ повѣрить не возможно, то придать бы ему членовъ съ примѣру учиненнаго въ магистатствѣ по знатнымъ городомъ опредѣленія“[2]).

На этотъ разъ государь не положилъ никакой резолюціи, но Сенатъ, повидимому, успѣлъ доказать правоту своей точки зрѣнія и потому 6 декабря 1721 г. сообщилъ Синоду въ качествѣ царскаго указа слѣдующее: „Архіерейскимъ и монастырскимъ крестьянамъ судомъ *между себя* и кто *на нихъ* будетъ бить челомъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, также и податьми, вѣдомымъ быть въ Синодѣ, отколь подати государственныя надлежитъ отсылать туда, куда со всѣхъ крестьянъ собираютъ. А крестьяномъ и прочимъ вѣдѣнія синодскаго, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ, *на свѣтскихъ,* которые не вѣдомы въ Синодѣ, бить челомъ тамъ, гдѣ ихъ суперники вѣдомы; а криминальнымъ дѣламъ быть въ Юстицъ-Коллегіи, какъ и прочимъ“[3]).

Такъ окончились хлопоты Св. Синода о расширеніи его судебной компетенціи въ выпрошенныхъ имъ въ свое вѣдѣніе церковныхъ имѣніяхъ. Нечего и повторять, что домогательства Св. Синода создали ему *новое* право не предусмотрѣнное Духовнымъ Регламентомъ, и дѣйствительно приближали

---

1) См. мое сочиненіе „Нас. недв. имѣнія“... стр. 17 и приложеніе I: черновой указъ о раздѣленіи Синода на 2 Аппартамента.

2) П. С. П. I, 312, 19 ноября 1721 г. п. 3.—П. С. З. VI, 3854.

3) П. С. П. I, 313 п. 1; т. II, 349 п. 1.

его, хотя отчасти, къ силѣ и власти патріарховъ Московскихъ, что видимо и было цѣлью духовенства —членовъ Синода. Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхомъ Синода весьма существенно ограничивалась власть Юстицъ-Коллегіи и мѣстныхъ судовъ, чѣмъ нарушалась и та, довольно примитивная стройность въ распредѣленіи государственныхъ функцій, которая проведена была въ учрежденіи коллегій.

Но достигнутаго успѣха Св. Синоду было мало. Онъ хотѣлъ, чтобы ему подсудны были *духовныя лица* не только по религіознымъ и должностнымъ преступленіямъ и въ обидахъ ихъ между собою, но также и по *уголовнымъ и гражданскимъ* дѣламъ, хотя по Духовному Регламенту Духовная Коллегія такою подсудностью не обладала. Поэтому 15 марта 1721 г. онъ, между прочимъ, обратился къ Петру со слѣдующей просьбой. „Духовныя персоны, до опредѣленія Духовнаго Правительства, по разнымъ, касающимся до нихъ дѣламъ, браны были въ разныя канцеляріи и приказы, а отнынѣ дабы Вашего Величества всемилостивѣйшимъ указомъ повелѣно было, что бы до оныхъ духовныхъ персонъ ни касалось по оговорамъ, изслѣдовать о томъ въ Духовномъ Правительствѣ, доколѣ изъ нихъ до кого не дойдетъ до розыску гражданскаго суда, дабы иногда безвинные не страдали со злодѣями въ темницахъ. А ежели какая духовная персона ята будетъ въ *явномъ* какомъ злодѣйствѣ, о таковыхъ слѣдовать въ гражданскомъ судѣ, только для снятія чина присылать въ Духовное Правительство по прежнему“.

Государь призналъ и эту просьбу уважительной и положилъ резолюцію: „На которыхъ оговоръ какой будетъ (кромѣ тяжкихъ государственныхъ дѣлъ) въ какомъ *партикулярномъ злодѣяніи*, такихъ отсылать къ Синоду противъ сего пункта силы, *пока* оные до гражданскаго суда приличны будутъ, а самимъ не брать въ коллегіи, или гдѣ индѣ, и не держать, и долженъ каждой челобитчикъ въ злодѣяніи *на духовныхъ* нигдѣ индѣ бить челомъ, токмо въ Синодѣ. Сіе разумѣется о брани, бою, кражѣ и прочихъ тому подобныхъ дѣлъ, а не о тѣхъ, которые тяжебныя дѣла, къ которымъ сами духовные себя привязали, яко какая покупка, промыслы, откупы, торги и прочее тому подобное, еже гдѣ опредѣлено всѣмъ, *тамъ и на духовныхъ бить челомъ*; напримѣръ, въ иностранныхъ торгахъ въ Комерцъ-Коллегіи, во внутреннихъ торгахъ, промыслахъ, откупахъ въ Камеръ-Коллегіи и прочее тому подобное“[1]).

Такимъ образомъ Петръ сдѣлалъ различіе между уголовными и гражданскими дѣлами. Въ уголовныхъ дѣлахъ (кромѣ политическихъ) духовенство должно было судиться Синодомъ, въ гражданскихъ же, по сдѣлкамъ, въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ сдѣлки этого рода вѣдались. Но подобное ограниченіе суда церковной власти было чуждо патріаршей эпохѣ, поэтому, выждавъ время, 19 ноября 1721 г., Св. Синодъ вновь обратился къ государю съ заявленіемъ: „Духовнаго чина и церковнаго причта люди, которые въ

1) П. С. З. VI, 3761. – П. С. П. I, 76. 90.

бытность Россійскихъ патріарховъ вѣдомы были во *всемъ,* кромѣ татиныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлъ, подъ судомъ патріаршимъ, подчинены нынѣ... Синоду, и дабы *на оныхъ* свѣтскимъ въ злодѣяніяхъ *и въ тяжебныхъ дѣлахъ* бить челомъ нигдѣ индѣ, *токмо въ Синодъ*". Далѣе, въ виду частыхъ оговоровъ духовныхъ лицъ, Св. Синодъ просилъ, чтобы производство слѣдствія по этимъ оговорамъ предоставлено было ему съ обязательствомъ, въ случаѣ доказанности подозрѣнія, отсылать такихъ лицъ къ свѣтскому суду. Тѣхъ же духовныхъ лицъ, которыя схвачены будутъ въ *явномъ злодѣйствѣ,* слѣдовать въ гражданскомъ судѣ и только для снятія сана отсылать въ Синодъ[1]).

Однако уступки Синоду въ тяжебныхъ дѣлахъ сдѣлано не было и нормою осталась резолюція 28 апрѣля 1721 г.[2]), хотя по нѣкоторымъ преступленіямъ, какъ-то въ случаѣ порубки лѣса, или утайки душъ при переписи, допросъ и судъ надъ духовными лицами, по позднѣйшимъ указамъ, долженъ былъ производиться вальдмейстерами и другими подлежащими свѣтскими органами, лишь при участіи депутата отъ духовенства[3]).

Въ то время, какъ Св. Синодъ стремился расширить свою компетенцію за счетъ компетенціи свѣтскаго суда, принадлежащій ему по праву церковный судъ въ *дѣлахъ духовныхъ* не встрѣтилъ должнаго признанія у мірянъ. Поэтому 19 ноября 1721 г. Св. Синодъ жаловался Петру: „Приличающіяся по духовнымъ дѣламъ свѣтскія персоны въ духовное правительство отъ нѣкоторыхъ командъ не отсылаются, и посылаемые о нихъ отъ архіереевъ указы являются презираемы; въ чемъ видится духовной власти презрѣніе, а въ тѣхъ повинныхъ умножается смѣлость ко уничтоженію начальства духовнаго, отъ чего бываютъ и безъ исправленія". Петръ не удовлетворился такой голословной жалобой и написалъ: „Изъяснить дѣла именно"[4]). Св. Синодъ собрался это сдѣлать только въ 1722 г., когда онъ представилъ добавочный докладъ. Резолюціи на него послѣдовали 12 апрѣля 1722 г.[5]). Этотъ докладъ и резолюціи Петра очень характерны.

Надо думать, что Петръ желалъ знать подробнѣе тѣ случаи, въ которыхъ выразилось презрѣніе духовной власти со стороны свѣтскихъ лицъ. Между тѣмъ Св. Синодъ представилъ государю *списокъ дѣлъ,* „которыя (раньше) къ суду патріаршему надлежали и въ вѣдѣніи Рязанскаго архіерея, патріаршу епархію правившаго, по имянному Е. И. В. указу были, а нынѣ по Духовному Регламенту подлежатъ синодальному суду", а именно:

„1) Богохульныя, 2) Еретическія, 3) Раскольники, 4) Волшебныя, 5) Недоумѣнные браки и росписаніе совокупляющихся сродства, 6) Вины разводовъ брачныхъ [а именно: 1) Причины прелюбодѣйства и челобитье о томъ брачныхъ другъ на друга. 2) Разсужденіе о побѣгахъ ихъ и о самовольныхъ другъ отъ друга отлучкахъ. 3) О посягнувшихъ женахъ во отсут-

1) П. С. З. VI, 3854.—П. С. П. I, 312, п. 1, 2.
2) П. С. П. I, 76, 90, 164; II, 766, 865; III, 996, 1044 п. 8 и 16, 1150; IV, 1220, 1227.
3) П. С. П. III, 994, 1034. 4) П. С. П. I, 312 п. 16.
5) П. С. З. VI, 3963.—П. С. П. II, 532.

ствіе мужей за другихъ и о возвращеніи ихъ прежнимъ мужемъ. 4) Такожде и о мужехъ, въ подобныхъ тому винахъ являющихся]. 7) О любодѣйствѣ, 8) О блудномъ насиліи, 9) О насильномъ господей съ рабынями своими блудодѣйствѣ, 10) О кровосмѣшеніи, 11) О насильномъ къ браку восхищеніи, 12) О дѣтехъ прижитыхъ блудодѣйствомъ, 13) О дѣтехъ же, которыя раждаются отъ совокупившихся въ родствѣ до разлученія брачнаго ихъ союза, 14) О посяганіи и женитвѣ дѣтей безъ воли родителей ихъ, 15) О принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтехъ за страхъ родителей, а въ рабѣхъ по принужденію господей ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ, 16) О насильномъ постриженіи"[1]).

Таково было разъяснительное толкованіе самимъ Св. Синодомъ того мѣста Духовнаго Регламента, гдѣ онъ глухо ссылается на патріаршую компетенцію. Петръ воспользовался яснымъ спискомъ дѣлъ и передалъ изъ нихъ свѣтскому суду дѣла по пунктамъ 7—14 включительно съ оговоркою лишь относительно 10-го п.: „Свѣтскаго суда, токмо о важности грѣха съ спросу Синода", и такимъ образомъ вѣдомство чисто *духовнаго* суда, обезпеченнаго Духовной Коллегіи еще Духовнымъ Регламентомъ, сильно сократилось.

Синодъ спрашивалъ еще, 1) что дѣлать съ презрителями духовной власти; 2) въ правѣ ли онъ утверждать духовныя завѣщанія и производить раздѣлъ наслѣдствъ и брать себѣ пошлины, каковыя дѣла „напредь сего бывали у духовнаго правленія" и отданы ему совмѣстно съ Юстицъ-Коллегіей Духовнымъ Регламентомъ; 3) что дѣлать съ лицами, отлученными отъ Церкви, когда онѣ не проявляютъ раскаянія? Петръ далъ свои отвѣты и, между прочимъ, по п. 2-му предоставилъ вѣдомство Юстицъ-Коллегіи, и только при спорности завѣщаній должно было составиться засѣданіе 1—2 членовъ того и другого учрежденія, а пошлины давать въ гошпиталь. Такъ не умѣлъ Синодъ воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему Духовнымъ Регламентомъ.

Св. Синодъ спрашивалъ государя еще о томъ, какъ ему поступать со „знатными и сильными персонами", въ случаѣ неисправности ихъ въ исполненіи долга христіанина? По просьбѣ государя онъ „изъяснилъ" свой вопросъ тѣмъ путемъ, что формулировалъ въ видѣ статей нѣкоторыя мѣста Духовнаго Регламента, напр., объ основаніяхъ къ преданію анаѳемѣ, объ укрывательствѣ раскольниковъ и волочащихся или за преступленіе изгнанныхъ поповъ, о приглашеніи священника на крестины въ домъ и т. д. На всѣ эти „статьи" государь положилъ свою санкцію, иногда не совсѣмъ согласную съ Духовнымъ Регламентомъ[2]).

Окончательно сложившаяся новая компетенція Св. Синода и подчиненныхъ ему учрежденій была формулирована и объявлена имъ самимъ 22 іюня 1722 г.[3]). Не смотря на неуспѣхъ нѣкоторыхъ докладныхъ пунк-

---

1) П. С. П. II, 532. 2) П. С. П. II, 532, стр. 175—176, п. 24.

3) П. С. З. VI, 4081.—П. С. П. II, 693. См. еще II, 543, 608; III, 1044 п. 16; 1117 п. 4; IV, 1190, 1360, 1393, а также III, 1154 и IV, 1341.

товъ Св. Синода, его судебная компетенція сильно возросла сравнительно съ Духовнымъ Регламентомъ, хотя и не достигла патріаршей. Однако она не переставала заботить Верховную власть, и уже Петръ намѣревался для розыскныхъ дѣлъ на духовныхъ и ихъ между собою учредить особую коллегію и вновь опредѣлить предметы вѣдомства[1]).

Расширеніе духовныхъ правъ. Если Св. Синоду удалось столь многое въ области вопросовъ вотчиннаго и судебнаго, то само собою понятно, что относительно расширенія своихъ правъ на дѣла религіозныя и просвѣтительныя ему не встрѣтилось препятствій. Такъ онъ очень скоро сосредоточилъ у себя дѣла по расколу, хотя и встрѣтилъ соревнованіе Сената[2]), принялъ въ свое завѣдываніе типографію и школы[3]), синодальный домъ[4]), возвратилъ духовной власти начальство надъ нѣкоторыми монастырями[5]) и т. д. Съ другой стороны въ помошь себѣ Св. Синодъ скоро создалъ цѣлый рядъ учрежденій, какъ-то Контору Раскольническихъ дѣлъ, Контору Судныхъ дѣлъ, Инквизиторскихъ дѣлъ, Типографскую[6]), которыя вмѣстѣ съ приказами Монастырскимъ, Духовнымъ, Казеннымъ, Дворцовымъ, Церковныхъ Дѣлъ[7]) и т. д. составили сложную систему учрежденій, цѣлое большое вѣдомство, вышедшее далеко за рамки Духовнаго Регламента.

Замѣчательно, что расширеніе вѣдомства Духовной Коллегіи пошло и еще въ одномъ направленіи, которое, впрочемъ, было предусмотрѣно, хотя не текстомъ, но всѣмъ тономъ Духовнаго Регламента, а именно Духовной Коллегіи, какъ и протестантскимъ консисторіямъ въ Германіи, было вскорѣ поручено завѣдываніе *инославными исповѣданіями.* Вступая въ завѣдываніе ими въ маѣ 1721 г., Св. Синодъ потребовалъ себѣ изъ Иностранной Коллегіи свѣдѣнія о томъ, сколько въ Россіи церквей римско-католическаго, лютеранскаго и кальвинскаго исповѣданія; когда и кѣмъ онѣ построены и чѣмъ содержатся; сколько при нихъ духовныхъ лицъ, кто именно, съ чьего дозволенія, откуда и когда прибыли въ Россію; какимъ порядкомъ назначались пасторы во время шведскаго владычества, и такъ ли неизмѣнно и донынѣ назначаются, и какія и съ чьего дозволенія построены церкви при русскомъ владычествѣ въ новозавоеванныхъ отъ Швеціи городахъ[8]). Послѣ этого открылась и дѣятельность Св. Синода по управленію инославными исповѣданіями. Онъ опредѣлялъ пасторовъ къ церквамъ[9]), приказывалъ привести ихъ къ присягѣ[10]), распоряжался, чтобы католическіе пасторы въ С.-Петербургѣ были только изъ французовъ[11]), разрѣшалъ капуци-

1) П. С. З. VII, 4160, 8 февраля 1723. Ср. П. С. З. № 5818, 1 августа 1731.
2) П. С. П. I, 4, 15, 52 и др.—П. С. З. VII, 4553, 4851.—*Жорданія*, Св. Синодъ при П. В. стр. 91—99.
3) П. С. П. I, 5, 9.—П. С. З. VI, 3741.
4) П. С. З. VII, 4045.
5) П. С. П. I, 10, 24.
6) П. С. П. II, 448, 28 февраля 1722 г.
7) П. С. П. II, 693.
8) П. С З. VI, 3790.—П. С. П. I, 107, 22 мея 1721 г.; 204, 4 сентября 1721.
9) П. С. П. I, 149, 167, 247; II, 572, 767; IV, 1184, 1207, 1221, 1302, 1320, 1330.
10) П. С. П. IV, 1221, 1226.
11) П. С. П. III, 1148.

намъ жить въ Астрахани, совершать тамъ въ домахъ богослуженіе, упразднилъ въ Астрахани р.-кат. костелъ и поручилъ завѣдываніе капуцинами Астраханскому архіерею[1]). Тѣмъ же капуцинамъ онъ разрѣшилъ службу въ С.-Петербургѣ и воспретилъ ее францисканцамъ[2]). Св. Синодъ принималъ противъ капуцинъ и мѣры предосторожности[3]), выдавалъ имъ паспорты[4]) проч. Онъ воспрещалъ пасторамъ вѣнчать православныхъ съ лютеранами[5]), но требовалъ отъ нихъ, чтобы они служили молебны по случаю заключенія мира со Швеціею[6]) и вообще въ высокоторжественные и викторіальные дни[7]). Св. Синодъ разрѣшалъ постройку новыхъ инославныхъ церквей[8]), заводилъ иконы для дѣтей евангелическаго исповѣданія[9]) и, напротивъ, уничтожилъ еврейскую школу, сжегъ ея книги и изгналъ нѣкоторыхъ евреевъ изъ Россіи[10]). Св. Синодъ переводилъ на русскій языкъ катихизисы и друг. книги римско-католическаго, лютеранскаго и кальвинскаго исповѣданій[11]) и т. д. Однимъ словомъ онъ вполнѣ вѣдалъ ими и только впослѣдствіи былъ освобожденъ отъ этой функціи, усвоенной было вначалѣ протестантскимъ консисторіямъ, но чуждой „православному собору", съ которымъ Св. Синодъ хотѣлъ себя отожествить[12]).

Выводы. Въ заключеніе настоящей главы можно сказать, что по неоспоримымъ даннымъ документовъ объемъ компетенціи Духовной Коллегіи по Духовному Регламенту далеко не равнялся былой силѣ и власти Всероссійскихъ митрополитовъ и патріарховъ, что несомнѣнно входило въ первоначальные планы Преобразователя и его сотрудника—Ѳеофана Прокоповича. Но стоило только отъ проекта перейти къ дѣлу, какъ старыя воспоминанія ожили и сплоченные въ Духовную *Коллегію* представители высшаго и низшаго, чернаго и бѣлаго духовенства стали дѣятельно стремиться къ расширенію власти новаго учрежденія, по возможности, до прежнихъ патріаршихъ предѣловъ. При этомъ имъ удалось подѣйствовать на желѣзную волю Петра, повернуть колесо исторіи въ сторону прежняго смѣшенія свѣтскихъ и духовныхъ функцій церковной власти и надолго задержать секуляризацію церковныхъ имуществъ и церковнаго суда. Успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи духовенствомъ XVIII в. были такъ значительны, что Св. Синодъ во многомъ пересталъ быть похожимъ на свой прототипъ—Духовную Коллегію. Не сохранилось ни ея иностранное наименованіе, ни чиновный постоянный составъ присутствія, ни узкая компетенція, ставив-

---

1) П. С. П. II, 346, 571.
2) П. С. П. IV, 1291. 3) П. С. П. II, 580. 4) П. С. П. II, 514.
5) П. С. П. II, 848. 6) П. С. П. I, 277. 7) П. С. П. III, 1078.
8) П. С. П. III, 1060. 9) П. С. П. III, 1142.
10) П. С. П. II, 922. 11) П. С. П. III, 976, 1023, 1106.
12) Очень любопытно, что самъ Св. Синодъ мотивировалъ завѣдываніе имъ инославными исповѣданіями тѣмъ, что въ манифестѣ объ учрежденіи Духовной Коллегіи было „велѣно *всякаго* чина духовнымъ и мірскимъ людемъ имѣть оное за важное и сильное правительство" и т. д. (П. С. П. I, 247). „*Всякаго* чина" означало, по его мнѣнію, также и *всѣхъ исповѣданій*. Это похоже на Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія 1817—1824 гг.

шая ее въ одинъ рядъ съ другими государственными коллегіями, а вовсе не съ Сенатомъ, и т. д.

Однако при всемъ этомъ, Духовная Коллегія, преобразованная въ Св. Синодъ, не могла сбросить съ себя самаго существеннаго съ юридической точки зрѣнія. Св. Синодъ по прежнему остался „*подъ* Державнымъ Монархомъ“ и всѣ счастливыя перемѣны, происшедшія съ Духовной Коллегіей, были получены ею изъ рукъ Монарха, волею и властью котораго она получила свое фактическое и юридическое бытіе. Это обстоятельство навсегда лишило духовенство возможности вернуть церковной власти ея самобытность. И сколько бы не расширялась компетенція Духовной Коллегіи, ея власть не могла уже стать „аки-бы собственной“ властью патріарха. Иными словами, Духовная Коллегія была *создана*, какъ *государственное* учрежденіе. Выросшій изъ нея Святѣйшій Правительствующій Синодъ навсегда *остался* тѣмъ же *государственнымъ* учрежденіемъ.

Глава X.

Стремленіе Духовной Коллегіи занять равное положеніе съ Сенатомъ и признаніе ею самою своего государственнаго характера[1]).

Необходимость для Д. Коллегіи создать себѣ опредѣленное положеніе. Какъ бы то ни было, но созданіе волею свѣтской власти для высшаго завѣдыванія церковными дѣлами постояннаго коллегіальнаго органа, во всемъ сходнаго съ недавно учрежденными коллегіями, было совершенной новостью. Если древнерусскіе митрополиты опирались на авторитетъ Константинопольскаго патріарха и Византійскаго Императора, а московскіе патріархи — на божественное происхожденіе своего іерархическаго сана, то Духовная Коллегія, всецѣло зависимая отъ власти государя и имъ вызванная къ жизни, должна была вновь создать свое положеніе и самостоятельно опредѣлить свой характеръ.

Необходимость этого вытекала еще изъ того, что прежде органы церковнаго управленія, т. е. патріаршіе и архіерейскіе приказы и свѣтскіе архіерейскіе чиновники, хотя и созданы были по образцу и въ соотвѣтствіи съ государственными, однако не входили въ систему послѣднихъ и не объединялись съ ними. Между тѣмъ реформы Петра Великаго въ сферѣ центральнаго и мѣстнаго управленія, несмотря на то, что проводились имъ по мѣрѣ надобности въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій, несомнѣнно должны были въ конечномъ результатѣ образовать одну систему государственныхъ учрежденій. Порученіе послѣ смерти патріарха Адріана разнообразныхъ церковныхъ дѣлъ Сенату и коллегіямъ, а въ особенности общій тонъ отношеній Петра къ вопросамъ русской церковной жизни, которыхъ, какъ видно изъ Манифеста 21 января 1721 г., онъ отнюдь не выдѣлялъ изъ числа другихъ вопросовъ, требовавшихъ вниманія преобразователя, — свидѣтельствуютъ о томъ, что вновь учреждаемая Духовная Коллегія со всѣмъ ея вѣдомствомъ, напротивъ, должна была войти въ

---

1) На тему настоящей главы существуетъ очень цѣнная книга. *Ѳ. Жорданія*, Св Синодъ при Петрѣ Великомъ въ его отношеніи къ Прав. Сенату. Тифлисъ 1882, составляющая, къ сожалѣнію, библіографическую рѣдкость, вслѣдствіе чего я получилъ ее въ руки тогда, когда глава эта была уже написана. Выводы наши вполнѣ совпадаютъ. Объ отношеніяхъ Св. Синода и Сената при Петрѣ Великомъ см. еще *Н. Востокова* „Св. Синодъ и отношенія его къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ при И. Петрѣ I". (Журналъ М. Н. Просв. 1875 г., іюль, августъ и декабрь).—*А. А. Голубевъ*, Св. Синодъ. Истор. очеркъ въ изданіи „Внутренній бытъ Рус. государства" М. 1886, кн. 2, стр. 227—398.—*Проф. А. Н. Филиппов*ъ, Правительствующій Сенатъ при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ (1711—1741 г.г.) Спб. 1911 г. стр. 65—71. — *С. Петровскій*, О Сенатѣ въ царствованіе Петра В. М. 1875, стр. 318—327.

общую систему государственнаго домостроительства. Этого принудительно требовали и самыя событія, такъ какъ двадцать одинъ годъ мѣстоблюстительства Стефана Яворскаго, точнѣе сказать—церковной анархіи,—успѣли уже достаточно умалить значеніе церковнаго авторитета и еще больше, чѣмъ прежде, пріучить къ несамостоятельности церковной власти. Если бы послѣ столь долгаго междупатріаршества все таки былъ поставленъ кто либо патріархомъ, то и онъ, подкрѣпляемый древними традиціями, былъ бы, конечно, въ затруднительномъ положеніи. Тѣмъ болѣе трудно должно было быть Духовной Коллегіи, которой ничего болѣе не оставалось, какъ поставить себѣ цѣлью занять достойное положеніе въ средѣ другихъ государственныхъ учрежденій, не помышляя стать выше ихъ и вполнѣ обособленно, на что по Духовному Регламенту и по ходу событій даже не было у нея никакого права.

Такимъ образомъ Духовная Коллегія въ самые первые дни своего существованія собственными усиліями заняла положеніе одного изъ высшихъ, и при томъ именно *государственныхъ* учрежденій, совершенно пожертвовавъ особымъ характеромъ высшей *церковной* власти, какъ самобытнаго института.

Первыя заботы о титулѣ. Уже въ первомъ своемъ засѣданіи 14 февраля 1721 г. Св. Синодь былъ озабоченъ соблюденіемъ своего достоинства. Какъ записано въ журналѣ Св. Синода, „по молебномъ въ Троицкомъ соборѣ пѣніи, при многонародномъ установленіи Духовнаго Соборнаго Правительства объявленіи отправленномъ, изволилъ Царское Пресвѣтное Величество Высокою Своею Монаршею Особою во ономъ Сѵнодѣ присутствовать со всѣми министры, и во время того присутствія поданы Его Величеству отъ всѣхъ оныхъ сего Духовнаго Правительства коллегіатовъ, первое тогда на мѣстѣхъ своихъ по порядку засѣданіе имѣвшихъ, пункты о воспоминаніи въ церковныхъ служеніяхъ Духовнаго Собранія и о письменномъ до Сената и Коллегій отправленіи и о прочихъ требованіяхъ“[1]).

И дѣйствительно, прежде всего нужно было выяснить, какъ называть это новое учрежденіе и съ какимъ титуломъ поминать его въ общественныхъ молитвахъ? Сравненіе предложенной „формы“ съ наименованіями, прилагавшимися къ Св. Синоду раньше, заставляетъ подмѣтить серьезную эволюцію. Въ 1720 г., при составленіи своего трактата, обращеннаго затѣмъ чисто механически въ Духовный Регламентъ, Θеофанъ Прокоповичъ назвалъ проектируемое имъ учрежденіе „Духовное Коллегіумъ“ или „Духовная Коллегія“, примѣняясь, вѣроятно, къ ходячему наименованію аналогичныхъ государственныхъ учрежденій. Но это наименованіе высшаго органа для завѣдыванія церковными дѣлами казалось уже тогда столь необычнымъ и непонятнымъ само по себѣ, что уже въ Духовномъ Регламентѣ рядомъ съ этимъ наименованіемъ ставятся другія въ качествѣ разъясняющихъ первое, а именно: „сіе Правленіе Соборное всегдашнее, и аки все-

---

1) П. С. П. I, 2.

гдашній Сvнодъ или Сvнедріонъ“, „Соборное Правителство“, „Соборное сословіе“, „Соборное духовное правителство“[1]). Но и эти понятныя названія были неудобны и неподходящи для возглашенія за церковнымъ богослуженіемъ, потому что, такъ сказать, не выдерживали традиціоннаго каноническаго стиля.

Теперь, въ первомъ пунктѣ доклада Государю 14 февраля 1721 г., предлагается болѣе соотвѣтственная „форма“ возношенія: „О Святѣйшемъ Правительствующемъ Собраніи, честнѣмъ презвитерствѣ и протчее. И сей титулъ Святѣйшій никому же партикулярно присвоится, но токмо всецѣлому собранію“. И Петръ Великій, оказавшійся въ данномъ случаѣ съ большимъ вкусомъ и тактомъ, положилъ резолюцію: „о святѣйшемъ синодѣ іли о Святѣйшемъ Правителствующемъ Синодѣ“[2]). Такъ оно и осталось до настоящаго времени, при чемъ, помимо части компетенціи, на Синодъ перешелъ и свойственный патріархамъ титулъ святѣйшества. Впрочемъ, надо замѣтить, что титулъ „святѣйшій“ въ первое время былъ употребителенъ, дѣло главнымъ образомъ, только при богослуженіи, между тѣмъ какъ въ производствѣ употреблялся титулъ болѣе скромный: „Правительствующій *Духовный* Синодъ“[3]).

Вопросъ о порядкѣ сношеній. Вторая забота касалась установленія порядка сношеній Духовной Коллегіи съ Сенатомъ и Коллегіями, „каковымъ образомъ письменное обхожденіе имѣть?“ Порядокъ сношеній былъ тѣмъ болѣе важенъ, что въ немъ скорѣе и конкретнѣе всего выражается степень зависимости даннаго учрежденія отъ другихъ. Обращаясь съ настоящимъ вопросомъ къ Государю, Духовная Коллегія сочла нужнымъ оговориться: „А на патріаршее имя указовъ ни откуда не присылалось, Духовная же Коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не большую, понеже Соборъ“[4]). Петръ положилъ резолюцію: „в сенатъ вѣденіемъ і за подписаніемъ всѣхъ, а въ Коллегіи такъ какъ ізъ сенату пишутъ і за подписаніемъ толко секретарскимъ“[5]).

Такимъ образомъ, что касается порядка сношеній, то Духовная Коллегія, отнынѣ—Св. Синодъ, была уравнена съ Сенатомъ и поставлена выше всѣхъ коллегій[6]). Эта резолюція явилась большимъ пріобрѣтеніемъ, ибо съ

1) Д. Р. начало и ч. I. 2) П. С. П. I, 3.

3) См. первые томы П. С. П. passim.

4) Въ этой фразѣ *Голубевъ* справедливо видитъ неправильное толкованіе выраженія „соборное правительство“, которое встрѣчается въ Манифестѣ 25 января 1721 г. и въ началѣ Духовнаго Регламента. „Выраженіе монарха „соборное правительство“ синодальные члены, — говоритъ *Голубевъ*, — толковали по своему: они признавали Синодъ „соборнымъ“ не въ смыслѣ его коллегіальности, потому что такими соборами были и всѣ коллегіи; а приписывали ему, безъ сомнѣнія, значеніе и силу тѣхъ соборовъ, которые собирались въ чрезвычайныхъ случаяхъ, и составляли высшее безапелляціонное судилище“. Стр. 233—234.

5) П. С. П. I, № 3. „Эта резолюція, — справедливо говоритъ Голубевъ, — выводила Св. Синодъ изъ ряда коллегій“. Стр. 234.

6) *Голубевъ* пишетъ: „Св. Синодъ по мысли Петра I, долженъ былъ занять мѣсто въ ряду коллегій, второстепенныхъ органовъ государстваннаго управленія, которыя всѣ

одной стороны Сенатъ привыкъ смотрѣть на себя какъ на первое учреждение въ государствѣ и высшую инстанцію по всѣмъ дѣламъ, даже духовнымъ[1]); съ другой же стороны самимъ Духовнымъ Регламентомъ было засвидѣтельствовано, что „Соборное сіе Правительство Монаршимъ указомъ *и Сенатскимъ приговоромъ* уставлено есть“[2]), при чемъ Духовный Регламентъ обсуждался сенаторами вмѣстѣ съ духовными лицами и ими подписанъ, такъ что не только фактическое, но и юридическое первенство Сената предъ Духовной Коллегіей было очевидно. Резолюція Петра устанавливала принципіальное равенство этихъ учрежденій[3]).

были подъ апеляціей Сената. Между тѣмъ, въ первое же засѣданіе „духовнаго соборнаго правительства“ съ Синодомъ произошло *превращеніе*, вслѣдствіе котораго онъ сразу выдвинулся изъ ряда коллегій“. „Внутр. бытъ, кн. 2, стр. 233.

1) Ср. роль Сената въ церковномъ управленіи за послѣдніе 21 годъ, его участіе въ разслѣдованіи дѣла Тверитинова, дѣла о проповѣди Стефана Яворскаго о фискалахъ и проч.

2) Д. Р. ч. I, п. 7 (подъ конецъ).

3) Полемизируя съ такимъ толкованіемъ источниковъ, *С. Г. Рункевичъ* (стр. 319—321) ссылается 1) на то, что Сама Духовная Коллегія еще до дня своего открытія, слѣдовательно до того дня, когда будто бы она получила уравненіе съ Снатомъ, и вышла изъ ряда коллегій, сносится съ Сенатомъ, 9 февраля 1721 г., не „доношеніемъ“, а „меморіаломъ“, какъ равный съ равнымъ, и именуетъ себя „правительственнымъ духовнымъ собраніемъ“ въ точное соотвѣтствіе „прав. Сенату“ (М. А. М. Ю. 764 л. 352)“. Но вѣдь называть себя *самъ* всякій можетъ какъ угодно. Однако юридически этого мало, и обращеніе членовъ Духовной Коллегіи къ Сенату не съ „доношеніемъ“, а съ „меморіаломъ“ 9 февраля 1721 г., есть *превышеніе власти.* Напротивъ, Сенатъ стоялъ на совершенно правильной почвѣ, когда въ февралѣ 1721 г. обращался къ „президенту Духовной Коллегіи“ съ *указами* (у Рункевича, 138 и 321); — къ президенту, а не ко всей Коллегіи потому, что послѣдняя въ ту минуту еще не была съорганизована. Далѣе, С. Г. Рункевичъ приводитъ слова самой Духовной Коллегіи: „Духовная же Коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршую“ и прибавляетъ: „имѣетъ, а не желаетъ только имѣть“ (стр. 320). Совершенно напротивъ. Именно не имѣетъ, но очень желаетъ имѣть. Кто далъ Духовной Коллегіи власть самоопредѣленія? Правда, за 1720 годъ общая тенденція смягчить подготовляемую реформу, сдѣлать новое учрежденіе болѣе церковнымъ, болѣе похожимъ на патріарховъ по имени и власти, уже опредѣлилась. Но прямой рѣчи объ этомъ вовсе не было до 14 февраля 1721 г., а къ 12 апрѣля 1722 г., т. е. болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого, когда Петръ написалъ свою извѣстную резолюцію: „понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное отдавать надлежитъ и за преступленіе наказаніе“ (П. С. П. II, 532), которую С. Г Рункевичъ приводитъ въ доказательство безспорности власти Синода, до этого времени *новый взглядъ* уже сложился. Наконецъ, С. Г. Рункевичъ говоритъ: „что касается дальнѣйшихъ настаиваній Синода при всякомъ малѣйшемъ поводѣ, что онъ имѣетъ равную силу съ Сенатомъ, то это вовсе не „разъясненіе своей власти“, новопріобрѣтенной (см. Н. Востоковъ, „Св. Синодъ“. Ж. М. Н. П. 1875 г.. кн. VIII, 155—157), а въ значительной степени просто плодъ канцелярской полемики, не имѣвшей серьезнаго основанія въ дѣйствительности“ (стр. 321). Это толкованіе источниковъ опровергается 1) тѣмъ, что въ „канцелярской“ полемикѣ ясно слышится перо самого Ѳеофана, а онъ не сталъ бы хлопотать напрасно; 2) серьезное основаніе именно было, и заключалось оно въ томъ, что Духовный Регламентъ былъ учредительнымъ актомъ Духовной *Коллегіи*,

Однако Духовная Коллегія вовсе не думала какъ-нибудь обособлять себя. Въ пунктѣ пятомъ того же доклада, спрашивая, не будутъ ли переданы Духовной Коллегіи въ завѣдываніе[1]) патріаршіе, архіерейскіе и монастырскіе вотчины, Духовная Коллегія заранѣе аргументируя положительный отвѣтъ, говоритъ, что „Духовная Коллегія присягою обязалася, какъ въ вѣрности, такъ и во исканіи интереса Царскаго Величества *противъ прочихъ Коллегій не меньше*"[2]), т. е. открыто признаетъ не только свою зависимость отъ верховной свѣтской власти, но и ставитъ себя относительно задачъ дѣятельности въ полную параллель съ другими государственными коллегіями, или вообще учрежденіями, что и было принято Петромъ, какъ должное и скрѣплено его резолюціей на этотъ пунктъ „быть по сему".

Защита Св. Синодомъ своего достоинства. По открытіи Духовной Коллегіи — Св. Синода, его первыя засѣданія были посвящены организаціонной работѣ. Между прочимъ, въ засѣданіи 24 февраля 1721 г. стало извѣстно, что по Высочайшему указу, состоявшемуся въ Канцеляріи Сената, московскому вице-губернатору Ивану Лукичу Воейкову было велѣно выслать немедленно въ Св. Синодъ касающіяся его указныя книги и дѣла Патріаршаго Духовнаго Приказа[3]) съ дьяками, подъячими и прочими служителями, чего Воейковъ не исполнилъ. Со своей стороны Св. Синодъ подтвердилъ этотъ указъ[4]). Однако 6 марта 1721 г. въ Синодѣ было получено донесеніе Игнатія, митрополита Сарскаго, въ которомъ тотъ, ссылаясь на данное ему Сенатомъ еще 27 января 1719 г. порученіе завѣдывать Успенскимъ соборомъ и патріаршей епархіей такъ, какъ завѣдывалъ ими Стефанъ Яворскій, и на то, что дьяки и дѣла уже высланы, а между тѣмъ совсѣмъ не опредѣлено будетъ ли онъ по прежнему завѣдывать патріаршей областію и съ чьею помощью, заявлялъ, что онъ послалъ запросъ объ этомъ въ Сенатъ и просилъ также: „чтобъ Ваше достойное превосходителство Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества указомъ, по сему моему доношенію учинить мнѣ повелѣніе извѣстное писаніемъ"[5]).

а вовсе не Св. Синода, и его приходилось дополнять и передѣлывать, чтобы расширить. Такимъ образомъ „разъясненіе власти" Св. Синода находилось въ полномъ соотвѣтствіи со стремленіемъ его увеличить свою компетенцію и занять болѣе достойное положеніе въ государствѣ.

1) Очень характерно, что Св. Синодъ просилъ себѣ вотчины только въ *завѣдываніе*, не заявляя права *собственности* на нихъ церковныхъ учрежденій, что кореннымъ образомъ противорѣчило традиціоннымъ взглядамъ духовенства на церковную собственность и вопросъ о возможности ея секуляризаціи. См. *мою* работу: „Населенныя недвижимыя имѣнія"... стр. 1.

2) П. С. П. I, 3. п. 5.

3) Патріаршій Разрядъ или патріаршій Духовный Приказъ существовалъ уже въ началѣ XVII в. Онъ опредѣлялъ на должности лицъ бѣлаго и чернаго духовенства, разсматривалъ жалобы на нихъ, судилъ ихъ по преступленіямъ противъ вѣры, разбиралъ гражданскіе иски лицъ, находившихся въ вѣдѣніи патріарха. На основаніи опредѣленія собора 1667 г. въ немъ долженъ былъ быть двоякаго рода судъ — духовныхъ и мірянъ въ дѣлахъ о незаконныхъ бракахъ, и свидѣтельствовавшій духовныя завѣщанія; другой судилъ мірянъ, находившихся въ вѣдѣніи патріарха, по всѣмъ дѣламъ.

4) П. С. П. I, 12. 5) П. С. П. I, 27, стр. 44б.

Это обстоятельство подало Св. Синоду поводъ высказать наставленіе Игнатію относительно достоинства Синода. Заявивъ о томъ, что патріаршая область будетъ поручена „достойной духовной персонѣ“, которая получитъ особую инструкцію и т. д., Св. Синодъ заключилъ свое опредѣленіе слѣдующими словами: „А въ присылаемыхъ въ Правительствующій Духовный Синодъ доношеніяхъ *данную отъ Царскаго Величества* оному Сvноду честь изъяснять ему безъ всякаго умаленія и повиноватися оному во всемъ безпрекословно, понеже оный Сvнодъ имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, или едва и не болшую, понеже есть Соборъ“[1])

Такимъ образомъ съ самаго начала вновь учрежденному Св. Синоду пришлось внѣдрять въ сознаніе русскихъ людей уваженіе къ его достоинству и значенію.

17 мая 1721 г. представился къ тому новый случай. На этотъ разъ простой дьякъ Монастырскаго Приказа Борисъ Артемьевъ оскорбилъ Синодъ тѣмъ, что по дѣлу объ отдачѣ на откупъ бумажнаго завода въ селѣ Богородскомъ обратился съ доношеніемъ въ Сенатъ помимо Св. Синода, за что послѣдній и оштрафовалъ его на сто рублей, т. е. почти на тысячу на наши деньги, „дабы ему и инымъ впредь чинить такъ неповадно было“[2]).

Однако эти частные случаи не давали возможности поставить вопросъ о достоинствѣ Синода принципіально. Она представилась Синоду по дѣлу объ организаціи его Канцеляріи.

Стремленіе Св. Синода достичь равенства съ Сенатомъ. Еще въ первомъ своемъ засѣданіи 14 февраля 1721 г. Духовная Коллегія просила Петра о вызовѣ чиновниковъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ для опредѣленія ихъ въ секретари и подъячіе при Синодѣ, на что Государь и согласился. Синодъ послалъ въ Москву и другіе города за назначенными въ Синодальную Канцелярію чиновниками солдатъ Преображенскаго полка и извѣстилъ Сенатъ объ этомъ своемъ распоряженіи. Сенатъ, отъ котораго зависѣло опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, отвѣтилъ Синоду, что онъ можетъ распоряжаться въ этомъ случаѣ только чиновниками Монастырскаго и Патріаршихъ Духовнаго, Казеннаго и Дворцоваго Приказовъ, дьяками и подъячими архіерейскихъ домовъ и знатныхъ монастырей, или же чиновниками гражданскихъ учрежденій, находящимися не у дѣлъ, но отнюдь не имѣетъ права брать какихъ захочетъ чиновниковъ, находящихся у дѣлъ въ коллегіяхъ и другихъ мѣстахъ.

Синодъ оскорбился замѣчаніемъ Сената, припомнилъ при этомъ и другія его противности, учиненныя къ безчестію Синода, и послалъ со своимъ переводчикомъ Розенблюмомъ къ кабинетъ-секретарю Макарову, въ Ригу, гдѣ находился тогда Государь, доношеніе о разныхъ своихъ нуждахъ, въ числѣ коихъ были и пункты о томъ, что въ Сенатѣ происходитъ къ сторонѣ правительства духовнаго противность, прося Макарова доложить обо всемъ Государя[3]).

---

1) П. С. П. I, 27, стр. 45б.—О. А. С. С. I, № 118/377, 24 февраля 1721—2 ноября 1723.
2) П. С. П. I, 99. 3) О. А. С. С. I, № 101/25 16 февраля 1721—15 марта 1723 г.

Въ своемъ докладѣ Св. Синодъ просилъ прежде всего, чтобы патріаршіе, архіерейскіе и монастырскіе служители и вотчинные крестьяне были подсудны, согласно докладнымъ пунктамъ 14 февраля 1721 г., Св. Синоду, между тѣмъ, какъ „по опредѣленію Сената велѣно онымъ и служителямъ ихъ быть подъ судомъ по Генеральному Регламенту въ Юстицъ-Коллегіи, а когда Генеральный Регламентъ сочинивань, тогда о Духовномъ Правительствѣ и начинанія не было; а нынѣ (продолжаетъ Синодъ свою аргументацію), по всемилостивѣйшему опредѣленію Вашего Величества, Духовное Правительство *отъ прочихъ коллегій отмѣнно, равно какъ Сенатъ*, и ежели быть по сенатскому нынѣ опредѣленію, то онымъ вотчинамъ и ихъ служителямъ прежнее отъ мірскихъ властей утѣсненіе будетъ“[1]).

Во второмъ пунктѣ Св. Синодъ жаловался на Сенатъ по главному спорному вопросу о секретаряхъ и подъячихъ для Синодальной Канцеляріи, заявляя, что не у дѣлъ находятся только тѣ, „которые уже къ дѣламъ не годны, каковыми не точію таковаго важнаго и великаго дѣла, но и легчайшихъ дѣлъ управлять не возможно; а оные по реэстру секретари и подъячіе хотя и у дѣлъ, но не въ Сенатѣ, ниже въ коллегіяхъ, *и не у толь важныхъ, какъ Духовное Правительство*“[2]).

Въ четвертомъ пунктѣ Св. Синодъ просилъ: „О требованіяхъ Духовнаго Правительства противъ посылаемыхъ въ Сенатъ вѣдѣній докладъ бываетъ какъ о партикулярныхъ дѣлехъ по реэстру, въ чемъ есть духовнымъ дѣламъ продолженіе и остановка, и дабы такія Духовнаго Правительства дѣла, яко не партикулярныя, *но важныя*, къ резолюціи предлагалися кромѣ реэстра безъ продолженія“. И Петръ уважилъ эту претензію Синода на первенство его дѣлъ при докладѣ Сенату[3]).

Получивъ резолюціи Государя на свой докладъ, Св. Синодъ сообщилъ ихъ Сенату и вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельно распорядился послать за подъячими нарочныхъ, а подканцеляристу Корнышеву „сказалъ“ въ Синодѣ секретарство (т. е. назначилъ секретаремъ). Сенатъ остался очень недоволенъ этимъ непосредственнымъ обращеніемъ Синода къ Верховной Власти безъ предварительныхъ съ нимъ сношеній и Синодскими распоряженіями и въ вѣдѣніи отъ 25 мая 1721 г. на всѣ пункты синодальнаго доклада далъ свою отповѣдь, чѣмъ опять задѣлъ честь Синода и вызвалъ его на защиту своихъ правъ и достоинства.

Сенатъ заявлялъ, что Высочайшее повелѣніе о высылкѣ въ Синодъ секретарей и подъячихъ было исполнено имъ еще 8 марта, „о чемъ и вѣдѣніе въ Синодъ посылано было трижды, но не принято, а зачѣмъ? не отвѣтствовано“. На этотъ пунктъ Синодъ замѣтилъ, что Сенатъ исполнилъ

1) П. С. П. I, 76, 28 апрѣля 1721 г.

2) П. С. П. I, 76. Петръ резолюціей повелѣлъ „таковыхъ безъ спору отдать въ Синодъ Духовный“.

3) Резолюція: „О духовныхъ дѣлахъ надлежитъ, прежде всѣхъ коллегійскихъ дѣлъ, первыя по нашихъ указахъ слушать и рѣшить; а что касается до внѣшнихъ дѣлъ, тѣ по реэстру съ прочими, яко партикулярныя“. П. С. П. I, 76.

не вполнѣ согласно съ повелѣніемъ Государя, почему и вѣдѣніе „не принято за онымъ противнымъ опредѣленіемъ, и отвѣтствовать Синодъ Сенату, *яко не подчиненный,* не долженъ“.

Затѣмъ Сенатъ заявлялъ, что онъ опредѣлилъ въ Синодальную Канцелярію свободныхъ подъячихъ и кромѣ того подъячихъ Монастырскаго и Патріаршихъ Приказовъ, на что Синодъ ему замѣтилъ, что свободные — не годны къ службѣ, „а другихъ синодской команды подчиненныхъ, *о которыхъ и опредѣленіе отъ Сената не требуется,* понеже изъ тѣхъ, яко собственныхъ духовного правительства служителей, *можетъ Синодъ* годныхъ взять *и безъ сенатскаго опредѣленія, своею отъ Царскаго Величества данною властію;* но Правительствующій Сенатъ такимъ синодскихъ служителей опредѣленіемъ утруждалъ себя напрасно“.

Далѣе Сенатъ оправдывалъ себя въ томъ, что не назначилъ въ Синодальную Канцелярію подъячихъ, занятыхъ въ другихъ учрежденіяхъ, выставляя то соображеніе, что иначе могла бы быть въ дѣлахъ остановка къ поврежденію государственнаго интереса.

На это замѣчаніе Синодъ далъ длинную отповѣдь. „О остановкѣ дѣлъ, говоритъ онъ, которая бъ будто отъ взятья въ Синодъ оныхъ въ реэстрѣ написанныхъ секретаря и подъячихъ учинилась, попеченія Прав. Сенатъ употребляетъ знатно, *не взирая на важность порученныхъ Прав. Духовному Синоду дѣлъ и нужнѣйшихъ исправленій,* о которыхъ какъ Его Ц. В., яко Всемилостивѣйшій Монархъ, бодро-опасное имѣетъ попеченіе и имяннымъ Своего Величества указомъ, публично объявивъ, утвердилъ и повелѣлъ оное духовное собраніе всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и мирскимъ, имѣть за важное и силное правительство, которое такъ учреждено важности нужнѣйшихъ святѣй Церкви и всему благочестія нашего состоянію дѣлъ, *о которыхъ и Прав. Сенатъ, яко показанную оныхъ важность, своеручно на Духовномъ Регламентѣ подписавшій, не безъ попеченія быть долженъ;* а другихъ яко партикулярныхъ, а не такъ нужныхъ дѣлъ съ толикою духовнаго правительства важностію равнять, было не надлежало и остановки тѣмъ партикулярнымъ дѣламъ поврежденія интересу признавать не отчего, понеже во ономъ отъ Синода предложенномъ реэстрѣ требуемые персоны написаны отъ многочисленныхъ по разнымъ мѣстамъ приказныхъ людей не по многу, но и по одной токмо отъ нѣкоторыхъ мѣстъ персонѣ, безъ чего тамошнимъ дѣламъ въ непремѣнномъ возможно быть правленіи, и Синоду, яко новоучрежденному, безъ такихъ къ дѣламъ потребныхъ людей и въ дѣйство званію ихъ свойственное, вступить и твердаго въ должномъ содержаніи фундамента положить весьма неудобно, въ чемъ и нынѣ необходимая есть нужда“[1]).

Однако, полагалъ Сенатъ, если Синодъ его опредѣленіемъ былъ недоволенъ, то надлежало „паки писать въ Сенатъ, не трудя тѣмъ Царское Величество“, на что Синодъ замѣтилъ, что „хотя о неудовольствованіи повторять, аки бы прошеніемъ, отнюдь Синодъ Сенату, *яко неподчиненный,*

1) П. С. П. I, 112, стр. 154.

и не долженъ“, однако онъ посылалъ въ Сенатъ своего совѣтника архимандрита Симоновскаго Петра, но безъ результата, „и того ради Синодъ уже не Сенату, но *его же имѣетъ крайняго судію Высокомонаршескую Его Царскаго Величества особу*, Той, и яко высочайшей своей власти, неудовольствованіе свое объявляя, и прошеніе предлагать принужденъ“.

Обращая затѣмъ вниманіе на то, что Петръ повелѣлъ въ своей резолюціи не занятыхъ въ Сенатѣ и коллегіяхъ подъячихъ *безспорно* отдать Синоду, послѣдній характерно замѣтилъ: „Здѣ явно есть, что Его Царское *(священное)* Величество синодальныхъ, *яко зѣло важныхъ и нужнѣйшихъ* дѣлъ съ другими, яко не такъ важными, не уравниваетъ“. Оправдываясь затѣмъ отъ упрека Сената въ томъ, что Синодъ взводилъ на него напрасныя нареканія въ очахъ Государя, Синодъ доказывалъ, что Сенатъ нарушилъ Высочайшее повелѣніе, а между тѣмъ „можетъ ли отъ кого изъ подданныхъ въ иначественное пріемлемо быть разсужденіе“, и „выше Высочайшаго Монаршескаго опредѣленія иное опредѣлять не надлежало“.

Продолжая свое вѣдѣніе, Сенатъ отстаивалъ свое исключительное право распоряжаться чиновниками гражданскаго вѣдомства и „сказывать“ секретарство, „понеже Правительствующій Сенатъ въ правленіи гражданскихъ дѣлъ силу и дѣйствіе имѣетъ какъ его Величества именной указъ 1711 года повелѣваетъ“[1]), что призналъ и самъ Св. Синодъ, заявивъ въ своемъ вѣдѣніи, что „*Правительствующій Сенатъ равную честь и силу имѣетъ въ свѣтскомъ управленіи, какъ и Святѣйшій Синодъ въ духовномъ*“. Поэтому безъ опредѣленія Сенатскаго вызывать подъячихъ и сказывать Корнышеву секретарство не слѣдовало.

Признавая честь и достоинство Сената согласно указу 1711 г., Синодъ оправдывалъ себя 1) бездѣйствіемъ Сената, и 2) тѣмъ, что имя Корнышева стояло въ спискѣ просимыхъ Синодомъ чиновниковъ, каковой списокъ удостоился подписи Государя и слѣдовательно Корнышевъ оказался Высочайше назначеннымъ и подчиненнымъ непосредственно Синоду, а собственноручное Государя подписаніе „яко высокоповелительное весма Синоду дѣйствительную даетъ въ духовномъ правительствѣ силу“.

Признаніе Св. Синодомъ своего государственнаго характера. Притязанія Синода на назначеніе чиновниковъ заставило Сенатъ ему припомнить, что „и въ бытность святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, ко управленію дѣлъ изъ гражданскихъ въ судьи и во дьяки опредѣлялись и указы имъ сказываны изъ Розряду, хотя оной тогда такой силы и дѣйствія не имѣлъ, какъ нынѣ Правительствующій Сенатъ“.

Защищая себя, Синоду слѣдовало показать разницу между нимъ и патріархами, что онъ и сдѣлалъ въ чрезвычайно характерныхъ выраженіяхъ. „Такое, пишетъ Синодъ, прежнихъ бытностей опредѣленіе (аще истинно есть), хотя по случаю когда ежели и бывало, ко оному нынѣшнему опредѣленію въ примѣръ приводимо быть не приличествуетъ, понеже тамо *патріаршеская власть была аки бы собственная*, и въ правленіи духовномъ

[1]) П. С. З. 2328.

употреблялося *одно патріарше имя, которое яко собственного въ такомъ правленіи властителя и въ указехъ писалося одно*, точію безъ написанія высокомонаршескія титлы, и когда и кто оному правленію отъ гражданскихъ требовался, инымъ образомъ кромя разрядного определенія получать было невозможно, *а нынѣ духовное правительство* изящнымъ Его Царскаго Величества благоусмотрѣніемъ *учреждено не въ подобной оному патріаршему правленію силѣ, но въ отмѣнной*, и состоитъ не въ одной персонѣ и *должность свою исправляетъ не своимъ именемъ но высокомочными указы Его Царскаго Величества, который* яко Благочестивѣйшій Монархъ, образомъ древнихъ христіанскихъ царей, *самого Себе оному Священному Синоду за Верховнаго Председателя и Судію представилъ*, и честь, силу и власть тому Св. Пр. Синоду, собственнымъ Царскія Своея руки подписаніемъ, утвердилъ *равную съ Правителствующимъ Сенатомъ*, что и самъ Прав. Сенатъ заблагоразсудивъ согласнымъ своимъ, прешедшаго марта 3 числа, приговоромъ, оное Синода съ Сенатомъ равенство весма подкрѣпилъ; а понеже Синодъ въ чести, силѣ и власти собственнаго своего правительства Сенату равенъ есть, то и служителемъ, которые къ нужнѣйшимъ дѣламъ потребны суть, а особливо тѣмъ, которые имяннымъ Его Царскаго Величества указомъ уже определены, сказывать въ Синодѣ чины небезмѣстно есть, и предложенному въ Генеральномъ Регламентѣ II пункту не противно, понеже оной пунктъ о требованіи секретаремъ и другимъ чиномъ сенатскаго определенія одолжаетъ токмо учрежденныя въ свѣтскомъ правленіи Коллегіи, которыя отъ сенатскихъ зависятъ указовъ, и яко тому неравныя о всякихъ важностехъ позволенія отъ Прав. Сената доношеніями требуютъ, какъ и къ сторонѣ Прав. Синода, яко *Сенату равнаго*, поступать оные одолжены суть; а Синодъ после онаго Генеральнаго Регламента учрежденный, паче же равной Сенату чести удостоенный, такого о требованіи сенатскаго опредѣленія долгу не имѣетъ, но *долженъ есть* и требуетъ о всѣхъ важностяхъ опредѣленія *отъ крайняго своего Судіи Его Царскаго Величества*"[1]).

5 іюня 1721 г. Св. Синодъ обсуждалъ новое вѣдѣніе Сената отъ 26 мая[2]) по вопросу о сборѣ съ раскольниковъ положеннаго съ нихъ оклада. Соблюдая обычную форму дѣлопроизводства, Сенатъ писалъ: „По Его Великаго Государя указу, Правительствующій Сенатъ, по *поданнымъ* изъ Правительствующаго Духовнаго Синода вѣдѣніямъ, *приказали:* определеннымъ изъ того Синода мірскимъ судіямъ къ дѣламъ раскольническимъ, ежели въ которой губерніи и провинціи что до кого касатися будетъ, быть по посланнымъ отъ нихъ указомъ послушнымъ; а положенныя деньги съ тѣхъ раскольщиковъ, которыя будутъ собираться по окладу вдвое, тѣ отсылать въ Штатсъ-Конторъ Коллегію, а штрафы по духовнымъ дѣламъ имать въ Правительствующій Духовный Синодъ, а въ Камэръ и въ Штатсъ-Конторъ Коллегіи репортовать; и Правительствующему Духовному Синоду о

1) П. С. П. I, № 112, стр 157—158

2) П. С. З. VI, 3785; П. С. П. I, 114, 5 іюня 1721 г.

томъ *вѣдать и чинить* по Его Великаго Государя указу, а въ Камеръ и Штатсъ-Конторъ Коллегіи, и въ губерніи и провинціи о томъ же указы изъ Сената посланы".

Распоряженіе Сената относилось очевидно прежде всего къ населенію, а также къ провинціальной власти, которымъ предписывалось послушаніе этимъ „мірскимъ судіямъ", а затѣмъ относилось къ этимъ послѣднимъ— двойной окладъ отсылать въ Штатсъ-Конторъ Коллегію, а объ отсылкѣ въ Синодъ штрафовъ по духовнымъ дѣламъ лишь рапортовать Камеръ и Штатсъ-Конторъ Коллегіи, Св. Синоду же, очевидно, сообщалось объ этомъ лишь для свѣдѣнія и зависящихъ распоряженій. Однако Синодъ принялъ это распоряженіе на свой счетъ и оскорбился самой формой его и сношенія съ собою Сената, а также требованіемъ рапортовать о собранныхъ деньгахъ, какъ будто Синоду Сенатъ не довѣряетъ, и потому въ отвѣтномъ вѣдѣніи Синодъ сообщилъ, что „такое Прав. Сената *приказаніе* предложено ко уменьшенію данной отъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Св. Пр. Синоду дѣйствительной чести и учиненнаго съ Прав. Сенатомъ равенства, ибо объявляетъ Пр. Сенатъ свое приказаніе Пр. Духовному Синоду, аки бы подчиненному, не взирая на оное равенство и не упоминая того, что правительство духовное имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, *а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылалося.* А оное Пр. Сената приказаніе яко повелительство къ Пр. Духовному Синоду прислано, и о дѣлахъ не свѣтскаго правленія, но духовнаго, которое до Прав. Сената и не надлежитъ, но зависитъ отъ собственныхъ Пр. Д. Синода указовъ"... „А въ равенствѣ,—продолжалъ Синодъ,— повелѣнія не бываетъ, но подобныя себѣ употребляются корреспонденціи, какъ и имяннымъ Его Ц. В. указомъ и подписанною на синодскихъ пунктахъ резолюціею о ономъ Духовномъ Правителствѣ опредѣлено, и согласнымъ прешедшаго марта 3-го числа Пр. Сената приговоромъ заблагоразсуждено и равная Синода и Сената корреспонденція уставлена; но то уставленіе отъ стороны Пр. Сената является не содержательно, ибо не точію приказаніе въ лицѣ повелительства онымъ нынѣ сообщеннымъ вѣдѣніемъ показано, но и вѣденіе синодское написано не сообщеннымъ, или присланнымъ (что къ равенству бъ относилося), но *поданнымъ*, что относится не къ равенству, но къ подчиненному лицу, отъ котораго большему начальству подаемо бываетъ, въ чемъ явное есть дѣйствительной Пр. Д. Синода чести умаленіе. Къ тому же еще опредѣлено о оныхъ деньгахъ, которыя съ духовныхъ дѣлъ собираться будутъ, репортовать въ Камеръ и въ Штатсъ-Конторъ Коллегіи, которымъ уже аки и подчиненъ быть по тому Синодъ значится; и такимъ опредѣленіемъ Пр. Сенатъ отягощеніе духовному правительству наноситъ напрасно, и поступаетъ въ томъ не по содержанію предложенныхъ о ономъ духовномъ правительствѣ имянныхъ Е. Ц. В. указовъ, и репортованіемъ утруждать намѣренъ, *аки бы Синодъ во интересахъ не вѣроятенъ былъ; а оной Пр. Д. Синодъ во исканіи интереса присягою обязался не меньше Коллегій* и обрѣтающихся отъ

нихъ въ Пр. Сенатѣ персонъ, *и вѣрность присяжную всецѣло содержать тщится;* а въ *похищеніи* интересовъ не точію не явился, но никогда тому (чего всякъ храниться долженъ) еще и не учился, и впредь учиться не намѣренъ, *но имѣетъ прилежное попеченіе показать себя вэ исканіи оныхъ интересовъ усердна и непогрѣшительна;* и которая казна въ Синодѣ собираться станетъ, о той не неявно будетъ Его Ц. В. А казны въ Синодѣ къ надлежащему Россійской церкви исправленію, что въ синодальной зависитъ должности, требуется великая сумма, о которой предлагать будетъ Синодъ не иному кому, но, *яко крайнему своему судіи* Его Ц. В., а репортовать оныя Коллегіи Синодъ, яко (не точію тѣмъ, но и Сенату) не подчиненный, не долженъ; но ежели Пр. Сенатъ въ Коллегіи репортуетъ, то и Синодъ подобное тому репортованіе употреблять будетъ"[1]).

Резолюціи Петра Великаго. Однако возбужденные Св. Синодомъ спорные вопросы съ Сенатомъ оставались не разрѣшенными, пока 19 ноября того же 1721 г. не были испрошены на нихъ, въ числѣ прочихъ, резолюціи Государя. Въ пунктѣ четвертомъ Синодъ просилъ: „Понеже Синодъ съ Сенатомъ уравненъ есть, того ради можетъ, какъ и Сенатъ, изъ подчиненныхъ своихъ въ своей командѣ секретарей опредѣлять; о чемъ не было бы здѣ нужды и упоминать, ежели бы не произошло отъ Сената инаго о томъ мнѣнія. А понеже то произошло, требуется опредѣленіе, дабы и впредь Синоду изъ подчиненныхъ своихъ въ секретари опредѣлять и тотъ чинъ въ Синодѣ сказывать позволено, *чтобъ синодальное правительство не пріобщено было къ числу Коллегій, отъ сенатскихъ указовъ зависящихъ*".

Петръ положилъ резолюцію, рѣшившую дѣло полюбовно: „Изъ *своихъ* сказывать въ Синодѣ; а буде которые понадобятся кромѣ вѣдѣній ихъ, о такихъ давать вѣдѣніе въ Сенатъ и съ согласія опредѣлять"[2]).

Затѣмъ въ двѣнадцатомъ пунктѣ Синодъ просилъ: „Понеже, по имянному Е. И. В. указу и по Духовному Регламенту, раскольническія дѣла поручены Синоду, того ради прилично видится и сбираемымъ съ нихъ двойного окладу деньгамъ и съ неисповѣдывающихся штрафамъ быть въ Синодъ присылаемымъ". Петръ согласился: „Быть такъ"[3]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ Св. Синодъ въ разныхъ пунктахъ указывалъ на то, что подчиненные Синоду служители и крестьяне, хотя и признаются равными съ прочими, однако „гражданскіе управители не въ равенствѣ ихъ содержать"[4]), что „къ поимкѣ раскольническихъ учителей" „свѣтскіе управители духовнымъ не токмо не спомогаютъ, но и препятіе чинятъ"[5]), что не

---

1) П. С. П. I, 114, стр. 160—161. 2) П. С. П. I, № 312, стр. 365.

3) П. С. П. I, 312, стр. 366. 4) Ibidem, п. 3.

5) Ibidem, п. 13. На этомъ пунктѣ Петръ положилъ любопытную резолюцію, показывающую, какъ мало онъ довѣрялъ духовенству, и что, признавая Синодъ за „важное и силное правительство", онъ ставилъ границы его притязаніямъ. Резолюція слѣдующая: „Брать такихъ, кто отъ Синода гдѣ къ тому опредѣленъ будетъ, безъ всякаго препятія и свѣтскимъ начальникомъ въ томъ имъ вспомогать; а кто преслушаетъ сего, будетъ штра-

обходимо сообщить указамъ Синода такую же силу, какую имѣютъ указы Сената, чтобы ихъ не нужно было подкрѣплять „послушными" указами Сената или Коллегій[1]); что назначаютъ на службу лицъ, не освидѣтельствованныхъ духовенствомъ, согласно указу 17-го февраля 1718 г., въ непринадлежности ихъ къ расколу[2]), что „приличающіяся по духовнымъ дѣламъ свѣтскія персоны въ духовное правительство отъ нѣкоторыхъ командъ не отсылаются, и посылаемые о нихъ отъ архіереовъ указы являются презираемы; *въ чемъ видится духовной власти презрѣніе,* а въ тѣхъ повинныхъ умножается смѣлость ко уничтоженію начальства духовнаго, отъ чего бываютъ и безъ исправленія"[3]). Наконецъ, Синодъ спрашивалъ, какъ поступать съ тѣми знатными лицами, которые будутъ заподозрѣны въ принадлежности къ расколу[4]) и призываемые въ Синодъ по дѣламъ, подсуднымъ Синоду будутъ непослушны, „и предлагаемое отъ Синода опредѣленіе, якобы не сильное и не важное (нѣчто высоко о себѣ мня), презирать и уничижать станутъ, какіе тогда съ такими сильными лицы употреблять Синоду поступки и дѣйства?".

Значеніе двоевластія Сената и Синода. Такъ отстаивалъ Св. Синодъ свой престижъ въ первый годъ своего существованія. Отъ этой самозащиты создается то общее впечатлѣніе, что престижъ духовной власти къ 1721 г. видимо настолько упалъ, что возстановлять его приходилось мѣрами государственнаго принужденія, постоянно требуя Высочайшихъ указовъ и призывовъ къ уваженію и повиновенію. Необходимость этихъ мѣръ, быть можетъ, вытекала еще изъ того, что не столько духовная власть сама по себѣ, сколько Св. Синодъ, какъ таковой, не встрѣчалъ къ себѣ сочувствія и почтительнаго признанія со стороны современниковъ его учрежденія по образцамъ западной государственности и протестантской церковности.

Затѣмъ, увлекаясь отстаиваніемъ своей чести, Св. Синодъ искалъ опоры въ томъ, что онъ учрежденъ „изящнымъ Его Царскаго Величества благоусмотрѣніемъ не въ подобной оному патріаршему правленію силѣ, но

фованъ, яко преслушатель указа. *Но дабы для какой страсти духовные приставники не затѣвали на кого напрасно,* того для повиненъ духовной приставникъ, взявъ такова, ни мало державъ, привести самъ къ свѣтскому начальнику, гдѣ оной приведенной вѣдомъ, или начальнику того мѣста, ежели далеко тотъ, гдѣ оной вѣдомъ. Тогда свѣтской начальникъ долженъ его освидѣтельствовать того-жъ дни, *и будетъ увидитъ, что раскольникъ,* отдать духовному приставнику; *буде же увидитъ, что въ немъ того нѣтъ,* то и такого отдать ему, но при томъ сказать, что онъ будетъ о томъ писать въ Синодъ и Сенатъ, и, отдавъ, писать немедленно; и когда такой репортъ получатъ, тогда въ Синодѣ, *при двухъ членахъ сенатскихъ,* то изслѣдовать и рѣшить, чему будетъ кто достоинъ". П. С. П. I, 312, стр. 367.

[1]) Ibidem, п. 14. На него послѣдовала резолюція: „послать указы противъ 13-го указа, списавъ оной весь".

[2]) Ibidem, п. 15. Петръ повелѣлъ поступать согласно резолюціи на 13 п., если при выборѣ на должность послѣдуетъ „протестація" „начальнаго отъ Синода".

[3]) Ibidem, п. 16.

[4]) Пункты 24 и 25. На послѣдній Петръ положилъ резолюцію: „Противъ Сенату", а на первый—„Изъяснить дѣла именно".

въ отмѣнной"[1]), что онъ считалъ гораздо болѣе цѣннымъ, чѣмъ то, что „патріаршеская власть была аки бы *собственная*"[2]). Между тѣмъ съ традиціонной церковной точки зрѣнія именно послѣднее, т. е. *самобытность* церковной власти, одно только и было цѣнно, тогда какъ фактъ учрежденія Св. Синода властью государственной не только устранялъ всякую мысль о какой бы то ни было самобытности его происхожденія, но низводилъ его въ разрядъ, хотя и высшихъ, но все таки *государственныхъ* учрежденій, служащихъ временнымъ, преходящимъ цѣлямъ даннаго государства и руководящаго имъ правительства. Иными словами Св. Синодъ, казалось бы призванный исторіей именно для того, чтобы въ своемъ лицѣ возродить „собственную" власть патріаршую послѣ столь продолжительнаго вдовства Русской Церкви, вмѣсто того *своими собственными опредѣленіями* лишалъ себя значенія высшаго *церковнаго* органа и требовалъ всенароднаго признанія своего *государственнаго* характера. Высшей честью для себя онъ считалъ быть *равнымъ* Сенату, т. е. имѣть въ духовномъ правленіи ту же честь и силу, какую Сенатъ имѣлъ въ правленіи свѣтскомъ[3]). Въ этомъ случаѣ Св. Синодъ проводилъ весьма любопытную теорію административнаго дуализма, по которой во главѣ всего стоитъ „Его Царское (священное) Величество"[4]) съ ничѣмъ и ни въ чемъ неограниченной властью. Ему одинаково подвластны всѣ безъ исключенія институты, интересы и цѣли. Въ его государствѣ существуетъ два правленія или два чина: свѣтскій и духовный. Во главѣ свѣтскаго стоитъ Сенатъ, во главѣ духовнаго—Синодъ[5]) съ равною Сенату честью и силою. Оба правленія или чина—государственнаго характера, потому что своимъ *крайнимъ* судіею одинаково имѣютъ Высокомонаршескую Его Царскаго Величества особу[6]). Это послѣднее положеніе, встрѣтившее впослѣдствіи столь рѣзкій протестъ Арсенія Мацѣевича[7]) и, въ сущности, постоянно смущавшее церковныхъ людей съ самаго изданія формулы присяги членовъ Св. Синода, гдѣ эти слова появляются

---

¹) П. С. П. I, 112, стр. 157. ²) Тамъ же.

³) П. С. П. I, 112, стр. 156 и др. ⁴) Тамъ же, стр. 155.

⁵) „Дерзаемъ мы, говорилось въ рѣчи при поднесеніи Петру титула Отца Отечества, Великаго и Императора Всероссійскаго, *учрежденной отъ Вашего Величества духовной и мірской сгуклитъ*, именемъ всего Всероссійскаго Вашего Величества государства подданныхъ всѣхъ чиновъ народа всеподданнѣйше умоляти". П. С. З. VI, 3840; П. С. П. I, 278, 22 октября 1721 г. Ходячими были выраженія: свѣтская команда и синодальная команда. Эта двойственность доходила до того, что „Объявленія во всенародное извѣстіе" печатались на двое: въ экземплярахъ, которые предназначались для посылки въ синодальную команду, именованіе Синода вездѣ должно было предварять именованіе Сената и духовная команда вспоминаться прежде свѣтской. Напротивъ, въ экземплярахъ, которые предназначались для посылки въ свѣтскія команды, имена должны были ставиться наоборотъ. Библіотека Московской Синодальной Типографіи. Архивъ XVIII в. № 160 л. 558, 559. Этой справкой я обязанъ любезности Библіотекаря А. А. Покровскаго, котораго и прошу принять мою благодарность.

⁶) П. С. П. I, 112, стр. 155, 158.

⁷) Свящ. *М. С. Поповъ*, Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло. Спб. 1912, стр. 97, 140 390, 430 и др.

впервые, до отмѣны этой присяги въ 1901 г.[1]), въ первые мѣсяцы существованія Синода казались его членамъ особенно почетными и нисколько не противорѣчащими догмату о главенствѣ Христа въ Церкви. Синодъ гордился тѣмъ, что онъ „состоитъ не въ одной персонѣ и должность свою исправляетъ не своимъ имянемъ, но высокомочными указы Его Царскаго Величества, который яко Благочестивѣйшій Монархъ, образомъ древнихъ христіанскихъ царей, самого Себе оному Священному Синоду за Верховнаго Предсѣдателя и Судію представилъ, и честь, силу и власть тому Святѣйшему Правительствующему Синоду, собственнымъ Царскія Своея руки подписаніемъ, утвердилъ равную съ Правительствующимъ Сенатомъ"[2]). Между тѣмъ, именно въ первое время своего существованія и дѣятельности Св. Синодъ могъ установить свое высшее *церковное* достоинство, заставить признавать и уважать себя, какъ „Божію милостію" „собственную" высшую церковную власть, которая не гонится за равенствомъ какому бы то ни было изъ государственныхъ учрежденій, всегда преходящихъ и служащихъ мірскимъ цѣлямъ. Правда первые проблески Синодальной зависимости находятся уже въ Духовномъ Регламентѣ и въ текстахъ манифеста 21 января 1721 г. и присяги членовъ Синода. Но надо помнить, что авторомъ ихъ былъ тотъ же самый Ѳеофанъ Прокоповичъ, создатель Духовной Коллегіи и ея руководитель до своей смерти 8 сентября 1736 г., когда все успѣло уже сложиться. Если же главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ одинъ изъ русскихъ епископовъ, то ничто не мѣшало другимъ высказаться въ духѣ болѣе соотвѣтствующемъ каноническимъ началамъ, тѣмъ болѣе, что прямого давленія со стороны свѣтской власти вовсе не было, и не будь такъ податливъ самъ Синодъ, быть можетъ его судьба и судьба Русской Церкви за эти два вѣка была бы иная. Между тѣмъ самоутвержденіе себя Синодомъ въ достоинствѣ равнаго Сенату государственнаго учрежденія для завѣдыванія духовнымъ правленіемъ или чиномъ превратило Русскую помѣстную Церковь, какъ особый юридическій институтъ, въ простое Вѣдомство Православнаго Исповѣданія.

Необходимо отмѣтить, что система параллелизма вѣдомствъ Сената и Синода нарушала собою цѣльность государственнаго строя и управленія и потому уже въ сентябрѣ 1721 г. вызвала къ жизни новый юридическій институтъ, превышающій Сенатъ и Синодъ въ ихъ отдѣльности и объединяющій ихъ между собою.

Учрежденіе „конференцій" Сената и Синода. 6-го сентября 1721 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ, „которой тогда въ ономъ Сенатѣ быть прилучился" передалъ Синоду только объявленный Государемъ въ Сенатѣ высокомонаршій указъ: „ежели впредь какъ изъ Св. Синода въ Сенатъ, такъ и изъ Сената въ Синодъ будутъ посылаться вѣдѣнія, и по усмотрѣнію кото-

[1]) Эта присяга считается отмѣненной по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 23 февраля 1901 г. за № 44. См. объ отмѣнѣ ея выше гл. V, стр. 189—190 и т. II, отд. I, № 5 лит. В.

[2]) П. С. П. I, 112, стр. 157.

рой стороны, яко отъ синодальной, или отъ сенатской, явится по мнѣнію сумнительныя, то бъ, для возымѣнія по онымъ *конференціи*, приходить, какъ отъ Синода жъ въ Сенатъ, такъ и отъ Сената въ Синодъ, по двѣ персоны"[1]).

Такимъ образомъ, при разногласіи между собою двухъ *равныхъ* учрежденій, дѣло рѣшалось въ совмѣстномъ ихъ засѣданіи въ качествѣ особаго юридическаго установленія — Конференціи Сената и Синода. Практическая необходимость Конференціи при наличности двухъ чиновъ или вѣдомствъ была столь очевидна, и вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, такъ стѣсняла привыкшій къ единовластію Сенатъ, что въ докладныхъ пунктахъ 19 ноября 1721 г. самъ Синодъ долженъ былъ вновь просить Государя: „Когда сенатскими приговоры бываютъ какія генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и *синодская команда* заключается, тогда можно, видится, прежде заключенія, во время обычнаго о такихъ опредѣленіяхъ разсужденія, и Синодъ увѣдомлять, и съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, что было бъ къ лучшему общей пользы усмотрѣнію"[2]). И Конференціи дѣйствительно составлялись неоднократно[3]) по разнымъ поводамъ и прекратились лишь впослѣдствіи, когда Сенатъ и Синодъ перестали быть самыми высшими учрежденіями въ Имперіи и полная параллель между ними была нарушена.

Къ сказанному нужно прибавить, что необходимость и возможность конференцій Сената и Синода лишній разъ подчеркиваетъ не только ихъ равенство, но и одинаково государственный характеръ этихъ учрежденій. При этомъ эти конференціи ни коимъ образомъ нельзя сравнивать съ присутствіемъ „Освященнаго Собора" на засѣданіяхъ Боярской Думы и Земскихъ Соборовъ Московской Руси, потому что туда при *самобытности* церковной власти, митрополиты и патріархи московскіе, архіереи, архимандриты, игумены и старцы, словомъ всѣ „власти" являлись не какъ государственныя должностныя лица, а *какъ богомольцы* Царя и Великаго Князя, какъ печальники за Русскую Землю, способные по озаренію свыше дать во-время нужный совѣтъ[4]).

Преобладаніе Сената надъ Св. Синодомъ. Какъ не стремился Св. Синодъ во всемъ уравняться съ Сенатомъ, однако вполнѣ это было не исполнимо. Сенатъ учрежденъ былъ въ 1711 г. для того, чтобы замѣщать собою особу отсутствующаго въ походѣ Государя, его указамъ и приговорамъ усвоялась

---

[1]) П. С. П. I, 207, 6 сентября 1721 г.—*А. Н. Филипповъ*, Прав. Сенатъ, стр. 69.

[2]) П. С. П. I, 312, п. 5.

[3]) См. П. С. З. и П. С. П. за первые годы passim. — *В. Поповъ*, О Св. Синодѣ при П. В. Ж. М. Н. П. ч. 213, стр. 257—262.—См. образецъ протокола конференціи въ М. А. М. Ю. Книга Сената по Св. Синоду № 765 л. 118—124. Здѣсь на лѣвой сторонѣ страницы подписались синодальные члены, а на правой—сенаторы. См. тамъ же книга № 767 л. 17, конференція 23 декабря 1721 г. о томъ, какъ титуловать царскую фамилію.

[4]) Ср. *М. Архангельскаго*, О Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича въ отношеніи къ православной Русской Церкви. Спб. 1881, стр. 67—68—„Объ участіи духовенства на земскихъ соборахъ".

временами сила именныхъ указовъ. Сенатъ имѣлъ большую распорядительную власть, и законосовѣщательное значеніе, былъ хранителемъ и толкователемъ законовъ[1]). Естественно, поэтому, что въ этомъ отношеніи его авторитетъ не могъ не быть выше Синода. Частный случай побудилъ Петра положительно объ этомъ высказаться. По поводу неправильнаго толкованія указа о единонаслѣдіи 23 марта 1714 г.[2]), допущеннаго Помѣстнымъ Приказомъ Петръ, находясь въ селѣ Преображенскомъ, далъ 17 апрѣля 1722 г. свой знаменитый указъ *о зерцалѣ*, гдѣ требовалъ точнаго соблюденія всѣхъ уставовъ и регламентовъ. „Буде же, говорилъ онъ, въ тѣхъ Регламентахъ, что покажется темно, или такое дѣло, что на оное яснаго рѣшенія не положено, такія дѣла не вершить, ниже опредѣлять, но приносить *въ Сенатъ* выписки о томъ, гдѣ повинны Сенатъ собрать всѣ Коллегіи и о ономъ мыслить и толковать подъ присягою, однакожъ не опредѣлять, но положа, напримѣръ, свое мнѣніе объявлять Намъ, и когда опредѣлимъ и подпишемъ, тогда оное напечатать и приложить къ Регламентамъ, и потомъ въ дѣйство по оному производить. Буде же когда отлучимся вдаль, а дѣло нужное, то учиня какъ выше писано и подписавъ всѣмъ, чинить, но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оной опробованъ, напечатанъ и къ Регламентамъ присовокупленъ будетъ“.

Указъ этотъ не допускалъ никакого исключенія и былъ такъ важенъ въ глазахъ Петра, что онъ велѣлъ „по данному образцу въ Сенатъ доски съ подножьемъ, на которую оной печатаной указъ наклеить, и всегда во всѣхъ мѣстахъ, начавъ отъ *Сенату* даже до послѣднихъ судныхъ мѣстъ, имѣть на столѣ, яко *зеркало* предъ очми судящихъ“[3]).

Такимъ образомъ, *во-первыхъ*, согласно этому указу въ случаяхъ сомнѣнія и недостатка закона Синодъ, какъ и всѣ остальныя учрежденія, долженъ былъ прибѣгать къ помощи и авторитету Сената. *Во-вторыхъ*, какъ и всѣ учрежденія, онъ долженъ былъ имѣть у себя зерцало, этотъ символъ подзаконности, т. е. подчиненія свѣтскому государственному закону. По опредѣленію Св. Синода отъ 23 іюня 1722 г.[4]) зерцало было для него сдѣлано, и стоитъ до сихъ поръ на одномъ концѣ стола, за которымъ засѣдаетъ Синодъ, въ то время какъ на другомъ концѣ стоятъ Св. Крестъ и Евангеліе. Нельзя не видѣть въ этомъ символа отсутствія у Синода „акибы собственной“ власти, какую дѣйствительно имѣли митрополиты и патріархи...

Какъ разъ лѣтомъ 1722 г. Петръ отправился въ Персидскій походъ. По пути Св. Синодъ безпокоилъ его докладами о сложныхъ дѣлахъ, что побудило Государя отправить Синоду изъ Астрахани 13 Іюля 1722 г. соб-

---

[1]) Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ Исторіи Русскаго права, Изд. 6. 1909 г. стр. 243—244. Проф. *А. Н. Филиппо въ*, Учебникъ исторіи русскаго права ч. I изд. 5, Юрьевъ 1914 стр. 649 и сл.

[2]) П. С. З. V, 2789.

[3]) П. С. З. VI, 3970; П. С. П. II, 564, 26, апрѣля 1722 г.

[4]) П. С. П. II, 695.

ственноручное письмо, где онъ откладываетъ рѣшеніе этихъ дѣлъ до своего возвращенія и, между прочимъ, повелѣваетъ дѣла нетерпящія отлагательства рѣшать „обще съ *Сенатомъ*“[1]). Такимъ образомъ и по этому письму именно Сенатъ былъ уполномоченъ подкрѣпить Св. Синодъ своимъ авторитетомъ, тогда какъ одному Синоду Петръ не оказывалъ довѣрія. Напротивъ, Сенату не предписывается рѣшать „обще съ Синодомъ“. Полномочія Сената были и безъ того достаточны[2]).

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, Синодъ не могъ достичь равенства съ Сенатомъ.

Самозащита Св. Синода отъ низшихъ государственныхъ учрежденій. Св. Синоду приходилось отстаивать себя и свое вѣдомство отъ вмѣшательства и неуваженія къ нему не только Сената, но и низшихъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій, отдѣльныхъ лицъ и даже — самихъ епископовъ. Напримѣръ, еще 15 февраля 1721 г., на другой день послѣ открытія Синода, онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы дьяки Преображенскаго Приказа не вступались въ дѣла, касающіяся духовнаго вѣдомства и раскольниковъ[3]). Своими силами Св. Синодъ долженъ былъ парализовать вмѣшательство малороссійскихъ властей[4]). Съ помощью Сената онъ старался устранить вторженія Астраханскаго губернатора извѣстнаго Артемія Волынскаго[5]). Вмѣшательство свѣтскихъ властей и игнорированіе Синода было такъ обыкновенно, отчасти по инерціи, отчасти несомнѣнно по причинамъ болѣе глубокимъ, что 18 августа 1721 г. Св. Синодъ вынужденъ былъ просить Сенатъ разъяснить подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ, что „по имянному указу 25 января 1721 г. установлено духовное собраніе, которое повелѣно всѣмъ всякаго чина духовнымъ и мірскихъ имѣть за важное и сильное правительство и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за преступленіе и ослушаніе наказаніемъ“. Изданы были и другіе указы, опредѣляющіе компетенцію Синода, но разныя учрежденія ихъ игнорируютъ и потому, продолжаетъ Синодъ, „онымъ указамъ“ оказываютъ „презрѣніе и Св. Пр. Синоду уничтоженіе. А въ другихъ командахъ по губерніямъ и провинціямъ многія чинятся духовнымъ, то есть священнослужителямъ и прочимъ синодской команды подчиненнымъ, обиды и отягощенія, а имянно: поповъ, и діаконовъ и прочихъ причетниковъ и подобныхъ имъ, не точію въ какихъ важностехъ, но и въ исцовыхъ искахъ, берутъ въ Приказы, и держатъ подъ карауломъ многое время, и наносятъ имъ немалые убытки и озлобленія“[6]).

1) П. С. З. VI, 4051; П. С П. II, 716.

2) *Проф. А. Н. Филипповъ*, Правительствующій Сенатъ при Петрѣ В. и его ближайшихъ преемникахъ (1711—1741 гг.). Спб. 1911, стр. 257—260.

3) П. С. П. I, 4. 4) П. С. П. III, 988; IV, 1459. 5) П. С. П. II, 346.

6) И дѣйствительно, какъ безцеремонны были съ духовенствомъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1722 г. б. Сибирскій Митрополитъ Ѳеодоръ, между прочимъ, доносилъ, что „въ великомъ утѣсненіи и въ безчестіи духовный чинъ у комендантовъ и у ихъ прикащиковъ: поповъ бьютъ, изъ луковъ стрѣляютъ, а на Березовѣ господинъ комендантъ Инглисъ игумена среди града такъ убилъ пнями, что чуть живаго священницы

Бывало, что коллегіи не принимали къ исполненію указовъ Св. Синода, вслѣдствіе чего Высочайшій указъ 25 января 1721 г. (объ учрежденіи Синода) и „Синодальное Правительство во уничиженіи быть значится“[1]. Бывало также, что Коллегіи сносились съ Синодомъ, какъ съ равнымъ себѣ учрежденіемъ[2].

Неуваженіе къ Синоду принимало иногда прямо оскорбительныя формы[3] и заставляло его постоянно прибѣгать къ помощи Сената.

Неуваженіе къ Св. Синоду духовенства и архіереевъ. Но всего любопытнѣе было неуваженіе къ Синоду самихъ архіереевъ и низшаго духовенства. Напримѣръ, 13 ноября 1721 г. Св. Синодъ потребовалъ отъ Сильвестра, Митрополита Тверского, отвѣта, „чего ради онъ прислалъ вѣдѣніе, а не доношеніе, и какой ради причины Св. Пр. Синоду, которой по Его Царскаго Величества имянному указу велѣно имѣть всѣмъ духовнымъ и мірскимъ за важное и сильное правительство, являетъ себя якобы не подчиненнымъ, но равнымъ, и письменную корреспонденцію имѣетъ, какъ выше показано, вѣдѣніями, а не доношеніями, не такъ якоже прочіе какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина Его. Ц. Величества указъ исполняютъ, и дабы впредь данную отъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества Св. Пр. Синоду честь онъ, архіерей, въ присылаемыхъ доношеніяхъ своихъ исполнялъ имянно и

унесли въ монастырь, а причина, что новокрещенныхъ грабитъ комендантъ, и о томъ игуменъ намъ извѣстилъ, понеже г. Инглисъ и поповъ держитъ на цѣпи въ Приказѣ; въ церкви окровавилъ подъячаго Князцова, новокрещенныхъ бьетъ безвинно. Доношу губернаторской свѣтлости о всемъ, и нѣтъ управы и истязанія; только какъ надѣлаетъ гдѣ комендантъ худа, то въ иной городъ перемѣнятъ“. Св. Синодъ потребовалъ отъ Сената сатисфакціи П. С. П. II, 388, 30 января 1722 г. Въ М. А. М. Ю. сохранилось вѣдѣніе Синода къ Сенату отъ 16 января 1722 г., въ которомъ Синодъ жалуется на обиды, причиняемыя свѣтскими лицами духовной командѣ. При вѣдѣніи и экстрактъ объ обидахъ. Кн. 767 л. 175, 178—182, 194, 195. Ср. кн. 767 л. 39.

[1]) П. С. П. III, 983, 18 января 1723 г. Дѣло касается Военной Коллегіи. Сенатъ всталъ на сторону Синода. П. С. З. VII, 4144.

[2]) Такъ 6 іюля 1722 г. Св. Синодъ отмѣтилъ въ вѣдѣніи Сенату, что въ доношеніи къ нему Мануфактуръ-Коллегіи „немалая показана неучтивость, а имянно въ томъ доношеніи написано, Правительствующему Духовному Синоду для извѣстія о семъ сообщается, и сіе рѣченіе *сообщается* прилично есть и употребляемо бываетъ въ равночестныхъ корешпонденціяхъ, то есть отъ Синода въ Сенатъ и отъ Сената въ Синодъ, въ вѣдѣніяхъ, а въ доношеніяхъ употребляется, что о семъ или иномъ чемъ Коллегія *доноситъ*, какъ и первостепенныя Коллегіи въ подаваемыхъ въ Св. Синодъ доношеніяхъ своихъ неотмѣннно употребляютъ; а помянутая Мануфактуръ-Коллегія вышеозначеннымъ употребленіемъ показала себя во оныхъ поступкахъ неумѣренну и Св. Синоду уничтожительну, чего и безъ требованія сатисфакціи оставить невозможно. И того ради о сатисфакціи сообщить изъ Синода въ Сенатъ вѣдѣніе“. П. С. П. II, 710.

[3]) 28 января 1722 г. „Козловецъ Савва Толкочовъ, какъ доносили Синоду, пріѣхалъ въ село Козинку, и собравъ того села церковныхъ дьячковъ ихъ братьи четырехъ человѣкъ.... билъ ихъ на правежѣ смертнымъ боемъ, босыхъ, безъ указу,... и на правежѣ кричалъ на нихъ: вы де подъ вѣдѣніемъ Синода... (многоточіе) и многія де Св. Синоду ругательства чинилъ и плевалъ на него, а дьячковъ всякою неподобною... бранью ругалъ не знаемо за что“. Синодъ потребовалъ отъ Сената разслѣдованія этого дѣла и наказанія виновныхъ. П. С. П. II, 544, 18 апрѣля 1722 г.

не показывалъ бы себя равнымъ, но, якоже онъ есть, имѣлъ себя подчиненнымъ, опасаясь за такую продерзость немалаго штрафованія"[1]).

Очевидно, однако, что подобные случаи не были единичными. По крайней мѣрѣ Инструкція, данная Св. Синодомъ іеродіакону Пафнутію, опредѣленному протоинквизиторомъ или главнымъ фискаломъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства по всей Россіи[2]), предписывала: „наблюдать опасно: отдаютъ ли *архіереи* достойную Святѣйшему Правительствующему Синоду честь, и всегда ль по подобающему именованіе того возносятъ, и въ епархіяхъ своихъ возносить приказываютъ, и такую ль Св. Синоду силу и власть имѣть приказываютъ, какова отъ Его Императорскаго Величества оному дана, и послушными ль себя синодальному правительству имѣютъ, и не показуютъ ли въ чемъ какого презрѣнія и преслушанія, о которомъ неукоснительное надлежитъ чинить доношеніе"[3]).

Изложенные случаи щепетильности Синода, особенно же приведенный пунктъ инструкціи протоинквизитору, свидѣтельствуютъ о глубокой ироніи судьбы надъ Синодомъ.

Выводы. Не замѣщая послѣ смерти патріарха Адріана 16 октября 1700 г. патріаршей каѳедры[4]), Петръ Великій еще не думалъ унижать церковной власти. Напротивъ, общій тонъ его царствованія, полнаго преобразованій, культурныхъ начинаній и упорядоченія всѣхъ сторонъ русской жизни, доказываетъ, что достойное положеніе высшей церковной власти не могло бы противорѣчить его видамъ. Правда, увлеченный коллегіальной системой, Петръ предпочиталъ видѣть ея осущественіе и въ церковномъ управленіи. Но коллегіальность сама по себѣ еще не предрѣшала униженія. Нужно было лишь провести ее съ достоинствомъ, за что и взялся Ѳеофанъ Прокоповичъ. Его Духовный Регламентъ обнаруживаетъ, что онъ оказался, что называется, plus royaliste que le roi même, а іерархи и „власти" современные составленію Регламента, его обсуждавшіе и подписавшіе, оказались пассивными какъ только можно было быть. Понятно поэтому, что при просмотрѣ черновой рукописи Регламента, Петру нечего было прибавить къ тому, что было сказано въ немъ о зависимости Синода[5]). Однако рѣзкое отличіе учреждаемой „Духовной Коллегіи" отъ понятій и правилъ, установленныхъ канонической традиціей, побуждали съ самаго начала ожидать оппозиціи и неуваженія къ новому учрежденію. Поэтому за отсутствіемъ у русскихъ людей внутренняго стимула къ уваженію и повиновенію Св. Синоду, тому же самому Ѳеофану пришлось уже въ манифестѣ 25 января 1721 г. вставить слова *повелѣнія* всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное правительство. Однако дальнѣйшая жизнь показала, что повелѣніе это не встрѣчало сочувствія и никого не трогало *даже изъ среды архіереевъ*, за

---

1) П. С. П. I, 302, 13 ноября 1721 г. 2) П. С. З. VI, 3870; П. С. П. I, 348.

3) П. С. П. I, 343, стр. 403.

4) Припомнимъ, что мѣра эта была *подсказана* Петру А. Курбатовымъ.

5) См. Д. Р. ч. I, п. 3 и п. 7 подъ конецъ.

которыми велѣно было слѣдить инквизиторамъ изъ іеромонаховъ и іеродиаконовъ.... И Св. Синоду пришлось весьма и весьма неоднократно ссылаться на приведенныя слова манифеста и среди общаго отсутствія дисциплины настаивать на признаніи своей чести и силы путемъ „немалаго штрафованія" и „великаго наказанія". Между тѣмъ „аки-бы собственная" власть патріаршеская ничего подобнаго не требовала, и была почитаема по внутреннему убѣжденію. И нельзя сказать, чтобъ защита чести и силы Синода требовалась только въ первое время его существованія. Опредѣленія, подобныя приведеннымъ, можно встрѣтить въ протоколахъ Синода даже въ самое послѣднее время, за девятисотые годы[1]).

---

[1]) См. протоколы Св. Синода по VI отдѣленію Синодальной Канцеляріи.

Глава XI.

Отношенія Духовной Коллегіи къ Верховной Власти.

Новыя начала власти. Къ концу XVII в. русская государственность и русскій народный и религіозный бытъ находились въ такомъ состояніи, что реформировать сложившуюся старину было крайне *необходимо*. Это понимали уже сравнительно давно, но серьезно принялись осуществлять только съ воцареніемъ Петра Великаго. Этой *необходимостью* объяется очень многое въ исторіи царствованія этого государя, составившаго эпоху какъ въ нашей свѣтской, такъ и въ церковной исторіи.

Съ теченіемъ вѣковъ Русь замкнулась сама въ себѣ. Пока была жива Византія, Русь освѣжалась общеніемъ съ Востокомъ. Эпоха Латинской имперіи (1204—1261 г.г.) и взятіе Константинополя турками (1453 г.) настолько ослабили Востокъ, что учиться у него русскимъ было нечему. Взоры правительства и передовыхъ людей общества обратились на Западъ, благодаря развитію своей внѣшней и духовной культуры, представлявшій огромную силу, съ которой надо было считаться. Еще Іоаннъ Грозный ставилъ задачей своей внѣшней политики разрѣшить вопросъ польско-литовскій, достичь Балтійскаго и Чернаго морей, а задачей своей внутренней политики—укрѣпить единодержавіе и власть, установить закономѣрность и порядокъ въ государствѣ. Его задачи усвоилъ себѣ и Петръ[1]. Обладая необычайной энергіей, онъ повелъ дѣло быстро и рѣшительно и въ четверть вѣка замкнутая Русь превратилась въ Россію, великую міровую державу.

Энергичныя реформы Петра очень важны не только потому, что онѣ одни институты замѣнили другими и дали толчокъ развитію новыхъ направленій въ русской жизни, но и потому, что они 1) замѣнили одинъ юридическій базисъ, обычай,—другимъ, т. е. закономъ; и 2) сдѣлали русскихъ государей не только юридически, но фактически самодержавными, и притомъ на совершенно новыхъ основаніяхъ.

Замѣна стараго источника права, юридическаго обычая, новымъ—закономъ была логически необходимой. Если историческія обстоятельства требовали реформъ, безъ которыхъ могло бы подвергнуться сомнѣнію спокойное существованіе Россіи рядомъ съ сильными и болѣе культурными сосѣдями, то, слѣдовательно, ихъ нужно было произвести, не стѣсняясь сложив-

1) „Сей Государь (Іоаннъ Грозный) есть мой предшественникъ и образецъ; я всегда представлялъ его себѣ образцомъ моего правленія въ гражданскихъ и воинскихъ дѣлахъ, но не успѣлъ еще въ томъ столь далеко, какъ онъ. Глупцы только, коимъ не извѣстны обстоятельства его времени, свойства его народа и великія его заслуги, называютъ его мучителемъ“. *Голиковъ*, Дѣянія Петра Великаго. Изд. 2, т. IX. Москва, 1838 года, стр. 59—60.

шимися традиціями и нормами. Старый принципъ московскихъ государей, шедшихъ въ уровень со всѣми русскими людьми и старавшихся *старины не рушить* и не вводить новизны, или вводить ее лишь подъ видомъ возстановленія добрыхъ обычаевъ предковъ, въ данныхъ обстоятельствахъ былъ совершенно не годенъ, ибо держась его нельзя было бы произвести ни одной реформы, которая именно и заключается въ переходѣ отъ стараго къ новому. Источникомъ и нормой права съ конца XVII в.[1]) и, въ особенности, съ Петра Великаго является у насъ *законъ*, т. е. творческая воля законодателя, нарушеніе которой есть уже само по себѣ уголовное преступленіе безотносительно къ тому, наноситъ ли оно какой либо дѣйствительный вредъ отдѣльному человѣку или обществу, или нѣтъ.

Вмѣстѣ съ такой перемѣной, несомнѣнно, должна была чрезвычайно усилиться и *власть государей*. Если воля государя есть непререкаемый законъ, то очевидно, что онъ властенъ совершенно самостоятельно и по собственной инициативѣ руководить жизнью своего народа во всѣхъ ея проявленіяхъ, въ томъ числѣ и его религіозной жизнью[2]). И это не можетъ быть названо произвольнымъ усиленіемъ власти, своего рода узурпацій, ибо это усиленіе вызвано было проведеніемъ реформъ, обновленіемъ Россіи, которое въ свою очередь было необходимо для ея же собственнаго блага. Наступилъ такой моментъ въ исторіи Россіи, когда русскій Самодержецъ не могъ и не долженъ былъ дѣлить съ кѣмъ либо свою власть, ибо лишь не многіе окружающіе его люди могли не препятствовать ему въ его реформаторской дѣятельности, всѣ же остальные были противъ, что и обнаружилось въ процессѣ царевича Алексѣя Петровича, въ бунтахъ преступленіяхъ и глухомъ противодѣйствіи и недовольствѣ народной массы. Напротивъ того, политическое міровоззрѣніе Петра Великаго, какъ оно отразилось въ его дѣяніяхъ и его афоризмахъ ясно показываетъ, что всюду и всегда онъ имѣлъ въ виду одно благо цѣлаго государства, жертвуя собою и своими личными интересами[3]).

---

[1]) Образцомъ законовъ въ новомъ смыслѣ слова являются: *Уставная грамота 1654 г.* (П. С. З. № 122), въ которой законодатель заявляетъ, что онъ дѣйствуетъ „на лучшее преуспѣвающе якоже Богу угодно и намъ“; *Новоторговый уставъ 1667 г.* (П. С. З. № 408), заключающій въ себѣ реформу торговаго права по примѣру „всѣхъ государствъ окрестныхъ“. Вполнѣ реформаторскій духъ и формы принимаетъ наше законодательство со времени царствованія Өеодора Алексѣевича, какъ это видно изъ задуманнаго въ 1682 г. „по новымъ европскимъ обычаямъ“ закона о призрѣніи. Проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 6. СПБ. и Кіевъ, 1909 г. стр. 226.

[2]) Забѣгая предъ властью, Өеофанъ Прокоповичъ такъ выразилъ это въ „Правдѣ воли Монаршей“ (I Полн. Собр. Зак., VII, № 4870, стр. 628): „Можетъ Монархъ Государь законно повелѣвати народу не только все, что къ знатной пользѣ отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится; только бы народу не вредно и воли Божіей не противно было. Сему же могуществу его основаніе есть вышеупомянутое, что народъ правительской власти своей совлеклся предъ нимъ и всю власть надъ собою отдалъ ему, и сюда надлежатъ всякіе обряды гражданскіе и *церковные*, перемѣны и церемоніи въ пированіяхъ, свадьбахъ, погребеніяхъ и пр., и пр., и пр.“.

[3]) См. выше гл. II, стр. 83—95.

Наличность крупныхъ безпорядковъ въ русской церковной жизни къ концу XVII в. и одушевлявшій Петра высокій принципъ служенія общему благу не могли не побуждать его вмѣшаться и въ эту сферу тѣмъ болѣе, что и до него Византійскіе Императоры и Русскіе Государи никогда не устранялись отъ активнаго вліянія на церковную жизнь. Однако, если последніе дѣйствовали, какъ *органы*, стоявшіе на стражѣ *церковныхъ* интересовъ, и стремились главнымъ образомъ пробудить самодѣятельность церковной іерархіи (Стоглавъ), Петръ Великій, въ силу особыхъ условій современнаго ему историческаго момента, повелъ дѣло совершенно иначе подъ вліяніемъ, во-первыхъ, модной въ то время *школы естественнаго права* и, во-вторыхъ, современной ему системы отношеній государства и Церкви, извѣстной подъ именемъ *государственной церковности* (Staatskirchentum).

Петръ Великій былъ самодержцемъ въ духѣ западнаго абсолютизма и между нимъ и его предшественниками московскими царями, главами теократизованнаго Московскаго Государства, почти нѣтъ ничего общаго. Въ Московское время самодовлѣющее значеніе свѣтскаго государства еще не представлялось вполнѣ яснымъ и оправданіе его бытія искали въ томъ, что оно оберегаетъ Церковь и помогаетъ ей въ осуществленіи ея неземныхъ задачъ[1]). Петръ Великій не раздѣлялъ этого августиновскаго взгляда[2]) и придавалъ государству самостоятельную цѣну. Если онъ, какъ и предки его, именовали себя самодержцами „Божіею милостію", то для Петра юридическимъ титуломъ его власти было не помазаніе на царство, не признаніе его царственнаго достоинства какою либо внѣземельною властью, какъ напр., Іоанна Грознаго[3]), а его личное право на наслѣдованіе престола и необходимость царской власти для земного благополучія народа, а также, если можно усвоить Петру взгляды Ѳеофана Прокоповича, выраженные въ „Правдѣ воли монаршей", то и договорное начало школы естественнаго права. Во всякомъ же случаѣ какъ одинъ изъ піонеровъ въ Россіи *естественнаго* міровоззрѣнія XVII вѣка[4]), Петръ Великій смотрѣлъ на государство и самодержавную власть, какъ на нѣчто *естественное*, не нуждающееся въ признаніи свыше, и потому считалъ себя въ правѣ управлять государствомъ въ силу своего *естественнаго* на это права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, раздѣляя установившійся въ его время принципъ *территорріальнаго* верховенства власти, Петръ не могъ себѣ представить, чтобы на его государственной территоріи и рядомъ съ его властью была бы независимой какая либо иная, напр., духовная власть, власть духовенства надъ его же подданными. Напротивъ, всякій видъ проявленія власти могъ только его имѣть своимъ источникомъ и началомъ. Власти самобытной, „аки бы собственной",

---

[1]) См. выше гл. I, стр. 3—45.

[2]) Ср. бл. Августина De civitate Dei и ея вліяніе на западно-европейскую исторію.

[3]) Проф. *Н. Ѳ. Каптеревъ*. Характеръ отношеній Россіи къ прав. востоку въ XVI и XVII ст. Изд. 2. Сергіевъ Посадъ, 1914, стр. 26 и сл.

[4]) См. Проф. *Е. В. Спекторскій*, Кризисъ обществовѣдѣнія въ XVII вѣкѣ. Т. I. Варшава, 1910.

въ новомъ европейскомъ государствѣ XVIII вѣка быть не могло и не было, тогда какъ средніе вѣка въ Европѣ и Московская эпоха на Руси знали такую власть, и при томъ нерѣдко болѣе сильную, чѣмъ власть государственная[1]).

Все это небходимо имѣть въ виду, чтобы уяснить себѣ отношенія Духовной Коллегіи къ Верховной Власти. Уже заранѣе можно сказать, что эти отношенія были отношеніями зависимости Духовной Коллегіи или Св. Синода отъ Государя и притомъ зависимости *новаго* типа сравнительно съ тою, которая наблюдалась въ Московскомъ государствѣ. Въ Московскомъ государствѣ зависимость духовенства отъ царской власти вытекала изъ общности цѣлей Церкви и государства и не влекла за собою потери Церковью ея юридической самобытности и независимости. Напротивъ, начиная съ Петра Великаго зависимость отъ него духовенства и Церкви вытекала изъ того, что Государь былъ абсолютнымъ монархомъ, цѣли государства должны были имѣть преобладающее общественное значеніе, поэтому Церковь со своими цѣлями должна была подчиниться и содѣйствовать цѣлямъ государственнымъ, а духовенство стало не болѣе, какъ однимъ изъ служилыхъ сословій въ государствѣ, гдѣ всѣ учрежденія, въ томъ числѣ и возникшія для удовлетворенія религіозныхъ потребностей, стали *государственными* учрежденіями. Иными словами *внѣшній* видъ отношеній остался какъ бы прежнимъ, въ *существѣ* же дѣла возникли совершенно новыя отношенія *подчиненности* Церкви государству.

Чтобы не быть голословными обратимся къ фактамъ и текстамъ.

Данныя Д. Регламента. Эра церковныхъ преобразованій при Петрѣ Великомъ начинается со смерти патріарха Адріана 16 октября 1700 г. Вмѣсто новаго патріарха Петръ назначилъ мѣстоблюстителя, возстановилъ Монастырскій Приказъ, издалъ рядъ новыхъ распоряженій и т. д.[2]). Все это онъ сдѣлалъ самовластно, ничѣмъ, кромѣ своей воли, не оправдывая своихъ поступковъ. Но все-таки эта его дѣятельность не имѣла еще теоретическаго обоснованія. Послѣднее впервые появляется въ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича и главнымъ образомъ, —относительно Церкви—въ Духовномъ Регламентѣ, Манифестѣ 25 января 1721 г. и Присягѣ членовъ Духовной Коллегіи. Подробный анализъ этихъ памятниковъ, предложенный выше[3]), избавляетъ отъ необходимости останавливаться здѣсь на детальномъ ихъ разсмотрѣніи. Достаточно обратить вниманіе на то, что по Духовному Регламенту Духовная Коллегія представляется учрежденной по волѣ Монарха, какъ Христіанскаго Государя, блюстителя правовѣрія и благочинія въ

[1]) Въ Москвѣ было *двоевластіе* царя и патріарха Ср. слова изъ предисловія къ Служебнику, напечатанному въ 1655 г. „Благочестивый государь царь и великій князь Алексій Михаиловичъ всея великія и малыя Россіи самодержецъ. И великій христолюбивый государь святѣйшій Ніконъ патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи, богоизбранная сія и богомудрая двоица святый оный соборъ (1654 г.) совершивше, и духа святаго исполньшеся“ и пр. „Дѣяніе М. собора 1654 г.“. М. 1887, изд. 2. Братства Петра митрополита.

[2]) О нихъ см. выше стр. 112—115. [3]) стр. 183--190, 271—345.

Церкви, совершенно такъ же, какъ имъ учреждены были другія коллегіи „на пользу отечества державы своея". Эта Коллегія состоитъ изъ многихъ лицъ „отъ Высочайшей Власти учрежденныхъ"[1]), которые призваны быть какъ бы совѣтниками при Государѣ[2]). Духовная Коллегія „подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ Монарха уставлена" на общее благо (bonum commune школы естественнаго права) „повелѣніемъ Самодержца и Его жъ съ прочіими разсмотрѣніемъ"[3]), т. е. „по соизволенію и приговору Священнаго Собора, вѣрнѣе, Всероссійскаго духовнаго чина и Правителствующаго Сената"[4]). А потому и народъ, видя, „что соборное сіе правителство Монаршимъ указомъ, и Сенатскимъ приговоромъ уставлено есть"[5]), долженъ будетъ отказаться отъ своего неправильнаго взгляда на духовнаго правителя, какъ на второго Государя, Самодержцу равносильнаго или и больши его, и „что духовный чинъ есть другое и лучшее государство"[6]). Напротивъ, простыя сердца мнѣніемъ симъ не будутъ развращаться и будутъ смотрѣть на Самодержца своего, яко на *Верховнаго пастыря*[7]). Безъ соизволенія Монарха эта Духовная Коллегія не можетъ дополнять Регламентъ свой[8]), какъ затѣмъ ей и вообще запрещено было издавать общія нормы[9]), а члены ея при вступленіи въ должность должны принести присягу по содержанію своему *тождественную* съ присягою членовъ свѣтскихъ государственныхъ коллегій, лишь съ прибавленіемъ специальныхъ обѣщаній, направленныхъ на подчиненіе духовенства Верховной Власти[10]).

Данныя дѣйствительности. Идеямъ Духовнаго Регламента вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительность. Всякій, кто потрудился бы перелистать Полное Собраніе Постановленій и Описаніе документовъ и дѣлъ Архива Св. Синода, особенно за первые годы, увидѣлъ бы, до какой степени Св. Синодъ во всемъ зависѣлъ отъ воли Государя. Не было ни одного мало-мальски важнаго и принципіальнаго дѣла, которое не было бы рѣшено имъ лично по своей инициативѣ, или по докладу синодальныхъ членовъ.

Уже въ началѣ своего царствованія Петръ далъ указъ, чтобы въ духовныхъ учрежденіяхъ всѣ дѣла рѣшались его царскимъ именемъ. Послѣ принятія императорскаго титула, по указу 12 ноября 1721 г. соотвѣтственно измѣнена была только форма титулованія въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ, приговорахъ и т. д.[11]). „По указу Его Императорскаго Величества велось и теперь ведется все дѣлопроизводство Св. Синода[12]).

---

[1]) Д. Р. ч. I въ началѣ. Черн. рук. л. 2—2 об. и Манифестъ. О значеніи термина „блюститель" см. выше стр. 288, 312—314.

[2]) Д. Р. ч. I, п. 2. [3]) Тамъ же, п. 3.

[4]) Вклеенный титульный листъ. [5]) Д. Р. ч. I, п. 7 въ концѣ.

[6]) Тамъ же, п. 7 въ началѣ. [7]) Тамъ же, п. 7 ниже. [8]) Манифестъ.

[9]) П. С. П. I, 313, 19 ноября 1721 г. Высочайшія резолюціи на докладные пункты Синода п. 6-й, а также П. С. П. II, 349, 15 января 1722.

[10]) См. текстъ Присяги и примѣчанія къ ней, а также выше въ гл. V, стр. 188—190.

[11]) П. С. П. I, 303, 16 ноября 1721 г.

[12]) Объ этомъ съ настойчивостью говоритъ самъ Св. Синодъ въ опредѣленіи отъ 31 мая 1721 г. См. П. С. П. I, № 112, стр. 157.

Сравнительно часто эта фраза получала вполнѣ реальное содержаніе. Извѣстенъ рядъ случаевъ, когда Петръ лично присутствовалъ въ Св. Синодѣ[1]), „гдѣ и давалъ свои указы Синоду, или въ формѣ письменной резолюціи на представляемыхъ ему Синодомъ докладахъ, когда Государь присутствовалъ на засѣданіи Синода, или устно членамъ Синода, когда Государь бывалъ въ Синодѣ, въ Петербургѣ или Москвѣ, не въ засѣданіи Синода и видѣлъ только одного или нѣсколькихъ членовъ"[2]). Для присутствія Государя на засѣданіяхъ Св. Синода было сдѣлано особое царское кресло подъ балдахиномъ. Объ устройствѣ такого царскаго мѣста подъ балдахиномъ и особаго предъ нимъ стола, съ приличнымъ убранствомъ, въ синодальной крестовой палатѣ въ Москвѣ сохранилось особое опредѣленіе Св. Синода[3]).

Именные Высочайшіе указы давались Синоду и въ другое время въ письменной и устной формѣ даже „гдѣ приходилось и кому приходилось: очень часто въ церквахъ, гдѣ Государь бывалъ за богослуженіями, въ новомъ саду, въ „лѣтнемъ домѣ", въ Преображенскомъ, на Котлинѣ, въ Шлиссельбургѣ, на новоспущенномъ кораблѣ, въ Сенатѣ" и т. д.[4]), лично, или черезъ довѣренныхъ лицъ, по собственной иниціативѣ, или въ отвѣтъ на доклады Синода[5]). Синоду же приходилось обращаться очень часто. Выше было показано, что предметы вѣдомства Духовной Коллегіи, ея права и обязанности были очень туманно намѣчены Духовнымъ Регламентомъ и притомъ послѣдній, разсчитанный на *Духовную Коллегію* уже не былъ достаточенъ для *Св. Синода*. Поэтому Св. Синодъ въ своей дѣятельности постоянно наталкивался на вопросы, выходящіе за предѣлы его компетенціи. Въ такихъ случаяхъ онъ обращался къ Государю, испрашивая его соизволенія на то или иное рѣшеніе, на подчиненіе того или иного рода дѣлъ синодальному вѣдомству. И Петръ большею частью удовлетворялъ Синодъ. Такимъ образомъ никто, какъ именно свѣтскій Государь являлся въ этихъ обстоятельствахъ источникомъ правомочій Св. Синода, хотя эти правомочія вовсе не превышали того, чѣмъ пользовался Московскій Патріархъ, или на что можно было найти норму въ Кормчей Книгѣ. Но то, что никогда не оспаривалось у Патріарха, Синодомъ должно было быть получено изъ рукъ Государя[6]).

Да и самъ Св. Синодъ не только никогда не оспаривалъ своей юридической подчиненности власти Монарха, но нерѣдко выставлялъ ее какъ доказательство и основаніе превосходства своего достоинства и власти сравнительно съ тѣми, какими пользовались Московскіе патріархи[7]). Мало того, Св. Синодъ, особенно въ первые годы, да и всегда впослѣдствіи, очень любилъ подчеркивать свою лояльность, заявляя, что „Духовная Коллегія *при-*

---

[1]) *Голиковъ*, Дѣянія IX, 5 и др.
[2]) *С. Г. Рункевичъ*, 345. Тамъ и ссылки на источники.
[3]) П. С. П. II, 348, 15 января 1722. [4]) *С. Г. Рункевичъ*, 345—347.
[5]) Ib: 348—349. [6]) П. С. П. I, 3, 30, 64, 76, 90, 312 и др.
[7]) П. С. П. I, № 112 и др., см. выше гл. X.

сягою обязалася, какъ къ вѣрности, такъ и во исканіи *интереса Царскаго Величества* противъ прочихъ Коллегій не меньше"[1]).

Учрежденіе должности Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Однимъ изъ яркихъ проявленій государственнаго характера и подчиненности Св. Синода явилось назначеніе въ Св. Синодъ „изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ"[2]). Назначеннымъ оказался полковникъ Иванъ Васильевичъ Болтинъ[3]), которому и дана инструкція, тождественная съ инструкціей Генералъ-Прокурора Сената, съ перемѣной только имени „Сенатъ" на „Синодъ", „Генералъ-Прокуроръ" на „Оберъ-Прокуроръ" и т. под.[4]). И если поэтому въ этой инструкціи нельзя искать новыхъ мыслей и нормъ, которыя были бы направлены спеціально на опредѣленіе положенія Церкви въ государствѣ, то все таки общее содержаніе и тонъ этой инструкціи, ставшей руководящимъ закономъ не смотря на всю неоригинальность ея текста, лишь подтвердили и укрѣпили подчиненный государству характеръ Св. Синода, какъ именно государственнаго учрежденія.

Св. Синодъ при преемникахъ Петра. Историческія данныя и соображенія заставляютъ сдѣлать только одинъ возможный изъ нихъ выводъ въ смыслѣ признанія Св. Синода государственнымъ учрежденіемъ, непосредственно подчиненнымъ свѣтской власти Государя. Однако, если встать на точку зрѣнія проф. Н. С. Суворова, что „Верховная самодержавная власть русскаго Императора содержитъ въ себѣ и государственную и церковную власть"[5]), то приведеннныя выше данныя какъ будто можно будетъ объяснить и болѣе удовлетворительно въ пользу церковнаго характера Св. Синода. Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Великій былъ наслѣдственнымъ русскимъ государемъ, самодержцемъ, по примѣру предковъ помазаннымъ на царство, почему и власть его имѣла священный характеръ и Св. Синодъ неоднократно именовалъ Петра: „Ваше Царское *священнѣйшее* Величество".

Однако. дѣло станетъ болѣе яснымь, если нѣсколько дальше прослѣдить исторію Св. Синода, введя въ поле изслѣдованія его положеніе въ царствованіе ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго. Это тѣмъ болѣе правильно будетъ съ методологической точки зрѣнія, что Св. Синодъ въ Петровское время еще нельзя считать вполнѣ сложившимся, такъ какъ только ко времени царствованія Елисаветы Петровны (1741—1761), послѣ реакціи въ царствованія Екатерины I (1725—1727) и Петра II (1727—1730) и попытокъ реорганизовать и даже уничтожить Синодъ, окончательно вы-

1) Напр., П. С. П. I, 3 п. 5. 2) П. С. П. II, 609, 11 мая 1722.

3) П. С. П. II, 705, 4 іюля 1722. 4) П. С. П. II, 680, 13 іюня 1722.

5) Учебникъ церковнаго права, изд. 4, Москва 1912, стр. 210. Теорія эта не можетъ быть принята, ибо 1) она страдаетъ тенденціей дать удовлетворительное объясненіе современному безправному положенію Церкви въ Россіи; 2) соединяемыя ею государственная и церковная власть по природѣ своей совершенно различны и 3) ученіе объ „епистимонархѣ", на которое эта теорія опирается, подлежитъ спору и критикѣ (см. проф. *Е. Н. Темниковскаго,* Положеніе Императора Всероссійскаго въ русской православной Церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти, Ярославль 1909 или Юрид. Записки № 1).

яснилась его необходимость и жизнеспособность въ новомъ строѣ Русскаго государства.

Екатерина I и В. Т. Совѣтъ. Послѣ смерти Петра Великаго на престолъ вступила женщина. Хотя вѣрность ей Св. Синода была обезпечена еще присягой членовъ Духовной Коллегіи[1]), однако явленіе это было необычнымъ въ Русской исторіи. Тѣмъ не менѣе Екатерина вступила во всѣ свои права государыни и самодержицы по отношенію ко всему государству и въ частности къ Св. Синоду и духовенству, которые подчинились ей какъ въ мірскихъ, такъ и духовныхъ дѣлахъ[2]).

Какъ ни странной казалась власть женщины надъ Церковью тогда, да и теперь, потому что по существу своему управленіе Церковью требуетъ духовнаго посвященія (хиротоніи) и іерархическаго сана, тѣмъ не менѣе ее можно было бы еще объяснить. Но вмѣстѣ со своимъ воцареніемъ Екатерина I принесла и коренныя реформы государственнаго управленія Россіи. 8 февраля 1726 г. былъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, который очень скоро пріобрѣлъ первостепенное политическое положеніе, и заслонилъ собою особу монархини предъ Св. Синодомъ, какъ и предъ другими учрежденіями Имперіи.

По указу 8 февраля 1726 г.[3]) мотивомъ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта было то, что старѣйшіе и заслуженнѣйшіе сенаторы, яко первые министры, часто имѣютъ тайные совѣты о политическихъ и о другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, при томъ нѣкоторые изъ нихъ одновременно состоятъ президентами главнѣйшихъ коллегій. „Того для, говоритъ указъ, за благо мы разсудили и повелѣли съ нынѣшняго времени при Дворѣ нашемъ, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ учредить Верховный Тайный Совѣтъ, при которомъ мы будемъ сами присутствовать“. Въ составъ этого Совѣта изъ первыхъ *сенаторовъ* попали кн. Меншиковъ, гр. Апраксинъ, гр. Головкинъ, гр. Толстой, кн. Голицынъ и *баронъ Остерманъ*, которые, какъ первоначально предполагалось, составятъ лишь особый совѣтъ „при Дворѣ“[4]), или „при боку Нашемъ“[5]), при чемъ, какъ говорилось въ „Мнѣніи не въ указъ“, „такъ какъ Ея Величество въ Тайномъ Совѣтѣ президентство сама имѣетъ, и есть причина надѣяться, что она персонально часто присутствовать будетъ, то этотъ Тайный Совѣтъ не слѣдуетъ считать за особливую коллегію, потому что онъ служитъ только къ облегченію Ея Величества въ тяжкомъ бремени правленія“[6]). Однако таково было только оффиціальное назначеніе В. Т. Совѣта, какъ и позднѣе Кабинета Анны, и упоминаніе его подчеркиваетъ только одну черту этого учрежденія, а именно его *непосредственную*

---

1) См. текстъ. 2) П. С. П. V, 1469, 28 января 1725.
3) П. С. З. VII, 4830. 4) П. С. З. VII, 4830.
5) Проф. *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права ч. I, изд. 5, Юрьевъ, 1914, стр. 705.
6) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (сокращенно: С. И. Р. И. О.) т. 55, стр. 93—97.

близость къ носителямъ верховной власти. Между тѣмъ, какъ говорит проф. А. Н. Филипповъ[1]), „уже современники отмѣтили весьма отчетливо другую черту: учрежденіе, дѣйствующее отъ имени царицы, сдѣлается затѣмъ, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія: „именемъ царицы" (au nom de la Czarine) оно „будетъ рѣшать всѣ важныя дѣла, станетъ отдавать приказанія всѣмъ прочимъ коллегіямъ", какъ доносилъ, напримѣръ, французскій посланникъ Кампредонъ своему правительству, 26 февраля 1726 года. Это, въ дѣйствительности, и достигается В. Т. Совѣтомъ: сначала именемъ царицы, а затѣмъ еще рѣзче—именемъ Петра II, Совѣтъ правитъ государствомъ въ лицѣ тѣхъ немногихъ, коимъ удается захватить въ немъ власть и вліяніе. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности для уясненія сказаннаго. Въ первое полугодіе основанія Совѣта Екатерина еще довольно часто присутствовала въ его засѣданіяхъ, затѣмъ рѣже, а съ 1727 г. до дня своей кончины 6 мая, уже—ни разу; затѣмъ члены Совѣта, либо in corpore, либо отдѣльно, являлись постоянно съ докладами Совѣта къ императрицѣ и выслушивали отъ нея именные указы, по большей части, впрочемъ, подсказанные ей наиболѣе вліятельными членами Совѣта.

Обращаясь къ царствованію Петра II, продолжаетъ проф. А. Н Филипповъ, мы видимъ, что въ это время В. Т. Совѣтъ, уже и по формѣ едва-ли можетъ быть названъ Совѣтомъ „при особѣ государя". Петръ II не только рѣдко бывалъ въ Совѣтѣ, но, какъ по возрасту, такъ и образу своей жизни, не могъ принимать, даже косвенно, сколько нибудь серьезнаго участія въ занятіяхъ и рѣшеніяхъ Совѣта; Совѣту приходилось не только искать случая къ общенію съ государемъ, но еще и разрабатывать программу для его обученія наукамъ. Между прочимъ, въ программу Остермана входило, чтобы Петръ присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта два раза въ недѣлю, но этому, какъ и многому другому, не удалось сбыться. Хотя Совѣтъ, желая соблюсти форму, и предполагалъ присутствіе императора въ своихъ засѣданіяхъ, какъ необходимое, но до паденія Меншикова Петръ II присутствовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта всего три раза. Когда затѣмъ позднѣе былъ „объявленъ арестъ" Меншикову, Петръ прибылъ 8 сентября 1727 года въ Совѣтъ, изволилъ подписать приготовленные два указа „о бытности и присутствіи Его Величества впредь въ В. Т. Совѣтѣ" и „о неслушаніи указовъ или писемъ Меншикова". Подъ впечатлѣніемъ ареста Меншикова и подъ вліяніемъ внушеній Остермана, объявлялся указъ о томъ, чтобы изъ Совѣта указы впредь отправлялись „за подписаніемъ собственныя Нашей руки и В. Т. Совѣта", но, конечно, это скоро оказалось мало выполнимымъ, почему уже 25 сентября того же года, въ отмѣну этого, состоялся указъ, коимъ возстановлялся прежній порядокъ отправленія совѣтскихъ указовъ лишь за подписью одного секретаря Совѣта Степанова. Затѣмъ мы едва можемъ насчитать пять-шесть разъ присутствія, хотя бы кратковременнаго, Петра II въ засѣданіяхъ Совѣта за время отъ паденія Меншикова до кончины императора. Такимъ образомъ, личное участіе императора въ дѣятельности его совѣта, даже формально

1) Учебникъ, стр. 705—707.

имѣло мѣсто лишь весьма рѣдко. На ряду съ этимъ и сами члены Совѣта весьма рѣдко in corpore являются передъ императоромъ и съ трудомъ могутъ добиться доклада дѣлъ ему лично, въ тѣхъ случаяхъ, когда это казалось имъ необходимымъ, чтобъ прикрыться именемъ государя".

Если все это такъ, то несомнѣнно, что всѣ учрежденія Имперіи, въ томъ числѣ Св. Синодъ и др. духовныя, оказались подъ контролемъ и въ подчиненіи у составленнаго изъ бывшихъ сенаторовъ (въ томъ числѣ одного протестанта) Верховнаго Тайнаго Совѣта, разумѣется, лишеннаго и тѣни священнаго характера царской власти.

Правда, въ указѣ 8 февраля 1726 г. спеціально о Св. Синодѣ не было сказано ни слова, однако упомянуто было, что В. Т. Совѣтъ учреждается „какъ для внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ", т. е. въ его компетенцію включалась вся область внѣшней и внутренней политики въ широкомъ смыслѣ слова[1]). Но уже въ „Мнѣніи не въ указъ" было указано: „Дѣла, подлежащія вѣдѣнію Тайнаго Совѣта, суть: а) чужестранныя; б) *всѣ тѣ, которыя до Ея Императорскаго Величества собственнаго рѣшенія касаются*"[2]), а въ заключеніи этого „Мнѣнія" (п. 13), гдѣ предполагалось измѣнить титулъ „Правительствующаго Сената" на „Высокоповѣренный, или просто Высокій Сенатъ", было прибавлено: „Синодъ пишетъ въ Сенатъ указы о старыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ, о новыхъ же доноситъ Ея И. Величеству въ Тайномъ Совѣтѣ"[3]). Такимъ образомъ, Св. Синодъ не исключался изъ вѣдѣнія В. Т. Совѣта, но „Мнѣніемъ" ставился выше Сената[4]). Эта мысль встрѣтила, однако, возраженіе со стороны Императрицы и оба они были одинаково умалены, хотя не въ одно время.

---

1) П. С. З., VII, 4830. 2) С. И. Р. И. О. т. 55, стр. 93—97.

3) О порядкѣ сношеній съ В. Т. Совѣтомъ см. С. И. Р. И. О. т. 55, стр. 2, 119—121; П. С. З. VII, 4862. О Св. Синодѣ здѣсь не упоминалось.

4) Такъ это и понялъ Синодъ, какъ видно изъ его опредѣленія 28 февраля 1726 г. (П. С. П. V, 1739): „Св. Синодъ разсуждали о учрежденномъ... В. Т. Совѣтѣ, изъ котораго опредѣлено въ Сенатъ и во всѣ Коллегіи посылать указы, а во оной В. Т. Совѣтъ изъ Сената и изъ коллегій подавать доношенія; изъ Сената же въ Военныя, Сухопутную и Морскую и въ Иностранную Коллегіи и изъ оныхъ Коллегій въ Сенатъ писать промеморіями; а о Св. Синодѣ ничего въ ономъ указѣ не означено, и со онымъ В. Т. Совѣтомъ, ежели когда случится, Св. Синоду каковымъ образомъ сношеніе писменное имѣть, того не изображено, отъ чего есть сумнителство, потому что Сенатъ прежде, когда былъ въ собраніи тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и въ равной силѣ, какъ нынѣ В. Т. Совѣтъ, тогда, по именному Его И. В. указу, писано изъ Синода въ Сенатъ вѣдѣніями, а въ Коллегіи во всѣ указами. Нынѣ же Сенатъ видно не въ такой уже силѣ, потому что съ тремя Коллегіями, гдѣ президуютъ тайные дѣйствителные совѣтники, корешпонденцію содержитъ промеморіями. А *въ Св. Синодѣ, по Духовному Регламенту, крайній судія Всепресвѣтлѣйшее Императорское Величество,* того ради согласно приговорили: доложить о томъ Ея И. В., каковымъ образомъ Св. Синоду съ В. Т. Совѣтомъ писменное сношеніе имѣть, и въ Сенатъ по прежнему ль вѣдѣніями писать. И для того съ требованіемъ резолюціи написать докладной пунктъ немедленно". Отвѣтъ на это данъ 1) въ лишеніи и Синода титула „Правительствующій" и 2) въ коренной реформѣ Св. Синода 15-го іюля 1726 г.—Ср. *А. А. Голубевъ*, „Св. Синодъ". Въ изданіи „Внутренній бытъ", кн. 2, стр. 234—235.

Впрочемъ практика лучше всего показала, что В. Т. Совѣтъ есть высшее надъ всѣми учрежденіями Имперіи, нисколько не исключая и Св. Синода. Нельзя не замѣтить, что именно въ В. Т. Совѣтѣ зародилась, подверглась обсужденію и осуществлена мысль о коренной реформѣ Св. Синода съ раздѣленіемъ его на два аппартамента, изъ коихъ второй вскорѣ сталъ Коллегіей Экономіи[1]. Въ связи съ этимъ Св. Синодъ лишился и титула „Правительствующій"[2]).

Объ отношеніяхъ Синода и В. Т. Совѣта можно отчетливо судить по журналамъ и протоколамъ послѣдняго. Такъ 13 мая 1726 г. В. Т. Совѣтъ разсматривалъ Сенатскія доношенія и, между прочимъ, объ астраханскомъ епископѣ Лаврентіи и рѣшилъ „доложить Ея И. В. мнѣніе, чтобъ взять въ Новгородъ или во Псковъ викаріемъ". Въ томъ же засѣданіи разсматривалась жалоба на Синодъ Кіевской епархіи попова сына В. Васильева[3]). 1 Іюня въ В. Т. Совѣтѣ „разсуждали о членахъ въ Синодѣ, между которыми быть архіерею Игнатію, а о другихъ взять у Ростовскаго", затѣмъ — о вѣнечныхъ памятяхъ и о томъ какую свиту имѣть архіереямъ, проживающимъ въ С. Петербургѣ[4]). Въ засѣданіяхъ 15, 17, 24 іюня 4, 6, 11, 12, 13, 15 іюля, 13 августа, 26 сентября и 31 октября 1726 г.[5]) обсуждались и рѣшались дѣла о пріѣхавшихъ изъ грузіи духовныхъ лицахъ, о раздѣленіи Синода на два аппартамента, о назначеніи въ нихъ членовъ, о перемѣщеніи архіереевъ, о хиротоніи новыхъ, о снятіи колоколовъ съ католической церкви, о выдачѣ жалованья Оберъ Прокурору и экзекутору, о назначеніи викаріевъ къ членамъ Св. Синода. Такъ какъ реформа въ своемъ осуществленіи встрѣтила цѣлый рядъ препятствій[6]), то 5, 12 ав-

---

[1]) Подробно изложено въ *моей* книгѣ: „Населенныя недвижимыя имѣнія"... стр 10—30.

[2]) 2 марта 1726 г. въ концѣ засѣданія В. Т. Совѣта было чтено мнѣніе Герцога Голштинскаго о дѣлахъ и порядкѣ В. Т. С. съ замѣчаніями Остермана и „въ окончаніи ремарокъ о Синодѣ говорено, что о чемъ имъ писать въ Сенатъ пространнѣе и подробнѣе изобразить. Такожъ разсуждали писать ихъ правительствующимъ Синодомъ и въ церквахъ при службѣ Божіей ихъ такъ упоминаютъ" (С. И. Р. И. О. т. 55 стр. 65—69, Черновой журналъ № 29). Затѣмъ 13 іюля 1726 г. „въ В. Т. Совѣтѣ въ собраніи были: канцл. гр. Головкинъ, д. т. с. и гр. Толстой, кн. Голицынъ. Во первыхъ слушаны дѣла иностранныя. Потомъ объявлено, что Е. И. В. указы 1) о раздѣленіи Синода на 2 аппартамента, 2) о членахъ духовныхъ, 3) о свѣтскихъ, 4) протоколъ присутствія Е. В. іюля 11-го числа закрѣпить изволила. Разсужденіе имѣли, какимъ образомъ Синодъ въ указѣхъ титуловать, и напослѣдокъ разсудили, что писать просто такимъ образомъ: Нашему Синоду. Надлежащіе въ Синодъ указы приказали написать и для подписанія Е. И. В. отдать кабинета секретарю Макарову" (С. И. Р. И. О. т. 55, стр. 457 № 258). Наконецъ, 14 іюля 1726 г. „Ея И. В. докладывано:... 2) Синодъ какъ титуловать, Ея И. В. изволила указать оной титуловать Святѣйшій Синодъ, а Правительствующій впредь не писать" (С. И. Р. И. О. т. 55 стр. 473—474 № 264. 265). На основаніи этого и вышелъ указъ 14 іюля 1726 г. П. С. З. VII, 4925.

[3]) С. И. Р. И. О. т. 55, 279. 286; 56, 334; 94, 487.

[4]) ib. 55, 321,

[5]) С. И. Р. И. О. т. 55, стр. 364, 369, 384, 395, 405, 412, 420—421, 428, 457, 477, 478—479. 480, 481; т. 56, стр. 36, 107, 313. Ср. П. С. З. VII. 4927.

[6]) См. напр., П. С. П. V, 1819, 1822, 1826 и др. Подробно въ *моемъ* сочиненіи. „Насел .недв. имѣнія"....

густа, 7, 21, 23, 25, 26, 28 сентября 1726 г. обсуждали и рѣшали *доношенія* изъ Синода о викаріяхъ, о жалованіи членамъ Синода, о церковныхъ и домовыхъ служителяхъ ихъ, о титулѣ 2-го аппартамента, о приводѣ къ присягѣ и о рангахъ членовъ 2-го аппартамента и т. д.[1]). Затѣмъ въ засѣданіяхъ 17, 21 октября, 11 ноября, 2, 3, 5, 9 декабря 1726 г., 13 января, 14 февраля, 3 марта, 22 мая 1727 г. продолжали обсужденіе и рѣшеніе тѣхъ же связанныхъ съ реформой вопросовъ и монастырскихъ штатовъ, разсуждали о раскольникахъ въ Казанской епархіи по доношенію еп. Сильвестра на Высочайшее имя и о ремонтѣ Рязанскаго архіерейскаго дома[2]).

Еще 4-го августа 1726 г. Екатерина I издала указъ, чтобы никто не вѣрилъ и исполненія не чинилъ по словеснымъ или письменнымъ указамъ „бесъ подписанія нашея собственныя руки *или* всего Верховнаго Тайнаго Совѣта“[3]), и такимъ образомъ послѣдній получилъ право дѣлать свои постановленія помимо государыни. Но затѣмъ очень часто изъ В. Т. Совѣта разсылались указы за подписью одного тайнаго совѣтника Василія Степанова[4]). Съ воцареніемъ же Петра II этотъ произволъ еще болѣе усилился[5]). Юноша-Императоръ не могъ, да и не хотѣлъ заниматься государственными дѣлами, поэтому его именемъ или даже своимъ собственнымъ В. Т. Совѣтъ сталъ полновластно распоряжаться всѣмъ. Поэтому даже тонъ его журналовъ и протоколовъ становится болѣе развязнымъ, чѣмъ прежде.

8 мая 1729 г. В. Т. Совѣтъ „имѣвъ разсужденіе, приказали въ Синодъ объявить, чтобъ по церквамъ печатныхъ листовъ о наслѣдствіи больше читать не велѣли и о томъ приказано Алексѣю Баскакову на другой день т. е. 9 числа мая[6]). 12 мая 1727 г. въ журналѣ № 206 записано: .... Ростовскаго Архіерея, крестьянина Бочагова челобитье и экстрактъ присланный изъ Синода, для разсмотрѣнія и учиненія указа отослать въ Синодъ. ....Архіерея Игнатія, который былъ на Крутицахъ изъ Ниловой пустыни свободить и велѣть ему быть въ С.-Петербургъ и опредѣлить его въ Синодъ членомъ. ... Тверской архіерей Ѳеофилактъ чрезъ д. ст. сов. Василья Степанова доносилъ, о бывшемъ Астраханскомъ архіереѣ Лаврентіѣ, что оному при церемоніи выноса тѣла Ея И. В. быть ли. И отъ присутствующихъ В. Т. С. тогда особъ: св. князя, ген.-адмирала, канцлера гр. Головкина, кн. Голицына, повелѣно быть ему, Лаврентію архіерею, при оной церемоніи, которое чрезъ него жъ В. Степанова Тверскому архіерею и объявлено[7]).

Далѣе, 15 мая В. Т. Совѣтъ разсуждалъ о назначеніи Лаврентія Гор-

---

1) С. И. Р. И. О. т. 56, стр. 20, 33, 71, 88, 98, 100—101, 107, 121. Ср. П. С. З. VII. 4959; П. С. П. V, 1843.

2) С И. Р. И. О. т. 56 стр. 268, 291, 365, 414. 419—420, 421, 422—425, 432, 526; т. 63, стр. 27, 195, 576.

3) С. И. Р. И О. т. 56, стр. 14, 17.—*А. Н. Филиппов*, Учебникъ, 707.

4) ib. т. 69, стр. 372. Ср. т. 56, стр. 409, 415.

5) *Арсеньевъ*, Царствованіе Петра II, Спб. 1839 стр. 45-46.

6) С. И. Р. И. О. т. 63, стр. 477.

7) ib. стр. 480-481, 509, 564.

ки на Устюжскую епархію и о доходахъ Ростовскаго архіерея[1]); 23 мая о назначеніи епископовъ на каѳедры[2]), о перемѣщеніи кабинетъ-секретаря И. Черкасова оберъ-секретаремъ Синода вмѣсто Т. Палехина[3]); 27 мая постановилъ не удерживать у А. Баскакова его жалованія за время отпуска въ Москву[4]), 12 іюня—постановилъ Вологодскаго архіерея Кондоидія отпустить въ епархію, населенныя имѣнія возвратить въ вѣдомство архіереевъ по прежнему, членовъ 2-го аппартамента Св. Синода (т. е. Коллегіи Экономіи) распредѣлить по другимъ коллегіямъ, чѣмъ, собственно, уничтожалась реформа 1726 г.[5]) 23 и 26 іюня это разрушеніе реформы было продолжено[6]). 23 іюня В. Т. Совѣтъ постановилъ выдать прогоны епископамъ, отправлявшимся въ свои епархіи[7]). 25 іюля „Канцлеръ гр. Головкинъ объявилъ отъ пребывающихъ въ Англіи россійскихъ духовныхъ особъ письмо, въ которомъ объявляютъ о присланномъ къ нимъ изъ Синода указѣ о приводѣ къ присягѣ, разсуждая, что тамъ такой присяги чинить некому. И положено, синодскихъ членовъ призвавъ, выговорить, что имъ такого указу не спросясь посылать было не надлежало“[8]).

Успѣхъ кн. А. Д. Меншикова поставилъ его въ положеніе господина даже В. Т. Совѣта, не то, что Сената, Синода и генералитета. Такъ 27 мая 1727 г. „его свѣтость генералиссимусъ изволилъ объявить, что завтрашнее число т. е. 25 мая Е. И. Величество, по волѣ всемогущаго Бога, соизволитъ публичный сговоръ имѣть къ брачному сочетанію на старшей его свѣтлости дщерѣ св. княжнѣ Маріи Александровнѣ и чтобъ послать съ вѣдомостью къ прочимъ В. Т. Совѣта особамъ. А Синоду, Сенату и генералитету о томъ уже объявлено отъ дому его свѣтлости и чтобъ всѣ оные свѣтскіе чины были завтра по полудни въ три часа въ домѣ его свѣтлости въ цвѣтномъ лучшемъ платьѣ, а ниже ген.-маіора при томъ не быть“[9]). 14 августа Оберъ-Секретарь Масловъ объявилъ отъ свѣтлѣйшаго князя *приказъ*, чтобъ изволили опредѣлить указомъ, дабы коломенскій архіерей имѣлъ смотрѣніе надъ здѣшними попами по примѣру тому, какъ въ Москвѣ Крутицкой. Разсуждено Синоду объявить о томъ словесно[10]).

Напротивъ, паденіе Меншикова вызвало рядъ другихъ новыхъ распоряженій. 10 сентября 1727 г. въ В. Т. Совѣтъ „*призыванъ* Новгородскій архіерей[11]) и сказанъ ему указъ, чтобъ впредь обрученной невѣсты при отправленіи службы Божіей не упоминали; и о томъ бы во все государство отправили изъ Синода[12])“.

Въ своихъ сношеніяхъ съ В. Т. Совѣтомъ Синодъ обращался къ нему съ *доношеніями*. Но эта форма мало удовлетворяла членовъ В. Т. Совѣта, потому что очень часто имъ трудно было разобраться въ сути

[1]) С. И. Р. И. О. т. 63, стр. 514. [2]) ib. стр. 581. [3]) ib. стр. 582.
[4]) ib. стр. 76. 613. [5]) ib. стр. 696, 700, 701 (см. *мое* сочиненіе стр. 29).
[6]) ib. стр. 793—794, 808. (Мое сочиненіе стр. 29—30). [7]) ib. стр. 794.
[8]) томъ 69, стр. 165. [9]) т. 63. стр. 587—588.
[10]) С. И. Р. И. О. т. 69, стр. 236. [11]) Ѳеофанъ Прокоповичъ.
[12]) С. И. Р. И. О. т. 69 стр. 273, ср. 358.

дѣла и дать свою резолюцію. Поэтому они потребовали, чтобы члены Синода, какъ и Сената и др. коллегій, лично являлись для доклада. А такъ какъ и этого имъ было недостаточно, то 26 іюля 1727 г. В. Т. Совѣтъ распорядился, „чтобы канцеляріи В. Т. Совѣта затрудненія излишняго не было, того ради, когда изъ Сената, изъ *Синода* и изъ коллегій *члены* приходить будутъ съ доношеніями, тогда быть при нихъ секретарямъ, и когда по которымъ доношеніямъ *отъ В. Т. Совѣта рѣшеніе* учинено будетъ, тогда тѣ резолюціи сочинять тѣмъ ихъ секретарямъ. Такожъ ежели *по повелѣнію* В. Т. Совѣта потребны будутъ изъ Сената, изъ Синода, или изъ которой Коллегіи взять какія вѣдомости, или справки, то приказывать сочинять сенатскимъ и коллежскимъ секретарямъ, и за ними того смотрѣть В. Т. Совѣта оберъ-секретарю Анисиму Маслову, которымъ по его приказамъ исправлять немедленно"[1]).

Въ духѣ этого постановленія идутъ затѣмъ записи протоколовъ и журналовъ В. Т. Совѣта о его дѣятельности по управленію духовными дѣлами. Такъ 15 ноября 1727 г. „Впущены были члены синодальные и говорено, что изъ нихъ остаться одному, а тамъ къ нимъ въ добавку можно изъ ближнихъ призвать: рязанскаго, суздальскаго"[2]); „по челобитной коломенскаго архіерея велѣно доложить"[3]); „просилъ новгородской объ Ааронѣ епископѣ, чтобъ ему въ помощь придать; на то позволили"[4]). 22 ноября „слушано объ архіерейскихъ дѣлахъ и маетностяхъ; и велѣно поправить"[5]). Въ черновой запискѣ В. Т. Совѣта отъ 4 декабря 1727 г. № 469 записано: „Синоду объявить, чтобъ ѣхали напередъ"[6]). 31 января 1728 г. „чтенъ проектъ объ учрежденіи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ и о прочемъ, который поправленъ"[7]). 14 февраля „входили члены Синода, ростовскій да коломенскій, и говорили объ учрежденіи къ коронаціи въ соборѣ. И велѣно имъ собраться завтра, а какъ соберутся, послать имъ объявить, дабы (о) учрежденіи въ соборѣ трудились и чинъ церемоніи сочинили[8]). 16 февраля „впущенъ былъ Баскаковъ: и объявлено ему о убираніи мѣстъ въ соборѣ" (къ коронаціи)[9]). Въ другое время В. Т. Совѣтъ рѣшалъ дѣла о перемѣщеніи Смоленскаго епископа[10]); объ оставленіи на мѣстѣ по просьбѣ братіи архимандрита Іосифова монастыря, при чемъ „разсудили объявить Синоду", чтобъ его учредили, буде онъ годенъ"[11]); о разрѣшеніи постричь въ монахи нѣкоего Слѣпова[12]). 15 ноября 1728 г. „допущенъ былъ тверской архіерей и просилъ о учиненіи указа, по поданному изъ Синода доношенію, о опредѣленіи въ Новоспасской м рь архимандрита Кролика, на что ему отъ г.г. министровъ сказано, что то доношеніе слушано будетъ при собраніи всѣхъ господъ министровъ. При томъ

1) Подписали члены В. Т. С. именемъ Государя. С. И. Р. И. О. т. 69 прот. № 88 и 94, стр. 177. П. С. З. VII, 5132.

2) С. И. Р. И. О. т. 69, стр. 744. 3) ib. стр. 745. 4) ib. стр. 745.

5) ib. стр. 795.

6) Очевидно въ Москву, куда собирался дворъ. С. И. Р. И. О. т. 69 стр. 806.

7) С. И. Р. И. О. т. 79, стр. 58. 8) ib. стр. 126. 9) ib. стр. 127.

10) ib. стр. 199, 220. 11) ib. стр. 40[illegible] 12) ib. стр. 545.

же отъ г.г. министровъ ему говорено, чтобъ въ такихъ доношеніяхъ описывали именно службы тѣхъ, о комъ доношенія подавать будутъ"[1]). 7 февраля 1729 г. допущенъ былъ изъ Синода членъ Тверской архіерей и представлялъ, чтобъ по поданнымъ доношеніямъ, о постриженіи всякихъ чиновъ людей, учинить резолюцію, которое доношеніе и слушано. Разсуждено подать вѣдомость, что по описи 1723 г. явилось монахомъ и монахинямъ[2]). 16 іюня 1729 г. В. Т. Совѣтъ рѣшилъ, чтобы Чудовскимъ архимандритомъ былъ Арсеній — настоятель Прилуцкаго монастыря, согласно доношенію Синода[3]), а 10 февраля того же года — объ опредѣленія б. смоленскаго архіерея Филоѳея, для житья, въ монастырь и о выдачѣ ему жалованья согласно его просьбѣ[4]), а 5 февраля 1730 г. по смерти Петра II, В. Т. Совѣтъ постановилъ возносить въ молитвахъ Анну Іоанновну такъ же, какъ и Екатерину I[5]).

Выше было указано и подтверждено документами, что В. Т. Совѣтъ, вскорѣ послѣ своего учрежденія, сдѣлался высшимъ установленіемъ имперіи съ компетенціей почти равной Верховной Власти. Съ другой стороны, всѣ остальныя установленія, какъ Сенатъ, Синодъ и Коллегіи, не говоря о прочихъ, оказались отъ него въ зависимости на столько, что даже сравнительно мелкія дѣла Св. Синодъ не могъ рѣшать самостоятельно. Нечего поэтому удивляться, что 20 іюня 1727 г. было строго запрещено Сенату, Синоду и Коллегіямъ производить какія либо денежныя выдачи за прошлые гоцы безъ указа В. Т. Совѣта[6]). Еще раньше 19 декабря 1726 г., какъ говорится въ протоколѣ В. Т. Совѣта, „Ея И. Величество для всегдашняго въ В. Т. Совѣтѣ извѣстія подавать въ Сенатъ вѣдомости изъ Синода и изо всѣхъ коллегій и канцелярій, *кромѣ двухъ воинскихъ и иностранной коллегій*[7]) сколько гдѣ въ приходѣ и въ расходѣ денежной казны будетъ, и что за расходы на лицо. А въ Сенатѣ чиня изъ всѣхъ тѣхъ вѣдомостей перечневые, подавать въ В. Т. Совѣтъ въ каждый понедѣльникъ неотмѣнно"[8]). Подобное же требованіе было повторено и 1 ноября 1727 г.[9])

Подвѣдомственность Синода В. Т. Совѣту выражалась также и въ томъ, что Совѣтъ разбиралъ дѣла по обвиненію членовъ Синода, напр., дѣло Родышевскаго[10]), дѣло по жалобѣ на Рязанскаго архіерея Гавріила[11]), и др.[12]). Иногда бывало, что жалобы на Синодъ В. Т. Совѣтъ поручалъ разсмотрѣть Сенату[13]).

1) ib. т. 84, стр. 644. 2) С. И. Р. И. О. т. 94 стр. 131.
3) ib. стр. 774, 792—793. 4) ib. стр. 162. 5) т. 101, стр. 445.
6) П. С. З. № 5105.
7) Такимъ образомъ, какъ видно, Сенатъ и Синодъ были поставлены ниже этихъ трехъ коллегій. Ср. С. И. Р. И. О. т. 79 стр. 408.
8) ib. т. 56 стр. 541; П. С. З. VII, 4987. Вѣдомости требовались и въ коммиссію кн. Голицына С. И. Р. И. О. т. 69 стр. 344.
9) ib. т. 69, стр. 632; П. С. З. т. VII, 5192. 10) С. И. Р. И. О. т. 63, стр. 772.
11) ib. т. 94, стр. 495, 499. 12) ib. т. 69 стр. 43; т. 94, стр. 799—804.
13) ib. т. 55, стр. 278; Барановъ, II, 1746.

Изъ сказаннаго выше очевидно, что Св. Синодъ разсматривался, какъ одно изъ государственныхъ учрежденій, юридически подчиненныхъ В. Т. Совѣту. Вмѣстѣ съ такимъ взглядомъ сохранялся и дуализмъ одинаково государственныхъ вѣдомствъ духовнаго и свѣтскаго. Такъ, напр., при чтеніи тестамента Императрицы Екатерины I въ собраніи были Синодъ, генералитетъ и Сенаторы и др. чиновъ люди, которые тогда въ томъ домѣ случились. Петра II поздравляли: „всѣ министры и прочіе чины, какъ духовнаго, такъ и воинскаго и гражданскаго"[1]. Въ объявленіи о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны говорилось: „и для того симъ объявляется, чтобъ всякаго чина люди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и гражданскаго о томъ вѣдали"[2]. Равнымъ образомъ изъ В. Т. Совѣта всегда посылались указы только въ Сенатъ, Синодъ и первыя три коллегіи съ тѣмъ, чтобы они, въ свою очередь, передали указъ каждый по своему вѣдомству[3].

Такимъ образомъ, если положеніе Св. Синода въ царствованіе Петра Великаго, при желаніи, и можетъ быть объяснено въ духѣ старинныхъ отношеній Церкви и государства въ Россіи, а въ самовластной дѣятельности монарха можетъ быть усмотрѣно проявленіе попеченія о Церкви помазанника Божія, то стоитъ только окинуть взоромъ ближайшіе за нимъ годы, чтобы видѣть ошибочность этого взгляда. Для неограниченнаго господства В. Т. Совѣта и даже отдѣльныхъ его членовъ, изъ коихъ Остерманъ былъ протестантомъ, нельзя подыскать никакихъ теоретическихъ объясненій.

Анна Іоанновна и Кабинетъ Министровъ. Вступленіе на престолъ Императрицы Анны Іоанновны въ началѣ 1730 года вызвало уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленіе указомъ 4 марта 1730 г. Правительствующаго Сената[4]. Вскорѣ, т. е. 20 мая того же года, Анна обратилась къ Сенату съ указомъ разсмотрѣть вмѣстѣ съ Синодомъ мѣры къ возстановленію въ прежнемъ положеніи и этого послѣдняго, такъ какъ,—говорилось въ указѣ,—„усмотрѣли Мы, что Духовной Правительствующій Синодъ не въ томъ состояніи находится, какъ прежде сего блаженныя памяти при Его Величествѣ Дядѣ Нашемъ Петрѣ I учрежденъ былъ".

Однако уже въ 1730 г. возникъ неоффиціальный секретаріатъ при Императрицѣ подъ главенствомъ Остермана. 18 октября 1731 г. этотъ секретаріатъ превращенъ былъ въ постоянное учрежденіе, состоящее „при дворѣ" Императрицы[5]. Современники увидѣли въ немъ какъ бы возстановленіе В. Т. Совѣта[6], однако, по удостовѣренію наиболѣе авторитетнаго

---

1) С. И. Р. И. О. т. 63, стр. 472. 2) ib. т. 101, стр. 444, 448.

3) ib. т. 63, стр. 475, 476, 477; т. 79, стр. 174—175; т. 94, стр. 534; *Барановъ*, II, 3687.

4) П. С. З. VIII, 5510. Въ немъ о Синодѣ ни слова не было сказано. Подлинный указъ въ Сенатскомъ Архивѣ, им. указы, кн 32, л. 47.—*Барановъ*, II, 3767. Результаты этого указа см. у *Барсова*, Св. Синодъ, стр. 270 и слѣд.

5) С. И. Р. И. О., т. 104, стр. 1. П. С. З. VIII, 5871. Инициатива этого дѣла приписывается Остерману. Онъ же сталъ и во главѣ Кабинета Министровъ.

6) *А. Н. Филипповъ*, Докладъ И. Елисаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Пр. Сената. Ж. М. Н. Пр., 1897, № 2.—*А. Н. Филипповъ*, Учебникъ, стр. 708.

изслѣдователя Кабинета Министровъ, проф. А. Н. Филиппова, „члены его, во главѣ съ Остерманомъ, довольствовались тѣмъ положеніемъ лично-довѣренныхъ персонъ, какое они имѣли, и нисколько не пытались превратить свою личную власть во власть *учрежденія;* у нихъ при томъ и не было возможности это сдѣлать. Примѣръ В. Т. Совѣта, быстро вышедшаго изъ своего положенія, какъ „Совѣта при особѣ государя" и задумавшаго переустройство государства, требовалъ осторожности и въ надѣленіи новаго учрежденія тѣми или иными прерогативами. Въ первые годы, до указа 9 іюня 1735 г., Кабинетъ былъ неоффиціальнымъ Совѣтомъ государыни и докладывающимъ учрежденіемъ по дѣламъ, въ немъ, по волѣ государыни, сосредоточеннымъ. Всѣ указы идутъ отъ Кабинета, но *указовъ* самихъ кабинетъ-министровъ и ихъ *резолюцій* на докладахъ, челобитьяхъ и пр. въ это время почти еще нѣтъ"[1]). Только въ исключительныхъ случаяхъ и каждый разъ по особому уполномочію со стороны государыни, кабинетъ-министры издавали указы или высочайшія повелѣнія за подписью всѣхъ трехъ членовъ[2]).

Напротивъ, 9 іюня 1735 г. былъ изданъ указъ: „никакихъ Нашихъ *словесныхъ* указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Нашея руки, или *за руками Нашихъ кабинетъ-министровъ*, будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить", т. е. *указы кабинетъ-министровъ приравнивались къ именнымъ указамъ императрицы*[3]).

Что же касается компетенціи Кабинета-Министровъ, то ею онъ очень походилъ на В. Т. Совѣтъ, а именно: все, что относилось къ области *непосредственной* дѣятельности верховной власти, относилось и къ вѣдѣнію Кабинета, подобно тому, какъ раньше относилось къ компетенціи В. Т. Совѣта[4]).

Вслѣдствіе всего этого у Кабинета установились аналогичныя и порою еще болѣе императивныя отношенія къ Св. Синоду. Правда, при выработкѣ порядка сношеній Кабинета съ Сенатомъ и коллегіями еще 3 и 4 ноября 1731 г.[5]) о Синодѣ еще не упоминалось. Но это вовсе не значило, что онъ долженъ сохранить независимость. Напротивъ, его просто игнорировали. Между тѣмъ уже именнымъ указомъ 6 ноября 1731 г. требуются въ Кабинетъ ежемѣсячные реестры о производящихся дѣлахъ въ Сенатѣ, Синодѣ и коллегіяхъ[6]), а 8 ноября, по требованію Синода, Кабинетъ уже назначаетъ секретаря Михаила Дудина Оберъ-Секретаремъ[7]). Далѣе, въ протоколахъ и журналахъ Кабинета читается рядъ записей о рѣшеніи синодальныхъ дѣлъ[8]).

---

[1]) *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ И. р. права, 709. [2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же стр. 709, 708.—С. И. Р. И. О. т. 111. Предисловіе *А. Н. Филиппова*. Замѣчательно, что фактически указы подписывались только *двумя* лицами: гр. А. И. Остерманомъ и кн. А. М. Черкасскимъ. Гр. П. И. Ягужинскій умеръ 6 апрѣля 1736 г., а А. П. Волынскій назначенъ только 30 апрѣля 1738 г.

[4]) *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ, 709—710. [5]) С. И. Р. И. О. т. 104, стр. 2–4.

[6]) ib. стр. 7.—*Барановъ*, II, 4062. [7]) ib. т. 104, стр. 9.

[8]) ib. стр. 338; т. 106, стр. 315; т. 108, стр. 18, 48, 230; т. 111, стр. 12 и др.

Формально у Кабинета и Синода установились слѣдующія отношенія. До 9 іюня 1735 г. Св. Синодъ посылалъ въ Кабинетъ доношенія на имя Императрицы[1]), а отъ нея получалъ указы иногда помимо Кабинета[2]), иногда черезъ Кабинетъ[3]), а однажды, 22 мая 1738 г. чрезъ каб.-м. А. П. Волынскаго[4]). Въ свою очередь, Св. Синодъ, когда получалъ указы помимо Кабинета, сообщалъ ему объ этомъ къ свѣдѣнію[5]), а также объ исполненіи высочайшихъ повелѣній[6]).

Послѣ 9 іюня 1735 г. Св. Синодъ сталъ доносить Кабинету о разныхъ дѣлахъ для рѣшенія и къ свѣдѣнію[7]), а отъ него сталъ получать указы, сообщенія и резолюціи. Собственно однообразнаго порядка и формы сношеній Кабинета и Синода не установилось. Синодъ обращался къ Кабинету съ доношеніями[8]), но иногда обращался и съ сообщеніями[9]). Въ свою очередь Кабинетъ до 1735 г. и послѣ, если только онъ передавалъ указы Императрицы, обращался къ Синоду съ сообщеніями[10]), а 17 іюня 1739 г. было даже приказано записать въ журналъ, „чтобъ за подписаніемъ ихъ, гг. кабинетъ-министровъ, о всякихъ дѣлахъ сообщеніями писать въ Правительствующій Сенатъ и Сенатскую контору и въ Св. Правительствующій Синодъ, а въ коллегіи, канцеляріи и конторы и въ губерніи, провинціи и въ прочія мѣста писать указами[11]). Но это нисколько не мѣняло дѣла, такъ какъ Кабинетъ точно также обращался къ Синоду и съ предложеніями[12]) и указами, при чемъ Синодъ доносилъ о полученіи указовъ Кабинета[13]). Кабинетъ былъ начальникомъ Синода и всѣ его рѣшенія, въ какую бы форму они не облекались, имѣли императивный характеръ[14]). При этомъ Кабинетъ рѣшалъ самыя разнообразныя дѣла, хотя особенно интересовался дѣлами хозяйственными[15]) и политическими[16]). Всѣ эти разнообразныя дѣла трудно

---

[1]) ib., т. 104, стр. 18, 34, 35, 188, 510 и др.

[2]) С. И. Р. И. О. т. 104, стр. 17. 32, 36, 328; т. 117, стр. 201.

[3]) Т. 111, стр. 358; т. 126, стр. 546. [4]) Т. 120, стр. 423.

[5]) Т. 117, стр. 201; т. 126, стр. 3.

[6]) Т. 117, стр. 426, 599; т. 126, стр. 276, 308, 408; т. 130, стр. 544, 630.

[7]) Т. 114, стр. 6, 7, 8, 10, 19, 89, 93, 129, 250, 259, 283, 596; т. 120, стр. 77, 111, 115, 116, 129, 156; т. 126, стр. 392 и мн. др.

[8]) Т. 117, стр. 35, 368, 516, 543, 564; т. 120, стр. 447, 451; т. 124, стр. 109, 504; т. 126, стр. 293 и др.

[9]) Т. 111, стр. 408; т. 117, стр. 53, 175; т. 120, стр. 341, 351, 356, 369, 452, 462; т 124, стр. 26, 37, 57, 58, 103, 109, 126, 214, 254, 278, 284, 317; т. 126, стр. 290, 307, 309.

[10]) Напр., т. 114, стр. 177, 342; т. 126, стр. 283.

[11]) С. И. Р. И. О. т. 126, стр. 563. [12]) Т. 106, стр. 10, 19, 75—76.

[13]) Т. 117, стр. 7, 436, 578, 599, 683, 700; т. 130, стр. 489.

[14]) 17 октября 1738 г. въ Кабинетѣ было получено сообщеніе изъ Синода, въ отвѣтъ на посланное изъ Кабинета сообщеніе, что, по справкамъ въ Синодѣ, такого небреженія, чтобъ какое кабинетское сообщеніе не слушано и не рѣшено было долговременно, не оказалось и при томъ экстрактъ, когда кабинетскія сообщенія получены и рѣшены, и сколько всѣхъ дѣлъ рѣшено, для разсмотрѣнія". С. И. Р. И. О. т. 124, стр. 329.

[15]) Т. 104, стр. 57, 63, 65, 85, 198, 202, 244, 278, 295, 464, 524; т. 106, стр. 10, 188, 229, 483; т. 114, 123 и др. Подробно въ *моей* книгѣ „Населенныя недвижимыя имѣнія"... стр. 71 и слѣд.

[16]) С. И. Р. И. О. т. 104, стр. 143, 199, 364, 365, 372, 374, 375, 378. 383. 384, 428

даже перечислить[1]). Среди этихъ дѣлъ встрѣчаются, напр., такія. 19 февраля 1736 г. за подписью трехъ кабинетъ-министровъ объявленъ *выговоръ* архіепископамъ Кіевскому и Черниговскому[2]). 16 сентября 1737 г. Св. Синодъ спрашивалъ Кабинетъ, въ саккосѣ или въ ризы посвящать назначеннаго на Устюжскую епархію Симонова монастыря архим. Луку? Кабинетъ рѣшилъ—въ саккосъ[3]). Однажды А. П. Волынскій одинъ рѣшалъ въ качествѣ кабинетъ-министра дѣло по жалобамъ на Псковскаго архіерея Варлаама[4]), а 19 февраля 1739 г. Кабинетомъ велѣно было „изъ Св. Пр. Синода объявить Свіяжскаго монастыря архимандриту Алексѣю, чтобъ онъ явился кабинетъ-министру, Его Сіятельству гр. А. И. Остерману“[5])...

Когда у Кабинета не хватало данныхъ для рѣшенія синодскаго дѣла, онъ требовалъ отъ него справокъ[6]), иногда рѣшалъ дѣла въ совмѣстныхъ засѣданіяхъ своихъ съ Синодомъ[7]), съ Сенатомъ[8]), иногда же предоставлялъ рѣшить „Сенату обще съ Синодомъ“[9]).

Разумѣется, Кабинетъ не могъ замѣстить собою Синодъ въ рѣшеніи всѣхъ его дѣлъ, хотя по политическимъ соображеніямъ и вмѣшивался во многое. Поэтому Кабинетъ самъ предоставлялъ иногда Синоду рѣшить дѣла, поступившія въ Кабинетъ[10]), и за то требовалъ отъ Синода рапортовъ о всѣхъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ имъ дѣлахъ[11]). Синодъ и самъ сообщалъ Кабинету къ свѣдѣнію даже о своихъ распоряженіяхъ[12]).

Выводы. Подводя итоги сказанному объ отношеніяхъ Св. Синода къ Кабинету[13]), можно повторить то же, что было замѣчено о В. Т. Совѣтѣ.

449; т. 106, стр. 39, 44, 45, 75, 436, 469—470, 478, 483; т. 108, стр. 302—303, 316; т. 111, стр. 56, 328, 329, 331, 338, 343, 514; т. 114, стр. 418—419, 463; т. 120, стр. 323; т. 124, стр. 370.

[1]) Т. 106. стр. 317; т. 114, стр. 84, 113, 125, 133, 149, 187, 306, 307, 486, 581, 590, 608; т. 117, стр. 35, 53, 59, 83, 84, 123, 168, 175, 368, 426, 476, 516, 543, 564, 570, 576, 578, 610, 623, 626, 675, 710, 713, 714, 737; т. 120, стр. 35, 101, 156, 178, 311; т. 124, стр. 36, 70, 253, 284, 308, 370, 431, 504; т. 126, стр. 140, 342, 357, 380, 417, 470—471, 572—573, 575; т. 130, стр. 11, 22, 74, 98, 246, 289, 317, 320, 336, 389, 403, 630.

[2]) С. И. Р. И. О. т. 114, стр. 84. [3]) Т. 117, стр. 564, 610.

[4]) Т. 124, стр. 370. [5]) Т. 126, стр. 140.

[6]) Т. 104. стр. 328, 338; т. 106, стр. 337; т. 108, стр. 157, 158; т. 111, стр. 241, 530; т. 114, стр. 231, 543, 560; т. 117, стр. 30, 55, 88, 190, 224, 243, 608, 682, 737, 740; т. 120, стр. 20, 91, 149, 182; т. 124, стр. 64, 260, 337, 346, 379, 414; т. 126, стр. 44. 398; т. 130, стр. 16, 59, 97, 159, 219, 232, 360, 484.

[7]) Т. 130, стр. 212. [8]) Т. 114, стр. 273.

[9]) 25 января 1738 г. *Барановъ*, II, 6454.

[10]) С. И. Р. И. О. т. 104, стр. 147; т. 106, стр. 329; т. 108, стр. 179; т. 114, стр. 44; т. 126, стр. 283.

[11]) Т. 104, стр. 277, 300, 337, 363, 429, 457; т. 106, стр. 59, 75, 229, 364; т. 108, стр. 52, 91, 401, 407, 447; т. 111, стр. 101, 417, 421, 505; т. 114, стр. 259; т. 117, стр. 223; т. 124, стр. 448; т. 126, стр. 275, 336, 506; т. 130, стр. 49, 291, 590, 608.

[12]) Т. 117, стр. 151, 348; т. 130, стр. 461.

[13]) Ср. *Б. В. Титлинова*, Правительство И. Анны Іоанновны въ его отношеніяхъ къ дѣламъ Православной Церкви. Вильна, 1905.—*А. Н. Филиппова*, Журналы Прав. Сената за 1737 г. (Журналы за январь—іюнь 1737 г.) ч. I, М. 1910.—*Его-же*, Правитель-

Отношенія эти были таковы, что видѣть въ Св. Синодѣ *церковное* учрежденіе оказывается возможнымъ только постольку, поскольку въ немъ засѣдали лица духовнаго сана. О самостоятельности же и самобытности власти Св. Синода не можетъ быть и рѣчи. При этомъ господами Синода являлись три, большею частью два, а иногда и одно свѣтское лицо: Волынскій или Остерманъ...

ственная олигархія послѣ Петра В., Русская Мысль, 1894, кн. 1, 8, 9.—*Его-же*, Къ вопросу о В. Т. Совѣтѣ, М. 1895.—*Его-же*, Исторія Сената въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета, Юрьевъ, 1895.—*Его-же*, Предисловіе о Кабинетѣ Министровъ въ т. 104 С. И. Р. И. О.—*Его-же*, Кабинетъ Министровъ и Ср. Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ Сборникѣ правовѣдѣнія и обществ. наукъ, М. 1897.—*Его-же*, Новыя данныя о Кабинетѣ Министровъ, Рус. Мысль, 1901 г., кн. 12.—*Его-же*, Исторія Сената т. I, Спб. 1911.—*Парамоновъ*, О законодательствѣ Анны Іоанновны, 1904.—*Кн. Б. Л. Вяземскій*, В. Т. Совѣтъ, Спб. 1909.

Отдѣлъ четвертый.

Принципіальная важность учрежденія Духовной Коллегіи и послѣдствія его для Русской Церкви.

Глава XII.

Утрата Русской Церковью ея юридической самостоятельности и обращеніе ея въ Вѣдомство Православнаго Исповѣданія.

Двѣ оцѣнки. Въ сужденіяхъ о послѣдствіяхъ церковной реформы Петра Великаго замѣчается любопытный дальтонизмъ. Признается безспорнымъ, что у Петра было два побужденія къ реформѣ: 1) обезопасить себя и государство отъ властолюбивыхъ „замаховъ“ духовенства и 2) очистить Русскую Церковь отъ тѣхъ многихъ недостатковъ, которыхъ она была до него исполнена[1]. Для достиженія первой цѣли онъ подчинилъ Церковь свѣтской власти, лишивъ ее юридической самостоятельности. Для достиженія второй цѣли онъ учредилъ коллегіальный органъ и далъ ему Духовный Регламентъ въ надеждѣ на большую успѣшность его дѣятельности, чѣмъ была дѣятельность патріарховъ.

То и другое дѣяніе Петра имѣло свои послѣдствія, но, подводя итоги реформѣ Петра, ихъ обыкновенно смѣшиваютъ и, съ одной стороны, исходя изъ дѣйствительно положительныхъ результатовъ культурной дѣятельности С. Синода, не замѣчаютъ отрицательныхъ послѣдствій перваго дѣянія Петра. Съ другой же стороны, исходя изъ отрицательныхъ результатовъ уничтоженія юридической самостоятельности Русской Церкви, не знаютъ, какъ поступить съ положительными послѣдствіями этой дѣятельности въ русскомъ церковномъ бытѣ за послѣднія два столѣтія. Такое смѣшеніе не можетъ быть оправдано.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что культурная дѣятельность Св. Синода и духовенства за два послѣдніе вѣка принесла свои богатые плоды. Хотя и теперь въ народѣ живетъ еще много тьмы и религіозныхъ суевѣрій[2], но сравнивать въ этомъ отношеніи начало XVIII в. съ началомъ XX-го, конечно, нѣтъ возможности. Однако эта цивилизаторская дѣятельность Синода и духовенства едва ли можетъ быть поставлена въ прямую зависимость отъ уничтоженія юридической самостоятельности Русской Церкви. Скорѣе всего ее нужно отнести на счетъ того общаго культурнаго подъема, который пережилъ Русскій народъ со времени Петра, когда, по мѣрѣ возможности, стали энергично, а иногда даже насильственно насаждать просвѣщеніе, создавая ученыя учрежденія, учебныя заведенія, заставляя учиться подъ угрозою отнятія права жениться или получить священническое мѣсто; когда требовали перемѣны русскаго „охабня“

---

[1]) См. опредѣленіе этихъ побужденій *Е. Е. Голубинскимъ*, О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви. Москва, 1913, стр. 69.

[2]) Напр., *Е. Е. Голубинскій* говоритъ, что „Досинодальныя молитвы въ шапку и теперь есть“. „О реформѣ въ бытѣ Русской Церкви“ стр. 74 прим. 1.

на нѣмецкое платье, когда даже женщину вывели изъ терема и заставили принимать участіе въ „ассамблеяхъ“ и т. д. Разумѣется, что общій потокъ цивилизаціи, частью измѣнявшей только внѣшній обликъ, а частью и внутренно перерождавшій русскаго человѣка въ такъ наз. „интеллигента“, не могъ не коснуться и духовенства и церковной жизни. Суевѣрія, апокрифическія житія святыхъ, многогласіе, молитвы въ шапку, торгъ изъ-за платы за требу и многіе другіе застарѣлые недостатки сдѣлались просто неприличными. И едва-ли можно думать, что юридически независимая отъ государства церковная власть стала бы настаивать на сохраненіи всѣхъ этихъ наростовъ тьмы, какъ только и ея коснулся бы потокъ цивилизаціи въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Поэтому, научная оцѣнка той стороны церковной реформы Петра Великаго, которая заключалась въ установленіи имъ *подъ своею державною властью* новаго центральнаго *государственнаго* учрежденія для завѣдыванія религіозными дѣлами его страны и въ лишеніи, вслѣдствіе этого, Церкви ея юридической самостоятельности, должна производиться особо, съ точки зрѣнія ея *юридическихъ*, нормативныхъ послѣдствій. Только при такомъ методѣ можно надѣяться получить правильные научные выводы.

Юридическая подчиненность Св. Синода. Уничтоженіе патріаршества въ Россіи и замѣна патріарха Духовной Коллегіей, которая вскорѣ же преобразовалась въ Св. Синодъ, далеко не исчерпывалось въ своемъ значеніи тѣмъ, что органъ единоличный былъ замѣненъ коллегіальнымъ.

Учрежденіе Духовной Коллегіи имѣло для Русской Церкви высокое принципіальное значеніе въ виду того, что это учрежденіе неминуемо повлекло за собою лишеніе ея юридической самостоятельности и юридическое подчиненіе ея свѣтской власти и цѣлямъ новаго, секуляризованнаго государства съ обращеніемъ Русской Церкви въ одно изъ государственныхъ вѣдомствъ,— „Вѣдомство Православнаго Исповѣданія“.

Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Компетенція Св. Синода, какъ мы видѣли, съ самаго начала была опредѣлена 1) Духовнымъ Регламентомъ и 2) послѣдующими узаконеніями. Вообще говоря, Св. Синоду стали принадлежать: 1) изданіе, *въ соотвѣтствіи съ законами*, общихъ нормъ, опредѣляющихъ церковную жизнь; 2) центральное управленіе Русскою Церковью и 3) церковный судъ въ послѣдней инстанціи, т. е., повидимому, всѣ тѣ роды дѣлъ, которые подвѣдомственны были московскому патріарху. Однако, главнѣйшая функція, среди названныхъ, т. е., установленіе общихъ нормъ, опредѣляющихъ церковную жизнь, была довольно слабой при патріархахъ, и еще болѣе ослаблена въ рукахъ Синода. Получивъ изъ Греціи христіанство въ готовомъ видѣ съ прочно установившимся укладомъ церковной жизни, Русь, находившаяся до средины XV в. въ канонической зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха, усвоила себѣ строго консервативную точку зрѣнія и почти всѣ свои старанія устремляла на усвоеніе вѣры, укрѣпленіе христіанской нравственности и соблюденіе священныхъ каноновъ и законовъ боголюбезныхъ

царей, отъ которыхъ, вмѣстѣ съ Константинопольскими патріархами, до самой средины XV в. и получала указы и грамоты, нормировавшіе русскую церковную жизнь. Параллельно съ этимъ возникли у насъ и самостоятельные источники церковнаго права, но въ нихъ было мало новаго, творческаго. То были каноническіе отвѣты, грамоты, пастырскія посланія, поученія, а также опредѣленія соборовъ, вызванные почти всякій разъ нестроеніями, которыя надо было исправить на основаніи уже готовыхъ нормъ[1]). Такое затишье вполнѣ понятно, если имѣть въ виду 1) глубокое преклоненіе предъ авторитетомъ церковной старины, нашедшей свое отраженіе въ номоканонахъ и кормчихъ, и 2) значеніе обычая въ русской государственности и жизни до самыхъ петровскихъ реформъ.

Такимъ образомъ уже древніе русскіе митрополиты и патріархи мало пользовались своимъ правомъ нормировать русскую церковную жизнь. Манифестъ 25 января 1721 г. и Духовный Регламентъ въ немногихъ словахъ парализовали и самое право, какъ юридическую возможность. Предѣлы власти Духовной Коллегіи были строго опредѣлены въ Регламентѣ: въ его начальныхъ строкахъ отчетливо говорилось о томъ, что „Коллегіумъ правительское *подъ* Державнымъ Монархомъ есть и отъ Монарха установлено". Въ свою очередь въ Манифестѣ говорилось: „Уставляемъ Духовную Коллегію, то есть Духовное Соборное Правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ Регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять". И ниже: „Должна же есть Коллегія сія и новыми впредь правилами дополнять Регламентъ свой, яковыхъ правилъ востребуютъ разные разныхъ дѣлъ случаи. *Однакожъ дѣлать сіе должна Коллегія Духовная не безъ Нашего соизволенія*". Итакъ Духовная Коллегія, а съ нею и Св. Синодъ оказался лишеннымъ творческой канонической дѣятельности и въ нормированіи церковной жизни сталъ зависимымъ отъ свѣтской Верховной власти, которая и явилась отнынѣ *единымъ источникомъ* новаго правообразованія для Русской Церкви.

Въ дальнѣйшее время компетенція Св. Синода опредѣлялась не столько положительными, сколько отрицательными чертами, а именно: 1) изъятіями изъ его вѣдѣнія цѣлаго ряда дѣлъ правительственныхъ, экономическихъ, судебныхъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ брачныхъ, наслѣдственныхъ и проч., 2) отношеніемъ Св. Синода къ Верховной власти и 3) отношеніемъ его къ дѣятельности и власти Синодальныхъ Оберъ-Прокуроровъ.

Если изъятія изъ вѣдѣнія Синода цѣлаго ряда дѣлъ не касались, такъ сказать, принципіальнаго вопроса о его авторитетѣ, то его рѣзко затрагивали тѣ или иныя фактическія или юридическія отношенія къ государямъ и Оберъ-Прокурорамъ. Поэтому послѣднія заслуживаютъ особаго вниманія.

Со времени возникновенія Св. Синода отношенія его къ Верховной власти опредѣлялись: 1) Духовнымъ Регламентомъ, стоявшимъ, какъ подроб-

[1]) Ср. *Проф. А. С. Павловъ*, Курсъ церковнаго права, Св.-Тр. Серг. Лавра, 1902, стр. 162—177. - *Русская Историческая Библіотека*, т. VI, ч. 1. Памятники древнерусскаго каноническаго права (XI—XV в.), Спб., 1908².

но было изложено выше, на почвѣ школы естественнаго права и государственной церковности; 2) фактическими отношеніями въ XVIII и XIX вв., напр., по вопросу о „Прибавленіи къ Духовному Регламенту"[1]), о владѣніи вотчинами, по дѣлу Арсенія Мацѣевича[2]), по поводу дѣйствій нѣкоторыхъ Оберъ-Прокуроровъ[3]); 3) Основными законами изданія 1832 г. ст. 42, 43.

Основные законы. Статьи 42 и 43 Основныхъ законовъ изданія 1832 г. являются особенно важными въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онѣ отразили въ себѣ текстъ Духовнаго Регламента и потому могутъ служить пособіемъ къ толкованію скрытаго смысла этого крупнѣйшаго памятника русскаго законодательства. Во вторыхъ, онѣ впервые вполнѣ ясно раскрыли и опредѣлили въ законодательной формѣ государственный характеръ Св. Синода и его полную несамостоятельность. Послѣ нихъ подразумѣваемое стало явнымъ[4]).

Статьи 42 и 43 Осн. Зак. изд. 1832 г. читаются такъ:

Ст. 42. Императоръ, яко христіанскій Государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія.

1721 янв. 25 (3718) ч. I, введ.—Въ семъ смыслѣ Императоръ, въ актѣ о наслѣдіи Престола 1797 апр. 5 (17910), именуется *Главою Церкви.*

Ст. 43. Въ управленіи церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Ею учрежденнаго.

1721 янв. 25 (3718) введ. и ч. I. п. 3.

Какъ видно изъ подстрочныхъ ссылокъ, редакція этихъ статей покоится на Духовномъ Регламентѣ[5]). Однако, близкое сравненіе текстовъ показываетъ, что положенія, выраженныя въ ст. 42 и 43 въ аподиктической формѣ, въ Регламентѣ содержатся въ формѣ гораздо болѣе мягкой. Такимъ

---

[1]) Прибавленіе къ Регламенту первоначально составлено и напечатано было безъ вѣдома Петра, который, узнавъ объ этомъ, потребовалъ Прибавленіе къ себѣ и вернулъ его съ исправленіями, а Синоду выразилъ свое неудовольствіе. См. выше, стр. 196—206.

[2]) *Свящ. М. Поповъ*, Арсеній Мацѣевичъ, Митрополитъ Ростовскій и Ярославскій Спб., 1905. *Его-же*, Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло Спб. 1912.

[3]) *Ѳ. В. Благовидовъ*, Оберъ-Прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія. (Отношенія Оберъ-Прокуроровъ къ Св. Синоду). Казань, 1900². — *Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества*, т. 113, 2 части.

[4]) См. *Е. Н. Темниковскаго*, „Положеніе Императора Всероссійскаго въ Русской Православной Церкви въ связи съ общимъ ученіемъ о церковной власти. Ярославль 1909 г. (и № 1 (3) Юр. Записокъ изд. Дем. Юр. Лицеемъ) стр. 26—41.

[5]) Къ ст. 42 относится слѣдующее мѣсто Регламента: „А яко христіанскій Государь, правовѣрія же и всякаго въ Церкви Святѣй благочинія блюститель... (Петръ) благоволилъ уставити Духовное Коллегіумъ". Къ ст. 43 относятся слова: „Коллегіумъ правительское не что ино есть, токмо правительское Собраніе, когда дѣла нѣкія собственныя не единому лицу, но многимъ къ тому угоднымъ, и отъ Высочайшей Власти учрежденнымъ подлежатъ ко управленію". „Се же наипаче сильно есть, когда Коллегіумъ правительское подъ Державнымъ Монархомъ есть и отъ Монарха уставлено, явѣ бо здѣ, что коллегіумъ не есть нѣкая факція, тайнымъ на интересъ свой союзомъ сложившаяся, но на добро общее повелѣніемъ Самодержца, и Егожъ съ прочіими разсмотрѣніемъ собранныя лица".

образомъ, ст. 42 и 43, хотя и вѣрно обозначали юридическое положеніе Св. Синода и Русской Церкви, какое они заняли со времени Петра Великаго, однако, своей редакціей въ значительной мѣрѣ обязаны творцу Свода Зоконовъ графу М. М. Сперанскому, воззрѣнія котораго только и могутъ дать руководящую нить къ болѣе точному толкованію смысла этихъ статей. Поэтому совершенно правильно обратиться къ сочиненію Сперанскаго „Руководство къ познанію законовъ“ (Спб., 1845 г.). Въ немъ содержится слѣдующее разсужденіе. Основные законы должны изображать порядокъ, коимъ Верховная Власть дѣйствуетъ въ законодательствѣ и въ управленіи. То и другое мыслятся неразрывно и составляютъ власть державную (souverainеté, pouvoir souverain). Верховная Власть не можетъ управлять непосредственно, поэтому ей нужны органы, и эти органы суть установленія, которыя и управляютъ (administrent) дѣлами, имъ ввѣренными, по своимъ уставамъ и учрежденіямъ, въ то время, какъ сама Верховная Власть правитъ (gouverne) самыми установленіями, ею учрежденными.

На основаніи такихъ соображеній въ Основные законы изд. 1832 г. Сперанскимъ внесены были слѣдующія статьи, находящія во взаимной логической связи:

I. О существѣ Верховной Самодержавной власти.

Ст. 1. Императоръ Всероссійскій есть Монархъ самодержавный и неограниченный.

VIII. О законахъ.

Ст. 47. Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ Самодержавной власти исходящихъ.

Ст. 80. Власть управленія во всемъ ея пространствѣ принадлежитъ Государю. Въ управленіи верховномъ власть Его дѣйствуетъ непосредственно; въ дѣлахъ же управленія подчиненнаго, опредѣленная степень власти ввѣряется отъ Него мѣстамъ и лицамъ, дѣйствующимъ Его именемъ и по Его повелѣнію.

Ст. 81. Предметы управленія подчиненнаго, образъ его дѣйствія, степень и предѣлы власти, оному ввѣряемой, во всѣхъ вообще установленіяхъ, какъ высшихъ государственныхъ, такъ и низшихъ, имъ подвѣдомыхъ, опредѣляются подробно въ учрежденіяхъ и уставахъ сихъ установленій.

Въ сущности этихъ статей было совершенно достаточно. Однако, въ силу особаго значенія религіозной вѣры, Сперанскій нашелъ необходимымъ внести въ Основные законы отд. VII. *О вѣрѣ*, въ которомъ и было сказано о первенствѣ православія, о свободѣ исповѣданія вѣры, а за одно и объ управленіи церковномъ и дѣлами иностранныхъ исповѣданій и иновѣрцевъ. Такимъ образомъ сюда попали ст. 42 и 43, которыя, хотя и стоятъ въ седьмомъ отдѣлѣ, однако не составляютъ исключенія изъ ст. 1. 47. 80 и 81. Отсюда и изъ соображеній Сперанскаго, высказанныхъ имъ въ „Руководствѣ“ вытекаетъ, что ст. 43 имѣетъ слѣдующій смыслъ. Самодержавная Власть не можетъ дѣйствовать въ церковномъ управленіи (какъ и во всякомъ другомъ) непосредственно. Ей нуженъ особый органъ, уста-

новленіе, ею учрежденное. Такимъ органомъ для церковныхъ дѣлъ и является Св. Синодъ. Опредѣленія Св. Синода не должны выходить изъ предѣловъ даннаго ему Верховной Властью полномочія, иначе сказать: правъ на самостоятельное законодательство и верховное управленіе (въ смыслѣ gouvernement) церковными дѣлами Св. Синодъ (по Осн. Зак. изд. 1832 г.) не имѣетъ. „Такимъ образомъ, правильно заключаетъ проф. Е. Н. Темниковскій[1]), ст. 43 говоритъ не болѣе того, какъ если бы было сказано: въ управленіи военномъ Самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ министерства военнаго, ею учрежденнаго". Св. Синодъ есть только органъ Верховной государственной власти, высшее государственное установленіе, которому принадлежитъ лишь „управленіе" (administration) церковное, тогда какъ Государь, дѣйствуя въ порядкѣ верховнаго управленія *правитъ* (gouverne) Русской Церковью, т. е. содержитъ составъ Синода въ надлежащей полнотѣ, порядкѣ и дѣйствіи сообразно закону и разрѣшаетъ случаи, превышающіе власть Синода, или вновь возникающіе.

Къ такимъ же выводамъ приводитъ и толкованіе ст. 42. Кромѣ ссылки на Регламентъ, она содержитъ еще ссылку на актъ Императора Павла I о наслѣдіи престола, 5 апрѣля 1797 г., въ которомъ Государь именуется „Главою Церкви"[2]). Соотвѣтствующее мѣсто въ этомъ актѣ читается такъ:... „когда наслѣдство дойдетъ до такого поколѣнія женскаго, которое царствуетъ уже на другомъ престолѣ, тогда наслѣдующему лицу предоставляется избрать вѣру и престолъ, и отрещись вмѣстѣ съ наслѣдникомъ отъ другой вѣры и престола, если таковый престолъ связанъ съ закономъ для того, что *государи россійскіе суть главою Церкви;* когда же отрицанія отъ вѣры не будетъ, то наслѣдуетъ то лице, которое за симъ будетъ по порядку". Хотя приведенныя слова имѣютъ въ виду лишь возможно тверже аргументировать устраненіе отъ престолонаслѣдія неправославныхъ претендентовъ, а вовсе не опредѣлить существо церковной власти Русскаго Императора, тѣмъ не менѣе, однако, очень важно 1) что Императоръ Павелъ Петровичъ въ концѣ XVIII в. могъ написать въ законодательномъ актѣ такія слова какъ „государи россійскіе суть главою Церкви", очевидно находя ихъ вполнѣ отвѣчающими сложившемуся правопорядку и системѣ отношеній Церкви и государства въ Россіи; 2) что М. М. Сперанскій могъ услышать въ этихъ словахъ отзвукъ Духовнаго Регламента, характеръ котораго выясненъ выше, и 3) что и то другое попало въ Сводъ Законовъ, въ которомъ ст. 42 и 43, на основаніи манифеста 31 января 1833 г., съ 1-го января 1835 г. „воспріяли законную силу и дѣйствіе", т. е. какъ бы то ни было, а сдѣлались позитивною нормой[3]).

---

[1]) *Проф. Е. Н. Темниковскій,* Положеніе императора всероссійскаго, стр. 29.

[2]) Это мѣсто въ законѣ послужило документальной основой для обвиненія Православной Церкви въ цезаропапизмѣ. Рѣзкій и талантливый отпоръ на это обвиненіе съ идейной точки зрѣнія далъ еще *А. С. Хомяковъ* въ своихъ „Словахъ о Западныхъ исповѣданіяхъ" Полн. Собор. Соч. т. II, изд. 3 М. 1886, стр. 34 и сл., 175 и сл. Однако противопоставить что либо вѣское противъ позитивной нормы русскихъ основныхъ законовъ даже и Хомякову было невозможно. См. выше „Обзоръ литературы" стр. LXXII.

[3]) Любопытно продолжить изложенныя соображенія наблюденіями надъ ст. 64 и

На основании изложеннаго результаты, къ которымъ пришла история въ опредѣлении отношений Св. Синода къ Верховной государственной власти, можно выразить въ слѣдующихъ положенiяхъ.

1) Со времени Петра Великаго Русская Православная Церковь, какъ юридическая единица независимо отъ Русскаго государства *не существуетъ*, а есть лишь *интегральная часть государственнаго строя*, т.-е. вѣдомство, какъ она и именуется въ официальной перепискѣ съ начала XIX в.: „Вѣдомство Православнаго Исповѣданія“.

2) Св. Пр. Синодъ есть органъ верховнаго, но тѣмъ не менѣе соотвѣтственнаго съ законами (ст. 11 Осн. Зак. изд. 1906 г.), управленія Государя Императора, *государственное* установленіе, учрежденное Верховною Властью, находящееся отъ нея въ такой же точно зависимости, какъ и другія государственныя установленія, и осуществляющее „по указу Его Императорскаго Величества“ церковное управленіе и церковный судъ, какъ одну изъ отраслей государственнаго управленіе и суда[1]).

3) Высшая власть въ дѣлахъ церковныхъ осуществляется Государемъ Императоромъ непосредственно въ законодательствѣ и въ актахъ верховнаго управленія, каковые суть акты *государственной* власти. Нѣтъ церковнаго закона или акта управленія, которые не были бы *государственнымъ* закономъ или актомъ управленія.

4) Вся власть Русскаго Императора есть власть государственная.

65 Осн. Зак. изд. 1906 г., дословно повторяющими ст. 42 и 43 Осн. Зак. изд. 1832 г. и слѣдующихъ (проф. Е. Н. Темниковскій, ор. cit. стр. 37—41). Въ новомъ изданіи они имѣютъ и новый смыслъ, хотя текстъ ихъ прежній. Это зависитъ отъ того, что по новымъ Осн. Зак. въ законодательствѣ участвуютъ Г. Дума и Г. Совѣтъ и акты законодательства точно отграничиваются отъ актовъ управленія, которое, каково бы оно ни было, отнынѣ должно быть подзаконнымъ (ст. 10 и 11). Слѣдовательно, слова ст. 65 „Въ *управленіи* церковномъ Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Пр. Синода, Ею учрежденнаго“ означаютъ: въ *подзаконномъ* управленіи, или администраціи (отъ которой не отдѣлимъ, по особымъ причинамъ, и церковный судъ) Самодержавная Власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Синода. Что же касается установленія новыхъ законовъ для Русской Церкви, то они могутъ послѣдовать *не иначе*, какъ съ одобренія Г. Совѣта и Г. Думы (ст. 86). Такимъ образомъ въ дѣлахъ законодательныхъ Св. Синодъ теперь не только по прежнему несамостоятеленъ, не только зависитъ отъ Государя, но зависитъ и отъ законодательныхъ учрежденій. Если же были уже попытки обойти ихъ, напр., въ проведеніи новаго Устава Духовныхъ Академій, то такія попытки должны быть признаны противорѣчащими дѣйствующимъ Основнымъ Законамъ, т.-е. главнѣйшему и коренному источнику права для всей Россіи и для всего, что въ Россіи. Очень важно, что законодательной и даже законосовѣщательной власти на основаніи ст. 86 не можетъ имѣть никакое „Предсоборное Присутствіе“. „Предсоборное Совѣщаніе“ и даже самый „Помѣстный Всероссійскій Соборъ.

[1]) Любопытно отмѣтить, что въ февралѣ 1913 г. манифестъ объ амнистіи по случаю юбилея Дома Романовыхъ былъ примѣненъ и къ приговорамъ духовныхъ судовъ по 187 ст. Уст. Дух. Конс., т. е. къ выговорамъ, замѣчаніямъ, къ денежному взысканію и пенѣ, и, кажется, даже къ осужденнымъ къ *церковнымъ* наказаніямъ: къ временному запрещенію въ священнослуженіи, къ испытанію въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ и къ отрѣшенію отъ мѣста. Не подведены подъ амнистію только лишеніе и сана и монашества и исключеніе изъ духовнаго званія. „Нов. Вр.“ отъ 23 февраля 1913 г. № 13276.

чисто церковной власти, не производной по своему происхожденію и самостоятельной по осуществленію русскіе Основные Законы не знаютъ.

Роль Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Еще ближе власть Св. Синода опредѣлилась въ исторіи въ отношеніяхъ къ Синодальнымъ Оберъ-Прокурорамъ.

11 мая 1722 г. Петръ Великій, находясь въ Сенатѣ повелѣлъ; „Въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ доброго человѣка, кто бъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ, и дать ему инструкцыю, примѣняясь къ инструкцыи генерала-прокурора"[1]). Выбранъ и назначенъ былъ И. В. Болтинъ, а 13 іюня 1722 г. Сенатомъ подписана ему инструкція[2]), во всемъ, по существу, сходная съ инструкціей генералъ—прокурора[3]).

По инструкціи обязанности Синодальнаго Оберъ-Прокурора заключались въ слѣдующемъ.

Ст. 1. „Оберъ-Прокуроръ повиненъ сидѣть въ Синодѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сvнодъ свою должность хранилъ, и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ Сvнодскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія времени, по Регламентамъ и Указамъ отправлялъ, развѣ какая законная причина ко отправленію ему помѣшаетъ, что все записывать повиненъ въ свой журналъ; также накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сvнодѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по Указомъ исполнялись".

Ст. 2. „Также долженъ накрѣпко смотрѣть, дабы Сvнодъ, въ своемъ званіи праведно и нелицемѣрно поступалъ. А ежели что увидитъ противное сему: тогда въ тотъ же часъ повиненъ предлагать Сvноду явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ, не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили. А ежели не послушаютъ; то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и иное дѣло остановить, и немедленно донесть НАМЪ, есть ли весьма нужное: а о прочихъ въ бытность НАШУ въ Сvнодѣ или по-мѣсячно, или по-недѣльно, какъ Указъ имѣть будетъ„.

Ст. 9. „Оберъ-Прокуроръ ничьему суду не подлежитъ, кромѣ Нашего".

Ст. 11. „И понеже сей чинъ, яко око Наше, и стряпчей о дѣлахъ Государственныхъ; того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо перво на немъ взыскано будетъ".

Такимъ образомъ, обязанности Оберъ-Прокурора, какъ онѣ изложены въ инструкціи, слѣдуетъ опредѣлить какъ обязанность надзора за закономѣрностью дѣятельности Синода. Ничего начальственнаго, если не считать, что „емужъ должно (было) въ своей дирекціи имѣть Канцелярію Синодскую, и служителей оной" (ст. 5 инструкціи), въ его должности еще не было. И дѣйствительно во весь XVIII в. власть Оберъ-Прокурора въ общемъ была не прочна. Это зависѣло между прочимъ, 1) отъ того, что съ 14 іюля 1726 г. до 31 декабря 1741

---

1) *Сборникъ И. Р. И. О.* т. XI, 485; П. С. З. № 4001, П. С. П. II, 609.

2) *Барановъ*, I, 1161; П. С. З. VI, 4036.

3) Только „Сенатъ" замѣнено словомъ „Синодъ" и т. под.

г., исключая небольшіе перерывы, въ Синодѣ Оберъ-Прокуроровъ не было, какъ не было ни Генералъ-Прокурора въ Сенатѣ, ни прокуроровъ въ коллегіяхъ; 2) когда въ 1741 г. въ Синодѣ былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ князь Я. Шаховской, онъ получилъ отъ Ген.-Пр. кн. Трубецкого копію съ инструкціи 1722 г., но въ нѣсколько измѣненной редакціи, именно по ней обо всемъ слѣдовало доносить Генералъ-Прокурору, а не непосредственно Государю, вслѣдствіе чего самостоятельное положеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода умалялось; 3) въ теченіе всего XVIII в. при частыхъ смѣнахъ на престолѣ, при господствѣ различныхъ теченій и вліяній, при распространенности фаворитизма, большое значеніе имѣла фактическая близость ко двору, и благоволеніе государей къ духовенству, при которомъ Оберъ-Прокуроры не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на дѣла.

Вліяніе министерскаго принципа. Однако съ конца XVIII ст. и съ начала XIX ст. наблюдается рѣзкій переломъ въ пользу оберъ-прокуратуры въ силу проникновенія въ русскую государственность принцица единоличной министерской власти, которое выразилось 1) въ порученіи Генералъ-Прокурору Сената еще при Екатеринѣ II функцій министра внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи[1]; 2) въ изданіи манифеста 8 сентября 1802 г. объ учрежденіи министерствъ; 3) въ возникновеніи Комитета Министровъ и 4) въ изданіи 25 іюня 1811 г. Общаго учрежденія Министерствъ. Въ XIX в. въ Россіи министерскій принципъ такъ же господствовалъ надъ умами[2]), какъ въ XVIII в.—принципъ коллегіальности. И какъ въ XVIII в. обнаруживалось стремленіе провести этотъ принципъ коллегіальности во всѣ учрежденія, что и привело къ учрежденію Духовной Коллегіи, такъ точно въ XIX в. создалось стремленіе съ полной послѣдовательностью провести министерскій принципъ чрезъ всю систему управленія, не исключая и церковнаго. Таковъ былъ общій фонъ, на которомъ развернулись дальнѣйшія явленія не въ пользу Св. Синода.

Оберъ-Прокуроры начала XIX в. Уже первый Оберъ-Прокуроръ XIX в. *А. А. Яковлевъ* (31 декабря 1803—7 октября 1803 г.) стремился стать министромъ, какъ тогда говорилось, „синодскаго департамента“, захвативъ въ свои руки контроль надъ синодальнымъ хозяйствомъ и выступая совершенно самостоятельно со всеподданнѣйшими докладами. Опасность послѣднихъ была понята высшимъ духовенствомъ сразу и были приняты мѣры, чтобы уговорить А. А. Яковлева не дѣлать докладовъ Государю безъ совѣщанія со Св. Синодомъ, однако эти мѣры не подѣйствовали. Въ свою очередь Оберъ-Прокуроры со времени Яковлева неуклонно стремились къ пріобрѣтенію исключительнаго права быть посредникомъ между Государемъ

---

[1]) *А. Д. Градовскій*, Высшая администрація въ Россіи и Генералъ-Прокуроры. Собр. Соч. т. I, стр. 229. Спб. 1899.—*Ѳ. В. Благовидовъ*, Оберъ-Прокуроры Св. Синода.... изд. 2, Казань 1900, особ. стр. 325—449.

[2]) Ср. критику реформъ Александра въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ *Н. М. Карамзина.* Напечатана въ приложеніи къ сочиненію *Пыпина,* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1910.

и духовнымъ вѣдомствомъ, что совершенно понятно, такъ какъ то же стремленіе къ исключительному праву всеподданнѣйшихъ докладовъ было свойственно и всѣмъ министрамъ XIX в., вслѣдствіе чего неожиданно расширилась сфера вліянія отдѣльныхъ министровъ и особенно компетенція Комитета Министровъ на счетъ даже Сената и Государственнаго Совѣта, и создался т. наз. бюрократизмъ, сущность и зло котораго заключается именно въ томъ, что лица, располагающія правительственной властью, образуютъ собою средостѣніе не только между Монархомъ и народомъ, но даже между Монархомъ и высшими государственными учрежденіями.

Усвоивъ себѣ право всеподданнѣйшихъ докладовъ, А. А. Яковлевъ потребовалъ, чтобы всѣ сношенія Св. Синода со свѣтскими учрежденіями происходили не иначе, какъ чрезъ Оберъ-Прокурора, а Канцеляріи Св. Синода даже запрещено было выдавать какимъ бы то ни было духовнымъ лицамъ справки о положеніи синодскихъ дѣлъ. Въ связи съ этимъ имъ испрошено было Высочайшее повелѣніе, чтобы ни одна бумага, поступавшая въ Синодъ не оставалась неизвѣстной Оберъ-Прокурору. Такимъ образомъ въ рукахъ послѣдняго сосредоточились всѣ нити дѣлопроизводства, при чемъ только одинъ Оберъ-Прокуроръ и зналъ о состояніи всей Русской Церкви въ данный моментъ, поскольку объ этомъ могутъ дать понятіе бумаги, поступающія въ Синодъ. Съ этого времени члены и присутствующіе Св. Синода уже разъ на всегда были отстранены отъ синодскаго дѣлопроизводства и знакомятся только съ такими дѣлами, которыя руководимой Оберъ-Прокуроромъ Синодальной Канцеляріей будутъ (а могутъ и не быть) Св. Синоду доложены[1]), что, разумѣется, въ высшей степени ненормально, ибо лишаетъ Св. Синодъ возможности хотя бы даже только

---

[1]) Еще въ 1875 г. во 2 томѣ *Сборника Государственныхъ Знаній*, В. П. Безобразова, покойный проф. прот. М. И. Горчаковъ помѣстилъ рецензію на „Письмо къ проф. Трейтшке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви“ сочиненіе N. N. (стр. 203—216). Опровергая оппортунистическій взглядъ N. N. на положеніе Русской Церкви, М. И. Горчаковъ, между прочимъ, (стр. 211—213) пишетъ: „въ русскомъ обществѣ, въ европейской печати, среди русскаго духовенства и между высшими іерархами русской церкви распространены и господствуютъ мнѣнія о значеніи оберъ-прокурора, совершенно не похожія на то, какое излагается въ брошюрѣ г-на N. N. Такъ преосв. Агаѳангелъ, волынскій архіепископъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и даровитыхъ архіереевъ русской церкви, въ отзывѣ своемъ о проектѣ основныхъ положеній духовно-судной реформы, въ 1873 г., между прочимъ, пишетъ св. синоду: „оберъ-прокурору св. синода и нынѣ принадлежитъ *огромная власть*, какой, кажется, не имѣетъ ни одинъ министръ и членъ государственнаго совѣта. Все, что относится къ духовенству и церкви восходитъ къ престолу чрезъ оберъ-прокурора; и отъ того характеръ дѣятельности синодскаго оберъ-прокурора остается тайною для высшихъ государственныхъ сферъ“. Отзывъ преосв. Агаѳангела, какъ протестъ противъ преобладанія и исключительной власти въ высшихъ церковныхъ установленіяхъ бюрократическихъ элементовъ „вѣдомства православнаго исповѣданія“, встрѣченъ и читается въ средѣ русскаго духовенства и общества съ величайшимъ сочувствіемъ.—Французскій публицистъ и ученый An. Leroy-Beaulieu такъ описываетъ положеніе и отношеніе оберъ-прокурора св. синода: православная церковь въ Россіи управляется синодомъ, подъ контролемъ своего прокурора. Чрезъ сего прокурора, уполномоченнаго императоромъ, осуществляются въ церкви всѣ права, при-

знать что дѣлается въ русской церковной жизни, вслѣдствіе чего недостакокъ свѣдѣній можетъ восполняться и восполняется только личными сношеніями іерарховъ, а также общей прессой, очевидно въ весьма недостаточной мѣрѣ.

Дѣятельность А. А. Яковлева вызвала общее неудовольствіе и 7 октября 1803 г. онъ вышелъ въ отставку. Его мѣсто, согласно желанію Императора Александра I, заступилъ кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ (21 октября 1803 г.—19 ноября 1817 г.), личный другъ Государя.

надлежащія монарху; оберъ-прокуроръ—посредникъ между царемъ и синодомъ; предлагаетъ синоду правительственные проекты законовъ и докладываетъ царю постановленія синода. Безъ участія прокурора ничего не дѣлается въ правительствующемъ синодѣ русской церкви; прокуроръ предлагаетъ дѣла, даетъ имъ движеніе и приводитъ въ исполненіе всѣ мѣропріятія синода. Безъ *утвержденія* прокурора постановленія синода недѣйствительны; онъ имѣетъ право veto во всѣхъ случаяхъ, когда постановленія синода не согласны съ закономъ".—Кому вѣрить? -Г. NN., или архіеп. Агаѳангелу, или г. Болье?—Насколько намъ извѣстно дѣлопроизводство св. синода, оно слѣдующее: Бумага, поступающая въ синодъ, принимается дежурнымъ чиновникомъ и экзекуторомъ, передается секретарю управляющаго канцеляріею синодскою, отсюда секретаремъ или самимъ управляющимъ или его помощникомъ, по разсмотрѣнію, препровождается въ отдѣленіе того оберъ-секретаря (ихъ въ синодѣ 6), которому она подлежитъ по содержанію,—отъ оберъ-секретаря поступаетъ къ секретарю; въ секретарскомъ столѣ ее разсматриваетъ секретарь или, по его порученію, одинъ изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ; здѣсь она обсуждается, собираются по содержанію ея справки и законы, заготовляется докладъ и составляется проектъ постановленія синода; докладъ разсматривается заблаговременно секретаремъ и оберъ-секретаремъ и, по назначенію управляющаго синодскою канцеляріею или его помощника, или по приказанію оберъ-прокурора синода или его товарища, или *иногда* по запросу первоприсутствущаго (обычай не допускаетъ прочихъ членовъ дѣлать запросы), прочитывается въ присутствіи св. синода секретаремъ, подъ руководствомъ оберъ-секретаря, подъ надзоромъ помощника управляющаго и управляющаго канцеляріею, при бытности въ синодѣ оберъ-прокурора или его товарища, а иногда—то директора хозяйственнаго управленія, то юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ, то предсѣдателя духовно-учебнаго комитета, то управляющаго контролемъ при синодѣ (смотря по роду дѣла). Составъ доклада, справка по его содержанію, направленіе дѣла и проектъ постановленія синода находятся въ исключительномъ распоряженіи чиновниковъ канцеляріи, которые состоятъ въ полнѣйшей зависимости отъ оберъ-прокурора. Присутствію синода всякое дѣло извѣстно только изъ доклада. При чтеніи и послѣ чтенія доклада дѣло обсуждается членами св. синода; но при ихъ обсужденіи подаютъ мнѣнія и оберъ-прокуроръ, и товарищъ его, кромѣ того, какъ водится въ практикѣ, вмѣшиваются въ разсужденія членовъ: 1) управляющій канцеляріею, 2) помощникъ его, 3) оберъ-секретарь, по отдѣленію котораго докладывается дѣло, 4) чиновникъ того учрежденія при синодѣ, отъ котораго поступила бумага, послужившая поводомъ къ докладу. Докладчикъ вполнѣ зависимый отъ высшихъ должностныхъ лицъ, конечно, прислушивается, во время обсужденія своего доклада, болѣе къ мнѣніямъ своихъ начальниковъ, чѣмъ членовъ синода, и составляетъ протоколъ—по указанію оберъ-прокурора, его товарища, управляющаго канцеляріею или его помощника и оберъ-секретаря. Составленный секретаремъ протоколъ подписывается по листамъ оберъ-секретаремъ, предлагается для прочтенія управляющему канцеляріею или его помощнику, докладывается оберъ-прокурору или его товарищу. Оберъ-прокуроръ или его товарищъ или пишетъ „читалъ", или приказываетъ переправить протоколъ по своимъ указаніямъ. Протоколъ, отмѣченный прокурорскимъ „читалъ", отправляется къ членамъ синода, къ каждому въ отдѣльности, на домъ, для подписи. Сроки составленія протокола, представленія его редакціи оберъ-прокурору, отправленія его къ синодскимъ членамъ для подписи—зависятъ отъ усмотрѣнія чиновниковъ. Подписанный членами синода, протоколъ снова идетъ по инстанціямъ къ оберъ-прокурору или его товарищу: тогда-

Огромное значеніе для усиленія оберъ-прокурорской власти имѣло уже одно его личное вліяніе, какъ очень близкаго къ Государю лица. Кромѣ того кн. Голицынъ провелъ и рядъ соотвѣтствующихъ мѣръ. Такъ 7 мая 1807 г. онъ ввелъ болѣе удобный для Оберъ-Прокурора порядокъ дѣлопроизводства въ Синодальной Канцеляріи; затѣмъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы епархіальные архіереи о всѣхъ безчинствахъ въ церквахъ и происшествіяхъ въ епархіяхъ немедленно сообщали Оберъ-Прокурору независимо отъ донесенія Синоду; въ связи съ этимъ обязалъ консисторскихъ секрета-

то пишется прокурорское „исполнить". Исполненіе постановленій Св. Синода находится вполнѣ въ рукахъ чиновниковъ: члены Св. Синода, по подписаніи протокола, не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о немъ, если о содержаніи его не возникнетъ какого либо особаго повода къ разсужденіямъ въ Синодѣ. Исполнительная бумага подписывается оберъ-секретаремъ и секретаремъ и получаетъ или видъ указа (епархіальнымъ архіереямъ, консисторіямъ и губернскимъ учрежденіямъ) или выписки (въ учрежденія при Синодѣ) или вѣдѣнія (въ Сенатъ). При описанномъ порядкѣ веденія дѣлъ, въ Синодѣ возможны слѣдующія явленія: поступившая въ Синодъ бумага можетъ годы и годы пролежать безъ доклада; постановленіе Синода, принятое присутствіемъ, можетъ не попасть въ протоколъ,—можетъ остановиться въ исполненіи за неимѣніемъ „читалъ" и „исполнить", и можетъ быть не предложена къ подписи членовъ Синода; наконецъ, предложеніе оберъ-прокурора, не принятое въ Синодѣ, изъ оберъ-прокурорской канцеляріи можетъ отправиться въ формѣ отношенія къ епархіальнымъ архіереямъ, которые должны принять отношеніе „къ свѣдѣнію и руководству". Изъ сказаннаго нами о дѣлопроизводствѣ въ Св. Синодѣ, ясно видно, что всѣ синодскія дѣла находятся въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ, служащихъ по вѣдомству православнаго исповѣданія, которые состоятъ въ полной зависимости отъ оберъ-прокурора Синода. Какъ назвать такую систему отношеній государства къ церкви? Названіе цезаропапизма къ ней, конечно, не идетъ. Оффиціально принятое и усвоенное въ Россіи названіе, выражающее отношенія государства къ православной церкви—„вѣдомство православнаго исповѣданія", и это названіе выражаетъ эти отношенія какъ нельзя лучше".

М. И. Горчаковъ говоритъ, что „положеніе „вѣдомства православнаго исповѣданія" не согласуется ни съ катихизическимъ ученіемъ о церкви, содержимымъ самою православною церковію, ни съ современными воззрѣніями науки государственнаго права на положеніе церкви въ государствѣ. По катихизису православной церкви, она „есть учрежденное отъ Бога *общество* вѣрующихъ въ Іисуса Христа людей, соединенныхъ между собою вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами". Современная наука государственнаго права не только допускаетъ, но находитъ неизбѣжнымъ существованіе въ государствѣ *обществъ*, корпорацій, ассоціацій и разнаго вида общественныхъ союзовъ, состоящихъ подъ надзоромъ государства и пользующихся его покровительствомъ, но *самостоятельныхъ* въ достиженіи своихъ цѣлей, не противныхъ государству. Православная русская церковь, по своему догматическому ученію, духу и настроенію, по историческимъ преданіямъ и по заслугамъ передъ государствомъ и обществомъ, могла бы, намъ кажется, имѣть полное право на признаніе ея со стороны государства *общественнымъ союзомъ*, самостоятельнымъ въ управленіи своими дѣлами и независимымъ отъ бюрократіи „вѣдомства православнаго исповѣданія". Такое признаніе ей со стороны государства даже совершенно необходимо для открытія ей возможности—проявить свои жизненныя силы, запасъ которыхъ неизсякаемъ и которыхъ ей и всему православному люду не изжить во вѣкъ. Жизнь православной Церкви, какъ самостоятельнаго общества, можетъ совершаться не только безъ всякаго ущерба, но и съ несомнѣнною пользою для государственной и гражданской жизни народа. Мало того, русское государство и народъ только въ такомъ случаѣ могутъ ожидать и въ правѣ требовать отъ церкви всей пользы отъ нея, если ея устройство будетъ соотвѣтствовать ея ученію объ ея существѣ,—и если въ ея устройствѣ будутъ выражаться и общество и божественное учрежденіе".

рей обо всемъ доносить Оберъ-Прокурору и т. под. Далѣе кн. Голицынъ взялъ въ свои руки производство наградъ и чиновъ членамъ Св. Синода и духовенству и 13 іюля 1805 г. исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе вызывать въ Синодъ архимандритовъ для ознакомленія съ будущими кандидатами на архіерейскія каѳедры. Мало того, кн. Голицынъ вмѣшался въ компетенцію Синода, выдѣливъ изъ нея духовно-учебныя дѣла и организовавъ реформу духовно-учебныхъ заведеній (1808 г.) подъ своимъ ближайшимъ руководствомъ.

Оберъ-Прокуроръ Св. Синода фактически занялъ положеніе министра. Оставалось сообщить этому положенію юридическій характеръ, что и произошло съ учрежденіемъ Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія (1817—1824 гг.), оказавшаго огромное и доселѣ вполнѣ не оцѣненное вліяніе на умаленіе власти Св. Синода и возвышеніе власти Оберъ-Прокурора до степени совершенно министерской.

Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. 19-го ноября 1817 г. былъ данъ Высочайшій указъ: „Оберъ-Прокурору Св. Синода и Главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, т. е. кн. Голицыну быть *Министромъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія*". 24 того же ноября былъ опубликованъ манифестъ и учрежденіе Министерства Д. Д. и Н. П.[1]).

Новое Министерство, по Учрежденію, должно было обнимать дѣла всѣхъ вѣроисповѣданій и потому состоять въ сношеніяхъ и опредѣленной связи А) по части духовной: 1) со Св. Пр. Синодомъ, 2) съ Комиссіей Духовныхъ Училищъ, 3) съ Рим.-Кат. Духовной Коллегіей, 4) съ Юстицъ-Коллегіей Лифл. и Эстл. дѣлъ, 5) со всѣми мѣстами и лицами, отъ упомянутыхъ мѣстъ зависящими. Для производства дѣлъ въ Министерствѣ состояли: 1. Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ и др. Предметомъ вѣдомства Департамента Духовныхъ Дѣлъ являлись вообще дѣла по части Духовной всѣхъ религій, какъ различныхъ вѣроисповѣданій христіанскихъ, такъ и прочихъ всякаго рода. Мѣстами и лицами, по сношенію, съ коими сіи дѣла должны были производиться, были: А) по части Греко-Россійскаго исповѣданія: 1) Оберъ-Прокуроръ Св. Пр. Синода. Въ его же вѣдомствѣ Секретари Дикастерій и Консисторій; 2) Прокуроры Синодальныхъ Конторъ; 3) Правитель дѣлъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ. Департаментъ Духовныхъ Дѣлъ во внутреннемъ дѣйствіи своемъ управлялся Директоромъ. По предметамъ дѣлъ этотъ Департаментъ раздѣлялся на четыре отдѣленія, изъ коихъ первое было по дѣламъ Греко Россійскаго исповѣданія. Оно состояло изъ двухъ столовъ. Въ первомъ столѣ сосредоточены были дѣла: 1) Собираніе меморій Св. Пр. Синода. 2) Доклады по части Св. Синода и Комиссіи Духовныхъ Училищъ Государю Императору. 3) Годовые отчеты по Св. Синоду и Комиссіи Духовныхъ Училищъ. 4) Сношенія съ Министрами и другими главное начальство имѣющими лицами, по препорученіямъ Св. Синода

---

[1]) П. С. З. т. 34, № 27.106, 24 октября 1817 г.—О „сугубомъ" Министерствѣ см. *Т. В. Барсова*, Св. Синодъ въ его прошломъ. Спб. 1896, стр. 326—347.

и Комиссіи Духовныхъ Училищъ. 5) Сношенія съ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода. 6) Сношенія съ Прокурорами Синодальныхъ Конторъ. 7) По духовнымъ дѣламъ исповѣдующихъ Греко-Россійскую вѣру въ Царствѣ Польскомъ; о церквахъ и монастыряхъ ихъ тамъ состоящихъ. 8) По дѣламъ о единовѣрцахъ нашихъ въ Палестинѣ и иныхъ заграничныхъ мѣстахъ. 9) По духовнымъ Миссіямъ въ иностранныхъ Государствахъ. 10) По духовнымъ Миссіямъ внутри Государства. 11) По дѣламъ о вступленіи въ бракъ иностранныхъ съ Русскими безъ принятія подданства. 12) О распоряженіяхъ по духовной части касательно перевоза мертвыхъ тѣлъ. Во второмъ столѣ, по части исполнительной, были сосредоточены дѣла: А. По Высочайшимъ повелѣніямъ: 1) Объ опредѣленіи и увольненіи Членовъ Св. Пр. Синода. 2) О вызовѣ изъ Епархій Архіереевъ для временнаго присутствія въ Синодѣ. 3) О духовенствѣ и церквахъ придворныхъ въ обѣихъ столицахъ. Б. По представленіямъ Св. Синода, Высочайшими повелѣніями: 4) Объ опредѣленіи и увольненіи Присутствующихъ въ Синодальныхъ Конторахъ. В. По представленію Министра: 5) Объ опредѣленіи и увольненіи Оберъ-Прокурора и Оберъ-Секретарей Св. Синода и Правителя дѣлъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ. 6) Объ опредѣленіи и увольненіи Прокуроровъ въ Синодальныхъ Конторахъ. Г. По представленіямъ начальства: 7) О награжденіи Духовныхъ особъ знаками Монаршей милости. 8) О награжденіи свѣтскихъ чиновниковъ, по духовной части служащихъ. Д. Общія дѣла: 9) О происшествіяхъ въ церквахъ. 10) О происшествіяхъ особенной важности въ Епархіяхъ, до духовной части относящихся. 11) Составленіе списковъ чиновъ по духовному вѣдомству. 12) Дѣла особенной тайнѣ подлежащія. Во второй части Учрежденія содержался „Особенный наказъ Министерству“, которымъ прежде всего опредѣлялась власть и обязанности Министра. Она опредѣлялась вообще—Общимъ Учрежденіемъ Министерствъ 25 іюня 1811 г., а въ частности особыми правилами. Отдѣлъ I говорилъ объ отношеніяхъ Министра къ Синоду. Министръ Духовныхъ Дѣлъ долженъ былъ находиться къ Синоду въ такомъ же отношеніи, какъ Генералъ-Прокуроръ къ Сенату, но только въ дѣлахъ правительственныхъ, а не судебныхъ. Министру представлялись, чрезъ Оберъ-Прокурора, безъ отлагательства надлежащія меморіи по дѣламъ, въ Синодѣ заслушаннымъ. Теченіе дѣлъ по Синоду не останавливалось исполненіемъ по пропускѣ Оберъ-Прокуроромъ протоколовъ; но если Министръ по представленной ему меморіи признавалъ нужнымъ, для соображенія въ какомъ-нибудь дѣлѣ, до правительственной части относящемся, дать свое мнѣніе: тогда дѣло снова предлагалось Синоду, для совокупнаго разсмотрѣнія съ мнѣніемъ Министра. Въ случаѣ разныхъ мнѣній Членовъ Святѣйшаго Синода, послѣ предложеннаго Оберъ-Прокуроромъ соглашенія, онъ немедленно представлялъ съ заключеніемъ своимъ подлинный протоколъ Министру, который тогда поступалъ по силѣ 2 пункта Инструкціи, данной Оберъ-Прокурору Синода 15 іюня 1722 года. Министръ сносился съ Святѣйшимъ Синодомъ двоякимъ образомъ: онъ давалъ предложенія самъ, или предлагалъ чрезъ посредство Оберъ-Прокурора. Чрезъ Министра Духов-

ныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія подносились Его Императорскому Величеству доклады Святѣйшаго Синода по всѣмъ дѣламъ, не исключая и судныхъ. Министръ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія и все то, что ему предоставлялось отъ Синода. Повелѣнія Высочайшей власти объявлялись Святѣйшему Синоду чрезъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Всякаго рода сношенія по духовной части съ другими Министрами, и главное начальство въ мѣстахъ свѣтскаго вѣдомства имѣющими лицами производились чрезъ посредство Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Годовые отчеты о дѣлахъ Синода и подвѣдомственныхъ оному Присутственныхъ мѣстъ, представлялись Его Императорскому Величеству Министромъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Для сношенія Министра, съ кѣмъ слѣдуетъ, по опредѣленіямъ Синода, Оберъ-Прокуроръ представлялъ ему копіи съ опредѣленій онаго. Министръ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, въ присутствіи Членовъ Святѣйшаго Синода, имѣлъ для засѣданій своихъ особый столъ, за которымъ присутствовалъ и Оберъ-Прокуроръ. Прокуроры Синодальныхъ Конторъ состояли въ непосредственной зависимости отъ Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Въ случаѣ чрезвычайныхъ какихъ-либо происшествій, или дѣлъ особенной важности, Секретари Дикастерій и Консисторій, донося по долгу своему Оберъ-Прокурору, представляли въ то же время о семъ Министру.

Что касается обязанностей Оберъ-Прокурора, то онѣ опредѣлялись по прежнему инструкціей 13 іюня 1722 г. съ тою разницей, что теперь Оберъ-Прокуроръ подчинялся Министру, какъ Оберъ-Прокуроры Сената—Генералъ-Прокурору. Между прочимъ, оговаривалось особо, что протоколы Св. Синода приводятся въ исполненіе не прежде, какъ по просмотрѣніи ихъ на законномъ основаніи Оберъ-Прокуроромъ. Онъ наблюдалъ за дѣлопроизводствомъ, былъ начальникомъ Синодальной Канцеляріи и Секретарей Дикастерій и Консисторій.

Относительно порядка дѣлопроизводства въ Департаментахъ Министерства въ Учрежденіи говорилось, что „однѣ (бумаги) поступаютъ на основаніи общаго Учрежденія Министерствъ № 71, прямо къ Министру, который отдаетъ ихъ Директорамъ Департаментовъ по принадлежности, другія же бумаги идутъ непосредственно въ Департаменты, какъ то въ № 83 того-жъ Учрежденія именно означено. Сверхъ того, нѣкоторыя бумаги присылаются на имя Главнаго Правленія Училища, о чемъ упоминается выше № 77. Всѣ такимъ образомъ получаемыя въ Департаментѣ бумаги, какъ отъ Министра, такъ и отъ другихъ мѣстъ и лицъ, принимаются и распечатываются Директорами, которые распредѣляютъ ихъ по принадлежности въ Отдѣленія и отдѣльные столы“.

Основываясь на изложенномъ Учрежденіи, первый и послѣдній Министръ Духовныхъ Дѣлъ, кн. Голицынъ развилъ весьма энергичную дѣятельность и подчинилъ себѣ весь личный составъ духовнаго вѣдомства, такъ что даже и члены Синода были ему всецѣло послушны. Однако Мини-

стерство Духовныхъ Дѣлъ было крайностью, скоро понятой, не смотря на господствовавшій въ обществѣ мистицизмъ и деизмъ. Создалась атмосфера общаго недовольства униженіемъ Св. Синода и дѣятельностью кн. Голицына, вслѣдствіе чего 15 мая 1824 г. состоялся Высочайшій указъ объ увольненіи его отъ должности Министра Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Министромъ Народнаго Просвѣщенія былъ назначенъ Адмиралъ А. С. Шишковъ, которому поручено было и главное управленіе духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Что же касается духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія, то относительно ихъ данъ былъ тогда же указъ[1]: „дѣламъ Св. Пр. Синода *до назначенія* Министра Духовныхъ Дѣлъ, имѣть то же теченіе, въ какомъ они находились до учрежденія сего Министерства 24 октября 1817 г.". Такимъ образомъ, съ увольненіемъ кн. Голицына, Министерство еще не упразднялось, однако Синодальныя дѣла должны были имѣть прежнее теченіе. Создавшееся затрудненіе и противорѣчіе было устранено Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ 26 августа 1824 г. Сенату Министромъ Юстиціи[2]. Въ указѣ значилось, что Оберъ-Прокуроръ Св. Синода кн. Мещерскій[3]) сообщилъ Министру Юстиціи, что на основаніи Высочайшаго указа 15 мая 1824 г., принявъ въ свое завѣдываніе 1-е Отдѣленіе бывшаго Департамента Духовныхъ Дѣлъ, онъ представлялъ Государю о порядкѣ производства нѣкоторыхъ дѣлъ, вступающихъ въ отдѣленіе сіе на основаніи общаго учрежденія министерствъ и учрежденія б. Духовнаго Министерства по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, даннымъ б. Министру кн. Голицыну. Нынѣ гр. Аракчеевъ объявилъ кн. Мещерскому, что Государь повелѣлъ: 1) дѣла о тяжбахъ, оставшихся не рѣшенными, разсмотрѣть въ Комитетѣ Министровъ; 2) „что же касается до 1-го Отдѣленія б. Департамента Духовныхъ Дѣлъ, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы оное оставалось въ настоящемъ его положеніи подъ именемъ Отдѣленія Духовныхъ Дѣлъ Греко-Россійскаго исповѣданія при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода". *Такимъ образомъ Оберъ-Прокуроръ вступилъ въ права Министра Духовныхъ Дѣлъ*, что нисколько не улучшило ни юридическаго, ни фактическаго положенія Св. Синода.

Окончательное сформированіе Вѣдомства Православнаго Исповѣданія. 17 іюня 1824 г. состоялось повелѣніе, чтобы всѣ Синодальныя бумаги направлялись къ Государю черезъ Оберъ-Прокурора. Этотъ порядокъ сохраненъ былъ и при Императорѣ Николаѣ I, такъ что личныя сношенія съ Государемъ синодальныхъ членовъ были очень рѣдки. Вообще же суровость царствованія Николая I не могла дать повода къ освобожденію Синода отъ начальственнаго контроля Оберъ-Прокурора. Послѣдній сказался особенно рѣзко при С. Д. Нечаевѣ (2 апрѣля 1833—25 іюня 1836 г.) и не только относительно дѣлопроизводства и суммъ духовнаго вѣдомства, но даже относительно личной благонадежности архіереевъ, за которой должны были тайно слѣ-

[1]) П. С. З. т. 39, № 29914, 15 мая 1824 г. [2]) П. С. З. т. 39, № 30037.

[3]) Кн. П. С. Мещерскій, Оберъ-Прокуроромъ съ 24 ноября 1817 г. до 2 апрѣля 1833 года.

дить жандармы. Такого контроля не избѣгъ даже Московскій Митрополитъ Филаретъ. Нечаевъ не стѣснялся измѣнять по своему опредѣленія Св. Синода, усваивалъ себѣ исключительное завѣдываніе греко-уніатскими и раскольничьими дѣлами, а также право представленія архіереевъ къ назначенію помимо Синода. Дѣятельность его вызвала большое недовольство, смѣнившееся живою радостью, когда былъ назначенъ на его мѣсто гр. Н. А. Пратасовъ (24 іюня 1836—16 января 1855 года). Однако радость была непродолжительна, ибо именно Пратасовъ окончательно упрочилъ положеніе Оберъ-Прокурора въ качествѣ Министра. При немъ 1 августа 1836 г. была учреждена особая Канцелярія Оберъ-Прокурора. 14 ноября 1836 г. изъ высшихъ чиновниковъ синодальнаго вѣдомства образованъ былъ Хозяйственный Комитетъ. 31 октября 1836 г. была учреждена должность второго чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ спеціально для того, чтобы Синодальной Канцеляріей завѣдывало лицо, непосредственно подчиненное и близкое къ Оберъ-Прокурору. 1 марта 1839 г. вмѣсто Комиссіи Духовныхъ Училищъ учреждено Духовно-Учебное Управленіе. Тогда же учреждено было Хозяйственное Управленіе, соединены въ одно учрежденіе Отдѣленіе Духовныхъ Дѣлъ православнаго и греко-уніатскаго исповѣданій съ Канцеляріей Синодальнаго Оберъ-Прокурора, проведены новые штаты чиновниковъ этихъ учрежденій въ соотвѣтствіи со штатами министерствъ. 16 декабря 1839 г. учреждена особая должность Управляющаго Синодальной Канцеляріей. Всѣ эти мѣропріятія имѣли тотъ общій характеръ, что онѣ создавали цѣлую сѣть широко организованныхъ учрежденій для завѣдыванія особыми отраслями дѣлъ, ранѣе подвѣдомственныхъ Св. Синоду, который теперь стѣсненъ былъ въ своихъ опредѣленіяхъ по такимъ дѣламъ „заключеніями“ этихъ учрежденій, въ свою очередь находившихся и находящихся до-нынѣ, въ полномъ подчиненіи Оберъ-Прокурору. Только Оберъ-Прокуроръ держалъ и держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити дѣлопроизводства во всѣхъ учрежденіяхъ духовнаго вѣдомства, тогда какъ Св. Синодъ оказался въ полной зависимости отъ громаднаго количества свѣтскихъ чиновниковъ и ихъ доклада, не имѣя права самостоятельнаго знакомства съ дѣлами и вліянія на дѣлопроизводство. *Въ результатѣ Синодальный Оберъ-Прокуроръ сталъ Министромъ*, получилъ Товарища съ правами и положеніемъ Товарища Министра и вошелъ въ составъ объединеннаго Министерства, въ качествѣ члена котораго онъ присутствуетъ въ Совѣтѣ Министровъ, гдѣ и принимаетъ участіе по всѣмъ государственнымъ дѣламъ. Разумѣется при такомъ положеніи вещей власть Св. Синода оказалась умаленной до возможной степени[1]).

---

[1]) Установленная 1 марта 1916 г. форма совмѣстнаго доклада Государю важнѣйшихъ синодальныхъ дѣлъ первоприсутствующимъ членомъ Св. Синода *въ присутствіи* Оберъ-Прокурора нисколько не мѣняетъ существа дѣла, создавая *лишь иллюзію* нѣкотораго освобожденія Синода, потому что *все остальное*, и при томъ *гораздо болѣе важное*, остается въ своемъ прежнемъ положеніи.

Глава XIII.

Прикрѣпленіе духовенства къ государственной службѣ и приспособленіе церковнаго ученія и жизни къ требованіямъ государственныхъ задачъ.

§ 1. Прикрѣпленіе духовенства къ государственной службѣ.

Самостоятельное положеніе древняго духовенства. Извѣстно, что древняя Россія не знала сословій, т. е. такихъ отдѣльныхъ группъ подданныхъ, которыя различаются между собою наслѣдственно принадлежащими имъ правами и обязанностями, установленными или только лишь санкціонированными государственной властью. Признаки сословныхъ различій стали появляться у насъ только къ концу Московскаго періода, а окончательное образованіе сословій падаетъ на царствованіе Екатерины II. Наша древность знаетъ различія по классамъ, въ зависимости отъ того или иного рода занятій. И только тогда, когда Московское государство стало нуждаться въ личныхъ и матеріальныхъ силахъ для достиженія своихъ цѣлей, отдѣльные классы подвергались постепенному закрѣпощенію и своего рода изолировкѣ. Чтобы свергнуть татарское иго и получить внѣшнюю политическую независимость, чтобы добиться естественныхъ границъ Россіи и выдержать натискъ болѣе сильныхъ сосѣдей—Польши, Швеціи и Турціи, чтобы получить доступъ къ морямъ, нужнымъ для русской торговли, чтобы объединить раздробленную удѣлами Русь и т. д.—московское правительство нуждалось въ безсмѣнной личной службѣ бояръ и дворянства, т. е. вообще *служилаго* класса, а также въ исправномъ отбываніи плательщиками податей и повинностей, т. е. въ несеніи *тяглой* службы крестьянами и посадскими людьми. Потребность личной службы при дворѣ, въ гражданскомъ судѣ и управленіи, а также въ войскѣ была столь сильна въ московское время, что служилые люди всѣхъ степеней и ранговъ, начиная съ удѣльныхъ княжатъ и кончая городовыми дворянами, были постепенно прикрѣплены къ своей службѣ не менѣе того, какъ прикрѣплены были къ землѣ или къ посаду крестьяне и торгово-промышленные люди[1]).

Въ общей массѣ этихъ крѣпостныхъ совершенно особое мѣсто занимало духовенство. Появившись на Руси еще на зарѣ ея исторіи вмѣстѣ съ принятіемъ ею христіанства, духовенство сразу же заняло привилегированное положеніе, какъ носитель высшей, христіанской цивилизаціи и культуры. Задача Церкви и ея служителей заключалась въ томъ, чтобы внести въ русскую жизнь христіанскія начала и приготовить русскихъ людей къ вѣчному

---

[1]) *А. Д. Градовскій*, Начала русскаго государственнаго права. Т. I. Спб., 1875. стр. 210–217.

спасенію. Для этой цѣли пастырство должно было пользоваться свободнымъ обезпеченнымъ положеніемъ, необходимы были храмы и управленіе. И въ самомъ дѣлѣ Церковь получила высокое признаніе своего дѣла, получила десятины и земли, а также и свою юрисдикцію въ такихъ дѣлахъ, которыя были новыми въ языческомъ обществѣ. Съ теченіемъ времени матеріальная обезпеченность духовенства и объемъ церковнаго суда постепенно возрастали, возрастало и вліяніе на государственную общественную жизнь, въ силу котораго духовенство стало пользоваться въ очень широкихъ размѣрахъ иммунитетомъ въ отношеніи государственныхъ повинностей и суда. Количество несудимыхъ, обѣльныхъ и, наконецъ, тарханныхъ граматъ въ XVI в. начало уже угрожать благосостоянію государства, служилыхъ и тяглыхъ людей и вызвало попытки секуляризаціи, осуществившіяся, правда, лишь въ 1764 г. Весь этотъ процессъ въ своей сложности доказываетъ, что древне-русское духовенство не несло *тяглой* службы государству. Но оно не несло также и *личной* службы государству, ибо Церковь въ древней Руси была самобытнымъ учрежденіемъ, юридически независимымъ отъ государственной власти институтомъ, и то религіозное служеніе, которое было призваніемъ духовенства, имѣло свою самодовлѣющую цѣль внѣ отношенія его къ полезности для государства. Когда же въ позднѣйшее московское время, въ эпоху господства идеологіи „третьяго Рима", государственная власть усвоила себѣ цѣли Церкви, то могла быть рѣчь не столько о служеніи духовенства государству, сколько государства Церкви. Тогда именно и установилось двоевластіе царя и патріарха, о которомъ было сказано выше[1]). И тотъ, и другой, оставаясь принципіально независимыми, создали каждый свои параллельныя вѣдомства, такъ что у патріарха, а за нимъ и архіереевъ, въ XIV—XVII вв. появились такіе же служилые и тяглые люди (бояре и дворяне, крестьяне населенныхъ вотчинъ и цѣлые посады), создалась система такихъ же приказовъ, какъ и у царя[2]). Въ такихъ условіяхъ духовенство поистинѣ служило Церкви и только Церкви, какъ въ идеѣ, такъ и юридически и фактически. Весь „освященный соборъ", архіереи и „власти", а равно и простое приходское духовенство, въ отношеніи къ государству и народу были, въ сущности, „государевы богомольцы", „учительное сословіе", совершенно особый общественный классъ, который можно было бы, пожалуй, назвать служилымъ классомъ по отношенію къ идеѣ и цѣлямъ Церкви, но никакъ не государства.

Обращеніе духовенства въ особаго рода служилый классъ. Постепенный процессъ перехода Россіи отъ примитивныхъ формъ и средневѣковыхъ понятій государства къ формамъ и идеямъ новаго времени, и тѣсно связанная съ этимъ секуляризація государственныхъ цѣлей, какъ мы видѣли выше[3]), съ прямой неизбѣжностью вызвалъ утрату Русской Церковью своей юридической независимости и подчиненіе ея свѣтской государственной власти.

---

[1]) См. выше „Введеніе въ отдѣлъ III" и гл. XI.

[2]) См. *проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*, Свѣтскіе архіерейскіе чиновники, М. 1874.

[3]) См. стр. 83—95.

Вмѣстѣ съ этимъ само собою должно было измѣниться и государственное положеніе духовенства въ Россіи, какъ особаго класса. Переживъ свое средневѣковье, Россія съ жадностью стала впитывать въ себя со средины XVII в. западныя политическія идеи, которыми государству ставилось цѣлью достиженіе „общаго блага“ въ широкомъ смыслѣ, а вовсе не одно спасеніе души своихъ подданныхъ, и эта цѣль—bonum commune, считалась всеобщей и универсальной, т. е. ей служить должна была и Церковь. Съ другой стороны государственной власти стало приписываться верховенство, на основаніи котораго верховной государственной власти должно было подчиняться все, что находилось въ предѣлахъ данной государственной территоріи, въ томъ числѣ и Церковь. При этомъ, само собою разумѣется, ни о какомъ двоевластіи, ни о какой двойственности вѣдомствъ съ особыми группами служилыхъ и тяглыхъ людей, конечно, не могло быть и рѣчи. Цѣли Церкви сами по себѣ не отрицались, но могли достигаться лишь постольку, поскольку не противорѣчили цѣлямъ государства, т. е. „общему благу“, какъ его понимала философія XVIII в., вѣка натурализма и религіознаго скептицизма. Вмѣстѣ съ тѣмъ и духовенство, съ его пастырскимъ призваніемъ, становилось служебной силой государства, ибо оно, воспитывая въ христіанской вѣрѣ и нравственности народъ, тѣмъ самымъ осуществляло государственную цѣль „общаго блага“. Если же, такимъ образомъ, наступало единство власти и единство населенія, которое становилось къ ней въ одинаковыя отношенія, то духовенство не могло уже оставаться особымъ классомъ въ обществѣ и попадало въ рядъ государственныхъ сословій, обязанныхъ государству службою.

Секуляризація церковныхъ имуществъ. Такъ оно дѣйствительно и случилось. Первые шаги Петра Великаго по отношенію къ духовенству выразились въ томъ, что онъ воспользовался кончиной патріарха Адріана и не назначилъ ему преемника. Такъ фактически устранено было двоевластіе царя и патріарха. Послѣдовавшее затѣмъ возстановленіе Монастырскаго Приказа имѣло цѣлью лишить высшее и черное духовенство его матеріальныхъ и судебныхъ привилегій и подчиненіе его въ этомъ отношеніи государству. Вмѣстѣ съ тѣмъ избытокъ матеріальныхъ средствъ обращался въ казну на государственныя нужды, а сами монастыри призывались служить государству въ качествѣ домовъ призрѣнія для отставныхъ военныхъ чиновъ, для незаконнорожденныхъ дѣтей и подкидышей, для умалишенныхъ и проч., а также въ качествѣ тюремъ. Уже въ началѣ XVIII в. стало очевиднымъ, что духовенство уже не сможетъ настоять на своемъ правѣ *собственности* на населенныя недвижимыя имѣнія, а потому оно довольствовалось уже однимъ завѣдываніемъ, т. е. эксплоатаціей ихъ, хотя отчасти, въ свою пользу. Мысль эту ясно выразила Духовная Коллегія въ первомъ своемъ засѣданіи 14 февраля 1721 г., а затѣмъ подтвердила та борьба за церковныя имѣнія, которая длилась въ теченіе всего почти XVIII в. и закончилась въ пользу государства полной секуляризаціей церковныхъ имуществъ въ 1764 году[1]).

---

[1]) См. *мое* сочиненіе: „Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Спб., 1909.

Обращеніе на службу государства личныхъ силъ. Обративъ въ свою пользу населенныя недвижимыя имущества церковныхъ учрежденій, съ сидѣвшими на нихъ тяглецами, государство должно было точно также использовать для себя и личную силу, т. е. духовенство высшее, приходское и черное.

Высшее духовенство. Количество *высшаго духовенства*, т. е. количество епархій, ихъ пространство, раздѣленіе ихъ на степени, а также личные титулы архіереевъ въ древней Руси сложились постепенно и вылились въ опредѣленную традицію. Если въ 1667 и 1682 гг. и возникали мысли о коренной реформѣ въ этомъ отношеніи, то въ дѣйствительности все ограничивалось лишь небольшимъ увеличеніемъ числа епархій, а самые проекты обсуждались на соборахъ. Съ начала XVIII в. въ это дѣло вступилась самостоятельно свѣтская власть и рѣшила его по своему въ видахъ государственной пользы. В. Н. Татищевъ и Голиковъ сообщаютъ, что Петръ намѣревался отмѣнить санъ митрополита, какъ лишній, потому что различіе между митрополитомъ, архіепископомъ и епископомъ видѣлъ не во власти, а лишь въ чести. Вмѣстѣ съ тѣмъ, „Его Величество ни къ чему болѣе, какъ къ просвѣщенію народа науками и ко исправленію суевѣрствъ прилежалъ“, а потому, видя, что „Синоду за далеко отстоящими архіереями назирать невозможно, намѣрился учинить 5 архіепископовъ, яко то Великороссійскаго, Бѣлороссійскаго, Малороссійскаго, Болгарскаго и Сибирскаго, и подъ смотрѣніемъ ихъ 38 епископовъ, для помощи же въ правленіи, а собственно къ содержанію училищъ и богадѣленъ—48 архимандритовъ“. Но за смертью Петра проектъ этотъ не осуществился[1]. Иными словами Петръ желалъ ввести въ церковное управленіе децентрализацію, какъ онъ вводилъ ее своими губернскими реформами. Если сдѣлать этого ему не удалось, то онъ, во всякомъ случаѣ прекратилъ раздачу митрополичьяго титула, бѣлый клобукъ ихъ замѣнилъ чернымъ и саккосъ, бывшій отличіемъ митрополитовъ предоставилъ носить всѣмъ епископамъ[2], повелѣвъ вновь ставить епископовъ съ тѣмъ, что пожалованіе сана архіепископа и митрополита становилось однимъ изъ способовъ награжденія свѣтскою властью служилыхъ людей изъ духовенства, а лишеніе этихъ титуловъ—знакомъ монаршей немилости[3]. Такое же значеніе награды, монаршей милости, получило и перемѣщеніе архіереевъ со одной епархіи на другую, болѣе почетную и доходную. Одно время, начиная съ Екатерины II (1764—1867 гг.), существовало

[1]) *Голиковъ*, Дѣянія, IX, 179—180.

[2]) Съ этого времени ношеніе архіереями фелони, установленное и освященное древностью, стало почти актиканоничнымъ дѣломъ и во всякомъ случаѣ требовало на каждый случай разрѣшенія Св. Синода.

[3]) Такія случаи многократно были. Петръ, напр., лишилъ митрополичьяго титула Сильвестра Нижегородскаго. Подвергшись опалѣ, онъ былъ переведенъ изъ Нижняго Новгорода въ Смоленскъ митрополитомъ (1719), оттуда въ Тверь въ томъ же санѣ, но съ повелѣніемъ носить вмѣсто бѣлаго черный клобукъ, наконецъ, чрезъ два года перемѣщенъ въ санѣ простого епископа на Рязанскую, бывшую митрополичью, каѳедру (1723). См. *А. П. Доброклонскій*, Руководство по исторіи р. Церкви, в. IV, М. 1893, стр. 105—107.

даже законное дѣленіе епархій по штатамъ на три класса[1]), при чемъ въ первомъ числились митрополіи, во второмъ архіепископіи, въ третьемъ простые епископіи.

Такъ какъ при новомъ политическомъ строѣ духовенство, какъ своего рода служилый, классъ поступало въ полное вѣдѣніе государственной власти, то естественно, что она присвоила себѣ исключительное право назначенія на должности, особенно архіереевъ. Конечно, и въ прежнее время царь участвовалъ въ избраніи не только патріарховъ, но и простыхъ епископовъ, потому что съ одной стороны они допускались близко къ трону, какъ ближайшіе совѣтники и богомольцы царя, который могъ желать имѣть вокругъ себя только симпатичныхъ себѣ людей; съ другой же стороны потому, что архіереи пользовались обширными административными и судебными полномочіями въ церковныхъ имуществахъ. Но тогда право избранія и назначенія епископовъ *юридически* принадлежало все таки патріарху, съ которымъ и приходилось въ данномъ случаѣ считаться. Теперь же, когда Духовная Коллегія или преемникъ ея—Св. Синодъ былъ зависимымъ *государственнымъ* учрежденіемъ, роль его стала состоять лишь въ рекомендаціи государю достойныхъ, по его мнѣнію, кандидатовъ, нисколько не обязывавшей монарха ей непремѣнно слѣдовать[2]), потому что у него могли быть и дѣйствительно были совершенно иные критеріи и взгяды для оцѣнки достоинства кандидатовъ. Такъ, напр., послѣ извѣстнаго дѣла царевича Алексѣя Петровича, Петръ приказалъ Стефану Яворскому при замѣщеній вакантныхъ каѳедръ обратить вниманіе на то, чтобы „не ставить такихъ, какъ Тамбовскій (Игнатій) и Ростовскій (Досиѳей) были"[3]). Но, чтобы провести къ власти только угодныхъ правительству лицъ, еще ранѣе приняты были свои мѣры. Такъ 29 Ноября 1715 г. „Великій государь указалъ: ежели во всѣхъ губерніяхъ въ главные монастыри доведутся куда посвятить архимандритовъ, и тѣ посвящены будутъ изъ Троицкаго Александрова монастыря Невскаго, понеже въ губерніяхъ о монахахъ Его Ц. Величеству неизвѣстно"[4]). А затѣмъ было велѣно по два архимандрита вызывать на чреду священнослуженія въ Петербургѣ, чтобы государь могъ съ ними ознакомиться[5]), между тѣмъ какъ Духовный Регламентъ рекомендовалъ обратить даже самую Духовную Коллегію въ seminarium архіереевъ[6]).

---

1) См. тамъ же.

2) Согласно резолюціи Петра 14 февраля 1721 г. Св. Синодъ долженъ былъ представлять двухъ кандидатовъ на Высочайшее усмотрѣніе, а по указу 21 января 1822 г.— трехъ кандидатовъ. *Доброклонскій*, Руководство в IV, М. 1893, стр. 107.

3) П. С. З. V, 1818—*А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 107.

4) П. С. З. V, 2959.

5) П. С. П. IV. № 1452, 1176.—*А. П. Доброклонскій*, 107.

6) См. у насъ т. II, стр. 33 п. 9. Съ Петра Великаго вошло въ обычай, который очень строго соблюдается теперь, посвящать въ архіереи только тѣхъ лицъ, которыя пріобрѣли особый служебный цензъ на низшихъ, обычно духовно-учебныхъ, должностяхъ, согласно своего рода „табели о рангахъ". Въ древности, напротивъ, избирали изъ всего

Въ эпоху Петра Великаго, когда на Руси почти не было никакихъ школъ для духовенства, чтобы побѣдить невѣжество его и народа, пришлось обращаться туда, гдѣ была нужная школа, т. е. въ Кіевъ. Этимъ объясняется, что архіереями во всю первую половину XVIII в. въ Россіи были почти исключительно малороссы. Но послѣдніе, вмѣстѣ со своимъ образованіемъ, приносили и нѣкоторыя черты церковно-политическаго міровоззрѣнія католической Церкви, духомъ которой было проникнуто образованіе и воспитаніе Кіево-Могилянской Академіи. Поэтому съ теченіемъ времени архіереи малоросы начали тяготить правительство, которое на примѣрахъ Амвросія Юшкевича и Арсенія Мацѣевича могло видѣть съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло. Тогда возникла совершенно противоположная тенденція посвящать предпочтительно великороссовъ, какъ болѣе покорныхъ власти и чуждыхъ „папежскаго духа", и въ 1754 г. былъ изданъ Елизаветою указъ, чтобы Синодъ представлялъ въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссовъ, но и великороссовъ[1]). Особенно настроена была противъ клерикализма малороссовъ Екатерина II, которая, между прочимъ, предписала въ 1764 г. Кіевскому генералъ губернатору надзирать за малороссійскимъ духовенствомъ, не проявляетъ ли оно „склонности къ началамъ ненасытнаго папскаго властолюбія"[2]). Но въ „вѣкъ просвѣщенія" было слишкомъ мало слѣдить за національностью архіереевъ. Выборъ долженъ былъ быть болѣе тщательнымъ, чтобы духовенство дѣйствительно стояло на высотѣ задачъ, поставленныхъ ему идеями вѣка. Такъ, напр., Екатерина II въ слѣдующихъ словахъ объясняетъ Вольтеру причину своего благоволенія къ архіепископу Новгородскому Димитрію Сѣченову: онъ „ни фанатикъ, ни гонитель, противникъ мнѣнія о двухъ властяхъ"[3]). Въ силу тѣхъ же свойствъ—угодливости и покорности, власти выдвинулись при Екатеринѣ Гедеонъ Криновскій, Гавріилъ Петровъ, Платонъ Левшинъ и др., и, наконецъ, весь Св. Синодъ оказался не только послушнымъ орудіемъ власти въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича, но первымъ его гонителемъ, между тѣмъ какъ низшее духовенство, народъ и общество были за него. Правда, нѣкоторые архіереи сознавали ложность своего положенія и нѣсколько поздно сожалѣли о своемъ содѣйствіи свѣтской власти въ достиженіи ея цѣлей, совершенно отличныхъ отъ цѣлей Церкви. Но это раскаяніе, конечно, не могло измѣ-

духовенства и паствы самаго достойнаго въ данный моментъ. По особой „табели", совершается теперь и переводъ архіереевъ съ епархіи на епархію.

[1]) П. С. З. т. XIV № 10216, 30 апрѣля 1754.

[2]) *А. П. Доброклонскій*, стр. 107—108.

[3]) *Ив. Знаменскій*, Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I Москва 1880, стр. 41. Ссылаясь на проф. П. В. Знаменскаго, авторъ говоритъ, что „придворная среда сильно повліяла на Димитрія и сообщила ему свои типическія свойства: уклончивость, уступчивость предъ сильными міра, стремленіе во всемъ принаравливаться ко вкусу императрицы, дорожить фаворомъ. Эти то свойства и снискали Димитрію расположеніе императрицы, которымъ онъ пользовался до самой своей смерти: онъ былъ предсѣдателемъ коммиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, представителемъ отъ Св. Синода въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, главнымъ судьею надъ Арсеніемъ Мацѣевичемъ".

нить положенія вещей, которое глубоко коренилось въ церковной реформѣ Петра[1]).

Впослѣдствіи сохранился тотъ же порядокъ вещей. Разница была только въ томъ, что активная роль въ дѣлѣ руководства іерархіей въ пользу государства перешло съ самихъ монарховъ на Синодальныхъ Оберъ-Прокуроровъ, которые изъ „ока государева“ постепенно превратились въ министровъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія.

Усердіе высшаго духовенства къ свѣтской власти и его служба именно государству должны были соотвѣтственно вознаграждаться мірскими знаками отличія и матеріальными благами, чего никогда не знала и въ чемъ нисколько не нуждалась благочестивая древность. Пожалованіе знаковъ отличія различныхъ орденовъ, которымъ тогда придавалось еще нѣкоторое значеніе орденовъ-корпорацій, возникшихъ въ связи съ крестовыми походами, или подобныхъ имъ, началось съ Императора Павла I, который думалъ такимъ образомъ „расплатиться“ съ духовенствомъ за то, „чѣмъ онъ ему обязанъ предъ собою и предъ свѣтомъ“, какъ онъ выразился митрополиту Платону Левшину[2]). Тотчасъ послѣ восшествія своего на престолъ, 9 ноября 1796 г., Павелъ пожаловалъ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому Гавріилу орденъ Св. Ап. Андрея Первозваннаго, 2 мая 1797 г. прибавивъ ему и „алмазные знаки сего ордена“. 17 іюля того же года ему было пожаловано и „командорство, присвоенное кавалеру Россійскаго ордена Св. Ап. Андрея подъ № 1“, т. е. 13 селеній въ Лужскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи[3]). Послѣ этого стали получать ордена и другія духовныя лица и, наконецъ, это было возведено въ законъ. Въ 19-мъ пунктѣ своего „установленія о россійскихъ императорскихъ орденахъ“, обнародованнаго 5 апрѣля 1797 г., Павелъ опредѣлилъ даже самую церемонію возложенія на духовныхъ лицъ знаковъ какого либо ордена: „духовныя лица получаютъ отъ насъ тѣ знаки безъ прикосновенія шпаги“[4]); иными словами, духовныя лица въ идеѣ уподоблялись такимъ же рыцарямъ, кавалерамъ (chevaliers), какіе были на Западѣ въ средніе вѣка, но которыхъ никогда не зналъ православный Востокъ, только *способъ посвященія* въ рыцари вводился иной. Понятно поэтому, что высшее духовенство въ лицѣ Платона Левшина, воспитателя и друга Павла I, было сперва глубоко недовольно такимъ неслыханнымъ нововведеніемъ, шокировано его свѣтскою неправославною формою[5]) и кромѣ того, конечно, не могло не видѣть

[1]) *Ив. Знаменскій*, назв. соч стр. 41—60. [2]) *Ив. Знаменскій*, стр 155.

[3]) *Ив. Знаменскій*, стр. 61. 152.

[4]) П. С. З. XXIV. № 17908, п. 19—*Ив. Знаменскій*, стр. 152.

[5]) Въ своей перепискѣ съ архіепископомъ Тверскимъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, Платонъ такъ оканчиваетъ письмо отъ 7 декабря 1797 г.: „есмь преданнѣйшій вамъ, не кавалеръ впрочемъ, а недостойный епископъ христіанскій Платонъ“. „Очевидно,—замѣчаетъ совершенно правильно Ив. Знаменскій,—что слову „кавалеръ“ Платонъ противопоставляетъ выраженіе: „епископъ христіанскій“, слѣдовательно въ награжденіи духовныхъ лицъ орденами онъ видѣлъ нѣчто антихристіанское, совершенно несовмѣстное съ съ саномъ епископа христіанскаго“ (стр. 153—154).

въ этомъ новомъ шагѣ государственной власти выраженія своего служебнаго положенія, прежде всего, по отношенію именно къ этой власти, а не къ Церкви. Въ самомъ дѣлѣ ордена должны были быть наградой за прошедшую службу и поощреніемъ къ дальнѣйшей на пользу Церкви и отечества. Но такъ какъ Церковь въ Россіи уже утратила свою самобытность, юридическую независимость, а стала лишь однимъ изъ вѣдомствъ, Вѣдомствомъ Православнаго Исповѣданія, то выраженіе „на пользу Церкви" пріобрѣло уже совсѣмъ новый, особый смыслъ, т. е. на пользу государства *по* Вѣдомству Православнаго Исповѣданія.

Если въ принципѣ пожалованіе орденовъ не могло нисколько противорѣчить положенію духовенства, какъ особаго служилаго класса въ государствѣ, то въ той же мѣрѣ вполнѣ естественнымъ было пожалованіе государственною властью бѣлому духовенству знаковъ отличія чисто религіознаго характера. Въ именномъ указѣ 18 декабря 1794 г. было объявлено: „опредѣляемъ въ пользу бѣлаго священства: во-первыхъ полученіе креста для ношенія на цѣпи на шеѣ; во-вторыхъ, употребленіе фіолетовой бархатной камилавки, или скуфьи, и наконецъ, третіе, для знатнѣйшихъ изъ нихъ митры, каковую употребляютъ архимандриты, съ тѣмъ однакожъ, что сіи отличныя почести не инако, какъ по волѣ, или утвержденію *нашему* даваемы или дозволяемы будутъ"[1]. Такимъ образомъ свѣтская власть взяла на себя опредѣленіе и раздачу духовныхъ наградъ съ нарушеніемъ освященнаго традиціей „чина", по которому, напр., митры были исключительнымъ знакомъ отличія архіереевъ[2]; какъ и употребленіе дикирія и трикирія, которое неоднократно жаловали государи архимандритамъ знатнѣйшихъ монастырей, и кромѣ того, Св. Крестъ, символъ нашего спасенія, былъ обращенъ въ простой знакъ отличія, степень почетности котораго стала зависѣть отъ его формы, металлической цѣнности и внѣшнихъ на немъ украшеній. Вообще въ этомъ отношеніи всякія границы были настолько утрачены, что при Павлѣ I архіепископу псковскому Иринею были пожалованы однажды генералъ-адъютантскіе аксельбанты „для ношенія на рясѣ"[3], а въ наше время архіереи получаютъ ордена съ *мечами*. Съ принятой точки зрѣнія не будетъ ничего нелогичнаго въ пожалованіи духовнымъ лицамъ золотого оружія, съ надписью „за храбрость", ибо критерій оцѣнки ихъ государственныхъ заслугъ ничѣмъ по существу не разнится отъ оцѣнки заслугъ другихъ служилыхъ классовъ русскаго народа.

Служилый характеръ бѣлаго духовенства. Въ московскую эпоху, когда Церковь была свободна, количество священнослужителей ничѣмъ не было

[1] П. С. З. XXIV, № 18273.—*Ив. Знаменскій*, 156.

[2] Платонъ писалъ Амвросію 6 сентября 1798 г.: „о, если бы при помощи Божіей вы сдѣлали то, чтобы ни одному протопопу не давали носить митру. Эта новость, если будетъ введена въ церковную іерархію, будетъ соблазномъ для однихъ, въ другихъ возбудитъ честолюбіе и много другого, что ниспровергнетъ благоучрежденный порядокъ". *Ив. Знаменскій*, стр. 154.

[3] См. выше, стр. LXXXI.

ограничено, вслѣдствіе чего появилось множество т. наз. крестцовыхъ, т. е. безприходныхъ, стоявшихъ на перекресткахъ улицъ и ждавшихъ найма священниковъ, а также большое количество ихъ дѣтей, относившихся къ тому же классу духовенства, т. к. въ нихъ видѣли будущихъ священно- и церковно-служителей. Отъ этого явленія довольно сильно страдала церковная жизнь, такъ какъ въ нее вносился безпорядокъ и безчиніе, поэтому какъ церковная, такъ и свѣтская власть принимали мѣры противъ него[1]). Но эти мѣры носили характеръ упорядоченія внутреннихъ дѣлъ Церкви. Совершенно не тотъ характеръ носили разборы духовнаго класса въ XVIII и XIX ст.

Когда духовенство изъ служилаго класса *Церкви* превратилось въ служилый классъ *государства*, послѣднее получило полное основаніе къ тому, чтобы опредѣлить нужный ему контингентъ этого рода служилыхъ людей, т. е. ввести духовные *штаты*, подобно тому какъ было установлено штатное количество нужныхъ государству военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Первое распоряженіе этого рода было сдѣлано въ 1711 г.[2]). Затѣмъ по добавочнымъ пунктамъ къ архіерейской присягѣ 1716 г. епископы обязывались лишнихъ церквей не строить и не посвящать лишнихъ священно- и церковно-служителей[3]). Въ 1718 г. велѣно было упразднить всѣ домовыя церкви, за исключеніемъ церквей членовъ царской фамиліи и престарѣлыхъ знатныхъ особъ, а вмѣстѣ съ этимъ запрещено было имѣть домовыхъ и крестцовыхъ поповъ[4]). Въ дальнѣйшемъ Духовный Регламентъ объединилъ и точнѣе формулировалъ всѣ эти требованія[5]), а въ 1722 г. были изданы первые *штаты для приходскихъ церквей и причтовъ*. Въ 1768 г. они были дополнены штатнымъ положеніемъ о дьяконахъ, въ 1778 г. были изданы новые штаты, которые замѣнены и исправлены были впослѣдствіи въ 1842, 1869, 1871, 1881 и 1885 гг.[6]) Параллельно съ этимъ издавались и другія распоряженія, уменьшавшія количество штатныхъ мѣстъ для духовенства, а излишнее количество священно- и церковно-служителей и ихъ дѣтей привлекалось на службу государству путемъ т. наз. разборовъ духовенства, которые были произведены нѣсколько разъ, начиная съ 1700 до 1831 г., послѣ чего разными способами стали облегчать выходъ изъ „духовнаго званія", пока, наконецъ, въ 1869—1871 г.г. не была юридически совсѣмъ отмѣнена прежняя замкнутость духовенства[7]). Съ помощью этихъ мѣръ излишніе члены духовнаго класса, ранѣе составлявшіе разрядъ государевыхъ вольныхъ, гулящихъ людей[8]), принудительно записывались въ военную службу, забирались въ духовныя и ци-

1) См. выше стр. 466 и 475. 2) П. С. З. т. IV, 2352. См. выше стр. 475 прим. 2.

3) См. т. II, отд. II, № 5. 4) П. С. З. т. V, 3171. См. выше стр. 466.

5) Д. Р. ч. II, Мірскія особы, п. 8. 9.

6) *А. П. Доброклонскій*, Руководство по И. Р. Ц. в. IV, м. 1893, стр. 147—160.— *П. В. Знаменскій*, Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Казань 1873, стр. 176—354.

7) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же.

8) *А. Д. Градовскій*, Начала р. г. права, т. I, Спб. 1875, стр. 225.

фирныя школы, привлекались въ университеты и медицинскія школы, въ народные учителя, на гражданскую службу въ канцеляріяхъ, а также записывались просто въ податное сословіе и вступали въ ремесленные цехи, въ купечество и т. д.[1]).

Въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе стремленіе государства точнѣе опредѣлить сословное положеніе духовенства[2]). Такъ какъ сословія въ Россіи образовались путемъ закрѣпощенія населенія къ опредѣленной службѣ или тяглу въ пользу государства[3]), то и духовенство должно было, въ сущности, войти въ разрядъ служилаго класса, т. е. дворянскаго сословія. Однако духовное служеніе настолько выдѣляется изъ другихъ родовъ дѣятельности человѣка своимъ сакральнымъ, священнымъ характеромъ что сознательно уподобить его всякому другому государственному служенію было трудно, а потому послѣ ряда попытокъ приладить духовенство то къ податному, то къ дворянскому сословію, кончили тѣмъ, что признали его особымъ духовнымъ сословіемъ. Между тѣмъ, въ этомъ заключалось грубое противорѣчіе юридической логикѣ, ибо характернымъ признакомъ сословности является *наслѣдственность* сообщаемыхъ ею правъ и обязанностей[4]), тогда какъ священникомъ никто не родится. Даже относительно дѣтей священно-и церковно-служителей постоянные разборы духовенства показали, что съ наслѣдственностью ихъ правъ государство не желаетъ считаться. Когда же въ 1869—1871 гг. замкнутость духовнаго званія была окончательно отмѣнена, то духовное *сословіе* совершенно перестало быть наслѣдственнымъ, т. е. принципіально перестало быть сословіемъ, какимъ, въ сущности, оно никогда не могло и быть.

Мы видѣли выше, что возстановленіемъ въ 1701 г. Монастырскаго Приказа[5]), Петръ рѣзко поколебалъ привилегированное положеніе всего духовенства. Послѣдовавшія затѣмъ новыя мѣры преобразователя не были въ его пользу. Правда, при введеніи подушной подати въ 1719 г.[6]) духовныя лица, состоявшія на дѣйствительной службѣ, вмѣстѣ со своими дѣтьми, оффиціально признавались свободными отъ подушнаго оклада, но всѣ прочіе церковники съ дѣтьми причислялись къ податному состоянію и, если впослѣдствіи занимали священнослужительскія мѣста, то все-таки не выписывались изъ него[7]). При томъ же и первые вовсе не освобождались отъ разныхъ сборовъ въ государственную казну и отъ личныхъ повинностей постойной (подъ полки), караульной (на улицахъ), пожарной, дежурной (на съѣзжихъ дворахъ и въ домахъ офицеровъ для посылокъ и работъ) и т. д.[8]). Только въ 1724 г. отъ постоя были освобождены дома, гдѣ жили сами

[1]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же.

[2]) Ср. *П. В. Знаменскаго*, Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Казань, 1873, стр. 354—507.

[3]) *А. Д. Градовскій*, тамъ же, стр. 217. [4]) Тамъ же, стр. 210.

[5]) См. выше, стр. 112, 522 и слѣд.

[6]) П. С. З. т. VI, 3481, 5 января 1720 г.—П. С. П. I, 138.

[7]) П. С. З. т. VI, 3932, 4 апрѣля 1722 г.

[8]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 168—169.

священнослужители[1]). При денежныхъ же сборахъ духовенство наравнѣ съ податнымъ населеніемъ подвергалось жестокимъ правежамъ[2]). При ближайшихъ преемникахъ Петра все это оставалось въ прежнемъ видѣ, а при Аннѣ Іоанновнѣ, въ эпоху т. наз. бироновщины, когда духовенство подозрѣвалось въ политической неблагонадежности, стало еще хуже. Тогда явились новые сборы въ государственную казну и хотя дежурная повинность въ 1736 г. была снята съ духовенства[3]), однако оно продолжало нести прочія установленныя уже повинности и, по произволу мѣстныхъ властей, еще принуждалось наравнѣ съ другими обывателями къ повинностямъ фонарной, подводной, разсыльной и даже постойной. Только при Елизаветѣ въ 1742 г., по ходатайству Св. Синода, оно было освобождено отъ караульной, пожарной и др. полицейскихъ повинностей[4]), а въ 1746 г. строго запрещено было подвергать его повинностямъ постойной, подворной и др. какимъ-либо неуказнымъ тягостямъ, равно какъ чинить ему обиды[5]). Противъ нѣкоторыхъ, особенно замѣтныхъ обидчиковъ, принимались суровыя мѣры[6]). Однако вѣкъ „просвѣщенія“ и религіознаго скептицизма нисколько не содѣйствовалъ поднятію почетнаго положенія духовенства въ обществѣ. Въ это время, когда вѣра считалась суевѣріемъ, и духовное служеніе признавалось многими вреднымъ или, по меньшей мѣрѣ, только терпимымъ ради народной темноты и невѣжества. Поэтому, когда созванная Екатериной II комиссія для составленія новаго уложенія должна была, между прочимъ, разсуждать о сословіяхъ, ей предстояло рѣшить трудный вопросъ, куда отнести духовенство. Судя по „Наказу“, который говоритъ объ этомъ вскользь, сама Екатерина имѣла намѣреніе причислить духовенство къ среднему роду людей, т. е. къ городскому состоянію, какъ это видно, между прочимъ, изъ 381 ст. Наказа[7]). Съ воззрѣніями „Наказа“ сходились и мнѣнія депутатовъ. Въ свою очередь специальная комиссія „о государственныхъ родахъ“ въ проектѣ своемъ раздѣлила всѣхъ жителей государства на три рода: благородный, средній или мѣщанскій, и нижній. Въ составъ средняго рода должно было войти и бѣлое духовенство. „Но противъ этихъ воззрѣній,—сообщаетъ А. Д. Градовскій,—возсталъ депутатъ отъ Синода, а вмѣстѣ и отъ всего духовенства[8]), митрополитъ Гавріилъ Петровъ (1730—1801). Онъ, вмѣстѣ съ Синодомъ, требовалъ исключенія духовенства изъ средняго класса и поставленія его на ряду съ дворянствомъ“[9]). Они мотивировали это высотою духовнаго званія и святостью пастырскаго дѣла, которое иначе

---

1) П. С. З. т. VII, 4571, 4579, 25 сентября и 19 октября 1724 г.

2) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 169.

3) П. С. З. т. IX, 6957, 10 мая 1736 г.

4) П. С. З. т. XI, 8546, 7 апрѣля 1742 г.

5) П. С. З. т. XII, 9314, 7 августа 1746 г. 6) *А. П. Доброклонскій*, стр. 170.

7) *А. Д. Градовскій*. Начала р. г. права, т. I, Спб. 1875, стр. 282, прим. 257, въ которомъ разобрано содержаніе этой статьи.

8) Духовенство и крѣпостные крестьяне не имѣли особыхъ депутатовъ. *Сборникъ* И. Р. И. Общества т. IV, стр 2—3.

9) *А. Д. Градовскій*, Начала, т. 1, стр. 282.

унижается[1]), поэтому для огражденія духовенства отъ униженій духовно-гражданская комиссія предлагала даже сравнить, въ отношеніи взысканій за обиды, митрополитовъ съ фельдмаршалами, архіепископовъ съ генералъ-аншефами, епископовъ съ генералъ-поручиками, іеромонаховъ и протопоповъ соборныхъ съ секундъ-маіорами, бѣлыхъ священниковъ съ поручиками, дьяконовъ съ прапорщиками и т. д.[2]). Комиссія, очевидно, не думала, сколько въ этомъ сравненіи злой ироніи...

Вопросъ о взысканіяхъ за обиды и сословномъ достоинствѣ духовенства остался не разрѣшеннымъ, однако привилегіи его продолжали расти[3]), главнымъ образомъ, въ области церковнаго суда и администраціи. Вопреки всякимъ канонамъ установились тѣлесныя наказанія плетьми, кнутомъ, шелепами, заключеніе въ тюрьму, заковываніе въ цѣпи и колодки, смиреніе работами въ монастырѣ, при архіерейскомъ домѣ или при семинаріи, допросы при помощи пытокъ. Отъ тѣлесныхъ наказаній не освобождали ни санъ, ни полъ, при чемъ употреблять ихъ могъ всякій, кто имѣлъ какую-либо власть надъ духовенствомъ—епархіальный архіерей, консисторіи, духовныя правленія, поповскіе старосты и заказчики, даже священники въ отношеніи къ своимъ причетникамъ и церковнымъ сторожамъ. И даже высшее духовенство не только не видѣло въ этомъ ничего унизительнаго, но иногда славилось своею жестокостью[4]). Только при Екатеринѣ II указомъ 1766 г. велѣно было всѣ взысканія по духовному вѣдомству производить умѣренныя, сообразуясь съ человѣческими немощами, а затѣмъ указами 1767, 1771 и 1772 гг. запрещено *духовнымъ властямъ* подвергать тѣлесному наказанію священниковъ и дьяконовъ, чтобы они не теряли чрезъ это должнаго уваженія въ обществѣ. Но тѣлесныя наказанія духовенству въ *свѣтскомъ судѣ* по прежнему отмѣнены не были[5]). Въ 1765 г. для ограниченія произвола было запрещено епархіальной власти лишать сана духовныхъ лицъ безъ разрѣшенія Синода[6]), употреблять ихъ на работы при архіерейскихъ домахъ, въ консисторіи велѣно было назначать вмѣстѣ съ монашествующими и представителей бѣлаго духовенства[7]) и т. д.

Въ царствованіе Павла I эти мѣры Екатерины II продолжались. Въ 1796 г. священнослужители были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, налагаемыхъ въ свѣтскихъ судахъ за уголовныя преступленія, до лишенія

1) „Какъ ни желательно, говорилъ Гавріилъ, чтобы всякій помышлялъ о томъ, что онъ сынъ Церкви и обязанъ чтить своихъ духовныхъ пастырей, но опытъ показываетъ, какъ далеки бываютъ люди отъ подобнаго настроенія, особенно когда въ нихъ дѣйствуетъ страсть, и духовному лицу въ отвѣтъ на слово увѣщанія и назиданія, не разъ придется услышать: да ты то же, что кузнецъ, что рыболовъ и т. под.“. Тамъ же, стр. 283.

2) Тамъ же, стр. 283, заимствовано у *М. И. Сухомлинова*, Исторія Россійской академіи, в. I. Спб. 1874, стр. 88.

3) *А. Д. Градовскій*, тамъ же, стр. 283—284.

4) *А. П. Доброклонскій*, 171.

5) Тамъ же, стр. 171—172.—П. С. З. XVIII, 12909, 7 іюня 1767 г.; т. XIX, 13609, 20 мая 1771 г.; 13908, 19 ноября 1772 г.

6) П. С. З. XVII, 12471, 14 сентября 1765 г.

7) П. С. З. XVIII, 13163, 10 сентября 1768 г.—*А. П. Доброклонскій*, 172.

сана[1]). Александръ I подтвердилъ этотъ указъ[2]) и кромѣ того въ 1808 г. освободилъ отъ тѣлесныхъ наказаній женъ священнослужителей[3]). Въ 1835 и 1839 гг. отъ нихъ освобождены были и дѣти ихъ[4]) и, наконецъ, въ 1863 г. при общей отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній—церковнослужители съ семействами[5]). Параллельно съ этимъ дома, въ которыхъ жили духовныя лица, были вполнѣ освобождены отъ сборовъ на содержаніе полиціи и полицейскихъ повинностей[6]); въ 1804 г. дома лицъ бѣлаго духовенства стали освобождаться отъ поземельнаго сбора[7]); въ 1821 г. подтверждено прежнее постановленіе объ освобожденіи ихъ отъ постоя, городскихъ и полицейскихъ повинностей, кромѣ мостовой и фонарной[8]) и т. д. Въ 1804 г. всѣмъ лицамъ духовнаго званія *въ первый разъ* разрѣшено было покупать *не* заселенныя земли[9]), а заселенныя земли могли пріобрѣтать лишь тѣ духовныя лица, которыя по происхожденію или въ силу полученія орденовъ, которые имъ стали жаловать со времени Павла I, пользовались правами дворянства[10]). Эта новая привилегія духовенства—право получать ордена, была очень важной, потому что пожалованіе ордена сообщало потомственное дворянство со всѣми его преимуществами. Въ дальнѣйшемъ права духовенства, какъ личныя, такъ и корпоративныя, еще болѣе расширились[11]), почему въ IX томѣ Свода Законовъ оно и было поставлено непосредственно послѣ дворянства, выше остальныхъ сословій[12]).

Такимъ образомъ, путемъ тяжелой эволюціи, опредѣлилось сословное положеніе духовенства, при чемъ оно оказалось ни совсѣмъ особымъ, ни высшимъ въ государствѣ. И это станетъ вполнѣ понятнымъ, если вспомнить, что по идеѣ „полицейскаго государства“ и государственной церковности религія низводилась на степень воспитательнаго средства, а служители религіи обязывались духовно-полицейскими функціями. Въ сущности говоря, на этомъ основаніи покоились и заботы правительства о поднятіи нравственнаго и умственнаго уровня духовенства, о его обезпеченіи и вмѣшательство въ его избраніе. Духовное образованіе, бывшее въ XVII в. всеобщимъ идеаломъ, въ XVIII в. становится узко-сословнымъ и профессіональнымъ[13]). При этомъ поддержаніе и расширеніе этого образованія свѣтскою

---

1) П. С. З. т. XXIV, 17624, 9 декабря 1796 г.

2) П. С. З. т. XXVI, 19885, 22 мая 1801 г.

3) П. С. З. т. XXX, 23027; ср. 2 П. С. З. VIII, 5930, 23 января 1833.

4) 2 П. С. З. т. X, 8450, 7 октября 1835; т. XIV, 12877, 13 ноября 1839.

5) 2 П. С. З. т. XXXVIII, 39504 ст. X. 17 апрѣля 1863.

6) П. С. З. т. XXV, 18772, 3 декабря 1798.

7) П. С. З. т. XXIX, 22681, 9 ноября 1807.

8) П. С. З. т. XXXVII, 28611, 17 апрѣля 1821.

9) П. С. З. т. XXVIII, 21290, 14 мая 1804.

10) П. С. З. т. XXXVI, 27886; т. XXXVII, 28722. При Петрѣ II и Аннѣ Іоанновнѣ это запрещалось. П. С. З. VIII, 5324 п. 18; IX, 6614 п. 12; 6724.

11) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 173—174.

12) Ср. *А. Д. Градовскій*, Начала, т. I, Спб. 1875, стр. 284—285.—См. Св. Зак. т. IX, изд. 1899, раздѣлъ II, ст. 393—453.

13) *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. ч. I, Ярославль 1874, стр. 96—110.

властью въ цѣломъ рядѣ актовъ XVIII и XIX в.[1]), включительно до пожалованія Духовнымъ Академіямъ высокаго титула „Императорскихъ“, имѣетъ смыслъ не болѣе, какъ соотвѣтствующей подготовки кадра духовныхъ чиновниковъ, тогда какъ, напр., учрежденіе при университетахъ богословскихъ факультетовъ могло бы имѣть совсѣмъ другое значеніе—поощренія свободной науки. То же самое нужно сказать и относительно заботъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства[2]). Въ древности благочестивое чувство русскихъ людей позаботилось объ этомъ настолько, что приходское духовенство не бѣдствовало, а монашеское было иногда очень богато. Когда же въ XVIII в. всѣ матеріальныя привилегіи были отняты, а въ 1764 г. произведена была полная секуляризація, духовенство обѣднѣло и попало въ матеріальную кабалу отъ свѣтской власти. Если бы секуляризація, которая, конечно, была необходима, была произведена въ смыслѣ замѣны натуральнаго хозяйства духовенства обезпеченіемъ ему денежныхъ капиталовъ въ размѣрѣ стоимости отобранныхъ имуществъ, то, во-первыхъ, духовенство могло бы получать въ видѣ жалованья проценты со своихъ капиталовъ, нисколько не завися отъ милости государства, а во-вторыхъ, ему осталось бы еще много на поддержаніе духовно-учебныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Между тѣмъ духовенство было оставлено въ матеріальной зависимости отъ своихъ же прихожанъ, а плата за требы получала характеръ законной симоніи въ видѣ таксы. Если же правительство, желая избавить пастырство отъ унизительнаго протягиванія рукъ, назначало ему жалованье изъ государственнаго казначейства, оно лишній разъ подчеркивало и подчеркиваетъ чиновническій характеръ духовенства. Наконецъ, вмѣшательство правительства въ порядокъ поступленія въ причтъ[3]) и замѣна свободныхъ приходскихъ выборовъ административнымъ назначеніемъ вполнѣ понятна, ибо правительство совершенно въ правѣ желать имѣть въ своемъ распоряженіи вполнѣ благонадежныхъ духовно-служилыхъ людей, которымъ ввѣряются очень важныя государственныя функціи. Съ незапамятной древности власть всегда основывала свой авторитетъ на помазаніи свыше и требовала повиновенія себѣ „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“[4]). Слѣдовательно, пастырская дѣятельность духовенства всегда могла либо содѣйствовать укрѣпленію авторитета власти, либо нѣтъ. Понятно поэтому, что Петръ Великій такъ негодовалъ на соучастіе архіереевъ и священниковъ въ дѣлѣ его сына, царевича Алексѣя, а при Аннѣ Іоанновнѣ правительство такъ преслѣдовало духовенство за мнимое уклоненіе отъ присяги на подданство, за несложеніе молебновъ и пр. Затѣмъ, самыя моленія за власть цѣнны для нея, какъ воспитательная сила, чѣмъ и объясняется образованіе въ XVIII и XIX в. непомѣрно большого числа т. наз. табельныхъ и викторіальныхъ дней и проч. Но мало этого, со времени Петра Великаго на духовенство возложено веденіе метрическихъ книгъ, т. е. актовъ *гражданскаго* состоя-

---

[1]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 195 и сл.
[2]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 174 и сл.
[3]) *А. П. Доброклонскій*, тамъ же, стр. 160 и сл. [4]) Д. Р. ч. I, п. 2.

нія, ему вручено заключеніе законныхъ браковъ, имъ пользуется государство для возможно широкой публикаціи своихъ манифестовъ и законовъ, даже для популяризаціи среди населенія нѣкоторыхъ полезныхъ для государства идей, свѣдѣній и предпріятій, напр., учрежденій мелкаго кредита, страхованія, лучшихъ способовъ сельскаго хозяйства, трезвости и пр.[1]). Для всего этого государству нужны *вѣрные* слуги[2]).

Черное духовенство. Отличительная черта монашества заключается въ удаленіи отъ міра, а потому, казалось бы, и міръ его не касается. Такъ оно и было въ московское время, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что вступленіе въ монашество было дѣломъ совершенно свободнымъ, почтеннымъ и уважаемымъ, какъ высшій подвигъ, немногимъ только доступный. Этимъ объясняется многочисленность монастырей въ древности и множество монаховъ, которымъ правительство покровительствовало, какъ носителямъ высшей аскетической идеи, какъ піонерамъ духовной культуры, а иногда и колонизаціи еще дѣвственныхъ земель и лѣсовъ. Такое положеніе вещей кореннымъ образомъ противорѣчило матеріалистической и утилитарной государственности, слагавшейся въ Россіи со средины XVII в., а потому при Петрѣ Великомъ и долженъ былъ наступить коренной переломъ въ судьбѣ монашества. Если даже система государственной церковности была не въ силахъ обратить его въ служилый классъ, то тѣмъ не менѣе возможно было такъ или иначе установить эксплоатацію въ пользу государства его личныхъ силъ и матеріальныхъ средствъ. Дѣло началось, какъ извѣстно, съ послѣднихъ. Какъ только явилась возможность, былъ возстановленъ Монастырскій приказъ, который и принялъ рядъ мѣръ, въ конечномъ итогѣ приведшихъ къ секуляризаціи 1764 г. Что же касается личныхъ силъ монашества, то воспользоваться ими было нѣсколько труднѣе. Здѣсь пошли двумя путями. Во-первыхъ, стремились къ введенію монастырскихъ штатовъ, а во-вторыхъ, къ привлеченію монашества на дѣла просвѣщенія и благотворительности[3]). Чрезвычайно характернымъ образчикомъ руководящихъ идей и практическихъ предположеній въ этомъ отношеніи Петра Великаго и Ѳеофана можно видѣть въ указѣ 31 января 1724 г. и относящихся къ нему матеріалахъ[4]). Въ этихъ памятникахъ государственный утилитаризмъ Петра доходитъ до того, что онъ явно предлагаетъ ученое монашество, намѣчаемое въ архіереи, „облегчить во обѣщаніи", т. е.

---

1) Любопытно отмѣтить, что въ царствованіе Николая I, въ виду существованія откупной системы продажи питей, проповѣдь духовенства противъ пьянства была строго запрещена.

2) Очень интересные матеріалы относительно духовно-полицейскихъ функцій православнаго духовенства въ Россіи собраны и сопоставлены въ сочиненіяхъ *М. А. Рейснера*, „Духовная полиція въ Россіи" и „Государство и вѣрующая личность". Сборникъ статей. Спб. 1905.

3) Ср. *проф. прот. М. И. Горчакова*, Монастырскій приказъ, М. 1868 и *мое* сочиненіе: Населенныя недвижимыя имѣнія Св. Синода, архіерейскихъ домовъ и монастырей при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго. Спб. 1909.

4) У насъ т. II, отд. II, № 7.

въ несеніи монашескихъ обѣтовъ, лишь бы оно было достаточно просвѣщеннымъ. По его мнѣнію нужно „онымъ уже иной путь опредѣлить предъ другими монахи, понеже сіи не для монашества, но ради ученія людемъ и таинъ церковныхъ опредѣляются, монашество же по нуждѣ правилъ только, а къ сему служенію не нужное"[1]).

Однако эти мѣры не были вполнѣ достаточны, монаховъ оставалось еще слишкомъ много, и личныя силы его пропадали безполезно для государства. Поэтому указомъ 28 января 1723 г. было запрещено вступать въ монашество лицамъ всѣхъ состояній[2]). Въ подтвердительномъ указѣ Екатерины I 3 марта 1725 г. исключеніе было сдѣлано лишь для вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ[3]). При Аннѣ Іоанновнѣ указомъ 10 іюня 1734 г. постановлено было не постригать никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, подъ угрозою ссылки и конфискаціи имущества, при чемъ обрядъ постриженія должны были совершать сами настоятели соборне дабы избѣжать злоупотребленій тайнымъ постриженіемъ[4]). И только при Екатеринѣ II съ 1767 г. возвратились къ прежней системѣ, т. е. лицамъ всѣхъ состояній дозволено было вступать въ монашество подъ условіемъ разрѣшенія Св. Синода[5]). Что же касается стѣсненія монашеской жизни, то основныя положенія въ этомъ отношеніи были даны въ Прибавленіи къ Духовному Регламенту и въ послѣдовавшихъ въ развитіе его новеллахъ[6]).

Такимъ образомъ, все духовенство, какъ бѣлое, такъ и черное, какъ высшее, такъ и низшее, было, по возможности, привлечено на службу государству и составило въ немъ особый полу-привилегированный служилый классъ.

§ 2. Приспособленіе церковнаго ученія и жизни къ требованіямъ государственныхъ задачъ.

Новый взглядъ на вѣру. Лишеніе Церкви ея юридической независимости въ Россіи неизбѣжно отразилось и на самыхъ взглядахъ на вѣру. Въ древнюю и московскую эпохи она имѣла исключительно религіозное значеніе и хотя вѣроотступничество, какъ и совращеніе въ иную вѣру, главнымъ образомъ, магометанство, государствомъ строго каралось[7]), тѣмъ не менѣе это

[1]) Тамъ же, лит. А. въ концѣ (л. 51). [2]) П. С. З. VII, 4151, 28 января 1723 г.

[3]) П. С. З. VII, 4672, 3 марта 1725 г. [4]) П. С. З. IX, 6585, 10 іюня 1734 г.

[5]) П. С. З. XVIII, 12960. Подтверждено съ мотивами въ 1771 г. (№ 13721) и въ 1777 г. (№ 14627). Ср. *А. Д. Градовскій*, Начала, т. I, Спб. 1875, стр. 270—271.

[6]) Ср. *В. Ивановскій*, Русское законодательство XVIII и XIX вв. въ своихъ постановленіяхъ относительно монашествующихъ лицъ и монастырей. Харьковъ, 1905.

[7]) П. С. З. I, 1. Уложеніе Ц. А. М. 1649 г., гл. 22, статья 24.—См. также П. С. З. I, 441, 22 января 1669 г. Новоуказную статью о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, ст. 109: Будетъ кого бусурманъ какими-нибудь мѣрами, или насильствомъ, или обманомъ русскаго человѣка къ своей бусурманской вѣрѣ принудитъ и по своей бусурманской вѣрѣ обрѣжетъ, а сыщется про то допряма: и того бусурмана по сыску казнить, сжечь огнемъ безъ всякаго милосердія; а кого онъ русскаго человѣка обусурманитъ, и того русскаго человѣка для исправленія отослать къ патріарху или ко иной власти.

дѣлалось не въ государственныхъ видахъ, не по полицейскимъ соображеніямъ, а въ виду искренней увѣренности въ истинѣ православія, поддерживать и охранять которое, особенно, въ силу идеологіи „третьяго Рима", цари считали своею цѣлью и своею обязанностью.

Совершенно иное положеніе вещей наступило въ эпоху Петра Великаго, когда съ моментомъ учрежденія Духовной Коллегіи православная Церковь въ Россіи стала однимъ изъ государственныхъ вѣдомствъ. Само по себѣ государство секуляризовалось, отказавшись отъ религіозныхъ цѣлей и религіозной идеологіи. Поэтому въ его глазахъ ни одно исповѣданіе не могло считаться безусловно истиннымъ и потому требовать исключительнаго господства въ странѣ съ тѣмъ, чтобы другія вѣры были лишь терпимы, какъ неизбѣжное зло, или искореняемы, какъ ересь[1]). Напротивъ того, но-

---

[1]) Такъ именно и было въ московскую эпоху. Чтобы вполнѣ выяснить выражаемую нами чрезвычайно отвѣтственную и важную мысль о томъ, что *современная Россія, въ противовѣсъ московской, уже не есть православное государство* и перестала имъ быть именно съ церковной реформы Петра Великаго, мы позволимъ себѣ повторить здѣсь сказанное нами въ статьѣ „Историко-юридическій анализъ формулы: Россія—Православное государство" („Церковная Правда" за 1914 г., № 14). Нерѣдко произносимая еще въ настоящее время формула: „Россія есть православное государство", составляя основу церковно-политическаго міровоззрѣнія очень многихъ русскихъ людей до сихъ поръ, требуетъ для своего раскрытія очень тщательнаго историческаго и юридическаго анализа. Если эту формулу взять *теоретически*, то она означаетъ, что Россія, т. е. русское государство есть государство конфессіональное и именно православное. Но спросимъ себя, что такое государство?—Государство есть объединенное публичною властью человѣческое общежитіе (проф. Е. В. Спекторскій) или иначе—государство есть обладающая первичною верховной властью корпорація населяющаго опредѣленную территорію народа (Еллинекъ). Основными элементами государства, такимъ образомъ, являются—территорія, населеніе и власть. Территорія имѣетъ подчиненное значеніе, какъ то пространство земной поверхности, на которой обитаетъ данный народъ. Основнымъ элементомъ является народъ, который изъ самого себя создаетъ и верховную власть. Съ точки зрѣнія такого общепринятаго пониманія государства, формула: *Россія—православное государство* должна означать, прежде всего, что русскій народъ и созданная имъ русская власть (правительство) исповѣдуютъ исключительно православіе. Неправославныхъ русскихъ гражданъ, образующихъ собою русское государство, нѣтъ и быть не можетъ. Все неправославное населеніе, находящееся на русской территоріи, есть населеніе иностранное, не входящее въ составъ корпораціи русскаго народа, не имѣетъ и не можетъ имѣть русскаго подданства. Равнымъ образомъ и русское правительство есть исключительно православное правительство въ томъ смыслѣ, во-первыхъ, что всѣ живые носители государственной власти лично исповѣдуютъ исключительно православіе и, во-вторыхъ, правительственная политика преслѣдуетъ исключительно тѣ цѣли, которыя совпадаютъ съ цѣлью и задачей православной Церкви. Такъ какъ послѣдняя имѣетъ своею цѣлью, объединяя людей извѣстнымъ вѣроисповѣданіемъ, вести ихъ къ вѣчному спасенію, то и цѣли Россіи, какъ православнаго государства, и дѣятельность ея православнаго правительства должны бы быть направлены къ тому же. Всѣ земныя и временныя цѣли государства должны быть подчинены цѣлямъ небеснымъ и вѣчнымъ, свѣтскія—духовнымъ. Забота о вѣроисповѣданіяхъ неправославныхъ должна быть въ принципѣ отвергнута, иначе Россія не есть въ собственномъ смыслѣ православное конфессіональное государство. Православіе въ Россіи, по этой формулѣ, претендуетъ не на господствующее, преимущественное положеніе въ Россіи, а именно на исключительное.

вый типъ государственности, сложившийся на Западѣ въ результатѣ своего рода усталости народовъ отъ религiозныхъ войнъ XVI—XVII вв., сдѣлался *вѣротерпимымъ*, т. е. въ сущности *равнодушнымъ* къ вопросу о безу-

---

Очевидно, что положенiе дѣлъ въ современной Россiи не соотвѣтствуетъ тому содержанiю этой формулы, которое получается въ результатѣ теоретическаго ея раскрытiя. Однако, для провѣрки обратимся къ исторiи вѣротерпимости въ Россiи.

Принявъ православiе отъ грековъ, древняя Русь усмотрѣла въ немъ необходимую опору для развитiя своихъ народныхъ силъ. Поэтому власть оказывала Церкви всевозможное покровительство и постепенно сливала свои интересы съ интересами Церкви. Церковь получила широкое матерiальное обезпеченiе; ея iерархiя заняла первое мѣсто въ государствѣ; ея законы и каноны были признаны обязательными въ государствѣ; согласно съ ея воззрѣнiями измѣнились понятiя о преступленiи и наказанiи; подъ страхомъ казни запрещено было то, что раньше дозволялось, т. е. появился новый разрядъ преступленiй противъ вѣры и Церкви. Въ принципѣ всѣ русскiе граждане и безусловно всѣ правители исповѣдывали православiе, которое было признано государствомъ единственно истинной религiей. Въ Московскую эпоху взаимное слiянiе Церкви и государства казалось еще ярче. Теорiя перенесенiя на Москву всѣхъ правъ и обязанностей Византiи, положенiе, что Москва есть третiй Римъ, а Московскiй Царь есть Богомъ данный государь для защиты и охраненiя православiя на всей землѣ, привела къ тому, что русская государственность всецѣло проникласъ религiознымъ и именно православнымъ мiросозерцанiемъ. Цѣли государства были признаны тождественными съ цѣлями Церкви, а носитель верховной государственной власти провозглашенъ облеченнымъ высшей религiозной обязанностью вести къ душевному спасенiю ввѣренныхъ ему Богомъ подданныхъ. Старецъ Филоѳей, архiепископъ новгородскiй Геннадiй, преп. Iосифъ Волоколамскiй, царь Iоаннъ Грозный, Алексѣй Михайловичъ, а съ ними и всѣ русскiе люди искренно исповѣдывали эту теорiю и не на словахъ только, но самымъ дѣломъ. Московское государство единой истинной религiей признавало православiе. Язычество оно допускало на своей территорiи, но только въ надеждѣ на позднѣйшее обращенiе его въ христiанство (такъ же дозволялось держаться ислама татарамъ, такъ сказать, христiанамъ in spe). Зато всѣ ереси и расколъ преслѣдовались очень строго. Ересь жидовствующихъ XVI в. была подавлена смертными казнями чрезъ сожженiе по требованiю духовенства рукою государства. При этомъ колебанiя Iоанна III были устранены ссылкой именно на то, что онъ, какъ православный царь, обязанъ поддерживать плавославiе и подавлять еретиковъ. Расколъ, появившiйся съ XVII в., былъ признанъ государственнымъ преступленiемъ и подведенъ подъ статью уложенiя Ц. А. М. о богохульствѣ. Согласно этому уложенiю раскольникамъ не было мѣста въ русскомъ государствѣ и они должны были быть истреблены. Этимъ объясняются массовыя казни конца XVII в., разсѣянiе и бѣгство раскола. Нуждаясь въ технической помощи русскiе государи призывали къ себѣ и допускали иностранцевъ. Однако, вопросъ о ихъ вѣрѣ служилъ постоянно предметомъ пререканiй и сомнѣнiй и выходъ найденъ былъ въ томъ, что иностранцы были по возможности изолированы отъ русскихъ православныхъ людей. Имъ строили особые дворы, факторiи, слободы (извѣстная нѣмецкая слобода въ Москвѣ), гдѣ позволяли, правда, имѣть свои храмы, но лишь до времени и только для своихъ единовѣрцевъ. Случаи разрушенiя инославныхъ церквей были нерѣдки. Во всякомъ случаѣ, право на вѣротерпимость принципiально не обращалась, какъ нынѣ въ обязанность терпѣть не православную, не русскую вѣру. Иновѣрцы признавались иностранцами и переходъ ихъ въ русское подданство обусловливался принятiемъ православiя. Всякая пропаганда инославiя и тѣмъ болѣе иновѣрiя безусловно запрещалась, совращенiе наказывалось смертью чрезъ сожженiе (Уложенiе XXII, 24). Отпаденiе же отъ православiя было юридически невозможнымъ, такъ какъ отпадающiй все равно признавался православнымъ и только подвергался увѣщанiямъ и епитимiи, какъ тяжкiй грѣшникъ.

Со времени Петра Великаго картина рѣзко измѣняется. Въ подданство Россiи всту-

словной истинности, и потому обязательности, того или иного вѣроисповѣданія. Но съ другой стороны эта же самая государственность, проникнутая идеей всеобщаго блага и считавшая себя въ правѣ стремиться къ достиже-

паютъ массы инородцевъ. Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, даютъ намъ множество лютеранъ. Цѣлымъ рядомъ капитуляцій лютеранству оставляется то государственное положеніе, которое оно занимало подъ шведскимъ владычествомъ. Всѣ права шведскаго короля, какъ главы лютеранской церкви въ Швеціи, перешли на русскаго монарха, и православный государь сталъ главою лютеранства въ Россіи. Для ближайшаго завѣдыванія религіозными дѣлами лютеранъ учреждена была особая Юстицъ-коллегія Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ дѣлъ подъ надзоромъ Сената. По всей Россіи оказались давно осѣвшими и осѣдлыми многія римско-католическія общины. Въ царствованіе Екатерины II начинается нормированіе ихъ государственнаго положенія. Оно становится особенно необходимымъ, когда по тремъ раздѣламъ Польши вступаютъ въ русское гражданство массы католиковъ Литвы, Курляндіи и Бѣлоруссіи. Для нихъ образуется рядъ католическихъ епархій подъ главенствомъ Митрополита Могилевскаго, и создаются постоянныя учрежденія въ составѣ русскаго правительства. Съ присоединеніемъ Герцогства Варшавскаго переходитъ къ Россіи цѣлый католическій край, въ которомъ до 70-хъ годовъ XIX ст. сохраняется господствующее государственное привилегированное положеніе католицизма, а нѣкоторыя черты его сохраняются и до сихъ поръ. Съ присоединеніемъ Бѣлоруссіи русскими гражданами становятся многочисленные евреи, которыхъ въ Москвѣ даже не допускали въ Россію. Расширеніе ея границъ на югъ, на сѣверъ и востокъ приводитъ въ подданство Россіи множество буддійцевъ и даже язычниковъ разныхъ толковъ. И всѣ они становятся русскими гражданами, вполнѣ организованными въ религіозномъ отношеніи. Вмѣстѣ съ этимъ православная Церковь въ Россіи теряетъ характеръ исключительности своего положенія. Со времени Петра Великаго уже нельзя сказать, что населеніе, образующее русское государство, сплошь и исключительно православное, всѣ же иновѣрцы — суть иностранцы. Русскіе граждане стали разновѣрными, поэтому и православная вѣра была признана не исключительной, а лишь господствующей религіей въ Россіи. Ея господствующее положеніе заключалось въ томъ, что Императоръ Всероссійскій, а равнымъ образомъ и всѣ лица, имѣющія право на наслѣдованіе престола по Основнымъ Законамъ должны исповѣдывать православіе. Однако, лица, принадлежащія къ правительству, могутъ быть и иной христіанской вѣры, что вело къ тому, что начиная съ Петра и до настоящаго времени иновѣрцы составляли иногда большинство русскаго правительства. Государь считается верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующаго вѣроисповѣданія, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія. Однако, въ то же время онъ признается главою протестантовъ, католиковъ и др. иновѣрцевъ въ Россіи, какъ верховная территоріальная власть (Landesherr), и слѣдовательно, также обязанъ оказывать имъ покровительство и защиту. Коронація и миропомазаніе Государя и всѣ вообще офиціальныя государственныя богомоленія совершаются по православному обряду, равнымъ образомъ государственнымъ календаремъ признается православный Юліанскій календарь и мѣсяцесловъ. Однако, въ Финляндіи и Царствѣ Польскомъ и Юліанскій и Григоріанскій календари между собою равноправны, а фактическое преимущество даже на сторонѣ Григоріанскаго календаря. Дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ подлежатъ крещенію въ православную вѣру, а самые смѣшанные браки для признанія ихъ законности должны быть вѣнчаны православнымъ духовенствомъ. Однако, оба эти правила не дѣйствуютъ въ Финляндіи. Публичное осуществленіе православія, какъ, напр., крестные ходы и религіозныя похороны, не подлежатъ ограниченію. Однако, то же право имѣютъ и лютеране и католики въ Финляндіи, Прибалтійскомъ краѣ, въ Польшѣ. Одно православіе обладаетъ правомъ проповѣди своего ученія, критики инославія и иновѣрія, принятія въ Церковь новыхъ членовъ и т. д. Однако, эта проповѣдь должна имѣть характеръ лишь моральнаго убѣжденія, а евреи могутъ быть крещены въ православіе лишь съ разрѣшенія министра внутреннихъ

нію послѣдняго мѣрами государственной власти, т. е. полицейскими мѣрами, не могла быть совершенно безразличной къ тому, во что и какъ вѣруютъ ея подданные. Съ точки зрѣнія полицейскаго государства XVIII—XIX в. въ

дѣлъ. Совращеніе православнаго въ иную вѣру составляетъ дѣяніе уголовно-наказуемое (Улож. о нак. ст. 184 и сл.; Угол. Улож. ст. 83 и сл.; Уст. Дух. Конс. ст. 4).

Если православіе есть религія господствующая въ очерченномъ объемѣ, то другія религіи признаются въ Россіи *покровительствуемыми*, т. е. римско-католическая, евангелическо-лютеранская, еврейская, магометанская и ламаитская. Это значитъ, что всѣ онѣ пользуются государственнымъ признаніемъ и охраною, имѣютъ свою организацію, не ограничены въ гражданскихъ правахъ (за исключеніемъ евреевъ, но и то не по религіознымъ, а по политическимъ соображеніямъ) и пользуются публичнымъ осуществленіемъ своей религіи. Духовенство этихъ религій имѣетъ публично-правовое положеніе, т. е. выступаетъ предъ лицомъ правительства именно какъ духовенство. Это значитъ, напр., что представители инославнаго и иновѣрнаго духовенства присутствуютъ на коронаціи, представляются государю, подносятъ ему, какъ своему покровителю, свои священные предметы и реликвіи, встрѣчаютъ его при посѣщеніяхъ молитвословіями по обрядамъ своей религіи совершаютъ молитвы о здравіи и о упокоеніи монарховъ и т. д. Христіанскія инославныя исповѣданія имѣютъ право принимать въ свою вѣру иновѣрцевъ, т. е. магометанъ и язычниковъ, хотя и съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Отступленіе въ нехристіанство наказывается и т. д.

Но есть еще религіи, дозволенныя или признаваемыя — раскольническія согласія, раціоналистическія и еврейскія секты, менониты, гернгутеры и терпимыя—нѣкоторыя раскольничьи согласія, раціоналистическія и еврейскія секты и язычники. Нетерпимыми признаются только изувѣрныя секты, вродѣ скопцовъ, хлыстовъ и т. д.

Среди этихъ религій вниманія заслуживаетъ расколъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ онъ былъ абсолютно нетерпимъ. При Петрѣ раскольники были признаны и имъ запрещено лишь публичное оказательство своей вѣры и пропаганда ея среди раскольниковъ. Если Петръ и гналъ ихъ, то какъ неблагонадежный элементъ съ государственной точки зрѣнія. Въ 1800 г. старообрядчество получило легальное положеніе, вполнѣ совпадающее съ православнымъ, въ формѣ единовѣрія подъ условіемъ подчиненія власти православной іерархіи и Св. Синода. Тяжелое для раскольниковъ царствованіе Николая I, смѣнилось гораздо большими, чѣмъ прежде льготами при Александрѣ II и Александрѣ III. Въ 1874 г. были признаны законными раскольничьи браки, а 1883 г. принесъ имъ извѣстную мѣру гражданской и политической правоспособности. Воспрещены были лишь публичное оказательство раскола и его пропаганда. Еще болѣе новое положеніе вещей установилось съ 1905 года.

Правда, православная вѣра по прежнему объявляется въ Осн. Законахъ первенствующей и господствующей и Верховная Власть по прежнему обязана исповѣдывать православіе. Однако, не только нѣтъ исключительности православія въ Россіи, но и господственность его сильно ограничена. Еще манифестъ 26 февраля 1903 г. призналъ за благо „укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимся, завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣйно почитая Православную Церковь первенствующей и господствующей, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной“. Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. могъ бы быть, по справедливости, названъ „Великой хартіей вольностей“ въ области религіи въ Россіи. Въ немъ говорится: „Мы всегда имѣли сердечное стремленіе обезпечить каждому изъ Нашихъ подданныхъ свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“. Поэтому, „призывая благословеніе Всевышняго на это дѣло мира и любви и уповая, что оно послужитъ къ вящшему возвеличенію православной вѣры“, Государь повелѣваетъ: „признать, что отпаденіе отъ православной вѣры въ другое христіанское испо-

Россіи такое безразличіе было бы преступнымъ попустительствомъ власти, ибо извѣрившись въ абсолютной цѣнности религіозной вѣры, какъ пути душевнаго спасенія, которое въ вѣкъ натурализма и философскаго скепти-

вѣданіе или вѣроученіе не подлежитъ преслѣдованію и не должно влечь за собою какихъ-либо невыгодныхъ въ отношеніи личныхъ или гражданскихъ правъ послѣдствій". При отпаденіи отъ православія родителей мѣняется, при извѣстныхъ условіяхъ возраста, и вѣра дѣтей. Лица, только числившіяся православными, получаютъ право вернуться въ свою религію, даже въ язычество. Самое имя „расколъ" уничтожается, замѣняясь мягкимъ и неюридическимъ терминомъ „старообрядчества". Молитвенные дома распечатываются, конфискованное имущество ихъ возвращается, могутъ строиться новые молитвенные дома и даже храмы съ колокольнями, ничѣмъ не отличаясь отъ православныхъ. Разрѣшается колокольный звонъ, крестные ходы и другое оказательство въ предѣлахъ полицейски-дозволеннаго. Разрѣшается строить раскольничьи монастыри и скиты и т. д. Духовныя лица получили оффиціальныя наименованія настоятелей и наставниковъ, освобождены отъ личныхъ податей и повинностей, въ томъ числѣ отъ воинской повинности. Въ своей средѣ они могутъ именоваться даже іерархическими званіями, тождественными съ православной іерархіей. Раскольническій бракъ вполнѣ узаконенъ, дозволенъ даже смѣшанный бракъ съ православными. Совершителями брака между старообрядцами являются уже не полицейскіе органы, какъ по закону 19 апрѣля 1874 г., а ихъ духовныя лица. Послѣднимъ предоставлено веденіе метрическихъ книгъ. Признаны не только существующія старообрядческія согласія и неизувѣрныя секты, но свободно и широко допущено образованіе новыхъ согласій и сектъ, даже женщинами. Пропаганда, правда, запрещается еще уголовнымъ закономъ, однако православныя лица, имѣя право отпаденія отъ вѣры, могутъ свободно присутствовать на неправославныхъ собраніяхъ и богослуженіяхъ съ цѣлью ознакомленія съ чужою вѣрой, что практически означаетъ полную свободу теперь инославной пропаганды. Единственное ограниченіе заключается въ томъ, что православный не можетъ перестать быть христіаниномъ, при чемъ имя христіанинъ понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, а русскій подданный вообще не можетъ стать полнымъ атеистомъ т. е. отказаться отъ принадлежности къ какому бы то ни было вѣроисповѣданію (см. проф. *И. С. Бердниковъ*, Наши новые законы и законопроекты о свободѣ совѣсти. М. 1914 и *А. Введенскій*, Дѣйствующія законоположенія касательно старообрядцевъ и сектантовъ. Сборникъ указовъ и распоряженій о вѣротерпимости. Одесса, 1913). Впрочемъ, уставъ уголовнаго судопроизводства допускаетъ замѣну религіозной присяги простымъ обѣщаніемъ показать правду. Слѣдовательно въ скрытой формѣ въ Россіи дозволяется даже полный атеизмъ.

Изъ сказаннаго мною вытекаетъ, что Россія идетъ очень быстрыми шагами къ безразличію относительно религій. Для того, чтобы достичь его, осталось всего только нѣсколько шаговъ, и лѣтъ пятидесяти, навѣрно, будетъ достаточно, чтобы ихъ сдѣлать. Объясняется это тою причиной, что Россія, какъ и всѣ западныя государства въ свое время, постепенно превращается изъ конфессіональной въ неконфессіональную державу. Въ свое время гражданская правоспособность повсюду связывалась съ извѣстной религіей. Такъ было въ древнемъ Римѣ, въ Византіи, въ Священной Римской Имперіи, въ вней Россіи. Со времени реформаціи XVI в. и школы естественнаго права происходитъ повсемѣстное омірщеніе или секуляризація государствъ, народовъ и власти. Этого не избѣгла и Россія, эпоха возрожденія которой лишь опоздала и пріурочивается къ эпохѣ Петра Великаго. Начиная съ его времени, государственная власть перестаетъ признавать своею цѣлью цѣли внѣземныя, цѣли спасенія души. Въ то время, какъ большинство продолжаетъ исповѣдывать православіе, власть отказывается его одного признавать единственно истинной вѣрой и допускаетъ, охраняетъ другія вѣры и даже покровительствуетъ имъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Поступить иначе было нельзя, ибо иновѣрцы стали въ массѣ русскими гражданами, т. е. въ извѣстной мѣрѣ хозяевами русскаго государства. Вѣдь основнымъ элементомъ государства является народъ, его образующій и выдвигающій

цизма не многимъ было интересно и нужно, государство все-таки весьма нуждалось въ религіи, какъ въ лучшемъ средствѣ держать подданныхъ своихъ въ повиновеніи, дѣйствуя непосредственно на ихъ совѣсть силою наивысшаго для человѣка авторитета. Поэтому, со времени Петра Великаго исповѣданіе русскими подданными православія становится однимъ изъ лучшихъ признаковъ политической благонадежности. Признается безспорнымъ, что всѣ тѣ, кто *наслѣдственно* принадлежалъ къ православію, не въ правѣ ему измѣнить[1]). Вѣротерпимость же касается именно тѣхъ, кто *наслѣдственно* исповѣдывалъ не православіе[2]). Однако всякій переходъ инославныхъ или иновѣрныхъ русскихъ подданныхъ въ православіе разсматривается, какъ признакъ добровольнаго слиянія съ русскимъ племенемъ, иными словами распространеніе православія становится средствомъ руссификаціи.

изъ своей среды власть. Если народъ сталъ разновѣрнымъ, то и власть, являющаяся органомъ этого народа, должна быть одинаково благожелательной, справедливой и заботливой по отношенію ко всѣмъ тѣмъ религіямъ, которыя исповѣдуются русскими подданными, русскимъ народомъ въ государственно-правовомъ, а не этнографическомъ, конечно, смыслѣ. Единственными критеріями возможнаго различія въ отношеніи государственной власти къ разнымъ религіямъ своихъ подданныхъ являются, во-первыхъ, бо́льшая или меньшая *численность* адептовъ. Православныхъ въ Россіи больше, слѣдовательно надо отдать имъ преимущество. Во-вторыхъ, имѣетъ значеніе *первенство* въ созиданіи государства. Основу Россіи составляютъ восточные славяне. Они создали великую Россію, ихъ религіи,—православной религіи, и должно быть отдано предпочтеніе. Однако, основанное на этомъ преимущество православія можетъ быть не вѣчно. Численное соотношеніе различныхъ исповѣданій Россіи можетъ рѣзко измѣниться и даже очень скоро, если православная іерархія, обороняясь формулой: „Россія—православное государство", ничего не предприметъ къ оживленію Церкви. Отпаденіе отъ православія на нашихъ глазахъ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ и вѣрная статистика, конечно, скрывается. Равнымъ образомъ постепенное сліяніе населяющихъ Россію народностей скоро отодвинетъ далеко въ область историческаго преданія созидательное первенство восточно-славянскаго племени. Русское населеніе постепенно сдѣлается однороднымъ и различіе въ вѣрѣ утратитъ всякое значеніе.

Итакъ, формула: „Россія—православное государство" совершенно не выражаетъ того, что есть въ дѣйствительности, а очень скоро можетъ утратить и рѣшительно всякое реальное содержаніе. Я положительно утверждаю, что со времени Петра Великаго *Россія не есть уже православное государство.* Россія есть просто—государство.

[1]) П. С. З. V, 3294—Января 1719 г. Инструкція или наказъ воеводамъ п. 4: Ему жъ надлежитъ Е. Ц. В. подданнымъ пользу производить, а паче чтобъ прямая христіанская каѳолическая вѣра была твердо содержана. — 29 апрѣля 1722 г. (П. С. З. VI, 3987) Петръ, будучи въ Преображенскомъ, по докладу Синода указалъ: объявить запрещеніе отступать отъ вѣры; объ отступившихъ доносить въ Синодъ и ихъ исправлять, а объ упорныхъ Синоду сообщать въ Сенатъ, „гдѣ имѣетъ быть (какъ съ такими поступать) собственная Е. И. В. резолюція предложена".—Ср. П. С. З. VIII, 5333. Наказъ губернаторамъ и воеводамъ п. 19.—П. С. З. X, 7612.—Иногда же, по политическимъ соображеніями наказаніе за вѣроотступничество снималось. Такъ въ указѣ 17 января 1734 г. (П. С. З. IX, 6534) о свободномъ возвращеніи бѣглецамъ въ Россію съ публикованія сего указа въ два мѣсяца, было сказано: перемѣнившіе насильно или самовольно вѣру, или вовсе оставившіе (атеисты?), тѣ имѣютъ церковное покаяніе принесть, а отъ другого наказанія освобождаются.

[2]) Ср., напр., извѣстное дѣло 1727—1728 г.г. о запрещеніи смоленской шляхтѣ переходить въ католичество и посылать въ католическія училища Польши своихъ дѣтей. См. Журналы и Протоколы В. Т. Совѣта въ *Сборникѣ* И. Р. И. О. томы 69 стр. 342, 346, 347; 79, стр. 225 (П. С. З. 5251); 84, стр. 46, 143, 208, 240, 241, 345, 553 и др.

Вѣра какъ средство руссификаціи. Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, достаточно вспомнить исторію распространенія православнаго христіанства среди восточныхъ инородцевъ Россіи въ XVIII—XIX вв.[1]). Здѣсь, параллельно съ апостольской ревностью нѣкоторыхъ миссіонеровъ, можетъ быть, вполнѣ искренно преданныхъ исполненію заповѣди Спасителя: „шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари“ (Мр. XVI, 15; ср. Мѳ. XXVIII, 19), шла „помощь“ государственной власти, состоявшая въ самыхъ разнообразныхъ способахъ поощренія къ переходу въ христіанство. Такъ, напр., указомъ 3 ноября 1713 г. было велѣно Великимъ Государемъ, чтобъ бусурманы (т. е. татары) Казанской и Азовской губерніи „крестились конечно въ полгода“, иначе они будутъ лишены права владѣть населенными помѣстьями и вотчинами[2]). 27 ноября того же 1713 г. было подтверждено: „деревни, которыя за бусурманами, сказать, что ежели не крестятся всѣ, отнять, и чтобъ въ томъ долгова сроку не давать“[3]). Съ 1 Сентября 1720 г. новокрещеннымъ не разъ давалась льгота отъ подушной и другихъ податей на 3 и болѣе года за принятіе ими крещенія[4]). Нерѣдко бывали случаи, когда за принятіе крещенія освобождали отъ уголовныхъ наказаній до смертной казни включительно по обвиненію въ убійствѣ и др. тяжкихъ преступленіяхъ[5]). Общія мѣры этого рода издавались 11 марта 1741 г. и 23 сентября 1743 г.[6]) Иногда же, напротивъ, крестили вмѣсто наказанія, напр., по указу 25 іюня 1723 г. крестили черемисъ за утайку душъ при переписи[7]). Бывало также, что за принятіе православія назначали пенсіи или жаловали помѣстья съ сотнями душъ крестьянъ или дворовъ[8]), издавали указы о высылкѣ всѣхъ евреевъ за границу съ запрещеніемъ въѣзда ихъ въ Россію, кромѣ желающихъ принять православіе[9]) и вмѣстѣ съ тѣмъ возводили новокрещеннаго изъ евреевъ В. А. Вагнера въ потомствен-

---

1) *А. П. Доброклонскій,* Руководство по исторіи русской церкви, в. IV, М. 1893, стр. 1—45.

2) П. С. З. V, 2734.

3) П. С. З. V, 2741, ср. VII, 4427. У нѣкоторыхъ магометанъ „за некрещеніе ихъ и за ослушаніе указовъ“ дѣйствительно отнимались деревни. Тогда дѣти и внуки ихъ, принявъ православіе, просили возвратить имъ эти деревни, на что и давалось согласіе. См. прот. В. Т. Совѣта 28 сентября 1726 г. № 86 въ *Сборникѣ* И. Р. И. О. т. 56, стр. 124.—Относительно срока, который давался на принятіе христіанства, бывали курьезы. Такъ, напр., Эль Мурза Черкасскій, которому подъ угрозой непринятія на службу и недачи жалованья было объявлено, что онъ долженъ принять христіанство, просилъ отсрочки, „понеже-де онъ, яко иностранный человѣкъ, скоро той вѣры принять и исправлять не можетъ“. Прот. В. Т. С. 12 мая 1726 г. *Сборникъ* И. Р. И. О. т. 55 стр. 275.

4) П. С. З. VI, 3636 и 3637 1 сентября 1720 г.; VII, 4048, 4123 (1722 г.); VIII, 5737 и др.—О. А. С. С. II, ч. 1, № 491; IV, № 360.—П. С. П. т. II, 581, 713, 888; т. IV, 1382; т. V, 1590 и др.—Прот. В. Т. С. 13 мая 1726 г. въ *Сборникѣ* И. Р. И. О. т 55, стр. 278.

5) *Сборникъ* И. Р. И. О. т. 130, стр. 154. — *П. Барановъ,* Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Спб. Сенатскомъ Архивѣ за XVIII в. т. III, № 7993, 8580, 8630.

6) П. С. З. XI, 8349. 8792. 7) П. С. З. VII, 4254, 25 іюня 1723 г.

8) *Барановъ,* т. III, № 8322, 8387, 8617. 9) П. С. З. XI, 8673, 2 декабря 1742г.

ное дворянство съ назначеніемъ его на службу при управленіи домомъ оберъ-егермейстера графа Алексѣя Разумовскаго[1]) и проч. Утилитарный характеръ принятія христіанства былъ очень хорошо усвоенъ инородцами, которые для полученія льготъ и подарковъ крестились иногда по нѣсколько разъ. Съ другой стороны они не переставали исповѣдывать свою старую вѣру и на этой почвѣ неоднократно входили въ столкновеніе съ духовной и гражданской властью на столько, что дѣло доходило иногда до открытыхъ бунтовъ[2]). Нерѣдко бывали случаи безповоротнаго отпаденія отъ православія въ старую вѣру еще въ XVIII и XIX ст. и на нашихъ глазахъ множество инородцевъ уклонилось въ магометанство, еврейство, буддизмъ и даже язычество на основаніи разрѣшенія, даннаго указомъ 17 апрѣля 1905 г.

Полицейскій характеръ преслѣдованія раскола и сектъ. Чисто полицейскій взглядъ на вѣру отлично выразился и въ отношеніяхъ государства къ расколу въ XVIII и XIX вв. Петръ Великій видѣлъ въ раскольникахъ не столько людей, исповѣдающихъ ложную религію, сколько своихъ темныхъ и упорныхъ подданныхъ, не желавшихъ подчиниться его культурнымъ реформамъ и ставшихъ къ нему въ оппозицію. Поэтому онъ преслѣдовалъ ихъ полицейскими мѣрами. Благонадежнымъ раскольникамъ Выгорѣцкихъ скитовъ (Олонецкой губ.) и Стародубскихъ слободъ Петръ далъ даже льготы. Затѣмъ въ 1714 г. онъ повелѣлъ переписать всѣхъ раскольниковъ и обложить ихъ двойнымъ окладомъ, за что давалось имъ право на открытое проживаніе и свобода вѣры[3]). Послѣдующими указами имъ дозволялось носить бороду, платя за нее особую пошлину. Но имъ не дозволялось ни совращать другихъ въ расколъ, ни строить скитовъ, ни вѣнчаться тайно, ни переселяться изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ приписаны; раскольничьимъ наставникамъ и попамъ возбранялось совершать требы; раскольниковъ запрещалось допускать къ общественнымъ должностямъ и къ свидѣтельствованію противъ православныхъ; для отличія отъ послѣднихъ имъ назначалось особое, стариннаго покроя, платье. Раскольникамъ, не записавшимся въ подушный окладъ, грозилось ссылкой; укрывателямъ объявлено наказаніе, какъ противникамъ власти; распространителямъ раскола—ссылка на каторжныя работы[4]). Къ разыскиванію тайныхъ раскольниковъ, особенно расколо-учителей, были призваны всѣ начальства, духовенство и обыватели. Съ этою цѣлію отъ духовенства требовались ежегодныя росписи объ исповѣдавшихся и причащавшихся; уклонявшихся отъ богослуженія и таинствъ велѣно было приводить къ присягѣ съ проклятіемъ на всѣ раскольническіе толки, а нежелавшихъ присянуть—писать въ двойной окладъ, какъ раскольниковъ; умирающихъ велѣно было причащать при свидѣтеляхъ, чтобы не было

---

[1]) *Барановъ*, т. III, № 9391.

[2]) Башкирскій бунтъ 1755 г. и пугачевскій 1773—1775. *А. П. Доброклонскій*, в. IV, стр. 15.—*Брикнеръ*, Исторія Императрицы Екатерины II, р. пер. т. II, стр. 223.

[3]) П. С. З. №№ 2991, 2996, 3547, 3662, 4009, 4162.

[4]) П. С. З. №№ 3340, 3944, 3962, 4009, 4022, 4052, 4526, 4596, 4750 и др.

утайки со стороны священниковъ; за утайку грозилось имъ лишнiе мѣста. Тайные скиты раззорялись; открыто существовавшие подвергались обыскамъ, чтобы захватить тайныхъ раскольниковъ[1]). Всѣ подобныя мѣры оставались въ силѣ до Петра III, когда опять таки въ виду политическихъ соображенiй, чтобы побудить бѣжавшихъ за границу раскольниковъ вернуться въ Россiю и расположить ихъ къ правительству, были введены нѣкоторыя льготы. Однако при Николаѣ I, когда наступилъ расцвѣтъ полицейскаго государства въ Россiи, мѣры внѣшняго принужденiя противъ раскола усилились[2]) и новое положенiе вещей, да и то очень далекое отъ совершенства, сложилось лишь на основанiи указа 17 апрѣля 1905 г.

Присяга и анаѳема. Полицейское значенiе вѣры выражалось въ эту эпоху также въ мѣрахъ правительства противъ сектантства[3]), въ злоупотребленiи *присягою* и *анаѳемою.*

Не говоря о томъ, что при Петрѣ Великомъ, при участiи Ѳеофана Прокоповича, присягѣ приданъ былъ совершенно новый характеръ *клятвы* именемъ Божiимъ въ противорѣчiе словамъ Евангелiя[4]), ею стали пользоваться слишкомъ часто въ политическихъ видахъ. Обязательна была присяга не только на вѣрность подданства и при вступленiи въ должность, но даже при повышенiи въ чинѣ. „Кто опредѣленъ будетъ повышенiемъ чина, какъ изъ военныхъ, такъ и изъ гражданскихъ и духовныхъ,— говорилось въ указѣ 10 ноября 1721 г.,—тѣмъ на каждой чинъ имѣть присягу, воинскимъ по военному артикулу, также и солдату при прiемѣ на службу; гражданскимъ по Генеральному Регламенту, а духовнымъ по Регламенту жъ изъ Св. Духовнаго Синода, и оныя присяги присылать о гражданскихъ въ Сенатъ, а о военныхъ въ Военную, а о духовныхъ въ Синодъ"[5]). Въ развитие этого указа 21 ноября 1721 г. было установлено, что все духовенство при своемъ поставленiи, должно принимать присягу *на вѣрность службы государю,* а кромѣ того, архимандриты и игумены при назначенiи ихъ на начальственныя должности, а приходское духовенство еще въ томъ, что не будетъ укрывать раскольниковъ[6]). Къ присягѣ приводились и купцы[7]).

Всѣ эти указы, въ связи съ той строгостью, съ которой ихъ примѣняли, придавая присягѣ значенiе свидѣтельства о политической благонадежности, вызывали не мало бѣдъ. Въ XVIII в. царствованiя смѣнялись иногда быстро и неожиданно, а при отсутствiи скорыхъ сношенiй нѣкоторыя извѣстiя о происходящемъ въ столицахъ казались въ провинцiи столь недостовѣрными, что священники вполнѣ добросовѣстно не спѣшили съ приведенiемъ населенiя къ присягѣ на подданство, за что и навлекали на себя не-

---

[1]) *А. П. Доброклонскiй,* в. IV, стр. 372—373.

[2]) *А. П. Доброклонскiй,* в. IV, стр. 373—375. [3]) Тамъ же, стр. 340—370.

[4]) См. во II томѣ отд. IV, Критику Маркелла Родышевскаго и примѣчанiе къ ней относительно клятвы.

[5]) П. С. З. VI, 3846.

[6]) П. С. П. II, 375. 426, 439, 466, 471, 557, 596, 677, 705 и др.

[7]) П. С. П. II, 471, 835. — Ср. *А. Завьялова,* О присягѣ. С.-Петербургъ 1901 г. Синодальная типографiя, стр. 65—66.

малыя кары, особенно въ царствованіе Анны Іоанновны[1]). Съ другой же стороны послѣ переворота 25 ноября 1741 г. населеніе было освобождено отъ принесенной присяги именными указами[2]). Такимъ образомъ ясно, что присяга играла чисто политическую роль, а религія, создавшая присягу и давшая ей сакраментальную форму, была лишь средствомъ въ рукахъ государства.

Отлученіе отъ Церкви, этотъ актъ исключительно церковной дисциплины, употреблялся въ XVIII в. также, какъ политическое средство. Анаѳемѣ былъ преданъ Мазепа[3]), Степанъ Глѣбовъ[4]). Когда же послѣ воцаренія Екатерины I партія, бывшая противъ нея, стала подбрасывать оскорбительныя анонимныя письма, то было объявлено, что если виновныя не объявятся въ теченіе 6 недѣль, то будутъ преданы церковному проклятію[5]). Анаѳемѣ были предаваемы и позднѣйшие преступники, какъ, напр., Пугачевъ и его сообщники[6]). Рядомъ съ этимъ церковное отлученіе сопровождалось и уголовнымъ наказаніемъ въ видѣ шельмованія[7]).

Словомъ, постепенно вѣра утратила свое исключительное значеніе, какъ религіозной истины, какъ откровенія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, не имѣющаго никакого отношенія къ политикѣ. Напротивъ, вѣра сдѣлалась средствомъ испытанія политической благонадежности и воздѣйствія въ государственныхъ видахъ[8]). Что это такъ, и что въ аналогичныхъ фактахъ изъ эпохи московской Руси, если бы такіе можно было найти, нельзя усматривать тождества съ Россіей Петра Великаго и его преемниковъ, видно, между прочимъ, изъ того, что въ XVIII и XIX вв. и дворъ и люди, входившіе въ составъ правительства, далеко не были вѣрующими, набожными, церковными въ духѣ своихъ предковъ. Если религія не была оставлена вовсе, то во всякомъ случаѣ въ высшемъ русскомъ обществѣ православіе замѣнялось масонствомъ, мистицизмомъ и др. религіозно-философскими міровоззрѣніями. Что же касается быта и нравовъ XVIII в. при дворѣ и въ правящемъ обществѣ, то они были такъ далеки отъ христіанскаго настроенія, что совершенно не соотвѣтствовали тому усердію, съ которымъ поддерживалась вѣра въ „подломъ народѣ“ и преслѣдовалось иновѣріе или расколъ. Для этого не было иного повода, кромѣ стремленія всѣхъ подданныхъ подвести подъ одинъ уровень, сдѣлать ихъ послушнымъ объектомъ управленія.

---

[1]) П. С. З. IX, 7133; X, 7144, 7158, 7198, 7634 п. 2, 7738, 7790; XI, 8040, 8105. 8148, 8155, 8263 п. 7

[2]) П. С. З. XI, 8641, 8689; XII, 9005; ср. XVI, 11582.

[3]) П. С. З. IV, 2213. [4]) П. С. П. I, 179, 23 августа 1721 г.

[5]) *К. Арсеньевъ*, Царствованіе Екатерины I. Спб. 1856 г., стр. 19.

[6]) П. С. З. XX, 14233.

[7]) П. С. П. II, 532 (п. 3); 596 (п. 14).—Ср. проф. *А. Н Филиппова*, О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. М. 1891, стр. 364—372.— проф. *М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, Кіевъ, 1909 изд. 6-е, стр. 372. прим. 1.

[8]) См. книги *М. А Рейснера*, „Духовная полиція въ Россіи“, и „Государство и вѣрующая личность“. Сборникъ статей. Спб. 1905.

Какъ сказано было выше, такое воззрѣніе на вѣру наступило въ Россіи въ началѣ XVIII в. подъ вліяніемъ новаго политическаго міровоззрѣнія, заимствованнаго съ Запада. Однимъ изъ плодовъ этого міровоззрѣнія, какъ мы видѣли[1]), было и самое учрежденіе Духовной Коллегіи. Но съ другой стороны, именно лишеніе православной Церкви въ Россіи ея юридической независимости и замѣна самобытной власти патріарха государственной креатурой въ видѣ государственной Духовной Коллегіи, сдѣлала послѣднюю почти *слѣпымъ орудіемъ* въ служеніи совершенно чуждому Россіи и свободному христіанству западному политическому міровоззрѣнію XVII—XVIII вѣковъ. И въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть того огромнаго принципіальнаго значенія, которое, несомнѣнно, имѣлъ самый фактъ учрежденія Духовной Коллегіи. Кажется можно сказать, что господство турокъ на Православномъ Востокѣ съ 1453 г. не могло такъ поработить вѣру и Церковь, какъ ихъ поработилъ въ Россіи синодальный режимъ.

Искаженія въ ученіи вѣры. Однако, еще недостаточно сказать, что церковная реформа Петра и, въ частности, учрежденіе имъ Духовной Коллегіи, повлекли за собою перемѣну во взглядахъ на вѣру, которая прежде цѣнилась сама по себѣ, какъ путь ко спасенію, а теперь стала цѣниться, какъ нѣчто полезное для государства, какъ воспитывающее и сдерживающее начало, очень удобное въ цѣляхъ достиженія „общаго блага". Церковная реформа Петра вмѣстѣ съ этимъ вызвала и цѣлый рядъ измѣненій въ догматическомъ и нравственномъ ученіи Русской Церкви, а прежде всего его неопредѣленность и неустойчивость.

Уничтоженіе „соборности" въ Русской Церкви. Не смотря на желаніе правящихъ круговъ, во главѣ съ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, во что бы то ни стало утвердить взглядъ на Св. Синодъ, какъ на правомѣрный постоянный церковный соборъ, этотъ взглядъ не привился ни въ Россіи, ни на Востокѣ, а потому учрежденіе Петромъ Духовной Коллегіи признается тѣмъ моментомъ, когда соборность[2]) исчезла въ Русской Церкви и наступилъ централизованный, бюрократическій порядокъ управленія въ церковныхъ дѣлахъ. Слѣдствіемъ этого было то, что въ теченіе болѣе двухсотъ лѣтъ съ тѣхъ поръ не собралось ни одного собора, хотя и поводовъ и желаній ихъ собрать было болѣе, чѣмъ достаточно. Въ зависимости же отъ

---

[1]) См. гл. II, III. VII.

[2]) Подъ соборностью разумѣется такой церковный строй, въ которомъ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшаются не единолично кѣмъ-либо изъ іерарховъ, а непремѣнно сообща, по взаимному согласію, на свободно созванныхъ соборахъ, за которыми признается высшая власть сравнительно съ компетенціею каждаго въ отдѣльности епископа, митрополита и патріарха. Кромѣ того къ сущности понятія соборности относится множественность іерархическихъ должностей и извѣстное *равновѣсіе* между ними, такъ что ни одинъ епископъ, митрополитъ или патріархъ, по началамъ церковнаго права Востока, не можетъ устранить собою другое лицо той же и даже низшей іерархической степени, въ предѣлахъ компетенціи этого лица. Это же равновѣсіе доселѣ существуетъ и между отдѣльными восточными помѣстными церквами и ни одна изъ нихъ, а также никакая власть внѣ ихъ, не можетъ присвоить себѣ первенства. Ср. сказанное въ *нашихъ* „Очеркахъ по Исторіи Русской Церкви въ XVIII—XIX ст.". В. I, Варшава, 1912, стр 10—19.

этого не было сдѣлано ни одной попытки авторитетно поднять и рѣшить хотя бы одинъ вопросъ, касающійся вѣро-и нравоученія, не смотря на то, что русская жизнь, постоянно претворяющая въ себѣ по своему откровенныя истины вѣры и нравственности, несомнѣнно, требовала руководства въ этомъ отношеніи. Того же руководства требовала и русская богословская наука, оказавшаяся съ самаго зарожденія своего въ столь безпомощномъ положеніи, что наши догматическія системы Филарета, Макарія и Сильвестра во многомъ подчинились католическому вліянію, а монографическая богословская литература даетъ большое разнообразіе мнѣній по однимъ и тѣмъ же вопросамъ[1]). То же самое наблюдается и относительно нравственнаго богословія М. Олесницкаго, І. Л. Янышева, имѣющихъ не много сходства съ сочиненіями епископа Ѳеофана, затворника Вышенскаго и т. д. Происходившіе въ XIX в. мѣстные съѣзды епископовъ и миссіонерскіе съѣзды въ Кіевѣ, Казани, Иркутскѣ и пр. не могли, конечно, взять на себя руководства въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ нисколько не были похожи на церковные соборы въ собственномъ смыслѣ, да и не могли быть ими, потому что синодально-бюрократическая система *государственнаго* управленія дѣлами Вѣдомства Православнаго Исповѣданія (а не Церкви) принципіально исключала всякую юридическую и фактическую возможность собирать церковные соборы, эти органы *свободнаго* самосознанія *независимой Церкви*, а не „Вѣдомства". Между тѣмъ для московской эпохи эта юридическая возможность совершенно не исключалась и если соборы собирались рѣдко, то, во-первыхъ, они все-таки собирались, а во-вторыхъ, всегда могли бы начать собираться чаще, если бы этому не препятствовала трудность путей сообщенія и общая инертность русской жизни. Въ синодальную эпоху, напротивъ, ни несравненно болѣе оживленное пульсированіе жизни, ни облегченіе способовъ и путей сообщенія въ видѣ почты[2]), телеграфа, телефона, шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, автомобилей, аэроплановъ и пр., соборы не могли собираться и не собирались, такъ какъ этому препятствовали именно юридическія причины, возникшія вмѣстѣ съ церковной реформой Петра и учрежденіемъ Духовной Коллегіи.

Отсюда слѣдуетъ, что именно ихъ надо считать причиной неустойчивости, неясности и искаженій въ нашемъ вѣро- и нравоученіи. Въ данномъ случаѣ учрежденіе Духовной Коллегіи сыграло ту фатальную роль, что Духовная Коллегія, какъ *государственное* учрежденіе оказалось не въ правѣ взять на себя авторитетное руководство въ вопросахъ вѣро-и нравоученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея бытіе явилось кореннымъ и непреодолимымъ препятствіемъ для созыва церковныхъ собсровъ, которые были бы на это вполнѣ компетентны. Короче говоря, учрежденіе Духовной Коллегіи явилось своего

---

[1]) Ср. *Ѳ. Е. Мельникова*, Блуждающее богословіе. Обзоръ вѣроученія господствующей Церкви. В. І, Москва 1911.

[2]) Историческій процессъ зарожденія почты въ Россіи см. въ книгѣ проф. *И. П. Козловскаго*, Первыя почты и первые почтмейстеры въ Московскомъ Государствѣ. Т. I—II, Варшава 1913.

рода „пробкой", заключившей живую воду народной религіозной жизни въ ограниченный сосудъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія.

Искаженіе догматическаго ученія о Церкви. Этого, однако, мало. Въ результатѣ учрежденія Духовной Коллегіи, примѣнительно къ Россіи, должно было измѣниться самое догматическое ученіе о св. Церкви.

Дѣло въ томъ, что основныя положенія, касающіяся *устройства* Церкви, входятъ въ область догматики. Поэтому, напр., въ „Руководствѣ къ изученію христіанскаго, православно-догматическаго богословія" Макарія, архіепископа Литовскаго[1]), впослѣдствіи митрополита московскаго, читаемъ особый § 130 о средоточіи церковной власти. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „если средоточіе духовной власти надъ каждою частною церковію заключается въ ея епископѣ, отъ котораго проистекаютъ для нея и ученіе, и священнодѣйствія, и управленіе, то слѣдуетъ, что 1) нѣсколько частныхъ церквей[2]) могутъ подлежать распоряженіямъ только *всѣхъ* своихъ епископовъ *въ совокупности* или *собору помѣстному*[3]); 2) Церковь Христова вообще, обнимающая собою всѣ частныя, какъ Церковь вселенская, ввѣрена всѣмъ вообще епископамъ, и слѣдовательно средоточіе духовной власти для Церкви вселенской—во вселенскихъ Соборахъ"[4]). Какъ видно, это ученіе, вполнѣ согласное съ древнимъ церковнымъ преданіемъ, совершенно несовмѣстимо съ современнымъ церковнымъ строемъ въ Россіи, гдѣ средоточіемъ церковной власти, объединяющимъ епархіи епископовъ, является *государственная коллегія*—Св. Синодъ, всецѣло подчиненный свѣтской власти чрезъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора, а вовсе не Помѣстный Соборъ, который при данныхъ условіяхъ и невозможенъ[5]). Слѣдовательно, одно изъ двухъ: либо надо признать, что соборное устройство Церкви не существенно съ догматической точки зрѣнія и изложенное по Макарію ученіе о немъ надо измѣнить, вѣрнѣе оно уже измѣнилось, либо въ Россіи нѣтъ Православной Помѣстной *Церкви*, какъ таковой, а есть только *Вѣдомство* Православнаго Исповѣданія, своего рода часть министерства культовъ. Между тѣмъ по общему сознанію всего православнаго міра „соборность составляетъ душу не только православія, но и христіанства вообще, *безъ соборности нѣтъ ни православія, ни самого христіанства*"[6]) и, значитъ, измѣнить догматъ о Церкви такъ, чтобы согласовать его съ синодальнымъ строемъ, нельзя. Слѣдовательно—въ Россіи нѣтъ Церкви. Если же кто-либо тѣмъ не менѣе желаетъ отстаивать наличность Православной Церкви въ Россіи,—

---

[1]) Изд. 2, Спб. 1874, стр. 244. [2]) Разумѣется епископскихъ епархій.

[3]) Курсивъ нашъ. [4]) Ср. стр. 250—251 и др.

[5]) Созывъ помѣстнаго собора Русской Церкви станетъ возможенъ только съ того момента, когда Основными Законами будетъ установлена автономія Церкви въ Россіи. См. *мои* статьи „О необходимости измѣнить Русскіе Основные Законы въ пользу законодательной независимости Православной Русской Церкви" („Церковная Правда", журналъ, издававшійся прот. А. П. Мальцевымъ въ Берлинѣ, № 2, 1913 г. и отдѣльно); „Статья 65 Осн. Зак." (Ц. Правда № 23, 1913 г. и отдѣльно); „Къ вопросу о 65 ст. Осн. Зак." „Новое Время" отъ 8 ноября 1913 г. № 13528.

[6]) См. сборникъ: „*Предъ церковнымъ соборомъ*" М. 1906, стр. 271.

тотъ измѣняетъ православное ученіе о догматѣ Св. Церкви. Получается дилемма неразрѣшимая.

Искаженіе ученія о церковно-правительственной власти. Но и этого оказывается мало. Школьное богословіе, нѣсколько подчиняясь католическому вліянію, утверждаетъ, что „Церковь Христова раздѣляется на двѣ части: на паству и іерархію. Паству составляютъ всѣ вообще вѣрующіе въ Господа Іисуса, іерархія же или священноначаліе есть особое Богоучрежденное сословіе людей, которыхъ *однихъ* Господь уполномочилъ распоряжаться тѣми средствами, какія даровалъ Онъ Церкви для ея цѣли, т. е. уполномочилъ быть въ ней учителями, священнослужителями и духовными управителями, и которымъ потому *всѣ* прочіе христіане, составляющіе паству, должны повиноваться въ дѣлахъ вѣры"[1]). Однако это ученіе также не приложимо къ Россіи, ибо по установившемуся здѣсь порядку со времени церковной реформы Петра правительственная власть въ дѣлахъ церковныхъ принадлежитъ вовсе не одной іерархіи, а состоящей изъ духовныхъ лицъ государственной коллегіи, дѣятельность которой и руководится и контролируется *міряниномъ*—Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода во *всѣхъ* дѣлахъ, даже богослуженія и ученія. Къ тому же и самъ Св. Синодъ есть ни что иное, какъ *государственное* учрежденіе, т. е. *органъ мірской* Верховной власти[2]). Въ силу этого догматическое ученіе о составѣ Церкви и взаимныхъ отношеніяхъ паствы и іерархіи[3]), по крайней мѣрѣ относительно Русской Церкви, оказывается нарушеннымъ[4]).

Искаженіе догматическаго ученія о таинствахъ. Послѣдствія церковной реформы Петра и, въ частности, учрежденія Духовной Коллегіи не ограничиваются искаженіями ученія о догматѣ Церкви. Искажено также и ученіе о нѣкоторыхъ таинствахъ, а именно: крещенія, покаянія, причащенія и брака.

Оправданіе обливанія. По догматикѣ М. Макарія крещеніе есть „таинство, въ которомъ грѣшникъ, оглашенный вѣрою Христовою, при троекратномъ погруженіи его въ воду, во имя Отца и Сына и Св. Духа, очищается благодатію Божіею отъ всякаго грѣха и содѣлывается новымъ человѣкомъ, оправданнымъ и освященнымъ"[5]). Ниже подчеркнуто, что „крещеніе должно быть совершаемо чрезъ троекратное погруженіе крещаемаго въ воду". „Что же касается до *окропленія и обливанія*, то,—говоритъ онъ,—въ древности этотъ образъ совершенія таинства допускался только въ видѣ исключенія изъ правила, въ случаяхъ крайности, преимущественно для тяжкихъ больныхъ, возлежавшихъ на одрѣ, которыхъ нельзя было крестить чрезъ погруженіе"[6]). Въ другихъ памятникахъ догматическаго содержанія и цер-

---

[1]) *М. Макарія*, Руководство къ изученію христіанскаго, православно-догматическаго богословія. Изд. 2, Спб. 1874, стр. 236.

[2]) Осн. Зак. изд. 1906 г. ст. 65: „Въ управленіи церковномъ Самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ Св. Пр. Синода, Ею учрежденнаго".

[3]) См. у *Макарія* заглавіе § 127, откуда заимствована приведенная выше выписка.

[4]) Ср. *Ѳ. Е. Мельникова*, Блуждающее богословіе. В. I, М. 1911, стр 50—53.

[5]) См. его „Руководство", стр. 255. [6]) Ср. 256—257.

ковнаго права еще рѣзче сказано, что крещеніе должно быть совершаемо чрезъ погруженіе, а обливаніе, принятое въ западной церкви осуждается какъ ересь[1]). Между тѣмъ, исходя изъ политическихъ соображеній, чтобы облегчить сліяніе Кіевской митрополіи, гдѣ укоренилось обливаніе, съ великороссійской Церковью, Св. Синодъ издалъ въ 1724 г. сочиненіе Ѳеофана Прокоповича „Истинное оправданіе правовѣрныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа крещаемыхъ“[2]), въ которомъ доказывается, что „тайнодѣйствіе св. крещенія поливаніемъ творимое равнѣ какъ и творимое погруженіемъ, быти правилное, важное и силное: и токмо водное омовеніе законно къ нему надлежащее, а омовенія образъ, поливаніемъ ли, или погруженіемъ бываемый, быти дѣло среднее, и безъ раздора церковнаго удобопремѣняемое“[3]).

Такимъ образомъ для ускоренія церковнаго сліянія малороссовъ съ великороссами, Св. Синодъ, самъ, правда, состоявшій въ то время большею частью изъ малороссовъ-обливанцевъ, прибѣгъ къ оправданію обливанія вопреки древнему православному догматическому ученію.

Формальное крещеніе. Къ сказанному необходимо прибавить, что по догматическому ученію невидимыя дѣйствія таинства крещенія заключаются въ духовномъ возрожденіи крещаемаго, его очищеніи отъ всякаго грѣха, въ томъ, что оно содѣлываетъ его чадомъ Божіимъ и членомъ тѣла Христова —Церкви, и спасаетъ отъ вѣчныхъ наказаній за грѣхи и содѣлываетъ наслѣдниками вѣчной жизни, почему отъ взрослаго крещаемаго требуется вѣра и покаяніе[4]). Между тѣмъ организованное со времени учрежденія Духовной Коллегіи стремленіе къ скорѣйшей руссификаціи, о которой было сказано выше[5]), служитъ иногда побужденіемъ для миссіонеровъ совершать крещеніе инородцевъ чисто формально, склоняя ихъ къ принятію крещенія не столько убѣжденіемъ въ истинности христіанства, сколько обѣщаніями разныхъ внѣшнихъ выгодъ, вслѣдствіе чего особенно корыстные инородцы прибѣгаютъ ко крещенію неоднократно, сохраняя, впрочемъ, свою прежнюю вѣру, а болѣе искренніе массами отпадаютъ обратно. Въ этомъ явленіи, которое сдѣлалось хроническимъ съ того времени, когда вѣра получила утилитарное значеніе съ государственной точки зрѣнія, т. е. со времени церковной реформы Петра, нельзя не видѣть глубокаго нарушенія догматическаго ученія о таинствѣ крещенія[6]), которое, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно обращается лишь въ средство руссификаціи и полицейскій признакъ крещенаго инородца отъ некрещенаго, безъ всякой заботы о его внутреннемъ духовномъ возрожденіи.

---

[1]) См. у *Ѳ. Е. Мельникова*, Блуждающее богословіе, М. 1911, стр. 17—22 и 67—85.

[2]) Переиздано старообрядцами въ Москвѣ въ 1913 г. подъ заглавіемъ *„Оправданіе поливательнаго крещенія.* Сочиненіе Ѳеофана Прокоповича, изданное Пр. Синодомъ“. Въ этомъ изданіи помѣщено и полемическое предисловіе.

[3]) См. начало 13-й главы „Оправданія“.

[4]) *М. Макарій*, Руководство, стр. 258—264. [5]) См. выше, стр. 627.

[6]) Ср. *Ѳ. Е. Мельниковъ*, стр. 85—92.

Принудительное исповѣданіе и причащеніе. Согласно ученію Церкви, изложенному въ „Руководствѣ“ М. Макарія, „приступать къ трапезѣ Господней и причащаться тѣлу и крови Христовой могутъ всѣ православные христіане, и только они одни“. „А потому никогда не допускались и не допускаются къ таинству Евхаристіи а) язычники, іудеи, магометане и оглашенные и б) лица, которыя хотя вступили въ Церковь чрезъ крещеніе, но отпали отъ нея чрезъ отреченіе отъ вѣры, чрезъ ересь и *расколъ*, или за какіе-либо другіе тяжкіе грѣхи подверглись церковному запрещенію“[1]). „Впрочемъ,—читаемъ ниже,—призывая всѣхъ вѣрныхъ чадъ своихъ къ трапезѣ Христовой, св. Церковь не иначе допускаетъ ихъ къ святѣйшему таинству, какъ послѣ предварительнаго ихъ приготовленія“. „Приготовленіе это состоитъ въ *искреннемъ* испытаніи вѣрующими и очищеніи своей совѣсти отъ грѣховъ посредствомъ таинства покаянія, и вмѣстѣ—въ постѣ и молитвахъ, сообразно чинопослѣдованіямъ Церкви“[2]). Соотвѣтственно съ этимъ ниже подробно изложено, что требуется отъ приступающихъ къ таинству покаянія—сокрушеніе о грѣхахъ, твердое намѣреніе исправить свою жизнь и т. д.[3]).

Этому, совершенно правильно изложенному ученію Церкви о таинствахъ причащенія и покаянія, глубоко противорѣчила основанная на указахъ Петра Великаго и на Духовномъ Регламентѣ дѣятельность духовенства по преслѣдованію раскола. Въ VII-й главѣ, въ объясненіяхъ къ соотвѣтствующимъ мѣстамъ нашего памятника[4]), а также во II-мъ томѣ[5]), нами указано, когда и по какой причинѣ исповѣдь и св. причастіе были приняты за отличительный признакъ, по которому легче всего можно было распознать православнаго отъ раскольника. Пользуясь этимъ признакомъ, раскольниковъ *насильно* заставляли „говѣть“, и если они наговаривали на себя большіе грѣхи, которые должны были по церковнымъ правиламъ влечь за собою епитиміи въ видѣ долголѣтняго отлученія отъ св. причастія, то Синодомъ приказано было тѣмъ не менѣе всѣ грѣхи раскольникамъ *прощать* и также *насильно* ихъ причащать Св. Таинъ[6]). Понятно, что святость таинствъ покаянія и причащенія отдавалась этимъ на грубое поруганіе и только во имя исполненія государственной задачи—борьбы съ расколомъ, въ которой Духовная Коллегія явилась ревностнымъ органомъ осуществленія полицейскихъ мѣръ. При этомъ надо замѣтить, что принужденіе раскольниковъ къ совершенію въ православной Церкви крещенія ихъ младенцевъ, бракосочетанія, исполненія долга исповѣди и причастія и проч. практиковалось не только въ довольно грубое время начала XVIII в., но и въ XIX в., особенно въ царствованіе Императора Николая I, и стало постепенно ослабѣвать только при Александрѣ II и Александрѣ III[7]), окончатель-

[1]) Стр. 291. [2]) Стр. 292.

[3]) Стр. 303—305. [4]) См. выше, стр. 461—464, 480. [5]) См. т. II, отд. II, № 6.

[6]) Подробности см. у *Ѳ. Е. Мельникова*, Блуждающее богословіе. В. I. М. 1911, стр. 136—143, 196—198, 201—215.—Ср. П. С. П. I, 52, 249, 312 (п. 15); II, 438, 454, 532, 584, 918, 939; III, 972, 993, 1064, 1117; IV, 1361, 1379, 1395, 1424.

[7]) *А. П. Доброклонскій*, стр. 374.

но прекратившись лишь по указу 17 апрѣля 1905 г. Между тѣмъ нельзя не замѣтить, что преслѣдованіе раскола такими способами, въ которыхъ какъ бы заключалась мысль объ оскверненіи ихъ православными таинствами, безконечно унижало эти послѣднія и искажало чистое догматическое о нихъ ученіе. Искаженіе же это стало возможнымъ только потому, что со времени церковной реформы Петра Церковь, превратившаяся въ Вѣдомство, сдѣлалась слугою государства и его чуждыхъ религіи цѣлей.

Къ сказанному надо прибавить, что обязанность исполненія долга исповѣди и причастія сдѣлалась общей *юридической* обязанностью, опущеніе которой особенно строго взыскивалось съ лицъ, состоявшихъ на государственной службѣ, на основаніи ст. 23—27 Устава о пред. и прес. преступленій (Св. Зак. т. XIV, изд. 1857 г.), отмѣненныхъ лишь въ 1906 г.[1]). Указанныя статьи, обращавшія святое дѣло въ полицейскую повинность, предусмотрѣнную *Уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій*, угнетали совѣсть очень многихъ и искажали глубокій догматическій и нравственный смыслъ этихъ таинствъ.

Отмѣна тайны исповѣди. Наконецъ, по чисто полицейскимъ соображеніямъ, Петромъ Великимъ была отмѣнена *тайна* исповѣди, огражденная какъ догматическимъ ученіемъ Церкви о таинствѣ покаянія[2]), такъ и церковными канонами[3]). И въ этомъ отношеніи Духовный Регламентъ и основанная на немъ дѣятельность Духовной Коллегіи явились послушными и ревностными истолкователями воли мірской власти[4]).

Оправданіе смѣшанныхъ браковъ. Въ догматикѣ М. Макарія таинство брака опредѣляется какъ „такое священнодѣйствіе, въ которомъ лицамъ брачущимся, по объявленіи ими предъ Церковію обѣта супружеской вѣрности, преподается свыше чрезъ благословеніе священнослужителя Божественная благодать, освящающая ихъ брачный союзъ, возвышающая его въ образъ духовнаго соединенія Христа съ Церковію, и потомъ содѣйствующая имъ къ благословенному достиженію всѣхъ цѣлей брака“[5]). На этомъ основаніи къ таинству брака издревле допускались только тѣ лица, которыя вѣрили въ него и въ посылаемую въ немъ благодать, т. е. лица, исключительно православныя, а смѣшанныя браки считались невозможными и Церковь не признавала ихъ[6]).

Между тѣмъ, какъ извѣстилъ Св. Синодъ сыновъ Православной Цер-

---

[1]) См. Продолженіе Свода Зак. 1906 г.

[2]) У *М. Макарія* объ этомъ предусмотрительно ничего не [illegible]зано.

[3]) См. „Правила Пр. Церкви съ толкованіями Никоцима, еп. Далматинско-Истрійкаго“. Рус. пер. т. II, стр. 274—275 и 587—588. Спб. 1912.—Ср. сказанное выше въ гл. VII, стр. 479, а также *Ѳ. Е. Мельникова*, Блуждающее богословіе. В. I, М. 1911, стр. 198—201.

[4]) См. т. II, примѣчаніе 22 къ Прибавленію.—Ср. П. С. З. VI, 4012.

[5]) „Руководство“, стр. 319.

[6]) См. „Правила Православной Церкви съ толкованіями Никодима, епископа Далматинско-Истрійскаго“. Рус. пер. Спб. 1911—1912, т. I, стр. 366—367, 560—564; т. II. стр. 87, 103, 557—558.

кви, 6 мая 1721 г. имъ было получено изъ Бергъ-Коллегіи доношеніе, въ которомъ значилось, что „въ прошломъ 1720 г., по имянному Е. Ц. В. указу, посланы въ Сибирскую губернію для пріиску рудныхъ мѣстъ и строенія, и размноженія тамо заводовъ, отъ артиллеріи капитанъ Василій Татищевъ, да бергъ-мейстеръ Бліеръ съ прочими, которымъ велѣно, ежели изъ обрѣтающихся въ Казанской и Сибирской губерніяхъ изъ шведскихъ арестантовъ изъ офицеровъ и прочихъ служителей, и хотя уже которые и службу приняли, а найдутся къ рудному дѣлу способные, оныхъ къ рудному дѣлу принимать невозбранно, о чемъ и изъ Военной Коллегіи указомъ позволено жъ. И марта въ 7 день сего году изъ Сибирской губерніи помянутый капитанъ Татищевъ и бергъ-мейстеръ Бліеръ въ Бергъ-Коллегію писали, что де обрѣтающіеся тамо шведскіе плѣнники многіе имѣютъ охоту селиться для торговъ, гдѣ бъ особное мѣсто имъ дано было, и позволено бъ было жениться на русскихъ дѣвкахъ безъ премѣненія вѣры. Но понеже у многихъ, которые было поженились волею, за разность вѣры женъ поотняли, и отданы инымъ въ супружество, и для того опасенъ всякой принять и службы, ибо своея вѣры жены достать тамо не можетъ, а русской не даютъ. А по мнѣнію Бергъ-Коллегіи обрѣтающимся тамо шведскимъ плѣнникамъ, которые имѣютъ искусство въ рудныхъ дѣлѣхъ и въ торгахъ, и въ службу государеву идти пожелаютъ, и такимъ въ женитьбѣ оной на русскихъ дѣвкахъ, безъ перемѣны ихъ закона, позволеніе дать надлежитъ: понеже въ чужихъ краяхъ въ рудныхъ дѣлѣхъ гораздо искусныхъ людей одстать трудно, и мало такихъ сыскать можно, дабы кто, тамо оставя домы свои и промыслы, и въ Россію пошли въ службы, а индѣ онымъ въ выѣздѣ въ службу въ Россію отъ потентатовъ ихъ и не безъ запрещенія. И понеже,—продолжаетъ Св. Синодъ устами Ѳеофана Прокоповича,—брачитися православнымъ съ иновѣрными дѣло есть не безъ сумнительства совѣсти[1]). Ибо какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и во время Новаго обрѣтаются заповѣди и правила, бракъ таковый отрѣшающія. Того ради Пр. Духовный Синодъ, смотря на нѣкія главныя таковыхъ браковъ вины и нужды въ Россійскомъ государствѣ, и желая подать врачевство бываемому о семъ недоумѣнію простосердечныхъ, но немощныхъ, и въ ученіи неискусныхъ человѣкъ, судилъ за должность свою ясно протолковать, коихъ ради винъ браки съ невѣрными, или съ иновѣрными, то есть съ христіаны, но въ нѣкіихъ догматахъ намъ несогласными, запрещаются“. И дѣйствительно ниже дается „толкованіе“ Св. Писанія, церковныхъ правилъ и историческихъ примѣровъ, изъ которыхъ слѣдуетъ совсѣмъ обратный традиціонному церковному самосознанію выводъ въ томъ смыслѣ, что смѣшанные браки вполнѣ позволительны и заключеніе ихъ должно быть обусловлено лишь подпискою неправославнаго брачущагося въ томъ, что онъ не будетъ совращать въ свою вѣру своего православнаго супруга и будетъ крестить въ православную вѣру своихъ дѣтей отъ этого брака[2]).

[1]) Это утверждается Синодомъ положительно.

[2]) См. П. С. З. VI, 3814, 18 августа 1721 г.—П. С. П. I, № 173. Ср. П. С. З. VI,

Изъ анализа этого акта Св. Синода вытекаетъ, что поводомъ къ нарушенію догматической и канонической традиціи относительно невозможности смѣшанныхъ браковъ послужило обстоятельство чисто *внѣшнее:* желаніе свѣтскаго правительства удержать въ Россіи и привлечь къ горнопромышленной дѣятельности плѣнныхъ шведовъ. Этого можно было достичь двумя путями. Или обращеніемъ шведовъ въ православіе, или разрѣшеніемъ смѣшанныхъ браковъ. Такъ какъ шведы оказались настолько искренними и преданными своей вѣрѣ, что измѣнить ее на православіе не соглашались, то оставался только другой выходъ: исказить православное догматическое и каноническое ученіе о таинствѣ брака такъ, чтобы государство было довольно. Между тѣмъ совѣсть вѣрующихъ никогда не могла съ этимъ помириться[1]); тогда какъ отъ Духовной Коллегіи трудно было бы и ожидать другого рѣшенія вопроса. Какъ учрежденіе государственное, она обязана была служить прежде всего государству и его цѣлямъ, приспособляя, согласно предначертаніямъ свѣтской власти ученіе, Церкви такъ, чтобы оно нисколько не препятствовало „общему благу“[2]). За это она получила лестныя похвалы отъ нѣмцевъ-протестантовъ[3]).

Искаженіе нравственнаго ученія Церкви. Было бы большою ошибкою думать, что церковная реформа Петра Великаго не повліяла и на пониманіе русскимъ богословіемъ нравственнаго ученія христіанской Церкви. Напротивъ, можно сказать, что съ начала XVIII в. нами потерянъ чистый идеалъ христіанской нравственности, или онъ настолько затемненъ, что трудно видѣть его ясно.

Въ московскую эпоху, особенно съ того времени, какъ на Руси возникла и поработила себѣ умы теорія „третьяго Рима“, государственная власть въ лицѣ царя и его правительства считала своимъ долгомъ построить всю государственную жизнь на началахъ соблюденія христіанскихъ заповѣдей и въ этомъ отношеніи достигла, чего могла[4]). Съ другой стороны

3778 — апрѣля 1721 г. манифестъ о пріемѣ шведовъ на службу и ихъ бракахъ; П. С. З. VI, 3798. 23 іюня 1721 г. Синодальный указъ о дозволеніи смѣшанныхъ браковъ, а также П. С. П. I, № 131, 154, 183, 333; II, 346, 453 (п. 8), 454 (п. 10), 848 и др. Съ 1794 г. этотъ трактатъ Ѳеофана Прокоповича о смѣшанныхъ бракахъ неизмѣнно печатается при офиціальныхъ изданіяхъ Духовнаго Регламента. См. выше стр. 211.

¹) См. у *Ѳ. Е. Мельникова*, Блуждающее богословіе. В. I, М. 1911, стр. 218—227.

²) Это приспособленіе см. у *М. Макарія* въ „Руководствѣ“, стр. 324.

³) Относительно дозволенія смѣшанныхъ браковъ въ 1721 г. *гр. Бассевичъ* пишетъ („Записки“, Рус. Архивъ, 1865 г. изд. 2 стр. 199—200), что плѣнные шведы не желали переходить въ православіе для брака съ русскими дѣвушками, а если женились на нихъ безъ перемѣны вѣры, то подвергались насильственному разлученію. „Извѣщенный объ этомъ царь нашелъ такіе поступки столько же несправедливыми, сколько и противными его интересамъ; но совсѣмъ тѣмъ не хотѣлъ показать, что дѣйствуетъ по своему произволу въ вопросахъ, касающихся религіи. Дѣло это было отдано на разсмотрѣніе Св. Синода, который напечатаннымъ въ С.-Петербургѣ 18 августа 1721 г. указомъ, дѣлающимъ по своему благоразумію честь его составителямъ, объявилъ браки между православными и иновѣрцами не только законными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства... Этотъ мудрый указъ пріобрѣлъ Россіи значительное число полезныхъ жителей“.

⁴) См. выше, гл. I, стр. 29—35.

и народъ, подъ вліяніемъ лучшихъ представителей духовенства, особенно монашества, и почти исключительно духовной литературы[1]), глубоко проникался христіанскимъ благочестіемъ и по возможности старался жить по Божьи. Изъ этого слѣдуетъ, что въ московскую эпоху и правительство свѣтское и духовное и самъ народъ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, несомнѣнно, считали вполнѣ жизненными и обязательными христіанскія заповѣди, т. е. не смотрѣли на христіанское ученіе о нравственности, какъ на отдаленный и недостижимый идеалъ, но видѣли въ немъ ближайшую реальную программу живой дѣйствительности, почему и цѣли государства оказались тождественными съ цѣлями Церкви[2]). Съ этой точки зрѣнія—обязательности согласовать нашу повседневную личную и общественную жизнь съ требованіями христіанской нравственности—русскій народъ всегда, а особенно въ древности, оцѣнивалъ всѣ текущія политическія событія и соціальныя явленія, а церковная власть въ силу своего авторитетнаго независимаго положенія имѣла *признанное* за нею *право* обличать и народъ и царя за ихъ грѣхи. Этихъ обличительныхъ выступленій было въ древности не мало, но наиболѣе яркимъ примѣромъ ихъ является обличеніе митрополитомъ Филиппомъ царя Іоанна Грознаго, который еще на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. просилъ духовенство: „мене, сына своего, наказуйте и просвящайте на всякое благочестіе“... „Аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ вашему согласію,—вы о семъ не умолкнете, аще преслушникъ буду, воспретите ми безъ всякаго страху“[3])...

Такое положеніе вещей было вполнѣ естественнымъ. Церковь, какъ таковая, была самобытнымъ и независимымъ отъ государства учрежденіемъ. Духовная власть почерпала свой авторитетъ въ своемъ традиціонномъ служеніи евангельской истинѣ и въ первое время подчинялась даже иноземной власти Константинопольскаго патріарха. Вслѣдствіе этого духовная власть могла высоко держать свое знамя и смѣло взывать къ нравственному ученію Церкви, какъ къ чистому критерію должнаго поведенія отдѣльныхъ людей, кто бы они ни были, такъ равно и всего общества и государства.

Совершенно иное положеніе вещей сложилось послѣ церковной реформы Петра. Еще со средины XVII в., подъ вліяніемъ общенія съ западными народами и въ подражаніе имъ, нѣкоторые русскіе люди высшаго класса *перестали бояться грѣха* и зажили жизнью по собственной волѣ. Въ эпоху Петра это направленіе уже организуется и складывается въ новое міровоззрѣніе. Духовенство не оказывается на высотѣ своего призванія и утрачиваетъ свой авторитетъ учительнаго сословія[4]). Новая, пришедшая къ намъ съ запада политическая философія, учитъ смотрѣть на вѣру, какъ на служебную силу государству. Государство отказывается отъ вѣчныхъ цѣлей спасенія и секуляризуется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и юридически подчиняетъ

[1]) Ср. *Н. К. Никольскаго,* Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ Московской Руси (XV—XVII вв.) и ихъ значеніе для современной гомилетики. Спб. 1901.

[2]) См. гл. I. [3]) См. выше стр. 269—270. [4]) Подробно см. въ гл. III.

себѣ Церковь, заставляя ее служить „общему благу", какъ понимаетъ его не сама Церковь, а какъ понимаетъ ее государство. Церковь, какъ самостоятельный юридическій институтъ, прекращаетъ существовать въ Россіи, превращаясь въ Вѣдомство Православнаго Исповѣданія. Во главѣ этого Вѣдомства ставится государственная Духовная Коллегія подъ контролемъ, а въ XIX в. даже и подъ руководствомъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора съ положеніемъ и властью министра. Въ силу этого, какъ высшее, такъ и низшее духовенство, обслуживающее это Вѣдомство и, наконецъ, сама Духовная Коллегія, преобразованная въ Св. Синодъ, какъ членъ государственнаго правительства, какъ духовное чиновничество, разумѣется, должны были сдѣлаться солидарными со всѣмъ правительствомъ и его направленіемъ, каково бы оно ни было. При этомъ о правѣ обличенія и печалованія, о правѣ вмѣшательства въ распоряженія правительства и въ государственную жизнь уже не могло быть и рѣчи. Что это такъ, достаточно вспомнить, чѣмъ кончилась попытка Стефана Яворскаго протестовать противъ фискаловъ, къ чему свелась роль духовенства въ несчастномъ процессѣ противъ царевича Алексѣя Петровича, хотя, повидимому, Петръ самъ просилъ независимаго голоса Церкви и въ новыхъ пунктахъ присяги узаконилъ вмѣшательство ея въ крайнемъ случаѣ[1]) и т. д. А затѣмъ въ теченіе XVIII—XX ст. до нашихъ дней едва-ли можно указать хоть одинъ случай, подобный смѣлому выступленію митрополита Филиппа. Напротивъ того, духовенство наше, попавшее со времени церковной реформы Петра и особенно учрежденія Духовной Коллегіи въ новое положеніе, къ сожалѣнію, не ограничилось хотя бы *простымъ молчаніемъ* по поводу такихъ явленій въ нашей государственной и общественной жизни, которыя христіанство, конечно, никогда не могло одобрить. Какъ своего рода *служилый* классъ въ государствѣ, какъ органъ *государственной* власти, наше духовенство во главѣ со Св. Синодомъ охотно *защищали* эти явленія, искажая тѣмъ нравственное ученіе Церкви и отводя заповѣдямъ Христа лишь мѣсто отдаленнаго и недостижимаго идеала. За эти два вѣка было сдѣлано не мало оффиціальныхъ и литературныхъ попытокъ *оправдать* наличную дѣйствительность и все зло современной матеріальной культуры, будто бы христіанство ее освящаетъ.

Прежде всего это выразилось въ культѣ государства и государственной власти каковы бы они ни были. Было принципіально признано, что государство само по себѣ есть благо и въ дѣйствіяхъ государственной власти ничего не можетъ быть безнравственнаго. Въ доказательство этого, особенно въ проповѣдяхъ на высокоторжественные и табельные дни съ особенною подробностью развивались и комментировались тѣ тексты Св. Писанія, въ которыхъ говорится о богоустановленности власти. Эти слова внушали понимать не принципіально, а чисто конкретно въ томъ смыслѣ, что Богомъ установлена и форма государства и его режимъ, Имъ освящены всѣ функціи правительства и его политическое направленіе и т. д. Вслѣдствіе этого

[1]) См. т. II, отд. II, № 5, лит. Б, п. 7.

духовенство, еще при Петрѣ Великомъ настроенное оппозиціонно къ новой государственности, затѣмъ сдѣлалось исключительно консервативнымъ и даже реакціоннымъ настолько, что когда въ наши дни все населеніе призвано къ свободному выраженію своихъ политическихъ убѣжденій въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, за духовенствомъ строго слѣдитъ подлежащее начальство, чтобы оно не сидѣло лѣвѣе октябристовъ, и въ случаѣ нужды лишаетъ сана и возвращаетъ въ свою эпархію неповинующихся лицъ. Строго говоря, это совершенно правильно, ибо духовныя лица, со времени церковной реформы Петра, суть прежде всего служители государства, агенты правительства, и выражать своихъ независимыхъ сужденій, хотя бы и во имя вѣчной божественной правды, они вовсе не имѣютъ права. Такова иронія судьбы.

Къ сказанному надо прибавить, что подъ вліяніемъ культа государственности пріобрѣла совершенно необычный и несвойственный ей начальственный тонъ сопричисленная къ правительству церковная іерархія, у которой образъ „пастыря добраго", который „душу свою полагаетъ за овцы"[1], заслонился образомъ духовнаго командира, духовнаго начальства[2]), дѣйствующаго и на низшее духовенство и на мірянъ принудительной властью[3]).

Современное государственное положеніе Церкви въ Россіи, кореняшееся въ церковной реформѣ Петра, всегда обязывало и обязываетъ духовенство защищать и оправдывать не только наличный государственный строй независимо отъ его нравственныхъ достоинствъ, но и вытекающія изъ него событія и явленія. Такъ, напр., духовенство защищаетъ клятву именемъ Божіимъ, впервые введенную Петромъ и Ѳеофаномъ по политическимъ соображеніямъ[4]), раньше защищала крѣпостное право, тѣлесныя наказанія и до сихъ поръ защищаетъ смертную казнь. Не имѣя силы громко осудить самыя основы современной матеріальной культуры, духовенство и школьное богословіе оправдываетъ накопленіе богатствъ, отдачу денегъ подъ проценты, капитализмъ и т. д. и, напротивъ, борется противъ соціализма, безучастно къ рабочему вопросу[5]). Даже церковное хозяйство построено на капиталистическомъ началѣ[6]). По той же причинѣ не осуждается или какъ то вяло осуждается роскошь, свѣтская жизнь, удовольствія, въ томъ числѣ

---

1) Іоанна, X, 11.

2) Выраженіе: „духовная команда", „синодальная команда" было обычнымъ въ XVIII и въ началѣ XIX в. Въ настоящее время ихъ замѣняютъ термины: „духовное вѣдомство", „духовное начальство".

3) См. *Уставъ Духовныхъ Консисторій* изд. 1883 г. особ. ст. 176—196, 276, 277 и др.—Ср. *Уложеніе о наказаніяхъ* (Св. зак. т. XV, изд. 1885 г.), ст. 58 и 93 и комментаріи къ нимъ проф. *Н. С. Таганцева* въ изд. 17-мъ, Спб. 1913.

4) См. т. II, № 14, Критику М. Родышевскаго и примѣчаніе къ ней о клятвѣ.

5) Ср. посланіе Св. Синода 14 января 1905 г. въ приложеніи къ № 3 оффиціальной части „Церковныхъ Вѣдомостей" за 1905 г.

6) Ср. свѣчныя операціи, свѣчные заводы, типографіи, монастырское хозяйство и проч.

театры, противъ которыхъ такъ горячо возставалъ св. Іоаннъ Златоустъ[1]). Даже святое дѣло борьбы съ народнымъ пьянствомъ прекращалось иногда подъ воздѣйствіемъ правительства[2]) и въ настоящее время врачевства отъ него ищутъ въ народныхъ домахъ съ ихъ чисто земными развлеченіями. Современное государство вообще и русское въ частности, въ силу общаго замѣтнаго охлажденія къ вѣрѣ, конечно, не можетъ задаваться слишкомъ высокими цѣлями и со своей точки зрѣнія совершенно въ правѣ примѣнять признанныя имъ почему либо цѣлесообразными наказанія, до смертной казни включительно, мириться съ компромиссами, въ родѣ регламентаціи проституціи и врачебно-полицейскаго надзора за публичными домами[3]), или въ цѣляхъ, напр., поднятія чувства чести въ военной средѣ вводить и дѣлать обязательной строго осуждаемую христіанствомъ дуэль и т. д. Но Церковь не можетъ быть привлекаема государствомъ для одобренія всего, что бы оно ни дѣлало, а духовенство не должно идти навстрѣчу государству въ этомъ отношеніи[4]). Въ нормальныхъ условіяхъ, когда Церковь свободна и не обращена въ государственное вѣдомство, свѣтская власть въ правѣ требовать отъ духовенства самое большее—одного молчанія, т. е. *воздержанія* отъ критики и обличенія, но никакъ не поддержи себѣ путемъ воздѣйствія на населеніе во имя религіи и ея ученія.

Пользованіе богослуженіемъ для государственныхъ цѣлей. Кромѣ ученія Церкви на службу государству было привлечено и церковное богослуженіе,

1) Между тѣмъ на юбилейные спектакли въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ было допущено даже духовенство. См. газеты за февраль 1913 г.

2) См. *проф. В. Ѳ. Дерюжинскаго*, Полицейское право. Изд. 3, Спб. 1911, стр. 338—339: „Въ 50-хъ годахъ XIX-го столѣтія, когда дѣйствовала откупная система, породившая массу злоупотребленій, во многихъ мѣстностяхъ въ народѣ обнаружилось движеніе противъ пьянства. Въ губерніяхъ, находящихся въ разныхъ полосахъ Россіи, стали возникать общества трезвости. Движеніе это встрѣтило сочувствіе и нашло себѣ поддержку, главнымъ образомъ, въ средѣ духовенства. Въ 1859 г. отъ Св. Синода послѣдовало циркулярное приглашеніе священно-служителямъ „содѣйствовать возникновенію въ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина“. Однако, движеніе это на первыхъ же порахъ своего развитія встрѣтилось съ тѣмъ же непреодолимымъ препятствіемъ—интересами фиска. Отъ министерства финансовъ послѣдовало сообщеніе Оберъ-Прокурору Св. Синода, что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе“. А чрезъ нѣсколько времени послѣ того министромъ финансовъ сдѣлано было распоряженіе, „чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ сходовъ для сей цѣли нигдѣ не допускать“.

3) *В. Ѳ. Дерюжинскій*, Полицейское право. Изд. 3. Спб. 1911 г. стр. 367 и слѣд.

4) Ср. *В. Экземплярскаго*, Нѣсколько мыслей по поводу защиты смертной казни въ русской богословской литературѣ послѣдняго времени. Кіевъ, 1907.—*Его же*, Ученіе древней Церкви о собственности и милостынѣ. Кіевъ, 1910.—*Его же*, За что меня осудили? Кіевъ, 1912.—*Его же*, Къ вопросу объ отношеніи нравственности къ политикѣ. (Нравственныя нормы жизни и международныя отношенія). Кіевъ, 1905.—*Его же*, Библейское и святоотеческое ученіе о сущности священства, Кіевъ, 1904.

при чемъ соотвѣтственно измѣнены были или вновь составлены цѣлыя чинопослѣдованія. Такъ, напр., въ 1716 г. по инициативѣ и при личномъ участіи самого Петра былъ дополненъ чинъ архіерейской присяги въ нужномъ ему смыслѣ[1]). Въ ней, между прочимъ, былъ прибавленъ Петромъ 7-й пунктъ съ обязательствомъ новопоставляемаго архіерея „въ мірскія дѣла и обряды не входить ни для чего“[2]). Въ 1718 г. Петръ, вообще склонный къ иновѣрцамъ, испросилъ у патріарха Константинопольскаго разрѣшенія не перекрещивать, а лишь муропомазывать лютеранъ и кальвинистовъ при переходѣ ихъ въ правословіе[3]). Вслѣдствіе этого измѣненъ былъ самый чинъ перехода, между тѣмъ какъ до Петра въ Россіи, а въ другихъ православныхъ Церквахъ и доселѣ лютеранъ перекрещивали и перекрещиваютъ. Затѣмъ пересматривались эктеніи и молитвы о побѣдѣ надъ супостатами—въ 1723 г. Гавріиломъ Бужинскимъ и Стефаномъ Прибыловичемъ[4]), а особенно часто измѣнялась форма возношенія при богослуженіи именъ императорской фамиліи[5]). Въ 1709 г. вновь составлена Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ служба въ память Полтавской побѣды и на нѣкоторые другіе викторіальные дни[6]). Въ 1721 г. былъ выработанъ особый порядокъ празднованія Ништадтскаго мира, причемъ по приказу Петра былъ установленъ семидневный звонъ[7]), а Гавріиломъ Бужинскимъ былъ сочиненъ новый молебенъ, въ который, по словамъ Маркелла Родышевскаго, онъ внесъ намеки на царевича Алексѣя Петровича[8]). Въ 1722—1723 гг. тѣмъ же Гавріиломъ была сочинена новая служба на тезоименитствѣ Екатерины I и особое благодарственное молебствіе на государственные случаи[9]). Въ 1730 г. Ѳеофаномъ Прокоповичемъ составлено было молебствіе на восшествіе на престолъ Анны Іоановны, два раза въ годъ повторявшееся во время ея царствованія[10]). Въ XIX в. обращаютъ на себя вниманіе составленный въ 1814 г. М. Московскимъ Филаретомъ молебенъ въ память избавленія Россіи отъ нашествія французовъ, при чемъ имъ установлено преклоненіе колѣнъ при чтеніи священникомъ послѣдней молитвы въ явное нарушеніе смысла 20-го канона 1-го Вс. собора и другихъ[11]), а также экте-

[1]) См. т. II, отд. II, № 5. [2]) Тамъ же лит. Б, п. 7.

[3]) П. С. З. V, 3225, 31 августа 1718 г. Любопытно, что грамота патріарха чрезъ Сенатъ была переслана Стефану Яворскому, для сообщенія архіереямъ при указахъ изъ Духовнаго Приказа. Эти указы были озаглавлены такъ: „Отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Богомольцу Нашему Преосвященному“ и проч. См. П. С. З. V, № 3300, 7 февраля 1719 г.

[4]) П. С. П. II, № 661; III, № 978.—О. А. С. С. т. III, № 61.

[5]) *А. П. Доброклонскій*, стр. 398—Ср. П. С. П. I, № 230.

[6]) *А. П. Доброклонскій*, стр. 398. [7]) П. С. П. I, 206.

[8]) *П. П. Пекарскій*, Наука и литература, т. I, стр. 497.

[9]) П. С. П. II, 949; III, 977, 978, 1032, 1078, 1103, 1119, 1124, 1125; IV, 1253, 1255, 1272, 1312, 1317, 1324, 1332, 1335, 1362 и др.

[10]) П. С. П. т. VII, 1730 г. приложенія. См. ниже стр. 647 и слѣд.

[11]) См. „Правила прав. Церкви съ толкованіями Никодима, еп. Далматинско-Истрійскаго“. Спб., 1911—1912 гг. т. I, стр. 236, 583; т. II, стр. 579, 604.—Кромѣ того, съ кон-

нія и молитва на литургіи объ утвержденіи мира и разрушеніи совѣтовъ нечестивыхъ, дерзновенно возстающихъ на попраніе власти—въ 1881 г.[1]), при чемъ эти эктенія и молитвы съ тѣхъ поръ не разъ измѣнялись. Однимъ словомъ съ Петра Великаго вошло въ опредѣленную систему всѣ болѣе или менѣе важныя съ государственной точки зрѣнія событія непремѣнно отмѣчать церковнымъ богослуженіемъ. Этимъ днямъ былъ составленъ реестръ или табель, который съ тѣхъ поръ аккуратно исправляется и печатается Св. Синодомъ и всегда долженъ висѣть въ алтарѣ или ризницѣ каждаго храма для вящшаго напоминанія. Такъ, напр., въ одной изъ рукописей Московской Синодальной Типографіи[2]) читаемъ, что „29 января 1724 г. Св. Пр. Синода члены, присутствующіе въ Конторѣ типографскихъ дѣлъ, приказали: въ календаряхъ, которые будутъ печататься на будущій 1725 г. и впредь, печатать реестръ торжественнымъ, праздничнымъ и викторіальнымъ днямъ, которые повсягодно празднуемы бываютъ при проповѣди слова Божія, а имянно: въ генварѣ 1-го—торжествованіе Новаго Года. 3 февраля — тезоименитство гос. царевны Анны Петровны. 19 февраля — воспоминаніе брака Им. Величества. 30 мая — рожденіе И. Величества. 25 іюня—коронованіе И. В. 27 іюня—преславная викторія подъ Полтавою. 29 іюня —тезоименитство И. В. 29 іюля – взятіе фрегатовъ, первѣе при Ангутѣ, потомъ при Грингамѣ. 5 сентября — тезоименитство царевны Елисаветы Петровны. 28 сентября — викторія надъ генер. Левенгауптомъ. 11 октября—взятіе крѣпости Нотенъбурха, которой нынѣ Шлюттельбурхъ. 23 ноября—Св. бл. в. кн. Александра Невскаго. 24 ноября—тезоименитство Г. И. Екатерины Алексѣевны. 30 ноября—Св. Ап. Андрея Первозваннаго, торжество кавалеровъ россійскихъ". Съ теченіемъ времени число этихъ т. наз. табельныхъ дней, конечно, увеличивалось и сильно обременяло духовенство, которое неизбѣжно должно было соблюдать ихъ несравненно строже чисто религіозныхъ православныхъ праздниковъ[3]). Поэтому уже въ 1766 г. Св. Синодъ самъ просилъ императрицу Екатерину II о сокращеніи числа молебствій въ викторіальные дни, объ отправленіи панихидъ по умершимъ членамъ царской фамиліи не въ срочные дни, а въ концѣ мѣсяца[4]), и о смягченіи наказаній священно- и церковнослужителей за опущеніе этихъ молебствій и паннихидъ по какимъ либо причинамъ, такъ какъ ранѣе полагались за это тѣлесныя наказанія[5]).

ца XVIII в., подъ вліяніемъ католичества, въ Россіи появился обычай становиться на колѣни вмѣсто совершенія „метаній" (отъ μετάνοια=покаяніе), т. е. паденія ницъ, какъ слѣдуетъ по православному Уставу, сохраняемому лишь старообрядцами и единовѣрцами.

1) *А. П. Доброклонскій*, стр. 399.

2) Рукопись № 185 *А.* л. 125—126. — *А. В. Гавриловъ*, Очеркъ исторіи С.-Петербургской Синодальной Типографіи. В. I. 1711—1839. Спб. 1911, стр. 39 прим. 1.

3) Въ настоящее время соблюденіе табельныхъ дней обезпечивается ст. 23—27 Устава о пред. и прес. преступленій (Св. Зак. т. XIV, изд. 1890 г. и продолженія).

4) Любопытно отмѣтить, что особая паннихидная роспись существуетъ и теперь, но въ ней нѣтъ имени Іоанна Антоновича.

5) *Ив. С. Знаменскій*, Положеніе духовенства въ царствованіе Екатерины II и Павла I. М. 1880, стр. 145.

Чтобы составить себѣ болѣе опредѣленное понятіе о томъ, какимъ образомъ православное богослуженіе привлекалось на службу государству, а иногда даже просто политической партійности, стоитъ нѣсколько подробнѣе остановиться на исторіи сочиненнаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ молебна на восшествіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны[1]).

Извѣстно, что въ ночь съ 18 на 19-е января 1730 г. въ Лефортовскомъ дворцѣ въ Москвѣ скончался 15-лѣтній внукъ Петра Великаго Императоръ Петръ II, послѣдній представитель мужской линіи Дома Романовыхъ. Согласно тестаменту Екатерины I[2]), составленному на основаніи „Устава о наслѣдіи престола" Императора Петра Великаго 5-го февраля 1722 г.[3]), русскій престолъ долженъ былъ перейти къ дочери Петра Пер-

[1]) Въ виду важности вопроса мы перепечатываемъ здѣсь *нашу* же статью подъ заглавіемъ: „Затѣйка верховниковъ въ чинѣ молебна", помѣщенную въ журналѣ † Прот. А. П. Мальцева „Церковная Правда" за 1913 г. № 16—17.

[2]) 7 мая 1727 г. Первое Полное Собраніе Законовъ т. VII, № 5007:

1. Великій Князь Петръ Алексѣевичъ имѣетъ быть Сукцессоромъ.

2. И именно со всѣми правами и прерогативами, какъ и Мы владѣли...

8. Ежели Великій Князь безъ наслѣдника преставится, то имѣетъ по немъ Цесаревна Анна со своими Десцендентами, по ней Цесаревна Елисавета и Ея Десценденты наслѣдовать, однакожъ мужеска полу наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ".

[3]) I. П. С. З. т. VII, № 3893: „... чего для заблагоразсудили Мы сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ Правительствующаго Государя, кому оной хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство, и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ".

Указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта 26-го іюля 1727 г. этотъ Уставъ велѣно было отобрать изъ присутственныхъ мѣстъ и отъ частныхъ лицъ, но Манифестъ 17 декабря 1731 г. Императрицы Анны (П. С. З. VII, № 5909) объ учиненіи присяги наслѣднику Всероссійскаго Престола, который *будетъ назначенъ* ссылкой на уставъ Петра, возстановилъ его дѣйствіе. Означенный указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта изданъ былъ, несомнѣнно, съ тою цѣлью, чтобы уничтожить послѣдствія процесса царевича Алексѣя Петровича, отца Императора Петра II. Приказано было прежде всего „о выданныхъ въ народъ въ прошлыхъ годахъ манифесты, которые публикованы по цѣламъ, бывшимъ въ розыскной канцеляріи подъ вѣдѣніемъ Петра Толстова, какъ изъ Синода, такъ и изъ Сената взять вѣдомости", сколько и куда ихъ разослано и сколько еще осталось. И впредь съ сего числа тѣхъ манифестовъ больше не продавать и не печатать, а всѣ оные, гдѣ нынѣ на лицо есть, такожъ и тѣ, которые разосланы были въ коллегіи и канцеляріи и въ губерніи по городамъ и по церквамъ, собрать въ одно мѣсто... чтобъ впредь ни въ которыхъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, такожъ и въ городахъ по канцеляріямъ же и по церквамъ, оныхъ отнюдь не было и не читали. А которые всякихъ чиновъ люди такіе манифесты въ домахъ своихъ имѣютъ, тѣмъ приносить"... въ назначенныя мѣста. „И впредь ни кому тѣхъ манифестовъ въ домахъ своихъ ни подъ какимъ видомъ не держать и не чинить. А которая книга сочинена въ прошломъ 1726 г. въ Синодѣ, называемая Правда воли Монаршей, и разослана по церквамъ во все государство, тѣ всѣ собрать въ Синодѣ"... „и о томъ публиковать указами"... а о собранномъ представить въ В. Т. С. вѣдомости. „А кто имѣя у себя тѣ манифесты и книги въ домахъ, а не объявитъ, или изъ коллегій и изъ канцелярій, собравъ въ тѣ мѣста, не отдадутъ, за то тѣ люди будутъ отданы къ суду, а именно тѣ манифесты печатаны и въ народъ публикованы: 1) февраля 3 дня 1718 года о наслѣдіи; 2) тогожъ года іюня 25 дня объявленіе блаженныя памяти о Государѣ Царевичѣ и другой по дѣлу Глѣбова и епископа Досифѣя; 3) уставъ о наслѣдіи престола россій-

ваго отъ Екатерины, Аннѣ, а послѣ нея къ Елизаветѣ. Но члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, говоря словами Генералъ-Прокурора Петровскаго Сената П. И. Ягужинскаго, нашли этотъ моментъ подходящимъ, „чтобъ самодержавію не быть", и потому не подчинились завѣщанію Екатерины I, а выбрали на престолъ менѣе всего ожидавшую этого, племянницу Петра Великаго Анну Іоанновну, Герцогиню Курляндскую, предложивъ ей при этомъ особые ограничительные „пункты". Однако, попытка верховниковъ ограничить самодержавіе русскихъ государей не удалась и уже современники окрестили ее насмѣшливымъ именемъ „затѣйки".

Для яснаго пониманія намековъ, введенныхъ Ѳеофаномъ въ сочиненный имъ молебный чинъ, необходимо вкратцѣ напомнить здѣсь исторію этой „затѣйки"[1]). Въ моментъ смерти Императора Петра II-го, при немъ въ Лефортовскомъ дворцѣ были члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, сенаторы, генералитетъ и синодальные члены, соборовавшіе Императора, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Георгій Дашковъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій. Послѣдніе собирались уходить, когда фельдмаршалъ кн. Долгорукой предупредилъ ихъ, чтобы они вмѣстѣ съ другими синодальными членами явились на собраніе всѣхъ чиновъ въ 10 час. утра слѣдующаго 19-го января. Между тѣмъ верховники гр. Г. И. Головкинъ, бар. А. И. Остерманъ, кн. А. Г. Долгорукой, кн. В. Л. Долгорукой и кн. Д. М. Голицынъ вмѣстѣ съ сибирскимъ губернаторомъ кн. М. Вл. Долгорукимъ и фельдмаршалами кн. Вас. Вл. Долгорукимъ и кн. М. М. Голицынымъ удалились въ особую комнату совѣщаться о преемникѣ престола. Здѣсь, по настоянію кн. Д. М. Голицына было прежде всего отвергнуто завѣщаніе Екатерины I, какъ исходящее отъ женщины низкаго происхожденія[2]). Что же касается завѣщанія самаго Петра II, въ которомъ престолъ передавался нареченной невѣстѣ Императора княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, то оно признано подложнымъ, каковымъ и было на самомъ дѣлѣ. Со своей стороны кн. Д. М. Голицынъ предложилъ избрать на престолъ Анну Іоанновну, Герцогиню Курляндскую, замѣтивъ при этомъ:

скаго февраля 5 дня 1722 года, и прочіе, ежели къ тѣмъ дѣламъ явятся приличные". Протоколъ В. Т. Совѣта 26 іюля 1727 г. (см. Сборникъ Императ. Историч. Общества т. 69, стр. 173—174) подписали гр. Апраксинъ, гр. Головкинъ, кн. Д. Голицынъ, В. Степановъ.

[1]) О „Затѣйкѣ" верховниковъ см. проф. *Д. А. Корсакова*, Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны, Казань 1880 г. (по этому изслѣдованію сдѣлано наше изложеніе исторіи „затѣйки", насколько это необходимо, чтобы припомнить отдѣльные моменты этого историческаго событія и уяснить роль въ немъ Ѳеофана Прокоповича.—Проф. *А. Н. Филипповъ*, Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета, ч. I (Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта), Юрьевъ 1895, т. I.—*П. Н. Милюковъ*, „Верховники и Шляхетство" (въ книгѣ: „Изъ исторіи русской интеллигенціи", Спб. 1902 г.).—Проф. *А. Н. Филипповъ*, Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I, изд. 4, Юрьевъ 1912 г., стр. 595—599.

[2]) Любопытно отмѣтить, что если бы Уставъ Петра Великаго о наслѣдіи престола 5 февраля 1722 г. въ тотъ моментъ дѣйствовалъ, то кн. Д. М. Голицыну незачѣмъ было бы выставлять такой неделикатный аргументъ противъ тестамента Екатерины I, ибо по Уставу въ завѣщаніи нельзя было дѣлать распоряженій о субституціи наслѣдниковъ, какъ это сдѣлала Екатерина въ своемъ тестаментѣ. Повидимому, изъятіе Устава вмѣстѣ съ другими манифестами, знаменовало собою временную неформальную его отмѣну.

„Ваша воля, кого изволите, только надобно себѣ полегчить". „Какъ это полегчить?"—спросилъ канцлеръ Головкинъ.—„Такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить",—отвѣтилъ кн. Голицынъ.—„Хоть и зачнемъ, да не удержимъ этого",—возразилъ кн. В. Л. Долгорукой.—„Право удержимъ!"—утверждалъ кн. Д. М. Голицынъ. Никто не отвѣчалъ ему на это, но на избраніе Курляндской Герцогини согласились всѣ.

Кн. Д. М. Голицынъ, видя, что вопросъ о томъ, чтобы „воли себѣ прибавить", не разсматривается, снова замѣтилъ: „Будь воля ваша, только надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты"[1]). Послѣ этого разговора, верховники вышли къ сенаторамъ и генералитету, изъ коихъ нѣкоторые также не прочь были прибавить себѣ воли, и объявили объ избраніи Анны Іоанновны. Затѣмъ, когда нѣкоторые сановники удалились, верховники, вмѣстѣ съ остальными, занялись составленіемъ „пунктовъ" въ комнатѣ, смежной съ тою, въ которой лежалъ Императоръ, но успѣли намѣтить только семь и разъѣхались по домамъ. Въ 10 часовъ утра 19 января 1730 г. состоялось въ Кремлѣ въ „Мастерской Палатѣ" общее собраніе верховниковъ вмѣстѣ съ Сенатомъ, Синодомъ, генералитетомъ и прочими чинами до бригадира, на которомъ вѣсть объ избраніи Анны Іоанновны была встрѣчена сочувственно, но о „пунктахъ" ничего не было сказано. Только по удаленіи всѣхъ, верховники принялись доканчивать „пункты", составили манифестъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта о кончинѣ Петра II-го и объ избраніи Анны, а также инструкціи депутатамъ, которые должны были свезти пункты, или кондиціи, Герцогинѣ Курляндской и письмо къ ней отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Всѣ эти документы были подписаны верховниками уже на домахъ и поздно вечеромъ 19 января посланные выѣхали изъ Москвы.

Ночныя совѣщанія верховниковъ вызвали общее противъ нихъ недовольство на „всенощное оной затѣйки ухищреніе", какъ выразился Ѳеофанъ Прокоповичъ[2]). Въ свою очередь П. И. Ягужинскій, оскорбленный пренебреженіемъ къ нему верховниковъ, 20 января послалъ въ Митаву П. С. Сумарокова съ тѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ Анну вѣрить не всему, что станутъ представлять посланные Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Сумароковъ прибылъ въ Митаву 25 января нѣсколькими часами позднѣе послѣднихъ. Въ Москвѣ росло, между тѣмъ, возбужденіе, которое Ѳеофанъ Прокоповичъ изображалъ такими словами: „жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе. Куда не прибудешь, къ какому собранію не пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается (отъ чего сохранилъ бы Богъ!), то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство. Самымъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней,

[1]) *Корсаковъ*, стр. 1—5. [2]) *Корсаковъ*, стр. 78.

и Россія возымѣетъ скаредное оное лицо, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена, бѣдствовала"[1]). „Но далеко не всѣ противники верховниковъ, говоритъ проф. Д. А. Корсаковъ, примирялись съ избраніемъ Анны Іоанновны и далеко не всѣ изъ нихъ желали предоставить ей самодержавную власть. Среди противниковъ Верховнаго Совѣта можно замѣтить два направленія: первое было за ограниченіе власти, но при участіи выборныхъ отъ генералитета и шляхетства, второе—за сохраненіе самодержавія. Оба эти направленія подраздѣлялись еще на группы, стоявшія за разныхъ лицъ тогдашняго царскаго дома: одни желали видѣть на престолѣ первую развѣнчанную, супругу Петра Великаго, царицу Евдокію Ѳеодоровну; другіе, опираясь на „тестаментъ" Екатерины I-й, стояли за принца голштинскаго Петра Ульриха и за Елизавету Петровну; третьи, наконецъ, высказывались въ пользу герцогини мекленбургской Екатерины Іоанновны, старшей сестры курляндской герцогини. Въ числѣ сторонниковъ всѣхъ этихъ лицъ были люди и за самодержавіе, и за его ограниченіе"[2]).

Движеніе разросталось, особенно благодаря тому, что въ Москву на обрученіе и бракосочетаніе юнаго Императора были собраны полки и съѣхалось шляхетство, которое оживленно обсуждало сложившееся политическое положеніе и права на престолонаслѣдіе разныхъ лицъ. „Между тѣмъ произошло въ слухъ,—пишетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—„что другій родился союзъ, осьмоличному союзу противный. Знатнѣйшіи, сирѣчь изъ шляхетства, сноситься и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домамъ, да ночною порою сибирались". „Я въ то время",—продолжаетъ онъ,— „всякимъ возможнымъ прилежаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать. Другое мнѣніе кроткое было: дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина, однимъ и немногимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то предъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать, непріятно то и смрадно пахнетъ"[3]). За самодержавіе высказывалось низшее шляхетство. Къ нему примыкали и духовенство, съ Ѳеофаномъ во главѣ. Въ это время Верховный Тайный Совѣтъ былъ занятъ дѣлами, относящимися къ избранію Анны Іоанновны и, въ частности, разработкой подробнаго проекта новаго государственнаго устройства, распоряженіями относительно погребенія почившаго Императора и текущими дѣлами государственнаго управленія. Въ ряду послѣднихъ находился вопросъ о томъ, кого поминать за богослу-

[1]) Выписка изъ „Сказанія" Ѳеофана стр. 198—199, у *Корсакова*, стр. 87.

[2]) *Корсаковъ*, стр. 88.

[3]) Выписка изъ „Сказанія" Ѳеофана стр. 199—200, у *Корсакова*, стр. 90.

женіемъ въ качествѣ царствующаго Императора. 20-го января Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ было пріостановлено на время распубликованіе манифеста о кончинѣ Государя и объ избраніи Анны Іоанновны, а разрѣшено было поминать скончавшагося Императора за упокой только въ Москвѣ, имя же его обрученной невѣсты исключить, вспоминая только царицу Евдокію Өеодоровну, Цесаревну и Царевенъ, а 23-го января Св. Синодъ постановилъ, чтобы на сугубой ектеніи въ священнослуженіи „вспоминать перво Святѣйшій Синодъ, а потомъ *обще* Фамилію Императорскую[1]). Наконецъ, 1-го февраля прибылъ генералъ Леонтьевъ и привезъ изъ Митавы подписанныя Анной кондиціи и письмо отъ нея къ членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. 2-го февраля къ 9 часамъ утра съѣхались на засѣданіе верховники вмѣстѣ съ Сенатомъ, Синодомъ, президентами коллегій, генералитетомъ и др. чинами. Верховники, пригласивъ къ себѣ въ особое помѣщеніе нѣкоторыхъ, объявили имъ подписанныя Анною кондиціи и письмо, составленное заранѣе, еще въ Москвѣ кн. В. Л. Долгорукимъ и кн. Д. М. Голицынымъ. Письмо это заключало въ себѣ выраженія, которыя могли обнадеживать всѣ партіи, а потому согласно рѣшили на другой день въ Успенскомъ соборѣ служить благодарственный молебенъ.

Однако извѣстіе о согласіи Анны на кондиціи не примирили партіи, и онѣ отказались подписать предложенный имъ верховниками протоколъ о томъ, что онѣ, выслушавъ пункты и письмо, „за такую Ея Императорскаго Величества показанную всему государству неизреченную милость, благодарили всемогущаго Бога и всѣ согласно объявили, что тою Ея Величества милостію весьма довольны“[2]). Въ свою очередь синодальные члены немедленно собрались на засѣданіе и постановили возносить имя Государыни подобно тому, какъ бывало прежде, т. е.—„о Благочестивѣйшей Самодержавнѣйшей Великой Государынѣ нашей Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ всея Россіи и проч.“[3]). Этимъ путемъ былъ сдѣланъ крупный шагъ къ полному уничтоженію „затѣйки“ верховниковъ, почему, когда на молебнѣ 3 февраля имя Анны было провозглашено съ полнымъ титуломъ по выше опредѣленной формулѣ, Верховному Тайному Совѣту оставалось ее только признать, что они и сдѣлали[4]), въ надеждѣ, что Анна, пользуясь титуломъ самодержицы, тѣмъ не менѣе будетъ править фактически ограниченная Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ.

4-го февраля верховники вновь совѣщались и составили манифестъ о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны[5]), но уже прежде, чѣмъ онъ былъ обнародованъ, стали поступать въ Совѣтъ проекты новаго государственнаго устройства и Верховный Тайный Совѣтъ былъ вынужденъ согласиться принять ихъ къ разсмотрѣнію. Такихъ проектовъ было подано двѣнадцать различнаго содержанія[6])

[1]) Описаніе Архива Св. Синода т. X, № 27, стр. 67—68. [2]) *Корсаковъ*, 122.

[3]) Описаніе Архива Св. Синода т. X, № 27, стр. 69.

[4]) *Корсаковъ*, 132; Полное Собраніе Постановленій и Распоряженій по вѣдомству Православнаго Исповѣданія. Т. VII, № 2284.

[5]) Полное Собраніе Законовъ VIII, № 5499.

[6]) О нихъ подробно у *Корсакова*, стр. 146—188.

Между тѣмъ Анна, выѣхавшая 29 января изъ Митавы, была встрѣчена верховниками, сановниками и народомъ и 15 февраля торжественно въѣхала въ Москву. 20 февраля принесена была Аннѣ и *Государству* присяга, а затѣмъ 22 февраля Верховный Тайный Совѣтъ обратился къ Шляхетству съ особымъ заявленіемъ, въ которомъ предлагалъ ему уступки, чтобы не казалось, что онъ желалъ власти только для себя, стремясь къ олигархіи. Но уступки слишкомъ запоздали и вокругъ хитраго барона А. И. Остермана объединилась ужа сильная партія сторонниковъ самодержавія, которая и побуждала Анну къ дѣйствіямъ. Послѣднія назначены были на 25 февраля. Въ этотъ день съ утра Верховный Тайный Совѣтъ засѣдалъ въ Мастерской Палатѣ Кремлевскаго дворца. Къ нему явились 150 человѣкъ главныхъ военныхъ, требуя, чтобы ихъ выслушали, и вручили бумагу съ изложеніемъ своихъ неудовольствій. Верховный Тайный Совѣтъ согласился удовлетворить ихъ желаніе и передать о немъ Императрицѣ. Но пришедшіе желали лично подать челобитную Государынѣ, что и сдѣлали съ согласія верховниковъ. Въ своей челобитной они просили обсудить ихъ проекты новаго государственнаго устройства, которымъ верховники не давали движенія. Анна смутилась, потому что ожидала провозглашенія ея самодержицей, однако по совѣту сестры Екатерины Іоанновны, герцогини Мекленбургской, начертала на челобитной „учинить по сему“, указывая, чего она хочетъ отъ шляхетства. Тогда послѣднее удалилось въ сосѣднюю залу дворца для совѣщанія, а верховниковъ Анна пригласила съ собою обѣдать, чтобы не дать имъ разойтись. Шумъ среди шляхетства заставилъ Анну приказать офицерамъ гвардіи повиноваться С. А. Салтыкову, который и привѣтствовалъ Анну самодержавной Императрицей. Въ свою очередь и шляхетство составило новую челобитную, прося Анну „принять самодержавство“. Выйдя къ шляхетству и выслушавъ его прошеніе, Анна спросила членовъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, согласны ли они на то, чтобы она приняла предлагаемое ей народомъ и, получивъ согласіе, потребовала къ себѣ пункты и письмо, подписанное въ Москвѣ. „И тѣ пункты Ея Величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать“. 28 февраля послѣдовалъ манифестъ о принятіи Анною самодержавія[1]).

Этимъ кончилась „затѣйка“ верховниковъ. Сторонники самодержавія, въ томъ числѣ Ѳеофанъ, торжествовали. Послѣдній „На день 25 февраля“ написалъ даже особые стихи:

Въ сей день Августа наша свергла долгъ свой ложный,
Растерзавши на себе хирографъ подложный,
И выняла скипетръ свой отъ гражданскаго ада
И тѣмъ стала Россія весела и рада.
Таково смотрѣніе продолжи намъ Боже,
Да державѣ Россійской не вредитъ ничто же.
А ты всякъ, кто ни мыслитъ вводить строй обманный
Бойся самодержавной, прелестниче, Анны.

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 5509.

Какъ оная бумажка, вси твои подлоги
Растерзанныя падутъ подъ царскія ноги[1]).

28 апрѣля того же 1730 г. совершилось и коронованіе Анны Іоанновны, согласно принятому чину. Но въ слѣдующіе годы надлежало праздновать восшествіе на престолъ и коронацію молебнами, какъ бывало и раньше. Еще въ манифестѣ Анны 16 марта 1730 г. о предстоящей коронаціи было сказано, „дабы Наши вѣрные подданные молили Всеблагаго Бога о Нашемъ здравіи, о благополучномъ намѣренія Нашего совершеніи, и о благопоспѣшномъ и мирномъ царствованіи“[2]). Но затѣмъ, 23 декабря 1730 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ словесно объявилъ въ Синодѣ: „Что де сегожъ декабря 22 дня Ея Императорское Величество, Всепресвѣтлѣйшая Великая Государыня Императрица Анна Іоанновна, Самодержица Всероссійская, въ присутствіе въ новопостроенномъ Своего Величества домѣ, что въ Кремлѣ, имяннымъ Своимъ указомъ повелѣла: о восшествіи Ея Императорскаго Величества на престолъ Россійскія Имперіи благодарственное ко Всеблагому Богу молебное торжество отправлять въ Москвѣ въ соборныхъ и приходскихъ церквахъ и въ монастыряхъ, также и во всѣхъ епархіяхъ Генваря 19-го дня повсягодно, непремѣнно[3]).

Однако Ѳеофанъ Прокоповичъ, принимавшій такое дѣятельное участіе въ событіяхъ, связанныхъ съ затѣйкою верховниковъ, и несочувствовавшій имъ, счелъ необходимымъ составить совершенно особый[4]) чинъ молебна по случаю воцаренія Анны Іоанновны[5]) и, какъ видно изъ опредѣленія Св. Си-

---

[1]) Взято изъ рукописи Новгор. семинаріи № 3885 и напечатано у *Чистовича*, „Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время“. Спб. 1868, стр. 259—260, прим.

[2]) Полное Собраніе Пост. по вѣдомству Прав. Исповѣданія, т. VII, № 2303.

[3]) Полн. Собр. Пост., т. VII, № 2407, 2416; Описаніе Архива Св. Син. т. X, № 499, стр. 799.

[4]) Любопытно отмѣтить, что еще 5 мая 1721 г. состоялось опредѣленіе Св. Синода „во всемъ Россійскомъ государствѣ день коронованія Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, а имянно іюня 25 числа, торжествовать молебнымъ ко всеблагому Богу пѣніемъ, *равно какъ* торжествуются день Его Царскаго Величества рожденія и день тезоименитства Его Высокодержавства, да и сей, яко памятованія и благодаренія достойный, день не останется безъ торжествованія“ (Полн. Собр. Пост. т. I, № 85).

Затѣмъ, по вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины I-й былъ составленъ, и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ исправленъ, особый канонъ молитвенный *о здравіи* Государыни (Опредѣленіе Св. Синода 7 іюня 1725 г. Полн. Собр. Пост. т. V, № 1569). Равнымъ образомъ и по вступленіи на престолъ Императора Петра II-го Св. Синодъ распорядился служить по данному случаю во всѣхъ церквахъ ежегодно „благодарные *о здравіи* Его Императорскаго Величества молебны“ (Опредѣленіе Св. Синода 7 ноября 1729 г. Полное Собр. Пост. т. VI, № 2258). Въ настоящее время въ дни восшествія на престолъ, коронаціи и прочіе царскіе дни служатся молебны также по совершенно иному чину, чѣмъ сочиненный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ спеціально на вступленіе на престолъ Анны Іоанновны (см. Послѣдованіе молебныхъ пѣній).

[5]) Едва ли будетъ ошибочно предположить, что мысль составить особый молебный чинъ, въ которомъ было бы подчеркнуто торжество Анны надъ верховниками, явилась Ѳеофану въ связи съ политическими процессами этого царствованія и, въ частности, изъ желанія Ѳеофана упрочить при Дворѣ свое положеніе, сильно поколебленное пасквилями и

нода 19 февраля 1734 г.[1]), 30 января этого года „объявилъ Синоду сочиненное вновь его преосвященствомъ благодарственное моленіе ко Всещедрому Богу, за премилостивый Его промыслъ, во возведеніи на Всероссійскій Престолъ Благочестивѣйшія Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, и во утвержденіи самодержавія Ея, ко твердому Россійской Имперіи благосостоянію, явленный въ лѣто Господне 1730-е, что подобаетъ совершати соборнѣ по церквамъ, дважды въ годъ: первое—Іанурія во 19-й день, въ торжество вшествія на престолъ; второе—апрѣля въ 28-й день,—въ торжество коронаціи Ея Императорскаго Величества, съ таковымъ предложеніемъ, что Ея Императорское Величество то благодарственное моленіе, сего жъ Генваря 18-го числа, апробовать и собственноручно на конвертѣ подписать и соизволила; которое собственноручное Ея Императорскаго Величества подписаніе объявилъ его преосвященство съ тѣмъ моленіемъ. А въ томъ собственноручномъ Ея И. В. подписаніи объявлено, тако: „Все изрядно, і з' Божиею помощию з' будущей субботы начать“[2]). Во исполненіе такого Высочайшаго повелѣнія Св. Синодъ опредѣлилъ напечатать составленный Ѳеофаномъ чинъ молебна въ потребномъ числѣ экземпляровъ и разослать по церквамъ для служенія, а подлинникъ хранить въ цѣлости въ Синодальнемъ Архивѣ[3]).

Это твореніе автора „Духовнаго Регламента“, „Правды воли Монаршей“ и другихъ чрезвычайно важныхъ памятниковъ Петровской эпохи, въ своемъ родѣ весьма замѣчательно.

Уже самое заглавіе молебнаго чина показываетъ, что онъ составленъ съ особою цѣлью выразить благодарность Богу, не только за вступленіе Анны на престолъ, *но и за утвержденіе ея самодержавія*. Самый чинъ вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли и въ немъ, какъ это ни странно для христіанскаго молитвословія, можно найти очень ясный отзвукъ затѣйки верховниковъ и борьбы съ нею шляхетства и партіи сторонниковъ самодержавія. Съ этой стороны этотъ чинъ благодарственнаго моленія и является однимъ изъ примѣровъ привлеченія религіозной вѣры и молитвы на службу политической партійности, поскольку въ данномъ случаѣ искусно составленные тропари предназначаются для того, чтобы быть проводниками идей той партіи, которая восторжествовала 25 февраля 1730 г., и не только быть проводниками, но и умиротворителями умовъ путемъ внѣдренія сознанія, что такова именно воля Божія.

Послѣ обычнаго начала, поется, по чину, псаломъ 19-й, а если хочетъ настоятель, то и 20-й, оба т. наз. царскіе. Затѣмъ—діаконъ произноситъ ектенію, въ которой вставлено особое прошеніе „о еже укрѣпленну быти скипетру Ея десницею Вышняго“. Затѣмъ, по возгласѣ, „Богъ Господь, и

подпольными противъ него письмами (см. *И. Чистовича,* Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. Спб. 1868.—*Его же,* Рѣшиловское дѣло. Спб. 1861).

[1]) Полн. Собр. Пост. т. VIII, № 2779.

[2]) Заявленіе Синоду подписано Ѳеофаномъ, Архіепископомъ Новгородскимъ и Питиримомъ, Архіепископомъ Нижегородскимъ.

[3]) Подлинникъ хранится въ Св. Синодѣ въ книгѣ Именныхъ указовъ за 1730 г. Напечатанъ въ приложеніи къ т. VII Полн. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. Прав. Исповѣд.

явися намъ", тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя", псаломъ 50-й и канонъ на гласъ первый, въ который ирмосы взяты частью изъ октоиха, а частью изъ канона на Рождество Христово. За то тропари канона сочинены вновь, хотя и сложены изъ словъ и выраженій порою не чуждыхъ православному богослужебному стилю.

Въ первой пѣсни читаемъ: Тропарь 1. Внутрними смятеніи и внѣшними напастьми умерщвленную иногда Россію оживилъ еси Твоею силою, Заступниче Господи, и царскій въ ней престолъ воздвиглъ еси, славный и страшный міровиⁱ[1]). Исповѣдуемъ милосердіе, поемъ и прославляемъ смотрѣніе Твое.

Тропарь 2. Ты и нынѣ, Покровителю нашъ, Владыко, находящія на насъ печали и бѣдствія[2]) прогналъ еси, возведъ на Россійскій престолъ вѣрную рабу Твою, Самодержавнѣйшую Императрицу нашу Анну: благодарственно превозносимъ щедроты Твоя.

Пѣснь третья. Тропарь 2. Упразднилъ еси глаголющихъ высокая во гордынѣ[3]), о Боже разумовъ Господи: смиренную же помазанницу Твою препоясалъ еси силою. Нѣсть праведенъ, яко Богъ нашъ, нѣсть святъ паче Тебѣ.

Слава. Восходящій на небеса Господи, и гремящій и судящій концамъ земли, праведенъ сый: даждь крѣпость[4]) самодержицы нашей, и вознеси рогъ Христа Твоего.

Пѣснь четвертая. Тропарь 1. Страшенъ бысть намъ слухъ пришествія Твоего, Господи, яко прогнѣваннаго нами Судіи, егда смутными умышленіи[5]) колеблющеся видѣхомъ отечество. Но утвердивъ скипетръ помазанницы Твоея Анны, въ смущеніи души нашея, помянулъ еси милость Твою.

Тропарь 2. Падающая праведнымъ гнѣвомъ Твоимъ Россія[6]), Боже нашъ, возобновленною рабѣ Твоей Аннѣ державою воста, и по долгу, съ Нею купно, восклицаетъ: Господь Богъ мой, сила моя, и учинитъ нозѣ мои на совершеніе, и на высокія возводитъ мя.

Пѣснь пятая. Тропарь 1. Немирному умышленію[7]) терзающу составъ нашъ, Богъ мира, Отецъ щедротъ, мирнымъ паки согласіемъ благослови рабовъ Своихъ, укрѣпивъ десницу рабы Своея Анны властію державною.

Тропарь 2. Благословляяй люди Твоя миромъ, Господи, отверглъ еси отъ насъ раздорныя совѣты[8]): вселяяй же неплодовь, и вселяяй единомыш-

---

[1]) Намекъ на конецъ Смуты XVII в. съ избраніемъ новой династіи.

[2]) Разумѣются недоразумѣнія, связанныя съ вопросомъ о престолонаслѣдіи въ первыя 30 лѣтъ XVIII в.

[3]) Очевидно, верховниковъ.

[4]) По связи съ предыдущимъ,—противъ верховниковъ.

[5]) Верховниковъ!

[6]) Эти слова какъ бы намекаютъ на то, что затѣйка верховниковъ была проявленіемъ праведнаго гнѣва Божія, между тѣмъ, какъ изъ предыдущаго тропаря вытекаетъ, что затѣйка верховниковъ вызвала гнѣвъ Божій, котораго мы испугались. Противорѣчіе очевидное.

[7]) Опять верховниковъ!

[8]) Очевидно, не только верховниковъ, но и шляхетства съ его двѣнадцатью проектами.

ленныя въ домъ, сотворилъ еси Благовѣрную Императрицу нашу Анну, Матерь о чадѣхъ веселящуся[1]).

Слава. Господи, Боже нашъ, миръ даждь намъ: укрощай внутреннія въ насъ смущенія[2]), прогоняяй и супостатскія на ны востанія, и обоя совершай самодержавнымъ[3]) помазанницы Твоея скипетромъ.

Пѣснь шестая. Тропарь 1. Въ бурныя воды[4]) воверженную рабу Твою Анну невредиму, яко Іону, изъялъ еси, Человѣколюбче: и покореніемъ рода нашего самодержавной[5]) Ея власти, спаслъ еси и насъ отъ пагубныхъ волненій. Слава силѣ Твоей, Господи.

Тропарь 2. Бездна беззаконій нашихъ призва бездну гнѣва Твоего, Правосуде, и обыйде насъ послѣдняя бездна. Но укрѣпивъ самодержавіемъ рабу Твою Анну[6]), Ею насъ отъ тли возвелъ еси, благопремѣнительный Господи.

Пѣснь седьмая. Тропарь 1. Угасивый иногда пещи Вавилонскія пламень, тварей Владѣтелю, непопускай сильнымъ быти въ насъ мятежнымъ пожарамъ, и самодержавную Императрицы нашея Анны силу[7]) неприкосновенну въ навѣтахъ сохрани.

Слава. Даждь славу имени Твоему, Господи, и да посрамятся вси злая являющіи рабѣ Твоей, нами владѣющей, Аннѣ, и да постыдятся отъ всякія силы, и крѣпость ихъ да сокрушится.

Пѣснь восьмая. Тропарь 1. Самодержавное Императрицы нашея владычество Твоея десницы дѣло есть, Творче нашъ[8]). И сіе убо, якоже и вся дѣла Твоя, поетъ и превозноситъ Тебе во вѣки.

Тропарь 2. Вся премудростію сотворивый и сотворенная управляющій Владыко, самовластную рабы Твоея Анны державу, яко истое Твое созданіе, управляти разумомъ Твоимъ къ благому не престани, препѣтый и превозносимый во вѣки.

Благословимъ Отца и Сына и Св. Духа Господа. О Тріипостасный Боже, Боже Боговъ, Царю царей и господствующихъ Господи! Ты благословилъ еси потрясенной державы Россійскія престолъ уставити, утвердивъ монаршескую власть Императрицѣ нашей Аннѣ: Ты и незыблема сотвори его въ роды и роды, препѣтый и превозносимый во вѣки.

Пѣснь девятая. Тропарь 2. Во великомъ человѣческаго спасенія промыслѣ Твоемъ, сотворивый державу мышцею Твоею, Господи, и низложивый

---

[1]) Т. е. обезплодивъ попытки ограничить Императорскую власть и создавъ единомышленную партію сторонниковъ самодержавія, Богъ сдѣлалъ Анну матерью отечества, веселящуюся о своихъ дѣтяхъ.

[2]) Интриги верховниковъ и подобные имъ заговоры.

[3]) Не просто державнымъ, а именно самодержавнымъ.

[4]) Разумѣется опять „затѣйка". [5]) Именно самодержавной.

[6]) Когда она приняла челобитную шляхетства и разодрала подписанные ею ограничительные пункты.

[7]) Т. е. ничѣмъ неограниченную самодержавную власть.

[8]) Такимъ образомъ неудача верховниковъ приписывается Божественному вмѣшательству во внутреннюю политику Россіи.

гордыя мыслью сердца ихъ[1]). Величаемъ Тебе, Всесильне, яко тогожде смотрѣнія Твоего образомъ, возводя на престолъ рабу Твою Анну, и насъ осіялъ еси, уповающихъ на Тя.

Послѣ канона положены чтеніе Апостола изъ посланія къ Римлянамъ зачало 111-е: „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется..." (гл. 13, ст. 1—11), и Евангелія отъ Матѳея зачало 90-е, т. е. бесѣда Христа съ Иродіанами, въ которой встрѣчаются извѣстныя слова: „воздадите убо кесарева кесареви: и Божія Богови" (Мѳ. гл. 22, ст. 15—22). Далѣе положена ектенія, за которой слѣдуетъ молитва съ колѣнопреклоненіемъ. Въ послѣдней читаются, между прочимъ, такія фразы: „...Тебѣ страшному и Человѣколюбцу Судіи позорствуемъ на насъ беззаконія наша, яко вся бывшая намъ бѣды и скорби, истиною и судомъ навелъ еси на насъ грѣхъ ради нашихъ"... „Ты же,... наказавъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, се изобильно исполнилъ еси радости и веселія сердца наша, оправдавъ надъ нами царствовати возлюбленную Тобою рабу Твою, Благочестивѣйшую и Самодержавнѣйшую Великую Государыню нашу Императрицу Анну Іоанновну, всея Россіи"... Заканчивается молебенъ пѣніемъ „Тебе Бога хвалимъ"..., или, по изволенію настоятеля, „Слава въ вышнихъ Богу", и, наконецъ, провозглашеніемъ обычнаго царскаго многолѣтія.

Трудно себѣ представить, чтобы возникновеніе такого тенденціознаго молебнаго чина было возможно въ до-Петровской Руси. Но при Петрѣ произошли крупныя и неизгладимыя перемѣны. Задачи Церкви и государства разошлись и Церковь была подчинена свѣтской власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра наша была привлечена къ служенію политикѣ въ томъ же родѣ, какъ въ средніе вѣка философія была служанкой схоластическаго богословія. Разобранный здѣсь чинъ молебна является однимъ изъ многихъ тому доказательствъ.

Приданіе государственнаго характера браковѣнчанію. Чтобы еще лучше пояснить нашу мысль о служебной роли Церкви по отношенію къ государству со времени церковной реформы Петра, стоитъ обратить вниманіе на приданіе государственнаго характера браковѣнчанію.

Вѣнчаніе брака по обряду православной Церкви, какъ обязательное для всѣхъ правило, установилось на Востокѣ только въ IX—XI вв. на основаніи новеллъ императоровъ Льва Мудраго и Алексѣя Комнена[2]), которыя затѣмъ сдѣлались нормою и въ Россіи. Однако у насъ еще долгое время, до XVII в., вѣнчаніе не вошло повсемѣстно въ практику[3]) и даже Св. Синоду приходилось подтверждать обязательность браковѣнчанія[4]). Тѣмъ не менѣе церковное благословеніе брака принципіально признавалось за единственное достойное христіанъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ вообще вопросы, ка-

---

[1]) Т. е., очевидно, верховниковъ.

[2]) *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. Изд. 5, М. 1913, стр. 371 (§ 105). —*А. И. Покровскій*, Гражданскій и церковный браки древнихъ христіанъ. Серг. Пос. 1915.

[3]) *Проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права. Изд. 6. Кіевъ 1909, стр. 429—430.

[4]) П. С. П. III, 1117.

сающіеся брака, были отданы подъ покровительство Церкви, такъ что государство уже не считало для себя удобнымъ вмѣшиваться въ нормировку этихъ вопросовъ. Такъ называемыя препятствія къ браку, форма и порядокъ заключенія его, а также поводы къ расторженію брака входили всецѣло въ компетенцію Церкви не только формально, но и по существу дѣла, на основаніи убѣжденія въ томъ, что бракъ гораздо болѣе касается религіи, чѣмъ государства.

Совсѣмъ иные взгляды на это установились со времени церковной реформы Петра. Лично Петръ и его преемники, а также Духовная Коллегія, преобразованная въ Св. Синодъ, конечно, безсознательно усвоили себѣ ту точку зрѣнія, что заключеніе брака путемъ церковнаго браковѣнчанія слѣдуетъ разсматривать, какъ наиболѣе удобную для государства *форму государственной санкціи*, независимо отъ религіозной сущности этой формы. Поэтому и Петръ и Св. Синодъ такъ легко могли признать допустимость смѣшанныхъ браковъ: шведы хотятъ вступать въ браки съ православными дѣвушками, не мѣняя вѣры; чтобы признать такіе браки государство должно дать свою санкцію; традиціонной формой санкціи является браковѣнчаніе; слѣдовательно, надо разрѣшить браковѣнчаніе лицъ разной вѣры, чтобы была дана санкція на полезные для государства браки. Вотъ внутренняя логика этого факта, совершенно не считающаяся съ догматическимъ ученіемъ Церкви о бракѣ, какъ таинствѣ. Второй примѣръ. Государство XVIII и XIX вв. до 1874 г. игнорируетъ и преслѣдуетъ расколъ и потому не допускаетъ заключенія брака между раскольниками по ихъ обряду, а признаетъ ихъ браки дѣйствительными только послѣ вѣнчанія въ православномъ храмѣ. Отсюда ясно, что государство приписываетъ браковѣнчанію лишь значеніе той *формы*, въ которой оно подаетъ брачущимся свою санкцію. Когда же въ наши дни послѣ указа 17 апрѣля 1905 г. вѣротерпимость къ раскольникамъ расширилась, то допущены были смѣшанные браки и съ ними, какъ и съ сектантами, лишь бы они вѣровали въ Св. Троицу. И тутъ браковѣнчаніе явилось только формой государственной санкціи.

Придавъ браковѣнчанію государственный характеръ той формы, въ которой государство считаетъ для себя наиболѣе удобнымъ давать свою санкцію брака, государство же взяло въ свои руки и нормированіе нѣкоторыхъ вопросовъ брачнаго права[1]), какъ-то: возраста, дозволенія родителей и начальства и т. д., а также расторженія брака, для возможности котораго, кромѣ единственнаго условія, вытекающаго изъ церковнаго понятія о бракѣ, супружеской невѣрности, созданы были государствомъ еще поводы чисто внѣшняго характера—ссылка, безвѣстное отсутствіе и импотенція[2]).

Однимъ словомъ, полагая отличіе законнаго брака отъ всякаго иного сожительства въ даваемой государствомъ санкціи брачнаго договора, русская

[1]) См. Сводъ Зак. т. X, ч. I, изд 1914 г. раздѣлъ I о союзѣ брачномъ. По государственнымъ соображеніямъ при Петрѣ Великомъ было отдѣлено вѣнчаніе отъ обрученія и приняты мѣры къ сокращенію самаго чина вѣнчанія. П. С. П. III, 1009, 1092.

[2]) Св. Зак. т. X, ч. 1, ст. 45, 48—56, изд. 1914 г.

государственная власть XVIII—XX вв. предпочла воспользоваться традиціонной формой браковѣнчанія въ храмѣ, заставивъ тѣмъ служить Церковь государству даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по ученію Церкви заключеніе или расторженіе брака немыслимо, чѣмъ создать свою государственную или гражданскую форму заключенія брака, которая потребовала бы, конечно, болѣе внимательной нормировки всего семейнаго права и кромѣ того образованія цѣлаго многочисленнаго кадра правительственныхъ агентовъ для этой цѣли, достаточно развитыхъ и юридически подготовленныхъ, а, слѣдовательно, и дорого стоющихъ. Однако, это необходимо поскорѣе сдѣлать въ цѣляхъ наилучшаго разрѣшенія брачнаго вопроса въ Россіи.

Любопытно еще отмѣтить, что въ 1796 г., по инициативѣ Екатерины II, Св. Синодъ призналъ вполнѣ допустимымъ совершать *заочно* чрезъ повѣренныхъ обрученіе и браковѣнчаніе особъ Императорскаго Дома съ особами, въ другой религіи состоящими, если въ брачномъ контрактѣ означена будетъ довѣренность избраннымъ отъ нихъ другимъ лицамъ присутствовать вмѣсто нихъ при обрядахъ обрученія и вѣнчанія. Свое рѣшеніе Св. Синодъ мотивировалъ тѣмъ, „что обрученіе и браковѣнчаніе, по разуму благочестивой христіанской вѣры, имѣетъ все свое основаніе на взаимномъ сочетавающихся согласіи“[1]). Единственное, что Св. Синодъ нашелъ нужнымъ при этомъ сдѣлать, это какъ-то измѣнить для даннаго случая самый чинъ браковѣнчанія[2]). Но сохранилась ли въ немъ „форма“ таинства брака?!

Храмъ, какъ мѣсто публикаціи законовъ. Наконецъ, не только богослуженіе, но и самый храмъ для правительства XVIII в. былъ болѣе всего интересенъ, какъ мѣсто публикаціи законовъ, почему оно и требовало отъ населенія неопустительнаго его посѣщенія. Такъ, указомъ 1718 г. велѣно было обязательно ходить въ церковь въ воскресные дни и господскіе праздники, потому что въ церквахъ послѣ обѣдни читались новые указы, о которыхъ народъ могъ узнавать только этимъ средствомъ, ибо листы, прибитые къ городскимъ воротамъ, не были доступны для безграмотныхъ. Въ указѣ 1719 г. говорилось: „Понеже есть такіе отчаянные, что никакой доброй совѣсти не имѣютъ, и не хотятъ того слышать, что имъ судомъ Божіимъ и здѣшнимъ запрещается, и тѣ мѣста противны имъ, гдѣ слово Божіе *и повелѣніе монаршеское* читается: того ради не токмо въ недѣльные дни, но и въ господскіе праздники въ церковь не ходятъ, дабы отнюдь того не слышать, что противу совѣсти ихъ читается, и для того всѣхъ такихъ, которые въ день воскресный или въ господскій праздникъ во время Божіей службы будутъ гдѣ шататься, кромѣ самой крайней и необходимой нужды, а на молитву къ слушанію слова Божія *и указовъ*, которые въ народъ въ такіе дни при церквахъ публикуются, не пойдутъ,—ловить и ими розыскивать, понеже и такіе за недобрыхъ людей почитаются, которые отъ христіанскаго собранія удаляются“[3]).

---

[1]) Этотъ мотивъ, какъ и другія ссылки Св. Синода въ этомъ указѣ еще спорны.

[2]) П. С. З. XXIII, 17505, 9 сентября 1796 г.

[3]) П. С. З. №№ 2991, 3169.—*Голиковъ*, Дѣянія, VII, 21.—*С. М. Соловьевъ*, IV, 268—269.

Выводы. Изложенные выше примѣры, разумѣется, не исчерпываютъ, а только лишь иллюстрируютъ собою вліяніе церковной реформы Петра и въ особенности учрежденія Духовной Коллегіи на всю внутреннюю жизнь Русской Церкви. Эти примѣры, надо думать, вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что событія, происшедшія двѣсти лѣтъ тому назадъ, имѣли неизмѣримо болѣе глубокое и важное значеніе, чѣмъ мы склонны имъ иногда приписывать. Допускалось, что государство оказало свое воздѣйствіе на *внѣшнее*, юридическое положеніе Церкви въ Россіи, но воздѣйствія его на *внутреннюю* жизнь Церкви считалось неудобнымъ допускать. Между тѣмъ факты говорятъ сами за себя и отрицать ихъ невозможно. Эти факты показываютъ, что придуманное еще въ XVI—XVII в. въ Германіи дѣленіе правъ въ дѣлахъ церковныхъ на iura in sacra и iura circa sacra, при чемъ государство имѣетъ будто-бы только iura circa sacra, т. е. права на внѣшнее положеніе Церкви въ государствѣ, а не iura in sacra, которыя остаются у церковной власти, есть дѣленіе схоластическое, имѣвшее своею цѣлью лишь оправдать фактически сложившееся господство государства надъ Церковью, предотвратить которое было уже невозможно. Между тѣмъ точно разграничить эти права по существу совершенно нельзя и, если государство, со своими свѣтскими цѣлями, пріобрѣтаетъ iura circa sacra, то косвенно, подчиняя себѣ Церковь и создавая для нея новый государственный органъ управленія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно вліяетъ и на внутреннюю церковную жизнь, т. е. пріобрѣтаетъ и iura in sacra.

Конечно, государственное воздѣйствіе, какъ бы сильно оно не было, не можетъ одолѣть *всей* вселенской Церкви въ ея цѣломъ и совершенно парализовать *всю* церковную жизнь, ибо онѣ едва уловимы для той матеріальной силы, которой только и можетъ располагать каждое отдѣльное государство. Но государство можетъ лишить *данную помѣстную Церковь* ея юридической самостоятельности на своей государственной территоріи, а внутреннюю жизнь ея сдѣлать глубоко ненормальной. Какъ видно изъ изложеннаго выше, именно это и сдѣлало русское государство по отношенію къ Православной помѣстной Церкви въ Россіи чрезъ церковную реформу Петра и послѣдовавшее въ развитіе ея законодательство.

Глава XIV.

Установленіе новыхъ отношеній Русской Церкви къ Православному Востоку.

Неизбѣжность установленія новыхъ отношеній къ Востоку. Со смертью патріарха Адріана русское духовенство лишилось своего авторитетнаго представителя. Митрополитъ Стефанъ Яворскій, какъ „экзархъ святѣйшаго патріаршаго престола, блюститель и администраторъ", а не патріархъ, конечно, не могъ, а по своимъ личнымъ качествамъ и не способенъ былъ имѣть нужнаго авторитета не только во внутреннихъ дѣлахъ Русской Церкви, но и во внѣшнихъ сношеніяхъ ея съ восточными патріархами и западными иновѣрцами[1]). Естественно, поэтому, что эти сношенія съ Востокомъ, столь оживленныя въ XVI и XVII в., значительно ослабѣли и, если они тѣмъ не менѣе продолжались, то, во-первыхъ, въ нихъ уже не участвовалъ, какъ прежде, патріархъ, затѣмъ, остальное русское духовенство совершенно заслонила собою могучая личность царя Петра, и, наконецъ, эти сношенія имѣли гораздо болѣе политическій характеръ и заключались, главнымъ образомъ, въ оказаніи Россіей матеріальной и дипломатической поддержки Православному Востоку, угнетаемому иновѣрными турками[2]). Что же касается *духовнаго* общенія Русской Помѣстной Церкви съ другими, въ частности, греческими церквами Востока, то для него условія становились все болѣе и болѣе неблагопріятными. Эти условія вызывались не только отсутствіемъ личности патріарха, но гораздо болѣе и глубже тѣмъ культурнымъ переломомъ, который, подъ руководствомъ Петра, совершался въ Россіи въ сторону запада.

Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ обратилъ вниманіе на то, что значеніе грековъ, такъ быстро поднявшееся благодаря церковной реформѣ Никона, когда греческіе іерархи явились судьями русской церковной жизни и карателями ея особенностей, стало быстро падать въ послѣдующее время. Русскіе

---

[1]) Ср извѣстный отвѣтъ Стефана докторамъ Сорбонны по вопросу о соединеніи церквей. Текстъ у *И. Н. Болтина*, Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка. Т. I, стр. 216—224, Спб. 1788 г.—Объ отношеніяхъ къ Стефану Востока см. Грамоту іерусалимскаго патріарха Досифея, отъ 15 ноября 1703 г. къ Стефану Яворскому, съ обличеніемъ его въ томъ, что онъ порицаетъ грековъ, написалъ книги, противныя ученію православной Церкви, ввелъ въ русскую Церковь многое латинское, уничтожилъ въ Москвѣ греческое училище и замѣнилъ его латинскимъ, стремится сдѣлаться московскимъ патріархомъ, чего никогда не одобрятъ восточные патріархи. *Проф. Н. Ѳ. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст. Изд. 2, Серг. Пос. 1914, стр. 541—546 и тамъ же стр. 507—508.

[2]) *С. Г. Рункевичъ*, стр. 38—42.—*И. П. Щербовъ*, Къ вопросу объ отношеніи Россіи къ правосл. Востоку въ первой половинѣ XVIII в. Хр. Чтеніе за 1905 г. іюль, августъ, сентябрь.

замѣтили, что греки не столько заботились объ удовлетворенiи ихъ церковныхъ нуждъ, сколько объ увеличенiи количества милостыни, которую русское правительство посылало на Востокъ, а также стремились „возвысить въ мнѣнiи русскихъ „лѣпоту греческаго рода", возстановить у русскихъ свою прежнюю честь и славу; „юже древле имѣхомъ"[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ русскiе замѣтили, что мнѣнiя отдѣльныхъ грековъ и даже ихъ соборныя постановленiя можно буквально купить за болѣе или менѣе дешевую плату и какъ прежде, такъ особенно теперь стали пользоваться этимъ. Такъ, за сходную цѣну было получено отъ всѣхъ восточныхъ патрiарховъ разрѣшенiе осужденнаго Никона, было оформлено подчиненiе Кiевской митрополiи Московскому патрiарху, выхлопотана разрѣшительная грамота гетману Многогрѣшному, ранѣе проклятому вселенскимъ патрiархомъ[2]). Въ 1716 г. и 1718 г. Петръ получилъ двѣ грамоты, разрѣшающiе его и войско отъ поста[3]) и за это въ 1718 г. пожаловалъ Константинопольскому патрiаршему престолу 3000 р. соболями ежегодно[4]). „Средство получать отъ восточныхъ патрiарховъ все желаемое найдено было дѣйствительно вѣрное, такъ какъ оно всегда достигало своей цѣли. Но за то, говоритъ *Н. Ѳ. Каптеревъ*, подобныя отношенiя къ восточнымъ патрiархамъ сильно поколебали ихъ авторитетъ и прежнее высокое уваженiе къ нимъ русскихъ"[5]).

Однако и раньше, влiянiе грековъ основывалось не столько на ихъ дѣйствительномъ превосходствѣ надъ русскими, сколько на томъ, что послѣднiе, сознавая со времени Смуты особенно остро свою культурную отсталость, искали и надѣялись найти у грековъ помощь къ насажденiю у себя просвѣщенiя хотя бы въ формѣ немногихъ школъ. Между тѣмъ греки на словахъ поддерживавшiе и даже побуждавшiе русское правительство къ заведенiю школъ, на дѣлѣ не хотѣли и не могли ничѣмъ помочь[6]). „Естественнымъ послѣдствiемъ такого положенiя дѣлъ, говоритъ Н. Ѳ. Каптеревъ, было полное разочарованiе большинства русскихъ въ пригодности грековъ къ роли просвѣтителей русскихъ, къ ихъ способности содѣйствовать русскимъ въ дѣлѣ улучшенiя всей вообще русской жизни, въ дѣлѣ насажденiя на Руси науки и образованiя. Тогда русскiе отстранились отъ грековъ и обратились къ содѣйствiю тѣхъ, отъ кого и сами греки получили свое научное образованiе, т. е. къ содѣйствiю запада, куда уже давно направлялась мысль многихъ русскихъ"[7]). Правда, замѣтивъ развитiе на Руси западнаго влiянiя за счетъ греческаго, греки спохватились, и по мѣрѣ возможности всякими мѣрами протестовали противъ него, обращаясь и къ царю и къ духовенству[8]), но достигнуть уже ничего не могли. Культурный переломъ

---

[1]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Характеръ отношенiй Россiи къ Православному Востоку въ XVI—XVII ст. Изд. 2. Сергiевъ Посадъ, 1914, стр. 455—456.

[2]) *Каптеревъ*, стр. 456—467.

[3]) П. С. З. V, 3020 (въ апрѣлѣ 1716 г.); 3178 (7 марта 1718 г.).

[4]) *Каптеревъ*, стр. 553—555. [5]) *Каптеревъ*, стр. 473.

[6]) *Каптеревъ*, стр. 447 и слѣд. [7]) *Каптеревъ*, стр. 480.

[8]) *Каптеревъ*, стр. 499—515.

въ Россіи въ сторону запада сталъ безповоротнымъ и Русской Церкви предстояло встать въ *новыя* отношенія къ Православному Востоку.

Со смертью патріарха Адріана не стало *нормальнаго* органа высшей власти въ Русской Церкви. И пока такое *ненормальное* положеніе длилось, не было ни повода, ни возможности формулировать новыя отношенія Русской Церкви къ греческому Востоку, хотя, какъ показано выше, основа этихъ отношеній подверглась за это время столь существеннымъ измѣненіямъ, что старыя отношенія, очевидно, не могли уже сохраниться. Такой поводъ представился, когда учреждена была Духовная Коллегія, превратившаяся вскорѣ въ Св. Синодъ. Послѣдній долженъ былъ, во-первыхъ, занять предназначенное ему мѣсто и положеніе русскаго патріарха, котораго онъ, по общему мнѣнію, замѣнялъ собою, и во-вторыхъ, заявить о себѣ восточнымъ патріархамъ и установить съ ними духовное общеніе.

Вопросъ о поминовеніи патріарховъ. Выполняя свою первую задачу Св. Синодъ, между прочимъ, встрѣтился съ фактомъ поминовенія за богослуженіемъ восточныхъ патріарховъ. Повидимому, восточные патріархи поминались русскими за богослуженіемъ всегда и это служило сначала символомъ зависимости Русской Церкви отъ Константинопольской, затѣмъ—символомъ единенія ихъ въ православной вѣрѣ. Но со времени мѣстоблюстительства, когда некого было поминать въ качествѣ русскаго патріарха, поминовеніе восточныхъ патріарховъ и при томъ постоянное и во всѣхъ русскихъ храмахъ, получало, конечно, свое особенное значеніе. Если же прибавить къ этому то, что и самъ царь не признавалъ ни за кѣмъ изъ своихъ духовныхъ подданныхъ достаточнаго духовнаго авторитета, чтобы, напр., разрѣшить его и армію отъ поста, отмѣнить перекрещиваніе лютеранъ и кальвинистовъ и т. д., а обращался съ этимъ къ Константинопольскому патріарху и при томъ въ выраженіяхъ не только почтительныхъ, но исполненныхъ также покорности и признанія его высшей власти въ дѣлахъ церковныхъ[1]), то значеніе поминанія именъ патріарховъ особенно въ глазахъ простого народа станетъ еще болѣе замѣтнымъ. Естественно поэтому, что такой просвѣщенный человѣкъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, который, какъ видно по документамъ, такъ сильно дорожилъ высокимъ престижемъ своего дѣтища—Духовной Коллегіи, т. е. и Синода, что всегда и вездѣ, гдѣ это было нужно и возможно, отстаивалъ его достоинство, собственноручно составляя синодальныя опредѣленія съ полемикой противъ захватовъ Сената, съ выговоромъ противъ неуваженія подчиненныхъ лицъ и т. д.,—естественно, что такой человѣкъ не преминулъ поднять голосъ въ Синодѣ противъ обычая поминать восточныхъ патріарховъ[2]).

[1]) „...Коея ради вины прибѣгаю къ духовному врачу, еже есть къ святой нашей матери восточной Церкви и къ вашему святѣйшеству, *яко главнѣйшему оной во вселенной управителю*“... Грамота Петра отъ 4 іюля 1715 г. къ К. П. патріарху Косьмѣ съ просьбою разрѣшить ему, государю, на мясоястіе во всѣ посты. *Каптеревъ*, стр. 549.

[2]) Впрочемъ, Ѳеофанъ преувеличивалъ, повидимому, смыслъ и значеніе поминовенія патріарховъ. Вопросъ этотъ уже возбуждался царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ письмѣ къ Никону, послѣ смерти патріарха Іосифа, когда патріаршество въ Россіи еще не

Формула и порядокъ поминовенія самого Св. Синода опредѣлены были уже 14 февраля 1721 г. въ день открытія Духовной Коллегіи. Но этимъ еще не предрѣшался вопросъ о поминовеніи восточныхъ патріарховъ, а потому „былъ между нѣкіими разговоръ: надлежитъ ли, по долженству, въ Россійской церкви при всенародномъ собраніи возносить имя восточныхъ греческихъ патріарховъ? иніи приговаривали (т. е. утверждали, что надлежитъ), иніи же отрицали“[1]. Иными словами, русское духовенство и русскій народъ пришли въ смущеніе отъ такого, въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, очень щекотливаго вопроса. Справедливо считая его не маловажнымъ для своего достоинства, Св. Синодъ опредѣленіемъ отъ 21 мая 1721 г. рѣшилъ обратиться ко всѣмъ съ особымъ объявленіемъ отъ своего имени о причинахъ, по которымъ оставлено возношеніе патріаршаго имени въ церковныхъ служеніяхъ[2]. Это объявленіе писано Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и на немъ именно нужно остановиться.

Со свойственною ему схоластическою манерой детальнаго анализа, Ѳеофанъ прежде всего старается дать „добрѣ познать и уразумѣть: 1) яко разныя суть именъ возношенія въ церковныхъ служеніяхъ; 2) кія вины возношенія суть; 3) каковыя во иныхъ церквахъ восточнаго исповѣданія обычаи того обрѣтаются“.

Разбирая по отдѣльности эти пункты, Ѳеофанъ различаетъ поминовеніе общее и поименное, тайное и всенародное, обычное (или всегдашнее) и только въ исключительномъ случаѣ. Примѣняя эти различія къ поминовенію патріарховъ онъ находитъ, что это поминовеніе есть *поименное*, потому что патріарховъ мало и имена ихъ всѣмъ извѣстны, *всенародное*, ибо ихъ поминаютъ „въ слухъ всего собранія“ священникъ или діаконъ, и *обычное*, или *всегдашнее*.

Переходя затѣмъ къ винамъ, или основаніямъ различныхъ поминовеній, Ѳеофанъ указываетъ ихъ нѣсколько: „ово честь чина воспоминаемыхъ обще лицъ, якоже правителей, воинства, причта церковнаго; ово же собственное требованіе лицъ воспоминаемыхъ на вѣнчаніи, погребеніи, на молебнахъ, и прочая: вездѣ же взаимная христіанской любви должность и единовѣрія свидѣтельство“. Но эти причины не подходятъ къ данному случаю. Поэтому Ѳеофанъ говоритъ: „Возношенія же собственнаго, и купно

отмѣнялось. Онъ писалъ: „Да буди тебѣ великому святителю вѣдомо: многолѣтны у насъ поютъ вмѣсто патріарха: спаси Господи, вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ нашихъ, и вся христіяне, Господи, спаси; и ты отпиши къ намъ, проситъ Никона царь, такъ ли надобѣть пѣть, или какъ инакъ пѣть надобно, и какъ у тобя святителя поютъ, и то отпиши къ намъ“. Никонъ отвѣтилъ: „А что во многолѣтіи и вселенскихъ патріарховъ поминать, и то зѣло благо, какъ ты, государь, писалъ“. *П. Бартеневъ*, Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича. М. 1856, стр. 211, 213.

1) П. С. П. I, № 106, стр. 143.

2) П. С. П. I, № 106. О. А. С. С. I, № 281. Ср. *Арх. Саввы*, Указатель для обозрѣнія М. патр. (синод.) ризницы и библіотеки Изд. 3. М. 1858, стр. 163, № 260 „Возношеніе имени патріаршаго, царскаго и пр. во время литургіи“. Пергам. свитокъ въ 1 арш. длины.

явнаго и всегдашняго, не иная вина есть, *токмо исповѣданіе нашего лицамъ тако воспоминаемымъ подчиненія*". Это центральная мысль Өеофана, которую онъ и доказываетъ дальше примѣрами. „Во единомъ бо государствѣ токмо свой государь собственно, явно и всегдашно воспоминается; не воспоминаются же тако инаго государства государи, аще бы съ нами и единовѣрны были. Подобнѣ и возношеніе собственное, явное и всегдашнее именъ епископскихъ бываетъ токмо въ своихъ имъ епархіяхъ".

Уже изъ этого долженъ слѣдовать прямой выводъ, что поминовеніе патріарховъ въ Россіи могло бы быть объяснено только подчиненіемъ имъ Русской Церкви, что противорѣчитъ дѣйствительности. Но Өеофанъ, прежде чѣмъ перейти къ выводамъ останавливается еще на обычаяхъ, соблюдаемыхъ на Востокѣ и у насъ. Онъ удостовѣряетъ, что издревле существуетъ обычай поминать „во всякой патріархіи и во всѣхъ епархіяхъ всѣхъ знатнѣйшихъ епископовъ, то-есть патріарховъ и митрополитовъ", но поминать „тайно, при проскомидіи, на диптихахъ". Съ другой стороны „собственное же явное и всегдашнее именъ возношеніе таковое въ церкви Греческой есть: пресвитеръ возноситъ имя своего епископа, епископъ своего архіепископа и митрополита, митрополитъ своего патріарха". За то, когда служитъ самъ патріархъ, „тогда по Достойнѣ самъ тако возглашаетъ: во-первыхъ помяни Господи все епископство православныхъ; а по немъ архидіаконъ возноситъ именно всѣхъ четырехъ патріарховъ, начиная отъ своего"... „Въ Россійской же церкви, когда стала она отлучена отъ власти Константинопольскаго патріарха, свою собственную патріархію возъимѣвши, нигдѣ же по церквамъ не было возносимо имя патріарха Цариградскаго или обще патріарховъ, но точію своего собственнаго патріарха. А когда самъ патріархъ Россійскій священнодѣйствовалъ, тогда точію самъ возносилъ обще имя православныхъ патріарховъ; самъ возносилъ, а не архидіаконъ, какъ у грековъ дѣется, знатно за невѣжествомъ греческаго обычая".

На основаніи изложеннаго Өеофанъ приходитъ къ отрицательному выводу вновь резюмируя свои „доводы": „*первый*, что у самыхъ Грековъ не есть обычай возносити имена патріарши внѣ епархіи или власти патріаршей". „*Вторый*, что и въ Россіи подъ патріархомъ Россійскимъ никоего же иного патріарха, ниже обще патріарховъ имена возношены, развѣ въ священнодѣйствіи самого патріарха Россійскаго. *Третій* доводъ,—и для Өеофана самый важный,—что явное, собственное и всегдашнее имене возношеніе показуетъ власть возносимаго надъ возносящими; Россійская же церковь отлучена стала отъ власти патріаршея, и первѣе убо своя патріархи имѣвшая, нынѣ же *повелѣніемъ Царскаго Величества* Правительствующій Синодъ имущая".

На свои разсужденія Өеофанъ ожидаетъ возраженія, которыя онъ и хочетъ заранѣе предупредить. Первое возраженіе, если „речетъ кто, яко невозможно быти частной коей либо единаго государства церкви не подъ властію единаго отъ восточныхъ патріарховъ, понеже оніи патріархи высочайшіи, селенстіи нарицаются". Возможность такого возраженія доказываетъ,

что съ возношеніемъ патріаршихъ именъ дѣйствительно связывалось представленіе о подчиненіи имъ Русской Церкви, при чемъ въ оправданіе этого подчиненія выдвигалась теорія о необходимости высшей централизаціи православной церковной власти. Очевидно, одно изъ двухъ: или русскіе еще не съумѣли отвыкнуть отъ зависимости отъ Востока, или греки съумѣли уже тогда твердо внушить имъ свои взгляды на первенствующее значеніе Великой Церкви, которыя константинопольцы проводили, и доселѣ проводятъ, по отношенію не только Россіи, но и другихъ восточныхъ патріарховъ и автокефальныхъ церквей[1]).

Формулированное такъ возраженіе Ѳеофанъ опровергаетъ историческими справками о происхожденіи восточныхъ патріархатовъ, въ частности о позднемъ возникновеніи Константинопольскаго патріархата, о неосновательности претензій Константинопольскаго патріарха на титулъ вселенскаго патріарха, а Александрійскаго—на титулъ папы и судіи всей вселенной и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеофанъ показываетъ, что на востокѣ никогда не существовало общей централизаціи, а всегда было и остается много независимыхъ одна отъ другой автокефальныхъ церквей—славянскія, грузинская, кипрская и др.

„Еще кто рещи можетъ,—выставляетъ Ѳеофанъ второе возможное возраженіе,—что аще церковь Россійская и самовластна стала, однако жъ должна имена или имя общее патріарховъ возносити того ради, яко отъ нихъ познаніе Бога истиннаго и крещеніе получила“. На это онъ отвѣчаетъ. „Россійскій народъ не отъ всѣхъ четырехъ, но отъ единаго Константинопольскаго патріарха обращенъ ко Христу: то аще бы по тому долженъ былъ возносити имя патріаршее, единаго только Константинопольскаго патріарха имя возносить былъ бы долженъ; и понеже явнымъ имене возношеніемъ свидѣтельствуется подчиненіе, то не могла бы Россійская церковь быти не подчинена Цариградскому епископу. А се видимъ не тое, и не у насъ токмо, но и въ Булгаріи и въ Сербіи, которыя земли такожъ и отъ Царяграда пріяли просвѣщеніе; и есть-ли бы по обращенію слѣдовало подчиненіе, то вси бы всего мира епископи подчинени были Іерусалимскому, что не токмо никогда не было, но еще Іерусалимстіи епископи долго время сами подчинени были митрополитомъ Кесаріи Палестинскія, якоже о томъ выше помянулося“.

„Наконецъ,—говоритъ Ѳеофанъ,—речетъ кто, что *за самую христіанскую любовь* подобало бы патріарховъ явно въ церквахъ нашихъ поминать“. Но, оправдывается онъ, „любы христіанская чина и правды не разоряетъ, якоже и благочиніе и правда не разоряетъ любве“, т. е. можно любить, не выражая этой любви въ подчиненіи, и наоборотъ. Здѣсь, не смотря на кажущуюся маловажность этого послѣдняго возраженія сравнительно съ предыдущими, Ѳеофанъ подходитъ къ самому для него главному. Привязанность русскаго народа къ восточному православію и къ традиціонному живому общенію съ нимъ въ молитвѣ и церковной жизни, составляли

[1]) *Н. С. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права. Изд. 4. М. 1912, стр. 200.

самую серьезную опасность для авторитета и достоинства созданной безъ всякаго участія и спроса восточныхъ патріарховъ Духовной Коллегіи, учрежденія явно свѣтско-протестантскаго типа, вызваннаго къ жизни волею царя реформатора, царя западника и подчиненнаго его власти совершенно такъ же, какъ ему подчинены были, конечно, всѣ остальныя государственныя коллегіи.

„Разсудимъ, говоритъ Ѳеофанъ, что намъ самимъ можетъ случится: мнози суть гордіи и непокоривіи и о себѣ нѣчто безмѣрное мечтающіи, тіи, слышаще возносимо имя патріаршее, *помыслятъ, что Сѵнодъ Правительствующій подчиненъ есть патріархомъ или патріарху;* и когда кто отъ таковыхъ за важную вину подпадетъ суду сѵнодальному, той абіе можетъ отторгатися и къ верховнѣйшему (по мнѣнію своему) суду патріаршему дѣло относить; и хотя то ему не возможно, однако же трудность сдѣлаетъ и остановку, и другимъ образъ безстрашія подастъ; и та самая невозможность будетъ ему въ удачу, дабы и не явилъ себе жестоковыйна и судъ всякій презирающа нареченіемъ суда патріаршаго, а въ самой вещи отбился бы отъ всякаго суда. Слово въ слово такъ, какъ бы кто, мірскимъ судомъ не довольствуяся, хотѣлъ бы дѣло переносити на судъ Аггельскаго видимаго собранія.

И по сему извѣстно мню всякому истину любящему,— заключаетъ Ѳеофанъ,—что возносити у насъ имени патріаршаго не подобаетъ. А понеже у патріарховъ, служащу самому патріарху, въ едино время возноситъ архидіаконъ имена патріарховъ прочіихъ, то подобаетъ и у насъ, служащу самому Синода президенту, въ едино токмо время, по Достойнѣ, чрезъ протодіакона, по имени Синода, яко своей правильной власти *и яко верховнаго судію самого Монарха нашего во имени своемъ заключающей,* возносить и имена патріарховъ; но сего нигдѣ индѣ и ни отъ кого инаго въ Россійскихъ церквахъ не дѣлать винъ ради описанныхъ“.

„О семъ разсудить и написать судилося намъ за благо, дабы не смущалися прости человѣцы, недоумѣвающе, чесо ради имя патріарховъ явно въ церквахъ Россійскихъ не возносится“[1]).

Однако, „смущалися“ не одни только „прости человѣцы“. Смутился и самъ „президентъ Св. Синода“ Стефанъ Яворскій, который въ рѣшеніи даннаго вопроса лично не участвовалъ и въ Синодѣ почти не присутствовалъ. Смущеніе его, не смотря на доводы и логику Ѳеофана, вызывалось, конечно, тѣмъ, что онъ смутно чувствовалъ, а можетъ быть и понималъ, что отмѣною возношенія патріаршихъ именъ, да еще по тѣмъ мотивамъ, которыя выставилъ Ѳеофанъ, скрыто формулируются совершенно новыя отношенія Русской Церкви къ Православному Востоку. Очевидно, что если Ѳеофанъ придавалъ такое важное принципіальное значеніе *возношенію* патріаршихъ именъ, то и Стефанъ, со своей точки зрѣнія не могъ не придавать

[1]) П. С. П. I, № 106 и отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ: „О возношеніи имене патріаршаго“ Спб. 22 мая 1721 г. Экземпляры имѣются въ И. Публичной Библіотекѣ и М. А. М. Ю. книга 5/767, л. 2—14.

того же важнаго значенія *отмѣнѣ* этого возношенія. Поэтому онъ счелъ своимъ долгомъ нарушить свое молчаніе и въ данномъ случаѣ нашелъ въ себѣ силы преодолѣть свою пассивность.

9 іюня 1721 г. Стефанъ подалъ Св. Синоду собственноручно писанное имъ изложеніе своихъ мыслей объ этомъ предметѣ, въ видѣ отдѣльнаго мнѣнія. „Преосвященнѣйшіе іерархи, и прочіи отцы святіи и братія!"—писалъ Стефанъ. „Понеже вольный голосъ должны имѣти всѣ чины Коллегіи по уставу, то дайте и мнѣ вольный голосъ, который таковъ есть: мнѣ видится, что въ эктеніяхъ и возношеніяхъ церковныхъ явственныхъ мощно обоя вмѣстити, наприм., такъ: о Святѣйшихъ Православныхъ патріархахъ и о Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ миромъ Господу помолимся, —или: Святѣйшія Православныя Патріархи и Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ. Какой въ томъ грѣхъ? Какой убытокъ славы и чести Святѣйшему Россійскому Сѵноду? Кое бесмѣстіе и непристойность? Паче же Богу пріятно и народу весьма угодно было бы... А что помѣта Монаршеская написана на первыхъ пунктахъ доношенія: *о Святѣйшемъ Сѵнодѣ или о Святѣйшемъ Правительствующемъ Сѵнодѣ*, отъ сего то только дается знать, како нарицатися имать Коллегіумъ Духовный въ молитвахъ, а объ отставкѣ Патріарховъ отъ возношенія ничто же не измѣннуется"[1]).

Изъ мнѣнія Стефана[2]) видно, что онъ не видѣлъ формальнаго основанія къ отмѣнѣ возношенія патріаршихъ именъ въ резолюціяхъ Петра, которыя дѣйствительно этого вопроса прямо не касались. Но еще болѣе по существу Стефанъ дорожилъ сохраненіемъ духовнаго общенія съ Востокомъ и предлагалъ возносить имена патріарховъ и Синода вмѣстѣ, видимо, не придавая возношенію того *юридическаго* смысла—подчиненія возносимому, —на которомъ настаивалъ Ѳеофанъ. Можно думать, что и другіе не придавали ему этого смысла и Ѳеофанъ напрасно игралъ на немъ, боясь всякаго проявленія неуваженія и умаленія чести вновь учрежденной Духовной Коллегіи. И хотя формула, предложенная Стефаномъ въ значительной мѣрѣ парализовала мысль о подчиненіи, потому что ставила патріарховъ и Св.

---

[1]) О. А. С. С. т. I, № 281, стлб. 318. Въ Рукописяхъ Царскаго № 588 находится относящаяся къ вопросу о возношеніи патріаршаго имени „Апологія или словесная оборона о возношеніи явственномъ и воспоминаніи въ молитвахъ церковныхъ св. прав. патріарховъ на изложеніе печатное отъ Св. П. Синода въ преизящнѣйшій Прав. Сенатъ поданное, противоотвѣтствующая, отъ смиреннаго Стефана, митрополита Рязанскаго, благоразумному разсужденію преименитаго Правительствующаго Сената предложенное, лѣта Христова 1721, іюня 9" (*Пекарскій*, Наука и лит. т. II, стр. 502).

[2]) Несомнѣнно, что его мнѣніе раздѣлялось очень многими русскими людьми XVIII в., раздѣляется оно и теперь. Ср. слова прот. *А. Иванцова-Платонова* въ статьѣ „О русскомъ церковномъ управленіи". Газета „Русь", № 5, 1882 г., стр. 13: „Въ знакъ постояннаго общенія съ другими православными церквами, желательно было бы вмѣстѣ съ возстановленіемъ патріаршества въ Россіи и возстановленіе поименнаго поминовенія другихъ восточныхъ патріарховъ при богослуженіяхъ въ Русской Церкви. Древняя Церковь слишкомъ дорожила этимъ знакомъ взаимнаго общенія, отмѣненнымъ у насъ со времени Петра I-го".

Синодъ рядомъ, какъ равныхъ, однако Ѳеофанъ не хотѣлъ допустить и этого. Вѣроятная причина заключалась здѣсь въ томъ, что для Ѳеофана, какъ онъ неоднократно заявлялъ объ этомъ, *имя Св. Синода неразрывно связывалось съ именемъ его крайняго судіи самого Монарха*, конкурировать съ которымъ, при установленіи въ Россіи новаго государственнаго и церковнаго строя, конечно, никто не могъ. Уже въ концѣ своего „Объявленія“, изложеннаго выше, Ѳеофанъ писалъ: „подобаетъ и у насъ, служащу самому Синода президенту, въ едино токмо время, по Достойнѣ, чрезъ протодіакона, по имени Синода, яко своей правильной власти *и яко верховнаго судію самого Монарха нашего въ имени своемъ заключающей*, возносить и имена патріарховъ“[1]). Ссылка на Монарха являлась для Ѳеофана главнымъ аргументомъ и въ полемикѣ его съ Сенатомъ за достоинство и рангъ Св. Синода[2]). Такъ, между прочимъ, въ отвѣтъ на заявленіе Сената, что прежде „въ бытность святѣйшихъ россійскихъ патріарховъ, ко управленію дѣлъ изъ гражданскихъ въ судьи и во дьяки опредѣлялись и указы имъ сказываны изъ Розряду, хотя оной тогда такой силы и дѣйствія не имѣлъ, какъ нынѣ Пр. Сенатъ“,—Синодъ, перомъ Ѳеофана отвѣтилъ тирадой, которую здѣсь нельзя не повторить въ виду ея принципіальной важности· „Такое прежнихъ бытностей опредѣленіе (аще истинно есть), хотя по случаю когда ежели и бывало, ко оному нынѣшнему опредѣленію въ примѣръ приводимо быть не приличествуетъ, понеже *тамо патріаршеская власть была аки-бы собственная*, и въ правленіи духовномъ употреблялося одно патріарше имя, которое яко собственнаго въ такомъ правленіи властителя и въ указехъ писалося одно точію, безъ написанія высокомонаршескія титлы, и когда и кто оному правленію отъ гражданскихъ требовался, инымъ образомъ кромѣ розрядного опредѣленія получать было невозможно, *а нынѣ духовное правительство* изящнымъ Е. Ц. Величества благоусмотрѣніемъ *учреждено не въ подобной оному патріаршему правленію силѣ*, но въ отмѣнной, и состоитъ не въ одной персонѣ и должность свою исправляетъ не своимъ имянемъ, но высокомочными указы Его Царскаго Величества, который яко Благочестивѣйшій Монархъ, образомъ древнихъ христіанскихъ царей, *самого Себе оному Священному Синоду за Верховнаго Предсѣдателя и Судію представилъ*, и честь, и силу и власть тому Св. Пр. Синоду, собственнымъ Царскія Своея руки подписаніемъ утвердилъ равную съ Пр. Сенатомъ“ и проч.[3]).

Это противоположеніе „аки-бы собственной“, т. е. самобытной и чисто духовной власти патріарха, Св. Синоду, въ которомъ Русскій Императоръ „самого Себе оному Священному Сѵноду за Верховнаго Предсѣдателя и Судію представилъ“, чрезвычайно важно, и оно именно объясняетъ, почему, въ особенности, Ѳеофанъ не хотѣлъ допустить возношеніе именъ патріарховъ даже рядомъ съ Синодомъ и почему на протестъ Стефана онъ и руководимый имъ Синодъ посмотрѣли не просто какъ на особое мнѣніе од-

[1]) П. С. П. I, № 106, стр. 147. [2]) Подробно см. выше стр. 551—557.
[3]) П. С. П. I, № 112, стр. 157.

ного изъ своихъ членовъ, которое можно было бы лишь „приложить къ дѣлу“, но увидѣли въ немъ крамолу, требующую тайнаго разслѣдованія и суровыхъ мѣръ противъ автора. „Разсмотрѣвъ оные,—говоритъ опредѣленіе 12 іюня 1721 г.[1]),—приговорили согласно: тѣ вопросо-отвѣты (т. е. вышеприведенное мнѣніе Стефана), яко не важные и не крѣпкіе, паче же не полезные, но весьма противные и миръ церковный терзающіе, и *государственныя* тишины вредительные, и покой полезный къ безпокойству возбуждающіе, и народу, силы Писанія не вѣдущему, возмутительные и многому смущенію виновные, одержать до надлежащаго Ц. Величеству объявленія въ Синодѣ подъ опаснымъ храненіемъ, *дабы не точію въ публику*, но и въ *показаніе никому не произошли;* а къ нему преосв. митрополиту послать изъ Св. Пр. Синода Его Царскаго Величества указъ, дабы онъ такихъ, яко зѣло вредныхъ и возмутительныхъ, вопросо-отвѣтовъ отнюдь никому не сообщалъ и во объявленіе не употреблялъ. А ежели кому оные до сего указа сообщены, тѣ неотложно бъ къ себѣ возвратилъ, опасаяся не безтруднаго, буде покажетъ себя въ томъ упорна, предъ Его Царскимъ Величествомъ отвѣта“. Далѣе доказывается, что согласно принципу коллегіальнаго рѣшенія дѣлъ, отмѣченному въ 6-й главѣ Генеральнаго Регламента и въ указѣ 4 апрѣля 1721 г., Стефанъ не смотря на свое разногласіе, все-таки обязанъ былъ подписать рѣшеніе большинства о прекращеніи возношенія патріаршихъ именъ, не подавая своего особаго мнѣнія, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ уже предрѣшенъ, по мнѣнію Синода, Высочайшей резолюціей на докладныхъ пунктахъ Синода отъ 14 февраля 1721 г., которые подписаны и Стефаномъ, а толкованіе ихъ послѣднимъ есть (будто-бы) „явная ложь“, протестъ же въ формѣ вопросо-отвѣтовъ есть „зѣло вредительное и возмутительное сочиненіе, которое и немалую на Сгнодъ ложь имѣетъ, и миръ церковный къ смятенію возбуждаетъ, чего ради оные вопросо-отвѣты, яко вещь вредную, отъ публикаціи и удержать“[2]).

Настаивая на своемъ рѣшеніи, Синодъ 26 іюля 1721 г. распорядился о замѣнѣ патріаршаго имени въ печатаемомъ Чиновникѣ архіерейскаго священнослуженія именемъ Св. Синода согласно тому порядку, который выше указанъ въ „Объявленіи“[3]).

Сущность новыхъ отношеній къ Востоку. Какъ выше было указано, вопросъ о возношеніи тѣхъ или иныхъ именъ за богослуженіемъ имѣлъ огромную принципіальную важность и именно въ смыслѣ установленія новыхъ отношеній съ Востокомъ. *Новостью было то, что между Русской Церковью и Церквами Востока становился Русскій Монархъ, какъ крайній Судія и предсѣдатель „изящнымъ Его Царскаго Величества благоусмотрѣніемъ“ учрежденнаго Св. Синода.* Русская Церковь утратила свою юридическую независимость, свою „аки бы собственную“ власть. Св. Синодъ былъ *государственнымъ* органомъ, стоящимъ „*подъ* Державнымъ Монархомъ и *отъ Монарха* уставленнымъ“[4]). Поэтому отнынѣ обще-

[1]) П. С. П. I, № 118 (стр. 165).—О. А. С. С. I, № 325.

[2]) П. С. П. I, № 118 подъ конецъ. [3]) П. С. П. I, № 159. [4]) Дух. Регл. ч. I, п. 3.

ніе между церквами становилось мыслимымъ *только чрезъ посредство и подъ контролемъ Монарха*, какъ главы Русской Церкви, иными словами этого общенія уже почти не могло быть. Правда, и прежде Московскіе государи принимали самое дѣятельное участіе въ сношеніяхъ съ Востокомъ и именно по церковнымъ вопросамъ. Но тогда *они не заслоняли* собою митрополитовъ и патріарховъ, по признанію Ѳеофана, обладавшихъ *собственной* властью. И мы знаемъ не мало грамотъ, которыя они писали патріархамъ Востока сами, безъ спроса свѣтской власти, которая, въ случаѣ нужды, должна была конкурировать съ ними, посылая спѣшно свои грамоты, опровергающія сообщенія и доводы противной стороны[1]).

Новый порядокъ практически выразился въ томъ, что со времени учрежденія Духовной Коллегіи всѣ ея грамоты на Востокъ проходили и пересылались чрезъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, какъ нынѣ посылаются чрезъ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, при чемъ тексты грамотъ, со времени учрежденія должности Синодальнаго Оберъ-Прокурора, контролируются имъ, такъ какъ они вставляются въ самые протоколы Св. Синода, составляемые „по указу Его Императорскаго Величества". Тексты грамотъ стали въ большинствѣ случаевъ трафаретными и рѣдко встрѣчаются вопросы, приводящіе къ живому и оригинальному обмѣну мыслей.

Въ своихъ опасеніяхъ Стефанъ Яворскій оказался правъ и въ томъ смыслѣ, что даже и то молитвенное общеніе, которое ограничено было случаями священнодѣйствій самого президента Духовной Коллегіи, вскорѣ *совершенно* прекратилось. Дѣло въ томъ, что 27 ноября 1722 г., т. е. черезъ $1^1/_2$ года послѣ рѣшенія спорнаго вопроса о патріаршемъ имени, Стефанъ Яворскій умеръ, а послѣ него никто уже и никогда не былъ назначенъ президентомъ Синода. Поэтому слова Ѳеофана: „подобаетъ и у насъ, служащу самому Синода президенту... возносить и имена патріарховъ"[2]) — слишкомъ скоро сдѣлались пустымъ звукомъ, *такъ какъ возносить имена патріарховъ стало некому*.

Полное прекращеніе молитвеннаго общенія русскаго народа съ единовѣрнымъ Востокомъ и новое юридическое средостѣніе въ дѣловомъ общеніи русской іерархіи съ греческой довершили и окончательно формулировали собою тѣ новыя отношенія, которыя складывались уже подъ вліяніемъ культурнаго перелома Россіи въ сторону Запада и ослабленія культурнаго значенія для насъ Востока. Прежней живой связи не могло уже быть и ея отсутствіе очень скоро сказалось отрицательными послѣдствіями.

Синодальный проектъ посланія къ восточнымъ патріархамъ о церковной реформѣ. Какъ ни важенъ былъ вопросъ о возношеніи именъ восточныхъ па-

---

[1]) См. Русская Историческая Библіотека т. VI. Памятники древне-русскаго каноническаго права. Ч. I, изд. 2. Спб. 1908 г. Особенно любопытна исторія съ перехваченными въ пути оправдательными грамотами патріарха Никона къ восточнымъ патріархамъ. *Макарій М. М.*, Исторія Русской Церкви. Т. XII, Спб. 1883, стр. 523.

[2]) П. С. П. I, № 106, стр. 147.

тріарховъ, но онъ все-таки былъ вопросомъ внутреннимъ, хотя имъ и за-дѣтъ былъ вопросъ объ отношеніи Русской Церкви, въ частности Св. Синода, къ восточнымъ патріархамъ. Но рано или поздно, неизбѣжно было поставить этотъ вопросъ прямо.

Кончина патріарха Адріана была дѣломъ естественнымъ. Отсрочка избранія новаго патріарха и замѣна его мѣстоблюстителемъ были дѣломъ обычнымъ. Неожиданная и не объяснимая продолжительность этого мѣстоблюстительства уже вызывала тревогу греческихъ патріарховъ[1]), но въ силу своего пассивнаго характера еще не требовала ихъ вмѣшательства и участія. Учрежденіе же Духовной Коллегіи было однимъ изъ этаповъ коренного преобразованія церковной жизни въ Россіи, было такимъ реальнымъ фактомъ, участіе въ которомъ восточныхъ патріарховъ было болѣе чѣмъ естественно, особенно въ глазахъ старо-московской партіи, т. е., въ то время, большинства населенія, и самихъ грековъ. Однако объ ихъ участіи не было и рѣчи. Мысль, повидимому, совершенно одиноко возникшая въ умѣ Петра, получила свое развитіе въ „описаніи и разсужденіи Өеофана". Для осуществленія же ея отъ случайно находившагося въ С.-Петербургѣ „Священнаго Собора", т. е. шести архіереевъ и двухъ архимандритовъ, потребовали лишь обсужденія неважныхъ деталей, а отъ остальныхъ, весьма немногихъ представителей „всероссійскаго духовнаго чина"—только голой подписи. Такъ просто и скоро было упразднено патріаршество, объ учрежденіи котораго 130 лѣтъ тому назадъ хлопотали съ такимъ усердіемъ и съ такими дипломатическими усиліями на Востокѣ, а вмѣстѣ съ упраздненіемъ патріаршества, Русская Церковь была лишена и своей юридической самостоятельности. Вопреки традиціямъ недавняго прошлаго, въ которомъ греки играли такую выдающуюся роль, въ данномъ вопросѣ первостепенной важности ихъ не только не спросили, но ихъ даже ни о чемъ не извѣстили, пока учрежденіе Духовной Коллегіи не стало совершившимся фактомъ.

Извѣстить было все же необходимо, чтобы не вызвать раскола въ Православіи. Однако извѣщать не особенно торопились. Въ промежутокъ времени между концомъ февраля и 30-мъ сентября 1721 г. чрезъ Кабинетъ-Секретаря А. В. Макарова Петру былъ представленъ проектъ посланія къ восточнымъ патріархамъ отъ имени Св. Синода[2]). Этотъ проектъ былъ писанъ Өеофаномъ по латыни и имъ же самимъ переведенъ на русскій языкъ. Өеодосій Яновскій его исправилъ уже въ переводѣ и въ такомъ видѣ онъ былъ у Государя, но Государь его не принялъ и замѣнилъ грамотою отъ своего имени къ Константинопольскому патріарху отъ 30 сентября 1721 г. Ничто не указываетъ причинъ, на основаніи которыхъ Петръ остался недоволенъ проектомъ Синодальнаго посланія. Однако можно о многомъ догадаться изъ его стиля и содержанія, которое вмѣстѣ съ тѣмъ само по себѣ

---

[1]) *Проф. Н. Ө. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII ст. Изд. 2, Сергіевъ Посадъ, 1914, стр. 513—514.

[2]) Гос. Архивъ, Кабинетъ, II, кн. 57, л. 80—83. Архивъ Св. Синода дѣло 1721 г. № 760/63. Текстъ посланія издается нами во II томѣ настоящей работы.

крайне важно, ибо даетъ аутентическое толкованіе самого Ѳеофана причинъ уничтоженія патріаршества въ Россіи и канонической природы Св. Синода, и кромѣ того показываетъ, въ какія новыя отношенія вступаетъ Св. Синодъ съ греческимъ Востокомъ.

Проектъ посланія, написанный Ѳеофаномъ въ весьма витіеватомъ стилѣ, начинается съ разъясненія слѣдующей мысли. Если отдѣльные члены одного *физическаго* организма, тѣсно связанные между собою, испытываютъ „какъ добро, такъ и зло единаго отъ нихъ"; какъ общее добро или зло всего тѣла, то и части „мысленнаго состава", т. е., разумѣется, Церкви, имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, должны имѣть взаимное сочувствіе. При этомъ Ѳеофанъ ссылается на слова ап. Павла (I Кор. XII, 26): „Аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди: аще ли же славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди". Но для того, чтобы отдѣльныя части тѣла могли чувствовать состояніе всего организма, ему дано Создателемъ „общее нѣкое и непресѣкомое чувство". Въ „мысленномъ же тѣлѣ", особенно, когда члены его отдѣлены другъ отъ друга на большое разстояніе, недостатокъ такого естественнаго чувства возмѣщается письменными посланіями.

Возможность письменныхъ сношеній является благодѣяніемъ Божіимъ, плодъ котораго, говоритъ посланіе, „мы совершенно разумѣваемъ", ибо, какъ члены одного тѣла подъ главою Христомъ, мы желаемъ получать извѣстіе о состояніи другъ друга (т. е. помѣстныхъ Церквей). И именно теперь, „когда милостивѣйшимъ лицемъ призрилъ Богъ на Церковь Россійскую, весма бы во истинну благодѣянію его явилися мы неблагодарны, ежели бы мы святѣйшеству вашему не возвѣстили писаніемъ о томъ, о чемъ подобало бы намъ, аще бы возможно, прелетѣвъ возвѣстить". Таковъ этотъ витіеватый приступъ къ сути дѣла, объясняющій и какъ бы извиняющій отправленіе патріархамъ этого посланія. Изъ него патріархи должны были понять, что имъ сообщается объ уничтоженіи патріаршества въ Россіи и объ учрежденіи Духовной Коллегіи—Св. Синода, такъ сказать, къ свѣдѣнію, возвѣщается какъ пріятная и радостная новость, которая, касаясь ближайшимъ образомъ одного члена „мысленнаго тѣла", т. е. Православной Церкви, касается и всѣхъ остальныхъ. Патріархи должны только радоваться, но утверждать или одобрять что-либо имъ не придется. Это тонъ полнѣйшей эмансипаціи, тонъ безусловной увѣренности въ своей правотѣ и пріятности сообщаемой новости.

Далѣе слѣдуетъ просьба: „Кое же то и коликое есть Божіе благодѣяніе, да вкратцѣ услышати благоволите, всеусерднѣ просимъ". Непосредственно послѣ сего излагается причина отмѣны патріаршества. Сначала, говоритъ посланіе, Русская Церковь управлялась Константинопольскимъ патріархомъ, но съ затрудненіями, зависѣвшими отъ разстоянія и отъ того, что это управленіе исходило отъ другого государства. Затѣмъ, когда Византія и Константинополь подпали подъ турецкое иго, то трудность управленія Русскою Церковью усугубилась еще болѣе опасностью сношеній, которыя тогда пресѣклись и настала намъ нужда самостоятельно „промышлять о чинѣ церковнаго управленія". Такимъ образомъ, сначала митрополиты, а потомъ „съ прибавкою чести, за честь царствующаго града"—патріархи были поста-

вляемы подручными имъ епископами и имѣли надъ ними судебную власть. „Обаче и сей правленія образъ неугоденъ и не полезенъ (яко же дѣломъ явилось) Церкви нашей показался", по слѣдующимъ причинамъ. Полагалось важнѣйшія дѣла рѣшать не единолично волею патріарха, а совѣтомъ и приговоромъ прочихъ архіереевъ, какъ узаконено на соборахъ и „въ вашихъ предѣлахъ доселѣ дѣется". Но въ Россіи хотя бы однажды въ годъ собирать соборы „весма невозможно" въ виду дальняго разстоянія каѳедръ многихъ епископовъ отъ столицы. Итакъ, вся тяжесть управленія Церковью легла на одного, почему „добрый человѣкъ" подъ этою тяжестью изнемогалъ, „а злонравный пространную еще къ своимъ похотямъ дверь получалъ"[1]). Поэтому образовался застой въ дѣлахъ и настало неправосудіе. Между тѣмъ „неумѣренное господствованіе" и „страшное властолюбіе" патріарховъ сдѣлалось опаснымъ и самому царству. Кромѣ того, такъ какъ за дальностью разстоянія трудно было переносить всѣ дѣла на судъ патріарха, „и судъ его не велми важенъ былъ яко единаго человѣка, того ради и прочіи пастыри (т. е. архіереи) стали быть ово тяжестны подручнымъ своимъ, ово же отъ своихъ подручныхъ презираеми". Вслѣдствіе всего этого появились различныя богословскія мнѣнія, суевѣрія, расколы и вражда. Это зло угнетало многихъ, но доселѣ никто не усмотрѣлъ врачевства.

Послѣ этого Христосъ Богъ нашъ „чрезъ могутнѣйшаго и непобѣдимаго самодержца нашего Петра I, чрезъ котораго отечество наше сотворилось блаженнѣйшее, промыслилъ, дабы и Церковь въ прежней прочее бѣдности не осталася". Посвятивъ всего себя исправленію и обновленію своего обширнѣйшаго государства, Петръ посмотрѣлъ и на церковное состояніе и, опасаясь, какъ бы не оставить въ пренебреженіи дѣла самого Бога, что было бы грѣхомъ неблагодарности, „весь на то возложился, какъ бы лучшій церковнаго правленія образъ изобрѣсти. И изобрѣлъ, Божіимъ по истинну вдохновеніемъ, такое, которое среднее есть между господствованіемъ единаго человѣка не полезнымъ и частыхъ соборовъ созываніемъ неудобнымъ"[2]).

Что же это за „среднее", которое Государь изобрѣлъ по вдохновенію свыше? Посланіе говоритъ: „Усмотрѣлъ же таковое быти судовъ и совѣтовъ церковныхъ *едино всегдашнее собраніе,* и собраніе сіе изъ трехъ архіереевъ и съ прочей при нихъ братіи, архимандритовъ, игуменовъ и протопресвитеровъ составилъ, та же законами и правилами, сенатскимъ, и всѣхъ епископовъ и знатнѣйшихъ киновіарховъ, и что важнѣйшее есть, собственной своей руки подписаніемъ укрѣпленными вооруживъ, и титлою Святѣйшаго Правителствующаго Сунода украсивъ, и властію патріаршескою даровавъ, уставилъ и узаконилъ, и публичными своими указами вездѣ объявить повелѣлъ, въ лѣто содѣяннаго спасенія 1721 Генваря 27 дня".

Такимъ образомъ, объяснивъ по своему причины паденія патріаршества и изобразивъ его въ однѣхъ только черныхъ краскахъ, авторъ посла-

[1]) Изъ поправокъ Ѳеодосія къ этому мѣсту видно, что здѣсь имѣлся въ виду Никонъ и, повидимому, только онъ одинъ.

[2]) Это мѣсто напоминаетъ собою манифестъ 25 января 1721 г.

нія съ неподдѣльнымъ восторгомъ излагаетъ, какъ по вдохновенію свыше Государь изобрѣлъ „лучшій церковнаго правленія образъ“. Онъ не скрывая говоритъ, что этотъ „образъ“ есть нѣчто „*среднее*“ и, очевидно, *новое* сравнительно съ извѣстными формами каноническаго устройства церковнаго управленія. Суть его въ томъ, что это *всегдашнее собраніе*, постоянное коллегіальное учрежденіе, состоящее только изъ трехъ архіереевъ и представителей архимандритовъ, игуменовъ и протопресвитеровъ. Это учрежденіе „украшено“ титуломъ Св. Пр. Синода и „одарено“ патріаршею властью. Оно вооружено законами и правилами, укрѣпленными подписью сенаторовъ, всѣхъ епископовъ и знатнѣйшихъ монастырскихъ властей и „что важнѣйшее есть“ собственноручною подписью царя. Мало того, въ его же присутствіи открыты занятія новаго учрежденія 14 февраля того же 1721 г. Словомъ, *вся реформа произведена по личной иниціативѣ и властью свѣтскаго монарха.*

Оставалось, однако, указать, чѣмъ обезпечиваются цѣлесообразность и добрыя качества новаго учрежденія. „И сіе церковнаго правителства установленіе есть, вѣруемъ, и будетъ надѣемся преполезное“. Почему?—„понеже оно не токмо властолюбіемъ болѣзновать не можетъ, случаемыя же вреды врачевать и вся духовная дѣла управить можетъ, но и обычаю апостольскому... и канономъ церковнымъ... и что болше, гласу единаго Учителя нашего Іисуса Христа... согласно есть“. Иными словами дальность разстоянія, затруднявшая созывъ соборовъ, побѣждена теперь постоянствомъ собранія, а властолюбіе единолично правившихъ патріарховъ—смѣшаннымъ его составомъ. И этого одного уже довольно для его успѣха.

Чтобы доказать еще тверже согласіе новаго образа церковнаго правленія со Св. Писаніемъ и церковными канонами, Ѳеофанъ ссылается въ посланіи: на 15 гл. Дѣяній, гдѣ говорится объ апостольскомъ соборѣ;—на 38 правило апостольское, гдѣ говорится о томъ, что „епископъ да имѣетъ попеченіе о всѣхъ церковныхъ вещахъ (т. е. имуществѣ) и оными да распоряжаетъ“, но не присваиваетъ себѣ;—на 5 пр. I Всел. соб., устанавливающее, чтобы „въ каждой области дважды въ годъ были соборы“;—на 8 пр. II Всел. соб., но такого вовсе нѣтъ;—на 3 и 9 пр. Антіох. соб., изъ коихъ первое запрещаетъ духовенству переходить съ мѣста на мѣсто, пренебрегая своимъ приходомъ и служеніемъ, а епископу—принимать таковыхъ подъ страхомъ епитиміи отъ общаго собора, т. е. митрополичьяго; второе же изъ этихъ правилъ опредѣляетъ преимущество власти митрополита и обязанность его, какъ и подвѣдомыхъ ему епископовъ все рѣшать сообща. Далѣе Ѳеофанъ ссылается на 18 пр. Халкидонскаго собора, которое запрещаетъ заговоры на кого-либо, особенно клириковъ и монаховъ;—на 8 пр. Трул. соб. о ежегодныхъ соборахъ всѣхъ епископовъ области;—на 6 пр. VII Всел. соб., подтверждающее предыдущее правило и, наконецъ, на Мѳ. XVIII, 19, гдѣ сказано: „истинно также говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего Небеснаго“.

Нельзя не замѣтить, что ссылки эти не всегда точны, не систематичны и обоюдоостры. Ап. 38-е правило неумѣстно, а о созывѣ соборовъ говоритъ пр. 37-е. Такъ же неумѣстно пр. 3 Ант. соб. и 18 пр. Халк. соб. Вовсе нѣтъ 8-го пр. II Всел. соб., а Мѳ. XVIII, 19 говоритъ объ исполненіи общей молитвы. Правильнѣе было бы сослаться на Мѳ. XVIII, 20: „гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ“.

За то Дѣян. XV, 5 пр. I Всел. соб., 9 пр. Ант. соб., 8 пр. Трул. соб., 6 пр. VII Всел. соб. говорятъ о *соборности* управленія и о созывѣ *соборовъ изъ всѣхъ епископовъ области.* Ссылаться на нихъ едва-ли было возможно въ оправданіе того новаго *средняго* образа правленія, которое явно уклонялось отъ чистаго типа соборовъ и являлось *всегдашнимъ собраніемъ*, т. е. коллегіей разночиннаго состава.

Впрочемъ, всѣ эти ссылки имѣли для Ѳеофана, очевидно, второстепенное значеніе, ибо далѣе, въ подтвержденіе авторитетности новаго учрежденія, Ѳеофанъ говоритъ въ посланіи, что оно „и законнаго своего уставителя имѣетъ, христа[1]) Господня, высочайшего у насъ Божія служителя, благочестивымъ обоихъ временъ (т. е. Ветхаго и Новаго Завѣта) царемъ, и въ семъ дѣлѣ подражавшаго: который и самого Себе образомъ древнихъ христіанскихъ Государей, Священному Синоду нашему, за верховнаго предсѣдателя и судію представилъ“.

Говоря такъ, Ѳеофанъ только оставался вѣрнымъ своему міровоззрѣнію, подобному міровоззрѣнію Гоббеса. Для него, какъ и для послѣдняго, государство было всепоглощающимъ Левіаѳаномъ, а идея и воля абсолютнаго монарха—ultima ratio даже для Церкви. Подчеркивая, что „христосъ Господенъ“ самъ себя провозгласилъ верховнымъ предсѣдателемъ Священнаго Синода, Ѳеофанъ, со своей точки зрѣнія, давалъ высшую возможную гарантію несравненной цѣлесообразности новаго „средняго“ образа церковнаго правленія.

„И сіе то есть,—читаемъ далѣе въ посланіи,—между иными превеликое благо, еже Богъ возглаголалъ о Церкве Своей въ сердцѣ самодержца нашего“, не сообщить патріархамъ о которомъ было бы знакомъ неблагодарности. „Просимъ убо васъ со всякимъ усердіемъ, да пріимете отъ насъ сіе благовѣстіе со всякимъ благоволеніемъ, и яко пріятно вамъ будетъ не усумнѣваемся“. Но если такъ, зачѣмъ было просить о благоволеніи? „Молимъ же и еще васъ братіе... споспѣшествуйте намъ въ молитвахъ о насъ къ Богу, *да избавимся отъ противляющихся,* и да служба наша благопріятна будетъ святымъ. Священный же Синодъ нашъ отъ сердца исповѣдуетъ, яко ничто же предпочитати имать паче всецѣлаго съ вами въ православіи согласія“, и будетъ молиться о избавленіи греческаго Востока отъ турецкаго ига.

Такимъ образомъ, сознаваясь въ наличности противляющихся, т. е. оппозиціи церковной реформѣ, и сообщая свое „благовѣстіе“, Синодъ не

[1]) Въ смыслѣ „помазанника“. Ср. *Ѳеофана,* Слова и Рѣчи, Спб. 1760—1765. Т. II, стр. 251—252 въ словѣ „О власти и чести царской“ и др. (См. выше стр. 133).

обѣщаетъ ничего больше, какъ „*предпочитать* согласія“ съ Востокомъ въ православіи.

Словомъ, чрезъ все посланіе проходитъ мотивъ опасенія властолюбія бывшихъ московскихъ патріарховъ и „противляющихся“ власти. Затѣмъ— глубокая увѣренность въ правѣ свѣтскаго государя своею властью произвести реформу церковнаго управленія, создавъ нѣчто среднее, не поддающееся оправданію канонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ—желаніе увѣдомить объ этомъ патріарховъ въ возможно болѣе мягкой и осторожной формѣ, пользуясь цитатами изъ Св. Писанія, святоотеческихъ твореній и просто витіеватостью слога.

Какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ посланія патріарховъ только извѣщаютъ, ихъ утвержденія, ихъ признанія не требуютъ. Какъ я сказалъ уже, въ этомъ посланіи чувствуется полнѣйшая эмансипація и даже отчужденность отъ Востока. Въ живомъ общеніи съ нимъ, въ общемъ совѣтѣ и единодушіи съ нимъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, уже не нуждаются. Ему обѣщаютъ только единеніе въ вѣрѣ, тотъ minimum, далѣе котораго нельзя было бы пойти. Эта отчужденность особенно чувствуется на фонѣ совершенно иныхъ традицій XVI и XVII вв.

Грамота Петра. По причинамъ, которыя нельзя установить документально, синодальный проектъ посланія не удовлетворилъ Петра и вмѣсто него 30 сентября 1721 г. онъ уже отъ себя обратился къ Іереміи, патріарху Константинопольскому, какъ первому архипастырю Православной Восточной Церкви, съ грамотою, написанною въ совершенно другихъ выраженіяхъ, но гдѣ онъ прямо просилъ патріарха о признаніи новоучрежденнаго имъ Духовнаго Синода, и сообщалъ ему о заключеніи Ништадтскаго мира[1]. Грамота эта, въ подлинникѣ писанная и подписанная Петромъ по-русски, и переведенная для патріарха по-гречески, представляетъ собою очень любопытный и важный документъ не только по своему содержанію, но и по своему источнику. Грамота Петра не вполнѣ оригинальна. Сверхъ ожида-

[1]) Копія съ нея и подлинныя патріаршія грамоты съ современнымъ русскимъ переводомъ находятся въ Св. Синодѣ, въ ларцѣ вмѣстѣ съ Духовнымъ Регламентомъ. Тамъ же въ канцелярскомъ доношеніи отъ 1 октября 1721 г. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ сказано: „и со оной Его Ц. В. грамоты въ Св. Синодъ для извѣстія сообщается при семъ копія“, а далѣе: „тақову на россійскомъ языке оригиналную грамоту Его Ц. В. изволилъ подписать собственною своею рукою“. Грамота Петра Патріарху Іереміи и отвѣтныя грамоты его и Патріарха Антіохійскаго Аѳанасія были напечатаны на греческомъ языкѣ въ въ Синодальной типографіи въ 1840 году подъ заглавіемъ: Τὰ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως καὶ τῶν ἁγιωτάτων Πατριαρχῶν Γράμματα περὶ τῆς συστάσεως τῆς ἁγιωτάτης Συνόδου, μετ᾽ ἐκθέσεως τῆς ὀρθοδόξου πίστεως τῆς Ἀνατολικῆς Καθολικῆς Ἐκκλησίας. Ἐν Πετρουπόλει. Ἐκ τοῦ Ἐργαστερίου τῆς Ἁγιωτάτης Συνόδου. 1840. Греческій же текстъ ихъ можно читать въ 5 томѣ Аѳинской Синтагмы Ралли и Потли, стр. 160—163.

Русскій текстъ патріаршихъ грамотъ см. въ Полн. Собр. Зак. т. VII, № 4310 и Полн. Собр. Пост. по вѣд. Прав. Испов. т. III, № 1115, а также въ отдѣльномъ синодальномъ изданіи подъ заглавіемъ: „Царская и патріаршія грамоты объ учрежденіи Св. Синода“. М. 1848. 1899. Ср. Христ. Чтеніе за 1837 г. ч. I, стр. 286 и 293.

она является повтореніемъ и переработкой, а мѣстами и тенденціознымъ искаженіемъ манифеста 25 января 1721 г.

Петръ писалъ слѣдующее. „Яко благопослушный превожделѣнныя Матере нашея Православно-Каѳолическія Церкве сынъ, содержащь всегда почтеніе къ Вашему Всесвятѣйшеству, яко первому оныя Православныя Каѳолическія Церкве Архіпастырю, по духу Отцу Нашему, судили потребно быть, увѣдомить: Понеже между многими, по долгу Богомъ данной Намъ власти, попеченьми о исправленіи отъ Бога врученнаго Намъ царствія и подданныхъ народовъ, обратили очи свои и на Церковное управленіе и Духовный чинъ, и видя въ ономъ много нестроенія, и въ дѣлахъ его непорядокъ, не суетный на совѣсти Нашей возымѣли страхъ, да не како явимся неблагодарни всепремудрому Божественному Промыслу, аще толикая отъ него получивше благопоспѣшества, во исправленіи какъ воинскаго, такъ и гражданскаго чина, пренебрежемъ исправленіе и управительства Церковнаго и чина Духовнаго: и когда нелицемѣрный Судія имать вопросити отъ Насъ отвѣта о толикомъ Намъ отъ него врученномъ приставленіи, да не будемъ безотвѣтни. Того ради, образомъ прежнихъ, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, благочестивыхъ Царей, воспріявъ попеченіе и ревность о исправленіи Церковномъ и чина Духовнаго, и не видя къ тому лучшаго способа, паче Соборнаго Правительства, по многому здравому разсужденію и совѣту, какъ съ духовными, такъ и съ мірскими чинами Государства Нашего, заблагоразсудили уставить со властію равнопатріаршескою Духовный Сѵнодъ, то-есть, высшее Духовное Соборное Правительство, для управленія Всероссійскія Государства Нашего Церкви, изъ достойныхъ Духовныхъ особъ, какъ Архіереовъ, такъ и Кіновіарховъ, число довольное, и опредѣлили объ ономъ Указомъ Нашимъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ всякаго чина, какъ духовнаго, такъ и мірскаго, имѣть за важное и сильное Правительство, и повиноватися во всѣхъ духовныхъ дѣлѣхъ оному Сѵноду, какъ то чинили прежде бывшымъ Всероссійскимъ Патріархомъ. Оному же Духовному Святѣйшему Сѵноду опредѣлили Мы, чрезъ учиненную інструкцію, дабы святую Церковь управляли во всемъ по догматомъ Святыя Православныя Каѳолическія Церкви Греческаго исповѣданія неотмѣнно, и оныя догматы имѣли бы за правило непогрѣшимое своего правленія, въ чемъ оные и присягою въ Святѣй Соборной церкви[1], цѣлованіемъ святаго Креста, и подписаніемъ саморучнымъ себя обязали. И уповаемъ, что Ваше Всесвятѣйшество, яко первый Архіерей Православныя Каѳолическія Восточныя Церкви, сіе Наше учрежденіе и сочиненіе Духовнаго Сѵнода за благо признати изволите, и о томъ прочымъ Блаженнѣйшымъ, Александрійскому, Антіохійскому, и Іерусалимскому, Патріархомъ сообщеніе учините. И понеже Мы Всемилостивѣйше повелѣли тому Святѣйшему Духовному Сѵноду, съ Вашимъ Всесвятѣйшествомъ, о всякихъ духовныхъ дѣлѣхъ сношеніе и корреспонденцію имѣть: и тако просимъ и Ваше Всесвятѣйшество, да изволитъ съ онымъ Сѵнодомъ о касающихся до пользы Церковной духовныхъ дѣлѣхъ

[1]) Т. е. въ Троицкомъ соборѣ на Петербургской сторонѣ.

корреспонденцію и сношеніе, якоже напредь сего со Всероссійскими Патріархи имѣли, содержать, и, ежели въ чемъ возжелаетъ отъ Вашего Всесвятѣйшества какого благого совѣта, къ пользѣ и лучшему устроенію Церковному, въ томъ ихъ для общей Христіанства пользы не оставить, за что Мы съ особливою Нашею къ Вашему Всесвятѣйшеству склонностію, въ требованіяхъ вашихъ всякое снисхожденіе оказывать обѣщаемъ“. Далѣе патріарху сообщается о заключеніи мира въ „Нейштатѣ“ и выражается просьба о молитвѣ. Въ концѣ—подпись: „И тако впрочемъ Вашего Всесвятѣйшества, по духу Отца и Верховнаго Вселенскаго Архіпастыря, пребываемъ всегда по духу сынъ и готовый. Данъ В санктпитербурхе, сентября 30 дня 1721 года“. „Такову на Россійскомъ языкѣ орігінальную грамоту Его Царское Величество изволилъ подписать Собственною Своею рукою“.

По сравненію съ проектомъ посланія Св. Синода, эта грамота Петра производитъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Она составлена гораздо *скромнѣе* въ почтительныхъ выраженіяхъ духовнаго сына къ духовному отцу, именуетъ Константинопольскаго патріарха „первымъ Архипастыремъ“, увѣдомляетъ его о мѣрахъ, принятыхъ царемъ къ исправленію церковнаго управленія и чина духовнаго, и выражаетъ „упованіе“, что патріархъ, „яко первый Архіерей Православныя Каѳолическія Восточныя Церкви“ изволитъ *признать* за благо учрежденіе Духовнаго Синода и сообщитъ о совершившемся другимъ патріархамъ.

Мало того. Петръ говоритъ въ своей грамотѣ, что онъ повелѣлъ Синоду быть съ патріархомъ въ письменныхъ сношеніяхъ и проситъ патріарха не отказывать Синоду въ отвѣтныхъ сношеніяхъ и *совѣтахъ* на общую пользу Христіанства, при чемъ ссылается на сношенія, „якоже напредь сего со Всероссійскими Патріархи имѣли“.

Такимъ образомъ эта грамота, хотя она и исходила отъ свѣтскаго государя, заслонявшаго собою въ данномъ случаѣ русскую іерархію, все таки доказывала желаніе царя не порывать не только единства въ вѣрѣ съ Православнымъ Востокомъ, но и *дѣловыхъ* сношеній по текущимъ вопросамъ русской церковной жизни. Въ такой формѣ грамота могла произвести на Константинопольскаго и другихъ патріарховъ благопріятное впечатлѣніе, несмотря даже на то, что имъ сообщалось объ учрежденіи Синода, какъ уже о безповоротно совершившемся фактѣ, *совѣта* въ которомъ ихъ, именно, совершенно не спросили.

Но съ другой стороны грамота Петра заключала въ себѣ особенности отрицательнаго характера. Въ отличіе отъ проекта посланія Св. Синода, гдѣ одно только мѣсто напоминаетъ собою манифестъ 25 января 1721 г., грамота Петра въ своей главной части почти дословно его повторяетъ, иногда смягчая его выраженія, а иногда тенденціозно его искажая. И тенденція эта выступаетъ очень ясно.

Послѣ приступа, сперва идетъ повтореніе манифеста отъ начала: „Между многими“.. до словъ: „а не видя лучшаго къ тому способа паче соборнаго правительства“. За ними въ манифестѣ, послѣ точки съ запятой слѣ-

дуютъ слова: „понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ, ктомужъ не наслѣдственная власть, того ради вящше небрегутъ: Уставляемъ Духовную Коллегію, то есть Духовное Соборное Правительство, которое по слѣдующемъ здѣ Регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла во Всероссійской Церкви управлять“. Разумѣется, такого аргумента нельзя было написать Патріарху, поэтому слова эти пропущены въ грамотѣ. Вмѣсто нихъ стоитъ: διὰ τοῦτο μετὰ πολλὴν ὀρθὴν κρίσιν καὶ βουλὴν μετά τε τοῦ Ἱερατείου καὶ τοῦ τῶν λαϊκῶν τάγματος Ἡμετέρου Βασιλείου, ἐνεκρίναμεν συστῆσαι Πνευματικὴν Σύνοδον, ἰσοδυναμοῦσαν τοῖς Πατριάρχαις, ὅ ἐστι, μίαν ἀνωτάτην πνευματικὴν διοικητικὴν ὁμήγυριν, πρὸς κυβέρνησιν τῆς Ῥωσσικῆς Ἐκκλησίας τοῦ Ἡμετέρου βασιλείου κράτους, ἀπὸ ἄξια ἱερωμένα ὑποκείμενα Ἀρχιερέων τε καὶ Κοινοβιαρχῶν, ἀποχρῶντα τὸν ἀριθμόν, далѣе—изъ манифеста: „и повелѣваемъ всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ всякаго чина, духовнымъ и мірскимъ, имѣть сіе за важное и сильное Правительство, и у него крайнія дѣлъ духовныхъ управы, рѣшенія и вершенія просить и судомъ его опредѣленнымъ довольствоватися, и указовъ его слушать во всемъ, подъ великимъ за противленіе и ослушаніе наказаніемъ противъ прочихъ Коллегій“. Послѣднія три слова замѣнены въ грамотѣ другими: καθὼς ὑπετάσσοντο τοῖς πρότερον Πατριάρχαις πάσης Ῥωσσίας.

Невѣрность сообщенія. Такимъ образомъ патріарху Іереміи, съ отступленіемъ отъ исторической правды, было сообщено, будто „Духовный Синодъ“ былъ учрежденъ *„послѣ долгаго тщательнаго обсужденія и совѣта съ духовнымъ и мірскимъ чиномъ“* (μετὰ πολλὴν ὀρθὴν κρίσιν καὶ βουλὴν μετά τε τοῦ Ἱερατείου καὶ τοῦ τῶν λαϊκῶν τάγματος), при чемъ мотивъ: „понеже въ единой персонѣ не безъ страсти бываетъ“, не былъ высказанъ. Далѣе малѣйшее упоминаніе термина „Коллегія“, а также малѣйшее указаніе на соотношеніе новоучрежденнаго Синода къ другимъ государственнымъ Коллегіямъ, было тщательно избѣгнуто, чему много помогъ греческій языкъ, на которомъ слово σύνοδος могло служить и именемъ собственнымъ и именемъ нарицательнымъ. Что же касается достоинства власти Синода, то усиленно подчеркивалось равенство его власти власти прежнихъ русскихъ патріарховъ, о которыхъ на Востокѣ имѣли хорошее и опредѣленное понятіе. Наконецъ, только вскользь было упомянуто о Духовномъ Регламентѣ: „опредѣлили мы, чрезъ учиненную инструкцію“=διωρίσαμεν διὰ τῆς γενομένης διατάξεως, безъ названія его собственнымъ именемъ и безъ малѣйшаго указанія на его содержаніе. Разумѣется, и текстъ Регламента не былъ приложенъ[1]). О присягѣ было такъ сказано, будто она имѣла цѣлью обезпечить соблюденіе Синодомъ православныхъ догматовъ, а объ исповѣданіи монарха, какъ „крайняго Судіи Духовныя сея Коллегіи“ ничего не было упомянуто. О составѣ Синода было очень глухо сказано, что онъ составленъ „изъ до-

[1]) Переводъ Духовнаго Регламента на греческій языкъ исполненъ впервые Преосв. Евгеніемъ Булгарисомъ въ 1804 г. и изданъ нами въ отдѣльномъ приложеніи къ настоящей работѣ.

стойныхъ Духовныхъ особъ, какъ Архіереовъ, такъ и Кіновіарховъ, *число довольное*". Читая эти слова, можно было подумать, что архіереевъ будетъ много, а не три, какъ было назначено и какъ откровенно сообщалъ проектъ посланія Св. Синода. А что, если бы патріархи узнали, что Өеофаномъ, совершенно на протестантскій ладъ, проектировалось ввести въ составъ Синода и мірянъ?

Итакъ, очевидно, что по полученнымъ даннымъ патріархъ Іеремія и другіе восточные патріархи не могли составить себѣ вполнѣ яснаго и опредѣленнаго представленія о существѣ происшедшей перемѣны въ положеніи Русской Церкви и утвердили учрежденіе Св. Синода, какъ бы съ закрытыми глазами, въ полной увѣренности, что никому и ничему никакого ущерба не произошло. *Послѣ этого понятно, какую цѣну слѣдуетъ придать отвѣтнымъ патріаршимъ грамотамъ.*

Цѣна отвѣта патріарховъ. Іеремія 1-го февраля 1722 г. благодарилъ Петра за сообщенія, изложенныя въ грамотѣ отъ 30 сентября 1721 г., поздравлялъ съ побѣдою надъ шведами, а о Синодѣ писалъ: „При семъ и о томъ, что просите насъ, чтобы быть согласнымъ въ приговорѣ о Синодѣ, который опредѣлилъ самодержавное ваше царское величество, и понеже въ настоящее время ни единъ отъ купно-братій и сослужителей нашихъ, патріарховъ сирѣчь александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго, съ нами не прилучился, но всѣ въ Богомъ ввѣренныхъ имъ паствахъ обрѣтаются и не во многомъ разстояніи времени сюда прибудутъ, и когда посовѣтуемъ и ихъ намѣреніе воспріимемъ, какъ ваше царское величество намъ объявляя опредѣлилъ, тогда безъ умедленія о ономъ будемъ отвѣтствовать и прошеніе конецъ добрый воспріиметъ по благоугожденію, намѣренію, изволенію и хотѣнію, о чемъ съ прилежаніемъ нелѣностно бодрствуемъ, имѣя попеченіе, дабы вскорѣ всесовершенно сбылося ваше хотѣніе и прошеніе".

Почти черезъ два года послѣ этого предварительнаго посланія Іереміи въ Петербургѣ получены были двѣ тождественныя грамоты Іереміи и Аѳанасія Антіохійскаго сбѣ отъ 23 сентября 1723 г. о признаніи Св. Синода въ равномъ достоинствѣ съ Патріархами[1]) и кромѣ того грамота Іереміи на имя Св. Синода о томъ, что въ виду смерти Александрійскаго патріарха

[1]) „Мѣрность наша по благодати и власти всесвятаго, оживотворяющаго и священноначальствующаго Духа утверждаетъ, закрѣпляетъ и объявляетъ, что учрежденный благочестивѣйшимъ Самодержцемъ, святымъ царемъ всей Московіи, Малой и Бѣлой Россіи и всѣхъ сѣверныхъ, восточныхъ, западныхъ и многихъ иныхъ странъ Государемъ властителемъ, Государемъ Петромъ Алексѣевичемъ Императоромъ, во святомъ Духѣ возлюбленнымъ и превожделѣннымъ намъ братомъ, Сѵнодъ въ Россійскомъ святомъ великомъ государствѣ есть и называется нашимъ во Христѣ братомъ святымъ и священнымъ Сѵнодомъ отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ Христіанъ—священныхъ и мірскихъ, началствующихъ и подначальныхъ и отъ всякаго сановнаго лица. Онъ имѣетъ право совершать и установлять то же, что и четыре апостольскихъ святѣйшихъ патріаршихъ престола. Совѣтуемъ, побуждаемъ и предписываемъ ему хранить и держать неизмѣнными обычаи и правила священныхъ, вселенскихъ святыхъ семи соборовъ и прочее содержимое святою Церковію, и пребудетъ непоколебимымъ во вѣки. Божія же благодать, молитва и благословеніе нашей мѣрности да будетъ съ Вами. 1723 года, сентября 23".

и тяжкой болѣзни патріарха Іерусалимскаго утвердительныхъ грамотъ отъ нихъ не можетъ пока быть, но что онъ позаботится о ихъ полученіи, если бы понадобилось, однако „довольно и этого"[1]).

Изложенная здѣсь переписка производитъ такое впечатлѣніе, что патріархамъ, очевидно, о происходящемъ съ Русскою Церковью ничего опредѣленнаго не было извѣстно. Впрочемъ, если бы и было извѣстно, то поступить иначе, чѣмъ они поступили, они не могли. Надо только имѣть въ виду въ какомъ тяжеломъ положеніи находился православный Востокъ со времени завоеванія его турками (1453) и чѣмъ была для нихъ Россія, а въ частности Императоръ Петръ. Надъ греческой націей тяготѣло тяжелое иго; христіанство было жестоко гонимо и многіе, особенно мальчики, обращались въ магометанство насильно; храмы, монастыри и каѳедры были разорены и въ огромныхъ долгахъ; задолженность Константинопольской патріархіи какъ разъ къ 1720 г. достигала огромныхъ размѣровъ и вслѣдствіе неоплатности Іеремія былъ временно заключенъ въ тюрьму; повсюду на Востокѣ господствовала страшная симонія; сверхъ этого и католичество, въ лицѣ іезуитовъ, и протестантство дѣятельно вели осаду православія[2])... Между тѣмъ изъ Россіи шла широкая поддержка въ видѣ дипломатическаго заступничества и значительныхъ денежныхъ пособій. За милостыней ѣздили на Русь, милостыню посылали и народъ и правительство. Патріархъ Антіохійскій Аѳанасій черезъ три дня по подписаніи грамоты объ утвержденіи Синода уже писалъ ему 25 сентября 1723 г. просьбу о возстановленіи Петромъ утраченной жалованной грамоты его предковъ, мотивируя ее тѣмъ, что „нынѣ въ нуждахъ братія пречестная, яже ко другъ другу тяготы и превосходную нужду, ею же страждетъ нашъ апостольскій престолъ, отъ обстоятельствъ времене (сего) изнемогаетъ, трость явна сотворити. Тѣмъ написуемъ, да нѣкое врачеваніе помощи будетъ"[3]). Наконецъ, никто иной, какъ Петръ, объявившій себя защитникомъ и покровителемъ всѣхъ православныхъ подданныхъ Турціи и уже успѣвшій получить отъ Константинопольскаго патріарха разрѣшеніе себя и войска отъ поста (въ 1716 г.), добиться отмѣны перекрещиванія лютеранъ и кальвинистовъ и пр., въ 1718 г. обѣщалъ ему ежегодно милостыню въ 3000 р. въ надеждѣ сдѣлать патріарха навсегда послушнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства[4]).

---

[1]) Полн. Собр. Пост. т. II, № 1115, III.

[2]) *А. П. Лебедевъ*, Исторія Греко-Восточной Церкви подъ властью турокъ. Отъ паденія Константинополя (1453) до настоящаго времени. Изд. 2, Спб. 1904 г. и статьи его въ Богосл. Вѣстникѣ.—*Н. Ѳ. Каптеревъ*, Сношенія Іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707) М. 1891 г.—D i o m e d e s K y r i a k o s въ переводѣ E. Rausch, Geschichte der Orientalischen Kirchen von 1453—1898. Leipzig, 1902.—*И. И. Соколовъ*, Константинопольская Церковь въ XIX в. т. I. Спб. 1904, стр. 1—71 (вступленіе: 1453—1789 гг).

[3]) Описаніе Документовъ и Дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Св. Синода, т IV, прилож. VIII, на стр. XXXVIII. Подлинникъ см. по Описанію рукописей Библіотеки Св. Синода т. II, вып. 2, № 1895.

[4]) *Н. Ѳ. Каптеревъ*, Характеръ отношеній Россіи къ прав. Востоку. 2 изд. Серг. Посадъ, стр. 472, 553—555

И, разумѣется, патріархи не могли не цѣнить всѣхъ изливаемыхъ на нихъ благодѣяній и менѣе всего могли чувствовать себя въ правѣ и въ силахъ осуществить дѣятельный контроль надъ благими начинаніями Петра въ дѣлѣ усовершенствованія русской церковной жизни, если бы даже и знали и понимали въ чемъ дѣло А тутъ грамота Петра деликатно и безъ излишнихъ подробностей сообщаетъ о состоявшемся уже фактѣ учрежденія Св. Синода, содержитъ почтительную просьбу о его признаніи и обѣщаніе могущественнаго Царя съ особенной благосклонностью оказывать снисхожденіе ко всѣмъ требованіямъ патріарха[1])...

Тѣмъ не менѣе самый фактъ полученія патріаршихъ грамотъ, въ которыхъ опредѣленно высказывалось признаніе законности произведенной реформы и учрежденія Св. Синода былъ чрезвычайно важенъ, и потому Св. Синодъ тотчасъ распорядился послать копіи ихъ въ Сенатъ и Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ[2]), а 3 августа 1724 г. постановилъ разослать ихъ по всѣмъ епархіямъ для прочтенія ихъ въ церквахъ народу[3]).

Выводы. Изложенными выше сношеніями были окончательно оформлены новыя отношенія наши къ Востоку. Его не спросили при проведеніи реформы, утвержденіе и признаніе которой получили безъ всякаго труда. Съ нимъ перестали считаться, отъ него постепенно отвыкли и если не забыли совсѣмъ, то потому, что безъ покровительства православію не имѣла бы своего общепризнаннаго основанія наша *государственная* политика на Ближнемъ Востокѣ[4]).

---

[1]) Можно подозрѣвать также и то, что греческіе патріархи, которые такъ недружелюбно встрѣтили 130 лѣтъ тому назадъ мысль объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, сопровождавшуюся съ нашей стороны большими претензіями на первенство во всемъ православномъ мірѣ (*Каптеревъ*, Характеръ... гл. II.—*Шпаковъ А. Я.*, Учрежденіе патріаршества въ Россіи, Одесса 1912, гл. V), были рады теперь его уничтоженію и уничиженію Русской Церкви.

[2]) П. С. П. IV, 1331. [3]) П. С. П. IV, 1337.

[4]) „Въ настоящее время мы почти вовсе не знаемъ, да и знать не хотимъ православнаго Востока съ его патріархами, мы игнорируемъ и Востокъ и его церковную жизнь. Мы живемъ изолированно отъ Востока, совершенно внѣ связей съ нимъ. Вопросы Востока для насъ въ церковномъ отношеніи почти чуждые вопросы. Мы, пожалуй, ближе стоимъ и по воззрѣніямъ, и стремленіямъ и по своимъ запросамъ къ Западу, чѣмъ къ Востоку. Насъ едва ли можно назвать преемниками той культуры, какая создалась въ древне-греческой Церкви или что тоже въ лучшую пору греческой Церкви". *Проф А. П. Лебедевъ*, Зачѣмъ бы намъ нуженъ патріархъ? Сергіевъ Посадъ, 1907, стр. 11—12. (Оттискъ изъ № 1 Богосл. Вѣстн. за 1907 г.). Ср. статьи *проф. И. И. Соколова*, Православный Востокъ. Очеркъ современнаго его состоянія въ связи съ общими задачами православія. Спб. 1912.—*Его-же*, Православный греческій Востокъ, Спб. 1913.—Мнѣнія М. Филарета о желательности болѣе оживленныхъ сношеній съ Восточными Церквами см. въ „Собраніи его мнѣній и отзывовъ", т. IV, 385—389; 399—401 п. XXV; т. VI, 169—176.

Заключенiе.

Въ заключенiе можно сдѣлать слѣдующiе главнѣйшiе общiе выводы.

1. Сущность церковной реформы Петра Великаго заключается вовсе не въ томъ, какъ думаютъ нѣкоторые, что единоличное, будто-бы, правленiе патрiарха онъ замѣнилъ коллегiальнымъ Духовной Коллегiи, а въ томъ, что онъ лишилъ Русскую Церковь ея самобытнаго и независимаго существованiя, какъ опредѣленнаго юридическаго института, и ввелъ въ составъ русскаго государственнаго устройства и управленiя, какъ его интегральную часть.

2. Такъ понимаемая церковная реформа Петра была вызвана цѣлымъ рядомъ глубокихъ историческихъ причинъ. Главнѣйшая изъ нихъ заключалась въ томъ, что со средины XVII в. началась и быстро прогрессировала секуляризацiя (т. е. омiрщенiе) Русскаго государства, народнаго мiровоззрѣнiя и быта, въ то время, какъ православное духовенство, по собственной винѣ, стало все болѣе и болѣе утрачивать свой духовный авторитетъ и значенiе учительнаго сословiя.

3. Эта секуляризацiя сказалась прежде всего въ коренной перемѣнѣ взглядовъ на цѣли и задачи государства. Если до средины XVII в., въ эпоху господства въ Москвѣ идеологiи „третьяго Рима“, Русское государство считало своею главной задачей содѣйствовать Церкви въ руководствѣ русскихъ подданныхъ къ вѣчному спасенiю, то съ этого времени, въ связи съ общимъ переходомъ Россiи отъ своего средневѣковья къ новой исторiи, государство стало руководиться исключительно свѣтскими цѣлями служенiя „общему благу“, какъ понимала его, въ особенности, школа естественнаго права.

4. Перемѣна въ пониманiи государственныхъ цѣлей непосредственно повлiяла и на юридическое положенiе Русской Церкви въ Русскомъ государствѣ. Покуда цѣли Церкви и государства между собою совпадали, *юридическаго* подчиненiя первой послѣднему не было и быть не могло, а было и могло быть лишь *фактическое сотрудничество* между церковной и государственной властью въ достиженiи общихъ задачъ. Когда же цѣли ихъ разошлись и государство получило во всемъ полное преобладанiе, Церковь стала *юридически зависимой* отъ государства, точнѣе интегральной частью его, подчиняясь государству не только въ своихъ внѣшнихъ дѣлахъ, но и во внутреннихъ, включая догматическое и нравственное ученiе, богослуженiе и культъ.

5. Проводниками церковной реформы были самъ Петръ и Θеофанъ Прокоповичъ, глубоко проникнутые идеями школы естественнаго права и симпатiей къ западнымъ образцамъ, въ то время, какъ русская iерархiя, во главѣ со Стефаномъ Яворскимъ, въ подавляющемъ большинствѣ оставалась совершенно пассивной и ни мало не сознавала запросовъ и обстоятельствъ переживаемаго историческаго момента и своего святительскаго долга самоотверженно трудиться на пользу Церкви такъ, чтобы не было ни нужды, ни повода для посторонняго вмѣшательства государства въ цѣляхъ хотя-бы упорядоченiя самыхъ элементарныхъ, но закоренѣлыхъ недостатковъ русскаго церковнаго быта, не говоря уже о возможно большемъ его усовершенствованiи.

6. Рѣшающимъ событiемъ церковной реформы Петра было учрежденiе Духовной Коллегiи, но не „Св. Синода". Петръ никогда не думалъ учреждать и не учреждалъ „Св. Синода", какъ таковаго, но уступилъ настойчивому стремленiю духовенства ослабить силу и нѣсколько затуманить внутреннiй смыслъ его церковной реформы путемъ перемѣны имени, нѣкотораго расширенiя компетенцiи и повышенiя государственнаго ранга Духовной Коллегiи, вслѣдствiе чего послѣдняя постепенно преобразовалась въ новое учрежденiе, Св. Синодъ.

7. Духовная Коллегiя, какъ она была задумана Петромъ и Θеофаномъ, есть не что иное, какъ Генеральная Церковная Консисторiя нѣмецко-шведскаго типа, а Духовный Регламентъ—вольная копiя протестантскихъ церковныхъ уставовъ (Kirchenordnungen). Духовная Коллегiя есть *государственное* учрежденiе, созданiе котораго совершенно измѣняло юридическое положенiе Церкви въ Русскомъ государствѣ.

8. Позднѣйшее преобразованiе Духовной Коллегiи въ Св. Синодъ нисколько не возстановило Церкви въ ея прежнемъ самобытномъ и независимомъ положенiи въ Русскомъ государствѣ, ибо какъ самое учрежденiе Духовной Коллегiи, такъ и всѣ перемѣны съ нею всецѣло зависѣли отъ воли государя, почему и „Св. Синодъ" не прiобрѣлъ отъ него независимости, оставшись по прежнему *государственнымъ* учрежденiемъ и *коллегiей* въ своемъ существѣ.

9. Несомнѣнно, что церковная реформа Петра значительно содѣйствовала упорядоченiю сильно запущенныхъ церковныхъ дѣлъ и внесенiю культурныхъ началъ въ довольно грубыя формы церковной жизни московской эпохи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ реформа сдѣлала Церковь *слугою государства* и тѣмъ самымъ очень гибельно отразилась на ея внѣшнемъ строѣ и внутреннемъ бытѣ. Во-первыхъ, Русской Церкви, какъ самостоятельнаго юридическаго института, не стало; ея мѣсто заняло „Вѣдомство Православнаго Исповѣданiя" во главѣ съ *государственной коллегiей* подъ именемъ „Св. Синода", и подъ контролемъ Синодальнаго Оберъ Прокурора, который съ начала XIX ст., именно со времени учрежденiя въ Россiи министерствъ и развитiя министерско-бюрократическаго принципа управленiя, постепенно сдѣлался въ собственномъ смыслѣ министромъ „Вѣдомства Православнаго

Исповѣданія“ съ двойственными и даже противорѣчивыми правами, съ одной стороны, консервативнаго органа надзора за дѣятельностью Св. Синода и духовенства, а съ другой стороны—министра духовныхъ дѣлъ, обязаннаго творчески и прогрессивно управлять своимъ вѣдомствомъ. Во-вторыхъ, духовенство было прикрѣплено къ государственной службѣ и нынѣ составляетъ своеобразный классъ духовныхъ чиновниковъ. Въ-третьихъ, догматическое и нравственное ученіе Церкви, ея богослуженіе и жизнь должны были приспособиться къ требованіямъ государственныхъ задачъ. Въ-четвертыхъ, наконецъ, образовались совершенно новыя отношенія къ Православному Востоку, далекія отъ православной традиціи и жизненныхъ интересовъ Церкви.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки въ первомъ томѣ.

Въ „Обзорѣ литературныхъ извѣстій“.

стран.			напечатано:	надо:
X[illegible]	5	строка снизу	graecea	graecae
XXVIII	17	„ сверху	Ѳеофана	Ѳеофила
XXIX	33	„ „	Дащковъ	Дашковъ
XXXVIII	18	„ „	1726	1762
CXVIII	23	„ „	*честь	„честь
CXVIII	1	„ снизу	который	которое
CLXXV	2	„ „	1894	1914

Въ изслѣдованіи.

39	15	строка снизу	Щелкановымъ	Щелкаловым
46	2	„ „	Ш	III
83	18	„ сверху	comunne	commune
117	13	„ „	Меньшикова	Меншикова
118	29	„ „	по крови	по своему образованію и роду дѣятельности.
121	4	„ снизу	Eriderici	Friderici
141	21	„ сверху	Generalis	Generale
155	4	„ „	ко всякія	ко мнѣ всякія
193	13	„ „	дележъ	дѣлежъ
263	17	„ „	glaubens	Glaubens
280	19	„ „	XIII	XVIII
291	13	„ снизу	Christianos	Christiana
305	25	„ „	no solum	non solum
307	9	„ „	Struk	Stryk
366	11	„ сверху	намѣкая	намекая
369	3	„ снизу	JXXXVII	CXXXVII
418	17	„ „	иак.	нак.
452	1	„ сверху	намѣки	намеки
607	3	„ снизу	гл. XI	гл. IX

Къ вопросу о 65 ст. Осн. Зак. „Новое Время“ отъ 8 Ноября 1913 г.
Истинныя причины недостаковъ нашей духовной школы. Нов. Вр. 2…
…913 г. № 13573.
…О необходимости опредѣленной программы въ церковной политикѣ. Ц…
…а № 1, 1914.
Спасеніе въ мертвыхъ (По поводу канонизаціи новыхъ святыхъ). Н…
…Января 1914 г. № 13594.
Символика архіерейскаго богослуженія. Церк. Правда, № 3, 1914.
„Юбилей нашего горя“. Церк. Правда, № 5, 1914.
Историко-юридическій анализъ формулы: „Россія—Православное гос…
Къ вопросу о вѣротерпимости въ Россіи. Церк. Правда № 6, 1914. (…
…ило въ наст. сочиненіе).
О храненіи преданія первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Церк. Правда N…
Упадокъ религіозной общительности. (Почему наши храмы пустуют…
Правда № 8, 1914.
Одна изъ главныхъ причинъ церковнаго застоя въ Россіи. Нов. Вр. …
…914, № 13661.
Не оцѣживайте комара (Мѳ. XXIII, 24). Церк. Правда, № 9, 1914 г.
Вѣчное и временное въ Церкви. Церк. Правда № 10, 1914.
Опасность нервной торопливости въ проведеніи церковныхъ реформъ. Ц…
…а № 14-15, 1914.
Сущность и характеръ церковной власти. Церк. Правда, печатается в…
…емъ номерѣ.
Къ вопросу о „фальсификаціи“ Духовнаго Регламента“. Журн. Мин. Н…
…а Декабрь 1914 г. и отд.
Памяти епископа Карапета Теръ-Мкртчьяна. Приазовскій Край 2…
…915 № 315.
Законодательныя палаты и Вѣдомство Православнаго Исповѣданія. …
Вѣдомости 9 Декабря 1915 г. № 15259.
Безъ программы и правосознанія. Ростовская Рѣчь 4 Января 1916 г.
Отношенія Церкви и государства въ Россіи. Рост. Рѣчь 10 Января 1…
…. И. Гучковъ и русскій парламентаризмъ. Рост. Рѣчь 11 Января 19…
Пожеланія бюджетной комиссіи. Церковь и жизнь, 15 Января 1916 №…
Нашъ клерикализмъ. Рост. Рѣчь 22 Января 1916 № 25.
Символика петроградскихъ визитовъ. Рост. Рѣчь 7 Февраля 1916 № 40.
Безнадежность законопроекта о реформѣ прихода. Рост. Рѣчь 17 Февраля…
По поводу формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ по смѣтѣ Св. Синод…
…аля 1916 г. Рост. Рѣчь. 9 Марта 1916 № 70.
Задачи русскаго государства и наша внутренняя политика. Рост. Рѣчь …
…916 № 84.
Къ вопросу о приходѣ въ коммиссіи Г. Думы. Рост. Рѣчь 30 Марта 1916…
Постъ и Пасха въ идеѣ и осуществленіи. Рост. Рѣчь. 10 Апрѣля 1916 г.
Подготовка къ выборамъ въ пятую Думу. Рост. Рѣчь 16 Апрѣля 1916 №…
Три вражескихъ стана. Рост. Рѣчь 17 Апрѣля 1916 № 105.
Къ десятилѣтію учрежденія Г. Думы. Рост. Рѣчь 27 Апрѣля 1916 № 115.

Кромѣ того рядъ библіографическихъ замѣтокъ и рецензій въ… …ъ Вѣстникѣ, Прав.—Рус. Словѣ, Церк. Голосѣ, Варш. Дневникѣ, … 1901—1916 г.; „Богословская Библіографія“ въ журн. „Византі… …ъ“ за 1904—1909 гг., а также изданіе подъ редакціей и съ пре… …настоящей работы 1) Статьи Т. Погоржельскаго „О доказательства… …ыхъ римско-католическому духовному суду по дѣламъ брачным… …Изв.“ за 1913 г. и отд. …

Мегабин 7.
75 р.

№
7-3

Цѣна за оба тома
10 руб.

Къ настоящему сочиненію относится особое приложеніе: „Духовный Регламентъ въ греческомъ переводѣ". Петроградъ, 1916 г.

Оффи альныя печатныя изданія Духовнаго Регламента.

(Приложеніе къ § 2 главы VI, стр. 206—214)

№ изданія по порядку	№ изданія согласно указанію выходного листа	Годъ изданія	Число и мѣсяцъ изданія	Гдѣ напечатано	Какимъ шрифтомъ	С[illegible]	[illegible] изданія [illegible]	Размѣръ изданія	По листамъ или страницамъ счетъ	Число листовъ или страницъ: Не нумерованныхъ	Число листовъ или страницъ: Нумерованныхъ	Составъ изданія съ указаніемъ листовъ и страницъ: Выходной листъ	Манифестъ 25 Января 1721 г.	Присяга Членовъ Духовной Коллегіи	Самый Духовный Регламентъ	Подписи подъ Духовнымъ Регламентомъ	О дѣйствахъ Д. Коллегіи	Пункты	Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго	Реестръ съ указаніемъ аналитическій, или алфавитный	Разсужденіе о бракахъ православныхъ лицъ съ иновѣрными	Копія съ докладныхъ Св. Синоду пунктовъ	Должность Оберъ-прокурора которому быть въ Св. Духовномъ Синодѣ	Краткое оглавленіе	Въ какихъ между прочимъ библіотекахъ имѣется экземпляръ Духовнаго Регламента даннаго изданія
1	1	1721	16 Сентября	Въ С.-Петербургской типографіи	Гражд.	Съ тетради	[illegible] библіотеки Синод. [illegible] № 361.	4° б. ф.	Стр.	6	48	1—2 ненум. текстъ по рукописи	3—4 ненум.	4—6 ненум.	1—44	44—47	47	48	1 ненум.+1—17 стр. съ рукописи М. Син. Тип. № 361.						Въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петроградѣ.
2	1	1721	16 Сентября	Въ С.-Петербургской типографіи	Гражд.	Съ	[illegible] рукописи	4° б. ф.	Стр.	6	48	1—2 ненум. текстъ тотъ же	3—4 ненум.	4—6 ненум.	1—44	44—47	47	48	Нѣтъ						Въ Библіотекѣ Моск. Син. Типографіи № 915. — Импер. Публ. Библ. — Въ Казанской Духовной Семинаріи VII, [illegible] — Въ Библіотекѣ Архива Св. Синода.
3	2	1722	22 Февраля	Въ Моск. Синод. типографіи	Ц.-сл.	Съ	[illegible] 16 Сент. 1721 г.	8° м. ф.	Лист.	7	92	1 ненум.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.		Общій аналитическій реестръ на всю книгу включая и Прибавленіе печатается впервые, л.л. 1—13 особой нумераціи					Въ Библіотекѣ И. Академіи Наукъ № 38. 3. 72. — Въ Библ. М. Син. Тип. № 865 (корректура). — Библ. Моск. Архива Министерства Юстиціи.
		1722	14 Іюня	Въ Моск. Синод. типографіи	Ц.-сл.		[illegible] дакціи	8° м. ф.	Лист.										Л.л. 1—47. Печатано впервые съ разрѣшенія Петра						
4	3	1723	18 Января	Въ С.-Петербургѣ въ Александроневской типографіи	Ц.-сл.	Съ [illegible] 472	[illegible] 16 Сент. изд. 23-го 1722.	8° м. ф.	Лист.	7	92	1 ненум.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	1—47 особ. нум.	аналитич. 1—13 ос. нум.					Петроградской Духовной Академіи № 898 [illegible] Акад. Наукъ 38. 7. 30.
5	4	[illegible]723	Мѣсяца Іюля	Московск. Синод. типогр.	Ц.-сл.	С[illegible] от	2-го изд. [illegible]	8° м. ф.	Лист.	7	92	1 ненум.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	1—47 особ. нум.	аналитич. [illegible] 13 ос. нум.					Петроградскаго Университета О. I, 497. Акад. Наукъ 38. 3. 74.
6	5	1749 (7257)	Індикта 12 мѣсяца Іюня	Въ Москвѣ	Ц.-сл.		изд. 22 г.	8° м. ф.	Лист.	7	92	1 ненум. текстъ измѣненъ. церк. образца	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	1—47 особ. нум.	аналитич. л. 1—13 ос. нум.					Варш. Унив. № 6, 13. [illegible] 7. — Каз. Дух. Сем. VII, 5. — Фунд. Б. Каз. Унив. № 29138 (дефектъ).
7	6	1761 (7269)	Індикта 9 мѣсяца Февруарія	Въ Моск. Синод. типографіи	Ц.-сл.			8° м. ф.	Лист.	7	92	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	1—47 особ. нум.	аналитич. л. 1—13 ос. нум.					Б. Моск. Син. Тип. № 680.
8	7	1765 (7273)	Індикта 13 мѣсяца Іюня	Въ Москвѣ	Ц.-сл.		[illegible]	8° м. ф.	Лист.	7	92	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	1—47 особ. нум.	аналитич. л. 1—13 ос. нум.					Петроградскаго Университета С. I 498.
9	8	1776 (7284)	Індикта 9 мѣсяца Іюня	Въ Москвѣ	Ц.-сл.		[illegible] изд. 1722	8° м. ф.	Лист.	7	139 общей нумераціи	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	93—139	аналитич. л. [illegible] 13 ос. нум.					См. титулъ экз. Импер. Публ. Библ. № 18. 168. 1. 82, и Библ. Гл. и Ген. Штаба № 63. 6. 10. Экземпляръ есть въ Библіотекѣ Румянцевскаго Музея. Старопеч. 670.
10	9	1778 (7286)	Індикта [illegible] мѣсяца Октоврія	Въ Москвѣ	Ц.-сл.		[illegible] 1722	8° м. ф.	Лист.		139 общей нумераціи	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	93—139	аналитич. л. [illegible] 13 ос. нум.					[illegible] Наукъ № 38 3 2[illegible] Моск. Син. Тип. № [illegible] Библ. имени Прот. М. [illegible] Соколова въ Петроградѣ № [illegible]
11		1776	25 Іюня	Въ С.-Петербургѣ при Сенатѣ	Гражд.		[illegible] 1776 г.	4°	Стр.	—	112 общ. нум.	1 текстъ подобенъ изданію 1749 г.	3—4	4—5	5—64	65—68	68—69	69—76	[illegible]—102	аналитич. 103—112					Имп. Публ. Библ. № 18 [illegible] 1 32 Библ. Главнаго и Ген. Штаба № 63. 6. 10.
12	10	1794 (7303)	Індикта 13 мѣсяца Декемврія	Въ Москвѣ	Ц.-сл.			8° м. ф.	Лист.	7	153 общ. нум.	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	2—4 ненум.	4 об.—7 ненум.	1—85	85 об.—89 об.	90—90 об.	90 об.—92 об.	93—139 об.	алфавитный (впервые) 140—153	1—17 особ. нум. (3-е изд. впервые	17 об.—44 об. впервые	45—49 об. впервые		Акад. Наукъ № 38. 17 1.— В. Моск. Син. Тип. № 5849 корректура. Библ. проф. [illegible] Покровскаго въ Казани.
13	11	1802 (7311)	Індикта 6 мѣс. Декемврія	Въ Москвѣ	Ц.-сл.			8° м. ф.	Стр.	2	255 общ. нум.	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	1—4	5—8	9—113	113—119	119—120	120—123	124—179	алфавитный 180—200	201—233 (4-е изд.)	223—255			Петрогр. Унив. С. I. 679. Библ. Гл. и Ген. Штаба 200. 1. 16.
14	1 Гражданск. первымъ тисненіемъ	1804		Въ Моск. Синод. типографіи	Гражд.			8° м. ф.	Стр.	2	289 общ. нум.	1—2 ненум. текстъ новаго гражд. образца	1—3	4—7	9—104	104—110	110—111	111—112	113—163	алфавитный 164—182	183—202	203—282	283—289		Имп. Публ. Библ. № 18. 115. 4. 17. Петрогр. Унив. С. II, 741.—Каз. Дух. Акад. 64. 3 48 — Библ. М. И. Лопаткина въ Казани.
15	2	1818 (7326)	Індикта 6 мѣс. Февруарія	Въ С.-Петерб. Синод. типографіи	Ц.-сл.	Съ	1802 г.	8° м. ф.	Стр.	2	255 общ. нум.	1—2 ненум. текстъ подобенъ изд. 1749 г.	1—4	5—8	9—113	113—119	119—120	120—123	124—179	алфавитный 180—200	201—222	223—255			Акад. Наукъ № 38. 14 23.—В. Моск. Син. Тип. № 15410. Петрогр. Дух. Ак. № 372 Прилож. тамъ же. № 2634 Ник. Библ. М. И. Лопаткина и прот. В. И. Бѣликова въ Казани.
16	12	1818 (7326)	Індикта 6 мѣс. Апрѣлія	Въ Москвѣ	Ц.-сл.	Съ	1802 г.	8° м. ф.	Стр.	2	255 общ. нум.	1—2 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	1—4	5—8	9—113	113—119	119—120	120—123	124—179	алфавитный 180—200	201—223	224—255			Петрогр. Дух. Ак. № 1104 Д. к. ц. печ.—Биб. Ал.-Нев. лавры „Ч" № 3?—Библ. Варш. Дух. Конс.— Студ. биб. Каз. Унив. V—65, 357.—См. титулъ экз. Имп. Пуб. Биб. № 18. 84. 6. 41 (Кіев. изд. 1823).
17		1820		Въ С.-Петербургѣ при Св. Синодѣ	Гражд.			8° м. ф.	Стр.	2	289 общ. нум.	1—2 ненум. текстъ подобенъ изданію 1804 г.	1—3	4—7	9—103	103—109	109—110	110—112	113—163	164—182 алфавитный	183—202	203—282	283—289		Петр. Унив. С. II. 5809. — Петрогр. Д. Ак. 31696 Троицк. — Каз. Д. Ак. 94. 5. 2. — Юр. Каб. Каз. Унив. 8789 I. VIII/24. Б. Моск. Син. Тип. № 5834 (корректура). Библ. имени прот. М. [illegible] Соколова 724. Петрогр. Д. Сем. 3660.
18		1823 (7331)	Індикта 12 мѣс. Декемврія	Въ Кіево-Печерской типографіи	Гражд.	Съ изд. [illegible] изд. 6 [illegible] т. е. съ [illegible]	1818 (7326) [illegible] Апрѣлія Московскаго	8° м. ф.	Стр.	4	299	1—4 ненум. текстъ подобенъ изданію 1749 г.	1—4	5—9	11—142	142—150	151	152—155	156—227	алфавитный въ концѣ книги безъ нумераціи, 24 стр.	229—255	257—299			Имп. Пуб. Б. 18, 84. 6. 41. — Биб. А. Н. Лавры „Ч" № 3? Студ. Б. Каз. Унив. 5452. Петр. Дух. Семинаріи 7108.
19		1830		Въ С.-Петербургѣ	Гражд.			4°	Стр.	—			314	314—315	315—316 П. С. З. VI, 3718			П. С. З. VI, 3734	П. С. З. VI 4022		П. С. З. VI, 3814	П. С. З. VI, 3761, 3854; 3963	П. С. З. VI 4036		Въ Полн. Собр. Законовъ, т. VI. 3718.
20	1	1856		Въ Моск. Синод. типографіи	Гражд.			4° м. ф.	Стр.	1—2	198	1—2 ненум. текстъ подобенъ изданію 1804 г.	1—3	4—6	7—87	87—91	92	93—94	95—138	алфавитный 139—152	153—170	171—192	193—198		Петр. Унив. С. II. 10871.—В. Моск. Син. Тип. № 5835 и 2825.
21	2	1861		Синод. типогр. Москва	Гражд.	Съ М[illegible]	[illegible] 1856.	4° м. ф.	Стр.	2	198	1 ненум. текстъ подобенъ изданію 1804 г.	1—3	4—6	7—87	87—91	92	93—94	95—138	алфавитный 139—152	153—170	171—192	193—198		Петр. Дух. Ак. № 841 Епарх. (годъ изданія [illegible]) Петр. Дух. Сем. 3650.
22		1869		Въ С.-Петербургѣ	Гражд.			4°	Стр.	—			1—2	2—3	3—29	29—31									Въ 1-мъ изд. Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. Прав. Исповѣданія. С. П. Б. 1869 т. I № 1.
23		1879		Въ С.-Петербургѣ	Гражд.	[illegible] хран. Св. Синод. [illegible] изд. 1	[illegible] подл. рукоп. [illegible] съ перв. [illegible] 16 Сент. 1721 г.	4°	Стр.	—		Стр. 3. прим.	1—2	2—3	3—31	31—32		33 П. С. П. I, 3	П. С. П. II 596		П. С. П. I, 171	П. С. П. I, 312, II, 532	П. С. П. II, 680		Во 2-мъ изд. Полн. Собр. Пост. и Расп. по Вѣд. [illegible] рав. Исп. С. П. Б. 1879 т. [illegible] № 1.
24	3	1883		Въ Моск. Синод. типографіи	Гражд.	Съ Мо[illegible]	[illegible] 1856 г.	8° м. ф.	Стр.	2	195	1 нен. текстъ подобенъ изд. 1804 г. Одинъ титулъ	1—3	4—6	7—83	83—87	88	88—90	[illegible] 131	алфавитный 132—148	149—165	166—189	190—195		Петр. Унив. С. I. 831. — Каз. Дух. Сем. № 2525. — В. Моск. Син. Тип. № 5037. Библ. им. прот. М. И. Соколова № 614.
25	4	1897		Въ Моск. Синод. типографіи	Гражд.	Съ М[illegible]	[illegible] 1856 г.	8° м. ф.	Стр.	4	196	1—4 ненум. два титула. Текстъ под. изд. 1804 г.	3—5	5—8	9—85	85—89	90	90—92	93—133	алфавитный 133—150	151—166	167—190	191—196	1—2 впервые	Библ. М. Син. Тип. № 8427— Юрид. библ. Каз. Унив. 878 L. VI/21—Въ моей библіотекѣ.
26	5	1904		Въ Моск. Синод. типографіи	Гражд.	Съ М[illegible]	[illegible] 1856 г.	8° м. ф.	Стр.	—	198 начиная съ [illegible] выхъ листа	1 3	3—6	6—10	11—87	87—91	92	92—94	95—135	алфавитный 136—152	153—163	169—192	193—198	2 ненум.	Находится въ продажѣ.

